

Питирим и Елена Сорокины. 1921 г., Тамбов
(рядом с Еленой – предположительно ее сводный брат, второй справа – ее отец)

Питирим Сорокин
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Редакционная коллегия:

А.К. Конюхов, П.П. Кротов, В.П. Марков, В.В. Сапов

ЦЕНТР «НАСЛЕДИЕ» ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

PITIRIM A. SOROKIN FOUNDATION

Питирим Сорокин

СОЧИНЕНИЯ

1919–1923

*Издано при поддержке
Правительства Республики Коми*

Сорокин П. А.

Сочинения: 1919–1923 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент.
В.В. Сапова.

(Питирим Сорокин. Собрание сочинений)

В настоящий том Собрания сочинений П.А. Сорокина (1889–1968) вошли статьи, рецензии, докладные записки, написанные им в период пребывания в Советской России (до высылки за границу), а также сочинения, созданные им после высылки в Чехословакию в 1922–1923 гг., в том числе и знаменитая книга «Современное состояние России», вызвавшая бурную полемику в кругах русской эмиграции.

Многие произведения, вошедшие в этот том, не переиздавались со времени их первой публикации.

Издание адресовано тем, кто интересуется как социологией, социально-философской мыслью России начала XX в., так и интересуется жизнью и творчеством Питирима Сорокина.

ПИТИРИМ СОРОКИН НА РАСПУТЬЕ ТРЕХ ДОРОГ

3 декабря 1918 г. Питири́м Сорокин под конвоем был доставлен в Москву и помещен в одну из камер ВЧК, которая в то время располагалась по адресу Большая Лубянка, дом 11 (бывшее здание страхового общества «Якорь»), где он пробыл – между прочим, в обществе проф. А.И. Каминки, доставленного сюда из Петрограда, – до семи часов вечера. Около семи вечера его препроводили в канцелярию, вручили необходимые документы и объявили: «Вы свободны и можете идти куда угодно»¹. Сразу же после освобождения Сорокин отправился к дому, где жил один его «старинный приятель», но оказалось, что тот здесь уже не живет. Та же история повторилась на квартире другого его друга. Лишь третий (по-видимому, Н.Д. Кондратьев, который совсем недавно перебрался в Москву) оказался на месте, но Сорокин так изменился за время своих мытарств, что тот его не сразу узнал.

На следующий день друзья снова отправились на Большую Лубянку, в дом 15/17, в котором по символическому соседству с ВЧК располагалась контора Центрального товарищества льноводов (далее – ЦТЛ). Одним из руководителей этого товарищества был В.А. Чайнов, а Н.Д. Кондратьев хотя и не был в то время членом товарищества, но работал в Московском народном банке, всегда оказывавшем ЦТЛ щедрую финансовую помощь и поддержку. Как раз в ноябре-декабре 1918 г. между кооператорами (и, в частности, представителями кооперативно-кредитного банка), с одной стороны, и председателем Совнаркома В.И. Лениным, с другой, шли сложные переговоры, от которых зависела дальнейшая судьба и ЦТЛ, и Московского кредитного банка². Советское правительство не скрывало своей заинтересованности в налаживании сотрудничества с кооператорами и товариществом льноводов. Кооператорам тоже казалось

¹ *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 170.

² Банк все-таки был ликвидирован, но, так сказать, на льготных условиях: его правление было преобразовано в кооперативный отдел Центрального управления Народного банка РСФСР, а его вклады были занесены на текущие счета всех его акционеров в Народный банк РСФСР, что существенно отличалось от ликвидации частных банков, капитал которых безвозмездно переходил государству.

(по крайней мере, на первых порах), что они вполне могут наладить сотрудничество с советской властью, поскольку их деятельность не противоречит принципам социализма. Не случайно Ленин в конце статьи «Ценные признания Питирима Сорокина», сыгравшей столь важную роль в судьбе нашего героя, отметил: «У меня были на днях представители съезда уполномоченных кредитных кооператоров. Они показали мне резолюцию их съезда, направленную *против слияния* кредитно-кооперативного банка с народным банком республики. Я сказал им, что стою за соглашение с средним крестьянином и глубоко ценю даже начало поворота от враждебности к нейтральности по отношению к большевикам со стороны кооператоров, но почва для соглашения дается лишь их согласием на полное слияние особого банка с единым банком республики. Представители съезда тогда заменили свою резолюцию другой, провели через съезд другую резолюцию, в которой вычеркнули все, что говорилось против слияния, но... *но* выдвинули план *особого* “кредитного союза” кооператоров, ничем на деле не отличающегося от особого банка! Это было смешно. Перекрашиванием слов можно, разумеется, накормить или обмануть только дурака. Но “неудача” одной из таких... “попыток” нисколько не колебнет нашей политики; с кооператорами, с средним крестьянством мы осуществляли и будем осуществлять политику соглашения, отсекая всякие попытки изменить *линию* Советской власти и советского социалистического строительства»³.

Всем этим и объясняется, почему Сорокин на следующий день после освобождения оказался в конторе ЦТЛ и почему написал В.И. Ленину письмо следующего содержания:

«4 декабря 1918 г.

Глубокоуважаемый Владимир Ильич!

Не имея возможности лично видеть Вас и лично выразить Вам свою признательность и благодарность – делаю это письменно, в надежде, что мое письмо дойдет до Вас. Своим вмешательством Вы дали мне свободу и спасли меня от расстрела, угрожавшего мне, – не потому, что я заслужил его, а потому, что расстрелы ни за что или за пустяк, увы! стали нормой в провинции социалистической России. (Простите за напоминание этой горькой истины!)

Ваша статья очень обрадовала меня, как симптом нового отношения власти к демократическим слоям России. Думается, Вы правильно поставили диагноз “перелома” и указываете вполне правильный рецепт для объединения этих элементов с коммунистами и тем самым для объединения сил в целях спасения России и революции от международной и внутренней реакции. Не все, конечно, из этих групп сдвинулись со своей старой позиции, враждебной власти, но что многие заняли позицию нейтралитета или прямого сочувствия – это несомненно. Остается пожелать, чтобы этот процесс пере-

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 37, с. 196–197.

группировки сил пошел скорее и принял бы более определенные формы. При надлежащих условиях позиция “нейтралитета” очень быстро перешла бы в позицию прямого сочувствия.

Еще раз искренно благодарю Вас за свое освобождение. С “политикой” я покончил, и потому, как “политик”, я лишен возможности содействовать организации новой России. Но в вне-политической деятельности отныне я готов все свои силы отдать делу воплощения в жизнь великих начал социализма. Вы не ошиблись и правильно поняли и мое письмо, и мою эволюцию от “враждебности к советской власти – к нейтралитету”. За это время позиция нейтралитета сменилась если не прямым сочувствием коммунизму, то, по крайней мере, вполне “благожелательным нейтралитетом”.

Простите за то, что я попросту обратился к Вам с письмом.

Искренно и глубоко уважающий Вас П. Сорокин.

Москва. Центральное товарищество льноводов. Б. Лубянка⁴.

Через три дня к Сорокину приехала его жена, а через несколько дней он выехал в Петроград (жена по каким-то причинам осталась в Москве). Несколько дней ушло у него на бытовое обустройство (поиски жилья, получение карточек – на что он «угробил» целую неделю, устройство на работу).

В самом конце декабря он получил несколько документов, удостоверяющих его личность и ведомственную принадлежность:

1) Удостоверение (на бланке Комиссариата Народного Просвещения):

Настоящим удостоверяю, что товарищ Питирим Сорокин приглашен к сотрудничеству комиссариатом Народного просвещения и по делам, связанным с принятыми им на себя обязанностями, должен выехать в город Тамбов на некоторое время и возвратиться к месту службы в Петроград. *Товарища Сорокина сопровождает супруга*⁵.

Нар. ком. по просв. А. Луначарский

Секретарь А. Аронова

1918 24 декабря, № 1940/1

2) Удостоверение (на бланке ректора Петроградского университета):

Сим удостоверяется, что предъявитель сего Питирим Александрович Сорокин состоит на службе в ведомстве комиссариата народного просвещения и занимает должность преподавателя в Первом Петроградском университете.

Ректор Университета А. Иванов

Заведующий делами Совета <нрзб.>

25 декабря 1918, № 3623⁶

⁴ <https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/> Оригинал письма хранится в РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1394. Л. 87–88.

⁵ В оригинале фраза, выделенная курсивом, вписана от руки.

⁶ ГАРФ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

В тот же день, 25 декабря, Пителим Сорокин получил еще два удостоверения:

1) 25 декабря 1918 года.

Удостоверение

Пителим Сорокин. Сотрудник Комиссариата Народного Просвещения командирован в Тамбов.

Тов. Нар. Ком. по прос. З. Гринберг

Секретарь А. Аронова⁷

2) 25 декабря 1918 года.

Удостоверение

I-ый Петроградский Университет

Преподаватель Пителим Сорокин уволен в отпуск в город Тамбов с 26 декабря сего года по 20 января 1919 года.

Ректор⁸

В автобиографической книге «Листки из русского дневника», написанной и изданной в 1924 г. в Америке, Сорокин посвятил своим «первым шагам в коммунистическом раю» отдельную, хотя и небольшую главу⁹. В этой главе, конечно, опущена масса мелких подробностей (что вполне понятно и извинительно: вряд ли найдется человек, который спустя пять лет помнил бы все события своей жизни день за днем – для жизни забвение так же необходимо, как и память), но вместе с тем полностью замолчана и вся история с «письмом-отречением» (спасшим Сорокину жизнь) и с благодарственным письмом к Ленину (обеспечившим ему возможность продолжить научную карьеру). Сказано только следующее: «Почти сразу после моего освобождения из тюрьмы Луначарский и Кристи – комиссары народного образования и просвещения – предложили мне пост комиссара высших учебных заведений Петрограда. Они думали, что ленинский план, как сделать меня и других союзниками коммунистов, т. е. превратить в пешек в своей игре, очень умно разработан. Но, если мои коллеги и я были не в силах помешать им физически и морально разрушить страну, нам хватало ума не поддерживать их и не принимать участия в их убийственной деятельности»¹⁰. Что, впрочем, не помешало ему получить от Наркомпроса – как сотруднику! – командировочное удостоверение в Тамбов.

Дело, однако, не в этих мелких неточностях и крупных умолчаниях. По сути дела, отсюда – от «переписки» (если можно ее так назвать) П. Сорокина и В.И. Ленина – берет свое начало долгая и запутанная история взаимоотно-

⁷ ГАРФ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.

⁸ ГАРФ. Ф. 602. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁹ *Сорокин П.А.* Листки из русского дневника. Социология революции, с. 173–176.

¹⁰ Там же, с. 183.

шений советского правительства и советской интеллигенции. Она началась со взаимного обмана, взаимным же обманом и закончилась. Иногда это был явный обман, иногда он был обусловлен самообманом, но существо дела от этого не менялось: власть рассчитывала на то, что интеллигенция в конце концов переродится, «прозреет», вдохновится идеями коммунизма и начнет искренне служить своему народу, т. е. «родной» советской власти. Интеллигенция же, согласившись служить народу, изначально понимала или со временем приходила к пониманию того, что служение народу есть явная или тайная борьба с властью. Так что в своих лучших побуждениях обе стороны были искренни. Беда в том, что эти искренние побуждения им приходилось друг от друга скрывать. Кончилось же все именно так, как предсказывал Сорокин в 1922 г. в своих работах о «современном состоянии России». Но проследим, как развивались события в течение тех трех с половиной лет, когда Сорокин оставался в Советской России.

Когда Ленин писал: «Если Питирим Сорокин сложил с себя звание члена Учредительного собрания, это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам, продающим Россию англо-американскому капиталу, стремящимся удушить революцию чужеземными штыками. Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его, есть одна из насущных задач текущего момента»¹¹, – когда он это писал, он был вполне искренен. Конечно, начальная фраза этого утверждения вызывает множество вопросов. Под угрозой расстрела сложишь с себя и не такое звание. Но сам Питирим Сорокин обставил дело таким образом, чтобы его отречение выглядело добровольным и вполне обдуманым решением. Письмо было написано еще до его ареста, написав его, он добровольно сдался властям, и, хотя он, сидя в камере ЧК, в течение месяца ожидал расстрела, приговор ему вынесен не был, так что и освобождение его (после публикации статьи Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина») выглядело не как помилование, а как акт великодушия, продиктованный верой в искренность его «отречения».

Другой вопрос, был ли искренен сам Питирим Сорокин? Очевидно, что на этот вопрос нет и не может быть однозначного ответа. Поэтому, отвечая на него, надо исходить вовсе не из «психологии», т. е. тех побудительных мотивов, которыми руководствовался Сорокин, а из его тогдашнего мировоззрения. Поставим вопрос так: в конце 1918 г., в тот момент, когда Сорокин писал свое «отречение», был ли он еще социалистом или уже не был? Наш ответ: был. В качестве доказательства можно сослаться на его «Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства», написанный и изданный в 1919 г. Можно

¹¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 37, с. 193.

привести массу цитат из этого учебника, из которых очевидно будет, что его автор не просто симпатизирует идеям социализма, но и вполне их разделяет, но мы ограничимся лишь одной, которая, на наш взгляд, не только доказывает наш тезис, но и обнаруживает связь раннего творчества Сорокина с его работами позднего – самого позднего – и уже «американского» периода. Описывая «закон трех стадий» хозяйственной мотивации, Сорокин следующим образом характеризует «третью стадию»: «...Третий период, начинающий осуществляться в наши дни, характеризуется еще более благородной по качеству мотивацией: в этом периоде призывом социально полезного поведения служат уже не кнут и не игра на эгоистических семейных интересах, а чисто альтруистические импульсы – *готовность бескорыстно трудиться на общую пользу*. Наиболее радикальной системой хозяйственного строя, построенного на такой системе мотивации, является *строй социалистический*»¹². Верность идее альтруизма Сорокин сохранит до конца жизни, а строй социалистический заменит на строй интегральный – вот и вся разница между Сорокиным ранним и Сорокиным поздним (нет необходимости объяснять, что разница – с точки зрения его научного роста – колоссальна).

Таким образом, «поворот» «от враждебности большевизму сначала к нейтральности» был сделан Сорокиным – с этой точки зрения – вполне искренне. И его обещание не заниматься «политикой», а всецело посвятить себя науке (любимой им науке социологии) тоже было искренним. Конечно, он надеялся на то, что в таком «нейтральном» статусе он сможет просуществовать достаточно долго, чтобы реализовать свои научные амбиции, а тем временем власть большевиков либо падет, либо под натиском реальной жизни переродится, и в конце концов наступит «третья стадия» революции, и «нормальное» течение истории восстановится. Ни ему и никому из его современников не дано было знать, что сфера политики распространится столь широко, что поглотит все, в том числе и науку (хотя, признаем и это, Ленин о том предупреждал). Теперь рассмотрим вкратце, как развивались события.

1919-й г. Сорокин восстановлен в прежней своей должности в университете, бытовые проблемы тоже решены (в той мере, в какой они могли быть решены в то время), и он с головой погружается в работу. Хотя представленных в этом томе работ не так много, не забудем, что в этом же году он написал и опубликовал еще и две книги – «Общедоступный учебник социологии» и уже упоминавшийся «Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства». В этом же году Сорокин начинает работу над «Системой социологии». Вероятно, по заказу Наркомпроса он написал две докладные записки, а все остальные его публикации – это рецензии на книги, изданные в России в 1917–1919 гг. (в основном русских авторов). Несколько особняком от них стоит рецензия на «Трактат

¹² Сорокин П.А. Популярная очерки теории права, социологии и социальной педагогики. Сыктывкар, 2018, с. 182.

по общей социологии» В. Парето. Напомним, что именно за чтением этого трактата застал Сорокина телефонный звонок, из которого он узнал о начавшейся революции¹³. Публикация этой рецензии словно бы символизировала тот факт, что теперь, после пережитой Сорокиным революционной одиссеи, он вернулся к занятиям, прерванным два года назад.

В этом же году Сорокин был избран вице-президентом Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского, на собраниях которого он сделал по крайней мере два доклада: 10 апреля – о «Трактате» В. Парето, 15 мая – «О социальном взаимодействии и социальной группировке...»¹⁴.

В «политику» он, действительно, больше не вмешивался. Может создаться впечатление (ложное, разумеется), что он ею даже не интересуется. А между тем в стране полыхает гражданская война. В мае 1919 г. на Петроград наступают войска генерала Юденича, войска Деникина берут Харьков, Царицын, Курск и начинают наступление на Москву, «союзники» устанавливают экономическую блокаду, на юге страны ширится движение «зеленых». Но обо всем этом в текстах Питирима Сорокина, написанных в 1919 г., – ни слова. То же самое и в «Листках из русского дневника», в результате чего создается впечатление, что Сорокин гражданской войны как будто и не заметил. Он ее и не заметил, и заметить ее мешала ему его же собственная схема трехэтапного развития революции, списанная с истории Великой французской революции. Но русская революция пошла совсем не так, и вообще она не вписывалась ни в какие схемы. Лишь спустя двадцать лет Сорокин придет к правильному осмыслению русской революции, вписав ее вместе с Первой мировой войной в контекст общего кризиса чувственной культуры.

1920-й г. Год начался с чествования памяти А.И. Герцена (по случаю 50-летия со дня его смерти). Годовщина отмечалась по всей стране, ведь Герцен, по словам В.И. Ленина, «поднял знамя революции»¹⁵. Сорокин выступил с докладом о Герцене 18 января на открытом заседании Вольной философской ассоциации (Вольфила), опубликованным затем в однодневной газете «Колокол», посвященной Герцену. Пафос Сорокина вполне антибольшевистский, что совершенно очевидно из таких его слов: «“Свободный человек” был подавлен у нас тяжелой колымагой государства. Его у нас не было. Его нет и сейчас. Сейчас, как и раньше, огромный грузовик государства всей тяжестью давит на “свободного человека”. На сцене – “освободители”, но нет “свободных людей”»¹⁶.

Вообще, здесь намечается очень интересный сюжет: использование любимых большевиками героев в идеологической борьбе против самих большевиков.

¹³ Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции, с. 55.

¹⁴ Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 238.

¹⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 21, с. 261 (Памяти Герцена).

¹⁶ Наст. изд., с. 60.

Правда, по мере усиления идеологического давления со стороны власти эти герои все чаще переключались из идеологической литературы в литературу художественную (один из ярких тому примеров, правда, гораздо более позднего времени – роман Ю. Трифонова «Нетерпение», изданный огромным тиражом в серии «Пламенные революционеры»). Но это уже отдельная большая тема.

31 января 1920 г. на заседании факультета общественных наук Петроградского университета Питирим Сорокин был избран профессором без защиты диссертации. 4 февраля новоиспеченному профессору исполнился 31 год.

6 и 7 февраля Сорокин выступает с докладом о П.Л. Лаврове на заседаниях, посвященных 20-летию со дня его смерти (сначала – в Вольфиле, затем – в Доме литераторов). Статья «П.Л. Лавров как социолог», напечатанная в том же году в сборнике «Вперед!», до сих пор остается одной из лучших написанных на эту тему.

Свидетельством лояльности Сорокина к советской власти может служить написанное им 6 апреля 1920 г. заявление с просьбой принять его в научное общество марксистов (далее – НОМ). Общество было основано в декабре 1919 г. на рабфаке Петроградского университета (просуществовало оно до 1928 г.). «Основной задачей общества, – указывалось в §1 Положения о НОМ, – является разработка идей марксизма и распространение марксистского мировоззрения». Члены общества подразделялись на действительных членов (ученых-марксистов) и членов-сотрудников, которыми являлись «лица, хотя и не самоопределившиеся как марксисты, но близко подошедшие к марксизму в области теоретической или практической деятельности и участие коих в работах может быть полезным»¹⁷. Возглавлял Общество сначала Е.А. Энгель, а с 1922 г. – М.В. Серебряков. Позднее в статье «Состояние русской социологии за 1918–1922 гг.» Сорокин довольно низко оценил и само это Общество, и его членов¹⁸. Впрочем, как утверждает Ю.В. Дойков, в Общество его не приняли...¹⁹

Весной или в самом конце зимы произошло самое важное событие в жизни Сорокина-ученого: вышел в свет первый том его «Системы социологии» (второй выйдет летом следующего года)²⁰; а весной они с женой нашли работу в Сельскохозяйственной академии и переехали в Царское Село, где им «дали две небольшие комнаты и клочок земли под огород»²¹. Условия жизни в 1919–1920 гг., когда Сорокин писал свой главный труд российского периода (каковым с полным правом можно считать «Систему социологии»), ярко описаны им самим в «Листках из русского дневника» и в воспоминаниях его жены, поэтому

¹⁷ Записки Научного Общества Марксистов. 1922, № 1, с. 79.

¹⁸ См. наст. изд., с. 411.

¹⁹ Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1, с. 253.

²⁰ См.: Батюто С.А. Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос»: 1918–1927 годы: опыт исторической реконструкции деятельности. СПб., 2018, с. 121.

²¹ Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции, с. 189, 191–192.

здесь мы их опускаем²². Следует только отметить, что если бы от Питирима Сорокина остались только эти два тома, то и они обеспечили бы ему прочное место в истории русской социологии.

В сентябре 1920 г. произошло еще одно важное событие и в жизни П. Сорокина, и в культурной жизни страны: в Петроград приехал знаменитый писатель-фантаст, социалист-фабианец Герберт Уэллс. Среди приглашенных на встречу с писателем был и Сорокин, а сама встреча происходила 30 сентября во Дворце труда (бывший Николаевский дворец, ныне в нем находится Совет Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области)²³. Об этой встрече и выступлениях на ней сохранилось множество воспоминаний ее участников²⁴. Мы приведем обширную выдержку из воспоминаний А.В. Амфитеатрова, поскольку в «Листках из русского дневника» Сорокин упоминает в качестве своего единомышленника именно его и поскольку версия Амфитеатрова ближе всего к тому, что рассказывает сам Сорокин.

«Полынный элемент внес молодой ученый, когда-то ученик, друг и секретарь покойного М.М. Ковалевского. В очень сдержанном тоне, спокойно, без фраз и декламации он указал почтенному собранию, что любить и хвалить знаменитого гостя – дело не худое, но не затем же Уэллс приехал к нам, чтобы слушать наши комплименты, и не затем же мы собрались сегодня, чтобы состязаться в оных. Нам представляется редкий случай раскрыть перед европейским свидетелем отрицательные стороны нашей ужасной жизни, обменяться в его присутствии мыслями и мнениями об ее улучшении. Неужели мы пренебрежем такой исключительной возможностью? Я не ручаюсь за точность выражений, но смысл речи был таков, и, повторяю, она была парламентски умеренна и, будучи полна внутренней горечи, не заключала в себе решительно ничего вызывающего, “лезущего на рожон”.

Тем нелепее и некрасивее вышло ее ближайшее непосредственное последствие.

Едва молодой ученый окончил свою речь, при громких аплодисментах собрания, наконец пробужденного от спячки настоящим словом, как Горький с недовольным кислым лицом отдал во всеуслышанье команду:

– Господа, имеется запись еще нескольких ораторов. Так я их прошу – обойтись в своих речах без ламентаций. Для нашего гостя они будут неинтересны, да и вообще ламентации – это бесполезно и смешно.

<...> – Почему?! – громким невольным вопросом бросил я ему через стол.

Он не ответил, но ко мне подбежал Чуковский и, наклонившись сзади, быстро заговорил:

²² Там же, с. 179–193; *Сорокин П.А.* Голод как фактор. Сыктывкар, 2014, с. 401–407.

²³ А не 20-го, как пишет Ю. Дойков (*Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1, с. 258).

²⁴ Подробное описание встречи см. в книге: *Чертанов М.* Герберт Уэллс. М., 2010, с. 322–330.

– Потому что могут закрыть Дом искусств...

Я возразил:

– Если существует такая опасность, то не следовало в Доме искусств устраивать политического банкета. А раз устроен политический банкет, то уже поздно считаться с такою опасностью. Уэллс произнес чисто политическую речь. Почему же лишаются того же права отвечающие ему ораторы?

Редко в жизни моей я был более взволнован, расстроен, возмущен. Кажется, никакое личное оскорбление не потрясло бы меня с такою обидною, мучительною силою, как эта выходка Горького. Во мне все дрожало. Словно вдруг любимую женщину увидел в блюде и позоре. И я почувствовал всем существом своим, что теперь, после этого генеральского окрика на общество, на товарищей по перу, по свободному (!) слову, я не могу молчать, я не имею права молчать и что теперь должен говорить уже не для Уэллса, а для присутствующих русских. И то письмо, которое я думал передать Уэллсу как личную информацию, – вместо того, я вынул его из кармана и прочел громко... <...>

– Уэллс, соединяющий в себе социолога и художника, прекрасно сделал, что приехал в Россию: он один из немногих европейских писателей, способных разобраться в хаосе наших пореволюционных бедствий. Но, чтобы разбираться, надо видеть. А увидит ли он? Я желаю ему избежать общей участи “знатных иностранцев”, которые, приезжая в Россию, как при старом режиме попадали, так и при новом попадают обязательно в руки правительственной партии или ее агентов и одеваются ею в розовые очки. Желаю, но плохо надеюсь на это. Наша жизнь сейчас ужасна не только по нужде – она отвратительно переполнена страхом и ложью. Все, что вам, г. Уэллс, показывают и выдают за положительные явления нашего нового быта, все это либо самообман, либо сознательная ложь. Ложь – и этот банкет, которым мы вас чествуем. Вы видите нас в прекрасно освещенном, богато убранном зале, сидящими за хорошо сервированным столом, вкушающими недурной обед, довольно прилично одетыми. Но если бы вам пришла экстравагантная идея попросить нас снять с себя верхнее платье, едва ли хоть один из нас был бы в состоянии исполнить ваше желание, потому что на нас, под приличную внешнюю оболочку, скрываются вместо белья дырявые немые лохмотья. (NB. Почему-то именно это место моей речи, повторенное Уэллсом в одной из своих статей, усиленно перепечатывалось затем заграничною прессою.) И когда вам говорят тут высокие слова о ваших творениях, об искусстве, о творчестве и пр., поверьте – это условное красноречие языка. А головы, в это самое время, заняты мучительным соображением, что вот я-то сейчас ем, а есть ли у меня хоть какой-нибудь шанс промыслить на завтра роковую обязательную тысячу рублей, чтобы накормить хлебом голодную плачущую семью. Какая уж там литература, искусство, наука, когда за полтора года вымерло от голода, холода и непосильного труда 150 человек – литераторов, поэтов, ученых! Когда я собственными глазами

видел на рынке, как старая, почтенная, заслуженная писательница стащила с прилавка кусок сала, – и она видела, что я вижу, и все-таки украла, потому что дома ждали ее полуживые от голода внуки. Такая же ложь и самообман вся мнимо трудовая помощь, которую якобы спасается от гибели наша интеллигенция. По существу, это лишь замаскированные богадельни, куда новый строй, с презрительной снисходительностью, сталкивает класс, ему ненужный, в той части его, которую он почитает безопасной. О какой культуре можно говорить, когда кругом все поглощается рецидивом варварства, дичает, превращается в пустыни, вымирает? Чуковский показывал вам деточек, которые в восторге от вашего “Острова доктора Моро”, где зверей передельвали в людей, – я допускаю, что можно собрать несколько десятков таких умных деточек. Но я берусь показать вам десятки тысяч деточек, которых самих надо было бы отправить для переделки на остров доктора Моро, потому что на них уже образ звериный, а не человеческий...

И так далее. Меня, что называется, прорвало и помчало.

Я кончил среди мертвого молчания и несколько секунд считал себя безнадежно провалившимся. Аплодисменты раздались, лишь когда публика опомнилась от ошеломления моей дерзостью... Стали ко мне подходить с поздравлениями, рукопожатиями и – с предостережениями...

Горький сидел с сердитым лицом и белый, как скатерть»²⁵.

1921-й г. прежде всего ознаменовался большой бедой, обрушившейся на Советскую Россию: в 35 губерниях начался голод, от которого в общей сложности погибло более 5 миллионов человек. Сорокин совершает поездки в Тамбовскую, Самарскую, Саратовскую губернии для научного изучения массового голода, причем в Тамбовской губернии он побывал по крайней мере дважды – зимой и летом, став свидетелем восстания тамбовских крестьян против советской власти («антоновщины»). А в марте произошло Кронштадское восстание, после подавления которого большевики вынуждены были ввести НЭП («новую экономическую политику»).

Произошли и важные события в научной (теперь уже – научно-идеологической) жизни страны. Еще в 1920 г. была создана Комиссия для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Республики, которую возглавил Ф.А. Ротштейн. Итогом деятельности этой комиссии стала подготовка декретов СНК РСФСР, определивших основные направления реорганизации преподавания общественных наук: «Об учреждении институтов красной профессуры» (11 февраля 1921 г.), «О плане организаций ФОН российских университетов» (4 марта 1921 г.), «Об установлении общего научного минимума» (4 марта 1921 г.). На основании этих декретов кафедра социологии Петроград-

²⁵ Амфитеатров А. Горестные заметы. Очерки Красного Петрограда. Берлин, 1922, с. 68–72.

ского государственного университета была закрыта, социология как наука «буржуазная» изгонялась из учебных планов, а ученые, считавшие себя социологами, должны были либо остаться без работы, либо продолжать научную деятельность по «первой специальности». Осенью 1921 г. Сорокин остался фактически без работы: за ним сохранилось только место в Институте мозга и Научно-исследовательском историческом институте при Петроградском университете, созданном, по-видимому, специально для ученых, лишенных права преподавания; впрочем, и его закрыли в 1923 г.

Шло наступление и на независимые пока издательства (частные и кооперативные), в которых и публиковался Сорокин. В начале года бывший эсер и бывший его однокурсник, директор кооперативного издательства «Колос» Ф.И. Витязев-Седенко обратился к видным деятелям науки с вопросом, как они относятся к национализации частных издательств и отдаче всего издательского дела в государственное издательство²⁶. Сохранились три анкеты с ответами, которые дали академик И.П. Павлов, Э.С. Радлов и Питирим Сорокин. Сорокин дал наиболее полные и развернутые ответы, может быть, еще и потому, что лично для него это был вопрос жизни и смерти. Павлов и Радлов были все-таки уже состоявшимися учеными, вопрос о публикациях не стоял перед ними с такой остротой, как перед Сорокиным, который все годы своего пребывания в Советской России печатался исключительно в частных и кооперативных издательствах и журналах. Наличием последних в значительной степени и объясняется тот необычайный взлет русской мысли в первые послереволюционные годы (причем во всех областях науки и культуры), который, вообще-то, говоря строго, рациональному объяснению не поддается. Так, например, Б.П. Вышеславцев считал даже, что именно в эти годы закладывался «фундамент русской национальной философии»²⁷.

Но, как известно, «слово звучит лишь в отзывчивой среде»²⁸. Все эти философские, социологические и экономические сочинения не только писались и печатались, но и жадно читались. И это в стране, еще наполовину охваченной гражданской войной, разоренной, разрушенной, полуодетой, голодной! Будучи в Праге, П.А. Сорокин писал: «Книга в России сейчас стоит дорого, от 2–3 млн

²⁶ О Ф.И. Витязеве-Седенко и возглавляемом им издательстве «Колос» см.: *Батюто С.А.* П. Витязев и его книга «Частные издательства в Советской России» (1921): К истории издательского дела в России в 1917–1921 годах // Петербургская библиотечная школа. 2017, № 3, с. 28–41; *Батюто С.А.* Неизвестные автографы И.П. Павлова, Э.Л. Радлова, П.А. Сорокина // Русская литература. 1990, № 3, с. 165–167. Особого внимания заслуживает недавно вышедшая книга: *Батюто С.А.* Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос»: 1918–1927 годы: опыт исторической реконструкции деятельности. СПб., 2018.

²⁷ *Вышеславцев Б.П.* Рецензия на журналы «Мысль», «Начала», «Свиток» // Феникс. М., 1922, кн. 1, с. 179.

²⁸ Афоризм П.Я. Чаадаева.

до 10–15 млн рублей том. Россия голодна: нет хлеба. И, однако, книги расходятся, если они действительно дельные книги. Обнищание компенсируется возросшей жаждой знания. Человек голодает физически, чтобы хоть сколько-нибудь утолить духовный голод, дать ответ себе на “проклятые вопросы”, поставленные жизнью. Расходятся не только брошюры, но и толстые тома, не только по техническим, но и по социальным вопросам. Достаточно указать для примера, что толстый журнал “Экономист” (закрытый властью), книжка которого стоила ряд миллионов рублей, выпускавшийся в количестве 4 000 экземпляров, расходился начисто в течение одной-двух недель. Другие издания расходились не так быстро, но все же расходились. Издательства хоть и с трудом, но ведут свое дело и существуют. Не расходятся только “коммунистические” издания, набившие всем оскомину и надоевшие до смерти. Их приходится рассылать за казенный счет или в принудительном порядке. Если и среди них исключения, то единичные»²⁹.

Таким образом, наличие независимых от государства издательств и печатных органов, еще кое-как обеспечивавших возможности развития в тогдашней России свободной мысли, вселяло в Сорокина надежду, что не все еще потеряно, пока есть в России независимая печать и пока есть свободная мысль, все еще можно поправить и изменить и направить страну в русло правильного, нормального и свободного развития. *Если* есть и *пока* есть. Пока – в начале 1921 г. – еще были. И будут еще оставаться примерно до 1930 г., когда наступит окончательное удушье свободы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сорокин, как социолог, все эти последствия (и для страны в целом, и для него лично), конечно, предвидел, этим и объясняется его столь подробный и страстный ответ на анкету Ф.И. Витязева-Седенко.

Впрочем, публикаций в 1921 г. у него было немного – всего четыре в трех разных журналах. И объясняется это не уменьшением возможностей публикации, а прежде всего тем, что Сорокин в тот год всецело был поглощен написанием будущей большой книги «Голод как фактор», которая при жизни автора так и не вышла в свет³⁰. Словно предчувствуя печальную судьбу этой книги, Сорокин поспешил опубликовать одну из основных ее глав – «Голод и убеждения (идеология) человека», и именно эту главу в первую очередь исключит из текста готовой книги советская цензура, прежде чем обречет ее на уничтожение.

С резкой критикой обрушился П.А. Сорокин и на сборник «Смена веков», появившийся в этом году. Правда, вопреки его позднейшим заверениям, в его рецензии нет слов «паразиты паразитов», каковыми он заклеил идеологов сменовековства³¹ (возможно, это результат редакционно-цензурного вмешательства).

²⁹ Наст. изд., с. 489.

³⁰ Подробнее о судьбе этой книги см.: Сапов В.В., Сычева В.С. Судьба книги – судьба автора // Сорокин П.А. Голод как фактор, с. 7–12.

³¹ См. наст. изд., с. 103–108, 457.

Но зато в статье «“Смена веx” как социальный симптом» появляется чрезвычайно важное для Сорокина понятие: англо-саксонская позиция. Если сменовеховцы призывали идти «в Каноссу», то Сорокин выступал за свободное научное и художественное творчество, независимое от проводимой государством и правительством политики. Конечно, в 1921 г. возможностей для такого творчества было очень мало, а вскоре их и совсем не станет, но на четвертом году советской власти они еще были.

И, наконец, чрезвычайно важная для идейной эволюции Сорокина статья – «Заветы Достоевского». Как известно, 1921-й г. – юбилейный год Достоевского (100-летие со дня рождения). В Советской России это событие отмечалось довольно широко. Новая власть чтит Достоевского прежде всего как автора «Мертвого дома», ее противники – как автора «Бесов», но в общем почитании Достоевского как «пророка русской революции» они пока что сошлись (правда, ненадолго). Не осталась в стороне от чествования памяти великого русского писателя и Вольфила. 13 октября 1921 г. на открытом заседании ВФА П.А. Сорокин сделал доклад на тему «Достоевский как социолог». Статью с аналогичным названием до сих пор найти, к сожалению, не удалось (хотя она присутствует почти в каждой библиографии Сорокина), не сохранился текст доклада и в архивах Вольфила. Зато сохранились стенограмма прений по поводу доклада и ответы Сорокина оппонентам. Из этой стенограммы, а также из воспоминаний А. Штейнберга (прочитавшего 16 и 23 октября большой доклад «Достоевский как философ»³²) видно, что некоторые слушатели поняли Сорокина таким образом, как будто он сделал доклад не о Достоевском, а о Толстом³³, или что он в духе Д.С. Мережковского противопоставляет друг другу двух русских классиков. На последнее замечание Сорокин решительно возражал: «Т<олстой> и Д<остоевский> – не полюсы»³⁴. Живой штрих к картине добавляет А. Штейнберг: «Приближалась осень 1921-го года – столетие со дня рождения Федора Михайловича Достоевского. <...> Мы решили, ни больше ни меньше, в течение целого месяца ежедневно проводить не только дневные открытые заседания, начинавшиеся обычно часа в три и затягивавшиеся до поздних сумерек, но и вечерние. Было прочитано, не берусь точно сказать, больше двадцати докладов. <...> Доклад на тему “Толстой и Достоевский” читал Питирим Александрович Сорокин, правый эсер, известный тем, что Ленин спас его жизнь. Его собирались расстрелять, но об этом узнал Ленин и написал статью в “Правде” о том, как надо ценить и хранить таких людей, как Сорокин. Впоследствии Питирим Сорокин стал выдающимся социологом. Питирим Александрович, размахивая

³² Этот доклад впоследствии лег в основу книги А.З. Штейнберга «Система свободы Достоевского» (Берлин, 1923).

³³ Белоус В. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. Кн. первая: Предыстория. Заседания. М., 2005, с. 632.

³⁴ Там же, с. 635.

в воздухе указкой, как будто бы сам Толстой бил ею Достоевского, выпустил Льва Толстого, чтобы он проглотил Достоевского с кожей и костями. Один из участников обсуждения его доклада сказал ему: “Если вы хотите противопоставить Достоевского – хищного зверя – Толстому, доброму и смиренному схимнику, то не забудьте, что Толстой не Ягненок Толстой, а Лев Толстой”. Указка опустилась, и Сорокин заметил, что слишком разъярился»³⁵.

Хотя доклад Сорокина и не сохранился, представление о понимании им Достоевского дает его статья «Заветы Достоевского». Одна идея, высказанная им в начале этой статьи, позволяет нам связать раннее творчество социолога с самым поздним его периодом (периодом работы в Гарвардском центре по изучению созидательного альтруизма). Сорокин в самом начале статьи солидаризируется с идеей Достоевского о том, что есть только один путь, «ведущий к улучшению жизни, к царству правды, к подлинному равенству, братству и свободе», – это «путь религиозно-нравственной деятельной любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной»³⁶.

Осенью 1921 г. планировалась поездка Сорокина на Международный социологический конгресс в Турин, но эта поездка, разумеется, не состоялась и не могла состояться.

1922-й г. – переломный год в жизни Сорокина и в истории всей русской интеллигенции. «Год высылки»... Несмотря на то, что в конце сентября Сорокин уже был выслан из Советской России, именно этот год оказался для него рекордным с точки зрения количества журнальных публикаций. Большую часть из них по объему занимают статьи, представляющий собой отдельные главы готовившейся к публикации монографии «Голод как фактор». Плюс двенадцать рецензий (три из них – на книги американских социологов Хейса и Росса, сыгравших впоследствии важную роль в судьбе Сорокина).

21 февраля Петроградский университет отмечал свою 103-ю годовщину, на торжественном собрании, устроенном по этому поводу, П. Сорокин выступил с речью, опубликованной под названием «Отправляясь в дорогу». Формально речь обращена к студентам, ко всему молодому поколению, перед которым стоит задача восстановления родной страны, пережившей (так тогда казалось, что пережившей) страшный социальный катаклизм, в результате которого она оказалась в руинах. Им, молодым, Сорокин посоветовал посвятить свою жизнь таким ценностям, как наука, труд, религия, а в качестве спутников жизни взять «таких лиц, как Нил Сорский, Сергей Радонежский,.. Толстой и Достоевский»³⁷. Речь не осталась незамеченной ни в советских, ни в эмигрантских кругах. Сей-

³⁵ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991, с. 64.

³⁶ Наст. изд., с. 117.

³⁷ Наст. изд., с. 293.

час мы вполне можем прочесть эту речь Сорокина как обращенную к самому себе: пройдет чуть больше полугода, и именно он отправится в дорогу со всем тем багажом ценностей и идеалов, которые он рекомендовал взять на вооружение молодежи (впрочем, и сам Сорокин по нынешним меркам был еще совсем молодым человеком – 33 года).

В сущности, его речь – это развернутая программа той «англо-саксонской позиции», о которой он писал еще в прошлом году и которой он теперь посвятил специальную статью. С язвительной критикой ее выступил старый «твердокаменный» веховец А.С. Изгоев. Но критика его носила скорее личный характер. Он обратил внимание на то, что столь любившаяся Сорокину «позиция» есть не что иное, как повторение того призыва, с которым авторы «Вех» обратились к русской интеллигенции еще в 1909 г. Но тогда русская революционная интеллигенция в буквальном смысле слова заплевала и сам сборник, и его авторов. Особенно усердствовали бывшие однопартийцы Сорокина – эсеры, издавшие в 1910 г. сборник с красноречивым названием «“Вехи” как дымящиеся головешки». Статья А.С. Изгоева и по сей день, на наш взгляд, не утратила своего актуального значения. В значительной степени и сегодня справедливо звучат его слова: «В России были только “правительство” и “анти-правительство”, но вовсе не было создаваемого и формулируемого интеллигенцией общественного мнения». Заканчивает же он свою статью словами, под которыми подписался бы, наверное, и его оппонент: «При старом режиме основной порок нашей интеллигенции заключался в том, что высшим критерием всех своих оценок она брала отношение к власти. Хорошо то, что вредит власти и подкапывает ее, дурно то, что помогает ей и укрепляет ее. Вот это-то принижение своей духовной личности, замена безусловных, абсолютных, религиозных критериев критериями временными, преходящими и привело интеллигенцию к разгрому, банкротству и духовному бессилию. Возродиться, почерпнуть новые духовные силы интеллигенция сможет только из источников духовных. Не от того или иного отношения к власти, а от силы духа интеллигенции зависит будущая ее роль в русской жизни»³⁸.

Но самый главный оппонент Сорокина – В.И. Ленин, – двумя годами ранее фактически спасший ему жизнь, выступил в марте 1922 г., опубликовав свою знаменитую статью «О значении воинствующего материализма», в заключительных строках которой была уже предсказана дальнейшая судьба Сорокина, этого «современного “образованного” крепостника». «Вероятно, – писал Ленин, – не малая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста. Рабочий класс в России сумел за-

³⁸ Наст. изд., с. 626.

воевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной “демократии”. Там подобным крепостникам самое настоящее место»³⁹.

Современному читателю, особенно родившемуся уже после падения советской власти, вся эта ситуация может показаться довольно странной. В сущности, спор идет о статистике браков и разводов в Советской России. Два «ученых» (назовем их так) не сошлись в оценке одного и того же социального явления. Один считает, что произошел чудовищный всплеск разводов, другой в этом всплеске не видит ничего страшного и даже ничего из ряда вон выходящего. Ну и что? Такие споры происходят, происходили и будут происходить всегда, везде и по самым разным поводам. Нужно ли – и допустимо ли – при этом называть своего оппонента разными нехорошими словами? К тому же во всем остальном содержании сорокинской статьи «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию» нет ничего открыто и явно антисоветского, можно сказать, что она в этом отношении совершенно *невинна*. Откуда же такой шквал негативных эмоций у оппонента? Вопрос, возможно, прояснится, если мы вспомним историю, которая произошла почти сорок лет спустя: встречу Н.С. Хрущева в марте 1963 г. с советской творческой интеллигенцией, когда на невинное (с нынешней точки зрения) заявление поэта А. Вознесенского о том, что он не член коммунистической партии, Хрущев ответил гневными словами: «Господин Вознесенский, вон из нашей страны, вон!»⁴⁰ Психологический механизм «самозавода» одинаково сработал и у Ленина, и у Хрущева, это какая-то изначальная запрограммированность на борьбу, вражду, скандал, которую человеку нормальному, запрограммированному как-то иначе (или никак не запрограммированному), понять вообще очень сложно, а может быть, и невозможно. Оба говорят с позиции власти, оба – от имени «рабочего класса». Правда, Ильич – человек интеллигентный – предлагает людей неугодных «*вежливенько* препроводить» из страны, а Никита – грубо, по-мужицки – кричит: «Вон из нашей страны!» Разница между *поэтом* Вознесенским и *социологом* П. Сорокиным заключалась, пожалуй, лишь в том, что первый понимал возможную высылку из страны как крушение всей своей жизни и конец творчества, а Сорокин – наоборот – как серьезную победу и возможность продолжить научную карьеру (отметим, кстати, что на момент, когда на них обрушился «высочайший гнев», они были примерно одного возраста, того возраста, когда многое уже достигнуто, но самое главное – впереди). Дилемма, стоявшая перед Сорокиным, была, правда, трагичнее и страшнее – высылка или расстрел, ведь после ленинской статьи 1922 г. он, действительно оказался врагом советской власти номер один.

³⁹ Наст. изд., с. 642.

⁴⁰ *Виравов И.* Андрей Вознесенский. М., 2015 (ЖЗЛ), с. 215.

Поэтому, стоя «на распутье трех дорог» (а распутье это такое: оставаться в России или эмигрировать, а если эмигрировать, то куда – в Европу или за океан), Сорокин не колебался в выборе: конечно, эмиграция (она же – жизнь, а не смерть), и на первое время – в Европу, а там будет видно.

Но оставалось решить еще одну проблему – с научным статусом. И эту проблему Сорокин решил блестяще. В марте 1922 г. Ученый совет университета заслушал на своем заседании отзывы Н.Н. Кареева, И.И. Лапшина и К.М. Тихтарева на «Систему социологии» П.А. Сорокина и постановил допустить его к публичной защите названного труда. Защита (формально – «диспут», поскольку в 1918 г. все научные звания и защиты были отменены и будут восстановлены только в середине 1930-х гг.) состоялась 22 апреля 1922 г. в Совете Исторического института Петроградского университета; по результатам диспута Сорокин был единогласно признан достойным звания «профессора социологии».

Не будем здесь подробно останавливаться на обстоятельствах высылки Питирима Сорокина из Советской России: они подробно описаны им самим⁴¹ и неоднократно повторялись в литературе о нем. Тем досаднее ошибка, которая до сих пор время от времени встречается у некоторых авторов, пишущих о Сорокине: будто бы он был выслан из Советской России на «философском пароходе» в одной группе с Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком и др. На самом деле Сорокин (вместе с женой) отбыл из Москвы на поезде Москва–Рига 23 сентября 1922 г., а первый «философский пароход» отплыл из Петрограда 29 сентября. Своеобразным прощальным посланием России стала его статья «Верую, Господи, помоги моему неверию!»...

28 сентября Сорокин был уже в Берлине, где 3 октября сделал свой первый доклад «О современном состоянии России» (на его основе вскоре будет написана книга под тем же названием).

4 октября по приглашению президента Чехословацкой Республики Т.Г. Масарика (с которым Сорокин познакомился еще в революционном Петрограде) Сорокин приехал в Прагу, где пробыл целый год. Здесь он читал лекции в Русском университете, сотрудничал с эмигрантскими издательствами, редактировал журнал «Крестьянская Россия»; заочно принял участие в процессе Конради как свидетель и, конечно, написал и опубликовал множество статей и брошюр⁴². Кроме помещенных в настоящем томе статей следует назвать два автобиографических рассказа («На лоне природы», «Как мы жили»⁴³) и сокращенное –

⁴¹ Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции, с. 227–234.

⁴² Этот период жизни Сорокина подробно освещен в брошюре Ю. Дойкова (*Дойков Ю. Питирим Сорокин в Праге (1922–1923)*. Архангельск, 2009), поэтому здесь мы ограничиваемся сухим перечнем важнейших событий.

⁴³ См.: Сорокин П.А. Прачечная человеческих душ. Сыктывкар, 2017, с. 89–106.

до 120 страниц – издание первого тома «Системы социологии» (Прага: Хутор, 1923)⁴⁴.

Впрочем, как всегда, неосуществившихся замыслов у Сорокина было гораздо больше, чем свершений. В журнале «Новая русская книга», издававшемся в Берлине, в постоянной рубрике «Судьбы и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 гг.» можно прочитать следующее:

«Питирим Ал-дров. *Сорокин*, проф. социолог, выслан сов. правительством из пределов России. Находится в настоящее время в Праге. За последние годы в России им были напечатаны след. сочинения: “Система социологии”, 2 тома, “Популярный учебник социологии”, “Элементарный учебник общей теории права”. Изд-во “Колос” в Петербурге печатает его обширное био-социологическое исследование “Голод как фактор”. Имеет ряд неизданных работ: “Революция”, социологическое исследование революции (12–14 печ. листов), “Коммунистическое общество, его примеры в истории, его сущность, причины и следствия” (критика коммунизма) (ок. 15 печ. листов), “Третий том системы социологии”, посвященный учению о социальных силах (ок. 30 печ. листов), “Класс пролетариат в ряду других социальных классов” (антропология, психология и социология пролетариата) (ок. 20 печ. листов), “Война как социальный факт” (ок. 5 печ. листов), “Оправдание мещанства и обывательщины” (ок. 6 печ. листов), “Социологические этюды”, сборник статей (ок. 15 печ. листов)»⁴⁵.

К сожалению, из перечисленных в заметке «неизданных работ» П.А. Сорокина издана будет лишь одна – «Социология революции», причем издана будет уже на английском языке. Судьба остальных – неизвестна.

1923-й г. отмечен яростной полемикой, развернувшейся вокруг книги Сорокина «Современное состояние России». Особенно негодовала по ее поводу Е.Д. Кускова (высланная, как и Сорокин, из Советской России в 1922 г.). Она

⁴⁴ Надо признать, что сокращение пошло книге на пользу. Любой читатель Сорокина согласится, наверное, с тем, что он бывает невыносимо многословен. Правда, этот его недостаток оборачивается и достоинством. Дело в том, что Сорокин никогда не был и не хотел быть «социологом для социологов». Все его труды, даже сугубо теоретические, обращены не только к профессиональным социологам, но и к так называемому широкому кругу читателей. Этим во многом и объясняется секрет его популярности. В XX в. Питирим Сорокин, безусловно, был самым переводимым и самым читаемым социологом. Как сложится его судьба в XXI в. – увидим. Однако и сейчас уже можно смело утверждать, что и в России, и в Соединенных Штатах у него есть своя – и довольно многочисленная – читательская аудитория. Надеемся, что у нас она не только сохранится, но и увеличится – вопреки прогнозам наших отечественных «парсонянцев».

⁴⁵ Новая русская книга. 1922, № 9 (сентябрь), с. 38. В этом же номере журнала, почти сразу после заметки о Сорокине (на с. 39–45), в рубрике «Писатели – о себе» опубликована краткая автобиография В.В. Маяковского, впоследствии получившая название «Я сам» («Я – поэт. Этим и интересен...»).

припомнила Сорокину все: и его «отречение», и его попытки сотрудничества с советской властью (почти все эмигрантские круги подозревали и обвиняли друг друга в «большевизанстве») и самое главное – подвергла сомнению собранные и обнародованные им статистические данные. Poleмика с Кусковой оказалась длительной⁴⁶ и нудной и, в общем-то, бесплодной. Сейчас, читая материалы этой затянувшейся полемики, отчетливо видишь, что большевизм – это отнюдь не только (и даже не столько) одно из направлений политической мысли России, а настоящая национальная болезнь русского духа (такая же, как национал-социализм – болезнь духа немецкого), угрожающая ему постоянными рецидивами и повторяющимися массовыми вспышками. В двух словах эту болезнь (хотя она, конечно, заслуживает самого тщательного исследования, а не краткой характеристики) можно описать так: анти-Зосима. Если у Достоевского старец Зосима поучает: «Пред иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: “Взять ли силой али смиренною любовью?” Всегда решай: “Возьму смиренною любовью”. Решишься так раз навсегда, и весь мир покорить можешь», то большевик (и исторический, и, так сказать, метафизический) на тот же вопрос всегда отвечает: «Возьму силой», даже в тех случаях, когда применение силы не только не обязательно, но и наносит вред самому большевизму. Исповедующий силу охвачен страхом перед возможной еще большей силой и поэтому сеет вокруг себя страх. Он не идет на компромисс, он бескомпромиссен (любимое слово в лексиконе большевиков и всех вообще русских революционеров).

Так вот, очутившись в эмигрантской среде, Питирим Сорокин очень скоро имел возможность убедиться, что почти вся она заражена духом большевизма (в вышеописанном смысле) и спорить, скажем, с Е.Д. Кусковой – то же самое, что спорить с В.И. Лениным. Можно проспорить всю жизнь и ни до чего не dospориться. Наукой заниматься в таких условиях, конечно, трудно, если вообще возможно. Поэтому, получив возможность поехать (сначала в командировку) в США, Сорокин (снова оказавшийся на перепутье: оставаться ли в Европе или уехать в Америку), не колеблясь, этой возможностью воспользовался⁴⁷.

Но прежде чем покинем Европу, отметим еще одно сорокинское пророчество о России (если угодно, сценарий ее будущего развития), сбывшееся спу-

⁴⁶ В последний раз Сорокин отвечал на обвинения Кусковой в 1928 г., когда уже жил в Америке. См.: *Кускова Е.Д.* Бывший и настоящий Питирим Сорокин // *Дни* (Париж). 1928, 5 марта, № 1359, с. 2; *Сорокин П.* Ложные утверждения Е.Д. Кусковой. Письмо в редакцию // *Возрождение* (Париж). 1928, 6 марта (Письмо Сорокина полностью приведено в книге: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 2 (1922–1968). Архангельск, 2009, с. 215–221).

⁴⁷ Сорокин получил приглашение от проф. Э. Росса, книгу которого рецензировал, еще будучи в России. Весной 1922 г. Сорокин уже получил аналогичное приглашение от проф. Э. Хейса. Так что обе написанные им еще в России рецензии не остались незамеченными и пригодились.

стя много десятилетий. В статье «Россия после НЭПа» он писал: «Введя нэп, господа коммунисты продолжали упираться и стали бормотать о “передышке”. “Нэп” – “капитализм” – это передышка, она нужна для восстановления хозяйства. “Когда оно будет восстановлено – мы снова перейдем к коммунизму”, – так говорили они. Поистине архистранная логика и политика! На обычном языке она гласит: “для восстановления хозяйства нужен капитализм, и мы его вводим. Когда хозяйство возродится – мы введением коммунизма снова разрушим его. По достижении полного развала для восстановления снова введем капитализм как передышку. По восстановлении снова заменим его коммунизмом, т. е. разрушением; потом опять будет капитализм, за ним – опять коммунизм” и т. д. Почему такой ход истории благодетелен и почему коммунизм как разрушительная система выше капитализма и должен быть непременно введен, как только хозяйство наладится, – простому смертному не понять»⁴⁸.

Именно данный вариант развития, который П.А. Сорокин не без основания называет «сказкой про белого бычка», реализовался в истории, хотя «сказка» эта продолжалась более 70 лет и окончания ее он не увидел. Но свершилось то, что он и предсказывал: большевики в конце концов сами приступили к строительству капитализма (ими же объявленному теперь «светлым будущим всего человечества»), не забыв при этом наплевать в свое собственное прошлое. Что ж, тут уместно привести любимую поговорку Никиты Хрущева: «Черного кобеля не отмоешь добела». Только не надо обольщаться на сей счет: это, мол, все они, не мы... Они – это и есть мы.

Октябрьским днем 1923 г. в Триесте Питирим Сорокин взошел на борт пассажирского парохода «Марта Вашингтон» и простился с Европой. Тогда он еще не знал, что навсегда...

* * *

Книга американского исследователя Барри Джонстона «Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography» (University Press of Kansas, 1995), до сих пор остающаяся единственной научной биографией ученого, начинается с рассказа о том, как молодой человек – это, конечно, Питирим Сорокин, – стоя на борту парохода «Марта Вашингтон», пристально вглядывается в рдеющую дымку, покрывающую воды Адриатики. Он вспоминает все свое прошлое: не очень счастливое, полуголодное сиротское детство, раннюю учебу, Петербургский университет, революцию, аресты, угрозу расстрела, высылку из родной страны... Весь рассказ, построенный как ретроспективный взгляд в прошлое, занимает 22 страницы, а вся остальная книга, посвященная жизни и научному творчеству Сорокина в Америке, превышает эту первую главу более чем в десять раз. В результа-

⁴⁸ Наст. изд., с. 534.

те у читателя складывается впечатление, что весь российский период жизни П. Сорокина – это всего лишь незначительный (хотя и яркий) эпизод, которым по большому счету можно и пренебречь.

Мы знаем, что это не так. Без того мощного и глубокого фундамента научного знания, который Сорокин создал в России под руководством выдающихся представителей российской науки, без того социального опыта (поистине бесценного), который он приобрел в годы русской революции, будучи одновременно и ее участником, и ее наблюдателем, – без всего этого Pitirm A. Sorokin, американский социолог, не мог бы состояться. Именно в России зародились все те идеи и замыслы, которые найдут свое блестящее воплощение в американский период его творчества. Конечно, все лавры (хотя будут и тернии) и мировую славу получит американский социолог, но сам он о своих корнях никогда не забывал. Вслед за Исааком Ньютоном он мог бы сказать о себе: «Я видел дальше всех, потому что стоял на плечах гигантов».

Этим томом хронологически заканчивается российский период творчества Питирима Сорокина. Итог внушительен: девять объемистых томов и огромное количество замыслов. Если бы, на нашу и на его беду, жизнь его на этом бы и закончилась, он все равно вошел бы в историю российской социологии как выдающийся ее представитель. По счастью, этого не произошло, бóльшая часть жизни и научной работы еще впереди. И поэтому сейчас мы вместе с ним пересечем Атлантический океан и ступим на побережье Нового Света.

Будет трудно, но – интересно.

В. В. Сапов

1919

КУРСЫ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Вводная (общая) часть докладной записки, представленной в Социобиблиологический институт

Введение социологии в число обязательных предметов преподавания не только в программу высшей школы, но и в программу школ II-й ступени^{1*} – реформа, по своему заданию, чрезвычайно ценная и заслуживающая полного одобрения. Другое дело – насколько эта реформа могла практически осуществиться в течение минувшего (1918–1919) года. На этот счет имеется ряд оснований и фактов, заставляющих усомниться в успешности реализации этого задания. Целый ряд условий, частью связанных с характером самой социологии, частью представляющих следствие официального игнорирования и преследования этой науки в прошлом, до революции 1917 г., служат серьезными препятствиями, грозящими свести «на нет» все положительные результаты этой реформы.

Первые из этих условий сводятся к следующему. Несмотря на быстрое развитие социологии за последние десятилетия, несмотря на громадные успехи, сделанные ею за это время, несмотря на то, что она оказала и оказывает огромное влияние на все общественные дисциплины, стоящие за последнее время под знаком «социологизирования», – несмотря на все это, социология продолжает быть в состоянии «становления». Если другие, более развитые дисциплины, – я разумею науки физико-химические и биологические, – имеют уже определенный шаблон построения, то того же нельзя сказать о социологии. В силу целого ряда причин она не успела еще застыть в определенные, общепринятые шаблонные формы; разно понимаются ее предмет и задачи, разно очерчиваются и контуры всего социологического здания.

Это подтверждается простым сравнением ряда курсов и руководств по общей социологии. Дальнейшим подтверждением сказанному служит недавний анкетный материал, собранный и разработанный Американским социологическим обществом. Этот материал, плюс тот обмен мнений, который он вызвал со стороны наиболее видных американских социологов, показывает, что даже в Америке, где кафедра социологии была открыта ранее, чем в других странах, где давно уже социология преподается не только в высших, но и в средних школах, и там до сих пор не установились общепринятые шаблоны построения

и преподавания этой дисциплины¹. Больше того, этот материал выяснил, что в ряде колледжей и школ преподавание социологии не стоит на высоте: под именем социологии в них преподаются дисциплины, существенно отличные от первой (история культуры, антропология, политическая экономия, демографическая статистика и т. д.)².

Так обстоит дело в Америке, где, как сказано, социология ранее других стран и в более широких размерах давно уже составляет предмет преподавания в высших и средних школах.

Легко понять, что эти недостатки гораздо резче должны были сказаться у нас, где социология до сих пор не являлась предметом преподавания не только в средних, но и в высших школах (исключением были только Психоневрологический институт, курсы П.Ф. Лесгафта и одно полугодие (1916 г.) Народный университет имени Л.И. Лутугина^{2*}).

Введение ее в качестве обязательного предмета застало будущих преподавателей социологии совершенно не подготовленными к преподаванию. При своем обучении в высших школах они не слушали социологии, ибо она не преподавалась. Если были единицы, сами интересовавшиеся этой дисциплиной и добровольно изучавшие ее, то для громадного большинства теперешних преподавателей она была и остается *terra incognita*^{3*}. Наскоро изучить ее, быстро овладеть и ознакомиться с этой дисциплиной нельзя. Это печальное положение усугубляется отсутствием подходящих учебников на русском языке, бедностью русской социологической литературы и общим «книжным кризисом», лишающим возможности приобрести даже немногие имевшиеся на русском книжном рынке социологические курсы и пособия. Не могла и не может улучшить общее положение дела и примерная программа по социологии, изданная Комиссариатом Народного Просвещения^{4*}; она кратка, недостаточно систематична и для возможности руководства ею требует уже солидной социологической подготовки. Неизбежным результатом таких условий является практическая неосуществимость прекрасной по заданию реформы или такие дефекты в постановке преподавания социологии, которые сводят «на нет» все положительные результаты введения социологии в курс высших и средних школ. И, действительно, первые же попытки ознакомиться с постановкой преподавания социологии, сделанные некоторыми членами *Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского*^{5*} (в том числе и пишущего эти строки), подтвердили правильность этих предположений. Так, в одной из школ II-й ступени преподаватель социологии на вопрос «Что он преподает под социологией?» заявил

¹ В 1915 г. американская социология праздновала свой пятидесятилетний юбилей.

² См.: *The American journal of Sociology*. 1911, May и 1912, March, где даны результаты анкеты и программы американских социологов. Часть этих программ опубликована Социологическим институтом в брошюре «Программы по социологии». СПб., 1919.

чистосердечно, что пытался было преподавать социологию, но из этого ничего не вышло. Не подготовлен. Теперь под именем социологии, заявил он, излагает «основы социологии» Гумпловича. Другой вместо социологии излагает «историю культуры» по Липперту. В ряде школ социология просто не введена и т. д. Если бы произвести тщательное исследование постановки социологии в других школах II-й ступени, то едва ли можно сомневаться в том, что в большинстве их мы увидим ту же печальную картину.

Такое положение дел не может быть признано нормальным и удовлетворительным всеми, кто дорожит судьбами социологии и просвещением народа. Оно сводит «на нет» все положительные результаты этой весьма ценной реформы. Оно делает ее существующей только на бумаге. Необходимы особые меры, которые помогли бы осуществить эту реформу, помогли бы воплотить ее в жизнь. *При данных условиях единственным средством, способным улучшить постановку преподавания социологии, является устройство летних социологических курсов для преподавателей социологии.* Только таким путем возможно хоть сколько-нибудь ознакомить преподавателей социологии с последней и подготовить их к удовлетворительному выполнению своей ответственной задачи – преподавания социологии. Помимо этой задачи такие курсы косвенно поспособствуют и достижению других целей. Повышая уровень социологических знаний у преподавателей, они тем самым поведут к повышению его у молодого поколения. Это, в свою очередь, поведет к прогрессу и оживлению русской социологической жизни. Одновременно такие курсы непосредственно выдвинут ряд важных вопросов, связанных с методикой преподавания этой дисциплины, заставят и преподавателей, и лекторов более внимательно обдумать и разработать преподавание социологии с чисто педагогической стороны, проделать то, что проделали американские социологи после десятков лет преподавания социологии. Они же дадут возможность более тщательно ознакомиться с положением преподавания социологии в России. Наконец, на эти курсы, совместно с Социологическим обществом имени М.М. Ковалевского и Социологическим институтом, могла бы быть возложена задача составления примерной программы преподавания социологии, рекомендация учебников и пособий, а в дальнейшем – и составление самих учебников и пособий.

Таковы вкратце основные мотивы, вызывающие необходимость таких курсов, и основные задачи последних.

Записка, представленная автором этой статьи в Комиссариат Просвещения, привела к организации этим последним летних курсов по социологии для преподавателей.

Кроме того, курсы лекций по социологии были организованы и Социологическим институтом и читались осенью 1919 г.

ПРОГРАММА ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Теоретическая социология, изучающая социальное явление с точки зрения сущего (и *должного*), естественно распадается на три основных отдела: 1) *на социальную аналитику* (или социальную анатомию и морфологию), изучающую строение населения; 2) *на социальную механику*, изучающую социальные силы и социальные процессы; 3) *на социальную генетику*, или теорию эволюции общественной жизни и отдельных ее сторон, исследующую законы развития последних явлений.

Свое изложение курса социологии я обычно начинаю с краткого «Введения». Содержание его вкратце таково.

I. Введение. *Понятие о социологии* как науке, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных. Отличия социологии от других наук. Задачи объективной социологии. Краткая история социологии как науки.

Вслед за «Введением» я перехожу к изложению «Социальной аналитики». Она распадается на аналитику простейшего социального явления и на аналитику населения как сложного социального агрегата. Основное содержание «Аналитики» таково.

II. Социальная аналитика:

1. *Понятие взаимодействия как простейшей модели социального явления.* Элементы явления взаимодействия: а) индивиды и их свойства; б) акты-действия и их виды; в) проводники общения, их роль, формы, происхождение и рикошетное влияние.

2. Рассмотрев элементы взаимодействия, я перехожу к *классификации форм взаимодействия* (антагонистическое и солидаристическое, одностороннее и двустороннее, шаблонное и нешаблонное и т. д. взаимодействия).

3. Этим заканчивается анализ простейшей модели, и его итогом служит *понятие взаимодействия как коллективного единства*. Таким путем я логически прихожу к социальной группе и разорванное единство смыкаю вновь. Рассмотрев проблемы *социологического реализма и номинализма, факторы возникновения и распада коллективного единства*, я перехожу к изучению взаимоотношения уже *не индивидов, а социальных групп*, на которые распадается население, т. е. к аналитике сложных социальных явлений.

4. Главная задача этой части «Аналитики» состоит в изучении *строения и расслоения населения*. Содержание этой части таково: а) общие основания расслоения населения и социальные группировки; б) три вида социальных групп: элементарные, кумулятивные и сложные; в) основные формы *элементарной группировки индивидов*: семейная, государственная, языковая, расовая, половая, возрастная, религиозная, партийная, профессиональная, имущественная, объемно-правовая и др.; г) сочетание элементарных группировок дает *кумулятивные группы*. Их виды и формы. Зависимость поведения и прочности группы от способа кумуляции. Анализ типичных кумулятивных групп: национальности, касты и др.; д) население как комбинация элементарных и кумулятивных групп. Социальная химия; е) систематика сложных социальных агрегатов (классификация «обществ»).

5. Обзор и критика главнейших теорий социального явления.

Этим изложение социальной аналитики исчерпывается. Изложенная программа систематически и стройно позволяет познакомить слушателя и со свойствами человека, и со строением «общества». Она дает возможность «распластать» на составные ткани и клетки социальное тело, ознакомить аудиторию с анатомией и морфологией «общества». Изложив учение о строении населения, я перехожу к «Социальной механике». Ее содержание таково.

III. Социальная механика. 1-я часть: учение о *раздражителях человеческого поведения и факторах социальных процессов*. Понятие о закономерности и причинности в поведении людей. Человек как сложнейший механизм. «Монизм» и «плюрализм» в социологии. *Классификация факторов человеческого поведения и социальных процессов*: а) *факторы космические* – простые (температура, свет, звук, влажность и др.) и сложные (климат, состав земли, рельеф поверхности, распределение суши и воды и т. д.). Социологические теории: Демолена, Ратцеля, Семпл и др. «географов». Общие теории о влиянии и роли космических факторов; б) *факторы биологические*. Их понятие. Их классификация. Изучение влияния главнейших из них; инстинкты питания, размножения (попутно анализ соответственных теорий Мальтуса, Коста, Ковалевского и др.), индивидуальной самозащиты, групповой самозащиты (Гумплович, Аммон и др.), подражания (Тард), наследственности, влияния флоры и фауны, влияние повторения и привычки, роль условных рефлексов и др.; в) *факторы социально-психологические*. Их понятие. Их деление на простые и сложные. Простые: а) *идеи* (точные и неверные) как раздражители поведения и факторы социальной жизни; б) *чувства-эмоции*, их классификация; в) *влияния*, их классификация. Сложные социально-психические факторы: знания (точная наука) и их роль. Искусство и его социальная роль. «Экономика» как сложный космо-био-социально-психический фактор и ее роль. Социальная роль денег (богатства), разделение труда, власти и т. д.

Общие теоремы, формулирующие влияние и взаимоотношения различных факторов. Такова схема 1-й части «Социальной механики».

2-я часть «Социальной механики» *ставит задачей изучение не сил, а процессов, совершающихся в среде данного населения*. Она отвечает на вопросы: а) как питается данная группа, какие институты в ней существуют для выполнения этой функции и почему они таковы; б) как размножается данная группа, какова ее брачно-половая система и почему она такова, а не иная; в) как «учится» и умственно развивается данная группа, как в ней происходит накопление и циркуляция знаний и почему так, а не иначе и т. д.? Таким путем здесь изучаются все важнейшие «физиологические» процессы, данные в среде любой социальной группы.

3-я часть «Социальной механики» *изучает механику социальных процессов на анализе судеб личности с момента ее появления и до момента ее смерти*. Пользуясь данными предыдущих отделов социологии, здесь социолог «на полотно жизни индивида» показывает, почему его жизнь и судьба сложились так, а не иначе. Шаг за шагом он прослеживает детерминирующее влияние социальных сил на личность и этапы формирования в биологическом организме социального «я»; сообщественники социума: вхождение индивида в социальную жизнь, образование в нем социальных склонностей и форм деятельности, появление социальных вкусов, убеждений, привычек, основные формы деятельности, постепенная социализация личности; словом, эта часть дает ответ на вопрос: почему данная личность ведет себя так, а не иначе, почему ее жизнь сложилась таким образом, а не иным?

Эти три части «Социальной механики» исчерпывают «физиологию общества», т. е. учение о социальных процессах.

IV. Социальная генетика. В отличие от многих, под генетической социологией я понимаю не винегрет из истории отдельных институтов (семьи, религии, форм политического устройства и т. д.) – их изучение – дело исторических дисциплин, – а исследование возникновения и основных линий развития в сфере строения населения и общественных процессов; генетическая социология ставит и решает такие вопросы.

1. Как и в силу каких причин зародилась совместная жизнь людей? Одинаковы ли пути и этапы развития различных социальных групп или народов? Если различны, то каково «родословное дерево» человеческой общественности? Какие постоянные односторонние изменения с ходом истории претерпевает анатомо-физиологическая структура и психическая жизнь человека и почему? Увеличиваются ли в объеме человеческие общества с ходом истории и почему? Усложняется ли их строение и почему? Каково по своему строению будет грядущее предельное общество?

2. Какие односторонние тенденции даны в области влияния различных социальных сил? Растут ли их антагонизмы или уменьшаются? Какие силы увеличивают (с ходом истории) свое влияние и какие факторы его теряют и т. п.?

3. Какие исторические тенденции даны в области развития отдельных социальных функций и процессов (питательный, воспроизводительный, защитительный, познавательный-интеллектуальный, моральный и т. д.)?

4. Грядущее общество и грядущий человек (в смысле сущего, а не нормативно-должного).

Таковы вкратце план и система социологии, которым я следую при чтении курса этой науки. Я отлично знаю, что изложенная схема для лиц, незнакомых с ней более подробно, во многом непонятна. Непонятна потому, что на двух-трех страницах трудно изложить обширнейшую и сложнейшую дисциплину.

Но вместе с тем позволяю себе думать, что смутное представление о «Системе социологии» данная схема дает.

Личный опыт преподавания социологии самой разнообразной аудитории, начиная от аудитории университета и аудитории, состоящей из преподавателей социологии, и кончая аудиторией, состоящей из «публики»: рабочих, учащихся средних школ, красноармейцев и т. п., убедил меня в ее удачности: ни одна аудитория не давала мне оснований жаловаться на невнимание, или отсутствие интереса слушателей, или непонимание. Иными словами, с педагогически-учебной точки зрения ее удачность испытана.

Что же касается научности системы, то, готовый в любую минуту признать ошибки, когда они будут доказаны, пока что я считаю ее выдержавшей экзамен и с этой точки зрения.

Печатаемая мной сейчас многотомная «Система социологии» даст возможность подвергнуть ее и научному испытанию.

Пока же замечу следующее: в изложенной схеме социология строится как цельная наука, где все неразрывно связано друг с другом, одно следует из другого, где делается попытка покончить с «социологическим авантюризмом» и придать социологии ясные и точные очертания. Таково задание; удалось и удастся ли оно объективно – это другой вопрос. Это покажет будущее.

Основные принципы, положенные в основу этой схемы, таковы:

1. Социология в ней понимается как наука о поведении людей (формах, причинах и результатах), живущих в среде себе подобных, а не как наука о каком-то едином обществе. *De te fabula narratur*^{1*} – таков девиз социологии по адресу каждого человека.

2. Социология – наука объективная, свободная от всякого нормативизма и субъективного психологизма: она изучает социальное явление «как вещи».

3. Социология должна решительно порвать с дилетантским философствованием, грудой слоев покрывающим отсутствие знаний. Она должна отрешиться

от всяких предпонятий, отправляться от факта, идти к фактам и кончать фактами. Короче, эта мысль гласит: «Хорошая статистическая диаграмма стоит гораздо больше, чем обширный социально-философский трактат».

4. Социология должна порвать с упрощенным монизмом, рассматривающим механизм человеческой истории как уравнение с одним неизвестным. Такая «простота» существует только в мозгу адептов монизма, и ее нет в действительности.

5. При преподавании социологии надо быть конкретным. Обобщающая теорема должна быть простым выводом из анализируемых преподавателем фактов, а не предметом изложения, пожирающим последнее и превращающим социологию в новый вид догматического богословия или метафизики.

6. Факты следует брать из текущей, окружающей аудиторию жизни, а не из времен «первобытных», о которых мало кто знает точно. Первые факты более интересны, они доступны проверке, факты же из жизни «первобытных народов» недоступны проверке и точно не исследованы.

Таковы основные начала, положенные мною в основу изложенной программы преподавания социологии.

В Комиссариат Народного Просвещения

КРАТКАЯ ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПРИ ОТДЕЛЕ РОДИНОВЕДЕНИЯ

В объявленной программе единой трудовой школы одним из важных предметов преподавания признано родиноведение. Сообразно с этим, насколько мне известно, предложено при Комиссариате Просвещения создание специального отдела родиноведения, ставящего своей задачей всестороннее изучение Родины, в частности Северной коммуны^{1*}.

Всецело приветствуя такой почин, в нижеследующем я позволяю себе обратиться внимание Комиссариата Народного Просвещения на необходимость организации при отделе родиноведения специального отделения – социально-исторического и <...> задачей изучение естественной истории края, его природных богатств и т. д., отделение социально-историческое и этнографическое имело бы своей задачей разработку социальной истории края и его современного социально-этнографического состояния.

Важность такого отделения ясна сама собой: родиноведение без знакомства с историей народа и его современным состоянием неполно и едва ли заслуживает даже названия родиноведения. Знание истории народа, населяющего и населявшего данный край, а равно и знание его современного состояния для ученика не менее важно, чем знание естественной истории края, его природы, естественных богатств и т. д. Организация социально-исторического и этнографического отделения при отделе родиноведения имела бы громадное и чисто научное, и практическое значение.

Научные задачи такого рода отделения сводились бы: А) к разработке социальной истории и В) к изучению современного состояния культуры народа, населяющего данную область. А) Задачей социально-исторического изучения должно быть: 1) изучение политической истории данного края, области, губернии, города, места и т. д.; 2) изучение истории экономического быта: форм хозяйства – землепользования, землевладения, производства, обмена, распределения

и потребления и т. д.; 3) изучение социальных институтов края: истории семьи, брака, форм родства, религиозных и магических верований, народной поэзии, искусства, языка, обычного права и морали, материального быта и культуры и т. д. В) Наряду с социально-историческим изучением второй научной задачей данного отделения должно быть изучение современного состояния данного края: состава и плотности его населения, современного хозяйственного быта, современных верований и религий, современных форм брака, родства, семьи, права, морали, материальной культуры, искусства, народной поэзии и т. д. Рядом с чисто научными задачами социально-исторического и этнографического отделения родиноведения оно должно иметь и задачи практические, к таковым относятся, прежде всего, составление пособий для преподавания родиноведения в школах: учебников, руководств для преподавателей, устройство специальных инструкторских курсов по родиноведению, содействие развитию местных музеев культуры, устройство выставок по родиноведению, издание примерных программ для собирания материала, устройство и организация экскурсий для ознакомления с родными местами, издание научных работ по родиноведению, издание сборников народной поэзии и т. д. и т. д.

Таковы вкратце основные задачи социально-исторического отдела родиноведения.

Для их достижения средствами служат: 1) собирание и систематизация всего материала и всех исследований, посвященных данному краю (работы отдельных авторов, местных научных обществ, материалы, собранные учреждениями, и т. д.); 2) организация самостоятельного изучения: путем командировок специалистов-исследователей, путем привлечения к делу изучения местных культурных сил: местных знатоков и исследователей края, учителей, членов советских учреждений и т. д.

При таких условиях дело изучения родиноведения пошло бы быстро вперед и в итоге дало бы возможность сконцентрировать при социально-историческом отделе родиноведения весь основной материал по социальной истории данного края и его современному состоянию, дало бы возможность открытия центрального и общего музея Северной коммуны, центральной библиотеки по родиноведению, позволило бы издать хорошие пособия и учебники по родиноведению, повысило бы интерес к родиноведению, короче – могло бы дать ценные и чисто научные, и практические результаты.

Таковы основные мотивы необходимости организации специального отделения социально-исторического и этнографического при отделе родиноведения, и таковы основные задачи последнего.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О НЕОБХОДИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕТНИХ КУРСОВ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СОЦИОЛОГИИ

§ 1. Почему необходимы летние курсы для преподавателей социологии

Введение социологии в число обязательных предметов преподавания не только в программу высшей школы, но и в программу школы II-й ступени^{1*} – реформа по своему заданию чрезвычайно ценная и заслуживающая полного одобрения. Другое дело – насколько эта реформа могла практически осуществиться в течение минувшего года^{2*}. На этот счет имеется ряд оснований и фактов, заставляющих усомниться в успешности реализации этого задания. Целый ряд условий, частью связанных с характером самой социологии, частью представляющих следствие официального игнорирования и преследования этой науки в прошлом, до революции 1917 г., служат серьезными препятствиями, грозящими свести «на нет» все положительные результаты этой реформы.

Первые из этих условий сводятся к следующему. Несмотря на быстрое развитие социологии за последние десятилетия, несмотря на громадные успехи, сделанные ею за это время, несмотря на то, что она оказала и оказывает огромное влияние на все общественные дисциплины, стоящие за последнее время под знаком «социологизирования», – несмотря на все это, социология продолжает быть в состоянии «становления». Если другие, более развитые дисциплины, – я разумею науки физико-химические и биологические, – имеют уже определенный шаблон построения, то того же нельзя сказать о социологии. В силу целого ряда причин она не успела еще застыть в определенные, общепринятые шаблонные формы; разно понимаются ее предмет и задачи, разно очерчиваются и контуры всего социологического здания.

Это подтверждается простым сравнением ряда курсов и руководств по общей социологии. Дальнейшим подтверждением сказанному служит недавний анкетный материал, собранный и разработанный Американским социологическим обществом. Этот материал плюс тот обмен мнениями, который он вызвал со стороны наиболее видных американских социологов, показывает, что даже

в Америке, где кафедра социологии была открыта ранее, чем в других странах, где давно уже социология преподается не только в высших, но и в средних школах, и там до сих пор не установились общепринятые шаблоны построения и преподавания этой дисциплины^{3*}. Больше того, этот материал выяснил, что в ряде колледжей и школ преподавание социологии не стоит на высоте: под именем социологии в них преподаются дисциплины, существенно отличные от первой (история культуры, антропология, политическая экономия, демографическая статистика и др.)^{4*}.

Так обстоит дело в Америке, где, как сказано, социология ранее других стран и в более широких размерах давно уже составляет предмет преподавания в высших и средних школах.

Легко понять, что эти недостатки гораздо резче должны были сказаться у нас, где социология до сих пор не являлась предметом преподавания не только в средних, но и в высших школах (исключением были только Психоневрологический институт, курсы П.Ф. Лесгафта и одно полугодие (1916 г.) Народный университет имени А.И. Лутугина^{5*}).

Введение ее в качестве обязательного предмета застало будущих преподавателей социологии совершенно не подготовленными к преподаванию. При своем обучении в высших школах они не слушали социологии, ибо она не преподавалась. Если были единицы, сами интересовавшиеся этой дисциплиной и добровольно изучавшие ее, то для громадного большинства теперешних преподавателей она была и остается *terra incognita*^{6*}. Наскоро изучить ее, быстро овладеть и ознакомиться с этой дисциплиной нельзя. Это печальное положение усугубляется отсутствием подходящих учебников на русском языке, бедностью русской социологической литературы и общим «книжным кризисом», лишаящим возможности приобрести даже немногие имевшиеся на русском книжном рынке социологические курсы и пособия. Не могла и не может улучшить общее положение дела и примерная программа по социологии, изданная Комиссариатом Народного Просвещения (она кратка, недостаточно систематична и для возможности руководства ею требует уже солидной социологической подготовки). Неизбежным результатом таких условий является практическая неосуществимость прекрасной по заданию реформы или такие дефекты в постановке преподавания социологии, которые сводят «на нет» все положительные результаты введения социологии в курс высших и средних школ. И действительно, первые же попытки ознакомиться с постановкой преподавания социологии, сделанные некоторыми членами Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского^{7*} (в том числе и пишущим эти строки), подтвердили правильность этих предположений. Так, в одной из школ II-й ступени преподаватель социологии на вопрос «Что он

преподают под социологией?» заявил чистосердечно, что «пытался было преподавать социологию, но из этого ничего не вышло. Не подготовлен. Теперь под именем социологии читаю политическую экономию». Другой преподаватель социологии заявил, что он под социологией излагает «основы социологии» Гумпловича. Третий вместо социологии излагает «историю культуры» по Липперту; в ряде школ социология просто не введена и т. д. Если бы произвести тщательное исследование постановки социологии в других школах II-й ступени, то едва ли можно сомневаться в том, что в большинстве их мы увидим ту же негативную картину^{8*}.

Такое положение дел не может быть признано нормальным и удовлетворительным всеми, кто дорожит судьбами социологии и просвещением народа. Оно сводит «на нет» все положительные результаты этой весьма ценной реформы. Оно делает ее существующей только на бумаге. Необходимы особые меры, которые помогли бы осуществить эту реформу, помогли бы воплотить ее в жизнь. *При данных условиях единственным средством улучшить постановку преподавания социологии является устройство летних социологических курсов для преподавателей социологии.* Только таким путем возможно хоть сколько-нибудь ознакомить преподавателей социологии с последней и подготовить их к удовлетворительному выполнению своей ответственной задачи – преподавания социологии. Помимо этой задачи такие курсы косвенно способствуют и достижению других целей: 1) повышая уровень социологических знаний у преподавателей, тем самым они ведут к повышению его у молодого поколения; 2) это, в свою очередь, ведет к прогрессу и оживлению русской социологической мысли; 3) рядом с этим такие курсы непосредственно выдвинут ряд важных вопросов, связанных с методикой преподавания этой дисциплины, заставят и преподавателей, и лекторов более внимательно обдумать и разработать преподавание социологии с чисто педагогической стороны, проделать то, что проделали американские социологи после десятков лет преподавания социологии; они же дадут возможность более тщательно ознакомиться с положением преподавания социологии в России; 4) наконец, на эти же курсы, совместно с Социологическим обществом имени М.М. Ковалевского и Социобиблиографическим институтом, могла бы быть возложена задача составления примерной программы преподавания социологии, рекомендация учебников и пособий, а в дальнейшем – и составление самих учебников и пособий.

Таковы вкратце основные мотивы, вызывающие необходимость таких курсов, и основные задачи последних^{9*}.

Переходим теперь к краткой характеристике плана и программы таких курсов.

§ 2. Программа курсов

Продолжительность курсов. Что касается продолжительности курсов, то, по моему мнению, наиболее подходящим сроком может быть срок в 1½ месяца. Такой срок и необходим, и достаточен для того, чтобы курсы достигли указанных задач. Примерным сроком можно было бы считать период времени с 15 мая по 1 июля или с 1 июня по 15 июля.

Часы занятий. Этот срок намечается мной при условии восьмичасового рабочего дня (кроме воскресных дней). Из этих 8 часов 6 часов должны быть посвящены лекциям, 2 часа – самостоятельным практическим занятиям по социологии.

Предметы преподавания. Общие начала. Как выше было указано, курсы должны не только ознакомить преподавателей с социологией, но и приучить их к самостоятельной социологической работе. Иными словами, они должны приучить их смотреть на мир человеческого общения как на лабораторию, в которой постоянно можно делать наблюдения, ставить опыты. Вот почему из ежедневных 8 часов работы 2 часа должны уделяться практическим работам по социологии. Кроме этих 2 часов, для той же цели могут быть использованы (без ущерба требованиям отдыха и свободы) и воскресные дни. Как ниже будет показано, преподаватели, идя, например, на митинг, в театр, в кинематограф или в церковь и т. д., могут попутно делать надлежащие социологические наблюдения, соединяя «приятное с полезным». Что касается основных предметов преподавания на курсах, то таковыми надлежит признать: 1) Общий курс теоретической социологии; 2) Генетическую социологию; 3) Историю социологических систем и теорий; 4) Социальную политику в связи с историей социалистических теорий; 5) Методику преподавания социологии. Такой перечень предметов диктуется вкратце такими мотивами. Как бы ни были разнообразны построения социологии, в них все же можно наметить нечто общее. Под различными именами с существенными разногласиями в деталях, но в общем и целом огромное большинство социологов в данное время различают прежде всего два основных отдела социологии: 1) социологию теоретическую, изучающую мир человеческого общения и взаимодействия с точки зрения сущего таким, каков он есть, и 2) социологию прикладную, социологию как искусство, изучающую мир социальных взаимоотношений с точки зрения должного таким, каким он должен быть. Человеческая мысль давно уже строит конструкцию «должного», «лучшего», идеального общества, указывала и указывает рецепты улучшения общественной жизни людей. За последние XIX и XX столетия в ряду таких нормативных течений общественной мысли (и практики) доминирующую роль играл и играет социализм, дающий ряд конструкций должного общества. Все эти течения могут быть объ-

единены под именем прикладной социологии, или социальной политики, куда составной частью войдут и социалистические конструкции будущего общества.

Сообразно с этим эта часть социологии может и должна быть выделена в самостоятельный предмет преподавания.

Рядом с ней самостоятельный курс должен быть посвящен истории социологических систем. Преподаватели социологии должны иметь знакомство не только с теми или иными отдельными социологическими теориями, но должны знать все основные социологические направления, с одной стороны, с другой – историю развития социологии как науки. Такое знание тем более необходимо, что при отсутствии общепринятого построения социологии, ее предмета и задач во избежание односторонности преподавателю социологии полезно иметь представление о всех основных направлениях социологической мысли.

Входя составной частью в отдел теоретической социологии, история социологических систем может и должна образовать самостоятельный предмет преподавания.

Что касается остальных частей теоретической социологии, то они естественно распадаются на две основные части: на общую теорию социальных явлений, рассматриваемых статически (социальная аналитика и социальная механика: учение о структуре социальной организации и элементах последней, учение о повторяющихся явлениях общественной жизни и т. д.), и на генетическую социологию, изучающую происхождение и развитие общественной жизни вообще и отдельных социальных институтов в частности. Иными словами – генетическая социология исследует происхождение и основные исторические тенденции в развитии как всей социальной жизни вообще, так и отдельных ее сторон. Это деление теоретической социологии на статическую и историко-эволюционную, или генетическую, социологию со времени О. Конта в той или иной форме разделяется всеми социологами.

Сообразно со сказанным вполне естественно выделяются в качестве самостоятельных предметов: 1) общий курс (статический) социологии (социальная аналитика и механика); 2) генетическая социология.

Наконец, ввиду того, что данные курсы устраиваются для педагогов, весьма важно в число предметов преподавания ввести и методику преподавания социологии. Ее задачи – научить слушателей методам преподавания социологии и основным социологическим практическим занятиям.

Таковы основные пять предметов, которые должны преподаваться на социологических курсах.

Прослушав их, преподаватели социологии будут иметь достаточно полное знакомство с социологией, получат возможность ориентироваться в области данной дисциплины, словом, будут достаточно подготовлены к исполнению своей ответственной работы. Предлагая эти пять предметов, я руководствуюсь

не только общими теоретическими соображениями, но и имеющимся уже опытом других стран, а отчасти и Психоневрологического института, где социология преподавалась и до революции 1917 г. Там, в теперешнем 2-ом Государственном университете, на основном факультете и факультете социальных наук мы находим четыре из указанных дисциплин (кроме методики преподавания социологии). Тот же порядок, в общем, мы встречаем в постановке социологического преподавания в Америке, Франции и Бельгии.

Теперь кратко коснусь практических занятий. Как выше я отметил, практические занятия необходимы для сколько-нибудь глубокого усвоения социологии. Чтения или слушания курсов – недостаточно. Преподаватели социологии должны научиться смотреть на окружающий их мир людей как на лабораторию, где они могут наблюдать явления, ставить опыты и т. д. Только получив соответствующие навыки и умение, они сумеют к тому же приучить своих учеников. Без практических занятий такая задача недостижима.

Не касаясь здесь программы последних, отмечу лишь, что по своему характеру они могут быть весьма разнообразными. С одной стороны, они могут состоять в писании, чтении и обсуждении докладов, изготовляемых самими курсантами на те или иные социологические темы, с другой стороны – коллективном и индивидуальном производстве социологических наблюдений (по заданию руководителя, а позже и по собственной инициативе), наконец, в постановке и производстве социологических опытов.

Попытки, делавшиеся и делаемые в этом отношении рядом американских социологов, сотрудниками социологического института Сольвей-Ваксвейлера (в Бельгии)^{10*}, частью – отдельными социологами Франции, показывают, что при надлежащей постановке такие практические занятия дают прекраснейшие результаты: они вызывают громадный интерес в слушателях, помогают им более тщательно изучить социологические теории, а главное – вводят их в социологическую лабораторию и приучают к чисто научной социологической работе.

Такова вкратце программа социологических курсов.

Сколько часов должно быть посвящено каждому предмету?

Исходя из расчета, что на лекции будет посвящаться ежедневно 6 часов (плюс 2 часа на практические занятия), мы получаем в неделю 36 лекционных часов. Эти 36 часов наиболее целесообразно было бы распределить таким образом: 1) 12 часов в неделю (по 2 часа ежедневно) ассигновать на общий курс статической социологии (социальная аналитика и социальная механика); 2) 8 часов на генетическую социологию (4 двухчасовые лекции в неделю); 3) 6 часов на социальную политику (3 двухчасовые лекции в неделю) и 4) 2 часа в неделю на методику преподавания социологии. Присоединяя сюда 12 часов (по 2 часа ежедневно) на практические занятия по социологии, мы получаем в неделю 48 часов работы.

Таковы вкратце мотивы, характер, предметы преподавания и время работы предлагаемых курсов по социологии для преподавателей этой науки. Устройство таких курсов необходимо по указанным выше причинам. Без них социология останется у нас на бумаге и положительная во всех отношениях реформа не войдет в жизнь.

Полутора- или двухмесячные занятия в таких курсах могут весьма значительно помочь делу воплощения намеченной реформы в жизнь. Было бы поистине жаль, если бы она осталась на бумаге. От этого много потеряли бы и русская социология, и народное просвещение, и интересы молодого поколения.

<Рец. на кн.:>

V. PARETO. TRATTATO DI SOCIOLOGIA GENERALE

Firenze. 1916, 2 тома

Солидный по объему труд итальянского экономиста и социолога (каждый том состоит чуть ли не из 1 000 стр.) является солидным и по своему содержанию. Это не обширный учебник социологии. В нем нет излагательной части, знакомящей с историей социологии и основными социологическими теориями. Это самостоятельное исследование, посвященное изучению поведения людей. Основной тезис работы Парето гласит: люди в своем поведении руководствуются не логическими мотивами, а главным образом мотивами нелогическими. Большинство их актов представляют акты нелогические. Сообразно с этим роль идей, роль интеллекта в общественной жизни очень незначительна. Идеи, с точки зрения Парето, это легкая вуаль, скрывающая подлинные [мотивы] поведения, каковыми являются бессознательные аппетиты – чувства (*sentimenti*). Иными словами, стержнем его работы является старое изречение: «Желание – отец мысли»^{1*}.

Вся работа, по существу, и представляет доказательство этого положения. В этом отношении «Социология» Парето является резкой реакцией против интеллектуализма.

Мысль, лежащая в основе социологии Парето, не нова, но нов тот путь, которым Парето доказывает ее. Этот путь – «логико-экспериментальный». Вся книга проникнута этим методом. В ней нет «философствования», а есть тщательный и кропотливый анализ фактов.

В данной заметке немислимо дать сколько-нибудь полное представление о работе Парето. Скажем только, что она заслуживает полного внимания всех занимающихся социологией. В ряду множества социологических работ последнего времени книга Парето занимает и займет одно из самых почетных мест.

<Рец. на кн.:>

**В.М. БЕХТЕРЕВ. ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ
РЕФЛЕКСОЛОГИИ**

Пг.: Изд. Риккера, 1918, 163 с.

Поскольку социология связана с психологией, для нее имеют значение те сдвиги, которые происходят в области последней. «Знаменем времени» для современной психологии является превращение ее из науки, изучающей субъективные душевные процессы, в науку объективную, изучающую внешние явления – акты и поведение человека. Эта тенденция замечается и в Англии, и в Америке (Мак-Дугалл, Лёб, Джеркс, Лешли и др. сотрудники журнала «Animal Behaviour»). Россия в лице школы И.П. Павлова и В.М. Бехтерева занимает в этом движении едва ли не одно из первых мест.

С этой точки зрения книга В.М. Бехтерева чрезвычайно ценна и интересна. Она как бы подводит краткий итог завоеваниям «объективной психологии», или «рефлексологии».

По тому, что достигнуто уже на этом пути, можно сказать, что будущая психология пойдет именно этим объективным путем, а не будет топтаться на месте, как она делала до сих пор.

Этот переход от «субъективной психологии» к «объективной рефлексологии» замечается и в социологии. Первым симптомом его было положение Дюркгейма, требовавшее изучения социальных явлений как «предметов». Вслед за ним с тем же требованием отрешения от субъективной психологии выступили Кост, Ваксвейлер и др. Если эти лица остановились на полдороге, то ряд других исследователей, в частности Зеленый и американский социолог Bently, пошли дальше и попытались набросать социологию без всякой субъективной психологии.

Ввиду такой тенденции книга В.М. Бехтерева заслуживает внимания социолога вдвойне.

Конечно, в ней есть пережитки «субъективизма» и «философствования» (например, теория психической энергии как производной от «энергии протоплазмы») и т. п. Есть и спорные «законы». Есть слишком поспешное сведение сложных форм человеческой деятельности к упрощенным схемам.

Но в общем и целом знакомство с рефлексологией В.М. Бехтерева для социолога не только полезно, но и необходимо.

<Рец. на кн.:>

**П. КРОПОТКИН. ВЗАИМНАЯ ПОМОЩЬ
КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ**

Москва, изд. Научно-анархистской библиотеки, 1919, 214 с. Ц. 6 руб.

Эта книга одного из крупнейших теоретиков анархизма и одного из мировых ученых слишком известна и за рубежом России, и в России (где она появилась раньше в изд. «Знание»^{1*}), чтобы нужно было знакомить с нею читателя или давать ей оценку. Содержание ее адекватно передается заглавием, а ценность этого труда характеризуется тем фактом, что он стал одним из классических трудов в области биологии и социологии.

Отметим просто отрадный факт переиздания этой работы в наше время книжного запустения и развала.

<Рец. на кн.:>

К. КАУТСКИЙ. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Издательство «Книга», 1918, 183 с. Ц. 5 руб. 50 коп.

**М.Я. ЛАЗЕРСОН. К МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПОСТАНОВКЕ ЕВРЕЙСКОГО
ВОПРОСА**

Пг., 1917, 94 с.

Та и другая книга посвящены национальному вопросу. В той и другой мы находим интересный анализ понятия национальности. Тот и другой анализ не вполне удовлетворителен. Каутский главным признаком нации считает язык, к которому присоединяется еще ряд других моментов (общность территории, письменности и т. д.). Ему не без основания возражает Лазерсон, указывая на то, что отсутствие общего языка и территории не мешает евреям быть особой национальностью и иметь национальное самосознание. Вместо этого признака М.Я. Лазерсон выдвигает признак психологический: «сознание себя в качестве члена определенной нации». «Национальностью (или нацией) можно назвать группу людей, проникнутых национальным сознанием». Однако и это определение неприемлемо. Оно, во-первых, тавтологично (национальность – группа, проникнутая национальным сознанием). Во-вторых, я сознаю себя по семье принадлежащим к одной группе, по подданству – к России, по религии – к православным, по профессии – к интеллигентам, по языку – к тунгусам и т. д. Которое же из этих сознаний будет национальным сознанием? Каковы специфические признаки последнего?

Ошибка обоих авторов состоит в том, что они считают национальность простым социальным телом. Между тем то, что называется этим термином, в разных случаях представляет разное. Это сборная и сложная группа, соответствующая в ботанике группе растений, носящих в общежитии название «овощей», в зоологии – группе «дичи».

Попытки определить однородный признак национальной группы, рассматривать ее как простое социальное тело до сих пор не удавались и, по сути дела, не могут удалиться.

<Рец. на кн.:>

**К.М. ТАХТАРЕВ. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
И ЗАКОН БОРЬБЫ КЛАССОВ**

Пг.: Книга, 1918, 152 с.

Книга К.М. Тахтарева распадается на две части: первая трактует о понятии общества и о взаимоотношении общества и государства, вторая – о законе классовой борьбы. Общество определяется им как «форма самодостаточного общения людей»; государство – как «политическая организация, политическая или государственная форма общества». Автор генетически показывает историю смены форм общества и государства. Во второй части работы К.М. Тахтарев обосновывает «закон возникновения, существования и смены различных политических форм и систем властвования в зависимости от изменения соотношения классов и различных условий классовой борьбы».

Как попытка синтеза концепций Аристотеля и Маркса работа интересна и любопытна. Но едва ли можно в основных положениях согласиться с автором. Как видно из приведенного определения, оно расплывчато и тавтологично (общество определяется через общение, государство – через «государственную форму»). Нет равным образом и определения того, какую социальную группу автор понимает под «классом» (термин, как известно, один из самых неопределенных и неясных). Едва ли также все социальные группировки можно сводить к классу. В итоге печать расплывчатости, неясности и неопределенности лежит на всей книге. Это ее большой минус.

<Рец. на кн.:>

**Я.М. МАГАЗИНЕР. ЛЕКЦИИ
ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ
ПРАВУ**

Труды Петроградского Кооперативного Института. Пг., 1919, 234 с.

Лекции Я.М. Магазинера представляют нечто среднее между популярным учебником и самостоятельным исследованием. В общем и целом книга интересная и заслуживающая внимания. В ряде глав автор пытается идти своим путем (например, глава о происхождении государства, гл. IV и др.); к исследованию привлечен новый материал, ряд вопросов государственоведения получил новую постановку.

Правда, тезисы автора очень странны. Основной грех его тот же, что у весьма многих государствоведов: он продолжает по-прежнему орудовать больше юридическими функциями (см., например, главу о суверенитете), чем с фактами социальной действительности. Не отделался автор вполне и от обычного греха юристов: смещения теоретической и практически-нормативной точек зрения, «сущего с должным» (см., например, задачи государства). Но все же на пути освобождения от этих грехов автором сделан шаг вперед, и потому его труд и ценен, и интересен.

<Рец. на кн.:>

***И.В. ГЕССЕН. ИСКАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО
ИДЕАЛА***

Издательство «Огни», 63 с. Ц. 2 руб.

Это статья, написанная по поводу книги П.И. Новгородцева «Об общественном идеале». По существу в ней нет ничего нового. Автор высказывает ряд соображений – порою верных, порою спорных – о взаимоотношениях личности и общества, индивидуализма и коллективизма. Но эти соображения плохо систематизированы и скользят по поверхности проблемы, не задевая ее сути и глубинных течений.

1920

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Свободный человек», борющийся за верховную ценность человеческой личности со всеми фетишами, стремящимися поработить ее, – такова «душа» герценовского мировоззрения. «Человеческая личность – мера всех вещей» – такова основная заповедь Герцена.

Мысль не нова. Ее высказывали многие. Но очень немногие проводили ее до конца. Прямо или косвенно большинство сторонников этой мысли в конце концов сбивались с дороги и кончали тем, что личность человека – просто человека – приносится в жертву фетишам: богу, государству, классу, «истине», «добру», «идею», «человечеству», «сверхчеловеку», «грядущему земному раю» и прочим «субботам» – обоготворенным идолам.

Герцен – один из немногих, кто не сбился с пути, кто не изменил принципу «человек – самоцель». Он один из смельчаков, который не побоялся во имя этого принципа «переоценить все ценности», «раздеть» всех фетишей и показать их убожество вне «человека-самоцели».

С этой точки зрения «С того берега» Герцена неувыдаемо. В наши дни нельзя без трепета перечитывать это произведение. Оно волнует. Оно жжет. Оно вечно и в то же время остро злободневно. Оно становится – и не без основания – евангелием многих и многих, кто в наши дни не остался «на этом берегу» духовного сервиллизма. Уже в более ранних произведениях Герцена этот великий завет был выражен им ясно и определенно.

В «Капризах и раздумьях» мы читаем: «Если я в человеке люблю только [его] идею, я не люблю человека, а люблю идею»^{1*}, и тут же указывается, что мало справедливого отношения к людям – «справедливость мне обязан дать квартальный», но нужна еще и любовь, «милосердная и долготерпеливая». И тут же саркастически высмеивается фетишизирование «справедливости», «идеи» и прочих подмалеванных идолов.

«Когда люди не были так разборчивы, как теперь, и были полны наивной веры, они без малейшего раздумья водили на казнь во имя всякой идеи и во имя всякого убеждения. За что погибли тысячи и тысячи еретиков? За то, что одни уверяли, что $2 \times 2 =$ три, а другие твердо знали, что $2 \times 2 =$ пять, и жарили за это

целыми стадами, и неумытные судьи, возвращаясь домой, говорили: “Что делать: справедливость выше всего, *pereat mundus et fiat justitia*”^{2*}, – и кротко засыпали с чистой совестью на мягких подушках, забывая запах подожженного мяса»^{3*}.

В этих строках сформулирована вся трагедия «сына человеческого», вечно закалаемого на алтаре того или иного идеала, как бы он ни назывался. Пока делается «все то же, то же вновь, донныне и от века»^{4*}. Трагедия продолжается.

Еще резче свой бунт против такого жертвоприношения Герцен проявил в своем «С того берега».

«Свобода лица – величайшее дело; на ней – и *только на ней* (курсив Герцена. – П.С.) – может вырасти действительная воля народа»^{5*}. Таково основное motto^{6*} всей книги. В дальнейшем оно развивается в блестящую, смелую, захватывающую симфонию, где «свободный человек» бросает под ноги «свободной личности» все ценности, трогать которые боялась рука многих.

«Не будет миру свободы, пока все религиозное, политическое не превратится в *человеческое*, простое, подлежащее критике и отрицанию. Возмужалая логика ненавидит канонизированные истины, она их расстригает из ангельского чина в людской, *она ничего не считает неприкосновенным*, и, если республика присваивает себе такие же права, как монархия, презирает ее, как монархию, нет – гораздо больше. Мало ненавидеть корону, надобно перестать уважать и фригийскую шапку; мало не признавать преступлением оскорбление величества, надобно признавать преступным *salus populi*»^{7*}. Пора человеку потребовать к суду: республику, законодательство, представительство, все понятия о гражданине и его отношениях к другим и к государству. Казней будет много; близким, дорогим надобно пожертвовать – мудрено ли жертвовать ненавистным? В том-то и дело, чтоб отдать дорогое, если мы убедимся, что оно не истинно»^{8*}.

В этих строках – начало и конец истинного индивидуализма. Здесь личность как мера всего выступает безоговорочно.

И дальше Герцен переоценивает все; не щадит ничего, сбрасывает всех фетишей, возведенных в божество.

И религия, и государство, и революция, и даже сами «освободители» отдаются им под суд «свободного человека».

Как беспощадно казнит их Герцен! Как бесстрашно низвергает он их с трона к ногам свободной личности и как блестяще очерчивает он вечную трагедию и в то же время вечную историю человеческой глупости!

Защищая Прудона, «в борьбе свободного человека с освободителями человечества» он определенно становится на сторону первого. «Республика для людей, а не лица для республики», – напоминает он и бичует «освободителей», *зажавших* рот Прудону и предавших его революционной анафеме. «И вот вам крестовые рыцари свободы, привилегированные освободители человечества».

«Они боятся свободы; им надобен господин для того, чтобы не избаловаться; им нужна власть, потому что они не доверяют себе. При всем том, – искренне продолжает Герцен, – *они* современнее нас, полезнее нас, потому что ближе к делу; они наберут больше сочувствия в массе, они нужнее», ибо «массы любят авторитет, их еще оскорбляет человек, стоящий независимо. Массы желают социального правительства, которое бы управляло ими для них, а не против них. Управляться самим им и в голову не приходит. Вот отчего *освободители человечества* ближе к переворотам, нежели всякий *свободный человек*. Свободный человек может быть вовсе ненужный человек, но из этого не следует, что он должен поступать против своих убеждений»^{9*}.

В последней фразе абсолютный индивидуализм – принцип примата личности – сформулирован с необычайной заостренностью.

«Лицо – истинная, действительная монада общества – было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятию, собирательному имени, какому-нибудь знамени. Для кого работали, кому жертвовали, кто пользовался, кого освобождали, уступая свободу лица, – об этом никто не спрашивал»^{10*}, – развивается им та же основная мысль далее.

И так, бесстрашно, не отступая ни на шаг от своего принципа, Герцен разбивает идолов во имя «свободного человека».

В этой защите индивидуализма, в этой борьбе против фетишизма – «душа» Герцена. Она же является душой всей нашей общественной мысли. Она у Достоевского и Толстого, Михайловского и Лаврова, Бакунина и Кропоткина. «Свободный человек» был подавлен у нас тяжелой колымагой государства. Его у нас не было. Его нет и сейчас. Сейчас, как и раньше, огромный грузовик государства всей тяжестью давит на «свободного человека». На сцене – «освободители», но нет «свободных людей».

В такие моменты не лишне, быть может, напомнить завет Герцена и сказать: если человечеству нужны «освободители», то «не будет миру подлинной свободы, пока не появится на земле свободный человек» и пока не установятся общественные взаимоотношения, представляющие отношения «свободных людей» друг к другу!

ЕЩЕ ОБ АНДРЕЕ БЕЛОМ

Если вы хотите показаться глубоким мыслителем, то для достижения этой цели есть довольно простой рецепт. Он таков: 1) напустите туману в ваши писания; 2) щедро употребляйте громкие слова вроде «кризис», «культура», «творчество», «Бог», «Ариман» «мистический», «свет», «символ» и т. д.; 3) присоедините сюда множество великих или известных имен, например Кант, Гёте, Бёме, Коген, Ницше, Спенсер, Ласк, Вагнер и т. д. Еще лучше, если прибавите к ним имена древние, например Августин, Дионисий Ареопагит, Платон и др.; они придают «остроту» и «аромат» всей начинке; 4) подправьте все это несколькими цитатами, неожиданными сопоставлениями, новосозданными словами; 5) возьмите самую обычную затасканную мысль, начините ее указанными снадобьями, преподнесите в таком виде и... я ручаюсь, что вы найдете порядочное число лиц, которые провозгласят вас глубочайшим мыслителем.

К такому именно типу произведений принадлежит только что вышедшая книга А. Белого^{1*}. Заглавие ее громко. Но напрасно читатель стал бы искать в ней ответа на вопросы: в чем состоит кризис культуры? В каких формах он проявляется? Каковы его признаки? В чем его причины? Каковы грядущие судьбы культуры? и т. д. В книге есть все что угодно, кроме ответов на эти вопросы. Только изредка в море громких и вычурных фраз, напыщенной, но пустой эквилибристики промелькнут одна-две страницы с определенным содержанием. (Таковы стр. 44–49, говорящие о внутренней бессодержательности современной культуры, о замене «комфортом культуры» вечных ценностей, о трагических результатах такого «куба» культуры и т. д.) В таких местах встречаются острые и сверкающие афоризмы, временами – сильный и содержательный фрагмент, но... это оазисы в Сахаре. Остальная же «масса книги» – тяжелая, претенциозная и трудно усваиваемая словесная эквилибристика. Рассуждения о «линии», «круге» и «спирали» вместе с чертежами последней эту эквилибристику доводят до зенита. Сам А. Белый на 53 стр. «Кризиса культуры» дал, думается, правильную характеристику своей книги и подобных писаний. Вот она: «Увлечение Ницше и Ибсеном было подлинно в нас; на одно лишь мгновение захотели мы в горы; в горах оказались сырыми и теплыми мы; мы стали кретинами; в Ницше увидели мы не тело, ломимое духом: литературную форму; и – стали мы ей подражать,

гримасируя символом,.. нас звали рискнуть всей жизнью во имя вершинных заданий, мы зовы зовущих передаем... переплетчику; так в муаровом переплете пред нами лежали “творения”: “переплет раздавил зовы жизни”».

Правильно. Не оспариваю. Могу только прибавить для ясности: «словесная эквилибристика раздавила проблески мысли», а «подражательное гримасирование» Ницше исковеркало эти проблески окончательно.

<Рец. на кн.:>

**З.И. ЛИЛИНА. ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
СЕМЬИ К КОММУНИСТИЧЕСКОМУ
ОБЩЕСТВУ**

Петроград, Гос. изд-во, 1920, 104 стр. Ц. 40 руб.

Данная книга представляет популярный курс того, что одни называют «историей культуры», другие – «генетической социологией». Как и ряд других аналогичных работ, она содержит в себе попытку схематического изложения основных этапов развития общественных форм человечества. Сообразно с этим заданием в ней мы находим: характеристику так называемого «первобытного общества», патриархально-родовой общины, феодального общества, общества мелкобуржуазного, эпохи торгового капитала, промышленного капитализма (в мануфактурный и машинный периоды); заканчивается книга описанием диктатуры пролетариата и коммунистического общества. Основная линия эволюции человечества в том виде, как ее понимает автор, точно выражена в заглавии книги: это переход от первобытной коммунистической семьи к коммунистическому обществу. Посредственные этапы – это неизбежные переходные станции. Само коммунистическое общество так же неизбежно, как и все предыдущие.

Каждая эпоха автором характеризуется с разных точек зрения; он описывает и способы добывания средств существования, и технику, и психологию, и семейные отношения, и организацию власти, и т. д. Рядом с таким описанием им очерчиваются и причины изменений. Главным фактором последних служит, конечно, «экономика».

Таково основное содержание книги. Написана она живо, сжатым языком, «эмоционально». Посвящена «юным коммунарам».

Если бы я признавал возможность «истории культуры» или «генетической социологии» в таком понимании, а равно и предпосылки, на которых последние строятся, то я должен был бы признать рецензируемую книгу довольно удачной. Из популярных работ такого типа она одна из лучших. Но в силу целого ряда оснований (о которых здесь не приходится говорить) такую «историю культуры» и такую «генетическую социологию» как науку я считаю несуществующими. Под этими именами обычно преподносится винегрет разных исторических данных. «Нельзя объять необъятное». Все такие работы представляют смесь обрывков знаний. *Не представляет отсюда исключения и данная книга.* Далее, даже и популярная

книга (я бы сказал: в особенности популярная) не должна допускать чрезмерные упрощения, существенные ошибки или спорные вопросы выдавать за бесспорные. *А такими фактами книга богата. Приведу примеры.* Автор, подобно многим марксистам, исходит из предпосылки однотипного развития различных народов. Очерченные фазы эволюции он считает «обязательными» для всех народов. Это спорно. Больше того, сейчас не без оснований большинство крупнейших исследователей этого вопроса решает его в обратном смысле – в смысле многолинейного, неоднобразного пути развития разных групп и народов. Далее, сама схема этапов автора (первобытно-коммунистическое общество, патриархально-родовая община и т. д.) *совершенно* произвольна. Здесь *даже* <и> марксисты (см., например, I т. «Русской истории» Н.А. Рожкова) не вполне сойдутся со схемой книги. Примерами крупных фактических ошибок могут служить такие положения: 1) полный коммунизм первобытной семьи и утверждения вроде таких, что «братство и равенство было основой ее» (с. 7), что здесь «все одинаково работают, одинаково получают за свой труд по потребностям, нет ни угнетателей, ни угнетаемых, все равны, все братья между собой» (с. 12) и т. п. Руссо в свое время мог так говорить, теперь, через полтора столетия, такие «идиллии» *годны только для детей младшего возраста*. Они решительно не соответствуют действительности. 2) Автор пишет: «в коммунистической семье женщина – руководительница и начальница семейной группы или рода. Она – умиротворительница и судья, – председательница на собраниях и хранительница священного огня... Громадный труд <ее>... внушает к ней еще большее уважение со стороны членов рода. Совершенно неправильно, следовательно, утверждение буржуазных ученых, верных слуг капитализма, что женщина и на первых порах общественной жизни была рабою мужчины» (с. 31). *Мне было бы интересно знать, на каком фундаменте построены эти категорические утверждения с обвинительным пунктом гг. «буржуазных ученых»?* Интересно было бы знать хоть один–два примера таких «первобытных обществ». Боюсь, что *автор их не укажет, и боюсь, что* ничего, кроме давно опровергнутой гипотезы Бахофена, он <автор> не сможет привести... По крайней мере, сейчас трудно указать хотя бы одного компетентного исследователя, придерживающегося таких взглядов. *Не мешало бы поэтому немного обуздать здесь «фантазию» и на место «нас возвышающего обмана» поставить «тьму низких истин»¹.*

То же можно было бы сказать о множестве других мест книги. Никакая научная популяризация не имеет права искажать факты и выдавать свою фантазию за научные положения. Спорной, конечно, становится и вся концепция автора вплоть до характеристики самого коммунистического общества. Если эту характеристику понимать как очерк грядущего идеального общества, то это одно дело, если же ее понимать как характеристику существующего коммунизма, то она неверна, ибо «сущее» здесь коренным образом расходится <пока> с этим «должным», идеальным обществом, очерченным автором.

Издана книга хорошо. С агитационной точки зрения *в среде людей незнающих* она достигнет своей цели.

<Рец. на кн.:>

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ

Издание «Наука и школа». Петроград, 1920

Под общим заголовком «Введение в науку» издательство «Наука и школа» предприняло издание серии выпусков по истории, философии, логике, психологии, этике, метафизике, эстетике, гносеологии, истории и философии истории. Цель издания – «дать в руки желающим серьезно и систематически заняться философией или пополнить свое философское и историческое образование, своего рода философский и исторический путеводитель». Это выполняется путем издания небольших – от 2-х до 5-ти листов – популярных выпусков, распадающихся на две части. В первой дается сжатое изложение самой дисциплины, во второй – критический обзор главнейшей литературы и пособий. К делу привлечены крупные специалисты и ученые.

Пока вышло четыре выпуска, а именно: *Э.Г. Радлов*. «Введение в философию», *С.А. Алексеев*. «Гносеология», *Л.П. Карсавин*. «Введение в историю», *А.Г. Вульфийус*. «Западная Европа в Новое время». Если некоторые из них могут служить «философским путеводителем» (и то, конечно, неполным), зато в других брошюрах, напр. в брошюре *А.Г. Вульфийуса*, на протяжении 27 стр. дающего характеристику Западной Европы в новое время со стороны экономического уклада, социально-политической организации и со стороны духовной жизни Европы, предпринята задача, очевидно, невозможная для простых смертных. Человек, незнакомый с «новой историей», из такой брошюры вынесет немного, а для знакомого с нею она излишня.

Не вполне выполнено и другое условие – популярность. Такие выпуски, как «Введение в историю» *Л.П. Карсавина*, для начинающих недоступны. Самое ценное в выпусках – это указание литературы предмета.

В общем издание полезно и нужно.

<Рец. на кн.:>

**Л.П. КАРСАВИН. ПРЕДМЕТ ИСТОРИИ
(ТЕОРИЯ ИСТОРИИ)**

Пг.: Наука и школа, 1920

«Предметом истории является человечество в его социальном развитии» как субъект всевременный и всепространственный, как некоторая вполне реальная целостность, многообразная в своем единстве и единая в своем многообразии. Развитие конструируется им как непрерывный ряд изменений этого единого субъекта. Задача истории – не раскрытие причинных зависимостей, не дающих понимания исторического процесса, а познание его сущности в его принципах и основаниях, в его цели и смысле. Это последнее достигается путем отнесения каждой фазы развития, каждого частного процесса к целокупности истории. Метод познания – не причинный анализ, а «вживание» в исторический процесс или сопереживание чужого душевного развития, «реальное проникновение в чужой душевный процесс».

Такова суть взглядов Л.П. Карсавина в реферируемом труде. Попутно автор затрагивает ряд других проблем (проблему прогресса, проблему факторов, роли личности и т. д.). Заканчивается очерк методологической характеристикой исторических источников, их роли, значения и видов.

Несмотря на весьма сжатое изложение, основная точка зрения автора проведена им последовательно, и в итоге получается довольно дельное философское понимание исторического процесса. Как философская концепция теория автора, наряду со многими другими, имеет свой *raison d'être*^{1*}. Она интересна и ценна. Но как научная теория она решительно неприемлема.

Во-первых, общее определение предмета истории совершенно неопределенно, термины «единство», «целостность», «единое многообразие и многообразное единство» совершенно неопределенны и неясны. Они решительно ни к чему не обязывают и допускают тысячи разнородных толкований.

Во-вторых, напрасно автор свой «организм развития» противопоставляет механическому атомизму. На деле при попытке изучения любого исторического процесса эта разница, радикальная с виду, фактически исчезает.

В-третьих, странно звучит определение задачи истории как объяснение исторического процесса в его принципах и основаниях, в его цели и смысле. Сами эти понятия неведомо что означают. А если и ведомо, то о какой цели и о каком смысле идет речь – трансцендентных или имманентных? Если о последних, то каких именно? Где гарантии, что исследователь свою субъективную цель не возведет на степень цели общезначимой? А затем, я не знаю ни одной науки, которая пыталась бы объяснять что-либо вне причинных отношений и сводила бы само объяснение к раскрытию цели и «смысла». Уже давно превзойден этот этап. Теперь естествознание не говорит: «Птица должна летать и потому имеет крылья», а говорит: «Птица имеет крылья и потому может летать». Утверждение Л.П. Карсавина, допустимое с философской точки зрения, с точки зрения научной едва ли приемлемо.

В-четвертых, едва ли обоснованно противоположение причинного метода методу «вживания» и возведение последнего на роль «краеугольного камня» теории истории. Здание, построенное на этом камне, будет весьма шатко. Метод «сопереживания» сплошь и рядом ведет нас к ошибочному пониманию поведения близких к нам лиц. Что же получится, если мы будем «воплощаться» в душу Ассурназирабала или Калиты, Перикла или австралийского негритоса и единственно таким путем будем строить историю? Ничего, кроме интересного, быть может, но все-таки субъективного исторического романа или рассказа, а не науки истории. Метод «вживания» имеет резон как вспомогательный метод для познания причинных отношений и поведения людей, но и только. И то следует пользоваться им очень осторожно.

Словом, основные принципы теории автора весьма спорны. Иными представляются мне решения отдельных вопросов, например проблемы прогресса. Здесь я согласен с ним. Ценный список пособий несколько субъективен и не совсем полон (нет, например, «Hauptprobleme d. Philosophie» Зиммеля, нет указаний на книгу Парето «Trattato di Sociologia generele», дающую весьма суровую и заслуженную критику «истории как науки» и др.).

Эти критические замечания, вызываемые полным расхождением понимания существа науки, ее задач автором книги и автором этих строк, не мешают последнему признать рецензируемый этюд интересным и философски ценным.

Данная работа предназначена служить пособием для лиц, приступающих к изучению теории истории и самой истории. Эта цель достигается второй частью выпуска, содержащей обзор литературы по методологии истории и указание классических работ исторической науки. Первая же часть, представляющая догматически сжатое изложение взглядов автора относительно теории истории, едва ли доступна для новичка. Зато она интересна для лиц, работающих в области истории и социальных наук вообще.

<Рец. на кн.:>

**Н. ЛОССКИЙ. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ
ГНОСЕОЛОГИИ**

Петроград, 1919. Изд. «Наука и школа», 247 стр.

В книге собраны статьи Н.О. Лосского, печатавшиеся за последние годы в различных журналах, кроме двух, печатающихся впервые. Статьи посвящены важнейшим вопросам теории знания. Можно стоять на совершенно иной философской точке зрения, чем теоретик «интуитивизма», и вместе с тем надо признать в нем большого «мастера». Его анализ и взгляды всегда интересны, изложение – живо и ясно, темы – значительны. Не имея возможности излагать и разбирать по существу содержание сборника, ограничимся сказанным, отсылая читателя к самой книге.

П.Л. ЛАВРОВ КАК СОЦИОЛОГ

П.Л. Лавров – это этап в развитии русской общественной мысли. На Лаврове воспитывалось целое поколение русской интеллигенции. Казалось бы поэтому, что Лавров изучен русской научной и общественной мыслью; казалось бы, что основные его философские и социологические взгляды должны быть известны. Казалось бы, иначе быть не может. И, однако, дело обстоит не так: Лавров как социолог почти не изучен. Творчество его в этой области, в которой он больше всего работал, мало исследовано. Оно мало известно не только широкой публике, но и специалистам. Таково фактическое положение дела. Правда, у нас много говорили и писали на темы «Лавров и субъективный метод», «Лавров и критически мыслящая личность», немало толковали об отношении Лаврова к Спенсеру и к теории Дарвина, слышали и знают его «формулу прогресса». Но это почти и все, что знают о нем как о социологе. Эти пункты традиционно выставляются всякий раз, когда заходит речь о Лаврове. Многие и многие полагают, что этими пунктами исчерпывается все главное, что Лавров внес в сокровищницу социальной науки.

Нужно ли говорить, что такие представления неверны? Нужно ли указывать, что «субъективный метод» и «теория критически мыслящих личностей» – это только отдельные пункты – и то едва ли главные – социологии Лаврова? Ими его социология не только не исчерпывается, но, отдельно взятые, без связи со всей социологической системой Петра Лавровича, они совершенно не дают представления ни о его социологии, ни о том, что им сделано в этой области, и едва ли даже могут быть правильно поняты вне его общих взглядов.

Этим я хочу сказать, что у Лаврова имеется *стройная и цельная система социологии*. Эта система им не только программно намечена, но и фактически осуществлена в ряде его работ. Большая часть основных трудов Лаврова, несмотря на различные их названия, представляет, по существу, не что иное, как отдельные главы лавровской «Социологии» – социологии выдержанной, последовательной и целостной.

Задача нижеследующих строк – указание на центральный пункт этой социологии, с одной стороны, с другой – самый краткий перечень важнейших вопросов, затронутых и решенных им в своей «системе».

„FORWARD!“

ВПЕРЕДЫ!

ИЗДАНИЕ Т-ВА
„КОЛОСЪ“.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
П. ВИТЯЗЕВА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ПОСВЯЩЕННЫХЪ ПАМЯТИ

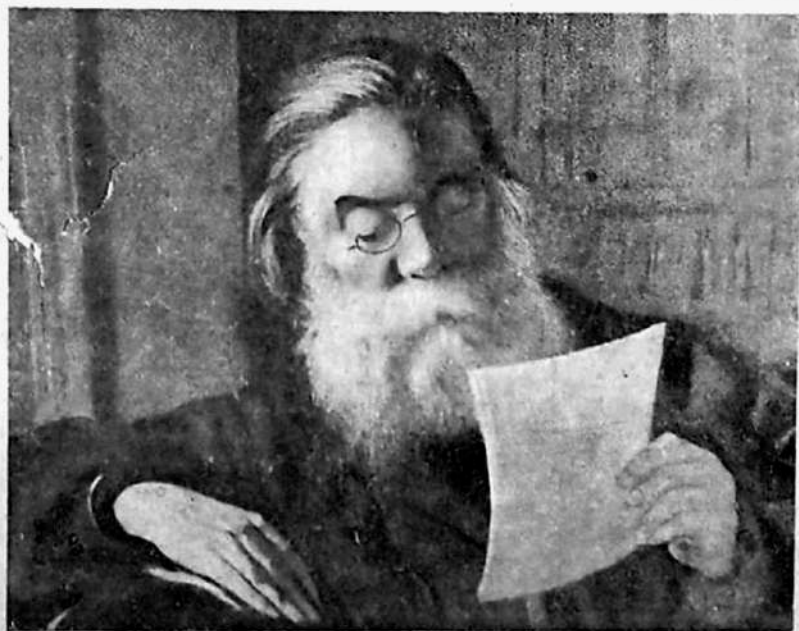
ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА.

1900 г.

7-го Февраля.

1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ: От редакціи:— На гранахъ жизни П. Витязева;— Социализмъ в учении П. Лаврова В. Трутовского;— П. Л. Лавровъ, какъ социологъ П. Сорокина;— Философія Лаврова Г. Шпета;— «Исторія мысли» и міросозерцаніе Лаврова А. Гизетти;— П. Лавровъ и Ва. Соловьева Э. Радлова;— П. Л. Лавровъ и А. И. Герценъ Г. Шпета;— П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій А. Гизетти;— Къ философіи истории Н. Л. Лаврова А. Штейнберга;— П. Л. Лавровъ и Коммуна Иванова-Разумника;— Анархизмъ и П. Л. Лаврова Б. Стоянова;— П. Л. Лавровъ в старомъ Истербургѣ П. Столяникова;— Хроника.

П. Л. Лавров.
(90-е годы).

С первого взгляда Лавров кажется «разбросанным». Его работы кажутся мало связанными друг с другом. Последние как будто посвящены самым разнообразным и далеким друг от друга вопросам. Заглавия их пестры и разнородны.

Но при более внимательном изучении Лаврова дело представляется в совершенно ином виде. Лавров оказывается «однолюбом», его разнородные работы – отдельными главами одного большого труда, различные его теоремы – развитием одной основной дисциплины – науки о человеческой солидарности, социологии.

Наука о солидарности, ее источниках, формах, причинах и результатах – вот то, над чем Лавров работал всю жизнь, вот то, что кратко определяет суть его социологической системы. Солидарность – такова основная проблема, которую он неустанно изучал и развивал в большинстве своих работ. Это положение служит ариадниной нитью, позволяющей легко ориентироваться в научном наследстве Лаврова, в его теоретических взглядах и практических рецептах.

Социология, неоднократно указывает Лавров, это «учение о формах солидарности сознательных особей, об условиях скрепления и ослабления этой солидарности при различной степени развития этих особей и форм общежития»¹. Таково определение социологии, даваемое Лавровым. Социологические работы Лаврова, как я указал, и были, по существу, созданием такой дисциплины о солидарности.

«Опыт истории мысли», «Важнейшие моменты в истории мысли» и другие работы представляют собой монографии, посвященные истории развития солидарности. Здесь Лавров изучает: причины возникновения солидарности; необходимые условия ее возможности; основные этапы ее эволюции; основные формы, которые она принимала; факторы, благоприятствующие ее росту; факторы, ее ослабляющие; закономерности (повторяющиеся и неповторяющиеся) в этой области явлений – словом, ряд основных проблем, связанных с явлением солидарности. Такое задание, естественно, не позволяло и не позволяет исследователю замкнуться в границы одной дисциплины. Солидарность – явление сложнейшее. Для своего понимания она требует от исследователя «энциклопедичности» и солидной подготовки во всех науках, изучающих физико-химические явления, явления жизненные и явления психического характера, не говоря уже о явлениях социальных.

Отсюда становится понятным, почему Лавров в своих работах столь много уделяет места изучению физико-химических условий, благоприятствовавших возникновению солидарности, изучению биологических явлений, вызвавших ее появление и первые формы, и в особенности изучению явлений психических, начиная с низших форм психики и кончая критической научной мыслью, которая служит *conditio sine qua non*^{1*} высших форм солидарности. Дойдя до это-

¹ См.: Опыт истории мысли нового времени, т. I, Женева, с. 75–76, 82; Важнейшие моменты в истории мысли, с. 978–979; Собрание сочинений Лаврова, вып. III, с. 75 и др.

го пункта и оценив громадное – решающее – значение «критической мысли» для прогресса солидарности, Лавров особенно детально и любовно исследовал и анализировал этот фазис сознательной солидарности и формы последней, обусловливаемые характером и высотой критической мысли. Отсюда – как простой вывод – и теория «критически мыслящих личностей», необходимых «для роста и прогресса солидарности». Отсюда теория «исторических и неисторических» народов, культурных дикарей и т. д. Отсюда же и его «формула прогресса». Отсюда и его практические рецепты, в совокупности своей дающие лавровское понимание социализма. Этот последний, с точки зрения Лаврова, есть не что иное, как высшая форма солидарности, как «требование солидарности всего человечества». Таким путем практическая социология Лаврова связывается с его теоретической социологией, служит простым выводом и продолжением последней (ибо «наука о солидарности, или социология, не только ставит себе теоретическую задачу понять формы солидарности, но столь же неизбежно и практическую задачу – осуществить эти понятые формы»). Правда-справедливость сливается с правдой-истиной^{2*}. Теория и практика Лаврова неразрывно дополняют друг друга, и вся его «Система социологии» приобретает цельность, последовательность и монолитность.

Таков центральный пункт, основной принцип социологии Лаврова.

В границах данной заметки немислимо рассмотреть по существу то содержание, которое им вложено в очерченную чрезвычайно широкую схему, т. е. положения, которые в совокупности составляют содержание науки о солидарности. Не ставя такой задачи, я ограничусь лишь общим положением, гласящим: труды Лаврова заслуживают самого внимательного изучения социологов вообще и русских социологов в частности. В своих работах он дает ряд теорем, которые приходится признать правильными и теперь. Ряд социологических положений, давших известность многим социологам, были раньше последних сформулированы Лавровым. Материал, которым он оперирует, и эрудиция Лаврова поразительны. Беспристрастность такой оценки следует из того, что лично я во многом не разделяю взглядов Лаврова на понимание социологии. Больше того, я в корне расхожусь с ним в самом исходном пункте – в построении социологии как науки о солидарности. И тем не менее глубоко убежден в правильности приведенной оценки Лаврова. Он был и остается крупнейшим русским социологом.

Постараюсь привести несколько фактов, подтверждающих данную оценку.

В «Опыте истории мысли» и в других работах Лавров или ранее, или одновременно со многими «географистами» исследовал влияние географической среды и среды космической на общественную жизнь и историю людей. Все то главное, что мы находим у Ратцеля, Демолена, Мужоля, Маттеуци и позднейших географистов, Лавровым очерчено, но без преувеличений и ошибок последних.

Учены им и те *расовые факторы*, которые вызвали к жизни антропо-расовые социологические теории (Гобино, Гумплович, Лапуж, Аммон, Реймер и др.). Но опять-таки Лавров свободен от односторонности последних.

Ряд современных работ, посвященных изучению *космических и биологических условий*, вызвавших появление и содействовавших росту общественной жизни людей (например, работа Пармели и др.), по существу повторяют Лаврова (не будучи знакомыми с его взглядами).

Ранее школы Дюркгейма Лавров довольно детально установил *функциональную связь развития мысли и общественности*. Гораздо раньше Болдуина он исследовал параллелизм *онтогенетического развития индивида с филогенетическим развитием общества* и основные законы превращения детского индивидуума в *socius*'а.

Раньше Гиддингса он подробно аргументировал *связь солидарности людей с их сходством* и, в частности, *влияние умственного и нравственного сходства* (Like-mindedness Гиддингса) *на солидарность и ее укрепление*.

Раньше Зиммеля и Дюркгейма он очертил *социальные эффекты общественного разделения труда*.

В его науке о солидарности имеется все то ценное, что гораздо позже было выдвинуто Л. Буржуа и рядом других французских «солидаристов».

Достаточно подробно Лавровым изучена роль «*взаимной помощи*» как фактора эволюции, тезис, блестяще развитый П.А. Кропоткиным.

Раньше Гумпловича он дал систематическое *учение о государстве* как об организованном насилии меньшинством большинства.

У него находим точно очерченной *теорию нелогических актов и верований* как факторов, развитую в последней работе Парето.

Лавров же *expressis verbis*^{3*} указал на *консервативную природу бессознательной солидарности*, стадности – тезис, теперь доказываемый многими биологами и социологами.

Лавров был одним из первых *критиков «органицизма» и упрощенного дарвинизма*.

В его работах мы находим все здоровые теоретические основы *синдикализма*, позже в утрированном виде развитые синдикалистами-теоретиками (Сорель, Лагардель, Пуже, Берт, Лабриола и др.).

Он был одним из первых теоретиков *многолинейности развития* различных человеческих групп, тезис теперь разделяемый и Дюркгеймом, и Ваксвейлером, и Штейнметцом, и Парето, и многими другими.

Еще в 70-х гг. он подчеркивал существование *ритмических процессов* в общественной жизни, их причины и формы; это положение теперь начинает привлекать все большее и большее внимание социологов (Вебер, Парето и др.).

Я нарочно указал ряд самых разнообразных положений, выдвинутых Лавровым. Они далеко не исчерпывают оставленного им социологического наследства. Но они же говорят нам, что у Лаврова можно найти многое, что позже его было развито другими, что только теперь начинает привлекать внимание социологов, что раньше прошло совершенно незамеченным или казалось парадоксальным. А все это говорит о том, что социология Лаврова далеко еще не отошла в область истории, она в огромной своей части находится в «орбите дня», как живое и живущее тело.

Быть может, еще в большей степени Лавров жив как *теоретик «практической социологии»*, как *идеолог социализма*. То, что недавно еще казалось многим в его социализме «ненаучным», теперь, после проделанного опыта, пожалуй, не покажется таким. Опасности, на которые он указывал, от которых предостерегал, пожалуй, оправдались. Одной из них, по мнению Лаврова, была и остается возможность подавления личности и критической мысли гипертрофированным стадно-общественным началом, возможность заклания личности на алтаре общества. Критикуя органицизм, он критиковал и его вывод: превращение личности в «палец от ноги». Исследуя роль критической мысли в эволюции солидарности, он указывал на возможность застоя при подавлении личности и свободы мысли. Осмеивая потугинскую «цивилизацию»^{4*} он писал: «Нашему отечеству, как всем народам мира, надо побольше *людей мысли* и поменьше “*людей культуры*”. Иначе – застой, иначе – остановка прогресса»^{5*}.

Эти, как и ряд других положений социалиста Лаврова, заставляют внимательнее изучить его и как «практического социолога». Немало ценного можно найти у него и в этом отношении. Я не хочу сказать этим: «назад к Лаврову!», а хочу сказать, что в процессе достижения более высоких идеалов справедливости и наилучшего общественного устройства немало ценных указаний и положений можно найти у П.Л. Лаврова как социолога-практика.

1921

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИИ НА ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ И РЕФЛЕКСОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

§ 1

Задача нижеследующих строк – краткая характеристика того влияния, которое профессиональная деятельность оказывает на поведение и переживания людей, с одной стороны, с другой – краткое описание социальных эффектов, являющихся следствием такого влияния профессии.

Сейчас не приходится сомневаться в деформационной роли профессии, но эта роль до сих пор систематически не изучена. Попробуем восполнить этот пробел, очертив кратко, но всесторонне, влияние профессии на поведение людей и их общественную жизнь.

Начнем с указания на общие начала, лежащие в основе детерминирования человеческого поведения в профессиональной деятельности. Таким общим началом служит факт рикошетного влияния выполнения актов или поступков на всю физическую и нервно-мозговую структуру человека, с одной стороны, с другой – рикошетное влияние на само поведение. Даже у низших животных, как показали исследования Дженнингса, у нас – Метальникова (см.: *Jennings. The behavior of lower Organisms, Метальников. Рефлексы как творческий акт* – «Известия Академии Наук»), способы реагирования на один и тот же стимул различны при повторении одного и того же раздражения. Схема этого процесса такова: стимул вызывает ответный акт (реакцию), выполнение этой реакции в свою очередь изменяет физиологическое состояние организма. Изменение этого состояния в свою очередь изменяет формы реагирования на тот же стимул.

То же применимо и к человеку. Известна зависимость актов человека от его физиологического и нервно-мозгового состояния (характера психических переживаний). Когда людям грустно – они плачут, когда весело – смеются, в состоянии гнева и ярости они сжимают кулаки, скрежещут зубами и т. д.¹ Словом, эта функциональная связь между нервно-мозговым и физиологическим состоянием

¹ См. об этом: *Дарвин. О выражении ощущений у человека и животных. Есть ряд русских переводов.*

(«независимая переменная») и между характером внешних поступков – доступных наблюдателю внешних рефлексов поведения («функция») – общеизвестна и несомненна. Менее известна широкой публике, но столь же несомненна обратная зависимость физиологического и нервно-мозгового состояния (психических переживаний) от характера выполняемых человеком внешних актов поведения – зависимость, где эти акты служат «независимой переменной» функционального ряда, а физиологическое и нервно-мозговое состояние – «функцией» первых. Джемсу и Ланге принадлежит заслуга отчетливого выявления этой рикошетной зависимости². Хотя в утверждениях этих авторов были свои односторонности и преувеличения, тем не менее наличие такого рикошетного влияния не подлежит сомнению^{1*}. Часто достаточно рассмеяться, чтобы вызвать «веселое» настроение; достаточно принять грустную позу, чтобы создать «грустное» настроение; достаточно воспроизвести акты и мимику гнева, чтобы прийти в ярость. «Мы печальны? Песенка, которую мы сначала будем напевать против сердца, незаметным образом возбudit в нас переживание радости»³. «Наиболее глубокие психологи-практики, занимавшиеся воспитанием чувств, как Игнатий Лойола и Паскаль, рекомендуют внешние акты веры как лучшее средство для поставления души в соответственное религиозно-аффективное состояние... Вурке уверял, что часто гнев зажигался в нем по мере того, как он воспринимал внешние знаки этого аффекта... Разве собаки, играя борющиеся друг с другом, не начинают в конце концов сердиться не на шутку?»⁴

Эти факты известны и всегда могут быть проверены⁵.

Раз всякий акт рикошетом (не говоря уже об «опыте», рождающемся из актов и реакций) оказывает влияние на человека – его структуру, состояния и переживания, то тем большее значение в этом отношении получают акты и поступки, многократно выполняемые. Их «давление» на субъекта в силу многократного повторения растет. Они неизбежно накладывают свою печать и свой штамп на человека. Освободиться от их влияния последний не может.

Отсюда вполне понятна громадная деформационная роль профессиональной деятельности. Под ней я разумею постоянное, длящееся занятие индивида, дающее ему средства к существованию. Из этого определения само собой следует, что профессиональные акты суть акты, выполняемые человеком постоянно, изо дня в день, многократно, раз человек имеет какую-нибудь профессию. Если же всякий акт рикошетом влияет на поведение, переживание и состояние его выпол-

² См.: Джемс. Психология. 1916, гл. XXIV. Его же статья в Mind'е за 1884 г. Ланге. Душевные движения. 1896.

³ Levy P. L'education de la volonté, p. 95, 96, 97.

⁴ Payot. Education de la volonté. Paris, 1907, p. 61–62, вся III гл. См. подробнее об этом: Сорокин. Система социологии, т. 1, с. 176–193.

⁵ См. об этом: Watson. Behavior. 1914; Meyer. Fundamental Laws of Human Behavior. 1911; Weiss. Relation between functional and behavior psychology. – The Psychol. Review. 1917, № 5, p. 353–368.

нителя, то тем более это относится к профессиональным актам. Они поистине преобразуют человека по своему образу и подобию, деформируют его всесторонне, и тем сильнее, чем *ceteris paribus*^{2*} он дольше выполняет эти профессиональные акты, чем специфичнее последние, чем больших усилий и приспособления требуют они для успешного выполнения от соответствующего профессионала.

Такова вкратце общая основа деформирующей роли профессиональной деятельности.

§ 2

Проследим теперь кратко основные формы влияния профессии на человека. Четкости и ясности ради это влияние можно подразделить на: 1) деформацию анатомического и соматического строения человека его профессией; 2) на деформацию его двигательных рефлексов в связи с деформацией его внешности (облика-аспекта); 3) на деформацию психических переживаний и всей психической личности человека; 4) наконец, на деформацию всего образа жизни как сообщественника.

А) Соматическая деформация человека его профессией и «профессиональный отбор»

Влияние профессии на физико-соматическую структуру человека сказывается прежде всего в своеобразном «профессиональном отборе». Это явление состоит в том, что в ряде профессий, чтобы попасть в члены профессиональной группы, индивиды должны обладать определенными соматическими признаками или быть свободными от других. Такое обстоятельство ведет к своеобразному «подбору» антрополого-соматического состава членов малых профессий. Так, для того, чтобы быть профессионалом-певцом, индивид должен иметь хороший голос, т. е. определенное строение голосового аппарата. Люди с плохим голосом не могут стать профессиональными певцами, а тем более – успешно работать в этой профессии. Профессия крючника требует от его члена сильной мускулатуры и здоровья. Люди больные, слабые не могут войти и удержаться в кругу профессии крючников, а тем более быть хорошими профессионалами. Безногий человек не может быть хорошим наездником, безобразная женщина – успешной куртизанкой, толстый и разжиревший индивид – цирковым акробатом, глухой – хорошим музыкантом, слепой – художником, калека – военным и т. д. Раз дело обстоит так, то следствием его должен быть факт своеобразного антропологического состава членов ряда профессиональных групп. Как общее правило, профессионалы-крючники должны быть сильными людьми с хорошо развитой мускулатурой, профессионалы-певцы будут в общем обладать таким устройством

голосового аппарата, который обеспечивает возможность хорошего голоса; группа успешных куртизанок в общем будет состоять из «красавиц», цирковые акробаты – из лиц с гибким и эластичным телом и т. д. А это значит, что состав членов резко различных профессиональных групп с соматической стороны неизбежно должен быть различным, и обратно, соматическое строение членов одной и той же профессии в ряде профессий должно быть сходным, и именно в тех отношениях, которые вытекают из самого характера данной профессии. Отсюда понятна возможность существования специальной профессиональной антропологии. Отсюда же ясно, что я разумею под «профессиональным отбором». Он требует специального исследования. Такое исследование в последнее время (хотя и в иной постановке) делалось кое-кем и дало известные результаты, вполне подкрепляющие указанные общие положения, но эти исследования должны быть поставлены шире и точнее по сравнению с произведенными⁶.

Из сказанного ясно, что профессиональный отбор представляет явление, отличное от деформации. Специфический с соматической точки зрения состав ряда профессиональных групп вызван, прежде всего, отбором, который «механически» производит профессия. Без всякого деформирующего влияния профессиональной деятельности в ряде профессиональных групп в силу очерченного отбора происходят «подбор» годных для нее индивидов и исключение – негодных, неподходящих. Следствием этого является специфический антропологический состав членов таких профессий.

Если предположить, что такой отбор в данной профессии совершается длительно, и если бы не было других пертурбационных факторов, то в итоге такого профессионального отбора могли бы создаться настоящие соматические вариации человека. Ограничиваюсь сказанным в характеристике «профессионального отбора» и перехожу к описанию соматической деформации человека, производимой его профессией.

Существование такой деформации не подлежит сомнению. Профессиональная работа волей-неволей заставляет человеческий организм приспособляться, «приноравливаться» к ней. Постоянное выполнение ее неизбежно вызывает атрофию ненужных для этой работы органов и гипертрофию или трансформацию органов, служащих для выполнения профессиональных актов. Де Моор вполне правильно говорит, что «форма мускулов варьирует сообразно с функциональными возбуждениями, вытекающими из их работы»⁷. «Организм не перестает приспособляться различным способом к выполняемой им работе, что-

⁶ Кое-какой материал на этот счет дается Аммоном в его «Die natürliche Auslese beim Menschen» (Jena, 1893) и «Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen» (Jena, 1895), Ланужем в его «Sélections sociales» (1896) и особенно Niceforo «Antropologie d. Nichtbesitzenden Klassen» (1910).

⁷ De Moor. La plasticité organique du muscle. Travaux de l'Institut de physiologie [Inst. Solvay]; 1902, t. V, fasc. 3, p. 327.

бы установить такой способ функционирования, который давал бы возможность избегать или уменьшать всякую бесполезную трату энергии»⁸. Эта деформация организма, вызываемая профессиональной работой, – частный случай более общего биологического принципа, гласящего: «функция создает орган»⁹. Раз видоизменяются органы, раз одни из них гипертрофируются, другие – ослабляются, это значит испытывает деформацию и весь организм профессионала. Фактов, подтверждающих сказанное, сколько угодно. Приведу некоторые. Таковы: развитие и укрепление мускулатуры пальцев и кисти руки у пианистов, огрубление кожи рук у лиц, занимающихся «черной» работой (дровосеков, столяров, землекопов и т. д.), гистологическое «изнеживание» кожи рук у лиц, занятых «белой» работой¹⁰, развитие мускулатуры у крючников и лиц, занятых тяжелым физическим трудом, изменение гистологического строения кожи кочегаров, искривление позвоночника у лиц, много времени проводящих за письменным столом, появление «военной косточки» у ряда военных профессионалов, искривление ног у кавалеристов, значительная деформация всего организма у атлетов, акробатов и т. д., и т. д. Прибавьте к этому патологически-болезненные изменения организма и физиологических процессов, вызываемые той же профессией: «катаральное состояние горла» («профессиональная болезнь») у педагогов и лиц, много говорящих, геморрой у лиц, принадлежащих к сидячим профессиям, венерические болезни и деформация половых и детородных органов у проституток, близорукость у «пишущей и читающей» братии, у наборщиков, часовых мастеров, чахотку и болезненное изменение дыхательных органов у профессионалов, работающих (в силу своей профессии) в сырых и антигигиенических помещениях, ожирение аббатов, монахов и священников во времена «тихого и мирного жития их», поранения и искалечения военных, падающие на их долю в силу их профессии, и т. д., и т. д., – учтите бесчисленные факты такого рода, и громадная соматическая деформация, вызываемая профессией, станет ясной. Она станет еще более рельефной, если взять всю физиологию и все строение тела членов различных профессий. Самый неопытный наблюдатель легко отличает бросающуюся в глаза разницу между пишущим здоровьем «землеробом» или рыболовом, с одной стороны, и бледным рабочим – жителем фабрик, чиновником, ученым или членом других «умственных» профессий, проводящим главное время не на чистом воздухе, а в прокуренных и зараженных канцеляриях, фабриках, заводах,

⁸ *Imbert*. Mode de fonctionnement économique de l'organisme. Paris, 1902, p. 11.

⁹ Это положение, как известно, прекрасно было сформулировано еще Ламарком. «Dans tout animal, – говорит он в своей “Philosophie Zoologique”, – qui n'a point dépassé la terme de son développement, l'emploi plus fréquent et soutenu d'un organe quelconque fortifie peu à peu cet organe, le développe, l'agrandit et lui donne une puissance proportionnée à la durée de cet emploi. Au contraire, le défaut constant d'usage de tel organe l'affaiblit insensiblement et le détériore, diminue progressivement ses facultés et tend à le faire disparaître»^{3*}.

¹⁰ Соответствующие препараты показывал мне, между прочим, профессор А.В. Немилев.

аудиториях. Конечно, бывают исключения, но они меня сейчас не интересуют. Недаром же считают крестьянское и сельское население источником здоровья, регулярно и непрерывно доставляющим здоровые элементы городу и городским профессиям, быстро изнашивающим это здоровье и неспособным самим возобновлять его¹¹.

О том же, наконец, говорят и цифры профессиональной смертности: известно, что они довольно резко колеблются от профессии к профессии¹².

Эта деформирующая роль профессии в данном отношении столь значительна, что ряд авторов не без основания доказывает профессиональное происхождение различных вариаций *Homo sapiens*, многими считавшихся за особые расовые разновидности¹³.

В данной программной статье нет дальнейшей надобности доказывать очерчиваемую деформирующую роль профессии. Она не подлежит сомнению. Задача дальнейших исследований – детализировать изучение и описание форм этой деформации; существование же самого факта соматической деформации в доказательстве не нуждается. Перехожу к описанию дальнейших форм деформирующего влияния профессии.

В) Профессиональная деформация «бросающихся в глаза» двигательных рефлексов и внешнего облика человека

Следующей категорией явлений, вызванных профессиональной деятельностью, служит факт изменения «бросающихся в глаза» внешних двигательных рефлексов человека и его внешнего облика. Более или менее длительное выполнение профессиональных актов накладывает определенный штамп на внешние движения человека и на все его «обличие». Кто не знает переваливающуюся или качающуюся походку матросов и моряков, привитую им их профессией? Кому не известны плавные и величественные движения (походка, движения рук и т. д.) священников? Кто не видал «военную выправку» старых солдат, офицеров и вообще лиц, долгое время подвергавшихся военной муштровке? Она, как известно, в ряде случаев, особенно у старых «николаевских солдат», оставалась и сохраняется всю жизнь по выходе в отставку, когда она излишня и бесцель-

¹¹ См. об этом: *Аммон*. Указ. работы; *Giddings*. The elements of sociology. 1912, гл. X.

¹² См. об этом: *Новосельский*. Смертность и продолжительность жизни в России. 1916, с. 142; *Майр*. Статистика и обществоведение, т. I–III и ряд статей в «Бюллетенях международного статистического Института», например, в XIX т., вып. 1, с. 175 и др.

¹³ См., например: *Demolin*. Comment la route crée le type social, т. I и II, где он показывает, как географическая среда, в которой жили разные народы, диктовала им соответствующую профессию и способы добывания средств существования, а эти последние деформировали, в свою очередь, физический и психический тип этих народов, см. его же: *Les français d'aujourd'hui*, 1898, где он то же показал в применении к различным местным типам (провансальца, оверньянца и т. д.) Франции.

на. Больше того. «Манера держаться» человека во многих случаях ясно говорит о его профессии. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы по этой «манере держаться» в ряде случаев совершенно правильно определить профессию человека. Понаблюдайте внимательно в наше время за «манерой держаться» многих лиц, встречаемых вами на улице. Довольно часто вы безошибочно узнаете бывшего старого бюрократа, бывшего сильного человека в субъекте, весьма скромно одетом и занимающем весьма скромное место. Я лично три раза ставил такой прогноз, и по проверке он оказался правильным. И обратно, в ряде лиц, занимающих в наше время крупные посты, одетых с большой претензией и шиком, по их «манере держаться» вы легко узнаете недавнего парикмахера, пролетария, приказчика или лакея. Их старая профессия наложила так называемый штамп на всю их «манеру держаться», и она выдает их бывшую профессиональную деятельность. Приглядитесь далее к движениям кафешантантных певиц, этуалей и шансонеток, к рефлексам поведения проституток – и вы легко усмотрите в них нечто «специфическое», что определяет их занятие без всяких слов... То же может быть сказано и о ряде других профессий...

Еще резче выступает этот факт, если иметь в виду не только бессловесные движения человека, но его речь, его словесные рефлексии: способы выговаривания слов («так точно», «рад стараться» и т. д. старых солдат, «извольте-с», «что прикажете-с» и прочие слова с типичным для «человека из ресторана» или лакея прибавлением «с» чуть не к каждому слову, своеобразная дикция провинциальных купцов старозаветного уклада и т. д.), формы их связывания, конструкцию фразы и особенно терминологию. По речи человека почти каждый внимательный наблюдатель легко определит: представителем «мускульной» профессии или «интеллектуальной» является он, «интеллигентен» он или нет. Терминология же человека в течение довольно недлинного разговора «выдает с головой» его профессию. Ниже, при характеристике психической деформации человека под влиянием его профессии, мы увидим, что каждая профессия имеет свою терминологию, эта терминология прививается к ее членам и бессознательно применяется ими в нужных и ненужных случаях. Типографические рабочие и корректоры имеют свою терминологию («метранпаж», «нонпарель», «корпус», «ротационка», «корректур»¹⁴ и т. д.), моряки – свою¹⁵, рабочий той или иной фабрики – свою, преступники – свое арго и т. д.¹⁶

¹⁴ См., например, один из рассказов *А. Чехова*, прекрасно передающий терминологию газетного репортера. Заглавие его я забыл.

¹⁵ См., например, «Жизнь на Миссисипи» *М. Твена*.

¹⁶ Пример: Возьму бомбу, куплю фомку (отмычку), ой, ой-ой, ой.

И пойдем с тобой на громку (взлом), братец мой.

Так клюку (решетку) мы подвернем, ой, ой-ой, ой.

И всю сарку (казну) заметем, братец мой.

Вот балда в окно застремил, ой, ой-ой, ой,

И всю лодку вскароводил, братец мой... и т. д.

Словом, по терминологическим словесным рефлексам очень нетрудно определить профессию человека¹⁷. То же применимо и к деталям. Напр., в ряде случаев вы вполне правильно определите в собрании неизвестных вам профессоров из их разговоров на обычные темы специальность каждого из них.

Наконец, профессия деформирует и «внешнее обличье» человека. Общим явлением этого рода служит прежде всего одежда людей. Многие профессии, особенно при исполнении профессиональных обязанностей, «облачают» человека в свою одежду, ясно говорящую о профессии последнего. Таковы: ряса и одежда священников и ксендзов, белый халат медицинского персонала, чепчик и фартучек горничных, белый колпак повара, одежда трубочиста, водолаза, кучера, лакея, мундир военных, красные лампасы и отвороты генералов, «форменный мундир» чиновников разных ведомств, форменное платье и кокарды студентов университета, психоневрологов, сельскохозяйственников, путейцев, специфическая одежда «чекистов», различные нашивки, кокарды, значки лиц разных профессий и т. п.

В таких фактах (а их тысячи) штамп профессии назойливо сам бросается в глаза и говорит яснее всяких слов.

Второй категорией фактов этого рода служит профессиональный штамп, накладываемый профессией на «обличье», лицо человека в узком смысле. «Весь бритый, как артист», длинные волосы и благообразная борода священников, выбривание макушки у лиц «католического» духовенства, борода, оставляемая только на шее, у моряков и рыбаков, манера чрезмерного накрашивания лица у особ «легкого поведения» и т. д. – вот примеры множества таких фактов профессионального видоизменения «обличья» человека.

Из сказанного мы видим, что профессия действительно штампует манеру поведения и «обличье» человека по своему образу и подобию. Чем дольше человек занимается своей профессией, тем резче эта печать профессии, тем она неизгладимее и рельефнее.

Перехожу к характеристике дальнейших форм профессиональной деформации.

С) Психический отбор и психическая деформация человека, производимые профессией¹⁸

Профессия деформирует и весь психический уклад профессионала, как в деталях, так и в целом. Как и при физическом профессиональном отборе, влияние

¹⁷ Опять-таки я лично производил несколько таких опытных прогнозов, и они по проверке оказывались правильными.

¹⁸ Для краткости я пользуюсь терминологией «субъективной психологии». Объективно под «психической» деформацией я разумею деформацию речевых (вокальных и субвокальных) рефлексов плюс ряд других «дополнительных» реактивных актов.

профессиональной дифференциации населения сказывается прежде всего в профессиональном «психическом отборе» людей. Как и в первом случае, происходит своеобразный психический подбор членов той или иной профессиональной группы, производимый профессией механически. Ряд профессий требуют для удовлетворительного выполнения определенных психических свойств от своих членов. Человек, не обладающий этими свойствами, не может попасть в такую профессию или, попав, «за непригодностью» исключается из нее. Примеры: человек рассеянный не может быть хорошим казначеем или бухгалтером, человек искренний и откровенный не может быть хорошим дипломатом, грубиян и развратник – хорошим педагогом, «не фанатик» – лидером религиозной секты или крайней революционной партии, лицо, пугающееся крови, – хорошим хирургом и т. д. Таков один разряд фактов. Другим, более обширным классом фактов того же рода служат явления разнообразных «психических» цензов, предъявляемых желающим попасть в члены той или иной профессии. Чтобы стать профессором, человек должен выдержать ряд экзаменов или проявить свои способности – иначе он им не сделается. То же относится к профессии врача, инженера, наборщика, капитана судна и т. д. Словом, в ряд профессий люди могут попасть, только проявив так или иначе наличность требуемых профессией психических свойств (особых рефлексов).

Для меня сейчас не важно, будут ли эти требуемые профессией психические свойства наследственными дарами или индивидуально приобретенными¹⁹; для меня важен сейчас лишь сам факт требования наличности определенных психических свойств для того, чтобы стать членом ряда профессий. Такие барьеры, мешающие проникновению в профессию, в виде экзаменов, стажа, имущественного ценза, производства тех или иных работ (например, диссертации, пробной работы и т. п.) существуют в большинстве профессий; они служат «реактивами»,

¹⁹ Исследования школы Гальтона и отчасти школы Пирсона говорят о том, что звездами первой величины в той или иной отрасли деятельности обычно делаются «наследственные гении». См.: *Gallon. Hereditary Genius. 1892*; *Pearson. On the inheritance of mental and moral character in Man Biometrika. Vol. III; Ego же. National Life from the Standpoint of Science; Thorndike. An Introduction to the Theory of mental and social measurements. 1904; Woods. Mental and moral Heredity in Royalty.*

Отсюда практический вывод: при сознательном подборе членов той или иной профессии всего лучше подбирать в нее лиц, обладающих наследственными способностями, требующимися данной профессией. Как известно, это правило за последнее время начинает уже систематично применяться на Западе. См., например: *Мюнстерберг. Психология и экономическая жизнь* (есть рус. перевод), работы Тейлора и тейлористов. Вопрос лишь в том, насколько надежны методы определения наличности или отсутствия соответствующих способностей у людей. Здесь я считаю долгом предостеречь от слишком скороспелого и упрощенного решения этого вопроса, которое начинает сейчас практиковаться у нас разными «прожектерами», обычно представляющими «чичиковых от науки» или «научных спекулянтов», ничего, кроме вреда, не способных причинить своими «научнообразными» «прожектами», приготовляемыми со скоростью пулеметных выстрелов.

испытывающими профессиональную годность человека, и образуют механическую машину или орудия профессионального отбора. Легко понять, что в результате такого условия неизбежно должен происходить специфический подбор лиц с определенными психическими свойствами в состав ряда профессиональных групп. В силу одного этого подбора, без влияния психически деформирующей роли профессии, состав членов ряда профессий с психической стороны должен быть специфическим. Благодаря одному отбору члены одной и той же профессиональной группы психически во многом будут сходными (именно в тех свойствах, которые требуются данной профессией); и наоборот: члены резко различных профессий во многом психически будут различными.

Если же учесть факт психической деформации человека его профессией, то это явление становится несомненным и неизбежным. В существовании факта такой психической деформации не приходится сомневаться. Она проявляется как в мелких фактах, так и в крупных.

Вместо подробного приведения фактов я позволю себе отослать читателя к «Жизни на Миссисипи» М. Твена, где шаг за шагом и весьма метко описана психическая деформация автора, поступившего на пароход и желавшего стать штурвальным. Там показано, как он должен был усвоить постепенно терминологию «моряков», направлять свое внимание на то, что проходило раньше незаметным, замечать и форму берега, и характер ряби на реке, и ряд признаков, показывающих, где мель, где фарватер, и ряд других психических навыков, необходимых для того, чтобы выполнять обязанности штурвального. Любая профессия для удовлетворительного ее выполнения требует соответствующей психической аккомодации к себе. Профессия певца, музыканта требует развития «музыкального слуха» и постановки голоса, профессия художника – остроты восприятия световых и цветовых тонов и форм, профессия биржевого дельца – способности учета повышения и понижения бумаг, профессия партийного дельца – умения играть на психических струнах членов партийного стада, профессия спекулянта – тонких выкладок и расчетов, необходимых для успешной спекулятивной операции, профессия проститутки – подавления естественной репульсии спариваться с первым встречным, профессия привычного убийцы – способности хладнокровного отношения к мучениям и смерти своих жертв и т. д., и т. д. Без развития соответствующих свойств люди не могли бы долго оставаться в их профессии, а тем более – удовлетворительно выполнять ее. Они были бы исключены из нее либо сами ушли бы из «абонентов» «ненавистой» профессии или «покончили бы с собой». И мы видим ряд случаев, где люди, не приспособившиеся к своей профессии, мучаются, либо переменяют ее, либо кончают счеты с жизнью.

Все же остальные (а таковых большинство), остающиеся подолгу в своей профессии, в итоге так или иначе приспособляются к ней, т. е. подвергаются надлежащей психической деформации.

В тех случаях, когда человек имел «наследственное призвание» к профессии, эта аккомодация к ней, или деформация, совершается легко, без боли, мучений и страданий. Когда же человек попадает не в «свою профессиональную тарелку», эта деформация совершается труднее, с большими муками и терзаниями.

Особенно интересными с точки зрения профессиональной психической деформации являются случаи последнего рода, похожие на принуждение расти дерево в сторону, противоположную его естественной тенденции. Обратитесь для примера к биографии многих профессиональных убийц, преступников и проституток. Теперь нет надобности критиковать односторонности теории «прирожденных убийц» Ломброзо. Мы знаем, что в большинстве случаев такими профессионалами делались вполне нормальные люди. Из биографий многих «героев» преступного мира и мира проституции мы знаем, что первые акты убийства, или кражи, или проституции они совершали под влиянием исключительных условий (исключительного комплекса стимулов), совершали с отвращением, с муками, угрызениями совести. Но, попав в разряд таких профессионалов, принужденные волею судеб продолжать свое дело, чем далее, тем легче и легче они убивали, крали, проституировали, пока не входили окончательно в свою роль и не приспособлялись к ней. Трудно убить человека, трудно решиться на преступление в первые разы; стоит, однако, повторить этот профессиональный акт десять-двадцать раз, и перед нами будет «профессиональный вор», «проститутка», «палач», вполне приспособившиеся к своей работе. Старые убеждения, отвращение, муки совести будут «смыты» профессией и могут даже замениться противоположными. Нормы «красть стыдно», «убийство недозволено», «проституция отвратительна» в сознании таких лиц могут замениться обратными, признающими такие акты похвальными или вполне нормальными; репульсия может замениться гордой тенденцией «залихватского исполнения своего дела», тенденцией, часто выступающей у таких лиц в своеобразной похвальбе своим мастерством и в актах негодования по адресу лиц, сознательно или бессознательно унижающих данную профессию и способности к ней у данного лица.

Сказанное *mutatis mutandis*^{4*} применимо и к другим случаям профессиональной деформации психики профессионала.

То же явление может быть констатировано и на отдельных психических процессах. Беру для примера область восприятия и внимания. Наблюдения и эксперименты (частью лично произведенные мной) говорят, что профессиональная деформация восприятия и внимания выражается в «обострении» восприятия объектов и явлений, относящихся к профессии человека, и в определенном направлении внимания профессионала к предметам и явлениям профессии. К таким объектам и явлениям человек становится особенно «чувствителен» и восприимчив, к предметам же и процессам побочным, не имеющим отношения к профессии, он становится более «тупым», «невосприимчивым», «глухим» и «слепым».

Примеры. Корректор-профессионал при чтении книги легко заметит ряд опечаток, на которые простой смертный не обратит внимания. Опытный врач при осмотре человека найдет ряд «болезненных» симптомов, которые неспециалист не заметит. Профессионал газетчик находит в ведении и постановке газеты целый ряд дефектов, о которых простой читатель и не подумает. Хороший типографский метранпаж в прекрасно изданной книге без особого намерения замечает ряд технических недочетов, не замечаемых неспециалистом. То же относится и ко всем специальностям. Недаром же в практической жизни давно появился институт специалистов-экспертов. Само существование его, как видим, стоит в связи с указываемой деформацией восприятия под влиянием профессии.

Еще резче эта деформация проявляется в области внимания. Многим, вероятно, приходилось наблюдать сцены вроде следующей. Один и тот же объект, например пейзаж, открывающийся из окна вагона или с палубы парохода, в лицах различных профессий вызывает централизацию внимания на совершенно разных своих свойствах. Внимание землероба-крестьянина фиксируется на составе почвы («чернозем», «плоха или хорошо земля», удобна или нет для обработки и т. д.), внимание художника, поэта – на красоте, форме и цветовых тонах пейзажа, внимание историка (если место «историческое») – на «исторических памятниках» пейзажа, внимание геолога или «горняка» – на геологической структуре и «естественных минералогических богатствах» места и т. д.²⁰ Словом, один и тот же внешний объект воспринимается различными профессионалами разное, привлекает их внимание на те свои стороны, которые имеют отношение к профессии человека. При надлежащих условиях это же явление может быть воспроизведено и искусственно, экспериментально. Возьмите кусок картона с нарисованными или наклеенными на нем различными предметами и продемонстрируйте его в течение одной или нескольких секунд (в зависимости от сложности, величины рисунков, степени освещения и т. д.) перед лицами разных профессий. Причем в числе предметов, нарисованных на картоне, должны быть предметы, имеющие отношение к профессии того человека, которому демонстрируется картон. Итог такого опыта показывает, что в ряду предметов, которые успел «воспринять» и «запомнить» испытуемый субъект, непременно оказывается предмет его профессии. Он почти никогда не обходится «вниманием»; при кратковременном показывании картона ряд предметов или рисунков не схватывается, не успевает зафиксироваться в сознании субъекта; профессиональный же объект почти всегда успевает привлечь к себе внимание и войти в сознание. Такие опыты экспериментально подтверждают регулятивно-направляющую роль профессии в области внимания. Существует ряд других экспериментальных методов для изучения того же явления.

²⁰ Мне лично не раз приходилось наблюдать подобные явления.

Дальнейшей формой психической деформации, производимой профессией, служит не раз отмеченный факт гипертрофической оценки важности и значения своей профессии со стороны профессионала. «Продолжительное выполнение известной профессии, – говорит Langerock, – создает в индивиде деформацию процессов мышления (the reasoning processes) и деформацию здоровой оценки значения своей профессиональной работы в общем труде той группы, к которой принадлежит данный человек». Такой профессионализм представляет вид идиосинкразии, нелогичной по существу, рождающейся помимо сознания индивида в процессе медленного психического приспособления к своей профессии и вытекающей отсюда деформации²¹. В итоге такой деформации создаются «профессиональные типы»: солдата, матроса, монаха, судьи, священника, партийного дельца, банкира и т. д. В результате всей такой деформации вырабатывается в ряде профессий «корпоративный дух» (l'esprit de corps), выражающийся: в особой профессиональной солидарности, в единстве интересов, в сходстве мировоззрения и в «профессиональной этике» (профессиональная этика врачей, священников, офицерства – «честь мундира», – воров, проституток и т. д.).

Все эти явления, легко констатируемые, – результат и подтверждение психической деформации, производимой профессией. Профессия каждого человека деформирует его «душу» по своему образу и подобию. Перефразируя слова Маркса, можно сказать: «профессиональное бытие человека определяет его сознание». От характера профессии человека в значительной мере зависит характер его идеологии, его духовного багажа, его этики, его симпатий и антипатий, вкусов и привычек и всего мировоззрения. «Профессия каждого навязывает ему свою “точку зрения”, под которой он воспринимает мир явлений и реагирует на раздражения. Если аптекарь воспринимает его под углом зрения “унций”, то прокурор воспринимает его sub specie^{5*} статей кодекса, священник – под точкой зрения принципов религии; солдат – дисциплины и военного дела и т. д. То же применимо к их интересам, убеждениям, вкусам и всему миро- и жизнеощущению»²². Этот общий факт неоднократно отмечался рядом исследователей. Veblen видит источник различия психического уклада (форм мышления, желаний, вкусов, политических взглядов и симпатий, идеологии и т. д.) биржевого дельца и рабочего не в чем ином, как в резком различии их профессий²³. Тот же факт рельефно отмечает и проф. Нохие. Механистическо-атеистическое мировоззрение рабочих, их склонность к социалистической идеологии, их убеждение, что «собственность – кража»^{6*}, – результат их профессиональной работы и обстановки. Эта работа состоит в мускульной работе и заключается в трансформации одной физической энергии в другую – физическую же. Им приходится иметь

²¹ Langerock. Professionalism: a study in professional deformation. – American journal of sociology, vol. XXI, p. 30–31.

²² Сорокин. Система социологии, т. II, с. 150.

²³ Veblen. The Theory of leisure Class. 1899.

дело с «детерминированными», бездумными автоматами-машинами, работать коллективно, жить коллективно. Отсюда – склонность и к социализму, и к механическому детерминизму и материализму, и к принципу: право на продукт труда принадлежит им как физическим трансформаторам продукта. Иная профессиональная среда окружает капиталиста, предпринимателя, банкира. Его профессиональная работа носит исключительно интеллектуальный характер. Для него – он единственный творец предприятия и продукта. Рабочий для него – машина и потому, как всякая машина или рабочий скот, не имеет никаких прав на продукт. Таким профессионалам приходится иметь дело не с машинами, а с людьми и с их изменчивой волей. Отсюда – их анимистическое и индетерминистическое мировоззрение и т. д.²⁴ Работы Thomas'a, Бебеля и множества криминалистов показали нам, что резкая разница между мужчиной и женщиной объясняется не только биологическими различиями, но и появившимся на этой почве профессиональным различием, вызвавшим гипертрофию «женственности» в женщинах, ограничившим их умственный кругозор и т. д.²⁵ К сходным итогам относительно профессиональной деформации пришли и другие исследователи²⁶.

Из сказанного ясно громадное значение профессии в определении психического мира человека. Эти схематические штрихи показывают, что влияние профессии распространяется на всю нашу духовную жизнь, что избавиться от него мы не можем и тем сильнее сказывается оно, чем *ceteris paribus* человек дольше остается в пределах своей профессии. В последнем случае однобокость мировоззрения, профессиональный моноидеизм и идиосинкрязия, профессиональная нетерпимость к членам далеких профессий – неизбежное следствие влияния профессии²⁷.

²⁴ См.: *Hoxie*. *Class conflict in America*. – *American journal of Sociology*, vol. 13, p. 776–781.

²⁵ См.: *Thomas*. *Sex and Society*. 1907; *Бebel*. *Женщина и социализм* (ряд рус. переводов); *Stetson*. *Women and Economics*. 1899; *Гернет*. *Преступление и борьба с ним*. Изд. Мир.

²⁶ См. например: *A. Bauer*. *Les classes sociales*. 1902, p. 32 и сл.; *Schmoller*. *Grundriss der Volkswirtschaftslehre*. 1901, Bd. I, S. 391–411, 1904, Bd. II, S. 496–557. См. подробнее об этом: *Сорокин*. *Система социологии*, т. II, с. 149–161, 393–406.

²⁷ Лурье правильно отмечает на основании статистики германского пролетариата, что распространение социал-демократической идеологии в среде последнего «оказывается связанным с прочностью и длительностью принадлежности человека к рабочей среде и с его из нее происхождением», члены германской социал-демократической партии рекрутируются главным образом из среды «потомственных и вечных» пролетариев (*Лурье*. *Состав пролетариата*. 1918, с. 8–9). Мюнстерберг дает подтверждение этому положению с другой стороны. Указывая на частую перемену профессии американцами, он видит в этом факте причину разносторонности, широты кругозора, отсутствия нетерпимости и моноидеизма у американцев. «Можно подумать, – пишет он, – что частая перемена профессий дает американцу его прославленную многосторонность и приспособляемость», в силу этого «у американца... социальное положение другого никогда не может помешать задуманному настроению. Вся социальная жизнь здесь проникнута таким настроением, как будто всякий с лукавым подмигиванием хочет сказать другому, что всем этим различиям в сущности ведь не придается значения» и т. д. См.: *Мюнстерберг*. *Американцы*. Пб., 1916, т. II, с. 205–206, 195, 215. См. подробнее в моей «Системе социологии», т. II.

Д) Деформация человека как сообщественника, его образа жизни, быта и всего поведения, производимая профессией

Дополню нарисованную картину деформирующей роли профессии дальнейшими двумя-тремя «мазками», завершающими и дополняющими сказанное. После сказанного легко понять, что все поведение человека, его «уровень жизни», его быт, его социальный *Habitus*^{7*} отмечены печатью профессии.

Профессия человека обуславливает квартал его жительства, характер жилища, обстановку квартиры. И сейчас в городах есть кварталы банкиров и предпринимателей, кварталы рабочих (обычно на окраинах), кварталы учащихся, научной и литературной богемы (Латинский квартал, у нас сейчас – «дома ученых», «литераторов», «дом искусств», «дом советских чиновников» и т. п.).

Словом, в ряде городов мы находим географическую локализацию места жительства ряда профессиональных групп. В Средние же века это явление особенно резко было выражено.

Профессия обуславливает характер и обстановку жилища. Солдаты живут в казармах, художники и фотографы должны иметь «светлое ателье», у врачей и присяжных поверенных должна быть прилично обставленная приемная²⁸, у профессоров мы найдем кабинет с полками книг, у литераторов и художественной богемы – мансарду или комнату с «поэтическим беспорядком», швейцары живут в каморке под лестницей, обстановка дворницкой известна, в комнате прислуги вы найдете карточки солдат, «пожарных» и размалеванные открытки, усеянные по стенам, и т. д., и т. д.

Профессия обуславливает величину наших доходов и расходов, а через это – обстановку, степень комфорта, характер белья и одежды, характер нашей пищи, посещаемых ресторанов, трактиров и харчевен, посещаемых театров, имение или неимение прислуги, выездных лошадей, своей виллы, посещение курортов, короче – все то, что «покупается и продается за деньги».

Известно каждому, что каждая профессия имеет свой средний размер доходов. Профессия профессора раньше оплачивалась выше, чем профессия рабочего, доход министра был выше, чем курьера. Раз так, то отсюда вытекала необходимость такого образа жизни, который допускался величиной дохода.

«По профессии протягивай ножки», – так можно выразить эту мысль. Через этот факт профессия детерминирует весь образ жизни профессионала. Раз средний доход лиц одной и той же профессии более или менее близок (исключения

²⁸ Я посетил до двадцати приемных зубных врачей в Петрограде в 1916 г. и поражен был их однообразием и монотонностью: все они были устроены по одному и тому же шаблону. Монотонность доходила до того, что во всех них, кроме трех, на столике валялись почти те же журналы и газеты: «Пробуждение», «Огонек», «Лукоморье», «Сатирикон», «Журнал для хозяек» и т. п. Рекомендую кому-либо более тщательно заняться таким исследованием.

в счет не идут), то через этот факт образ жизни одно-профессионалов неизбежно оказывается во многом сходным. Сходным, помимо предыдущих причин, потому, что, как можно предположить дедуктивно и как подтверждается эта дедукция индуктивной проверкой, сходство имущественного положения лиц во многом предопределяет сходство их «уровней жизни» (Standart of life). Индуктивная проверка этого положения в применении к имущественным слоям Англии была сделана Д'Этом и Декампом, в применении к населению Германии – Шмоллером, и она вполне подтвердила это положение. «Образ жизни» и «уровень» ее у лиц одинакового имущественного положения действительно во многом оказываются сходными²⁹. Таким образом, профессия обуславливает величину доходов, величина доходов – образ и уровень жизни. Отсюда становятся понятными дальнейшие причины громадного влияния профессии на все поведение индивида. Прямо или косвенно профессия определяет: 1) бюджет времени человека, часы вставания, часы профессиональной работы, часы еды, часы отдыха и сна; 2) его жилище и обстановку последнего; 3) его одежду; 4) его пищу; 5) его потребности и способы их удовлетворения; 6) характер его развлечений (кабак, ресторан, театр, кинемо, чтение книг, музыкальные концерты, карты, выпивки для развлечения, «угощение» при заключении сделок и т. д.); 7) его семейное положение; 8) способы «поддержания знакомств» (визиты, выезды, посещение «делового общества») и сам круг знакомых (ученый вертится в кругу ученых, поэт – среди поэтов, рабочий – среди рабочих, студент – среди студентов, чиновник – среди чиновников своего ведомства, врач – среди врачей и т. д.); 9) способы сообразного с профессией соблюдения конвенциональных правил и профессиональной этики (ряд профессий требует, чтобы у его члена была прислуга, выездные лошади, своя ложа в театре, чтобы посещались и устраивались балы – требования «респектабельности», чтобы хранились профессиональные тайны – врачебная тайна, исповеди, коммерческих сделок и т. д.).

Если примем профессию за «независимую переменную», то между ней и перечисленными сторонами поведения людей неизбежной окажется функциональная или коррелятивная связь; последние в известной мере будут функциями профессии.

А все эти стороны исчерпывают почти все поведение и весь образ жизни индивида.

Все же сказанное о физической, внешней, психической и социальной деформации индивида его профессией показывает, насколько громадно влияние профессии на поведение людей, на весь их образ жизни, на всю их психическую

²⁹ См.: *D'Aeth*: Present Tendencies of class differentiation. – *The Sociological Review*. 1910, № 4; *P. Descamps*. La Hiérarchie des classes en Angleterre. – *La Science Sociale*. 26-e Année. Fasc. 26; *Schmoller*. Was verstehen wir unter dem Mittelstande. 1897; См. подробнее об этом: *Сорокин*. Система социологии, т. II, с. 165–167, 181–189, 406–420.

и физическую структуру, иными словами, как громадна деформация человека, производимая его профессиональной деятельностью, раз он занимается ею длительное время.

Поистине, каждый человек штампуется его профессией сообразно образу и подобию последней. Избавиться от этого влияния никому не дано. Ограничиваюсь приведенными штрихами к характеристике профессионального отбора и профессиональной деформации³⁰.

§ 3

До сих пор я рассматривал влияние профессии на поведение индивида. Само собой разумеется, этим не исчерпывается ни изучение влияния профессии, ни эффекты последней. Раз профессия оказывает столь громадное влияние на поведение людей, то отсюда следует, что она имеет громадное значение в обусловливании хода социальных процессов, ибо социальные процессы в конечном счете складываются из поступков людей; следовательно, все условия, варьирующие поведение людей, являются тем самым и «факторами», или «детерминаторами», социальных процессов.

Здесь я не собираюсь очерчивать «социальную роль» профессий. Я хочу лишь указать на два-три пункта, ближайшим образом связанные с рефлексологией профессиональных групп.

1. Раз профессиональная деятельность преобразует человека по своему образу и подобию, то, очевидно, члены одной и той же профессии будут неизбежно сходными между собой во многих отношениях: и по физической структуре, и по внешности, и особенно по психическому укладу. У них неизбежно будут во многом сходными: идеология, убеждения, вкусы, симпатии и антипатии, образ и уровень жизни, интересы и стремления – словом, все поведение. И обратно, члены резко различных профессий будут резко отличаться между собой во всех этих отношениях.

Эти теоремы – простой вывод из всего предыдущего.

Из этих теорем следуют дальнейшие.

2. В силу сходства поведения, стремлений и интересов однопрофессиональных лиц последние будут «притягиваться» и солидаризироваться друг с другом

³⁰ Подчеркивая эту громадную роль профессии, я не хотел бы, чтобы меня поняли неправильно, истолковав мои положения в том смысле, что все поведение человека представляет функцию одной профессии. Я этого не думаю. Рядом с профессией есть ряд других условий, помимо наследственных свойств, не менее властно обуславливающих поведение человека. См. мою теорию на этот счет во втором томе моей «Системы социологии», *passim*, и в готовящихся к печати III и IV тт. «Системы социологии».

на почве этого сходства и общих интересов; и обратно, члены резко различных друг от друга профессий будут взаимно чуждыми и даже будут антагонизировать друг с другом в силу резкой их гетерогенности, а часто и противоположности их стремлений и интересов. Они никогда адекватно не смогут понять друг друга, они будут жителями разных планет, говорящими на разных языках.

3. Отсюда и дальнейшее следствие: неизбежность профессионального расслоения населения и неизбежность борьбы резко различных между собой профессиональных групп. Раз члены одной и той же профессии взаимно притягиваются, а члены разных профессий взаимно отталкиваются, то в силу такого притяжения и отталкивания со времени появления разных форм профессиональной деятельности «человеческие молекулы» должны неизбежно концентрироваться в профессиональные группы, а между разными группами должны появиться глубокие трещины расслоения. Так оно и есть. «С незапамятных времен» мы находим в человечестве распад населения на профессиональные группы (касты жрецов-браминов, касты воинов-кшатриев, *collegia fabrorum, pistorum*^{8*} и т. д. в Риме, средневековые цехи, братства, гильдии, современные профессиональные объединения лиц всех профессий, начиная с профессиональных союзов рабочих, капиталистов, ученых и кончая профессиональными союзами воров, проституток и т. д.). Оно было, и оно существует³¹.

Раз члены далеких друг от друга профессий резко различны, раз их интересы не совпадают, а часто и противоречат друг другу, антагонизм и борьба между ними становятся неизбежными. Так оно было, так оно происходит и до сих пор. Так оно будет происходить и в будущем, если останется длительное прикрепление человека к одной профессии с вытекающим отсюда «моноидеизмом» и профессиональной идиосинক্রазией. Единственное противоядие против этого – частая перегонка людей из профессии в профессию. Она, согласно сказанному выше, может уменьшить и ослабить этот «моноидеизм» и вытекающую отсюда нетерпимость, идиосинক্রазию и т. п. В известной мере она может быть выполнена, но не вполне, ибо против чересчур частой перегонки встает другой принцип – столь же социально необходимый, – принцип специализации.

4. Из принципа профессионального расслоения и профессиональной деформации, в свою очередь, следует вывод, гласящий: в сопутствующем человеческой истории факте распада населения на касты, сословия, классы, «высших и низших», «привилегированных и обделенных», «властителей и подвластных», «аристократов и рабов» играла и продолжает играть свою роль профессиональная деформация, профессиональное расслоение и профессиональное разделение труда. Профессиональное разделение труда, появившись на почве биологиче-

³¹ См. подробнее об этом в моей «Системе социологии», т. II. Там же указана и литература.

ской гетерогенности индивида, само в дальнейшем было источником социального неравенства и остается им до сих пор³². Чтобы уничтожить это неравенство, помимо других причин, надо уничтожить деформирующую роль профессии. А это радикально выполнимо только путем уничтожения профессионального разделения труда (что является утопией) или – но только отчасти – путем ускорения перегонки индивидов из профессии в профессию, чему опять-таки противоречит необходимость специализации.

До тех же пор, пока будет более или менее длительное прикрепление человека к одной профессии, будет и неравенство, и антагонизм радио-профессиональных групп, хотя и в смягченной форме. Таков дальнейший теоретико-практический вывод из развитой теории профессиональной деформации³³.

5. Выше неоднократно подчеркивалось, что степень деформации, моноидеизма и идиосинкразии, производимой профессией, зависит от продолжительности прикрепления человека к одной профессии. Это обстоятельство побуждает обратить особое внимание на факт «закрытости» или открытости исследуемой профессиональной группы, иными словами, на длительность пребывания ее членов в пределах данной профессии, на быстроту изменения состава последней, на темп вливания в нее новых членов и выбывания из нее бывших ее абонентов.

В применении к разным профессиям эта проблема может быть названа проблемой циркуляции индивидов данного населения из одной профессиональной группы в другую.

³² Я не могу здесь по существу пускаться в изложение истории происхождения неравенства, каст, сословий, классов, привилегированных и обделенных. Скажу только, что все теории, объясняющие все формы неравенства одной причиной – расовым ли фактором (Аммон, Лапуж и др.), или религиозным фактором, или профессиональным разделением труда, – неадекватны, однобоки и неверны. Сложный факт появления социального неравенства – функция многих переменных. В основе его лежал и лежит факт биологического несходства людей (разделение их по полу, по возрасту, по силе, здоровью, способностям, расе), к которому присоединилось влияние многих социальных условий, одним из которых была и остается деформирующая роль профессии.

³³ Этот вывод покажется довольно парадоксальным синдикалистам, стремящимся профессиональной группировкой заменить все остальные группировки людей (по государству, религии, партии etc.) и чающим в результате осуществления такого плана наступление рая на земле, водворение братства, равенства и свободы. «Наивные верующие и бедные мечтатели!» – остается сказать мне в ответ на эти чаяния. Если бы действительно люди группировались только по профессиям, и если бы они оставались пожизненными абонентами одной профессии, и если бы профессиональный синдикат обслуживал все нужды индивида, то в результате такой реформы возник бы такой профессиональный моноидеизм, такая идиосинкразия и такой антагонизм между разными профессиональными синдикатами, что поистине «небу стало бы жарко». Ни о каком земном рае и царстве братства, равенства и свободы в таких условиях не может быть и речи. См. работы синдикалистов, указанные в моей «Системе социологии», т. II, и критику их революционных конституций, §§ о профессиональной группировке и перегруппировке.

Дедуктивно можно установить такие теоремы:

1. Степень профессиональной деформации, моноидеизма, идиосинкразии и корпоративного духа, *ceteris paribus*^{9*}, будут более редкими в тех профессиональных группах, в которых состав членов обновляется медленнее, где каждый член остается «пожизненным» абонентом этой профессии. В профессиях, состоящих из «потомственных и пожизненных членов», она будет максимальной. Примером таких групп могут служить касты Индии, где профессия потомственна и пожизненна³⁴, средневековые цехи и гильдии и некоторые профессии нового времени.

В профессиях, быстро обновляющих состав своих членов, степень деформации и корпоративного духа (*ceteris paribus*) будет меньшей.

2. В одной и той же профессиональной группе степень профессиональной деформации будет резче выражена (*ceteris paribus*) у членов, состоящих более продолжительно абонентами данной профессии, чем у членов-новичков.

3. В населении, где (*ceteris paribus*) межпрофессиональная циркуляция индивидов более интенсивна, где индивиды чаще меняют свою профессию, средний умственный кругозор населения будет менее односторонним, будет меньше моноидеизма, будет менее острым антагонизм различных профессиональных групп и больше взаимного понимания, чем в населении с ничтожной межпрофессиональной циркуляцией. Сравните с этой точки зрения Северо-Американские Соединенные Штаты, с одной стороны, и кастовую Индию, средневековое население Европы и население хотя бы России Московского периода – с другой.

Эти положения показывают, с одной стороны, важность изучения явлений межпрофессиональной циркуляции, с другой – являются методологическими гипотезами, полезными при конкретном исследовании тех или иных профессиональных групп. Вот почему этот пункт требует специального внимания исследователя рефлексологии профессиональных коллективов. Без него мы рискуем многое не понять в поведении и характерных свойствах ряда профессий³⁵.

§ 4

В предыдущем я очертил формы, характер и значение профессионального отбора, проф. деформации и некоторые социальные эффекты этих явлений. Из сказанного, полагаю, ясна теоретическая и практическая важность этой пробле-

³⁴ См. об этом работы Bougle, Ketkar'a, Senart'a, Risley, Mazzarella и др. о кастах. Они указаны в моей «Системе социологии», т. II, с. 265–268.

³⁵ См. подробнее об этом: *Сорокин*. Система социологии, т. II, гл. о социальных перегруппировках и, в частности, профессиональные перегруппировки. См. также гл. VI – положение личности в системе социальных координат, с. 443–463.

мы. Необходимость более внимательного и более детального изучения затронутых мной (а также в интересах краткости пропущенных в данной статье) явлений диктуется и теоретическими, и неотложными практическими мотивами. Пора приступить к такому всестороннему и основательному изучению рефлексологии и профессиональных групп.

В виде приложения к данной статье я присоединяю общую (недетализированную) программу исследования профессиональных групп. Она составлена мной для моего социологического семинария при Петроградском университете в целях облегчения и руководства его членов, начинающих работать в этом году над этой проблемой. Она же кладется мной в основу работ лаборатории по изучению рефлексологии проф. групп при Институте мозга и психической деятельности. По прочтении данной статьи она понятна и в комментариях не нуждается.

ПРОГРАММА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП, ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ

Отдел 1-й

Подробное и точное описание профессиональной работы и профессиональной среды

1. Название профессии.
2. Описание профессиональной работы и действий.
3. Представляет ли работа работу мускульную или психическую или то и другое.
4. В какие часы она совершается (от... до... днем, ночью).
5. Регулярна или нет.
6. В какой обстановке происходит (в поле, на воздухе, в помещении, в каком).

Условия обстановки: температура, шум или тишина, гигиеничность, наличие или отсутствие других людей и т. д.).

7. Представляет ли она чисто индивидуальную работу, не связанную с действиями других людей, или работу коллективную.

8. Какие условия требуются для поступления в профессию (физические, психические, социальные); например, здоровье, диплом, экзамен, имущественный ценз, возраст, пол, рекомендация, приказ, родство, подданство, религия, партийность и т. д.

9. В какой мере профессиональная работа требует пунктуальности и точности.

Какие результаты в случае неаккуратности постигают самого работника и других людей: вред здоровью, искалечение, экономический ущерб, потеря клиентов, суд и наказание, освистание, скандал, увольнение и т. п.

10. В какой мере работа оплачивается. Каков средний «уровень жизни» члена данной профессии.

Отдел 2-й

Физический отбор, физическая деформация и физическое приспособление к профессии

Антропологическое исследование профессионального работника

Методы

I. а) Пол, б) возраст, в) рост, вес, г) черепные показатели, д) объем груди и т. п., е) лицо, ж) цвет, з) нос, и) глаза, к) мышцы, л) телосложение, м) волосы, н) зубы, о) конечности, п) позвоночник, р) вес, с) жизненная емкость (груди), у) число дыханий, ф) кровообращение, х) пищеварение и т. п.

Приемы антропологических измерений.

II. Степень огрубения внешних покровов органов, служащих для выполнения профес. работы.

Наблюдение, фотография, гистологич. исследования.

III. Атрофия или гипертрофия ряда проф. и побочных органов.

То же.

IV. Сила.

Динамометр.

V. Болезненные изменения и болезни, вызванные профессией (чахотка, геморрой, венер. болезни, близорукость и др.).

Врачебное исследование.

Отдел 3-й

Внешнее приспособление к профессии

I. Специально-профессиональные движения, приемы, ухватки (манера ходить моряков, движения священников, военная осанка).

Наблюдение и измерение.
Кинематографическая съемка
Методы разные в зависимости от профессий.
Например, проведение кривой между определенными точками (характер ее и время) и др.

Детали: привычная поза, шаг, движения, их характер, быстрота, уверенность, плавность в чисто профессиональных актах.

II. Костюм (профессиональный и обычный): одежда юнкеров, учеников, банкиров и т. д.

Фотография типичных поз.

III. Внешность (манера бриться артистов, длинные волосы священников, внешность балерины и т. д.).

Наблюдения. Фотография.

Отдел 4-й Психическое приспособление

I.	1. Определение количества предметов.	Таблицы
	2. Арифметический счет.	Таблицы умножения
	3. Определение психологич. типа (слуховой, зрительной и др.). Разностный порог внешних раздражителей:	
	а) зрительных;	а) свет различной силы;
	б) слуховых;	б) аппарат Бехтерева;
	с) осязательных;	с) шрифты слепых различного размера;
	д) мышечных;	д) циркуль Вебера, различные тяжести;
	е) температура.	е) пробирки различной температуры.
	4. Воспроизведение: зрит. слух мышечн. направл. движений	Таблицы с рядом двухзначных чисел. Произношение их. Прибор Жуковского. По методу Барани.
	5. Сочетание слов.	Определение скорости по секундомеру.
	6. Внушаемость.	Увеличивающиеся и уменьшающиеся линии.
	7. Способность примечать.	Нелепые рисунки.
	8. Внимание. Направление его.	Зачеркивание, коррект. метод. Таблица с рядами предметов.
	9. Сложный выбор.	Покрывание таблицы цифр в детском лото.
	10. Средний темп движения.	Проведение штрихов между параллелями.
	11. Точность движения.	Расстановка точек в центрах различных по размерам прямоугольников разграфл. бумаги.

	12. Определение навыка к движениям	Аппарат Жуковского
	13. Определение мышечной работоспособности и утомляемости	Прибор Моссо
II.	1. Психические условия вступления в профессию (образование, подготовка, зрение, слух и т. д.).	Изучение.
	2. Насколько важной считает исследуемый свою профессию и не требует ли для нее привилегий. Нравится она ему или нет.	Опрос.
	3. Профессиональный жаргон и терминология.	Наблюдение.
	4. Мораль. Профессиональная честь и этика (кого считает идеальным представителем своей профессии).	Умелое наблюдение, опрос и изучение.
	5. Не обнаруживает ли лицо излишнюю чувствительность к одним явлениям и тупость к другим.	
	6. Курение.	
	7. Алкоголизм.	
	8. Холерик, флегматик, сангвиник. «Темпераментность».	
	9. Преобладающее настроение (грустен, весел, жизнерадостен и т. д.).	
	10. Добродушен или раздражителен.	

Отдел 5-й Социальное приспособление

1.	Социальные условия (общие) вступления в профессию (экзамен, назначение, ценз и т. п.).	Изучение.
2.	Образование. Общее, профессиональное.	Опрос.
3.	Место рождения. Давно ли в городе.	
4.	Народность (язык). Подданство.	

5. Религия.
6. Партийность.
7. Женат или холост.
8. Давно ли занимается данной профессией, чем занимался раньше.
9. Членом каких обществ состоял и состоит.
10. Профессия родителей.
11. Почему занялся данной, а не иной профессиональной деятельностью.
12. Величина дохода (общего): подробный бюджет дохода.
13. Бюджет расходов (подробный).
14. Каково было имущественное положение раньше.
15. Квартира, число комнат, обстановка, квартал и т. д.
16. Пища и питание.
17. Одежда и белье.
18. Обычное препровождение рабочих, праздничных суток (отметить регулярность или нерегулярность рядом с бюджетом суток).
19. Как используется досуг (развлечения, каковы, в чем, где бывает: театр, кабак, карты, спорт, чтение, музыка и т. п.).
20. Что читает и любит читать. Какие произведения особенно нравятся.

Отдел 6-й

Дополнительные вопросы

- I. 1. Имя, отчество и фамилия.
2. Год рождения.
3. Наследств. болезни.
- II. 1. Быстрота прилива и отлива из данной группы.
2. Не мечтает ли лицо переменить профессию и, если ДА, то почему.

«СМЕНА ВЕХ» КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СИМПТОМ

Этот сборник^{1*} заслуживает большого внимания. Не в силу его литературных или других достоинств, не в силу глубины или новизны мыслей (и в том, и в другом отношении он более чем посредственен), а как социальный симптом. В этом аспекте интересен как сборник, так и те споры, которые порождаются вокруг него.

Авторами сборника являются лица весьма правого направления. Часть из них была активными сподвижниками Колчака; часть, вроде Бобрищева-Пушкина, октябристами. Таково «прошлое» участников сборника. Каково же их настоящее? Что они проповедают? К чему призывают? Какие веи намечают? – весьма несложные и весьма элементарные. Они зовут интеллигенцию и всех вообще «В Каноссу»^{2*} – так озаглавлена одна из статей. Этот лозунг они выкидывают не потому, что стали коммунистами (они очень далеки от коммунизма), а по самым антикоммунистическим мотивам. Они зовут к работе потому, во-первых, что Советская власть укрепилась, является единственной государственной властью России, иной нет и быть сейчас не может. Подрывать, уничтожать, бороться с нею – значит перебить у России становой хребет и способствовать дальнейшей ее анархизации. Выбор стоит, говорят участники сборника, не между хорошей и плохой властью, а между властью и безвластием. Пади данная власть – и снова воцарится анархия, которая окончательно доконает Россию. В интересах России сохранение и укрепление власти.

Во-вторых, существующая власть не хуже всех возможных властей. Она лучше всевозможных «белых» властей уже потому, что сумела власть захватить, удержать, победить противников, установить порядок и прекратить анархию. Ее недостатки – результат самой революции. Ее железная рука – необходимость. Ее террор – не хуже белого террора. Словом, «победителя не судят».

В-третьих, мудрость власти свидетельствуется ее способностью эволюционировать, ее пониманием задач момента. Термидор у нас не нужен, ибо он уже совершился. Он произведен руками самой власти, с момента ее перехода к новой экономической политике.

В-четвертых, – и это самое важное, – следует «идти в Каноссу» всем, кто любит Россию, родину, отечество, потому что руками власти делается великое национальное дело. Не ведая, сама власть на деле лучше всех Колчаков,

ВЕСТНИК ЛИТЕРАТУРЫ

1921 г.

ГОД III

№ 12 (36)

По делам редакции обращаться к А. Е. Кауфману. Петроград, Моховая 25, кв. 5. Тел. 459—84.
Примем по понедельникам от 7 до 8 час. веч.

Рукописи не возвращаются.—Адрес Конторы: Петроград, Лицейный пр., № 25, кв. № 1.

Содержание: О „Смене вех“. А. К.—„Смена вех“, как социальный симптом. Пятицмила Соркина.—К Некрасовским дням: Н. А. Некрасов и народ. С. С. Гусев (Слово Глаголю).—Некрасов о русской женщине. А. Е. Кауфмана.—Некрасов и символизм. А. Рашковской.—На похоронах Некрасова (Отрывок из старого дневника) Н. Ф. Артемьева.—Вдова Некрасова. Слово Глаголю.—Некрасовские дни в Москве и в Петербурге.—К 12-й годовщине смерти Толстого.—Два Достоевского (письма из Москвы). Ч. Венгеровского.—Как же относиться к Достоевскому? Проф. И. Н. Файера.—Судьбы русской литературы. А. И. Редько.—Повня или мещанин? (Опыт характеристики Валерия Брюсова). Борис Аннибал.—Еще о Бакуни и о его ислонке Николае. А. А. Орландова.—Новые книги.—Еще о задержании книги И. Д. Галактионова.—Почему молчат писатели? В. Дичина.—Среди памятников и старых вдохновений. В. В. Тимофеевой-Починковой.—Не опубликованные письма Л. Н. Толстого.—Тени прошлого.—Культура в глубине России (от нашего корресп.).—Литература за рубежом.—Федерсон Ефреим с Л. Н. Толстым. М. Свентицкий.—Книгоиздательства и книжные магазины.

О „СМЕНЕ ВЕХ“.

Сборнику „Смена вех“*, составленному группой русских интеллигентов, очутившихся за рубежом, очень повезло. О нем много говорят и пишут. Ни занялся вплотную некоторые из нас, мы, официальные органы печати. На сборник „Смена вех“ дружно напала почти вся зарубежная русская печать. Он явился предметом оживленных диспутов в двух петербургских организациях—в „Вольной философской ассоциации“ и в Дому Литераторов, где „Смене вех“ посвящено было целых два вечера. Эти показания, что „Сменовеховцы“ задела за живое русскую интеллигенцию. И заговорили молчаливые до сих пор.

Но в первый раз представители русской интеллигенции выступают с показанными речами, меняя свои „вехи“. Двенадцать лет тому назад группа рассказавших марксистов и интеллигентов, разочаровавшихся в революции, выступила с изданными ими в Москве сборником „Вехи“. Авторы последнего жестоко напали на недавних своих единомышленников, вернее, на всю русскую интеллигенцию за чрезмерное увлечение политикой и ущерб религиозным и эстетическим вопросам. Они призывали к самоусмирению и самоуглублению, вместо того, чтобы идти туда, „где плохо дышится, где горе слышится“. За свой призыв „староветовцы“, переставшие свои теки слеза напролив, удостоились одобрения от Шуршевского, Маркова 2, архиепископа Вельского Алтына и новоявленных.

„Новоявленных“ переставили свои вехи справа налево. Вчерашние романисты, черносотенцы, колчаковцы и октябристы, еще не изгнавшие своих башмаков, в которых шли ногу с Колчаком, отпаривались в „светскую“ „Кассету“ и зовут к совместной работе с нынешней властью на пользу родины. Работать на пользу родины всегда следует при всех обстоятельствах и режимах, но головность „новоявленных“ работать с властью вымывает у многих—коммунистов и некоммунистов—сознание о их неискренности.

По французской поговорке, от обмена мнений высе-

ивается истина. Под перекрестным огнем мнений на последних диспутах „за“ и „против“ составителей „Смены вех“, по крайней мере, далеко не все сказано, что можно сказать об интересном обороте. Мы судим так потому, что в редакцию „Вестника Литературы“ поступило несколько статей, трагедийных о „Смене Вех“. Ужасе равной нашего журнала дают нам возможность ответить место только двум статьям „за“ и „против“ „новоявленных“. Одну из них, принадлежащую перу известного социолога П. А. Соркина, мы помещаем в настоящем номере.

А. И.

„Смена вех“, как социальный симптом.

Этот сборник заслуживает большого внимания. Не в силу его литературных или других достоинств не в силу глубины или новизны мыслей (в том и в другом отношении он блещет посредственн), а как социальный симптом. В этом аспекте интересен, как сборник, так и те шумы, которые порождаются вокруг него.

Литераторы сборника являются лица весьма правого направления. Часть из них была активными сподвижниками Колчака, часть вроде Бобринцева-Пушкина, октябристами. Таково „прошедшее“ участников сборника. Какое же их настоящее? Что они проповедают? К чему призывают? Какие теки нам чужды?—не на де сложны и весьма аморитарные. Они зовут интеллигенцию и всех вообще „В Кассету“!—так онагласила одна из статей. Этот довод они выкашивают не потому, что стали коммунистами (они очень далеки от коммунизма), а по своим антикоммунистическим нотам. Они зовут к работе потому, вероятно, что Советская власть укрепилась, является действительной государственной властью России, аной нет и быть сейчас не может. Подрывать, уничтожить, бороться с ней—значит перестать у России становой хребет и способствовать дальнейшей ее аппаратации. Выбор слов, говорят участники сборника, немужду хорошей и плохой властью, а между властью и без властью.—Падая, данная власть,—и снова воздвигается другая

* „Смена Вех“. Сборник статей Глаголюкова, Устрелова, Лукьянова, Бобринцева-Пушкина, Чахоткина и др. Прага. 1921 г.

Врангелей, учредилловцев и др. белогвардейцев выступала и выступает защитницей и охранительницей подлинных интересов русского государства. Руками «еврея Троцкого» создается Красная Армия, защищающая не коммунизм, а Отечество. Коммунизм на деле привел и приводит к национализму, III-й Интернационал является великолепным орудием чисто империалистической политики Русского государства, большевики – собирателями земли Русской. Через коммунизм – к национализму, через Интернационал – к империализму, через Советскую власть – к возрождению «великой, единой и неделимой России», через развившуюся до конца революцию – к уничтожению всякой революции в будущем («третьей революции не быть») – такова программа авторов «Смены вех». Как видит читатель, концепция «сменовеховцев» довольно проста. Я не намерен хвалить или порицать их, для меня сборник интересен как симптом. В этом же смысле очень интересно для меня отношение к нему и те споры, которые сейчас ведутся вокруг до около сборника.

Прежде всего, чью идеологию выражает сборник? Голосом какой социальной группы он является? Ответ прост. Это не идеология крестьянства и не идеология каннибалистов. «Смена вех» – идеология: 1) той части интеллигенции, которая носит название «госспецов», и 2) той пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме разных подачек, синекур, концессий и т. п. Интересы этой соц. группы ближайшим образом связаны с бытием устойчивой и сильной государственной власти. Она питается от нее и кормится ею. Чем более благоденствует первая, тем более благоденствует вторая; крушение первой влечет гибель второй. Всякая власть склонна свои интересы считать совпадающими с интересами государства и народа. И социальная группа «госспецов» и «госклиентов» обычно свои интересы считает за интересы народа, родины, отечества, свое благоденствие – за благоденствие последних. А так как ее бытие зависит от власти, способной питать ее богатыми окладами, пайками и прочими дарами, то по существу группа «госспецов» и «госклиентов» заинтересована лишь в том, чтобы была сильная власть. А какова эта власть: правая или левая, Романов, Колчак или Ленин – это не важно для этой группы. Для нее важно лишь бытие сильной власти: будет она – будут благоденствовать «госклиенты» и «госспецы»; не будет первой – плохо будет и второй. А потому-то они всегда так тоскуют по железной власти, потому-то всегда (не только в данном случае) с легкостью шара перекатываются от Романова к Колчаку, от октябризма к коммунизму, и, если нужно, обратно. Потому-то они всегда неустойчивы и беспринципны. Сегодня готовы кричать: «Да здравствует Цезарь!» Завтра – «Да здравствует Брут!», если этот Брут будет сильной и кормящей властью. Такова психология и мораль, присущая этой группе по ее социальной природе. По этой же причине она способна соединять несоединимое: одной рукой звать к интернационалу, другой – к на-

ционализму, шуйцей подписывать декреты коммунизма, десницей – империализма и т. д. Этой группе нужна власть. Следуя человеческому свойству подкрашивать (субъективно – вполне искренно) реальные мотивы своих поступков благородными словами, эта группа (как и другие) всегда одевала и одевает очерченные интересы в пышные слова и одежды. То же видим и в данном случае. Тоску по кормящей власти она одевает в «тоску по родине», в идеологию возрождения государства, интересов отечества, государственной мощи и величия (в других случаях с той же легкостью она может одевать их в интересы «человечества», «революции», «прогресса», «демократии», «социализма», «интернационала», «монархии» и т. д., смотря по обстоятельствам). Далее, как всякая социальная группа склонна преувеличивать свое социальное значение и свою социальную роль, так и данная группа имеет свою «идиосинкразию». Она полагает, что в ней сила, что от того, как она поведет себя, будет зависеть ход истории. Стоит ей по-настоящему впрячься в дышло государственной колесницы – и все пойдет как по маслу! процветет страна, расцветет хозяйство и воцарятся благодать, изобилие, довольство. Отойди она от дела – и все рухнет. Эта преувеличенная оценка своей роли ясна в сборнике и отчетливо слышится в речах лиц, популяризирующих его в наших палестинах.

Из той же социальной природы этой группы следует и то ее свойство, что она только и свету видит, что в окошке всякой государственной власти. Для нее органически недоступно то представление, что на пользу страны, на пользу родины или человечества не с меньшей, а с большей пользой можно работать параллельно и независимо от правительства, не входя в состав агентов последнего (каково бы оно ни было), не распевая ни «Осанна!», ни «Долой» по его адресу, связанная кровно с бытием власти, эта группа никогда не говорит: «Работайте из всех сил на пользу родины там и так, где и как может каждый», а непременно скажет: «Работайте вместе со всякой властью, в рядах ее агентов, под ее руководством, с приложением казенной печати, согласно циркуляру за номером таким-то». Оттого-то ее призыв к работе неизбежно выливается в призыв к работе с властью. Если у власти Колчак – она призывает к совместной работе («на пользу родины» и т. д.) с Колчаком и сама входит в число его агентов и т. д.

Как видно отсюда – все характерные черты «Смены вех» логически вытекают и становятся вполне понятными из анализа социальной природы указанной группы.

Сказанное выше позволяет вполне определенно оценить и ту роль, которую сборник играет практически.

Во-первых, он найдет горячую поддержку во всей группе «госспецов» и лиц, живущих подачками власти. Он оформляет и уясняет идеологию этой группы, он дает «оправдание» ее интересам и устремлениям.

Этим самым я говорю, во-вторых, что он не произведет впечатления на социальные группы, работа, жизнь и интересы которых не связаны кровно с властью. Идеология сборника, его специфические черты не привьются ни к крестьянству, ни к землевладельцам, ни к капиталистам (поскольку настоящие интересы их лежат в плоскости производства, а не простой чисто хищнической эксплуатации власти), ни к пролетариату, ни к интеллигенции, привыкшей работать независимо от власти, параллельно с нею. Та же мысль на ином языке гласит: сборник будет встречен враждебно и подлинными контрреволюционерами, и подлинными революционерами, ибо ни те, ни другие не могут «в одну телегу впрячь» коммунизм и империализм, интернационал и национальные интересы революции и контрреволюции, как это могут делать идеологи «Смены вех». В-третьих, так как я не думаю, что группа «госспецов» и «госклиентов» – «соль земли», влияние которой огромно и решающе (наоборот, социальное влияние ее весьма незначительно), то я полагаю, что практическая роль сборника будет небольшой: коромысло весов истории России мало покачнется от того, куда поместит себя эта группа – на чашку ли правительства или на другую.

В-четвертых, весьма знаменательно отношение к сборнику и со стороны некоторых представителей власти. Несмотря на «антикоммунизм» настроения его участников, он принят благосклонно. Это значит, что и иные представители власти находят возможным совмещение национала с интернационалом, революции с превенцией ее в будущем, коммунизма с империализмом. Для подлинного революционера, как правильно было замечено в одном докладе, этот сборник – «пощечина», которую он непременно должен был бы смыть, чтобы не замарать своего знамени.

Таково значение сборника как «симптома». И таков смысл тех явлений, которые он вскрывает как социальный реактив...

Что касается лично моих взглядов, то безотносительно к данной власти я видел и вижу один из коренных недочетов нашей интеллигенции в том, что она придавала слишком исключительное значение государственной власти вообще. Это проявлялось ею и тогда, когда она все надежды возлагала на нее, и тогда, когда она все зло видела в ней. В первом случае она изо всех сил звала на поддержку власти, во втором – на борьбу с ней. Оттого-то «политика» играла такую исключительную роль в ее деятельности, оттого-то ею и окрашивалось все, что она делала и оценивала.

Иная, я бы сказал «англо-саксонская», позиция была ей чуждой. Это – позиция «самодетельности», независимо от власти, позиция «самоуправления», не связывающая свою работу исключительно с государственной бюрократией ни в научной, ни в просветительской, ни в экономической, ни в какой бы то ни было области общественной работы. Она не ведет ни к апологии, ни к враждебности к власти, не ждет спасения от нее, как не видит в ней причину всех зол.

Ее надежды возлагаются на личную инициативную энергию граждан государства. Ее опасения – недостаток этих свойств в последних. На этом принципе, как известно, покоится все общественное здание англо-саксонских и отчасти скандинавских обществ. Он – тот живой дух, которым они живут, ему обязаны они своей мощью и процветанием. Нам этого не хватало. У нас никогда не было недостатка в призывах к власти или в призывах к ее низвержению. Вместо того, чтобы работать независимо от нее, мы всегда ставили дилемму: за или против. Если ученый занимался наукой и не выказывал неодобрения власти – ему это ставили в вину оппозиционеры власти; если он указывал промахи власти – это ставили в вину агенты власти. Все общество делилось непременно на два лагеря и тратило энергию во взаимной борьбе. Иного указанного выхода как будто не было. Пора на него указать.

В частности, особенно странным кажется мне призыв «записываться в казенные работники» теперь. Да разве не вся почти интеллигенция служит? Разве не переполнены ею государственные учреждения? Если спасение только в работе интеллигенции в рядах агентов власти и согласно ее циркулярам, то все должно было бы за эти годы процветать. Ведь все были служащими государства, все делалось по декретам, но получилось нечто иное. Состояние в казенных рядах убило и инициативу, и творчество, и серьезное отношение к делу, создало апатию и творческую импотенцию, с одной стороны, с другой – безудержное прожектерство, высасывающее от власти под формой «научоподобных» проектов громадные суммы. И если это в экономической области понято самой властью после опыта, то, кажется, нетрудно понять то же и в других областях. Посему можно и должно звать всех к производительной работе по возрождению страны, но ниоткуда не следует, что эта работа может и должна совершаться только по штампам и циркулярам в качестве агентов власти и чиновников, или обратно – должна быть непременно работой, низвергающей власть. В первом отношении призыв «сменовеховцев» по меньшей мере опоздал на 1½ года; при «новой экономической политике» он звучит архаизмом. Еще большим архаизмом звучат всякие заговорщические и ниспровергающие идеологии. Личный почин, личная инициатива, личная энергия, производительная работа «по совести», а не согласно указке и капризам кого бы то ни было – вот то, что нужно. Будет это – приложится все остальное. Не будет этого – не спасут никакие надежды ни на белую, ни на красную власть. Пора это усвоить и усвоить прочно.

ГОЛОД И УБЕЖДЕНИЯ (ИДЕОЛОГИЯ) ЧЕЛОВЕКА

§ 1

Голод может считаться одним из лучших средств (реактивов) для испытания прочности убеждений человека, его верований и идей, нравственных и правовых оценок, эстетических вкусов, шире – всей его идеологии и мировоззрения. Голод – тот «пробный камень», на котором можно отлично узнать, насколько действительно прочны, святы и дороги человеку его убеждения. Убеждения, выдержавшие экзамен этого «пробного камня», поистине могут считаться неистребимыми, не выдержавшие – слабыми.

Это положение следует из того, что голод вызывает радикальные изменения во всех сторонах нашей души и тела. Он изменяет состав тела и его анатомическое строение, он изменяет наши физиологические (жизненные) процессы, он производит революцию в наших душевных переживаниях, наконец, он резко меняет все наше поведение – те поступки, из совокупности которых складывается наша жизнь.

В этой статье я коснусь только влияния голода на наши убеждения¹.

Спрашивается: *зависит ли характер их от голода? Могут ли они меняться под влиянием последнего?*

Увы, да! Немного имеется людей, убеждения коих в случае столкновения с голодом могут выдерживать его натиск и выйти из борьбы победителем.

Когда человек голодает, и голодает сильно, то голод заставляет его добыть пищу, толкает его насытить себя во что бы то ни стало, какими бы то ни было путями. Достижению этой задачи человеку, помимо других причин, часто препятствуют его собственные убеждения – религиозные, правовые, нравственные, эстетические и другие. Например, религиозные убеждения запрещают ему есть «скоромную пищу» в пост, правовые и нравственные не позволяют ему «украсть» пищу и таким путем не допускают его утолить голод, убить другого и отнять у него деньги, на которые можно быть сытым, ограбить и смошенничать

¹ Подробное и всестороннее исследование влияния голода на человека и его поведение, с одной стороны, на общественную жизнь, с другой, читатель найдет в приготовленной мною для печати большой книге «Влияние голода на поведение людей и общественную жизнь».

и т. д.; эстетическое отвращение мешает ему съесть напр., лягушку или мышь, кошку или собаку, хотя биологически они вполне годны для пищи. Эти примеры показывают, что, действительно, наши убеждения часто играют роль препятствий, мешающих нам утолить голод. В итоге голод и такие убеждения сталкиваются друг с другом, начинают бороться, вступают в дуэль. Голод толкает человека к одним поступкам (например, украсть у соседа пищу и съесть ее), противоречащие ему убеждения толкают к противоположным (например, воздержаться от кражи, голодать, но не нарушать своего долга). В итоге на пространстве души человека разыгрывается невидимая и незримая борьба двух этих сил.

Наблюдение показывает, что голод часто из этой борьбы выходит победителем. Это значит: противоречащие ему убеждения не выдерживают его натиска, и в итоге человек, толкаемый голодом, нарушает их. Фактов такого рода слишком много, чтобы подробно приводить их. Сколько имелось и имеется верующих, которые под влиянием голода ели скоромную пищу в пост, запрещаемую их убеждениями. Так было во все голодовки. Так обстоит дело и теперь: сейчас имеется масса верующих, которые, не разбирая, едят все, было бы только что есть. Религия запрещает есть ряд нечистых животных, а тем более человеческое мясо. Во время голодовок ели псину, конину, волков, мышей, крыс, всякую падаль, змей и... даже людей. *Подобные поступки, совершаемые верующими, говорят о том, что голод подавил, заглушил, уничтожил или изменил мешавшие ему убеждения последних.*

То же происходило и происходит и с *нравственно-правовыми убеждениями.* Масса людей в сытом состоянии не крадет, не грабит, не насилует, не убивает. Те же люди в голодном состоянии могут делать и часто делают такие поступки. Обычно в голодные годы число таких преступлений резко возрастает. Мало того, статистика говорит нам, что в годы, когда цена пуда муки дорожает – растет и число краж, когда дешевеет – уменьшаются и кражи. Оглянитесь за эти годы вокруг себя. Не превратилась ли вся Россия в клоаку преступников? Много ли людей, которые положила руку на сердце могут сказать о себе, что они не стали «ворами» в той или иной форме за эти годы? В одном Петрограде в 1918 г. было по меньшей мере 327 000 воров (22% населения), а в Москве – 1 100 000 (70% населения), ибо 327 000 здесь и 1 100 000 там пользовалось лишними хлебными карточками, т. е. крало общественное достояние, вырывало кусок из голодного рта своего соседа.

Наша моральная чуткость так уже оступела, что мы стали смотреть на это как на нормальное явление! В сытые времена мы же называли им подобные поступки иначе, а именно «кражей общественного достояния». Прибавьте к таким фактам ставшее обычным пользование (незаконное и юридически, возмутительное и по существу, так как отнимает буквально кусок изо рта голодного) двумя-тремя пайками, незаконные получки под видом больных, подделывание ордеров, мас-

совое взяточничество, невероятное воровство из складов, бесчисленные злоупотребления с «реквизициями», «национализациями» и т. д., расхищение фабрик и заводов, вакханалию убийств, бандитизм, общее озверение, бесконечные грабежи и т. д., и т. д. – и для вас будет ясно, до какой степени морально-правовые убеждения населения отупели и изменились под влиянием голода (плюс – других факторов). А это ведь не единичные, а массовые факты. По тому же пути идут и наши дети, преступность коих также резко увеличилась.

В сытом состоянии женщины считают *недопустимым, позорным, преступным проституировать себя, делаться любовницами, наложницами* и т. д. Голод ослабляет и подавляет эти убеждения, и в итоге – многие «честные» женщины и девушки становились и становятся проститутками, за кусок хлеба или паек шли и идут на содержание и т. д. Так было в прошлом. Так обстоит дело и сейчас: группа проституток возросла в наши годы до колоссальной цифры. Соответствующие убеждения многих и многих не выдержали испытания голодом и «сдали».

В сытом состоянии люди *«честные» «берегут свою честь и совесть», не продают ее с публичного торга*. В голодном – увы, голодный Исав, продавший за «чечевичную похлебку» право своего первородства своему хитрому брату-«спекулянту» Иакову, – вечный символ миллионов людей. За добавочный фунт хлеба или паек вы можете купить при голоде честь и совесть массы лиц. Человек, сегодня изрекавший «проклятие», завтра, получив паек, будет петь «Осана». В сытом состоянии называвший такого-то «хамом», в голодном пойдет к нему «бить челом», будет унижаться, льстить, чтобы получить паек, а получив его, будет считать «прекрасным человеком».

Как много людей, которые в сытом состоянии не «марали бы свою честь» грязным делом и службой, в голодном поступают на службу, «от которой тошнит», делают то, что сами считали раньше «мерзостью», ползают перед теми, кого раньше «и на порог к себе не пустили бы». Приглядитесь кругом себя – и вы увидите тысячи фигур, испытавших такие «перевоплощения», продавших и продающих буквально за чечевичную похлебку, за ½ фунта хлеба – право своего первородства. В наше время честь, совесть, все право и нравственность массы лиц весит не больше «академического», «ответственного» или «боевого» пайка. Положите на одну чашку весов эти убеждения и ценности, на другую – один из этих пайков, и последняя чашка перетянет в большинстве случаев. Бедное право и нравственность! Несчастливые убеждения! Как же мало вы весите и стоите! Меньше, чем 2 500-калорийный паек. За два фунта хлеба можно заставить массу голодных лиц делать все что угодно. Все эти факты – а их тьма – говорят нам о том, что голод ломает, подавляет в таких случаях самые прочные, самые ценные, самые святые убеждения массы лиц.

То же вы можете видеть и в области *убеждений, касающихся этикета, правил приличия, хорошего тона.*

Давно ли еще большинство граждан считало неприличным идти со всякой рухлядью, вплоть до старых юбок и штанов, на рынок. Теперь солидные дамы и мужчины отлично это делают и часами выстаивают с этими вещами. Если бы несколько лет тому назад кто-нибудь сказал бы им, что они это будут делать, подобное предположение сочтено было бы за величайшее оскорбление. «Уж скорее я умру от голода, чем буду это делать», – последовал бы ответ. Теперь делают – и ничего, не умирают. Соответственные убеждения голод выветрил.

Давно ли большинство интеллигенции считало *постыдным ходить по улицам без сапог, с мешком за спиной, есть в заседании, протягивать руку за милостыней* и т. д. Теперь все это делается, не считается ни позорным, ни постыдным, ни нехорошим. Соответственные убеждения расторможены.

В сытом состоянии *эстетические вкусы* людей мешают им есть собак, кошек, ворон, лягушек, саранчу, мышей, конину, падаль и всякую дрянь. В голодном – это делалось и делается.

В сытом состоянии ученый, поэт, литератор, врач и всякий другой «специалист» гордо заявляет: «Я не продаю науку, поэзию, искусство и т. д. За мамону нельзя их профанировать». В голодном состоянии они же из-за пайков берут на себя дела, которых без голода не взяли бы, забывают интересы чистой науки и искусства, с головой уходят в чтение «пайковых» лекций, в участие в «поэзо-концертах», в писание соответственных хлебных отчетов и т. д.

Нужно ли приводить дальнейшие факты? Они бесчисленны, в наше время их каждый может наблюдать сотнями и тысячами. И все они в один голос говорят, что *голод в очень многих случаях выходит победителем из единоборства с противоречащими ему убеждениями.*

§ 2

Из сказанного вытекает, что *голод стремится ослабить, вытравить и подавить – прямо или косвенно – все те убеждения, верования, вкусы, долженствования и обязанности, которые при данных условиях мешают его удовлетворению, и обратно, усилить и вызвать к жизни те убеждения, которые при данных условиях помогают его насыщению.* Иными словами, он стремится переделать все наши убеждения и мировоззрение по своему образу и подобию, давит в них все мешающее его удовлетворению и поощряет все благоприятствующее этому.

Заглянем теперь в глубь «души» человека. Посмотрим поближе, какими путями совершается это изменение и подавление убеждений голодом.

«Темна и сложна душа человека, таинственны ее извивы и аккорды», – часто говорят вам. И говорят правду, но не всю. Полная правда гласит: «Если это и так, то не всегда и не везде. Временами в определенных областях душа проста, как геометрическая фигура, ее аккорды понятны и ясны, как движения простой машины». Фунтом больше – один аккорд, фунтом меньше – другой. Эта симфония так однообразна и так часто повторялась со времен Адама, что стала монотонной и стереотипно-пошлой, как затасканная частушка.

Нарисуем грубовато-схематически эту вечную трагикомедию «жизни человека», миллионы раз шедшую на сцене жизни. Перед нами сытый человек. Он убежден, что «есть скоромное в пост грешно». И не ест. Проходит ряд часов: 10–20–30. В организм его не поступило никакой пищи. Он голоден. Перед ним жареный кусок мяса. И вот на арене души человека начинает разворачиваться интересная картина. Есть хочется. Но «совесть не позволяет» – «грех». Однако откуда-то незаметно для нас самих появляются «черти» и начинают нашептывать: «Да полно, грешно ли», «Запрет ведь относится к сытым, а не к голодным», «Не может же быть, чтобы бог хотел смерти», «Святые отцы и те ели», «Это же глупо с точки зрения здравого разума» и т. д., и т. д. Из логовища сознания вылезают сотни таких голосов и начинают вести подкоп под мешающее убеждение, подрывать его так и этак, чем далее – тем более. И в итоге «монолитный утес убеждения» валится. Оправдание его нарушения готово. «Мотивировка создана». Мешающее убеждение выключается на время или надолго из сознания и заменяется иным: «Есть скоромное в пост при голоде можно. Это следует из таких-то и таких-то оснований». Все обстоит благополучно: мясо съедено, голод насыщен, нарушение убеждения оправдано. Теперь, когда человек сыт, изгнанное убеждение может снова вернуться и сесть на свое место впредь до нового «искушения». Таков один путь – *«дипломатически изворотливый», оправдательно-мотивирующий, которым голод достигает изменения мешающих ему убеждений*. Здесь, как в тысяче подобных случаев, голод приказывает сознанию и разуму работать по его заказу, найти оправдания и «мотивировки», и... разум, этот наемный лакей основных инстинктов, старается. Такая картина свойственна, однако, уже «тонким», «изворотливым» людям, с развитым сознанием и привычным к анализу своих поступков.

У лиц же с более простым сознанием *этот процесс совершается еще проще*. Их сознание даже не усматривает противоречия. Сытый, он верит в греховность еды скоромного в пост; голодный, он ест скоромное и забывает о грехе. Убеждения здесь без всяких «фокусов» и мотивировок меняются, одни «вынимаются», другие «вкладываются» без всяких особенных рассуждений.

В третьем случае картина такова. *Убеждение при столкновении с искушением голода не исчезает, не меняется, оно остается. Человек, не способный бороться с голодом, нарушает его, но все время сознает, что «поступил нехо-*

рошо», «не так, как следует», «против совести». Но и здесь голод не мытьем, так катаньем достигает своей цели. *Чем чаще человек таким образом поступает против убеждений, тем последние все более и более слабеют, теряют силу, гаснут и в конце концов могут замениться противоположными.* «Вера без дел – мертва есть»^{1*}. Трудно убить против убеждения в первый раз, трудно выйти женщине на улицу в первый раз, трудно украсть в первые разы, но если мы будем убивать, красть, проституировать 10–15–20 раз, то от убеждений «не убий», «не укради», «не проституируй» в конце концов останутся только «рожки да ножки». Они могут – так чаще всего и бывает – при таких условиях замениться обратными.

Таковы те основные пути, которыми голод меняет наши убеждения, верования, оценки, взгляды, симпатии и антипатии – словом, «все содержание нашего сознания».

Не думайте, что здесь дело ограничивается такими пустяками, как убеждение «есть скоромное в пост грешно». Увы, для голода нет святынь! Он слеп и с одинаковой силой обрушивается на все – и большие и малые, святые и не святые – противоречащие ему убеждения. Сытые, мы исповедуем «святенность собственности», недопустимость обмана, мошенничества, убийства; голодные – можем пойти красть, лгать, мошенничать, убивать из-за 1½ фунтов хлеба и т. д.

Голод не церемонится. Он беспощаден. И большинство людей редко выдерживают его «испытующую силу». Факты такого рода я привел выше. Добавлю к ним еще один – массовый – факт, который говорит о том, что наша интеллигенция в огромной своей части этого реактива не выдержала, под его давлением свое поведение и свои убеждения изменила. Я не хвалю и не порицаю, а просто констатирую этот факт. Все помнят, что в начале Октябрьской революции она считала позором идти на «советскую службу» и получать подачки от тех, кого она называла «узурпаторами». Пришел голод, становился сильнее, с другой стороны ярко сверкал магнит заманчивого пайка. И что же мы видим? Один за другим профессора, инженеры, писатели, поэты, врачи, адвокаты и пр. интеллигенты пошли сначала тайком, бочком, с заднего хода («чтобы другие не узнали»). Было стыдно, неловко, «мучила совесть». Голод рос. Тяга на службу усилилась, пока не повалили целыми толпами. В первое время подыскивались деликатные оправдания и мотивировки по очерченному, «изворотливо-дипломатическому» методу вроде: «О, это же нейтральное, далекое от политики место», «Я делаю культурную работу», «Я пошел во имя спасения науки, искусства, культуры», «Я служу народу, а не власти» и т. д. Потом мотивировки стали смелее, из оборонительных перешли в наступательные; перешедшие стали говорить о «буржуазных предрассудках», о «новом долге интеллигенции», некоторые, приняв покаянно-хитроватый лик, стали играть старый фарс «кающегося дворянина» в новой постановке, иные, желая заслужить полное доверие начальства (и конеч-

но, заработать энное число пайков), стали вдруг «роялистами больше, чем сам король». Выбор мест стал менее и менее разборчивым, наконец, пошли всюду, лишь бы был паек. Назначением на посты стали гордиться, всеми мерами стали его добиваться, считать «честью» и т. д. Произошел «перелом интеллигенции». Итог: начали с «проклятия», кончили «осанной».

Более блестящего массового примера изменения убеждений под влиянием голода трудно найти.

На поведении же и убеждениях отдельных лиц это явление сказалось еще резче. Сравните эволюцию их убеждений с источником их кормления, и вы увидите полное совпадение. Когда кормление шло от монархизма, патриотизма или национализма – они были убежденными монархистами, ура-патриотами и националистами; когда кормление пошло от интернационала и коммунизма – они стали искренними, убежденными коммунистами. Если кормление пойдет от римского паны – они будут искренними папистами. Они всегда искренни, всегда руководятся только «высокими мотивами» и никогда – голосом желудка. На то они и рептилии (пресмыкающиеся) из подвида «искренних» (в отличие просто от «цинических рептилий»). Но «искренность» первых столь же ценна, как и цинизм вторых! Когда слышите их высокие слова и мотивы, когда видите, как ряд лиц продельывает постоянное «сальто-мортале» со своими убеждениями, но так, что очередной прыжок влечет за собой паек, поищите, читатель, поглубже: под хламом высоких слов вы наверняка найдете «бога живота» в буквальном смысле этого слова.

§ 3

Всегда ли и у всех ли лиц убеждения не выдерживают этого «испытания голодом»? Нет, не всегда и не у всех. Я уже сказал, что это бывает тогда и у тех лиц, у кого эти убеждения действительно оказываются слабыми и непрочными. У тех же, у кого они прочны, голод не в состоянии ни подавить, ни ослабить их. Хотя сравнительно и не так много таких лиц и убеждений, все же они были и есть. Примерами могут служить ряд аскетов, голодавших во имя убеждения и религии неделями, хотя голод испытывали они так же остро, как и мы. Целый ряд ученых для научного исследования голода сами голодали 10–20–30 и даже 60 дней. Кому не известны политические голодовки в тюрьмах прошлого и настоящего, где голодавшие голодали до смерти, а не изменяли своим убеждениям? Кто не знает голодных родителей, последний кусок хлеба отдававших и отдающих своим детям? В наше время многим известны люди, добровольно отказывающиеся от пайков, иногда весьма богатых, лишь бы не пойти на малейшую сделку со своей совестью, не изменить хотя бы на йоту своим убеждениям. Такие

люди и явления, говорят, с одной стороны, о том, что голод не всегда выходит победителем из дуэли с убеждениями, с другой – о том, что убеждения таких лиц действительно прочны, раз даже испытание голодом не в состоянии поколебать их. Нужно, однако, сказать, что таковых меньшинство, по крайней мере, в нашей стране. Большинство этого реактива не выдерживало и не выдерживает.

Не касаясь вопроса, хороши или плохи с моей точки зрения эти неизменные убеждения, я не могу не относиться с глубоким уважением к таким людям. Прочность убеждений, не меняемых по источнику и величине пайка, – самое достоверное свидетельство того, что этот социальный костюм, делающий человека человеком, надет на них не случайно, что кора культуры на них не тонка и не разлетается вдребезги при первом искушении голодом. Это те люди, которые не мягкотелы, которые способны и добывать, и охранять свои права. Это те люди, которые нужны каждому народу. Если их мало, масса похожа на бесхребетную улитку, из которой можно веревки вить. Мало того, если в народе много искренно меняющихся «хамелеонов» или «беспринципных рептилий», с одной стороны, с другой – сам народ не дорожит своими убеждениями, относится к ним небрежно и легкомысленно, такой народ не может быть ни великим, ни счастливым, ни свободным народом.

История показывает, что только народы, крепко дорожившие убеждениями, не менявшие их по воле ветра, не продававшие свои права, честь и совесть за «чечевичную похлебку», были и остаются великими народами. Как мошенник и преступник в нормальной жизни в конце концов попадаетея и гибнет, так и беспринципный народ, думающий выехать на кривде, в конце концов теряет и свободу, и величие, и честь, и совесть, и хлеб.

ЗАВЕТЫ ДОСТОЕВСКОГО

Гениальный творец «Братьев Карамазовых» и в своих художественных произведениях, и в своем «Дневнике писателя» постоянно касался самых главных, самых трудных общественных вопросов и способов их решения. Он видел, что жизнь людей плохо устроена, что она полна страдания и горя, что нет в ней справедливости, что одни богаты, а другие бедны, что всюду царит злоба, вражда, ненависть и бедствия.

В чем же он видел спасение? Какой путь указывал он как путь, ведущий к улучшению жизни, к царству правды, к подлинному равенству, братству и свободе?

Один путь, совершенно ясный и определенный: путь религиозно-нравственной деятельной любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной. Только на этом пути возможно спасение, все другие пути – пути ложные, говорит он. Эту мысль он неустанно доказывает и в своем «Дневнике», и устами своих положительных героев: князя Мышкина в «Идиоте» и особенно устами старца Зосимы в «Братьях Карамазовых».

«Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле. Любите все создание Божие... каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения... Будешь любить каждую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах... И полюбишь, наконец, весь мир всецелою, всемирною любовью»^{1*}.

Такая любовь должна осуществляться человеком постоянно, безусловно, по отношению ко всем людям, не исключая и врагов. «На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтоб образ твой был благолепен. Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом, с гневливою душою; ты и не заметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался... Братья, любовь – учительница, но нужно уметь ее приобрести, ибо она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работой и через долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбит»^{2*}.

«Делай неустанно... Верь до конца» – такова основная заповедь Зосимы-Достоевского^{3*}. В соблюдении этой заповеди видел он единственное средство

улучшения жизни людей и решения общественных вопросов. Ту же мысль высказывает он и от своего имени в «Дневнике писателя». «Единственный способ решения общественных вопросов и неурядиц, – говорит он, – заключается в “деятельной любви”, в решимости вашей делать все ради деятельной любви, все, что возможно вам, что сами искренно признаете для себя возможным. Надо делать только то, что (в духе завета) велит сердце: велит отдать имение – отдайте, велит идти работать на всех – идите, если чувствуете, что будете полезны всем как ученый, идите в университет и оставьте себе на то средства... Не раздача имения обязательна и не надевание зипуна: все это лишь буква и формальность, ибо всякая непереносимость в деле любви похожа будет на мундир, на рубрику, на букву. Обязательна и важна лишь решимость ваша делать все ради деятельной любви»^{4*}.

Таков главный завет Достоевского.

Если люди проникнутся им и будут исполнять его, тогда все просто решится, тогда не будет горя и нужды, рабов и господ, тогда возможны подлинная свобода, равенство, братство; тогда будет «всяческий и во всех Христос».

Почему? Потому, отвечает Достоевский, что подлинная свобода состоит не в разнузданности, как полагают теперь, а «лишь в одолении себя и воли своей, чтоб всегда самому себе быть настоящим хозяином»^{5*}. Свобода – не в богатстве и не в деньгах, а в том «чтобы пойти всем служить. Если способен на то человек, – а деятельно любящий способен на это, – то он ли после того не свободен?»^{6*}. Будет тогда и равенство. В нынешнем мире равенство – это «ревнивое наблюдение друг за другом, чванство и зависть: “Он умен, он Шекспир, он тщеславится своим талантом; унижить его, истребить его”. Между тем настоящее равенство говорит: “Какое мне дело, что ты талантливее меня, умнее меня, красивее меня? Напротив, я этому радуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнее тебя, но как человека я уважаю себя, и ты знаешь это, и сам уважаешь меня, а твоим уважением я счастлив”»^{7*}. «Если так будут говорить все люди, то, уж конечно, они станут и братьями, и не из одной только экономической выгоды, а от полноты радостной жизни, от полноты любви»^{8*}. «Были бы братья – будет и братство»^{9*}. «Тогда и богатство будет расти в самом деле, и богатство настоящее, потому что оно не в золотых платьях заключается (и не в разделе всех богатств мира, ибо разделенные на всех богатства мира сего были бы лишь каплей в море), а в радости общего соединения и в твердой надежде каждого на всеобщую помощь в несчастье ему и детям его»^{10*}. «И не говорите, – продолжает великий писатель, – что вы лишь слабая единица и что один ничего не сделаете и не поправите. Напротив, если даже несколько будет таких, как вы, так и тогда двинется дело»^{11*}.

Только такое общество, состоящее из таких людей, и может быть крепким соединением людей. Только народ, в основе которого лежит такая идея, может быть сильным, здоровым и великим народом. Если же этот завет забыт им, если

в основу его жизни и устройства положена только идея «спасения животишек», идея простой выгоды хотя бы за счет своего ближнего – конец такому народу и обществу: они погибнут.

Рядом с этим заветом заповедал он и другой, с ним связанный. Деятельная любовь – заповедь Христа, заповедь не только нравственная, но и религиозная: без религии не может быть нравственности, а без нравственности идей – великого народа. Тогда останется только «спасение животишек», только формула «каждый за себя, а один Бог за всех». «С такой формулой никакой народ долго не проживет»^{12*}. Поэтому Достоевский говорит: «Отцы и учителя, берегите веру народа. Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. И не мечта это... Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда – (пока верит) – в правде не ошибется»^{13*}. Пока есть вера – народ будет жить и сохранит свое лицо. Исчезает вера – может прийти конец.

Таковы заветы великого русского писателя русскому народу.

Указывая на этот путь спасения, Достоевский вместе с этим предостерегал от других путей, от пути «католического» и «протестантского».

Под «католической» идеей он подразумевал мораль насилия, принудительного спасения людей и деспотического водворения рая на земле.

Под протестантской идеей – мораль голого бунта ради бунта, заповедь чистого разрушения и протеста во имя разрушения. Обе эти заповеди друг с другом связаны, говорил он. Вторая вызвана деспотизмом и насилием первой, ею питается и обречена на исчезновение, как только исчезнет «католическая» идея.

Обе эти идеи – весьма старые. «Католическая» мораль идет еще от древнего Рима, от него перешла в католичество, а от последнего взята революционерами и социалистами. И древний Рим, и католичество, и социализм, по Достоевскому, верили и верят, что спасение людей, улучшение жизни, разрешение общественных вопросов может быть достигнуто простой силой, кровавой борьбой, применением насилия и принуждения^{14*}. Не к единению, а к вражде, к смертному бою призывали и призывают они. При решении споров между классами они «устраняют нравственную постановку вопроса» и всецело полагаются только на одну силу. Вместо нравственного улучшения людей они верят, что стоит путем насилия изменить законы и общественные учреждения, как «все само собой устроится», исчезнет несправедливость и водворится на земле рай. «Предводители пролетариата прямо хотят задать битву и уверены в победе: “а там, после победы, все само собой устроится, хотя очень может быть, что после рек пролитой крови. Они не считают их, буржуазию, способными стать братьями народу, а потому-то идут на них силой, из братства их исключают вовсе: братство-де потом образуется из пролетариев, а вы – вы сто миллионов обреченных к истреблению голов, и только. С вами покончено для счастья человечества”». В ответ на это и буржуазия «решила не уступить и так же готовится к битве»^{15*}. Обе стороны,

следуя завету «католической идеи», полагаются только на силу, верят только в спасительность борьбы.

Такова заповедь спасения, проповедуемая католическо-социалистической идеей.

В эту идею теперь верят, говорил Достоевский, на этом пути надеются найти спасение большинство людей.

Но, добавлял он, эта вера не спасет. Она обманет, ибо этот путь ложен. Насилием нельзя спасти людей. Принуждением нельзя уничтожить неправды. Голая сила никогда не создаст ни братства, ни свободы, ни равенства.

«Та и другая сторона (буржуазия и пролетариат) страшно не правы, и та, и другая погибнут во грехах своих... Единственно возможное решение вопроса – есть постановка нравственная, т. е. христианская. Рано ли, поздно ли, после рек крови и ста миллионов голов должны будут признать ее, ибо в ней только одной и исход»^{16*}.

Эту мысль он доказывает почти во всех своих художественных произведениях. Она гениально проведена им в его удивительной легенде о «Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых».

В бытовых формах она выражена им в его «Бесах». Там, где пытаются найти спасение в голом насилии, где нет любви и свободы, религии и нравственности, там ничего, кроме крови, убийств и преступлений, получить не может – такова основная идея этого романа. Здесь перед вами фигурируют либералы, социалисты, революционеры, верящие не в завет любви, а в голую силу, ложь и обман, готовые «во имя счастья человечества отрубить миллион голов». Что же получается из их «спасения» и «высоких слов» на деле? Один кошмар: ряд ужасов, убийств, самоубийств, поджогов и др. преступлений. И только.

Ту же мысль проводит гениальный художник и в «Преступлении и наказании». Убийство кого бы то ни было, даже ростовщика и грабителя, во имя какой бы то ни было идеи и цели, вплоть до самой высокой, не дозволено, ни на йоту не увеличивает счастья человечества, ни на атом не уменьшает море человеческого горя и нужды, ни на шаг не приближает к лучшей жизни – таков вывод из романа.

На пути насилия и вражды нет спасения, говорит всем этим Достоевский. И богачи, и бедняки, и все верящие в спасительность насилия «погибнут во грехах». «Вместо вина упьются кровью». «И проклят будет гнев их, ибо жесток»^{17*}.

Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений.

Напишите какие угодно конституции, пересадите какие угодно учреждения, но раз люди безнравственны, раз в них и их поступках нет нравственной идеи любви, то никакого улучшения быть не может. «Что толку поставить учреждение и написать на нем: Liberté, Egalité, Fraternité (свобода, равенство, братство)?

Ровно никакого толку, так что придется – необходимо, неминуемо придется – присоединить к трем словечкам четвертое: “ou la mort” (или смерть). “Fraténité ou la mort” (братство или смерть) – и пойдут братья откалывать головы братьям, чтобы получить через насилие и “гражданское учреждение” братство»^{18*}. Не будет в этом случае ни свободы, ни равенства. Вместо свободы получается только «у богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство». Вместо равенства – царство эксплуатации, угнетения, ненависти и злобы; вместо братства – взаимное поедание. Без духа любви и общество может быть построено только «на спасении животишек», каковы бы ни были учреждения и какие бы вывески на них не значились. «Но “спасение животишек” есть самая бессильная и последняя идея из всех идей, единящих человечество. Это уже начало конца»^{19*}. Это будет не здоровое общество, а «муравейник без церкви и без Христа, с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все общее и абсолютное», как современная Европа. В этом случае неизбежно «наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все гражданские теории, богатства, банки – все это рухнет в один миг и бесследно. Все это “близко, при дверях”. Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся!»^{20*}.

«Смирись, гордый человек!» Оставь свой ложный путь, обратись на путь великой любви и любовного единения, иначе погибнешь! – пророчески восклицал он. Вне любви не только не может быть спасения, но не может быть и никаких истинных спасителей и освободителей. Если только сам освободитель не проникся всецело заветом любви на деле, в своих поступках и поведении, то какими бы высокими словами он ни прикрывался, какую бы великодушную пыль ни пускал в глаза, такой человек будет лжепророком, мнимым освободителем, вожак, ведущим к гибели, фальшивомонетчиком, сеющим семена преступлений и зла, великим тираном, а не благодетелем человечества.

Таким людям народ нужен только для осуществления их собственных appetitов. Если же он становится поперек их дороги, они отвечают: «Так уничтожить народ»^{21*}. Еще больше лицемеров и эгоистов вроде Ракитиных, наконец, немало и прямых преступников и злодеев, подобных героям «бесов»: Верховенских, Ставрогиных, Лямшиных, Липутиных, Шигалевых и т. д., все здание своего идеала строящих на крови и особенно крови невинной, ибо «кровь-то, пролитая невинно, склеивает участников», совершающих одно преступление за другим, громоздящих один кошмар на другой.

Немало подобных лицемеров и эгоистов, говорит Достоевский, было и среди русских «борцов за свободу». Многие из них говорили высокие слова и болели гражданской скорбью, а на деле «русские скорбящие скитальцы бывали иногда большими плутами». Их гражданская скорбь отлично уживалась с «питанием оброком с тех же крестьян, да еще как питалась-то». «Кто мешал им освободить хоть своих крестьян с землей и снять, таким образом, гражданскую скорбь хотя

бы со своей-то личной ответственности? Но о таких освобождениях что-то мало было у нас слышно... Делали прощ: закладывали, продавали или обменивали крестьян и, осуществив денежки, уезжали в Париж способствовать изданию французских радикальных газет и журналов для спасения уже всего человечества, не только русского мужика»^{22*}. Вне любви, вне религиозно-нравственного завета нет спасения; ничего, кроме лжи, обмана, лицемерия, убийств и преступлений, в этом случае не может получиться, снова и снова говорит Достоевский.

К тем же результатам приводит и чисто протестантская идея бунта ради бунта. Она дает либо бесполезные самоубийства, помогающие совершению и сокрытию преступлений, примером чего служит «богоборец»-протестант Кириллов в «Бесах», либо ведет к смердяковщине – неизбежному детищу богоборца Ивана Карамазова, т. е. опять-таки к злу, убийству и преступлению.

«Смирись, гордый человек!» Пойми, что все твои легкие и гордые пути – пути нечестивые, пути гибельные, пути бесплодные. Неправды они не уничтожат, к раю на земле не приведут, страданий не уменьшат. Есть только один путь спасения – путь трудный, но единственно надежный и верный. Это путь религиозно-нравственный, деятельной любви. Вне его – нет выхода.

Таковы вкратце мораль Достоевского и путь спасения человечества, указываемый им.

1922

Россия

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ П.Л. ЛАВРОВА

В данной статье я не собираюсь излагать систему социологии П.Л. Лаврова как нечто целостное и законченное, эта задача выполняется другими статьями сборника. Моя цель иная. Она состоит в очерке главнейших социологических проблем, затронутых в многочисленных работах Петра Лавровича. Показать: 1) какие из этих проблем были основательно затронуты Лавровым; 2) как он их ставил и решал; 3) кто из крупных социологов решал и решает их так же; 4) наконец, приемлемы ли эти решения, могут ли они быть признаны истинными, и если нет, то почему – вот те вопросы, которые составляют содержание данной статьи. Этой программой определяется ее состав и характер. Само собой разумеется, при выполнении этих заданий придется не раз касаться «системы», придется указать «ариаднину нить» всей социологической концепции Лаврова, ее последовательность или непоследовательность, правильность или ошибочность, но все это будет делаться лишь постольку, поскольку это нужно для понимания отдельных проблем социологии Лаврова, не больше. Центр тяжести статьи лежит не в общей характеристике социологической теории Лаврова как целостной системы, а в очерке отдельных проблем, развитых им в его трудах и статьях. Перейдем к выполнению этого задания.

§ 1. Понятие социологии П.Л. Лаврова. Ее задачи и методы

Ключ к пониманию социологических взглядов Петра Лавровича кроется в его определении социологии как науки. Здесь «альфа и омега», «начало и конец» всей его социологической теории. Чуть ли не все его работы были ничем иным, как развитием, развертыванием этого определения, а его практическая работа – осуществлением теоретических положений, вытекавших из последнего. Спрашивается, как же он определял социологию? Какую область явлений он считал предметом изучения последней? Какие задачи он ей ставил? Как решал вопрос относительно методов изучения социологических явлений? Как рисовал архитектуру всей социологической науки? Какие отделы последней он разра-

П. Л. ЛАВРОВ

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ,
МАТЕРИАЛЫ

«КОЛОС»
ПЕТЕРБУРГ
1922

Обложка сборника, в котором была напечатана статья П.А. Сорокина
«Основные проблемы социологии П.Л. Лаврова»

батывал и, наконец, насколько последовательно в частных проблемах проводил свое решение данного основного вопроса? Из одной этой постановки вопросов мы видим, что характеристика взглядов Петра Лавровича на этот счет должна сразу ввести нас в самый центр его социологии, в ту доминирующую обсервационную точку, откуда открываются перспективы на все теоретическое поле работ Лаврова. Понятие социологии Лаврова определено. Оно стереотипно повторяется им в множестве работ. Вот оно вкратце.

«Социология изучает и группирует повторяющиеся факты солидарности между особями человеческого общества и стремится открыть ее законы». «Она ставит себе теоретическую задачу понять формы солидарности и процессов, совершающихся при количественном изменении этих форм»¹. «Социология есть учение о формах солидарности при различной степени развития этих особей и форм общежития». Сообразно с этим определением и само понятие общества для П. Лаврова дано только там, где дана солидарность. «Люди образуют общество, когда они оказываются солидарными в своих привычках, аффектах, убеждениях, интересах... Вне этой солидарности в сознательных актах для нас нет общества, а есть скопление особей»².

Таков объект социологии. Спрашивается теперь: что же нужно понимать под явлением солидарности? Вопрос этот приходится ставить потому, что термин «солидарность» принадлежит к числу самых избитых и неопределенных³. Лавров дает ответ и на этот вопрос: «Общественная солидарность есть сознание того, что личный интерес совпадает с интересом общественным, что личное достоинство поддерживается лишь путем поддержки достоинства всех солидарных с нами людей»⁴. Иначе [говоря], это «общность привычек, интересов, аффектов или убеждений»⁵.

¹ Доленга А. [Лавров П.Л.]. Важнейшие моменты в истории мысли. М., 1903, с. 978–980, 990.

² Лавров П.Л. [Автор на обложке не указан.] Опыт истории мысли. СПб., 1875, т. 1, с. 75–76, 82, 265–266. «Сущность общества заключается в его солидарности, ею лишь отличается действительное общество от скопления особей» (Лавров П.Л. Собрание сочинений. Пг.: Колос, 1918, вып. 7, с. 75). «Только солидарность сознания как общность привычек, интересов, аффектов или убеждений есть солидарность общественная, дающая почву для развития социологии как науки общественных явлений, которая изучает условия этой солидарности, генезис ее форм и пытается установить законы, обуславливающие ее проявление» (Там же, вып. 2, с. 90). «Сущность понятия об обществе... есть его солидарность. Социологию дозвоительно понимать исключительно как науку солидарности сознательных особей, в установлении, усилении, ослаблении и разрушении этой солидарности» (Арнольди С.С. [Лавров П.Л.] Задачи понимания истории. СПб., 1903, с. 119). См. также: Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 8, с. 133; Арнольди С.С. Кому принадлежит будущее. М., 1905, с. 126; Миртов [Лавров П.Л.]. Исторические письма. СПб., 1870, с. 45.

³ Сорокин П.А. Система социологии. Пг.: Колос, 1920, т. 1.

⁴ Миртов [Лавров П.Л.]. Исторические письма. СПб.: Тип. Кормина, 1870, с. 45.

⁵ Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 2, с. 90.

Условие солидарного взаимодействия отличает общество от простого скопления особей, не составляющего тем самым непосредственного социологического явления, а условие сознательности особей исключает из области социологии формы солидарности или солидарного общения несознательных организмов, иными словами, указывает пограничную линию социальных и биологических явлений, или социологии и биологии⁶.

Таков в основных чертах предмет изучения социологии по Лаврову.

Спрашивается теперь: с каких же точек зрения явления солидарности изучаются этой дисциплиной? Какие задания в этом отношении она ставит? Какими методами она их изучает?

Ответ на эти вопросы приводит прежде всего к делению социологии на теоретическую и практическую, иными словами, к определению ее теоретических и практических задач.

К любому явлению мыслитель может подходить с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения сущего (теоретической), во-вторых, с точки зрения должного (практической). В первом случае он изучает интересующие его явления такими, каковы они есть. Он ничего не порицает и ничего не восхваляет – он наблюдает, изучает, исследует явления, оставляя в стороне всякие оценки. Такова основная задача всякой науки. Во втором случае он подходит к явлениям совершенно иначе, имея определенный идеал должного или определенную цель. Здесь он выступает как субъект оценивающий. Он рассматривает, какие явления и процессы согласуются с этим идеалом, какие ему противоречат, каковы те средства, которые легче и успешнее всего ведут к реализации идеала в жизни, какие условия препятствуют этой реализации. Все согласное с идеалом или целью, все ведущее к их осуществлению будет фактом положительным, «благом»; все несогласное с ними или мешающее их осуществлению будет явлением отрицательным, «злом».

Лавров ставил социологии обе эти задачи. Больше того: он сливал их воедино и считал неразрывными. Правда-Истина, с его точки зрения, неотделима от Правды-Справедливости. «Именно здесь (в социологии) приходится конста-

⁶ «Скопления существ, в которых самые явления сознания еще не определились, не уяснились и недостаточно дифференцировались, точно так же как скопления или сближения более развитых особей, не проявляющие следов общественной солидарности и не позволяющие ей развиться, можно в наше время отнести к зоологии или антропологии, но не к социологии. Общество началось лишь там, где особь, способная уже сказать себе “я” и все с большей ясностью представляющая себе это “я”, сказала также “мы”, во имя привычки, во имя интереса, во имя аффекта или во имя убеждения. Поэтому приходится распространять термины и законы социологии на мир животных лишь с тою же осторожностью, какая требуется при распространении на них терминов и законов психологии. Общение подлежало тоже закону эволюции, и зародышное общежитие приходится признать на весьма низкой ступени организмов, но это зародышное общежитие настолько же не походит на общество сознательных особей, насколько оплодотворенное яйцо животного не походит на зрелого животного» (Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 2, с. 90–91).

тировать характеристическую особенность учения о солидарности, или социологии, от всех других наук. Она не только ставит себе теоретическую задачу понять формы солидарности и процессов, совершающихся при количественном и качественном изменении этих форм, но столь же неизбежно и практическую задачу осуществить эти понятые формы, во-первых, в той мере, в какой их объективное понимание делает это осуществление возможным, во-вторых, и в той, в какой они составляют субъективный элемент убеждений данной личности, усвоившей социологическое понимание. Перед развитым человеком убеждение, им усвоенное, ставит непобедимую дилемму: или ты не понял и не стремишься понять истины социологии, или общей целью твоей жизни и деятельности должно быть осуществление или подготовка тех форм солидарности, для которых ты признал объективно, что их осуществление или подготовка возможно. Понимание задач социологии не только теоретически уясняющими, но и практически обязательными обуславливает возможность суда над собственными действиями»⁷. Раз дело обстоит так, то неизбежным выводом отсюда является так

⁷ Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 980–981; Лавров П.Л. Опыт истории мысли, т. 1, ч. 1, с. 64. Еще резче то же положение выдвигалось Лавровым в ряде других его работ. Особенно рельефно мысль о неразрывности теоретической и практической социологии выявлена в «Кому принадлежит будущее» в речи профессора, защищающего тезис чисто теоретической науки, и в речи молодого человека, излагающего взгляды самого Лаврова. Позволю себе привести ряд цитат отсюда. «Факты общественной жизни должны быть наблюдаемы с тем же индифферентизмом, как явления химического сродства, – говорит “профессор”. – Мы не должны вносить в них ни наших желаний, ни наших привычек, ни наших симпатий, если хотим оставаться на почве науки. Ничего нет в общественной жизни, как в мертвом мире, ни лучшего, ни худшего, ни желательного, ни возмутительного. Все события истории должны столь же мало возмущать и радовать ученого, как различные фазисы развития яйца цыпленка. Мы можем описывать существующее, следить за процессом его приготовления в прошлом, классифицировать факты и отыскивать их ближайшие законы; но вот и все. Последовательный ученый должен быть индифферентным в жизни частной и общественной. Все существующее для него необходимо и потому оправдано. Нравственный суд, как суд эстетический, для него – заблуждение. Ученый знает, что факт существует, что он характеризуется такими-то признаками, что он произошел таким-то путем, что его следствия могут быть таковыми-то. Этого знания достаточно ученому. Он стоит среди волнений общества как посторонний наблюдатель. Он следит за ходом истории, не мечтая изменять или направлять ее течение. Не все ли равно астроному, какому пути следует Солнечная система, в которой он занимает микроскопическое место. Его дело <...> отметить орбиту в ее особенностях, но на этом и остановиться». – «Я готов повторить ваши слова: социолог должен относиться к задаче социологии, как механик, химик, биолог относятся к своим задачам; но прибавлю: как истинный ученый механик, химик и биолог к ним относятся, – возражает профессору юноша – Лавров. – Иначе говоря: он должен страстно любить истину и употребить самые точные методы, чтобы открыть ее; когда же он открыл социологическую истину, он должен, подобно истинному механику и химику, исследовать самым точным образом все практические ее выводы, т. е. на какие явления она указывает, как на здоровые, и на какие, как на болезненные; какие формы общежития, вследствие этой истины, законны и какие вредны. Когда он усвоит теоретически и практически понимание истины, он должен стремиться осуществить здоровые общественные явления на практике с такою же страстью,

называемый «субъективный метод» как метод дополнительный к объективному, столь же неизбежный, как первый, столь же законный и столь же плодотворный. «Объективность», обязательная для научности исторического (и социологического) труда в одной его части, сменяется столь же неизбежною, а потому столь же научною субъективностью в другой его части. Было бы недостойно ученого исказить текст Маркса или варварства «кровавой недели», или даже намеренно умолчать о них ввиду извращения фактов, но никакие усилия быть беспристрастным не могут устранить эту неизбежность для историка оценить субъективно сравнительную важность того или другого из этих фактов хотя бы тем приемом, что историк уделяет одному из них более места, чем другому, упоминая о них. Эта субъективность неизбежна, по меньшей мере, в трех областях: 1) «в оценке сравнительной важности того или иного явления или элемента культуры»; 2) «в признании того или другого элемента культуры здоровым или патологическим для определенной эпохи»; 3) «в допущении, что для той или иной группы явлений существовала общая возможность иметь место в данную эпоху» (хотя они и не имели места в силу случайных причин). Чисто субъективные процессы (например, психические) можно изучать объективно; и обратно, «явления вполне объективные (например, исторические и социологические) для научного их понимания требуют от исследователя определенной ступени общего личного развития, следовательно, чисто субъективных условий, без которых это понимание невозможно»⁸.

Резюмирую сказанное. Согласно концепции П.Л. Лаврова: 1) социология есть наука о солидарности сознательных особей, ее формах, фазисах ее развития и условиях, укрепляющих, ослабляющих и изменяющих солидарность; 2) социология ставит себе как чисто теоретические задачи, сводящиеся к познанию очерченных явлений, так и задачи практические, состоящие в выработке идеальных форм общежития, в указании средств, наиболее успешно осуществляющих их

с таким же самоотвержением, с каким истинный механик стремится осуществить машину, план которой готов в его голове... но тут вы меня останавливаете. Вы считаете иллюзиями потребности нравственные; вы отвергаете самое понятие о лучшем обществе, как иллюзию... Я готов согласиться с вами, если вы вместе с тем признаете иллюзией и всякую научную истину, и обязательность логического мышления, чтобы достичь до истины. Если нравственная потребность иметь убеждение и осуществлять его в жизни есть иллюзия, то почему же не иллюзия логическая потребность признать очевидную истину, употребить определенный род доказательства? Почему же не усомниться в объективном мире?» Далее Лавров указывает, «что как постепенно прогрессировали понятие истины и методы ее открытия, сначала доступные меньшинству, а потом постепенно проникавшие в общество, так же эволюционирует и нравственное воспитание: и оно было только достоянием немногих; но с ростом знания совершенствуется понятие об идеальном обществе, подобно логической истине становится общеобязательным и, подобно ей, стремится стать достоянием всех» (*Арнольди С.С. Кому принадлежит будущее*. М., 1905, с. 106–129). См. всю речь профессора и всю речь юноши.

⁸ *Арнольди С.С. Задачи понимания истории*. СПб., 1903, с. 78–84; *Лавров П.Л. Собрание сочинений*, вып. 8; *Миртов*. Исторические письма, с. 25; *Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли*, с. 978–991.

в жизни, и в самом осуществлении этих идеалов Правда-Истина и Правда-Справедливость неразрывны. Поскольку в области первой неизбежен и законен чисто объективный метод познания, постольку в области второй столь же неизбежен и законен субъективный метод оценки явлений в ряде случаев, указанных выше.

Таковы вкратце взгляды Лаврова на предмет, задачи и методы социологии. Пойдем дальше и посмотрим, как развернул Лавров это определение в целую систему социологической науки.

Указанным определением предreshались характер и система социологии П.Л. Лаврова, с одной стороны, с другой – те основные проблемы, которые должны были концентрировать на себе его внимание. Раз задачей социологии является изучение солидарности, то развертывание социологической теории – конкретное построение здания социологической науки – должно было сводиться к разрешению следующих проблем: 1) где, когда и при каких условиях возникают явления солидарности; 2) каковы основные «морфологические» формы последней и морфологические формы соответственных обществ, каков генетически-исторический порядок смены выделенных форм солидарности; 3) какая форма из этих форм является наиболее важной для мира людей и каково основание этой важности; 4) каковы динамические агенты («факторы силы»), вызывающие появление солидарности, с одной стороны, и смену ее форм – с другой; 5) каков механизм этой смены, данный в историческом процессе, и каков предел, к которому стремится развитие форм солидарности. Такова программа построения социологической науки, и таковы же основные проблемы, которые логически вытекают из выше очерченного понимания социологии. И действительно, именно эти проблемы являются главными пунктами социологии Лаврова, именно они всего усерднее разрабатывались последним, именно они составляют «становой хребет» его системы. Это не значит, что в своих социологических работах Лавров ограничился изучением только этих проблем. Напротив, сама широта и сложность их неизбежно заставляли затрагивать десятки и сотни других вопросов, требующихся для решения первых. Но эти десятки и сотни проблем, иногда чрезвычайно интересно решавшихся П.Л. Лавровым, носят характер вопросов «вспомогательных». Они играют роль «лесов», хотя и ценных самих по себе, но нужных прежде всего для построения здания социологии. Последнее же обрывают именно указанные вопросы, взятые в своей совокупности.

Очертим бегло постановку и решение их Лавровым.

1. Начало солидарности. Под солидарностью, как указано было выше, Лавров понимал «общность привычек, интересов, аффектов или убеждений», иначе «зависимость между особями», выражающуюся в единообразном и сходном поведении солидарных особей⁹. Спрашивается, где и когда она зародилась? В своей

⁹ Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 2, с. 90; Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 30.

родовой форме начало солидарности, согласно Лаврову, надо искать в отдаленном прошлом, не только в мире людей, но и в мире животных. Потенциально начало общества как совокупности солидарных особей дано чуть ли не с началом жизни. Рельефно она проявляется в явлениях животных обществ, начиная с колоний животных и кончая ясно выраженными животными агрегатами пчел, муравьев и т. д. Таким образом, солидарность появилась задолго до человека¹⁰.

Давая такой суммарный ответ, Лавров не довольствуется общими положениями, а детально изучает все те условия, которые были необходимы для появления солидарности и ее высших форм. Почти весь 1-й том «Опыта истории мысли» (с. 1–147) является таким исследованием. Здесь Петр Лаврович шаг за шагом анализирует роль космических и биологических условий (почвы, климата, геологических процессов, географических условий, свойств протоплазмы, анатомических и физиологических свойств и т. д.), которые были необходимы для появления солидарности и подготовили царство человека и мир человеческой солидарности. Итог этого анализа гласит: «Человек оказывается для критической мысли не исключением и не чудом; бессознательные процессы мертвого вещества подготовили жизненные свойства человека вместе со всякой другой жизнью, подготовили и весь материал внешнего для него мира. Процессы органической эволюции, вырабатывая формы растений и животных, выработали и форму человеческого тела; обуславливая этими формами функции жизни, сознания и общественности, они подготовили и его жизненные, психические и общественные отправления»¹¹. Отсылая читателя к самим работам, показывающим, как именно совершалось это приготовление, замечу здесь, что в этой части Лавров весьма рано оценил значение и роль космических и биологических условий в деле возникновения и течения общественных процессов. В этом смысле здесь мы находим все основные тезисы «географической и биологической» школ в социологии, но без односторонности и преувеличений первых. С этой точки зрения новейшие работы, вроде работы Parmely «The science of human behaviour», мало нового дают по сравнению с положениями Лаврова. Возражать Лаврову по существу в этой части не приходится: его колоссальная эрудиция позволила ему избежать здесь многих ошибок, весьма частых у ряда исследователей тех же вопросов¹².

¹⁰ Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 2, с. 29–151.

¹¹ Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 144; Лавров П.Л. Опыт истории мысли, т. 1.

¹² Например, статьи Лаврова (см. вып. 22, собр. соч.), посвященные вопросам начала жизни, мысли и общественности, печатавшиеся в 70-х и в начале 80-х гг. и вошедшие в той или иной форме в «Опыт» и «Историю мысли»; они и сейчас ничуть не устарели. Ответы, даваемые им, сходны с ответами целого ряда компетентных исследователей нашего времени. Сравним, например, эти статьи с «Биологическими основаниями сравнительной психологии» В. Вагнера.

2. Основные формы солидарности в мире людей и их генетический порядок. Дойдя до человека, Лавров не ограничился простым фактом констатирования родовой формы человеческой солидарности. Он пошел дальше и попытался дать, так сказать, «морфологию» человеческой солидарности. Солидарные формы общежития людей, созданные в период «подготовки человека», не представляют чего-то однородного, а распадаются на ряд форм или видов: «Периоды истории отличаются один от другого тем, что солидарность опирается в разное время то на один, то на другой элемент общежития и подрывается то тем, то другим требованием, возникающим в обществе»¹³. Отсюда вытекают разнообразные формы солидарности. Лавров различал, прежде всего, три вида солидарности: 1) солидарность бессознательную, солидарность обычая, вытекающую из факта «более или менее продолжительного общения между особями». «В этом случае особи фатально солидарны между собой, потому что не могут уклониться от этой солидарности и ее следствий». 2) «Солидарность общего аффективного настроения, чуждого какому бы то ни было критическому обдумыванию». 3) «Солидарность историческую, вполне осознанную или как прочное чувство близости между особями одной и той же группы, или как понятие, обуславливающее определенные задачи личной и коллективной жизни». Иначе выраженные, эти три формы солидарности означают: первая – «солидарность, основанную на привычке», вторая – солидарность, покоящуюся на единстве убеждений. Каждая из последующих форм солидарности развивается на почве предыдущей и генетически представляет позднейший этап развития¹⁴. Самой важной для социолога является последняя форма солидарности. Такова фундаментальная классификация форм солидарности, основанная на генетическом принципе последовательности их появления. Установив ее, Лавров, во-первых, детализирует эти формы дальше (например, солидарность первого вида распадается на фазисы дородового, родового и послеродового периодов, отдельно выделяется солидарность семейной группы, расы, нации, государства, церкви, солидарность универсального типа и т. д.), во-вторых, фактически показывает, какая солидарность царила в ту или иную эпоху в определенной группе (например, солидарность обычая или привычки или сознательная солидарность царила в монархиях Востока, в Греции и т. д.), как комбинируются и вступают в симбиоз различные формы солидарности, как они вытесняют друг друга и т. д.¹⁵

Шаг за шагом Лавров рисует генезис, смену и наслоения этих форм, переход одной формы в другую и рядом с этим ближайшие причины таких трансфор-

¹³ Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 7, с. 76.

¹⁴ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 30–31; Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 7, с. 93–94; Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли (Этюды второй и третьей).

¹⁵ Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 7, с. 93–139; Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 29.

маций. В данной статье нет возможности останавливаться на передаче подчас весьма интересных и ценных положений этого анализа. Приходится довольствоваться указанием основных тезисов Лаврова.

3. Сознательная солидарность. Исторические и неисторические народы. Понятие и роль интеллигенции. Выделяя различные формы солидарности, характеризуя их природу и генезис, Лавров далеко не с одинаковой любовью и с одинаковым усердием разрабатывал все эти формы. Формой солидарности, всего тщательнее изучавшейся им, была солидарность сознательная. «Лишь эта солидарность является могучим орудием в борьбе общества за свое существование и становится прогрессивным двигателем истории... Она – единственная важная в периоде жизни исторической – оказывается обусловленным ростом сознания в личностях»¹⁶. Именно эта форма солидарности была центральным пунктом исследования Лаврова. Ей он придавал столь большое значение, что только с момента ее появления он признавал данным начало исторической жизни человечества. Только те группы и народы могут быть признаны историческими, в среде которых сознательная солидарность в своей типической и главной форме появилась. Такой формой является солидарность, основанная на критической мысли, единство, вызываемое осознанными убеждениями, диктуемыми потребностью развития. Внешним признаком существования такой формы солидарности в среде того или иного народа служит появление в его рядах интеллигенции как носительницы солидарности, вызванной единством убеждений, как совокупности «критически мыслящих личностей», «способных наслаждаться развитием и вырабатывающих условия развития». Отсюда видим, как вся система Лаврова, данная в самом определении последней, развертывается в стройную целостность, как логически приводит к тем именно вопросам, которые считались основными пунктами теории Лаврова: из понятия солидарности вытекает необходимость классификации ее форм, из последней следует важность формы сознательной солидарности; понятие последней приводит к теории Лаврова относительно исторических народов, понятие их обуславливает понятие интеллигенции (и рядом с ней понятие «пасынков истории» и «культурных дикарей»), а из понятия и роли интеллигенции вытекает проблема «критически мыслящих личностей». Таким образом, вся социология Лаврова выступает перед нами как целостная система, где одна проблема служит продолжением другой. Отсюда понятным становится положение, что, несмотря на пестроту и кажущуюся разнородность многочисленных работ Лаврова, все они (кроме немногих), собственно говоря, представляют труды, разрабатывающие отдельные главы социологии – науки о солидарности.

«Усвоение личностью потребности развития составляет характеристический признак вступления этой личности в историческую жизнь; выработка

¹⁶ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 31.

в обществе интеллигенции в таком размере, в котором она способна оказывать влияние на общество, есть условие вступления в эту жизнь данного общества; тем самым для всех обществ и целого человечества начало исторической жизни связывается с фактом выработки групп, способных наслаждаться развитием и ощущать потребность в нем (интеллигенция), как бы ни было фактически трудно установить для разных народов хронологический момент, когда это событие имело место». «До выработки этой исторической силы и вне ее действия большинство людей оставалось и остается вне истории». Таковы: 1) все неисторические племена и народы, где нет еще солидарности, основанной на критическом убеждении, где нет интеллигенции как носительницы потребности развития; 2) вне истории же, даже в обществах, живущих исторической жизнью, остаются «пасынки истории»; это все те же униженные и обделенные группы (рабы, низшие касты и т. д.) и лица, «которых строй таких обществ лишает и лишал возможности участвовать в исторической жизни», т. е. наслаждаться и ощущать потребность развития; 3) вне истории, наконец, остаются и «культурные дикари» как совокупность лиц и групп, которые пользуются всеми выгодами цивилизации и наслаждаются внешними формами интеллектуальных, эстетических и социальных завоеваний, но не чувствуют потребности развития и наслаждения им. Таковы, например, все «вылощенные», прекрасно одетые, «воспитанные» люди с пустой душой, без внутренних запросов, таков «мещанин-буржуа» и т. д.¹⁷

Таким образом, только группы интеллигенции являются группами, живущими исторической жизнью; только народы, создавшие в своей среде интеллигенцию, принадлежат к историческим народам. Только интеллигенция как «совокупность личностей в каждом обществе, живущих исторической жизнью, т. е. действующих под влиянием осознанного побуждения к развитию, каковы бы ни были, впрочем, их понятия и независимо от того, служат ли они прогрессивным или регрессивным началом», является двигателем истории, тем новым субстратом, который подтачивает существующие формы общежития и вырабатывает новые, иными словами, «перерабатывает культуру мыслью», в чем и состоит исторический процесс»¹⁸.

Отсюда вытекает громадная роль, которую Лавров приписывал мысли, знанию и «критически мыслящим личностям», т. е. интеллигенции. Как видим, эти черты мировоззрения Лаврова были частным выводом из его понимания социологии.

¹⁷ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 27–29; Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 67–68, 73, 201; т. 1, с. 21–26; Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 5, с. 14.

¹⁸ Лавров П.Л. Опыт истории мысли, т. 1, ч. 1, с. 22; Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 27–28.

«Опыт истории мысли» и «Важнейшие моменты в истории мысли» являются попыткой изучения форм этой высшей, или исторической, солидарности, появляющейся довольно поздно в истории человечества.

Таковы важнейшие формы солидарности, их генезис и их значение, согласно взглядам П.Л. Лаврова.

§ 2. Теория факторов П.Л. Лаврова

В предыдущем параграфе мы рассмотрели различные формы солидарности и их последовательную смену. Теперь спросим себя: в силу каких же причин или факторов происходило как само установление солидарности в мире людей, так и их смена? Иными словами, какие условия вызывали эти явления, игрой каких сил создавалась и создается необходимость появления и изменения форм солидарности? Что служит «двигателем» исторических процессов?

Эти вопросы приводят нас к теории «факторов» Лаврова.

Сущность его взглядов на этот счет сводится к следующему. «Где искать двигателей этих разнообразных изменений? – спрашивает он и отвечает: – Этим двигателям надо искать, во-первых, в потребностях отдельной личности, во-вторых, во влиянии на личности социальной среды, т. е. существующих в данную эпоху форм общежития, создаваемых опять-таки потребностями личности. Следовательно, “двигатели” сводятся к потребностям»¹⁹.

Установив это положение, Лавров переходит к классификации этих потребностей-сил. Прежде всего, он различает потребности основные, унаследованные человеком от животных, во-вторых, потребности временные, являющиеся «историческими категориями», возникающие и атрофирующиеся во все периоды.

Главнейшими видами основных потребностей являются потребности питания, полового совокупления, ухода за детьми, безопасности, возбуждения нервов, частным видом которой служит потребность общежития. Важнейшей формой временных потребностей служит потребность развития. Каждая из этих основных потребностей имела далеко не одинаковое влияние на сближение людей и установление солидарности между ними. Наибольшее влияние в этом отношении имели потребности питания, безопасности и возбуждения нервов. Меньшее значение имели потребность общежития, половая и родительская привязанность.

Потребность в пище лежит в основе всей экономической деятельности и эволюции экономической жизни человечества. Потребность безопасности вызвала политическую организацию людей и эволюцию последней.

¹⁹ *Арнольди С.С.* Задачи понимания истории, с. 25; *Лавров П.Л.* Опыт истории мысли. СПб., 1875, т. 1, ч. 1, с. 579; *Доленга А.* Важнейшие моменты в истории мысли, с. 148–149; *Лавров П.* Государственный элемент в будущем обществе. Лондон, 1876–1879.

Потребность в нервном возбуждении является основой украшения жизни, эстетических явлений, она же вызвала в дальнейшем наслаждение процессами сознательной критики, познания и развития мысли²⁰.

Спрашивается, какая же из этих трех потребностей является доминирующей и главной? Соответственно с этим, какая из теорий: теория ли исторического материализма, выдвигающая в качестве основного фактора экономику, или теория, усматривающая главный фактор в политике или идеях, – является правильной? Ответ на этот вопрос зависит от относительной интенсивности каждой из этих потребностей и ее значения в поведении и жизни человека. Но чем и как измерять эту интенсивность и это значение? Лавров выдвигает три основных критерия для решения этого вопроса. Ими являются: 1) время возникновения и появления каждой из этих потребностей; 2) частота их повторения в жизни и в мысли человека; 3) большая или меньшая необходимость эволюции их последовательных фазисов.

Чем ранее обнаруживалась та или иная потребность в эволюции животного мира, тем прочнее она должна была установиться и тем более существует оснований ее принимать гипотетически как мотив действий особи во все последующие периоды. Чем чаще она возвращается, тем более на нее направлена работа мысли, и потому она имеет больше шансов быть мотивом деятельности. «Чем с большей необходимостью новая форма обнаружения потребности вытекает из старой и чем неизбежнее для этого работа мысли, тем, опять-таки, она становится привычнее для себя»²¹.

Таковы объективные критерии для измерения сравнительной важности и значения указанных потребностей-сил.

С точки зрения этих мерил, доминирующее значение приходится признать за потребностью в пище, а соответственно с этим – за экономическим фактором. Если по времени появления каждая из трех потребностей находится в одинаковом положении, то в отношении повторяемости «потребность в пище безусловно преобладает над двумя другими». В силу этого «экономические мотивы во все эпохи борьбы осознанных интересов должны были безусловно преобладать над политическими». То же приходится сказать и об отношении потребности питания (а соответственно – экономического фактора) к потребности нервного возбуждения, а следовательно, и к потребности развития, являющегося частной формой последней. Это значит, что экономический фактор главенствует и над идеологическими моторами истории²².

²⁰ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 25–42; Лавров П.Л. Опыт истории мысли, т. 1, ч. 1, с. 579; Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 148–149.

²¹ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 45–46.

²² Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 47–55; Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 5, с. 36; вып. 2, с. 44, 101; вып. 7, с. 76, 95; Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 148–149.

Но тут Лавров не столь категоричен, как в признании примата экономического фактора над политическим. Больше того, здесь он вводит целый ряд оговорок, не позволяющих отнести его к сторонникам экономического или исторического материализма, и даже резко противоречит себе самому; по крайней мере, так представляется дело мне.

Эти оговорки заключаются в следующем: во-первых, экономические мотивы деятельности преобладают над другими не во все эпохи; в течение ряда эпох могли и могут преобладать другие мотивы; во-вторых, в будущем, при наступлении социалистического строя, идейные мотивы, по-видимому, будут доминировать над другими; в-третьих, в применении к потребности нервного возбуждения не только в мире людей, но и в мире животных нельзя утверждать, что она стоит всегда в зависимости от экономических мотивов²³. Как видим, эти оговорки весьма существенно смягчают тезис о главенстве потребности питания и, соответственно, экономического фактора. Уже здесь в скрытой форме дано самопротиворечие Лаврова. С одной стороны, экономический фактор является главным, обуславливающим остальные, с другой – это не всегда бывает; в иные эпохи может быть и наоборот; равным образом фактор «нервного возбуждения», даже в мире животных (пример: пауки, жертвующие безопасностью и жизнью ради полового наслаждения), временами главенствует над остальными, в том числе и над потребностью в пище. В дальнейшем это противоречие выявляется резко и отчетливо. Из предыдущего мы видим, что основным фактором является фактор экономический. Но рядом с этим положением у того же Лаврова мы находим положения иные, приписывающие роль главного двигателя не экономике, а потребности развития (т. е. одной из частных форм потребности нервного возбуждения) с момента ее появления²⁴. В итоге

²³ *Арнольди С.С.* Задачи понимания истории, с. 49–55.

²⁴ Вот пример таких противоречивых положений. О главенстве экономического фактора. «Потребность в пище безусловно преобладает над двумя другими». «Экономические мотивы во все эпохи борьбы осознанных интересов должны были безусловно преобладать над политическими». «Таким образом, можно признать в период господства осознанных интересов и особенно в ближайшее к нам время преобладание экономических мотивов над всеми прочими при создании новых общественных форм, идейных течений и вообще при установлении хода исторических событий» (*Арнольди С.С.* Задачи понимания истории, с. 47, 48, 54). «Экономическая основа истории справедливо считается в наше время самой существенной для истинного понимания строя и событий разных периодов» (*Лавров П.Л.* Собрание сочинений, вып. 7, с. 76. См. также: вып. 5, с. 36; вып. 2, с. 41–101 и др.). О главенстве потребности развития. «Потребность развития обусловила и первое проявление идейных интересов в истории, и их эпизодическое обнаружение, и их логически неизбежное усиление, несмотря на все стремления интересов экономических преобладать в истории и эксплуатировать в свою пользу продукты интересов идейных; наконец, она же обусловит их преобладание в будущем. Эта потребность развития выработалась в интеллигенции в самостоятельную силу и сделалась, в сущности, главным двигателем истории» (*Арнольди С.С.* Задачи понимания истории, с. 57). Вся история для Лаврова, как мы видим, сводится к процессу «пе-

в данном отношении мысль Лаврова остается окончательно не выясненной и даже самопротиворечивой. Психологически это самопротиворечие понятно. Лавров, бывший, по существу, идеологом группы *intellectuelles* – интеллигенции и сам являющийся типичным интеллигентом, не мог свести «на нет» или даже на двадцатую ступень роль мысли, роль идей, роль «наслаждения развитием». Это означало бы сведение на ничтожное место самой интеллигенции и ее роли. Психологически для Лаврова такая позиция была невозможной. С другой стороны, изучение процессов истории и влияние Маркса толкало его в сторону признания колоссального значения экономического фактора. Отсюда неясность, колебание, противоречие и неудачные попытки его «смазать» или снять противоречие. Эти попытки не удались Лаврову, и противоречие остается.

Такова в основных чертах теория факторов-сил (потребностей) Петра Лавровича. Из нее мы видим, что: 1) Лавров – плюралист, а не монист; 2) что в качестве моторов истории он берет потребности индивида; 3) что наиболее важными из них он считает потребности питания, нервного возбуждения и безопасности; 4) с момента появления потребности развития большое значение приобретает эта последняя. Она служит верстовым столбом, отделяющим доисторический период от исторического, исторические народы и группы от неисторических, высшие формы сознательной солидарности от других. Обладание ею является характерной чертой интеллигенции. Она служит главной силой, изменяющей застывшие установившиеся формы общежития («культуру», «солидарность»).

Вся история сводится ни к чему иному, как к «процессу переработки культуры мыслью». Потребность развития – таков тот мотор, который не дает застыть раз и навсегда установившимся формам солидарности («культуры»), она их подрывает силой критической мысли и ставит на их место новые формы, чтобы снова подорвать их и заменить новыми и т. д. Отсюда важность роли интеллигенции и критически мыслящих личностей, отсюда же важная роль мысли в процессе исторических событий.

Таким образом, за исключением указанного противоречия, теория факторов Лаврова представляет стройное целое, упирающееся в конечном счете в излюбленный пункт его теории – в проблему интеллигенции, роли мысли и критически

переработки культуры мыслью». История происходит лишь под влиянием «работы мысли» (Миртов. Исторические письма, с. 96; Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 180–181, 370; Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 7, с. 78, 85, 94 и др.).

Как согласовать эти два друг друга отрицающие положения? Как «снять» это противоречие? Ряд мест позволяет толковать мысль Лаврова так, что «потребность развития» – главный фактор прогрессивных изменений в истории (а не всех). Но такому толкованию противоречат другие места, где речь идет вообще об изменениях, безотносительно к их прогрессивности или регрессивности.

мыслящих личностей. Эти проблемы, как видим, были неизбежным выводом из всех его социологических взглядов²⁵.

Не случайным потому является его религиозное отношение к мысли и к науке. Правильно звучит определение Лаврова как «апостола критической мысли». Отрицая все религиозные системы, он психологически был фанатиком религии мысли, религии научного знания.

На очерченных положениях не останавливается Лавров в своей теории факторов. Дойдя до фактора мысли, он идет далее и дает классификацию форм самой мысли. Я не буду здесь излагать ее. Она является предметом другой статьи, для нашей же цели представляет вопрос детального свойства и потому может быть пропущена.

Ограничимся этим в характеристике теории факторов Лаврова.

4. Механизм смены форм солидарности в историческом процессе и предел их развития.

Мы рассмотрели формы солидарности и их генезиса, мы очертили те «факторы», которые создают солидарность людей, ведут к ее «оседанию» в определенных формах культуры и вызывают смену этих форм в потоке времени. Теперь сам собой встает вопрос: каков же сам процесс этой смены? Каков, так сказать, его механизм, его сущность, его составные периоды, повторяющиеся во времени? Иными словами, как совершается сама эта смена форм солидарности или культуры в историческом процессе?

Анализ форм солидарности является как бы морфологией последней и, соответственно, морфологией различных обществ. Теория факторов давала ответ на вопрос о движущих силах истории. Решение только что поставленных вопросов вводит нас в механику самого исторического процесса. Здесь дедуктивно даны три возможных ответа, к которым, по существу, и сводятся все существующие на этот счет теории. Первый ответ будет гласить: механизм смены форм солидарности или исторических событий остается одним и тем же на протяжении всего исторического потока времени. Все события располагаются в определенный цикл. Когда цикл исчерпан, его этапы пройдены, начинается снова повторение того же цикла. Исторический процесс с этой точки зрения представляет «шаг на месте». Историко-социальные события сводятся к повторяющимся явлениям. Ни о какой эволюции, ни о каких законах или исторических тенденциях при такой концепции говорить не приходится. Познание закономерности социальных явлений здесь сводится к простому познанию этапов одного и того же цикла. Раз

²⁵ Декларативная оценка важной роли экономического фактора остается у Лаврова не связанной органически со всей его системой. Она висит пришитой к ней. Наваянная со стороны, она редко используется Лавровым для конкретного анализа исторической закономерности. Тогда как важная роль потребности развития составляет «душу» теории Лаврова. В силу этого, по существу, он гораздо ближе стоит к теории «идей-факторов», чем к теории экономического материализма.

он познан – проблема решена: вся история сводится к монотонному и вечному повторению того же круга. Такова, например, концепция Екклесиаста, отчасти Вико, Либона, Ницше и др.

Противоположной теорией исторического процесса служит та, которая рассматривает его как сплошной, не повторяющийся во времени процесс, где каждый новый момент не повторяет другой, где каждое звено процесса самобытно, где есть непрерывное творчество новых и новых явлений, где элемент повторения совершенно отсутствует. При такой концепции, очевидно, нельзя искать в общественных событиях законов повторяющихся явлений. Единственная закономерность, которую можно искать при такой концепции, это закономерность исторического развития, состоящая в открытии тех постоянных тенденций развития и тех последовательных во времени этапов эволюции, через которые проходит ряд исторических явлений. Такова точка зрения чуть ли не большинства «философов истории» и «теоретиков исторического процесса».

Наконец, возможна и третья точка зрения, синтезирующая обе предыдущие. Она заключается в утверждении, что в каждый данный момент в историческом процессе даны два различных элемента: элемент повторяющихся во времени явлений и элемент явлений неповторяющихся. Пестрое море общественных явлений и смена их не представляет беганья белки в колесе или монотонного повторения одного и того же цикла, а скорее – спираль, где циклы есть, и, как циклы, они во многом сходны друг с другом, но эти циклы не сливаются в один круг, а образуют спираль, где каждое звено ново по сравнению с предыдущим. Исторический процесс ритмичен, но эти ритмы и периоды – не копия один другого, а каждый из них нов. При такой концепции возможно искание закономерности социальных явлений в двух областях: и в области закономерности повторяющихся явлений, и в области закономерности развития (тенденции эволюции) исторических событий, образующих в своей совокупности не повторяющийся во времени процесс.

Лавров является теоретиком именно этой последней концепции. Он, прежде всего, ясно различает два смысла слова «закон». «Один и тот же термин “закон”, – говорит он, – имеет различный смысл для области повторяющихся явлений и для области эволюции. Для первой найти закон явлений – значит установить условия их повторяемости и отличить этот существенный элемент от случайных видоизменений. Для второй понятие о законе обозначает нормальный порядок последовательности фазисов эволюции, причем приходится строго отличать этот нормальный порядок от отклонений, требующих каждый раз специального объяснения».

Установив это различие, Лавров продолжает: «История представляет процесс преимущественно эволюционный, и для научного исследования его задач приходится преимущественно искать аналогий в области других эволюционных

процессов, в эмбриологии, в теории развития органического мира, в теории эволюции миров... Но не следует упускать из виду, что процесс (истории) содержит и многие явления, повторяющиеся или в продолжение всей эволюции человечества, или в продолжение более или менее долгого периода²⁶.

Если бы Лавров ограничился только этим установлением схемы понимания исторического процесса, то в этом было бы нового мало. Но Лавров попытался эту схему наполнить определенным конкретным содержанием. Он пытался на почве этой схемы формулировать – и в области явлений повторяющихся, и в области эволюции – некоторые теоремы, дающие фактические примеры закономерности того или другого порядка.

В качестве конкретных социологических явлений, постоянно повторяющихся, он указывает на существование в каждом обществе нескольких последовательных поколений: детских, зрелых и старческих, на способность толпы увлекаться аффектом энтузиазма или жестокости под влиянием подражания или внушения и т. д.

Самой ценной теоремой в этой области является закон ритмического развития исторического процесса, указываемый Лавровым. Он заключается в чередовании периодов: 1) установления и укрепления определенных форм культуры; 2) периода разрушения и изменения этих форм. В первый период доминирующей чертой является консерватизм, стремящийся глубже, прочнее закрепить и установить существующие формы общежития; во второй период такой доминирующей чертой служит противоположная черта – стремление разрушить, резко изменить эти формы и заменить их новыми, более лучшими. Во имя последних существующее резко критикуется, обесценивается, и делаются резкие попытки поставления на его место новых форм солидарности и культуры.

Этот ритм, эта смена «органического» и «критического» периодов дана во всей истории. Каждый цикл спирали исторического процесса не похож на другой (например, замена материнского рода последующим этапом не похожа на цикл замены национальных цивилизаций универсальными), но вместе с тем процесс изменения форм солидарности или процесс истории совершается именно указанным ритмическим путем.

Из потребности солидарности вытекает постоянное стремление к господству неизменного обычая, к установлению обычных форм быта и вообще к подчинению индивидуальной мысли и деятельности устанавливаемым формам общежития, иначе говоря – «к формам культуры, в которых господствует наклонность к застою». Этот период благодаря работе критической мысли сменяется другим, противоположным, – «протестом против существующего обычая, стремлением переделать культуру сообразно более или менее ясно осознанном

²⁶ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 15–19; Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 180–197.

требованиям работы мысли», попытками установления нового обычая, новой культуры на место существующих²⁷.

В связи с этим законом Лавровым сформулирован и другой. Это закон ускорения таких ритмов. Он гласит: «Чем позднее мы наблюдаем это повторяющееся явление смены эпох двух разных направлений, тем каждый фазис становится короче; чередование их идет быстрее; проявления того и другого направления делаются все более одновременными»²⁸.

Как следствие, отсюда выводится третья теорема – о колебании кривой индивидуализма и его созидательной и разрушительной роли вообще. «Индивидуализм проявляется с особенной определенностью в своей роли созидательной в эпохи переходные (“критические”) и в своей роли разрушительной – при попытках установить новую обычную культуру, так как подавляющее влияние среды на личность ослабевает в первом случае и усиливается во втором»²⁹.

Таковы основные теоремы, вскрывающие механизм циклов в области повторяющихся явлений.

Но есть ли какая-либо постоянная историческая тенденция в неповторяющемся ряде этих циклов? Ведет ли эта смена фазисов органических и критических к какому-либо постоянному результату? Иными словами, дана ли какая-либо постоянная линия в их развитии?

Лавров дает определенный ответ и на этот вопрос, который сам собой вытекает из закона ускорения указанных ритмов. Раз смены фазисов господства обычая или застоя фазисами новаторства с ходом истории начинают совершаться чаще и чаще, раз сами периоды становятся короче и короче, то «проявления того или другого направления делаются все более одновременными, самая противоположность этих стремлений стусшевывается, так как каждая новая устанавливаемая культура все более обращается в культуру, стремящуюся осуществить задачи работы мысли, а протест мысли все менее ограничивается смутным стремлением к лучшему, но ставит себе целью замену существующего все более определенными, новыми формами общежития»³⁰. Это значит, что с поступательным ходом истории контраст этих фазисов все более и более смягчается, все более и более они стремятся органически слиться. В начале истории солидарность и развитие, установившийся обычай и критическая мысль, порядок и прогресс, общественность и индивидуализм являются непримиримыми антагонистами.

Их гармоническое существование здесь не дано и невозможно. Либо царствует один обычай – «культура», установившийся порядок, солидарная обще-

²⁷ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 18–21, 32–33; Миртов. Исторические письма, с. 187–197; Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 7, с. 75 и сл.

²⁸ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 33–34; Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 7 («Политические типы XVIII в.»).

²⁹ Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 231–232.

³⁰ Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 33–34.

ственность, не допускающие никакого развития, никакой личной инициативы, никакой индивидуальной критики, стремящиеся превратить существующие формы солидарности в вечные, в неизменные; либо этот период под влиянием «крота истории» – работы мысли, потребности развития – сменяется резко противоположным ему периодом «бури и натиска» – периодом развития, «прогресса», критики, протеста и борьбы, разрушающим существующие формы культуры и уклада, низвергающим порядок и заменяющим его новыми формами культуры и быта. Эти последние с ходом времени снова стремятся застыть и подавить дальнейшее развитие. Наступает снова период «застоя», царства солидарности, мешающей развитию. Он снова сменяется фазисом *Sturm und Drang*³¹ и т. д. В начале истории эти смены резки. Контрасты – громадны. Непримируемость и неслиянность этих двух начал – огромна. Но чем дальше, тем амплитуда колебания таких ритмов становится все меньше и меньше, их непримируемость – мягче и мягче, их столкновения – менее и менее резкими. Пределом такой тенденции является общественное состояние, где солидарность гармонически сочетается с развитием, порядок – с прогрессом, общественность – с индивидуальностью, «сущее» – с «должным» критически установленным идеалом. История перестанет быть похожей на пьяного, шатающегося от крайности солидарности в крайность новаторства, а станет подвижным равновесием, где непрерывное движение вперед (развитие) будет совершаться без нарушения солидарности, и солидарность будет существовать без задержки и подавления развития.

Такова постоянная, неповторяющаяся тенденция – направление спирали, данная в смене очерченных повторяющихся циклов.

От бессознательной солидарности, не допускавшей ни развития, ни критики, ни индивидуализма, через множество повторений и столкновений солидарности с фазисом развития к гармоничному слиянию солидарности и прогресса – такова иная формула этой основной линии развития. Будущее рисуется как «сосуществование солидарности, содействующей развитию, с развитием, укрепляющим солидарность». «Индивидуализм на этой ступени становится осуществлением общего блага с помощью личных стремлений, общественность становится реализованьем лучших целей в общественной жизни»³¹.

В этом пункте социологическая теория Лаврова органически переходит из мира сущего в мир должного. Констатирование этой исторической тенденции приводит его к его формуле прогресса.

Последняя является только простым выводом из сказанного, простым логическим следствием. Она гласит: «Прогресс как смысл истории осуществляется в росте и в скреплении солидарности, насколько она не мешает развитию созна-

³¹ *Миртов*. Исторические письма, с. 89. См. об этом: *Арнольди С.С.* Задачи понимания истории, с. 121–125; *Доленга А.* Важнейшие моменты в истории мысли, с. 95–99; *Лавров П.Л.* Собрание сочинений, вып. 7, с. 89–90; *Лавров П.* Дарвинизм в ботанике и истории (Отечественные записки. 1877, № 4).

тельных процессов и мотивов действия в личностях, точно так же в расширении и в уяснении сознательных процессов и мотивов действия в личностях, насколько это не препятствует росту и скреплению солидарности между возможно большим числом личностей»³². Иными словами, «то общество прогрессирует, в котором формы, обуславливающие солидарность, позволяют расти и развиваться общественному сознанию, а сознание, развиваясь, усиливает солидарность общества. Как только эти два элемента находятся в противоречии или один из них ослабляется, общество находится в ненормальном состоянии»³³.

Без всяких комментариев ясной становится указываемая связь всей социологической теории Лаврова с его формулой прогресса. Последняя – простой вывод из всей этой теории, логически приводящей от мира сущего к миру должного, от Правды-Истины к Правде-Справедливости.

Таким путем исходный момент социологической системы Лаврова (понятие социологии и учение о слиянности Истины со Справедливостью, данное в субъективном методе) сливается с его завершением, давая в своей совокупности цельную, стройную систему этически-логического мировоззрения, от начала до конца проникнутую одним и тем же принципом.

На этом мы и можем кончить краткий очерк основных проблем социологии Лаврова. В главных своих очертаниях она прошла перед нами. Ее характер и построение ясны. Связь этих проблем друг с другом выявлена. Это не значит, что мной исчерпано все то, что было сделано Лавровым в области социологии. Но исчерпать Лаврова в статье и невозможно – для этого нужна солидная монография; да и то едва ли в ней он будет исчерпан. Работая над очерченными проблемами, Лавров ставил свои задачи широко. Для решения их ему приходилось затрагивать множество других вопросов, делать экскурсы в область множества специальных тем и, таким образом, давать ответы чуть не на все проблемы социологии, биологии, психологии, истории и естествознания. Проблемы появления жизни, сознания и общественности, вопросы о реальности общества, о значении географических (космических) и биологических условий для развития общества, причины и значение социальной дифференциации, социальная роль роста населения и наследственности, взаимоотношение знания и верований, проблемы социальной типологии, социальная роль семьи, государства, нации, церкви, партии и т. д., и т. д. – таковы некоторые из множества проблем разработавшихся им в своих работах. Охарактеризовать взгляды Лаврова во всех этих отношениях – вещь невозможная в пределах статьи. Ограничимся сказанным, очерчивающим основные вопросы социологии Лаврова.

³² Арнольди С.С. Задачи понимания истории, с. 121.

³³ Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 7, с. 75. Иная редакция той же мысли гласит: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости». См.: Миртов. Исторические письма, с. 42; Лавров П. Формула прогресса Михайловского (Отечественные записки. 1870, № 2).

§ 3. Критические замечания

Когда мы знакомимся с существующими в литературе теориями, посвященными характеристике общей системы социологии как науки, то первое, что нас поражает, – это неясность общего строя или всего здания социологической дисциплины, царствующая в большинстве таких работ и теорий. Большинство последних вертятся «вокруг да около социологии», а не рисуют нам фактически хотя бы основной контур социологического здания. Авторы пространно рассуждают: чем должна быть социология, как ее следует строить, претенциозно-великодушно снабжают нас десятками рецептов и... тем в большинстве случаев ограничиваются, не показывая нам ни фактического построения ее согласно своим правилам, ни фактической работоспособности своих высоко претенциозных рецептов. Больше того, когда некоторые из них пытаются это сделать, то в большинстве случаев получают незавидные результаты. Вместо стройной, последовательной системы, где одно положение или одна проблема была бы связана со всеми остальными, где все они в своей совокупности составляли бы целостный корпус единой дисциплины, вместо этого чаще всего получается какой-то винегрет, какая-то хрестоматия, составленная из ряда разрозненных, не связанных друг с другом проблем, неизвестно зачем и почему включенных в хрестоматию, называемую «социологией», и не дающих никакого цельного представления о существе последней.

Исключения из этого правила есть, но они весьма немногочисленны. Огромная часть «социологов» давала «взгляд и нечто» относительно социологии, фактического же ее построения не давала, а если и пыталась это сделать, то результаты таких попыток были в большинстве случаев плачевны.

П.Л. Лавров, как видно из предыдущего, составляет редкое исключение из сотен и тысяч таких «социологов». Можно спорить (и это я сейчас буду делать) с его пониманием социологии, можно находить его не вполне удачным, можно не соглашаться с рядом его теорем, но одно следует признать: это стройность и целостность его социологической концепции. Совокупность его социологических теорий действительно образует систему, где одна проблема связана с остальными, одно положение – с другими; все в своей сумме составляет единую дисциплину, а не хрестоматию разрозненных и непонятно чем связанных проблем, объединенных этикеткой «социологии». Таков первый плюс социологии Лаврова.

Второй ее плюс составляет ее основательность. Есть немало социологических концепций, весьма интересных, весьма оригинальных, но чрезвычайно легковесных, разлетающихся от первого удара критики. Этого нельзя сказать о теории Лаврова. Громадная начитанность и эрудиция последнего предохраняли его от гипертрофированной однобокости, от легковесной «оригинальности», уместной в поэзии, но неуместной в науке. Какую бы проблему ни разрабатывал Лавров, сразу чувствуется, что ее «осаду» он ведет с помощью тяжелой артил-

лерии, основательно изучив ее и овладев соответственной литературой. От этого его построения подчас теряют блеск и фееричность, подчас он становится скучноватым и излишне тяжелым, но, с другой стороны, они – построения – выигрывают в убедительности и научной обоснованности.

Третьим плюсом системы социологии Лаврова является ее оригинальность. Если в ряде частных положений и в решении многих основных проблем Лавров не был оригинальным (чему мешала и мешает именно научная подготовленность и стремление дать истинное положение, депрессирующее погоню за «оригинальничаньем»), то синтезирование их в органически единую систему вылилось у Лаврова в своеобразную, «самобытную» концепцию лавровской социологии.

Четвертым, добавочным, плюсом теории Лаврова служит неустарелость и жизненность ряда формулированных им теорем.

Таковы основные достоинства этой «системы».

Констатирование их нисколько не мешает признанию ряда недостатков как всей его концепции, так и отдельных звеньев последней.

Задачей нижеследующих строк и будет краткое указание таких минусов, не аннулирующих указанных достоинств. Свои критические замечания я расположу в порядке очерченных проблем социологии Лаврова.

Понимание социологии как науки о солидарности свойственно целому ряду исследователей. Одни из них прямо употребляют этот термин, другие – ряд терминов, выражающих ту же мысль³⁴. Несмотря на это, такое определение социологии представляется мне не вполне правильным и удачным. Во-первых, термин «солидарность» чрезвычайно неопределен и неясен. Он употребляется в самых различных смыслах и применяется в самых разнородных случаях. Одни (в том числе и Лавров) обозначают им явление сходства индивидов (пример: «механическая солидарность» Дюркгейма), другие – единство стремлений, третьи – единство цели, четвертые – взаимную помощь и обмен услугами, пятые – любовь и альтруизм и т. д. К солидарности апеллируют при самых разнообразных

³⁴ Примеры. Эспинас характерным признаком общества – объекта социологии – считает «взаимный обмен услугами» (*Эспинас А.* Социальная жизнь животных. СПб., 1898, с. 79, 101 и др.). То же Новиков (см.: *Novikov J.* L'échange, phénomène fondamental de l'association – *Revue intern. de sociologie.* 1911, № 11). «Каковы связи, соединяющие людей друг с другом и превращающие их в общество? – спрашивает Дюги и отвечает: – Человек соединен с другими людьми узами социальной солидарности» (*Дюги Л.* Конституционное право. М., 1908, с. 13–14). «Общество... зиждется» на сознании, хотя бы инстинктивном, человеческой солидарности, взаимной зависимости людей и взаимопомощи» (*Кропоткин П.А.* Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1919, с. 7). Сюда же принадлежит вся школа «солидаристов» начиная с Леона Буржуа (см.: *Буржуа Л.* Солидарность. М., 1899). Близки к этому течению и те авторы, которые выдвигают конститутивным признаком общества – объекта социологии – единство убеждений, стремлений и целей индивидов – единство, превращающее их в солидарное целое, в общество. См., например: *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1877, т. 2, с. 243; *Иеринг Р.* Цель в праве. СПб., 1881, т. 1, с. 1–17; *Makarewicz.* Einführung in die Philosophie des Strafrechts. 1906, с. 36–44; *Ladd.* Philosophy of conduct. London, 1902, с. 549.

условиях. Требуется ли «обосновать» субъективные права личности – вызывают к солидарности. Нужно ли «доказать» обязанности индивида перед обществом – на сцене опять солидарность (например, теория квазиконтракта Л. Буржуа). Хотят ли оправдать деспотизм правящей группы – апеллируют к солидарности. Сокращение рабочего дня и его увеличение, заключение мира и объявление войны, создание новых привилегий и эгалитарная реформа и т. д., и т. д. – все это покрывается одним и тем же словом «солидарность». Поистине прав Парето, говоря: «Надо переделать Тартюфа. Будьте уверены, что в наше время Тартюф стремился бы соблазнить Эльмиру и ограбить простака Оргона во имя солидарности».

При такой многомысленности этого термина он неизбежно вносит неясность в само понимание «общества», а следовательно, и в понятие социологии. Таков первый минус такого определения.

Во-вторых, он узок и неадекватен. Нам говорят, что социология изучает явления солидарности людей. И под последней, по Лаврову, следует разуметь «общность привычек, интересов, аффектов и убеждений» и «сознание того, что личный интерес совпадает с интересом общественным и что личное достоинство поддерживается лишь путем поддержки достоинства всех солидарных с нами людей»³⁵. Если бы мир человеческих взаимоотношений состоял исключительно из явлений солидарности и сознание людей исчерпывалось бы всегда убеждением, что наш личный интерес совпадает с интересом общественным, то такое определение имело бы почву. Но ведь дело обстоит не так. Наряду с солидарностью в общественной жизни нам даны и явления антагонизма, борьбы и вражды. Наряду с общностью привычек и убеждений мы видим контрасты и противоположности последних. Рядом с социализированным сознанием гармонии интересов личности и общества мы видим сознание иное – самое эгоистическое, – состоящее в признании их несовпадения и в стремлении принести интересы общества в жертву своим интересам или наоборот. Такими фактами полна общественная жизнь людей. Такие «несолидарные» поступки постоянны в поведении последних. При таких условиях ограничиваться социологу изучением одних явлений солидарности было бы столь же резонно, как ботанику ограничиваться изучением только тех растений, которые «приятно пахнут», или зоологу – изучением только тех животных, которые полезны и съедобны. Таких «приятных» ботаников и зоологов теперь нет. Но такие социологи, как видим, многочисленны. Почему, на каком основании социология может игнорировать явления антагонизма и несолидарности в поведении людей? В угоду чему и кому нужно превращать ее в «ботанику приятно пахнущих цветов»? Ради чего из ее поля зрения исключаются явления борьбы, вражды, антагонизмов, несходств, контрастов, столь же, если не больше, распространенные в мире сущего, как и явления солидарности? Оснований нет никаких. Вот почему такая концепция социологии узка и однобока.

³⁵ Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 2, с. 90; Муртов. Исторические письма, с. 45.

В-третьих, поскольку явления солидарности означают факты взаимопомощи – обмена услугами, альтруизма и т. п., к указанным недостаткам присоединяются другие. Если бы речь шла о должном, а не о сущем, если бы социология строила теорию должного поведения и идеального общества, а не имела своей основной задачей изучение сущего поведения и существующих обществ, то тогда было бы основание ограничивать ее задачи изучением явлений обмена услугами, взаимопомощи, солидарности. Но ведь речь идет о реальном обществе, а не об идеальном. В реальной же действительности даны не только обмен услугами, но и преступлениями, не только факты взаимопомощи, но и взаимоистребления. В угоду чему же социология должна закрывать глаза на последние? Такая дисциплина не только ничего не объяснила бы, но исказила бы и нормативную дисциплину, смешав сущее с должным, действительное «так есть» с волевым «так должно быть». Но мало того. «Если бы отношения сообщественников состояли главным образом в обмене услугами, – правильно говорит Тард, – то не только следовало бы признать, что животные общества заслуживают это название, но что они-то и суть общества по преимуществу. Пастух и земледелец, охотник и рыболов, булочник и мясник, без сомнения, оказывают друг другу услуги, однако гораздо меньше, чем взаимные услуги, оказываемые друг другу разного пола термитами. Но и в самих животных обществах наиболее совершенными были бы не высшие из них, каковы общества пчел, муравьев, лошадей или бобров, но самые низшие, как, например, общество сифонофор, где разделение труда доведено до такой степени, что одни едят за других или переваривают за них пищу. Трудно было бы придумать более важную услугу»³⁶. Легко понять, к каким результатам привела бы такая социология.

Наконец, сами термины «услуга», «взаимопомощь» и, соответственно, термин «солидарность» ведут к субъективизму. Взаимодействие господина и раба, помещика и крепостного, работодателя и рабочего одни отнесут к явлениям солидарности и взаимопомощи (ибо «владелец дает кров и корм рабу, господин покровительствует крепостному и защищает его в возмещение функций, исполняемых рабом и крепостным на пользу рабовладельца и господина; здесь несомненная взаимность услуг»)³⁷, другие те же факты будут рассматривать как явления антагонизма, эксплуатации, борьбы и т. д. Легко понять, к какой разногласии и субъективизму приводят такие теории, какой простор дают они личным аппетитам³⁸.

³⁶ Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892, с. 61.

³⁷ Там же, с. 61–62.

³⁸ См., например, полемику Бастиа с Прудоном относительно услуг капиталиста рабочему. Мнения их радикально противоположны. Таких субъективно-оценочных контрверз – сколько угодно в социальных науках. Не угодно ли при таком подходе строить объективную социологию? Ясно, что она невозможна. Ясно, что вместо теории сущего такие теоретики преподносят свою субъективную теорию должного, иногда очень интересную, но мало помогающую познанию реальных социальных процессов.

Таковы главные недочеты критикуемой концепции социологии. Они относятся и к Лаврову. Добавочным недочетом, но вместе и плюсом его социологии была его непоследовательность: как и многие другие солидаристы, он в своих работах не ограничивался изучением одних явлений солидарности, но не меньшее внимание посвящал явлениям антагонизмов и борьбы. От этого его социология выигрывает, но определение и общее понимание последней проигрывает.

Из этих основных недостатков понимания социологии вытекали и дальнейшие ошибки в понимании ее конструкции и метода – недостатки, психо-социальные источники которых вполне понятны и ясны. Печальная русская действительность того времени (как, впрочем, и позднейших эпох) на первый план выдвигала вопросы должного. «Как мне жить, чтобы святу быть», к чему стремиться, каковы должны быть формы лучшего общежития, как уничтожить тяжелую социальную реальность и как заменить ее лучшей – вот то, что стояло на первом плане в этой действительности. «Политика» здесь была основной и верховной задачей. От нее трудно было отмахнуться или отойти.

Наука – чисто теоретическое познание – в таких условиях неизбежно должна была стать чем-то подчиненным, перейти на роль средства, назначением которого было «оправдание», «обоснование» определенных социально-политических идеалов и стремлений. Отсюда – «нормативизация» науки, ее «морализация», смешение «сущего» с «должным». Работы Лаврова были в огромной своей части именно трактатами по «социальной политике», трактатами, правда, выполненными на громадном чисто теоретическом фундаменте, но весь этот богатый теоретический материал играет в них именно роль средства, роль посылок для определенных социально-политических выводов, дающих ответ на вопрос: «Как мне жить, чтобы святу быть?» При таких условиях отмеченное уже выше смешение сущего с должным, внесение в чисто теоретическую науку нормативно-оценочных элементов или прикрытие нормативно-оценочных желаний и стремлений авторитетом науки было неизбежностью. Оно сказалось уже, как мы видим, в самом определении социологии как науки о солидарности. Оно же сказывается во всех построениях Лаврова и получает свое теоретическое выражение в «субъективном методе».

Выше я указал, что теоретическая и практическая социология для Лаврова были неразрывны. Оценка социальных фактов, с его точки зрения, неотделима от их констатирования и познания. Речь юноши в «Кому принадлежит будущее» есть сплошная критика возможности чисто теоретического познания. В этом отношении Лавров по справедливости считается предтечей нормативно-оценочной германской философии, нашедшей своих выразителей в лице Риккерта, Виндельбанда, Наторпа и др.³⁹

³⁹ *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре; Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1911; *Виндельбанд В.* Прелюдии. СПб., 1904; *Наторп П.* Социальная педагогика. СПб., 1911. См. на этот счет статьи Камкова, печатавшиеся в «Заветах», 1913*.

Как ни почтенны все эти имена и их построения, я позволю себе признать такую концепцию должной. Задача и существо всякой науки состоит в изучении мира сущего (в прошлом, настоящем и будущем, поскольку наука в состоянии строить прогноз). Она ничего не восхваляет и ничего не порицает. Всякие оценки в ее содержание не входят. Она говорит: «Так было, так есть и так будет в силу таких-то и таких-то причин». И только. Хорошо ли или плохо это сущее – это не ее дело. Быть может, очень плохо, что люди грызлись, грызутся и будут грызться друг с другом (если это научно доказано), но задача науки состоит только в этом изучении, и до оценок ей нет дела. Это следует прямо из существа суждений как утверждений или отрицаний истины. Всякая этическая оценка науке как науке чужда. Чужда потому, что оценка не связана сущим (бытие определенного факта ничуть не мешает признать его морально-отрицательным); потому что она исходит из иных предпосылок (из «Добра», а не «Истины»); потому что логическая необходимость и этическая необходимость – две вещи разные; потому, наконец, что этическая необходимость субъективна и логически недоказуема, и обратно, логически правильное утверждение может быть признано «вредным», «безнравственным», этически ложным и недопустимым. Это не значит, что тот же ученый может быть совершенно индифферентным в области оценки явлений, что он, подобно профессору в «Кому принадлежит будущее», может и должен ничего не порицать и не хвалить, нравственные стремления называть иллюзией, воздерживаться от участия в политической и общественной жизни и т. д. Нет. В этом ошибка прекрасной и правильной аргументации профессора. («Все существующее для него необходимо», – правильно говорит он, но совершенно неправильно добавляет: «И потому оправдано», – это уже оценка). Ученый кончает свои исследовательские функции там, где покидает область теоретического изучения явлений сущего. Коль скоро он, как и всякий человек, начинает оценивать, порицать и хвалить, признавать одно преступным, другое – прекрасным, бороться за определенный идеал, он выступает уже не как ученый, а как человек, моралист, общественный деятель и т. д. Такие оценки и такая деятельность столь же свойственны ему, как и всякому человеку, но они являются уже не научной деятельностью, пусть даже она вытекает из тех или иных теоретических посылок. Но эта связь не превращает ни оценок в науку, ни такой деятельности в научную деятельность. Лавров прав, говоря: в ряде случаев, например в признании того или иного явления положительным или отрицательным, здоровым или патологическим, не избежать субъективизма и оценок. Верно. Но вот именно такие-то оценки и не входят в состав науки. Они вне ее. Пример. Все исследователи Французской революции констатируют данность в ней кровавого террора. Будет ли таким исследователем роялист или коммунист – этот факт бесспорен, и никто его отрицать не может, ибо «так было». Но следует ли признать это явление прогрессивным или нужно признать его «отвратительным», было ли оно «здоровым»

или «патологическим», «хорошим» или «дурным», «нравственным» или «безнравственным» – это дело вкуса. Один признает его одним, другой – противоположным. И с точки зрения истины – науки – оба они будут правы или не правы. Здесь субъективизм неизбежен. Но он, как и все эти оценки, не входит в состав науки. Задача последней кончалась там, где кончалось описание и объяснение факта. Оценка – не ее дело. Вот почему Лавров неправ, защищая возможность субъективного метода в науке, и прав он, поскольку доказывает неизбежность субъективизма в оценочных положениях⁴⁰. Последние неизбежно субъективны. С одинаковым правом с точки зрения науки можно строить «мораль любви» и «мораль ненависти». Положения: «люби ближнего» или «убий ближнего» с точки зрения Истины одинаково истинны или ложны – вернее говоря, они стоят вне области истины, ибо не претендуют ни на «истинность», ни на «ложность», а хотят повиновения и исполнения. О них, как и о массе других оценочных положений: «Чти отца своего», «Самопожертвование – нравственно», «Исполнение декретов есть долг гражданина», «Не ешь скоромного в посту» и т. д. – нельзя сказать ни то, что они истинны, ни то, что они ложны. Они вне этих категорий, как вне мер веса меры длины. Может быть, там, в области трансцендентного, «Добро» слито с «Истиной», категория морали – с категорией науки, нравственное Sollen^{3*} с логически научным Sollen, но область эта никому не доступна и нас не интересует. В области же имманентного мира категории истины и добра – две разные категории⁴¹, путать и смешивать их нельзя, нельзя поэтому объединять в неразрывное целое теоретическую и практическую социологии, нельзя признавать законным и допустимым в науке субъективный метод (общезначимость истины уже не мирится с этим постулированием субъективизма). В ряду явлений, указываемых Лавровым, в оценках их неизбежен субъективизм, но именно потому-то эти оценочные положения не входят в науку, не могут быть научными и чужды ей⁴².

⁴⁰ Хотя, противореча себе самому, он рядом с этим доказывает возможность общеобязательной этики и идеала, которым должен быть идеал более развитой критической личности. Одно из двух: или оценки субъективны, тогда не приходится говорить об общезначимых оценочных положениях; если же последние возможны, значит «истинные» оценочные положения не субъективны. Сравни с приведенными цитатами попытки доказать обязательность идеала развитой личности: *Доленга А.* Важнейшие моменты в истории мысли (параграфы об иерархии целей, с. 980 и сл.); *Арнольди С.С.* Кому принадлежит будущее (речь юноши); *Миртов.* Исторические письма.

⁴¹ Отсюда «данность дурной науки», «вредной, безнравственной истины», преследование ее и т. д. и «спасительного, полезного, нравственного заблуждения». Вся история людей полна такими фактами.

⁴² Конкретной иллюстрацией к сказанному может служить лавровское понятие здоровых и патологических общественных состояний. Раз дело идет о таких оценках, очевидно, здесь субъективизм неизбежен. И Лавров признает его: «Решение этих спорных вопросов (что является здоровым и что патологичным) тем или другим исследователем, – говорит он, – обуславливается его субъективным убеждением и степенью его личного нравственного и со-

Это не значит, что нельзя строить прикладную теорию должного, идеального общества, выставляя в качестве последнего тот или иной общественный строй и, пользуясь данными теоретической социологии, указывать совокупность средств, всего легче и быстрее ведущих к осуществлению такого строя. Но такой идеал будет неизбежно субъективным. Доказать с логико-научной точки зрения общезначимость того или иного идеала невозможно. С одинаковым правом с точки зрения логики можно считать таким идеальным обществом, например, и общество социалистическое, и общество антисоциалистическое, и общество равных, и общество неравных. Каждое из них с точки зрения логики одинаково допустимо и одинаково «общезначимо». Вся такая теория должного лежит вне области науки и не может быть научной дисциплиной. С других точек зрения она может быть весьма ценной, интересной и социально-действенной, но все это не делает ее истинной или ложной с точки зрения науки, изучающей мир сущего в его прошлом, настоящем и будущем, а не декретирующей мир должного, мир желаемого и волимого. Лавров правильно защищает субъективность в проблемах должного, но ошибочно смешивает теории должного с сущим, ошибочно вводит первые в область науки, ошибочно смешивает Правду-Истину с Правдой-Справедливостью⁴³.

циологического развития. Так, антропофагия рассматривается как явление патологическое, однако не всеми... Религиозность в различных ее фазисах, подчинение женщин мужчинам, эксплуатация масс меньшинством, семья, частная собственность, конкуренция, разделение труда и т. п. представляют спорные пункты в этом отношении, допускающие весьма различные оттенки убеждений» (*Арнольди С.С. Задачи понимания истории*, с. 27). Раз так, то, казалось бы, нечего и вводить эти оценочные понятия в науку, ибо согласия здесь нет, оно невозможно, и доказать логически общезначимость оценки ни защитника антропофагии, ни ее противника нельзя. Такие «споры» и «доказательства» лежат вне науки. Логически и та, и другая равноправны. Однако смешение Истины и Добра толкает Лаврова, противореча себе самому, вводить эти понятия в науку и даже пытаться доказывать общеобязательность его собственного признания исторических явлений здоровыми или патологическими. Так, с точки зрения его идеала чуть не вся история человечества становится сплошной патологией. «Состояние человеческих обществ при начале их истории представляется как патологическое в наибольшей своей части» (Там же, с. 157). Патологичны все эпохи остановки культуры, патологичны все эпохи чрезвычайного развития, разрывающего солидарность, патологичны группы неисторических народов, «пасынков истории» и «культурных дикарей». Что же остается здорового? Такая требовательность очень похвальна. Но... едва ли с ней согласятся все; а главное, что дает для познания явлений пришивание к ним этикеток «здоровый» и «патологичный»? – Ничего.

⁴³ Я очень кратко остановился на критике нормативизма и субъективизма метода Лаврова. За доказательством очерченных положений позволю отослать читателя к своим работам: «Преступление и кара, подвиг и награда». СПб., 1913 (Введение: Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть); «Категория “должного” и ее применение к изучению общественных явлений» (Юридический вестник. 1917, кн. 17); «Структура современной догматики уголовного права» (Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1917, вып. 1–5). См. также: *Пуанкаре А.* Наука и нравственность (Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1910, сб. 5); *Pareto V.* Trattato di Sociologia generale. Firenze, 1916, vol. I–II.

Наконец, не вполне удачно критикуемое определение и потому, что оно пахнет психологизмом и сопряженными с ним недостатками. Если понимать под солидарностью сознание гармонии интересов «я» с интересами общества, то как и чем изучать это сознание? Не становится ли главным методом изучения социальных явлений метод интроспективный? А раз так, то на таком методе едва ли можно построить объективную социологию, способную сформулировать точные теоремы о причинных связях явлений. Сознание недоступно прямому наблюдению. Само его понятие неопределимо. Оно неясно. Неясными и неопределенными неизбежно будут и все построения, связанные с ним. Вот почему как в современной психологии, так и в социологии сейчас замечается резкий уклон в сторону «объективизма». И психология, и социология начинают изучать не столько неуловимые состояния сознания, сколько внешне данные, доступные наблюдению, «осязаемые» акты, двигательные реакции индивидов⁴⁴. Для лавровского времени эта тенденция была несуществующей. Для своей эпохи он был прав, орудуя чисто психологическими терминами. Для нашего времени такое орудование требует серьезных ограничений.

Таковы вкратце основные недостатки лавровского понятия социологии и ее метода.

Я не буду останавливаться на теории происхождения солидарности Лаврова. В общем и целом, поскольку термин «солидарность» допускает точность, развитые на этот счет взгляды Лаврова приемлемы и для нашего времени. Начало солидарности в смысле «зависимости между особями, выражающейся в единообразном и сходном поведении особей» приходится искать, действительно, не в мире людей, а в мире животных. То же приходится сказать о солидарности, понимаемой в смысле взаимопомощи особей друг другу. Ряд исследований, в числе их знаменитая работа П.А. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции», это положение делают бесспорным и вполне подтверждают соответственные взгляды Лаврова, высказанные не в столь развитой форме.

Не приходится возражать против теории Лаврова, посвященной исследованию «подготовки царства человека». Используя данные физико-химических и биологических наук, Лавров со знанием дела, не устаревшим в главном и до сих пор, высказал здесь ряд положений, если не всегда оригинальных, то почти всегда обоснованных. Любой исследователь роли космических и биологических факторов в поведении людей и в общественных процессах не без пользы прочтет соответственные места многочисленных работ Лаврова. Последний здесь не только описывает основные эффекты влияния того или иного условия (например, температуры, состава почвы, изрезанности береговой линии, конфигурации

⁴⁴ См. об этом: *Сорокин П.А.* Система социологии. Пг.: Колос, 1920, т. 1–2; *Сорокин П.* Состояние американской психологии за последние годы (Вестник воспитания и изучения личности. 1921, № 4).

земной поверхности или ряда биологических условий)⁴⁵, но пытается иногда дать и более точные теоремы относительно их социальной роли⁴⁶. Здесь, у Лаврова, мы находим почти все основные тезисы, развитые как старыми, так и новыми представителями «географической» и «биологической» школ в социологии⁴⁷.

Если эти тезисы у Лаврова не так детально и всесторонне разработаны, как у последних, зато он свободен во многом от их односторонностей. Здесь же⁴⁸ мы встречаем у Лаврова систематическое обоснование теории, доказывающей, что онтогенетическое развитие из ребенка *socius*'а повторяет в основном филогенетическую социально-психическую эволюцию человечества, – тезис, полное всего развитый, как известно, Болдуином в его работах⁴⁹.

Словом, здесь положения Лаврова не вызывают серьезных возражений, и знакомство с ними небесполезно для любого исследователя соответственных проблем в наше время.

Что касается изложенной выше классификации форм солидарности, то как типическая схема она может быть принята. Приемлемо, по крайней мере, различие солидарности бессознательной и сознательной. Но вместе с тем едва ли указанное тройное подразделение ее форм может считаться совершенно ясным – раз; логически выраженным – два; наиболее удачным и потому научно-продуктивным – три и генетически всегда верным – четыре.

Не вполне оно ясно потому, что, во-первых, трудно провести резкую границу между солидарностью обычая и аффекта. Солидарность аффекта – это тоже солидарность, основанная на привычке; это просто однообразный способ реагирования на определенные раздражители, способ, являвшийся результатом той же привычки, «обычая». Не ясно оно и потому, что эта классификация не вполне выдержана у самого Лаврова: в одном месте он дает одно подразделение форм солидарности, в другом – другое⁵⁰.

Логически она не выдержана потому, что нельзя противопоставлять солидарность аффекта бессознательной солидарности. Поскольку первая отличается от сознательной солидарности, поскольку она бессознательна, постольку

⁴⁵ См. первый этюд «Важнейших моментов в истории мысли», 1-й том «Опыта истории мысли». См. в особенности статью «Человек-царь».

⁴⁶ Такова, например, заслуживающая внимания теорема о падении влияния космических факторов с ростом знания и социально-психических факторов. См.: *Доленга А.* Важнейшие моменты в истории мысли, с. 19–20.

⁴⁷ Например, Демолоном, Semple, Bruhnes'ом, Э. Реклю, Ратцелем и др.

⁴⁸ *Доленга А.* Важнейшие моменты в истории мысли, с. 116–146.

⁴⁹ *Болдуин Дж.* Духовное развитие детского индивида и человеческого рода. М., 1911–1913, т. 1–2; *Он же.* Духовное развитие с социологической и этической точки зрения. М., 1913.

⁵⁰ Сравни, например: *Арнольди С.С.* Задачи понимания истории, с. 30–31; *Лавров П.Л.* Собрание сочинений, вып. 7. с. 93–94 и 2-й и 3-й этюды «Важнейших моментов в истории мысли».

она является частным видом бессознательной солидарности, и потому нельзя ее противопоставлять первой. Поскольку же она сознательна (в отличие от бессознательной) – нельзя противопоставлять ее сознательной солидарности. Едва ли также можно противопоставлять привычку аффекту, интересу или убеждению, а равно аффект противопоставлять интересу или интерес – убеждению. Привычка в любой сфере поведения образуется и может образоваться не сама собой, а в силу определенного интереса, или аффекта, или убеждения, заставляющих действовать людей так, а не иначе. Многократное повторение такого поведения, вызываемое аффектом, или интересом, или убеждением, превращает его в акт привычный, вторично-автоматический. Таков механизм образования привычки. Из него мы видим, что привычка образуется не на «пустоте», а на почве тех или иных аффектов, интересов, убеждений. Вот почему противопоставлять их друг другу нельзя. То же относится к взаимоотношению аффекта и интереса, того или другого и убеждения (аффект и интерес – два различных термина, обозначающие почти одно и то же явление; то или иное убеждение прививается обычно потому, что соответствует аффектам или интересам данной личности или группы). Понятно теперь, почему логически не выдержана классификация, противопоставляющая их друг другу.

Отсюда же следует, что такая классификация не максимально удачна и потому малопродуктивна в научном отношении. В самом деле, раз она нечетка, неясна и вдобавок логически не выдержана, все оперирования на ее почве обречены на неясность, неопределенность. Можно ли, например, точно решить, какого типа солидарность царила в родовой период, или в восточных деспотиях, или в Греции, или в Средние века? Можно ли сказать, что солидарность семьи – это солидарность первого типа, солидарность государства – второго и т. д.? Конечно, нет. И анализ самого Лаврова подтверждает сказанное: места его работ, посвященные им определению типа солидарности той или иной эпохи, той или иной группы (семьи, рода, государства, нации, церкви), отмечены неясностью, неопределенностью и нечеткостью построений⁵¹. При всем желании понять, каковы же типические черты, которыми отличаются друг от друга солидарность семьи, государства, расы, науки и т. д., мы не получаем точного ответа. Если кое-какие черты (например, язык, расовые признаки, кровная связь и т. п.), отличающие эти формы друг от друга, и указываются Лавровым, то эти черты совершенно не связаны с его классификацией, а появляются неожиданно, независимо от последней; Лавров, в отличие от многих социологов, не усматривавших здесь даже проблемы, правильно понимал, что вопрос о формах солидарности разных социальных групп – вопрос первостепенной важности⁵², но, связанный путями своей неудачной классификации, он его разрешил неудовлетворительно.

⁵¹ Лавров П.Л. Собрание сочинений, вып. 7, с. 88–130; Доленга А. Важнейшие моменты в истории мысли, с. 237 и сл.

⁵² См. об этом: Сорокин П.А. Система социологии, т. 2, гл. 2, 3, 4.

Из сказанного следует, что нельзя рассматривать эту классификацию в качестве теории, верно и точно передающей и генетический порядок смены форм солидарности в процессе истории. Верно, что с поступательным ходом истории сознательная солидарность растет за счет бессознательной. Но это пошлый трюизм. От социолога можно требовать более точной и детальной формулы исторической смены форм солидарности. Лавров пытается ее дать, но его попытка оканчивается неудачей. Дальше и больше этого трюизма в существенном он не дает ничего. Причина такого неуспеха – в той же классификации. Она такова, что все ее формы солидарности мы находим уже на заре появления человечества. Узы, объединявшие древний тотем или род, были одновременно и узами «привычки» (стадных импульсов, полученных еще от обезьяноподобных предков *homo sapiens*), и узами сходства интересов и аффектов («механическая солидарность» древних обществ, по терминологии Дюркгейма), и узами сознательными – сходством убеждений и верований (сходство религиозных верований, воззрений, «знаний», моральных убеждений, эстетических вкусов и т. д. примитивных групп). Все три формы солидарности даны уже на заре человечества. Следовательно, раз ими исчерпываются основные виды последней и они даны уже на заре истории, то вся дальнейшая история человечества ничего качественно нового на этот счет не дает. Стало быть, не приходится искать в процессе истории и генезиса форм солидарности, качественно отличных друг от друга. Стало быть, не приходится говорить и о последовательности этапов развития этих форм в мире людей. Существо классификации обрекало такие попытки (вполне законные в иной постановке) на неизбежную неудачу. Она и постигла Лаврова.

На основании сказанного очередную классификацию форм солидарности приходится признать неудачной и потому неприемлемой.

Отсюда же следует необходимость серьезных ограничений лавровских взглядов относительно стадий сознательной солидарности и дальнейших следствий из нее, а именно его деления народов на группы – исторические и неисторические, его понятия о роли интеллигенции.

Мы видели, что Лавров резко выделял стадию сознательной солидарности от остальных. Видели, как он, в зависимости от этого, различал народы и группы исторические (интеллигенция) и неисторические (народы, не имеющие интеллигенции, «пасынки истории» и «культурные дикари»), видели также, что социальной группой, живущей исторической жизнью, является, по Лаврову, исключительно группа интеллигенции.

Как ни интересна и своеобразна вся эта концепция с точки зрения сущего, приходится признать ее однобокой и неверной.

Почему? Во-первых, выше было указано, что сознательные формы солидарности, т. е. сходство поведения, вызываемое сходством убеждений (религиозных, моральных, познавательных, эстетических и т. д.), дано в том или ином

объеме в самых примитивных группах «пасынков истории» и «культурных дикарей». Человека, не обладающего сознанием, и человеческое общество, не имеющее никаких солидарных верований, убеждений, вкусов и взглядов, мы не знаем. Может быть, эти убеждения не те, которые нам желательны, но это дело вкуса, а факт таков, что в той или иной форме сознательная солидарность дана и в группе ашантиев, и у австралийских негритосов, и в буржуазном обществе, и в группе рабов или крепостных.

Раз так, то, значит, все они, как сознательно солидарные, живут исторической жизнью. Стало быть, нельзя из сферы исторических народов исключать их; нельзя, следовательно, проводить и деления народов и групп на исторические и неисторические. Такое деление противоречит исходной посылке самого Лаврова.

Правда, в ряде мест Лавров понимает эту сознательную солидарность более узко, а именно в смысле солидарности, основанной на критической мысли и вызываемой потребностью развития. Но и в этом более узком понимании его теория вызывает серьезные возражения.

Во-первых, ниже я покажу, что едва ли существует как самостоятельная потребность развития. В существовании таковой можно усомниться. Если так, то падает само понятие интеллигенции, отличительной чертой которой служит именно потребность развития; падает в связи с этим противопоставление исторических и неисторических народов, противоположение «интеллигенции», «пасынков истории» и «культурных дикарей»; словом, падает все построение. Не спасает его и критическая мысль, ибо само понятие ее неясно; если же под ней, в отличие от мысли догматической (верований), разуметь только те комплексы идей, понятий, суждений и теорий, которые проверены опытом и исключительно на опыте (в отличие от верований и догм) основаны, то едва ли мы в истории человечества найдем эпоху, или народ, или группу, или даже индивида (вплоть до самых рафинированных «интеллигентов», *intellectuels* или ученых), которые свободны были бы от верований или форм некритической мысли, умственный багаж которых целиком состоял бы из одних знаний как продуктов чистого опыта и критики, без всякой примеси верований. Я затруднился бы указать такую эпоху, такой народ, такую группу, даже одно такое лицо, вплоть до самого П.Л. Лаврова. Элемент верований, некритическая мысль (субъективно кажущаяся критической на опыте), свойственной был и примитивному анимисту, и поклоннику монотеизма, и Вольтеру, и Боссюэту, и Руссо, и Де Местру, и социалисту, и монархисту, и Марксу, и Контю. Различие только в количестве да в форме верований. «Религия разума» многих рационалистов или идеологов народного суверенитета с точки зрения опыта столь же нелепа и содержит в себе часто столько же произвольных, непроверенных и ошибочных суждений, понятий, теорий, утверждений и отрицаний, как и «Сумма теологии» Фомы Аквин-

ского или идеология «Князя» Н. Макиавелли. Конечно, социалисту его мировоззрение кажется целиком основанным на опыте, но таким же истинным кажется свое мировоззрение и фетишисту. С точки зрения же «критики чистого опыта» и в том, и в другом мировоззрении оказываются элементы догмы, элементы некритической мысли. В этом смысле история человеческой глупости продолжается. Если бы было иначе, вся истина уже была бы в руках человечества и умственный прогресс мы должны были бы считать завершенным. С последним не согласился бы и сам Лавров.

И обратно, элемент «критической мысли», известный комплекс знаний, полученных из ежедневного житейского опыта, имелся не только у людей последних столетий, но и в примитивных группах, и в группе «пасынков», и в группе «культурных дикарей» (например, знание свойств рыбы, зверей, питательных семян и плодов, знание разрушительных свойств каменного топора и т. д.). Опять-таки, разница здесь не качественная, не принципиальная, а чисто количественная. Дело сводится к простому «больше» и «меньше». Эти «больше» и «меньше» нарастают в истории постепенно, резкой грани, отделяющей «критический» народ от «некритического», указать нельзя. Часто указывавшиеся грани (например, век Реформации, эпоха гуманизма, век Просвещения, период капитализма и социализма и т. п.) объективно оказывались не гранями, где кончался чистый догматизм и начиналась чистая критика и опыт, а гранями, показывавшими конец одной догматики – «одной глупости» – и начало другой догматики – «другой глупости», иногда – конец одних знаний и начало или воскрешение других.

Естественно, что не было и нет никакой интеллигенции как группы лиц, умственный багаж которых состоял бы из одной критической мысли, без примеси верований и догм. Ни интеллигенция Древнего Востока (брамины, жрецы), ни интеллигенция Греции и Рима, Средних веков и XVIII в., ни интеллигентские группы XIX и XX вв. – будут ли они идеологами капитализма или коммунизма – таковыми не были и не являются⁵³. Каждая из них в известной мере была и является носительницей непроверенных и неверных догм, верований и убеждений, столь же далеких от «опыта», «истины» и «разума», сколь далека от них была «религия разума» Робеспьера.

Раз дело обстоит так, раз абсолютно «некритически мыслящих» лиц и групп не было и нет, как нет и абсолютно «критически мыслящих» лиц и групп, то становится невозможным проводить деление народов и групп на исторические и неисторические, теряет свое значение понятие интеллигенции и понятие отличных от нее «пасынков» и «дикарей», короче – все соответственное построение П.Л. Лаврова. Оно красиво и стильно. Оно приятно щекотало самолюбие интеллигенции, делая ее «солью земли», единственной «исторической» группой

⁵³ См. изложение теории в моей «Системе социологии», т. 1, параграф о потребностях человека.

(отсюда понятен успех этой интеллигентской идеологии среди самой интеллигенции), но – *amicus Plato, sed magis amica veritas*⁵⁴. «Лавров-интеллигент» в этой теории дал апологию интеллигенции, но и только.

Апологией интеллигенции вся эта концепция является и потому, что она вольно или невольно ставит ее в исключительно привилегированное положение по сравнению со всей массой людей. Только интеллигенция оказывается группой, живущей исторической жизнью, только она – двигатель истории, только она – прогрессивная группа, только она вносила и вносит новое в исторический процесс. Остальная бесконечно более численная масса людей (неисторические народы, пасынки и культурные дикари) оказывается простым балластом истории, недостойным даже войти в последнюю. Неожиданно для самого Лаврова в этой концепции оказывается такая бездна интеллигентского аристократизма, такое идеализирование и превознесение интеллигенции как исключительно привилегированной группы избранных, что любой апологет неравенства может позавидовать такому «обоснованию» (хотя и не оправданию) аристократизма, хотя бы и интеллигентского.

После сказанного нет нужды настаивать на необоснованности такой идеологии. Она не обоснована даже с точки зрения духовной и социальной эволюции человечества: огромное большинство завоеваний мысли в области науки, верований, искусства и техники было заслугой не лавровских «критически мыслящих личностей», не интеллигенции, а тысяч и сотен тысяч «некритических лиц», без преднамерения и заранее поставленной цели делавших изобретения и открытия, кирпич за кирпичом на протяжении поколений вносявших в храм ценностей человечества и таким путем создавших большую долю последнего. Отдельные лица (и то не всегда «критически мыслящие»), например весьма религиозный Ньютон, Паскаль, Эйлер и др., внесли сюда свое, но эта доля их несравненно меньше доли анонимных изобретателей – масс народа.

Таковы вкратце соображения, заставляющие признать неудачной и рассматриваемую концепцию Лаврова.

Перехожу к теории факторов. Она более удачна. Она в общих чертах приемлема и в наше время, поскольку мы становимся на психологическую точку зрения потребностей. Множество классификаций человеческих потребностей и факторов современными социологами, например Уордом, Россом, Гиддингсом, Ратценгофером и др.⁵⁴, весьма близки к ней и с небольшими вариациями (независимо от Лаврова) повторяют ее.

Частичные возражения против этой теории сводятся к следующему.

1) Она не выдержана. Как показано было выше, взаимоотношение экономического фактора и фактора развития (в смысле доминирующей важности) у Лаврова или не выяснено, или противоречиво.

⁵⁴ См. изложение теории в моей «Системе социологии», т. 1, параграф о потребностях человека.

2) Имеется ряд промахов при переводе биопсихологических потребностей в категории социальных факторов. Например, Лавров отождествляет потребность безопасности и политический фактор, потребность питания и экономический фактор, потребность в нервном возбуждении и фактор развития. Ни по существу, ни по генезису возникновения политических, экономических и идеологических факторов такое отождествление недопустимо.

Экономическая деятельность человека вызывается не только потребностью в пище, но и рядом других потребностей, например, потребностью в одежде, в жилище и любой потребностью. Один может работать на фабрике для того, чтобы добыть кусок хлеба, другой – чтобы заработать деньги на костюм, третий – чтобы посетить концерт, четвертый – чтобы купить книгу или выстроить дом и т. д. И обратно, одна и та же потребность может побуждать к разнообразной, в том числе и не экономической, деятельности: чтобы утолить голод, один работает на фабрике, другой пашет землю, третий пишет пьесу, четвертый дает концерт и т. д. Отсюда мы видим, что нельзя (как это делают очень многие социологи) ставить знак равенства между потребностью питания и экономической деятельностью, или экономическим фактором. Не один голод толкал людей к организации хозяйства и к хозяйственной деятельности, и обратно, ради утоления голода люди занимаются не одной экономической деятельностью.

То же применимо к взаимоотношению потребности безопасности и политического фактора, потребности возбуждения нервов и идеологического фактора⁵⁵.

Лавров, ставя между ними знак равенства, делал обычную ошибку, ведущую к ряду ошибочных взглядов.

3) Третий основной недостаток этой классификации – это выделение потребности развития как потребности самостоятельной и самодостаточной. Вряд ли существует, да еще в качестве столь важной, эта потребность. Это означало бы существование потребности развития во имя самого развития. Может быть, небольшому числу рафинированных интеллигентов такая потребность и свойственна, но, наверное, ее нет у масс и у большинства людей. Развитие – результат влияния определенных причин (потребностей в данном случае), вызывающих ряд изменений, а не причина их. Объяснение развития чего-либо потребностью развития – «масло масляное», т. е. простая тавтология. Даже там, где лица субъективно считают себя действующими под влиянием потребности развития и ради развития, их поведение будет понятно и объяснено только тогда, когда будут указаны другие (часто несознаваемые), более «ощутимые» и определенные причины – раздражители. Местами Лавров так и поступает. Так, он не раз указывает⁵⁶, что мысль и знание развились в человеческой среде прежде всего потому,

⁵⁵ См. правильные указания на этот счет в статье: *Hayes. The classification of soc. phen.* (Американский журнал социологии). См. анализ «экономического фактора» как фактора сложного в моем «Учебнике социологии» и т. д.

⁵⁶ См., например: *Доленга А.* Важнейшие моменты в истории мысли, с. 43 и сл.

что они были могучими орудиями в борьбе за существование. Здесь уже развитие (интеллектуальное) объясняется не потребностью развития, а более научно – указанием тех условий, которые вызывали и благоприятствовали росту мысли.

4) Несмотря на эти дефекты, в общем и целом теория факторов Лаврова ничуть не хуже не только соответственных теорий его времени, но стоит на уровне большинства теорий наших дней. Правда, с точки зрения более строгих требований, предъявляемых пока что очень немногими социологами, она, как и огромное большинство соответственных концепций других социологов, может считаться слишком суммарной, «философичной», далекой от точности научной теоремы и в этом смысле превзойденной. Сейчас требуется не схематичное установление тех или иных факторов, а установление точных теорем, указывающих: 1) какие эффекты в поведении людей и в общественных процессах вызывает тот или иной фактор, принятый за независимую переменную; 2) что с этой точки зрения в исторических явлениях находится с ним в функциональной связи; 3) насколько тесна эта связь; 4) если в ряде случаев, где она, согласно первой теореме, должна быть, на самом деле не оказывается, то чем объясняются такие исключения или какими условиями вызваны такие отклонения; 5) каковы количественные отношения, определяющие степень влияния изучаемого фактора; 6) какие эффекты наступают, когда действие данного фактора соединяется с действием других (случаи вычитания, сложения, параллелограмма сил и т. д.).

Только исследовав фактор со всех точек зрения, мы можем сказать, что кое-что знаем о нем. Общие же схематически-философские построения теории факторов дают нам мало, они – первый детский шаг в познании явлений социальной закономерности. Но очерченные строгие требования пока что целиком не осуществлены никем. Они выражают скорее программу работы будущего, чем достижения настоящего. Вот почему нельзя даже в наше время (и тем паче в прошлом) с точки зрения этих требований оценивать теорию факторов Лаврова. С точки зрения существующего уровня знаний его теория может быть поставлена наряду почти с любой теорией факторов. Она в этом смысле ничуть не устарела.

Этими замечаниями ограничиваюсь в критике теории факторов.

Перехожу к Лавровской концепции механики исторического процесса. Сама мысль о ритмическом темпе исторического процесса не нова. Не говоря о Вико, позже почти в такой же форме она была развита Сен-Симоном, Базаром и Контом⁵⁷. Но в обработке этой мысли, в связи с учением о повторяющихся явлениях социальной жизни, Лавров дал ряд интересных положений, начиная с закона ускорения ритма этих чередований и кончая установлением ряда явлений (на-

⁵⁷ *Saint-Simon A.* Du Système industrial; Catechisme des industrial. Paris, 1823–1824; *Bazar S.* Doctrine de Saint-Simon. Exposition. Paris, 1830; *Conte Aug.* Cours de philosophie positive. Paris, 1840, vol. IV.

пример, кривой индивидуализма), функционально с ним связанных⁵⁸. Положение о ритме и о повторяющихся процессах социальной жизни едва ли подлежит сомнению. Лица, работающие над этой темой, с большой пользой просмотрят соответственные места работ Лаврова.

Более спорно второе его положение – относительно исторического закона постепенного приближения социальной жизни к состоянию гармонии солидарности и развития, порядка и прогресса, индивидуализма и общественности.

Эта теорема целиком заимствована из Конта. Хотя она органически связана со всей концепцией Лаврова, хотя последний вносит немало своеобразия в трактовку этого положения, однако здесь мысль Лаврова менее всего оригинальна.

Сомнительно также, чтобы ему удалось доказать существование такого закона и неизбежность наступления такого рая в будущем⁵⁹.

Не имея возможности входить по существу в опровержение существования такого закона, я полагаю, что он является одним из множества «исторических законов», пачкою открываемых социологами и философами истории и на деле являющихся законами мнимыми. Они говорят не о законе, действительно данном в процессе истории, а просто о субъективных (подчас весьма благородных) желаниях и идеалах своих авторов. Желаемое «должное» легко кажется подлинно существующим, неизбежным – или возможным. Под влиянием желания мы часто готовы видеть реальность или возможность идеала и желаемого там, где их нет или где ничто не доказывает их наступления. Таким же желаемым, «чаемым и ожидаемым», но несуществующим является и характеризуемый оптимистический исторический закон Лаврова. В существование его можно верить. Но считать доказанным осуществление его в историческом процессе или неизбежность наступления этого царства гармонии в будущем нельзя. Такое доказательство не удалось ни предшественникам Лаврова, ни ему, ни позднейшим сторонникам этой гипотезы.

Другое дело – законность такого идеала в плоскости должного, иными словами, законность формулы прогресса Лаврова, как идеала, как верховной моральной нормы. В этой области законность этого идеала не подлежит оспариванию. Но, с другой стороны, в такой же мере законен и противоположный идеал. Лавров, как и Конт, считает прогрессом все то, что ведет к состоянию гармонии солидарности и развития. Ряд лиц таким идеалом считают состояние абсолютной, недвижимой солидарности. Другие являются апологетами непрерывного развития, хотя бы совершаемого и в ущерб солидарности. Все эти разные «долженствования» с точки зрения истинности одинаково равноправны, ибо они сто-

⁵⁸ Новейшим трудом, посвященным доказательству существования закона ритма, служит книга Вебера «*Rythme du Progrès*» (1913); много говорит о нем и Парето во втором томе своего труда «*Trattato di Sociologia generale*» (Firenze, 1916).

⁵⁹ Временами и сам Лавров выражается на этот счет очень осторожно. См., например, последние главы «Задач понимания истории».

ят вне области истины, не претендуя на познание бывшего, сущего и будущего (в смысле бытия), а указывают норму должного. Приятие или неприятие этих идеалов зависит не от их логичности или нелогичности, а от этических воззрений личности, от того, что она считает верховным моральным идеалом. Последний не «обосновывается» логикой, а постулируется независимо от нее. Я могу согласиться с идеалом Лаврова, могу и не согласиться. В том и в другом случае логика остается в стороне. Словом, идеал Лаврова законен в области должного, но претендовать на логическую общезначимость, как и всякий другой идеал или всякая формула прогресса, он, по существу своему, не может. Люди, согласные с ним, примут его идеал, люди, имеющие иные моральные и социальные воззрения, отвергнут. Те и другие будут одинаково правы с логической точки зрения. Это не значит, что социальная действительность различных идеалов одинакова. Мы знаем, что одни идеалы и формулы прогресса (в том числе и лавровская формула) «сотрясают массы», другие «проходили без шума и следа». Но сейчас речь идет не о социальной эффективности идеалов, а об их истинности или ложности. То и другое – вещи резко различные. Самые ложные (с точки зрения сущего) построения иногда «потрясают мир» (например, идеалы христианства или теория «общественного договора» Руссо), и обратно, ряд построений, весьма близких к миру сущего, весьма часто оставались бездейственными⁶⁰.

Правда-Истина и Правда-Добро лежат в разных плоскостях, и мерить одну из них мерилom другой нельзя. Вот почему не приходится защищать или критиковать формулу прогресса Лаврова как истинную или ложную. Ее можно принять или не принять. Это принятие или непринятие мало зависит от ее логичности или нелогичности, истинности или ложности.

Резюмируя сказанное, я могу повторить: Лавров как социолог, несмотря на указанные недочеты его теории, был и останется одной из самых крупных фигур в истории русской социологии. Больше того, он по праву может претендовать на видное место и в социологии мировой.

⁶⁰ См. об этом: *Pareto V. Trattato di Sociologia generale. Firenze. 1916, vol. I–II.*

<Рец. на кн.:>

Б. СОКОЛОВ. НАУКА [В] СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Берлин: Изд[ание] Рус[ского] Унив[ерситетского] Изд[ательств]а,
1921. – 64 с.

Данная брошюра представляет общую характеристику состояния науки и ее работников в России за последние годы. Вместе с тем в ней дается краткий отчет и того, что в разных областях знания за это время в России сделано, какие основные труды вышли, какие течения доминируют, какие новые учреждения возникли и т. д. Нужно отдать должное автору: он пишет со знанием дела, хорошо осведомлен, и в целом его очерк соответствует действительности 1918–1920 гг. Очерк, конечно, не полон. Но на полноту он и не претендует.

<Рец. на кн.:>

Б. ЯКОВЕНКО. ФИЛОСОФИЯ БОЛЬШЕВИЗМА

Изд. Рус. Унив. изд-ва. Берлин, 1921. Стр. 64

Книжка Яковенко распадается на две части. В первой он дает понятие о большевизме как политико-социальной программе, как государственном строе и мировоззрении, набрасывает краткую его историю, современную программу и практику. Во второй – характеризует философскую позицию большевизма и пытается осмыслить большевизм как новое слово. Первая часть, как часть фактическая, нам известна и потому для нас малоинтересна. Более интересна вторая часть, дающая попытку осмысления автором «философии большевизма» как явления человеческой истории. Что всего более поражает читателя здесь – это полное противоречие этой части предыдущей. Контраст ее бьет в глаза. В первой части автор не жалеет черных красок. Во второй – вдруг откуда-то получается, как *deus ex machina*^{1*}, что большевизм есть «типичная черта русского народного духа», что он знаменует новый этап в истории человечества – новую религию, несущую новое понятие свободы, новое понятие труда, новое понимание личности и новую философию «плюралистического идеализма», т. е. философию самого автора. Такой неожиданный и контрастный скачок от «заупокою» первой части к «засдравию» второй поистине поразителен и потому уже неприемлем. Неверны, конечно, тезисы Яковенко и по существу. Избитым местом является тезис экстремизма, будто бы свойственного национальной русской душе и проявляющегося, с одной стороны, в бесконечной покорности ее, с другой – в неукротимости освободительной борьбы. Пора бросить такую романтическую «философствующую социологию». Если бы автор внимательно изучил историю гражданских войн и революций прошлого, он увидел бы, что тот же экстремизм проявлялся и греками, и римлянами, и французскими «Жаками», и богемцами (табориты)^{2*}, и англичанами и т. д. И здесь был экстремизм терпеливой покорности и безудержного разрушения в борьбе. Темны и неясны – и столь же неверны – другие положения автора о трудовой свободе, о работе ради работы, о трудовой личности и т. д. И здесь история показала бы ему, что «нет ничего нового под солнцем», вплоть до положения «не трудящийся да не ест» (вспомним ап. Павла: «не трудивыйся да не ест»^{3*}). По-человечески вполне понятно ожида-

ние автора, что большевизм должен быть Мессией именно философии самого автора – плюралистического идеализма – и чуть ли не для того и явился в мир. Но... такое утверждение столь же приемлемо, как утверждение Ивана Ивановича, что вся история существовала лишь для того, чтобы Иван Иванович мог ковырять в носу и плевать в потолок. Словом, никак нельзя согласиться с тем, чтобы автору удалось «проникновение», «философское проникновение» в глубь изучаемых им явлений. Эта задача требует иного подхода, иных методов и иных исходных посылок, чем те, которые свойственны автору и многим другим «осмыслителям истории и жизни».

Несмотря на сказанное, книжка Б. Яковенко все же интересна и ценна как один из первых опытов осознания великих катаклизмов нашего времени.

**ОТВЕТ
ПРОФЕССОРА ПИТИРИМА АЛЕКСАНДРОВИЧА
СОРОКИНА
НА АНКЕТУ ПО ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ
ЧАСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ И ОТДАЧЕ ВСЕГО
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Заккрытие частных книгоиздательств и окончательное огосударствление их, с моей точки зрения, будет иметь совершенно определенные следствия и для науки, и для искусства, и для всей общественной жизни. Главные из этих последствий таковы:

1) еще большее падение издательского дела и дальнейшее увеличение книжного кризиса, ибо на место уничтоженных издательств не будет создано ничего, что бы заменило эту потерю (словесные обещания любителей «социализации» в счет не идут);

2) дальнейшее подавление научного творчества и распределения его результатов, ибо при ликвидации частных издательств не могут быть опубликованы и те работы, которые до сих пор издавались благодаря им;

3) рост «религиозной ортодоксии и догматизма» (хотя бы и коммунистического) за счет науки, ибо наука без свободы мысли, критики и борьбы мнений существовать не может, а государственные монополизаторы (будьте покойны!) издавать работы, противоречащие их догме и почему-либо им неугодные, не будут. В итоге, как в период «владельчески-попечительной опеки печати» (Средние века, период Генриха VIII в Англии, эпоха Галилея и Рабле в Италии и Франции, у нас эпоха Грозного и Петра), все будет зависеть от «инквизиторов» государства. *Approbatio*^{1*} папы заменится *approbatio* (государственного) чиновника.

Он будет «живым носителем», «наместником» научности и истинности. Его мнение – законом. Научная оценка заменится решением комиссара печати, критика – доносом. Словом, мы получим полную копию давно уже, казалось, пройденной эпохи Магницкого в России, средневековья – в Европе. Как тогда, все противоречащее католической церкви преследовалось, так и теперь все противоречащее учению «иже во святых отцов наших, вселенских учителей и святителей», К. Маркса, Ф. Энгельса и «иже во святых отцов наших – правоверных

коммунистов российских» или им почему-либо не нужно не может быть напечатано. «Катехизис» Филарета, хотя бы в виде «Азбуки коммунизма»^{2*}, займет место науки, вера и догма – место опыта и наблюдения, невежество – место просвещения и т. д.

Впрочем, к чему будущее время, когда все это мы имеем уже в настоящем...

Обращаясь к данным опыта, мы теперь уже имеем основания для подтверждения этого прогноза. Усилилось ли издательское дело со времени национализации? Не издает ли весь аппарат Государственного издательства меньше книг, чем издавало их раньше одно частное издательство, например Сытина? А какова научная ценность издаваемых книг? Научных книг почти не издается. И то, что издано, имеет случайный характер, говорящий не о научной высоте издаваемых книг, а о хороших отношениях автора с «апробаторами истины» и власть имеющими. Большинство изданных до сих пор научных работ принадлежит «Чичиковым от науки». «А судьи кто?» Если Кювье ошибся в оценке «Философии зоологии» Ламарка, то неужели же заведующий Государственным издательством и его коллегия такие гении, что безошибочно сумеют решить, что научно, что ненаучно, что заслуживает общественного внимания, что нет, что должно быть напечатано, что не должно. Мне несколько неловко за тех «смельчаков», которые берут на себя такую претензию. В XX в. она выглядит довольно странной...

Заканчиваю словами Гальтона эти замечания: «Наша раса остается существенно рабской. По своей природе мы склонны слепо верить в то, что мы любим, а не в то, что является наиболее истинным. Подобно дикарям, прибегающим к оружию, когда миссионер разбивает их фетишей, мы негодуем, когда другие исследуют наших идолов и критикуют их безнаказанно. Счастливы те, которые с детства приучаются к мысли, что научное исследование может быть абсолютно свободным, не будучи неуважительным, что уважение к истине есть отец свободного исследования, а фальсификация истины – величайший смертный грех».

По пути этой фальсификации мы далеко ушли за эти годы. Окончательная ликвидация частных издательств – только дальнейший шаг по тому же направлению. Кому нравятся такие результаты – пусть поет «осанна!». Я не принадлежу к числу этих «Блажен, кто верует, тепло тому на свете!»^{3*}.

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ, ЕГО СВОЙСТВА И ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ

1. Влияние войны на состав населения

«Сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия» – таков основной принцип науки вообще. Он в полной мере применим и к войне. Следствия, вызывавшиеся и вызываемые ею, – поскольку условия, в которых она происходит, более или менее похожи друг на друга, – эти следствия были довольно сходны и в прошлом, и теперь. Задача нижеследующих строк – краткая характеристика основных эффектов межгосударственной и гражданской войны, порождаемых ею в области состава населения, его свойств и общественной организации. Все другие – и весьма многочисленные – «функции» войны, взятой как «независимое переменное», в задачу данной статьи не входят.

Начнем с характеристики тех изменений, которые война вызывает в составе населения воюющих и отчасти нейтральных стран.

Основное следствие войны в данной сфере состоит в уменьшении населения и изменении его качественного состава, или в своеобразном отборе, производимом войной.

Это положение звучит очень скромно, но стоит только чуть-чуть развернуть его содержание, и станут понятны те катастрофические результаты, которые этот бич человечества вызывает во всей общественной жизни и истории воюющих народов. Чем больше вникаешь в изучение этих следствий, тем все более и более значительную роль в объяснении сдвигов в общественной жизни, в развитии и падении целых народов приходится придавать войне. Перейдем к сухим фактам и цифрам. Они красноречивее «пышных фраз и жалких слов». Уменьшение населения вызывается войной прямо, в виде непосредственных ее жертв – убитых, раненых и т. д., и косвенно, в результате повышения смертности и уменьшения рождаемости гражданского населения воюющих, а отчасти и связанных с ними нейтральных стран. Это в равной мере относится ко всем значительным войнам, как межгосударственным, так и гражданским. Общее количество непосредственных жертв войны за время исторического существования челове-

ства, конечно, не может быть установлено даже приблизительно. Можно только сказать, что оно огромно, так как войны происходили всегда и особенно часты и беспощадны были в древности, между первобытными и дикими народами, для большинства которых война была «постоянным занятием»¹. Отрывочные данные об отдельных войнах, сохранившиеся в истории, за достоверность коих, однако, – для древних времен – ручаться нельзя, таковы².

В памятниках Ассиро-Вавилонии мы встречаем упоминания о 260 000 и 20 000 человек, «подвергнутых острию меча» разными Ашшурнасирпалами. Война Китая с 233 по 263 г. прямо и косвенно уменьшила его население с 50 миллионов до 8 миллионов человек, гражданская война 754–760 гг. вызвала уменьшение населения с 45 миллионов до 9. В более позднее время статистика населения Китая – число семейств в связи с налогообложением – показывает весьма резкое уменьшение его количества в годы некоторых войн и междоусобий, например, в 1795–1797, 1813–1814 гг. и др.³

В Европе осада Сиракуз стоила (по Белоху) афинянам 20 000 человек; в Теламонской битве римляне умертвили около 40 000 кельтов^{1*}; число италиков, убитых за время войн с Ганнибалом, по Моммзену, было не менее 300 000. Цезарь за десять лет Галльской войны уничтожил, по Плутарху, из трехмиллионного населения Галлии один миллион^{2*} и т. д.

Эти числа, поскольку они хотя бы приблизительно верны, говорят о том, что уже в древности жатва войны была весьма обильной.

Более достоверны данные о прямых жертвах войны XIX и XX вв. До данным Mulhall'я, общее число прямых жертв войны с 1793 по 1877 г. в Европе и США составляет 4 470 000 человек⁴.

Близки к этому числу данные и других лучших статистиков (Lagneau, Levasseur'a, Berndt'a). Если прибавить сюда убитых и раненых Англо-бургской войны 1899–1902 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг., Балканской войны 1912–1913 гг., Атало-турецкой и Американско-испанской войны, то общее количество прямых жертв войны с конца XVIII в. до войны 1914–1918 гг. будет не менее пяти с половиной – шести миллионов человек – число весьма почтенное и весьма внушительное. С 1914 по 1918 г. это число значительно увеличилось. Точные данные о военных потерях за эти годы еще не вполне установлены. Приблизительные данные о потерях главных воюющих стран таковы.

¹ Подробнее см.: *Steinmetz R. Die Philosophie des Krieges.* 1907; *Vaccaro M. Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat.* Paris, 1898; *Wesrermarck E. The origin and development of the moral ideas.* London, 1908, vol. I, p. 331–382; *Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда.* СПб., 1914, с. 374–375.

² См. указанные работы Штейнметца, Ваккаро, Сорокина.

³ *Parker E.H. A Note on some Statistics regarding China // Journal of the Royal Statistical Society.* 1899, p. 151–156.

⁴ *Mulhall M.G. The dictionary of statistics.* London, 1903, p. 586.

Döring общее число погибших на войне солдат Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии считает близким к 6 миллионам: 2 миллиона с лишним для Германии; 1,5 миллиона для Австрии; 1,1 миллиона для Англии с колониями; 1,4 миллиона для Франции⁵. Не так далеки от этих чисел и данные, приведенные в Statesman's Year Book 1919–1921 гг.⁶ По этим данным прямые военные потери за 1914–1918 гг. таковы (в тыс. чел.):

	Фран- ция	Англия с колониями	Италия	Герма- ния	США	Сербия	Порту- галия	Россия
Убито		659	425	1 580				
Умерло от ран и болезней	1 458	213	72	–	80	370	2	1 000 ⁷
Пропало без вести	245	359	–	260	–	–	–	3 911 (в том числе и пленных)
Ранено	2 700	2 059	950	4 000	206	–	5	3 748

Если присоединить сюда данные Döring'a об убитых Австро-Венгрии (кроме убитых и умерших от ран и болезней Болгарии, Румынии, Бельгии и других воевавших государств), то общее число убитых и умерших от ран и болезней составит 7 миллионов 358 тысяч человек. Если прибавить к ним убитых и умерших от ран и болезней других воевавших государств, то это число будет не менее 8 000 000. Прибавим сюда пропавших без вести и взятых в плен (к сожалению, для большинства государств данные о пропавшие без вести не отделены от взятых в плен), число коих в таблице достигает 4 миллионов 612 тысяч человек, из которых число погибших никак не менее 1 500 000, и мы получим общее число прямых жертв войны не менее 9,5–10 миллионов по самым скромным подсчетам.

Такова жатва последней войны, если учитывать только убитых и умерших от ран и болезней. Жатва, как видим, весьма обильная. Смерть собрала за эти годы отличный, поистине небывалый урожай.

Но, увы, десять миллионов жизней – не весь сбор смерти, а только часть его, да и то не главная. Уменьшение населения, производимое войной, не исчерпывается убитыми и погибшими от ран и болезней в армии. Война уменьшает

⁵ Döring. Великая война и естественное движение населения // Вестник статистики. 1920, № 5–8, с. 42, 36–40.

⁶ Данные сообщены С.А. Новосельским, которому и приношу глубокую благодарность, ибо книги из-за границы почти не поступают.

⁷ В. Михайловский число убитых и умерших от ран и болезней России считает равным примерно 2½ миллионам (см.: Труды Центрального Статистического Управления. М., 1921, т. I, вып. 3, с. 4). Так как он не сообщает источников, на основании которых он приводит это количество, и так как данные С.А. Новосельского основаны на результатах комиссии, специально занимавшейся этим вопросом, то я и привожу их, а не данные Михайловского.

и гражданское население, оказывая весьма сильное влияние на его «естественное движение», т. е. на рождаемость, брачность и смертность последнего.

В этом отношении влияние всех крупных войн, глубоко затрагивающих жизнь населения, однообразно. В отношении брачности оно состоит в снижении числа браков в годы войны и резком его повышении после войны. В отношении рождаемости – в ее снижении спустя девять месяцев после начала войны и повышении ее спустя девять месяцев по окончании. В отношении смертности гражданского населения – в повышении последней.

По причине снижения рождаемости и роста смертности война вызывает значительное уменьшение гражданского населения, в большинстве случаев превосходящее число прямых жертв войны. Хотя после войны число браков и рождений обычно повышается, а смертность снижается, тем не менее, вопреки довольно распространенному мнению, это послевоенное повышение рождаемости и снижение смертности никоим образом не покрывает дефицита, вызванного годами войны.

Приведу для иллюстрации некоторые показатели, отсылая читателя за более подробными данными к указанным ниже статьям⁸.

Австро-итальянская война 1859 г. вызвала в Австрии снижение коэффициента брачности с 17,3 в 1858 г. до 14,8 в 1859 г.; рождаемость уменьшилась с 43,2 в 1859 г. до 40,6 в 1860 г.

Пруско-датская война 1864 г. в движении населения Дании вызвала следующие изменения: брачность в год войны снизилась на 25% по сравнению со средней за предшествующие четыре года, рождаемость – на 4%, общая смертность повысилась на 24%, детская – на 20%.

В результате Пруско-австрийской войны 1866 г. брачность в Австрии понизилась по сравнению со средней за четыре предшествующие года на 22%, рождаемость в 1867 г. – на 7%, общая смертность повысилась на 36%, детская – на 8%.

С 1867 г. наблюдается обычное после войны повышение брачности и уменьшение смертности, с 1868 – повышение рождаемости.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. вызвала следующие изменения в движении населения Франции и Пруссии (на 1 000 человек гражданского населения):

⁸ См.: *Wolfe A.B.* Economic Conditions and the Birth-Rate after the War // *The Journal of Political Economy*. 1917, June, p. 521–542; *Новосельский С.А.* Война и естественное движение населения // *Общественный врач*. 1915, январь; *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения; *Nixon S.W.* War and national vital statistics with special reference to the Franco-Prussian war // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1916, July; *Gide Ch.* La reconstitution de la population française // *Revue de la Sociologie*. 1916, p. 139–140, а также общие работы Г. Майра (Статистика и обществоведение. СПб., 1901), Левассера (*La population française*. Paris, 1891), Е. Каудерлиера (*Les lois de la population*) и др.

Годы	Франция			Пруссия		
	Умерло	Родилось	Сочеталось браком	Умерло	Родилось	Сочеталось браком
1868	24,9	25,4	15,6	27,4	36,9	17,6
1869	23,5	25,7	16,6	26,0	37,9	17,8
1870	27,5	25,5	12,0	26,1	38,3	14,8
1871	33,4	22,6	14,4	28,4	33,8	15,8
1872	22,0	26,7	19,6	29,3	39,7	20,6
1873	23,3	26,0	17,8	28,0	39,6	20,3

Эти числа ясно показывают картину обычного влияния войны на движение населения.

Эффекты Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны в движении населения России были таковы (на тысячу человек населения):

Годы	Сочеталось браком	Родилось	Умерло	Умерло женщин	Умерло детей 0–1 года на 100 родившихся
1875	19,4	51,5	34,6	32,9	26,6
1876	16,8	50,6	34,9	33,0	27,8
1877	14,8	49,6	34,4	32,6	26,0
1878	18,4	47,3	38,2	36,2	30,0
1879	20,4	50,2	34,8	33,0	25,2
1880	19,2	49,7	36,1	33,9	28,6
1902	17,2	49,1	31,5	29,9	25,8
1903	17,8	48,1	30,0	28,3	25,6
1904	15,2	48,6	29,0	28,2	23,2
1905	15,6	44,9	31,8	29,9	27,4
1906	19,2	47,0	29,9	28,1	24,3
1907	17,8	47,2	28,5	26,7	23,2
1908	16,0	44,7	28,3	26,4	24,7

Брачность в первый год турецкой войны упала на 21% ниже средней за предыдущие четыре года, в первый год японской войны – на 13%; рождаемость на второй год пала на 8%, смертность повысилась на второй год войны.

Аналогичные же явления мы видим и во время Сербско-болгарской войны 1885 г., во время Балканской войны 1912–1913 гг., гражданской войны в Америке, а ранее – во время наполеоновских войн и Крымской войны (для населения России).

Естественно, что эти эффекты войны должны были проявиться и в последней войне, и проявиться особенно резко, по причине ее длительности и тяжести. И, действительно, во всех воюющих государствах (кроме Англии) по сравнению с 1913 г. с первого же года войны мы видим резкое снижение брачности.

Движение браков в главнейших странах в абсолютных числах было таково (в тыс.):

Годы	Велико- британия	Франция (17 департаментов)	Италия	Венгрия	Германия
1913	342,6	247	264	195,0	513,3
1914	352,8	169	252,2	153,8	460,6
1915	420,4	75	185,7	68,1	278,2
1916	333,5	108	105,9	62,9	279,1 ⁹
1917	310,5	158	96,6	75,7	–
1918	344,4	177	–	–	–
1919	413,1 ¹⁰	–	–	–	–

Эти абсолютные числа ясно показывают снижение брачности с первого года войны. Исключением является Великобритания. Но если учесть, что в 1914 и 1915 гг. ее армия была очень незначительной, что она была наемной, что только с 1916 г. введена была всеобщая воинская повинность, причем женатые были освобождены от службы, то будет совершенно понятным повышение брачности в 1914–1915 гг., которое в дальнейшем и здесь сменилось ее понижением, хотя и более слабым, чем в других странах.

В процентном отношении брачность, по вычислениям Döring'a, по сравнению с 1913 г. снижалась так:

Годы	Германия	Пруссия, Бавария, Саксония	Венгрия	Франция	Англия и Уэльс	Шотландия
1914	10%	10%	–	31,5	+ 3	+3,9
1915	46%	45%	66,5	69	+ 26	+7,7
1916	–	44,5%	65	56	– 2,3	–6,5
1917	–	38%	58	36	– 9,8	–9,5
1918	–	28%	–	–	–	+2,7 ¹¹

Что касается России, то для всей нашей страны процент снижения брачности в годы войны пока неизвестен. Несомненно только, что снижение имело место. Некоторое представление о нем дает движение брачности для Петрограда и Москвы. Данные для этих городов таковы:

Годы	Петроград	Москва
1912	6,5	5,8 средняя за 1910–1914 гг.
1913	6,3	
1914	6,0	5,5
1915	5,0	4,1
1916	4,7	3,9
1917	8,5	5,3
1918	9,2	7,5

⁹ По данным The Statesman's Year Book. 1919–1921.

¹⁰ Без Ирландии.

¹¹ Döring. Великая война и естественное движение населения // Вестник статистики. 1920, № 5–8, с. 16, 41.

1919	20,7	17,4
1920	27,7	19,6 ¹²
1921 (первая половина)	26,7	–

В этой весьма красноречивой таблице наряду с влиянием революции отчетливо просматривается влияние войны: начиная с 1914 г. брачность снижается вплоть до 1917 г., когда фактически, а потом и юридически мы вышли из войны. Фантастическое увеличение брачности в последующие годы есть результат, с одной стороны, обычного повышения брачности после войны, когда реализуются задержанные – в данном случае на три года – браки, с другой – следствие революции: и юридически, путем изменения законодательства о браке и разводе, и фактически – путем изменения нравов и морали, ослабляющей силу тормозов поведения, ограничивающих половые рефлексы¹³, с третьей – следствие голода и своеобраз-

¹² См.: Красная Москва. 1917–1920 гг. М., 1920, с. 64. Данные для Петрограда привожу по статье С.А. Новосельского, печатающейся в V выпуске «Материалов по статистике Петрограда», которую автор любезно предоставил мне в рукописи. В этой статье даются более точные данные по сравнению с данными, опубликованными им в I–III вып. «Материалов» и являющимися предварительными.

¹³ То же самое замечалось и во всех других революциях, в частности во время революций 1789, 1848 и 1905–1906 гг. (у нас). Революция, растормаживая у населения множество рефлексов, обессиливает и те, которые тормозят половое распутство, легкомысленное отношение к браку и т. п. О том, что это так, свидетельствуют у нас колоссальный расцвет внебрачной половой жизни юношества, небывалый рост разводов, чрезвычайно краткая продолжительность части вновь заключаемых браков и т. п.

На 1 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 развода – число фантастическое, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 было продолжительностью менее одного года, из них 11% – менее одного месяца, 22% – менее двух месяцев, 41% – менее 3–6 месяцев и лишь 26% – свыше 6 месяцев. Беру эти данные из печатающейся в V выпуске «Материалов по статистике Петрограда» статьи С.А. Новосельского. Эти числа говорят о том, что современный легальный брак – форма, скрывающая, по существу, внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои аппетиты.

В этом отношении кривая браков у нас за годы революции, по существу, представляет собой движение кривой внебрачных связей, обычно повышающуюся в периоды революций. Так, в Париже в течение 20 месяцев после закона 1792 г. (о разводе) суды приняли 5 994 решения о расторжении брака, а в VI г. число разводов превысило число браков. Число брошенных внебрачных детей, не превышавшее в 1790 г. 23 000, в X г. было более 63 000^{3*}. Число подкидышей увеличилось до крайней степени. «13–14-летние дети вели себя так, что их слова и поведение раньше были бы скандальными и для 20-летнего человека». «Узда половых инстинктов была ослаблена. Летом, в очередях, разыгрывались сцены человеческой животности и парижского озорства. Девки открыто занимались своим ремеслом. Издали слышался их разнузданный смех; место для них (в тени бульваров) было удобно; многие из них принесли свои матрацы и предаются открыто всякой мерзости... Мужчины... бросаются на женщин и обнимают их одну за другой» и т. д. (*Taine H. Les origines de la France contemporaine. 1885, vol. III, p. 108, 499*). Эттинген, Ваппеус, Энгель и другие статистики констатировали резкий подъем половой распущенности, изнасилований, половых преступлений и внебрачных рождений в 1849 г. Например, внебрачные рождения в Саксонии были в 1849 г. на 14–15% выше, чем средняя за 10 предшествующих лет; *attentats aux mœurs*^{4*} во Франции со 100–200 поднялись до 505 и т. д. Подробности и числа см.: *Oettingen A. Die Moralstatistik. 1882, S. 240, 311.*

ных условий жизни в эти годы, при которых жить в одиночку было труднее, чем вдвоем, с четвертой – следствие некоторых материальных выгод, например, предоставления боевого пайка в качестве приданого женам армейцев и т. д. и пр.

С теми или иными изменениями это снижение брачности за годы войны имело место во всем населении России.

Наряду со снижением брачности произошло резкое снижение и рождаемости во всех воюющих странах спустя 9–10 месяцев после начала войны. Это видно из следующей таблицы, в которой представлены абсолютные числа родившихся за годы войны. Число родившихся (живыми) было (в тыс.):

Годы	Велико-британия	Франция	Италия	Венгрия	Германия	Австро-Венгрия
1913	1 103	604	1 122	736	1 839	1 680
1914	1 102	594	1 114	727	1 819	–
1915	1 125	382	1 109	512	1 383 ¹⁴	1 160
1916	987	315	882	314	1 032	795
1917	851	343	691	297	–	745
1918	850	399	–	–	–	715 ¹⁵
1919	889	–	–	–	–	–

Эти числа ясно показывают резкое падение рождаемости. По косвенным вычислениям Döring'a, рождаемость по сравнению с 1914 г. понижалась в процентном отношении таким образом¹⁶:

в Германии	
с 1 мая 1915 г. по 30 апреля 1916 г.	понижилась на 37%
с 1 мая 1916 г. по 30 апреля 1917 г.	понижилась на 45%
с 1 мая 1917 г. по 30 апреля 1918 г.	понижилась на 52%
с 1 мая 1918 г. по 30 апреля 1919 г.	понижилась на 47%

Годы	В Англии с Уэльсом (по сравнению с 1914 г.)	Во Франции (по сравнению с 1913 г.)
1915	7%	38%
1916	10,5%	58%
1917	24%	58%
1918	24,5%	55%

Тот же процесс имел место и в России. Рождаемость начала падать уже в 1915 г.¹⁷ К сожалению, точных данных для всей России с 1914 г. не имеется. Некоторое представление о падении дает движение о рождаемости за годы войны в Петрограде и Москве. Оно было таким¹⁸:

¹⁴ The Statesman's Year Book. 1919–1921.

¹⁵ Döring. Цит. соч., с. 32–33.

¹⁶ Там же, с. 33–35.

¹⁷ Труды Центрального Статистического Управления, т. I, вып. 3, 2.

¹⁸ Красная Москва, с. 66; статья С.А. Новосельского в V выпуске «Материалов по статистике Петрограда».

Годы	На 1 000 населения родилось в	
	Петрограде	Москве
1912	27,6	1911–1913
1913	26,4	28,9
1914	25,0	31,0
1915	22,5	27
1916	19,1	22,9
1917	17,8	19,6
1918	15,5	14,8
1919	13,8	17,5
1920	21,8	(1 половина) 21,9
1921 (1 пол.)	36	–

По вычислениям Döring'a, если принять 1913 г. в качестве нормы, то снижение рождений к июлю 1919 г. составило в:

Германии	3,6 млн
Австро-Венгрии	3,8
Великобритании и Ирландии	0,85
Франции	1,5
Итого	9,75 млн ¹⁹

Около 10 миллионов рождений потеряли эти четыре страны за год войны. Если же прибавить сюда другие страны, то общая сумма потерянных рождений в самом лучшем случае будет никак не меньше 13–14 миллионов.

Такова вторая жатва войны, не уступающая по величине первой – числу убитых и умерших от ран.

Наконец, чрезвычайно возросла и смертность гражданского населения.

Это видно из следующих абсолютных цифр числа умерших:

Годы	Англия с Уэльсом	Шотландия	Ирландия	Франция (77 департаментов)
1913	504 975	73 069	74 694	588 809
1914	516 778	73 557	71 345	647 549
1915	563 326	81 629	76 169	644 301
1916	508 217	70 640	71 391	607 742
1917	498 922	69 483	72 724	613 148
1918	611 861	78 372	78 685	788 616
1919	504 254	75 141	78 757	–

¹⁹ Döring. Цит. соч., с. 16, 35.

Годы	Италия	Венгрия	Германия	Бавария, Саксония и Пруссия
1913	663 966	485 631	1 004 953	809 600
1914	643 355	506 144	1 052 585	1 008 200
1915	741 043	552 607	1 019 658	1 145 800
1916	721 558	391 820 (?)	964 470	1 030 000
1917	682 311	384 628 (?)	–	1 090 600
1918	–	–	–	127 200
1919	–	–	–	–

За исключением Венгрии, статистические данные которой очень недостоверны, указанное явление выступает во всех государствах.

По вычислениям Döging'a, из-за повышению смертности за годы войны до середины 1919 г. (без прямых военных потерь) Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия потеряли не менее 1,65 миллионов человек.

Что касается России, то пока что у нас нет хотя бы даже приблизительных данных, показывающих рост смертности нашего гражданского населения. Но несомненно, что «смертность с 1916 г. резко возросла»²⁰. Некоторое представление об этом дают статистические данные о смертности в Петрограде и Москве. Они таковы²¹:

Годы	На 1 000 человек умирало	
	В Петрограде	В Москве
1912	22,6	23,1
1913	21,4	
1914	21,5	
1915	22,8	
1916	23,2	20,2
1917	25,2	21,2
1918	43,7	28,0
1919	72,6	45,1
1920	50,6	46,2
1921 (1-я половина)	27,8	(1-я половина) –

В Петрограде с 1915 г. уже заметно убывающее влияние войны, в Москве (если данные точны) оно проявляется позже, но зато делает сразу крупный скачок вверх. Бешеный рост смертности с 1918 по 1920 г. – следствие общей войны плюс войны гражданской, голода и эпидемий.

²⁰ Труды Центрального Статистического Управления, т. I, вып. 3, с. 4.

²¹ Красная Москва, с. 69; статья Новосельского в V выпуске «Материалов по статистике Петрограда».

Несмотря на то, что в 1920 г. коэффициент смертности по сравнению с 1918–1919 гг. понизился по всей России, все же смертность в 1920 г. была выше, чем в 1914 г. Приведу несколько данных²²:

Губернии	на 1 000 человек умирало	
	в 1914	в 1920
Костромская	27,6	49,6
Московская	26,8	40,8
Нижегородская	29,1	33,8
Орловская	26,8	36,4
Пензенская	30,0	40,8
Рязанская	22,3	27,2
Тверская	25,7	27,0
Смоленская	28,3	33,4

Сейчас трудно подсчитать общее число жертв войны во всех воюющих странах, умерших из-за повышенной смертности. Можно только сказать, что благодаря щедрой дани, внесенной в этом отношении Россией, это число становится громадным. Громадным потому, что перепись 1920 г. показала, что население 47 европейских губерний (Советской России и Украины) по сравнению с населением тех же губерний в 1914 г. уменьшилось с 85 000 370 человек до 73 495 897, т. е. на 11 504 473, или на 13,5% – убыль за шесть лет неслыханная для европейских стран Нового времени²³. Вычитая отсюда два миллиона убитых, пропавших без вести и взятых в плен во время общей войны, мы все же имеем дефицит населения в 8 500 000 (если бы даже абсолютно не было прироста и если бы два миллиона жертв приходилось только на эти губернии). Если, по данным Михайловского, характеризующим состав армии и влияние революции, вычестить еще 3½ млн, то на долю повышения смертности за шесть лет войны придется 5 000 000. Присоединяя к ней 1,65 млн, высчитанных Döring'ом для четырех государств, плюс погибших от повышенной смертности за годы войны в других губерниях России и других государствах, мы можем считать эту часть военных жертв равной не менее 8–9 миллионам человек.

Подводя итоги общей убыли населения, причиненной войной 1914–1918 гг. и ее следствиями – в виде гражданской войны у нас, мы имеем общую убыль не менее 32–33 миллионов.

Из них прямых жертв войны	9–10 млн
— " — потерянных рождений	13–14 млн
— " — жертв повышенной смертности	8–9 млн ²⁴

Итого 30–33 млн

²² Статистический ежегодник России. 1916. М., 1918, с. 3–9.

²³ Труды Центрального Статистического Управления, т. I, вып. 3, с. 4.

²⁴ Общие потери четырех государств (Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии) за годы войны Döring исчисляет в 17,1 млн человек. Прибавляя сюда колоссальные потери России за 1914–1920 гг. и других государств, мы получим число никак не меньшее 30 млн.

Конечно, эти числа более чем приблизительны. Но точность нам сейчас не особенно важна. Важно то, что эти числа – едва ли преувеличенные – весьма наглядно рисуют основную роль войны, состоящую в уменьшении населения. Боюсь, что после данной войны довольно трудно будет поддерживать оптимистическое положение, гласящее, что «нормальные колебания смертности вообще больше, чем относительные потери войны»²⁵. И в применении к предыдущим войнам это положение неверно. В применении же к современной войне оно звучит совершеннейшим вздором. Колебание смертности, брачности и рождаемости гражданского населения за эти годы выходит далеко за пределы обычного их колебания в мирное время. Присоединение же к этому урону 6–10 миллионов прямых жертв войны делает резкость и амплитуду этих колебаний совершенно исключительной. За XIX столетие мы не знаем мирного периода, в течение которого за 6–7 лет население европейских государств не росло бы, а уменьшалось, когда смертность не покрывалась бы естественным приростом. За эти же годы население воюющих стран, кроме разве что одной Великобритании, не только не возросло, но резко уменьшилось. Это видно из следующей таблицы:

	Численность населения	
	к концу 1913 г. (млн человек)	к середине 1919 г. (млн человек)
Германия	67,4	65,5
Австро-Венгрия	52,7	49,8
Великобритания	46,0	46,5
Франция	39,7	36,8
Европейская Россия (47 губ.)	85,0	73,0 ²⁶

²⁵ *Steinmetz R. Philosophie des Krieges*, S. 71–72.

²⁶ В России с 1917 г. смертность перестала покрываться рождениями (см.: Труды Центрального Статистического Управления, т. 1, вып. 3, с. 4). Для Петрограда привожу данные более точные, чем приведенные в «Трудах Центрального Статистического Управления».

В 1920 г. на этот счет дело обстояло так:

Приходится на 10 000 жителей

Губернии	Рождений	Смертей	Разница
Черниговская	240	296	–56
Новгородская	240	253	–13
Смоленская	297	334	–37
Тверская	261	270	–9
Московская	245	408	–133
Иваново-Вознесенская	328	463	–135
Костромская	332	496	–114
Нижегородская	249	338	–89
Вятская	162	241	–79
Пермская	190	260	–70
Пензенская	280	408	–128

Довольно цифр. Мы видим, что война – «славно работает». Она «просто и надежно» разрушает гордые узлы тысячи неразрешимых социальных проблем: уничтожает избыток населения, по сравнению со средствами существования, избыток предложения рабочих рук, по сравнению с их спросом, уничтожает «тесноту», разрежает плотность населения и т. д.

Одним словом, если принять, что жизнь существует для смерти, то война в этом отношении оказывает неисчислимы «услуги» человечеству. Она – излюбленное детище и полномочный представитель Ее Величества Смерти и никогда не изменяет своей владычице. Но, если держаться несколько иного взгляда и признать целью жизни жизнь, а не смерть, если согласиться с тем, что «жизнь человека – самоцель» (положение, иногда объявляемое предрассудком если не в теории, то на практике), выводы получатся иные. Потеря миллионов жизней – факт, который неизбежно отражается на всех сторонах общественной жизни. Во-первых, это колоссальная экономическая потеря, растроченная бесполезно. С экономической точки зрения взрослый и работоспособный человек – капитал в самом точном смысле этого слова. Если принять экономическую ценность человека равной 32 000 франков, как это делают некоторые экономисты²⁷, то потеря 20 миллионов взрослых и работоспособных людей равна экономическому ущербу в 640 000 000 000 франков. Не убыточно ли?

Далее, если человеческую энергию оценить как простую энергию физической машины, то, принимая энергию человека-машины, которую он может развить за 10 часов работы, равной 290 000 килограммометров²⁸, а в год $290\,000 \times 365$, то потеря 20 миллионов человеко-машин, если бы все они жили только один год, равна потере 211 400 000 000 000 000 килограммометров. Величина не очень большая, но все же заслуживающая внимания. Если же учесть то, что самый глупый человек и тот представляет собой носителя высших форм энергии («психических») и что жили бы они не один год, а дольше, то эта цифра будет несравненно более крупной.

С одной этой точки зрения (экономически-энергетической) бесполезная потеря 10–20–30 миллионов жизней неизбежно дает о себе знать и в хозяйствен-

Рязанская	254	272	–18
Орловская	242	364	–122
Гор. Петроград	218	506	–288
Гор. Москва	219	462	–248

²⁷ О человеке как капитале и способах определения его экономической ценности см.: *Boag H. Human Capital and the Cost of the War // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, January, p. 7–18; Otlet P. Les problèmes internationaux et la guerre. 1916, p. 26–27; Proudhon P.J. La guerre et la paix.*

²⁸ См.: *Умов Н.А. Физические науки в служении человечеству // Природа. 1913, № 2, с. 149–160.*

ной, и в нехозяйственной сферах общественной жизни. И производительность, и обороноспособность, и творчество народа во всех областях жизни не могут не деформироваться благодаря внезапному выпадению из его рядов миллиона жизней, и, как сейчас увидим, лучших жизней. Затем, остается сам по себе факт смерти миллионов людей. Для меня лично это самый важный факт, имеющий значение безотносительно к экономической точке зрения.

Я не имею возможности в данной статье проследить те последствия в разных областях общественной жизни, которые вызываются фактом резкого чисто количественного уменьшения населения в результате войны. Скажу только, что они весьма серьезны, и этим ограничусь²⁹. А теперь перейдем к качественной стороне дела.

По сравнению с количественным уменьшением населения гораздо более важными являются те качественные изменения, которые вносит война, в частности, в состав населения. С этой точки зрения, война была и остается орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот-навыворот», т. е. уносящей «лучшие» элементы населения и оставляющей выживать и плодиться элементы «худшие». «Лучшие» и «худшие» – термины оценочные. Поэтому условимся, что я понимаю под ними. Под «лучшими» я разумею элементы населения: а) биологически – *более здоровые*; б) энергетически – *более трудоспособные*; в) социально – *более моральные*; г) психически – *более волевые, более талантливые, более одаренные и развитые интеллектуально*.

К этому прибавлю: война уносит больше мужчин, чем женщин.

Нет надобности доказывать трюизм (впрочем, часто забываемый многими), что совершенство общественной организации, преуспевание и творчество общества в разных областях деятельности и исторические судьбы его зависят прежде всего от свойств его членов. Для чертей можно написать идеальную конституцию – и, однако, она останется на бумаге. Общество, состоящее из безгрешных ангелов, может иметь прескверную конституцию или не иметь никакой – и тем не менее общественные взаимоотношения его членов будут прекрасными. Общество, *состоящее из прожженных мошенников или идиотов*, несмотря ни на какие реформы, будет мошенничать и останется духовно бесплодным, пока его члены будут обладать указанными свойствами.

Любое многочисленное общество состоит из членов, которые не равны друг другу ни в каком отношении, не только по своим приобретенным, но и по врожденным качествам; там есть члены мужского и женского полов, старики и дети, здоровые и больные, честные и преступники, гении и идиоты, энергичные, деятельные и сильные люди и индивиды безвольные, слабые, ленивые и т. д.

²⁹ Этот вопрос подробно исследуется мною в четвертом томе «Системы социологии», готовящемся к печати^{5*}.

Легко понять, что для процветания, творчества и исторических судеб общества далеко не безразличным является, какие преимущественно элементы населения уничтожаются войной и какие оставляются ею для выживания и размножения.

Небольшой «бухгалтерский» подсчет дает ответ на этот вопрос.

1. Коса военной смерти уносит прежде всего наиболее *трудоспособные возрасты* населения. В армию берутся люди от 18 до 45–50 лет, старики и дети оставляются. Следовательно, на войне гибнут прежде всего и больше всего самые трудоспособные слои общества, и за счет их относительно распухают слои нетрудоспособные³⁰.

2. *Война уносит преимущественно более здоровых, чем менее здоровых.* Это следует из того, что больные, слепые, хромые и «чающие движения воды»^{6*}, т. е. лица биологически дефектные, «бракуются» и в армию не попадают; последняя составляется из людей наиболее здоровых. Война вырывает свои жертвы – особенно прямые жертвы – преимущественно из последних. На полях битв течет поистине лучшая биологически кровь народа. Те 9–10 миллионов, которые погибли в битвах современной войны, выхвачены именно из наиболее здоровой и трудоспособной (18–50 лет) части населения.

3. *Война уносит преимущественно мужчин, а не женщин и нарушает половой состав населения в пользу последних.* Современные армии – *мужские сообщества, следовательно, в войне гибнет прежде всего мужская половина человеческого рода*, женская – лишь постольку, поскольку она задевается повышенной смертностью гражданского населения. Данная война во всех воюющих странах в силу громадной гибели мужчин вызвала резкий перевес женской половины в составе населения.

На 1000 мужчин приходилось женщин³¹:

	во всех возрастах		в возрасте 18–45 лет	
	в 1913 г.	в 1919 г.	в 1913 г.	в 1919 г.
Германия	1 024	1 090	1 005	1 180
Австро-Венгрия	1 027	1 092	1 048	1 230
Великобритания	1 069	1 094	1 078	1 175
Франция	1 036	1 120	1 017	1 230
в Москве в 1912 г.	843	1 048	–	–
в Петрограде в 1910 г.	915	1 250		
в Европ. России до войны	1038	1 250 ³²		

³⁰ Возрастной состав населения России в 1920 г. еще не опубликован. Имеющиеся в моем распоряжении данные по отдельным губерниям и уездам говорят о колоссальном опустошении возрастных слоев 19–30 лет.

³¹ *Döring*. Цит. соч., с. 16, 43; Красная Москва, с. 55–56; Материалы по статистике Петрограда, вып. III, с. 5–7. Труды Центрального Статистического Управления, с. 167; *Annuaire international de statistique*. 1916, p. 43.

³² По 42 губерниям Европейской России.

«Избыток женщин почти во всех государствах увеличился более чем в три раза. В Германии он вырос с 840 000 почти до 2,8 млн, в Австро-Венгрии – с 700 000 до 2,2 млн, в Англии – с 1,3 млн до 2,1 млн, во Франции – с 700 000 до 2,1 млн». Состав населения, говоря грубо, «обабился». Особенно сильно он «обабился» у нас: помимо общей войны, война гражданская сыграла здесь немалую роль. Некоторые статистики утверждали, что зато после войны этот дефицит мужского пола вполне компенсируется ростом мужских рождений за счет женских. Действительность это мнение не подтверждает. Такого избытка мужских рождений не замечалось ни после Франко-прусской войны, ни после Русско-японской, не замечается и теперь³³.

4. Война уносит преимущественно морально здоровые элементы и оставляет выживать элементы морально негодные, преступные. Почему? Потому что преступники, как правило, в армию не допускаются и не берутся. Стало быть, они риску гибели на войне не подвергаются, а следовательно, имеют больше шансов на выживание, чем морально здоровые элементы населения. Более того. Это положение можно сформулировать и иначе. На войне, при равенстве прочих условий, людей с глубоким сознанием долга перед страной, родиной, своей группой гибнет больше, чем лиц, лишенных такого сознания. Первые в силу глубоких моральных импульсов не уклоняются от риска, не стараются «окопаться» в тылу, увильнуть от фронта или занять безопасное место. Они идут на риск, если он нужен. Они идут на смерть, если она необходима. Иное дело «шкурники»: они всеми правдами и неправдами окапываются в тылу, пытаются уклониться и увильнуть от риска и опасности, словом, имеют больше шансов на сохранение жизни, чем первые. «Леонид и триста спартанцев» погибали и гибнут, а шкурники, мародеры и «тыловые герои» выживают. Это в одинаковой степени относится как к гражданской, так и к межгосударственной войне, но особенно к первой. Опыт и прошлых, и современной гражданской войны показывает, что с той и другой стороны гибнут честные и убежденные бойцы, шкурники – выживают.

5. *Война прямо и косвенно пожирала в большей степени духовно одаренных (более волевых, более развитых, более талантливых), чем неодаренных.* Старый римский лозунг гласит: *Parcere subjectes et debellare superbos!* (щадите покорных и добивайте гордых)^{7*}. Этот лозунг в древних войнах выполнялся неукоснительно. Все наиболее сильное, гордое, волевое, одаренное, что могло бы представлять опасность для другой стороны, победителем избивалось. Выживал материал второго и третьего сорта. Не потеряло это положение своего значения и для нашего времени. Не потеряло, потому что, говоря словами Леонарда Дарвина,

³³ См.: *Nixon S.W.* Op. cit., p. 435–437, 442; *Новосельский С.А.* Указ. статья в V-м выпуске «Материалов по статистике Петрограда».

«люди, из которых составляется армия, по своим свойствам в среднем значительно выше остальной массы населения, остающейся дома»³⁴.

Если это так, то гибнут в первую очередь именно они, а не вторые. Далее, возьмите современную войну. В ней участвовали и белые, и цветные народы. Но процент гибели последних был сравнительно ничтожен по сравнению с белыми³⁵. Между тем едва ли подлежит сомнению, что одаренность белой расы гораздо выше, чем других рас.

Беру Россию. Война унесла здесь 11½ млн жителей из 47 губерний Европейской России и только ½ млн жителей Азиатской России, иными словами, из населения Европейской России она поглотила почти $\frac{1}{7}$ часть, из населения же Азиатской России (Северного Кавказа, Киргизии и Сибири) – только $\frac{1}{30}$. Опять-таки едва ли коренное население Европейской России, особенно ее центра, не выше по своим качествам, развитию и одаренности, чем инородцы Азиатской России, не привлекавшиеся к обязательной воинской повинности³⁶. Иными словами, *война обессилила белую, наиболее одаренную расу в пользу цветных, менее одаренных; у нас – великорусов – в пользу инородцев, население Европейской России – в пользу азиатской, которое, за исключением сибиряков, и более отстало, и более некультурно, и едва ли не менее талантливо вообще.*

Обратите далее внимание на то, что в самой армии процент гибели офицерского и командного состава, начиная с унтер-офицеров, по сравнению с процентом гибели рядовых солдат почти всегда значительно выше³⁷. А едва ли подлежит сомнению, что в общем и целом по развитию и культурности офицерский состав, начиная с «унтеров и фельдфебелей», значительно выше рядовой солдатской массы. Это мозг армии, ее душа, ее выжимки и ее культурная аристократия. Большой процент ее гибели еще раз подтверждает сформулированное положение. Далее, *всевозможные ответственные и опасные поручения в армии во время войны даются опять-таки людям и группам, наиболее одаренным: смелым, инициативным, талантливым, надежным и развитым.* Этим самым увеличиваются шансы таких слоев на гибель. Храбрые и отважные люди идут на риск и гибель, трусы и дряблые телом и душою, инвалиды стремятся укрыться в более безопасные места.

Правда, в последнее время ученые, писатели, художники и вообще «цвет и мозг страны» освободились от призыва в армию. Поэтому они, по-видимому, не должны были бы гибнуть от «бича войны».

³⁴ Darwin L. On the statistical enquiries needed after the war in connection with eugenics // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, March, p. 164.

³⁵ Во Франции, например, убито и умерло от ран: белых – 1 390 600, черных – 67 000 человек, ранено белых – 2 560 000, черных – 140 000.

³⁶ См.: Труды Центрального Статистического Управления, с. 3–4.

³⁷ Например, во Франко-прусской войне в прусской армии из каждой тысячи офицеров погибло 89, из тысячи солдат – 45 (Mulhall M.G. Op. cit., p. 818). То же самое происходило и происходит и в других войнах.

Но такое освобождение отнюдь не повсеместное явление. За эту войну во всех странах они мобилизовались или шли добровольно. Итог получается довольно печальный. «С самого начала войны число студентов Кембриджа уменьшилось на 80%, а к маю 1915 г. 380 из них было уже убито и 500 ранено. Это дает точное представление о степени того участия, которое принимали в войне университетские люди. Так как эти люди представляют собой избранный класс общества, то не следует забывать, что чем выше положение по шкале заслуг и талантов занимает тот или иной слой людей, тем меньше их количество»³⁸. По Гальтону, для английского общества на 1 000 000 населения таких лиц приходится всего около 2 000, а профессоров и ученых – и того меньше³⁹. Если за полгода войны погибло 380 студентов Кембриджа, а за всю войну число убитых англичан (с колониями) было менее миллиона, то мы с полным на то основанием можем заключить, что *процент гибели умственно квалифицированных лиц был здесь гораздо выше, чем рядовой массы населения*. Такая картина была в Германии, во Франции и других странах, в том числе и в России. У нас процент лиц с высшим образованием и до войны был ничтожен. Война мобилизовала большую часть студентов и молодых ученых. В учебных заведениях почти не осталось мужской учащейся молодежи призывного возраста. Хотя в моем распоряжении и нет соответствующих данных, но я не побоюсь утверждать, что и у нас война унесла умственно квалифицированные элементы населения в большем проценте, чем неквалифицированные.

В целом ряде научных изданий Запада я видел длинные списки ученых и студентов, погибших на войне. В числе их погибли лица с крупными именами. То же самое было и у нас. И кто знает, правильно говорит Дарвин, не было ли среди них нескольких будущих Фарадеев и Герцев. Погибли последние в свои молодые годы – и история XIX в. была бы во многом иной. То же самое можно сказать и о тех Фарадеях нынешней войны, которые погибли, не успев расцвести. Укажу и еще на одно обстоятельство, вызывающее большую гибель во время войны умственно и духовно квалифицированных лиц. При длительной и тяжелой войне ее тяготы сильнее всего среди гражданского населения падают на «умственный пролетариат», на интеллигенцию: ее доходы (богатые представители «умственного пролетариата» в счет не идут) менее всего растут при подорожании, а потому нужда затрагивает этот слой всего сильнее. Поэтому смертность его должна повышаться в пропорциональном отношении значительно, чем смертность других слоев. Этому способствует повышенная острота реагирования этой группы на явления, вызываемые войной. Между тем «мозгом страны» и является как раз этот слой. Нечего и говорить о том, что при разрухе,

³⁸ Darwin L. Op. cit., p. 160.

³⁹ См.: Galton F. Hereditary Genius. 1892, p. 30–31.

подобной нашей, вызванной шестилетней войной, процент гибели и смертности интеллигенции гораздо выше, чем рядовых слоев. Если, например, общая смертность в Петрограде в 1919 г. повысилась по сравнению с 1913 г. в $3\frac{1}{2}$ раза, то смертность среди ученых Петрограда повысилась по сравнению с нормальным временем в шесть с лишним раз. Мы и так бедны были умственно квалифицированными и просто грамотными людьми. После войны мы в этом отношении и абсолютно, и относительно стали еще беднее.

Сказанного достаточно, чтобы признать доказываемый тезис правдоподобным в применении ко всякой значительной войне. *В применении же к войне гражданской он совершенно бесспорен.* Всякая гражданская война особенно убийственна в этом отношении. Она по своему существу представляет косу смерти, нарочито уничтожающую с обеих сторон самые одаренные, самые талантливые, сильные, волевые и развитые элементы. Изучите историю гражданских войн Афин и Рима, английской и французской революции, осознайте опыт и итоги нашей гражданской войны, и вы увидите, что в ней процент гибели «лучших» – даровитых трибунов и политиков, ораторов и ученых, художников и полководцев, словом, лиц квалифицированных – несравненно выше, чем процент гибели рядовой массы. В то время, как Поликраты, Гиппии и Гиппархи, Эфиальты и Клеоны, Алкивиады и Критии, Ферамены и Сократы, Эпаминонды и Муции Сцеволы, Кориоланы и М. Манлии, Гракхи и Спартаки, Ливии Друзы и Катилины, Помпеи, Цезари и Антонины, Лавуазье и Мараты, Робеспьеры, Дантоны, Кондорсе, Шенье и другие выдающиеся люди, вожди, мыслители, поэты и ученые, каковых приходится несколько единиц, а то и один (например Лавуазье) на миллион рядовой массы, в то время, как они гибнут десятками, рядовые роялисты, якобинцы, вандейцы, жирондисты^{8*} выживают и дают процент гибели несравненно меньший, чем эти *élites*^{9*}. Гражданская война в этом отношении была и остается одинаковой. Она безжалостна и бьет прежде всего *élites* обоих лагерей, т. е. лиц, выдающихся из рядовой массы. Это общее правило подтверждает и опыт нашей гражданской войны. Общее число ее жертв огромно: оно едва ли уступает числу русских жертв «великой» войны. Но качественный урон, причиненный ею, несравненно грандиознее урона последней. Процент *élites*, унесенный ею, гораздо выше процента *élites*, пораженного общей войной. Если все количество убитых в нашей гражданской войне равняется 1 млн человек, как думает Михайловский⁴⁰, и если принять во внимание, что в это число вошли и умственно квалифицированные лица, каковых у нас насчитывалось менее одной тысячи на миллион человек, то можно себе представить, как отражается на интересах народа гибель каждого десятка этих *élites*, к какому бы стану они ни принадлежали.

⁴⁰ См.: Труды Центрального Статистического Управления, с. 4–5.

Римская гражданская война обескровила население Рима⁴¹; то же самое сделала Французская революция⁴²; то же произошло и у нас.

Мы обескровлены теперь умственно одаренными, развитыми и квалифицированными элементами. Огромный процент их убит, часть покончила с собой (геолог Иностранцев, проф. Хвостов и др.), часть вымерла от голода, холода и тяжелых условий жизни (Шахматов, Тураев, Блок и др.).

Помимо прямого убийства гражданская война опустошает эти слои и косвенно: тем, что принуждает эмигрировать уцелевших *élites* и неубитых заключает в тюрьмы, где они умирают медленной смертью. Какие последствия для страны имеют такие массовые эмиграции, об этом свидетельствуют опыты массового изгнания «еретиков» из Испании, гугенотов из Франции^{10*} и т. д. Ко всему этому прибавьте и то, что наряду с уничтожением перечисленных элементов война ранит, калечит и портит огромный процент этих «лучших» и возвращает их населению в негодном виде. Данная война облагодетельствовала человечество миллионами таких «порченных» особей, кормильцев, ставших «обузой» для остального населения. Прибавьте, далее, снижение жизнеспособности у остального населения (от лишений, горя, тревоги за близких и т. д.) – и качественное влияние войны на население станет довольно ясным.

Итог этого «бухгалтерского» подсчета таков. *Если мы называем «лучшими» элементами населения более здоровых, более трудоспособных, более моральных, более развитых, одаренных, волевых и умственно квалифицированных, то война вообще и гражданская война в частности уносит больше всего именно этих элементов. Коса смерти выхватывает преимущественно их и оставляет жить, плодиться и размножаться больных и калек, стариков и старух, преступников, шкурников, трусов, безвольных, менее одаренных и более невежественных лиц.*

«Дайте лучших!» – гласит римский призыв к народу, требовавший солдат. В этом призыве глубокая правда. Война берет поистине лучших. Военная слава дорого стоит. За нее приходится платить не воображаемой, как в сказках при продаже души черту, а подлинно лучшей кровью и самой дорогой частью души народа.

Таково качественное влияние войны на состав населения. Как видим, это влияние поистине убийственно.

Но мало того. Бенджамин Франклин был прав, когда говорил: *по векселям войны главные платежи приходится платить не столько во время войны, сколько после нее.* Убийственный качественный урон, производимый войной во время самой войны, – капля в море по сравнению с общим ущербом, вызываемым ею. Есть в мире явление, вызываемое *наследственностью*. Суть его можно выразить

⁴¹ См.: Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Пг., 1918, с. 38–39, 41–43, 86–87.

⁴² См.: Taine H. Les origines de la France contemporaine. La conquête jacobine et le Gouvernement révolutionnaire (livre 4-ème, chap. I этого последнего тома).

следующим образом: *каковы семена, таковы и плоды, такова и жатва*. Война пожирает не только лучших производителей, но и их потомство. Оставляя жить и плодиться второстепенный и третьестепенный человеческий материал, она через него способствует выживанию и расцвету потомства этой человеческой слякоти. В силу наследственности оно и физически, и духовно будет второстепенным и третьестепенным, следовательно, и народ будет состоять из материала второго и третьего сорта. «Плохи семена – плоха и жатва». «Худшие», которые, если бы война не произвела своего отбора, в силу конкуренции были бы оттеснены на второй план, теперь, поскольку они выжили, занимают первые места. Они делаются производителями потомства. Они дают кровь, которая начинает течь в жилах народа. Кровь же «лучших» пропадает бесплодно на полях битв. В этом отношении война похожа на огородника, который выпалывает с гряд лучшие семена и оставляет на них сорную траву. Конечно, при таком отборе на грядах расцветет последняя; она займет все место, вытеснит «лучшие» овощи и изменит весь растительный мир огорода. Таким именно огородником является война, систематически, безжалостно выпалывающая лучших на протяжении истории воюющего народа. Лапуж подсчитал, что если мы имеем народ, состоящий из двух равных групп с одинаковым числом семейств, но разным количеством рождений в семьях (в первой группе в семьях рождается по три человека, во второй – по четыре), то через триста лет, размножаясь в той же прогрессии, они совершенно видоизменяют состав народа. На 93% он будет состоять из потомков второй группы. Этот подсчет показывает, насколько кардинально война может изменить к худшему расовый состав часто воюющего народа на протяжении нескольких столетий.

Чем чаще и чем сильнее народ воюет, тем резче и быстрее ухудшается его состав и тем пышнее расцветает жатва «плохих семян». Нет ничего более неверного, чем слова о том, что «война порождает героев и лучших». Напротив, выпалывая, она убивает их.

Этот ущерб войны не возместим и не вознаградим ничем. Когда-то Наполеон, которому показали множество убитых на поле битвы, сказал: «Одна ночь Парижа возместит все это». – «Нет, Sir, – можем мы ответить ему и любому вождю, – не только одна ночь, но и тысячи ночей Парижа не могут возместить эту гибель лучших производителей. Если количественный урон людей может быть восполнен плодами “слякоти”, то качественный ущерб в виде погибших “лучших семян” не возместим ничем и никак. Это “свыше сил человеческих”. Все ночи Парижа могут дать обильный урожай “сорной человеческой травы”, а не жатву первосортных “сынов человеческих”».

Отсюда понятна та деградирующая роль войны, которую она играла и играет в истории народов. Чем сильнее народ воюет, тем быстрее он слабеет даже в военном отношении. Правильно сказано в Библии: *Dissipatae gentes quae bella*

volunt^{11*}. Всего дольше живут и сохраняются народы невоюющие, примером которых может служить еврейский народ. Его долговечность, его богатство талантливыми людьми – следствие ряда причин, среди которых едва ли не первое место принадлежит тому, что он не участвует в войнах. Его «лучшие» сыны не гибнут бесплодно, а выживают и вытесняют среди евреев потомство «худших».

Опыты истории дают нам поучительные уроки и противоположных явлений. Изучение расового состава древних греков и римлян показывает, что он был одним из самых лучших. Исследование Гальтона показывает, что один гений первой величины у греков – в Афинах – приходится на 4 822 или даже на 3 214 рядовых людей, а в Англии он приходится на один миллион населения⁴³.

Если столь превосходен был изначальный расовый материал этих народов, то мудрено ли, что они в первый период своей истории проявляли колоссальное творчество во всех отраслях жизни, необычайную энергию, чудеса храбрости, долга, воли, силы ума, находчивости – и сумели покорить множество народов. Но чем больше они воевали, тем быстрее гибли «лучшие», тем энергичнее выживали «худшие», тем резче деградировал расовый состав этих народов. Постепенно «господами положения» стали плоды «сорной травы», неспособные не только продолжать достижения «лучших», но даже поддерживать их на достигнутой высоте. Декаданс был неизбежен. И мы видим, как именно после войны с персами и войны Пелопоннесской звезда Греции начинает гаснуть, как именно после войны с Карфагеном и войн гражданских Рим теряет свободу, перейдя от республики к цезаризму, перестает расширять свои владения и начинает деградировать. Войны II и III вв. по Р. Х. окончательно его доконали и привели к полному упадку. Изучение расового состава высшего общества Рима показывает, что даже в его высших слоях кровь древних римлян исчезла: она заменена была кровью рабов, вольноотпущенников и варваров⁴⁴.

Это деградирующее влияние войны замечалось и позже. Ряд исследователей Швейцарии утверждает, что население тех кантонов, которые в древности поставляли наемные войска, до сих пор по росту ниже населения кантонов, не делавших этого. Известно, далее, что после революционных и наполеоновских войн рост французских новобранцев между 1816 и 1836 гг. значительно понизился (данные Виллерме, Фуассака, Брока и др.), равным образом повысился и процент бракуемых новобранцев вследствие болезненности, недоразвитости, телесных недостатков и других изъянов⁴⁵. Заслуживает указания и то обстоятель-

⁴³ Galton F. Hereditary genius, p. 329–330.

⁴⁴ См.: Seeck O. Geschichte der Unterganges der antiken Welt; *Постовцев М.И.* Цит. соч.; Jourdan D.S. La moisson humaine // *Revue internationale de sociologie*. 1911, p. 673–712; *Fahlbeck P.* La décadence et la chute des peuples // *Bulletin de l'Institut International de statistique*, vol. XV, livre 2, p. 367–389; *Lapouge V.* Les sélections sociales. 1896 (гл. о военном отборе).

⁴⁵ Сводку работ по этому вопросу см.: *Анучин Д.Н.* О географическом распределении роста мужского населения России. СПб., 1889, с. 25–26.

ство, что солдаты Наполеона при Ватерлоо были не те рослые и здоровые гренадеры революционных и первых наполеоновских войн, а дряблкое поколение, родившееся в 1793–1794 гг., когда Франция успела уже потерять значительную часть своих «лучших», когда остальная их часть была на войне, а размножалась и плодилась «слякотью». Никакой военный гений не мог сделать из потомства слякоти первосортный как в военном, так и в других отношениях материал. Поражение при Ватерлоо красноречиво подтверждает это.

То же самое следует сказать и о населении Парижа, родившемся после германской и гражданской войны 1870–1871 гг. Это поколение было столь дефектно во всех отношениях, что его представители получили даже специфическое название «детей осады».

И наоборот. Народы, долго не воевавшие, даже в военном отношении сильнее народов милитаристских. Примером могут служить Соединенные Штаты Америки, на протяжении своей истории знавшие только две крупные войны: за независимость и за освобождение негров. После сказанного не приходится удивляться ни прекрасному материалу заатлантической республики, ни ее расцвету и быстрому развитию, ни той быстроте, с какой она сумела развернуть громадные военные силы за эти годы и стала гегемоном мира. Не случаен был и быстрый расцвет Японии в XIX в. Этот век для нее в общем и целом был периодом мира. В 1905 г. она победила нас не потому, что много воевала, а потому, что до этого долго не имела крупных войн. Последняя война ее почти не задела; мудрено ли, что она сейчас начинает развиваться и прогрессировать семимильными шагами⁴⁶. Мудрой была и политика Англии, умевшей всегда щадить свой человеческий материал и вынимать каштаны из огня чужими руками.

Небезынтересно с этой точки зрения взглянуть и на нашу историю. Роковая печать военного отбора лежит на всем ее протяжении. Мы были и остаемся милитарным народом. Мы воевали постоянно и тратили своих «лучших» чисто мотовским образом. По данным Mulhall'я, за пятьдесят лет с 1828 по 1880 г. мы потеряли убитыми 664 000 человек – число, превосходящее военные потери всей Европы за эти же годы. До этого мы понесли грандиозные потери при наполеоновских войнах, далее идут войны Павла, Екатерины, Елизаветы и непрерывные войны Петра. Словом, войны, войны и без конца войны – такова наша история. Я полагаю, что расовый материал первоначального населения Руси – Киевской,

⁴⁶ Для такого конкурента, как США, Япония не очень опасна: человеческий материал США, также мало ослабленный войной, превосходит по качеству и выдержит конкуренцию с Японией, но для нас – после гибели лучших на войне и в революции – боюсь, конкуренция будет не по силам. Появление теперь Японии в Сибири и на Дальнем Востоке – не случайность. Оно знаменует вытеснение нас, как более слабых, этим качественно усилившимся соседом. Здесь завязывается узел новой и длительной борьбы двух рас, и боюсь, что история вынесет свой приговор не в нашу пользу.

Суздальской и Московской – был превосходен: если бы он был плох, то мы давно уже должны были бы исчезнуть, должны были бы отстать не так, как мы отстали, и выродиться в гораздо более сильной степени, чем теперь. Только превосходным первоначальным расовым составом и можно объяснить то, что, несмотря на непрерывные войны, мы все же держались до последнего времени, и за мирное время царствования Александра III и отчасти Николая II стали даже заметно оправляться. Тем самым я хочу сказать: если мы отстали, темны, невежественны, менее энергичны, менее талантливы, чем передовые европейские народы – ищите одну из причин этого в наших бесконечных войнах. Не будь их, будь они реже, я уверен, что наша история была бы иной: мы шли бы наряду с самыми развитыми народами. Некоторые эпохи в этом отношении были поистине роковыми для нас. Одной из них является эпоха Петра, «мироеда, переешшего весь мир». Поистине трудно назвать другого человека, который причинил бы такой ущерб нашему населению. Своими непрерывными войнами и весьма пышными с виду преобразованиями, из которых, однако, пользы для народной массы вышло очень мало, он погубил весь цвет «лучшего» населения России, не менее 30% всего его мужского, работоспособного населения⁴⁷. Внешнее величие России он купил ценой, стоившей всей ее будущности. В последующем это и сказалось в усилении рабства, в столетнем топтании на месте в деле культурного развития масс и во многом другом, вплоть до нашего времени.

К сожалению, здесь я не могу пускаться в интерпретацию нашей истории с точки зрения влияния войны на исторические судьбы России. Скажу только, что влияние это было роковым. Итоги ему подвела последняя Русско-японская война. Она показала, что наше величие – мнимое, что наша культура – показная, а наше невежество – безбрежно. Последние войны нас доконали. Можно восстановить разрушенные фабрики и заводы, села и города, через несколько лет снова будут дымить трубы, зазеленеют поля, голод исчезнет – все это поправимо и может быть возмещено. Но последствия отбора общей и гражданской войны – необратимы и невозместимы. Настоящие платежи по их вексялям – в будущем, когда вырастут поколения выжившей «человеческой слякоти». «По плодам их узнаете их»^{12*}. «Люди, люди – это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, так как они не продаются и не покупаются, а только веками выделяются; ну, а на века надо время» (Ф.М. Достоевский). Будут доброкачественные по прирожденным свойствам люди – будет и бывшее величие и культура, будет и международный вес. Не будет «настоящих» людей – не будет и этих атрибутов величия или они будут мнимыми, которые сорвет первый ветер истории и первый встречный озорник. На-

⁴⁷ См.: Миллюков П.Н. Государственное хозяйство России. СПб., 1905, с. 184–185; Клочков М.В. Население Россия при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911.

стоящих людей у нас и так было мало. Теперь мы обречены на хронический их недород. Разве что длинный ряд мирных лет может несколько поправить дело. Иначе – *Lasciate ogni speranza*⁴⁸. За недостатком места я не буду говорить о том ухудшении населения, которое вызывает война своими лишениями – голодом, нуждой, горем и страданиями. Ослабление жизнеспособности населения, о котором свидетельствуют огромный рост эпидемий и заболеваемости населения и повышение смертности, обычно наступающее в годы долгой войны или по ее окончании, – факт, также чреватый последствиями. Особенно важное значение имеет в этом отношении ослабление жизнеспособности молодого поколения. После всего сказанного понятно, почему такие глубокие социологи, как Ле Пле, говорили и непрестанно повторяли: мир – основное условие благоденствия, счастья и процветания. Самый худой мир лучше доброй ссоры. «Мир, мир и мир», – не уставал повторять этот гениальный старик и с этими словами умер⁴⁸. Это положение нам особенно следовало бы запомнить. И оно было бы усвоено и проведено в жизнь, если бы люди были разумными существами, руководствующимися мудростью. Но, увы! В своем поведении и истории люди вместо $2 \times 2 = 4$ предпочитали $2 \times 2 = 5$. Так было до сих пор. Так, полагаю, еще долго будет и впредь. Это звучит парадоксом, но – увы! – не столь далеким от действительности⁴⁹.

2. Влияние войны на свойства населения

В предыдущем разделе я охарактеризовал влияние войны на состав населения. Теперь в двух словах очерчу *ее влияние на поведение выживающих людей, на их свойства и поступки, или рефлексy*. И в этом отношении влияние войны огромно. Она полностью деформирует поведение, переживания и поступки как самих воюющих армий, так и гражданского населения. Эта деформация покоится на биологическом принципе: *функция создает орган; выполняемый акт рикошетом отражается на душе и организме его исполнителя*. Только наивные люди могут думать, что совершаемые нами акты проходят для нас (и для других) бесследно. Это не так. «Каждый поступок, каждое слово, брошенное в этот вечно живущий и вечно творящий мир, это – семя, которое не может умереть»⁵⁰. Наши действия рикошетом накладывают штамп на нас самих, по своему образу

⁴⁸ См.: *Ле Пле Ф.* Основная конституция человеческого рода. М., 1897.

⁴⁹ Более подробное развитие отдельных положений о роли военного отбора см. в следующих работах: *Novicow J.* Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives. Paris, 1904; *Lapouge V.* Les sélections sociales. 1896; *Vaccaro M.* Les bases sociologiques du Droit et de l'Etat. Paris, 1898; *Nicolai G.F.* Die Biologie des Krieges. Zürich, 1919; а также указанные работы Jourdan'a, Otlet и др.

⁵⁰ *Карлейль Т.* Sartor Resartus. М., 1902, с. 41.

и подобно преобразуют нашу душу, тело и все поведение⁵¹. Тем более относится это к актам и поступкам, прививаемым войной.

Являясь по существу полной противоположностью мирной жизни, война и населению прививает свойства и формы поведения, которые совершенно противоположны формам поведения в условиях мирной жизни. Мирная жизнь тормозит акты убийства, насилия, зверства, лжи, грабежа, шпионства, подкупа, обмана и разрушения. Война, наоборот, требует их, прививает эти рефлексy, вызывает их к жизни и всячески благоприятствует их успеху. Убийство, разрушение, насилие, подкуп, ложь, обман и разорение врага она возводит в доблесть, в заслугу; того, кто совершает такие поступки, она возводит в герои, вместо наказания – награждает за них, вместо порицания – дарит славой. Мирная жизнь развивает инициативу, продуктивную работу, творчество, личную свободу; война вызывает беспрекословное подчинение, безответственную покорность (дисциплина), душит личную инициативу и личный почин («повинуйся, а не рассуждай!»), аннулирует личную свободу (военные положения, суды и безапелляционные приказы), прививает и приучает к чисто разрушительным актам, отрывает и отучает от мирного продуктивного труда. Мирная жизнь внедряет в население и укрепляет в нем переживания и навыки благожелательного отношения к людям, любви, уважения к личности, ее правам, свободе и достоянию. Война – это аппарат, направленный на искоренение в людях этих рефлексов и переживаний, аппарат прививающий и укрепляющий переживания и рефлексy злобы, ненависти, разрушения, неуважения к жизни, свободе, правам и достоянию личности.

Мирная жизнь создает условия и благоприятствует могучей работе мысли в области науки, искусства и культуры вообще. Война душит ее. Она накладывает оковы на свободу мысли, гнетет ее и давит тысячами путей и способов.

«Где борьбу решает насилие – будь то насилие пушек или грубое насилие нетерпимости, – там победа мудрых, положительная селекция по силе ума (и самая работа мысли) затрудняется и становится невозможной»⁵². Своими эксцессами она выводит из равновесия нервную систему населения и повышает процент душевнобольных⁵³. Своими лишениями и обеднением она материально или механически затрудняет рост науки и культуры. Словом, способствуя биологической и моральной деградации населения, война способствует и интеллектуальной его деградации.

⁵¹ Подробнее см.: *Сорокин П.А.* Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности. 1921, № 3; *Сорокин П.А.* Система социологии, т. I, с. 176–193, т. II, с. 149–161.

⁵² *Nicolai G.F.* Op. cit., S. 83–84.

⁵³ О повышении душевной заболеваемости в Петрограде за годы войны см.: *Горовой-Шалтан В.А.* К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Врачебное дело, 1 февраля 1921; *Осипов В.П.* О душевных заболеваниях в Петрограде // Известия здравоохранения Петроградской трудовой коммуны. 1919, № 7–12.

Такова вкратце деформирующая роль войны в этом отношении. Было бы чудом, если бы она прошла бесследно для населения. Было бы чудом, если бы убийца и зверь во время войны мог не являться им и после войны, было бы странно, если бы отрицание жизни, прав, ценности человека, его свободы и достоинства, воспитываемые войной, особенно длительной, не проявлялись бы так или иначе и после войны. Было бы непонятно, если бы стадность, рабское повиновение «пьяных илотов»^{14*}, грубая сила как верховный судья, игнорирование права и морали, разрушительные инстинкты и другие детища войны не дали себя знать и после нее. Не удивляйтесь же, если после крупных войн вы встречаетесь в стране с повышением преступности, с бандитизмом, с группами отвыкших от мирного труда грабителей и наемных убийц, разрушительными актами масс, с расцветом насилия, с ослаблением и крушением права и морали, с падением мирного труда и его продуктивности, со спекуляцией, ложью и обманом, с бунтами и массовым разгулом грубой силы, с имущественными захватами, с общим обеднением, одичанием, озверением и ростом невежества. Ищите их причины в войне. Она их породила и не может не породить. Они – ее детища, плоть от плоти и кость от кости. Создающий войну – создает и их.

Особенно сильны подобные эффекты в случае гражданской войны. В смысле деформации поведения населения ее результаты гораздо более горькие, чем результаты общей войны.

Нужно ли говорить, что это изменение поведения населения, вызываемое войной, нередко порождает настоящие социальные катаклизмы и всегда проявляется в крупнейших сдвигах в области общественной жизни.

3. Влияние войны на общественную организацию

Теперь в двух словах очерчу влияние войны на общественную организацию. Если война изменяет состав населения и его свойства, то она не может не менять и самой структуры общества. *Главнейшее следствие войны в этой области состоит в том, что она деформирует организацию общества в сторону военного социализма.*

Под идеальным или предельным военно-социалистическим обществом я разумею агрегат, характеризующийся: 1) беспредельно-неограниченным объемом правительственного вмешательства, опеки и регулирования всей жизни и взаимоотношений подвластных, начиная с отношений экономических и кончая отношениями религиозными, правовыми, эстетическими и т. д.; 2) ничтожным объемом автономии и самоопределения подвластных во всех сферах поведения и взаимоотношений; 3) в известной мере – уравнительным деспотизмом. В таком обществе власть неограниченна. Нет границ объема ее вмешательства

в жизнь граждан и ее регулирования. Усмотрению и автономии подвластных здесь нет простора. Как солдаты в строю, они имеют только одну обязанность – безусловно повиноваться велениям власти. Они не автономные личности, а манекены, приводимые в движение издаваемыми повелениями. Сообразно с этим о свободе личности здесь не может быть и речи. Равным образом исчезает частная инициатива, неприкосновенность прав собственности и т. д. Говоря юридическим языком, в таком обществе совершенно нет частно-правовых отношений, а все отношения здесь имеют публично-правовой характер. Сами же публично-правовые отношения обычно характеризуются при этом уравниТЕЛЬНЫМ деспотизмом, эксплуатацией не в пользу отдельных лиц, а в пользу государственной власти и т. д.

Таково в самых общих чертах идеальное военно-социалистическое общество. В стороне остается только социализм совершенно добровольный, свободный, устанавливаемый свободным желанием кооперирующихся лиц, без всякого принуждения. Война при равенстве прочих условий изменяет организацию общества именно в сторону приближения ее к данному идеальному типу⁵⁴. Связь между ними была замечена и обстоятельно проанализирована уже Г. Спенсером в его гениальной (но до сих пор еще не оцененной) теории военных и промышленных обществ. К ней за подробностями я и отсылаю читателя⁵⁵. Я проверил эту теорию Спенсера и в существенном нахожу ее вполне верной, хотя и неполной. Спрашивается, почему же война повышает кривую принудительного социализма? По многим причинам. Во-первых, потому, что при равенстве прочих условий военно-социализированное или дисциплинированное общество, превращенное в единую военную машину, повинующуюся командованию власти, во время войны имеет больше шансов на победу и выживание, чем общество децентрализованное, недисциплинированное, не превращенное в единую армию, в один вооруженный лагерь. Увеличение этих шансов на выживание в борьбе за существование группы вело и ведет – сознательно или бессознательно – к усилению военного социализма при наступлении войны.

Во-вторых, мы видели, что война уносит лучших. Если она длится долго, то значительная часть «лучших» гибнет. Гибель лучших – наиболее сильных, волевых, энергичных и одаренных – элементов населения означает уменьшение сил

⁵⁴ Кроме войны есть и другие факторы, порождающие этот тип общества и содействующие его развитию. В их ряду главное место занимает голод, если он обрушивается на общество с резкой имущественной дифференциацией. Подробное исследование и доказательство этой связи дается мной в моем исследовании «Влияние голода на поведение людей и общественную жизнь», приготовленном к печати. Учета этих двух факторов – войны и голода – достаточно для того, чтобы стали понятными почти все опыты возникновения, развития и упадка военно- или принудительно-социалистических обществ, имевших место в истории, и почти весь ход кривой военно-принудительного социализма, ее подъемов и падений в истории многих народов.

⁵⁵ См.: *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1898, т. I, с. 347–348, т. II, ч. V, гл. XVII–XIX и ч. VIII, гл. XXI–XXIV.

общества, противодействующих естественной тенденции всякой власти к абсолютизму, деспотизму и неограниченному расширению регулирования. Выживающая «слякоть» не может бороться с этой тенденцией так, как могла бы бороться погибшая на войне лучшая часть народа. У остающихся людей второго и третьего сорта нет ни той энергии, ни тех талантов, ни той любви к свободе и умения отстаивать свои права, какой обладали погибшие. «С этой слякотью умелые властители могут делать что угодно, не встречая энергичного отпора. Слякоть будет роптать, но ропот не перейдет в восстание, а если и перейдет, то даст только неорганизованные вспышки. После двух-трех неудачных попыток слякоть покорно наденет ярмо и смирится со своей долей. От нее и потомство будет второсортное, а это обстоятельство еще более благоприятствует росту опеки власти»⁵⁶.

Мудрено ли поэтому, что после всех кровавых и длительных войн, особенно революционных и гражданских, абсолютизм, деспотизм и вмешательство власти росли, автономия и свобода подвластных падали. Так было в Спарте и Афинах, в Македонии и Риме, в средневековых государствах, в Австрии Иосифа II, Пруссии Фридриха II, Англии при Кромвеле, во Франции во время и после войн революции и Наполеона, у нас при Петре и после него и т. д.

Мы видели, что война и милитаризм прививают населению определенные рефлексы и привычки. Казарма и военный строй – это школа рабского повиновения. У солдата нет воли. Он – слепой исполнитель приказов. У него не должно быть личности: военная дисциплина все это стремится вытравить. Солдат – простой материал, которым распоряжается власть. Наряду с этим война прививает чувство неуважения к жизни и «правам человека и гражданина», она полностью их отрицает и т. д. Все эти черты при войне, особенно длительной, переносятся на все общество. Оно превращается в осажденную крепость, общественная организация которой всегда была типом военного социализма. Права и объем власти, независимо от того, будет ли это власть Чингисхана, Цезаря, Диоклетиана, Фридриха II, Петра I, Кромвеля или «Комитета общественного спасения»^{15*}, Наполеона, Вильгельма II, Ллойд Джорджа, Романова и других (различие наименований – простое различие вывесок), резко расширяются, она начинает вмешиваться во все, население теряет автономию, его свободы ограничиваются, состояние и права – также, самоопределение отрицается, протесты подавляются, давление правительственного пресса усиливается, вместо нормального состояния вводятся «чрезвычайные, военные и осадные положения»; словом, происходит резкий сдвиг в сторону военного социализма; кривая последнего делает резкий скачок вверх – тем больший, чем тяжелее, грандиознее и продолжительнее война.

Этих соображений достаточно, чтобы понять, почему война порождает и усиливает военный социализм.

⁵⁶ *Сорокин П.А.* Система социологии, т. II, с. 136.

Согласно положению «одинаковые причины в сходных условиях должны давать сходные следствия», я проверил эту гипотезу на множестве повторяющихся фактов и на данных истории и нахожу ее вполне обоснованной⁵⁷.

1. Сам строй войска и армии был, есть и будет ярким образцом военно-социалистического строя.

2. Социальная организация военных и осажденных крепостей близка к идеальному типу военно-социалистического общества.

3. Из первобытных народов народы, постоянно воюющие, имеют тип общества крайне военно-социалистический, народы мирные – далекий от него. Примером первых может служить военное государство Инков.

4. Древние государства, часто воевавшие, каковы деспотии Востока – Египет, Ассири-Вавилония, Спарта, Липара и другие, были обществами, ярко выраженного военно-социалистического типа.

5. То же самое относится и к Риму периода конца республики, принципата^{16*} и особенно III–IV вв.

6. Средневековые принудительно-социалистические государства и города таборитов, коммуна Т. Мюнцера, Новый Иерусалим Иоанна Лейденского и т. п. имели чисто военное происхождение.

7. У одного и того же народа кривая принудительного социализма поднималась в эпохи длительных и тяжелых – внешних и внутренних – войн и падала в эпохи мира. Подтверждение тому дают Рим после войн с Карфагеном и конца республики, приведших ее к гибели, Рим III–IV вв., целый ряд средневековых государств, в Новое время – Австрия Иосифа II, Пруссия Фридриха II, Франция Ришелье, Людовика XIV и особенно эпохи революционных войн и Наполеона, Россия периода Петра и после «Отечественной войны» и т. д. В наши годы мы – прямые наблюдатели и участники этого процесса. С 1914 г. кривая «государственного социализма», равного военному социализму, во всех воюющих странах, вплоть до свободной и индивидуалистической Англии и США (с момента их вступления в войну), поползла вверх, и тем резче, чем шире развертывалась война, чем труднее было положение страны. Кончилась война – и мы видим, как эта кривая на Западе пошла вниз (денационализация промышленности, работавшей на войну, отмена государственного контроля и государственного регулирования, уничтожение регулирования в сфере обеспечения населения продуктами питания, отмена карточной системы, военных положений и ограничений свободы слова и печати, восстановление Habeas Corpus Act^{17*} и т. д.).

Чрезвычайно поучительно и красноречиво в этом отношении движение кривой военного социализма у нас за эти годы. Если на протяжении всей нашей

⁵⁷ На первый взгляд как будто бы имеется ряд фактов, противоречащих ей. Но эти «противоречия» либо чисто мнимые, либо объясняются наличием сильного фактора, депрессирующего указанные следствия войны.

истории мы были народом милитаристским, то тем самым мы должны были быть и были фактически обществом с сильно выраженным военно-социалистическим характером. Военный социализм вошел, так сказать, в «плоть и кровь» нашего народа. Уровень этого социализма у нас за последние два столетия был очень высок. Абсолютизм, деспотизм и централизация старого режима – первое свидетельство значительного приближения нашего общества к типу военно-социалистическому; отсутствие прав, свободы и автономии личности при старом режиме – другое тому свидетельство; слабое развитие индивидуализма, личного почина, стадность населения, его привычка к повиновению – третье. Всей нашей историей, особенно при Петре и после Петра, мы дрессировались в направлении военного социализма. Разразившаяся война нашла в лице нашего народа прекрасно подготовленную почву для пышного культивирования своего обычного детища – военного социализма. Сразу же кривая последнего резко пошла вверх. Вскоре прибытие законного спутника войны – голода – усилило еще более подъем этой кривой, особенно в области экономико-продовольственной. Наш военный социализм – плоть от плоти и кость от кости нашей предыдущей истории, отмеченной на всем ее протяжении печатью войны и голода. Война только выявила это свойство нашего общественного организма. Голод – при наличии у нас до 1918 г. имущественной дифференциации – помог войне. В итоге военный социализм как таковой был неизбежен, и попытки бороться с ним были обречены на провал. Гражданская война, вопреки ожиданиям многих, должна была усилить, а не ослабить его рост. Мы были зрителями этого процесса. В 1920 г. война кончилась. И что же мы видим? Видим быстрый процесс «денационализации», «десоциализации»⁵⁸. На месте разрушенного капитализма начинает возрождаться новый. Наблюдая эти явления, нельзя не вспомнить изречение Боссюэ, перефразировав его по-новому: «Люди волнуются, а законы необходимости руководят ими»^{18*}. Люди думают, что это они направляют общественный корабль; на деле же (в данном случае) голод и война управляют ими самими. Пошла кривая войны на убыль... и начались новые слова и новые речи.

На этом я и закончу характеристику влияния войны на организацию общества. Кому нравятся те эффекты, которые вызывает война в населении, в его свойствах и в общественной организации, – тот пусть слагает ей дифирамбы. Кому не нравятся – пусть прокликает ее. В мою задачу не входило ни то, ни другое, а только изучение причинно-следственных отношений между войной и ее результатами...

⁵⁸ Голод, правда, не ослабел. Но он производит указанные «эффекты» только при наличии имущественной дифференциации. У нас же уравнили всех. Старая буржуазия разорена, новая еще только формируется.

ГОЛОДАНИЕ И ПСИХИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

I

Что мир наших психических переживаний находится в тесной зависимости от количества и качества пищи, поступающей в организм, это не подлежит сомнению.

Достаточно положить в рот кусок сахара, и у нас возникнет ощущение «сладкого»; раздражение рецепторных нервов полости рта укусом вызывает ощущение «кислого», солью – «соленого» и т. д. Словом, перемена пищевых реагентов имеет своей функцией соответствующую перемену наших ощущений.

Частным случаем этого общего явления служит изменение наших субъективных процессов при голодании. Недостаточное количественно и качественно-дефицитное питание, а тем более абсолютное голодание, меняет и деформирует всю нашу душевную жизнь – как отдельные ее аспекты, так и взятую в совокупности.

Опишем кратко основные черты этой деформации.

1. Деформации в области общего самоощущения и чувственно-эмоциональных переживаний

Здесь следствием относительного или абсолютного голодания является резкое изменение всего комплекса чувственно-эмоциональных душевных процессов, которое в зависимости от длительности и интенсивности голодания схематически можно разделить на *три* основные стадии.

Первую стадию характеризует появление своеобразного ощущения, носящего название *аппетита*. Это двустороннее, пассивно-активное ощущение, представляющее собой, с одной стороны, пассивное претерпевание, с другой – активный позыв (к пище), внутреннее понукание¹. Если ощущение аппетита не осложнено другими побочными явлениями, то это ощущение скорее приятное,

¹ *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1907, с. 223–224.

чем неприятное (что доказывается, между прочим, и распространенным пожеланием «приятного аппетита»). Комплекс ощущений, обозначаемый этим именем, не есть нечто однородное, всегда равное самому себе, а распадается на ряд форм, которые в качественном и количественном отношении отличаются друг от друга. С точки зрения количественной мы различаем аппетит «волчий», «небольшой», когда мы «не прочь поесть» и т. д. Качественно особый характер имеет аппетит «на мясные блюда», когда нам хочется мяса; иной оттенок имеет аппетит по адресу пирожных, конфет или по адресу чего-нибудь «кислого», «соленого» и т. д.² Не касаясь здесь вопроса, от чего зависит появление и смена этих различных оттенков аппетита, просто констатируем их наличие.

С продолжением и ростом голодания чувственно-эмоциональные ощущения изменяются, и наступает новая их стадия. *Ощущение аппетита исчезает и переходит в отличное от него чувство голода.* Они прежде всего различаются по чувственному тону: аппетит обычно ощущение приятное, голод – страдательное. На это их различие особенно четко указал Л.И. Петражицкий. Оно подчеркивается и почти всеми авторами. «Аппетит, – пишут Cannon и Washburn, – может существовать отдельно от голода. Например, когда мы едим вкусные деликатесы с исключительной целью удовлетворения вкуса. Голод же, напротив, есть ноющее ощущение тупой боли, перерастающей в тяжелое страдание, которое по мере роста становится все менее и менее локализованным. Он вынуждает нас принимать пищу не только невкусную, но даже тошнотворную»³ и т. д. «Аппетит» обычно представляет собой функцию голодания относительного (не дефицитного, а состоящего в простом ухудшении пищи, не понижающемся ниже физиологического минимума) и первых стадий абсолютного и относительно-дефицитного голодания. Ощущение голода довольно редко возникает при относительном голодании, а обычно является следствием длительного абсолютного и относительно-дефицитного голодания⁴.

Указывая на различие голода и аппетита, я все же должен отметить, что границы между ними условны. Аппетит обычно приятное ощущение, но, если у человека нет надежды на его удовлетворение, если ему грозит голодная смерть, оно становится ощущением тяжелым. И наоборот, если голодный человек знает, что через час-другой его ждет хороший обед, он будет ощущать голод без особенных мучений и страданий.

Оба эти ощущения носят *не непрерывный, а перемежающийся характер.* Они то вспыхивают, то гаснут, то ослабевают, то усиливаются. Моментами их

² Там же, с. 227–228.

³ Cannon W.B., Washburn A.L. An Explanation of Hunger // American Journal of Physiology. 1912, № 26, p. 441. См. также: Carlson A.J. Contributions to the Physiology of the Stomach // Ibid. 1913, № 31, p. 175, 186–189; Boring E.G. Processes referred to alimentary and Urinary Tracts // The Psychological Review. 1915, № 4, p. 312.

⁴ Ср.: Boring E.G. Op. cit., p. 312.

появления и усиления, как правило, являются те моменты, которые непосредственно предшествуют времени обычного приема пищи: завтраку, обеду и т. д.

Наконец, если абсолютное голодание длится более одного–двух–трех и большего количества дней (здесь наблюдаются большие колебания в зависимости от целого ряда условий) или относительное голодание весьма дефицитно и продолжается долго, то субъективные ощущения переходят в *третью стадию*: *специфическое чувство голода обычно исчезает или вспыхивает редко, а еще точнее – оно растворяется в общей массе страдательных ощущений, представляющих собою сложный комплекс различных процессов*. Этот комплекс состоит из смеси таких ощущений, как слабость, тупая боль в голове, суставах и во всем теле, «ощущение пустоты», иногда сонливость, головокружение, тошнота, в итоге погружающих человека в состояние *апатии, безжизненности*, временами прерываемой разрядами раздражительности, вспышками гнева, быстро тонущими снова в общем море апатии. Эти особенности ощущения голода я наблюдал прежде всего на себе самом при неоднократных вольных и невольных голоданиях. Аналогичны свидетельства и других лиц. «Страдательное ощущение голода – преходящее явление. При продолжении голодания оно не только не растет, но, напротив, через пару дней исчезает и не устанавливается снова в течение дальнейшего голодания», – пишет Лучиани на основе наблюдения за тридцатидневным голоданием Сукки⁵. Нечто подобное констатируют и проф. Marsh и его жена, голодавшие три недели исключительно в научных целях. В первую неделю они постепенно уменьшали количество принимаемой пищи, так что к концу недели оно свелось к нулю. Вторую неделю было абсолютное голодание, на третью – они стали принимать пищу, постепенно увеличивая порции. После 11–12 дней голодания психическое состояние Marsh'а было таково: «Неспособен работать после полудня и вечером. Огромная усталость, боль в голове и общее скверное самочувствие. Горло сухое, но нет желания пить. Боли в голове, глазах, спине, в ногах – когда лежу, сижу или стою. Нет тошноты, но есть ощущение неустойчивости в желудке. Чувства симпатии, радости, уважения и т. п. – качественно обесцветились и свелись к ощущению безжизненности (lifeless in fact)». Голодавшая с ним жена пишет: «Купание не доставляет удовольствия. Во время умственных экспериментов и после полудня чувствую нечто вроде желания расплакаться. Сильно вздрагиваю при внезапном шуме. Ощущение голода испытывала лишь в первое время. По ночам снятся поджаренные огурцы и рубленые масли-

⁵ Luciani L. Das Hungern. Hamburg-Leipzig, 1890, S. 219, 113. Правильнее, однако, говорить не об исчезновении чувства голода, а о том, что оно маскируется и заглушается другими кинестетическими^{1*} и страдательными ощущениями. Причем следует иметь в виду, что лабораторное голодание, когда человек находится под наблюдением врача и знает, что вреда ему не будет, что голодная смерть ему не грозит, во многих отношениях легче, чем голодание «невольное», в «лаборатории жизни».

ны⁶. Предпринять что-либо стоит громадных усилий... Эмоции после ряда дней оцепенения снова возвратились на двенадцатый день». Оба они пишут далее: «Характерные ощущения голода появлялись в течение ряда дней к обычному времени еды, сопровождаясь у женщины переживаниями изжоги, тошноты и рвотой. Эти ощущения маскировались общим болезненно тяжелым самочувствием. Чувства, необычайно острые в первые дни голодания, затем тупели на время... Появлялась апатия⁷. Аналогичным образом характеризуют в общем свои переживания и девять американских специалистов по психологии, голодавших с целью самонаблюдения за своими ощущениями при голоде. Все они отмечают такие ощущения: «dull pressure», «dull ache», «pain», «gnawing pain», «strong, gnawing pressure», «a kind of pain»^{2*} и т. п., флуктуирующие, перемежающиеся, не локализованные точно в какой-нибудь части тела. Наряду с этим они говорят о переживаниях *слабости и усталости*. Например, самонаблюдатель X уже после двадцати часов абсолютного голодания записывает: «То, что я чувствую сейчас, – это общая телесная слабость, такая, что я не хочу делать что бы то ни было, хотя бы даже встать». Отмечают они и ощущение *пустоты*. A пишет: «Я пуст (I am empty), но не голоден». X подчеркивает то же «чувство пустоты», о нем же говорит Z и другие участники эксперимента⁸. То же самое отмечает Гамсун в своем романе «Голод», написанном на основе его собственного опыта голодания⁹, и Миккельсен, голодавший среди льдов Гренландии. «Час проходит за часом, – пишет он, – и растет неприятное ощущение увеличивающейся пустоты в желудке. Испытываешь такое чувство, точно все внутренние органы куда-то исчезли и остался один желудок, вопиющий: есть! есть! Как ужасен голод, настоящий голод, от которого хочется кричать»¹⁰.

В связи со всеми этими явлениями меняется и общее самочувствие. Как правило, *сытое состояние благоприятствует светлomu, радостному душевному настроению, голодание – особенно житейское, а не лабораторное – мрачному, угнетенно-раздражительному, тяжелому*. При равенстве прочих условий

⁶ «Пищевой» характер снов при голодании, по-видимому, также довольно обычное явление. Я не раз наблюдал это на себе. То же самое говорят и другие голодавшие. «Сплю я крепко, – пишет путешествовавший в 1909–1911 гг. по Гренландии Миккельсен, – и мне (при голоде) все снится еда, целые горы яств; как наяву вижу я дымящееся жаркое, горы бутербродов и всевозможные салаты и зелень. Но мне никак не удается схватить ни крошки. Я бегу изо всех сил, но еда убегает от меня» (Миккельсен Э. По следам жертв ледяной пустыни. Пг., 1914, с. 287).

⁷ Marsh H.D. Individual and Sex Differences Brought out by Fasting // Psychological Review. 1916, November, p. 43–45.

⁸ Boring E.G. Op. cit., p. 311–317.

⁹ См.: Гамсун К. Голод (Полное собрание сочинений. СПб., 1910, т. II, с. 80, 97, 117, 119).

¹⁰ Миккельсен Э. Цит. соч., с. 282.

первое настроение – функция сытости, второе – голода. Это особенно резко проявляется (и у животных и человека) там, где избытка питания нет, где голод, особенно дефицитный, угрожает часто и постоянно, о чем можно прочитать в записях полярных путешественников. Читая их отчеты и дневники, например Пири, Миккельсена, Скотта, Нансена и других, мы видим, что в дни голода (как у них, так и у собак, хвосты которых – термометр их настроения – опускаются) настроение падает, ими овладевает состояние мрачного уныния, безрадостно-тяжелого самочувствия. Стоило им, однако, убить медведя, мускусного быка, тюленя или добраться до депо провианта – угнетенность, тоска и мрачность исчезали; проявлялась бурная радость, мир становился светлым и ясным, слышались шутки, смех, песни и т. д. Снова наступали голодные дни – и настроение снова падало¹¹. То же самое многие, вероятно, наблюдали на себе и на других. Такова в основных чертах деформация общего самочувствия и чувственно-эмоциональных процессов, вызываемая голоданием.

2. Деформация в области познавательных процессов

Marsh дает следующую таблицу изменений ряда психических процессов в течение упомянутого выше трехнедельного голодания его и его жены. Таблица построена так, что чем больше число, тем больше снижение соответствующей способности. Первая колонка, обозначенная «понижение», дает средний итог многочисленных экспериментов в течение первой недели голодания без первого дня (в этот период количество пищи постепенно уменьшалось); вторая колонка – «голодание» – дает результаты опытов второй недели (абсолютное голодание); третья колонка – «повышение» – результаты опытов последних шести дней третьей недели. (Методы получения этих данных я здесь не привожу; см. о них в статье Marsh'a.)

Для понимания этой таблицы следует учесть влияние практики. Частые упражнения, многократно повторяющиеся ежедневно, ведут к усовершенствованию способности. Без голодания все исследованные способности должны были бы повыситься за три недели. Этому мешало голодание. Последняя колонка и дает оцененные результаты дуэли голодания и практики. Трудоспособность резко падает от голода. В группе *B* итог гласит: «практика теряет», т. е. эффективность упражнений из-за голодания оказывается меньшей, чем была бы без голодания. Способности *C* мало теряют от голодания («практика выигрывает»), группа способностей *D* от голода выигрывает. Наконец, память и репродукцию (*E*) у муж-

¹¹ См. например: *Пири Р.* По большому льду к северу. СПб., 1906, гл. X–XIII; *Миккельсен Э.* Цит. соч., гл. «В борьбе с голодом» и гл. XII–XIV.

Суммарные результаты голодания

(чем больше число, тем меньше способность или тем сильнее ее падение)

Исследованные деятельности	Понижение		Голодание		Повышение		Названия групп и результаты
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	
Принятая пища	4,5	4,5	8,5	8,5	3,5	3,5	
Трудоспособность	7,3	4,3	8,2	8,4	1,3	3,7	А. Жизнеспособность (Vitality). От голода проигрывает
Быстрота ассоциаций	4,3	5,2	7,3	5,0	4,2	3,3	
Называния	4,1	6,0	3,6	6,7	1,8	3,6	
Сложения	6,3	6,0	6,0	6,9	4,5	2,8	В. Быстрота (Rapidity)
Вычитания	7,5	8,7	5,4	5,1	3,4	3,3	
Умножения	8,7	8,8	6,3	6,0	2,5	1,8	
Среднее	6,2	6,9	5,7	5,9	3,3	3,0	Практика теряет
Острота осязания (при прикладывании верблюжьего волоса к носу)	6,4	5,7	5,1	6,2	4,8	3,9	
Острота болевых восприятий	4,0	6,5	6,0	5,0	5,5	6,8	
Острота зрительных восприятий	6,3	6,6	3,8	4,7	5,5	3,5	
Скорость движения правой руки	6,5	4,8	2,7	4,0	5,3	5,7	С. Восприятие (Passivity)
Скорость движения левой руки (При проведении определенной линии)	4,0	4,0	5,5	4,6	5,2	6,2	
Пространство, прове- денное правой рукой	6,3	5,0	3,6	5,4	3,2	3,5	
Пространство, прове- денное левой рукой	7,3	7,3	4,6	4,4	2,7	2,5	
Среднее	5,8	5,7	4,5	4,9	4,6	4,6	Практика выигрывает
Ошибки ассоциации	6,5	5,5	7,0	7,0	4,7	6,0	
Ошибки называния	5,5	6,1	4,1	1,8	2,9	3,3	
Ошибки сложения	4,0	6,0	2,5	4,0	3,5	1,0	D. Точность (Accuracy)
Ошибки вычитания	8,3	7,8	3,5	3,3	4,5	3,8	
Ошибки умножения	5,3	7,2	5,1	6,0	5,7	5,5	
Среднее	5,9	6,5	4,4	4,4	4,2	3,9	Голод выигрывает
Запоминание	4,0	4,7	8,1	2,7	4,8	6,5	Е. Память
Воспроизведение	5,0	4,7	8,5	4,2	5,0	8,1	
Среднее	4,5	4,7	8,3	3,5	4,9	7,3	Мужчина теряет, женщина выигрывает

чины голод ослабляет, у женщины – развивает. Таблица говорит, что одни способности от голода теряют, другие – выигрывают, третьи – изменяются мало.

Близкие результаты получил и Лучиани при изучении голодающего Сукки. «Мы не нашли, – пишет он, – чтобы голодание в каком-нибудь отношении разрушило или болезненно понизило или повысило его душевную деятельность... В течение долгого времени голодания он был в хорошем настроении»¹².

Можно ли отсюда сделать вывод, что голодание не разрушает нашей умственной жизни и мало отражается на интеллектуальных процессах? Лучиани и некоторые другие исследователи¹³, по-видимому, склонны так думать.

Позволительно, однако, предположить, что такой взгляд ошибочен. Почему? Во-первых, потому, что таблицы и Marsh'a, и Лучиани говорят об изменении ряда простейших психических процессов, а не о сохранении status quo. Во-вторых, они свидетельствуют о том, что в ряде случаев голод влияет отрицательно. Это отрицательное влияние на более сложные психические процессы должно быть более сильным. В-третьих, голодание в лабораторных условиях – по указанной выше причине – весьма отличается от голодания вынужденного, житейского, с угрозой голодной смерти, с большими затратами жизненной энергии и т. д. Поэтому лабораторные итоги нетипичны для житейского голодания. При последнем итоги будут совершенно иными (это учитывает и Тарасевич¹⁴). В-четвертых, существует достаточное количество фактов, определенно свидетельствующих о деформации познавательных процессов под влиянием голода. Перейдем к их рассмотрению.

а) Деформация в области ощущений и восприятий

В этой области, как правильно было замечено Л.И. Петражицким, голодание «имеет тенденцию вызывать соответствующее направление внимания, т. е. психофизическую аккомодацию к улавливанию и восприятию имеющих отношение к функции питания впечатлений»¹⁵. Под влиянием возбуждения «пищевого центра» органы чувств «поступают к нему на службу» и начинают проявлять усиленную деятельность в определенном направлении. *Они в этом случае чрезвычайно легко возбуждаются пищевыми объектами и явлениями и становятся особенно чувствительными к раздражениям, исходящим от них. И наоборот, они перестают реагировать на стимулы и явления, побочные питанию, делаются нечувствительными к ним.* Пищевые явления сами бросаются в глаза, органы слуха начинают улавливать звуки, относящиеся к питанию, органы обоняния –

¹² Luciani L. Op. cit., S. 67–68.

¹³ См. например: Тарасевич Л. О голодании. Киев, 1907, с. 14.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Петражицкий Л.И. Цит. соч., с. 233.

соответствующие запахи и т. д. Делается это без всякого намерения и сознательного желания. Иными словами, при голодании наш анализаторный аппарат становится особенно чутким к раздражениям, исходящим от пищевых объектов и явлений, и тупым – к раздражениям побочным. Последние перестают восприниматься или воспринимаются слабее и, так сказать, пропадают зря, не входя в поле сознания и не вызывая никаких ощущений и реакций.

Наряду с такой деформацией голодание вызывает и другую: оно вполне определенно *ориентирует наше внимание в сторону пищевых объектов и явлений*. Изучение поведения животных и человека показывает, что при голодании – вольно или невольно – *внимание направляется и фиксируется на явлениях, имеющих отношение к питанию, и обходит или проходит мимо всего, постороннего делу питания*. Возьмите кусок хлеба или мяса и покажите его голодной собаке. Этим вы сразу прикуете ее к руке с хлебом. Взгляд и вся поза собаки будет походить на кусок железа, притягиваемый магнитом. Поверните руку направо – и голова собаки повернется туда же, поверните налево – и голова пойдет налево, подбросьте хлеб вверх – и собака тоже начнет прыгать вверх. Все ее внимание оказывается прикованным к пище. Ко всему остальному она в это время делается глухой. Я в таких случаях иногда ударял ее или давал ей пинка – и эти раздражения проходили мимо ее внимания: иной раз следовал рефлекторный визг... и только. То же самое я не раз наблюдал и на поведении котенка. Достаточно было загреметь жбаном (из которого давалось ему молоко) или показать его (не говоря уже о самом молоке), как он «бросал все дела», переставал реагировать на другие стимулы и целиком приковывался к безусловному или условному пищевому раздражителю¹⁶.

То же самое в несколько более сложной форме происходит и с человеком. Вольно или невольно внимание голодного ориентируется в указанном направлении. Все другое перестает его останавливать¹⁷. Массовое подтверждение этому дает поведение детей и взрослых России за эти годы. Дети и школьники, по наблюдениям педагогов, были невнимательными или мало внимательными ко всему, кроме еды. «Постоянные голодные темы заполняли все сознание детей

¹⁶ Приготовление пищи в условиях полярного путешествия, рассказывает Миккельсен, «захватывало его собаку до того, что она становилась слепой и глухой ко всему остальному, не чувствовала наших ласк, не слушала слов, сидела тихо, как мышь, таращась на примус с котелком. В движении был только язык, а из уголков рта так и текут слюнки» (Миккельсен Э. Цит. соч., с. 135). См. также: Павлов И.П. Лекции о работе главных пищеварительных желез. СПб., 1897, с. 105–106.

¹⁷ Хорошую психологическую иллюстрацию этому дает Мопассан в «Бродяге». Голодный Рандель, «шедший в оцепенении, ни о чем не думая», *вдруг ощутил запах мясного супа*. Далее здесь изображено, как его внимание было остановлено «запахом мяса», «видом бутылки», и как в это время он стал глухим ко всему. Только насытившись, он различил звон колокола и, осознав опасность, бросился из дома (Мопассан Г. де. Полное собрание сочинений. СПб., 1909, т. XXI, с. 136–150, 145–147).

школьного и дошкольного возраста. Беседа с ними о еде являлась единственным подходом к ним. В остальном они реагировали на все окружающее либо повышенной раздражительностью, либо негативизмом»¹⁸. Взрослые граждане России за эти годы были невнимательными ко многому, но к пайкам, выдачам и ко всяким «пищевым явлениям» они были чрезвычайно внимательны: всегда были осведомлены о них, не пропускали выдач, не манкировали в этой области совершенно.

Наконец, при длительном абсолютном или сильно дефицитном относительном голодании «воспринимающая способность» нашего анализаторного аппарата слабеет¹⁹, он расстраивается, что в мире субъективных переживаний сказывается в том, что *ощущения и восприятия становятся менее живыми, менее острыми, менее интенсивными*. Весь мир восприятий и ощущений беднеет, бледнеет и искажается. Отсюда – царство апатии в душах таких людей. Все перестает возбуждать и интересовать. Тупое равнодушие ко всему становится основным тоном их бледного мира восприятий. «Чувства (feelings), необычайно острые в первые дни голодания, стали затем чрезвычайно апатичными и бледными», – отмечает Marsh, рассказывая о своем голодании²⁰. Таковы основные черты деформации мира ощущений и восприятий, вызываемой голоданием.

в) Деформации в области представлений и идей

Здесь влияние голодания сказывается в том, что оно ведет «к прекращению прежнего ассоциативного течения идей (или цепи мыслей) и к появлению таких представлений или мыслей и их рядов и цепей, которые не связаны с предыдущими идеями, а касаются еды, питания и того, что с этим ассоциативно или логически связано»²¹. *Под влиянием этого фактора из «поля сознания» вытесняются все представления и идеи, побочные питанию, и оно начинает заполняться комплексом идей и представлений «пищевого» характера*. Последние «врываюются в поле сознания», незванные и непрошенные, помимо желания и воли и часто вопреки последним. Выкинуть, выбросить их оттуда очень трудно, почти невозможно. Мне лично в течение сильнейшего двухмесячного голодания в лесу волевым усилием иногда удавалось изгнать «голодные идеи и представления» из поля сознания, но через 10–15 минут они незаметно возвращались и занимали свое место^{3*}. То же самое констатируют и упомянутые американские психологи. И при

¹⁸ Аронович Г. О голодной детской дефективности // Медицинский журнал Вятского Ученого совета при Губздравотделе. 1921, ч. II, № 2, с. 3–4.

¹⁹ См.: Розенбах П.Я. О влиянии голодания на нервные центры. СПб., 1883, с. 80–81. «Возбудимость мозга (даже) к электрическому раздражению вследствие голодания понижается или утрачивается совершенно».

²⁰ Marsh H.D. Op. cit., p. 445.

²¹ Петражицкий Л.И. Цит. соч., с. 231–232.

жажде, и при голодании (опыты ставились в обоих направлениях) «питьевые» и «пищевые» представления делались навязчивыми. Самонаблюдатель А (после 20 часов жажды) пишет: «Во время работы я вдруг автоматически прерываю ее и иду к графину с водой, не думая о том, что я делаю. Один раз я глотнул воды, прежде чем подумал, что этого нельзя делать». Через 23 часа жажды он отмечает: «Стало обычным смутное зрительное представление (a vague visual image) стакана воды, к которому я бессознательно начинаю направляться. Но, отправляясь, я вспоминаю об эксперименте и возвращаюсь к работе. Представления о сосуде с водой преследуют меня». То же самое отмечают и другие участники эксперимента. Нечто подобное констатируют они и при голодании. Представления о пище, несомненно, есть обычный спутник голодания... «Как и при жажде, они обнаруживаются в автоматических движениях, направленных к пище»²². «Нам уже давно трудно было говорить между собою о чем-либо другом, кроме еды и еще раз еды, – описывает Миккельсен свои переживания при голодовке в Гренландии. – В голодном состоянии поболтать на эту тему в высшей степени приятно, и это никогда не может надоесть раньше, чем хорошенько поешь; только тогда освобождаешься от этой бесконечной темы и можешь беседовать о чем-то другом, не опасаясь, что разговор нечаянно снова собьется на съестное... Мысли зависят от желудка»²³.

Временами эта навязчивость «голодных идей и представлений» принимает столь интенсивный характер, они становятся столь живыми и отчетливыми, что получают галлюцинаторный характер и доводят до голодного *delirium*'а^{4*}. Флобер в «Искушении святого Антония» дает удачную иллюстрацию сказанному. В поле сознания аскета Антония, размышляющего о падении благочестия, Никейском соборе и т. п., вдруг врываются идеи: «Слишком много постов! Если бы мне отведать... хоть кусочек мяса!» «Полузакрывает глаза, в томлении:.. А, мяса... Гроздь винограда!.. простокваши... Но что со мной?» Далее мы видим картину голодного *delirium*'а. Антоний видит стол с яствами, мясом, дымящимся кабаном и т. п. Очнувшись, он спохватывается: «О, дьявол, прочь... О, искушение было сильно»²⁴.

Массовое подтверждение сказанному, помимо личных переживаний, дает изучение «речевых рефлексов» граждан России за эти годы. Они больше всего говорили о еде, пайках, выдачах, ценах на продукты и т. д. Куда бы вы ни пришли и о чем бы ни заговорили, в конце концов разговор обычно сбивался

²² Boring E.G. Op. cit., p. 307–310, 315.

²³ Миккельсен Э. Цит. соч., с. 255, 269.

²⁴ Флобер Г. Полное собрание сочинений. СПб., 1913, т. 3, с. 20–21. Ряд подобных сцен см. в «Голоде» Гамсуна, в «Сирене» Чехова, где живописание картин аппетита не дало возможности председателю суда сосредоточить свои мысли на «особом мнении». Он испортил шесть листов бумаги, но так и не смог его написать.

на указанные темы. Эти «речевые рефлексy» свидетельствуют о соответствующих душевных переживаниях. То же самое не раз отмечалось и на поведении детей. «Персеверирующие^{5*} голодные темы у них носили навязчивый характер»²⁵.

с) Деформация в области памяти

Заранее можно предвидеть, в каком направлении голодание влияет на память и репродуктивную способность вообще. Опыты Marsh'а говорят о том, что под влиянием голодания у мужчины эти способности ослаблялись, у женщины – усиливались. Я полагаю, что типичным явлением здесь на первых стадиях следует считать не ослабление и не усиление их вообще, а *ослабление памяти и воспроизведения относительно явлений, побочных питания, и усиление этих способностей относительно явлений «пищевого характера»*. Всего легче, точнее, яснее и сильнее запоминаются и репродуцируются «пищевые» факты, объекты, явления и процессы, так как они сильнее зафиксированы в сознании и были восприняты более интенсивно; факты же и явления побочные, посторонние, в голодном состоянии едва «задевающие» сознание, обходимые вниманием, слабо воспринимаемые и запечатлеваемые, запоминаются плохо и с большим трудом репродуцируются.

На позднейших же стадиях голодания эти способности вообще слабеют. К таким выводам меня приводят, прежде всего, наблюдения и некоторые опыты над самим собой в период голодания и недоедания. За эти годы (особенно в 1918–1919 гг.) я делал ряд опросов среди ученых и учащихся. Почти все они жаловались на ослабление памяти: «Память стала совсем дырявой», «память ослабела». Некоторые отмечали факт выпадения из памяти самых обычных слов, что поставило двух профессоров в неловкое положение на лекциях. Профессор Х. указал, что он однажды забыл название предмета самого обычного, а именно – топора. Аналогичные жалобы приходилось слышать и от студентов, и от простых смертных.

При крайней степени истощения, как известно, ослабление этих способностей принимает катастрофический характер. Здесь «наступает состояние спутанности психики, утеря памяти. Больной забывает свою фамилию, не знает, где он находится, не помнит своего местожительства»²⁶.

Таковы вкратце основные изменения в области простейших познавательных процессов, вызываемые голоданием.

²⁵ Аронович Г. Цит. соч., с. 31.

²⁶ Вальдман В.А. К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия врачебно-научной деятельности (1894–1919) проф. И.И. Грекова. Пг., 1921, с. 441–442.

3. Деформация в области желаний и волевых устремлений

И здесь на первых стадиях голодания изменение, вносимое им в эту область переживаний, состоит в *ослаблении и подавлении всех желаний и волевых процессов, мешающих удовлетворению голода, и в появлении и усилении желаний и волений, благоприятствующих последней задаче*. Мир желаний и волений под влиянием голодания резко меняется. Антагонистичные или побочные утолению голода желания и воления слабеют, никнут, исчезают; солидарные с последним – возникают и усиливаются. Желание куска хлеба, отсутствующее у сытого, у голодного становится доминирующим и главным.

Здесь не место рассматривать подробно детали и конкретные формы этой деформации. Можно только сказать, что она громадна и может быть констатирована как на объективных фактах изменения рефлексов поведения людей, так и путем наблюдения за своими субъективными переживаниями при голодании, равно как и на «речевых реакциях» (speech reactions) сытых и голодных людей²⁷. Возьмете ли вы желания и волнения «эстетические», «правовые», «нравственные», «религиозные» или желания «половые», «защитно-охранительные» и т. д., все они, поскольку антагонистичны утолению голода, оказываются в конфликте с ним; в этой дуэли с голодом они нередко ослабевают, подавляются и заменяются желаниями и устремлениями противоположными, т. е. благоприятствующими насыщению. Первые находят в голоде препятствие, вторые – союзника, выносящего «волю» на своих плечах.

На позднейших стадиях голодания происходит *падение напряженности желаний и волений вообще*. С израсходованием энергии организма ослабевают и сами процессы желаний и волений. Они становятся менее упругими, более вялыми, «протоплазматическими». О «железной воле» в таких условиях почти не приходится говорить. О «сжигающем, страшном, бурлящем» желании – также. Место их занимает тупое равнодушие, своего рода безжизненная атараксия^{6*}, мертвая апатия, при которых энергичное воление становится почти невозможным.

4. Деформация в области всей совокупности душевной жизни личности

Если под влиянием голода меняются все «элементарные» процессы, из которых складывается наша душевная жизнь, то значит меняется и последняя, взятая в своей совокупности. *Голодание (и, соответственно, сытость) резко деформирует нашу духовную личность, как со стороны «духовного багажа» нашего*

²⁷ Такое исследование я предпринимаю в подготовленной к печати книге «Влияние голода на поведение людей и социальные процессы», отдельным параграфом которой является данная статья.

«я» – характера идеологии, верований, убеждений, вкусов и желаний, так и со стороны механизма и течения наших душевных процессов. Оставляя сейчас в стороне первое изменение – изменение содержания нашей идеологии и мировоззрения²⁸, – коснемся здесь только формальной стороны дела. Вся «машина нашей душевной жизни» при голодании начинает работать иначе, чем в состоянии сытом.

Длительное и сильное голодание расстраивает весь механизм психической жизни личности, разбивает его единство, целостность и согласованность. Это сказывается прежде всего на *ослаблении единства нашего «я»*. В этом случае целостность его распадается, сконцентрированность «я» как бы расплывается, растекается, раздваивается. В нем появляются трещины, из него вырастает несколько различных «я», которые временами начинают бороться друг с другом. В нашем сознании как бы исчезает монарх, управляющий всей психической машиной, появляется ряд царьков, и вся машина душевной жизни начинает работать взброд, несогласованно, с перебоями. Приведу ряд самонаблюдений, иллюстрирующих сказанное. «При математических опытах (сложения, вычитания и т. д.) в голодную неделю, – пишет жена Marsh'a, – у меня возникало чувство нетерпения: как будто бы одна часть моего “я” ждала другую; эта нетерпеливая часть как бы говорила другой: “Стоп! Не трудись над вычислениями и предоставь мне эту работу: я сделаю ее быстрее и лучше, чем ты”; и, когда я останавливалась, эта невидимая часть “я” давала ответы с такой легкостью и быстротой, что я поражалась ее достижениями... Это ощущение раздвоенности возникало часто, и “делающая часть” моего “я” часто давала результаты, противоположные другой»²⁹. Ряд весьма характерных переживаний в этом роде рисует Гамсун в «Голоде». В одной из сцен голодный герой напросился ночевать в участок. Когда его заперли в камеру и погасили свет, он стал «добычей нервного состояния», «странных фантазий». «Вдруг я щелкаю пальцами и смеюсь. Черт возьми! Ха! Мне показалось, что я выдумал новое слово – *кубоа*... Я сижу с раскрытыми глазами и смеюсь от радости...» Дальше он старается уяснить себе значение слова «кубоа», перебирает ряд значений, которые оно может иметь, – Бог, Тиволи, Зверинец и т. д., мучается, спорит сам с собой и, наконец, решает, что оно должно означать нечто душевное. «Я ищу в памяти чего-нибудь душевного. И вот мне чудится, будто кто-то говорит, вмешивается в мою беседу, и я сердито отвечаю: Что такое? Нет, подобного идиота не сыщешь. Полотно? Убирайся к черту! Почему я обязан считать это полотном, когда я был определенно против этого». Беспорядочная цепь ассоциаций продолжается. «Наконец, я ска-

²⁸ Об этом подробно речь идет в указанной моей книге. См. небольшое извлечение из нее в моей статье «Голод и убеждения (идеология) человека» (Артельное дело. 1921, № 9–16).

²⁹ Marsh H.D. Op. cit., p. 444–445.

зал себе: теперь ты должен умереть, и я лежал некоторое время и думал о том, что теперь должен умереть. Потом я приподнялся и строго спросил: “Кто сказал, что ты должен умереть? Раз я сам выдумал слово, то имею право решить, что оно должно обозначать”. *Я слышал сам, как я фантазировал, слышал это еще во время моего разговора.* Мое безумие было бредом слабости и истощения, но я не терял сознания. И мой мозг вдруг произвел мысль, что я сошел с ума». Раздвоение и распадение целостности «я», рисуемое в этом отрывке, красной нитью проходит через весь «Голод»³⁰.

На крайних стадиях голодного истощения, как известно, появляется настоящий бред – *délire d'inanition*, – полное расстройство сознания и распадение целостного единства личности. «Поле сознания» становится местом беспорядочного, никем и ничем не регулируемого крушения и столпотворения внутренне не связанных друг с другом представлений, идей и чувств. Человек превращается в ладью, потерявшую руль и кормчего и ставшую игрушкой волн – случайных раздражений³¹.

Общим следствием такого расстройства целостности нашего «я» оказывается *упадок работы мысли вообще*. Здоровое мышление требует концентрации внимания, логической последовательности, иными словами, автономии процесса мышления, независимости связывания понятий и идей от случайных воздействий вмешивающихся в данный момент раздражителей среды. Только тогда, когда поле сознания ограждено от вторжения таких случайных, навязываемых средой ощущений и представлений, когда руководящий центр «я» свободно, согласно своим заданиям направляет цепь идей – только тогда возможна продуктивная и здоровая работа мысли... Если при голоде это условие отсутствует и если «поле сознания» в таком случае оказывается открытым для столкновения и пляски случайных переживаний, то, естественно, такая творческая работа интеллекта становится невозможной. Это проявляется: 1) в наступлении своеобразной «пустоты» в мыслях; 2) в возрастающей трудности концентрации внимания на избранном объекте; 3) в растущей зависимости процессов мышления от внешних случайных условий, в падении их автономной, саморегулирующейся последовательности, т. е. в росте беспорядочности и бессистемности мысли. А все это вместе взятое ведет к ослаблению интеллектуального творчества, в особенности научного.

Переживания героя «Голода» в этом отношении типичны. Все его попытки написать – после длительного дефицитного голодания – статью, чтобы заработать несколько крон, кончились неудачей. «Голова была пуста. Теперь я больше ничего не мог писать... У меня больше ничего не выходило, хотя я был очень прилежен...» Он не мог даже вычислить, сколько стоит $3\frac{5}{16}$ фунта сыра по 16.

³⁰ Гамсун К. Цит. соч., с. 49–51.

³¹ См.: Розенбах П.Я. Цит. соч., с. 84–85; Вальдман В.А. Цит. соч., с. 43–44.

«Провозившись с этими цифрами минуты две, я на свою беду почувствовал, что все начало плясать в моей голове; у меня все путалось. Я обливался потом: изо всех сил думал об этих загадочных цифрах... и задумчиво моргал глазами... казалось, что-то треснуло в моем мозгу»³². То же самое отмечают и упомянутые американские психологи.

Наблюдатель X уже после двадцати часов голодания отмечал: «Чувствую такую слабость в теле, что не хочу делать что бы то ни было». Cannon и Washburn замечают, что наступающее при голодании «беспокойство делает бесконечно трудным систематическое выполнение самых простых дел»³³.

Это явление настолько бесспорно, что едва ли нужно подробно останавливаться на нем.

Тем самым я не отрицаю возможности отдельных вспышек работы мысли, особенно на первых стадиях голодания. Но зато тем сильнее будет быстро следующая за ней реакция. Не отрицаю и того, что в таком состоянии возможна искаженно-однобокая работа мысли, дающая в итоге бредовые, бессвязные произведения или даже такие продукты мысли, как «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы, мировоззренческие системы аскетов, факиров^{7*} и другие результаты «пароксизмов» мозга. Но сама однобокость и полубредовый их характер говорят о ненормальном состоянии психики и мысли.

Из сказанного видно, что вся наша душевная жизнь теснейшим образом зависит от количества и качества калорий, поступающих в организм. Резкое уменьшение и ухудшение их влечет за собой весьма сильную деформацию всех психических процессов и, увы, деформацию крайне отрицательного характера. Необходимым условием здорового психического развития является нормальное питание. Правда, «не хлебом единым жив будет человек»^{8*}. Но, увы, – и не без хлеба!

II

Что применимо к отдельному голодному человеку, то применимо и к массе голодающих лиц, составляющих значительную часть какого-нибудь общества. Факт массового голодания членов общества накладывает специфически-голодную печать на всю психическую жизнь такой группы. Вкратце в существенных чертах своих она сводится к следующему.

Чувственно-эмоциональная жизнь такой группы изменяется. Радость исчезает. Смех гаснет. Вздохи, стоны, плач и горе разливаются широкой волной. Беззаботность улетает. Скорбь и страх рано накладывают морщины на лица де-

³² Гамсун К. Цит. соч., с. 118.

³³ Boring E.G. Op. cit., p. 313; Cannon W.B., Washburn A.L. Op. cit., p. 441.

тей. «Самочувствие» общества ухудшается. Добродушие исчезает. На первых фазисах социального голодания это выражается в *росте недовольства, озлобления, раздражительности, в ослаблении благожелательных чувств и рефлексов. «Нервная система» агрегата становится менее устойчивой, менее спокойной и выдержанной.* В народе, описывает Лесков голодающую деревню, «стало усиливаться мрачное озлобление: мужья ни за что, ни про что били жен, старики – ребят и невесток, и все друг друга укоряли хлебом, и один на другого призывали “пропасть”: “О, нет на вас пропасти!”»³⁴. Нечто подобное происходило и при других голодовках, на первых их стадиях.

И в наши годы «невроз истощения у детей складывается из явлений подавленности с обидчивым настроением, склонностью к плачу и чрезмерной раздражительности. Многие дети впадают в состояние патологического аффекта, гнева, злобы, раздражительности»³⁵. То же самое отмечалось и у взрослого населения России. (Конечно, у нас это было функцией не одного только голода, но роль последнего едва ли можно отрицать.)

Голодающее общество на первых стадиях голодания похоже на нервно-неустойчивого субъекта, раздражающегося от всякого пустяка, ищущего всюду и везде виновников своего недовольства и готового обрушиться на первого встречного. *Это и выражается в росте беспокойного настроения, проявляющегося в остром реагировании общества на явления, которые в сытом состоянии прошли бы незамеченными, в усиленной подозрительности, озлоблении и выпадах против мнимых или действительных виновников голода, в преувеличении их вины, в увеличении количества памфлетов и т. д. Объективно это выражается в явлениях стихийных, немотивированных волнений, голодных бунтов, восстаний и революций*³⁶. Значительная часть их возникла на почве голода и вызываемой им психической раздражительности и неустойчивости голодающего агрегата. То, что историк говорит о нелепом разгроме домов Ревельона и Анрио (в апреле 1789 г.), которым началась «активная» фаза французской революции, применимо и к большинству «голодных» революций вообще³⁷. «На почве голода и разыгралась эта стихийная вспышка, которая прекрасно характеризует страшную возбудимость нуждающейся массы и готовность ее к самым решительным и самым неплановым и немотивированным действиям по самому ничтожному поводу»³⁷. Здесь и Ревельону, и Анрио была приписана вина, в которой они не были повинны. Они оказались случайными «козлами отпущения», на которых разрядились неустойчивость, злоба и раздражение голодных. Не будь их – найден был бы другой столь же «повинный» виновник. Такие явления обычны

³⁴ Лесков Н.С. Собрание сочинений. СПб., 1909, т. XXXIII, с. 12: «Юдоль».

³⁵ Аронович Г. Цит. соч., с. 3–4.

³⁶ Подробное исследование связи между голодом, социальными волнениями и революциями дается мной в указанной работе о голоде. Здесь, к сожалению, я не могу привести ни исторические, ни другие доказательства приводимых в тексте общих штрихов.

³⁷ Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909, ч. I, с. 18.

в голодающем обществе. Варьируясь по форме, они сходны в существенном и свидетельствуют о росте страданий, неуравновешенности, раздражительности, усиленной подозрительности, неустойчивости психики и поведения масс, вызываемых голоданием³⁸.

Таково самочувствие общества на первых стадиях голодания. С ростом последнего, влекущим за собой расходование энергии голодающей массы, исподволь наступает вторая стадия. Место повышенной нервности и возбудимости занимают *общественная апатия, тупая покорность и равнодушие ко всему, вплоть до равнодушия к смерти*. Подобно ослабленному сильным голодом индивиду, голодающее общество становится пассивным и вялым. Лишь изредка это тупое равнодушие прерывается моментами патологических возбуждений. Таково преобладающее настроение множества страшно голодавших обществ в прошлом (особенно после подавления волнений, вызываемых голодом на первых стадиях), таково оно и сейчас там, где имеются те же самые условия (Индия, Персия, Китай, Россия). «Тупая, безнадежная апатия была основным настроением масс в голодные годы Средних веков», – пишет Curschmann³⁹.

То же мы видим на поведении голодных масс Индии⁴⁰ и других сильно голодающих стран. В этой стадии люди молча умирают без проклятий и без энергических попыток спасения жизни.

Как у индивида на последних стадиях голодного истощения апатия совмещается с моментами бреда и галлюцинаций, часто имеющих оптимистический характер, так и у голодающего общества состояние тупого равнодушия и безнадежности *сопровождается вспышками «социального бреда», мечтаний и галлюцинаций*, которые, в зависимости от обстоятельств места и времени, принимают самый разнообразный характер: от мечтаний и бреда о царстве Божиим (как в Средние века) до мечтаний и бреда о коммунистическом «городе солнца»^{10*}, от бреда о скором пришествии Христа до веры в пришествие Антихриста или наступление новой, небывалой эры. На этой стадии такие социальные галлюцинации, вызываемые истощением, носят большей частью характер «тихого», а не «буйного» помешательства. Последние вспыхивают лишь моментами и выражаются в широком развитии «психических эпидемий», принимающих, опять-таки в зависимости от конкретных исторических условий, самые разнообразные формы: от пляски святого Витта^{11*} до революционной свистопляски, от шабаша ведьм до шабаша *Ça ña* и карманьолы^{12*}, от погрома евреев и басурман до погрома «буржуев» и культуры, от эпидемических движений в Святую Землю

³⁸ Я произвел в указанной книге сопоставление эпох ухудшения питания масс и эпох волнений и революций в истории Греции, Рима, ряда средневековых государств, Византии, Англии, Франции, Германии и России. Полученный вывод гласит, что эти эпохи совпадают: бурными и революционными периодами были именно годы и периоды усиления голода, не сопровождаемого уменьшением имущественной дифференциации.

³⁹ Curschmann F. Hungersnöte in Mittelalter. Leipzig, 1900, Bd. II, S. 53.

⁴⁰ См.: Digby W. The famine campaign in Southern India. 1878, vol. I–II.

для освобождения Гроба Господня до движений, идущих под лозунгом «кровушки нашей попили». Но такие «буйные» проявления нервной неуравновешенности голодного общества типичны для первых стадий голодания. В период полного истощения они имеют «тихий» характер, часто носящий оптимистические формы. «Все ждем чуда», – так характеризует один из писателей настроение голодной деревни во время голода 1891–1892 гг. Начинает бродить стихийная мечта. «У нас появился отставной солдат с золотым орехом от елки. Он его таинственно показывает народу, и две волости двинулись с ним к заморскому царю, у которого не только орехи, но и хлеб золотой. Стихийная мечта влечет народ к чудесному»⁴¹. Та же вера в чудесное, тот же бред характерны для настроения крайне голодающего общества вообще. Энергически истощенное, оно галлюцинирует и не способно уже к реальным мерам для спасения себя от смерти. С таким агрегатом можно делать все что угодно. Он не может активно и упорно сопротивляться. Он покорно приемлет все, вплоть до смерти.

В области познавательной общественной психика голодающего общества становится глухой и тупой ко всему, побочному пище, и чрезвычайно восприимчивой к явлениям, имеющим отношение к питанию. Побочные явления здесь проходят мимо общественного внимания. Мир общественного сознания целиком заполняется идеями, теориями и построениями «пищевого» характера. Все другое вытесняется из него. Объективным свидетельством тому являются речевые рефлексы членов голодающего общества, распоряжения власти, содержание газетных статей, брошюр, книг, публичных лекций, митингов, докладов, театральных, концертных и кинематографических представлений, темы рисунков, рассказов, стихов, религиозных служб и т. д. *В голодные периоды тема голода становится основной темой всех этих форм и проявлений общественной психики.* Статистический подсчет во всех этих областях доказал бы, что процент устных и печатных речевых рефлексов, имеющих своей темой дефицит продуктов питания, в годы голода и абсолютно, и относительно растет. Если вы возьмете хотя бы газеты благополучных и голодных годов и станете измерять в тех и других абсолютное и относительное место, занимаемое статьями по продовольственному вопросу, то увидите то же самое явление⁴². Словом, на основании таких объективных данных можно утверждать, что указанное явление не подлежит сомнению.

Сходное с голодающим индивидом происходит с обществом и в его волевой сфере. На первых стадиях голодания все волевые импульсы общества, побочные утолению голода, ослабляются и депрессируются, благоприятствующие ему – усиливаются. Общество делает лихорадочные усилия преодолеть голод. Но если это ему не удастся, усилия принимают все более и более неровный, судорожный характер; целесообразность их все более и более падает, они делаются случайными, непродуктивными, слепыми. В таких условиях общество часто усматривает

⁴¹ Немирович-Данченко (Вестник литературы. 1921, № 8).

⁴² Я такие подсчеты делал.

спасение в том, что на самом деле ведет его к гибели, направляет свою энергию на то, что не может уменьшить голод. *Позже, на стадии истощения, волевая энергия общества падает.* Оно делается безвольным, наступает указанное состояние тупой апатии. Не ждите от такого общества активного отпора чему бы то ни было. Наденьте на него какое угодно ярмо, оно раз-другой может «брыкнуться», но, встретив ничтожное препятствие, наденет ярмо, понесет его и будет молча вымирать. «Отчаяние и голод отняли последнюю решимость у людей, – пишет один наблюдатель голодных масс в 1891–1892 гг. – Для самоубийства все-таки нужна воля. А какие же порывы или воля у застоявшейся безнадежности? Все стало малодушно до того, что длительная смерть уже не пугает. Голодают молча. Агония продолжается месяцы, не вызывая ни вспышек гнева, ни усилия для того, чтобы забросить веревку с петлей на крюк, продеть шею в петлю и толкнуть скамью ногой». Такие же картины может видеть каждый в общежитиях голодных беженцев в Петрограде (например, на Старорусской улице и на Фонтанке), то же самое рисуют нам и наблюдатели поволжского голода⁴³. *Паралич общественной воли* – таков эффект сильного голода в его последующих фазисах.

А все это, вместе взятое, говорит о *расстройстве всей душевной жизни голодающего общества.* К сожалению, статистика душевных заболеваний все еще находится в зачаточном состоянии. При надлежащей постановке ее – не сомневаюсь – она вскрыла бы нам факт повышения душевных расстройств в периоды голода. Исследования проф. Осипова и Горового-Шалтан⁴⁴ о душевной заболеваемости населения Петрограда за эти годы говорят о ее росте. Факторами этого роста были война и революция. Но едва ли будет ошибкой, если в числе факторов мы будем считать и голод. К тому же, помимо этих резких форм душевного расстройства последнее чаще всего выступает в формах, редко констатируемых статистикой, и часто преходящих, исчезающих с возвратом сытости. Это положение сейчас прямо подтверждается явлениями массовых душевных расстройств в голодающих губерниях. Эти расстройства выражаются в десятках форм, начиная с людоедства и кончая явлениями «радостного безумия» голодающих⁴⁵.

Прежде всего, *творческая работа мысли в таком обществе падает.* Социальный организм, усваивая недостаточно пищи, становится плохим трансформатором энергии из низших форм в высшие – психические. В эти годы падение у нас продуктивности труда, в том числе и труда интеллектуального, – факт общеизвест-

⁴³ См. ряд корреспонденций М. Криницкого и др. в московских и питерских газетах.

⁴⁴ См.: *Осипов В.П.* О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // Известия Комиссариата Здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны. 1919, № 7–12; *Горовой-Шалтан В.А.* К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Врачебное дело. 1 февраля 1921. См. также: *Биншток.* Душевнобольные в петроградских больницах в 1917–1919 гг. // Материалы по статистике Петрограда. 1921, вып. 5 (хотя автор этой статьи и воздерживается от определенных выводов).

⁴⁵ См., например «Красную газету» от 31 января 1922 г. (корреспонденция из Самарской губернии).

ный. И научное, и художественное, и другие виды творчества ослабели. Учеба, как показывают статистика «активности» студентов, непосредственные наблюдения и другой материал, идет плохо. Интеллектуальный уровень общества, особенно молодежи, понизился. Конечно, это вызвано действием многих факторов, но в ряду их голоданию – прямо и косвенно – принадлежит одно из главных мест⁴⁶.

Наряду с *расстройством душевной жизни голодающего общества выступает и нарушение ее целостности, единства и внутренней закономерности*. Из нее как бы выпадает высший, объединяющий и контролирующий центр, и она становится игральным полем случайных обстоятельств. Явления, которые в нормальном состоянии социальной психики обратили бы на себя внимание, теперь остаются незамеченными. И наоборот, случайный, пустой факт, который раньше прошел бы мимо общественного сознания, теперь, ворвавшись в «поле» последнего, способен вызвать в нем пертурбацию, создать панику и разрастись до чудовищного размера. Подобно неустойчивой ладье, все общественное сознание накрывается в эту сторону. Происходит другой факт, противоположный первому, – и общественная психика, не имеющая устойчивого контролирующего центра, дает крен в другую сторону. Волны паники, потоки нелепых слухов, вздорных подозрений, необоснованных обвинений, бесплодных «прожектов», бредовых идеологий, искаженных верований, быстро сменяющихся чувств, лихорадочных порывов проносятся по морю общественного внимания, кружатся и оставляют после себя только нездоровую муть, часто – кровавую пену да гнилостный запах разложения и вымирания. *Содержание общественного сознания становится случайным, беспочвенным*. Нередко оно отрывается от своих исторических корней, *теряет социальную память* – традиции, предания, исторические формы, лицо и задачи (подобно голодному, забывающему свое имя, фамилию, адрес и т. д.) и начинает «бредить» и «галлюцинировать». Именно в такие моменты чаще всего наступали бурные периоды, когда происходил «отрыв» общества от исторического прошлого, забвение своего лица, насаждение новых верований, идей, теорий, идеологий и т. д., нередко самых нелепых, вздорных, не способных привиться к общественной психике в сытом и здоровом состоянии⁴⁷. Конкретно эти явления могут принимать самые разнообразные формы в зависимости от условий, времени и места. В античном мире эти формы были одни, в средневековье – другие, в наше время – иные. Но все они обладают указанными общими чертами, свидетельствующими о том, что общественное сознание попало под влияние случайных явлений, о потере им внутренней автономии и единства, иными словами, об изменении всей душевной жизни общества под влиянием массового голодания.

⁴⁶ Оять-таки доказательства всех этих положений даются в моей работе.

⁴⁷ Данная проблема прослеживается мной на исторических судьбах ряда идеологий, которые обычно легко и эпидемически прививаются в периоды роста голода (без уменьшения имущественного неравенства) и к которым то же самое общество становится «иммунитетным» в периоды сытости и экономического расцвета^{13*}.

ВОЙНА И МИЛИТАРИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

*Сходные причины в сходных условиях
вызывают сходные следствия
(основной принцип науки)*

§ 1

Одним из многочисленных следствий длительной и тягостной войны является изменение социальной организации воюющих групп в сторону приближения ее к типу военно-социалистического общества. Этот термин я беру у В.И. Ленина, который ввел его в наш обиход^{1*}. Условимся, что следует понимать под таким обществом.

Идеально-предельным военно-социалистическим является такое общество, где: 1) объем вмешательства, опеки и регулирования жизни, поведения и взаимоотношений граждан со стороны власти безграничен; 2) объем автономии, «самоопределения» его членов в области их поведения и взаимоотношений ничтожен, близок к нулю.

Это общество, где власть и ее агенты регулируют и нормируют решительно все поведение и все взаимоотношения граждан: их деятельность, профессию, одежду, пищу, жилище, верования, убеждения, вкусы, брак, количество детей и т. д. Иными словами, здесь все взаимоотношения – экономические, семейные, брачные, правовые, религиозные, научные, эстетические и т. д. – предоставлены не частному усмотрению и инициативе членов общества, а целиком устанавливаются и нормируются властью, сверху и централизованно. Люди здесь не автономные личности, а направляемые и управляемые властью; не нечто самоценное, а всего лишь собственность последней. Говоря юридическим языком, здесь совершенно нет частно-правовых отношений, а все отношения – публично-правовые, регулируемые сверху.

Из этого определения вытекают следующие характерные черты такого общества. 1) *Компетенция власти здесь абсолютна и неограниченна.* Власть здесь выше закона, «что власти угодно, то и имеет силу закона». Подданные, как сол-

даты в строю, должны беспрекословно повиноваться всем велениям правительства. Нет никаких «прав человека и гражданина», которые оно не могло бы отменить, нет ни одной сферы поведения, вплоть до самой интимной, которую оно не могло бы регулировать. 2) *Царствует полная централизация.* Частному усмотрению, личному почину, независимому от власти, здесь нет места. Децентрализованная автономия лиц и групп не может существовать. 3) *Посему частной собственности здесь нет и быть не может,* ибо все орудия, средства производства и обращения принадлежат власти («обществу»); она регулирует и производство, и обмен, и распределение, и потребление, регулирует сверху, из центра, согласно единому государственному плану. То же самое относится и ко всем сферам поведения граждан. *Жизнь каждого из них от рождения до смерти* – должен ли он жить или умереть, что делать, как делать, жениться или нет, на ком и когда, как верить, что есть, где жить, что читать и т. д. – все это предопределено сверху. 4) *Класса капиталистов как владельцев средств производства и обращения здесь нет,* ибо нет частной собственности на них. Но нет и равенства или отсутствия эксплуатации. Слоем лиц, присваивающих себе прибавочную ценность, являются здесь командующие слои общества со своими ближайшими клиентами и помощниками. 5) *Все устройство общества, вплоть до психики его членов, приспособлено к войне и пронизано милитаризмом.* Здесь все делается по команде, по нарядам – все, вплоть до науки, обучения и духовной жизни. Все общество представляет собой единый военный лагерь или осажденную крепость; всюду царствует единая военная дисциплина, пронизывающая общество снизу доверху.

Таковы основные черты *идеально-предельного* военно-социалистического общества.

Война, как сказано, изменяет организацию группы в сторону приближения ее к этому типу. И изменяет тем сильнее, чем, при равенстве прочих условий, война длительнее, тягостнее, чем сильнее она задевает общество.

§ 2

Спрашивается: *почему же война влечет за собой такие изменения общественной организации?* По многим причинам. Главные же из них были указаны еще Г. Спенсером в его гениальной теории военных и промышленных обществ¹.

Первая причина состоит в том, что такая *милитарная социализация общества требуется во время войны интересами самосохранения последнего.* При равенстве прочих условий из двух воюющих обществ шансы на победу будет иметь то, где все население превращено в один лагерь, подчинено одной воле, суровой дисциплине, словом, превращено в дисциплинированное войско.

¹ См.: Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1898, т. 1, § 258–259, т. II, § 547–548.

Каждому известно, что из двух одинаковых армий победит та, которая лучше дисциплинирована и подчинена воле командования. Та же, где солдаты автономны, где вместо беспрекословного повиновения приказам они будут «митинговать» и «обсуждать», исполнить или не исполнить приказ (как было у нас в 1917 г.), где они будут пользоваться свободой и собственным усмотрением в области своего поведения, такая армия будет наверняка разбита. То же самое относится и к целому народу. Еще в процессе естественного отбора выработалось такое приспособление к войне, такое изменение общества в периоды грозящей ему опасности.

Такова первая, основная причина (часто не признаваемая многими, вплоть до власти самого общества), которая вызывает изменение общественной организации в указанном направлении.

Наряду с ней выступают и другие. Разразившаяся война и военное обучение вообще резко меняет формы поведения населения воюющих стран. Она «отбивает» от него одни поступки и «прививает» другие, отучает его от одних форм поведения и приучает к другим. Здесь она, подобно портному, снимает с нас один костюм и надевает другой. В самом деле, война и казарма приучает людей к поведению, противоположному поступкам, прививаемым мирной жизнью. Мирная жизнь развивает у людей личную инициативу, любовь к свободе, мирному производительному труду, уважение к человеку, его правам и достоинству. Она подавляет злостные поступки: убийство, насилие, разрушение и другие преступления. Она благоприятствует развитию науки, искусства, культуры. В ней победа достается не грубой силе, а человеку, обладающему максимальными духовными способностями в разных областях жизни. Военный строй и война действуют противоположным образом. Они *непрерывно приучают солдата к рабству и повиновению*. От него не требуется рассуждений, а только повиновение. Ему командуют и приказывают, а не советуются с ним. Он – простой материал в руках власти. От него не требуется личной инициативы, а только слепое и беспрекословное подчинение воле власти. Вся военная служба, вся казарменная муштра направлены на то, чтобы сделать из него слепое орудие в руках командующих, чтобы из автономной личности создать машину, лишенную всякой автономии, целиком управляемую сверху, в конце концов, из единого центра, главного штаба. Военная власть деспотична по самой своей природе. Она бесконтрольна и неограниченна. Главнокомандующий – абсолютный повелитель, действия которого не подлежат обсуждению. Его воля – закон. Его права во время войны неограниченны. Сотни тысяч людей он может послать на смерть, и никто не имеет права отменить его приказа.

Далее. Централизация и всестороннее регулирование сверху – душа всякой военной организации и всякой войны. Народ, часто воюющий, непрерывно дрессируется в этом направлении. Эта дрессировка, конечно, не проходит бесследно ни для народа, ни для власти. Соответствующие рабские формы поведения чем

дальше, тем более прочно укореняются в народе, и прямо или косвенно отражаются на всей его общественной жизни и всей его социальной организации. Деспотизм военной власти переносится и на ее гражданские функции. При частых и длительных войнах мало-помалу всему народу прививаются эти черты и содействуют приближению его организации к типу военно-социалистического общества. К этому же приводит и деспотизация самой власти, диктуемая войной. То же самое следует сказать и о других поступках, прививаемых кровавой борьбой. Вместо уважения к личности она проповедует и требует убийства, вместо уважения чужих прав – полного нарушения их, вместо любви прививает злобу, вместо мирного труда требует разрушения. Все это не проходит даром ни для народа, ни для власти, ибо всякий наш поступок рикошетом отражается на нас самих и исподволь переделывает нас. Это особенно относится к актам, прививаемым войной. Народ она приучает к рабству, власть – к диктатуре и абсолютизму. Отсюда понятно, почему она ведет к возникновению и расцвету произвола, к обесцениванию прав личности, ее достоинства и свободы, т. е. к чертам, характеризующим тип военно-социалистического общества.

Такова вторая сторона войны, ведущая к военному социализму. Наконец, к тому же самому результату война ведет и третьим путем. *Она не только уменьшает население, но резко изменяет и качественный его состав. Она уносит с поля жизни лучших и оставляет в живых худший человеческий материал.* В самом деле, в войнах гибнут прежде всего самые здоровые и самые трудоспособные возрастные группы. В армию не берут больных и калек, туда не берут детей и стариков, а мобилизуют обычно людей от 18 до 45 лет. Далее, преступники, лица, морально запятнавшие себя, также не забираются в армию; следовательно, они не подвергаются риску гибели. Мало того. Трусые, шкурники и лица без глубокого сознания долга стараются не попасть туда, а где-нибудь «окопаться в тылу»; если и попадают, то и здесь стараются увильнуть от опасности. Лица же, честные с собой, полные сознания долга, этого не делают; стало быть, и здесь они рискуют больше. Изучение жертв войны показывает даже, что в войнах прямо и косвенно лиц, интеллектуально квалифицированных, гибнет в процентном соотношении больше, чем неквалифицированных. Так, например, в современной войне потери всей Англии с колониями составили около 800 000 человек. Лиц с высшим образованием и научной квалифицированной подготовкой на 1 000 000 населения Англии приходится около 2 000. Погибло же таких лиц за войну гораздо больше. То же самое следует сказать и о всех других воевавших странах. Лозунг древних римлян, призывавших к войне, гласил: «Дайте лучших». Этот лозунг глубоко верен. Войны отбирают лучших и оставляют жить худших. Но... мало того. В силу наследственности война уносит не только лучших, но и их потомство; уносит их как производителей будущих поколений и способствует,

таким образом, размножению людей второсортных. Не будь ее, в силу конкуренции эти второсортные люди были бы оттеснены на задний план. Первые места были бы заняты лучшими и их потомством. «По векселям войны, – сказал Бенджамин Франклин, – платить приходится не во время войны, а гораздо позже, спустя несколько поколений». И он прав. Эта трагическая роль войны не сразу сказывается, но зато она несомненна и носит роковой характер. Особенно при больших, тяжелых и частых войнах. В результате их качественный состав народа все более и более ухудшается на протяжении ряда десятилетий, и в итоге великий народ может стать бездарным, великое государство – прийти к своему закату. В этой роковой роли войны – одна из основных причин падения древней Греции и Рима, где по причине множества войн, и внешних, и гражданских, погибли почти все «лучшие» и их потомки, а новые пришельцы оказались не в состоянии поддержать достижения первых. Это условие (при наличии других причин) повлекло за собой гибель древних государств и их культур.

Вот это влияние войны на качественный состав населения и служит причиной, также благоприятствующей росту милитаризации общества. Всякое правительство (как и все живое в мире) стремится к беспредельному расширению своей компетенции, вмешательства, опеки и власти, если оно не встречает препятствий со стороны подвластных. Легко понять, что индивиды, более сильные физически, более здоровые, более развитые, волевые и нравственные, способны с большим успехом сопротивляться этой тенденции власти, чем индивиды слабые и физически, и социально-психически. Один факт присутствия первых в обществе уже является шлагбаумом для беспредельного расширения правительственной власти. Война, унося с поля жизни главным образом такие элементы, тем самым удаляет это препятствие и, таким образом, содействует росту правительственной опеки и вмешательства, падению объема свободы и автономии подвластных. Остающийся материал второго и третьего сорта не может оказать такого же противодействия, какое могли бы оказать эти «лучшие».

Таковая третья сторона войны, ведущая к указанному нами результату.

§ 3

После этих предварительных указаний проверим кратко на фактах правильность нашего основного положения. Первое подтверждение сказанному *дает сама организация военных групп и всей армии* (одинаково и во внешней, и во внутренней войне). Возьмем любую казарму, любую военную часть, любую боеспособную армию, любую осажденную крепость. В каждом военном обществе вы встретитесь со всеми основными чертами охарактеризованного общества.

Власть здесь по отношению к подчиненным солдатам абсолютна. Сфера ее регулирования – огромна. Она командует – солдаты повинуются. Солдаты – всего лишь материал в ее руках, «пушечное мясо». Автономия их поведения ничтожна. Их образ жизни установлен свыше. Их занятия – также. Их одежда, жилище, пища, чтение, убеждения, развлечения и т. д. – все это предначертано заранее. За малейший просчет следует кара. Малейшее нарушение дисциплины влечет за собой меры пресечения. Централизация доведена до совершенства. Все исходит сверху, из центра, все направляется им, все им опекается. Свобода, автономия не могут здесь иметь места. Критика мероприятий власти снизу не допускается. Их оценка – также. От солдата могут в любую минуту потребовать какой угодно жертвы, вплоть до жизни. Он – ничто. Все имущество военной группы – общее. Частной собственности, кроме самых необходимых предметов личного потребления, нет. Но нет и равенства. Вся военная группа распадается на ряд ступеней, начиная от верховной власти и кончая простым рядовым. Материальный уровень жизни этих слоев резко различен: генерал живет роскошно, рядовой – часто впроголодь. Степень привилегий также разная: объем прав генерала не равен правам простого офицера, права последнего – правам рядового. Царит вопиющее неравенство. Словом, социальный строй военных групп в общем как раз является тем строем, который характерен для милитаризованного общества.

Второй категорией фактов, подтверждающих сказанное, может служить сравнение социальной организации примитивных групп: с одной стороны, групп часто воюющих, с другой – мирных. Как правильно указал еще Г. Спенсер, социальная организация воинственных групп дикарей гораздо ближе к типу военно-социалистического общества, тогда как общественное устройство групп той же самой расы, но мало и редко воюющих, гораздо дальше от такого типа.

Например, у воинственных зулусов власть повелителя неограниченна, подданные – его собственность, у других племен той же кафрской расы, но племен мирных объем вмешательства власти и ее права весьма скромны. Близка к вышеназванному типу организация часто воюющих фиджийцев, ашантиев^{2*}, дагомейцев, древних мексиканцев, перуанцев и т. д. Чтобы дать представление о ней, позволю привести краткое описание древнего общества перуанцев. Власть здесь была «центром системы, контролировавшей всю жизнь. Она была одновременно и военной, и политической, и церковной, и судебной главою; нация состояла из рабов (власти), и эти рабы носили звание солдат, работников и чиновников. Военная служба считалась обязанностью для всех индейцев; те из них, которые прослужили указанные сроки, отчислялись в запас и должны были работать под надзором государства. В армии были начальники над десятками, сотнями, тысячами. Параллельному управлению было подчинено и государство вообще: все жители были подчинены чиновникам. Церковная организация была здесь устроена подобным же образом. Шпионы, наблюдавшие за дей-

ствиями других служащих и докладывавшие о них, также имели свою организацию. Все было подчинено государственному надзору. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за пахотой, посевом и жатвой. Когда подолгу не бывало дождей, государство снабжало определенным пайком воды. Путешествующий без разрешения наказывался, как бродяга; но зато для тех, кто путешествовал по служебным обязанностям, существовало особое учреждение, обеспечивавшее их жильем и всем необходимым. В обязанности десятников входило наблюдение за одеждою народа, за тем, чтобы люди носили те фасоны платья, которые им предписаны. Сверх этого контроля за внешней жизнью существовал еще и контроль за жизнью домашней. Требовалось, чтобы народ обедал и ужинал при открытых дверях, дабы судьи могли входить свободно (для надзора, все ли идет так, как предписано). Тех, кто дурно содержал свои дома, секли. Под этим надзором народ трудился над поддержанием столь сложной государственной организации. Все чины гражданского, религиозного и военного классов были свободны от налогов, но зато земледельческий класс, за исключением находящихся на службе в армии, должен был отдавать весь свой продукт, оставляя себе лишь то, что требовалось для скудного пропитания. Сверх натуральной повинности, состоявшей в обработке земель, работники должны были обрабатывать земли солдат, находящихся на службе. Кроме того, они должны были платить подать одеждою, обувью и оружием. Участки земли, предназначенной для народа, распределялись между отдельными лицами сообразно с их семейным положением. Точно так же и продукты животноводства: стада периодически подвергались стрижке, причем шерсть делилась чиновниками. Это устройство было следствием того, что частная собственность находится в пользовании каждого человека только по милости власти (Инки^{3*}). Таким образом, личность, собственность и труд народа всецело принадлежали государству; народ переселялся из одной местности в другую по указанию власти; люди, не служившие в армии, но жившие в условиях такой же строгой дисциплины, как и армия, были просто единицами централизованной военной машины и направлялись в течение всей своей жизни к наивозможно большему выполнению воли власти и к наивозможно меньшему действию по своей собственной инициативе. И естественно, что, кроме военной организации, доведенной до ее идеальных пределов, здесь не замечалось никакой другой организации. Перуанцы не имели монеты; они не продавали ни одежды, ни домов, ни имений, и их торговля почти не выходила за пределы простого обмена съестными припасами»².

Такова конкретная общественная организация одного из древних воинственных народов. В той или иной мере близко к ней устройство и других диких племен, часто воюющих. То же самое подтверждается и организацией древних исторических народов, для которых война – внешняя или внутренняя – была обычным делом.

² *Спенсер Г.* Основания социологии, т. II, с. 436.

Если вы обратитесь к истории древних деспотий Востока – Египта, Персии, Ассири-Вавилонии, государств воинственных, у которых войны были весьма частыми и чуть ли не постоянными, то вы увидите те же черты военного социализма во всем их устройстве: и ничтожный объем автономии поведения подвластных, и безграничный объем власти государства, и почти полное отсутствие частной собственности на средства и орудия производства, и прикрепленность подданных к месту службы, и всестороннюю регламентацию труда и взаимоотношений населения, и беспощадную эксплуатацию населения власть имущими, и полное бесправие первых.

Не в меньшей, а, пожалуй, еще в большей степени все это применимо к древним греческим государствам, особенно к Липаре, Спарте и Римскому государству. Мы знаем, что это были чрезвычайно милитарные государства, история которых чуть ли не сплошь была наполнена войнами, войнами и войнами.

О военном происхождении государственного коммунизма в Липаре непосредственно свидетельствуют источники, передаваемые Диодором Сицилийским. Сама Липара была типичной военной коммуной, жившей грабежом, захватами и военными набегами³. То же самое следует сказать и о военном социализме Спарты. «Вся община здесь представляла собою настоящее государство-лагерь, и население являлось войском»⁴. Общая картина положения дел в большинстве государств Греции и в Риме в этом отношении такова: «Гражданин здесь во всем и без всякого ограничения был подчинен государству. В человеке не было ничего, что было бы независимым. Его тело принадлежало государству, в Риме военная служба каждого гражданина продолжалась до 46 лет, в Спарте – всю жизнь. Имущество его было в распоряжении государства. Не ускользала от всемогущества государства и частная жизнь. Многие греческие государства запрещали человеку оставаться холостым. Спарта наказывала не только того, кто не женился, но и того, кто женился поздно. Государство предписывало труд и работу. Оно простирало свою тиранию до мелочей; в Локрах, например, закон запрещал пить чистое вино. Было обыкновением, что определенная одежда предписывалась законами; законодательство Спарты устанавливало прическу женщины, законодательство Афин запрещало им брать с собой при путешествии больше трех платьев... Словом, здесь не было “ни свободы частной жизни, ни свободы воспитания, ни свободы верований”. Человек был рабом государственной власти»⁵.

То же самое было и в Риме. Если бы не ограниченный объем статьи, то можно было бы показать, как в истории этих народов пресс государственного со-

³ См.: *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 256, 590.

⁴ Там же, с. 31–32.

⁵ *Fustel de Coulanges N.D.* La cité antique. Paris, 1905, p. 265.

циализма в периоды особенно длительных и тяжелых войн завинчивался сильнее, в периоды мира – давил относительно слабее⁶.

Картина римского милитаризованного общества в III–IV вв. после Р. Х. в общих чертах была такой:

1) власть здесь абсолютна и неограниченна; 2) централизация доведена до максимума; 3) опека населения всесторонняя; 4) его свобода и автономия отсутствуют; 5) частной промышленности и торговли почти нет: вместо них – государственное «плановое» хозяйство; 6) денежная система также почти отсутствует: она заменена натуральными повинностями, натуральным вознаграждением – «пайками» (были и «карточки», марки на хлеб, свинину, вино, зрелища, вплоть до марок на проституток), причем пайки были различных категорий; каждый год составлялся план: сколько зерна, мяса и т. д. должна доставить та или иная провинция; 7) наряду с этим налицо была громадная армия чиновников.

Вот как Вальтцинг описывает некоторые стороны общественной организации Римской державы этого периода. Здесь «все опекается и контролируется. Но для этого нужен бесчисленный штат чиновников. Он был создан и сразу же начал грабить, воровать, тем самым еще больше ухудшая положение». Государству нужны бесчисленные средства, чтобы кормить власть, двор, армию, чернь, легионы чиновников и служащих. Работа населения и профессиональных корпораций «стала обязательной и наследственной. Корпораты и коллегиаты (члены “профсоюзов”) теперь принадлежат власти со всем своим достоянием. Государство, взявшее на себя удовлетворение всех потребностей населения, неизбежно приходит к необходимости закрепощения даже частного труда. Империя превращается в обширную мастерскую, где под контролем толпы чиновников работают на государство и на частных лиц. Почти вся промышленность управляется государством; оно же распределяет – весьма неравномерно – и продукты. Члены корпораций уже не свободные личности, работающие свободно для своей семьи, это рабы государства, которые, подобно чиновникам, находятся у него на содержании, но живут весьма плохо и голодно. Государственная власть – хозяин земли и труда – в буквальном смысле осуществляет теорию Платона, говоря своим подданным: “Как власть, я не считаюсь ни с вами, ни с вашим имуществом, как принадлежащим вам самим; я рассматриваю вас, вашу семью и ваше достояние как собственность государства”. Это было воистину подлинной государственной организацией труда, когда в руках государства находилось почти все производство и распределение богатств... Для гражданина, как и для государства,

⁶ Кроме войны при ряде условий, в частности при наличии имущественной дифференциации, к тем же результатам ведет голод, недостаток средств пропитания. Поэтому кривая голодного или военного социализма особенно резко поднимается там и тогда, где и когда совпадают оба этих условия: война и голод или его угроза. Конкретное движение кривой голодно-военного социализма как в древних государствах, так и позже определяется главным образом этими двумя причинами. Но здесь роль голода я оставляю в стороне.

последствия оказались смертельными. У граждан не было никаких прав, а были только обязанности. Ради единственной цели – чтобы они лучше выполняли государственные обязанности – были попорчены священнейшие права личности и отняты важнейшие свободы. Прикованные почти неразрывными цепями к условиям своей жизни, заключенные в касты, открывающиеся только на вход, но не на выход, граждане не могли и думать о восхождении по социальной лестнице. Права гражданские и частные! – Они были конфискованы. Право собственности! – Оно исчезло или стало иллюзорным. Профессиональная свобода! – Ее не стало. Корпораты не могли выбирать род работы по своему вкусу, призванию и таланту; они не могли работать, где хотят, потому что были прикреплены к мастерской или городу. Они не имели права устраиваться, где им угодно. Они не могли свободно вступить в брак. Они не располагали даже своей личностью. Их жены и дети участвовали в их рабстве. Поистине, этот режим отнял у них все! И нельзя удивляться тому, что население изо всех сил призывало варваров как освободителей... Но и ленивая голодная чернь, для которой трудилось и страдало столько народа, не была более счастливой. Голод угрожал ей постоянно... Лучше ли выполнялись другие обязанности? Все эти бесчисленные чиновники – создали ли они то, что ожидали от организации столь жестокой и столь тиранической? Нет! Постоянно оказывалось, что все делаемое государством не было ни более успешным, ни более дешевым. Несмотря на бессердечную жестокость, повсюду царил обман! Всюду контроль был недостаточен. Чиновники разрушали государство взяточничеством, граждан теснили вымогательством. “Казна – это разбойничество”, – говорит Сальвиан.

Частный интерес и частное лицо были подавлены. Их просто не стало. Раз государство предпринимало все, частному лицу было нечего делать... И даже там, где царствовало принуждение, не хватало рук для работы. Крестьяне всюду страдали. Страна обезлюдела, подвластные не женились, чтобы не дать жизнь несчастным. Вот результат этой всесторонне государственной организации труда. Никогда не было администрации, более придирчивой и жестокой для населения и менее результативной для правительства. Этот режим был основан на принуждении: повсюду рука государства. Всюду его тирания. Везде насилие удерживает или рекрутирует работников. Нигде нет частной инициативы и свободной работы»⁷.

Из этих строк ясна военно-милитаристская организация постоянно воевавшего Римского государства.

Если обратимся к ряду военно-социалистических государств и коммунизму Средних веков, то и здесь увидим войну (внешнюю или гражданскую) как одну из основных причин (наряду с голодом) появления таких военно-социалистиче-

⁷ *Waltzing J.P. Études historique sur les corporations professionnelles chez les Romains. Bruxelles, 1896, vol. II, p. 480–484.*

ских обществ. Примерами могут служить военно-социалистическое государство таборитов⁸ XIV в., военно-социалистические коммуны в Мюльхаузене Т. Мюнцера, Иоанна Лейденского в Мюнстере и другие⁹.

Словом, и в древности, и в Средние века у народов, часто воевавших, военный социализм процветал. Его кривая в эпохи особенно больших, тяжелых и длительных войн и в периоды, следовавшие за ними, поднималась.

То же самое можно увидеть и в более позднее время на истории отдельных народов. И здесь кривая военного социализма в периоды войн поднималась, и временами довольно высоко.

В истории Пруссии таким периодом может служить эпоха Фридриха II. Это была эпоха больших войн. Она же была и периодом громадного развития прусского военного социализма. То же самое было и в Австрии в эпоху Иосифа II. Еще резче это проявилось во Франции в эпоху революционных – внешних и внутренних – войн и в период Наполеона. Централизация, бюрократизация, милитаризация, беспредельный рост правительственной опеки, вмешательства и регулирования, «социализация», уменьшение объема прав и автономии поведения граждан за этот период сделали громадные шаги.

Наконец, ясное до очевидности, наблюдаемое каждым из нас подтверждение выдвинутому положению о связи войны и военного социализма дают последние годы, начиная с 1914 г.

С началом войны во всех воюющих странах стал расти и военный социализм. Воюющие общества, образно говоря, стали свертываться под влиянием усиливающегося давления военной пружины. Даже свободолюбивая, «индивидуалистическая» Англия не избежала общей участи.

Этот сдвиг общественной организации и общественной жизни в сторону военного социализма выразился в тысяче конкретных форм. Главнейшими симптомами этого явления были:

1. *В области политико-правовой*: расширение функций, компетенции, полномочий власти в отношении поведения граждан. Всюду, не исключая и Англии, нормальные законы были заменены законами военного времени. Свободы слова, печати, союзов, собраний и т. п. подверглись ограничению, а за свободой слова и печати была установлена цензура. Введение чрезвычайных и военных положений означало передачу власти исключительных полномочий. Особенно резко это сказалось во всех воюющих странах, за исключением Англии. Словом, в этой сфере рост военного социализма проявился вполне отчетливо.

⁸ См.: Denis E. Huss et la guerre des Hussites. Paris, 1878; Palacky F. Geschichte von Böhmen. Prag, 1853, Bd. III.

⁹ См.: Kaser K. Politische und soziale Bewegungen in deutschen Burgertum zu Beginn der 16 Jahrhunderts. 1899; Schoenlack. Sociale Kämpfe vor dreihundert Jahren. 1894; Каутский К. От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. I, с. 100–103.

2. *То же самое произошло и в области экономической жизни воюющих стран.* И здесь объем вмешательства власти возрос в ущерб автономии поведения и взаимоотношений самих граждан. Множество экономических отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления, раньше регулировавшихся самими гражданами помимо и независимо от власти, теперь попали под учет, контроль, надзор и прямое руководство последней. Началось дело с области продовольственных отношений и военной промышленности, работавшей на оборону, а за ними мало-помалу государственное регулирование распространилось и на другие области экономической жизни. Частная собственность в сотне форм подвергалась ограничению, и чем дольше шла война, тем более сильному. Монополии государства стали расти. Целый ряд отраслей промышленности перешел непосредственно в его руки, другие попали под его контроль. Забота о продовольствии и его распределении подверглась той же участи. Словом, место хозяйства, регулируемого автономной волей частных лиц, заняло «принудительно регулируемое государством хозяйство». Военный социализм восторжествовал.

3. *То же самое произошло и с психологией и идеологией масс.* Место мирной психологии, с ее отвращением к крови и неприкрытому насилию, стала занимать (в разных конкретных формах) психология милитарная, целиком исходящая из принципа голого насилия, видящая в нем спасительный меч, разрушающий все гордые узлы общественных неурядиц и зол. Насилие, кровавая борьба, «прямое действие»^{4*} стали казаться якорем спасения. Введение на земле рая принудительно-военным путем, путем насильственного захвата власти, «военной диктатуры» спасателей, подчиненных «железной дисциплине», стало казаться чем-то вполне естественным, способным привести к цели. Отвращение к крови исчезло. Вера в животворящую силу мирной борьбы сделалась «буржуазным предрассудком». Психика людей милитаризовалась до последних глубин. Даже терминология людей стала военной. Частичным проявлением этого общего явления служит рост популярности идеологии насильственной социальной революции, вера в диктатуру, быстрое увеличение количества сторонников «левых» течений, сделавших принцип насилия альфой и омегой своей политики, и падение успеха мирных идеологий (социал-реформизма, социал-соглашательства и мирной эволюции).

4. *Колоссальным образом выросла централизация, бюрократизация и милитаризация учреждений.*

Любопытна дальнейшая история этого «романа истории». Кончилась война... И что же мы видим? Видим, как во всех странах постепенно начался обратный процесс – демилитаризация, или падение военного социализма. Неограниченные права власти вводятся в берега нормального закона, ее вмешательство ограничивается, промышленность и экономика освобождаются из-под опеки

государства, военные положения сменяются нормальными, права и автономии граждан растут, свободы – также, ограничения частной инициативы и собственности мало-помалу отпадают. Словом, пружина военного социализма слабеет, общество начинает возвращаться к мирным формам жизни. То же самое происходит и в сфере социальной психологии и идеологии. Вновь поднимает голову «реформизм», «соглашательство» и «эволюционность», общество «правеет», не исключая и рабочих масс (чему в немалой степени мешает кризис и безработица). Это ясно проявилось и на последних социалистических съездах Италии, Германии, на съезде рабочей партии Англии и т. д. Не будь кризиса, этот процесс «размагничивания» общества от чар военного социализма шел бы еще быстрее. Если снова будет война, он остановится, и вновь будет подниматься кривая военного социализма. Так дело обстоит на Западе.

Не иначе оно обстоит и у нас. Война в 1920 г. кончилась. И что же? Сначала почти незаметно, медленно, но уже в 1920 г. начался процесс демилитаризации общества: концессии, продналог, частная торговля, кооперативы были первыми ясными симптомами поворота. «Новая экономическая политика», в которой, по правильным словам В.И. Ленина, «больше старого (докоммунистического. – П.С.), чем в предыдущей нашей экономической политике»¹⁰, делает этот поворот ясным и для слепого. Процесс демилитаризации (декоммунизации) разворачивается на наших глазах и идет с поразительной быстротой. И опять-таки: если не будет войны, он пойдет дальше.

Если снова будет война – дело будет обстоять иначе.

¹⁰ Цит. по: Артельное Дело. 1922, № 1–4 (21–28), январь-февраль, с. 3–10.

ВЛИЯНИЕ ГОЛОДА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЩЕСТВА

*Посвящается Американской Ассоциации Помощи,
Фрительфу Нансену, заграничным ученым и всем
спасающим русский народ от голодной смерти*

«Сходные причины в сходных условиях
вызывают сходные следствия»

§ 1

Одним из довольно частых социальных эффектов массового голода является изменение экономической, а в связи с нею и всей социально-политической структуры общества. Это изменение состоит: 1) в увеличении объема правительственного вмешательства в экономико-продовольственные отношения граждан, а через это нередко и в другие области их социальных отношений; 2) в усилении централизации и бюрократизации общества; 3) соответственно с этим – в уменьшении объема хозяйственной автономии и самоопределения членов общества, прежде всего в сфере продовольственно-экономической, а в результате этого нередко и в сфере других взаимоотношений; 4) в падении децентрализованного, независимого от власти регулирования экономико-продовольственных нужд и потребностей граждан, которые прежде были подвластны им самим.

Иными словами, массовое голодание нередко влечет за собой перевод ряда продовольственно-экономических (и других) отношений членов общества из сферы частно-правовой, где все решается автономной волей и частными соглашениями самих граждан, в сферу отношений публично-правовых, регулируемых властью, т. е. сверху, централизованно, с неизбежным применением принудительных мер со стороны правительства. Объем прав, вмешательства и опеки власти растет; объем прав автономии и «самоопределения» граждан сокращается, место личной инициативы, личного почину и индивидуальной воли занимает

в таких случаях решение власти, проводимое сверху. В области производства, обмена, распределения и потребления продовольственных и вообще экономических благ частная воля и вытекающая из нее «анархия» вытесняется волей власти и государственным плановым хозяйством. Власть и ее «главки» начинают в таких случаях определять, что производить, как производить и сколько, как распределять произведенное, как его потреблять. В соответствии с этим неизбежно сокращаются права индивидов в области владения, пользования и распоряжения средствами и орудиями производства и обращения, равно как и предметами потребления, т. е. ущемляется или аннулируется право частной собственности и ряд других вещных и обязательственных прав. Частно-капиталистическое общество в большей или меньшей мере трансформируется в сторону принудительно-государственного или государственно-социалистического общества – или «общества организованного», в котором нет места «анархии производства», конкуренции частных предпринимателей¹.

Таково то направление, в сторону которого под влиянием голода часто изменяется организация общества. Для краткости сказанное можно сформулировать так: при наличии определенных условий массовый голод вызывает изменение социально-экономической организации голодающего общества в сторону приближения его к очерченному принудительно-государственному или государственно-социалистическому типу.

При каких же именно условиях? Их несколько. Главнейшие из них таковы.

1) *При невозможности преодоления массового голода иными путями*: изобретением в момент голода новых источников пропитания, ввозом продовольствия из других стран, эмиграцией излишнего населения, военным захватом и грабежом продовольствия и богатств (как эквивалентов последнего) у других обществ, широкой добровольной помощью со стороны сытых групп голодающего общества и т. п. 2) *При наличии в голодающем обществе имущественной дифференциации*, т. е. «скопов» продовольствия и богатств (как их эквивалентов), находящихся в собственности сытых слоев общества и не распределенных среди голодных бедняков.

Наряду с этими необходимыми условиями большое, но дополнительное значение имеют и другие обстоятельства: *характер, устойчивость и прочность форм поведения населения* (его рефлексов), *прочность аппарата власти, степень организованности и силы голодных и сытых слоев общества и т. д.* Если, например, «рефлексы собственности», т. е. акты воздержания от завладения, пользования и распоряжения «чужим» достоянием, у населения были очень прочны и крепко «ввинчены» в его сознание, то это обстоятельство будет тормозить резкое проявление указанного изменения общественной организации; если они были слабы, часто и легко нарушались – это будет благоприятствовать выявлению тен-

¹ Бухарин Н.И., Преображенский Е. Азбука коммунизма. 1920, с. 51–52.

денций к социализации. Если, далее, степень организованности и социальной силы богатых слоев мала, она не может серьезно затормозить «обобществлений», требуемых голодом; если, напротив, эта организованность и сила богатых слоев значительна, она будет тормозом более существенным, иногда настолько, что процесс обобществления, практически осуществляемый самими голодными или под их давлением, может быть «заторможен» почти до полной остановки. Все усилия голодных масс в таких случаях могут разбиться об это препятствие, как разбиваются морские волны о гранитный утес. То же самое *mutatis mutandis*^{1*} относится и к степени организованности голодных и бедных слоев, равно как и к прочности и силе правительственного аппарата. Таковы вкратце главные – необходимые и дополнительные – условия, которые требуются для того, чтобы под влиянием массового голода произошло указанное изменение социально-экономической организации голодающего общества.

Из сказанного, однако, еще неясно, *почему же при наличии этих условий голод может и должен вызывать такое явление?* Вкратце дело заключается в следующем². При неутоленном голоде как у отдельного человека, так и у массы голодных людей появляется могучее стремление, или «тяга», к пищевым объектам (или их эквивалентам, например деньгам, позволяющим приобрести на них пищу) с целью овладения ими и утоления голода. Это стремление, или тяга, – одно из самых сильнейших стремлений в любом голодном организме. Оно почти непреодолимо.

В своей работе о голоде я называю его «пищетаксисом» – особым усложненным видом таксисов и тропизмов^{2*}. (Здесь я не ввожу этого термина, ибо без пояснений, мотивировок и экспериментальных доказательств он звучал бы для читателя странно.) *In concreto* это стремление может принимать самые разнообразные формы, в зависимости от ряда фактических условий. Если голод может быть утолен ввозом продовольствия из-за рубежа, стремление к пище вызывает к жизни деятельность, направленную на увеличение ввоза. Если голод может быть утолен эмиграцией голодных в сытые страны, начинается усиленная эмиграция из голодной области. Если «пищевая гора» не идет к голодному Магомету, он сам притягивается к ней. Если к той же цели ведет военный захват и ограбление сытых обществ, вспыхивает война как социальная функция массового стремления голодных к пище. Но когда ни один из этих путей недоступен и не ведет к цели (а так бывает часто), то стремление к утолению голода толкает голодных к овладению теми «продовольственными скопами» и их эквивалентами, которые имеются внутри голодающего общества. Поскольку других запасов нет, голод может быть утолен только за счет тех запасов продовольствия, которые

² По необходимости я должен здесь быть кратким и не вполне точным. Подробное выяснение всех этих условий будет дано мною в подготовленной к печати книге «Голод как фактор».

имеются внутри страны. Если бы другие пути были доступны, покрывали бы продовольственный дефицит группы, раздел и обобществление таких запасов не были бы необходимы. Если же эти пути закрыты и недоступны, иного выхода не остается.

Отсюда понятно значение первого необходимого условия, указанного выше (невозможность преодоления голода иными путями). Отсюда же понятным становится и значение второго условия: наличия имущественной дифференциации. Если ее нет и в стране все одинаково бедны и голодны, то нет и тех «пищевых магнитов» и их эквивалентов, которые могли бы притягивать голодных и толкать их к овладению ими; в этом случае нечему было бы притягивать, нечего обобществлять, нечего уравнивать и делить. Если же имущественная дифференциация огромна, если наряду с голодными имеются сытые богачи, обладающие запасами и богатствами, то этот факт неизбежно привлечет к себе внимание голодных, прямо или косвенно «пищевые магниты» (и их эквиваленты) начнут притягивать их к себе, подталкивать к актам овладения ими и утоления голода за их счет. И это стремление голодных к их овладению будет – при равенстве прочих условий – тем интенсивнее, чем резче имущественное неравенство.

Сказанное объясняет роль второго условия. Толкаемые голодом к овладению «пищевыми скопами» и их эквивалентами, бедняки могут эту задачу достигнуть: 1) либо «прямым действием»³, т. е. путем насилия, восстаний, революций; 2) либо путем давления на власть, заставляя ее снабжать их продовольствием за счет достояния богатых слоев населения (ибо иных источников нет); 3) либо путем добровольной уступки богатыми слоями части имеющихся у них запасов, скопов и достояния в пользу голодающих – бесплатно (что в больших размерах, увы, бывает очень редко) или за те или иные услуги и обязательства со стороны бедных, обычно весьма тяжелых для них. Последний вариант возможен только тогда, когда сила сопротивления богатых слоев велика и они способны отразить натиск «прямого действия» со стороны бедных. В таком случае социальным эффектом голода оказывается закрепощение масс населения богатыми, рост общественного неравенства и эксплуатации, рост социального феодализма. (Именно таким и было происхождение многих форм рабства, холопства, колоната⁴, крепостничества и других видов личной зависимости.) Но этот случай нас сейчас не интересует и его мы оставим в стороне³. Первые же два случая прямо или косвенно ведут к изучаемой нами трансформации общества в сторону огосударствления. Если революция удачна, то, сбросив власть, мешавшую захвату пищевых скопов и богатств, беднота создает свою диктатуру, свою власть, расширяющую свое вмешательство безгранично, проводящую обобществление и раздел имущества богатых, крайне ограничивающую право автономии граждан в экономико-продовольственной и других сферах хозяйственной деятельно-

³ Его анализ и историческое подтверждение см. в моей указанной выше работе.

сти. В этом случае рост централизации и объема вмешательства власти, с одной стороны, ограничение автономии и прав, с другой, становятся неизбежными. Подтверждением тому служат истории всех «удачных» революций.

Если революция терпит поражение и власти удается ее подавить, то и в этом случае рост государственного капитализма делается столь же необходимым: чтобы подавить революцию – нужно иметь войско и преторианцев^{5*}; чтобы их иметь – их надо кормить; чтобы кормить – приходится брать продовольствие из самой страны (ибо извне оно не поступает), приходится усиливать принудительно-реквизиционный аппарат власти, ее вмешательство, регулирование, учет, контроль, централизацию – нередко вплоть до полной монополизации всего продовольственного дела в руках правительства. Иначе нечем было бы кормить преторианцев, и они разбежались бы, оставив власть без опоры. Таким образом, даже и при таком повороте событий указанная трансформация общества в той или иной мере неизбежна. Она тем более неизбежна, что в конце концов никакая власть не может совершенно отмахнуться от давления голодных масс и не поддаться ему хотя бы в какой-то степени.

Временами же она и сама готова идти навстречу их требованиям. Так как иных запасов, кроме тех, что имеются внутри страны, нет, власти волей-неволей приходится вмешиваться в сферу экономико-продовольственных отношений, учитывать запасы, таксировать цены, реквизировать и «обобществлять» то, что имеется в наличии (ибо сама власть обычно «не сеет и не жнет, а может только собирать в житницы свои» посеянное и сжатое другими), короче говоря, брать дело продовольствия целиком или частично в свои руки, временами вплоть до его полной монополизации. Это означает расширение регулирующих функций власти и ее полномочий, сокращение объема автономии частных лиц, рост централизации, замену свободного хозяйственного строя принудительно-государственным хозяйством (*Zwangswirtschaft*^{6*}), словом, означает осуществление указанной трансформации общества.

Отсюда становится в известной мере понятным, почему массовый голод при указанных условиях вызывает изменение социальной и хозяйственной организации общества в сторону принудительно-государственного типа⁴.

Если верна эта основная теорема о связи между массовым голодом и принудительным этатизмом, то из нее дедуктивно вытекают дальнейшие более частные теоремы, а именно:

⁴ Как я уже не раз указывал, к такому же результату ведет не только голод, но и война. Когда же оба эти фактора воздействуют одновременно, такое изменение общества в сторону «военного социализма» или «принудительно-централизованного этатизма» становится особенно резким. Здесь я, однако, остановлюсь только на изучении соответствующего влияния голода. О роли войны в этом отношении см.: *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1898, т. I, ч. II (главы, посвященные военному и промышленному типу обществ); *Сорокин П.А.* Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // *Экономист.* 1922, № 1.

1) При равенстве прочих условий в обществах, не обеспеченных продовольствием и находящихся под постоянной угрозой голода, где в то же время существует имущественная дифференциация, мы должны найти весьма развитым принудительный этатизм, т. е. в таких обществах объем вмешательства власти и ее регулирующих функций в области экономико-продовольственных отношений, а в связи с ними и в области других отношений должен быть весьма значительным, централизация – развитой, хозяйственная автономия частных лиц – ограниченной.

В обществах, более обеспеченных в продовольственном отношении, принудительный этатизм должен быть менее развитым, а хозяйственная автономия граждан должна иметь более широкие пределы.

2) При равенстве прочих условий в одном и том же обществе кривая принудительного этатизма должна подниматься, когда: а) усиливается голодание масс населения (или ухудшается их питание); б) увеличивается имущественная дифференциация или с) происходит и то, и другое, т. е. ухудшается питание масс и растет имущественная дифференциация. И наоборот, кривая принудительного этатизма должна падать, когда: а) улучшается питание масс (уменьшается относительный и дефицитный голод); б) уменьшается имущественная дифференциация или с) происходит и то, и другое. Наконец, кривая принудительного этатизма может остаться неизменной, если ухудшение питания масс совпадает с соответствующим уменьшением имущественной дифференциации или улучшение первого сопровождается соответствующим ростом последней.

Таковы основные теоремы, вытекающие из главной, сформулированной выше. Правильность их будет свидетельством правильности последней. А все они, вместе взятые, если только они верны, должны объяснить фактическое движение кривой принудительного этатизма как в истории одного народа, так и в истории человечества вообще.

Я думаю, что истинность их имеет высокую степень вероятности. Она следует из кратких соображений, приведенных выше; она же, полагаю, подтверждается исторической проверкой и непосредственным наблюдением. Попробуем перейти к этой проверке. В пределах статьи она не может быть исчерпывающей, но должна быть все же достаточно полной. Нужные детали и подтверждения каждого положения читатель найдет в тех работах, которые я приведу в примечаниях.

§ 2

Проверка 1-й теоремы. Для ее подтверждения мы должны рассмотреть ряд таких обществ (прошлых и нынешних), которые находились бы под постоянной угрозой голода, где голодовки были нередки и где в то же время существо-

вала бы имущественная дифференциация. Согласно научному принципу: сходные причины должны вызывать сходные действия, мы должны найти в таких обществах высокий уровень принудительного этатизма. С другой стороны, мы возьмем «модели» благополучных обществ⁵ и посмотрим, действительно ли там уровень принудительного этатизма стоит низко, во всяком случае ниже, чем в обществах первых. Если окажется, что исторические факты соответствуют нашим предположениям, то это будет свидетельством правильности сформулированной теоремы.

Искомыми моделями обществ, находящихся под постоянной угрозой голода, могут служить ряд городов и областей Древнего Востока, ряд государств Древней Греции в определенные периоды, Древний Рим в конце периода республики и в III–IV вв. по Р. Х., ряд средневековых государств, ряд голодных обществ Нового времени. Моделями сравнительно благополучных обществ могут служить большинство наиболее культурных государств Запада и Северной Америки в XIX в., когда дефицитные массовые голодовки стали им неизвестны. Обратимся к рассмотрению и тех, и других.

Древний Восток. Здесь продовольственная обеспеченность населения крупных городов базировалась на шатком и узком основании – главным образом на военной удаче и грабеже покоренных племен и народов. Угроза голода была постоянной. Голодовки – хроническими. Вследствие этого – высокое развитие принудительного этатизма в сфере экономико-продовольственных отношений. «Дань, доставляемая в натуре покоренными племенами, наполняет кладовые и склады властелина»⁶. И уже отсюда она распределяется населению в виде «пайков» по предписанию власти. «Пайковая» система была хороша развита. «Большая часть платы (рабочих) состоит здесь в хлебе, дурò (пшено), масле, в порциях пищи, которые начальники работ обыкновенно раздают первого числа каждого месяца и которых должно хватить до первого числа следующего месяца». «В первые дни месяца семья наедается досыта, но уже к середине месяца порции уменьшаются; в продолжение последней недели наступает голодовка (а с ней и волнения)⁷. Производство и обмен, распределение и потребление продовольственных благ здесь централизовано и в значительной степени регулируется властью, временами – монополизирована ею. Индивидуальному усмотрению лица здесь мало простора. Опека власти над личностью неограниченна.

⁵ Метод «моделей» (или метод сопутствующих изменений), как известно, является основным методом англо-американских физиков. В социологии мы не можем создавать модели нужных нам обществ и должны брать их готовыми, данными в истории, но заключения, делаемые на основе последних, не теряют из-за этого своей ценности. См.: *Дюгем П.* Физическая теория. Ее цель и строение. СПб., 1910.

⁶ *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. II, с. 122. Там же см. подробности.

⁷ *Масперо Г.* Исторические чтения. СПб., 1905, с. 25–28 и гл. I–V, XII.

Власть – абсолютна и деспотична. Ее компетенция – беспредельна. Словом, налицо оказываются все основные черты развитого принудительного этатизма⁸.

Спарта. Как и большинство государств-городов Древней Греции, Спарта не была самодостаточной в продовольственном отношении. В ней, как и в других греческих центрах, «продуктов местного земледелия не хватало для удовлетворения потребностей населения (и потому) должно было особенно ощутительно сказываться, на каком узком и колеблющемся основании покоится экономическая жизнь города, какие опасности для населения могли повлечь за собой всякий экономический кризис, всякий перерыв сношений, всякая задержка в снабжении благами. При таком положении дел надзор за производством, распределением и потреблением благ и решительное вмешательство в них представлялось не только правом, но и обязанностью городских властей»⁹. И действительно, принудительный этатизм здесь был чрезвычайно развит. В экономико-продовольственной сфере он выражался «в политике относительно хлебной торговли и мероприятиях, направленных против дороговизны, в таксах и строгих запретительных мерах против скупщиков средств пропитания, в воспрещении вывозить земледельческие продукты и сырье, в покровительстве местному рынку запрещениями вывоза и привоза товаров, в ограничениях свободы перевозки товаров и штапельных прав^{7*}, во вмешательстве в денежное обращение и в кредитные сделки, в предпочтительном праве государства приобретать известные необходимые для него блага, в часто встречавшихся государственных монополиях», вплоть до общественных обедов (сисситий), запретов роскоши и т. д. Словом, мы имеем налицо «полную экономическую тиранию»¹⁰.

К фактору голода здесь присоединилось еще влияние постоянных войн, ведущих к тому же результату¹¹. Итогом явился неограниченный всесторонний принудительный этатизм Спарты. «Уже при самом появлении ребенка на свет вопрос о его жизни и смерти решается государством. Если вопрос решается в смысле сохранения ему жизни, то только затем, чтобы отдать его на воспитание и обучение государству, от опеки которого освобождает только смерть». «Государство каждому определяет его деятельность, каждого день и ночь держит под контролем. Оно назначает ему срок вступления в брак. Гражданин без разрешения не смеет покинуть места своего жительства, он – собственность государства»¹². Словом, Спарта подтверждает нашу теорему.

То же самое относится и к другим античным государствам, например к Липаре и др. И здесь в силу тех же причин «гражданин во всех отношениях и без

⁸ См.: *Erman A. Aegypten und Aegyptische Leben im Altertum.* 1885; *Брэстед Д.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915, т. 1, гл. V, IX, XIII.

⁹ *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 334–335.

¹⁰ Там же, с. 334–338.

¹¹ См. мою статью «Влияние войны...» в № 1 «Экономиста».

¹² *Пельман Р.* Цит. соч., с. 32–33.

всяких ограничений принадлежит государству, весь, целиком, душою и телом». Автономии и свободы лица не было. Государство регулировало всю жизнь граждан до мелочей (например, какую прическу должны были носить женщины, сколько смен платья граждане могли брать с собой во время путешествия, когда им жениться, сколько иметь детей, как верить в богов и т. д.)¹³.

Афины. И афинское государство было не самодостаточно в продовольственном отношении. По вычислениям А. Бёка, «Атика потребляла 3 400 000 медимнов^{8*} хлеба, из которых она могла производить только 2 400 000 медимнов»; при малейшем неурожае приходилось ввозить не менее половины всего хлеба¹⁴. В таких условиях «всегда могла возникнуть большая нужда, если бы не было соответствующих учреждений и не проводились надлежащие мероприятия. Поэтому забота о питании была основной заботой Афин»¹⁵. «Нельзя назвать тенденциозным преувеличением взгляд Аристотеля, усматривавшего... руководящий мотив политики Афин в намерении доставить массе народа достаточное пропитание. Десять раз в году ставился перед народом вопрос “о хлебе и безопасности страны”. Несмотря на все принимаемые меры, все-таки часто появлялся голод»¹⁶. Эта необеспеченность и «чрезвычайно серьезные опасности, грозившие государству в случае возникновения затруднений в деле обеспечения населения необходимыми средствами пропитания, привели здесь (как и в других греческих общинах) к системе государственного регулирования»¹⁷, т. е. к принудительному этатизму. Он выражался: 1) в регулировании властью ввоза и вывоза продовольствия; 2) в ограничении частной торговли; 3) в запрещениях покупок и продаж свыше определенной нормы (за нарушение – смертная казнь); 4) в таксировке цен на хлеб и продукты; 5) во всестороннем учете и контроле продовольственного товарообмена властью в лице органа ситофилаксов^{9*}; 6) в закупке продовольствия самим государством и в продаже его по дешевой цене; 7) в даровой раздаче хлеба, рыбы, соли, угля и дров, при Перикле ставшей нормой; 8) в «социальном обеспечении» и содержании государством бедных; 9) в наличии «хлебных марок» (карточек) в ряде общин и т. д. Словом, мы видим расцвет принудительного этатизма, который простирался и на другие стороны поведения граждан в общественной жизни¹⁸. Теорема подтверждается и здесь.

¹³ *Fustel de Coulanges N.D.* La cité antique. Paris, 1905 (ch. XVIII: De l'omnipotence de l'Etat); *Пельман Р.* Цит. соч., с. 26–27.

¹⁴ *Böckh A.* Die Staatshaushaltung der Athener. Berlin, 1851, Bd. I, S. 125.

¹⁵ *Ibid.*, S. 115; *Пельман Р.* Цит. соч., с. 430.

¹⁶ *Новосадский Н.И.* Борьба с повышением цен в древней Греции // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1917, февраль, с. 78–80.

¹⁷ *Пельман Р.* Цит. соч., с. 235–236.

¹⁸ См.: *Böckh A.* *Op. cit.*, S. 116–117, 119–125, 304; *Новосадский Н.И.* Цит. соч., с. 86, 79–83, 90; *Francotte.* Le pain à bon marché et le pain gratuit dans les cités grecques // *Mélanges du droit public grecque.* Paris, 1910, p. 291; *Hirschfeld O.* Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, von Augustus bis auf Diocletian. Berlin, 1905, S. 230.

Рим. Как известно, экономико-продовольственное положение Римской империи к концу периода республики (II–I вв. до Р. Х.) резко ухудшилось. Крестьянство разорилось и обезземелилось. Производство хлеба в Италии пало. Численность пролетариата возросла. Рим очутился в положении города, постоянно угрожаемого голодом и терпевшего частые и сильные голодовки. «Земледелие в Италии со времени второй Пунической войны^{10*} падало, и даже самые хлебные провинции Сицилия и Сардиния, к которым позже присоединилась Африка, едва могли удовлетворить возрастающую потребность». Плохое управление, войны, революции, гражданские смуты и спекуляция в последнее столетие республики «сделали состояние населения Рима невыносимым и чаще и чаще вызывали призрак голода»¹⁹. Вместе с тем имущественная дифференциация резко возросла к этому времени. Наряду с этим ростом голода начинается быстрый подъем и кривой принудительного этатизма в экономико-продовольственной области. «Только государство может произвести существенное улучшение – это убеждение, хотя и постепенно, начало проявляться уже в республиканскую эпоху»²⁰. И раньше «в случае голода эдилы^{11*} покупали хлеб в Этрурии, Умбрии, Сицилии и продавали его по дешевой цене»²¹. Теперь же, с ростом кризиса, винт принудительного этатизма начинает закручиваться сильнее и сильнее. Проявлением этого служат: 1) Фрументарный закон Г. Гракха (123 г. до Р. Х.), предоставлявший каждому гражданину право получения из «государственных магазинов ежемесячно определенного количества зерна (около 5 модиев) по $6\frac{1}{2}$ ассов^{12*} за модий»²². 2) Учреждение в 104 г. до Р. Х. комиссаров с исключительными полномочиями на предмет предупреждения голода и борьбы с ним. При Цезаре они, превратившись в постоянный институт, были увеличены двумя *aediles plebis ceriales*^{23/13*}. 3) В дальнейшем этот римский «продком» расширяется: в 22 г. до Р. Х. после сильного голода во главе его становится сам Август как *curator annonae*^{14*}. К 18 г. до Р. Х. устанавливается уже четыре *praefecto frumenti dandi*^{15*}. Вмешательство власти резко возросло²⁴. «Основными функциями этого института были сбор или покупка продовольствия, его транспортировка, хранение на складах, приготовление и, наконец, распределение». Вначале все это отдавалось государством на откуп публиканам^{16*}, позже оно само взяло дело в свои руки. Созданы были обширнейшая администрация и громадный штат служащих этого «прод-

¹⁹ *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 231; *Фридендер Л.* Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914, с. 27–28.

²⁰ *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 231.

²¹ *Waltzing J.P.* Étude historique sur le corporations professionnelles chez les Romains // *Memoires couronnés* Бельг. Корол. Академии. 1896, t. II, p. 23; *Ростовцев М.И.* Фрументарии и фрументарные законы // *Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон*, т. 72, с. 826–830.

²² *Ростовцев М.И.* Цит. соч., с. 826–830.

²³ *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 231–232.

²⁴ *Ibid.*, S. 232–233.

кома». Здесь, кроме высших магистратов, имелись особые «продотряды», реквизировавшие хлеб в провинциях, транспортные отряды (*navicularii*), перевозившие его, носильщики (*saccarii*), весовщики и измерители (*mensores*), хранители и сторожа складов (*horrearii*), лодочники (*codicarii*), водолазы и т. д.²⁵ Государство монополизировало чуть ли не все дело продовольствия. «Ежегодно префект рассылал наместникам провинций приказы, в которых было точно обозначено, сколько хлеба, вина, свинины, железа, платья, лошадей и т. п. “продналогов” каждый из них должен взыскать с населения провинции и куда он должен все это направить»²⁶. Государство само собирало, реквизировало или покупало (через римский «внешторг») продовольствие, перевозило его в свои склады, определяло размеры выдач, регулировало распределение и потребление. «Частная конкуренция хлеботорговцев не играла почти никакой роли»²⁷. Даже в области «ненормированных» продуктов был полный контроль. «Все виды индустрии и торговли... также контролировались»²⁸. Далее. 4) Расширяется и государственное снабжение хлебом и продовольствием. По закону Теренция-Кассия и Клодия хлеб стал раздаваться даром. Число бесплатно получающих растет. Ко времени Цезаря оно достигает в Риме 320 000 человек, а с членами семейств – 600 000. Цезарь сокращает его до 150 000, устроив остальных в колониях, Август фиксирует его в 200 000, но «так как служащие двора, стража, преторианцы и со времени Траяна – дети (*pueri alimentarii*) получали свою долю, то ежегодный расход в 76 миллионов сестерций на это бесплатное питание не уменьшался»²⁹. С этих пор «императоры не осмеливались касаться этой привилегии державного народа. Их политика в Риме состояла в том, чтобы кормить и забавлять плебс (*duas tantum res anxius optat: panem et circenses*), получивший название «хлебного плебса», ибо он не желал других вещей, кроме забав и питания. За эту цену он отказывался от свободы, будучи, однако, готовым на бунт, когда заморский хлеб запаздывал с прибытием»³⁰. 5) Далее зерно заменяется выдачей хлеба; начиная со времени правления Севера кроме хлеба начинает бесплатно выдаваться масло, с Аврелиана – свинина и шпик. 6) Наряду с этими регулярными выдачами появляются и растут выдачи экстраординарные (по случаю праздников, триумфа, победы, личных событий в жизни власть имущих и т. д.), выдачи марок-карточек на деньги, вино, соль, одежду, закуски, театральные билеты и т. п., вплоть до «марок на проституток (*lasciva nomismata*), дававших право на любовь одной

²⁵ *Waltzing J.P.* Op. cit., S. 26–103.

²⁶ *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917, с. 57.

²⁷ *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 235; *Фридендер М.* Цит. соч., с. 26; *Петрушевский Д.М.* Цит. соч., с. 112.

²⁸ *Waltzing J.P.* Op. cit., S. 101–102.

²⁹ *Ibid.*, S. 19–21; *Hirschfeld O.* Op. cit., S. 232–233; *Бюхер К.* Цит. соч., т. II, с. 128.

³⁰ *Waltzing J.P.* Op. cit., S. 20.

из многих проституток Рима»³¹. Введена была, как видно отсюда, марочная или карточная система. Этот «принудительный этатизм» распространился затем на всю экономику Рима, а позже – на всю общественную жизнь. Например, имелись пайки разных категорий. Денежная система с течением времени была почти аннулирована и заменена сбором налогов натурой; уплата жалованья производилась также частично натурой, частично – деньгами. Я уже не говорю о том, что в II–I вв. до Р. Х. частная собственность превратилась в фикцию: право на нее непрерывно нарушалось властью, отнимавшей ее у лиц, общин, городов и передававшей своим сторонникам, преторианцам, клиентам и агентам³². Словом, по терминологии Бюхера, перед нами развитое «коммунистически-империалистическое хозяйство»³³. Принудительный этатизм в этот период пышно расцветает. И здесь мы находим подтверждение проверяемой теоремы.

Средние века. Я не могу подробно останавливаться на анализе множества средневековых обществ Западной Европы с указанной точки зрения. Остановлюсь только на двух-трех «моделях» средневековых обществ. Вообще же замечу, что в экономико-продовольственном отношении большинство обществ этого периода были неблагоприятными. Голодовки – и ужасные – были здесь бытовым явлением³⁴. Мудрено ли поэтому, что средневековые являются эпохой широкой регламентации и всестороннего вмешательства власти в область продовольственных и торгово-промышленных отношений. Автономия частных лиц в этой сфере была ничтожной³⁵. Так что и эта эпоха, взятая в общем и целом, подтверждает нашу теорему. Общее состояние дел видно на примере нижеследующих картин из жизни средневековой Византии и итальянских республик XII–XIV вв.

Византия, унаследовавшая от Рима эпохи упадка все его отрицательные стороны, унаследовала и скверное экономико-продовольственное положение, а в силу этого и развитой «принудительный этатизм». Голодовки и необеспеченность населения здесь, особенно в IX–XII вв. были частыми и обычными³⁶. Дифференциация бедноты и богачей – громадной. Не удивительно поэтому, что гипертрофированным оказался здесь и принудительный этатизм как в экономико-продовольственной, так и в других областях социальной жизни. «Основой византийской государственности была идея авторитета, полного подчинения

³¹ Ростовцев М.И. Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903, с. 111–113.

³² См.: Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1916, т. I–III.

³³ Бюхер К. Цит. соч., т. II, с. 189–190. См. также: Kuhn E. Die städtische und bürgerliche Verfassung der Römische Reich. Bd. I и указанные работы Waltzing'a, Ростовцева, Hirschfeld'a и др.

³⁴ См.: Curschmann F. Hungersnöte in Mittelalter. Leipzig, 1900, Bd. II, S. 24–46.

³⁵ См. об этом: Ковалевский М.М. Экономический рост Европы. М., 1898–1903, т. III, с. 1–85, т. II, с. 670–671; Эшли У. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897, §§ 18–30. Подробный список литературы см.: Кулишер И.М. Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918, с. 106–108.

³⁶ См.: Скабалинович Н.А. Византийское государство и церковь. СПб., 1884, с. 249–253.

человеческой личности государству. Применение этой идеи отразилось в Византии крайностями централизации, абсолютизма и деспотизма»³⁷. Византия – это «царство монополии, привилегий и протекционизма. Правительство во все вмешивается, все контролирует, все регламентирует... Оно не терпело... самостоятельности общества... Энарх (градоначальник) заведовал промышленными заведениями и ремесленными корпорациями... Всякий был прикован к занятию... Под страхом наказания плетью и конфискации имущества запрещалось заниматься двумя разными ремеслами. Чтобы вступить в ремесленную корпорацию, требовалось разрешение градоначальника. Производство подвергалось разным полицейским стеснениям. Торговля была стеснена весьма мелочной регламентацией... Полицейский устав ограничивал барыши... Запрещалось делать чрезмерные запасы (продовольствия)... Торговля и промышленность находились под бдительным надзором полиции» и т. д.³⁸

В итальянских республиках XII–XIV вв. «при слабом развитии международного обмена, частых войнах с соседями и незначительности подведомственных городу территорий республиканские правительства Италии поставлены были в необходимость направлять все свои силы на заботу об обеспечении народа продовольствием. Страшными для них являлись не одни неурожайные годы. Достаточно было соседу истребить посев “наездом” или изгнанным эмигрантам прервать сношения города с окружающими его селами – и населению пришлось бы вымереть от голода, если бы общественные магазины не были заблаговременно снабжены запасами пшеницы, ржи, ячменя и риса»³⁹. Короче говоря, и эти общества были под постоянной угрозой голода.

Поскольку дана эта «независимая переменная», дана и ее социальная «функция» – развитый принудительный этатизм в экономико-продовольственной сфере. Причем он тем сильнее выражен, чем под бóльшей угрозой голода находится республика. «В строгом смысле слова безусловной монополии в деле народного продовольствия придерживались лишь немногие общины, отрезанные от соседей морем и располагающие ничтожными сравнительно запасами туземного хлеба»⁴⁰. Вкратце картина такова.

Во главе продовольственного дела стоит особый «магистрат изобилия», или *Or Son michele* (соответствующий «продкому»). Его задача – обеспечение государства продовольствием. Он от имени государства реквизирует, добывает, покупал продовольствие, регулировал его ввоз и вывоз, устанавливал цены-таксы

³⁷ Там же, с. 132 и гл. III, V, VI.

³⁸ *Безобразов П.* Очерки византийской культуры. СПб., 1919, с. 96–104. Неограниченность власти монарха в Византии, как и в Риме власти *principes*’а, не мешала своеобразному «демократизму».

³⁹ *Ковалевский М.* Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждой // *Помощь голодающим.* М., 1892, с. 355.

⁴⁰ Там же, с. 361.

на продовольственные продукты, определял нормы выдач, организовывал мельницы, хлебопекарни и т. п., распределял продукты, карал спекулянтов и, наконец, регламентировал и контролировал весь товарообмен.

Регламентация была детальной. Поселяне принудительно прикреплялись к земледелию (за нарушение – кара), запрещалось уходить из своей профессии, определялся свыше порядок обработки полей – время, количество вспашек, прополок и т. д. («посевная кампания»), устанавливался продналог и время его доставки в город, предписывалось везти в город и сдавать весь хлеб, кроме прожиточной нормы и семян, продажа должна была производиться под контролем власти, свыше определенной нормы запрещалось покупать (например, более четырех корзин пшеницы на две недели), были обычны постоянные обыски, учет и контроль, реквизиции, «заградилочки» и т. д., и т. д.⁴¹

Сходную по существу картину мы встречаем почти во всей средневековой Европе. «Людам XII и XIV столетий, – пишет М.М. Ковалевский, – так же трудно было бы понять то, что мы разумеем под свободой хлебной торговли, как нам усвоить себе представление (о, мы теперь это отлично усвоили. – П.С.), что земледельцы, мельники, булочники – слуги общественные... А что так именно смотрели на них средневековые правительства – в этом легко убедиться из чтения любого из законодательных памятников». Так было в Англии, где с 1202 г. введены были общие акцизы на хлеб и пиво, так было во Франции, где «ввиду часто повторяющихся неурожаев, центральное правительство и городские муниципии считают своим долгом установить максимум хлебных цен, запретить вывоз и строгими наказания предупредить возможность спекуляций со стороны скупщиков»⁴².

Ограничусь приведенными «моделями» обществ, часто голодающих и постоянно находящихся под угрозой голода. Из их примеров мы видим, что если в обществе присутствует этот признак *A*, то наличествует и связанный с ним признак *B* – высокий уровень принудительного этатизма. То же самое *mutatis mutandis* мы встречаем почти во всех аналогичных обществах, удовлетворяющих вышеназванным условиям. В дальнейшем, при проверке второй теоремы, мы увидим это и на фактах нашего времени.

Теперь возьмем «модели» сытых обществ, не подвергающихся частым массовым голодовкам, и посмотрим, как в них обстоит дело с развитием принудительного этатизма. Согласно сформулированной теореме мы должны найти его здесь в гораздо менее развитом виде. Действительность подтверждает наши ожидания. В целях краткости я возьму модели относительно сытых обществ только из новой истории. Такими являются Англия, Франция, США, Германия и ряд других западноевропейских государств в XIX в.; в это столетие они почти

⁴¹ Там же, с. 358–369.

⁴² Там же, с. 352–353.

не знали массового дефицитного голода; уровень жизни масс в общем и целом поднимался, питание их улучшалось⁴³. Что же мы видим?

Видим, что для этих стран XIX в. – век развития свободы и автономии личности *par excellence*^{17*}, век индивидуализма, небывалого развития индивидуальной инициативы, личной собственности, свободы торговли и промышленности. Словом, век резкого сокращения правительственной опеки, регулирования, вмешательства и регламентации как в сфере экономико-продовольственных, так и в сфере других отношений. Монополия хлеба, торговли, таксировки цен и т. п. исчезли; производство, обмен, распределение и потребление продовольствия и других предметов здесь регулировались волей частных лиц, короче говоря, кривая принудительного этатизма резко упала.

Эти факты общеизвестны и не нуждаются в доказательстве. Если и здесь были моменты временного подъема кривой принудительного этатизма, то они были именно временными, и кроме того, как мы увидим ниже, происходили они тогда именно, когда для соответствующего общества возрастала угроза голода и продовольственных затруднений.

Мало того. И среди этих стран в странах наиболее сытых, каковы Соединенные Штаты Америки и Англия, уровень принудительного этатизма стоит и стоял всего ниже: «индивидуализм», «частный почин», «свободы личности» и «свобода занятий и торговли» – всего выше. Знаменательное совпадение! И наоборот. Страны, подобные России, которые и в XIX в. не вышли из положения хронически голодающих обществ, были странами с ничтожным объемом прав и автономии граждан, с гипертрофированным объемом опеки, регламентации, централизма, вмешательства и деспотизма власти. Тоже довольно красноречивое совпадение!

Правда, мне могут в качестве возражения указать на то, что именно в XIX в. государство расширило свои регламентирующие функции и стало вмешиваться более активно, чем когда бы то ни было, в экономическую область... «Никогда еще государство не вело столь активной промышленной и торговой политики»⁴⁴, – говорят сторонники этой точки зрения и, доказывая ее, указывают на за-

⁴³ Об этом улучшении см.: для Англии – *Wood*. *Real Wages and the Standard of Comfort since 1850* // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1909, march, p. 102–103; *Wood*. *Some Statistics related to Working Class Progress since 1860* // *Ibid.*, 1899, p. 639–666; *Bowley A.* *Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century*. 1900; *Giffen*. *The Progress of the Working Classes* // *Essay in Finance*. Second series. London, 1890; для Франции – *Levasseur E.* *Histoire des classes ouvrières*. 1904, t. I–II; для Бельгии – *Engel E.* *Die Lebenskosten belgischer Arbeiterfamilien* // *Bulletin de l'Institut International de Statistique*, t. IX; для Германии – соответствующие главы в курсе Шмоллера. Общие сводки приведены в статистических словарях *Mulhall*'я и *Webb*'а. Подробная литература указана у С.И. Солнцева (Заработная плата как проблема распределения. СПб., 1911). Автор этой работы также не отрицает абсолютного улучшения положения масс в течение XIX в.

⁴⁴ *Bourguin M.* *Les systèmes socialistes*. 1907, p. 275–276.

конодательство об охране труда, страхование, на законы о минимуме заработной платы, на государственные монополии: телефон, телеграф, пути сообщения и т. п.

Наивное возражение, отвечаю я. Во-первых, в области интересующих меня продовольственных отношений регулирующие-монополизирующая роль власти в означенных государствах в XIX в. самым резким образом сократилась по сравнению с той ролью, которую она имела в «голодных» обществах, описанных выше. Это бесспорно. Во-вторых, и в целом взятые все регулирующие функции государства в XIX в. в этих странах ничтожны по сравнению с функциями государственной власти в описанных «голодных» обществах или в тех же странах Европы в более голодные эпохи. Разве не в XIX в. расцвела свобода слова, печати, союзов, собраний, религии и других личных прав, которые в «голодных» обществах целиком регламентировались и регламентируются властью? Разве не в XIX в. наиболее широко привились «гарантии» неприкосновенности личности, ставящие определенные и весьма узкие границы вмешательству власти в поведение граждан?

Бесполезно подробно доказывать трюизмы. Не иначе обстоит дело и в экономической сфере. Те регулирующие функции государства в XIX в., на которые указывают наивные теоретики и в которых видят симптом роста роли государства, – только жалкие остатки того богатства регулирующих функций власти, которые она имела в вышеперечисленных «голодающих» агрегатах. Там, как мы видели, государственная власть сама регулировала и вела почти всю экономику обществ. И не только всю экономику, но и всю жизнь граждан до мелочей. А теперь оно лишь изредка выступает посредником в столкновениях классов, да... ввело законы об охране труда... Возражающие забыли, что раньше в голодных агрегатах государство само было главным предпринимателем, руководило почти всем трудом подданных, все опекало, определяло status и профессию подвластных, их местожительство, их одежду, питание, их брак, их верования, их обучение, короче говоря, всю их жизнь от рождения до смерти.

Да, теперь государство заботится о санитарии и гигиене, ввело законы об охране труда. Но разве это все – в соответствии с уровнем знаний того времени – не регулировало государство очерченных агрегатов? Разве борьба с проституцией и пьянством, с половыми болезнями и эпидемиями и т. д., и т. д. не находились в ведении власти издревле? Кто этого не знает, пусть прочтет хотя бы древние правовые своды вроде Библии, Законов Хаммурапи, Авесты, Вед и т. д., не говоря уже о законах античных государств или трактатов по полицейскому и административному праву. Прочтя их, он увидит, что власть не забывала «совать свой нос» даже в такие пустяки, как вопросы о том, горячим или холодным должно быть съедано такое-то блюдо, с покрытой или непокрытой головой нужно его есть, обратясь лицом к северу или югу, когда и где человек может мочиться, обратясь к солнцу или против солнца, по ветру или против ветра и т. д.

Современные же государственные монополии – жалкий остаток бывшего богатства монополий правительства. Пути сообщения давно находились в ведении государства. Попечение о бедных также издавна входило в его функции. То же самое можно сказать и о других современных монополиях государства, кроме разве таких, которых раньше не было вовсе, например телефона и телеграфа. А сколько других монополий имело «голодное» или военное государство раньше! Религия – его монополия. Печать, обучение – его монополия. Мышление и образ мыслей – его монополия: подвластные должны были верить, думать, учиться, говорить то и так, что и как оно предписывало. Ученый, художник, поэт были чиновниками государства. Почти вся экономическая жизнь также направлялась им, оставляя весьма мало на долю частного усмотрения и почина!

Бесполезно настаивать на трюизмах. Только придерживаясь гегелевского мнения о том, что «тем хуже для фактов»^{18*}, можно с серьезным видом говорить о росте этатизма в Англии, Франции, США и Германии в XIX в. по сравнению с предыдущими веками или с голодными обществами вообще⁴⁵.

Таким образом, на указанных «моделях» сытых обществ проверяемая теорема подтверждается с другого конца.

На основании сказанного мы можем считать эту теорему в значительной мере подтвержденной и имеющей основания на то, чтобы признать ее близкой к истине.

Теперь перейдем к проверке второй теоремы. Подтверждение ее будет дополнительным аргументом в пользу правильности первой, а обеих вместе – в пользу правильности тезиса, утверждающего существование функциональной зависимости между голодом и принудительным этатизмом при наличии указанных условий.

§ 3

Проверка 2-й теоремы. Согласно ей (при равенстве прочих условий) мы должны найти в истории одного и того же народа повышение кривой принудительного этатизма в периоды: 1) ухудшения питания масс (роста дефицитного или относительного голодания), 2) роста имущественной дифференциации,

⁴⁵ Тезис о том, что в этих странах в XIX в. этатизм пал, я просил бы не отождествлять с тезисом, согласно которому государство по ходу истории постепенно отмирает. Я этого не говорю, как не утверждаю и обратного. Я говорю: рост принудительного этатизма есть функция усиления голода и имущественной дифференциации (а также войны и ряда других второстепенных факторов). Если эти «независимые переменные» будут расти – будет повышаться и кривая этатизма. Если они будут исчезать – будет падать и принудительный этатизм. А будут ли расти или падать в будущем эти независимые переменные, я не знаю, поэтому ничего не могу сказать и о дальнейшей судьбе этатизма.

и особенно 3) роста и голода, и дифференциации. При условиях противоположных кривая принудительного этатизма должна падать. Улучшение питания масс и в то же время рост дифференциации (как и ухудшение первого и уменьшение второй) могут «нейтрализовать» друг друга и оставить уровень принудительного этатизма неизменным или изменить его в меньшей мере, чем та, которая имела бы место без такой нейтрализации. Обратимся к фактам.

Уже из библейского сказания об Иосифе, который в период «семи тощих ков»⁴⁶, т. е. семи неурожайных лет, «все земли Египта, кроме церковных, обратил в собственность царя и свободных землевладельцев сделал его рабами», усилил принудительную организацию труда, монополизировал в руках власти дело продовольствия и т. д.⁴⁶, мы видим прямое подтверждение теоремы в общественной жизни древних государств Востока. Поднимается кривая голода (без падения имущественной дифференциации) – поднимается и кривая принудительного этатизма.

То же мы видим и в истории *Афин*. Здесь обычный уровень принудительного этатизма и так стоял высоко. В периоды же острых голодовок он поднимался еще выше. Доказательством тому служит институт *ситонии*^{19*}, или чрезвычайной комиссии по борьбе с голодом. Когда с появлением голода «цены не только на хлеб, но и на предметы первой необходимости возрастали и доходили до крайних пределов, тогда государство принимало специальные меры. Для борьбы с надвигавшимся голодом избирали особых уполномоченных – ситонов (*Σιτώναι*). Учреждение комиссии ситонов являлось в Афинах признаком уже наступившего голода, начала бедствий»⁴⁷. Ситоны покупали хлеб, раздавали или продавали его за дешевую цену, запрещали вывоз, словом, монополизировали дело продовольствия в своих руках. Они наделялись чрезвычайными полномочиями. С учреждением ситонии пресс государственного вмешательства давил сильнее, т. е. кривая принудительного этатизма резко повышалась. Аналогичное явление имело место и в других государствах Эллады⁴⁸.

Посмотрим на этот вопрос шире. Обеспечить людей продовольствием можно не только его раздачей – это экстраординарный паллиатив, – но и путем предоставления им средств и орудий производства. В земледельческих странах главным средством производства является земля. Отсюда понятно, что уравнительные земельные переделы, по теореме, особенно частыми должны быть в периоды роста нужды и голода масс. И действительно, в Спарте «в первый раз в греческой истории встречаемся мы с требованием раздела земли в суровые времена второй Мессенской войны»^{49/20*}. С VI в. до Р. Х., как известно, наступило

⁴⁶ Бытие 47, 20–21; *Рошер В.Г.* О хлебной торговле и мерах против дороговизны. Казань, 1857, с. 61.

⁴⁷ *Новосадский Н.И.* Цит. соч., с. 80–82.

⁴⁸ Там же, с. 84. См.: *Пельман Р.* Цит. соч., с. 591.

⁴⁹ *Пельман Р.* Цит. соч., с. 49, 33, 65, 97.

обезземеление масс, ухудшение их положения, рост голода, и с этого же времени возникает требование «земля – народу», происходят социальные революции, кончающиеся тиранией, которые объем вмешательства власти расширяли беспредельно, национализировали и движимую, и недвижимую собственность, вплоть до жен и детей богачей, сводили на нет автономию лиц, словом, в эти именно века обеднения и роста дифференциации кривая этатизма резко поднималась во всех областях общественной жизни⁵⁰.

Другой, более поздней эпохой резкого обеднения масс и роста голода (без уменьшения имущественной дифференциации) в истории Афин был период после Пелопоннесской войны⁵¹. С этого же именно периода начинаются перманентные социальные революции (в частности, 411, 409 гг.), победители в которых, будь то олигархи или тираны, до максимума расширяют объем вмешательства власти, все национализируют, все опекают и регулируют. Права, автономия и достояние частных лиц превращаются в фикцию. Принудительный этатизм доходит до высшей точки.

Сходное видим и в истории *Спарты*. Здесь крайнее обнищание масс и рост имущественной дифференциации наступает к середине III в. до Р. Х. и к началу II в. В результате этого процесса происходят социальные революции, в ходе которых во главе голодных становятся цари Спарты (Агис IV, Клеомен III, Набис). Права частных лиц резко ограничиваются. Достояние социализируется и раздается сторонникам победителей, вплоть до жен и детей богатых; вмешательство власти принимает необычайные размеры; даже право на жизнь отрицается: людей убивают массами. Короче говоря, царит неограниченный принудительный этатизм⁵². И тут, и там обратный процесс начинается лишь с того времени, когда Афины и Спарта оказываются под властью Рима, когда наступает сравнительное благоденствие.

Ту же связь можно отчетливо проследить и на истории *Рима*. И здесь резкий подъем принудительного этатизма замечается в последние полтора века республиканского периода (II–I вв. до Р. Х.). Проявлением этого роста служат уже известные нам факты: аграрный и фрументарный законы Гракхов, раздача хлеба от имени государства, растущая монополизация продовольственно-экономических отношений в его руках, постепенное падение автономии и прав частных лиц, ограничение и (фактически) ликвидация права собственности, рост деспотизации власти, приведшей в итоге к диктатурам (Мария, Суллы, триумвиров^{21*}, Цезаря, Августа) и императорской власти и т. д. В эту именно эпоху происходят

⁵⁰ Там же, с. 360; см. также с. 353, 371–372, 675, 455–456; *Фюстель де Куланж Н.Д.* Цит. соч., с. 324–325, 397–398.

⁵¹ См.: *Busolt G.* Griechische Geschichte. Gotha, 1904, Bd. III, S. 1402–1403, 1614, 1628; *Böckh A.* Op. cit., S. 157–164, 263, 343.

⁵² См.: *Niese B.* Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten. Gotha, 1899, 2 Teil, S. 296–297, Teil 3 (1903), S. 42–43.

переделы, уравнивания, конфискации, *aequatio bonorum*^{22*}, национализации и т. д. Власть вообще перестает считаться с правами граждан – и личными, и имущественными; вмешивается во все, куда ей угодно, не обращая никакого внимания на все неудобные для нее законы.

Как раз эти же века оказываются периодом резкого обеднения населения Италии, усиления голода и имущественной дифференциации⁵³. Далее, в первые два века по Р. Х. экономическое благосостояние масс если и не улучшается сколько-нибудь ощутимо, то и не ухудшается. Соответственно, если кривая этатизма не падает, то и не растет.

Новое резкое ухудшение наступает с середины III в. по Р. Х. Завоевания и грабеж побежденных в это время прекратились. Натиск варваров усилился. «Римская торговля деградировала. Земля обесплодилось. Земледелие пало, промышленность тоже... Ввоз рабов прекратился... Только один класс пролетариев рос непрерывно... Голод стал вечной угрозой». Словом, наступил экономический крах. Концентрация же богатств в руках немногих достигла громадных размеров⁵⁴.

И что же мы видим? Видим, что именно с III в. принудительный этатизм делает здесь новый колоссальный скачок вверх. Наступает его полное царствие. Проявляется это в следующем. 1) Власть становится абсолютно неограниченной. Император – божеством, стоящим выше закона. *Princeps legibus solutus est. Quod principi placuit – legis habet vigorem*^{23*}. 2) Наступает полная централизация и всесторонняя опека населения и всей его деятельности. 3) Полностью утрачиваются автономия и свободы граждан. 4) Возникает государственное «плановое» хозяйство, частная промышленность и торговля уничтожаются. 5) Денежная система заменяется натуральными повинностями. 6) Создается система пайков различных категорий. 7) Армия чиновников разрастается неимоверно. Словом, наступает полный принудительный этатизм... Вот более конкретная картина положения дел.

«Все опекаются и контролируются. Для этого создается бесчисленный штат чиновников. Он грабит, ворует и тем еще сильнее ухудшает положение. Государству нужны бесчисленные средства (на содержание двора, питание черни, на армию, чиновников и войны). Далее, работа населения и профессиональных корпораций, раньше бывших свободными, теперь стала обязательной и наследственной. *Corporati et collegiati*^{24*} (членов огосударственных “профсоюзов”) теперь

⁵³ См.: *Ростовцев М.И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918; *Пельман Р.* Цит. соч., с. 563–574; *Виннер Р.Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908, с. 47–48; *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. М., 1915–1916, т. I–III и соответствующие тома римской истории *Duruy*, *Моммзена*, *Друмманна*.

⁵⁴ *Duruy*. Histoire de Roma. 1885, t. VI, p. 550–551. См. также: *Vanlaer*. La fin d'un peuple. 1895; *Seeck O.* Geschichte des Unterganges der antiken Welt. Bd. I, S. 318–368; *Waltzing J.P.* Op. cit., t. II, p. 263–264.

(с III в.) принадлежат власти со всем своим достоянием. Государство, взявшее на себя удовлетворение всех потребностей – публичных и частных, – фатально приходит к необходимости закрепощения даже частного труда. Ремесленник и коммерсант должны целиком отдаться своему ремеслу и торговле, как колон должен возделывать землю. Империя трансформируется в обширную мастерскую, где под контролем толпы чиновников работают для императора, государства и частных лиц. Почти вся промышленность управляется государством; оно же распределяет – весьма неравномерно – и продукты. Члены профессиональных корпораций – уже не свободные личности, работающие для прокормления своей семьи; это – рабы государства, содержимые им, подобно чиновникам, но довольно плохо и недостаточно. Хозяин земли и работы – государственная власть – оказывается буквальным воплощением теории Платона и как бы говорит своим подданным: “Будучи законодателем, я не считаюсь ни с вами, ни с вашим имуществом как чем-то вам принадлежащим, я рассматриваю вас и ваши семьи со всем имуществом как собственность государства”. Это было воистину подлинной государственной организацией труда, где в руках государства находилось почти все производство и распределение богатств...»⁵⁵ Для гражданина, как и для государства, как с политической, так и с экономической точки зрения последствия оказались смертельными. Для граждан не было даже вопроса ни о правах индивидуальных, ни о свободе личности. Были только обязанности. Была одна цель – чтобы они лучше выполняли свои обязанности в пользу государства. Были нарушены священнейшие права личности, отняты важнейшие свободы. Право и политическая свобода – пустые слова. Прикованные почти неразрывными цепями к условиям своей жизни, заключенные в нечто вроде каст, открывающихся только для входа, а не выхода, они (*collegiati* и *corporati*) не могли и думать о восхождении по социальной лестнице. Права гражданские и частные были конфискованы или, точнее, оставлены лишь настолько, насколько нужно было для облегчения работы в пользу государства. Право собственности не существовало или превратилось в нечто иллюзорное. Профессиональной свободы не стало. *Corporati* не могли выбирать род занятий, соответствующий их талантам, вкусам, призванию; они не могли работать там, где им хотелось бы, потому что были прикреплены к мастерской или к городу; они не имели права устроиваться, где и как хотят. Они не имели свободы брака. Они не располагали даже своей личностью. Они и их дети – рабы и останутся рабами! Поистине, этот режим у подвластных ему отнял все. И нельзя удивляться тому, что население изо всех сил призывало варваров как освободителей⁵⁶. Но «и ленивая, и голодная чернь, для которой трудилось и страдало столько людей, не была более счастливой. Голод угрожал ей постоянно. Она восставала часто... Лучше ли выполнялись другие обязанности? Все эти

⁵⁵ *Waltzing J.P.* Op. cit., S. 480–482.

⁵⁶ *Ibid.*

чиновники, предназначенные для наполнения казны, для доставления роскошных одеяний двору, экипировки – армии, для снабжения городов и выполнения общественных работ, создали ли они то, что ожидали от организации столь жестокой и тиранической? Нет! Постоянно оказывалось, что все делаемое государством не было ни более успешным, ни более дешевым... всюду контроль был недостаточен. Более того. Чиновники разрушали государство взяточничеством, граждан – вымогательствами. “Фиск – это разбойничество”, – говорит современник тех лет Сальвиан. Частный интерес был задушен. Частное лицо было подавлено. Оно стало инертным. Частная инициатива испарилась. Государство предпринимало все, следовательно, частному лицу было нечего делать... И даже там, где царствовало принуждение, не хватало рук для работы. Закрепощенные крестьяне всюду страдали... Коллегии (профсоюзы) обезлюдил: их члены не женились, чтобы не давать жизнь несчастным. Вот результат этой универсально-государственной организации труда. Никогда не было администрации более придирчивой и жестокой для населения и менее продуктивной для страны... Этот режим был основан на принуждении: всюду рука государства, всюду его тирания, всюду насилие рекрутирует или удерживает работников. Нигде нет ни частной инициативы, ни свободного труда». «Никогда насилие не содействует продуктивности труда. Промышленный прогресс возможен только при свободе», – заканчивает автор цитированной книги⁵⁷. В итоге – Римская империя погибла. Прибавьте к этой картине переход к натурально-податной системе (при Диоклетиане), системе пайков и «государственного снабжения» чиновников и служащих государства (*mercedem et cobra ex aeraio*^{25*}) и т. д.⁵⁸, и картина полного принудительного этатизма здесь станет ясной.

Если исследуемую связь проследить детальнее, то можно было бы увидеть, как в годы голода (например, в 20 и 18 гг. до Р. Х., в 5, 8 и 19 гг. по Р. Х. в 52 г. при Траяне) кривая этатизма делает скачки вверх.

Из сказанного видно, что наша теорема историей Рима подтверждается вполне.

Подтверждается она и историей *Средних веков*. Появляется голод – и кривая этатизма в разных формах сразу делает скачки вверх. Буду краток. Разражается голод 792–793 гг. – и Карл Великий «на Франкфуртском Синоде впервые

⁵⁷ Ibid., S. 482–484. Такая же судьба, спустя ряд столетий, как известно, постигла и Византию, где тот же режим этатизма «убил в великой армии труда всякую свободу и личное достоинство. Различные ветви промышленности, которую здесь так ревниво охраняли, перекочевали постепенно на Запад, торговля падала; все больше иссякало богатство и ослаблялась сила сопротивления врагам, пока не наступила окончательная катастрофа» (*Безобразов П.* Цит. соч., с. 104).

⁵⁸ См.: *Waltzing J.P.* Op. cit., p. 10–12; *Петрушевский Д.М.* Цит. соч., с. 126–127 и указанные работы *Duru, O. Seeck’a, Ростовцева, Пельмана, Фюстеля де Куланжа*, а также: *Rostowzew M.* Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Berlin–Leipzig, 1910.

устанавливает строго фиксированные цены»⁵⁹. Голод 805 г. – и появляется приказ, по которому «никто свое продовольствие не может продавать дороже определенной цены», запрещается вывоз и свободная торговля: «ne foris imperium nostrum vendatur aliquid alimoniae»^{26*}; а «так как эти таксированные цены были ниже свободных цен, то они могли быть введены только с применением сильнейшего насилия и принуждения»⁶⁰. Далее, приказывается, чтобы во время голода «каждый епископ, аббат или аббатиса кормили четырех голодных, если не могут четырех, то одного, двух или трех». То же самое предписывается и всем держателям королевских бенефиций^{27*}. Ограничивается свобода договоров и сделок и т. д., словом, с ростом голода растет и принудительный этатизм, проявляясь в десятках различных форм государственного вмешательства в жизнь граждан и в экономико-продовольственные взаимоотношения⁶¹.

Нечто аналогичное происходило и при других голодовках средневековья: таксировка цен, ограничение свободной торговли, регулирование ввоза и вывоза, даровая раздача хлеба или дешевая его распродажа, конфискация запасов у богатей и их раздел между бедными, обыски и реквизиции, установление максимума запасов, которые могут иметь граждане, отбирание излишков, регулирование посевов, величины выпекаемых хлебов и т. д., и т. д. – все эти виды вмешательства власти и сокращения автономии граждан – обычное явление во время голода⁶². Производство и обмен, распределение и потребление в такие периоды начинают в гораздо большей мере регулироваться сверху. В силу постоянной угрозы голода в Средние века эта регламентация и так была достаточно развита. В годы голодовок она еще более усиливается. Пришлось бы долго и нудно перечислять отдельные годы и даты. Ограничусь немногими фактами, отсылая за подробностями к указываемым работам. В Англии в 1201–1202 гг. был сильный голод, а в 1202 г. – впервые введены акцизы на хлеб и пиво⁶³. Рост принудительного этатизма далее обнаруживается во время голода 1483, 1512, 1521, 1586 и др. гг.⁶⁴ С развитием торговли, с началом господства над морями, с того времени, когда Англия обеспечила себя хлебом колоний (с XVII в.), когда постоянная угроза голода исчезает, отмирают и эти меры, воцаряется свобода торговли и саморегулирование, падает и кривая принудительного этатизма. Позднее она неоднократно поднимается вверх, но как раз в те годы, когда возрастает угроза голода (например, в годы континентальной блокады^{28*} и наполеоновских войн и т. п.).

⁵⁹ *Curschmann F.* Op. cit., S. 71.

⁶⁰ *Ibid.*, S. 71–75.

⁶¹ *Ibid.*

⁶² *Ibid.*, S. 74–75.

⁶³ *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы. М., 1903, т. III, с. 22.

⁶⁴ *Эшли У.* Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897, с. 287–291, 297–311; *Schanz.* Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. 1881.

Такой же параллелизм движения кривой голода и кривой принудительного этатизма видим мы и в истории Франции. Прежде всего и здесь основные регулирующие экономико-продовольственные отношения регламенты появляются в годы голодовок (эдикты 1304–1305 гг., Франциска I, постановление 1565 г., королевские ордонансы 1567, 1577 гг., приказы парижского прево^{29*} 1391, 1591, 1635 гг., постановление парижского парламента 1662 г., ряд мер регламентации в 1662, 1684, 1693, 1699, 1709 и др. гг.⁶⁵). Усиливается голод – растут и принудительное вмешательство и регламентация. Падает голод – ослабляются и последние. «Сколько нам ни приходилось читать официальную переписку (властей о хлебной торговле), мы всегда могли заметить, что она (а равно и меры регламентации) оживлялась во времена дороговизны и неурожая и замирала, когда урожай был хорош, когда народное продовольствие не вызывало забот правительства. В эти последние периоды правительство не настаивало на исполнении хлебных регламентов, и последние не исполнялись во всей точности... Когда хлеб бывал дешев, на закононарушения смотрели сквозь пальцы... При голодовках же строгость предписаний усиливалась»⁶⁶.

В такие периоды все обычные формы вмешательства власти, давление ее принудительного пресса усиливались. Обыски и реквизиции с помощью «продотрядов» становились нормой. Излишки запасов отбирались. Таксировка цен была обычным делом. До деталей регламентировались торговля и рынок; вводились пайки, дешевая продажа хлеба государством; устанавливались общественные запашки (подобие «колхозов»), правительство регулировало посевные кампании и т. д.⁶⁷ «При всяком подъеме цен власти устремляли подозрительный взгляд на земледельца и принимали меры к тому, чтобы заставить его снабжать рынок». Как и при предыдущих голодовках, в голод 1693 г. «предписывается ежемесячная проверка запасов хлеба, и те, у кого на руках хлеб, обязаны объявлять, куда они девали недостающее количество; в случае, если окажется, что они не посылали на рынок предписанного количества, они приговаривались к штрафу (в двойном размере)...». Ослабляется голод – давление пресса падает. Усиливается он снова, например в 1708 г., и снова «из арсенала вынимаются все распоряжения, касающиеся хлебного дела». Вводится во всей строгости ордонанс 1577 г., предписывающий «властям открывать амбары и обязывать везти хлеб

⁶⁵ См.: *Афанасьев Г.Е.* Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892, с. 1–3; *Araskhanianz.* Die französische Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789 // *Staats- und Sozialwissenschaft. Forschungen* (изд. Шмоллером). 1882, Bd. 4, Heft 3, S. 10–12; *Biollay.* *Etudes economique sur le XVIII siècle.* 1885, p. 35.

⁶⁶ *Афанасьев Г.Е.* Цит. соч., с. 8, 17, 2–4. См. также: *Гуго.* Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // *Предшественники новейшего социализма.* СПб., 1907, т. II, с. 301–303; *de Tocqueville A.* *L’Ancien Régime et la revolution.* 1877, p. 281.

⁶⁷ Подробности см. в указанных работах Рошера, Эшли, Афанасьева, Schanz’a, Araskhanianz’a, Ковалевского. См. также: *Цитович.* О голодах в Западной Европе; *Clément P.* *La police sous Louis XIV.* 1866.

на рынок», учитывать его, причем «они не должны стесняться отсутствием хозяев и могут выламывать двери амбаров», комиссары «распределяют между рынками землевладельцев и назначают количество хлеба, которое каждый из них должен доставить на указанный рынок (по таксе), а также и время, когда хлеб должен быть доставлен» и т. д.⁶⁸

Эта причинная зависимость особенно рельефно проявляется тогда, когда во главе всей экономической политики государства оказываются принципиальные противники государственного вмешательства. Примером может быть Тюрго. В 1774 г. он издает эдикт о полной свободе торговли. Но неурожай 1774–1775 гг. очень быстро сводит эту свободу на нет и заставляет самого Тюрго принять ряд регулирующих мер (премии за ввоз хлеба, оставление в силе запретов вывоза и т. д.). Эдикт 1774 г. остается на бумаге. То же самое повторилось и при Неккере, Дюпон де Немюре и даже при Национальном собрании. Последнее декретирует 29 августа 1789 г. свободную торговлю и подтверждает ее в 1790 г. Но напрасно! Голод в эти годы растет, и закон остается на бумаге. Люди предполагают, а судьба располагает! Юридические декреты аннулируются декретами необходимости⁶⁹. *Pia desideria*^{30*} свободной торговли продолжают в первые годы революции (с 1789 г. по 30 сентября 1791 г. было не менее пяти эдиктов, подтверждающих ее). Но – увы! В силу голода они были обречены на бездействие; «в действительности этой свободы не существовало, и эдикты не исполнялись»⁷⁰. Рост сильнейшего голода с 1788–1789 гг.⁷¹ влечет за собой *de facto* и рост принудительного этатизма, завершившийся, как известно, законом о максимуме 3 мая 1793 г., законом 29 сентября 1793 г. и всей практикой якобинцев, доведших принудительный этатизм до высшего давления. Отчасти и *de jure*, а главное фактически, в период диктатуры якобинцев объем вмешательства власти расширился беспредельно, личные и имущественные права граждан были сведены на нет, их автономия тоже, собственность – фактически – была уничтожена, конфискации, реквизиции и секвестрации стали правилом, коммунизации и национализации – нормой, государственная власть все опекает, все регулирует, во все вмешивается,

⁶⁸ Афанасьев Г.Е. Цит. соч., с. 2–3, 5, 8, 144–148, 155, 158; *de Tocqueville A.* Op. cit., p. 281.

⁶⁹ См.: Афанасьев Г.Е. Цит. соч., с. 299–300, 370–371; Афанасьев Г.Е. Исторические и экономические статьи, т. I, с. 357, 363, 394–398, 439, 353–440. Я говорю здесь о росте этатизма под влиянием голода только в продовольственной области, но рост его здесь неизбежно вызывал рост и в других областях общественной жизни. Рост централизации, бюрократизации, деспотизации власти, падение автономии лиц и общин, короче говоря, рост принудительного этатизма во Франции, проявляющийся особенно сильно в XVII и XVIII вв., происходил не без влияния голода (и других факторов, главным образом – войны). Французская революция, по верному мнению Токвиля, только окончательно завершила этот процесс. См.: *Tocqueville A.* Op. cit., p. 38–40, 49, 63–64, 110–111, 162, 242–243, 277–278, 383–384, 442.

⁷⁰ Zolla. La crise de subsistances sous la Revolutions // *Revue des deux mondes*. 1 декабря 1915 г.

⁷¹ См.: *Тарле Е.В.* Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. I–II.

не оставляет автономии даже в области мышления и верований, брака и эстетических вкусов. «Вмешательство государственной власти во все области частной жизни, давление ее, производимое на труд, обмен и собственность, на семью и воспитание, на религию, нравы и чувства, принесение частных лиц в жертву обществу – такова программа и практика якобинцев»⁷².

Хотя 23 декабря 1794 г. закон о максимуме отменяется (отчасти потому, что все было уже уравнено и национализировано и больше нечего было захватывать, т. е. в силу падения имущественной дифференциации), но фактически – в силу продолжающегося голода – вмешательство государства уменьшается мало⁷³.

Такие же подъемы и понижения кривой принудительного этатизма в связи с движением нашей «независимой переменной» мы видим и позже, при Наполеоне, когда в силу той же причины, плюс войн, принудительный этатизм стоял высоко и «полнейшим произволом отличалось его вмешательство в экономическую жизнь страны»⁷⁴; вся страна стала «казармой». Далее эти подъемы этатизма мы видим в 1812, 1817, 1837, 1848 и в 1871 гг. – в годы неурожая, кризисов и усиления голода⁷⁵. Наконец, то же самое произошло и в 1914–1918 гг. в связи с войной и обострением продовольственного вопроса.

Ту же связь можно проследить и на истории нашего отечества. В годы роста голода (*ceteris paribus*) при наличии имущественной дифференциации и у нас в той или иной форме возрастал принудительный этатизм. Проявлениями подъема последнего служили и служат следующие социально-экономические процессы:

1. *Усиливалось правительственное регулирование ввоза и вывоза продовольствия.* В древности «без княжеского дозволения вывоз хлебов за рубеж не был во власти торговцев при неурожаяе в самой Руси». Так было, например, в 1279, 1452 и 1650 гг., когда псковитяне «заповедаша не продавать за рубеж ржи и никакого обилия». При Петре заграничный отпуск хлеба постановлено разрешать лишь в том случае, если хлеб в Московской губернии будет стоить ниже рубля, а когда выше, то отпуску за море не быть. То же самое было при Екатерине и повторялось в голодных областях в 1798–1802, 1803–1805–1806, 1812, а затем в 1839, 1833–1834, 1848, 1854–1855, 1891–1892 и 1905–1906⁷⁶, повторяется это и в наши дни.

⁷² См.: *Taine H. Les origines de la France contemporaine.* 1885, t. III, p. 120–121, гл. I–II второй книги, p. 370–372, 461–550. См. также: *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. М., 1919, с. 434–442; *Zolla.* Op. cit.

⁷³ *Taine H.* Op. cit., p. 516–550.

⁷⁴ *Кареев Н.И.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1894, т. IV, с. 193, 135–136.

⁷⁵ См.: *Levasseur E. Histoire des classes ouvrières.* 1904, t. II, p. 285–286, 337–338.

⁷⁶ См.: *Ермолов А.* Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб., 1909, ч. I, с. 8, 14, 27, 55, 104–105; *Романович-Славатинский А.В.* Голода в России. Киев, 1892, с. 47–48, 56; *Лешков В.Н.* Русский народ и государство. М., 1858, с. 470, 487; *Куриц Б.* Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родэса. М., 1915, с. 22–23.

2. Устанавливались властью цены на хлеб и продовольствие (таксы). Так, во время голода 1601–1602 гг. Борис Годунов установил «хлебную цену одну: купити и продавати ржи четь по полтине, овса четь – в полполтины, ячменя четь – в четыре гривны». Сходное повторялось при Василии Шуйском, Алексее Михайловиче, при Петре, Екатерине и в более поздние времена. Например, в голод 1833–1834 гг. правительство основную свою задачу видело в поддержании умеренных цен на хлеб⁷⁷.

3. Властью принимался ряд различных принудительных мер, как-то: принуждение объявлять количество запасов продовольствия, учет их, установление их максимума, принуждение везти их на рынок, определение максимума покупок, реквизиция хлеба и продовольствия и другие ограничения права собственности, обыски, наложение наказаний за нарушения регламентов и другие меры вмешательства власти в регулирование продовольственно-экономических условий.

Такие меры практиковались и до голода 1601–1603 гг. В эти же годы предписано было произвести опись запасов и «отобрать хлеб у лиц, которые их утаят», «духовенству и боярам приказано вывозить хлеб на продажу и продавать его по дешевой цене»⁷⁸. «За скупщиками велено было следить и сыскивать и их запасы. Скупка и вывоз хлеба запрещались, найденные запасы переписывались, и их велено было продавати всяким людям врознь, понемногу». Спекулянтов, воров-скупщиков велено было «бити кнутьем» и «метать в тюрьму». Запрещалось пиво и винокурение и т. д.⁷⁹ «Градским же законом», т. е. принуждением, действовал и Василий Шуйский, принимая такие же меры⁸⁰. При Алексее Михайловиче, как увидим ниже, эти меры практиковались в изобилии и этатизм поднялся до монополии на хлеб⁸¹. То же самое повторяется при Петре в годы голода. «Так как в неурожайные годы многие мрут с голоду, – говорит указ 1723 г., – того ради надлежит ныне иметь менаж, дабы неимущих пропитать, и потому... описать у зажиточных лишний хлеб и вычислить, сколько нужно им самим для домашнего обихода, остальной раздать неимущим». Практикуется «посевная кампания», «чтобы крестьяне сеяли хлеба более», «дабы они под сев землю хорошенько снабдевали», дабы помещики кормили крестьян, иначе у некормящих имения отбираются в казну и т. д.⁸²

⁷⁷ См.: Ермолов А. Цит. соч.; Лешков В.Н. Цит. соч., с. 481–483; Платонов С.Ф. Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921, № 9–16; Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 38, 56.

⁷⁸ Ермолов А. Цит. соч.; Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 47; Лешков В.Н. Цит. соч., с. 482.

⁷⁹ Платонов С.Ф. Цит. соч., с. 4–5.

⁸⁰ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 483, 490.

⁸¹ См.: Ермолов А. Цит. соч., с. 11–13; Лешков В.Н. Цит. соч., с. 492–494.

⁸² Лешков В.Н. Цит. соч., с. 494–495; Ермолов А. Цит. соч., с. 14–16; Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 61.

Эта система была введена указом 1734 г., подтверждена указом 1749 г., усилена в 1750 г. При Бироне строгости дошли до того, что за утайку хлеба грозили смертной казнью. Такие же меры – от имени ли центральной власти или от имени властей местных – практиковались и при позднейших голодовках. Еще в 1891–1892 гг. в ряде мест «производилась перепись запасов хлеба у частных лиц», «воспрещалась его продажа без разрешения, земские начальники делали повальные обыски крестьянских изб и амбаров» и т. д.⁸³ То же самое в громадном масштабе повторилось и в 1916–1921 гг.

4. *Государство пыталось продавать продовольствие по дешевой цене или давать его даром («бесплатное питание»).*

Это опять-таки обычное явление при голодовках, говорящее о том же росте принудительного этатизма. Оно имело место при голоде 1601–1603 гг. («царская милостыня»), при Василии Шуйском, в 1674 и 1682 гг.; то же самое в виде даровых ссуд, натуральной и денежной помощи, устройства бесплатных столовых, питательных пунктов и т. п. практиковалось и позже, вплоть до наших дней⁸⁴.

5. *Государство организовывало общественно-государственные работы.* В годы голода – это явление общее и в прошлом, и теперь⁸⁵.

6. *Устраивались общественные запашки и «коммуны»:* «Совхозы» и «колхозы» не новы. Еще по указу 1827 г. была учреждена общественная запашка полей, которые удобрялись, обрабатывались и убирались по наряду, всем миром, под надзором особого агента. Этой мерой высокопоставленные прожектеры того времени надеялись достигнуть чудес. В голодный 1834 г. бюрократы предлагают организовать такие работы в огромном масштабе. Благодаря отрицательному отзыву ряда учреждений предложение это отклоняется; по отзыву графа Киселева общественные запашки существовали в то время в 34 губерниях, занимая 91 тыс. десятин земли. После голода 1840 г. вопрос снова поднимается, и граф Перовский пытается рьяно насаждать их, но обязательное распространение их отклоняется ввиду их бесполезности⁸⁶.

Все эти явления, возникавшие при крупных голодовках и представлявшие разные проявления принудительного этатизма, снова говорят о том, что 1) сходные причины в сходных условиях порождают сходные следствия, 2) что повышение голода при указанных условиях ведет к повышению принудительного этатизма.

Если же развернуть подробнее те меры, которые кроются под схематически указанными рубриками, то картина роста этатизма станет более резкой и четкой. Это можно сделать, взяв какую-нибудь голодную эпоху в нашей истории. В каче-

⁸³ Лешков В.Н. Цит. соч., с. 496–497; Ермолов А. Цит. соч., с. 105, 110.

⁸⁴ См.: Ермолов А. Цит. соч., с. 12, 20, 119.

⁸⁵ См.: Ермолов А. Цит. соч.

⁸⁶ Ермолов А. Цит. соч., с. 42, 43, 59–64; Романович-Славатинский А.В. Цит. соч., с. 65–66.

стве примера можно взять время Алексея Михайловича и Петра. Я остановлюсь подробнее на первом.

Царствование Алексея Михайловича – эпоха длительного страшного голода и недоедания. Страна недавно вышла из смуты. Война и армия «в конец заедали казну». Сильнейшие неурожаи, спекуляция, взяточничество и т. д. усиливали бедствие. «Экономическое положение народа было очень тяжелым»; люди думали: «весь мир качается» и «ходить всем по колено в крови»⁸⁷. На этой почве возникало множество волнений, и мелких, и крупных (мятежи 1648, 1650, 1662, 1670–1671 и др. гг.)⁸⁸. Следствиями такого положения дел были эмиграция, вымирание населения, войны и т. д. Одним из них было и повышение кривой принудительного этатизма. В экономико-продовольственной области оно выразилось в следующем:

1. *В монополии государства на хлеб и другие предметы первой и второй необходимости.* По словам посланника того времени Родэса, хлеб «принадлежит их Царскому величеству и абсолютно ни одному частному лицу не дозволяется им торговать»⁸⁹.

2. *В существовании разверстки и раскладки сверху,* определявшей, сколько зерна, крупы, толокна и т. д. должна доставить та или иная волость, область и т. д. Например, один из «продагентов» доносит государю, что «по твоему, великий государь, указу я, холоп твой, с таличан (по 3 четверика ржи, по 3 – овса со всяких людей) хлеб собрал (устроил в житницы государевы и целовальника приставил) и... тот хлеб приказал беречь до твоего, великий государь, указу»⁹⁰.

3. *В принудительной реквизиции, если разверстка и «продналог» не выполнялись.* Представление об этом дает донесение «продкомиссара» Маслова о том, что мецняне всяких чинов оказались непослушны, «четверикового хлеба в город не везут, а градские люди не платят». Власть снова приказывает ему «четвериковый хлеб собирать с радением и неоплошно. А ослушникам, которые чинятся непослушны, чинил бы наказание, вместо кнута бил батоги нещадно, чтобы тому хлебному сбору ни малого матчания ни зачем не было, да о том к нам, великому государю, писал в разряд». Имелись «продотряды» – пушкари и рассыльщики⁹¹ и т. д.

⁸⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. 1918, т. III, с. 270–273 и лекции LI–LII; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917, с. 352–367.

⁸⁸ Подробно о связи волнений и голода речь идет в моей книге о голоде.

⁸⁹ Куриц Б. Цит. соч., с. 159; там же см. подробности.

⁹⁰ См. материалы и дела приказов, изданные Новомбергским: Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия. Продовольственное строение. Материалы. Томск, 1914, №№ 55, 105, 286, 281, 251, 243, 292 и др. Из этих приказных дел рисуется очень интересная – до деталей – картина продовольственного строения того времени. К ним я и отсылаю читателя.

⁹¹ Там же, № 112. См. также №№ 292, 75, 112, 113, 377 и др.

4. *В производстве своего хлеба государством на «десятинных пашнях». Здесь он сеялся, снимался, учитывался и т. д. прямыми агентами власти*⁹².

5. *В регулировании путем принудительных мер посева и увеличения урожая.* (Современная «посевная кампания» и «принуждение с убеждением».) Пример. Из приказа пишут стольнику Яропкину: «Как к тебе сия наша грамота придет... ты бы тем всем людям (жителям Карпова) велел... указные земли пахать и хлеб сеять. А которые люди учнут ослушаться... ты бы тем велел пахать и сеять в неволю и с наказанием. А которые люди скудные (и семян не имеют)... ты бы тем на семена давал яровой хлеб из наших житниц». Далее приказывается ему накрепко смотреть, чтобы пахали, удобряли и сеяли хорошо. В другой грамоте комиссару дается нагоняй за то, что «белгородцы нашу пашню пашут не вовремя твоим нерадением и оплошкою», и приказывается: «велел ты есмь над сошными людьми смотреть и беречь накрепко. Да и сам бы еси надсматривал, чтобы упали и боронили мягко и хлеб сеяли и молотили вовремя, чтобы он не оброился и не прогнил» т. д.⁹³

6. *В хранении в государственных житницах собранного и реквизируемого хлеба, в точной государственной отчетности и контроле, в распределении хлеба самим государством: куда перевезти, кому отдать, сколько продать или купить, почем и т. д.*⁹⁴

7. *В государственном снабжении служащих и в системе пайков*⁹⁵.

8. *В твердых ценах на хлеб («указная цена»).*

9. *В кредитных операциях государства с хлебом, выдававшимся часто в долг нуждающимся.* Причем государство часто дает дрянь, а взимает сухой и хороший хлеб. Власть, например, хвалит воеводу Колюбакина за то, что он «329 чети слеглых круп и толокна» короточаянам роздал, «а за те же крупы и толокно то же число взял с них рожью. И мы, великий государь, за то твое радение жалуем тебя, милостиво похваляем»⁹⁶.

Словом, налицо полное государственное «плановое» хозяйство. Частной воле и усмотрению нет места⁹⁷.

⁹² Там же, №№ 2, 3, 577, 211–213 и др.

⁹³ Там же, № 208; см. №№ 5, 7, 215–216, 227, 208, 575 и др.

⁹⁴ Там же, №№ 584–585, 547, 252, 541, 400, 301, 452, 225, 227, 597, 588 и др.

⁹⁵ Например, дьякону Петру в Белгороде «велели дать нашего жалованья, руги [содержания] 5 рублей на год, 5 четвериков ржи, 5 четвериков овса из наших житниц» и т. д. См. №№ 47, 359, 365, 6, 49, 504, 221, 406 и др.

⁹⁶ Там же, № 309.

⁹⁷ Причем все это делалось с обычными злоупотреблениями. Реквизиторы напивались пьяными, занимались вымогательством и т. д. Подьячий Конон Иванов, собиравший налог, «днем и ночью пьян, на кабаке беспрестанно и... напився, крестьян и людей мучит из своих взяток. И со многих взятки берет и с съезжего двора не отпускает в дома их и по вся дни посылает за ними и, взяв с них взятки, отпускает. А с иных допрося (хлеб и деньги) отписей не дает, а их волочит из своих же взяток». К тому же хлеб часто гнил в государственных житницах. См. № 466, 254, 263, 278, 218 и др.

Принудительный этатизм, однако, шел здесь еще дальше. «Их величество монополизировал торговлю шелком, ревенем, солью, рыбой, мехами, табаком, ювелирными вещами» и т. д. Имелся институт, подобный современному «внешнеторгу»⁹⁸. Летописец жалуется: «Цена невольная и купля нелюбовная, и во всем скорбь великая, и вражда несказанная, и всей земли ни купити, ни продати не сметь никому же помимо (власти)»⁹⁹.

Это «завинчивание» принудительно-государственного пресса вело далее к «завинчиванию» и всей общественной жизни (в связи с войнами). Вся страна оказалась милитаризованной. Свобода и автономия общества пали. «Это свобода крайне затрудняла правительство и противоречила его стремлению, потом проведенному в Уложении, всех привлечь к работе на государство и строго регулировать народный труд в интересах казны. Отсюда – определение всем сверху службы и тягла (как и в Риме. – *П.С.*), наследственное прикрепление к ним, т. е. рост опеки и жертва общества в пользу государства»¹⁰⁰. Этот рост этатизма выразился: «в отмене урочных лет для беглых и в окончательном прикреплении их к земле», в закреплении посадского населения, во взятии закладчиков в тяжелое государственное тягло, в обособлении и прикреплении к службе служилого сословия, в падении земских соборов и в росте бесконтрольности власти, которая «ищет опоры уже не в земских соборах, а в собственных исполнительных органах: начинается бюрократизация управления, торжествует “приказное” начало». Воцаряется, по выражению Крижанича, «неумеренность власти»¹⁰¹.

Такой же, но еще, пожалуй, более резкий подъем принудительного этатизма в связи с голодами (и войной) мы имеем при Петре. Здесь опека души и тела граждан была всесторонней. Голодание населения – отчаянным. Словом, совпадение, указываемое теоремой, мы встречаем и здесь¹⁰².

Наконец, красноречивейшее свидетельство проверяемой теореме дают последние годы. С началом войны в 1914 г. продовольственное положение всех воюющих держав стало более затруднительным. Чем дольше длилась война, тем продовольственный кризис становился острее. Параллельно с обострением последнего поднималась и кривая принудительного этатизма во всех воюющих, а затем – и в ряде нейтральных государств. И она поднялась всего выше в тех странах, где продовольственное положение стало всего хуже. В Англии очень ско-

⁹⁸ См.: *Куриц Б.* Цит. соч., с. 151–207.

⁹⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории, т. III, с. 297.

¹⁰⁰ Там же, с. 270–271, 199.

¹⁰¹ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории, с. 355–356, 361; *Ключевский В.О.* Курс русской истории, т. III, с. 198–204, 205–235, 262–263.

¹⁰² См.: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905; *Ключков М.В.* Население России при Петре Великом. 1911, гл. I–V; *Ключевский В.О.* Курс русской истории, т. IV. О регламентации духовной жизни и печати см.: *Фойницкий И.Я.* Моменты законодательства о печати // Сборник государственных знаний. 1875, с. 348–396.

ро после начала войны ввиду возникшей угрозы голода (от перерыва сношений и уменьшения подвоза) учреждается Committee on Food Supplies: его функции постепенно расширяются; в 1916 г. появляется уже The Royal Commission on Wheat Supplies, 26 декабря 1916 г. проходит билль о продовольственном контроле. В итоге «в течение войны промышленность и торговля во всех воюющих странах были подчинены государственному контролю в такой мере, какая неизвестна со Средних веков. Даже в Великобритании вопреки ее либеральным традициям обширная область экономической деятельности постепенно подпала под государственное управление, огромное большинство деловых людей перестало быть автономными лицами, свободными покупать и продавать»¹⁰³. Еще резче это проявилось в Германии, во Франции и других странах¹⁰⁴, как воюющих, так и нейтральных.

Особенно резко кривая принудительного этатизма должна была подняться в России, где очень скоро после начала войны возникли продовольственные затруднения, перешедшие скоро в кризис. Подъем этот начался и в основных чертах был проведен до Октябрьской революции руками царских министров, Думы и Временного правительства – сторонников свободы торговли и промышленности. Октябрьская революция здесь ничего нового не прибавила, кроме классового пайка и усиления централизации. Все было сделано здесь до 25 октября 1917 г. Законы необходимости заставляют осуществлять их декреты руками тех, кто далек от идеалов принудительного этатизма. Красноречивое свидетельство правильности теоремы!

Учреждение 17 августа 1915 г. «Особого Совещания для обсуждения и объединения правительственных мероприятий по заготовкам продовольствия и фуража», а затем выпуск правил 25 октября 1915 г., коими органам власти предоставлено было право выяснения продовольственных запасов на местах, их учета, осмотра торговых книг, документов, рынков и складов, вплоть до права реквизиций и секвестра, были тем Рубиконом, перейдя который, государство вступило на путь принудительного этатизма. С изданием их *alea jacta erat*^{31*}. Принудительный этатизм родился!

А дальше все пошло, как по маслу. Развитием этого зародыша стали: Продовольственный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Общегосударственный Продовольственный Комитет, с 5 мая 1917 г. – Министерство Продовольствия с его широчайшими полномочиями, к которым Октябрьской революции было уже нечего прибавлять. Затем постановления 29 ноября 1916 г., 25 марта 1917 г., 20 августа 1917 г. относительно регулирования заготовок привели к тому, что до Октябрьской революции весь почти частно-торговый и кооперативный аппарат был сведен на нет и замещен государством. То же самое произошло и с регулированием потребления и распределения продовольствия.

¹⁰³ *Hilton*. Merchant Shipping and State Control // *Edinburgh Review*. April 1918, p. 359–360. Подробную историю этого процесса см.: *Early H.S. Phases of Food Control* // *Ibid.* January 1918, p. 108–130; *Clynes*. Food Control in War and Peace // *The Economic Journal*. June 1920.

¹⁰⁴ См.: *Zolla*. *Op. cit.*; *Ольденбург-Янушау*. *Quo usque Tandem* // *Tag.*, 1 октября 1916.

И здесь карточки, нормы и пайки введены были до большевиков¹⁰⁵. Октябрьская революция – ввиду усиления голода и наличия имущественной дифференциации – только довела до конца этот процесс, подвергнув все и вся огосударствлению и коммунизации. Законы необходимости заставляют делать одно и то же лиц и правительства самых разных направлений и взглядов. Поистине, «люди волнуются, а законы необходимости руководят ими».

К 1920 г. у нас было все уравнено и социализировано. Скопов богатств не стало. Пришла всеобщая бедность. Новая буржуазия еще только-только нарождалась. Этатизировать стало нечего.

Такое громадное падение имущественной дифференциации должно было (согласно теореме) вызвать ослабление принудительного этатизма. Это всеобщее уравнивание совпало еще и с окончанием войны, что тоже ведет к деэтатизации. И мы видим, что она начала развиваться с лихорадочной быстротой. Не будь в этом году голода, это раскручивание пружины государственного этатизма пошло бы еще быстрее. Голод мешает этому, чем и объясняются многие фактические несоответствия современной практики и декретов. Из сказанного вытекает и прогноз на будущее: если *ceteris paribus* страна в дальнейшем будет богатеть и голод падать и вместе с тем имущественная дифференциация будет умеренной, кривая деэтатизации (в какой угодно форме и при любой власти) пойдет книзу, и тем быстрее, чем быстрее пойдут первые процессы. При росте голода и имущественной дифференциации деэтатизация не будет падать.

Всего сказанного, полагаю, достаточно¹⁰⁶, чтобы признать *1) правильность основной теоремы моей статьи о связи голода и принудительного этатизма, а также двух подсобных теорем, более точно определяющих эту связь; 2) чтобы лишний раз убедиться в том, что «сходные причины в сходных условиях вызывают сходные следствия»; 3) наконец, чтобы напомнить правильность поговорки «ничто не ново под луной». То, что многим казалось и кажется чем-то небывалым и абсолютно новым, бывало, читатель, и бывало много раз! Меняются только декорации, актеры, костюмы, время и место действия, а пьеса играется старая, шедшая много, много раз на сцене истории.*

Последняя, подобно исписавшемуся автору, под новым соусом преподносит довольно старые вещи. Принудительный этатизм, признаваемый многими за высочайший идеал общественного устройства, – вещь весьма и весьма старая и давным давно появившаяся на Божий свет.

¹⁰⁵ За неимением места я не могу остановиться подробнее на истории нашего «этатизирования». Отсылаю читателя к печатающейся книге проф. Н.Д. Кондратьева (в издательстве Народного Комиссариата Земледелия) «Регулировка рынка с 1914 г.», где этот процесс описан подробно и выпукло. Приношу ему благодарность за предоставление мне этого труда в рукописи.

¹⁰⁶ Ту же самую связь вполне можно было бы проследить на колебаниях общественной идеологии, в частности, на примере успеха и неуспеха ряда социалистических и уравнивательных идеологий. Но статья разрослась, и потому задачу эту я здесь решать не буду. Исследование ее дается в моей книге «Голод как фактор».

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ РЕВИЗИИ

§ 1

Война и ряд катастрофических событий последних лет не могли не нарушить равновесие психики всего культурного человечества, а тем более русского общества. «Свыше наших сил» были пережитые ужасы, неизмеримы понесенные жертвы и слишком ничтожны полученные результаты, во имя которых они были закланы. Еще более разительно было противоречие поведения людей за все эти годы тем великим заветам Добра и Справедливости, которыми мы так гордились. В один миг с людей как будто сняли все эти культурные одежды, и на исторической сцене вместо носителей Гуманности и Человечности очутились звери, грызущие друг другу горло и во имя победы попирающие все ценности, выношенные веками. Все это не могло не вызвать пессимистического и панически катастрофического настроения общества. Ряд неожиданных и непрерывных катастроф, следовавших в жизни, создал и катастрофическую психологию общества. Они более резко, чем когда-либо, поставили перед общественным сознанием вопросы: не есть ли все это начало конца западноевропейской культуры? Рядом с этим должны были особенно настойчиво вспыхнуть проблемы: не лежали ли и не лежат ли в основе всей этой культуры какие-то трагически-ложные начала, какие-то роковые ошибочные устои? А отсюда становится понятной неизбежность коренной «переоценки всех ценностей»^{1*}, радикальных изменений общественной психологии и идеологии, появления и усиления в ней одних течений, исчезновения и ослабления других.

Так должно было случиться. И так действительно случилось. Успех книги Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes»^{2*}, проникнутой этими пессимистически катастрофическими мотивами и выдержавшей 40 изданий, – одно свидетельство этого. Начавшийся пересмотр ценностей и на Западе, и у нас – другое. Фактическая неустойчивость психики и поведения людей за все эти годы и сейчас – третье. Небывалый размах порывов «искания», сказывающийся в речах, брошюрах, журналах, книгах, газетах и т. д. – четвертое.

Культурное человечество похоже сейчас на потревоженный великим несчастьем улей, где масса пчел проявляет небывалое оживление, пытается зале-

чить раны и ищет новых способов и путей предупреждения подобных несчастий в будущем.

Все это еще более интенсивно переживает русское общество. Пусть на поверхности его психики не видно проявлений этой работы: ряд внешних условий тормозит последние. Тем не менее громадная молекулярная работа в сознании массы его членов происходит.

Она рано или поздно выявится в объективированные формы общественного сознания. Катастрофы, испытанные нами, создали у нас поистине катастрофическое настроение. Многим и многим кажется, что не только у нас, но всюду все и вся рушится, все и вся гибнет: гибнет Россия, гибнет Европа, гибнет культура. Неудача нашего колоссального опыта породила во многих полное разочарование в основных устоях интеллигентского мировоззрения, в науке, в революции, в социализме, в идеализации народа, в вере в светлое будущее человечества и т. д. Одни, подавленные всем этим, теряют вкус к жизни и кончают с собой (можно ждать в ближайшие годы роста кривой самоубийств); другие в силу тех же причин выродились в подлинных циников и нигилистов: «все трын-трава, лови момент, ешь, пей, веселись, а на всякие там ценности в высокой степени наплевать» – такова доминирующая черта в психологии этих «реалистов» и «дельцов» нашего времени. Третьи судорожно хватаются за обломки былого и ищут в них спасения. Четвертые, ошарашенные событиями, маниакально кричат благим матом: «Все гибнет! Приходит конец!»; причем одни злорадствуют по этому поводу, кивая то на капитализм, то на социализм (смотря по вкусу), другие бессильно никнут под тяжестью этого безрассудного убеждения. Есть, наконец, и такие, которые, учтя опыт, пытаются осознать его и в связи с этим произвести настоящую ревизию и проверку как основ всей культуры, так и нашего традиционно-интеллигентского мировоззрения, не становясь при этом ни безнадежными пессимистами, ни барабанными оптимистами, ни потрясенно-ошарашенными маньяками катастрофы и гибели.

Я лично радуюсь и всячески приветствую такие искания как на Западе, так и у нас. Переживаемые катастрофы говорят о том, что опыт человечества был не полон, иначе катастрофы не было бы. Стало быть, нужно произвести эту ревизию, нужно найти «ошибочные устои» и необходимо указать новые, более правильные, способные предотвратить в будущем такие ужасы и жертвы. И чем глубже и бесстрашнее будет произведена эта «ревизия», тем лучше: плох тот врач, который боится до последних глубин изучить больной организм. Никакие авторитеты и никакие ценности не должны быть изъяты из этого пересмотра: подлинные ценности выдержат это, а мнимые, какими бы фетишами они ни были, заслуживают низвержения с пьедесталов.

Эта работа началась. И, по-видимому, итоги ее будут чреватými: не только «божки», но и многие «боги» сброшены будут со своих высот, и обратно, мно-

гое, традиционно считавшееся неценным и отжившим, будет заботливо поднято и поставлено на место сброшенных идолов. Это значит: настоящая психически-идеологическая революция только начинается.

§ 2

На Западе, поскольку мы можем судить, этот великий ледоход уже начался. У нас он находится еще в стадии «внутримозгового» брожения. Вовне пока раздаются только барабанно-оптимистические, штампованные казенные лозунги да идет маленькое жужжание вокруг малюсеньких вопросиков, поднятых малехенькими «сменовеховцами»^{3*}. Но есть уже симптомы приближения такого духовного ледохода и у нас. Одной из первых ласточек его (хотя и не очень еще живой) является сборник статей Н. Бердяева, Я. Букшпана, Ф. Степуна и С. Франка, озаглавленный «Освальд Шпенглер и закат Европы» (М.: изд. «Берег», 1922). Как видно из заглавия книги, статьи написаны по поводу книги Шпенглера. Последнюю я сейчас оставляю в стороне. (Я до сих пор не могу получить ее в оригинале и потому не могу судить о ней адекватно. Общее же мое представление о ней, получившееся на основе знакомства с нею из вторых рук, далеко не благоприятно к книге как к научному произведению: что в ней есть верного – то старо, что новое – то неверно; ценность ее – ценность социального симптома и лежит во вненаучной области.) Для меня чрезвычайно интересны те еще пока скупо выявленные настроения и устремления, которые по поводу книги Шпенглера объективируют авторы статей о нем.

Для успеха основных аккордов книги Шпенглера почва у нас отлично подготовлена за эти годы. Для ближайшего времени успех их у нас обеспечен.

Кто знал мировоззрение участников сборника (кроме разве одного Букшпана), тот заранее мог предвидеть, что лейтмотивы шпенглеровской книги вскоре найдут отзвук именно в тех слоях, ярким выразителем которых является Н.А. Бердяев и отчасти С.Л. Франк.

По тому «резонансу», который дают они в ответ на аккорды Шпенглера, можно судить, в каком направлении совершается сдвиг идеологии и устремлений части русского общества в наше время.

Что же говорят они? Оба признают, подобно Шпенглеру, глубочайший духовный кризис европейской культуры. Бердяев идет дальше: он говорит о смерти и крушении этой культуры, пророчествует о наступлении ночи нового Средневековья, а для утешения себя и читателя кончает верой в новое Возрождение, которое будет не продолжением культуры Запада, а началом новой культуры, основанной на новых устоях; это грядущее возрождение он ждет из России, для выступления которой, однако, «час еще не настал». Оба автора говорят об оши-

бочном уклоне европейской культуры, принятом ею с XV в., с того момента, когда забыты были идеалы Данте, Франциска Ассизского, Николая Кузанского; оба видят одну из роковых ошибок этого уклона в принципах, внесенных эпохой Возрождения, в одностороннем интеллектуализме и рационализме, в гипертрофированной роли механической науки, в отрыве от истоков религиозности культурного Средневековья, в вере в возможность построить дело жизни человечества на устоях внешнего – физического мира с его физической, механизированной наукой, а не на «внутреннем бесконечном мире», где только и «нужно искать незыблемости».

Вот те довольно неясные указания, которые дают авторы для исхода из наступающей «ночи Средневековья». Все это можно охарактеризовать как реакцию против *scientifism*'а, интеллектуализма, механического мировоззрения, антирелигиозности, антимистичности и ряда других уже чисто социальных «измов». И подобные настроения типичны сейчас для довольно широких кругов русского общества.

Это только «первая ласточка». Уже по ней видно, что ревизия начинается действительно фундаментальная. Не малюсенькие вопросики, подобные «за или против советской власти», а вопросы поистине кардинальные начинают пересматриваться. «В добрый час», – говорю я со своей стороны.

§ 3

Но это не значит, что я подписываюсь под приведенными, пока что чисто «регулятивными» идеями уважаемых авторов. Они слишком неопределенно выражены, чтобы можно было рассмотреть их по существу. Да и «пересмотр» еще только начинается, чтобы можно было выставить точные, отчеканенные формулы как результат такого пересмотра. Сейчас можно указывать только чисто «ориентировочные» положения, скорее указывающие направление решения, а не само содержание последнего. В качестве таких «ориентировочных» положений по поводу затронутых авторами вопросов я позволю тезисообразно указать следующие:

1. Говорить о закате Европы и наступлении Средневековья пока что еще рано. Аргументация Шпенглера на этот счет слишком «экзотично поверхностна». У авторов же сборника нет никакой аргументации. Этим я не хочу сказать, что закат какой бы то ни было культуры, в том числе и европейской, я считаю невозможным. Еще два-три таких кровопускания или две-три кровавые мировые гражданские войны – и закат Европы станет фактом. Но пока он не факт, пока есть кризис и только. Не являюсь я и сторонником традиционно-шаблонной теории прогресса и исторической схемы, где каждый последующий миг счита-

ется целью всей предыдущей истории, а эта последняя изображается каким-то плац-парадом, где все народы, как хорошо выдрессированные роты солдат, проходят одни и те же этапы развития и кончают той стадией, которую угодно им предназначить установителю таких схем и «законов исторического развития». Все это псевдонаучный вздор, и с ним, слава Богу, я давненько уже расстался. Таким образом, отрицать закат европейской культуры заставляют меня не те или иные предпосылки и догмы, а простой факт отсутствия серьезных симптомов гибели культуры. Научная мысль Запада работает сейчас более интенсивно, чем когда бы то ни было. Об этом говорят успехи физических и биологических наук. Экономический кризис изживается. Работа налаживается. Духовная жизнь уравнивается. Был и есть пока что кризис – бесконечно менее острый, чем наш, – о закате же пока говорить не приходится. Только плохо информированное воображение многих русских интеллигентов рискнет представить себе Европу уже конченной, все ее основы опрокинутыми, «буржуазную культуру» погибшей. Плохо ли, хорошо ли это, но Европа, а тем более Америка, живы, собираются жить и показывают ясные признаки оздоровления.

2. В числе виновников кризиса меньше всего можно считать науку и scientifism с их механистичностью. Механистичность, давно уже указал Пирсон, есть лишь наиболее точный, экономный и плодотворный метод описания и познания явлений. И как таковой он не ведет ни к смердяковщине, ни к «ура-материализму», ни к «ура-атеизму», продуктам не подлинного scientifism'a, а дилетантского невежества худшей формы последнего. Я думал и сейчас более чем когда бы то ни было убежден, что главным орудием спасения человечества была и остается подлинная наука. Не витание в таинственных эмпириях мистицизма и не операции тришкина кафтана, выполняемые «освободителями» человечества, а только открытие все новых и новых способов использования сил природы для нужд человечества и познание его самого поможет избавиться ему от многих бед и «закатов». Не избыток знания, а именно недостаток или полное отсутствие его в области явлений, относящихся к миру людей, делал и делает людей совершенно бессильными над своей историей и самими собой. Здесь по-прежнему человечество идет «вслепую», подобно слепому щенку тычется то туда, то сюда, часто видит спасение там, где его ждет гибель, и наоборот. О, если бы здесь оно имело тот же уровень знаний, что в области физико-химических наук, какое множество «кризисов» не имело бы места! Какое множество общественных идеалов было бы развенчано и как много ошибок было бы не сделано!

3. Больше того, такой механический scientifism не только не исключает, а, скорее, требует религиозного отношения к миру и жизни. Полунаука ведет к «ура-мистицизму», к «ура-атеизму», к смердяковщине, одетой в разные тоги. Более глубокое познание, думается мне, вполне совместимо с таким религиозным отношением к жизни, которое так пламенно проповедовал хотя бы Кар-

лейль. Я могу описывать человека как механизм, но это ничуть не мешает мне смотреть на него как на великое чудо, воспринимать его как луч божественного в мире. То же может быть сказано и обо всем космосе.

4. С этой точки зрения не только религиозность вообще, но и исторические формы религии оцениваются совершенно иначе, чем с пошло «позитивистической» точки зрения. Разве более углубленный социологизм (Фюстель де Куланж, Бугле, Кидд, Ле Пле, Дюркгейм) не показал громадную положительную роль каждой из них?

Но та же точка зрения мешает эти относительно ценные формы культуры возводить со всем их конкретным содержанием на степень идолов – обратная ошибка, делаемая обычно анти-scientist'ами.

5. Что сказано об отношении науки к религиозности, то же может быть сказано и об отношении первой к морали и к нравственности. Только Смердяковы от науки могли и могут объявлять нравственность «предрассудком».

Всем этим я не хочу сказать, что «все обстоит благополучно». Такой момент едва ли когда был, да едва ли и будет. Но хоронить европейскую культуру пока что слишком рано. Здесь у наших могильщиков проявился тот же «большевизм» наизнанку. Звать ко временам Данте и Средневековья (что делают и многие из реформаторов, предлагая возрождение средневекового гильдеизма и корпоративности) едва ли большое утешение. При всех своих грехах современная «распутная» Европа обладает большими ценностями, чем Европа Средневековья. Отбрасывать первые, с тем чтобы строить новое Возрождение из элементов последней, боюсь, предприятие не из очень разумных. Побаловаться такими «экзотическими» прожекторами можно, но дальше прожекторов они не пойдут, а если бы пошли, боюсь, это было бы большим несчастьем.

Мечтать, что новое Возрождение придет из России, приятно. В эпохи крушения культур, римской, эллинской, в эпохи крушения неудачных опытов вроде французской революции это было рановато, такие же упования появляются и сейчас. Я полагаю, что каждая из этих культур имеет свои алмазы. Имеет их и Россия. Но от этого до «заката Запада» и «спасения с Востока» далеко. В этом сказался опять «большевизм» наизнанку авторов сборника. Россия не была «навозом» в прошлом. В общую сокровищницу ценностей она внесла свои вечные. Но к чему же отсюда делать ее «монопольной обладательницей» их в будущем и «реквизировать» у Запада всю его творческую роль? Такой большевизм наизнанку, пусть простят меня уважаемые авторы, наивен и нескромен. «Проклятая Европа» жива еще, а мы... вымираем... Не к лицу нам такая нескромность, как не к лицу и полное отрицание своего достоинства.

Великая переоценка ценностей начинается, но едва ли она приведет к тем «экзотично-романтическим» путям, на которые указывают авторы сборника.

<Рец. на кн.:>

**АКАД. П.П. ЛАЗАРЕВ. ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ НЕРВНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Москва, 1922. 62 стр.

Нельзя не порадоваться появлению этой небольшой книги, в сравнительно доступной форме дающей некоторые итоги многолетних работ П.П. Лазарева над физико-химической теорией нервно-мозговых явлений. Сущность этой теории сводится к тому, что в основе явлений возбуждения, начиная с простейших его форм и кончая сложнейшими видами нервной (психической) деятельности, лежит факт изменения концентраций ионов. Очертив суть теории, автор дает ряд математических формул – законов, – описывающих не только качественную, но и количественную связь явлений, излагает ценную теорию зрительных, слуховых и др. раздражений, теорию распространения нервного возбуждения и кончает применением генной теории к рефлексам и высшим формам нервной («психической») деятельности.

Для лиц, изучающих поведение людей и случайные явления, особенно ценна и интересна эта последняя глава. Прочтя ее, сторонники объективно-механического изучения этих явлений, обоснованного у нас Сеченовым, И.П. Павловым и др. и особенно интенсивно разрабатываемого сейчас в Америке «behaviorism»^{1*}, лишней раз смогут убедиться, что они стоят на верном пути. П.П. Лазарев, подойдя к ним с точки зрения физики, по существу приходит к тем же основным принципам, которые лежат в основе сравнительно новой объективной бихевиористической социологии и психологии как науки о поведении (учение о поведении как о совокупности реакций на внешние и внутренние стимулы, учение о действиях как сложных и простых рефlekсах и т. д.). Формулируя эти положения, П.П. Лазарев дает объяснение и самому механизму всех этих явлений и подводит прочный фундамент под самые основы объективного изучения поведения людей (и социальных процессов).

Как человек, работающий в области последних явлений и целиком вставший сейчас на почву указанной – объективно-бихевиористической – позиции

(проведенной в приготовленном к печати т. I «Социальной механики» или III т. «Системы социологии»), я горячо рекомендую книгу академика П.П. Лазарева всем лицам, занимающимся изучением проблем социологии, психологии и близких к ним дисциплин. Вместо того чтобы бесплодно вариться в кругу давно уже изжитых старых построений субъективистической или просто примитивной социологии с ее примитивными проблемами и псевдо-проблемами, они несравненно больше приобретут, познакомившись с данной книгой и получив из нее правильные исходные пункты для своих исследований. Усвоение и применение этих основных начал, по правильному замечанию автора, «должно пролить некоторый свет на общий закон, управляющий массовыми действиями людей, и дать возможность научного обоснования изучения законов человеческого общества».

Было бы весьма желательным более подробное опубликование как достигнутых, так и дальнейших итогов работ П.П. Лазарева в этой области: они нужны не только для физиков, но и социологов с психологами.

<Рец. на кн.:>

**Н. БУХАРИН. ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛИЗМА**
(Популярный учебник марксистской социологии)

Гос. изд., 1992. 383 стр.

Хотя подзаголовок книги Н. Бухарина и гласит: популярный учебник, однако содержание книги и манера изложения не вполне соответствуют этому названию. Местами, действительно, изложение ведется популярно, даже примитивно; но рядом с этим мы встречаем множество цитат и ссылок, причем перевод чуть не каждой цитаты иностранного автора сопровождается приведением соответствующего иноземного текста, что, очевидно, мало согласуется с требованиями популярности. Правильнее смотреть на книгу как на книгу «систематического изложения теории исторического материализма». Основная задача ее – дать целостное миропонимание adeptам религии марксизма. Сообразно с нею во «Введении» и в первых главах трактуются вопросы, выходящие за пределы социологии, каковы: каузальность и телеология, детерминизм и индетерминизм, материализм и идеализм и т. д. Собственно социология начинается со второй половины третьей главы и в особенности с главы четвертой. В этих и последующих главах рассматриваются проблемы: динамизма в истории, проблема общества, равновесия между последним и природой, с одной стороны, и равновесия между элементами общества – с другой; глава VII излагает механику процессов нарушения и восстановления общественного равновесия, в связи с нею – механику революции и воспроизводства общественной жизни в целом. Последняя глава посвящена изучению классов и классовой борьбы. Таково краткое содержание книги.

Если бы я захотел пользоваться теми критико-полемиическими приемами, которые обычны для гр. Бухарина и его единомышленников и которыми переполнена и данная его книга, то было бы очень нетрудно, «гарцуя», прогуляться по ней, иронически посмеяться над отдельными ее местами и колко высмеять отдельные положения. Но мне больше по вкусу «буржуазно-академическая манера», и потому «гарцующие» приемы я оставляю в стороне.

Первая черта книги гр. Бухарина – это ее грамотность (в отличие от множества безграмотных марксистских работ). Вторая черта – умелая компоновка материала, удачно сжатая в ряд глав. Третья черта – интересная трактовка ряда вопросов, часто оставлявшихся марксистами в тени и излагавшихся весьма примитивно. Четвертая – общая согласованность большинства развиваемых положений если не с буквой, то с духом марксизма, каковое обстоятельство не мешает тому, что ряд теорем сильно модернизирован, «буржуазен» и смягчен по сравнению с ортодоксальной догмой марксизма.

Все это делает книгу гр. Бухарина интересной и в ряде отношений ценной. После работ Г.В. Плеханова данная книга – одна из самых удачных книг на русском языке, дающих систематическое построение марксистской социологии самими марксистами.

Все это, конечно, не мешает мне считать множество основных положений социологии г. Бухарина неприемлемыми и неверными. Остановимся на некоторых из них.

1. Неверно положение г. Бухарина, гласящее: нет «чистой» общественной науки; все виды ее имеют «классовый» характер и могут быть либо «буржуазными», либо «пролетарскими», причем «пролетарская наука, конечно, выше буржуазной» (с. 7–11).

Одно из двух: или под научным положением и наукой как системой последних мы разумеем положения истинные, значимость которых обязательна для всякого желающего истинно мыслить (например, $2 \times 2 = 4$; вода есть H_2O и т. д.), тогда понятие субъективной, «классовой науки» является *contradictio in adjecto*^{1*}, «деревянным железом», тогда любая дисциплина, раз она значима только для «буржуазии» или только для «пролетариата», тем самым не является и не может быть наукой, не может и претендовать на термин и значение науки; следовательно, в этом случае и «пролетарская» социология гр. Бухарина, раз она верна только для «пролетариата», должна считаться научным вздором. Иными словами, при таком понимании науки гр. Бухарин должен был бы говорить не о пролетарской и буржуазной науке, а о пролетарском или буржуазном суеверии и вздоре. Он, однако, этого не делает и цепляется за термин «наука». За это ему приходится расплачиваться: 1) *contradictio in adjecto*; 2) самопротиворечием. Плата большая, сводящая «на нет» весь его тезис. Если же он общезначимость как основной признак научных положений отвергнет, тогда он со своим тезисом «классовой науки» попадает в не лучшее положение. Тогда ему надо сказать: 1) что положения точных наук не общезначимы – что довольно трудно; 2) тогда он уничтожает всякую разницу между истинным объективно и ложным, знанием и суеверием, наукой и религией. Тогда любое положение, вплоть до положения «черти имеют хвосты длиной в 10 вершков», раз оно кажется субъективно истинным верующему или группе их, становится научным положением. Оно делает-

ся равноправным с законами Ньютона или Эйнштейна. В этом случае, конечно, можно говорить и о пролетарской и буржуазной, о «православной» и «буддистской», о «монархической» и «коммунистической» «науках». Но зато нельзя говорить о различии заблуждения и истины, суеверия и знания, науки и религии и т. д. Падают между ними всякая грань. Если бы гр. Бухарин поступал так, это было бы последовательно. Но, увы! У него нет и этой последовательности. Он резко различает науку от религии, истину от заблуждения и всячески старается очистить мозги людей от предрассудков и наполнить их истинами. Если «пролетарская наука» не отменила еще законы логики, то такая непоследовательность гр. Бухарина едва ли научный плюс.

Если бы гр. Бухарин говорил: то, что называется «общественными науками», в значительной части представляет не совокупность действительно научных положений, а «верования», «суеверия», «мнимонаучные суррогаты», я бы с ним согласился, как согласился бы и с тем, что эти суррогаты могут быть и буржуазными, и пролетарскими. Но он утверждает другое – раз; из данного положения не следует, что такие суррогаты могут называться «пролетарской» или «буржуазной» наукой, а следует, что их надо называть пролетарским или буржуазным вздором, псевдонаукой – два; и ничуть не следует отрицание «чистой науки» – три.

Наконец, и фактическое рассмотрение ряда положений общественных наук говорит, что в них имеются положения и утверждения общезначимые. Не только буржуа, но и гр. Бухарин едва ли будет оспаривать правильность таких суждений, как закон Грехэма^{2*}, или спроса и предложения, как и положения: «материальное положение французского крестьянства и пролетариата в 1788 и 1789 гг. было очень тяжелым», «Людовик XVI был казнен», «Наполеон проиграл битву при Ватерлоо», «с ростом дефицитного голода в стране кривая смертности поднимается, а производительность труда падает» и т. д., и т. д. Таких положений немало в общественных науках. Бытие их говорит о том, что «чистая общественная наука» не только возможна, но она дана. Только следуя гегелевскому «тем хуже для фактов»^{3*}, можно отрицать это.

Словом, со всех точек зрения этот тезис гр. Бухарина представляет логический и фактический *nonsens*^{4*}. Я уж не останавливаюсь на научном хвостовстве гр. Бухарина вроде того, что пролетарская наука выше буржуазной потому, в частности, что мы (Бухарин и К^о) предвидели последние события лучше, чем последняя. «Кто из буржуазных ученых предвидел последствия мировой потасовки? Никто. Кто предсказывал наступление революции? Никто», – горделиво заявляет он (с. 10). А почему вы забыли целый ряд буржуазных экономистов, говоривших об этом, или таких лиц, как Лебон? – могли бы спросить мы. Рядом с этим позволительно было бы указать, что основные прогнозы Маркса не оправдались, что в ряде ошибок на этот счет признавался сам Энгельс (Введение

к «Классовой борьбе во Франции»), что, если память мне не изменяет, как будто не оправдались и предсказания гр. Бухарина насчет немедленной мировой революции, так щедро провозглашавшиеся им в 1917 и 1918 гг.; не помню также, чтобы в это время он предсказывал «новую экономическую политику» и т. д. Я бы на его месте такой аргумент оставил в покое: он невыгоден теперь для него.

2. В дальнейшем гр. Бухарин много говорит о закономерности общественных явлений, о причинности, детерминизме и индетерминизме, материализме и идеализме. На всем этом я не буду останавливаться, ибо здесь нет ничего нового и гр. Бухарин упрощенно излагает – местами очень примитивно – все эти проблемы, поставленные до него и до «пролетарской науки»; он здесь только перелагает то, что было сказано «буржуазными учеными» – теоретиками материализма, детерминизма и закономерности. Здесь «пролетарская наука» устами гр. Бухарина просто повторяет положения буржуазных ученых. Такой факт заимствования обязывал бы гр. Бухарина не так уж «шпынять» «буржуазных каналов» и не уподобляться герою крыловской басни, подрывшему корни того дуба, желудями которого он питался. Но, по-видимому, «пролетарская этика» гр. Бухарина иная. Ну, и Бог с ней: «чем бы дитя ни тешилось», пусть шпыняет.

3. Из отдельных промахов здесь отмечу следующие: а) Не вполне удачное определение причинного закона, характеризуемого как «*необходимая, постоянно и повсеместно наблюдаемая связь явлений*». Слово «необходимая» – от метафизики. В опыте нам «необходимости» не дано. Научнее было бы перевести ее в плоскость категории «вероятности». Буржуазные Пирсон, Мах, Парето и др. куда научнее в этом отношении Бухарина. Эта ошибка автора ведет к другой: категория необходимости приводит к фатализму, ибо она не знает степеней. Фатализма же гр. Бухарину не хочется: он его отвергает, но не опровергает. Перевод всей проблемы в плоскость категории вероятности сделал бы все выводы простыми и снял бы все эти псевдопроблемы; б) правильно рассматривая общественные явления как «результат скрещивания индивидуальных волей, чувств, действий» (лучше бы: индивидуальных поведений, ибо «воля», «чувство» – психологизм и идеализм чистейшей воды. – П.С.), он неправильно утверждает дальше, что «общественные явления... идут *вразрез* с этой волей» (с. 38). Очевидно, в такой формулировке суждение противоречит первому. Для удаления противоречия автор должен был бы добавить: «с волей многих индивидов данного общества»; в) Н. Бухарин берет на себя монополию материалистичности (да простят мне этот термин). Он терпеть не может никакого идеализма, субъективизма и психологизма. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что вся книга его сплошь психологична и субъективистична. «Идеи, воля, чувства» и др. психологические «духи» у него действуют как силы, агенты, словом, гр. Бухарин здесь недалеко ушел от самого «буржуазнейшего психологизма» в социологии. Это заставляет признать, что в отношении объективизма, или транссубъ-

ективизма, он отстал: «буржуазные ученые» (у нас И.П. Павлов и его школа, отчасти Бехтерев, в Америке: Watson, Bentley, Kenagy, Meyer, Weiss, Perry и др. бихевиористы) здесь далеко его опередили и оказались «материалистичнее», «антипсихологичнее» и объективнее. Не угодно ли после этого доказывать «идеализм» буржуазной науки и «материализм» пролетарской. По-видимому, последней придется погонять свою соперницу и «твердить зады» и в этом отношении; *d*) формальные по существу возражения вызывает и проблема динамизма в истории в трактовке гр. Бухарина. Из его изложения получается впечатление, будто бы динамический принцип «все изменяется» и «все стоит в связи со всем» есть черта, специально присущая «диалектическому методу». Между тем каждому школьнику известно, что это общие принципы науки. Зато гр. Бухарин, следуя опять-таки за многими буржуазными же учеными, знать ничего не хочет о повторениях в истории, с одной стороны, с другой – рисует весь исторический процесс подобием какого-то плац-парада, где общества переходят смиренненько из одной стадии в другую, пока не придут к вечной пристани коммунистического рая, приуроченного им автором и долженствующего наступить «неизбежно». Такие концепции приходится признать метафизическими. Если бы никаких повторений в истории не было и если бы неповторяющийся в целом исторический процесс не состоял из повторяющихся элементов, то нужно было бы проститься с возможностью формулировки законов общественной жизни, в том числе и законов развития. Последние возможны лишь тогда, когда в сериальном ряду (например, 2, 4, 6, 8, 10, 12 и т. д.) есть повторение. Без него (например, в ряду 1, 7, 3, 25, 8, 42 и т. д.) никакие «тенденции» не сформулируешь. Как не повторяющаяся в целом история Земли, или солнечной системы, или организма не мешает существованию повторяющихся явлений (например, смены дня и ночи, времен года, обратному отношению объема газа к давлению, образованию воды из H₂O и т. д.), так в историческом процессе есть множество повторяющихся явлений, что и дает возможность открытия и формулировки закономерности. Что же касается указанных «стадий развития» и их законов, якобы приводящих к коммунизму, то это метафизика самого субъективного тона, свойственная в равной форме, впрочем, не одному гр. Бухарину, но и многим «буржуазным ученым». Полагаю, что с ней пора распрощаться. Тьма «законов» развития, начиная с контовских «трех стадий»^{5*} и кончая бухаринскими стадиями, – простой вздор и только.

4. Перейдем теперь к основным социологическим проблемам. Понятие *социологии* гр. Бухарина как наиболее общей из общественной науки – трафаретно, и на нем нечего останавливаться. Довольно шаблонно и его понятие *общества*, понимаемого как «наиболее широкая система взаимодействий, обнимающая все длительные взаимодействия между людьми».

Эта шаблонность не мешает ему быть расплывчато-неопределенным (что значит – наиболее широкая система? каков предел длительности? и т. д.).

Правильно здесь то, что автор считает общество *реальной* совокупностью и делает его признаком – факт *взаимодействия*, которого еще так недавно чужались и который даже высмеивали марксисты. Неправильно, что он за пределами ряда коллективных единств или групп ищет какое-то единое «общество», отличное от всех их и не сводящееся к простому населению. Мной во II т. моей «Системы» была дана критика такой концепции. Она либо бессодержательная, либо ведет к замене «общества вообще» какой-нибудь частной группировкой, либо приводит к теории самодостаточности, развитой у нас К.М. Тахтаревым, не очень-то в чести находящимся у гр. Бухарина. К этим минусам в дальнейшем присоединяются новые. Обсуждая проблему социальной связи, гр. Бухарин видит ее в связи трудовой и соответственно с этим неожиданно суживает приведенное определение общества, присоединяя к нему признак «трудовой связи», т. е. «сознательной или бессознательной работы людей друг на друга» (с. 93–95). Такое добавление, совсем опять-таки не новое и развитое буржуазным Новиковым, совсем запутывает дело. Будет ли трудовой связью связь других групп, из которых одна военным путем систематически грабит другую? Если да, то не превращается ли понятие трудовой связи в ярлык, обнимающий все виды взаимодействия, а стало быть, в пустое слово, ничего не прибавляющее к последнему? Если нет, как видно отчасти из контекста (с. 110), то, стало быть, взаимодействие может быть и не трудовое, стало быть, реальные совокупности возникают и существуют – иногда очень долго – вне этой связи, а это значит, что к ней социальную связь нельзя сводить, нельзя, следовательно, делать этот частный, хотя и важный признак общим признаком общества...

5. Наиболее интересными и ценными главами книги гр. Бухарина являются главы, трактующие о равновесии общества с природой и элементов первого друг с другом, а затем глава, посвященная учению о нарушении и восстановлении общественного равновесия. Не скажу, чтобы эта трактовка была новой. В труде «буржуазного» Парето (*Trattato di sociologia generale*, т. II, гл.: О равновесии общества) мы находим более глубокую трактовку тех же вопросов.

Но, оставляя в стороне эту новизну, эти главы книги Бухарина прочтутся с пользой. Правильно, что для возможности существования общества нужно прежде всего равновесие с природой, как и его средой, что в силу этого «обмен веществ» между ними должен быть постоянным. В этой плоскости процессы производства и воспроизводства являются весьма важными. Но совершенно неправильно отсюда делается вывод о том, что *primus movens*^{6*} общественных процессов являются производительные силы (техника) общества, что они – основная «независимая переменная», а все остальное – нечто производное и второстепенное. Следуя марксистской догме, гр. Бухарин строит такой причинный ряд «факторов»: 1) производительные силы, 2) экономика или производственные отношения, 3) социальная психология, 4) идеология и духовная жизнь общества

в ее различных формах (с. 131–137, 262–265, 268 и др.). Я не возражал бы против такого ряда, если бы он не был методическим приемом, не исключаящим другие. Вполне допустимо взять «независимой переменной» «производительные силы общества» и искать функциональные или корреляционные связи между их варьированием и варьированием других видов социальных явлений. Но при такой функциональной (а не причинно-следственной) постановке дела столь же законными являются и другие приемы, берущие «независимыми переменными» любой разряд социальных явлений (право, науку, религию и др.) или явлений среды и рассматривающие другие явления (в том числе и производительные силы) как их «функции». Так как между различными разрядами обществ, явлений фактически существует не одностороннее причинно-следственное отношение, а отношение двусторонней взаимозависимости (что не отрицает и гр. Бухарин в виде признания «обратного действия» «надстроек» на «базис» (с. 316 и др.), то такая функциональная постановка является единственно правильной.

Гр. Бухарин, однако, недостаточно осознавший различие этой функциональной (обратимо-двусторонней) и причинно-следственной (необратимо-односторонней) точек зрения, стоит на последней, а потому свой ряд выставляет как ряд, исключаящий все другие точки зрения. За такой устарелый монизм ему придется расплачиваться большими логическими и фактическими грехами. Укажу на некоторые из них.

Если единственным *primum movens* общественных изменений являются производительные силы, то встает вопрос: чем же вызывается изменение их самих? Ответ гласит: «они изменяются под обратным влиянием базиса и всех надстроек» (с. 316). Не равносильно ли это отрицанию самого тезиса о первичности этого *primum movens*? Раз получается круг, то от исследователя зависит, что он возьмет в качестве «независимой переменной» в этом кругу: явление ли *a* (производ. силы) или явление *b* («надстройки») и что будет рассматривать в качестве «функции». Раз *b* обратно влияет на *a*, то с таким же правом я могу взять его в качестве «аргумента» и, изучая варьирование последнего, смотреть на варьирование «а» как на «функцию». Это ясно, как день.

Далее. Ошибочная причинно-следственная позиция гр. Бухарина заставляет его грешить и логически. Существо причинно-следственной связи в том и заключается, что здесь связь односторонняя, не позволяющая причине и следствию меняться местами. Если *a* есть причина *b*, а *b* – следствие *a*, то это отношение не может быть обратимо, не может *b* стать причиной *a*. Ибо в таком случае мы имели бы не причинно-следственную связь, а связь взаимозависимости, функциональную (обратимую), где не приходится говорить о причине и следствии, о первом факторе и производных. Гр. Бухарин, не желающий отказаться от «монизма» и причинности, но не осмеливающийся в то же время отрицать роль «надстроек», волей-неволей вынужден искать выход в ...обратном действии следствия (над-

строек) на причину (производительные силы). А это значит, что этим он сводит «на нет» всю причинную концепцию, уничтожая тезис о первичности «производительных сил», противоречит себе и искажает понятие причинно-следственной связи. Грехи довольно серьезные. Этими грехами дело не исчерпывается.

Последовательно проведенный тезис гр. Бухарина означает, что все общественные изменения в конечном счете есть функция одной независимой переменной – состояния производительных сил (a). Короче: «Все = $f(a)$ ». Не нужно большого размышления, чтобы признать вздорной такую теорему. Одно и то же a (состояние производительных сил) не даст одни и те же эффекты в обществе готтентотов и англосаксов, под тропиками и в полярных странах, среди людей ленивых и трудолюбивых, в обществе разбойников и правовом. А это значит, что играет роль и раса (b), и характер природной среды (c), и характер рефлексов населения (d), и т. д. Если же так, то, очевидно, нельзя исключать ни b , ни c , ни d и т. д., и предыдущую формулу придется переделать в такой вид: «все = $f(a, b, c, d...)$ », т. е. рассматривать исторические явления как функцию многих независимых переменных, т. е. приходиться к столь нелюбимому гр. Бухариным плюрализму. И он, собственно говоря, и приходит к нему. Но, желая быть «монистом», догматически отрещивается от него и в итоге плодит одно самопротиворечие за другим. Так, на с. 113 мы читаем: «состояние природы (климат, характер поверхности, берега и т. д.) в данном месте и в данное время не могут не воздействовать на человеческое общество». Ниже (с. 133 и сл.) ему приходится отрицать это, ибо догма требует сведения всего к производительным силам.

Из учения о равновесии общества следует, что для существования его необходимо не только воспроизводство средств существования, но и самих людей, иначе общество вымрет. А отсюда следует роль демографического фактора. Монизм гр. Бухарина заставляет отрицать эту роль и (*horribile dictu*^{7*}) заставляет его своими словами формулировать 1-й закон народонаселения Мальтуса (с. 135), указывая, что «от степени развития производительных сил зависит самая возможность прироста населения». Верно? Да, хотя и не всегда рост производительных сил влечет рост населения. Но не столь же ли верно и обратное положение, гласящее: быстрота размножения, степень плотности и количества населения обуславливают и движение производительных сил. Неужели же не ясно, что здесь мы имеем отношение взаимозависимости, а следовательно, позволительно взять независимой переменной любое из этих явлений: и производительные силы, и демографический фактор. Пора бы, кажется, усвоить столь простые вещи.

Такие же зловключения испытывает гр. Бухарин и с расовым фактором (кстати, изложив расовую теорию совершенно неверно – сведя ее к теории «исторических» и «неисторических» народов и не указав ни одного серьезного труда

по этому вопросу (с. 139–142)). Впрочем, здесь он решительнее. Он смело отрицает расовые признаки и говорит, что они довольно легко меняются с изменением условий существования. Боюсь, что биологи и антропологи (Sergi, Morselli, школа Гальтона, Пирсона и др.) улыбнутся в ответ на такую смелость. Впрочем, гр. Бухарин легко может парировать их критику простой ссылкой на их «буржуазность». То же видим и дальше, в отношении других «факторов». В одном месте он считает их следствиями производительных сил, в другом – причиной их и так качается «семя и овами», перетаскивая причины на место следствий и последние на место первых.

6. Последняя глава посвящена проблеме классов. Ввиду того, что автор здесь примыкает к взглядам, развитым С.И. Солнцевым, критика которых дана мной во II т. «Системы социологии», я не буду останавливаться на этой главе. Отмечу только, что гр. Бухарин не отрицает и других форм социального расслоения, помимо классовой группировки, и идет здесь даже так далеко, что признает социальные группировки, подобные обществу шахматистов, и влияние их на психику своих членов (см. с. 247–248).

Боюсь, что его коллега, гр. Рейснер, не похвалит его за это. Основная картина главнейших социальных группировок, помимо классовой, развернута была мной во II т. моей «Системы». Она столь поразила гр. Рейснера, что он высказал предположение, не сошел ли я с ума.

Кончаю свои замечания. Из них видны ошибки и слабости рецензируемой работы. По сравнению с обычными трудами русских марксистов-коммунистов по затронутым вопросам, книга гр. Бухарина гораздо грамотнее, интереснее и научнее. По сравнению с современным состоянием «буржуазной социологии», она во многом грешит, во многом неверна и во многом отстала. И тем не менее появление ее я приветствую. Ознакомление с нею буржуазных исследователей рельефнее подчеркнет здоровое ядро социологической доктрины марксизма.

<Рец. на кн.:>

**С.Л. ФРАНК. ОЧЕРК МЕТОДОЛОГИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

М.: Изд. Берег, 1922. 121 с.

Книга С.Л. Франка посвящена исследованию «логической или философской (а не технической) методологии общественных наук», понимаемой в качестве «системы высших обобщений о свойствах и соотношениях общественных явлений» и образующей, таким образом, социальную философию как высшую обобщающую науку (с. 5–7). В качестве таковой она отличается и от социологии.

Первая часть книги посвящена критике основных методологических построений в обществоведении: эволюционизма, историзма, этического идеализма, рационализма, натурализма и психологизма. Вторая часть путем систематического обзора основных проблем обществоведения (проблемы реальности общества и его единства в множественности элементов, проблемы идеального и реального в социальном явлении, телеологии и причинности классификации общественных наук и проблемы социального идеала) выявляет основные взгляды автора на обществоведение и дает абрис его социальной философии.

В первой части интересен ряд критических замечаний. Что же касается основных принципов социальной философии автора, то для меня они совершенно неприемлемы. Если обществоведение хочет изучать не реальные данные сознанию во времени и пространстве явления, которые носят название поведения людей, групп, масс, с одной стороны, и исторических событий, общественных процессов, с другой, то обществоведению нечего делать с социальной философией профессора Франка. Она парит над эмпирическим миром и даже крылом не задевает его. Она не описывает поведение и общественные процессы, не ищет функциональных и причинных зависимостей между этими явлениями, она не дает ни одной теоремы «вещественного» характера, ни одной формулы зависимости, ни одного описания конкретного процесса. Она вся в царстве идей Платона. Ее объект – «сверхпространственное и нематериальное общество», чисто «духовное», «идеальное бытие, сверхпространственное и сверхвременное», «смысл», или «объективная живая идея» (с. 45, 38, 65–74 и сл.).

Очень может быть, что такая дисциплина чрезвычайно ценна во многих отношениях. Но зато в одном отношении она совершенно бесплодна: в отношении познания эмпирически данного – во времени и пространстве – мира явлений человеческого поведения и общественной жизни. Раз она вся в царстве Платоновых идей, в области сверхпространственных и сверхвременных явлений, то ей нет дела до грешной земли, грешных людей и грешной общественной жизни, существующих и в пространстве, и во времени. Она не может их познать и понять. И обратно, последним также нет никакого дела до первой, витающей далеко и высоко от них. Плохо ли, хорошо ли, но до сих пор общественные науки изучали и пытались изучать именно этот «грешный мир», а не сверхпространственные и сверхвременные «сущности». Я полагаю, что и впредь они то же будут делать. А посему им не приходится связываться с «социальной философией», стоящей в совсем ином мире, чем они. Такой брак будет мезальянсом для последней, ибо может замарать ее чистые одежды идеального мира грязью мира вещественного. Он бесполезен и для общественных наук: они не могут оторваться от «грешных песен земли»^{1*} и перейти в мир «звуков небес». А отсюда следует, что и методологические рецепты, великодушно предлагаемые социальной философией, непригодны для них: что хорошо для царства Платоновых идей, то может быть очень нехорошим для мира эмпирически-реальных общественных явлений. Поэтому вопросы: «существуют ли законы общественной жизни, какова их особенность? совпадают ли они с законами природы? суть ли они законы развития, соотношений?», каков должен быть общественный идеал и каковы средства достижения его? и т. д. – все эти вопросы, которые, по мнению С.Л. Франка, компетентна решать якобы одна социальная философия и которые будто бы «игнорируются социологией», а равно и другими общественными науками (с. 9–10), эти последние будут решать сами: рецепты социальной философии для них непригодны, раз она парит в ином мире, – раз, а во-вторых, сомнительно, чтобы последняя могла дать более точные и правильные ответы на все подобные вопросы, чем ответы самих общественных наук.

Повторяю, социальная философия в понимании ее С.Л. Франком может быть ценной во многих отношениях, но общественным наукам, изучающим эмпирический мир поведения людей и общественных процессов, с ней делать нечего и вообще не по дороге.

<Рец. на кн.:>

CH. RICHEL. LA SÉLECTION HUMAINE

PARIS. 1919

D. STARCH. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

1920

Поскольку можно судить по той небольшой биологической литературе, которая проникает к нам с Запада, два явления характеризуют работы зарубежных биологов за эти годы: во-первых, растущая оценка роли наследственности в деле эволюции организмов, во-вторых, рост попыток перенесения биологических принципов в область социальной жизни человека: биологи чаще и чаще начинают затрагивать чисто социологические проблемы. С этой стороны они интересны и для социологов. Рассмотрим кратко некоторые социологические положения, к которым они приходят. Первая черта выступает весьма отчетливо в работах Моргана, Бэтсона, Осборна, Макферлена, Лотси и др. Соответственно с этим в применении к человеку и человеческому обществу делается вывод, гласящий: судьба человека и общества, характер, одаренность, поведение и история их зависит не только и даже не столько от среды, сколько от наследственно полученных свойств. Иными словами, современная биологическая мысль в этом отношении идет по стопам Гальтона и признает из двух факторов – наследственности и среды – основное значение за первой.

В применении к человеку этот тезис нашел особенно яркое выражение в книге проф. Starch'a «Educational Psychology». Основной вывод его гласит: наследственность играет главную роль не только в определении физических, но и психических свойств человека. Ей человек обязан 60–90% своих духовных дарований, и только 40–10% их он обязан среде. Легко понять, что из такой оценки роли наследственности вытекают ряд других – теоретических и практических – социологических выводов. Ряд биологов, с такими именами как Гертвиг, Лотси, Ш. Рише, Шалльмейер, М. Ферворн, Циглер, Холлер и др., и делают некоторые из них. Так, Лотси, констатируя, что люди по наследственным своим свойствам гетерозиготны, заключает отсюда, что они никак не могут быть равными, что

требование равенства – nonsens, абсурд, совершенно неосуществимый в жизни и способный вызвать только ряд бедствий при попытках его реализации.

Сходное говорят Циглер и Ш. Рише. Нельзя не признать «странными» такие выводы в наше время всеобщего уравниения всех и вся!

Второй вывод, делаемый ими из той же основной посылки, состоит в утверждении, что основным способом улучшения человеческой породы, а тем самым и общества, является биологический способ отбора: благоприятствование размножению наследственно здоровых и одаренных лиц и недопущение размножения лиц, биологически и психически дефектных. Это «евгеническое» движение^{1*} за последние годы резко усилилось. Роль наследственности в нем отодвинула на задний план роль среды.

Примером такого течения может служить книга Ш. Рише, профессора физиологии Парижского Университета, «La Sélection Humaine». В этой книге он воскрешает теорию графа Гобино и ряда других антропосоциологов.

Констатируя, что прогресс организмов в природе обязан своим бытием борьбе за существование, ведущей к гибели худших и к выживанию лучших, он, подобно Лапужу, указывает, что в человеческом обществе этот жестокий механизм отбора не действует или действует часто шиворот-навыворот. Следствием этого является ухудшение человеческой породы, грозящее в будущем ее вырождением. В целях предотвращения такого результата, с одной стороны, улучшения биологической и психической природы человека, с другой, и ускорения прогресса – с третьей, он горячо пропагандирует ряд евгенических мер, необходимых для достижения этих задач.

Совокупность их сводится к тому, чтобы не допустить размножения биологически и психически дефектных людей (больных: сифилитиков, туберкулезных, алкоголиков, психически больных и т. д.) и всячески благоприятствовать размножению здоровых и духовно выдающихся лиц. Больше того, Рише считает необходимым даже определенную комбинацию супругов, которая позволяла бы производить потомство с все более и более выраженными специфическими положительными свойствами.

В основе всех этих предложений лежит тот же тезис исключительного значения наследственности.

Сообразно с этим Ш. Рише находит правильным и необходимым запрещение браков белой расы как наиболее одаренной, с черной и желтой расами как менее одаренными. «Рискуя оскорбить священную догму равенства людей, – говорит он, – мы делаем такую классификацию рас» (по степени духовной одаренности). Приведя далее доказательства меньшей одаренности желтой и особенно черной расы, он заключает: их неравенство «не есть ни теория, ни фантазия: это сама реальность со всей ее поразительной брутальностью». «Всякое смешение этих рас с белой может дать только печальные результаты».

Переходя к отбору в пределах самой белой расы, Рише (в отличие от некоторых антропосоциологов) не считает «лучшими» в ней лиц, принадлежащих к так называемой аристократии. Современная аристократия, обязанная своим существованием случайностям богатства и привилегий, далеко не всегда является подлинно «лучшим элементом» населения. При отборе здесь приходится исходить не из этого формального и фиктивного превосходства, а из превосходства действительного, ведущего к недопущению размножения биологически и психически дефектных и к содействию размножения телесно и духовно одаренных лиц, к какому бы классу те и другие ни принадлежали. Отсюда следуют запреты брака для первой категории и ряд других подобных мер.

Реализацию таких мер Рише только частично возлагает на государство. Вообще же он высказывается против этатизированного или социализированного общества, приносящего «свободу» в жертву «равенству», и предпочитает ему «анархическое», построенное на «свободе». При обсуждении указанных проблем он попутно затрагивает множество других: например, необходимость всеобщего распространения знаний, отрицательную роль войны, «антиномию» моногамии, по целому ряду оснований необходимой для процветания людей и в то же время невозможной, стоящей в противоречии с половыми потребностями человека (ибо при строгой моногамии она должна вести к половому воздержанию супругов в течение ряда месяцев беременности и кормления грудью) и т. д.

Таково вкратце содержание книги Рише.

Я не намерен здесь разбирать ее. Взгляды, развиваемые в ней, как и в других экскурсах современных биологов в область социологии, не новы.

В них есть большие дефекты, есть и вполне правильное ядро – признание громадной роли наследственности.

Интересен и занимателен сам факт роста подобных экскурсов со стороны биологов и те антигалитарные и антисоциалистические выводы, к которым они приходят на основе изучения явлений жизни.

В наше время господства уравнительности нельзя не признать знаменательными такие выводы представителей биологии.

ОТПРАВЛЯЯСЬ В ДОРОГУ
(Речь на торжественном собрании в день
103-й годовщины Петербургского университета,
21 февраля 1922 г.)

Сегодняшняя годовщина Петроградского университета знаменательна не только тем, что она 103-я годовщина, но и тем, что она совпадает с моментом величайшего катаклизма в истории человечества и нашей родины. В результате войны и революции наше отечество лежит в развалинах. Великая Русская Равнина стала великим кладбищем, где смерть пожинает обильную жатву, где люди едят друг друга.

Задача возрождения России падает на Ваши плечи – задача, бесконечно трудная и тяжелая. Сумеете ли Вы выполнить ее? Сможете ли выдержать этот экзамен истории? Огромная трудность ее усугубляется еще тем, что Вы оказались на великом распутье, без путей, дорог и спасительного плана. «Отцы» Ваши не могут помочь Вам: они сами оказались банкротами; их опыт в форме традиционного мировоззрения интеллигенции оказался недостаточным, иначе трагедии бы не было. От берега этого мировоззрения волей-неволей Вам придется оттолкнуться: он не спас нас, не спасет и Вас. Он надолго исчез в зареве войн, в грохоте революции и в темной бездне могил, все растущих и умножающихся на русской равнине. Если не мы сами, так эти могилы вопиют о неполноте опыта «отцов» и ошибочности их патентованных спасительных рецептов.

Но раз старые пути негодны, где же новые? Есть ли они у Вас? Если есть, продуманы и осознаны ли? Боюсь, что нет. Мы все сейчас похожи на людей, ошарашенных ударом дубины, заблудившихся и ищущих – страстно и горячо, до боли, до исступления – нужного до смерти выхода. Ищем, тычемся туда и сюда, подобно слепым щенятам, но темно кругом. А история не ждет, она ставит ультиматум; бьет грозное: *memento mori*^{1*}, бьет двенадцатый час нашей судьбы и решается наше быть или не быть.

В таких условиях Вы поймете меня и не найдете нетактичным, если я позволю наметить некоторые «вехи» того пути, по которому, с моей точки зрения – возможно ошибочной, возможно близорукой – мы должны двинуться в дальнейшее историческое странствие. Это даже не «вехи», а скорее указания на то, чем

УТРЕННИКИ

КНИГА I

При участии: Ю. Н. Айхонвалда, Е. А. Амбала, А. А. Елизатовой, К. Н. Башенко, И. Белоусова, В. В. Варескова, В. К. Ветринского-Чешникина, С. Н. Гессона, А. С. Герова, Ф. Ф. Зелинского, А. Ф. Коки, М. С. Корольковского, Вл. Яндина, И. А. Лутехина, В. С. Мачусевой, И. С. Павлова, С. Д. Прогопозова, Вл. А. Паста, А. Н. Ремесной, А. С. Сметлицкого, А. А. Селюянова, П. А. Серожина, С. П. Тхержевского, О. Д. Фурш, Н. Чарова, Г. Шенгели и др.

Под редакцией Д. А. ЛУТОХИНА.

Обложка первой книги альманаха «Утренники»

мы должны запастись, пускаясь в этот темный путь, чтобы выбраться вновь на светлую дорогу жизни и живой истории из мрачных бездн долины Смерти.

Первое, что Вы должны взять с собой в дорогу, – это знание, это чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем и не склоняющую покорно главу перед чем бы то ни было; науку, точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где Истина и где Заблуждение. Берите ее в максимально большом количестве. Без нее Вам не выбраться на широкий путь истории. Но не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских», которые в изобилии преподносят Вам тьмы фальсификаторов. Опыт и логика – вот те реактивы, которые помогут Вам отличить одно от другого. Иных судей здесь нет. Вашим девизом в этом отношении должен служить завет Карлейля: «Истина! хотя бы небеса раздавили меня за нее! Ни малейшей фальши! хотя бы за отступничество сулили все блаженства рая!»^{2*}

Второе, что Вы должны взять с собой, это – *любовь и волю к производительному труду* – тяжелому, упорному, умственному и физическому. Времена «сладкого ничегонеделания» – *dolce farniente* – кончились. Мир не зал для праздношатающихся, а великая мастерская, и человек – не мешок для переваривания пищи и пустого прожигания жизни, а прежде всего – творец и создатель. История не терпела и в прошлом праздных тунейдцев: рано или поздно она сбрасывала их в кучу ненужных отбросов. Тем более не терпит их она теперь, и особенно среди нас: «не трудящийся да не ест»^{3*} – таков ее жестокий и безусловный ультиматум. Дорога предстоит бесконечно тяжелая. Только знания и труд, вместе взятые, могут преодолеть ее. Каждое из сокровищ, порознь взятое – знания без труда или труд неумелый и слепой, – не спасут Вас.

Но мало и этого. Нужно запастись Вам еще и другими ценностями. В ряду их на первом месте стоит то, что я называю *религиозным отношением к жизни*. Мир не только мастерская, но и величайший храм, где всякое существо, и прежде всего всякий человек, – луч божественного, неприкосновенная святыня. *Нотом homini deus (a ne lupus) est*^{4*} – вот что должно служить нашим девизом. Нарушение его, а тем более замена его противоположным заветом, заветом зверской борьбы, волчьей грызни друг с другом, заветом злобы, ненависти и насилия, не проходило никогда даром ни для победителя, ни для побежденных. Оправдалось это и в наши годы. Что выиграло человечество от войны? Что пожинаем мы от своей ненависти и кровавого пира? Ничего, кроме жатвы смерти, горя и океана страданий. Распиная других, мы распинаем себя. Так случилось теперь, так было и в прошлом. Пора это усвоить. Пора усвоить и другое: одно насилие никогда не ускоряло движение к далеким вершинам идеального. Вместо ускорения оно лишь замедляло его. Примером в нашей истории может служить эпоха Петра, не давшая ничего, кроме пышного фасада, закреповившая силь-

нее народ и погрузившая его на полтора столетия в бездну невежества и бесправия. То же случилось и с нами: поспешив, мы очутились не в XXII столетии, а в XVIII веке. Мало сего, Тэн прав, говоря: ни одно из хороших социальных жилищ не было выстроено сразу, по полному разрушению старого и по абсолютно новому, выдуманному искусным архитектором плану. Каждое из них, например английское общество, воздвигалось вокруг первичного, массивного ядра и опиралось на него; лишь постепенно и исподволь к нему делались пристройки и вводились изменения. Словом, хорошо и прочно строится лишь то, что строится исподволь и постепенно, а не «по щучьему велению», не путем конвульсивных и смелых разрушений старого дочиства. Подобно французскому народу в прошлом столетии, мы забывали эту истину. И платились и платимся за ее забвение. Это обстоятельство диктует нам внимательнее оглянуться на наше прошлое. Заботливое рассмотрение его показывает нам, что много хорошего было и в Московской Руси, что было смято иноземными ботфортами Петра. Немало его было и в более близком прошлом. Пора оценить это ценное, заботливо поднять его семена и оживить силою мысли и напряженного труда. Выполнение этой задачи означает восстановление, улучшение и сохранение нашего *национального лица*. Этот термин и эта задача так были запачканы в прошлом, что мешали нам рассмотреть то здоровое, что было и есть в желании иметь среди других народов истории свое *национальное лицо*, свои *оригинальные черты* и свое *право на место и роль в великой драме истории*. Теперь, когда история грозит нас обезличить, когда другие народы готовы исключить нас из числа главных действующих лиц и перевести нас на роль простых статистов, мы начинаем понимать великую ценность национального лица.

Если для каждого из нас иметь свое лицо лучше, чем быть безличным, то то же относится и к целому народу. Пора понять, что всякая попытка отказаться от своего лица приводит либо к безличности, либо к искажению этого лица и к превращению его в истоптанный каблуками прохожих бесформенный кусок мяса с синяками, порезами и ранами. Если мы не хотим этого, пора отказаться от «чурания себя», пора исправить этот грех наших отцов. Нужно это сделать и потому, что международное братство мыслится не как братство безличных общественных организмов, а как братство народов, т. е. групп с определенным лицом, а не с гладким и пустым местом. Мало того. Этот завет диктуется сейчас и мотивом, гласящим: «иди к униженным, иди к обиженным»^{5*}. Есть ли сейчас на земле другой народ, более обнищавший, более голодный, более несчастный, более эксплуатируемый, чем наш родной, великий – даже в своем несчастье – русский народ? А раз так, то наша обязанность всячески помочь сохранить ему его тело, его жизнь, его душу, его «лицо» и остатки его исторического достоинства и богатств. Быть может, последнее нельзя спасти – уже поздно, – но спасти жизнь, душу и «лицо» – это спасти главное: достоинство и богатство – дело наживное.

Отправляясь в путь, запаситесь далее *совестью, моральными богатствами*. Не о высоких словах я говорю: они дешевы и никогда в таком изобилии не вращались на житейской бирже, как теперь, а говорю о моральных поступках, о нравственном поведении и делах. Это гораздо труднее, но это нужно сделать, ибо я не знаю ни одного великого народа, не имеющего здоровой морали в действиях. Иначе... смердяковщина и шигалевщина потопят Вас. Иначе Вы будете иметь ту вакханалию зверства, хищничества, мошенничества, взяточничества, обмана, лжи, спекуляции, бессовестности, тот «шакализм», в котором мы сейчас захлебываемся и выдыхаемся.

Придется подумать Вам и о том, кого взять с собой в *спутники и руководители*. Настало время от ряда былых спутников отказаться: они завели нас в пропасть. Я бы взял в качестве таковых таких лиц, как Нил Сорский, Сергей Радонежский – носители идеала старца Зосимы; как Толстой и Достоевский. Такие «спутники», по моему мнению, не обманут.

Позволю обратить Ваше внимание и еще на один факт – на *семью*. Вы знаете, что она разлагается. Но должны знать и то, что без здоровой семьи невозможно здоровое общество. Слишком далеко зашел здесь развал, и духовный, и биологический, чрез половые болезни ускоряющий вымирание и вырождение русского народа. Пора остановить это бедствие. Оздоровление семьи, улучшение ее организации в том направлении, чтобы она, как первый скульптор, лепящий *socius*'а из биологической особи, создавала и выпускала из своих рук индивидов с знаниями, с волей, с энергией, полагающихся на самих себя, – эта задача доступна каждому из Вас и составляет Вашу основную обязанность.

И каждый из Вас сам должен стать настоящим *socius*'ом, индивидуально-чуждой и эгоистического шакализма, и невежественно слепой стадности...

Таковы те главные ценности, которыми Вы, с моей – быть может, весьма несуразной – точки зрения, должны запастись, пускаясь в великий путь и подготавливаясь к великому экзамену. Я не знаю, выдержите ли Вы это тягчайшее из тяжелых испытаний. Но надеюсь, что «Сим победиши»^{6*}. Хочу верить и всем сердцем желаю Вам полного успеха. Ваш успех будет означать спасение 100-миллионного народа от физической и духовной смерти.

ОБ «АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПОЗИЦИИ»

Ввиду того, что выдвинутая мной «англо-саксонская позиция», очерченная кратко в статье о «Смене всех» (Вестник литературы. 1921, № 11), вызвала некоторые недоумения (см. ст. А.С. Изгоева «Власть и личность» – Вестник литературы. 1922, № 1 и заметку А.Г. в № 3 «Летописи Дома Литераторов»), считаю нужным еще раз вернуться к этому вопросу. Конечно, в свои положения о самостоятельности, личной и инициативной работе интеллигенции «независимо от власти» я не думал вкладывать содержание, гласившее, что где-то и как-то можно работать, не вступая ни в какие отношения с властью – ни в отношения борьбы, ни в отношения солидарности. Такой взгляд был бы крайне наивен, если не нелеп.

Нет! Тезис об «англо-саксонской позиции» имел и имеет более глубокое и менее наивное содержание. Он означает: 1) ударение на том, что какая бы то ни была государственная власть не есть некая абсолютная и единственная ценность, отношением к которой можно было бы измерить все другие ценности, как это в значительной мере делалось у нас раньше. Оценки лиц – ученых, художников, поэтов, писателей и т. д. – и их произведений у нас определялись в сильной степени тем, в каких рядах это лицо находится, за или против власти оно стоит. 2) «Англо-саксонская позиция» знаменует, что и вопросы государственной политики и организации не есть нечто единственное, что абсорбирует в себе все вопросы общественного устройства и поэтому делает первые «клином, на чем весь свет сходится». Дело государственного устройства – дело важное, нужное (хотя бы в Розановском смысле, как «нужна дымовая труба и еще кой-какие места в благоустроенном жилище»^{1*}); но это только одно из многих не менее важных дел организации общественной жизни. Не менее важное значение имеет организация здоровой семьи, здоровой, живой, одухотворенной церкви, здоровых – внегосударственных – экономических, профессиональных, научных, просветительных, художественных и т. д. ассоциаций и союзов. Все это не менее нужно для нормальной общественной жизни, чем хорошая конституция и др. стороны государственного устройства. Последними далеко не исчерпывается поле приложения сил, направленных на общепользные и высокие цели. Работа над созданием таких негосударственных «органов общественного тела» ни в чем не усту-

пает, – а, с моей точки зрения, временами даже превосходит – важность работы над проблемами государственно-политическими. 3) Отсюда вывод: ошибочно видеть в плохой организации и политике государственной власти «все зло», или наоборот: наивно верить во всемогущество правительства или во всеисцеляющую роль хорошей конституции и хороших властителей. Нет слов, и хорошая конституция, и хорошая власть имеют большое значение. Но... *Quid leges, sine moribus!*^{2*} если семейная организация общества больна, если в разлагающемся состоянии находятся церковь, экономические и др. организации и союзы общества, тщетны надежды на прекрасную конституцию и мудрых правителей. Г-жа конституция останется на бумаге, а мудрые правители не спасут. И обратно, в обществе, где здоровая семья так организована, что из ее лоно выходили на житейский базар волевые, энергичные, инициативные, самоответственные члены общества (не забудем, что именно семья является первым скульптором, формирующим биологическую особь *sociis*^{3*}), если в таком же состоянии находятся и другие общественные союзы, будьте покойны, у такого общества будут и здоровое правительство, и высокоорганизованная государственная жизнь. Это я говорю к тому, что у нас обычной была и остается манера все зло сваливать на власть и в ее реформе видеть «якорь спасения». Какой-нибудь Иван Иванович, вместо того, чтобы направить свое внимание на то, что ему доступно, что в его силах, что находится на его ответственности: на бестолково устроенную семью, плохое исполнение ряда его индивидуальных дел, прав и обязанностей... считал своим долгом братья за высокую политику и оправдывать себя ссылками на... «корень зла». И теперь сколько угодно таких Иван Ивановичей. Масса лиц ведет себя нечестно, нарушает элементарные нормы житейской этики, у многих семья развалилась, дети в забросе и одичании и т. д., сами они ничего не делают, хнычут, грешат и копят небо. И, однако, они и не думают обвинять себя: «раз все крадут и мошенничают – отчего же мне не красть», «с волками жить – по-волчьи выть», «ничего не поделаешь – таков режим» – вот их оправдания, сопровождаемые верой: «сто́ит государственным порядкам измениться, как всё (в том числе и они) исправится». Вот этот-то практический вывод вместе с его посылкой – наивной верой в «корень зла» как в «якорь спасения» – я считаю наивным и глубоко вредным. Общество, состоящее из таких членов, никогда не будет здоровым обществом, не будет иметь и хорошо организованного государства, «по Сеньке и шапка». Даже для осуществления правового государства, а не только налаженной общественной жизни работа над оздоровлением семьи и др. негосударственных организаций имеет едва ли не большее значение, чем активнейшее участие в «высокой политике» и в активной государственно-политической деятельности. Первая работа дает плоды более медленно, чем вторая, но зато более прочные, чем плоды самой яростной борьбы за г-жу конституцию и государственную власть. Это имеет большое значение особенно в моменты,

когда активное участие в государственно-политической жизни становится невозможным. А.С. Изгоев указывает на политические свободы и «неотъемлемые» права человека как на «ключ к англо-саксонской позиции». Не оспариваю значения такого «ключа». Но почему он возник и раньше всего нашел реализацию в Англии? Почему, с другой стороны, этот «ключ» никак не сохраняется у ряда народов, хотя бы он и попадал таким народам в руки? Почему они его теряют?

Школа Ле Пле, пожалуй, дала лучший ответ на первый вопрос. Суть дела, оказывается, именно в здоровом индивидуализме, в здоровой семье и в здоровом состоянии негосударственных организаций англосаксов. Результатом первых явились люди с надлежащим поведением, энергией и опытом и... здоровое государство (при примитивной «конституции»), и свободы. У общества же, состоящего из Иван Ивановичей, никогда не будет ни хорошо налаженной государственной машины, ни... свобод. Если этот «ключ» волею судеб и попадет к нему в руки, первый встречный проходимец истории отнимет его, и он останется у того же «разбитого корыта». И по заслугам. Выходит, что указанный «ключ» сам требует других «ключей» для возможности постоянного пользования. Этот ключ – в характере самих людей, их свойств – наследственных, над которыми мы маловластны, и приобретенных, которые зависят от нас. Роль самого государства в прививке последних далеко не решающая и редко положительная. Гораздо большее значение здесь имеет семья, церковь и др. общественные группы. Они могут привить одни черты и отвести другие. Развивая в себе и в молодом поколении «рефлексы» здорового индивидуализма (но не шакализма), личного почина (а не казарменной стадности), сознания своих прав, но и обязанностей, привычки полагаться в жизни только на себя, свой ум, энергию и труд, а не на мир, государство или мудрых правителей, снабжая его всеми действительно нужными для его жизни знаниями, опытом и др. рефлексами (а не теми, которые требуются бумажными и чаще всего пустыми «государственными программами»), мы и из себя, и из молодого поколения можем создать – при надлежащей энергии – настоящих людей. А настоящие люди – будьте покойны – сумеют добыть и нужные им «ключи». Они не будут «хныкать», при малейшем неудобстве нарушать элементарные правила житейской этики или молча смотреть, как отнимают у него «неотъемлемые права». На вопрос, чему обязаны англичане своим прогрессом и успехами, они нередко отвечают: «Препятствиям». Для «вареных душ» последние – предлог для ничегонеделания, хныкания и... самооправдания, для англосаксов – стимул к преодолению, к большему развитию своей энергии, опыта, осуществления своих прав и своих обязанностей...

Такое поведение я и разумею под «англо-саксонской позицией», а не наивное изолирование от соприкосновений с властью. Такое поведение будет достойным и независимым от кого бы то ни было, притом не только «в духовном и моральном отношении» (что часто на практике – особенно русской – превраща-

ется в фактическое лакейство с кулаком в кармане или в цинизм с гордым самоутешением своей «духовной независимостью»), а будет поведением независимым реально, не склоняющимся и пред *vis absoluta*^{4*}. Только при таком же поведении членов общества оно получает и «ключи», которые не сумеет вырвать из их рук случайный ветер истории. Вне такой работы над собой и другими, особенно над молодым поколением, все другие, в том числе и прямые усилия перестройки государственной организации, не дадут вполне зрелого и обеспеченного урожая...

У нас в этом отношении поле работы почти не тронуто. Главное – оно доступно каждому в любой отрасли и в любой момент.

Сказанное несколько яснее рисует суть «англо-саксонской позиции» и выводы, вытекающие из нее для всех и каждого, в особенности для интеллигенции, мнящей себя (едва ли с большим основанием) «мозгом и совестью страны».

ГОЛОД И ИДЕОЛОГИЯ ОБЩЕСТВА

Под идеологией общества я разумею совокупность представлений, понятий, суждений и их комплексы: убеждения, верования, теории, «мировоззрение», свойственные членам агрегата. Причем в понятие идеологии я включаю как убеждения, теории, верования и т. д., только переживаемые и мыслимые про себя, так и проявленные вовне – словами, письменными знаками, рисунками, жестами и другими способами. На объективном языке совокупность таких явлений можно назвать терминами субвокальных и речевых рефлексов человека.

Исследование поведения и идеологии отдельного индивида показывает, что «содержание» его сознания радикально меняется при резких изменениях количества и качества пищи, поступающей в его организм. Это изменение состоит в том, что *при голоде идеология человека деформируется, с одной стороны, в направлении усиления и укрепления суждений, теорий, убеждений и верований, которые при данных условиях «одобряют» применение мер, способных дать пищу, и благоприятствуют им, а с другой – в сторону ослабления и подавления речевых и субвокальных рефлексов, мешающих, препятствующих утолению голода.* Грубо говоря, голод как бы вынимает из «сознания» человека одну пластинку с определенными ариями и вкладывает туда другую. В итоге человек-граммофон начинает петь новые песни и арии, произносить новые слова и использовать новые выражения, думать новые мысли, исповедовать новые убеждения¹.

Если так обстоит дело с отдельным человеком, то такая же трансформация должна происходить и с идеологией массы лиц или целого агрегата, поставленного в условия резкого колебания кривой питания, в частности, при переходе агрегата из состояния сытости к голоду и обратно.

Иными словами, я утверждаю, что существует *функциональная связь между колебанием кривой питания общества и варьированием его идеологии. С изменением первой «независимой переменной» (ceteris paribus) меняется и «идеология общества», причем меняется в том же направлении.* В «эпоху Голода» это изменение сказывается в усиленной и успешной прививке членам общества такой идеологии, которая при данных условиях благоприятствует насыщению голод-

¹ Доказательство этих положений я даю в моей работе «Голод как фактор», здесь же прошу принять их на веру.

ного общественного желудка, и в падении успеха идеологий, препятствующих – мешающих – этому насыщению. Противоположное происходит в эпохи перехода общества из голодного состояния к сытому.

Таким образом, я утверждаю, что, как бы ни казалось это парадоксальным, но между количеством и качеством калорий, поглощаемых обществом, и сменой успеха или неуспеха ряда идеологий, циркулирующих в нем, существует функциональная связь.

Это изменение идеологии под влиянием указанного фактора многообразно и чрезвычайно разнородно по своей конкретной форме. Перечислять и описывать все эти разнообразные сдвиги здесь не место. Целесообразнее будет остановиться на какой-либо одной – крупной и типичной – системе верований или идеологии и на ее судьбах уяснить суть дела и проверить указанную связь. Так я и поступлю. В качестве такой типичной системы верований и убеждений я возьму социалистически-коммунистические и уравнивательные теории, воззрения и идеологии. Изучение кривой их успеха позволит нам выявить эту связь.

А теперь несколько слов о том, в чем эта связь состоит.

Пока общество или огромная его часть сыта (дефицитно и сравнительно), нет никакой необходимости в коммунистически-уравнивательных актах и поступках вроде насильственного отнятия, грабежа, уравнивания богатств и пищевых скопов агрегата. И без этих мер люди сыты. В таком состоянии у них устанавливаются соответствующие формы поведения, рефлексы и убеждения, запрещающие посягать на «чужое достояние», признающие собственность «священной», «отнятие чужого добра – недозванным» и т. д.

Но вот наступает голод. Допустим, что все другие меры (ввоз продовольствия, эмиграция, завоевание другой группы и т. д.), кроме захвата богатств и «скопов» у богачей данного общества, не покрывают дефицита продуктов питания. В таких условиях пицетаксис толкает голодных к захвату, разделу и «коммунизации» этих последних как единственному средству утоления голода. Чтобы такое поведение было возможно, необходимо «развинчивание» и подавление всех мешающих этому рефлексов, в том числе речевых и субвокальных (убеждений). Иначе они будут мешать тем актам, к которым сейчас толкает пицетаксис. В таких случаях пресс голода действительно начинает давить в первую очередь на них, подавлять рефлексы (и убеждения), препятствующие его утолению, такие как «собственность священна», «отнятие чужого достояния недопустимо» и т. д., прививать и усиливать рефлексы и убеждения, «оправдывающие», «мотивирующие», благоприятствующие совершению актов, требуемых пицетаксисом («собственность – кража»^{1*}, «да здравствует экспроприация эксплуататоров», «захват богатства – великое и справедливое дело» и т. д.).

Поскольку обладатели «скопов» препятствуют захвату их достояний, пицетаксис прививает рефлексы и убеждения, «одобряющие» применение насилия и борьбу с «буржуями».

Это значит, что у тех, кто поставлен в указанные условия, голод должен вызывать появление, развитие и предрасположенность к прививке коммунистически-социалистически-уравнительных рефлексов, в частности рефлексов речевых и субвокальных (убеждений), иными словами, «коммунистически-социалистической идеологии». Последняя в таких голодных массах находит прекрасную среду для прививки и распространения и будет «заражать» их с быстротой сильнейшей эпидемии. Совершенно не важно, под каким соусом она будет подана и как обоснована – по методу Маркса или учению Христа, по системе Бабефа или Руссо и якобинцев или по системе Катилины и анабаптистов, на принципе «прибавочной ценности» и «материалистического понимания истории» или на принципе Евангелия: «Кто имеет две рубашки – пусть отдаст одну неимущему».

Эти обосновывающие, мотивирующие и оправдывающие «тонкости» массе совершенно не важны, они ей недоступны, она ими и не интересуется. Это «соус», совершенно не имеющий для нее значения. Важно лишь то, чтобы идеология благословляла на акты захвата, раздела, уравнивания, чтобы она прямо на них наталкивала, их одобряла. А почему, на каком основании – это дело десятое. Если какое-нибудь обоснование есть – отлично. Если нет – тоже не беда. Если при данных условиях всего более для «оправдания» подходит Евангелие – идеология будет ссылаться на него и во имя заповеди Христа будет благословлять «обобществление». Если в данный момент более подходящей окажется идеология Маркса – будет взята она, будет широко прививаться и под ее флагом будет идти соответствующее «обобществляющее» движение.

Такова в основном связь между колебанием питания и колебанием идеологии.

Значит, для успеха таких идеологий необходимы два основных условия: 1) резкий значительный рост дефицитного или относительного голодания масс при невозможности утоления его иными способами; 2) наличие имущественной дифференциации в стране. Чем резче будут оба условия, тем при равенстве прочих условий подъем успеха коммунистически-социалистической идеологии будет быстрее и сильнее, тем легче она будет прививаться к голодным, тем большим будет ее успех.

Отсюда, как и в случаях роста принудительного этатизма² (не только как «идеологии», но и как практики), следуют выводы:

1-я теорема

Ceteris paribus, сытые и голодные (богатые и бедные) группы при указанных условиях не могут иметь одну и ту же социально-политическую идеологию. В частности, коммунистически-социалистическая идеология должна иметь

² См. мою статью «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества» (Экономист. 1922, № 2).

успех и легко прививаться к группам бедняков и не может иметь успеха и легко прививаться к богато-сытым. Последние должны быть иммунитетны по отношению к ней, первые, наоборот, – легко подвержены ее «заразе». Антикоммунистические идеологии, наоборот, должны преуспевать среди богачей и трудно прививаться к голодной бедноте.

2-я теорема

1. *Ceteris paribus, при одной и той же степени имущественной дифференциации кривая успеха и прививки этой идеологии будет подниматься всякий раз, когда уровень питания масс понижается (когда голод – дефицитный и относительный – растет).*

2. *При одном и том же уровне питания масс эта кривая будет подниматься всякий раз, когда имущественная дифференциация усиливается (растет относительный голод).*

3. *Особенно резок будет подъем кривой роста и успеха этих идеологий тогда, когда растет и имущественная дифференциация (богачи еще больше богатеют) и когда понижается уровень питания масс (бедняки еще сильнее беднеют). В этом случае голод – дефицитный и относительный – усиливается вдвое, вдвое увеличивается и давление пицетахсиса.*

3-я теорема

И наоборот. *Ceteris paribus, кривая успеха и прививки коммунистически-социалистической идеологии будет падать всякий раз: 1) когда поднимается уровень питания масс и уменьшается имущественная дифференциация (падает и относительный, и дефицитный голод); 2) когда при неизменности имущественной дифференциации поднимается уровень питания масс; 3) когда при неизменности уровня питания масс уменьшается имущественная дифференциация (в том и другом случае голод – особенно относительный – падает).*

4-я теорема

Наконец, *когда степень дифференциации растет, но соответственно поднимается и уровень питания масс, или наоборот, уровень питания понижается, но соответственно уменьшается и степень имущественной дифференциации, оба эти процесса нейтрализуют друг друга и кривая роста или падения коммунистически-социалистических идеологий может остаться неизменной.*

Такова «механика» колебания успеха этих идеологий и их связь с варьированием кривой дефицитного и относительного голодания. Теоремы совершенно

четки и ясны³. Почему это так должно быть – установлено выше. Таким образом, требуемый мост между количеством калорий и невесомой идеологией перекинут.

Связь установлена. «Причины» – «объяснены». Остается для большей достоверности эти теоремы проверить.

Проверка 1-й теоремы

Она в особо подробной проверке не нуждается.

Кому неизвестно, что и в прошлом, и теперь коммунистически-социалистические идеологии (во всех их многочисленных формах) вербовали своих адептов и носителей почти исключительно из бедноты и встречали противников среди представителей богатых и сытых групп⁴.

Напомню основные исторические факты.

В Древней Греции со времени обеднения крестьянства носителем этих идеологий были бедняки. «Во всяком бедном гражданине таился социалист»⁵, «пролетарий позднейших веков – прирожденный революционер. Он готов был разрушить мир, преграждавший ему доступ к богатству и блаженству». Его цель – социальный переворот, экспроприация богачей и диктатура пролетариата или – как выражались греки – «господство кулаков». Появилась «коммунистическая алчность пролетариата», и «мысль об экономическом уравнивании посредством простой экспроприации ренты и земельной собственности прямо-таки вошла пролетарию в плоть и кровь». И именно пролетариат, голытьба, беднота или, по словам Аристотеля, «сброд» составлял армию всех многочисленных социальных революций с их коммунизациями, дележкой и уравниванием богатств, убийствами и гражданской войной, которыми богата история Греции с V в.

³ Наиболее точную формулировку положения, близкого к установленным теоремам, дает Isambert (общие и неопределенные положения в счет не идут). Его положение гласит: социалистические идеи и идеологии появляются (это не совсем верно: их появление – вещь «случайная», являющаяся функцией многих переменных, а не только указанных условий. – П.С.) и распространяются в эпохи, когда дана: 1) «громкая аккумуляция богатств в немногих руках в то время, когда рядом свирепствует пауперизм»; 2) когда в обществе чрезвычайно живо обсуждаются и дебатированы социальные проблемы. Последнее условие малоценно: оно само должно быть объяснено, поставлено в связь с какой-либо иной «переменной», а не фигурировать в качестве «объясняющего» момента. Это во-первых. Во-вторых, оно неверно: в англо-американском мире за истекшие полстолетия XIX в. социальные проблемы обсуждались не менее живо и не реже, чем в других странах, однако там успех социалистических идей был наименьшим. Остается только первое условие (см.: *Isambert G. Les idées socialiste en France de 1815 à 1848. Paris, 1905, p. 20–22*). Тем самым я, конечно, не хочу сказать, что нет других, кроме установленных, условий роста и падения этих идеологий. Они есть (например, война), но я их сейчас не затрагиваю, ибо они лежат вне темы моей работы.

⁴ Подробнее см.: *Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York, 1899; Veblen T. Industrial and Pecuniary Employments // Publication of American Economic Association. 1901, February.*

⁵ *Giraud P. La propriété foncière en Grèce, p. 596.*

до Р. Х. Сообразно пролетарскому идеалу, «не следует, чтобы один был богачом, а другой – нищим», при революциях (Агиса и Клеомена, Килона, Набиса и др.) «систематически отбиралось у собственников все их имущество, кассировались долги, перераспределялась земля», «все выделявшиеся из массы богатством и репутацией умерщвлялись или убивались, дома и поля, жены и дети убитых отдавались пролетариату, илотам^{2*} и сброду» и т. д. Словом, указанное положение здесь бесспорно подтверждается⁶.

Не иначе обстояло дело и в Риме. И здесь практически-уравнительная и примитивно-коммунистическая идеология, требовавшая *aequatio bonorum* и *rescunias aequare*^{3*}, а также конфискации имущества богачей, «национализации» и передела земель плюс, конечно, опалы и убийств самих богачей (*proscriptio locupletium*^{4*}), – идеология, выступавшая во всех основных социальных движениях и революциях Рима (Грахов, Цинны, Катилины, Целия, Долабеллы, Рулла, Спартака, Сатурнина, Друза и т. д.), – вербовала своих сторонников и адептов из среды рабов, бедноты, голодных пролетариев, обедневших крестьян, нищих солдат, из тех, по выражению Цицерона, «жалких и голодных пиявиц казны, из которых набирались батальоны анархистов». Современник тех лет Саллюстий так прямо и говорит, что разделительно-уравнительные стремления вообще свойственны самой природе этого класса. «Ведь всюду неимущий относится к собственникам с завистью и недоброжелательством, он увлекается зачинщиками смут, ненавидит существующее и стремится к новым порядкам. Он жаждет всеобщего переворота, мятеж и возмущение питают его. Ему нечего опасаться потерь, так как бедноте терять нечего»^{7/5*}.

Возьмите, далее, идеологию *раннего христианства*. В первое время она была идеологией коммунистической, предписывавшей если не юридически, то морально: у кого две одежды, тот отдай одну неимущему; и у кого есть пища – сделай то же; богатый – раздай имущество бедным, ибо легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в царствие небесное⁸. В ряде первых христианских общин, в частности в Иерусалимской, «никто ничего из имения своего не называл своим, все было общее» (Деян. 4, 32, 34)⁹. Здесь был полный

⁶ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 451–452, 424–425, 431, 469–470, 487, 489–490, 433–437, 439.

⁷ См.: Пельман Р. Цит. соч., с. 563–564, 570–574, 556, 503–582; Weber M. *Agrarverhältnisse im Altertum* // *Handwörterbuch für Staatswissenschaften*. 1909, Bd. 3, S. 12.

⁸ См.: Мф. 4, 19, 20, 24, 25–34; 19, 23–24; Мр. 4, 19; Лк. 18, 22, 24, 25; 6, 20–25, 29–34; Деян. 4, 32–35.

⁹ «Христианская община в Иерусалиме в первые годы ее существования была коммунистическим братством, в котором отказ от частной собственности был общей практикой, коммунизм – общим правилом» (Hannay J.O. *The Spirit and Origin of Christian monasticism*. London, 1903, p. 39–40). См. также: Добшюц Э. Древнейшие христианские общины // *Раннее христианство*. СПб., издательство Брокгауз–Ефрон, с. 355–356. Сохранился коммунизм и позже. «Мы живем сообща, как братья, имея общее достояние. Имея одно сердце и одну душу, можем ли мы быть против общего имущества? У нас все общее, кроме жен» (Тертуллиан. *Apologeticum*, XXXV–XLVI).

потребительский коммунизм, и Анания и Сапфира, утаившие часть имущества, были наказаны смертью¹⁰. В более мягкой форме, но тот же коммунизм потребления существовал и в других ранних христианских общинах: Коринфской, Фессалийской, Ефесской и др.

Словом, как ни пытались и ни пытаются смягчить эту черту ряд теоретиков христианства, она, несомненно, была ему присуща¹¹.

Ему присущ был и ряд других черт коммунистически-социалистической идеологии вроде положений, сформулированных раньше и повторявшихся позже: «не трудящийся – да не ест» (апостол Павел), «богатые – ленивые трутни» (Иоанн Златоуст), «частная собственность по своей природе есть неправда» (Климент Александрийский и др.), «природа создала общее право для всех, узурпация отдельных лиц вызвала частное право, корысть разделила владения». «Бесстыдная речь! – говорит св. Амвросий защитнику собственности. – Частная собственность противоречит природе» и т. д. Эти воззрения отразились даже и в *Corpus juris canonici*^{6*}, где наряду с браком и воспитанием детей как учреждениями естественного права было признано как отголосок воззрений раннего христианства *Communis omnium possessio et omnium una libertas*^{7*}, после чего прибавлено нелогичное дополнение: *acquisitio eorum*^{8*} – проявление позднейшей изменившейся идеологии церкви¹².

К кому же всего легче прививалась эта идеология? Из кого рекрутировались ее адепты?

«Кто составлял большинство общины? – Босяцкий пролетариат»¹³.

Нищие, беднота, рабы – вот тот слой, к кому она быстро прививалась и среди кого имела успех. Герои христианства – «блаженные нищие». Имущество церковное – *patrimonium pauperum*^{14/9*}.

¹⁰ Деян. 5, 1–10.

¹¹ См.: *Добшютц Э.* Цит. соч., с. 290–291, 300–301, 325; *Пельман Р.* История античного коммунизма и социализма, с. 587–644 (перевод этой части книги издан под заглавием «Ранний христианский коммунизм». Казань, 1920); *Эшли У.* Экономическая история Англии. М., 1897, с. 141–142. См. также: *Гарнак А.* Сущность христианства // Раннее христианство, с. 54, 73–74, 77–78, 103; *Юлихер А.* Религия Иисуса и начало христианства // Там же, с. 187; *Каутский К.* От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. 1, с. 22, 29.

¹² См.: *Пельман Р.* Ранний христианский коммунизм; *Эшли У.* Цит. соч., с. 141–145, 232–233; *Corpus Juris Canonici*, Decr. I, dist. I, с. VII. В этом отношении Пельман особенно ярко показал, что идеология христианских пастырей первых веков в отношении коммунизма «по смелому оптимизму не уступала фантазиям Бебея». См. у него отрывки из проповедей Иоанна Златоуста и др.

¹³ *Каутский К.* Цит. соч., с. 29.

¹⁴ «Христианство первоначально было религией низших слоев народа» (*Добшютц Э.* Греческий мир и христианство // Христианство в освещении протестантских теологов. СПб., 1914, с. 55). Пятьсот девять галилеян – первых христиан в Иерусалиме – «были по большей части бедняками» (*Юлихер А.* Цит. соч., с. 187). В Коринфской общине апостола Павла,

И первые христианские монастыри-коммуны состояли из бедноты. «Те же слои народа, которые дали первых христиан, явились и материалом для монастырей. Это были в большинстве своем бедняки». «Большинство монастырей представляло собой союзы бедняков»¹⁵. «Служению Божию (*servitutis Dei*), – жаляется Августин, – посвящают себя большей частью рабы, или вольноотпущенники, или крестьяне, ремесленники и прочие плебеи» (*De opere monachorum*). Здесь особенно сильно проводились в жизнь принципы коммунизма.

«Чувство частной собственности особенно сильно подавлялось (*extirpated*) в монастырях». Правило гласило: «Пусть никто не владеет никакой собственностью: ни книгой, ни пером, ни письменной доской – ничем, абсолютно ничем (*sed nihil omnino*)»¹⁶.

Позже в состав христиан вошли и богачи, но дух и практика разбогатевшей христианской церкви к этому времени (как увидим ниже) резко изменились. Если время от времени по разным поводам и воскресала первичная коммунистическая идеология, то без всякого результата и успеха у официальной церкви; фактическое же оживление принимало формы «ереси», возникало опять-таки среди бедноты и преследовалось самой церковью и носителями ее власти.

И позже коммунистические идеологии, возникавшие на почве христианства, опять-таки вербовали своих адептов главным образом из среды бедноты. Коммунизм древнего христианства соответствовал потребностям бедного пролетариата¹⁷.

«За весьма малым исключением господствующие классы почти не принимали участия в зарождении (такой) ереси. Как правило, ересь первоначально распространялась среди массы простого народа... Удары, поставившие существование (официальной церкви и иерархии) в опасность, были нанесены людьми темными, проповедовавшими между бедными и угнетенными, оскорбленными и униженными»¹⁸.

Так именно обстояло дело с *патариями и катарами*^{10*}, у которых практика и идеология были в значительной мере коммунистическими и которые вербовались главным образом из низших слоев народа.

Так было с *арнольдистами, вальденсами, гумилиатами*, апостольскими братьями и беггардами^{19/11*}.

по его словам, «не много мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных» [1 Кор. 1, 26]. «Павел говорит о глубокой нищете (фессалоникийской и филиппийской) общин» (*Добишотц Э.* Древнейшие христианские общины, с. 290–291, 325).

¹⁵ *Каутский К.* Цит. соч., с. 95.

¹⁶ *Hannay J.O.* Op. cit., S. 246–247. Кроме указанных работ см.: *Janssen J.* Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters. Freiburg im Breisgau, 1876, Bd. I, S. 412; *Gieseler.* Lehrbuch der Kirchengeschichte, Bd. I, S. 545; *Пельман Р.* Цит. соч.

¹⁷ *Каутский К.* Цит. соч., с. 95.

¹⁸ *Ли Ч.* История инквизиции. СПб., 1911, т. V, с. 39, 58.

¹⁹ «*Omnem nostram possessionem cum omnibus hominibus communem habemus*»^{12*}, – положение катаров. Состав их был в значительной мере из низших слоев. См.: *Карсавин Л.П.*

Не представляют из этого правила исключение и крайние секты *лоллардов*, носившие разные названия (в Англии – «диггеры», «люди пятой монархии»^{13*} и т. д.) и имевшие явно выраженную уравнилельно-коммунистическую идеологию. Главная масса их членов опять-таки состояла из бедняков²⁰.

Не иначе обстояло дело и с *таборитами*^{14*}, основавшими в Таборе настоящее коммунистическое государство, с полным отсутствием частной собственности и с «равенством в условиях жизни всех членов общины». Главный контингент их состоял из бедняков, «секвестрировавших в общий котел» сначала свои богатые группы и католическую церковь, потом – соседние народы, области и города. Позже к ним стеклись «подонки всех народностей»²¹.

То же самое приходится сказать и о *богемских братьях-коммунистах* (секта Хельчицкого), и о *последователях Томаса Мюнцера*, основавших в Мюльгаузене коммунистическую общину^{15*} с принципом «omnia sunt communia»^{16*} и каждому все должно даваться по мере его потребности», и о *коммунистических сектах Швейцарии XIV и XV вв.*, и о *Мюнстерских коммунистах* во главе с Иоанном Лейденским, организовавших коммуну «Нового Иерусалима»^{17*}, и о ряде крайних течений анабаптизма. Их последователи рекрутировались преимущественно из бедноты, из пролетариата, мелких ремесленников или, по словам Меланхтона, из «черни», а по словам Фишера – из «простонародья»²².

Нужно ли говорить, что то же самое явление мы видим в XVIII, XIX и XX вв. Многочисленные и разнообразнейшие по форме, но сходные по своим практическим рецептам и осуществлениям социалистические, коммунистические, коллективистические и уравнилельные теории и идеологии – не важно, как они называются: социализмом, коммунизмом, коллективизмом, якобинством, эгалитаризмом^{18*} или как-то иначе, а важно то, что они требуют уравнивания и раздела богатств, конфискации достояния богачей, пытаются ввести равенство

Очерки религиозной жизни в Италии в XII–XIII вв. СПб., 1912, с. 5, 22, 52, 216. То же самое было и у арнольдистов, которые вербовались главным образом из тех же низших слоев и антисобственническое настроение которых вне сомнения (там же, с. 67–70, 76, 80, 216), и у вальденсов и гумилиатов. У вальденсов, «по их словам, нет собственности». Около них сплывались главным образом средние и низшие слои населения (там же, с. 89, 96, 139–140, 165, 155, 164, 216, 238–239). См. также: *Mosheim J. Ketzergeschichte. Bd. I, S. 224, 321, 378; Каутский К.* Цит. соч., с. 129–130, 132–133, 146–147; *Лу Ч.* История инквизиции, т. I, с. 36, 83.

²⁰ См.: *Gooch G.P. The history of English democratic ideas in seventeenth century.* Cambridge, 1898, p. 200–202; *Каутский К.* Цит. соч., с. 165–166; *Ковалевский М.М.* От прямого народоуправства к представительному, т. II, с. 159, 347–425; *Ковалевский М.М.* Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892, №№ 1–3; *Бернштейн Э.* Коммунистические и демократо-социалистические течения в Английской революции XVII в. // Предшественники новейшего социализма, т. II, с. 64–263.

²¹ См.: *Каутский К.* Цит. соч., с. 189, 198–199, 187–203; *Denis E. Huss et la guerre des Hussites.* Paris, 1878.

²² См.: *Каутский К.* Цит. соч., с. 203, 253, 262, 280–289, 290–291, 320–321, 322, 337–341, 344, 347, 361–366.

не только юридическое, но и имущественное, организовать на общественных началах всю жизнь и т. д., – все эти идеологии, начиная с якобинства и бабувизма^{19*} и кончая марксизмом, анархизмом, прудонизмом и т. д., находили и находят своих последователей не среди богачей-банкиров, капиталистов, крупных аграриев и т. п., а среди бедноты, среди пролетариата городского и сельского, интеллигентного и неинтеллигентного, среди беднейшего крестьянства, среди нищих и голодных групп без определенных занятий и среди босяков или, говоря словами Лебона, «среди неприспособленных» – еще точнее, среди групп, которые плохо и недостаточно питаются. Исследование питания различных социальных групп XIX и XX вв. показывает, что во Франции, в Германии, Бельгии, Австрии и других странах питание индустриальных рабочих (кроме небольших высокооплачиваемых слоев) больших городов, порвавших связи с деревней и земледелием и живущих исключительно заработной платой, является наихудшим. Оно хуже даже, чем питание крестьян, местных провинциальных ремесленников, рыбаков и прислуги, не говоря уже о питании зажиточных слоев. Оно недостаточно и количественно, и качественно²³. Эти же слои в XIX и XX вв. были слоями, к которым всего легче прививались крайние коммунистические идеологии и лозунги. Из них же главным образом вербовались и вербуются члены и последователи этих идеологий и соответствующих партий²⁴. Недаром же эти последние сами присоединяют к своему названию «социал-демократическая» или «коммунистическая» партия прилагательное – «рабочая», «пролетарская», или «партия бедноты»; недаром их девиз и лозунг – «диктатура пролетариата» или «диктатура бедноты»; недаром же в их гимнах и песнях, начиная с «Интернационала», поется: «Вставай, проклятьем заклейменный весь мир *голодных* и рабов!» Наконец, исследование состава таких партий показывает, что большинство их членов образуют действительно рабочие, беднота и необеспеченные лица²⁵.

²³ См.: *Grotjahn A. Über Wandlungen in der Volksernährung // Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen, herausgegeben von G. Schmoller. 1902, Bd. XX, Heft 2, S. 34–35, 54–57, 64–72.* Гротьян в своей работе дает общую сводку многочисленных исследований «пищевых режимов» (количества и качества пищи: хлеба, картофеля, жиров, мяса, молока и т. д.) различных социальных групп.

²⁴ Целый ряд исследователей вроде Зомбарта правильно указывают, что «существеннейшей чертой пролетарского движения является тенденция к коммунистическому устройству жизни». «Коллективистические и коммунистические теории постоянно завоевывали себе адептов среди рабочих классов», – говорит и Левассер. Историю коммунистических и социалистических движений XIX в. см. в работах: *Sombart W. Sozialismus und Sozialer Bewegung. 1905; для Франции – Levasseur E. Histoire des classes ouvrières. 1904, vol. I–II; Isambert G. Op. cit.; для Германии – Mehring F. Geschichte d. deutsch. Sozialdemokratie, 1897–1898; для Англии – Вебб С., Вебб Б. Теория и практика английского тред-юнионизма. 1900–1901, т. 1–2.* См. далее огромную литературу по истории социалистически-коммунистических и коллективистских партий, по истории Интернационала и т. д. (работы Ш. Жида, Bourguin'a, Иекка, Лаврова и др.).

²⁵ Краткие данные и литературу см.: *Сорокин П.А. Система социологии, т. II, с. 205–211.*

То же самое явление мы видим во всех странах и в наши годы: армия коммунистов и социалистов и теперь рекрутируется из бедных слоев пролетариата, из голодных солдат, безземельных батраков, неустроившихся интеллигентов, из босяков и т. д.

И наоборот, как в прошлом, так и теперь идеологии и партии антиэгалитарные, антисоциалистические, антикоммунистические, антиколлективистские имели успех, легко прививались и вербовали себе сторонников среди групп богатых, сытых, «жирных», обеспеченных и привилегированных.

Так было в прошлом, так обстоит дело и теперь. «Сходные причины вызывают сходные следствия»²⁶.

На протяжении всей истории мы видим эту связь между степенью обеспеченности, в частности обеспеченности пищей, ее количеством и качеством, и подверженностью заразе коммунистической или антикоммунистической идеологии.

Правда, и среди последователей коммунизма мы находим определенный процент богачей и людей сытых (особенно среди лидеров таких течений), и наоборот, среди сторонников антикоммунизма мы нередко видим бедноту. Но, во-первых, и тут и там они всегда составляли меньшинство, исключение, а не правило; во-вторых, я не утверждаю, что принятие той или иной идеологии определяется только одним фактором питания и ничем больше. Даже голод, как это было указано выше, ведет к этому результату не всегда, а только при наличии в агрегате имущественной дифференциации или «скопов» пищи и богатств, «притягивающих» голодных человеческих инфузорий. Без их присутствия – нечему притягивать, нечего делить, нечем поживиться, а следовательно, нет почвы и для успеха коммунистических теорий и лозунгов среди голодных. Но принятие коммунистической и родственных ей идеологий может быть вызвано и другими, кроме голода, детерминаторами. Мы знаем, что ряд «интеллигентов», богачей и «буржуев» числились и числятся в рядах коммунистов и социалистов; видим и обратное – бедняка в роли крайнего антикоммуниста и антисоциалиста.

Проверка 2-й теоремы

Историческая проверка подтверждает в основном и вторую теорему. Возьмем ли мы обширные агрегаты или агрегаты небольшие, в общем и целом рост успеха коммунистической и родственных ей идеологий происходит или в моменты обнищания масс, или в моменты усиления имущественной дифференциации, или в моменты совпадения обоих процессов, т. е. в моменты роста дефицитного и относительного голодания.

²⁶ Подробнее об этом см. мою «Систему социологии», т. II, параграфы об имущественных, профессиональных и партийных группировках; учение о кумулятивных группах и о социальном классе.

Совершим беглую прогулку по истории.

В Древней Греции коммунистическая, уравнилельно-переделельная идеология появляется в VII–VI вв. и распространяется особенно быстро с V и IV вв., т. е. со времени пролетаризации крестьянства, появления бедноты в городах и селах, концентрации богатств в руках небольшой группы. С конца V и начала IV в. «давно уже заметная тенденция имущественного неравенства стала проявляться сильнее. И в то время, как Спарта IV в. слыла богатейшим городом Эллады, в ней быстро прогрессировало обеднение широких народных слоев... Бесправная и безземельная масса сосуществовала с незначительным количеством тех, в руках которых все больше и больше концентрировалась земельная собственность». Процесс продолжается в IV и III вв. «Неудержимо исчезает среднее сословие и наряду с возрастающим значением денег проявляется изнанка этого явления – пауперизм». Посему «в обществе, приведенном в расстройство крайностями маммонизма^{20*} и пауперизма, проявление коммунистических тенденций настолько естественно, что нужно было бы удивляться, если бы в тогдашней Спарте отсутствовал этот лозунг социального недовольства». «Поскольку грубая и одичавшая масса не могла достигнуть удовлетворения своих притязаний на почве существующего строя, то это психологическое изменение породило коммунистические вождения. С жадой как можно большей наживы соединилось стремление к разделу и уравниванию». Целью становится «социальный переворот, экспроприация богачей и диктатура пролетариата или, как выражались греки, “господство кулаков”». «Имущественное неравенство становится побудительным мотивом, вызывающим беспрестанно возобновляющиеся революции, переворот в имущественных отношениях в смысле радикального уравнивания становится все чаще и чаще раздающимся боевым кличем партии кулаков».

И мы видим, как с VI–V вв. начинает развиваться идеология коммунизма, выражающаяся в идеализации древней коммунистической Спарты, в ее стилизации, идеализации естественного состояния, появляются коммунистические теории и идеологии (Платон и др.), которых чем дальше, тем становится все больше, и, наконец, в IV–III вв. волна этих учений разливается широким потоком и в форме упрощенных лозунгов переходит в революционное действие. Словом, ухудшение социального питания масс и рост имущественной дифференциации идут рука об руку с ростом успеха коммунистических идеологий²⁷. В итоге эта идеология (и соответствующие рефлексy) вошла в плоть и кровь греков, стала привычной нормой.

«Дедеж стал прямо-таки постоянным учреждением в образцовом демократическом государстве – в Афинах. С половины IV в. там существовала особая касса для раздела остатков государственных доходов между гражданами

²⁷ См.: Пельман Р. История античного коммунизма и социализма, с. 51–54, 71–72, 371–378, 388–389, 451–458.

в виде денежных раздач и подарков. На многих праздниках демос пиршествовал и распределял между собой по жребию остатки жертвы на общественный счет. Алчность доходила до того, что державный народ непосредственно распределял между отдельными лицами конфискованное им на суде имущество гражданина» и т. д.²⁸

Аналогичное явление мы видим и в *Риме*. И здесь появление и рост этих идеологий начинается с момента обезземеления крестьянства, «возникновения многочисленного сельского пролетариата» и переселения его в Рим – «местопребывание политической и финансовой аристократии, в руки которой стекались богатства всего мира, где наглядно бросалось в глаза чудовищное преобладание капитализма в экономической жизни». К концу периода республики оба эти процесса резко выявились. Не замедлила обнаружиться и их функция – быстрый рост коммунистической и родственных ей идеологий, развитие успеха лозунгов вроде передела земли, кассирования долгов, имущественного уравнивания (*aequatio bonorum* и *aequatio pecuniae*, о котором говорит Цицерон), экспроприации богачей и т. д., перешедших, как и везде, в действие и выразившихся в революционных движениях братьев Гракхов, Л. Друза, Цинны, Спартака, Долабеллы, Руфа, Катилины и др. «Решающее значение с этого времени приобретает борьба за собственность. В грандиозном социальном движении в эту эпоху не было недостатка в элементах, увлекавшихся самыми крайними социалистическими и разрушительными идеями»²⁹. Этот рост идеологии коммунизма шел параллельно с практическим осуществлением принудительного коммунизма, рассмотренным мною в статье «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества» (*Экономист*. 1922, № 2).

Не случайным фактом в этом процессе разлива уравнилельно-социалистических идей было появление и быстрое развитие *христианства*. Если само его появление – случайность, результат совпадения многих причин, то чрезвычайно быстрое завоевание этой идеологией умов и душ в I–III вв. – явление вполне понятное с точки зрения проверяемой теоремы. Бедности и нищеты в эту эпоху было бесконечное изобилие. Богатству и роскоши не было границ. Почва для коммунистической идеологии была готова. Мудрено ли поэтому, что христианство с его коммунистическими чертами, как идеология «нищих», «обездоленных», «трудящихся и обремененных», быстро заразило многочисленные слои бедноты и выросло в религию сотен тысяч.

Являясь идеологией нищих босяков, будучи учением интернациональным, проповедуя царство бедных и проводя потребительский коммунизм, оно быстро

²⁸ Там же, с. 423–424, 432, 24–25.

²⁹ Там же, с. 514–517, 519–521, 533, 582; *Каутский К.* От Платона до анабаптистов, с. 17–18.

завоевало низы, жаждавшие этого, низы, голодные, отвыкшие от работы, страдавшие и убеждавшиеся в безуспешности государственной помощи³⁰.

Так как в ближайшие века империи положение масс не улучшалось, а ухудшалось, то и распространение этой идеологии росло. И вплоть до III–IV вв. отцы церкви Тертуллиан, Василий Великий, Климент Александрийский и др. не раз подчеркивали коммунистические черты христианства и выступали идеологами коммунизма.

С того же момента, когда церковь разбогатела, когда в ее лоно вошли богатые слои, началось попятное движение христианской идеологии: она мало-помалу стала затушевывать и терять первоначальные коммунистические черты, сначала робко, потом все решительнее, пока в конце концов не выкристаллизовалась в идеологию, вполне «приемлющую» мир с его богатством и бедностью, деспотизмом одних и унижением других (см. ниже).

Но чем сильнее христианская идеология официальной церкви эволюционировала в этом направлении, тем все менее и менее пригодной делалась она в качестве идеологии бедноты, тем неизбежнее становился отрыв последней от нее и тем необходимее оказывалось появление новых идеологий – на почве того же христианства, но с чертами первоначального христианского коммунизма. Так оно и было в действительности.

Возврат к «чистому слову Божию» и «апостольской бедности», т. е. к первоначальному христианству в форме «коммунистических ересей», обнаруживается тогда, когда церковь уже разбогатела и перестала выражать чаяния бедноты, когда бедность возросла, когда появилась довольно резкая имущественная дифференциация: бедных масс – крепостных, ремесленников, пролетариата – с одной стороны, клириков, богатых землевладельцев, феодалов и городской аристократии – с другой.

К X–XI вв. церковь, как известно, стала богачом³¹. «В VIII в. собственность церкви в Галлии составляла третью часть всей заселенной территории». «В конце периода Каролингов получились еще более обширные владения церкви»³².

В Англии вплоть до XV в. половина земель принадлежала церкви³³. Мудрено ли поэтому, что идеология официальной церкви растеряла весь коммунизм и больше не могла быть идеологией бедноты. К последней отныне должны были

³⁰ См. ряд правильных соображений у Каутского (цит. соч., с. 14–25); см. также: *Пельман Р.* Ранний христианский коммунизм; *Ratzinger.* Geschichte d. Kirchlichen Armenpflege. 1884, S. 66; *Vogel.* Alterthümer d. ersten und ältesten Christen. 1780, S. 47; *Онкен.* История политической экономии. СПб., 1908, с. 88–89; *Plank.* Geschichte der christlichkirchlichen Gesellschaftsverfassung, т. I, гл. IV; *Хэней.* Экономические учения древности и средневековья // *Жид Ш.* Истории экономических учений. Пг., 1918, с. 444 и гл. II.

³¹ См.: *Ли Ч.* Цит. соч., т. I, гл. I.

³² *Кулишер И.М.* Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918, с. 30.

³³ *Ковалевский М.М.* Общественный строй Англии в конце Средних веков. М., 1880, с. 17–32.

прививаться иные идеологии, с коммунистическим оттенком, хотя бы возникавшие на почве того же христианства, но носящие явно антицерковный характер. В этих идеологиях мог появиться и лозунг захвата и раздела церковных богатств как главных «магнитов», притягивавших бедноту.

И действительно, подобные идеологии появились.

Они были идеологиями бедноты, носили коммунистический (и в теории, и на практике) характер, неизбежно вступали в конфликт с церковью, объявлялись «ересями» и под разными формами нередко требовали отказа церкви и клириков от их богатств и раздачи их нищим и бедным.

Широкий разлив таких ересей мы видим именно в X–XIII вв., когда появилась «невероятная бедность народных масс», когда «условия жизни тогдашнего общества были ужасны» и «всякое изменение общественного строя приветствовалось ими, так как оно могло лишь улучшить их жизнь, сделать же ее более тяжелой не могло уже ничто». Не случайно также и то, что этот разлив мы находим громадным на юге Франции и Италии, ибо «нигде в Европе образование и роскошь не достигли такого развития, как здесь», а потому «нигде в то же время в Европе разбогатевшее духовенство не пользовалось таким презрением народа»³⁴.

Таковые черты мы видим в движении и катаров, и Арнольда Брешианского в Риме, где в XI–XII вв. скопились колоссальные богатства, вследствие чего «у населения легко могло возникнуть желание возратить духовенство к евангельской бедности, т. е. присвоить себе сокровища, собранные церковью и сохранившиеся в Риме»³⁵, и в движении папаренов в Милане в 1058 г. (где также резкой стала имущественная дифференциация), и в движении Сегарелли, и Дольчино, и в вооруженном восстании коммунистов 1306–1307 гг., и в течениях вальденсов и гумилиатов, и в других родственных идеологиях, быстро развивавшихся и распространявшихся в XI–XIII вв., т. е. в века быстрой экономической эволюции Италии и южной Франции с ее спутником – дифференциацией, обеднением и обогащением, и в века чрезвычайного обогащения церкви³⁶.

Столь же резкую имущественную дифференциацию мы находим и в гуситском движении; в Богемии XIV в. оно было огромно, причем главным богачом была церковь³⁷. Отсюда – появление и рост (под влиянием относительного го-

³⁴ Каутский К. Цит. соч., с. 123–126.

³⁵ См.: Карсавин Л.П. Цит. соч., с. 5, 22, 52–54, 71–72, 96, 114, 216 (хотя сам Л.П. Карсавин и не склонен придавать большое значение подобным моментам).

³⁶ Там же, с. 132.

³⁷ «Духовенство здесь владело $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ всех доходов государства». «Все владения Богемии, всякая собственность мало-помалу была обложена податью и налогами в пользу церкви. Отсюда – ненависть к духовенству». Далее, образовался громадный имущественный и правовой контраст между колонами и сеньорами, между разорившимся мелким дворянством и немецкой буржуазией. К тому же «феодалные повинности делались все более и более тягостными, налоги – все более обременительными, натуральные повинности – все

лода) коммунистической идеологии среди более бедных слоев и разорившегося мелкого дворянства. Эта идеология, освящавшая раздел церковных богатств, быстро вербует адептов, ведет сначала к конфискации церковных имуществ, затем к захвату имуществ богатого дворянства и буржуазии, а вслед за тем и к организации коммунистического государства таборитов, с его разнородной, но резко коммунистической идеологией (николаитов, беггардов, вальденсов, адамитов^{21*} и т. д.), носителями коей была беднота, усиленная «подонками всех народностей», привлеченными возможностью грабежа и захвата³⁸.

Далее, XV–XVI вв. были насыщены революционными движениями, широкое распространение получили в это время и примитивно-уравнительные и «коммунистические» идеологии. Эти же века были веками обеднения масс – с одной стороны, с другой – роста имущественной дифференциации. Упразднение коллективных порядков пользования землей, огораживание альменд^{22*} и выгонов, рост податей, подорожание, опережавшее рост заработной платы, – все это ухудшило положение масс. Податные изъятия и рост привилегий духовенства и богачей, усиление их богатства углубили имущественный контраст. Этих причин было достаточно, чтобы создать готовую почву для появления и успеха коммунистически-уравнительных идеологий (т. е. для расторможения одних рефлексов и прививки других). И они появились. Они росли и с быстротой эпидемии заражали бедноту. И выявились в сотнях волнений, таких как создание Мюнцером коммуны в Мюльгаузене, Иоанном Лейденским в Мюнстере («Новый Иерусалим»), в которых были практически реализованы имущественное уравнивание и коммунизм потребления³⁹.

В Англии такой эпохой оживления коммунистических идеологий была вторая половина XVII в. Перед революцией 1648 г. положение масс резко ухудшилось. Дефицитный и относительный голод возросли. Стала распространяться и коммунистическая идеология. Революция (увы, как и всякая глубокая революция) это положение не улучшила, а ухудшила. «Интересы народных масс не были приняты английской революцией в расчет; религиозно-политический переворот лишь содействовал упрочению интересов земельных собственников»⁴⁰. «Положение беднейших классов с падения республики 1660 г. до конца этого

более многочисленными» и т. д. И Denis правильно указывает, что «религиозная окраска» этого движения была оболочкой, под которой скрывались эти причины и антагонизмы. См.: Denis E. Huss et la guerre des Hussites. Paris, 1878, p. 8–10, 332–333, 492–494 и гл. V, VI, VIII, X; Palacky F. Geschichte von Böhmen. Prag, 1851, Bd. II, гл. I–II.

³⁸ Denis E. Op. cit., p. 175–203.

³⁹ См.: Kaser K. Politische und soziale Bewegungen im deutschen Burgertum zu Beginn des 16 Jahrhunderts. 1899; Schoenlack. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren, 1894; Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному, т. II, с. 66–71; Каутский К. Цит. соч., с. 257–258, 340–341; Кулишер И.М. Цит. соч., с. 100–103; Cornelius. Geschichte des münsterischen Aufruhrs. 1860, Bd. II, S. 41.

⁴⁰ Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному, т. II, с. 393.

столетия было постоянно плачевным». Господство лендлордов надолго ухудшило положение. «Дороговизна возросла, а заработная плата упала низко. В 1696 г. бедные и нищие составляли четверть всего населения»⁴¹.

При таких условиях успех коммунистических идеологий был неизбежен. Мы его и видим в развитии сект диггеров, броунистов, барровистов, людей пятой монархии, квакеров^{23*}, в учении Дж. Беллера и др. Рост успеха этих идеологий следует хотя бы из того, что с 1651 по 1656 г. было приговорено к тюрьме не менее 1 900 квакеров, с 1661 по 1697 г. – не менее 13 562⁴².

Следующей эпохой вспышки этой идеологии в Англии была первая половина XIX в., когда, как мы видели, положение рабочего класса было очень тяжелым, а имущественная дифференциация не падала. В этот период появляются и быстро прививаются к массам разнообразнейшие идеологии уравнилельно-социалистического толка, начиная от определенных систем, вроде идеологии Р. Оуэна, Томпсона и др., и кончая множеством других коммунистических воззрений, не связанных с определенными именами их творцов, тем не менее «заражавших» массы и выявлявшихся в целом ряде волнений и движений этого периода, самым крупным из которых было движение и идеология крайнего чартизма^{24*}.

Позже, с улучшением положения рабочих во второй половине XIX в., их идеология становилась все более и более умеренно-буржуазной. Если отдельные вспышки успеха социалистических идей здесь и были, то опять-таки в периоды относительного ухудшения их положения – в периоды кризисов. «Промышленный застой 80-х годов покончил с верой (рабочих) в непогрешимость принципа *laissez-faire*^{25*}». С этого времени «весь мир тред-юнионизма (представлявший раньше неодолимый оплот против идей коллективизма) проникнут этими идеями, и на конгрессах рабочих союзов коллективистское течение достигло господства»⁴³.

Во Франции в XVIII в., особенно во второй половине, положение масс было очень тяжелое. И дефицитный, и относительный голод резко усилились. Наряду с этим мы видим появление и быстрое распространение идей «просветительской философии» XVIII в. (Вольтер, Руссо, Мабли, энциклопедисты и т. д.), в практических выводах которой в избытке имелись и лозунги равенства, и лозунги «коммунизации», и лозунги полного отчуждения личности в пользу общества,

⁴¹ *Бернштейн Э.* Цит. соч., с. 239–241; *Гох [Gooch G.P.]* Левеллерское движение (приложение к книге: *Монтегю.* История английской революции. М., 1920, с. 265).

⁴² См.: *Жид Ш.* История экономических учений, с. 136–137; *Levasseur E.* Histoire des classes ouvrières, vol. II, p. 52–53; *Wilkinson.* The Friendly society Movement. 1891; *Джефсон.* Платформа, ее возникновение и развитие. 1901; работы Rosenblatt'a и Slosson'a о чартизме.

⁴³ *Barclay R.* The inner Life of the religious societies of the Commonwealth. 1876, p. 445; *Бернштейн Э.* Цит. соч., с. 215; *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному, т. II, с. 393–394, 396; *Туган-Барановский М.И.* Периодические промышленные кризисы. 3-е изд., с. 437; *Вебб С., Вебб Б.* Теория и практика английского тред-юнионизма. 1900, т. I, с. 318.

и лозунги экспроприации достояния богачей и т. д., словом, все те основные практические выводы, которые характерны для всякой коммунистически-социалистической идеологии, не важно, называется ли она официальными социалистами этим именем или нет⁴⁴. Эта идеология, сопровождаемая принудительно-коммунистической практикой власти, широкой волной разливается к концу XVIII в. во Франции еще до революции⁴⁵, а с ее началом приобретает неистово заразительную силу и кристаллизуется в теории и практике якобинства и жирондизма – теории и практике, воплотившей до конца эти лозунги, экспроприировавшей достояние богачей, пытавшейся установить полное равенство, уничтожить эгоизм, принудительно сделать всех альтруистами, которая свела на нет ценность личности и отдала ее в полную собственность власти, не признававшей за ней никаких прав, словом, будем ли мы называть ее «социалистической» или нет,

⁴⁴ См.: *Taine H. Les origines de la France contemporaine. L'Ancien régime. Paris, 1899, vol. II, p. 1–199, особенно p. 69–76, 77–78; Кареев Н.И. История Западной Европы. 1913, т. III, с. 146–288.*

⁴⁵ Токвиль особенно четко отметил это. Уже в идеологиях физиократов^{26*} и экономистов XVIII в. присутствовали основные черты якобинской идеологии уравнивания. «В их книгах отчетливо виден тот революционно-демократический темперамент, который мы так хорошо знаем. Они не только ненавидят привилегии – для них одиозно даже самое несходство: они обожают равенство даже в рабстве. Договоры они не уважают; частные права – игнорируют; в их глазах нет никаких частных прав, а есть только общественная польза... Здесь уже видна мысль всех тех социальных и административных реформ, которые осуществила революция». Здесь уже сформулирована идеология, благословлявшая всемогущее вмешательство государства, его право «не только управлять гражданами, но формировать их по определенной, заранее предложенной модели», т. е. была обоснована «та частная форма тирании, которую зовут демократическим деспотизмом и которую осуществили якобинцы и Наполеон. Сообразно с этим еще до революции идеал такого общества искали в Азии. Я не преувеличу, если скажу, что не было почти ни одного писателя, не высказывавшего горячее восхваление Китая». «Обычно думают, – продолжает Токвиль, – что те разрушительные теории, которые известны под названием социализма, имеют недавнее происхождение; это ошибка: эти теории – современники первых экономистов. Уже в “Кодексе природы” Морелли (появившемся в 1755 г.) социализм четко сформулирован». Токвиль далее правильно замечает, что централизация (рост принудительного коммунизма, прослеженный мной выше в XVIII в. во Франции) и социализм – продукты одной и той же почвы; они находятся в таких же отношениях друг к другу, как культивируемое дерево по отношению к дикому деревцу» (см.: *Tocqueville A. L'ancien régime et revolution. Paris, 1877, p. 234–243* и вся II кн. и 3 гл. III книги). Не случайным является и факт широкого распространения этиатических теорий, приписывавших государству громадную роль, благословлявших его всестороннее вмешательство в жизнь населения и требовавших его регулирующих функций чуть ли не во всех областях общественных взаимоотношений. Эти черты – что особенно интересно – мы находим рельефно выраженными не только у этиатистов, но и у индивидуалистов того времени. Они свойственны идеологиям Вольтера, Монтескье, Гольбаха и энциклопедистов, Руссо и физиократов, Тюрго, Мирабо и др. См.: *Мишель А. Идея государства. М., 1909, с. 1–37*. Как административная монархия, просвещенный деспотизм и деспотизм Конвента были разными одеждами одного и того же явления – развитого этиатизма, – так и все идеологии, освящавшие их, были разными изданиями одной и той же книги: оправданием этиатизма. См. также: *Тэн И. Происхождение современной Франции. СПб., 1907, т. I, с. 340–341.*

но по существу она была таковой и воплощала в себе все ее основные практические лозунги⁴⁶.

Общее обеднение и истощение страны, вызванное революцией, на время приостановило этот успех, хотя в низах наиболее крайние идеологии, вроде идей Бабефа и «общества равных»^{27*}, продолжали прививаться. Наполеон сумел дать «пищетаксису» иной выход – выход войн и грабежа населения других стран, почему в этот период не было острой надобности покрытия дефицита путем «обобществления» богатств самой Франции.

Но с закрытием этой отдушины и с прекращением грабительски-завоевательных войн пищетаксис пролетариата, в имущественном отношении ничего не получившего от революции, снова вызывает рост самых разнообразных «коммунистических» идеологий, которые с 20-х гг. и начинают снова оживать и «роиться» (сен-симонизм и т. д.). К 30-м и 40-м гг. положение рабочих не улучшилось. Между тем имущественная дифференциация, уменьшенная и нарушенная революцией, к этому времени снова резко усилилась: новая буржуазия успела вылупиться, оформиться, период первоначального накопления капитала закончился, и снова налицо были богачи и беднота, роскошь и голод. Мудрено ли поэтому, что именно в этот период развитие социалистических идеологий приобретает бешеный характер. Они плодятся и рождаются десятками и быстро завоевывают сознание пролетариата и бедноты. Появляются идеологии Анфантена и других сен-симонистов, П. Леру, Бюше, Луи Блана, Фурье, Кабэ, Прудона, оживляется бабувизм, бланкизм и т. д. В это время «рабочий класс открылся социалистической пропаганде. Все эти доктрины делали тогда прогресс более быстрый, чем при реставрации»⁴⁷. Согласно сказанному, иначе и быть не могло.

Наконец, такое же совпадение резкого ухудшения положения масс и резкого подъема кривой коммунистической идеологии мы видим в 1870–1871 гг., завершившихся Парижской коммуной.

Рост голода в осажденном Париже шел рука об руку с ростом «заразы» разнообразнейших идеологий этого порядка и вылился в провозглашение «коммуны» со всеми обычными ее лозунгами и практическими мерами⁴⁸.

Ту же связь нетрудно проследить и в *истории Германии*. Здесь рост ласальянства, марксизма и других идеологий этого рода опять-таки намечается

⁴⁶ См.: *Taine H. Les origines de la France contemporaine. La revolution. 1885, vol. III. Le programme jacobin, p. 69–159.*

⁴⁷ *Levasseur E. Histoire des classes ouvrières, vol. II, p. 10–13, гл. I, p. 430–431. Подробный анализ роста успеха этих идеологий и экономического положения масс см.: Isambert G. Les idées socialistes en France. 1905, p. 25–40, 115, 180.*

⁴⁸ См. подробности в работах о Парижской коммуне Лукина-Антонова, Лаврова, Дюбрейля, Лиссагаре, Арну и др., где этот подъем и оживление коммунистических воззрений и теорий довольно рельефно очерчен. См. также автобиографические записки Ж. Валлеса «Инсургент» (Пг., 1921).

с 30-х и 40-х гг. – времени индустриальной революции, ухудшения положения рабочих слоев и роста пауперизма. Именно в период 30–50-х гг. происходит быстрое распространение этих идеологий в их наиболее крайних формах. В дальнейшем, с наступлением улучшения положения рабочих в 70–80-х гг. и позже (как и в Англии), идеология, особенно на практике, принимает более умеренный, «буржуазный», «социал-соглашательский» характер, и чем дальше, тем больше растет эта умеренность, так что в начале XX в. (до начала войны) от непримиримого коммунизма былых годов остается немного, разве что одна фразеология, да и та приняла весьма умеренные формы⁴⁹.

Наконец, особенно яркое подтверждение проверяемой теории дают последние годы, начиная с 1915–1916 гг. В это время, особенно к 1918 г., бедность масс во всех воюющих странах возросла, но имущественная дифференциация не уменьшилась, а в связи с военными прибылями даже усилилась. С этого же времени начинается и небывалый рост исследуемых нами идеологий. Он наблюдается и в количественном отношении, в смысле завоевания ими все новых и новых слоев обедневшего населения, и в отношении качественном, в смысле роста крайних течений за счет более умеренных, в смысле общего сдвига этих идеологий «влево».

В нашей стране мы были свидетелями того, как с 1916 г., когда уже обеднение дало себя знать, особенно в городах, лево-социалистические идеологии стали быстро развиваться. В 1917 г. социализм стал религией большинства масс. Со времени революции приток адептов в социалистические партии совершался сотнями тысяч. Идеология социализма и коммунизма, в рафинированной или в примитивной форме, захлестнула все сознание народных слоев. Маркс и другие идеологи стали божествами. Программы социалистов, в их практических лозунгах, – символами веры.

Вместе с этим количественным ростом с усилением голода происходил и качественный рост крайних течений за счет умеренных. Уже в апреле-мае 1917 г. умеренный социализм утратил свои позиции. К октябрю ушла почва из-под ног и «центристов». Торжество коммунизма – с быстрым прогрессом бедности и голода и в то же время при наличии «скопов» богатств и имущественной дифференциации – было неизбежным. Оно и наступило и повлекло за собой раздел всех этих «скопов».

В менее резких формах, но то же самое происходило и во всех воюющих, а частью и в нейтральных странах. Всюду здесь, хотя и не в одинаковой степени, к 1917–1921 гг. бедность масс усилилась, голод – дефицитный и относительный – возрос, имущественная дифференциация не уменьшилась. Отсюда

⁴⁹ Об этой эволюции от непримиримости к социал-соглашательству см.: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1917.

рост – количественный и качественный – этих идеологий, быстрое увеличение числа их сторонников, их влияния и веса, разбухание соответствующих партий, увеличение числа подписчиков соответствующих газет и журналов вроде «Die Rote Fahne», «Avanti!», «L'Humanité», «Daily Herald»^{28*} и т. д., сдвиг самой социалистической идеологии влево, в сторону III-го Интернационала, зарождение и рост силы последнего за счет II-го Интернационала, зарождение 2½ Интернационала^{29*}, победы коммунистов на конгрессах в Галле и Туре^{30*}, зарождение коммунистической партии в Англии, полевение здесь Labour Party^{31*}, массовые попытки захвата и «социализации» фабрик и заводов, земель и богатств в Италии и других странах – словом, небывалый разлив идеологий коммунизма и социализма⁵⁰.

Дальнейшие судьбы их, согласно теореме, ясны: *если и далее процессы обеднения масс и имущественной дифференциации будут расти, будет подниматься и кривая успеха этих идеологий; если наступят обратные явления, эта кривая будет падать.*

Таким образом, при всей беглости исторической проверки теоремы она подтверждается. Это дает основание считать ее правильной⁵¹. И здесь «сходные причины порождают сходные следствия».

Все это частные случаи очерченного общего явления.

⁵⁰ См.: «Коммунистический Интернационал», № № с 1 по 21, где хотя и однобоко, но в основных чертах дается хроника социалистически-коммунистического движения и его успехов за эти годы.

⁵¹ Исследуемая связь и ее механизм еще рельефнее могут быть проверены на изменениях идеологии отдельных лиц и небольших групп при росте обеднения и голода. Голодный смотрит на достояние другого как на кражу, как на глубочайшую несправедливость, на сытых – как на врагов; раздел богатств становится для него требованием справедливости и т. д. То же самое можно наблюдать на деформации идеологии отдельных групп рабочих той или иной фабрики, судоходцев, ответственных работников, ученых, красноармейцев и т. д. при лишении или уменьшении их пайков, когда это уменьшение не всеобщее, когда остаются привилегированные. В таких случаях убеждение, что если их чего-то лишили, то нужно лишить и привилегированных, желание «социализировать» и их достояние («не нам, так никому»), разверстать их паек на всех и т. д., резко усиливается. Это одна из частных форм описываемого общего явления. То же самое в большем масштабе наблюдалось и у нас в годы голодовок. Например, во время голода 1891–1892 гг. «весть о “пособии”, о “царском пайке” широкой волной разлилась по всему пространству пострадавших губерний и внушила населению глубоко в него вкоренившуюся мысль о том, что оно имеет право на пособие, что правительство обязано его кормить, и притом кормить всех крестьян без разбора. На каждое исключение из списков нуждающихся крестьяне стали смотреть как на злоупотребление... Бывали случаи самых назойливых, даже нахальных, со всевозможными угрозами требований, предъявляемых даже к лицам, осуществлявшим раздачу ссуд из своих частных средств, чтобы они всем давали хлеб, пайки, чтобы они в столовых кормили всех» (Ермолов А.С. Продовольственный вопрос. 1909, т. I, с. 111, 276–281). Это же явление отмечал и Л. Толстой, подчеркивавший развращающее влияние бесплатной помощи (см. отрывки его статьи, приведенные в «Вестнике литературы». 1921, № 8, с. 6).

Проверка 3-й теоремы

Третья теорема – обратная сторона второй. Как указано было выше, с обогащением какой-либо группы без усиления имущественной дифференциации пищетахсис ее ослабляется; значит, притяжение ее «скопами» и богатством падает, слабее становится и ее стремление к захвату достояния других групп или лиц. Если же бывшая бедная группа хотя бы путем «коммунизации» обогатилась настолько, что под ней образовались еще более бедные группы, для которых уже достояние первой становится притягательным магнитом, то декоммунизация идеологии этой первой группы идет еще быстрее, ибо теперь ей угрожает опасность захвата достояния, захваченного ею самой, теперь члены этой группы из уравнилелей попадают в положение богачей, которых могут уравнивать так же, как они сами уравнивали бывшую до них «буржуазию». Очутившись в положении последней, эти разбогатевшие уравнилели неизбежно принимают и ее антиэгалитарную идеологию, вытесняящую былую их идеологию.

Наконец, если данная группа не богатеет, но имущественные контрасты ее с окружающими группами уменьшаются, т. е. последние беднеют, то опять-таки пищетахсис первой – особенно относительный – ослабевает, а вместе с тем падает и коммунизаторская идеология. Если же это обеднение всеобщее и очень сильное, т. е. делить нечего, и дележкой не накормишь голодный желудок, то здесь для коммунистической идеологии нет места, она не поможет. Так обстоит дело с массой. Конечно, если для нескольких индивидов обобществление дает «и стол, и дом», а декоммунизация грозит голодом, то у них такого сдвига идеологии не будет. Из существа третьей теоремы и этих кратких замечаний следует, что она будет подтверждена, если будет показано, что: 1) *множество лиц и групп, бывших адептами «коммунистической» и родственных ей идеологий в бедном состоянии, разбогатев хотя бы путем того же уравнивания, становятся носителями антикоммунистических убеждений и особенно антикоммунистической практики; 2) что в обширном агрегате, например в большом государстве, с ростом благосостояния и сытости масс без обгоняющего его роста имущественной дифференциации успех коммунистической и родственных ей идеологий падает и количественно, и качественно; 3) что то же самое имеет место и при резком падении имущественного неравенства.*

Постараемся бегло подтвердить каждое из этих положений и путем непосредственного наблюдения, и путем исторических свидетельств. Начнем с явлений первого рода.

Они были описаны и охарактеризованы мною уже во втором томе «Системы социологии»⁵². Там они были сформулированы в зависимости от положения индивидов в системе социальных координат, теперь я подвожу под эту зависимость «основу», даю «объяснение» этого частного случая трансформации чело-

⁵² См.: *Сорокин П.А.* Система социологии, т. II; гл. V–VI и особенно с. 452–457.

веческих душ и поведения, наступающих при переходе индивида из состояния бедности в состояние богатства и обратно. Одна из причин такой трансформации – колебание кривой питания и пищеварения.

«Человек, бывший в группе бедняков, перейдя в группу богатых, фатально будет иным человеком. Из его тела при таком переходе помимо его воли вынимается душа “бедняка” и вкладывается “душа богача”... Какой-нибудь бедняк, яростно бичующий и ненавидящий богачей-“грабителей”, провозглашающий собственность кражей, попав в богачи, быстро трансформируется и очень скоро с пеной у рта начинает защищать священные права собственности» и т. д.⁵³

Так было всегда. Исключений из этого правила нет⁵⁴.

Так было, так оно и есть. Для большей убедительности не мешает привести ряд исторических фактов, показывающих, как одна и та же социальная группа, будучи бедной и являясь носительницей коммунистической и родственных ей идеологий, разбогатеет, «декоммунизируется» в своей идеологии, в своих поступках, убеждениях и речевых рефлексах.

Античный мир. Мы видели, что здесь немало было социальных революций и социальных групп, совершавших эти революции под знаменем идеологии и лозунгов уравнивания, обобществления, коммунизма.

Каков был итог таких революций? Простой и стереотипно тождественный. Передаю слово Пельману, резюмирующему итог этих попыток.

«В Греции... в продолжение нескольких веков против собственников велась борьба, девизом которой было равенство, справедливость и братство, и как часто решающая роль доставалась массе и ее вожакам! Обнаруживались ли в ее образе действий следы того идеального сознания права и солидарности, которое считали возможным внушить массе чарами своего наскоро задуманного плана спасения апостолы ликурговой государственной идеи? Неистовые взрывы ненависти и мстительности, кровавые насилия, убийства, грабежи, разбои, дикая разнузданность – таковы были явления, которыми сопровождалась попытка практического осуществления экономического и социального уравнивания. В достаточной степени обнаружилось, что коллективистские чувства массы, идея братства (κοινωνία) были, по крайней мере, настолько же обусловлены эгоистическими интересами, как и капиталистический индивидуализм, что элементарное влечение индивидуального самолюбия не менее сильно сказывалось в политике обездоленных, чем в политике партий, отстаивавших интересы собственников. Не обнаруживалась ли беспрестанно, наряду с правомерным озлоблением, вызываемым нищетой и эксплуатацией, еще и алчность к имуществу ближнего, которого изгоняли для того, чтобы самому – и притом только самому – занять его место?..» «Идею равенства порождает у массы отнюдь не

⁵³ Там же, с. 452–453.

⁵⁴ Ряд правильных замечаний на эту тему см.: Pareto V. Trattato di sociologia generale. 1916, vol. I, § 1153–1154, vol. II, § 248–249.

абстрактная теория о равенстве людей, а... влечение к увеличению счастья, желание обладать большим, занять другое более выгодное положение... Масса желает иметь то и стать тем, что имеет и чем является выше ее стоящий класс... Низший желает прежде всего стать равным высшему, *но что же будет, когда он станет равным ему?.. Став равными с другими, люди желали бы уже стать и господами...* Желают, как метко замечает Платон, овладеть не только имуществом других, но и ими самими...» «Поэтому не случайно, конечно, в последние века греческой истории почти всегда, когда равенство было лозунгом в кончавшейся победой борьбе низшего против высшего, стремление индивидуума стоять выше других принимало грубейшие формы тирании. В этой последней характерно воплощалась алчность масс... *Лица, выигрывавшие от революции, не обнаруживали того духа солидарности и справедливости, на который претендовала социальная демократия... Нигде не оказывалось ни следа... равенства и братства. Чуть только достигалась ближайшая цель социальной революции, т. е. более или менее значительное число ее участников овладевало капиталом или земельными участками, как вскоре обнаруживалось, что побудительный мотив их действий имел совершенно индивидуалистический характер, что не самоотверженная преданность идее общности, а личные интересы влекли отдельных лиц к борьбе. А эти интересы требовали, чтобы отдельное лицо удерживало то, что было приобретено им при общем грабеже, и чтобы это приобретенное им достояние, точно так же, как и для прежнего собственника, становилось для него средством для повышения уровня существования. Теперь эти люди имели основание скорее бояться сатурналий революционной фразы. Так как от нового переворота они могли уже не выиграть, а лишь потерять, то им уже незачем было драпироваться в пролетарски-революционное облачение. Они обыкновенно становились реакционными, как в экономическом, так и в политическом отношении. *Beati possidentes!* (Блаженны имущие!)*

Этот девиз удерживается и после экспроприации прежних собственников. Изменился лишь личный их состав. *И новые собственники мало смущались тем, что возле них снова возникали неравенство и бедность. О том, что для предупреждения этого следовало бы беспрестанно возобновлять однажды произведенный передел, они, конечно, не желали и слышать, как только они сами оставались собственниками...* Поэтому братство вряд ли длилось значительно дольше, чем пока не была побеждена враждебная партия и не был закончен грабеж. Истинно демократическое государство, в котором уже не существовало бы никаких различий между богатыми и бедными, оставалось вечно откладываемой надеждой»⁵⁵. Таков обычный исход множества греческих социальных револю-

⁵⁵ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма, с. 469–471, 494–498; см. также: *Drutmann W. Die Arbeiter und Communisten in Griecheland und Rom. Königsberg, 1850, S. 39–40, § 18, 46, 52.*

ций и совершавших их групп. Пока группа бедна – она признает коммунистическую идеологию; разбогатела – отшвыривает ее.

То же самое происходило и в Риме⁵⁶. И то же самое повторялось, как сейчас увидим, и позднее во всех успешных социальных революциях – они кончались тем, что рать уравниателей, завладев богатствами, «декоммунизировалась» в своих поступках, убеждениях и речевых рефлексах.

Возьмем теперь второй крупнейший факт и соответствующую группу: *христианство и христианскую церковь*. Оно дебютировало как идеология коммунизма, как идеология бедноты, составлявшей в первое время главную массу христиан. На этой первой стадии здесь было и известное равенство, и братство, и обобществление имущества.

Прошли века. Из гонимой религии бедноты и из группы неимущих христианская церковь уже в IV–V вв. стала богатой, а в VII–IX вв. – главным богачом, овладевшим где третью, где половиной всей территории. И мы видим, как идеология и практика церкви и христианства декоммунизируется. В истории христианства «в экономическом отношении необходимо различать два периода: время до признания Константином христианства господствующей религией (321 г.) и время после этого. В течение первого периода еkkлeсию (церковную общину) составляла вся христианская община вообще, согласно принципу всеобщего священства. Члены ее были равноправны. Даже рабы не представляли исключения. Состояние, когда “все принадлежит всем”, всегда выдвигалось отцами церкви в качестве идеала. На постоянных братских трапезах (агапах) господствовало в полном смысле слова общее потребление».

После Константина эти трапезы прекратились и даже были запрещены. В течение этого второго периода и еkkлeсия была (уже только. – П.С.) общиной *клира* в более тесном смысле слова. «Благотворительность духовенства шла на убыль по мере роста церковных богатств. Расходы на бедных (*patrimonium pauperum*^{32*}), вначале поглощавшие почти весь бюджет церкви, теперь понизились до четверти. Законодательство Каролингов признает ¼ церковных доходов принадлежащей епископу, ¼ – остальному духовенству (недурно приспособились! – П.С.), ¼ бедным и ¼ входит в состав строительного фонда. Но даже эта пропорция сохранялась недолго. Начиная с Псевдо-Исидора (IX в.) *под бедными стали разуметь только бедных членов духовного сословия*. Таким образом, церковь окончательно рассталась со своей прежней ролью благотворительницы и... из клира (как и везде из уравниателей и коммунизаторов. – П.С.) постепенно сложилось поднимавшееся над мирянами и иерархически построенное *первое сословие*, материально и духовно независимое, с “характером *indelebilis*”»^{57/33*}.

⁵⁶ См.: Пельман Р. Цит. соч., с. 503–582; Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. Пг., 1918, гл. II.

⁵⁷ Онкен. История политической экономии. 1908, с. 88–91; Ratzinger. Geschichte d. Kirklichen Armenpflege. 1884, S. 66–67, 236; Münsterberg E. Geschichte der öffentl. Armenpflege // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1909, Bd. 2, S. 7–8.

«Церковь, упрочивая свое господство, должна была принести немало жертв. В течение долгой борьбы, которая вознесла духовную власть над светской, смирение, любовь к ближнему, самоотвержение исчезли». «Скромная пустынь с открытием мощей превращалась в разукрашенный монастырь; суровые подвиги основателей отходили в область преданий», и монастыри превращались в места лени, обжорства, разврата и т. д. Жадность, корыстолюбие и стяжательство церкви росли. Теперь «всякий шаг священника должен был давать доход» (венчание, похороны, причащение и т. д.); «при жизни верующего каждый шаг его подлежал оплате; но жадность духовенства не останавливалась и пред смертным ложем верующего» (плата за похороны, напутствие, место могилы); введены были пошлины, взяточничество, симония^{34*}, продажа индульгенций как акций за счет банка – Христа и его подвигов, – при казначее – папе и т. д. В итоге в Средние века «недвижимость церкви обнимала значительную часть наиболее плодородных земель Европы»⁵⁸.

Уже при Григории Великом (ум. в 604 г.) «папский двор стал напоминать императорский. Наладились управление церковными землями и организация на них хозяйства под контролем особых чиновников. Папы выступают как политические вожди»⁵⁹.

При такой эволюции декоммунизация идеологии церкви была неизбежна. И мы ее видим. «Основные принципы христианства (равенство, общность имущества) позже были значительно изменены или им придано было особое значение. Например, “естественный закон” равенства был так изменен, что он допускал неравенство имущества и положения»⁶⁰.

После прекращения коммунистической практики в церкви некоторое время «сохранялись еще коммунистические традиции древнего христианства. Отцы церкви, как и прежде, громили богатство и неравенство» (в IV в. Василий Великий, Иоанн Златоуст и даже в VI в. Григорий Великий и др.). Но это уже были отдельные вспышки, которые чем дальше, тем становились все более и более редкими, пока совсем не заглохли или пока коммунизм не был перенесен в потусторонний «град Божий», где *omnia sunt communia omnibus*^{35*}, а на земле были признаны и частная собственность, и неравенство, и привилегированное положение духовенства, и право эксплуатации, и право торговли, и даже – в определенной форме – ростовщичество⁶¹. От былой идеологии бедноты у разбогатевшей церкви не осталось ничего, особенно в применении к себе самой (к другим мы вообще строги!). «Церковь стала богатой... Неудивительно, что по мере

⁵⁸ Ли Ч. История инквизиции, т. I, с. 1–26 и гл. 1.

⁵⁹ Карсавин Л.П. Культура средних веков. 1918, с. 46–47. См.: *Добшютц Э.* Греческий мир и христианство // Раннее христианство, с. 64–67. В социальной области в итоге «христианство просто становится на почву существующего», даже в отношении признания рабства.

⁶⁰ Хэней. Очерк экономических учений древности и средневековья, с. 444–445; *Hannay.* The spirit and origin of Christian Monasticism, ch. III–IV.

⁶¹ Онкен. Цит. соч., с. 91–98; Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному, т. I, гл. III–IV; Эшли У. Цит. соч., с. 141–188.

возрастания ее богатства она перестала управлять своим имуществом в пользу бедных; в церкви, особенно в богатых епископатах, распространились алчность и расточительность. Из коммунистического учреждения церковь превратилась в грандиозный механизм для эксплуатации, какой когда-либо видел мир... С тех пор имущество церкви стало считаться собственностью духовенства»⁶². Церковь превратилась в «вавилонскую блудницу», ее идеология совершенно «декоммунизировалась».

Описанное явление типично. Оно в огромном масштабе рисует то, что в меньших размерах происходило и происходит постоянно. Та же самая история произошла и с *нищенствующими орденами*, деютировавшими коммунизмом, которые, разбогатев, закончили идеологией противоположной. «Они забыли свои обеты и не помнят целей, для которых они учреждены. Их основатели хотели, чтобы они не имели никакого имущества. (Позже, разбогатев) они (ордена), чтобы приобрести имущество и собрать деньги, объявляют добро злом, а дурное – добрым, соблазняют князей лестью, народ – ложью и ведут тех и других на ложные пути»⁶³.

Правда, на почве христианства возникало множество коммунистических идеологий, но они возникали не из лона официальной церкви, направлены были против нее и боролись с ней. Они, как мы видели, зарождались среди бедных слоев, не пользовавшихся богатствами церкви и потому стремившихся «коммунизировать» их, что и делалось не раз. Но как только сами эти «еретические группы» коммунизаторов добивались до богатств и захватывали их, то с ними снова и снова повторялась «вечная история»: разбогатев, они теряли коммунистическую идеологию и заменяли ее или более умеренной, или совершенно противоположной. Сходные причины вызывают сходные следствия. Приведу несколько фактов.

Гумилиаты. С обогащением резко изменилась и их идеология. Компромиссность постепенно росла. В итоге «гумилиаты середины XIII в. – не гумилиаты его начала, религиозное воодушевление покинуло орден, и он уже не стоял на гребне религиозной волны»⁶⁴.

Табориты, состоявшие главным образом из более бедных слоев, выступили коммунистами, захватили богатства и основали коммунистическое государство с полным и равным коммунизмом потребления. Но по мере обогащения путем грабежа и захватов коммунистическая идеология у них стала выветриваться. Они «скоро уничтожили адамитов^{36*} и открыли частной собственности путь в свое общество. И эта последняя с присущим ей образом мыслей – с завистью и жадностью – тем быстрее вытесняла коммунизм и его братские отношения, чем скорее росло благосостояние, даже богатство таборитов – плод их беспре-

⁶² *Каутский К.* Цит. соч., с. 14–34.

⁶³ *Walsingham Th. Historia Anglicana.* London, 1863, vol. II, p. 13.

⁶⁴ *Карсавин Л.П.* Цит. соч., с. 283.

рывных грабежей. Равенство средств существования начало исчезать, в Таборе уже можно было найти бедных и богатых, и последние становились все менее склонными уделять первым от своего избытка»⁶⁵.

Нечто похожее происходило и в коммунистическом «Новом Иерусалиме» Иоанна Лейденского. Главные лидеры коммунизма во главе с «королем» Иоанном, захватив богатства, львиную часть присвоили себе, уделяя крохи – и то лишь в первое время – рядовым adeptам; позже, когда наступил ужасный голод, «лидеры» не проявляли никакого желания по справедливости делиться продовольствием со всеми коммунистами. «Коровы, которые там еще есть (200 коров), – писал современник, – съедаются королем и его приближенными за спиной коммуны. Мы удивляемся, что община не замечает обмана короля»⁶⁶.

Такая же «декоммунизация» идеологии произошла и с вальденсами, и с богемскими братьями. По мере обогащения они «становились в значительной степени оппортунистами и буржуа». «Некоторые вальденсы, – пишет брат Грегор, – сознавались, что удалились с пути своих предшественников. У них существовал вредный обычай принимать от людей деньги и накапливать богатства, не заботясь о бедных».

«Участь вальденсов постигла вскоре и богемских братьев. Благодаря прилежанию и трудолюбию они разбогатели. Но с увеличением благосостояния многие из важных членов секты стали находить строгую дисциплину все более стеснительной. Дисциплина эта не допускала в интересах равенства, чтобы один был богаче других, запрещала увеличение имущества путем торговли и ростовщичества. С увеличением благосостояния начали возникать столкновения по имущественным делам. Между братьями мало-помалу начало возникать более умеренное направление, признававшее собственность и не требовавшее при вступлении в общину (с 1480 и особенно с 1491 г.) отказа от имущества, допускавшее участие во власти, занятие должностей, ведение войны, получение прибыли и занятие торговлей. В итоге исчезли все установления богемских братьев, напоминавшие первоначальный коммунизм, из их литературы были выброшены все коммунистические традиции, и они стали очень зажиточными капиталистами, почтенными отцами семейств, приличными бургомистрами и присяжными, талантливыми генералами и государственными деятелями»⁶⁷.

Теперь обратимся к *якобинцам* с их лозунгом имущественного равенства. Пока они были санкюлотами^{37*}, они настаивали на уничтожении богатей, захвате и секвестре их достояния, провозглашали равенство и общественное благо. Но, как только они дорвались до этих богатств, картина изменилась: вместо «национализации» начинается присвоение богатств, грабеж и воровство, взяточничество и вымогательство и – при их положении – весьма выгодная покупка ими национализированной недвижимости, что сделало их богачами. «На этом-то

⁶⁵ Каутский К. Цит. соч., с. 198. См. указ. работы Denis'a и Palacky.

⁶⁶ Каутский К. Цит. соч., с. 364.

⁶⁷ Там же, с. 208–211.

и строят свои громадные состояния ловкие террористы; этим объясняется происхождение их колоссальных богатств, которыми мирно пользуются после Термидора эти заведомые негодяи, бывшие до Термидора каждый в своем кантоне маленьким Робеспьером. Эти патриоты, которые теперь строят вокруг Орлеана дворцы, которые в Валансьенне, разграбив общественную и частную собственность, владеют домами и имуществом эмигрантов, приобретенным ими на торгах за цену в сто раз ниже их действительной стоимости».

«Комитеты якобинцев забирали себе лучшее из всего; в то время, как масса голодала, они старались путем угроз, грабежа, конфискаций сколотить себе состояние на черный день. Разбогатеv, они быстро забыли старую идеологию, стали рьяными собственниками, составили класс будущих капиталистов, у которых не возьмешь легко их собственность, которые положат за нее душу и жизнь с усердием новообращенных прозелитов»⁶⁸. Из их-то среды при Наполеоне и Реставрации и вышли самые рьяные дельцы капитализма и защитники собственности.

То же самое явление происходило и позже в многочисленных коммунистических общинах, особенно в Австралии и Америке. Они или богатели и тогда «декоммунизировались», превращаясь в капиталистическое товарищество, допуская неравенство, нанимая часто рабочих и т. п., как случилось с шекерами, гармонитами, с коммунами Зоар, Аврора и Бетель^{69/38*}, или переходили в собственность ловких членов, или беднели и распадались⁷⁰.

То же самое мы видим и в новое время на истории социалистических и коммунистических партий. Есть ли хоть одна из них, которая провела бы фактически эти принципы для начала хотя бы в пределах своей партии? Нет. Всюду здесь царит неравенство⁷¹.

Обратите, далее, внимание на эволюцию самих этих партий и их лидеров. Как только они получают полный или частичный доступ к власти и жирным местам, очень быстро появляется среди них дух оппортунизма, умеренности, принципы «реальной политики», нередко ведущие к «поклонению тому, что сжигали, и к сжиганию того, чему поклонялись»^{39*}, когда они были бедными и лишенными влияния, власти, богатых мест и sinecur. В наши годы иллюстрацию этого дали и шейдемановцы^{40*}, и французские социалисты во главе с Реноделем, Тома и др., и часть английской «Рабочей партии», и русские меньшевики и эсеры времен Временного правительства. Персональную иллюстрацию дают Вивиани, Клемансо, Бриан, Самба, А. Тома, Вандервельде, Де-Брукер, Гендерсон, Ренодель,

⁶⁸ См.: *Taine H. Les origines de la France contemporaine, vol. III. Revolution. Livre troisième: Les gouvernants*, p. 289–379, 360–364.

⁶⁹ См.: *Гуго. Религиозные и коммунистические общины в Северной Америке // Предшественники новейшего социализма*, т. II, с. 393–416.

⁷⁰ Отчет комиссии по устройству коммунистических поселков см.: *Спенсер Г. Основания социологии*. СПб., 1898, т. II, с. 889–890.

⁷¹ См.: *Сорокин П.А. Система социологии*, т. II, параграфы о партийных, объемно-правовых и имущественных группировках и перегруппировках.

Шейдеманн, Носке и т. д., и т. д. – все бывшие социалисты, многие из коих были когда-то очень левыми. Но теперь, когда они у власти, они поистине декоммунизировались и могут сказать о себе:

Все это было когда-то,
Но только не помню когда...^{41*}

Иногда словесная старая рефлексология многими из них пускается в ход. Но это видимость, да и то редкая.

Полагаю, что сказанного о первой категории явлений, подтверждающих правильность сформулированной нами теоремы, достаточно

Перехожу ко второму разряду фактов, показывающих, *как в обширных агрегатах с ростом благосостояния масс кривая успеха коммунистической идеологии падает* (*ceteris paribus*).

Буду здесь очень краток. Ограничусь двумя-тремя фактами. При желании читатель может сам увеличить их и произвести историческую проверку.

Беру судьбы социалистической и родственных ей идеологий в Англии со второй половины XIX в. С этого времени в общем и целом благосостояние рабочих масс в Англии росло: Index number^{42*} их материального благосостояния поднялся со 100 до 170 с лишним. Что же делалось с идеологией? Она в рабочих массах, по сравнению с идеологией чартизма первой половины XIX в., становилась более умеренной, буржуазной и в конце концов растеряла все свои коммунистически-революционные черты. Социализма до начала войны английское рабочее движение почти не знало. Labour Party не была социалистической. Да и масса рабочих шла не за нею, а либо за либералами, либо за консерваторами. «Прямое действие»^{43*} и революционные вождения были чужды политике и тактике рабочих. Их идеология и рефлексы на российский масштаб были архисоглашательскими, архибуржуазными, архиумеренными. Факт довольно характерный. Снижение Standard of life^{44*}, вызванное войной, повлекло за собой подъем кривой коммунистической идеологии.

Менее резкой, но по существу такой же была эволюция идеологии германского рабочего класса с 70-х гг. XIX в., с которых началось улучшение благосостояния Германии и ее рабочих слоев. Вплоть до начала войны германская социалистическая идеология «вырождалась»: из задорно-непримиримой первого периода она становилась все более и более оппортунистической, ревизионизм вытеснил в ней революционность, соглашательство – чистоту принципов, буржуазность – пролетарскую целостность. В итоге, несмотря даже на численный рост, качественно от социал-демократизма, лассальянства и марксизма 40-х гг. в конце XIX и начале XX в. осталось мало. Социалисты стали совсем ручными, «добрыми буржуа», изредка разве что «вспоминающими старину», а по существу ставшими, на русский масштаб, настоящими либералами, и только.

Аналогичная эволюция произошла и с французской социалистической идеологией. И она размягчалась и качественно декоммунизировалась.

Больше того. Ту же самую эволюцию проделал и весь II-ой Интернационал, ставший действительно «социал-соглашательским». Все это характерно и снова свидетельствует о правильности проверяемой теоремы. Мало того. Заслуживает внимания и тот факт, что рабочие англо-саксонских стран (Англии и Америки), лучше обеспеченных, всего менее были подвержены «социалистической заразе». Здесь эти идеологии имели наименьший успех. В других же странах, где «уровень жизни» был гораздо ниже, и успех первых был значительно большим.

Не раз такие явления, частью рассмотренные выше, происходили и раньше.

Ограничусь этими фактами, ибо факты, приведенные выше, – того же рода.

Наконец, *о падении коммунистической идеологии при уменьшении имущественной дифференциации свидетельствует и наш опыт*. Пока была имущественная дифференциация, идеологии коммунизма и социализма пользовались огромным кредитом доверия у наших пролетарских, армейских и крестьянских масс. Но вот имущественные контрасты исчезли. И картина резко меняется. Они перестают прививаться. У многих обращенных – «отвиваются». Кривая их успеха резко падает. И агитация стала лучше и лучше поставлена, но прививка стала плохой⁷². Развивается «мелкобуржуазная стихия». Словом, произошел резкий сдвиг в сторону антикоммунистической идеологии.

На основании всего сказанного третья теорема приобретает характер большой правдоподобности, а все три теоремы, вместе взятые, подтверждая друг друга, подтверждают и основной тезис данного параграфа^{45*}. Связь между «идеологией» и колебанием кривой питания действительно есть.

Мост между ними перекинут и укреплен, и таким образом, с помощью нашей независимой переменной «объясняются» многие явления идеологического порядка.

Да и как иначе может быть! Допустить, что такой колоссальный детерминатор, как питание, не влияет на наши речевые и субвокальные рефлексy, на наши убеждения и идеологию, значит, сделать невероятное допущение. Оно невероятно дедуктивно, неверно и индуктивно.

Посему исследователю жизни идеологий, механизма и закономерности их подъема, падений, колебаний и смены нельзя игнорировать количество и качество калорий, поступающих в организм общества. Часто разгадка многих загадочных явлений в сфере общественных настроений и верований лежит в колебании этой последней «переменной».

⁷² «Мы славились своей умелой и успешной агитацией и пропагандой, – пишет Трилиссер в 1921 г., – и вдруг сейчас наши наиболее чуткие и подвижные отделы оказались слабыми, действуют с переборами, теряют связь с местами, не руководят. Ослабела наша агитационно-пропагандистская работа не только в Питере, но во всероссийском масштабе» (Петроградская правда, 18 февраля 1921). С Урала пишут: «Партийная организация распадается, работа не идет». Из Новороссийска: «Работа в ячейках ведется слабо, местами разваливается, падает интерес к докладам, посещаемость слабая» (Правда, 12 февраля 1922). И в городе, и в деревне – «невеселая картина». И так – по всей России.

<Рец. на кн.:>

**EDVARD ALSWORTH ROSS. THE PRINCIPLES
OF SOCIOLOGY**

New-York. The Century Co, 1920. 708 стр.

Слава Богу! Социология вышла из «передней» социологии. Если раньше 90% социологических дебатов и книг посвящены были тому, что такое социология, как ее нужно понимать и строить и... дальше этого не шли, то теперь дело радикально изменилось. Последние социологические работы (Парето, Hayes, Ross и др.) уже не спорят о том, чем должна быть социология и как ее надо строить, т. е. не толкутся в «передней науки», «вокруг да около» социологии, а просто ее строят.

Данная книга проф. Ross'a, являющаяся своего рода завершением и резюме его предыдущих работ («Social Control», «Social Psychology», «Foundations of Sociology» и др.), в этом отношении характерна тем, что он даже одной страницы не посвятил перечисленным вопросам и свои «Основания социологии» начинает прямо с анализа населения.

Книга проф. Ross'a делится на 5 основных частей.

В *первой части, озаглавленной «Социальное народонаселение»*, идет речь о составе населения с половой, возрастной, брачной и расовой точек зрения, о населении города и деревни, о росте населения, явлениях рождаемости, брачности и смертности. Параллельно с трактованием этих проблем идет и установление ряда функциональных зависимостей, открывающихся здесь.

Росс вообще является прекрасным стилистом, временами – художником слова, импрессионистски в двух-трех словах характеризующим суть дела. Эти черты его ярко обнаруживаются в характеристике психологии города и деревни, мужских и женских групп...

Вторая часть книги посвящена *«Социальным силам»*. Росс – плюралист. Основную, первичную категорию сил он видит в наследственных инстинктах производные силы – в сложных надинстинктивных образованиях – интересах (экономических, религиозных, политических, интеллектуальных и т. д.). Особые группы сил составляют географические условия и раса.

И здесь дано много интересных теорем, хотя классификация в целом, с моей точки зрения, не выдержана и не вполне удачна.

Третью часть «Оснований социологии» составляет учение о «*Социальных процессах*». Это – центральная часть труда. Никто до Росса не давал столь подробной систематики социальных процессов, или, говоря словами Зиммеля, «форм взаимодействия». Простое перечисление этих процессов подтвердит это. Росс выделяет нижеследующие социальные процессы: 1) ассоциации, 2) властвования, 3) эксплуатации, 4) оппозиции, 5) стимуляции, 6) антагонистических действий, 7) личного соперничества, 8) групповых антагонизмов: половых, классовых и т. д., 9) конкуренции институтов, 10) приспособления, 11) кооперации, 12) организации действия, 13) организации воли, 14) организации мысли, 15) распада социальной структуры, 16) расслоения, 17) роста неравенства, 18) градации, 19) сегрегации и субординации, 20) уравнивания, 21) селекции, 22) социализации, 23) разъединения, 24) социального и надсоциального «контроля» (управления), 25) индивидуализации, 26) освобождения, 27) коммерциализации, 28) профессионализации, 29) институционализации, 30) расширения, 31) окостенения (шаблонизации), 32) декаданса, 33) трансформации, 34) возрождения.

Каждому из этих процессов посвящена особая глава, где рассматривается его суть, подвиды, видоизменения и т. д. В пределах краткой рецензии приходится ограничиться этим перечнем. Замечу лишь, что такая детализация «морфологических форм взаимодействия» составляет большую заслугу проф. Росса, хотя я ее считаю во многих пунктах и не вполне удачной (ряд форм взаимодействия, например властвования и эксплуатации, выделенных им в особые формы, могли бы быть объединены в одну группу; то же приходится сказать об антагонизмах, соперничестве и оппозиции и т. д.; с другой стороны, нет совершенно упоминания основных социальных процессов не морфологического, а, так сказать, субстанционального характера, например, процесса питания группы, ее размножения, ее сохранения, ее обучения и т. д.).

Четвертая часть «Принципов» трактует о «*Социальных продуктах*» как следствиях специальных процессов. Здесь идет речь об «однообразиях» и сходствах культур, их борьбе и поглощении одною культурой другой, о «стандартах», т. е. образе жизни, нравах, обычаях и т. д., о социальных группировках и о социальных институтах: семье, производственных институтах, школах и государстве.

Пятая часть представляет изложение «*Социологических принципов*», а именно: принципа предвидения не только ближайших, но и дальнейших следствий, принципа симуляции, или социальной мимикрии, принципа индивидуализации и принципа равновесия.

И специалист, и лицо, интересующееся социологией, найдет много интересного и ценного в рецензируемой работе Росса. В его систематический труд

введены совершенно новые области, до сих пор не включавшиеся в общие курсы социологии. Причем – совершенно правильно – автор имеет дело не только с фактами прошлого, но и с проблемами, выдвигаемыми сегодняшним днем. Из каждого теоретического положения им тут же делаются практические выводы для применения к социальной жизни или оценки социальных явлений.

Словом, книга проф. Росса заслуживает большого внимания.

Но, конечно, и она не свободна от многих недостатков. Основной из них – тот же, что и в труде проф. Найеса: психологизм и связанная с ним неясность, «неуловимость» и неопределенность многих теорем. Это раз. Во-вторых, некоторые из глав не глубоки: автор в своем анализе скользит здесь по поверхности; при описании многих социальных процессов он не выделяет точно, идет ли речь у него о процессах, повторяющихся в любой группе, или эволюционных, свойственных всякому ли агрегату или только некоторым В-четвертых, вызывает большие сомнения и ряд его утверждений по существу.

Тем не менее работа Росса интересна и ценна. Лишним доводом ее интереса для нас являются некоторые его положения, касающиеся России и русских. Автор в 1917 г. посетил Россию и написал о ней книгу «Россия на перевале», которую он цитирует в данной книге не раз^{1*}. Года два тому назад под моей редакцией была переведена книга «Foundations of Sociology» проф. Росса, но перевод – в силу наших типографских условий – лежит ненапечатанным и по сей день. Было бы желательно, чтобы русская публика получила русское издание «Foundations» или «Principles» проф. Росса. Издатель, выполнивший эту задачу, сделал бы полезное дело.

<Рец. на кн.:>

ED. C. HAYES. SOCIOLOGY AND ETHICS

**The facts of social life as the source of solutions
for the theoretical and practical problems of ethics**

New-York: D. Appleton Co, 1921. 354 стр.

Основная задача данной книги проф. Hayes'a – обоснование возможности научного изучения этических явлений – раз, и практической этики, покоящейся не на данных метафизики или религии, а на данных науки, – два. Сообразно с этими заданиями в первых главах талантливый автор, констатируя упадок религиозно-метафизических основ этики, доказывает, что тем не менее без этики, т. е. определенных форм поведения, называемых положительными, общество существовать не может, что различие «добра» и «зла» не есть предрассудок или случайность, как думают некоторые «эмансипировавшиеся» дилетанты, а нечто кардинальное, неотъемлемое от социальной жизни, такая же реальность, как различие черного и белого. Далее он переходит к доказательству того, что этика, построенная на данных науки, не только ничего не теряет по сравнению с этикой, покоящейся на религии или метафизике, но, напротив, выигрывает во многом (что, однако, ничуть не мешает ему признавать громадные заслуги в этом отношении религии и метафизики). Во второй половине труда автором дается анализ, понятие и теория «социальных ценностей», доказывается возможность научного изучения последних как подлинных реальностей, изучается социальное происхождение моральных кодексов и натуралистическое понимание Долга, Справедливости и Неправды, очерчиваются реальные мотивы этического поведения (биологические и социальные) и т. д. Попутно ему приходится касаться целого ряда проблем психологии и социологии. В частности, сопоставляя эту научную этику с социологией, автор, подобно Е. В. де-Роберти, доказывает, что их задачи – и теоретические, и практические – весьма близки: теоретическая этика составляет часть теоретической социологии, практическая – часть прикладной социологии.

После работ Вестермарка, Леви-Брюля, Гобгауза, Поста, Ковалевского, Дюркгейма и др. мы едва ли будем спорить с основными мыслями проф. Hayes'a.

Я лично сходные положения развивал как в своей книге «Преступление и кара, подвиг и награда», так и в ряде статей, касающихся методологических принципов научного изучения этических явлений («Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть», «Категория “должного” и ее применимость к изучению общественных явлений» и др.).

Но в ряде пунктов я иду дальше Hayes'a. Я гораздо резче отделяю прикладную этику от теоретической; менее психологичен, чем проф. Hayes; не вполне согласен с ним и в ряде частных пунктов, например, как и проф. Hayes, я признаю возможным одни и те же этические поступки детерминировать и вызывать разными «раздражителями» (например, «научными соображениями» вместо «религиозных верований»). Но крутое, насильственное и массовое разрушение одних «стимулов» или «тормозов», детерминирующих социально-этическое поведение, считаю операцией мучительной и социально вредной, ибо она своим результатом имеет большее или меньшее «озверение» людей, испытывающих такую операцию. Впрочем, и проф. Hayes также, по-видимому, не сторонник таких методов.

Книга проф. Hayes'a, согласно сказанному, будет очень полезна для лиц, изучающих моральные явления.

<Рец. на кн.:>

**ПРОФ. Н.А. ВАСИЛЬЕВ. ВОПРОС О ПАДЕНИИ
ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ И АНТИЧ-
НОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЯ-
ЗИ С ТЕОРИЕЙ ИСТО-
ЩЕНИЯ НАРОДОВ
И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Казань, 1921

Книга проф. Н.А. Васильева разделяется на три основные части. В первом – историко-философском – отделе он выставляет и посильно доказывает основной тезис своей философско-социологической^{1*} (но не исторической) работы, что главным фактором исторических изменений являются факторы биологического порядка. Социологические теории, говорит он, начали с факторов идеологического порядка, от них перешли к условиям экономическим, теперь должны идти глубже и от экономических условий перейти к биологическим – к свойствам рас, жизнеспособности, энергии и наследственной одаренности группы. Изменения, происходящие в этой области, являются теми глубинными течениями, которые обуславливают движение исторического процесса, его ход и судьбы народов и групп.

Сообразно с этим тезисом в этой части он доказывает, что человечество биологически изменяется; мышечная его работа вытесняется нервной; это ведет к гипертрофии нервных потребностей и роли нервной системы в организме, результатом чего служит нервное переутомление человечества, особенно в городах, грозящее в итоге полным вырождением всего человеческого рода (по исчерпанию резервных групп и народов).

Во второй части книги автор излагает главнейшие теории падения Западной Римской Империи (Боссюэта, Вико, Монтескье, Гиббона, Гердера, Гегеля, А. Тьерри, Шиллера, Мериваля, Дюрюи, Фестюль де Куланжа, Ренана, Ницше, О. Зеека, Гревса, Абрамовского, Брейзига, Петрушевского).

В третьей – применяет указанную общую теорему к данному вопросу и доказывает, что основной причиной падения Западной Римской империи было расовое истощение и вырождение римлян, особенно их руководящих слоев. Симптомами этого расового вырождения служат: а) приостановка роста населения; б) замена римской крови варварской; в) апатия и вырождение римской аристократии (ее литературность, эстетизм, нерелигиозность, мистицизм, безнравственность, половое распутство etc.); д) упадок военного дела, отлынивание от военной службы, вместе с нездоровым развитием городской жизни и нездоровой литературой. Не варвары, не рабы, не плохая экономика, не христианство, не бюрократизм и централизм погубили Рим, а указанное вырождение, все же остальные причины были только следствием и симптомом этого основного фактора.

Таково вкратце содержание данной книги.

Как видно отсюда, теория автора очень близка к теориям Фальбека, Парето, В. Адамса, О. Зеека, Лапужа, Гобино, Ничефоро, Джини и др., выдвигающим биологически-расовый фактор и его роль в расцвете и падении народов.

Я согласен вполне с важной ролью данного фактора в историческом процессе, но не считаю правильным возведение его на роль главного и единственного условия. Такой монизм обладает всеми недостатками всех других монизмов.

Я считаю верной мысль, что основные детерминаторы поведения людей и общественных процессов находятся в области биологических условий, но нельзя эти последние сводить на расовые условия и делать их *deus ex machina*^{2*}. Нельзя потому, что их изменение вызывается не *sua sponte*^{3*}, а под влиянием многих других условий. Стало быть, для объяснения исторического процесса должны быть учтены и эти последние.

Помимо этих дефектов, есть в книге ряд других необоснованных и легковесных положений. Но все это не мешает ей быть интересной и во многих отношениях ценной. В ней чувствуется живая ищущая мысль, пытающаяся идти своим путем, есть ряд свежих сопоставлений и кой-где ярких замечаний.

В силу этого, несмотря на указанные крупные дефекты, книга прочтется с пользой.

<Рец. на кн.:>

**EDWARD CARY HAYES. INTRODUCTION
TO THE STUDY
OF SOCIOLOGY**

New-York and London: D. Appleton and company, 1921. VII+718.

«Введение в изучение социологии» проф. Е.С. Hayes'a представляет один из лучших известных мне учебников социологии. Слово «учебник», впрочем, не вполне приложимо к нему: по богатству содержания, по систематичности мысли, по оригинальности последней и мастерству изложения «Введение» является крупным социологическим трактатом, самостоятельным научным трудом, напоминающим основные руководства, называющиеся часто у нас «курсами» (например, «Курс русской истории» В.О. Ключевского, курс «теории права» Л.И. Петражицкого, «Курс уголовного права» Н.С. Таганцева и т. д.).

Помимо «Введения», труд проф. Hayes'a делится на четыре основные части. Часть первая посвящена изучению факторов социальной жизни, часть вторая – природе общественной жизни и ее элементам, часть третья – социальной эволюции, последняя часть – социальному контролю, или управлению.

Во «Введении» дается краткое определение социологии и ее научных задач, состоящих: 1) в описании деятельности – поведения – людей, взаимно обуславливающих друг друга; 2) в классификации форм деятельности; 3) в сравнении ее у разных групп и в разное время (сравнительная социология); 4) в изучении причинных зависимостей среди этих явлений и их эволюции и 5) в практической оценке и применении их. Указав на то, что социология, подобно другим естественным наукам, изучает сущее, стоит на принципе причинности и функциональной зависимости других наук, автор прямо переходит к делу – к учению о причинах или факторах, обуславливающих поведение людей и социальные процессы.

Все факторы он делит на четыре основные группы: 1) на географические условия; 2) технические (группировка населения, город и деревня, величина, формы и распределение богатств и т. д.); 3) психофизические условия: (а) наследственные: рефлексy, инстинкты, предрасположения, раса, пол, возраст

и b) приобретенные); 4) социальные условия (социальное внушение, социальная радиация и социальное подражание).

Эта часть книги выдающегося американского социолога особенно хороша. Здесь нет рассуждений, а есть фактическое установление ряда причинных теорем, определяющих характер, влияние и следствия этих причин-факторов. Я дал только сухой перечень их. На деле же в этой части автор касается множества вопросов и дает четкое их решение.

Во второй части им обсуждаются проблемы: природы общественной жизни, классификации форм социальных деятельностей, характера их варьирования, проблемы общества и общественного порядка, взаимоотношения общества и индивида. Проф. Е.С. Hayes – психологист в том смысле, что *progrium quid** общественного явления он видит в ист[ор]ической деятельности, но это не мешает ему видеть, что *in concrete* нам даны не чисто психические явления, а «социофизические» (акты людей, книги, машины, города etc. – «овеществившаяся психика» или «физическое проявление собственно социально-психической деятельности») (с. 348 и др.). Хороша глава, посвященная классификации форм социальной деятельности. Разделяя их на три основные группы: 1) знания и верования, 2) социальные чувства и 3) социальную практику, он делит каждую группу на целый ряд подвидов, в итоге обнимающих все основные виды социальной деятельности. В следующих главах этой части он описывает: 1) варьирование форм социальной активности в объеме, силе, единообразии, содержании и фразах, 2) общественный порядок и общество и, наконец, взаимоотношения индивида и общества, сложный характер индивида и его «я» и т. д.

Третья часть посвящена понятию и проблеме социальной эволюции, или *генетической социологии*.

Здесь дается: понятие эволюции, отношение социальной эволюции к космической, основные теории стадий развития человечества, роль изобретений и их виды, скрещивание культур и т. д., а затем описывается эволюция в разных областях социальной жизни: в языке, одежде, жилище, в семье, религии, управлении, хозяйстве и т. д.

Последняя часть обнимает то, что англосаксы называют «*социальным контролем*», т. е. совокупностью способов, которые имеются в любом обществе для поддержания порядка, необходимого для здоровой общественной жизни и для направления поведения членов общества в желательную сторону. Разделив все формы социального контроля на пять групп: а) право, институционализированное в государство; б) религию, институционализированную в церковь; в) общественное мнение, организованное в форме моральных кодексов и печати; г) воспитание, осевшее в виде института семьи и школы; и е) искусство, обычаи и церемонии, – автор рассматривает роль каждой группы отдельно. Изучение права как формы социального контроля ведет его к трактовке преступления, его

причин и средств борьбы с ним; изучение роли религии ведет к рассмотрению ее значения в указанном направлении; то же относится и к другим формам общественного контроля.

Таково краткое содержание труда проф. Науес'а. Я дал, конечно, только бледное и краткое его оглавление. Не больше. В действительности в эти рамки автору удалось систематически вместить главнейшие проблемы социологии и основные результаты, добытые как социологией, так и другими гуманитарными дисциплинами.

На книге лежит обычная печать американских социологических работ: сжатость, точность и ясность, с одной стороны, отсутствие метафизических проблем, с другой, игнорирование псевдопроблем (столь частых в работах немцев и русских) – с третьей, и, наконец, стремление вывести из теории ее практические приложения.

Основным недостатком – впрочем, неизбежным для нашего времени – я считаю излишнюю психологичность автора. Оперирование такими терминами, как «верования и знания», «чувство» и «желания» и т. п., мало дают для познания закономерности и механизма общественной жизни. Как ни труден объективистический, или бихевиористический, метод анализа социальных явлений, все же от него сейчас приходится ждать основных завоеваний в области социальных явлений. Только после этого возможно будет плодотворное изучение сложнейшего мира психических явлений как «внутренней стороны» социальной жизни. Иначе мы будем по-прежнему плавать в море неясных психических терминов и понятий. Но такое плавание, как я уже сказал, пока что неизбежно, ибо бихевиористический подход к социальным явлениям только начинается.

Ввиду этого указанный основной недостаток (на мелких разногласиях я здесь не останавливаюсь) ничуть не умаляет достоинств труда проф. Науес'а, знакомство с которым будет весьма полезно специалисту и неспециалисту. Был бы очень желателен перевод книги на русский язык. И как учебник социологии в высших учебных заведениях, и как научный труд для самообразования он принес бы большую пользу.

ТЕЗИСЫ К ПУБЛИЧНОМУ НАУЧНОМУ ДИСПУТУ ПО ПОВОДУ «СИСТЕМЫ СОЦИОЛОГИИ» (Т. I И II) П.А. СОРОКИНА

I. Общие тезисы

1. Социология – наука, изучающая поведение взаимодействующих и воздействующих друг на друга людей и результаты такого взаимодействия и воздействия.

2. Под явлением взаимодействия и воздействия (=социальным явлением) следует разуметь всякий факт, где поведение (и переживания) одного или одних людей обусловлены поведением и переживаниями других людей.

3. В отличие от других социальных дисциплин, изучающих мир людей, социология изучает наиболее общие (родовые) свойства явлений взаимодействия и воздействия людей.

4. Последние явления могут быть изучаемы с точки зрения: а) их состава и строения; б) тех повторяющихся во времени функциональных и корреляционных зависимостей, которые даны между поведением взаимодействующих лиц, с одной стороны, и между поведением их и теми или иными условиями («факторами») – с другой; с) и с точки зрения их генезиса и эволюции как не повторяющегося во времени процесса. Сообразно с этим социология распадается на: а) социальную аналитику, описывающую строение социального явления и его формы («социальная морфология»); б) «социальную механику», формулирующую основные функционально-корреляционные зависимости в области поведения людей и социальных процессов; с) социальную генетику, или сравнительную социологию, описывающую развитие различных форм социального поведения и социальных институтов как шаблонизировавшихся форм массового поведения.

5. Основным методологическим принципом изучения этих явлений служит принцип «объективный», имеющий дело лишь с транссубъективными, локализованными в пространстве явлениями. Изучение так называемых психических явлений составляет лишь дополнительную задачу.

II. Тезисы социальной аналитики

6. В любом социальном явлении можно различать действующих индивидов и проводников взаимодействия или воздействия.

7. Главными видами последних служат проводники: звуковые, свето-цветовые, двигательно-мимические, предметные и т. п.

8. Формы взаимодействия распадаются на многие виды, как то: воздействие одностороннее и двухстороннее, антагонистическое и солидарное, шаблонное и нешаблонное и т. д.

9. Всякая группа взаимодействующих индивидов образует реальное коллективное единство. Оно отлично от суммы взаимодействующих индивидов, однако социологический реализм – в его крайних формах – неверен.

10. Население как всего земного шара, так и любой территории распадается на ряд коллективных единств в зависимости от несходства индивидов, интенсивности и характера взаимодействия. Соответственно – любой индивид является участником – «абонентом» – многих групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих.

11. Социальные коллективные единства распадаются на элементарные, кумулятивные и сложные агрегаты. Главнейшими элементарными группами являются: расовые, половые, возрастные, семейные, государственные, языковые, профессиональные, имущественные, территориальные, объемно-правовые, религиозные, партийные и ряд других – идеологического характера, среди которых особое место занимает нереальная группа *élites*. Кумулятивные группы распадаются: 1) по степени сложности: на двойные, тройные и т. д.; 2) по характеру: на множество форм, в зависимости от комбинации скумулировавшихся элементарных группировок; 3) по способу кумуляции: на открытые и закрытые (плюс промежуточные), на антагонистические, нейтральные и солидарные, на «нормальные» и «ненормальные», «типичные» и «нетипичные» для данного места и времени. Одной из форм кумулятивных групп является национальность и класс, понятие которых удовлетворительно определяется с данной точки зрения.

12. Сказанное означает, что все теории социальной группировки, выделяющие только классовое, или только расовое, или только государственное или вообще одно или два расслоения, неверны и узки.

13. Существующие многочисленные классификации сложных социальных агрегатов неудовлетворительны, а часто совершенно неверны. Более удачными могут быть классификации их по указанным морфологическим признакам.

14. Социальные группировки населения представляют «подвижное равновесие» и постоянно меняются. Перегруппировки как явление этого изменения распадаются на три типа, состоящие: 1) в перемещении индивидов из группы в группу, влекущем колебание объема последних; 2) в исчезновении одних или

появлении других групп однородного характера; 3) в исчезновении одной из главных элементарных и кумулятивных групп и появлении совершенно новой. Первые два типа перегруппировки мы постоянно наблюдаем, третий тип проблематичен.

15. Поведение и переживание индивида обусловлены количеством и качеством тех групп, абонентом коих он состоит и состоял. Если отношение этих групп солидарно, целостным и последовательным будет и поведение индивида (социально единым его «Я»), если отношение первых будет конфликтно, самопротиворечивым будет и поведение индивида (и его «Я»), раз он остается их абонентом. Поведение индивида и содержание его идеологии – микрокосм, отражающий тот социальный макрокосм, абонентом которого он был и является.

III. Тезисы из «Социальной механики»

16. Главным объектом изучения ее служит область *повторяющихся во времени* (плюс в пространстве) социальных явлений (форм поведения и общественных процессов). Вне их данности не могут быть формулированы никакие «законы». Такие повторения даны. С этой точки зрения концепции Экклезиаста, Вико и др. подлежат восстановлению в видоизмененном виде. Так называемые эволюционные законы или тенденции, поскольку они исходили не из повторяющихся фактов, – псевдозаконы. Социология последних десятилетий шла по ошибочному пути, поскольку она ушла в искание этих «законов развития» и игнорировала область повторяющихся явлений.

17. Все теории, пытающиеся объяснить поведение людей и закономерность социальных процессов с помощью *одного или одного главного фактора, ошибочны*. Логически они либо самопротиворечивы, либо тавтологичны, либо неадекватны, путают функциональное отношение с причинно-следственным, временную последовательность с «валентностью» или величиной силы «фактора», не имеют единицы силы для ее измерения, упрощают и искажают сложный механизм поведения людей и их взаимоотношений, не имеют точного понятия своей «независимой переменной», неверны по существу и образуют «музей патологических теорий в социологии».

18. Одним из важнейших факторов поведения и социальных процессов является количество и качество питания, поступающего в организм населения. Колебание кривой питания отражается на: а) соматическом строении населения; б) его физиологии; в) его психологии; г) его поведении и е) содержании его идеологии. В зависимости от колебания этой «независимой переменной» стоят колебания социальных процессов: ввоза и вывоза продовольствия, продукции труда населения, величины эмиграции, явления войн, социальных волнений

и революций, социальной дифференциации и закрепощения, перераспределения богатств и изменения общественной организации в среде голодающего агрегата, движение рождаемости, брачности и смертности в последнем, изменение его идеологии, права, морали, религии, искусства, науки и т. д. Сейчас возможно и определенно-конкретное описание, указывающее направление всех перечисленных изменений.

ДИСПУТ ПРОФ. П.А. СОРОКИНА

22 апреля в физической аудитории Петербургского университета состоялся под председательством проф. И.М. Гревса диспут о двухтомном труде проф. П.А. Сорокина «Система социологии» (изд. «Колос», 1920 г.).

Краткие биографические сведения о диспутанте, оглашенные в начале заседания, таковы: родился в 1889 г., отец его – рабочий, мать – крестьянка, учился сначала в Гамской двухклассной школе, затем в учительской семинарии, экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости, поступил в Психоневрологический институт, где пробыл год, а затем учился в Петербургском университете, который окончил в 1914 г., будучи оставлен для подготовки к профессорскому званию при кафедре уголовного права. С 1915 г. был преподавателем в Психоневрологическом институте. В 1916 г. сдает магистерские экзамены. С 1917 г. – приват-доцент Петербургского университета, а с 1920 г. – профессор по кафедре социологии.

Первый крупный ученый труд П.А. Сорокина – «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (Изд. Долбышева. СПб., 1914. Стр. L+453) представляет из себя его еще студенческую дипломную работу. До настоящего времени им напечатано около 38 различных статей, более 100 рефератов в различных периодических изданиях и следующие большие труды: «Элементарный учебник общей теории права», Ярославль, 1920 г.; «Общедоступный учебник социологии», Ярославль, 1920 г.; представленная к защите «Система социологии» и печатающаяся в изд. «Колос» книга «Голод как фактор в истории и социологии».

Диспут открылся вступительным словом П.А. Сорокина при большом стечении академической публики – профессуры и студенчества. В этом вступительном слове диспутант отмечает, что работа социологов распадается на две одинаково важные и существенные части: 1) на детальное и подробное исследование отдельных относящихся к области социологии вопросов и 2) на построение цельных социологических систем. Если бы не существовало таких цельных систем, дающих возможность объединения, систематизации и классифицирования накопленного материала, то даже при наличии высоких по своим качествам исследований отдельных предметов мы имели бы только разрозненные сведения

без их обобщения, наподобие вырванных из книг страниц. С другой стороны, и отсутствие монографических исследований сильно вредило бы процессу знания. Хотя эти истины известны уже давно, но тем не менее современное состояние социологии сильно отличается от прежнего. Более тщательная и углубленная разработка социологического материала привела к тому, что там, где прежде были общие, подчас мало обоснованные утверждения, мы в настоящее время имеем точные и детализированные законы – теоремы, выраженные подчас не только с качественной стороны, но и со стороны количественной, на «языке богов», т. е. в цифрах. И чем дальше, тем больше растет такая детализация и углубление методов.

Что касается до построения цельного корпуса, то и здесь благодаря монографическому исследованию частностей является постоянная необходимость добавлять к старому зданию новые и новые постройки, добавочные флигеля, что, в свою очередь, ведет к усложнению архитектоники. Кроме того, есть разница и в содержании, т. е. отходит в область прошлого стремление с помощью одного ключа раскрыть все тайны, т. е. социологический монизм. В представленной на обсуждение работе и намечены эти два пути, а потому руководящими научными принципами являются: 1) В методологической части согласно новейшему *communis doctorum opinio*^{1*} социология должна пользоваться естественными методами; поэтому старое противопоставление наук о духе наукам о природе должно быть отвергнуто. 2) Задачей социолога является описание подведомственных ему явлений и установление между ними функционально-корреляционной связи. 3) Никакая оценка не может быть допущена; всякий нормативизм должен быть изгнан. 4) Объект социологии должен быть трансубъективным и вещественным; таковым является поведение людей. 5) Отсюда вытекает тенденция к пользованию объективным методом в смысле устранения психологизма. Этим, конечно, не исключается субъективная (психологическая) сторона и интроспективный метод, но они отходят на второй план и помимо того должны в своем изучении связываться с методом трансубъективным.

При выполнении задачи построения цельного корпуса необходимо признать узость старого деления социологии на статику и динамику, из коих первая вообще существовала в виде отдела социологии только номинально и заполнялась случайным содержанием. Исправить эту погрешность и пытаются обсуждаемые два тома социологии. Но и в динамике проблема поставлена слишком узко, так как все силы ученых до сего времени расходовались на открытие и установление эволюционных законов развития неповторяющегося процесса: повторяемые во времени и пространстве социальные процессы почему-то игнорировались и не изучались. Этот пробел должен быть заполнен в следующих томах системы, в социальной механике: в первой части ее изучаются явления повторяемые, во второй – неповторяемые, без изучения повторяемых явлений и само откры-

тие эволюционных законов едва ли возможно. И здесь должны быть устранены упрощенные теории, монизм, так как простота и легкость объяснения процессов возможны только в Шехерезаде, но отнюдь не в науке. Это положение в равной степени применимо и к статике, где тоже надо прекратить попытки к расслоению агрегатов по одной линии: партийной, религиозной, национальной, государственной, классовой, расовой и т. д.

Первый официальный оппонент проф. К.М. Тахтарев, указывая на научную ценность и продуманность труда П.А. Сорокина, горячо приветствуя его появление, останавливается на своих разногласиях с диспутантом и, в частности, с последними словами его вступительной речи.

Первый недостаток работы, говорит К.М. Тахтарев, состоит в ее недостаточной социологичности. Задача состоит в выяснении закономерных соотношений между социальными явлениями, поэтому изучение взаимодействия и поведения людей будет относиться скорее к психологии или к этике, чем к социологии, так как эти последние также основаны на понятии взаимодействия. Социология должна изучать *соотношения* тех явлений, которые представляют из себя предмет изучения отдельных гуманитарных наук. Изгнание понятия «общества» из социологии и замена его понятием «коллективного единства», а этого последнего – понятием «взаимодействия» ведет к тому, что мы должны будем признать обществом, а потому и предметом социологии взаимодействие волков и овец, муравьев и находимых у них в муравейниках вшей и т. д. Это совершенно поверхностный подход к делу.

Если мы обратимся теперь ко второй части «Системы», то, несмотря также на ее талантливость и ценность, надо признать, что и она недостаточно социологична. Большая заслуга диспутанта в детализации отдельных положений и установлении зависимости поведения индивида от тех групп, в которые он входит, как выражается диспутант, абонентом. Но и здесь имеются различные пробелы вроде того, что проф. Сорокин указывает как на одну разновидность групп на группы антагонистические.

Признак антагонизма никоим образом не может служить *fundamentum divisionis*^{2*}, так как в указанном случае мы будем иметь не одну группу, а антагонизирующие друг с другом две группы. В представленных к диспуту тезисах также неустранимое противоречие: один из них (17-й) требует изгнания из социологии монизма, а следующий (18-й) вводит монизм, так как в нем указывается, что голод как фактор влияет и на поведение людей, и на изменение социального устройства, и на убеждения *socius*'ов и т. д. Неверным представляется и путь, по которому идет проф. Сорокин под сильным влиянием *behavior*'изма, который, в сущности, представляет из себя разновидность психологической школы, хотелось бы, чтобы диспутант поскорее освободился от этого влияния и стал на чисто социологическую почву.

В заключение оппонент еще раз подчеркивает талантливость обсуждаемой работы, ее искренность, безбоязненность и смелость искания истины.

П.А. Сорокин, благодаря К.М. Тахтарева за лестный отзыв о книге и ее разбор, заявляет о невозможности соглашаться с возражениями. Относительно несоциологичности его системы он указывает, что устраняемое им понятие «общества» является настолько расплывчатым и туманным, что никак не может оказать помощи социологу, вреда же может причинить сколько угодно. Несociологичность, якобы следующая из стремления подчинить социологию другим наукам, в частности биологии, таковой не является, так как и науки о мире органическом ничуть не стесняются обосновываться на науках о мире неорганическом, так, биология черпает очень много из химии и физики и т. д. Разница между этикой и социологией совершенно очевидна, так как социология изучает «сущее», а этика указывает рецептуру «должного». Разница между психологией и социологией также совершенно отчетливо выражена в первом томе «Системы». Возражения, сделанные против признания антагонистической группы за особую разновидность, несостоятельны, так как это относится не к группам элементарным, а к группам кумулятивным. Так, в настоящее время в такой группе, как кумуляция подданных РСФСР и православно-верующих, представляющей из себя несомненное единство, мы имеем в то же время и сильный антагонизм, хотя бы по вопросу об изъятии церковных ценностей. Указанное противоречие между §17 и §18 тезисов противоречием вовсе не является, так как в §18 не говорится о том, что голод есть единственный, все объясняющий и все производящий фактор, а говорится, что он является «одним из важнейших факторов». Поэтому упреки в монизме несостоятельны.

Следующим официальным оппонентом выступал проф. Н.И. Кареев, тоже начавший с похвал диспутанту в его работе и с заявления, что работа представляет собой ценный вклад в науку, что он многому от него научился, много почерпнул для себя новых данных, особенно о новейшем течении социологии «behavior'изме» и т. д. Переходя к возражениям, проф. Кареев прежде всего отмечает чрезвычайную размахистость труда, которая дает ему возможность применить к диспутанту характеристику «раззудись плечо, размахнись рука», и видит в этом, наряду с большим количеством чисто публицистических мест, один из существенных недостатков книги. Далее, жестоким нападкам со стороны оппонента подвергается behavior'истическая позиция П.А. Сорокина, его стремление порвать с психологизмом, желание работать с помощью одних только объективных методов и то неуклюжее развитие в данном направлении, которого он придерживается; как особенная заслуга П.А. Сорокина и самой ценной частью его работы является, по мнению проф. Н.И. Кареева, разработка и изучение статьи, с большинством положений которой он вполне согласен. Так, он считает совершенно правильным упразднение термина «общество» в его органическом

виде, хотя находит, что необходимо его сохранить под иным названием, так как понятие населения для этой цели совершенно не подходит. (Оно есть простая сумма индивидов.)

Совершенно недопустимым считает оппонент злобное отношение диспутанта к философии, этике и т. д. и желание обособиться от них в своей работе. Неправильным является и упразднение проблемы о взаимоотношениях между личностью и обществом.

Заканчивает свое выступление проф. Н.И. Кареев словами, что хотя П.А. Сорокин и находится на верном пути, но он часто сбивается с него на одну глухую тропинку, которая может завести его в дебри, имя этой тропинки – behavior'изм.

П.А. Сорокин в своих ответах оппоненту указывает, что размахистость труда и в связи с этим некоторая его неразработанность отмечены им самим в предисловии к первому тому и что это объясняется исключительно условиями переживаемого времени¹. Некоторая доля публицистики объясняется также отчасти указанным обстоятельством.

Что касается до вопроса о правильности его behavior'истической и объективистской позиции, то диспутант указывает, что в настоящее время и среди психологов замечается этот поворот, тем более он обязателен для социолога. Некоторая утрированность этого метода и его односторонность полезны в настоящее время, когда ему еще приходится бороться со своими врагами, но, несомненно, впоследствии отпадут от него. Диспутант не согласен с замечанием проф. Н.И. Кареева, что понятие «общество» надо сохранить хотя бы под другим термином, потому что оно ничего из себя для науки не представляет. Злобное якобы отношение к философии относится совсем не к ней, а только к дурному философствованию, к умозрительности в социологии, каковая, кроме вреда, ничего не причиняла. Проблема «личности и общества» совершенно логически отпадает за отрицанием существования общества, но по отношению к отдельным социальным группам такая проблема остается.

Следующим официальным оппонентом выступал проф. И.И. Лапшин, который прежде всего отметил, что хотя П.А. Сорокин и против философствования, но в своем труде он такового не избежал, так как сам является сторонником материалистического монизма в своем стремлении свести психические процессы к физико-химическим и выражении надежд, что это со временем и будет достигнуто наукой. Behavior'истическая позиция неправильна потому, что доведенный до логических пределов behavior'изм сам себя хоронит. Единственно в виде чего он может быть допустим – это в виде известного методологического приема, и тогда он принесет известную пользу. Совершенно напрасно диспутант полагает, что восприятие чужой психики основывается на умозаклчениях по аналогии или интуиции; оно основывается на эмоциональном взаимозаражении. Уста-

¹ Книга писалась в 1918–1919 гг.

навливаемая проф. П.А. Сорокиным «мозаичность», «множественность душ» вовсе не представляет собою чего-либо нового. Это концепция довольно старая. Заканчивая свои возражения, И.И. Лапшин присоединяется к мнению предыдущих оппонентов о ценности и талантливости обсуждаемой работы.

В своем ответе диспутант, отмечая в сторону упреки в материализме как неправильные, сосредоточивается преимущественно на вопросе о behavior'изме и говорит, что если проф. И.И. Лапшин допускает объективизм как методологический прием, то и он в свою очередь допускает в качестве методологического приема – субъективизм. Неправильным он находит положение о самоуничтожении behavior'изма при его логическом продолжении. В заключение диспутант благодарит И.И. Лапшина за разбор его книги.

Из неофициальных оппонентов выступали проф. Н.А. Гредескул и приват-доцент С.И. Тхоржевский, которые, в общем присоединяясь к предыдущим оппонентам в положительной оценке труда П.А. Сорокина, останавливались на некоторых разногласиях с ним.

Ввиду отмены в настоящее время ученых степеней и невозможности присудить диспутанту степень магистра, диспут закончился заявлением проф. И.М. Гревса о единогласном признании историческим исследовательским институтом работы удовлетворительной, и таким образом косвенным путем цель диспута была достигнута. Многочисленная публика наградила диспутанта долго не смолкаемыми аплодисментами.

ОБ ОСНОВНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЗМОЖНОСТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАШЕГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

§ 1

Основная задача возрождения России сейчас сводится прежде всего к возрождению народного хозяйства. Под этим возрождением применительно к данному моменту приходится разуметь не расцвет его, не взлет на максимально высокие ступени хозяйственного развития, достигнутые Западом, – зачем мечтать о недостижимом! – а просто приостановку дальнейшего процесса разрушения и обнищания, больше того, приостановку или ослабление голодного вымирания населения России. Задача более скромная, но, несмотря на это, до сих пор превосходящая наши силы. Решение этой задачи может лежать либо в области производства, либо в области распределения, либо в той и другой. Для наших условий область распределения не дает выхода: с помощью изменения последнего, в частности, поравнения благ, мы пытались решить за эти годы задачу и не решили. Сейчас распределено все. Имущественной дифференциации почти нет. Распределять больше нечего. Все бедны. Стало быть, выход из тупика приходится искать в области производства. Возрождение народного хозяйства России сводится, таким образом, к количественному увеличению и качественному улучшению производства страны. Значение же проблемы распределения сведется просто к принципу сокращения непроизводительных расходов страны. Это условие важное, но при данных обстоятельствах второстепенное.

Для достижения первой цели нужен ряд условий. Последних много. Я намерен остановиться только на некоторых из них, а именно: 1) на формах самого распределения благ, наиболее благоприятствующих количественному и качественному росту производства; 2) на том, благоприятствует или тормозит этой цели широкое вмешательство государственной власти в область «экономики», в частности, нужно ли сейчас дальнейшее сокращение или, наоборот, расширение имеющегося в РСФСР объема «экономических функций» государства; 3) на морально-правовых условиях, наиболее стимулирующих хозяйственную энергию населения в смысле количественного и качественного поднятия производи-

тельности его труда. Все другие условия я оставляю в стороне. Да и этих трех проблем я принужден коснуться в основных чертах. Причем многое из того, что скажу я, вещи старые. Но эти старые истины в свете нашего громадного эксперимента последних лет лишней раз получают подтверждение, что довольно важно само по себе, а во-вторых, напоминание трюизмов, когда о них забывают и не хотят с ними считаться, не только допустимо, но прямо необходимо. За каждую лишнюю неделю, за каждый лишней месяц ошибочной экономической политики сейчас приходится расплачиваться... вымиранием тысяч людей – не в переносном, а в буквальном смысле этого слова. Это «маленькое обстоятельство» оправдывает и напоминание трюизмов. Перейдем к ним.

§ 2

Уже давно было замечено, что уравнительное распределение и интенсивное производство – явления несовместимые. Последнее требует максимального напряжения хозяйственной (и психической, и физической) энергии человека. Уравнительность эту энергию тормозит: она стимулирует и «благословляет» лень, бесхозяйственность, вялость и паразитизм ленивых, вялых, слабых и беззаботных лиц, гарантируя им долю благ, равную с другими, и она же тормозит и гасит энергию, инициативу, максимально напряженный труд хозяйственно сильных лиц, делая их труд бесплодным для них самих, больше того – вредным, ибо «дарования и способности в этих условиях не дают никаких преимуществ, напротив, составляют невыгоду, потому что ими обуславливается усиленная и ничем не вознаграждаемая потеря энергии»¹. Требовать от них такого самоотверженного самопожертвования, непрерывного в течение всей жизни – это значит требовать невозможного, это значит требовать искоренения самых основных наследственно полученных рефлексов индивидуального самосохранения, присущих всякому организму. Когда люди будут ангелами, такое самоотвержение, быть может, они и будут проявлять, пока же из миллиона лиц едва ли найдется один, поведение которого фактически удовлетворяло бы этому требованию. Найдется, быть может, несколько человек, способных к моментальному «одноактному» самопожертвованию. Но и только. Жертвовать же собой ежедневно, непрерывно, без всякой выгоды, поощрений, славы и похвал, извините, таких лиц днем с огнем не найдешь. Если же эти похвалы и поощрения (хотя бы в виде «Занесения на красную доску» или «благодарности отечества») будут, то это будет уже нарушением равенства, раз не может быть применяемо в массе ко всем «за совесть трудящимся», за применение же к единицам дела не исправит, ибо единицы потонут в массе плохо работающих лиц; если же такие «поощрения» будут массо-

¹ *Спенсер Г.* Основания социологии. СПб., 1898, т. II, с. 690–696.

выми, они теряют *raison d'être*^{1*}, ставши из исключения нормой, по самой своей сущности, далее они могут быть стимулами редкими: нельзя Иванова каждый день торжественно заносить «на красную доску»; такое злоупотребление стимулом поощрения превращает его в скучный будничный обряд, способный набить оскомину не только награждающим, но и награждаемому. А редкое применение его, как и всякого редко действующего стимула, не способно вызывать непрерывное напряжение хозяйственной энергии, требуемое задачей. Словом, все разговоры о том, что люди могут столь же интенсивно работать бескорыстно, на пользу ближних, как и для собственной пользы, представляют симпатичный вздор и только. Если бы они были равны по своим силам, способностям и поведению, дело обстояло бы проще. Но этого нет. А поэтому уравнительное распределение неизбежно требует непрерывного самопожертвования от хозяйственно сильной части общества, т. е. требует невозможного.

Мудрено ли поэтому, что обычным следствием такой уравнительности служит рост бездельничания лентяев и хозяйственно бесплодных лиц, с одной стороны, падение и ослабление хозяйственной активности энергичной в экономическом смысле части общества, с другой. А конечным результатом такого явления служит падение производительности страны и общее обнищание, тем более сильное, чем дольше длится такая система и чем строже она проводится. Такое общество не только хозяйственно производить, но даже существовать не может. Оно обречено – рано или поздно – на вымирание в буквальном смысле этого слова.

Отсюда понятна связь явлений, замеченная некоторыми экономистами, в частности Шмоллером², что эпохи хозяйственного расцвета обычно совпадают с эпохами роста имущественной дифференциации, эпохи экономического упадка – с периодом ослабления последней, с периодом роста «уравнительного распределения» в той или иной форме. В этой уравнительности лежит и одна из главных причин обнищания нашей страны за эти годы. Премируя и поощряя право на лень хозяйственно слабых слоев и подавляя все стимулы к напряженной экономической работе «сильных» элементов, наша уравнительная политика неизбежно должна была сильнейшим образом понизить производительность населения. Мы видели, что рабочие перестали работать по-настоящему; трудовое, крепкое крестьянство сократило посевы, у «организаторов» предприятий отнят был мотив работать серьезно, а лентяям за счет первых была гарантирована доля благ. Одни стали по праву лодырничать, другие занялись бумажным делопроизводством, третьи стали «дурака валять», создавая видимость, что они что-то делают, четвертые – из научных авантюристов и проходимцев – принялись с азартом за «массовое производство» бумажных проектов «налаживания хозяй-

² *Schmoller*. Die Einkommensverteilung alter und neuer Zeit. – Bull. der Inst. Intern. de statist. T. IX, I. № 17.

ства» и «поднятия производительности труда», один нелепее другого, один дороже другого, и процветали, вырывая из тощей казны государства в свою пользу солидные куши, кредиты и пайки... Действительность 1920 и 1921 гг. подвела итоги этому «рационализированию» и «налаживанию» хозяйства в виде разрушенного транспорта, остановившихся фабрик и заводов, разрушающихся городов, падения сельского хозяйства и 30 миллионов вымирающих от голода людей.

Раз вынута была из поведения людей живая и непрерывно действующая пружина, стимулирующая к напряженной хозяйственной деятельности, пружина, называемая «личным интересом», «хозяйственной автономностью и ответственностью лица», все другие искусственные стимулы (агитация, апеллирующая к социальным мотивам людей, «субботники», занесение на красную доску, ордена, похвалы в газетах и т. д.) заменить ее не могли и не могут. Их роль совершенно никчемна и ничтожна. Более реальна роль прямого принуждения (трудовой повинности и т. д.), но ниже мы увидим, что и она не способна дать сотую часть того положительного эффекта, который дает стимул «личного интереса». Что же касается всевозможных «ученых» и, вернее, псевдоученых комиссий по «тейлоризации» и «научной организации труда», пышно распустившихся за эти годы у нас, то они в наших условиях напоминают мне общество тонких гастрономов, с серьезным видом обсуждающих меню исключительно изысканного обеда... при отсутствии простого куска хлеба. Здесь просто или «дурака валяют», или под этим предлогом пополняют свой бюджет «Чичиковы от науки». И только. Наш эксперимент поучителен, хотя он не первый и не последний в истории. Изучение предыдущих исторических опытов такого рода показывает, что все попытки проведения резкой уравнительности приводили к обеднению и падению хозяйства. Исключением являются только те «общества равных» (например, спартиатов, липарцев или афинян, частью римлян, таборитов и т. д.), которые могли эксплуатировать – обычно военным путем – другие общества или целые сонмы рабов и крепостных, заставляя их кормить себя. В такой «акционерной компании паразитов», которые сами не сеют, не жнут, а только собирают в житницы, возможна некоторая уравнительность (грабителей, поровну делящих добычу), такие общества могут существовать довольно долго, не вымирая, но потому только, что они грабят других и делят добычу, и до тех пор только, пока могут грабить. Кончается грабеж – кончается и экономическое благоденствие таких обществ, они беднеют и... начинают вымирать.

Нет надобности говорить, что нам сейчас некого грабить, если под словом «нам» разуметь все население России, а не какую-нибудь маленькую группу в пределах этого населения. А потому этот путь также исключен для нас. После трехлетнего опыта «уравнения» власть, наконец, вспомнила про все эти трюизмы и порвала с принципом уравнительного распределения. «Новая экономическая политика» представляет резкое проявление этого разрыва. Нужно ли

говорить, что эта перемена курса представляет правильный шаг, хотя и весьма запоздалый. Без этого разрыва с уравнительностью распределения, без включения в поведение людей выключенного раньше «бессознательно-гениального» и ничем не заменимого стимула «личного интереса» поднятие и усиление производства совершенно невозможны, следовательно, невозможно и приостановление процесса вымирания.

Признавая вполне правильным этот переход к «новой экономической политике», я должен, однако, отметить, что он делается недостаточно решительно и не всегда проводится так, как следовало бы проводить. Примером такой нерешительности служит отсутствие до сих пор ясного и категорического признания права собственности. Для иностранцев оно, по крайней мере, в нотах Комиссариата иностранных дел признано, для граждан РСФСР такое признание пока не имеется. Имеются лишь его суррогаты. Практика же, особенно в провинции, не всегда выполняет и те декреты, которые пытаются узаконить суррогаты собственности.

Примером не вполне удачного проведения «новых начал» может служить система взимания продналога. Вместо точно определенной нормы его под давлением необходимости власть принуждена была взимать продналог два-три раза по принципу «чем больше удастся выкачать – тем лучше». Нужно ли говорить, что явления такой нерешительности и непоследовательности самым серьезным образом ущемляют стимул «личного интереса» и его положительных эффектов. Последний может быть действенным только при условии уверенности лица в прочности своих прав на результаты своей хозяйственной активности. Отсутствие права собственности, нарушения его суррогатов, указанная практика взимания продналога и т. д. – все это уверенность делает невозможной, а потому сильнейшим образом мешает и росту производительных сил страны. Именно в этих условиях лежит одна из причин нездорового оживления хозяйственной деятельности нашего времени, сплошь сводящейся к спекулятивной ажитации. «Личный интерес», лишенный прочной гарантии, проявляется не в формах здоровой хозяйственной деятельности, требующей часть затрат, плоды которых будут лишь через ряд лет, а в формах чистого хищничества, стремящегося в течение пары дней урвать что можно или использовать без риска то, что осталось еще от прежних лет (аренды мельниц и др. предприятий, без риска позволяющих выжать из них кое-что ценой окончательного их разрушения). Для возрождения здоровой хозяйственной деятельности необходимо снять эти тормоза. Необходимо предоставить максимально широкий простор «личному интересу». Говоря так, я, однако, должен оговориться. Если уравнительное распределение я считаю условием, удушающим развитие производительных сил и ведущим к обнищанию, то из этого не следует, что я в обычных условиях самым спасительным считаю максимальное имущественное неравенство, ведущее к безмерной роско-

ши, с одной стороны, и к нищете – с другой. Такого рода абсолютная свобода «личного интереса» имеет свою оборотную сторону: она толкает нищие массы на разгром существующего порядка, усиливает в них тенденцию уравнительности, вызывает «прямое действие», направленное на эти цели, и в конечном итоге порождает преступления, волнения, бунты, революции, ведущие к тому же разгрому производительных сил страны. Вот почему в обычных условиях самым спасительным путем является свобода «личного интереса», но в определенных границах, имущественная дифференциация, но до известной меры. Обе крайности – резкая уравнительность и безмерное имущественное неравенство – ведут к печальным результатам.

В наших условиях это обстоятельство также следует учитывать. Но у нас «личный интерес» пока не только далек от этой своей гипертрофии, а далек еще от той минимальной свободы, при которой он только и может быть действенным. Далее, обнищание страны зашло так далеко, что лучше перегнуть палку в сторону гипертрофии свободы «хозяйственной автономии», чем в сторону уравнительности. Эти обстоятельства делают вполне понятным основное требование момента: шире дорогу личному интересу! Прочь тормоза, мешающие полному проявлению его экономических эффектов! Таково первое условие, необходимое для поднятия производительных сил страны.

§ 3

Вторым основным условием достижения той же задачи является сокращение до возможного минимума «экономических функций» государства. За последний год объем последних в РСФСР сократился; государство отказалось от многих форм вмешательства, опеки и регулировки ряда отношений в области производства, обмена и распределения. И все же имеющийся объем его «экономических функций» непомерно велик и широк. Мотивом, заставляющим меня выставлять такое положение, служит прочное убеждение, что «государственно-принудительное» или «государственно-капиталистическое» хозяйство, особенно в наших условиях, есть наихудшая форма хозяйства, как с точки зрения развития производительных сил страны, так и с точки зрения интересов трудовых масс и их эксплуатации. Я знаю, что это положение для многих звучит парадоксально, особенно в наше время – время веры в спасительную роль огосударствления всего и вся. Постараюсь кратко объяснить корни этого «парадокса».

Первым основанием его служат «опыты» истории. Правда, они ставились не экспериментатором, а жизнью. От этого, однако, они не теряют своего научного и практического значения. Вопреки распространенному мнению, что «огосударствленное хозяйство» (т. е. хозяйство, где государственная власть цен-

трализованно заведует функциями производства, обмена и распределения и регулирует их в широчайшей степени), что такое общество и хозяйство есть явление нового времени, я утверждаю, что такая форма общества и общественного хозяйства – явление старое, более старое, чем «анархически-капиталистическое» общество, построенное на принципе автономного, децентрализованного регулирования экономических отношений самим населением. В истории мы находим множество примеров такого общества, то в большей, то в меньшей степени приближающихся к предельному типу «огосударственного общества». Такой тип общества мы находим у ряда так называемых варварских народов: ашантиев, дагомейцев и особенно перуанцев в государстве Инков³. Такой тип общества и общественного хозяйства мы находим сильно выраженным в древних деспотиях Востока: в древнем Египте, в Ассирио-Вавилонии и Персии, еще резче он дан в античных греческих государствах: в Спарте, в Афинах, в Липаре и др.; то же приходится сказать и о Древнем Риме, особенно III–V вв. по Р. Х., Византии и большинстве средневековых общин, особенно Итальянских республиках средневековья в начале Нового времени, таковы известные государства таборитов и иезуитов. Резким образом приближались к этому типу в отдельные эпохи и ряд государств нового времени: Пруссия во время Фридриха II, Австрия – в период Иосифа II, Россия – при Алексее Михайловиче и особенно при Петре I (вообще время «административной монархии и просвещенного абсолютизма» есть время сильнейшей деформации строения общества и народного хозяйства в сторону «огосударствления»), Франция – при Людовиках XIV–XVI и особенно в период революции и Наполеона⁴.

Наше время, начиная с 1914 г., – только один из многих случаев деформации строения общества в сторону «огосударственного типа». Только полное невежество позволяет многим думать, что «огосударствление» есть абсолютно новейшее явление, не имевшее места в истории. Раз дело обстоит так, то вполне законным является вопрос: а как отражалось такое непомерное расширение экономических функций государства на хозяйственном развитии и процветании соответственных обществ? Вызывало ли оно расцвет их производительных сил или упадок? Рост обеспеченности масс или их обнищание? Развитие их свободы или рабства? Уменьшало ли эксплуатацию масс или усиливало?

³ См. краткое описание их в моей статье «Влияние войны на состав, свойства населения и общественную организацию» (Экономист. 1922, № 1), «Война и милитаризация общества» (Артельное дело. 1922, № 1–4). См. также: *Спенсер*. Основания социологии. Т. II. Гл. о военных и промышленных обществах.

⁴ См. краткие характеристики этих обществ в указанных моих статьях и в ст. «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества» (Экономист. № 2). Там же и главнейшая литература. Там же указаны и основные причины – война и голод, – ведущие к такой деформации. Подробное исследование этого вопроса мной дается в подготовляемой к печати особой монографии «Об огосударственном обществе, его сущности, причинах и следствиях».

Под влиянием нашего опыта я обратился к исследованию этих вопросов в прошлых опытах истории и пришел к указанному отрицательному отношению к расширенному объему экономических функций государства.

Как общее явление, строго проведенное огосударствление хозяйства вызывало не расцвет его и производительных сил общества, а напротив – ослабление, падение и обнищание страны. Особенно яркие примеры такого рода даны: античные государства Греции IV–III вв. до Р. Х., Римская империя III–V вв. по Р. Х., Византия и др. Верхушки общества могли жить здесь привольно, богато и пышно, зато низы – огромная масса народа – были нищими и вымирали. Как общество, где производство превышалось потреблением, они нищали и гибли. Мнимым исключением отсюда являются ряд таких огосударственных обществ, живших довольно долго и как будто процветавших экономически. Но при ближайшем рассмотрении вопроса оказывается, что такое «процветание» (и то на верхушках) и сравнительная долговечность были основаны или на «зыбучем песке» военных удач: военного захвата, эксплуатации и грабежа завоеванных стран (Восточные деспотии, Афины, Спарта – периода их гегемонии, Рим – республиканский период и в I–II вв. по Р. Х., государство инков, таборитов, ряд средневековых государств, Пруссия и Австрия времен Фридриха и Иосифа, Франция Наполеона и т. д.), или куплены были ценой бесчеловечного закрепощения, рабства и эксплуатации широких трудовых слоев народа, обреченных на бесправие, нищету, голод и смерть (Римское и Греческие хозяйства эпохи расцвета, построенные на рабстве, государства инков и иезуитов, Россия Петра и его ближайших преемников и т. д.). Благополучие таких обществ, построенное на военном грабеже, длилось ровно столько, сколь долго продолжались военные удачи и все новые и новые завоевания, дававшие золото, драгоценности, скот, хлеб, рабов или «рабочий скот» и др. богатства. Кончались военные удачи, отпадала возможность новых и новых завоеваний – рушились и «глиняные ноги» такого хозяйства, оно падало, страна нищала. То же, *mutatis mutandis*^{2*}, применимо и к «огосударственным» обществам, державшимся на эксплуатации и рабстве масс. По самой своей сущности их процветание было в большинстве случаев мнимым. На поверхности их были дворцы Растрелли, шедевры искусства, пышность, утонченные чувства, прекрасно одетые господа, а внизу под ними – вымирающий от голода и податей народ, дикость и невежество и... примитивные способы ведения хозяйства. Все это могло держаться до поры до времени – до первого серьезного экзамена истории в виде ли войны или революции. С наступлением его вся пышность и внешний блеск проваливались, и на их месте появлялось подлинное лицо такого общества: анархия, дикость, бедность, голод, зверства и гибель «культуры». Не будь этих внешних источников богатства – военного грабежа и бесчеловечной эксплуатации, – не было бы даже и этого пышного фасада таких мнимо процветающих огосударственных обществ.

Таков вкратце вывод, получаемый из изучения многочисленных опытов «огосударственного» общества, и таково объяснение мнимых исключений из этого правила. Наш (да и современный западноевропейский) опыт огосударствления только лишней раз подтвердил это общее правило. Все, что государство национализировало у нас, все, к чему оно прикасалось вплотную, сразу же замирало и умирало или начинало агонизировать.

Словно все виды производства опрыскивались сказочной «мертвой водой». Национализировали промышленные предприятия – деятельность их стала агонистичной, во многих случаях прекратилась. Национализировали жилища – дома стали разваливаться. Взялись за национализацию торговли – все исчезло с рынка, не исключая и государственных лавок: они были пусты. Занялись основательно государственным налаживанием сельского хозяйства – посевы сократились, скот уменьшился, инвентарь пришел в негодность, совхозы и колхозы не только ничего не давали государству, но даже не окупали себя и требовали государственной субсидии. Принялись за организацию «планового, рационально-поставленного государственного хозяйства» – и наступила такая анархия, по сравнению с которой анархия капиталистического общества прямо рай.

Такое следствие нашего огосударствления не случайность, объясняемая неумелостью и неопытностью организаторов. Последняя, конечно, имела кое-какое значение, но чисто второстепенное. Источник этих следствий глубже – в самом характере «огосударственного» хозяйства и общества. Таково первое основание моего парадокса, опирающееся на опыт истории и наш собственный эксперимент.

Второе основание дает прямое наблюдение за частными и государственными предприятиями в государствах Запада хотя бы за последние четыре-пять десятилетий. Стоит поставить вопрос: в которых из них дело было поставлено хуже, более архаически, технически отстало? Ответ будет гласить: несомненно, в государственных предприятиях. Технические и хозяйственные усовершенствования совершались не через последние, а через частнокапиталистические предприятия. Но, может быть, в государственных предприятиях массе рабочих и служащих жилось лучше? Может быть, лучше и выше оплачивался их труд и короче был рабочий день? Увы! Нет, как общее правило. Но, может быть, производительность труда здесь была выше? Ведь здесь работали и работают не на частное лицо, а на пользу общества? Увы! Кому же неизвестно, что производительность труда и напряженность работы государственных чиновников, служащих и даже рабочих гораздо ниже, чем служащих и рабочих на частных предприятиях. И Ллойд-Джордж в одной из своих речей в 1919 г., отвечая на требование национализации шахт, мотивированное, в частности, соображениями о подъеме производительности работы шахтеров при национализации, весьма иронически и убедительно отпарировал этот довод простой ссылкой на производительность

труда государственных предприятий: она оказалась значительно меньшей, чем в негосударственной промышленности. Про наш опыт я уже не говорю. И с точки зрения продуктивности труда, и с точки зрения вознаграждения за труд, и с точки зрения эксплуатации рабочих слоев и крестьянства, работающих в государственных предприятиях и на государство, положение их было и остается печальным во всех отношениях. Производительность труда – ничтожная. Вознаграждение – кроме верхушек «спецов» – обрекающее на довольно быструю голодную смерть. Эксплуатация – жестокая и часто бессмысленная. Недаром же, кто мог, и раньше «врозь разбрелись». Недаром же и теперь, кто может, переходит в частные предприятия.

Таков второй аргумент в пользу моего парадокса. Этих указаний на опыты истории и результаты прямого наблюдения, пожалуй, достаточно, чтобы парадокс потерял свою парадоксальность.

Достаточно потому, что мои доводы состоят не в рассуждениях, а в указании на факты. Если в лаборатории производится ряд опытов и все опыты дают результат, противоположный ожидавшемуся, то не обязан ли экспериментатор заключить отсюда, что его предположение было ошибочным, а правильным является противоположное? То же относится и к опытам жизни. Они заставляют определенно признать указанное деградирующее влияние огосударствления.

Констатируя последнее, нетрудно понять, почему оно неизбежно при огосударствлении.

Во-первых, потому, что и здесь оказывается в значительной мере вынуженным из оборота бессознательно гениальный стимул «личного интереса» и «личной ответственности». За лень, непредусмотрительность, неумение чиновник не несет личного риска. Его жалование ему обеспечено. Его обычная рядовая напряженность наград и премий не дает. Стало быть, излишне ему выбиваться из сил. Гораздо лучше «тихо и плавно качаться» в «куртульном кресле», подписывать входящие и исходящие и ждать – с ходом лет службы – автоматического передвижения по «табели рангов» или протекции «родного или знакомого человека». Такое поведение не может не отражаться на всей работе государственных учреждений. Мудрено ли поэтому, что слова «чиновник» и «бездеятельный человек», формально относящийся к делу, стали синонимами. Наряду с отсутствием стимула «личного интереса» здесь отсутствует и второй кнут развития производительных сил – конкуренция. В то время, как частные предприятия волей-неволей должны напрягать все усилия, чтобы победить шкурников – иначе они будут выброшены за борт, государственное хозяйство, огражденное китайской стеной монополий, может «дрыхнуть» сколько ему угодно, вплоть до полного развала. Немудрено, что оно оказывается всегда архаическим, отсталым, негибким и консервативным в худом смысле этого слова. Оно поистине напоминает собаку на сене, которая и сама его не ест, и другим не дает.

Во-вторых. Известно, что чем сложнее машина, тем лучше должны быть пригнаны ее части. Малейшая неточность, не гибельная для простой машины, здесь портит все дело и вызывает негодность всего аппарата. Когда государство пытается забрать в свои руки все дело регулирования хозяйством и руководить им из центра, по единому государственному плану, то положительный результат управления таким сложнейшим механизмом, как народное хозяйство, может получиться только при условии «пригнанности» всех его частей, при условии предусмотрения бесконечного числа обстоятельств, вплоть до самых детальных. Стоит упустить из виду одно условие – иногда совершенно ничтожное, – и весь план летит к черту. Может быть, в Америке сейчас и возможна такая гениальная предусмотрительность. Но, чтобы это возможно было у нас, где, садясь на поезд из Павловска в Питер, не знаешь, проедешь ли ты час или 10 часов, где, купив у мужика дрова, дав задаток и обещав ему всяких благ, не знаешь, привезет он их или нет, извините, не поверю. Сиди в ВСНХ, в Совете Труда и Обороне и в Госплане гении из гениев, и те были бы бессильны все предусмотреть и предвидеть. А так как у нас там сидят едва ли гении, то и выходит, что чем лучше выработан план, тем более несуразным он оказывается на деле, чем решительнее нас уверяют в том, что пойдет гладко, тем более катастрофичной оказывается досадная «заминка». Недаром же обыватель острит, что ВСНХ так хорошо все знает, что не в состоянии даже сказать, сколько у него служащих. Правда, работа кипит, бумаги входят и выходят целыми ниагарскими водопадами, но... воз застрял и топчется на месте по пословице: «Хвост вытащит, нос увязнет», и обратно.

В-третьих, бюрократизм и бесконечная казенная волокита – неизбежный атрибут «огосударвленного» хозяйства. О роли их так много писалось, написано и столь отчаянно кричат о ней и сами руководящие органы государственного хозяйства, что мне можно на этом не останавливаться. Поистине, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко и грешнику через все мытарства ада, чем деловому человеку без нарушения законов и обхода их что-либо сделать через ВСНХ или «Госплан». Кому нужны факты и примеры того отсылаю к книге П. Маслова «Мировая социальная проблема». Там читатель найдет их. Выгоднее и легче достать 10 фунтов гвоздей, съездив за ними специально за границу, чем получить их – не нарушая норм права – через хозяйственные органы государства.

В-четвертых, огосударствление хозяйства неизбежно ведет к нездоровому разбуханию чиновнически-бюрократического слоя за счет действительно производительных классов общества. «В маленькой Австрии при социалистическом правительстве чиновников так много, что каждый шестой житель – чиновник. Если же прибавить сюда солдат, жандармерию и служащих по местному самоуправлению, то картина будет еще более удручающая»⁵. У нас в Москве по переписи 1920 г. из 1 млн жителей «советских служащих 231 тыс., не считая членов

⁵ Боголепов. Европа после войны, с. 67.

их семейств. С членами же они составляют около половины жителей, а из второй значительная часть специально обслуживает первую»⁶.

Сходное мы имеем и по всей России. То же было и в других огосударствленных обществах, например, в Риме III–IV вв.

Легко понять, какие следствия вытекают отсюда для народного хозяйства. Процент действительно производительных слоев оказывается весьма малым, а потому... продукция страны не может не падать. Не приходится удивляться тому, что здоровые страны очень чутко реагируют на всякое значительное увеличение числа чиновников, как на «чуму бюрократизма»⁷. Эта «чума» – неотъемлемое свойство огосударственного хозяйства.

В-пятых. Частно-капиталистическое хозяйство с его принципом личной ответственности и личного интереса представляет тонкий механизм, сравнительно хорошо производящий отбор талантливых организаторов от бездарных. Разорение и расстройство предприятия – вот тот Дамоклов меч, который непрерывно вышвыривает за борт неудачных хозяев и предпринимателей. Здесь ни «табель о рангах», ни многолетнее полирование казенного стула, ни протекции тетюшек, бабушек и собутыльников не помогают и не спасают бездарных хозяев. В итоге, удержаться, пройти на верхи хозяйственной деятельности, как общее правило, могут только действительно талантливые организаторы. Совершенно иную картину дает государственное хозяйство. Здесь этого селекционного аппарата нет. Иван Иванович, тупица и бездарь, здесь может годы занимать высокий пост, ничего не понимая в нем, потому что он хорош с Х-ом, потому что у него есть «рука». Дело идет плохо? Получились убытки? Ничего, казна все покроет. Казенный карман неисчерпаем. Вот почему в общем и целом руководителями государственного хозяйства оказывались далеко не лучшие организаторы, далеко не «таланты». Нет надобности говорить, что и это условие не может не отражаться на хозяйственном развитии и процветании страны.

В-шестых. Обычной чертой «огосударственной» экономики служит беспримерное хищничество, взяточничество, мошенничество и прочие «хорошие спутники». Бешеный разлив спекуляции, мошенничества, взяточничества и т. п. в наше время не есть специфическая черта нашего режима, а неизменное свойство всех «огосударственных» обществ. Разъедающая и тормозящая роль таких явлений не требует пояснений.

В-седьмых... Впрочем, нужно ли проводить эти «в-седьмых», «в-восьмых» и т. д., которых можно привести в большом количестве. Не достаточно ли приведенного, чтобы понять, почему «огосударственное» хозяйство есть низшая

⁶ Б. Ларин. Веселая арифметика (Красная газета. 1921, 22 января).

⁷ Конгресс С.А.С. Штатов, где за время войны число чиновников также увеличилось, уже в январе 1921 г. сразу прекратил выдачу жалования 11 000 чиновникам (Боголепов. Там же, с. 67).

форма организации производительных сил страны, почему оно неизбежно ведет к деградации последних, почему все опыты его установления давали и дают отрицательные эффекты.

После неудачного опыта это, по-видимому, было понято и у нас. Новая экономическая политика означает сужение экономических функций государства и в этом смысле является опять-таки правильным шагом, продиктованным крайней степенью обнищания.

Но опять и здесь она не проводится достаточно решительно. Мало того, проведение его приняло и принимает формы, внушающие серьезную тревогу и за развитие производительных сил, и за судьбы народа.

Допущены концессии, аренда и др. суррогаты собственности, но – последняя до сих пор не декретирована. К чему такая скромность и ложный стыд? Цена их всем известна, а минусов от этого более чем достаточно. И они весьма серьезны. Такой «скромностью» государство направляет частный интерес в русло хищнически-спекулятивного растаскивания остатков средств и орудий производства страны и «разбазаривает» без всякой пользы для себя и страны последние крохи наших богатств. В арендованные в таких условиях предприятия капитал – сколько-нибудь значительный – не вкладывается, а просто из них выжимаются остатки того, что они могут дать при чисто хищнической эксплуатации («снимают жир»). Ничего не налаживается таким путем, а только доламываются и обесцениваются остатки. Спекулянт наживается, а страна проигрывает. Нельзя же считать серьезной выгодой те крохи, которые он по договору обязуется уделывать в пользу государства.

Второе. Наивная вера в спасительность «огосударственной» крупной промышленности привела на почве отступления к созданию так называемых «трестов». Слово громкое, но решительно не соответствующее сути дела. Правильнее их называть государственными богадельнями особого типа, дающими засевшим в трест лицам права и привилегии предпринимателей и великодушно избавляющими их от всякого риска и экономической ответственности. В целях сохранения иллюзии «государственной крупной промышленности» создали самые бесполезные, самые вредные, самые хищнические капиталистические институты – убежище для авантюристов и бездарностей, настоящие лениво-паразитарные организмы. По уставу ряда трестов – большинства – большая часть их капитала составляется из вкладов государства. Правлению предоставляется автономия. Но риска трест не несет: возможные убытки – а они будут неизбежными – покрывает то же государство. Недурно! Идеальная синекура. Но что от этого выигрывает само государство и страна? Решительно ничего, кроме фикции – пустого слова «государственный трест». Несравненно выгоднее и для того, и для другого настоящий капиталистический трест. Прежде всего он, конечно, будет живее и производительнее, а не будет трестом на бумаге. Главное же, здесь государство

и народ не обязаны покрывать результаты неудачного хозяйничанья и больших appetитов новоявленных «государственных капиталистов». С этой точки зрения я вполне солидарен с возмущением г. Ларина. Но отсюда надо делать вывод не о необходимости возврата к настоящему «огосударствлению», а противоположный – о необходимости немедленного перехода от этих «монстров», от этой чудовищной помеси «огосударствления» и «капитализма» к настоящему, здоровому, чистокровному капитализму. Я знаю, что при отсутствии исключительных обстоятельств этот переход будет сделан. Его придется сделать. Но было бы слишком дорогим удовольствием, если бы на этой стадии «монстров» мы задержались длительно. Право же, страна уже достаточно разорена, чтобы на ее плечи сажать еще новый вид народных паразитов в угоду фикциям и неудачливым проектам по части «государственной организации труда и промышленности».

Если действительно мы хотим поднять и возродить хозяйство, мы должны ограничить и сузить до максимума объем экономических функций государства, свести его, по крайней мере, до тех пределов, которые имелись в недавнем прошлом. «Или-или» – такова дилемма. Или сократим их – тогда возможно поднятие производительных сил страны; или оставим их в существующем объеме – тогда надо мириться с продолжением хозяйственного развала и с вымиранием. Третьего выхода не дано... Нелишне прибавить к сказанному и то соображение, что разгрузка государства от несвойственных ему функций позволила бы последнему лучше выполнять его прямые обязанности. Кто берется за все и вся, тот неизбежно плохо делает все, за что он хватается. Нельзя объять необъятного. Государство, взявшее на себя руководство хозяйством, не может уделять полного внимания на охрану внутреннего порядка, на суд, на ряд культурных функций и т. д., с одной стороны, и на те экономические функции (железные дороги, финансы), которые были и могут оставаться в его руках, с другой. Ограничение существующего объема его экономической деятельности требуется и с этой стороны. Вывод из сказанного ясен: в целях поднятия хозяйства страны необходимо сокращение «хозяйственной деятельности» государства до максимальных пределов, близких к пределам до войны. Всевозможные «государственные тресты» (кроме немногих) должны быть распущены, «Внешторги», «Госпланы» и «Совнархозы», как источники хозяйственной анархии, спекуляции, взяточничества и хищничества, как тормоза к развитию производства и как бесплодные, но дорого стоящие государству статьи расхода, должны быть распущены целиком или же сокращены в десять-двадцать раз и в составе, и в функциях. От этого не только не произойдет никакого ущерба, но будет одна выгода во всех отношениях. Максимум простора должен быть предоставлен частной и свободно кооперативной хозяйственной деятельности.

Таково второе основное условие, без которого невозможно поднятие производительных сил страны и возрождение хозяйства.

§ 4

Третьим основным условием достижения этой цели служит введение надлежащего правового порядка в широком смысле этого слова и тех предпосылок, без коих он немислим и невозможен. Совокупность всех правовых норм, действующих в данном обществе, с объективной точки зрения является системой стимулов, которые могут либо тормозить, либо содействовать напряженной и продуктивной производительной деятельности населения. Если, например, право общества таково, что оно предписывает гражданам отдавать 95% их продукции государству, то, очевидно, этот стимул будет великолепным тормозом всякой напряженной деятельности хозяйственно «сильных» членов общества. Если, далее, правовые рефлексы (поступки и убеждения) населения таковы, что не тормозят актов захвата чужого достояния, одобряют его «экспроприацию», то такое правовое поведение мало способствует усиленной продукции и накоплению капитала в стране, ибо те элементы общества, которые это могли бы делать, при таких условиях эти функции не будут выполнять ввиду бесполезности их для них самих. То же применимо и к тысяче подобных случаев.

Всякая продуктивная экономическая деятельность возможна лишь в определенной правовой обстановке, при определенном правовом поведении как самого населения, так и органов власти. В обществе криминализованном, кишачем «преступлениями», как имущественными, так и личными, где нет спокойной уверенности в безопасности жизни, здоровья и других личных благ, с одной стороны, уверенности в том, что имущество и достояние не будет отнято первым встречным или властью – с другой, где система взаимоотношений граждан друг с другом или населения с властью покоится на принципах лжи, обмана, мошенничества, голого насилия, короче – шакализма, с потерей <...> в таком обществе о продуктивной и здоровой хозяйственной деятельности населения говорить не приходится. Она здесь так же невозможна, как невозможно цветение роз в климате полярных стран. Для хозяйственно негодных лиц такая «правовая» и социальная среда – отличный стимул, укрепляющий их «шакальное» поведение. В такой общественной «мутной воде» они отлично «ловят рыбу», прекрасно чувствуют себя и размножаются с быстротой бактерий, находящихся в подходящих условиях. Зато хозяйственно продуктивные элементы здесь неизбежно будут задыхаться и таять: и физически – в силу непосильной работы, ее бесплодности для них, неизбежной борьбы с «шакалами» при защите своего достояния и т. д. они будут гибнуть ускоренным темпом, и социально, ибо такие условия и их будут стимулировать в сторону такого же шакализма, трансформировать их поведение в направлении той же «легкой наживы», хищничества, обмана, насилия. В итоге продукция общества неизбежно сокращается и приводит его к бедности и вымиранию. И никакие искусственные стимулы вроде наказаний, вроде устрашений

и т. д. этого обнищания остановить не могут. Никакой механизм бесконечного контроля и опеки сверху не в состоянии обезвредить указанные эффекты такой «правовой» среды, не в состоянии заменить гениальный регулирующий аппарат здорового правового порядка.

За эти годы множество здоровых правовых рефлексов у населения России «развинтилось», ряд других не могут выполняться, ибо они тормозятся множеством нездоровых социальных и моральных условий. Пока такое состояние длится, не может быть никакой речи о действительном возрождении народного хозяйства. Все воззвания и лозунги, требующие усиленного хозяйственного труда населения, вся пропаганда необходимости бережливости, накопления, заботливого обращения с орудиями производства, все попытки привлечь необходимый нам сейчас до зарезу иностранный капитал – все это обречено на неудачу и ничего, кроме спекуляции, хищничества и шакализма, создать не может. Для действительного поднятия народного хозяйства и продукции страны необходимо коренное изменение существующих правовых условий. Оно должно быть осуществлено как властью, так и населением. Усилия обоих этих элементов должны быть соединены и слиты. «Новая экономическая политика» кладет начало такому установлению здорового правового порядка. Но опять-таки начало весьма и весьма робкое, совершенно недостаточное и паллиативное. Если на этом пункте она остановится и «больше уступок не будет», напрасны все мечты о возрождении народного хозяйства. Они останутся мечтами. И здесь перед нами та же дилемма. Дело пастырей народных выбирать исход. Наше дело – дело простых граждан – указать им, что, выбрав путь «больше уступок не будет», они не могут надеяться на достижение основной цели: приостановки вымирания населения России.

Было бы в высокой мере нежелательным, если бы для достижения этого правового условия возможности возрождения хозяйства стали необходимыми конвульсивные и спазматические социальные явления. Они столь дорого стоят, что много раз подряд такую «роскошь» не может позволить себе ни один народ; тем более не можем больше позволить его мы, находящиеся в крайней степени обнищания. Довольно. «Хорошенького помаленьку».

Эти здоровые правовые условия в развернутом виде общеизвестны. В существенном они сводятся к следующему.

1. К тому, чтобы граждане России чувствовали себя действительно гражданами, субъектами прав, участниками, членами единого общего коллектива, а не бесправными париями, не объектами прав, не материалом в руках народных пастырей. «Отнимите у людей их продукты или лучше заставьте их производить под угрозой, конфискуйте их труд, их время, их личность, доведите их до состояния феллахов, и вы получите только труд и продукт этого труда феллахов, т. е. минимум труда и продукта, т. е. производство, недостаточное для его прокормле-

ния. В итоге такой системы виднеется ее финальный результат – не недоедание, а голод, настоящий голод и вымирание народа миллионами... И здесь то же: *aut- aut*^{3*} ставит ультимативно история тем, от кого зависит этот выбор.

Если это вымирание мы хотим остановить, то этот принцип гражданственности необходимо принять и реализовать. Он отвечает за признание и проведение принципа личности и ее основных прав: гарантий неприкосновенности и так называемых свобод, начиная от свободы хозяйственной деятельности и кончая свободами слова, печати и т. д., с теми ограничениями, которые имеются в любом «буржуазном» государстве, не превращающимися, однако, эти права в щедринское: «Всем и каждому дозволяется ходить по тротуару. Примечание 1-ое: А ну-ка попробуй».

Этот принцип означает, далее, действительное, а не мнимое признание за населением его прав, как политических, так и личных и имущественных. Для этой цели требуется предоставление возможности реализовать ему эти права и уважение его воли, с одной стороны, с другой – изменение существующих правовых норм в виде издания надлежащих кодексов: гражданского, уголовного, процессуального и т. д., с третьей – организация независимого и нелицеприятного суда, с четвертой – оздоровление исполнительно-административного аппарата агентов власти.

2. Рядом с этими условиями, зависящими главным образом от власти, требуются соответственные – и громадные – усилия и со стороны самих граждан, направленные к той же цели. Они сводятся: к усилению до максимума производительного труда, к прекращению спекуляции и шакализма, к действительному уважению чужих прав, к неукоснительному исполнению своих личных и общественных прав и обязанностей, к взаимной доброжелательности, к честности и к соблюдению общественного мира. Таково вкратце третье условие, *sine qua non*^{4*} возрождения народного хозяйства и здоровой социальной жизни.

Не цели надоевшего мне до смерти «политиканства» или «подрывания устоев» заставляют меня напоминать эти трюизмы, а простой долг одного из членов безмерно страдающего русского народа. В интересах скорейшего облегчения этих страданий и в интересах мирной эволюции было бы желательным соединение усилий власти и граждан, направленное к совместной борьбе с постигшей нас катастрофой. Оно возможно объективно лишь при наличии указанных условий. Иначе... вымирание и новые социальные конвульсии, в равной мере, полагаю я, нежелательные ни для власти, ни для народа. Повторяю, такую «роскошь» мы не можем более позволить себе.

СОСТОЯНИЕ ПСИХОЛОГИИ В АМЕРИКЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ (1914–1918)

Задача данных строк – краткая характеристика состояния американской психологии в период 1914–1918 гг. Очерчиваемая картина рисуется на основании американского *The Psychological Review* за 1914–1918 гг. и некоторых указанных ниже монографий. Начну с ряда внешних черт, в значительной мере типичных для американцев. Первая черта – это *колоссальное развитие американской психологии вишьрь*. Об этом говорит, прежде всего, число специально психологических журналов в Соединенных Штатах – это число превышает 20. Причем в число этих двадцати журналов не входят «узкие» психологические периодические издания. Главнейшие из этих журналов таковы: 1) *American Journal of Psychology*; 2) *Pedagogical Seminary*; 3) *Psychological Review*; 4) *Psychological Bulletin*; 5) *Psychological Monographs*; 6) *Psychological Index*; 7) *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*; 8) *Archives of Psych.*; 9) *Journal of Abnormal Psych.*; 10) *Journ. of. Religions Psych.*; 11) *Journ. of Educational Psych.*; 12) *J. of Animal Behavior*; 13) *Psychoanalytic Review*; 14) *Journ. of Experimental Psych.*; 15) *The Behavior Monographs*; 16) *Journ. of Race Development* и т. д.

Вторая черта – это *коллективная массовая работа*. Историки американского развития отмечают, что Америка обязана своим успехом множеству мелких массовых изобретений: здесь изобретателем был и является чуть не каждый фермер или рабочий. Сходное мы видим и в науке, в частности в психологии. Над ее проблемами здесь работают сотни и тысячи людей; каждый работник вносит свою крупицу, из этих мелких, но массовых достижений образуются большие величины, которые вместе с крупными открытиями привели к тому, что Америка сейчас уже стала едва ли не первой страной и в этой области.

Рядом с этим «массовым производством» выступает третья черта, это – скоординированность работ отдельных работников, приводящая в ряде случаев к созданию настоящих «научных фабрик» с массой сотрудников, работающих над деталями и благодаря этому становящихся прекрасными специалистами; детальные изыскания объединяются в более общие положения, эти последние – в еще более общие, и в итоге создаются исследования, исчерпывающие проблему всесторонне.

Этому благоприятствует и *отличная осведомленность американцев*. Они зорко следят за всем, что делается в данной научной области в других странах. Беру для примера статью Лешли, подводящую итог работам о слюнных рефлексах. В ней из русских исследователей цитируются работы не только И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, но и работы Бабкина, Парфенова, Попельского, Зельгейма, Снарского, Зеленого, Жебровского, Цитовича, работавших в этой области, не говоря уже об иностранных ученых, работавших над рефлексамии данного рода. Такая осведомленность позволяет им вносить улучшения и усовершенствования в методы, установленные неамериканцами, экономить силы и быть всегда в курсе дела.

К этим чертам следует прибавить: 1) *прекрасное оборудование лабораторий*; 2) *американский размах в их устройстве*; 3) *американизм в методе работы, выступающий в любви к эксперименту*; 4) *материальную обеспеченность в устройстве опытов, в издании работ, в расходах для исследования* и т. п.

Все это, вместе взятое, создает условия столь благоприятные для научного прогресса, что нам, русским, особенно теперь, приходится только мечтать о них: реализовать их пока что мы не в состоянии.

Перехожу от внешних черт к характеристике внутреннего содержания американской психологии за эти годы.

Основными характерными чертами в этой области являются:

1. *Острая борьба субъективной психологии (структуральной и функциональной) с объективной бихевиористической, behaviorism).*

2. *Резкое размежевание их и переход behaviorism'a от защиты к нападению.*

3. *Количественный и качественный рост экспериментальной психологии.*

4. *Появление попыток, синтезирующих достижения behaviorism'a, пытающихся очертить науку о поведении как целостную и распространить методы behaviorism'a на ряд других дисциплин, например на социологию.*

Несмотря на свою сравнительно недолгую историю, объективизм в психологии не только утвердился, не только занял место, равноправное с субъективной психологией, но сейчас обнаруживает уже явную тенденцию вытеснить последнюю, оставив ей лишь небольшой уголок для поль- [...] ¹ заложено И.П. Павловым и В.М. Бехтеревым. Американцы перевели «русское растение» объективизма на свою почву, не скрывая заимствования, окрестили его именем behaviorism'a, поставили дело на широкую ногу и в течение немногих лет достигли немалых успехов. Сейчас здесь behaviorism, т. е. наука о поведении животных и человека, процветает. Утвердив без особого труда свое право на бытие, behaviorism теперь переходит в наступление и не без успеха завоевывает у субъективной психологии одну позицию за другой. Очень показателен в этом отношении ряд статей Weiss'a, Russel'a, Watson'a и др. в Psychological Review – статей, представля-

¹ Типографский брак.

ющих нападение на структуралистов и функционалистов. В этих статьях, как и в целом ряде специальных монографий (например: *Meyer. The Fundamental Law of Human Behavior*; *Bernard. The Transitions of an Objective Standard of Soc. Control*; *Watson. Behavior*; *Mad. Benthly*. Введение в науку о человеческом поведении и т. д.), behaviorism пункт за пунктом доказывает, что пути субъективной психологии неверны, что все ценное, что в ней есть, входит в behaviorism, остальное же научной ценности не имеет, что самые основные понятия субъективной психологии не могут быть определены, что ряд общих ее теорий ничего не объясняет и т. д. Я не могу здесь излагать ни спора этого по существу, ни аргументации behaviorist'ов. Скажу только, что в ряде статей (особенно в статьях Weiss'a) ей нельзя отказать ни в основательности, ни в убедительности. Если и есть кой-какие крайности, которые спорны, то общую позицию behaviorism'a в этом споре лично я могу только приветствовать.

Параллельно с этим спором шло и размежевание behaviorism'a от субъективной психологии. Сейчас это размежевание закончено. Behaviorist'ы издают ряд своих журналов, в свою очередь дифференцировавшись на: 1) исследователей поведения животных и 2) поведения людей.

Само собой разумеется, однако, что не в полемике центр тяжести работы объективистов. Полемика – следствие. Центр работы – в изучении поведения людей с чисто объективной точки зрения. Знакомство со статьями и монографиями дает ясное представление о множестве кропотливых попыток изучения ряда проблем поведения с этой точки зрения. Нетрудно понять, какие громадные трудности встанут на этом пути. Как, например, выразить в объективных терминах поведения такие явления, как мысль или цель, как свести к механизму рефлексов сложнейшие акты человека: акты правовые, нравственные, религиозные и др.? Behaviorist'ы, не скрывая громадной сложности и трудности дела, подобно муравьям, тем не менее атакуют подобные проблемы, ищут способов подхода к объективному изучению их, не упрощая проблем, не обольщая себя призрачными достижениями, но вместе с тем постоянно указывая, что легкие пути субъективной психологии бесплодны. Так, Weiss, Russel и др. создают очень интересную теорию «полной реакции» на стимул, состоящую в утверждении, что один и тот же стимул S вызывает не одну реакцию, например остановку, а ряд реакций, где наряду с главной реакцией, например актом остановки при ходьбе, даны дополнительные реакции, например речевой рефлекс «стоп» или субвокальный рефлекс, не выраженный словами. Russel и другие авторы анализируют механизмы целевых актов «приспособления к будущему» на основе бывшей серии актов A, B, C, D, E, F, совершавшихся в ответ на определенный стимул и потому благодаря прошлому опыту механически разрешающихся, как

только дан первый акт А этой серии. Watson и др. пытаются перевести на объективный язык явления мышления, рассматривая их, с одной стороны, как речевые и субвокальные рефлексы или как явления торможения рефлексов, с другой стороны, заменяя субъективную интерпретацию их объективной – учением о «протаривании путей» в нервной системе, наступающем в итоге воздействия того или иного стимула. Рядом с этим другие авторы подробно изучают механизм возникновения так называемых привычек, прививки и отбивки ряда условных рефлексов; третьи исследуют, какие рефлексy у человека наследственны, какие – «воспитаны» и т. д.

Я здесь только отрывочно перечисляю отдельные, без разбора выхваченные проблемы. Простое знакомство с одним «Психологическим обозрением» дает картину более богатую, рисующую энергичную и кипучую работу behaviorism'a.

Параллельно с этой работой над отдельными проблемами идет работа и в области построения целостной и единой науки о поведении людей. Такую попытку делает ряд лиц. Среди них укажу на попытку Watson'a. Психология, по его определению, это наука о поведении. Поведение – совокупность актов. Элемент поведения – акт. Акт – это результат, равнодействующая стимула и реакции на него организма. Ближайшие задачи науки о поведении – исследование связей между стимулами и реакцией, классификация тех и других, разложение человеческого поведения на элементарные акты и т. д. Далее Watson дает классификацию стимулов и реакций, очерчивает методы этой дисциплины, ее основные разветвления и т. д. Попытки в том же роде делаются Mad. Benthley, Meyer'ом, Bernard'ом и др. Позиция большинства из них весьма решительна и далека от «соглашательства». Они резко критикуют даже такие работы, по существу стоящие на почве behaviorism'a, как «Psychology: a study of behavior» Мак-Даугалла, как «The original Nature of Man» Thorndik'a и др.

Наконец, как и всякое энергичное течение, behaviorism делает попытку приложить свои методы в области других наук, в частности в области социологии. Здесь мы уже и раньше имели работу американца Артура Бентли, подвергнувшего резкой критике психологизм в социологии. Теперь выступает в ряду других Kenagy, подвергающий жесточайшему разгрому всю теорию «социальных сил» в социологии. Kenagy доказывает, что обычные приемы социологов в этой области решительно негодны. Ни ощущения и представления, ни чувства и эмоции, ни идеи и верования, т. е. ряд «факторов», которые социологи принимали за социальные силы, которыми объясняли ряд социальных процессов, социальными силами ни с феноменологической, ни с методологической точки зрения быть не могут, что орудование с ними – рафинированный анимизм первобытных верований, что подобные приемы должны быть решительно оставлены в социологии и заменены изучением стимулов и совокупности нервных корелляций. Таковы схематические мазки, рисующие положение behaviorism'a за эти годы.

Прибавлю к ним еще ряд черт, более резко выделяющих *эмпирически-экспериментальный уклон американских психологов*. Не только в среде behaviorist'ов, но и не behaviorist'о-психологов, орудующих методами субъективной психологии, *замечается особенная любовь к эксперименту*. Нужно выяснить: какие изменения в области переживаний наступают в итоге голодания, жажды, задержания мочи, кала, рвоты и т. д. – и психологи, не смущаясь, проделывают их на себе, будучи в то же время объектами наблюдения других специалистов. Так, например, проф. Marsh и его жена голодают «ради науки» три недели, 12 психологов проделывают над собой другие перечисленные выше опыты. Нужно выяснить связь между степенью одаренности и социальным классом – и исследуются по измененному методу Бинэ сотни и тысячи детей разных классов, собранный материал математически обрабатывается, вычерчиваются кривые, дается коэффициент корреляции, и вы получаете цифровое выражение этой связи. Нужно определить «механизм выбора» у детей – и исследователь делает опыты со своим ребенком и т. д.

И все это делается не в одной, не в двух, а в сотне и тысяче лабораторий, кабинетов и институтов. Научная мысль бьет ключом, живет здоровой жизнью, опираясь на массу исследователей, не стесняемая ни бедностью, ни политическими суевериями. Мудрено ли поэтому, что и в этой области Америка из ученика Европы теперь стала если и не учителем ее, то, во всяком случае, – равным с ней. При «фабричном же производстве науки», в масштабах, превосходящих далеко масштабы Европы, Америка имеет все данные стать гегемоном и в области психологии, и науки о человеке вообще.

В этих строках я дал только внешнюю характеристику состояния американской психологии, не передавая по существу содержания статей и работ. Но эта последняя задача не входила в рамки данной заметки. За подробным знакомством я отсылаю к журналам и упомянутым монографиям. Знакомство с ними будет полезно и субъективистам, и объективистам.

<Рец. на кн.:>

**А.А. ЖИЖИЛЕНКО. ПРЕСТУПНОСТЬ
И ЕЕ ФАКТОРЫ**

СПб., 1922. 66 с.

Прекрасная книжка А.А. Жижиленко в простой, интересной и в то же время научно содержательной форме трактует один из кардинальных вопросов уголовной социологии, имеющих сейчас особенно громадное практическое значение (ввиду колоссального роста преступности в России за последние годы).

Первая вводная глава ее посвящена понятию преступления, следующие главы – рассмотрению форм преступности, классификации ее факторов и характеристике влияния каждого фактора. Как почти все серьезные исследователи этого вопроса, А.А. Жижиленко – плюралист. Он не считает возможным свести факторы преступности к какому-либо одному условию. Деля их на три основные группы, на факторы космические (температура, климат), индивидуальные (особенности биологической конституции индивида, пол, раса, возраст) и социальные (семейное положение, образование, профессия, местожительство, алкоголизм, проституция, нищенство, бродяжество, суеверия, азартные игры, цивилизация, религия, законодательство, печать, школа, зрелища и факторы экономические), он дает краткую характеристику влияния каждого из этих условий и в популярной форме резюмирует результаты, добытые исследователями этих вопросов.

Для приступающих к изучению проблемы факторов преступности книга будет отличным введением и руководством, которое даст им верное представление о состоянии этого вопроса в науке. Для специалистов она также не бесполезна как дельное резюме и хорошая сводка главнейших результатов, добытых криминалистами. Для специалистов она также ценна – и сама по себе, и как лишнее доказательство правильности «плюрализма» при объяснении любой области социальных явлений.

<Рец. на кн.:>

**Е.В. ТАРЛЕ. ПЕЧАТЬ ПРИ НАПОЛЕОНЕ.
ПО НЕИЗДАННЫМ МАТЕРИАЛАМ**

Петроград: Изд. «Былое», 1922. 56 с.

Новая работа Е.В. Тарле в высокой степени ценна и интересна как для специалистов, так и читающей публики. Она знакомит нас – по первоисточникам, и большей частью неизданным, – знакомит едва ли не полнее, точнее и адекватнее, чем все другие работы по тому же вопросу, с положением печати при Наполеоне. В первой главе ее характеризуются воззрения Наполеона на печать, во второй – законодательство Наполеона по делам печати, в третьей – быт и нравы печати в его время, газеты и журналисты, в четвертой – авторы и книги.

Ярко, основательно и мастерски обрисовал в своей книге автор положение печати при Наполеоне. «В огромной империи и в зависимой Европе (в итоге политики Наполеона) водворилась гробовая тишина. В газетах писали о чем угодно, кроме того, что всех интересовало. Можно было терпеть и молчать – вне империи, терпеть и славословить – в империи, ибо Наполеон далеко не всегда позволял молчать», – таково краткое резюме положения дела. На протяжении 56 стр. это резюме наполнено фактами, одевающими эту схему плотью и кровью. Перед читателем развертывается детальная картина способов и мер подавления Наполеоном независимой мысли, издевательства над нею, бесцеремонного использования печати исключительно в качестве орудия проведения своих личных целей, полной опеки и регулировки духовной жизни общества в желательном направлении и т. д.

Книга нашего выдающегося историка – ценный вклад в историческую науку (о чем более компетентно скажут историки). Она интересна для читателя неспециалиста, ибо показывает ему те разнообразные приемы, которыми можно подменять и фальсифицировать общественное мнение. Книга полезна даже для всех продолжателей наполеоновского метода: она познакомит их со многими приемами «обуздания печати», до которых они сами не могли додуматься. Наконец, она ценна и для социолога, подтверждая лишний раз правильность индукции о связи войны и военного общества с «принудительно-этатическим» типом социальной организации, где власть опекает и регулирует не только тело и поведение подданных, но и их «душу», мысли, чувства и идеологию.

О ПСЕВДЕРЕВОЛЮЦИОНЕРАХ, ПРИЕМЛЮЩИХ РЕВОЛЮЦИЮ

...Суррогат чего бы то ни было всегда означает нечто плохое, низкопробное, фальшивое... Это применимо и к революционерам. Подлинный революционер – одно, псевдореволюционер – другое. Первым можно восхищаться, второй вызывает отвращение... Если ничтожные вещи, например молоко, мыло, кофе, влекут за собой появление суррогатов, тем паче революция должна была выдвинуть «суррогаты революционеров»... И выдвинула... Последние появились и действуют. «Сколько их! Куда их гонят!»^{1*} ...

Остановимся на минуту и взглянем в черты некоторых типов этой породы в наши дни... Если взять только интеллигенцию, то среди «псевдореволюционеров», выдвинувшихся из ее среды, можно различать сейчас три отчетливых типа. Это, во-первых, «эстето-садисты» революции, во-вторых, спекулянты и тартюфы революции, в-третьих, Бобчинские и Добчинские революции.

Первая разновидность представлена всего ярче рядом талантливых поэтов и писателей (например, А. Белый, Маяковский, Есенин и др.¹), второстепенных же представителей этой породы многое множество в разнообразных «сорабисах», «наробразах» и «пролеткультах» и т. д. Относясь с полным уважением к ним как к личностям и высоко ценя художественное творчество многих из них, я тем не менее должен сказать, что их основы притяжения революции (а не самый факт притяжения последней) вызывают во мне глубочайшее отвращение своим презрением к живому человеку, к реальному трудовому народу, к его жизни, горю и радости, развитию и процветанию. Почему? Потому что – сознательно или бессознательно – они «эстеты-садисты», а не подлинные революционеры. Их нервы вяло реагируют на раздражения нормальной жизни, презрительно трактуемой ими как «мещанство». Такая жизнь, особенно если она и физически, и духовно нормальна, скучна им. Их рафинированный эстетический садизм, как и садизм Нерона, требует сильных ощущений, а потому не мирится с благополучным «мещанством». А отсюда – подавай им, как Нерону, необычные зрелища, остро щекочущие самые вялые нервы своим размахом, экзотичностью,

¹ К этому же течению принадлежит и «Россия» К. Павлова, напечатанная в № 1 «Утренников»^{2*}.

стихийностью, бесконечностью и остротой трагедий и комедий, горя и радости. Нерон – великий эстет – устраивал и наслаждался пожаром Рима и горящими факелами христиан, они жаждут и наслаждаются буйной и эффектной панорамой революции, благо для созерцания сами они чаще всего умеют занять безопасную позицию. Страдания народа? Гибель тысяч и тысяч? Кровь? Голод? Вымирание? Зверства? Разрушение? Деградация? Какое им до этого дело! Было бы эффектно, была бы ширь размаха и экзотичность панорамы, а на остальное им наплевать... Остальное – «мещанство», «узость» или «контрреволюция», авторитетно скажут они и подкрасят зримую ими реальность каким-нибудь «венчиком из роз»^{3*}. Глубочайшее, органическое презрение к живому человеку, к реальному крестьянину и рабочему, рафинированный эгоизм, прикрытый мантией эстетизма и высоких слов, – такова подлинная душа всех этих романтико-эстетов революции².

Не лучше их и «духовные спекулянты и тартюфы революции». Это те, для которых, в отличие от подлинных революционеров, революция не самоцель и не природная стихия, а средство и повод «играть роль», совершить духовную карьеру. Огромная часть армии этих спекулянтов вербуетя из всякого сброда неудачников, обладающих огромным самолюбием, но не способных выдвинуться в нормальных условиях в силу своего ничтожества.

Пользуясь мутью социального катаклизма, они спешат дорваться до крупных ролей и часто не без успеха. Наряду с ними в эту группу входят нередко и крупные люди с непомерным аппетитом властвования.

И те и другие, подобно эстетам революции, презирают, а иногда и ненавидят подлинный народ, что нисколько не мешает им «играть роль», спекулируя на бедствиях этого народа. Ярким представителем этого типа псевдореволюционеров является у нас А.М. Горький. После сказанного не будет удивительным, что он и раньше, а особенно теперь выражает это презрение к русскому народу – *expressis verbis*^{4*}. Мне трудно передать впечатление, испытанное при чтении его статьи «Русская жестокость». Когда Наполеон на указание множества убитых на поле битвы цинически ответил: «Одна ночь Парижа покроет эту убыль», – в его ответе было гораздо меньше презренья к французам, чем в этой статье Горького к русскому народу. Мы знаем немало бичующих народ и Россию статей, начиная с писем Чаадаева. Но там нет и тени этого презренья и ненависти, и адресовались они самому народу и русскому обществу. А здесь вся статья переполнена какой-то садической ненавистью к русскому мужику и написана специально для иностранцев в иностранной газете.

«Превалирующая черта русского национального характера – жестокость, жестокость специфическая», – так рекомендует революционный русский на-

² «Донская станция – это ленивый избяной кошмар, где бабы озверели от похоти», – вот пример восприятия ими реального народа и отношения к нему (*Шагинян М.* Как я была инструктором ткацкого дела).

род этот «народолюбец» и «освободитель» и даже указывает ее причину: она... (О, господи! Вот где социолог-то нашелся!)... «в чтении жизни святых – в излюбленном занятии наших крестьян». Далее идет художественное описание фактов, где русский мужик изощренно убивал и мучил других за эти годы, рассказывается, что нигде так не тиранят и не мучат женщин и детей, как у нас в России и т. д. Словом, русский мужик может сказать «сердечное спасибо» этому «народолюбцу» за его любовь, хорошую рекомендацию другим народам и за объективизм. (Он, конечно, мог бы спросить его: почему же вы забыли упомянуть про венгерских, латышских, китайских, еврейских, немецких и других участников революции, прославившихся своей жестокостью? Почему вы забыли указать, что и революции других народов сопровождалась теми же эксцессами? И многое другое, но может ли вымирающий мужик тревожить своими вопросами такого «народолюбца», отдыхающего сейчас от трудов праведных за рубежом. Ведь это тоже было бы «русской жестокостью».) Да и наивно было бы ставить такие вопросы. Вся эта картина нужна Горькому для «фона».

Если «фон» мрачен, зато каким контрастом на этом фоне сверхживотной и сверхзверской жестокости русского народа сияет прекрасная фигура самого А.М. Горького – «великого гуманиста» (за счет представленного чудищем русского народа), «спасителя многих и многих» (проценты, ловко получаемые им за счет благословения и потакания той же жестокости)!!

Я не удивлюсь, если на Западе Горький будет возведен в современные святы. Столь виртуозную духовную спекуляцию на революции и на народе способны вести не многие! Мольеровский Тартюф и его махинации – сама добродетель по сравнению с таким поведением! Поистине нельзя «не позавидовать» такой способности «и невинность соблести, и капитал приобрести».

Мудрено ли поэтому, что настоящий революционер не может не отгородиться от таких псевдореволюционеров. Статьи «Правды» и «Известий ЦИКа» подтверждают это предположение. Избави Бог любую революцию от таких спекулянтов!

Горький только ярче других (ибо «большому кораблю – большое и плавание») выявил указанные черты презрения и ненависти к реальному народу, фальши и эгоизма, свойственные обеим группам указанных «освободителей», «благодетелей» человечества, «приемлющих революцию». Третий тип «суррогатных революционеров» нашего времени дают «сменовеховцы». Кто они? Субъективно очень почтенные лица, заслуживающие всяческого уважения. Объективно – Бобчинские и Добчинские революции.

Состоя из посредственностей, наделенные способностью быть бесстержневыми плюс – богатством комплиментарно-лакейского духа, они были и будут всегда у сильных мира сего «приживальщиками», которым, по существу, до революции нет никакого дела. Шумят они очень много. Но я не могу без улыбки

ки читать их бахвальства, уверяющие, что это они изменили политику власти, устроили «термидор», устранили анархию и т. д. Такие заявления – подлинные «мы пахали» крыловской мухи^{5*}, лягающей и быка власти, и быка крестьянства, купившее НЭП и возможность этим «мухам» издавать журналы ценой тысяч жертв анархии и восстаний.

* * *

Таковы типы псевдореволюционеров, приемлющих революцию. Революция – страшное дело и великое таинство. Так принимать ее нельзя. Нужно или принимать ее всю, как великое таинство, пусть страшное, пусть мистическое, пусть трагически-кровавое. Так принимает ее прирожденный революционер. Или следует принимать только одно ее лицо и категорически отвергать другое. Или, наконец, совсем не принимать.

Принимать же ее так, как принимают указанные псевдореволюционеры, – это величайшее кощунство, это величайшее оскорбление и самой революции, и всех моральных ценностей человечества, гораздо худшее, чем возвращение билета на вход в царство революции.

«ВЕРУЮ, ГОСПОДИ! ПОМОГИ МОЕМУ НЕВЕРИЮ!»

Не знаю... хочу верить, что история русского народа не кончена... Но, «Боже, помоги моему неверию...» Современное состояние русского народа слишком безотрадное, понесенные им потери слишком велики и непоправимы, чтобы можно было отмахнуться от них и с легким сердцем сказать: «Пустяки, все раны затянутся, потери возмещаются и возрождение наступит». Наступит ли? «Сие буди и буди»!^{*} Но не всегда «должное» делается «сущим», желаемое – «настоящим».

Попробуем кратко и «бухгалтерски» подытожить потери и взглядеться в реальное положение дела.

Первую и основную графу «расходов» составляют потери *биологические*. Война и революция нанесли страшнейший *количественный* урон русскому народу. Миллионы жизней унесены на полях битв в царство смерти... С 1914 г. население областей России, составляющих РСФСР (Европейская Россия, Крым, Кавказ и Дон), уменьшилось с 86 473 215 человек до 82 594 643 в 1920 г. Теперь эта разница, безусловно, еще больше. Несмотря на естественный прирост населения, оно не только не прибыло за эти шесть лет, а убыло. То же самое – по всем областям бывшей России (Сибирь, Украина, Дальневосточная республика^{2*} и т. д.).

В 1914 г. Россия как государство насчитывала 176 миллионов населения, в 1920 г. РСФСР вместе со всеми союзными республиками (включая Азербайджан, Грузию, Армению, Белоруссию и т. д.) имела всего 129 миллионов.

Таким образом, за эти шесть-семь лет мы имеем небывалое количественное ослабление и русского народа, и русского государства. И это ослабление продолжается. Голод, холод, тиф, холера, туберкулез и т. д. продолжают пожирать обильную жатву. Кто привык вдумываться в значение таких количественных потерь, для того ясно, какой это удар для развития и народа, и государства.

Но количественный урон в конечном счете еще полбеды. Гораздо страшнее по своим последствиям *качественный урон населения*, понесенный нами за эти годы. История любого народа делается людьми. Одно направление она принимает, когда делающие ее люди биологически и социально-психически совершенны, другое – когда они в этих отношениях дефектны. В этом отношении, как мне уже приходилось доказывать (см. мою статью в № 1 «Экономиста»^{3*}), война,

Под редакцией
Д. А. Лутوخина

Книга
2

Обложка второй книги альманаха «Утренники»

и внешняя, и гражданская, уносила и уносит всегда «лучших» и «отборных» людей: наиболее здоровых биологически (ибо калек и больных в армию не берут), наиболее трудоспособных (ибо старики и дети остаются дома), преимущественно мужчин (ибо женщины не входят в состав армии), наиболее сильных волей, умом и совестью (ибо преступники, идиоты, слабоумные и т. д. обычно не участвуют в битвах).

Не представляют исключения из этого правила и эти годы. Война произвела качественный отбор населения России «шиворот-навыворот». Погибли, главным образом, «лучшие». Выжили и выживают «худшие» во всех указанных отношениях. Словом, качественно население России ухудшилось.

Но оставим мертвых! Это было бы еще полбеды, если бы не существовало *наследственности*, благодаря которой выжившие люди «второго сорта» дадут и потомство «второсортное». Стало быть, в этом отношении люди, которые будут делать историю России, будут уже наследственно хуже, чем те, которые делали бы ее без войны. А что это означает, легко понять из того значения, которое признавалось и сейчас в особенности начинает признаваться за ролью наследственности современными биологами. По подсчетам Starch'a, подводящим итог достижениям биологии за последние годы, человек своими способностями и одаренностью обязан от 60 до 90% наследственности и только от 40 до 10% – среде, воспитанию и образованию. Допустим даже, что эти цифры несколько преувеличены, тем не менее от наследственности не отмахнешься, со счетов ее не сбросишь. Раз плохи семена – плоха будет и человеческая жатва, а второсортная жатва может создать только второсортную историю.

Творцами первого ранга такие плохие семена быть не могут, в какие бы прекрасные социальные условия они ни были поставлены. Наследственно не одаренные потомки многих богачей и аристократов никогда не поднимались выше уровня посредственности, какое бы воспитание им ни давали. Что применимо к индивидам, то применимо и к массе. Со спокойной уверенностью и гордостью я могу признать расовые свойства русского народа в прошлом весьма удовлетворительными. Но бесконечные войны их ухудшали и ухудшали, а события последних лет нанесли громадный ущерб своим отбором «шиворот-навыворот». Дилетантам такой факт не говорит ничего, вдумчивого исследователя он не может не тревожить. Понимая их трагический смысл, я не могу без горечи слышать тех рьяных эстетов, которые со страстью воспевают красоту и экзотичность кровавых стихий борьбы и кровавого размаха социальных конвульсий... «Потише, господа! Попрдержите свой эстетизм... Восхищающие вас эффектные панорамы истории часто стоят истории целого народа и представляют собою разновидность нероновского эстетизма, восхищающегося пожаром Рима и факелами горящих христиан! Над могилами не пляшут в восторге. Еще меньше допустим эстетически романтический канкан над могилой целого народа и над его закатом. Помолчите!»

В силу таких обстоятельств выжившие производители и их потомство оказываются уже в известной мере наследственно деградированными. Но и это не все... Эта биологическая *деградация становится гораздо большей благодаря современным условиям жизни*. Голод, холод, болезни – туберкулез, тиф, цинга и т. д. – ослабили и продолжают ослаблять жизнеспособность выживших. Потомство, зачатое, рожденное и растущее в таких условиях, неизбежно будет дефектным еще более. Если поколение, рожденное во время Парижской осады и голода в 1870–1871 гг., настолько было дефектно биологически, что получило даже специальный термин – «дети осады» (*les enfants de sièges*), то тем резче должна сказаться эта дефектность сейчас. И некоторые врачи (Личкус и др.) уже констатировали падение веса и жизнеспособности новорожденных за эти годы. Несколько увеличился и процент мертворожденных.

Точно так же констатировано и понижение роста детей по сравнению с детьми того же возраста в нормальное время. Все это – симптомы той самой деградации, хотя и далеко не полные. Прибавьте к этому рост болезней нервной системы и душевной заболеваемости, констатируемый рядом исследователей за последнее время (Осипов, Горовой-Шалтан и др.), присоедините сюда общую расшатанность нервов, «нервозность», колоссально возросшую почти у всех (но не доводящую нас до клиник и больниц), учтите, что все это не может не отразиться на нервной системе потомства, и вы легко поймете, какой ужасной ценой оно должно будет заплатить за «грехи отцов» и как велики будут его чисто биологические изъяны.

В «здоровом теле – здоровый дух». Дефектная и биологически ослабленная конституция нынешнего и грядущих поколений вместе с расстроенной нервной системой – плохая гарантия здоровой психики и духовных творческих сил данного молодого поколения и его потомства.

Этот невеселый итог увеличивается еще колоссальным распространением половых болезней, принесенных войной и революцией, лихорадочно заражающих и город, и деревню, ибо медицинской помощи нет, лекарств нет, а внутренние тормоза, сдерживающие половую вольность, как «предрассудки», разрушены революцией... Мало того. Чересчур ранняя половая жизнь детей и юношества в наши годы и злоупотребления на этой почве – а все это не секрет и известно каждому – и сами по себе ведут к тому же ослаблению жизнестойкости.

Все это и многое другое в том же роде ведет к одному итогу: *к безусловному и несомненному ухудшению биологической и нервно-мозговой природы строителей будущей России, а через это – и к понижению их психически-творческой силы и энергии*. Если бы не было колоссального голода последнего года, задевшею громадные области сельской России, то еще можно было бы утешать себя тем, что этот изъян ограничится городами и будет покрыт деревней... Но, увы, и деревня не избежала этой казни египетской. И – к чему скрывать – ту же чашу

ей придется испытать и в будущем году и едва ли в меньших размерах... Судите сами, какие «приятные» перспективы все это открывает в «тумане грядущего»...

Такова первая «веселая» графа *биологических* «приобретений» за эти годы... Есть чему «радоваться»! «Верую, Господи! Помоги моему неверию!» Вторую графу составляют изменения *в поведении и психике выживших, и прежде всего нынешнего молодого поколения*. Здесь опустошение еще грандиознее. Война, голод и революция резко изменили и психику, и поведение русских граждан, особенно молодежи. На объективном языке это означает «отпадение» или «отвивку» целого ряда рефлексов, необходимых для всякого здорового общежития, и «прививку» ряда рефлексов, делающих здоровую общественную жизнь невозможной. На субъективном языке это характеризуется нравственной, умственной и социальной деградацией. Несомненность последней в известной мере бесспорна.

Изменились поведение (и психика) и взрослого, и молодого поколения в нравственном отношении. Об этом свидетельствует движение преступности в нашем отечестве за эти годы. Уроки войны не прошли здесь бесследно: преступность граждан России – и кровавая и не кровавая, и в области имущественных преступлений и преступлений против личности – возросла колоссально. По официальным данным, в 1918 г. преступность в г. Москве по сравнению с преступностью в 1914 г., принимаемой за 100, выражалась числами: кражи – 315, вооруженный грабеж – 28 500, простой грабеж – 800, покушений на убийство – 1 600, убийство – 1 060, мошенничество – 370 и т. д. В том же 1918 г. 1 100 100 человек, т. е. 70% населения Москвы, были ворами, ибо путем присвоения лишних карточек они крали общественное достояние.

По данным Народного комиссариата путей сообщения, в месяц пропадало в 1920 г. больше 100 тысячепудовых вагонов и хищения на железных дорогах увеличились в 150 раз по сравнению с довоенным временем. Г-н Куклин, комиссар Петрокоммуны, заявил, что из Петрокоммуны крали около 20%. «У нас взятки на каждом шагу», – авторитетно резюмировал положение В.И. Ленин^{4*}. Я мог бы привести много цифр, рисующих потрясающий рост преступности у нас за эти годы. Но ... им в данной статье не место. Скажу только, что этот рост коснулся и старших поколений, и детей, он имеет количественный и качественный характер в смысле возрастания кроваво-зверской преступности за счет некровавой. То, что мы слышим и читаем сейчас о зверских грабежах, сопровождаемых ненужным для цели и зверским вырезанием целых семейств, есть частное проявление указанного более общего факта.

Люди озверели, тормоза, удерживавшие от убийств, насилий и т. д., ослабли или отпали; взяточничество, обман, мошенничество, вымогательство, шантаж и т. д., и т. д. дошли до геркулесовых столпов, почти вся Россия превратилась в клоаку преступников. Мудрено ли, что молодое поколение, выросшее в этой

атмосфере, переняло такие формы поведения и успешно применяет их. При более детальном исследовании его состояния в этом отношении, по крайней мере в городах (я исследовал Петроград), картина разворачивается крайне тяжелая, если не сказать ужасная...

Частной формой того же ослабления нравственных тормозов и криминализации русского народа служит и людоедство, принявшее весьма значительные размеры.

Биологически ослабленное, оно и морально деградировано. Быть может, несколько лучше состояние дел в селах, но и там та же картина.

Все это мало способствует оптимизму... «Верую, Господи! Помоги моему неверию!»

Но, быть может, лучше обстоит дело с интеллектуальной экипировкой современников, в частности с умственным развитием молодого поколения? Может быть, здесь плюсы покрывают минусы? Отвечаю категорически: нет. Не до учебы было в эти годы. Если еще в 1918–1919 гг. широкая сеть школ, курсов, клубов, лекций и т. д. давала видимость количественного прогресса в этом отношении, то теперь дело приняло другой оборот. И тогда прогресс был поверхностным, культивировавшим самоуверенный дилетантизм – худший вид невежества. С обнищанием государства дело теперь приняло поистине трагический характер. Деревенская молодежь растет безграмотной, ибо школы закрылись или существуют только фиктивно. Учебы нет. Нет книг, пособий, бумаги, учителей и т. д. То же самое следует сказать о средней школе и высшей. Преподаватели высших и средних школ в один голос констатируют громадное снижение умственного уровня студентов и учеников. Помимо таких причин, как неотопливаемые помещения школ, отсутствие света, пособий, книг, реактивов и т. д., к тому же результату вела и необходимость поисков куска хлеба. На чистое ученье и науку времени почти не остается. Некогда... Только героизм учащихся, каким-то чудом все же умудряющихся хоть сколько-нибудь заниматься, несколько смягчает положение; но, конечно, он не в состоянии преодолеть непреодолимое и компенсировать минусы. Грамотность ликвидируется, умственный уровень понижается, царство невежества и безграмотности растет.

«А пролеткульт? А новая пролетарская культура?» Прекрасная вещь по заданию. Но что из нее получилось? На этот вопрос дает прекрасный ответ в своей вдумчивой статье И. Степанов (Московская правда, № 84)^{5*}. Под его оценкой я вполне расписываюсь.

Прибавьте к этому растущую дороговизну книг, сейчас сделавшую их недоступными уже для 90% населения, отсутствие журналов и газет, вымирание крупных старых ученых, бегство других за рубеж, падение творчества в научной работе, отрезанность русской науки от Запада и недоступность научных зарубежных изданий для нас и т. д., и т. д., тогда будет понятно, почему я не могу

вместе с Кандидом повторять: «Все идет к лучшему в этом наилучшем из миров»^{6*}. Ни официальный оптимизм, ни религиозно-мистическую веру в то, что «все премудро устроится», я никак не могу принять.

Нет объективной почвы для такого приятия. Если бы место позволяло развернуть более подробно эту схематическую характеристику и наполнить ее фактами, цифрами и детальными описаниями, – а они у меня имеются в достаточном количестве, – картина получилась бы убедительной даже для слепых и глухих.

«Верую, Господи, помоги моему неверию...»

Третий отдел социально-психических уронов составляет изменение ряда рефлексов *социально-трудового* характера. Остановлюсь кратко на некоторых из них. За эти годы население отвыкло, а молодое поколение не приучилось к систематически-активному производительно-разумному труду. Энергии тратится пропасть, но без толку. «Честный труд» отошел в область преданий. Место его заняло то, что носит название «урвать», «снять жир», «спекулировать», «скомбинировать», «смошенничать», «изловчиться», «сжульничать» и т. д. «Честный труд – для дураков» – вот трудовая формула нашего времени. Добросовестность, здоровое интенсивное напряжение, полезность, разумность и т. д. – все эти категории, необходимые для нормального трудового производства, исчезли... На их место пришли шакализм, леность, мошенничество, спекуляция и хищничество, проникшие в поведение старых и малых, буржуев и пролетариев, темных людей и интеллигенции до ее верхушек, частных, правительственных и общественно-кооперативных организаций. И с такими-то навыками мы собираемся возрождать здоровую – социальную и экономическую – жизнь? И на таких-то «рысаках» мы надеемся прискакать к блестящему будущему? Увы! Я вообще не верю в чудеса, а в такие чудеса особенно... Если такие навыки не будут изменены, то «оставьте надежду». К положению крепостного, палкой вынуждаемого работать, они приведут, но к положению великого народа, «с вольным трудом, на вольной земле» они не приводили и привести не могут. «Верую, Господи, помоги моему неверию!»

Наконец, Россия разрушена *экономически*. Разрушена вдрызг. И сельское хозяйство, и промышленность, торговля, финансы, транспорт, все хозяйство, вся экономика – все в развалинах.

«О поле, поле! кто тебя усеял мертвыми костями!»^{7*}

То, что копилось, собиралось и создавалось поколениями, десятилетиями и столетиями, то почти все, 60–70% по меньшей мере, промотано нами в 6–7 лет... Поистине, едва ли было в нашей истории столь же «мотовское» поколение. Мы не только не сумели приумножить достояние наших предков, но умудрились в пять-шесть лет «пустить в трубу», «развеять по ветру» огромное их наследство. Не беда, если бы кару за это несли мы одни: так и надо, по заслугам. Но какое право имеем мы грабить наших невинных потомков? Они-то – еще

не родившиеся – в чем виноваты? А ведь весь груз нищеты за нашу расточительность падет на их плечи, на плечи многих и многих поколений! Ведь им придется платить за наше разудалое, размашистое «битье стекол»!

Вот когда пророческими стали вещице слова поэта:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом^{8*}.

И оскорбит по праву... Но от этого ему не будет легче... Довольно... Баланс подведен. Итоги подсчитаны. Они гласят: *биологическая деградация, потеря нравственных, умственных и культурных ценностей, безграничное экономическое обнищание* – вот те «крылья» и тот «груз», с которыми мы вступаем в новую стадию нашей истории. Вот то достояние, с помощью которого русский народ начинает дело своего возрождения... Мудреная и нелегкая задача стоит перед ним...

«Верую, Господи, помоги моему неверию!»

Если бы мы были одни на земном шаре, то, вероятно, кое-как на протяжении столетий «отремонтировались» бы... Но помимо нас на грешной земле живет немало других народов. Земля мала... На ней тесно... Каждому народу приходится отвоевывать у других «свое место под солнцем». Так было, так оно и есть... Слабые гибнут. Сильные выживают. Таков закон. «Горе побежденным!» Их ничто не спасет: ни заповеди Евангелия, ни лозунги социализма, ни требования – увы, бессильные – гуманизма. Слабые гибнут... Сильные шествуют по их трупам...

Сейчас мы слабы... Другие народы сильнее нас – сильнее умственно, нравственно, социально, биологически и экономически... Во многих отношениях они были сильнее нас и раньше. Теперь их преимущества еще больше. Им тесно... Вывод? «Горе побежденным и слабым!» Не надейтесь на пощаду – ее не бывало в истории. Не верьте в руку помощи – она будет помощью дающего гроши и берущего все достояние: и тело, и душу. Надежды на «солидарность народов»? Она четыре года демонстрировалась на полях битв и аргументировалась ядовитыми газами, танками, 16-дюймовыми орудиями и Версальским трактатом^{9*}. Расчеты на требования культуры, Евангелия, прогресса, цивилизации, нравственности, социализма или на многое множество других чудесных снов и мечтаний страдающего человечества? Прекрасные, но утопические мечты. Кого и когда они спасали? Не стары ли они, как мир, и не сохранялись ли они лишь до тех пор, пока не было надобности вцепиться в горло сочеловека? Не представляли ли они сами прекрасные одежды, во имя которых и под предлогом которых совершались всевозможные мерзости?

Хочу верить в их спасительную роль, но не могу... Не способствует этой вере и то отношение к нам, которое мы видели и видим сейчас со стороны наших

«союзников»... Кровь и жертвы наши забыты. Прекрасные заверения и обещания больше не звучат. «Плати!» – категорически требуют они. «Плати за все битые горшки! Плати до последнего гроша и копейки». И в то же время раздирают тело своей союзницы, тело России. Отрывают от него клочок за клочком, кусок за куском, область за областью, чего не могут урвать сами, то бросают побежденной Германии... И рвут и рвут по всем требованиям «цивилизации» и «прогресса», «братства народов» и «союза крови», «Лиги Наций» и «солидарности»... «Горе побежденным и слабым!»

Если нет своей силы, напрасны надежды на помощь других народов. Это звучит горько, но верно...

Это не значит, что нас буквально сметут с лица земли. Гибель народа не означает поголовной гибели всех его членов. Ни Греция, ни Рим, ни Древний Египет, ни Ассирио-Вавилония не теряли всех своих членов, они оставались живыми. Но помешало ли это гибели этих государств и обществ? Помешало ли это перейти им из действующих лиц великой трагедии, называемой «историей», на роль безыменных, неведомых статистов, простых объектов, а не субъектов исторической драмы... Увы, нет... Биологическое выживание членов общества не препятствует ему перейти из области живой истории в область «музейных памятников древности»...

Участь «музейной мумии» грозит и России, а выжившим ее членам – участь феллахов^{10*}, над которыми будет висеть палка иноземного господина, по земле которых будут по-хозяйски разгуливать ноги чужаков, полноправных, довольных и сытых, считающих великой заслугой и гуманностью бросание крох со своего богатого стола «диким туземцам» – так будут называть тебя, великий русский народ!

Сейчас ты терпишь все казни египетские. Не о тебе ли это сказано: «Проклят ты будешь в городе и проклят на поле. Прокляты житницы твои и кладовые твои. Проклят плод чрева твоего и плод земли твоей... Придут на тебя проклятие, смятение и несчастье... пошлется на тебя моровая язва, доколе не истребит тебя с земли. Поражен будешь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, палящим ветром и ржавчиною... И небеса твои сделаются медью, а земля под тобою железом... И предан ты будешь на порабощение врагам твоим. И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющего их... Поражен будешь проказой, почечуем, коростою и чесоткою, от которых ты не можешь исцелиться, сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца. С женою обручишься – и другой будет спать с нею; дом построишь – и не будешь жить в нем; виноградник насадишь – и не будешь пользоваться им... И ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих в осаде и стеснении, в котором стеснит тебя враг твой... Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать днем и ночью и не будешь уверен в жизни твоей... От трепета

сердца твоего, которым ты будешь объят, и от того, что будешь видеть глазами твоими, утром ты скажешь: “О, если бы пришел вечер!”, а вечером скажешь: “О, если бы наступило утро!”...»^{11*}

Не о тебе ли это сказано, великий русский народ? Не исполнились ли на тебе все эти казни? Не пришли ли времена и сроки твоего заката?

«Что ты был и что стал и что есть у тебя!»^{12*}

Не знаю... Хочу верить, что смертный час твой еще не пробил. Но, «Господи, помоги моему неверию!».

«Свыше наших сил» бедствия настоящего... И слишком тяжелы перспективы будущего... В великой тревоге бьется мое слабое сердце.. Я вижу: ты стоишь на краю бездны и не видишь ее... Твои пастыри и учителя не бьют в набат. «Мозг страны» молчит. «Совесть страны» спит... Ты покинут и оставлен. «Сыны твои», «плоть от плоти твоей», лягают тебя... «Смотрите, – говорят они устами одного из твоих сыновей (М. Горького), – какое чудище русский народ!» Это «бессмысленный, бессердечный, жестокий зверь!»^{13*}.

И ты молчишь... И будешь молчать, когда поносят тебя и будут поносить другие...

Открой же глаза свои и трезво посмотри на свое состояние. Это первое условие возрождения.

Если мое неверие и моя тревога неоправданны, если в тебе больше сил, чем я думаю, если ты, наперекор всему, сумеешь вновь поднять свою голову и воссоздать себя, мое неверие и тревога простятся мне. Простятся потому, что они подсказаны тревогой за тебя, любовью к тебе, горькой печалью за тебя, желанием помочь тебе, мой великий русский народ!

«Верую, Господи, помоги моему неверию!»

1922

Эмиграция

НРАВСТВЕННОЕ И УМСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1. Морально-правовые изменения

«Каждый поступок, каждое слово, брошенное в этот вечно живущий и вечно творящий мир, – это семя, которое не может умереть», – писал Карлейль^{1*}. В применении к данному случаю эти слова означают, что совершаемые нами действия не проходят бесследно для нас самих, но рикошетом влияют на все наше поведение... «Функция создает орган», – говорит биология. Наши поступки рикошетом видоизменяют наш организм, нашу душу и наше поведение, тем более это относится к актам и поступкам, прививаемым войной и революцией.

И война, и революция представляют могучие факторы изменения поведения. Они «отвивают» от людей одни формы актов и «прививают» новые, передевают человека в новый костюм поступков.

Являясь противоположностью мирной жизни, они прививают населению свойства и формы поведения, обратные первой. Мирная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения. Война и революция, напротив, требуют их, прививают эти рефлексy, благоприятствуют им всячески. Убийство, разрушение, обман, насилие, уничтожение врага они возводят в доблесть и заслугу; исполнителей их квалифицируют как великих воинов и бесстрашных революционеров, вместо наказания – одаряют наградой, вместо порицания – славою. Мирная жизнь развивает продуктивную работу, творчество, личные права и свободу; война и революция требуют беспрекословного повиновения («повинуйся, а не рассуждай», «подчиняйся революционной дисциплине»), душат личную инициативу, личную свободу («дисциплина», «диктатура»). «Военные суды», «революционные трибуналы» прививают и приучают к чисто разрушительным актам, отрывают и отучают от мирного труда. Мирная жизнь внедряет в население переживания благожелательства, любви к людям, уважения к их жизни, правам, достоянию и свободе. Война и революция выращивают и культивируют вражду, злобу, ненависть, посягательства на жизнь, права, свободу и достояние других лиц. Мирная жизнь способствует свободе мысли. Война и революция тормозят ее. «Где борьбу решает насилие –

все равно: насилие ли пушек или грубое насилие нетерпимости, – там победа мудрых, положительная селекция по силе мозга и самая работа мысли затрудняется и делается невозможной».

Освободиться от этих влияний войны и революции (гражданская война) никому не дано. Они неизбывны. Следствием их является «оголение» человека от своего костюма культурного поведения.

С него спадает та тонкая пленка подлинно человеческих форм поведения, которая представляет нарост над рефлексам и актами чисто животными. Война и революция разбивают ее. Объявляя – это особенно относится к революции – моральные, правовые, религиозные и др. ценности и нормы поведения «предрассудками», они тем самым: 1) уничтожают те тормоза в поведении, которые сдерживают необузданное проявление чисто биологических импульсов; 2) прямо укрепляют последние; 3) прямо прививают «антисоциальные», «злостные» акты.

Вот почему всякая длительная и жестокая война, как и всякая кровавая революция, деградирует людей в морально-правовом отношении.

К этому же они ведут и иначе: *через голод и лишения*, которыми они обычно сопровождаются. Создавая и усиливая нищету и голод, они тем самым усиливают в поведении этот стимул, толкающий голодных к нарушению множества норм морали и права в целях утоления первого. Словом, эти следствия войны и революции «биологизируют» поведение людей в квадрате. Целиком же взятые – и война, и революция – представляют школу преступности, основные факторы криминализации людей. «Функция создает орган», акты зверства оскопчивают их исполнителей рикошетом¹.

¹ Подробное доказательство этих положений дается мной в подготовляемой к печати работе «Социология революции» и в III т. «Системы социологии».

Читая древние описания прежних революций, видишь, как «история повторяется» и в этом отношении. Приведу для примера сокращенное описание Керкирской революции Фукидида. «Война делается учительницей насилия... Смерть предстала во всех видах... Отец убивает сына, людей отрывали от святынь и убивали возле них. Керкирцы убивали всех, кто казался врагом (демократии), некоторые (под этим предлогом. Это всегда так бывает. – П.С.) были убиты из личной вражды, кредиторы – должниками. И обычное значение названий заменили личными мнениями. Безрассудная дерзость стала считаться мужеством, предусмотрительная медлительность – трусостью, рассудительность – отличием труса, внимательность ко всему – неспособностью к делу, безумная решительность за свойства настоящего мужа, осторожное обдумывание – за предлог уклонения, кто вечно недоволен – тот заслуживает веры, кто ему возражает – тот человек подозрительный. Кто затеял коварный замысел и имел удачу – умный, а кто разгадал это – еще умнее, кто же сумел обойтись без того и другого – предатель и трус. Восхваляли того, кто умеет делать дурное раньше другого. Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество, требовавшее риска без оговорок. Верность скрепляли не божеским законом, а совместным преступлением. Отмстить за обиду считалось важнее, чем претерпеть ее». Клятвы не соблюдались. «Большинство соглашается скорее, чтобы их называли ловкими плутами, чем честными простаками, последнего названия стыдятся, первому радуются... Таким образом, вследствие смут явилось извращение нравов» и т. д. (Thucydides III, 34–85).

Правда, и в войне, и в революции есть обратная сторона: сторона жертвенности и «полагания души за други своя»^{2*}, подвижничество и героизм, но... эти явления – достояние единиц, а не масс. Они редки, исключительны, тонут в море противоположных явлений, и потому их роль ничтожна по сравнению с «биологизирующей» и «криминализирующей» ролью войны и революции.

Раз таково влияние последних вообще, не являются исключением отсюда и последняя война вместе с революцией. Напротив, они ярко подтверждают правило.

В итоге войны и особенно революции Россия превратилась в «клоаку преступности». Население ее в сильной степени деградировало в моральном отношении. Особенно значительна деградация в молодом поколении. Таковы дальнейшие «завоевания» войны и революции. Фактов для подтверждения сказанного имеется, увы, в вполне достаточной мере.

Первой категорией подтверждений служат явления: террора, диких разнужданных разрушительных действий индивидов и масс, колоссальный подъем зверства, садизма, жестокости, взаимных убийств и насилий. Из подобных явлений создается и состоит так называемая гражданская война. Не убийца – стал убийцей, гуманист – насильником и грабителем, добродушный обыватель – жестоким зверем.

В мирное время все эти явления не имели места и не могли его иметь.

Простое убийство вызывало отвращение. Палач – омерзение. Психика и все поведение людей органически отталкивались от таких явлений.

3½ года войны и 3 года революции, увы, «сняли» с людей пленку цивилизации, разбили ряд тормозов и «оголили» человека. Такая «школа» не прошла даром. Дрессировка сделала свое дело. В итоге ее не стало ни недостатка в специалистах-палачах, ни в убийцах, ни в преступниках. Жизнь человека

А вот отрывки из описания Ипувером современной ему Египетской революции за 2000 лет до Р. Х. «Правда выброшена, погранны предначертания богов, земля бедствует, повсюду плач, области и города в скорби... Встаешь рано, а сердца не облегчаются от тяжести.

Широка и тяжела моя скорбь. Приди, приди, мое сердце и объясни мне происходящее на земле... Земля перевернута. Злобные обладают божествами. Почтенные – в горе, ничтожные – в радости. Умались люди, повсюду предатели... и т. д. (*Тураев*. Древний Египет, 70–71).

Эта «биологизация» поведения людей и «переоценка ценностей» – обычное явление при всех кровавых революциях. Элвуд прав, говоря, что в революциях и войнах «всегда есть тенденция возврата к чисто животной деятельности вследствие разрушения бывших привычек. Итогом может быть полное извращение социальной жизни в сторону варварства и дикости, ибо борьба, как одна из самых примитивных форм деятельности, стимулирует все низшие центры активности. Поэтому революционные периоды создают благоприятные условия для грубости и дикости в человеке.

Борьба освобождает примитивные инстинкты человека, сдерживаемые с такой трудностью цивилизацией. Применение насилия начинает процесс одичания, разрушительный для высших ценностей» и т. д. (*Ellwood*. Introduction to social psychology, ch. VIII).

потеряла ценность. Моральное сознание отупело. Ничто больше не удерживало от преступлений. Рука поднималась на жизнь не только близких, но и своих. Преступления стали «предрассудками». Нормы права и нравственности – «идеологией буржуазии». «Все позволено», лишь бы было удобно – вот принцип смердяковщины, который стал управлять поведением многих и многих.

Отсюда – все указанные явления. Отсюда зверства гражданской войны, отсюда террор, чека, пытки, расстрелы, изнасилования, подлог, обман и т. д., которые залили кровью и ужасом Россию за эти годы.

Что все это, как не прямое подтверждение огромного морально-правового декаданса.

А вот и более конкретные данные, говорящие сухим языком цифр. В Петрограде в 1918 г. было по меньшей мере 327 000 (22% населения) воров, кравших в форме лишней карточки общественное достояние, вырывавших последний кусок хлеба из рта ближнего.

В Москве таких было 1 000 000, т. е. 70% населения. Уровень моральных требований так опустился, что на такие факты смотрели «сквозь пальцы». С точки же зрения нормального морального сознания они составляют квалифицированную кражу.

Беру, далее, официальную статистику уголовного розыска г. Москвы, дающую не преувеличенную, а преуменьшенную картину.

Если принять коэффициент каждой группы преступлений в 1914 г. за 100, то движение преступлений за 1918–1919 гг. в Москве выразится в таких цифрах:

Кражи	315
Вооруженный грабеж	28 500
Простой грабеж	800
Покушение на убийство	1 600
Убийство	1 060
Присвоение и растрата	170
Мошенничество	370

Не правда ли, веселенькие цифры?

Идем дальше. По данным Нар. ком. путей сообщения, за 1920 г. зарегистрировано на железных дорогах 17 000 хищений багажа. Похищено 1 098 000 пудов грузов, т. е. в месяц пропало 100 тысячекудовых вагонов. Короче, по сравнению с довоенным состоянием хищения здесь увеличились в 150 раз.

Детская преступность в Петрограде по сравнению с 1913 г. возросла в 7,4 раза.

Прибавьте к этому мошенничество с пайками, подделывание ордеров, незаконные полочки, беспринципную спекуляцию, небывалое грандиозное взяточничество, достигшее фантастических размеров², кражи из продовольствен-

² «У нас взятки на каждом шагу», – заявил Ленин^{3*}.

В 1921 г. г. Куклин, комиссар Петрокоммуны, утешал рабочих, жаловавшихся на утечку продуктов из Петрокоммуны, тем, что крадут не очень уж много, только... 20% всего. Недурное утешение.

ных складов; присоедините сюда сотни тысяч произвольных «национализаций» и «реквизиций» агентами власти в свою пользу, тысячи и сотни тысяч «легальных» убийств и расстрелов для захвата бриллиантов и других драгоценностей, миллионы разнообразных злоупотреблений от обыска до убийств, невероятно выросшее число грабежей, налеты на квартиры, тысячи изнасилований, кражи из домов, с полей, огородов, массовый рост уголовного бандитизма и т. д., и вы поймете, почему не является преувеличением квалификация России за эти годы как «клоаки преступности», почему можно и должно говорить о громадной криминализирующей роли войны и революции.

Катастрофический голод 1921–1922 гг. в голодных областях еще более повысил число преступлений даже по сравнению с 1920 г.

С началом года на Поволжье, на Дону, в Восточных губерниях и т. д. кражи и грабежи резко стали подниматься. Это видно хотя бы из следующих цифр:

Губерния	Число возбужденных в судах дел	
	в 1920 г.	в 1921 г.
Астраханская	10 800	11 520
Уфимская	13 000	18 000
Саратовская	25 000	27 000
Самарская	37 000	39 000
Симбирская	30 500	31 200

1922 г. в этих же губерниях даст еще большие цифры.

Рост здесь вызван голодом, но сам голод – следствие войны и революции, поэтому этот богатый урожай преступлений приходится считать «заслугой» последних.

Ту же деморализующую роль этих факторов можно легко проследить и в других областях поведения. Возьмем область половых сношений.

Революция, объявляя многое «предрассудком», т. е. разбивая ряд тормозов поведения, сдерживающих проявление примитивно-биологических импульсов, разбивает и те тормоза поведения, которые ограничивают свободу удовлетворения половых appetитов. Отсюда – рост половой вольности при всех революциях³. У нас он проявился с необычайной силой, захватив прежде всего молодое поко-

³ Так, в Париже число внебрачных детей, еще в 1790 г. не превышавшее 23 000, в последующие годы революции достигло 63 000. В течение 20 месяцев после закона о разводе 1792 г. суды постановили 5 994 развода, а в VI г. число их превысило число браков. «13–14-летние дети вели себя так, что их слова и поступки были бы скандальными и для 20-летнего человека». «Узда половых инстинктов была ослаблена. Летом в очередях разыгрывались сцены человеческой животности и озорства... Девки открыто занимались (на бульварах) своим ремеслом» и т. д. См.: *Taine. Les orig. de la France contemp.* 1885, III, 108, 499.

То же положение половой вольности и половых преступлений имело место и в революции 1848–1849 гг. См.: *Oettinger. Moralstatistik* 1882, 240, 311.

То же было и у нас в годы революции 1905 г. (1906–1909 гг.). То же повторилось и теперь.

ление, у которого моральные тормоза, естественно, слабее. Большая «заслуга» в этом принадлежит прежде всего партии коммунистов, энергично принявшей бороться с «мещанско-буржуазными» половыми предрассудками. Отдельные ее члены, вплоть до лиц, занимавших очень высокие посты в Нар. ком. просвещения, взялись за эту борьбу «экспериментально», путем публичного развращения институток и гимназисток...⁴ В итоге этой «политики» и всей обстановки молодое поколение начало жить половой жизнью раньше, чем по физиологическим условиям это можно делать безнаказанно, вольность его здесь приняла огромные размеры, эксцессы приняли массовый характер, преступления и злоупотребления также, а в связи с этим – и «половые» болезни.

Особенно огромна была роль в этом деле коммунистических Союзов молодежи, под видом клубов устраивавших комнаты разврата в каждой школе. Большевики в начале имели и «детские колонии», «детские приюты», «детские дома», где вольно и невольно дети развращались почти поголовно⁵.

Представление о положении дел дают хотя бы следующие цифры. Девочки, прошедшие через распределительный центр Петрограда, откуда они распределяются по колониям, школам и приютам, почти все оказались дефлорированными, а именно: из девочек до 16 лет таковыми было 86,7%, из девочек до 9 лет – 8%.

Цифры комментариев не требуют.

Я специально занимался обследованием состояния молодого поколения в 1919–1920 гг. в Петрограде и его окрестностях. Картина вскрылась весьма тяжелая во всех отношениях. Жившее в годы анархии, в атмосфере войны, убийств, насилия, обмана и спекуляции молодое поколение естественно впитало в себя целый ряд привычек нездорового характера, и обратно – не усвоило многих форм поведения, необходимых для здорового общежития.

В деревнях дело обстоит лучше, но также малоутешительно.

Война и революция не только биологически ослабили молодежь, но развратили ее морально и социально.

Сходное, как мы видим, случилось и со взрослыми. Деградируя морально во многих отношениях, они, подобно молодому поколению, не избегли ослабления тормозов, сдерживавших половую вольность. Подтверждением сказанному

⁴ Позицию коммунистов характеризует хотя бы тот факт, что еще в данном году сам Ленин в ответ на мою статью усмотрел в этом «великую заслугу коммунистов»: «Освобождение от буржуазного рабства». Да, освобождение, несомненно, но чего? Половых органов, а не людей, ответил я ему. См. ст. Ленина в «Под знаменем марксизма». № 2–3, 1922 г.

⁵ Мудрено ли поэтому, что дети двух обследованных колоний в Царском Селе оказались сплошь зараженными гонореей. Летом этого года один врач мне рассказывал такой факт: к нему явился мальчик из колонии, зараженный триппером. По окончании визита он положил на стол три миллиона рублей. На вопрос врача, откуда он взял деньги, мальчик спокойно ответил: «У каждого из нас есть своя девочка, а у девочки есть любовник – комиссар». Эта бытовая сцена довольно верно рисует положение дела.

служат цифры разводов и продолжительность браков, с одной стороны, сильное распадение семьи – с другой.

Процент разводов сильно повысился. В 1920 г. в Петрограде он достиг цифры 92,2 на 10 000 браков – коэффициент необычный для Петрограда и превосходящий коэффициенты всех столиц Европы (соответственные цифры для Берлина равны 41,7, Стокгольма – 35,5, Брюсселя – 34,6, Парижа – 33,3, Бухареста – 28,7, Христиании^{4*} – 24,9, Вены – 18,1).

Из каждых 100 расторгнутых браков 51,3 было продолжительностью менее одного года, из них 11% – менее месяца, 22% – менее двух месяцев, 25% – менее шести. Отсюда понятно, почему я называю современные браки в России «легальной формой нелегальных половых связей».

Множество семейных организмов распалось. Новые оказывались хрупкими, непрочными и быстро исчезающими.

Словом, и в этой области мы видим обычные следствия войны и революции.

Одним из результатов такой половой вольности и является громадное распространение венерических болезней и сифилиса в населении России (5% новорожденных – наследственные сифилитики, 30% населения заражены этой болезнью).

Рядом с этим количественным ростом преступности мы видим ее *качественный* рост: переход от некровавых и несадистских форм преступности к *кровавым и зверским*.

Это явление обнаруживается в различных видах. Наблюдая гражданскую войну, борьбу сторонников власти с ее противниками, мы видим с той и другой стороны невероятные акты жестокости и садизма, редко имеющие место в обычных войнах. Люди озверели и свои жертвы убивали не просто, а с изощренными пытками; прежде чем убить пленника, его подвергали десятку пыток: обрезали уши, вырезали у женщин груди, отрубали пальцы, выкалывали глаза, вбивали под ногти гвозди, отрезали половые органы, иногда закапывали жертву в землю, привязывали ее к двум согнутым деревьям и медленно разрывали, защемляли половые органы и т. д. На наших глазах воскресало средневековье. Оно воскресло и в факте *коллективной ответственности*. За преступления одного убивались десятки и сотни лиц, не имеющих к нему никакого отношения. За покушение на Ленина, Урицкого и Володарского были расстреляны тысячи людей, не имевших к нему никакого касательства. За одного «бандита» делалась ответственной вся его деревня и нередко сжигалась артиллерией целиком. За виновного члена семьи расстреливались последние.

За выстрел в агента власти убивались десятки «заложников», сидевших в тюрьмах обширной России. Институт «заложничества» стал нормой, «бытовым явлением» нашей действительности... Поистине воскресли первобытные времена и нравы в XX столетии.

Рост кровавой преступности сказался и на характере уголовных преступлений. Как только перестали круглые сутки граждане дежурить у ворот домов – такая повинность существовала в 1919–1920 гг., – сразу же начались в Москве, Петрограде и других городах массовые грабежи и убийства. В прошлую зиму ночью было опасно идти по улицам, не рискуя в лучшем случае быть раздетым. Кражи в квартирах резко поднялись. Причем – что важно – преступники не только грабили, но зверски убивали людей совершенно бесцельно, без пользы для целей грабежа... Подобные факты, подтверждая рост кровавой преступности, лишний раз говорят о сильнейшей моральной деградации. Наконец, о том же говорят и многочисленные факты *людоедства* и даже убийств с целью пожирания убитого, имевшие место в этом году.

Голодовки бывали не раз в XIX в. в России. Но людоедства не было, или оно носило совершенно единичный характер. Теперь мы дожили и до него.

Причина его лежит не только в голоде, но и в «развинчивании» всех моральных тормозов, вызванном войной и революцией...

С 1921 г., когда наметилось возвращение к нормальным условиям жизни, когда отпала гражданская война, проявились и первые признаки морального оздоровления страны, стали оживать угасшие моральные рефлексy, а вместе с ними и борьба за восстановление нравственности. В 1922 г. эта «реставрация» продолжалась и дала себя знать в ряде явлений: в уменьшающейся половой вольности, в попытках самого населения активно бороться с убийствами, кражами, грабежом, в растущей строгости моральной оценки взяточничества, спекуляций, обмана, злоупотреблений и т. д. Но это только начало. Нужны еще годы и годы, чтобы хоть сколько-нибудь залечить глубокие раны, нанесенные душе народа войной и революцией. А есть ряд явлений, которые могут быть исправлены только исчезновением молодого поколения, рожденного в грехе войны и революции.

2. Народное просвещение и наука

Казалось бы, в чем в чем, а в этой области уж никак нельзя упрекнуть революцию и советскую власть. Не было ли объявлено *urbi et orbi*^{5*}, что в области просвещения за эти годы сделаны чудеса, что безграмотность ликвидирована, что образование народа поднялось на громадный уровень, что наука процветает, что власть во главе с просвещенным Луначарским (у нас его называют Лунапаркским и Лупанарским^{6*}) обнаруживает исключительно заботливое отношение к ученым, покровительствует науке, искусству и интеллектуальному творчеству.

Не посылали ли чуть не ежедневно по радио об этом широковещательной рекламы «всем, всем, всем». Не писали ли об этих чудесах десятки корреспондентов. В каждом доме – «клуб», в каждой избе – «читальня», в каждом городе –

университет, в каждом селе – гимназия, в любом поселке – народный университет и по всей России сотни тысяч «внешкольных», «дошкольных» и «подшкольных» образовательных учреждений, приютов, колоний, очагов, детских домов, садов и т. д., и т. д. – такова картина, которая нарисована была иностранцам. Казалось бы, дело так и обстоит. Не значит ли в «Статистическом Ежегоднике» за 1919–1920 г., что в России было 177 высших школ с 161 715 учащимися, 3 934 школы II-й ступени с 456 195 учащимися, школ I ступени с 5 973 988 учениками; сверх того 1 391 профессиональная школа с 93 186 уч., 72 школы для дефективных с 2 391 учащимися, 80 рабочих и народных университетов и факультетов с 20 483 слушателями плюс 2 070 дошкольных учреждений с 104 588 воспитанниками, 2 936 детских домов с 141 890 детьми, 46 319 библиотек, читален и клубов, 28 291 школа для ликвидации безграмотности, 3 479 народных домов, 263 студии, 534 музея и выставки.

Какое богатство!.. Чуть ли не вся страна превращена в одну школу и университет. По-видимому, она только и делала, что училась, обеспеченная во всем, в том числе и в преподавательских силах.

Нужно ли говорить, что все это – фикция, одно бумажное изобретательство, невозможное дедуктивно для голодной страны и не соответствующее сути дела фактически. *В действительности за эти годы произошла не «ликвидация безграмотности», а «ликвидация грамотности», не расцвет школы, а ее разрушение, не прогресс науки, а ее декаданс, не культурно-образовательный подъем, а деградация.*

Объяснимся.

В 1918–1919 гг. власть, действительно, в количественном отношении размахнулась. На бумаге было открыто много школ, клубов, университетов и т. д. Но только на бумаге. Фактически дело свелось к устройству под именем «университетов» ряда митингов с партийными ораторами, говорившими «о текущем моменте», разбавленными 2–3 преподавателями гимназии, обучавшими начаткам арифметики и грамоты. Сходный характер носили и другие просветительные учреждения. В большинстве случаев и этого не было, а просто ограничивалось дело открытием школы на бумаге или устройством «митинга» с «танцалькой» или спектаклем. Подлинная картина рисуется хотя бы из следующих официальных данных, относящихся к московским высшим школам, обеспеченным преподавательскими силами.

В 1917 г. здесь в университете, технических, сельскохозяйственных и коммерческих высших учебных заведениях числилось 34 963 учащихся и кончило из них 2 379, в 1919 г. там же числилось 66 975 учащихся, вдвое больше, а кончило... 315, т. е. в 8 раз меньше. Что это значит? Это значит, что 66 975 учащихся – фикция. И в Москве, и в Петрограде в 1918–1920 гг. аудитории высших школ были пусты. Обычная норма слушателей у рядового профессора была 5–10

человек вместо 100–200 дореволюционного времени, большинство курсов не состоялось «за неимением слушателей».

Мудрено ли, что кончилось из 66 тысяч – 315. В статистических же данных в это время мы читали о десятках тысяч студентов в университете и других высших учебных заведениях. Читали и удивлялись, почему их нет в аудиториях и не видно в здании школы.

Так же «блестяще» обстояло дело и во всех других школах. Сейчас эти фикции развеялись. Почитайте официальные газеты (других у нас нет), и чуть не в каждом номере начинаете встречать отчаянные голоса о полном разрушении школы.

Фактически картина такова.

В начале этого года (1922) был составлен годовой бюджет государства.

Он исчислен был в 1 800 000 000 зол. рублей. Из него на военное дело ассигновано было 1 200 000 000 руб. («мы не милитаристы»). На все остальное – 600 000 000 руб., из коих на все дело просвещения отводилось... 24 000 000 руб. Из трехмиллиардного бюджета в 1913 г. на народное просвещение уходило около 400 000 000 настоящих золотых рублей, а из 1 800 000 000 бюджета теперь – 24 000 000 и то мнимых золотых рублей. Эта цифра – и абсолютно, и относительно – ясно рисует подлинное положение дела. Ввиду колебания советских денег из годового бюджета ничего не вышло, но пропорция средств государства, тратимых на образование, осталась близкой к этой сумме.

Не будет удивительным поэтому, что в феврале этого года власть решила закрыть все высшие учебные заведения России, кроме пяти на всю страну.

Только энергичное вмешательство профессуры помешало осуществить эту радикальную «ликвидацию высшей школы».

Поистине «догорели огни, облетели цветы»^{7*}. Сейчас нет даже фикций для саморекламирования власти как «великого просветителя России». «Возвышающий обман»^{8*} кончился. Реальная же проза такова.

Низшая школа на 70% не существует. Здания школ, не ремонтировавшиеся за все эти годы, развалились. Нет освещения. Нет топлива. Нет ни бумаги, ни ручек, ни карандашей, ни мела, ни учебников, ни книг. Нет и учителей. Эти «мученики революции», не получавшие по 6–7 месяцев тех грошей, на которые прожить абсолютно нельзя, частью вымерли, частью поступили в батраки, часть стала нищими, значительный процент учительниц... проститутками, а часть счастливых перешла в другие более хлебные места. В ряде мест вдобавок крестьяне неохотно дают детей в школы, так как «там не учат Закону Божию». Вот подлинное положение дела. Если бы вы, как я, прочли ряд конфиденциальных правительственных докладов, из них вы получили бы кошмарную картину. Власть блестяще провела «ликвидацию грамотности». Молодое поколение сельской России должно было бы вырасти совершенно безграмотным. Если это

случилось не вполне, то не в силу заслуг власти, а в силу проснувшейся в народе тяги к знанию.

Она заставляет крестьян своими силами помогать беде кто как может: в ряде мест они сами приглашают профессора, преподавателя, учителя в село, дают ему жилье, питание и детей для обучения, в других местах таким учителем делают священника, дьячка и просто грамотного односельчанина. Эти усилия населения мешают полной ликвидации грамотности. Не будь их, власть осуществила бы эту задачу блестяще.

Сейчас, как известно, все почти низшие школы лишены всяких субсидий от государства и переведены на «местные средства», т. е. власть, не стыдясь, лишила всю почти низшую школу всяких средств и предоставила дело населению. На военное дело у нее есть средства, есть средства на богатые оклады спецов, на подкуп лиц, газет, пышное содержание своих дипломатических агентов и на финансирование «Интернационала № 3», а на народное образование – нет. Больше того, ряд школьных помещений сейчас ремонтируется для... открываемых винных лавок.

Поистине недурные ревнители народного просвещения! Через три года история сдула с них все фальшивые румяна и фиговые листки, и теперь они стоят оголенные.

Если молодая Россия будет не вполне безграмотной, то только благодаря самому населению. Пока же уровень грамотности на нашей родине значительно понизился.

Средняя школа? Ее положение, пожалуй, еще печальнее. Над ней так много экспериментировали, что от этих экспериментов, помимо других причин, она не могла не развалиться. В самом деле, с 1918 г. каждое полугодие приносило новую радикальную реформу. Не успели еще очередную реформу реализовать, как из бесчисленных канцелярий Наркомпроса или Главпрофобра вылетела новая реформа, аннулировавшая предыдущую. И так все пять лет.

В итоге, остатки преподавательского персонала были сбиты с толку и не знали, что делать.

Далее, в силу тех же общих причин: отсутствия денег, ремонта, топлива, учебных пособий, преподавателей, как и учителей низших школ, обреченных на голод, частью вымерших, частью разбежавшихся, – средняя школа на те же 60–70% не существует. Как и в высшей школе, здесь сверх того было ничтожное количество учащихся. В условиях голода и нужды дети 10–15 лет не могли позволить себе роскошь учиться: приходилось добывать кусок хлеба продажей папирос, стоянием в очередях, добыванием топлива, поездками за провизией, спекуляцией, службой и т. д., ибо родители не могли содержать детей; последним приходилось помогать семье.

Немало содействовала падению среднего образования и практическая бесполезность его в России за эти годы. «Зачем учиться, – ответил мне один из учеников, вышедший из школы, – когда вы, профессор, получаете жалованье меньше и паек хуже, чем я». (Он поступил в «Стросвирь»^{9*} и получал там, действительно, лучший паек и содержание).

Мудрено ли, что в таких условиях даже те немногие, которые кончали школу II ступени, выходили довольно безграмотными. В алгебре дело не шло далее квадратных уравнений, в истории знания сводились к ...истории октябрьской революции и партии коммунистов, всеобщая и русская история выключены были из преподаваемых предметов. Когда такие окончившие поступали в высшую школу, то значительная часть из них попадала на «нолевой факультет»^{10*} (т. е. в группу лиц, совершенно неподготовленных и скоро выбывавших из школы), для остальных приходилось образовывать подготовительные курсы. Не мог не понизиться в силу этого и общий уровень студентов.

С 1921–1922 г. большинство средних школ закрыто. Остальные – за небольшими исключениями – переведены на «местные средства», т. е. лишены государственной субсидии и возложены на плечи населения. «Бесплатное обучение» отошло в область преданий. За учение введена плата в 40–60 руб. золотом (сейчас около 300–400 мил. советских рублей), совершенно недоступная населению.

Дело несколько можно было бы улучшить открытием частных школ. Но это не разрешается. Власть поистине становится «собакой на сене, которая сама не ест и другим не дает».

Таковы итоги в этой области. И здесь – полное банкротство. Шуму и рекламы было много, а результаты? Те же, что и в других областях. Разрушители народного просвещения и школы – вот объективная характеристика власти в этом отношении.

Перейдем к высшей школе. Когда-то аудитории университетов и других высших учебных заведений были полны. Теперь они пусты. Вместо 177 высших учебных заведений, фиктивно существовавших в 1919–1920 гг., теперь число их пало до 24–27 на всю Россию по всем отраслям. Закрылись не только все вновь открытые «университеты», но и часть существовавших раньше (напр., Ярославский лицей, Стебутовский институт, Бестужевские курсы, II-й университет^{11*} и т. д.). И в оставшихся учебных заведениях учебная жизнь не кипит, как раньше, а просто «агонизирует».

Это объясняется, во-первых, отсутствием средств. «Меценаты просвещения» не отпускают хотя бы минимум средств на высшее образование. Благодаря этому почти все высшие школы не отапливались все эти годы. Мы все читали лекции в нетопленных помещениях. Чтобы было теплее, выбирались небольшие аудитории. Напр., все здание Петроградского университета пустовало. Вся ученая и учебная жизнь сжалась и ютилась в общежитии студентов, где был ряд небольших аудиторий. Теплее и для большинства лекций – не тесно.

В силу того же обстоятельства здания не ремонтировались и сильно разрушены. Вдобавок в 1918–1920 гг. не было света. Лекции читались в темноте: лектор и слушатели не видели друг друга. Было счастьем, если иногда удавалось раздобыть огарок свечки. В 1921 и 1922 гг. – свет был. Отсюда легко понять, что такой же недостаток был и во всем другом: в приборах, в бумаге, в реактивах и лабораторных принадлежностях; о газе забыли и думать. О животных для опытов (кроликах, морских свинках, собаках и т. д.) тоже. Зато в человеческих трупах недостатка не было. Одному ученому «че-ка» даже предложила «для пользы науки» доставку только что убитых трупов. Первый, конечно, отказался. Не только у рядового ученого, но даже у таких мировых ученых, как акад. И.П. Павлов, собаки умирали от голода, опыты приходилось делать при свете лучины и т. д. Словом, материально высшие школы разрушались и не могли нормально функционировать, не получая минимального минимума средств. Все это делало занятия трудными и малопродуктивными.

В 1921–1922 учебном году в некоторых школах чуть-чуть стало лучше: появился, по крайней мере, свет. Для нас, русских ученых, и это очень много.

Столь же печальным было положение профессуры и студенчества. Самыми ужасными годами в этом отношении для профессуры были 1918–1920 гг.

Получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием на 3–4 месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Комнаты не отапливались. Не было ни хлеба, ни тем более других «необходимых для существования» благ. Одни в итоге умирали, другие не в силах были вынести все это – и кончали с собой. Так покончили известные ученые: геолог Иностранцев, проф. Хвостов и еще кое-кто. Третьих унес тиф. Кое-кого расстреляли. Моральная атмосфера была еще тяжелее материальной. Немного профессоров найдется, которые не были хотя бы раз арестованы, и еще меньше, у кого несколько раз не производились бы обыски, реквизиции, выселение из квартиры и т. д., и т. д. Прибавьте к этому многообразные «трудовые повинности» в форме пилки дров, таскания тяжелых бревен с барж, колки льда, дежурства у ворот. Для многих ученых, особенно пожилых, все это было медленной смертной казнью. Так погибли акад. Шахматов, акад. Тураев и многие др.

В силу всех этих условий ученые и профессора стали вымирать с такой быстротой, что заседания, напр. Совета университета, превратились в перманентные «почитания памяти». На каждом заседании оглашалось 5–6 имен, отошедших в вечность. Раскройте VI–VII книги «Русского исторического журнала», и вы увидите, что они почти сплошь состоят из некрологов.

Такое положение дел заставило, наконец, власть смилостивиться. После долгих хлопот она согласилась дать «академический паек», вначале мало отличавшийся от красноармейского и потом уже несколько улучшенный.

С этого момента материальное положение профессуры улучшилось. В настоящее время этот паек состоит из 40 ф. хлеба (черного) в месяц, 4 ф. масла, 15 ф. селедок (или иногда мяса), 12 ф. крупы, 6 ф. гороха или фасоли, 2½ ф. сахара, ½ ф. чаю, 2 ф. соли (раньше еще давали 1 ф. мыла и табак, теперь отменили). Когда такой паек выдавали регулярно, что – увы! – часто не имело места, ученые чувствовали себя вполне довольными, особенно малосемейные, многосемейным приходилось хуже.

Этим пайком жило и живет до сих пор огромное большинство ученых.

Денежный гонорар, получаемый за лекции, так ничтожен, что в счет не идет. Только с апреля 1922 г. власть сочла необходимым дать сверх пайка еще «денежное довольствие», колеблющееся сейчас от 125 до 25 миллионов руб. в месяц, в зависимости от категории ученого.

Громадное облегчение с 1921–1922 г. составила, далее, великодушная помощь ученых других стран, особенно Чехословакии (пользуясь случаем выразить им и от себя, и от имени своих коллег глубокую благодарность), а также помощь АРА, Нансеновской миссии и Христианского союза молодежи^{12*}. Благодаря всему этому ученые РСФСР, по крайней мере, сто лиц, сейчас имеют минимально-физиологический паек, необходимый для покрытия расходуемой энергии. Минимальный – не выше. И сейчас «уровень жизни» русского ученого (кроме «спецов») не выше, а ниже «уровня жизни» западноевропейского пролетариата...

Но пережитые годы не прошли бесследно. Они надорвали силы многих, поэтому вымирание продолжается и сейчас, хотя в более медленном темпе...

Что касается «моральной» атмосферы, то она по-прежнему тяжела. Хотя террор и ослаб, но весьма относительно. Год тому назад еще по так называемому Таганцевскому делу^{13*} расстреляно было более 40 ученых, в том числе такие величины, как лучший знаток русского государственного права проф. Н.И. Лазаревский и один из крупнейших поэтов Н. Гумилев. Не прекращаются обыски и аресты. Теперь к этому присоединилась массовая высылка профессуры, сразу выбросившая за границу около 100 ученых и профессоров. Власть «заботливо печется об ученых и науке»...

Еще более ужасным было и остается материальное положение студенчества. В 1918–1920 гг. число студентов было фактически ничтожным. В Петроградском университете за эти годы едва ли было больше 300–400 фактически занимавшихся студентов, несмотря на то, что в 1919–1920 г. в него были влиты высшие женские курсы (Бестужевские) и Психоневрологический институт. Студенты ничего не получали и принуждены были добывать пропитание работой на стороне.

В 1920–1921 гг. положение немного улучшилось. Значительная часть студентов стала получать паек от ½ ф. до 1 ф. хлеба в день плюс 1 ф. сахару, 5 ф.

селедок, 1 ф. соли, 5 ф. крупы и $\frac{1}{2}$ ф. масла в месяц. На это прожить трудно, но жили. Часть занималась заработками на стороне. В 1921–1922 гг. этот паек чуть-чуть был улучшен, но зато к концу 1921 г. он был оставлен только для коммунистов и сочувствующих им. Остальная часть была лишена его вовсе и зарабатывала пропитание летом выгрузкой тяжестей в порту (в Петрограде), службой и другой физической и умственной работой. Но не все могут ее найти, и потому положение большинства стало бы отчаянным, если бы на помощь не пришел Христианский союз молодежи устройством бесплатных обедов. Они помогли и помогают значительно.

С осени положение студенчества становится еще более серьезным.

Все, кроме коммунистов, не только перестают получать что-либо, но должны платить за право учения плату в 400–500 мил. рублей в год – недоступную 97% студентов.

Таков итог «просвещенной» политики власти в этой области. Еще хуже моральные условия студентов-некоммунистов. Власть смотрела и смотрит на них, как на врагов. Аресты и обыски студентов идут пачками. Сейчас к ним присоединились высылки внутрь и вне России. Вдобавок как профессора, так и студенчество отданы во власть «коммунистическим ячейкам».

Правда, те и другие героически борются с ними, но от этого не становится легче. В 1920–1921 гг. власть ввела «комиссаров» в высшие учебные заведения. Эти безусые мальчишки нагло отбирали печати у ректоров – мировых ученых, вмешивались в их действия, отменяли их акты, словом, показывали свою власть. Наблюдая сцены, когда такой безусый хулиган давал выговор старику – крупнейшему ученому, трудно было сдержаться, не протестовать и не испытывать смертельной боли. Но... к протестам власть оставалась глухой, а чаще всего отвечала на них новыми арестами.

И, однако, все эти меры насилия не сломили силы духа и профессуры, и студенчества. Те и другие с героизмом отстаивали свое достоинство и права, науку и культуру. Отстаивали, платились за это и продолжают платиться.

Теперь два слова о составе профессуры и студенчества. До 1920 г. власть занята была другими «фронтами». Отпадение гражданской войны позволило ей открыть войну с высшей школой и усиленно «реформировать» ее и по характеру наук, и по составу профессуры и студентов.

Уже с 1919 г. началась эпопея «реформ» и «обновления» высшей школы.

Как и в средней, здесь каждое полугодие приносило новую реформу и усиливало развал. Было бы долго рассказывать обо всем этом. Основное задание в изменении преподавания сводилось к «коммунизации». В специальном декрете в 1920 г. было объявлено, что «свобода научной мысли» – предрассудок, что все преподавание должно вестись в духе марксизма и коммунизма. Профессура

и студенчество ответили на это протестом. Тогда власть подошла к делу иначе. Введены были шпионы, обязанные следить за лекциями, а вслед за тем решено было выгнать особенно непокорных профессоров и студентов. Прошлой осенью ряд профессоров (в том числе и пишущий эти строки) были отстранены от преподавания и переведены в «исследователи», вместо них были назначены «красные профессора», т. е. за ничтожным исключением безграмотные люди, не имеющие ни трудов, ни стажа, но верные коммунисты; уволены были выборные ректора и деканы, вместо них назначены были в качестве ректоров и членов президиума те же коммунисты, не имеющие никакого отношения – за немногими исключениями – к науке и академической жизни. Устроен был специальный «Институт красной профессуры» для фабрикации в 6–8 месяцев «красных профессоров». Но и этого оказалось мало. Тогда власть перешла к оптовой высылке из России неугодных ей ученых. Этой осенью, как сказано, выслано около 100 профессоров, в числе коих оказался и пишущий эти строки.

Сходное было проделано и со студенчеством. Уже в прошлом году, а особенно теперь, изданы были правила о приеме студентов. Согласно им в высшие школы могут поступать только лица, командированные «комячейками», «партией коммунистов», «партшколами», «рабфаками» и «красными профсоюзами», т. е. только коммунисты и сочувствующие им. Остальная молодежь может попасть лишь в том случае, если останутся незанятые вакансии и если внесена будет плата за учение в 400–500 мил. руб. в год.

Наиболее выдающиеся лица из студентов-некоммунистов исключены, либо арестованы, либо высланы внутрь и вне России.

Как видно отсюда, власть весьма серьезно принялась за «чистку школы».

Надо же ей с кем-либо воевать. Раз нет войны настоящей, приходится воевать со школой.

Именно сейчас достигла апогея эта борьба «на идеологическом фронте».

Основной и единственной целью высшей школы признана подготовка правоверных коммунистов и последователей религии Маркса–Ленина–Зиновьева–Троцкого. Словом, разгром учинен полный, особенно гуманитарных факультетов. Следует думать, что он принесет «блестящие» плоды русскому просвещению и науке...

Такого «разгрома» история русской науки и школы не знала. Эпоха Магницкого, одна из самых темных эпох в нашей истории, – идеал по сравнению с нашим временем.

Она идеал и по сравнению с той безграничной опекой мысли, которая – особенно сейчас – проводится нашими «ревнителями свободы». Все чуть-чуть не согласное с догмой коммунизма преследуется. Газеты, журналы, книги допускаются только коммунистические или по вопросам, не имеющим отношения к социальным проблемам.

Введены цензурные комитеты, хоронящие все инакомыслящее. Цензура времен Николая I ничто по сравнению с современной. Чтобы дать представление о том, что она не разрешает, достаточно привести один-два примера. У одного беллетриста в рассказе, напр., вычеркнули фразу: «Сестра милосердия стояла в непринужденной позе и курила папиросу».

На вопрос: «Почему же вычеркнули фразу?» – Цензор ответил: «Красная сестра милосердия не может стоять в непринужденной позе в порядке революционной дисциплины. Переделайте ее в “белую” сестру милосердия – тогда разрешу».

Ныне высланному проф. Кизеветтеру запретили печатание абсолютно академической рецензии о последних работах проф. Платонова и Преснякова по русской истории. Причиной запрета было то, что «автор хвалит эти работы, тогда как коммунистический проф. Покровский разругал их; а раз Покровский разругал – хвалить нельзя».

Спасает положение дела только безграмотность цензоров, порой пропускающих действительно вредное для коммунизма.

Опека... опека... и опека... школы, печати, лекций и дебатов... Рядом с этим подкуп лиц и писателей. «Наиболее непокорных из вас вышлем, остальных купим», – такова формула политики власти сейчас. И закупают. Платят сейчас, напр., по 300–400 мил. за лист беллетристу, лишь бы писал в удобном для власти духе. Писатели «божьей милостью» на это не пойдут, псевдописатели идут: есть-то надо. Не будем за это кидать в них камни. Таковы заботы власти о науке, просвещении и духовном творчестве. Делается все, чтобы разгромить остатки сил и ценностей.

Но... велика сила жизни. Она ломает все препоны. Несмотря на все эти меры гасителей духа, он живет, творит и собирается жить.

Тяжелы условия жизни студенчества, и все же оно каким-то чудом умудряется заниматься. Не так, как раньше, в довоенное время, но все же много, очень много для нашего времени. Жажда знания – настоящего – огромна, и она творит «чудеса». Даже «рабфаки» и значительная часть коммунистов, попав в высшую школу, вкусив «от Духа Свята», быстро «линяют» и становятся серьезными работниками. И здесь «власть предполагает, а судьба располагает».

Есть жажда знания, воля к знанию и энергия его получать, защищать и охранять, несмотря на все.

Больше того. В итоге бесцеремонного насаждения правительственной идеологии коммунизма результаты получаются обратные. Вместо интернационализма студенчество охвачено сейчас чувством национализма. Вместо коммунизма – идеологией индивидуализма, собственности и антикоммунизма. Вместо атеизма и материализма – идеализмом и религиозностью. Вместо сочувствия к власти – презрением и ненавистью к ней.

* * *

То же и среди ученых. Если в 1918–1919 гг. их работа замерла, то с 1921–1922 гг. она снова возобновилась. Для русских условий то, что делают русские ученые сейчас, очень много. Выходит, несмотря на рогатки цензуры, ряд трудов, печатается ряд научных журналов, начали работать научные общества, устраиваются съезды, словом, научная работа не замерла. И не замрет... Не замерло и книгоиздательство. Вопреки всем препятствиям, книги все же выходят, и среди них немало антикоммунистических. Если в них не все сказано *expressis verbis*^{14*}, то читатель понимает теперь и намеки. И что удивительно! Книги стоят несколько миллионов экземпляров, но раз книга дельная, а не набившие оскомину творения Маркса и г[оспод] коммунистов, она раскупается нищей страной... Многие голодают телесно, чтобы не голодать духовно ...

Дух страны жив еще, несмотря на его душение властью. И если эта задача ей не удалась до сих пор, то тем более не удастся теперь. Больше того, чем сильнее она будет вгонять принудительно свою «догму» в голову населения, тем меньше будет иметь успеха. Даже и молодые коммунисты не оправдают вполне ее надежду. Кто знает механику социальных процессов, тому это понятно...

* * *

Что касается, наконец, множества дошкольных и внешкольных учреждений, то о них много говорить не приходится. Они сейчас почти все перестали существовать. Нет больше ни «народных университетов», ни «клубов» (вместо них открыты в большом количестве игорные клубы), ни библиотек, составленных в свое время из конфискованных книг, ни детских колоний, детских очагов, приютов, садов и домов... «За отсутствием кредитов» почти все они закрыты, дети вышвырнуты на улицу, библиотеки либо расхищены, либо не функционируют, народные университеты умерли...

История умеет смеяться, и временами очень ехидно. Впрочем, для «втирания очков» и «парада» перед наивными иностранцами кое-что специально с этой целью еще имеется. Кто будет изучать русскую жизнь из окон отеля, купе вагона и со слов любезных с иностранцами официальных «гидов», может написать очередную благоглупость на эту тему – одну из многих, которые нам пришлось читать в России с горькой улыбкой.

Я не жалею о закрытии этих учреждений, особенно детских. Не жалею потому, что это закрытие означает уничтожение фабрик, калечивших детей физически и духовно, подготовлявших из них больных, сифилитиков и преступников. Этого «добра» и так у нас много. Не беда, если его будет поменьше. То же *mutatis mutandis*^{15*} могу сказать о других учреждениях, носивших громкие имена, совершенно не соответствовавшие их сущности...

Теперь вместо всего этого власть открывает кабаки. Это название более подходит к закрытым учреждениям. Оно правильнее характеризует и власть как «просветителя». «Кабатчики» и «физические и духовные отравители народа» – это звучит адекватно. А я всегда предпочитаю адекватность «нас возвышающему обману».

В заключение предлагаю гг. Горькому, Барбюсу, Б. Шоу, Р. Роллану и многим другим «intellectuels» проверить правильность сказанного, а проверив и найдя все верным, подумать и ответить себе: не играли ли они роли наивных дураков или вредных идеалистов, распевая гимны «вождям коммунизма»? Не причинили ли они ряд объективных зол, исходя из высоких субъективных мотивов? Не ввели ли они в заблуждение многих и многих, веривших им, когда они гасителей духа возводили в ранг «освободителей человечества», антропоидов – в сверх-человеки, проходимцев истории – в героев, темных дельцов – в вождей нового мира?

Серьезно подумать об этом – долг каждого честного и уважающего себя писателя.

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ ЗА 1918–1922 гг.

Тяжелые условия России не прервали целиком работы русской науки. Не прекратилась она и в области социологии. Напротив, жизнь, ставившая ежедневно «прикладные вопросы» социального бытия, усиленно стимулировала работу социологической мысли.

Она выявлялась в ряде различных явлений.

За эти годы в России вышел ряд интересных социологических работ. Главнейшие из них таковы: «*Наука об общественной жизни*» К.Н. Тахтарева – большой том, курс социологии для высших учебных заведений, богатый содержанием, литературой, хотя и несколько не выдержанный по своим положениям. Автор – бывший марксист, теперь довольно далекий от него, знающий литературу социологии, имеющий свою теорию общества как «самодостаточного коллектива». «*Общие основы социологии*» проф. Н.И. Кареева – популярный очерк основных положений социологических взглядов автора, написанный, однако, как указывает он сам, несколько наспех. 1-й т. «*Социологии*» проф. В. Хвостова, кончившего в 1919 г. самоубийством. Он содержит историю и сводку социологических теорий. В этом отношении работа представляет одну из книг, наиболее полно в русской литературе дающих отчет о различных социологических теориях. К сожалению, она имеет и большие дефекты: во многих случаях автор излагает теории «из вторых рук», не вполне верно, а в первой части она скорее похожа на учебник «истории философии права», чем на историю социологических систем; после смерти автора вышел интересный, но небольшой «*Элементарный очерк социологии*», содержащий взгляды В.М. Хвостова на ряд проблем социологии. «*Коллективная рефлексология*» академика В.М. Бехтерева, большой том, представляющий попытку «объективного» изучения социальных проблем. Задание ценное и верное, но выполнение совершенно неудачное. Вторая часть книги – в корне ненаучна, первая содержит ряд ценных глав. Два тома «*Системы социологии*» и «*Общедоступный учебник социологии*» проф. П.А. Сорокина. Два вышедшие тома «*Системы*» – часть многотомного исследования по социологии, задуманного и выполняемого автором. Это – не учебник, не руководство, а именно исследование. Позиция автора определяется кратко: 1) его антиметафизич-

ностью, отсюда его полный разрыв с «философствующей» социологией, вместо изучения фактов высасывающей теории из пальца; 2) его объективизмом – отсюда разрыв с субъективизмом и психологизмом¹; 3) пониманием социологии как науки о поведении и взаимоотношениях людей, живущих в среде себе подобных (в их формах, причинах и развитии); 4) категорическим отрицанием различия социальных наук от естественных; 5) отметанием всяких оценочных норм и элементов в социологии и полным разрывом правды-истины от правды-справедливости; 6) учением о повторяющихся фактах поведения и истории, дающих возможность формулировать причинные – номографические теоремы и отрицанием мнимых «законов развития»; 7) плюрализмом в учении факторов и т. п. Вся социология делится на: а) социальную морфологию; б) социальную механику; в) социальную генетику. Вышедшие два тома посвящены социальной морфологии. Работа была признана Петроградским университетом достойной степени магистра социологии после публичной защиты ее в 1922 г., а после появления первого тома автор был избран профессором социологии Петроградского университета. Печатается и скоро должен выйти новый труд того же автора *«Голод как фактор»* (Влияние питания на поведение людей, обществ, жизнь и социальную организацию) – большой том в 600 страниц^{1*}.

Учебник марксистской социологии *Бухарина* – книга в 350 стр., в ряде частей интересная и ценная. После общих социологических работ Плеханова эта книга, пожалуй, самая ценная. Ее достоинства и недостатки мной подробно разобраны в рецензии в «Экономисте».

Вышли еще другие работы вроде *«Очерков социологии» Первушина*, *«Социологии» Энгеля* (пустая брошюра), *«Социологии» Фарфаровского* (безграмотная ляпня для средних школ) и т. д., но все это или элементарно, или безграмотно.

Более интересны монографии по специальным вопросам, близким к социологии. Таковы *«Методология общественных наук» С.Л. Франка* и *«Введение в историю» Л.П. Карсавина*. Обе книжки любопытны как философский труд, вероятно, ценны, но... более чем спорны. Они зовут не к исследованию реального бытия, а «внепространственного и сверхвременного духа» или смысла истории. Занятие почтенное, но, думаю, социологии с ним нечего делать.

Интересным является и посмертный труд *П.А. Кропоткина «Этика»*, т. 1-й, представляющий попытку обоснования этики на принципах эволюционного учения. Интересна и ценна монография *П.А. Васильева «О причинах падения Римской империи»*. Автор видит их в расовом вырождении римлян и примыкает, таким образом, к взглядам Зеека, Гини, Лапужа, Аммона, Гобино, Фальбека

¹ «Социальные явления должны изучаться как предметные явления, как вещи, данные во времени и в пространстве, а не как неуловимые, “психосубъективные” состояния». Изучение последних – дополнительная задача.

и др. Книга заслуживает внимания. Интересны, хотя и парадоксальны две небольшие работы *Виппера* об интеллигенции и круговороте истории и, наконец, книга *Корнилова «Учение о реакциях человека»* (реактология), содержащая итоги экспериментального исследования ряда человеческих реакций.

Вот главное. Помимо того, опубликовано немало отдельных статей на социологические темы. Если здесь много макулатуры (особенно в коммунистических творениях), то есть статьи и весьма ценные. Сверх того, не опубликованы, но готовы солидные работы. В числе их упомяну большую работу одного из учеников Л.И. Петражицкого, работавшего эти годы в моем семинарии. Это двухтомный курс *«Истории социологических учений»*, написанный по первоисточникам основательно и интересно. По своему появлению он будет едва ли не лучшим из того, что есть в этом роде в русской литературе. Готова большая работа – весьма любопытная – и другого моего ученика *«Прикладная социология»*. Автор – студент двадцати лет, исключительно выдающийся своими знаниями и способностями. Вероятно, немало таких работ есть и неизвестных мне, написанных, но неопубликованных.

Само собою разумеется, что социологическая работа шла и в обществах. *«Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского»*, основанное тотчас после смерти последнего и едва успевшее приступить к работе, событиями 1917–1918 гг. вынуждено было прервать свою работу. Она возобновилась в 1919 г., но в 1920 г. снова прервалась, а частью перешла в основанный тогда *«Социологический институт»*. Последний был учрежден людьми, не имеющими к социологии никакого отношения, как *«Институт социальной библиографии»*. В качестве такового он мало что сделал и по привлечении в свой состав К.М. Тахтарева, Н.Л. Гредескула и П.А. Сорокина трансформировался в *«Социологический институт»*. За свое недолгое существование последний устроил ряд лекций (Н.И. Кареева, В.В. Водовозова, П.А. Сорокина, П.В. Василевского, М.А. Полиевктова и др.), ряд систематических курсов по социологии (П.А. Сорокина, Н.А. Гредескула, К.М. Тахтарева), по его же инициативе были Народ. ком. просвещения устроены социологические курсы для преподавателей социологии в средних школах (читали там: Н.А. Рожков, А.И. Буковецкий, К.М. Тахтарев и П.А. Сорокин). Институт успел издать три номера небольшого журнала *«Вестник института»* и *«Программы по социологии»*, содержащие программу курсов Гиддингса, Л. Вуда, Хайеса, Росса, из русских – Сорокина и Тахтарева. В 1921 г. институт закрылся.

С его закрытием скоро возобновилась деятельность *«Русского социологического общества»*. Его президиум состоит сейчас из председателя Н.И. Кареева, вице-председателя П.А. Сорокина, в качестве членов: К.М. Тахтарева, С.И. Тхоржевского, Н.Ф. Куразова. Ближайшее участие принимают и принимали профессора М.М. Лазерсон, Л.Я. Штейнберг, Я.М. Магазинер, П.И. Люблинский, Г.П. Зеленый, В.М. Бехтерев, Н.А. Гредескул, далее – Динзе, А.А. Гизет-

ти, Н.В. Брюллова-Шаскольская, С.А. Оранский, П.Ю. Яновский, Г.С. Майзель, С.Ф. Глазунов и др.

Деятельность выражалась в регулярно устраивающихся раз в две недели научных собраниях для выслушивания и обсуждения докладов по социологии. Работа шла хорошо и регулярно. Доклады делались на общие и специальные социологические темы. Издать что-либо Общество не могло за отсутствием средств.

Рядом с ним в 1920 г. возникло «*Научное общество марксистов*», основанное лицами, близкими к коммунистам, и скоро превратившееся в чисто коммунистическую и красно-профессорскую группу. Оно получает большие правительственные субсидии, но, кроме двух тощих по объему и пустых по содержанию номеров своего журнала да ряда собраний, ничем не выявило свое бытие. Главными участниками его были Энгель, Гредескул, Святловский, Боричевский, Серебряков и еще два-три лица из коммунистов и красных профессоров^{2*}.

Систематическая социологическая работа шла и в «*Отделе социальной рефлексологии*» *Института мозга*, руководимом П.А. Сорокиным. Специальным предметом исследования здесь была проблема: «Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп». Предварительные итоги этого исследования и его программа напечатаны в моей статье на эту тему в 3-м номере «*Вестника изучения и воспитания личности*». Собранные измерения и материал сейчас остались необработанными. Моя высылка прервала работу.

Кроме того, в своем социологическом семинарии при Университете, помимо докладов на социологические пассы, я при помощи слушателей предпринял два важных, но кропотливых исследования: 1) по бюджетам времени (систематическая запись по определенной программе расходования суточного времени, предполагаемого и фактического) с разной степенью детализации: от 3-х до 15 минут; 2) по социальной перегруппировке населения Петрограда (анкетный метод). По той и другой теме собран уже большой материал, начата была его обработка, но высылка прервала ее.

Острый интерес к социальным вопросам, с одной стороны, с другой – желание покончить с «общими местами и философствованием» в изучении социальных явлений, с третьей – сближение ряда биологов и социологов на почве объективного естественнонаучного изучения поведения людей привели в течение 1921–1922 учебного года к образованию «*Кружка объективного изучения – массового и индивидуального – поведения людей*». Этот кружок состоял почти исключительно из профессоров и преподавателей: биологов, учеников акад. И.П. Павлова, с одной стороны, социологов, стоящих на почве «behaviorism'a» и «реактологии», – с другой. Кружок, имеющий своим почетным председателем И.П. Павлова, председателем П.А. Сорокина, членами профессоров Савича, Зеленого, Ленца, Фролова, Бельского, Ароновича и др., во второй половине учебного года открылся и приступил к работе. Во что он выльется, сказать трудно, но обещал многое.

В Москве был *«Институт социальной психологии»*, но за смертью В.М. Хвостова работа его сильно затормозилась. Какие-то социологические исследования должны были вестись и в «Социалистической академии», но, кроме книги Бухарина, мне неизвестно ничего об итогах этих занятий. В Казани образовалась «Ассоциация обществоведения», издавшая книги *Первушина «Социология»*, *Кругликова «В поисках живого человека»*, *Сотонина «Темпераменты»* и еще две книги. Но о его деятельности я больше не имею сведений.

Вот все главное о социологических кружках и обществах. Что касается преподавания социологии, то с начала революции социология была одним из покровительствуемых предметов и введена была не только во всех высших, но и в средних школах. При полном отсутствии преподавателей социологии легко представить, во что вылилось преподавание ее в средних школах. Один преподавал под этим именем «Основы экономической науки» Богданова, другой – Железнова, третий – «Историю культуры» по Липперту, четвертый – Конституцию РСФСР, пятый – социологию по Гумпловичу, шестой – какую-то невероятную смесь всего и вся и т. д. Получился «кавардак».

Социология «впала в немилость». К 1921–1922 учебному году она как таковая была изъята и заменена курсом «Развитие общественных форм» (по конструкции Лилиной, Бухарина и Богданова). Он считался «забронированным» и мог читаться только коммунистами.

Социологию же перенесли в «Исследовательские институты». В Петроградском университете она, например, входила в «Исторический исследовательский институт», состоявший из трех секций: истории (русской и всеобщей), социологии и философии.

Так как теперь Исследовательские институты ликвидированы, то тем самым ликвидирована и социология как предмет преподавания.

Но эта «немилость» к социологии мало опасна. Социальная жизнь повелительно стимулирует интерес к последней, а стало быть, изучение ее будет в том или ином виде идти. Русский же «опыт» дает столь много материала и столь поучителен для социологии, что он многому научит русских исследователей социальных явлений – наблюдателей и участников событий последних лет. Я жалею, что западноевропейские и американские социологи не организовали специальную научно-социологическую экспедицию в Россию для наблюдения социальных явлений. Здесь они имели бы возможность экспериментально проверить много теорем и, вероятно, освободились бы от многих ложных положений. Не будет ничего удивительного, если в ближайшее время интересные и ценные работы выйдут именно в России. Богатство «русского опыта» делает такой прогноз очень вероятным.

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Последние годы резко изменили психологию и идеологию большинства русской интеллигенции. Они являются концом истории былой интеллигенции и началом новой. Трудно в газетной статье адекватно обрисовать картину этого сдвига. Можно только очертить наиболее характерные штрихи. Они в существенном таковы.

В огне революции сторел *романтизм и сентиментализм*, типичные для старой интеллигенции. Былые воззрения на народ, на его прекрасные свойства, его достоинства, его непорочность и т. д. развеяны. Место этого «возвышающего обмана» заняли «низкие истины»^{1*}, у большинства принявшие формы реального – и в этом смысле здорового – представления о народе, о крестьянстве и пролетариате, у небольшой части – формы преувеличения отрицательных сторон трудовых слоев. Вина за все происшедшее возлагается не только на интеллигенцию, но и на народ.

Изменилось и понятие *о своих обязанностях по его адресу*. Если «кающийся дворянин» давно уже исчез из русской жизни, то «кающийся интеллигент», признававший за собой (особенно выпивши) какую-то вину перед «меньшим братом», говоривший о своей ответственности перед ним, о своих обязанностях к нему, жил до самой революции. Теперь «кающегося интеллигента» не стало. Новая интеллигенция, выходящая как раз из слоев крестьян и рабочих, по своей природе чужда этой психологии. Перед кем ей каяться! Не перед самим же собой! Выветрилась эта психология и из других слоев интеллигенции, прошедшей через школу лишений физического труда. Место ее заняла новая психология, в схематическом виде такая: «Нет ни меньшого, ни старшого брата. Я ни в чем перед тобой (народом) не повинен. Каяться мне не в чем. Оснований для этого столько же, сколько и в твоём покаянии передо мной. Ты делаешь свое дело, я – свое, столь же нужное и важное. Мы можем быть полезными друг другу, если будем хорошо делать свое дело. Если плохо – не извинительно ни для тебя, ни для меня». Короче, место аристократического отношения сверху вниз и место «покаянности» заняло чисто *деловое отношение* друг к другу, без всяких концепций «меньшого» и «старшого брата». Со своей стороны и крестьянин требует теперь от интеллигента не рассуждений и покаяний, а дела: «Ты мне лясы-то не точи, а говори дело».

Новый интеллигент *более прозаичен, но более деловой*. На героизм и подвижничество он не пойдет, но свои специальные обязанности готов исполнять лучше и внимательнее. Он *более практик, чем теоретик*. Молодежь идет главным образом в технические и специальные школы и неохотно поступает в общеобразовательные и гуманитарные. Психология народовольца-подвижника, психология русского «лишнего человека» и, наконец, чеховских героев чужда новой интеллигенции. Она начинает приближаться к интеллигенту Запада. Таковы *формальные* сдвиги в психологии интеллигенции.

Более резко выражены изменения в интеллигентской *идеологии*, в самом содержании последней. Вкратце они таковы.

Если идеология большей части былой интеллигенции характеризовалась отрицательным отношением к религии, к национализму, к капитализму и собственности, к основам старого режима и к неравенству, то теперь эти черты сменились обратными.

Мы видим в интеллигенции *рост религиозности*. У одних он вылился в формы мистицизма, глубокого ухода в религиозные переживания и в обрядность, у других – в положительное отношение к религии, к церкви и духовенству как к институтам, необходимым для здорового общежития, у третьих – в сочувствие к ним как к преследуемым, у четвертых – в сочувствие к православной церкви как к явлению русской национальной культуры и т. д. Мотивы этого перелома разные, но итог один – подъем религиозности и упадок «ура-атеизма».

Таков «неожиданный» результат усиленной антирелигиозной работы коммунизма.

Равным образом интенсивная пропаганда интернационализма, сопровождавшаяся разгромом России, постоянным оскорблением ее быта, ценностей, нравов и уклада, превратившая Россию в «проходной двор» авантюристов и шакалов всех стран; эгоистически безучастное или корыстное отношение к ней бывших «союзников» – все это и многое другое, приведшее нас на край гибели, вызвало огромный, стихийный *подъем «национализма»* и в народе, и в интеллигенции. Интернационал и все связанное с ним для уха современного интеллигента звучит так же, как примерно раньше звучали лозунги «Союза русского народа»^{2*}; пожалуй, еще хуже.

Этот рост национализма бьет изо всех пор русской жизни. В театрах весь сезон идут почти исключительно русские оперы, особенно Римский-Корсаков («Град Китеж», «Царь Салтан» и т. д.), Бородин, Мусоргский, на концертах большой спрос на «12-й год» и «Славянский марш» Чайковского (пока их не запретили после демонстраций публики) и т. п. В речах, в лекциях упоминание о национализме, его положительная оценка встречаются овациями.

Частичным проявлением того же национализма служит *антисемитизм*, охвативший не только народные массы, но и интеллигенцию, не исключая про-

фессуры и студенчества (и даже коммунистов-неевреев). В более мягких формах это «анти» относится и к различным иностранцам, дорывающим совокупно с большевиками остатки достояния русского народа. А самое главное, этот рост национализма в форме подсознательной, глубокой любви к своему отечеству, к России, к «русскому народу», к его «историческому лицу» и быту вы чувствуете в каждом слове, в жесте, в мимике...

Рядом с дискредитированием «интернационализма» *потеряли свое обаяние и разнообразные коммунистически-социалистические идеологии*. Правильно или неправильно, но грехи коммунизма перенесены массовой психологией и на социализм. Как народ, так и широкие слои интеллигенции сейчас «иммунитетны» к этим учениям. Последние не признаются – отталкиваются; самые слова «коммунизм» и «социализм», а равно и имена Маркса, Энгельса и др. стали в сильной степени неприятными для слуха широких слоев интеллигенции. В одном из южных городов Марксу на памятнике намазали рот пшенной кашей и написали: «Ешь сам».

И обратно, *появилась и возросла положительная оценка капитализма, капиталиста и собственника*. Раньше они не пользовались кредитом. Теперь кредит огромный. «Капиталист» раньше был «эксплуататор», теперь – «организатор хозяйства». Раньше собственность считалась «корнем зла», теперь она – «якорь спасения». В «Синюю птицу»^{3*} коммунизма и социализма больше не верят. Ловить ее не имеют никакой охоты. «Пролетариат» потерял свои обаятельные одежды. «Диктатура» коммунистов отбила охоту повторять ее.

Началась и оценка самого *явления революции*. Она очень немногими теперь рисуется как нечто положительное. Большинство отождествляет ее с насилием, убийством, террором. Считает революцию – несчастием. Революционные методы – гибелью. Завоевания революции – ужасом. Эта оценка относится не только к революции слева, но и справа, поскольку она обещает те же формы насилия и террора, тот же большевизм наизнанку.

Несколько иначе смотрят теперь и на «старый режим». Если раньше положительные стороны его недооценивались, то теперь, пожалуй, переоцениваются. Однако тоски по монархии, и особенно по бывшей династии, не наблюдается. Есть тоскующие единицы, но именно единицы. Другие просто говорят: «Нет кандидата». Большинство – республиканцы. Значительная часть – безразличны.

Отношение к режиму коммунизма и власти – определенно отрицательное. Даже и со стороны спецов. Банкротство власти – понято всеми. Непрочность ее – не вызывает сомнений. В моментальное падение – не верят. Интервенции и возобновления гражданской войны – не хотят: считают бесплодными, вредными и теперь ненужными. «Сами сдохнут».

В практическом отношении к власти дана целая гамма оттенков. От ненавидящих, в меру сил протестующих – до лакействующих, незаметно переходящих

в «сменовеховцев». Но те уже – в «том лагере». Отношение к ним – хуже, чем к коммунистам. Их просто презирают. «Рептилии».

Настроение, самочувствие интеллигенции меняется. Временами оно подавлено, полубезнадежно, временами – поднимается, становится бодрым. По сравнению с 1918–1920 гг. оно выше, светлее, более жизнерадостно. Полоса беспросветного отчаяния прошла. Появилась вера в себя, в народ и в будущее России. Уверены, что пережитые годы еще не «закат» России, а тяжелая болезнь... Готовятся к будущей работе. Знают, что работать придется по-настоящему. Знают, что впереди ждут не розы, но ждут не дождутся, когда придет этот миг. Будут работать до упаду, до истощения, раз это нужно для России, раз это продуктивно, а не является бесплодной тратой сил, как теперь. По настоящей работе тоскуют страшно, именно тоскуют. То, что делают теперь, не считают за «дело»: «Дурака валяем, кто во что горазд».

Таковы главные штрихи... Их смысл: старая интеллигенция кончилась. Начинается история новой. Лицо ее – иное. Более реакционное? Нет, более консервативное. Более «мещанское»? Нет, более реалистическое. Более пошлое? Нет, более реалистическое. Менее самоотверженное? Нет, более опытное и более уравновешенное. «Тьму низких истин» она предпочитает «нас возвышающему обману».

СТРАННЫЕ ОПРОВЕРЖЕНИЯ (Письмо в редакцию [газеты «Дни»])

М[илостивый] [Государь].

Не откажите в Вашей уважаемой газете дать место нижеследующим строкам:

В № 31 «Дни» А. Петрищев приписал мне нелепость, состоящую в том, что будто бы я говорю: «В России водворился сплошной разврат; семья разрушена, брак исчез, сменился беспорядочным сожителем»^{1*}.

Так как подобный вздор я не говорил и не писал, то я послал в «Дни» опровержение. «Дни» письма не напечатали, а взяли из него кусок и ответили на него статьей А. Петрищева в № 45^{2*}. Такой способ «полемики» я нахожу не совсем правильным и потому прошу Вас дать место нижеследующим кратким разъяснениям.

Я в своих докладах и в статьях в «Воле России» доказывал, что за годы войны и особенно революции нравственность населения России сильно пала во всех областях, в частности и в половой области поведения^{3*}. *Насколько она пала* – это указывается приводимыми мной данными официальной статистики преступлений, браков и разводов.

Такое утверждение, конечно, не равносильно той нелепости, которую приписал мне А. Петрищев, это *первое*.

Второе. Опровергая меня, г. Петрищев не попытался опровергнуть ни одну из приведенных мной цифр официальной статистики (что только и могло бы быть опровержением), кроме процента сифилитиков. Что же касается этого процента, то он просто его отрицает без доказательств, предполагая, по-видимому, что я взял эту цифру из своей головы. Так как того же мнения держится и Е.Д. Кускова, то кратко укажу источники этой цифры: 1. «П[етроградская] правда», номера не помню, но примерно за март-май; 2. Данные проф. Г., специально занимавшегося этим вопросом; 3. На съезде венерологов в Петрограде в 1920 г. фигурировали цифры куда более высокие, чем мои, а именно 90% для населения Петрограда, а не 30%, как я указывал, и не 10%, как думает Е.Д. Кускова; 4. Близкие к 30% цифры дает и автор статей в «М[осковской] правде», печатавшихся в августе-сентябре 1922 г.; 5. Эти цифры (30% и 5% прирожденных сифилитиков) приведены мной в докладе, прочитанном в собрании профессоров Военной медицинской академии и Медицинского института в июле этого года,

и ни один из них не нашел их преувеличенными. Не буду приводить дальнейших «источников». Если угодно опровергателям оспаривать их, как и другие данные, приводимые мной, то пусть потрудятся привести более серьезные доказательства. Простые же их «окрики» никого не убедят.

(Подробный документированный ответ возражениям Е.Д. Кусковой я дал в «Воле России», если, конечно, редакция его напечатает^{4*}.)

Третье. Летом этого года в газете «Новости» (полуофициоз) г. А. Петрищев поместил фельетон, где доказывал, что браки 12–13-летних детей стали теперь «бытовым явлением». Что это, как не подтверждение того же роста «половой вольности»! Правда, мой уважаемый оппонент и по этому поводу успокаивал читателей, говоря, что ничего плохого в этом нет. Но, боюсь, что не многие с ним согласятся – раз – и что оптимизм его заходит слишком далеко – два.

Четвертое. В том же № 45 «Дней», где А. Петрищев опровергает меня, напечатано в статье С. Мельгунова: «Моральное развращение, которое внес большевизм в нашу жизнь, – вот величайшее преступление (большевизма). Развратить наше поколение больше уж нельзя... И страшно становится за молодое поколение, которое растет вне культурных традиций... в атмосфере аморальности, с юных дней приучается к фальши, лжи и приспособлению». Я, пожалуй, так сильно не выражался. Если г. Петрищев и Е.Д. Кускова опровергают меня, им, очевидно, надо опровергать и С. Мельгунова за эту тираду «могильщика».

Пятое. Давно ли в «Днях» М.А. Осоргин возражал против моей характеристики настроений современной интеллигенции: ее положительного отношения к собственности, к религии и отрицательной оценки социализма^{5*}. И через несколько номеров, в № 43, «Дни» же устами Петрищева говорят: «коммунисты создали в русском народе небывало вдумчивое отношение к принципу собственности», «выковали в народных массах обостренную, сознательную преданность православию, самое слово социализм стало в низах таким же ругательным, как некогда черносотенец»^{6*}. Боюсь, что теперь Петрищеву надо писать «опровержение» против Осоргина и самого себя.

Вывод из сказанного тот, что «опровергатели» действуют немного «легкомысленно». Они часто опровергают из одного духа «противоречия», а главное – без серьезных данных. При этом, по-видимому, предполагают, что «опровергаемые» ими лица пишут с «кондачка», выдумывая цифры из собственной головы. Смею уверить моих уважаемых оппонентов, что каждое из своих положений я смогу подтвердить весьма серьезными данными.

Если не следует быть излишним пессимистом, то не следует быть и тем «блаженным», который в браках 11–13-летних детей видит... прогресс и не внушающий никаких опасений симптом. Так ведь не трудно дойти и до кандидовского: «Все идет к лучшему в этом наилучшем из миров»^{7*}. На вопрос г. Петрищева: что такое революция и каково вообще ее влияние на мораль, я отвечу в подготовляемой мною к печати книге «Социология революции».

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ

Прошло только восемь лет с 1914 г. «Испепеляющие годы»^{1*}. Поистине «мало прожито, но много пережито». Испытан целый цикл исторических превращений. Пережиты самые полярные состояния общественного уклада, социальных процессов и массовых настроений... Мы знали высочайшие вершины героизма и бездонные пропасти греховности... испепеляющий восторг и смертную тоску, упоение творчества и сладострастие разрушения... Безграничную жертвенность и необузданное себялюбие... Поднимались на гребни исторических валов и падали в бездну...

Испытано все, что может испытать в течение одной жизни поколение. В течение восьми лет мы не жили, а бились в необузданной лихорадке, горели в буйном опьянении и сжигали себя в диком сладострастии.

Теперь температура падает. Пьяный угар проходит... Наступает пора нормальной жизни, а вместе с ней и необходимость трезвого учета реальной обстановки... Приходится брать в руки книгу «доходов и расходов» и подводить баланс за эти годы.

Попробуем это сделать. Проникнемся психологией самого аккуратного бухгалтера и попытаемся с его сухостью и точностью подвести итоги. Они таковы в основных чертах.

1. Изменения в численности и составе населения

Первую и самую важную графу изменений за эти годы составляет рубрика изменений в численности и качестве населения Русского государства и русского общества. Начнем с *количественной* стороны дела.

Русское государство вступило в войну с численностью подданных в 176 млн. В 1920 г. РСФСР вместе со всеми союзными советскими республиками, включая Азербайджан, Грузию, Армению и т. д., имела лишь 129 млн населения. За шесть лет Русское государство потеряло 47 млн подданных. Такова первая плата за грехи войны и революции. Кто понимает значение количества населе-

ПРОФ. П. А. СОРОКИНЪ

**СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ
РОССИИ**

ПРАГА 1922

ния для судеб государства и общества, тому эта цифра говорит очень многое. Кто не понимает этого, пусть прочтет труды Ратцеля, Ковалевского, Бугле, Коста^{2*} и других социологов, тогда он кое-что поймет... Я здесь не могу заниматься комментариями на эту тему.

Эта убыль на 47 млн объясняется выделением из России ряда областей, ставших самостоятельными государствами.

Теперь спрашивается: как обстоит дело с населением той территории, которая составляет современную РСФСР и союзные с ней республики? Убыло оно или возросло?

Ответ дают следующие цифры. По переписи 1920 г. население 47 губерний Европейской России и Украины убыло с 1914 г. на 11 504 473 чел., или 13% (с 85 000 370 до 73 495 897). *Население же всех советских республик убыло на 21 млн, что на 154 млн составляет потерю в 13,6%*. Война и революция пожирали не только всех родившихся, ибо все же некоторое количество продолжало рождаться. Но они сверх этого поглотили 21 млн жертв. Нельзя сказать, чтобы аппетит этих особ был умеренным и желудок их скромным. Если бы даже они дали ряд действительных ценностей, трудно признать цену таких «завоеваний» дешевой.

Такая плата за шесть лет войны и революции^{3*} не часта в истории. Такая убыль за подобный период мне неизвестна из истории европейских стран. Она едва ли когда-либо имела место и в истории России. Только история Китая знает несколько подобных фактов. Мы можем «гордиться» таким «рекордом». Апологетам войн и революций рекомендую воспеть его в особых акафистах и гимнах – тема благодарная.

Из 21 млн на прямые жертвы *мировой войны* падает: убитыми и мертвыми от ран и болезней – 1 000 000 чел., пропавшими без вести и взятыми в плен (большая часть из которых вернулась) – 3 911 000 чел. (в официальных данных пропавшие без вести и взятые в плен не отделены друг от друга, поэтому привожу общую цифру) плюс ранеными 3 748 000, всего на прямые жертвы войны – не более 2–2,5 млн. Затем едва ли меньшей была цифра прямых жертв гражданской войны. Г-н Михайловский считает ее равной примерно 1 млн^{4*}. Я полагаю, что эта цифра низка и должна быть по меньшей мере удвоена. В итоге число *прямых* жертв войны и революции мы можем принять близким к пяти миллионам. Остальные шестнадцать миллионов приходятся на долю их *косвенных жертв: на долю повышенной смертности и падения рождаемости*.

Некоторое представление о движении кривой смертности дают следующие цифры:

Годы	На 1 000 чел. умирало	
	в Петрограде	в Москве
1913	21,4	1913–1914 24,1
1914	21,5	–
1915	22,8	22,1
1916	23,2	20,1
1917	25,2	21,2
1918	43,7	28,0
1919	72,6	45,1
1920	50,6	46,2
1921(1 пол.)	27,8	–

Этим путем, как видно отсюда, революция работала интенсивнее войны. Лишь в 1921 г., с отпадением гражданской войны и улучшением жизни в столице за счет остальной России, получилось некоторое приближение к коэффициенту нормального времени.

Тот же значительный рост смертности имел место по всей России. Это видно хотя бы из следующих цифр:

Губернии	На 1 000 населения умирало	
	в 1914	в 1920
Костромская	28,6	49,6
Московская	26,8	40,8
Нижегородская	29,1	33,8
Орловская	26,8	36,4
Пензенская	30,0	40,8
Рязанская	22,3	27,2
Тверская	25,7	27,0
Смоленская	28,3	33,4

Здесь фигурируют губернии, не испытавшие ни катастрофического голода, ни настоящей гражданской войны. В областях же, бывших ареной последней или подвергнувшихся ужасающему голоду, коэффициенты будут гораздо более высокими. Они доходили до 200–300 на 1 000 населения. Если в столицах с 1921 г. наблюдается понижение смертности, то в голодном районе именно в 1921–1922 гг. она необычайно возросла. Война и революция с их неизбежными спутниками: голодом, эпидемиями и т. д. – «славно поработали». Если другие «завоевания» сомнительны, то несомненна богатая добыча, добытая ими в пользу Царицы Смерти... Последняя сняла и продолжает снимать обильнейшую жатву.

Рядом с этим повышением смертности мы видим и параллельное понижение рождаемости. И это – несмотря на колоссальный рост брачности за годы революции. Казалось бы, последнее обстоятельство должно было вести к подъему рождаемости. Но в ненормальных условиях революционного времени браки стали бесплодными и, как ниже я покажу, превратились только в «легальную форму случайных половых связей» без «санкций и обязательств», без прочности и потомства. Представление о движении брачности дают следующие цифры:

Годы	На 1 000 населения приходилось браков	
	в Москве	в Петрограде
1912	Средняя за 1910–1914 5,8	6,5
1913	–	6,3
1914	5,5	6,0
1915	4,1	5,0
1916	3,9	4,7
1917	5,3	8,5
1918	7,5	9,2
1919	17,4	20,7
1920	19,6	27,7
1921 (1 пол.)	–	26,7

Как видно отсюда, коэффициент брачности за годы революции поднялся до небывалых размеров. Сходное происходило и во всей стране. И, однако, рождаемость до 1920 г. не только не росла, а падала. Лишь в 1920 г. в столицах, где жизнь за счет всей России несколько улучшилась, получился перелом, резко проявившийся в 1921 г., когда коэффициент рождаемости превзошел даже нормальную величину. В 1921 г., однако, этот «эксцесс» исчезает, и кривая рождаемости снова пошла книзу. (Точный коэффициент за 2-е полугодие 1921 г. и 1-е полугодие 1922 г. я не помню сейчас, но в бытность мою в России эти цифры я имел и знаю, что со второй половины 1921 г. кривая пошла книзу.) Картину рождаемости рисуют следующие цифры:

Годы	На 1 000 населения родилось	
	в Петрограде	в Москве
1912	26,7	1911–1913 28,9
1913	26,4	–
1914	25,0	31,0
1915	22,5	27,0
1916	19,1	22,9
1917	17,8	19,6
1918	15,5	14,8
1919	13,8	17,5
1920	21,8	21,9
1921 (1 пол.)	36,0	

Сопоставляя эти таблицы, мы видим, что первые 2,5 года революции были годами «бесплодных» браков. Лишь с момента понижения кривой революции и возврата к нормальным условиям жизни (конец 1919 и 1920 гг.) стала расти и рождаемость, хотя и в несравненно меньшей степени, чем брачность (последняя возросла в 4 раза по сравнению с мирным временем, рождаемость же только приблизилась к обычной норме).

Та же картина имела место и по всей России. Повсюду за эти годы рождаемость не покрывала смертности. Отсюда – убыль населения. Сказанное видно из следующих данных:

Губерния	В 1920 г. на 1 000 населения приходилось		
	Рождений	Смертей	Разница
Череповецкая	240	296	56
Новгородская	240	253	13
Смоленская	297	334	37
Тверская	261	270	9
Московская	245	408	163
Ивано-Возн.	328	463	135
Костромская	332	496	114
Нижегородская	249	338	89
Вятская	162	241	79
Пермская	190	260	70
Пензенская	280	408	128
Рязанская	254	272	18
Орловская	242	364	122
г. Петроград	218	506	288
г. Москва	219	462	243

В губерниях, бывших главной ареной гражданской войны и постигнутых катастрофическим голодом, эта разница гораздо выше и значительнее.

Таковы вкратце «завоевания» войны и революции в области количества населения.

Если принять экономическую ценность человека равной 32 тыс. франков, как это делают некоторые экономисты, то потеря 21 млн населения равна экономическому ущербу 672 000 000 000 франков. Не убыточно ли?

Если подойти к делу с чисто энергетической стороны и принять физическую энергию человека-машины, работающего 10 часов, равной 290 тыс. кг/м, а в год 290 тыс., перемноженное на 365, то потеря 21 млн человек (если бы они жили лишь один год) превосходит потерю 211 400 000 000 000 000 кг/м^{5*}.

Величина эта не очень большая, но все же заслуживающая внимания. Чем тешить себя и других «электрификациями», реально не осуществимыми сейчас, было бы разумнее не губить бесплодно эту доступную физическую силу, так нужную для поднятия и возрождения страны.

Если же учесть далее, что человек не только физическая машина, а носитель высших психических форм энергии, тогда потеря 21 млн «психических машин» превращается в безумное мотовство, растраченное на ветер. Наконец, не сказано ли: «человек – самоцель» и «жизнь человеческая – высшая ценность». Если это не пустые слова, то каким трагическим укором и обвинением является этот 21 млн загубленных жизней во имя мнимых «завоеваний» войны и революции. Впрочем, не будем говорить об этом: мы же условились вести лишь бухгалтерский подсчет. Посему будем спокойны, холодны и аккуратны.

Взглянем теперь на дело с иной, *качественной* точки зрения. Если отбросить в сторону всякие там моральные и прочие «буржуазные» предрассудки

(как их называют коммунистические «спасители человечества»), то количественная потеря вознагражима и поправима. «Одна ночь Парижа возместит все это», – когда-то сказал Наполеон в ответ на указание на множество убитых, лежавших на поле битвы. «Ряд ночей России покроет и этот дефицит», – бухгалтерски повторим мы за ним. Но как дело обстоит с качественной стороны явления?

Мы знаем, что люди не равны. Есть гении и идиоты, здоровые и больные, герои и преступники, волевые и безвольные, старики и дети, мужчины и женщины и т. д.

Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из нее прекрасного общества. И наоборот, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития.

Легко понять отсюда, что для исторических судеб любого общества далеко не безразличным является, какие качественные элементы в нем усилились или уменьшились в такой-то период времени. Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону.

Изменения, испытанные населением России, в этом отношении типичны для всех крупных войн и революций. *Последние всегда были орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот-навыворот», т. е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться «худшие», т. е. людей второго и третьего сорта.*

И в данном случае у нас погибли преимущественно элементы: а) *наиболее здоровые биологически;* б) *трудоспособные энергетически;* с) *более волевые, одаренные, морально и умственно развитые психологически.*

1. За эти годы из разных возрастных слоев всего более потерпели ущерб самые здоровые и трудоспособные возрастные классы. Если общий процент уменьшения населения равняется 13,6%, то возрастные слои от 15 до 60 лет уменьшились на 20%, а мужская часть этих возрастов – на 28%. Отрицательная селекция войны и революции отсюда ясна.

2. Погибли преимущественно мужчины, а не женщины. До 1914 г. на 1 000 мужчин приходилось 1 038 женщин, теперь – 1 250. Население России «обабилося». В городах это уменьшение мужской половины еще значительнее.

3. Так как калеки и вообще лица биологически дефективные не берутся в армию, то процент их гибели был значительно меньшим, чем лиц здоровых.

4. Население Европейской России потеряло в войне почти одну седьмую часть, население Азиатской России – только 1/30. Это значит, что война и рево-

люция унесли главным образом те элементы, которые строили Россию, составляли ее ядро и по своим свойствам были выше азиатских инородцев.

5. В силу той же причины в меньшей мере пострадали и лица *морально дефективные*. Во время мировой войны они в армию не брались, следовательно, не подвергались риску гибели. За время же революции условия как раз благоприятствовали их выживанию. В условиях зверской борьбы, лжи, обмана, беспринципности и морального цинизма они чувствовали себя великолепно; занимали выгодные посты, зверствовали, мошенничали, меняли по мере надобности свои позиции и жили сытно и весело. Совсем иначе чувствовали себя элементы морально честные. Они не могли «жюльничать», воровать, злоупотреблять и насиловать. Поэтому они голодали и таяли биологически. Окружающие ужасы подавляющим образом влияли на все их жизнеощущение, нервная система их не выдерживала «раздражений» среды – и это вело к их усиленному вымиранию. В силу своей моральности они не могли так или иначе не протестовать против совершавшихся зверств, а тем более хвалить их: это навлекало на них подозрения, преследования, наказания и смерть. Наконец, они не могли легко отказываться от исполнения их долга. В условиях войны и революции такое поведение опять-таки усиливает риск гибели таких людей. Вот почему за эти годы, и особенно за годы революции, процент гибели лиц с глубоким сознанием долга (с красной и белой стороны) был гораздо выше, чем процент гибели лиц «аморальных» (шкурников, циников, нигилистов и просто преступников)^{6*}.

6. *Процент гибели лиц выдающихся, одаренных и умственно квалифицированных за эти годы опять-таки несравненно выше, чем процент гибели рядовой серой массы.*

Во всякой войне, а особенно гражданской, крупные лица всегда были мишенью, которую в первую очередь стремится уничтожить другая сторона. Римский лозунг *Parcere subjectes et debellare superbos* (щадите покорных и добивайте гордых)^{7*} остается верным и по сей день. Он оправдался и в нашем опыте. В армии процент гибели офицеров за эти годы был гораздо выше, чем процент гибели солдат. Почти все наше офицерство погибло еще в мировой войне. Заменившее его офицерство из прапорщиков также почти поголовно легло костьми на полях гражданской войны. Офицерство же начиная с «унтеров и фельдфебелей» – это «мозг армии», ее душа, выжимки и культурная аристократия.

Возьмите далее хотя бы слой умственно квалифицированных лиц с университетским образованием. По подсчетам Гальтона^{8*}, таких лиц в Англии приходится около 2 000 на каждый миллион населения. В России же дай Бог, чтобы их приходилось 200 человек на один миллион. Погибло же их всего не 4 000 на 21 млн, а во много раз больше. С самого начала войны мужская половина наших высших учебных заведений почти вся была мобилизована и скоро очутилась на поле битвы, где и погибла. В течение гражданской войны этот слой умственно

квалифицированных лиц поредел катастрофически. 30–40 тыс. – вот минимальная цифра гибели людей этого рода, т. е. их погибло в 6–7 раз больше, чем рядовой, умственно не квалифицированной массы.

Выдающиеся же ученые, писатели, художники и т. д., эти уникамы любой нации, погибли еще в большем проценте. Мы лишились большого числа мировых и крупных ученых и поэтов (Шахматов, Иностранцев, Тураев, Блок, Л. Андреев, Покровский, Хвостов, Паллади, Белелюбский, Туган-Барановский, А.А. Марков, Е. Трубецкой, Б. Кистяковский, Овсянико-Куликовский, Арсеньев и т. д., и т. д.), прямо или косвенно погибших от войны и революции. Мы потеряли большую часть нашей интеллигенции, всего более страдавшей от ужасов и тягот этих годов. Общая смертность таких слоев повысилась в 6–7 раз по сравнению с довоенным временем. Короче, и без того бедные культурными слоями, за эти годы мы стали прямо нищими. «Мозг и совесть» страны вымерли в колоссальном размере и продолжают вымирать.

Прибавьте к этому то, что во всякой гражданской войне выдающиеся лица с той и другой стороны гибнут всегда в усиленном размере. Поликрат, Гиппий и Гиппарх, Эфиальт, Клеон, Алкивиад, Критий, Ферамен, Сократ, Эпаминонд, Муций Сцевола, Кориолан, М. Манлий, Гракхи, Спартак, Друз, Катилина, Помпей, Цезарь, Антоний, Лавуазье, Дантон, Кондорсе, Шенье^{9*} и т. д., и т. д., все они погибли и гибнут, в то же время рядовые «якобинец», «роялист», «жирондист»^{10*} в силу своей серости выживают и спасаются.

Наконец, присоедините к этому огромный процент выдающихся ученых, писателей, поэтов, общественных и политических деятелей, *эмигрировавших* из России или высланных из нее^{11*}; возьмите рядовой уровень политической эмиграции, всегда более высокий, чем уровень оставшейся массы, учтите вдобавок ко всему, что война и революция облагодетельствовали оставшихся многими десятками тысяч калек, раненых, больных и вообще «порченных» особей... и тогда будет понятен весь трагический смысл очерчиваемого качественного отбора.

«Дайте лучших», – гласит римский лозунг, требовавший солдат. В этом лозунге глубокая правда. Война и революция берут лучших поистине. Лучшая кровь нации погибла или выброшена за ее пределы. Остался материал второго и третьего сорта. Это ли не прогресс! Это ли не улучшение человеческой природы! Есть от чего прийти в восторг. Есть за что петь дифирамбы «освежающей» войне и «окрыляющей» революции.

Но и это не все. Бенджамин Франклин был прав, говоря: *по вексям войны (и особенно гражданской. – П.С.) главные платежи приходится платить не столько во время войны (и революции), сколько позже. Убийственный качественный урон – капля по сравнению с дальнейшими его следствиями. В силу закона наследственности, каковы семена – таковы и плоды, такова и жатва. Война и революция, пожирая лучших, пожирают и их потомство. Оставляя*

выживать материал 2-го и 3-го сорта, они ведут к размножению второсортного материала за счет погибшего первосортного. Раз плохи семена, плоха будет и жатва. Не будь войны и революции, «худшие» были бы оттеснены на второй план погибшими «лучшими». Теперь же они занимают первые места и делаются производителями грядущих поколений. Их дети будут творцами нашей истории. Война с революцией сыграли роль огородника, выпальвающего с гряд лучшие овощи и оставляющего размножаться сорную траву. При таком отборе она, конечно, вытеснит овощи. То же и в истории людей. Войны, и война гражданская в особенности, безжалостно выпальвающие лучших из среды народа, всегда деградировали его в биологически-расовом отношении. Это редко замечалось. Но стоит немного вдуматься в суть дела, чтобы понять роковое назначение этих фактов.

Данные биологии за последние годы особенно выдвинули роль наследственных свойств в одаренности человека или целого народа. Если среди англичан, по подсчетам Гальтона, один гений приходится на миллион населения, среди древних греков 1 гений приходится на 4 тысячи с небольшим, а среди негров нет ни одного гения, то причину этого приходится искать не столько в социальной среде, сколько в расово-наследственных свойствах народа^{12*}. По подсчетам проф. Старча, своей одаренностью или неодаренностью человек обязан наследственным свойствам от 60–90% и только от 40–10% – среде^{13*}. Великими и даровитыми рождаются, а не делаются. Благоприятная социальная среда может сыграть лишь роль содействующего фактора, а не создающего таланты. То же, *mutatis mutandis*^{14*}, применимо и к тормозящей роли неблагоприятной среды. Вот почему политика, направленная на процветание народа, прежде всего должна обратить внимание на то, чтобы основной биологический расовый фонд лучших производителей страны не уменьшался и не иссякал. Если такое иссякание получит место, его ничем не компенсируешь.

Оглядываясь на нашу историю, я принужден признать расовые свойства наших предков отличными. Волею судеб мы принуждены были постоянно воевать. Это значит – губили носителей лучших расовых свойств и все же сумели создать могучее государство и ряд великих общечеловеческих ценностей. Если бы наши предки были наследственно не одаренными, давно уже история России была бы кончена. И наоборот, не будь на нашей истории этой проклятой печати милитаризма, мы не только не отстали бы от Запада, а, быть может, уже опередили его. Но... сие не дано. Мы воевали и воюем, т. е. мотовски губим свои лучшие силы. Наступившие небольшие передышки частично позволяли несколько компенсировать ущерб.

Но всему есть предел и мера. Последние 8 лет причинили в этом отношении ущерб огромный, непоправимый. Как указано, они выкинули с пира жизни лучшие силы, носителей лучших расовых свойств, а вместе с ними лишили нас и лучшей жатвы «сынов человеческих».

Вот именно в этой плоскости роль войны и революции чревата трагическими последствиями. Она неэффективна. Это не заметно с первого взгляда, но в действительности она имеет роковой характер и проявляется лишь в ряде будущих поколений.

Здесь мы можем спокойно ответить Наполеону и всем тем «вождям», которые десятки тысяч людей бросают на смерть: «Нет, Sire, не только одна ночь Парижа, но сотня ночей не могут возместить эту гибель лучших». Они могут дать обильный урожай сорной травы, а не жатву первосортных плодов. Только длительный период мира может в известной степени поправить дело, способствуя выживанию лучших.

Урон, понесенный нами, в этом отношении несомненен. Однако, быть может, он еще не смертелен. Если в дальнейшем будет мир, внешний и внутренний, мы можем возместить до некоторой степени этот ущерб. Если же «мудрые правители» и дальше будут гнать народ на войны и революции, боюсь, что дело может принять роковой оборот, тот, который не раз имел место в истории. Звезда Греции стала закатываться как раз после персидских, пелопоннесских и гражданских войн, убивших лучших производителей. После войн с Карфагеном и гражданских Рим теряет свободу, силу натиска и через два поколения начинает свою агонию. «Лучшая кровь погибла», а рабы, вольноотпущенники и варвары, проникшие на верхи социальной пирамиды, не оказались способными продолжать дело древних создателей Римского государства. Достаточно было двух-трех веков непрерывных войн и междуусобиц, чтобы уничтожить громадную свежую нацию арабов и привести к падению большинства основанных ими государств.

Это деградирующее влияние войны и революции замечалось не раз и позже, например после Французской революции, после гражданских войн (через 3–4 поколения), после войны 1870–1871 гг. в Париже и т. д.

И наоборот. Народы, мало воюющие или долго живущие в мире, обнаруживают удивительную силу роста и расцвета. Одной из причин огромного прогресса Соединенных Штатов служит их мирная история, на протяжении столетия с лишним знавшая лишь две – и то не очень уж кровавые – войны. Мы удивляемся необычайно быстрому развитию Японии, в течение полувека ставшей из азиатской страны великой державой. Но, учтя тот факт, что она в течение 250 лет не вела войн (период «великого мира») и могла копить свои лучшие элементы, не приходится этому удивляться. Раз отбора «шиворот-навыворот» не было в течение столь долгого времени, не могли не накопиться огромные контингенты «лучших», что и проявилось в ее необычайном развитии, продолжающемся и по сей день.

Я не могу здесь подробно развивать эти положения. Сказанного, однако, достаточно, чтобы понять весь трагический смысл очерченных потерь, с одной стороны, с другой – величину той платы, которую приходится платить за воен-

ную славу или за фетиш революции. Будь еще два-три повторения таких войн и революций, и историю России можно считать законченной. Вот почему я не могу без глубокой горечи слушать и читать панегирики и дифирамбы революции, распеваемые ей десятками трубадуров и скоморохов. «Потише, господа, над могилами не пляшут... Еще менее допустимы канкан и пьяное оранье над могилой или смертельными ранами целого народа. Приводящие нас в восторг эффективные сцены революции часто стоят народу всей его истории. Будьте поскромнее и сумейте помолчать...»

Таковы вкратце основные «завоевания» войны и революции за эти годы.

* * *

Но, увы, и ими дело не исчерпывается. Война и революция сильнейшим образом ухудшили и выживший второстепенный материал населения. Особенно молодое поколение, родившееся и выросшее в грехе военных и революционных судорог. Голод, болезни, эпидемии, ужасы и кошмары, сопутствующие всякой «великой» войне и «великой» революции, страшно ослабили и без того ослабленную природу выживших. Теперь уже бросаются в глаза биологические дефекты молодого поколения.

Их деградация проявляется в целом ряде симптомов. Во-первых, в том, что *значительно пал вес новорожденных*. Исследования проф. Личкуса и др. показали, что вес новорожденных в 1918–1920 гг. был значительно ниже веса нормальных годов. Во-вторых, в том, что возрос процент мертворожденных (соответствующие данные я привожу в печатающейся сейчас книге «Голод как фактор») ^{15*}.

В-третьих, в том, что пала *жизнеспособность новорожденных*: процент их смертности в первые дни жизни резко повысился по сравнению с нормальным временем.

В-четвертых, в том, что *биологическая конституция молодого поколения оставляет желать много лучшего*. Рост его задержан и уменьшен. Это видно хотя бы из следующих цифр, кстати, вскрывающих и «прелести» коммунистических «детских домов», «детских колоний», «интернатов» и «приютов», устроенных нашей властью.

Возраст	Дети 1921–1922 гг.		
	Интерны	Экстерны	Нормальное время
7 лет	105,9	112	–
8	112,8	115,8	–
9	117,4	122,5	–
10	121,8	126,6	132
11	126	129,5	133,4
12	131,8	134,5	138,2

(Цифры 1921–1922 гг. дают результаты исследования 2 000 детей Петрограда.

Цифры нормального времени дают рост воспитанников приюта Принца Ольденбургского.)

Из этих цифр видно, что дети нормального времени выше ростом детей нашего времени; дети «интерны», т. е. содержащиеся в «детских домах», отстают от детей, живущих дома.

Столь же невеселы результаты детей и в других отношениях.

В-пятых, *громadный процент их, а именно 5%, рождаются наследственными сифилитиками.* Во всем же населении заражено им около 30%.

В-шестых, колоссально возросла *нервность населения и душевные болезни.* Абсолютно ненормальные условия, в которые поставлено было население и его нервная система во все эти годы, сверхчеловеческие ужасы, лишения и горе вывели последнюю из равновесия у всех, увеличили психозы и неврозы. Исследования проф. Осипова, Горового-Шалтана^{16*} и др. ясно вскрыли этот рост душевных заболеваний. В голодных же районах психические расстройства приняли массовый характер.

В-седьмых, прибавьте к этому *тиф, которым переболела чуть не одна треть населения, цингу, дизентерию, огромное распространение малярии, «испанки», всевозможные простудные болезни, наконец, катастрофический рост туберкулеза, сейчас уже уносящего жертв больше, чем тиф; учтите все это, и тогда поймете всю громадность биологической и нервно-мозговой деградации населения.* Она становится несомненной. В силу этого «второсортная» природа строителей будущей России еще более ухудшается. Раны, нанесенные войной и революцией, становятся еще опаснее и чреватее...

Когда учтешь все это, не можешь без улыбки сожаления и снисхождения слушать разглагольствования всевозможных – иностранных и своих, больших и малых – апологетов войны и революции. Одни из них, не выдавшие подлинного лица последних, делают это по детскому неразумению; другие – «эстетико-садисты», нервы которых требуют острых щекочущих сцен в силу своей извращенности; третьи, спекулирующие на революции и войне, – в силу своего эгоизма... Вдумчивый же исследователь, не довольствующийся эффектной панорамой событий, а вкладывающий персты свои в самую сущность явлений, не может не прийти к пожеланию, чтобы судьба избавила все народы от лечения своих язв методами войн и глубоких революций: «Да минует их чаша сия»^{17*}. Кто этому не верит, пусть попробует сам, тогда он на опыте убедится в правильности сказанного.

2. Изменения в структуре социального агрегата

Все крупные общественные движения начинаются и идут под знаменем великих лозунгов: «царства Божия на земле», «Бога и веры», «братства, равенства и свободы», «водворения справедливости», «прогресса», «демократии» и т. д. Множество лиц, прямо или косвенно участвующих в них, верили и верят, что эти

движения призваны «уничтожить вековую несправедливость» и осуществить эти великие идеалы. Последние являются «крыльями», на которых поднимается, ширится и взлетает общественное движение. Они – обычные спутники последнего. Они его «приукрашивают», «пудрят», «расцвечивают» для того, чтобы был возможен энтузиазм и фанатизм, героизм и безграничная вера, необходимые для успеха таких движений. Так было и бывает всегда.

Но вместе с тем *ни одно из этих движений никогда не осуществляло в сколько-нибудь серьезном масштабе выставленных идеалов*. Объективная действительность, получавшаяся в результате таких движений, всегда была далекой от выставленных лозунгов.

История зло шутила и продолжает шутить над людьми в этом отношении.

Примеры: христианство дебютировало с лозунгами «царства Божия на земле», «братства», «бесконечной любви» и «равенства» и т. д. Объективным результатом были: иерархия церкви, ад на земле, деспотизм папства, инквизиция, зверства и войны.

Реформация шла под лозунгами свободы совести, прав человека, торжества разума и т. п. Объективный результат: сожжение и преследование инаковерующих протестантами и реформаторами, войны и тьма новых суеверий, пришедших на место старых.

Французская революция провозгласила: *egalité, fraternité, liberté*^{18*}, «декларацию прав человека и гражданина», «религию разума». И никогда не было такого неравенства, зверства, деспотизма и «псевдорационального культа заблуждений», как в годы революции.

Вспомним лозунги мировой войны. Вместо них объективно получился Версальский договор^{19*}, не требующий пояснений. Не приводя других факторов, утверждаю, что это явление «иллюзионизма», расхождения «тьмы низких истин» от «возвышающего обмана»^{20*} – явление общее, позволяющее формулировать его в форме *особого закона*, называемого мною *законом социального иллюзионизма*.

В резчайших формах он проявился и в нашей революции. Все мы помним великие лозунги Февральской и Октябрьской революций: «освобождение от деспотизма самодержавия», «самоуправление народа» и «автономия лиц и групп», «полная демократия», «самоопределение народов», «мир, хлеб и свобода», «низвержение капитализма», «полное равенство», «раскрепощение трудящихся классов», «власть рабочих и крестьян», «диктатура пролетариата», «коммунизм», «Интернационал», «мировая революция» и т. д. Таковы были великие лозунги, прокламированные революцией. Из одного края великой русской земли до другого проносились они, заражали миллионы, зажигали их огнем энтузиазма и фанатизма, будили и опьяняли их и возбуждали великую веру к себе и в себя. Казалось, что великий час пробил, вечно жданное наступает, мир обновляется и «синяя птица» всех этих ценностей в руках...

Достаточно было двух-трех лет, чтобы слепцы из слепцов и глухие из глухих убедились в своих прекрасных иллюзиях. Они растаяли, как дым... Вместо «синей птицы» в руках оказалась та же ворона, только остриженная и искалеченная... История еще раз обманула верующих иллюзионистов. Поистине «слепые вели слепых, и все упали в яму». Миллионы за эти иллюзии заплатили жизнью, другие – невыносимыми страданиями, третьи – горьким похмельем, четвертые, вдохновители иллюзий, – потерей ореола вождей и спасителей человечества, падением в бездну цинической подлости, низкой преступности, в пропасть махинаций самолюбивых интриганов, тиранов и темных дельцов.

Вы хотите подтверждений сказанному? Я могу их дать в любом количестве. Ограничусь минимумом.

Во-первых, Октябрьская революция ставила своей задачей *разрушение социальной пирамиды неравенства, и имущественного, и правового, уничтожение класса эксплуататоров и тем самым эксплуатируемых.*

Что же получилось? Простая перегруппировка. В начале революции из верхних этажей пирамиды массовым образом были выкинуты старая буржуазия, аристократия и привилегированно-командующие слои. И наоборот, снизу наверх были подняты отдельные «обитатели социальных подвалов». «Кто был ничем, тот стал всем».

Но исчезла ли сама пирамида? Ничуть. Если слепым сначала казалось, что она исчезает, то только в начале революции и только слепым. Через два-три года разрушаемая пирамида оказалась живой и здоровой. На низах снова были массы, наверху – командующие властители. Последние были еще более привилегированы, чем старая власть, первые – еще более обездолены, чем раньше. При старом режиме у них все же были кое-какие права и гарантии, у власти – ряд ограничений, за которые она ни юридически, ни фактически не могла переступить... Теперь... у массы и гражданина не оказалось никаких прав, даже права на жизнь. Она превратилась в случайность, гражданин – в улитку, которую мог раздавить и давил – без разбора рабочего и крестьянского происхождения – каблук первого встречного комиссара. Власть и ее агенты были не ограничены. Они могли вмешиваться во все. Нормой стало: *quod principi placuit legis habet vigorem, princeps legibus solutus est*^{21*}. Ни законов, ни гарантий, ни прав – вот объективный результат «поравнения»...

Имущественное равенство? О, его мы наблюдали за все эти годы. Оно осуществлялось в «коммунизациях», «реквизициях» и «национализациях» вплоть до последней пары ложек и белья. Но в пользу кого и кем? Агентами власти и ее клиентами в пользу себя самих. Конечно, это не мешало иногда бросить обглоданную кость и крохи якобы в пользу общества и бедноты, но только крохи, и то жалкие.

Это «равенство» проявлялось далее в том, что в 1918–1920 гг. массы – интеллигентный пролетариат, рабочий класс и крестьянство – умирали от голода,

[живя] на $\frac{1}{16}$ и $\frac{1}{8}$ фунта хлеба, – верхи жили на пайке «что душа хочет». Там было все, вплоть до тропических фруктов, автомобилей и... нескольких любовниц. А теперь это «имущественное равенство» может видеть всякий экспериментально: пусть он побывает в России, посмотрит, как живут в Москве и в других местах власть имущие, их квартиры, стол, одежду, автомобили и т. д. и как там же валяются на улицах голодные и оборванные люди. Для этого достаточно просто пройти по двум-трем улицам. *Контраст нищеты и роскоши в современной России больше, чем в любой «буржуазной» стране.* Пропасть между «уровнем жизни» коммунистических и спекулятивных верхов и умирающей от голода многомиллионной массы значительнее, чем между «уровнем жизни» Моргана и американского рабочего. В итоге революции и правовое, и имущественное неравенство не уменьшилось, а усилилось. Пирамида стала не покатее, а круче и острее... Трагедия «молота и наковальни» не только не оказалась преодоленной, но еще более усиленной.

Мало того. Если ряд глупых людей вздумали бы утешать себя тем, что «все же, мол, на верхи, на командующие позиции попали люди низов», то и это утешение их теперь беспочвенно. В течение 1921–1922 гг. совершалась и продолжает совершаться обратная «циркуляция»: множество рабочих и крестьян, попавших в верхи в начале революции, теперь обратно выбрасываются оттуда, и наоборот, множество лиц, выкинутых в 1917–1918 гг. из командующих позиций на низы, теперь снова поднялись в status quo ante^{22*}. В армии – наверху снова старый генералитет (Брусиловы, Лебедевы, Слащевы и т. д.) и офицерство, разбавленное процентом «новичков». В комиссариатах, кроме членов комиссий, остальные директора и начальники департаментов – старые «спецы»; здесь немало старых министров, товарищей министров, директоров... Так дело обстоит во всех этих Госпланах, совнархозах, наркоматах.

Посмотрите далее, кто сидит в правлении трестов. Сначала были рабочие. Потом – два рабочих и один «буржуазный спец». В 1922 г. уже два, а то и все три члена правления состояли из «спецов», в число которых обычно входят бывшие хозяева данного предприятия. И так везде. «Переменная величина» революции неуклонно идет к старому пределу.

Рекомендую взглянуть и на такие ведомства, как ЧК и ГПУ. И здесь сейчас весьма значительный процент «чекистов» составляют бывшие агенты жандармского корпуса и охранного отделения, начиная с безымянных «шпиков» и кончая матерыми охранниками вроде знаменитого полковника-погромщика Комиссарова.

Во главе церковного управления власть поставила члена Союза русского народа Красницкого, а обер-прокурором стал бывший обер-прокурор Львов...^{23*}

«Все возвращается на свои места». Поистине неожиданные трюки выкидывает история, ошарашивая горячие, но невежественные головы.

А уничтожение эксплуатации? О, его испытало 97% населения на своей шкуре. «Добивались восьмичасового рабочего дня, а теперь работаем шестнадцать и получаем за это $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{4}$ фунта хлеба», – так резюмировало положение дел народное сознание. Правда, у нас юридически не было в 1918–1921 гг. капиталистов как собственников средств и орудий производства... Но зато был слой властвующих «разрушителей капитализма», безжалостно заставляющих население работать на себя и на свои забавы, начиная с III Интернационала. Людей мучили и хлестали хуже, чем хлещет дурной извозчик изнемогающую лошадь. Из семи дней в неделю крестьянин должен был отдавать «коммунистической барщине» 3–4 дня в виде выполнения бесчисленных повинностей: «дровяной, сплавной, гужевой, подворной, оконной, строительной, хлебной, молочной, яичной» и т. д. Под видом «субботников» и «сверхурочных» работ рабочего заставляли работать по 12–14 часов. А сверх них, придя домой, он сам должен был варить, добывать и колоть дрова, копать летом на огороде, шить, убирать жилище и т. д., ибо пойти в ресторан, на рынок, в кафе он не мог за отсутствием их и неимением денег.

Энергии тратилось пропасть. Питание же состояло из $\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ фунта хлеба и жидкой каши. Весь заработок его в 1918–1920 гг. колебался от 2–5 рублей золотом, теперь он колеблется от 3 до 8 рублей.

В то же время, как и теперь, верхи жили «на славу» и копили капиталы. Они сами «не сеяли и не жали, но успешно собирали в житницы». В настоящее время 30 млн крестьян умирает с голоду, остальные задавлены тяжестью невероятных многочисленных налогов, рабочие – непосильной работой и нищенской платой (3–8 рублей золотом), а верхи и новая буржуазия, вышедшая главным образом из коммунистов и кругов им близких, сколотили и сколачивают весьма солидные капиталы и кладут начало будущим банкирским домам и солидным капиталистам.

Вместо уничтожения эксплуатации революция создала в 1918–1920 гг. небывалую эксплуатацию, настоящее крепостничество в одной из худших форм – в форме государственного рабства; в 1921–1922 гг. с новой экономической политикой оно несколько смягчилось, но по-прежнему представляет эксплуатацию «буржуазного общества», усиленную во много раз.

Если есть еще люди, сомневающиеся в этом, я рекомендую им простой способ проверки: поехать в РСФСР, посмотреть лично положение дел и особенно сделаться рабочим. В одну-две недели неверующий поймет, прав ли я или нет.

Революцией была провозглашена *свобода*. Действительность преподнесла такую «свободу», от которой все взвыли. Поведение людей оказалось связанным и опекаемым всесторонне. Автономия их пала до нуля. Область опеки, регулирования и вмешательства власти стала беспредельной, врываясь в сферы самых интимных отношений. От рождения до могилы каждый шаг оказался регулируемым сверху. Свободы совести, слова, печати, союзов, собраний объявлены были «буржуазными предрассудками». Власть стала вести «учет и контроль» и регу-

ликовать все стороны поведения и взаимоотношений. Что должен гражданин есть и пить, что делать, какой профессией заниматься, как и во что одеваться, где жить, куда ездить, чем развлекаться, что и как думать, что читать, писать, во что верить, что хвалить и порицать, чему учиться, что издавать, что говорить, что иметь и т. д., и т. д. – все было определено и регулировано. Люди обращены были в манекенов, которых дергали, но сами они не могли определить свое поведение. Я часто завидовал домашним животным: их хоть в стойле предоставляют себе самим, а граждане РСФСР не имели и этой свободы: в их «стойло» даже ночью то и дело врываются «регулирующие» и «наводили свой учет и контроль», часто кончавшийся тюрьмой или свободой смерти...

Тюрьмы были переполнены как никогда, и не столько «буржуями», сколько крестьянами и рабочими. Целыми стадами гоняли людей на сотни «повинностей». Печать свелась к уничтожению всех книг и газет, кроме правительственных, собрания – к правительственной повинности для выслушивания очередной порции коммунистического «оратора», союзы – в фикцию и т. д. Словом, получилась такая «свобода» необузданного самодурства власти и беспросветного рабства населения, что гражданин РСФСР с полным основанием мог завидовать свободе рабов. Они действительно были свободнее.

С 1921–1922 г. стало немного легче. Но объем свободы при старом режиме по-прежнему остается желанным и недостижимым идеалом. Так обернулось дело со «свободой»...

Революция *urbi et orbi*^{24*} провозгласила в октябре «мир». На деле же из него получилась зверская и безжалостная война, беспощадная и бессердечная, в течение трех лет после того, как остальные народы перестали воевать. Миллионы жертв, разрушенные города и села, взорванные мосты, развороченные пути, опустошенные нивы, замолкшие фабрики, кровью орошенные равнины России – свидетельства этого «мира»... Едва ли бы и сам дьявол сумел злее надсматься над этим «миром»...

Наконец, замолк гром пушек. Но остался по сие время милитаризм, пронизывающий всю жизнь русского общества. Даже современная демобилизованная армия больше, чем армия мирного старого режима. Она поглощает чуть не весь бюджет государства (1 200 000 000 из 1 800 000 000 по проекту 1922 г.). Вся общественно-политическая жизнь милитаризована до сокровенных глубин, вплоть до обучения и посещения собраний и лекций (так и пишется: «в порядке военной и революционной дисциплины»).

«Кто плохой воин, тот гражданином быть недостойн», – так гласили официальные плакаты. Все управление, вся психология милитаризована. Перед вами не страна, а огромная казарма...

Получившийся «мир» достоин коммунистической «свободы». В трехчленной формуле Октябрьской революции стоял наряду с «миром» и «свободой» –

«хлеб»... Населению были обещаны «кисельные берега и молочные реки», сытость, довольство, «курица в супе». Вместо этого русский народ накормили... свинцовой пулей, корой, травами, глиной, жмыхами, дурандой и в качестве десерта... мясом своих детей... «И будешь ты есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих», – сказано в Библии^{25*}. Россия же стала великим кладбищем сотен тысяч трупов, умерших от голода и разобщенных и разбросанных по ее лесам и лугам, городам и селам... Таков хлеб, которым накормила революция русский народ... Он причастился тела и крови своей в буквальном, а не в переносном значении этого слова. Совершилось поистине великое таинство. Остает воскликнуть: Te, Deus, laudamus! Ave, Revolutio, morituri te salutant!^{26*}

С 1921–1922 гг. питание столиц и городов несколько улучшилось за счет остальной России, зато деревенская Русь за эти годы стала голодать сильнее не только в районах, постигнутых катастрофическим голодом, но и в других областях: неимоверно тяжелые налоги заставляют крестьянство продавать самое необходимое, продналог оказался не легче, а тяжелее разверстки. Крестьянин снова недоедает – во славу Интернационала, Советской власти и новой спекулятивной буржуазии.

Революция провозгласила принцип *автономии народов, областей и децентрализацию*. На бумаге она как будто провела свои обещания. На месте Российской империи теперь числится ряд автономных советских республик и областей. На деле же Россия сейчас централизована гораздо сильнее, чем раньше. Все эти автономные республики имеют чисто фиктивное существование и представляют простые вывески, скрывающие суть дела. Всем и вся управляет Москва, даже не Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, не Совнарком и даже не РКП, а «Политбюро Российской Коммунистической Партии» в составе пяти человек^{27*}. Сюда стянуты все провода управления, и отсюда исходят все «токи» власти. Остальные – простые исполнители приказов этой пятерки. Как Французская революция, по справедливому замечанию Токвиля^{28*}, только довела до предела основные свойства старого режима, в том числе и тенденцию централизации 2-й половины XVIII в., так и русская революция довела до предела дурные стороны старого режима, в частности его деспотизм, тиранию, его бесправие, его централизацию и бюрократизацию. Если царизм не давал возможности развитию земского и городского самоуправления, не признавал автономию национальностей и областей, то революция пошла еще дальше по этому пути, прикрыв свое дело архиавтономными лозунгами и вывесками.

Основным лозунгом коммунистической революции был лозунг *разрушения капитализма*. Во что же он вылился?

В разрушение средств производства и обращения – раз. В установку на место частного капитализма худшей формы последнего – капитализма государственного – два. Наконец, в попытку возрождения разрушенного частного капитализма – три. Таковы объективные итоги в этой области.

Ниже будут приведены данные, характеризующие катастрофическое разрушение всего хозяйства страны. Грандиознейшее обнищание страны и вымирание, наступившее в итоге «коммунизации», рост крестьянских восстаний, грозивших власти, заставили последнюю в 1920 г. сделать первый шаг назад: провозгласить вместо коммунизма государственный капитализм, представляющий якобы высшую форму капитализма.

Я не знаю, цинизмом или невежеством объясняются такие заверения. То, что у нас введено было под именем государственно-капиталистической системы, представляет буквальное повторение хозяйственной системы древней Ассирии-Вавилонии, Древнего Египта, Древней Спарты, Римской империи периода упадка (III–V вв. по Р. Х.), государства инков, Перу, иезуитов, системы, не раз имевшей место в истории Древнего Китая, например, при Ван Ань-ши, Древней Японии, системы, близкой к состоянию ряда государств ислама, бывшей не раз в истории Персии, Индии и т. д. (мною готовится на эту тему специальная монография. См. развитие этих положений в моей печатающейся книге «Голод как фактор» в главе «Голод и этатизм», а также в статьях «Влияние войны на общественную организацию» и «Влияние голода» – *Экономист*, № 1, 2 и 4–5 за 1922 г.)^{29*}.

Эта-то примитивная система, несравненно более древняя, чем частный капитализм, наступавшая обычно в периоды декаданса, войн и обнищания, в силу тех же условий долженствовавшая наступить и у нас, была объявлена «высшей формой капитализма» (см. речь Ленина о продналоге)^{30*}. Невежественные и трагические шутники! – остается сказать им на это.

Мудрено ли, что вместе с ней рабочие и крестьяне попали в то же положение, в каком они были всегда при такой системе: в положение рабов и крепостных Египта, рабов и илотов Греции, колонов и закрепощенных ремесленников Римской империи, индейцев государства иезуитов, бесправных рабов государства инков и т. д.

Приведу для примера описание государства инков и Римской империи III в. Они представляют адекватное описание РСФСР этого периода. В Перу власть была «центром и церковной и судебной главою». Нация состояла из рабов этой власти, носивших звание солдат, работников и чиновников. Военная служба считалась обязательною для всех индейцев. Отслужившие сроки отчислялись в запас и должны были работать под надзором государства... Все жители были подчинены чиновникам («комиссарам». – *П.С.*). Церковная организация была устроена подобным же образом. Шпионы, наблюдавшие за действиями других служащих (ЧК. – *П.С.*), имели также свою организацию. Все было подчинено государственному надзору. В деревнях были чиновники, наблюдавшие за посевом, пахотой и жатвой. Когда был недостаток в дожде, государство снабжало пайком воды. Путешествующий без разрешения наказывался как бродяга; но зато для тех, кто путешествовал по служебным обязанностям (т. е. «командировкам». – *П.С.*), су-

ществовало особое учреждение, снабжавшее квартирой и всем необходимым. На обязанности десятников лежало наблюдение над одеждой народа, чтобы носили те платья, которые им предписаны. Сверх этого контроля жизни внешней существовал еще контроль и жизни домашней. Требовалось, чтобы народ обедал и ужинал при открытых дверях так, чтобы судьи могли входить свободно (для надзора). Тех, кто дурно содержал свои дома, секли. Под этим контролем народ трудился над поддержанием столь сложной государственной организации. Высшие чины были свободны от налогов, зато земледельческий класс, за исключением находящихся на службе в армии (красноармейцев. – П.С.), должен был отдавать весь свой продукт, оставляя себе лишь то, что требовалось для скудного пропитания. Сверх натуральной повинности, состоявшей в обработке земель, крестьяне должны были обрабатывать земли солдат, находящихся на службе (у нас – красногвардейцев. – П.С.). Кроме того, должны были платить подать обувью, одеждой (у нас – продналог, льняная, гужева, топливная и другие повинности. – П.С.). Участки земли, предназначенной на нужды народа, распределялись между отдельными людьми сообразно с их семейным положением. Точно так же и относительно продуктов от стад: часть их периодически подвергалась стрижке, причем шерсть делилась чиновниками (у нас – молочная, яичная, шерстяная, мясная, масляная и другие повинности. – П.С.). Это устройство было следствием того, что частная собственность находится в пользовании каждого человека только по милости власти. Таким образом, личность, собственность и труд народа принадлежали всецело государству; народ переселялся из одной местности в другую по указанию власти (у нас – «переброски» Троцкого и трудовые переброски); люди были просто единицами централизованной военной машины и направлялись в течение всей жизни к наивозможно большему выполнению воли власти и наивозможно меньшему действию по своей собственной воле... Перуанцы не имели монеты; они не продавали ни одежды, ни домов, ни имений, их торговля почти не выходила за пределы простого обмена съестными припасами. (Спенсер Г. Основания социологии, т. II, 436).

В Римской империи III–IV вв. по Р. Х., как и у нас: 1) власть не ограничена; 2) ее вмешательство, опека и централизация безграничны; 3) частной собственности, торговли и промышленности почти нет: все занято государственно-плановым хозяйством; 4) денежной системы тоже почти нет; 5) налицо система «пайков» и карточек; 6) все население прикреплено к своим местам; 7) свободы труда нет; 8) свободы союзов также и т. д., и т. д. (См., например: *Waltzing. Étude historique sur les corporations professionnelles chez le romains*. 1896, II, 480–484 и др.; работы М.И. Ростовцева, Hirschfeld'a, Diel'a, Salvioli, Duruy и др. Подробно смотри в моих указанных выше работах.)

По сравнению с этим положением государственных крепостных положение рабочих в буржуазном обществе являлось – и с материальной, и с правовой,

и с моральной стороны – недостижимым идеалом. Рядом с этим результатом неизбежно явилось и второе следствие этой наихудшей формы капитализма: дальнейшее падение производительности труда, дальнейшее обнищание и вымирание. Вообще государственно-капиталистическая система экономически неизбежно ведет к этому обнищанию и через это – к самогибели. Если в ряде обществ она могла сравнительно долго существовать, то только потому, что грабила другие народы путем войны (Липара, Спарта, Рим, ислам и т. д.) или бесчеловечно эксплуатировала трудовые слои, заставляя их работать сверх сил в пользу кучки властвующих (государство иезуитов, инков и т. д.). В итоге и наши «слепые вожди» поняли это и принуждены были сделать новый шаг назад: прокламировать новую экономическую политику, а тем самым частный капитализм. Началось усиленное заигрывание и зазывание частного капитала; сотни приманок были пущены в ход, чтобы привлечь его: и аренда, и концессия, и архиростовщические проценты, и признание долгов, и всякие гарантии – словом, началась распродажа России оптом и в розницу с целью привлечения капитала. Денационализировали деревню и мелкую промышленность, продолжают, упираясь, денационализировать и крупную исподволь. Нужно ли говорить, что это в течение года будет сделано? Нужно ли говорить, что все слова о непризнании «собственности» – пустые слова, пускаемые только для внешнего употребления, а затем – допуская право владения, пользования и распределения на 45 и даже 99 лет – власть тем самым признала собственность в объеме большем, чем нужно.

Граждане РСФСР, видя этот ход назад, естественно, спрашивают: «Раз так, то зачем нужно было разрушать национальное богатство, объявить низвержение капитализма, раз сами разрушители его вынуждены снова вводить и культивировать этот плод?»

Я не мистик и не ищу в истории руки Провидения, но есть нечто поистине знаменательное в той злой шутке, которую история выкинула с коммунистами: их же самих своими собственными руками она заставила возводить то, что они разрушали. Теперь они пытаются капитализм насадить всеми силами, но разбойники редко могут стать организаторами хозяйства. Изгнанный капитал, несмотря на все приманки, не идет. Поистине большего банкротства коммунизма трудно вообразить.

Но ирония истории идет дальше... Помимо сказанного, в результате коммунистической революции в России возникла и сейчас бушует небывалая собственническая стихия. До коммунизма у нас в деревне не было настоящей мелкой буржуазии, у крестьян – глубокого чувства и положительной оценки института частной собственности. Теперь то и другое налицо. Революция превратила наших общинников-крестьян в индивидуалистов-собственников. По всем областям России идет стихийное выделение крестьян на отруба и хутора. Власть бессильна сопротивляться этому, и земельный закон 22 мая 1922 г., представ-

ляющий разновидность закона П.А. Столыпина, санкционировал это. Короче, в деревне коммунистическая революция выполнила программу П.А. Столыпина, создала мелкого собственника и надолго похоронила всякие коммунизмы.

То же и в городе. Здесь объективным результатом явилось образование новой буржуазии – «нэпманов», пока чисто спекулятивной, шакаловидной, хищной, непроемчивой, но архииндивидуалистической, полнокровной и ничего общего не имеющей со старой «импотентной» буржуазией. Выйдя главным образом из рядов коммунистов, сколотив капиталы путем грабежа, «национализации», «реквизиций», «коммунизаций» плюс мошенничества, обмана, спекуляций, она знает цену «хорошим словам»: «что твое – мое, что мое – мое» – таково было осуществление ею коммунизма на практике. Ее не проведешь теперь хорошими словами, она к ним глуха и будет защищать награбленное всеми силами, «зубом и когтем». По своей психологии она архииндивидуалистична, антикоммунистична и теперь уже составляет ту плотину, о которую разбиваются все волны коммунизма... Ее число растет. 200 000 вышедших из партии коммунистов в огромной части перешли в этот слой новой буржуазии. Наконец, сама коммунистическо-социалистическая идеология после опытов в стране окончательно дискредитирована. Она ненавистна. Против нее по меньшей мере 97% населения. Прибавьте к сказанному полную ликвидацию коммунистических начал в самой жизни, в форме почти полного уничтожения «коллективных хозяйств», «совхозов», «комхозов», бесплатного обучения, школ, трамваев, прекращение пайков, социального обеспечения и т. д., и т. д., и тогда будет понятно, что коммунизм в России кончился. Его нет, если не считать им еще остающуюся в плену «национализации» развалившуюся тяжелую индустрию (и то потому, что нет охотников взять ее обратно). Стадия коммунизма пройдена, оставив по себе появление и расцвет антикоммунизма, психологию частной собственности, образование полнокровной сельской и городской буржуазии и ненависть к идеологии и системе коммунизма-социализма.

Такое же полное банкротство случилось и с диктатурой *пролетариата*. В стране, где пролетариат составлял не больше 3–4% населения, такая диктатура, если бы она и была осуществлена, могла бы быть только тиранией пролетарского меньшинства над большинством. Фактически и этого не было. В 1917–1918 гг. мы имели власть, составленную из *intellectuels*, из лиц, никогда не работавших на заводе или на поле, вышедших из среды буржуазных классов (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Красин, Чичерин, Луначарский, Менжинский и т. д.), но опиравшихся на стихийное движение значительной части армии, крестьян и рабочих. Став во главе движения, мастерски используя усталость от войны, недовольство от ухудшения материальных условий, желание отобрать помещичьи земли, они были вынесены наверх этими массами. Заняв верховные командующие позиции, они допустили на подчиненные места множество выходцев из крестьян, рабочих

и солдат. Наученные опытом, зная непрочность своего положения, они с первых же дней захвата власти принялись за организацию армии своих преторианцев^{31*}. Создав аппарат насилия и террора в виде ЧК, тем самым они положили начало перерождению трудовых масс в власть тирании над этими массами.

К началу 1919 г. уже произошел отлив масс от власти, начались рабочие и крестьянские восстания. Диктаторы вместо удовлетворения массовых желаний перешли к необузданному усмирению их посредством своих преторианцев. Начался террор. Наивны те люди, которые думают, что он был направлен только против буржуазных классов. С полной готовностью нести ответственность за свои слова, я утверждаю, что он не в меньшей, если не в большей степени пал на рабочих и крестьян. Так как большинство Советов, избранных в 1918 г. трудящимися, оказалось антибольшевистским (в отличие от 1917 г.), то эти Советы были разогнаны, избранные депутаты арестованы.

Рабочие собрания и митинги, проникнутые оппозиционными настроениями к правительству, закрывались, не допускались, а наиболее видные члены их арестовывались. То же произошло и с крестьянскими съездами.

Вслед за арестами пришла и полоса расстрелов, индивидуальных и массовых. Последние приняли форму настоящей войны с деревней. Села и поселки окружались военно-преторианскими частями, громились, сжигались артиллерией, а вслед за «завоеванием» их наступала массовая экзекуция в форме расстрелов «зачинщиков», в форме убийства одного из каждого десятка лиц.

Я утверждаю: огромное большинство из тех сотен тысяч, которые были расстреляны властью, состояло из рабочих и крестьян.

Позже все это вылилось в форму грандиозной гражданской войны, множества фронтов, составленных восставшими массами, и необъятного количества рабочих, крестьянских и матросских восстаний, говорящих весьма ярко о характере этой мнимой «диктатуры пролетариата». С 1919 г. власть фактически перестала быть властью трудящихся масс и стала простой тиранией, состоящей из беспринципных интеллигентов, деклассированных рабочих, уголовных преступников и разнородных авантюристов.

Западноевропейский читатель недоумевает: если так, то каким же образом такая власть могли удержаться? – недоуменно спрашивает он. Для него такое положение дела непонятно. Ему кажется, что так обстоять дело не может. Но – увы! – это так.

Причины этого «странного» положения таковы.

Во-первых, из личного опыта ему должно быть известно (социология же еще устами Спенсера это показала), что небольшая, но хорошо организованная группа может управлять группой, в десятки раз ее превосходящей по числу. Отряд полицейских в 20 человек может разогнать толпу в несколько тысяч. Дисциплинированная воинская часть побеждает гораздо более численную,

но плохо вооруженную и организованную армию. Исторический пример дает герцог Альба, с 10-тысячной армией испанцев властвовавший над 3-миллионным населением Нидерландов. Армия большевистских преторианцев в несколько десятков тысяч способна была властвовать и насиловать многомиллионную массу. Это делать было тем легче, что к этому времени (1919 и позднейшие годы) пролетариата в городах почти не стало: с развалом промышленности состав его сократился в 4–5 раз. Получилась «диктатура пролетариата без пролетариата». Массовые выступления его стали невозможными. Кулак многотысячной пролетарской массы перестает существовать. Оставшаяся небольшая часть не могла быть внушительной силой.

Еще бессильнее оказалась деревня. Население России, разбросанное на $\frac{1}{6}$ части земного шара, расплывено, очень редко и потому не в состоянии организованно выступить сразу и действовать планомерно. Это затруднялось и тем, что печать была захвачена властью, все другие органы ее были закрыты. Власть же захватила почту, телеграф, телефон, пути сообщения и общения. Присоедините сюда факт умелого обезоруживания населения в 1918 г., в силу чего оно оказалось безоружным. Учтя все это, легко понять, почему крестьянские движения вспыхивали неорганизованно, без взаимной связи, почему, несмотря на их колоссальную численность, власть легко могла подавлять их. Один и тот же отряд сегодня справлялся с одним селом, завтра перебрасывался за десятки верст, послезавтра – на новое место и таким путем мог подавлять десятки восстаний. Армия же «усмирителей» в несколько десятков тысяч легко справлялась со многими миллионами.

Большую роль сыграла и усталость масс вместе с голодом. Истощенные, обессиленные, утомленные пятью годами войны и революции, они не имели достаточно энергии для борьбы. Террор при этих условиях вызывал легко покорность и апатию.

С другой стороны, надо отдать должное и власти. Она проявила громадную энергию в организации карательных отрядов. Питая их сытно за счет населения, предоставляя им свободу грабить и насиловать, ежечасно гипнотизируя их своей агитацией, она спаяла их в единую, крепко сплоченную группу преторианцев и связала судьбу и благополучие последних со своей собственной судьбой.

Присоедините сюда, наконец, веками воспитанную привычку русского народа к повиновению палке, физическому насилию... и, полагаю, даже для западноевропейца указанный «странный» факт будет вполне понятен. У нас повторилось то же самое, что повторялось много раз в истории тиранов разных народов.

Власть, вынесенная в 1917 г. на плечах рабочих, солдат и крестьян, в течение полутора лет выродилась в диктатуру над рабочими и крестьянами, став из «трудовой» власти чистым деспотизмом. Сейчас ее армия преторианцев – «отряды особого назначения»^{32*} – насчитывает около 400 000 человек. Она органи-

зована. Рядом с ней создана своя бюрократия. Печать, почта, дороги – в руках правительства. Население истощено и распылено.

Отсюда понятно, почему оно держится, несмотря на то, что 97% населения его ненавидит глубже и сильнее, чем они ненавидели старый режим. Вместо «диктатуры пролетариата» получилась диктатура авантюристов над народом и исчезновение самого пролетариата в силу разрушения и закрытия фабрик и заводов.

То же случилось и с III Интернационалом. Интернационал!.. Мировое объединение трудящихся для создания нового мира, основанного на новых началах! Таково задание. Что же имеем фактически? Во-первых, странное сужение объема лиц и групп, могущих быть его членами. I Интернационал допускал всех социалистов и даже анархистов вначале. II Интернационал – уже только социалистов, и то определенного толка, выкинув анархистов и другие группы за борт и сузив, таким образом, свой базис по сравнению с I Интернационалом. III-й же Интернационал еще более ограничил слои, могущие входить в его состав. Не только простые смертные – несоциалисты, не только все социалисты-некоммунисты, но даже ряд коммунистических групп не могут войти в лоно этой церкви. 99,9% населения – еретики и недостойны благодати Зиновьева-пророка и Маркса-Аллаха. Недурной Интернационал! С таким же правом тогда можно основать 4-й и 5-й Интернационалы собирателей старых каблуков или вспарывателей женских животов. Так обстоит дело с количественно-объемной точки зрения. С качественной точки зрения III Интернационал представляет собой институт, сеющий на деньги русского народа семена ненависти и зверства по земному шару. С точки зрения его состава – это в огромной части скопление авантюристов и циников всех стран, заинтересованных в хороших синекурах и в приобретении власти, не стесняющихся в средствах, руководствующихся заповедью «все позволено», хорошими словами прикрывающими свои уголовные задания и довольно ловких в деле использования недовольства масс. Я не могу ждать спасения человечества от международного союза бандитов. По той же причине не могу ожидать его и от III Интернационала. Положительных результатов улучшения положения рабочих он дать не может, но бедствия может вызвать весьма серьезные.

Довольно...

Сказанное, полагаю, достаточно четко подтверждает: 1) правильность закона социального иллюзионизма в явлениях русской революции; 2) неисполнение ею ни одного из ее лозунгов, а осуществление результатов, противоположных им; 3) социальная пирамида русского общества осталась нетронутой. Она скорее удлинилась, чем сократилась. Переменились лишь жильцы разных этажей пирамиды, но за последние полтора года и здесь появилась реставрация: выкидывание сверху рабочих и подъем наверх «буржуев»; 4) равенство – правовое и экономическое – не увеличилось, а уменьшилось; 5) эксплуатация не ослабела, а усилилась; 6) объем свободы страшно сократился; 7) деспотизм власти возрос;

8) разрушено народное хозяйство, а не капитализм; 9) вместо создания более совершенной системы общества под именем коммунизма и государственного капитализма был введен архаический строй государственного рабства, характерный для древних деспотических организаций. *Вместо коммунистического строя происходит реставрация частнокапиталистической системы;* 10) вместо «мира» революция дала зверскую войну, опустошившую страну и обескровившую население; 11) вместо «хлеба» – голод, вымирание и людоедство; 12) вместо коммунизма полное дискредитирование коммунизма как системы общества и хозяйства, как идеологии и как практического идеала; 13) создала стихию индивидуализма, частной собственности и класс новой деревенской и городской буржуазии, совершенно иммунитетный к идеологии коммунизма и ненавидящий ее; 14) вместо «диктатуры пролетариата» – уничтожила пролетариат России, вместо власти трудящихся преподнесла неограниченную тиранию; 15) вместо Интернационала – клику авантюристов, расхищающих остатки золотого фонда России, беспринципных антропидов, сеющих ненависть, вражду и новые бедствия. Таков сжатый бухгалтерский подсчет новых «завоеваний великой революции». Радуйтесь, господа апологеты этой прожорливой особы! Что касается меня, я возвращаю билет на вход в ее лоно и отказываюсь от чести быть ее рыцарем.

Мой «бухгалтерский» баланс «завоеваний» не только нашей революции, но и всех «великих» по пролитой крови революций привел меня к определенному итогу, гласящему: *«Величайшими эпохами реакции в истории любого народа являются эпохи глубоких революций, а величайшими реакционерами – величайшие диктаторствующие революционеры»*. Все это, как и все выше- и нижеследующее, относится к кровавым революциям, и чем они кровавее, тем эти отрицательные результаты больше. К бескровным революциям все это не относится. (Книга по социологии революции, где это будет показано, мной готовится к печати.)^{33*}

Это звучит парадоксально, но верно. Все дальнейшее будет новым подтверждением сказанного.

3. Изменения в экономической области

Здесь итог ясен и краток. Мы, современники и актеры этих лет, представляем то поколение, которое в 8 лет умудрилось промотать 60–70% всего достояния, накопленного предыдущими поколениями. Мы «славно били стекла», с размахом, разбухаисто, основательно. Не беда, если бы за эту «гульбу» наказание несли мы сами: мы его заслужили.

Но – увы! – грех отцов ляжет грузом на плечи грядущих поколений. Им придется расплачиваться за наш бесшабашный разгул. Вот когда вещими становятся слова поэта:

И прах наш с строгостью судьи и гражданина
 Потомок оскорбит презрительным стихом,
 Насмешкой гордою обманутого сына
 Над промотавшимся отцом^{34*}.

И оскорбит по праву... Но к делу. Оно вкратце таково.

Мы сейчас много слышим от ряда наивных или лицемерных иностранцев об улучшении экономического положения России. Если судить об этом по виду Москвы и Петрограда, изучаемому из окон отеля или со слов любезного правительственного «гида», такой вывод будет вполне естественным.

От этого он, однако, ничуть не делается верным.

Верным было и остается утверждение, гласящее: за годы революции народное хозяйство России разрушено «вдрызг». Оно продолжает разрушаться и сейчас. Введение новой экономической политики замедлило, однако, темп этого разрушения, кое-где даже дало симптомы его остановки, но только кое-где и симптомы ненадежные. Я не сомневаюсь, что предоставление свободы частной инициативе, юридическое введение частной собственности и ее правовых гарантий повлекло бы быстрое сравнительно возрождение экономической жизни страны. Но – увы! – власть, давши маленький простор «личному стимулу», не дает ему развернуться, душит его и потому мешает ему дать свои положительные следствия.

Нижеследующие данные, взятые из официальной статистики, четко рисуют положение дел. (Официальная статистика в разных изданиях дает разные цифры. Привожу более вероятные.)

Сельское хозяйство

Посевная площадь по сравнению с довоенной нормой составляла

в 1920 г. лишь	55–60%
в 1921 г.	50%
в 1922 г.	40–45%

Голод в 1922–1923 гг. не дает оптимистических надежд на ее расширение и в наступающем году.

Урожайность. Она пала и продолжает падать.

Сбор с десятины:

ржи	в 1909–1913 был	53,9 пуда
ржи	в 1920	– 33,7 пуда
озимой пшеницы	в 1909–1913	– 62,3 пуда
озимой пшеницы	в 1920	– 32,7 пуда
яровой пшеницы	в 1909–1913	– 50,7 пуда
яровой пшеницы	в 1920	– 28,5 пуда

В 1921 г. урожайность еще более пала. В 1922 г. она несколько повысилась, но ничтожно и не везде.

Мудрено ли поэтому, что вместо 7 009 331 600 пудов валового сбора всех зерновых хлебов и картофеля (в переводе на зерно) в 1909–1913 гг. и 4 498 507 000

пудов чистого сбора на территории современных советских республик было собрано

в 1920 г.	лишь 2,1 миллиарда пудов
в 1921 г. –	1,9 миллиарда пудов
в 1922 г. –	1,8–2 миллиарда пудов

Россия, раньше вывозившая за границу 650 млн пудов, теперь голодает, умирает и дошла до людоедства.

Сходное видим и в области *животноводства*. К 1921 г. крупный рогатый скот сократился на 50% по сравнению с довоенной нормой, молодняк – на 50–60%, число свиней – на 60%, овец – на 70%, лошадей – на 50–60%. Племенные рассадники уничтожены, производители съедены, 30% всех крестьянских хозяйств безлошадны. В голодающих областях картины еще мрачнее.

Славно поработала Октябрьская революция!

Сбор льна был	в 1913 г.	31,9 млн пудов
	в 1920 г.	2,0 млн пудов
	в 1921 г.	1,5 млн пудов
Сбор хлопка равнялся	в 1916 г.	12 млн пудов
	в 1919 г.	4,5 млн пудов
	в 1920 г.	3,2 млн пудов
	в 1921 г.	1,0 или даже 0,7 млн пудов

Свеклосахарная промышленность в еще худшем положении.

Принимая площадь посева и величину производства сахара в 1914–1915 гг. за 100, мы получаем:

	1914–1915	1918–1919	1919–1920	1920–1921
Посевная площадь	100	59,0	55,6	25,9
Производство сахара	100	19,3	4,6	5,3

В 1921–1922 гг. жизнь была также «несладкой».

Производство *сельскохозяйственных машин* составляло

в 1914 г.	44,8 млн руб.
в 1920 г.	2,8 млн руб.
в 1921 г.	2,1 млн руб.

Сбор *шерсти* составлял в *довоенное время* 6 млн пудов, в 1921 г. – 0,6–0,7 млн пудов (3 млн пудов по другим источникам).

Сбор *пеньки* составлял в *довоенное время* 20 млн пудов, в 1921 г. – 3 млн пудов.

Из этих цифр картина совершенно ясна.

Промышленность

Продукция *всей промышленности* равнялась в довоенное время 4,5 млрд зол. руб., в 1921 г. – 650 млн зол. руб., т. е. 15%.

Добыча <i>угля</i> равнялась в довоенное время	1,8 млрд пудов
в 1920 г.	0,45 млрд пудов
в 1921 г.	0,5 млрд пудов
в 1-ю пол. 1922 г.	0,32 млрд пудов

Причем самопотребление угля на коях раньше не превышало 7–8%, теперь достигает 48%.

Добыча <i>нефти</i> в довоенное время составляла	526 млн пудов
в 1920 и 1921 гг.	230–242 млн пудов
в 1-ю пол. 1922 г.	300 млн пудов

Выплавка <i>чугуна</i> в 1914 г. была	249,4 млн пудов
в 1921 г.	7,5 млн пудов
в 1-ю пол. 1922 г.	5,4 млн пудов

Добыча <i>железной руды</i> в довоенное время составляла	550 млн пудов
в 1921 г.	13 млн пудов
в 1-ю пол. 1922 г.	11 млн пудов

Добыча *меди* в 1921 г. составляла лишь 6% довоенной нормы.

В *хлопчатобумажной промышленности* в 1921 г. работало лишь 12% веретен (довоенной нормы), и то неполное время.

В 1922 г. здесь наметилось некоторое улучшение. В первое полугодие 1921 г. было произведено 119 млн аршин тканей.

Льняная промышленность в 1921 г. сократилась на 75% и вернулась к норме 50–60-х гг. XIX в.

Химическая промышленность в 1922 г. составляла 15% довоенной нормы.

Добыча <i>золота</i> равнялась в довоенное время	3 774 пудам
в 1920 г.	109 пудам
в 1921 г.	около 84 пудов

Добыча <i>платины</i> равнялась в довоенное время	299 пудам
в 1920 г.	21 пуду
в 1921 г.	12 пудам 35 ф.

Транспорт тоже «налаживается»: в довоенное время мы имели 19 000 паровозов, теперь – 7 000, в довоенное время мы имели 473 000 вагонов, теперь – 195 000.

Государственные финансы умопомрачительны.

До 1 янв. 1922 г. выпущено бумажных денег	на 7 трлн руб.
к 1 мая 1922 г.	на 124 трлн руб.
к 1 ноября 1922 г.	на 1 302 трлн руб.

С 1 октября по 31 декабря 1922 г. предполагается выпустить еще около 1 800 трлн руб.

Итого за год эмиссия грозит дойти почти до 3 квадрильонов! Стабилизируется и рубль. Еще в начале сентября 1922 г. 10-рублевый золотой стоил около 25 млн сов. руб., 26 октября он стоил уже 125 млн.

В переводе на золото, однако, вся эта квадрильонная бумажная лавина стоит всего 40–100 млн зол. руб. Таково все национально-денежное богатство России. Денежная душевая норма теперь составляет около 1–2% довоенной денежной нормы!

Торговля. С введением нэпа она оживилась, но по-прежнему ничтожна по сравнению с довоенным временем. Иллюстрацию дает внешняя торговля России. Ввоз из-за границы составлял:

в довоенное время	1 139 600 000 зол. руб.
в 1921 г.	248 500 000 зол. руб.
в 1-ю пол. 1922 г.	279 200 000 зол. руб.

Вывоз за границу составлял:

в довоенное время	1 501 400 000 зол. руб.
в 1921 г.	20 200 000 зол. руб.
в 1-ю пол. 1922 г.	24 800 000 зол. руб.

Материальное положение крестьянства в 1921–1922 гг. резко ухудшилось. В голодных областях оно ужасно. Но невесело оно и в неголодных районах. Замена разверстки продналогом не облегчила положение крестьянина. Теперь с него «дерут» семь шкур в виде множества налогов и повинностей. Ободранное крестьянство снова перед нами!

Материальное положение рабочего класса видно из цифр его заработка. До войны средний месячный заработок рабочего равнялся 21 руб. 25 коп.; в 1920 г. – 2 руб. 70 коп., в 1921–1922 гг. – от 2 до 7 руб.

Прибавьте к этому рост безработной армии, сейчас уже превышающей 1 000 000 человек, абсолютно безвыходное их положение, и картина будет вполне ясной!

Опыты «коммунизации» и «государственных капитализмов» разорили страну.

Такое положение дел волей-неволей заставило коммунистов «бить отбой» и начать заманивание капитала. Отсюда – новая экономическая политика, денационализация мелкой и средней промышленности, щедрое обещание аренд, концессий, распродажа России и готовность предоставления капиталистам львиных выгод и процентов без «признания собственности», но с правом пользования, владения и распоряжения на 50 и даже 99 лет. Это у нас называется непризнанием собственности! Но – увы! – капитал, который так рьяно разрушали, не идет, несмотря на все приманки. Из предприятий, предназначенных к аренде, сдано не больше 70%, причем взяты в аренду предприятия небольшие, главным образом мельницы,

хлебопекарни и т. п., не требующие вложения капиталов. Основным мотивом их аренды был мотив «снятия жира», т. е. разграбление остатков сырья, инструментов и машин арендаторами в свою пользу. Общее число рабочих на этих предприятиях очень невелико. Часть этих договоров теперь снова расторгается.

О крупных и больших концессиях, где требуется вложение капитала, пока говорить серьезно не приходится.

В итоге этой политики «назад к капитализму», введшей снова в игру выключенный стимул личного интереса, замечается некоторое оживление торговли, производительности в деревне, не постигнутой голодом, в мелкой промышленности, освобожденной от цепей национализации, но все это в размерах скромных. Бесправный режим и система произвола тормозят возрождение экономики.

Что же касается крупной индустрии, пока еще не денационализированной, то она продолжает разрушаться и приносить все больший дефицит, словом, агонизирует.

Система «государственных трестов» (т. е. государственных богаделен и си-некур для коммунистов и спекулянтов, где они в качестве членов правления получают громадные оклады, но не несут – в отличие от предпринимателя – риска, куда поэтому попало много дезорганизаторов, а не организаторов хозяйства, где нет стимула к энергичной работе, ибо оклад обеспечен, а риска нет), эта система успешно способствует этой агонизации.

Бесконечное число органов, «регулирующих» хозяйство: Советы народного хозяйства, Совет труда и обороны, Госплан, Всерос. совет проф. союзов, Совнарком и наркоматы и т. д. с невыясненностью и столкновением их функций, с патриотизмом своего ведомства, стремящимся «подставить» ножку другому ведомству, с взаимной борьбой и антагонизмом – все это еще сильнее ухудшает и без того безнадежное состояние национализированной тяжелой индустрии и ведет ее к вымиранию.

Этот результат становится теперь понятным и нашим «гениальным» вождям и «организаторам» развала хозяйства. Итогом его может быть лишь один выход: *денационализация, упразднение или сокращение функций всех этих государственных органов «регулирования» хозяйства, ограничение самих экономических функций государства и власти, признание собственности (не только фактическое, а и юридическое), т. е. полное возвращение к старому.*

Лично я не сомневаюсь в том, что в течение 1–1,5 года это будет иметь место, если не будет войн и катастроф.

Таким образом, и здесь мы имеем одни только потери и никаких приобретений. Одно разрушение без продуктивного, развивающего хозяйства страны творчества. Общее обнищание, голод, вымирание – словом, развал.

Едва ли после этого опыта можно повторять: «Дух разрушающий есть и дух созидующий»^{35*}.

После всех понесенных потерь и гибели хозяйства, в чем сами коммунисты вынуждены видеть спасение? В восстановлении капитализма.

Это значит, что их выдуманные, «рациональные» рецепты по сравнению с бессознательно сложившейся, но гениальной по своей тонкости и целесообразности системой «капиталистического» общества решительно никуда не годятся. Это не значит, что последняя идеальна, а значит, что по сравнению с ходячими, выдуманными системами общества и хозяйства господ коммунистов и многих социалистов она несравненно лучше и совершеннее.

Это многим было известно раньше. Но нужно было распятие России, чтобы поняли это и много других «верующих». Было бы поистине жаль, если бы опыт не был усвоен.

Что касается России, то она его усвоила и теперь надолго гарантирована от повторения подобных экспериментов. С нее довольно... Пусть теперь попробуют это делать другие, те, кто не усвоил урока. После опыта и они поймут великолепно эту простую истину.

4. Положение власти

Здесь не место доказывать, что коммунистический строй у нас установился не случайно. Как я доказываю в ряде своих статей и работ (см. мои статьи «О влиянии войны», «О влиянии голода» в «Экономисте» за 1922 г., «Милитаризм и коммунизм» в «Артельном деле» за 1922 г., мою книгу «Голод как фактор» и особенно в приготовляемой к печати работе о «Коммунистическом обществе, его основных чертах, его опытах в прошлом, причинах и следствиях») ^{36*}, тот строй общества, который мы имеем эти годы, имел не раз место в истории разных народов, от Египта и Ассири-Вавилонии, Спарты и Рима, Византии и ислама до строя инков, таборитов, государства иезуитов, Франции времен революции и Наполеона, Австрии Иосифа II, Пруссии Фридриха II, России Петра I Великого ^{37*} и т. д. Разной была только степень приближения этих обществ к предельному коммунистическому обществу.

Основными причинами – родителями – такого общества были всегда две причины: *война и голод* и обеднение масс при наличии имущественной дифференциации. *Чем сильнее (при прочих равных условиях) количественно и качественно поднимались «независимые переменные» войны и голода, тем резче деформировалась общественная организация в сторону так называемого коммунистического, или этатического, или государственно-капиталистического типа с полной централизацией, неограниченным объемом опеки, вмешательства и регулировки властью поведения и взаимоотношений граждан, с ничтожным объемом автономии поведения последних, иначе говоря, тем сильнее область*

публично-правовых отношений вытесняла из всей области отношений долю отношений частноправовых.

Мы на протяжении всей истории были народом милитарным, воевавшим много, часто и в большом масштабе. Мы же на протяжении нашей истории были народом голодным, не вышедшим из полосы хронических голодовок даже в XIX и XX вв.

Мудрено ли поэтому, что уровень этатизма, или коммунизма, у нас стоял всегда высоко. Он выражался в гипертрофированной централизации старого режима, в его абсолютизме и деспотизме, в отсутствии у нас автономии лиц и групп, в отсутствии «свободы и прав личности».

Мировая исключительная война с последовавшими за ней расстройством экономической жизни, недоеданием и голодом, повышением уровня этатизма, или военно-голодного коммунизма, во всех воюющих странах должны были у нас довести его до максимума. Ибо мы дольше всех воевали и понесли максимальные потери, ибо у нас сильнее всего развалилась экономика, ибо, наконец, посевы войны и голода у нас пали на подготовленную всей нашей историей благоприятную почву.

Эти силы определенно поворачивали «маховое колесо» истории в сторону этатизма-коммунизма^{38*}, и последний должен был расцвести у нас пышным цветом. Он был «плоть от плоти, кость от кости» всей нашей истории, отмеченной печатью голода и войны, а следовательно, и их «функцией» – этатизмом-коммунизмом.

Так и случилось. Особенно интересно и назидательно здесь то, что начало коммунизации-этатизации и в политической, и правовой, и экономической области было положено руками царского правительства (военные положения, ограничения прав личности, права собственности, частной торговли, контроль промышленно-торговых дел, права реквизиции и национализации с 25 октября 1915 г. и т. д.^{39*}). «Рубикон» был перейден еще им. Шуйца царских министров по приказу истории делала то, что отрицала их десница.

Война и голод росли. Сильнее поворачивалось и колесо истории в сторону этатизма-коммунизма. Царское правительство не поспевало за процессом, пыталось сопротивляться и... было отшвырнуто.

Временное правительство в лице своего высшего экономического совета и министерства продовольствия продолжало линию этатизации-коммунизации. При нем, особенно в области экономической, были установлены все начала принудительного коммунизма. И здесь Временное правительство делало то, чего оно само субъективно не хотело. Большевикам ничего нового не пришлось внести, кроме введения классового пайка да дальнейшей уравнилельно предельной централизации и коммунизации. Все главное было сделано до них и без них.

Но и Временное правительство отставало. Оно, как и царское, противилось дальнейшему росту этатизации, коммунизации и поравнения. Наряду с этим оно

пыталось управлять демократически, а не деспотически, что требовалось историей.

За это «противоречие» повороту исторического колеса было отшвырнуто и оно. Власть должна была перейти к тем, кто этому повороту не противодействовал.

Такой группой стали большевики. Они «гениально примазались» к историческому процессу. Они были рупором конвульсии общества, вызывавшейся войной и голодом. И они победили... Не могли не победить. Поступи по их методу царизм, он не только не был бы сброшен, он вышел бы более сильным и абсолютным из переделки. Вынесенная «маховым колесом» истории – войной и голодом – власть большевиков в это время действительно опиралась на плечи огромных солдатских, рабочих и крестьянских масс. Она действительно была солдатско-рабоче-крестьянской властью.

Началась оргия этатизации, национализации, коммунизации... Это был ужас... разгром... гибель... Но власть шла в ногу с историей и с голосом последней, олицетворявшимся «голосом народа».

Так дело шло до 1919 г.

К этому времени все было поделено и «поравнено», вплоть до последней пары белья и столовой ложки. Старая буржуазия погибла. Имущественная дифференциация (кроме самих коммунизаторов) исчезла. Настало равенство в общей бедности.

Этот факт исчезновения имущественной дифференциации был первой «независимой переменной», толкавшей колесо истории в обратную сторону. Ибо (прошу это принять на веру) голод и нищета только при наличии имущественной дифференциации имеют своей «функцией» деформацию общественной структуры в сторону этатизма-коммунизма. (Отсюда понятно, почему все эпохи коммунизации вызывали в виде реакции декоммунизацию таких обществ, если они не погибали в этой переделке.)

Бесшабашная коммунизация сама таким путем приводила к гибели «коммунизма». Этот поворот колеса выразился в росте недовольства тех же масс режимом и Советской властью. Начались бунты и восстания рабочих, солдат и крестьян. Они росли и множились. Беспощадный террор не мог задушить и остановить их. Не будь продолжения гражданской войны, ультиматум истории, поставленный позже Советской власти, был бы поставлен раньше. Но война задерживала его и вместе с тем замедляла «вырождение власти», начавшееся с момента окончания «передела». С этого времени именно началась дегенерация «рабоче-крестьянской» власти в простую тиранию, потерявшую половину своей народной опоры. В 1920 г., наконец, кончилась и война^{40*}... отпала вторая причина, толкавшая колесо истории в сторону коммунизма. Начался обратный поворот и... началась окончательная трагедия коммунизма и советовластия.

История теперь поставила решительный ультиматум «гениально примазавшимся» проходимцам. Он гласил: «или декоммунизируйся, или будешь сброшен», как были сброшены предыдущие правительства, пытавшиеся сопротивляться повороту колеса в сторону коммунизма.

Сначала власть пыталась противиться неизбежному... Но колесо с роковой силой поворачивало обратно, поэтому бунты и мятежи – крестьянские, рабочие и матросские (Кронштадт)^{41*} – росли. Они стали угрожающими и... власть отступила. Нашлась. Опоздай она в своем сопротивлении еще на несколько месяцев, ее судьба была бы решена...

Ультиматум был принят, и началась... декоммунизация, концессии, аренды, продналог и... новая экономическая политика. Началось отступление по всему фронту коммунизма. Начали «сжигать то, чему поклонялись, и поклоняться тому, что сжигали»^{42*}. Приступили к восстановлению капитализма, требуемого историей. За год сдали все позиции коммунизма... Теперь его нет... остался лишь его перегар и копоть...

Власть отставала и отстаёт от требований истории, но не очень... В этом секрет ее существования до сих пор...

Но чем дальше, тем более это отставание растёт и вырождение продолжается, ибо не всякий разрушитель может быть созидателем, а затем – неудача всего коммунизма, естественно, отшатнула от власти и остатки народных масс.

Сейчас мы находимся в следующей стадии.

Мир и общая бедность энергично требуют деформации общества в сторону антиэтатизма. Нужно энергичное восстановление народного хозяйства. Нужен частный капитализм и правовой строй как его предпосылка.

Основное препятствие к этому – власть и ее тиранически-идиотская политика. Власть сама по себе уже препятствие, ибо ее преступления не забыты, ее вероломства известны, доверия к ней нет, капиталы при ней не идут, серьезная организация производства, требующая вложения капиталов, невозможна. Далее, ее тупоумная и бандитская политика «защиты своих интересов» и «своего бытия» все более и более связывает хозяйственное возрождение и разрушает остатки национальных богатств.

Власть помимо желания тормозит поворот колеса истории, стала противоречием ходу исторического процесса, а потому? А потому сейчас 97% населения ее ненавидят. А потому... эта ненависть все более и более растёт. А потому... *бьет последний срок ультиматума истории: в течение 2–3 лет она должна или безоговорочно водворить капитализм, отказаться от террора, деспотизма и ввести правовой строй или... она будет свергнута, как ее предшественники.*

Что власть изберет, я не знаю. Но знаю, что, *если вновь не будет войны и будет расти сытость*, сказанное случится...^{43*} От этого не спасет ее ни 400-тысячная армия преторианцев – отрядов особого назначения, ни армия курсантов.

Знаменательно то, что и здесь уже начали загораться огоньки мятежей. Не удивлюсь, если власть – в случае отказа решительно идти на самоуничтожение – будет сброшена именно штыками этих отрядов. История умеет выкидывать злые шутки.

Если же власть категорически примет ультиматум, то и этот выход не устраняет, а только отсрочивает ее падение. Достаточно будет водвориться начаткам правового строя, появиться одной вольной газете, ослабеть террору... и на другой день власть будет забаллотирована или устранена небольшой группой заговорщиков, опирающихся на общее сочувствие народных масс. Такова трагическая дилемма, перед которой очутилась власть, дилемма, в обоих случаях сулящая ее падение. С той лишь разницей, что в первом случае мы пойдем к ее ликвидации путем, способным при достаточной гибкости власти растянуться на 4–6 лет, во втором – «революционно-анархическим» путем. Только война или какая-нибудь мировая катавасия могут спасти ее...

Такова динамика истории и ее «философия» за эти годы... Начав с «ореола рабоче-крестьянской власти», гениально примазавшаяся группа проходимцев истории кончила дегенерацией и неслыханным позором и бесчестьем.

Россия ненавидит ее сейчас сильнее, чем старый режим в самые бесславные времена последнего. Да и за что любить ее какому бы то ни было классу! Исполнила ли она хотя бы одно из своих заманчивых обещаний?

Она дала вексель на постройку нового идеального общества. Вместо этого в крови и пожаре построила душную казарму, нищую, разбойничью, деспотическую, в которой население задыхалось и вымирало. Дано было обещание освободить трудящиеся массы от эксплуатации. Вместо этого осуществили государственное рабство, в тысячу раз превосходящее эксплуатацию частнокапиталистического общества. Прокламирована была «диктатура пролетариата». На ее месте оказалась диктатура авантюристов, вышедших из буржуазных семейств, никогда не работавших на заводе (Ленин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Красин, Радек и т. д. – все из буржуазных семей) и не имеющих ничего общего – ни по жизни, ни по воззрениям, ни по вкусу, ни по стремлениям – с пролетариатом. Обещано было равенство. Вместо него выросло небывалое неравенство, сверхимператорские привилегии власти и бесправие всего населения. Крестьян поманили землей и якобы дали ее им. Извините, земля помещиков была захвачена крестьянами до Октябрьской революции, а большевистское «наделение» землей сами крестьяне оценили в следующей поговорке: «Большевики нам сказали: земля-то ваша, а что с нее, то наше».

Ту же мысль народ выразил и в следующей переделке «Интернационала»:

Лишь мы, работники всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но урожаяем – никогда.

Действительно, весь урожай, временами вплоть до последнего зерна, власть отбирала и отбирает. Не легче положение крестьян и сейчас. С них дерут десять шкур: надо же как-нибудь добывать средства на мотовство власти, на сотни тысяч ее агентов, на роскошь заграничных послов, на поддержку сотен коммунистических газет, на III Интернационал, на подкупы, на небывалое воровство и т. д. Народу была обещана сытость. Народ получил голод и... бифштекс из ребенка. *Urbi et orbi*^{44*} провозглашено было просвещение народа. Вместо этого произошла «ликвидация грамотности» (см. ниже). Обещан был «мир». Народ получил зверскую гражданскую войну и миллион убитых. Прокламировано было экономическое развитие страны. Оно свелось к полному разгрому всего народного благосостояния. Утешали страну введением свободы. Она выразилась в терроре, в ЧК, в сотнях тысяч расстрелянных и в полной опеке мысли, слова и действия.

Вместо духовного процветания одарили невежеством, преступностью и развратом. Вместо отстаивания национальных интересов дали раздел России и потерю ее территорий. Укрепили национальную культуру? Сделали все, чтобы затоптать и уничтожить ее в пучине «интернационализма». Разрушали традиции, просвещение, церковь, религию, поэзию, интеллигенцию, культурные силы, семью – словом, сделали все, чтобы вытравить из истории лик России и русского народа. Их распинали всячески. Приносили в жертву всему, вплоть до Кемаль-паши и Афганистана, до армян и болгар^{45*}. В завершение всего стали продавать Россию оптом и в розницу первому капиталисту, который согласился бы дать им несколько тысяч рублей... И так всюду... и тот же сплошной дефицит, одни голые минусы в любой области...

За что же любить такую власть? И как же ее не ненавидеть народу, на своей спине понявшему эти истины...

«Приходи хоть сам черт – и то будем рады», – так формулируется народом любовь к современным трагическим шутам истории...

Четырех лет оказалось достаточно, чтобы выявилась всему миру подлинная природа этих мнимых «вождей человечества»...

Не «герои», а просто жалкие скоморохи, сплошь измазанные кровью... человеческой кровью... человеческой...

(Пользуюсь случаем ответить кратко гг. «сменовеховцам»^{46*}. В газете «Накануне» они после моих докладов в Берлине и Праге принялись без меры лгать и инсинуировать по моему адресу. В частности, г. Дюшен пишет, что «четыре года раскаявшийся Сорокин держал обет молчания», что, как только попал за границу, – «его прорвало» («Накануне», № 175^{47*}).

1. Сорокин в своем письме решительно ни в чем не каялся перед Советской властью и не говорил в нем ни одного слова похвалы по ее адресу.

2. Письмо было написано не из тюрьмы, а на свободе. Тюрьма пришла позже^{48*}.

3. Г-н Ленин и большевики сделали из него «шум» – это их дело^{49*}. Я же ни словом, ни действием для этого «шума» и их лживых комментариев повода не давал. Запретить их я не мог.

4. Все 4,5 года моего пребывания в России я не молчал, а говорил – устно и печатно – буквально то же самое, что говорил в докладах и говорю в этой книжке. Я знал, что мне за это грозит, но... говорил, ибо видел в этом свой долг. *Вот это-то и дает мне моральное основание говорить, а не молчать за границей.* Г-н Дюшен хочет доказательств? Их больше чем нужно. 1. Пусть он раскроет I–II тт. моей «Системы социологии», написанные и изданные в 1919–1920 гг., в годы террора. Там – в тексте и в примечаниях – он найдет черным по белому напечатанным все то, что я говорю здесь. Если же он раскроет другие мои статьи, напечатанные за эти годы в «Экономисте», в «Артельном деле», «Утренниках», «Вестнике литературы», там он найдет все, вплоть до определения «сменовеховцев» («паразиты паразитов»^{50*}). 2. Десятки аудиторий, вплоть до публичных коммунистических митингов, могут хорошо удостоверить, как я «молчал». О том же могут свидетельствовать и гг. «красные профессора» (энтели, святловские, серебряковы, боричевские т. д.). 3. Еще резче об этом «молчании» говорят десятки статей «Красной газеты», «Петроградской правды», «Известий», «Под знаменем марксизма», где гг. коммунисты, начиная с «самого» Ленина, обрушивались на меня в специальных статьях всевозможной бранью («лидер самой непримиримой части профессуры», «крепостник», «дипломированный лакей поповщины», «идеолог контрреволюционеров», «советский П. Струве» и т. д., и т. д.)^{51*}.

Очевидно, такое внимание, и такие эпитеты, и столь много специальных статей обо мне «молчанием» не могли бы быть вызваны. Почему отстранили меня от преподавания и, наконец, выслали? Тоже за молчание?

Если гг. из «Накануне», их «кормильцы» и «сродственники» немножко желают считаться с фактами, они впредь не будут повторять свой вздор. Если же они предпочитают гегелевское «тем хуже для фактов» (no quod licet Jovi, non licet bovi^{52*}), то пусть себе врут на здоровье. «Мели Емеля – твоя неделя». По-человечески поведение этих лакеев понятно, ибо «всякий пес должен охранять господина своего, лаять на его врагов» и тем зарабатывать себе кусок хлеба.)

Не всегда ли так бывает при кровавых революциях? Изучите внимательно подлинное лицо последних, и вы увидите, что... почти всегда.

И. Тэн это хорошо понял. Мы, не понимавшие раньше, теперь поняли, после пяти лет пристального смотрения в лицо сфинкса Революции, после многих могол, после «ума холодных размышлений и сердца горестных замет».

Многие, не видевшие это лицо вблизи, еще не понимают. И, пожалуй, не поймут до тех пор, пока сами не испытают...

Тогда поймут...

5. Политическая жизнь и партийные группировки

О политической жизни в западноевропейском смысле слова говорить не приходится. Раз нет ни одной неправительственной газеты, раз нельзя устроить ни одного политического собрания, союза, общества, то, конечно, легальное проявление политической активности исключено. Нелегальное же затруднено до максимума беспощадным террором и хорошо организованным сыском.

На поверхности общественной жизни видна только коммунистическая партия, ее организация, бесчисленные митинги, ее газеты и устраиваемые ею собрания и заседания. Публика на последние сгоняется в принудительном порядке под страхом больших и малых наказаний за неявку... Выступить с критикой власти на таких собраниях – значит идти на арест. Голосовать против заранее заготовленной резолюции – значит очутиться в ЧК или ГПУ. С другой стороны, голосовать «за» резолюции коммунистов аудитория обычно не хочет. В силу этого установилась весьма оригинальная практика, объясняющая «секрет» «единогласно вынесенных» коммунистических резолюций; обычно следует вопрос: «Кто против?» Так как «против» поднять руку опасно, то собрание молчит. «Резолюция принята единогласно», – следует решение власти. Допусти тайное голосование – резолюция была бы единодушно отвергнута. Спроси председатель: «Кто за?» – не поднялось бы также ни одной руки. Но эта проформа признается вредной, и потому обычно ограничиваются вопросом: «Кто против?»

Так фабрикуются у нас «единогласные» резолюции.

Однако не всегда так благополучно дело кончается. Аудитория иногда не выдерживает, и ее «прорывает». Находятся смельчаки, которые под общее сочувствие аудитории выступают с резкой критикой. Временами и сама аудитория «бунтует», протестует, обкладывает агентов власти крепкими словами. Изредка дело кончается стаскиванием с трибуны правительственного оратора. Понятно, такие смельчаки и аудитории платятся за это арестом, ссылкой, а раньше... расстрелом... В последнее время такое неповиновение проявляется чаще и чаще... И в деревнях, и в городах. Не раз случались большие неприятности с самими «вождями» коммунизма. Все это заставило их стать более осторожными. Большие собрания устраиваются теперь только тогда, когда приняты меры предосторожности, т. е. когда обеспечено присутствие на собрании достаточного штата сыщиков и преторианцев власти, заставляющих собрание вести себя тихо и в случае эксцессов способных тут же вмешаться. Население на такие меры начинает отвечать... непосещением собраний. Это явление становится массовым, несмотря на репрессии, и делает самые репрессии все более и более неприменимыми: все 100 миллионов населения не посадишь в тюрьму...

Такое удушение политической активности вызывает к жизни и другое явление: превращение самых деловых собраний в маленькие политические демон-

страции, с одной стороны, с другой – рост искусства выражать лояльно самые нелояльные чувства. Аудитория изошрилась в понимании речи: простого намека достаточно, чтобы слушатели вас поняли.

Следует отметить, что публика в последнее время «смелеет». Давно ли еще считалось опасным называть друг друга «господином», а не «товарищем». Теперь и в трамвае, и в собраниях вы сплошь и рядом на название «товарищ» слышите: «Какой я вам товарищ! Убирайтесь со своим “товарищем” к черту!» Слово это стало ругательно-ироническим. Еще более это относится к таким словам, как «коммунизм», «интернационал» и т. п.

Всякий кредит партии коммунистов потерян. Ни одному благому обещанию их не верят. И обратно, все антиправительственное и антикоммунистическое ловится жадно, чутко, лихорадочно.

Всякая неудача власти, даже там, где она бьет само население, вызывает радость, злорадство, веселье. Провал в Генуе и Гааге доставил немало приятных минут^{53*}. Словом, все корни этой партии исчезли. Ниже я подробнее остановлюсь на этом.

Теперь перехожу к характеристике политических группировок современной России.

Первое, что здесь следует отметить, это *исчезновение старых партийных водоразделов*. Все старые партии, по существу, кончились и потеряли свой вес и значение. Если не считать ничтожного круга лиц, верных старому, то теперь нет ни старых монархических, ни старых социалистических партий. Действительность столь существенно изменилась, что в старом виде все партии перестали существовать. Партия социал-демократов-меньшевиков кончилась потому, что не стало пролетариата – оставшаяся часть его деклассировалась, – и потому, что социализм вызывает к себе резко отрицательное отношение. С правом или без права, грехи коммунизма сваливаются и на социализм. По той же причине потеряла почву и партия социалистов-революционеров. Крестьянство – класс, на который эта партия опиралась, – в итоге коммунистической революции стало резко антисоциалистическим, сделалось поборником собственности и... консервативности. «Социализация земли» теперь для него одиозна, неприемлема и другие пункты старой программы с.-р. Последней приходится или резко измениться, расставшись с социалистически-революционными пунктами программы, или... стать политически бессильным кружком... Партия кадетов исчезла потому, что в значительной мере исчезли те средние интеллигентные слои, идеологом которых она являлась. Непригодными стали и другие пункты этой партии, рассчитанные на совершенно другие условия. Октябристы и торгово-промышленная партия кончились потому, что не стало ни класса крупных землевладельцев, ни старой буржуазии, интересы которых они представляли. Партии монархистов исчезли потому, что не стало монарха – раз, субсидий и привилегий – два, но

исчезла еще и одиозность к старому режиму – три. Но если монархисты и будут существовать, то совершенно преобразившись; раньше они не обязаны были привлекать сочувствие населения заманчивыми пунктами программы и хорошим содержанием ее по существу: правительственные субсидии и поддержка заменяли все это. Теперь нет ни субсидий, ни поддержки. Теперь нужно завоевывать симпатии населения, а завоевать их диким содержанием старых программ нельзя, нужно резко их изменить. Помимо всего, положение их отягчается и тем, что нет монарха и подходящего имени для этой роли.

Словом, *старые партии кончились...*

Место их теперь занято простым делением всей страны на две основные партии: на партию коммунистов с их подголосками и партию антикоммунистов, легально и политически не организованную. Это деление сейчас вытеснило все остальное. Оно доминирует над всем и вся.

Первая партия великолепно организована. Она имеет в своем распоряжении все финансы государства, власть, весь аппарат управления, почту, телеграф, телефон, железные дороги, весь транспорт, печать (ибо других газет, кроме коммунистических, нет), 400 000 отрядов «особого назначения», т. е. отрядов ЧК, преторианцев, содержимых за счет государства, хотя и не являющихся целиком коммунистами, отлично организованный сыск и т. д. – словом, она имеет все средства физического и духовного воздействия на массы. Не стесняясь в средствах, опираясь на беспощадный террор, используя все ресурсы государства, она управляет всей обезоруженной – духовно и материально – массой населения.

Число членов этой партии «спартиатов» сейчас исчисляется в 420 тыс. Было 600 с лишком, но за последний год часть была исключена, часть – большая – сама вышла из партии. Процент коммунистов даже среди рабочих ничтожен. По данным Всероссийского Центрального совета профсоюзов, в октябре 1922 г. из 576 000 членов в союзе металлистов коммунистов было лишь 3 612 (0,16%), в союзе текстильщиков – лишь 1–1,5%, в союзе деревообделочников – 2%, в союзе рабочих городских предприятий – 2–2,5%, в остальных союзах 1 коммунист приходится на 500–600 членов.

Про крестьянство и говорить нечего. В нем коммунистов почти нет. Эти 400 000 коммунистов состоят сплошь из самих правительственных агентов, часть коих составляют бывшие рабочие, ставшие губернаторами и теперь ничего общего не имеющие с рабочим классом. Кроме того, к ним примыкают «сочувствующие» разных толков, начиная с их рептилий – «сменовеховцев». По социальному положению последние группы состоят из подкупленных и оплачиваемых лиц и групп вроде заграничных «сменовеховцев» с их газетой «Накануне», вроде множества других хорошо наживающихся агентов Внешторга, дипломатических миссий, просто шпииков и, наконец, часть высокооплачиваемых спецов из рядов коммунистов, разбогатевшая грабежом и потому боящаяся резкого и быстрого

падения данной власти. Число всех таких сочувствующих едва ли превышает – при самом щедром подсчете – 700–800 тыс.

Общее количество всего этого коммунистического стана не больше 1 млн – 1 млн 200 тыс., т. е. меньше 1% населения.

Все остальное население прямо или косвенно находится в противоположном стане. Оно стоит в мягкой или резкой оппозиции к власти, к коммунистам и их подголоскам.

Если наивный западноевропеец спросит себя, как же возможно, чтобы один процент властвовал над 99% населения, то ответ он получил уже выше. Приняв во внимание сказанное там, он перестанет удивляться. Изучив историю, он увидит много других подобных примеров; наблюдая же факты окружающей его жизни, хотя бы разгон пятью вооруженными лицами сотен невооруженных и бегство тысяч от десятка выстрелов, он должен вполне понять такую «аномалию». Но та же аномалия говорит и о том, что такая власть и такой режим не могут быть длительными и прочными.

Коммунистов ненавидят, их рептилий, особенно «сменовеховцев», просто презирают. «Паразиты паразитов» – таково их краткое определение. На месте власти я бы не тратил столь большие суммы на их содержание. Могу заверить, что расходы совершенно не оправдываются сменовеховскими доходами. Никакой значительной поддержки власти они не в состоянии оказать; объективно же они разлагают ее.

Общая ненависть и оппозиция к власти скрепили и связали все остальное население в одну группу, начиная с монархистов и кончая социалистами. Их частные различия отодвинуты на десятый план этим общим сходством – единством врага. К тому же ведут и другие условия: проснувшееся национальное чувство, опасение за судьбы народа, свободы, просвещения, национальной и общественной культуры. Еще сильнее связывает их беспощадное преследование всех некоммунистов, всех направлений, не приемлющих власти и режима. Современные процессы против с.-р., церковников и т. д.^{54*} окончательно делают и сделали общей ближайшую основную задачу – ликвидацию власти. Находится общий язык. Монархист и демократ начинают сближаться и понимать друг друга. «Пока есть общая цель, нужно идти вместе, а там успеем разойтись» – такова современная психология этого антикоммунистического стана. Люди – в отличие от эмиграции – обращают внимание на то, что их соединяет, а не на то, что их разъединяет.

Потенциально огромная, включающая 99% населения, эта оппозиция, однако, совершенно политически не организована. Отсутствие печати и возможности устроить собрание, беспощадный террор и сыск, обезоруженность и т. д. мешают выполнить эту организацию. Остается стихийное сплачивание ее да устройство небольших нелегальных ячеек отдельными группами. Такие ячейки разных оттенков, начиная с эсеровски-меньшевистских и кончая монархическими

и особенно беспартийными, имеются, хотя и в небольшом количестве и объеме. Основное значение, конечно, принадлежит этому стихийному сплачиванию, а не отдельным кружкам.

В итоге всего этого создалась атмосфера, начиненная порохом, способная при малейшем поводе взорваться. Мешает этому, помимо указанных причин, голод и истощенность населения. Нужно сначала немного подкормиться и накопить энергию... Пока этого нет, происходит стихийное давление масс на власть, заставляющее последнюю «эволюционировать», и чем далее, тем быстрее. Так, вероятно, дело пойдет и дальше... В течение 2–3 лет режим должен резко измениться, если не будет войны и новых голодовок. Если же власть будет «упираться», она будет сброшена. В какой форме – я не знаю, да это и не важно. Если «эволюция» пойдет, конечный итог ее тот же: с водворением нового строя власть отпадет как «короста». Ее преступления население не может ни забыть, ни простить.

Сказанное объясняет, почему я не хочу ни войн, ни голода. Губя страну, они поддерживают, а не ослабляют власть. *Чем прочнее будет мир, чем скорее будет расти «сытость» населения, тем быстрее будет «эволюция» и тем скорее будет конец «коммунизму» и данной власти...*

Кто же придет на ее место? Какой политический строй водворится? Какая партия будет у власти?

Придет на ее место власть крестьянская, и править будет новая партия – партия, выражающая интересы крестьян-собственников, партия умеренно-демократическая, с сильно выраженным мелкобуржуазным кооперативным началом.

Кто персонально будет лидером таких групп, я не знаю. Вероятно, новые лица, ибо старые имена сильно забыты в современной России. Какой in concreto строй водворится – республика или монархия – и каких видов, я тоже не знаю. Да это меня и мало заботит. Дело не в ярлыке, а в содержании. А это содержание говорит, что прочной будет только власть, осуществляющая интересы крупного крестьянства. Ее политика не может быть ни политикой старого режима, защищавшего прежде всего дворянские интересы, ни политикой новой власти, защищающей только свои интересы. «Новое никуда не годно, старое тоже нехорошо, нужно что-то среднее», – так население формулирует суть дела.

Это «среднее» и будет умеренно демократической политикой крестьянской власти. А какие она формы примет, это вопрос второстепенный. Думаю, однако, что вероятнее формы республиканские. Почему? 1) Потому, что недостатки старого режима не забыты; 2) потому, что и сейчас не видно в России сколько-нибудь значительной монархической группировки и соответствующих симпатий; 3) нет подходящего кандидата, пригодного по своим качествам занять это место в данный исключительно тяжелый момент; 4) в силу этого едва ли

целесообразно и по существу связываться народу с определенной династией; 5) президент с широкими полномочиями дает все плюсы монарха без его минусов, неизбежных в таких условиях.

Эти соображения заставляют меня считать более вероятным ярлык «республики» на нашем политическом фасаде.

Если спросят меня, почему я так определенно высказываюсь за будущую власть как за крестьянскую, я отвечу: потому, что сейчас нет в России других сколько-нибудь социально весомых групп. Пролетариат и раньше составлял у нас ничтожный процент – теперь его почти нет. Крупные землевладельцы – ликвидированы. Старая буржуазия, и раньше слабая, – тоже. Новая еще не успела превратиться в значительную силу. «Средние слои и интеллигенция» – и раньше незначительные – разгромлены. Остается крестьянство, абсолютно тоже несколько ослабленное, но относительно – по сравнению с другими слоями – усилившееся и на своих боках путем горького опыта кое-что усвоившее, в частности понимание своих интересов, связь судьбы государства со своей судьбой и необходимость играть игру, называемую «политикой» и «борьбой за власть». Оно поняло и многое другое: свое значение и роль как класса, отличие своих интересов от интересов пролетариата и других групп, необходимость политической организации и т. д.

Почва для последней готова в меньшей мере. Редкие зародыши союзов появляются. За классовой идеологией крестьянства дело не станет. Она уже создается. Остается ждать легальных возможностей для широкой и серьезной политической организации. Она придет. А вместе с ней – и первая.

Я знаю те громадные трудности, которые стоят на пути политической организации крестьянства. Но опыт стран показывает, что они преодолимы.

В итоге в России, как и в Европе и даже в Австралии после мировой войны, можно ждать выступления на сцену политики крестьянства как новой силы и... да будет позволено сказать, «Крестьянского Интернационала» в противовес пролетарским и капиталистическим.

Это нужно, и поскольку он не будет проводить «политику диктатуры» и «пролетарского большевизма», это целесообразно. В этом Интернационале немалую роль суждено играть и русскому крестьянину.

«Сие буди и буди»^{55*}.

6. Морально-правовые изменения

«Каждый поступок и каждое слово, брошенное в этот вечно живущий и веч-но творящий мир, – это семя, которое не может умереть», – писал Карлейль^{56*}. В применении к данному случаю эти слова означают, что совершаемые нами

действия не проходят бесследно для нас самих, но рикошетом влияют на все наше поведение. «Функция создает орган», – гласит биология. Наши поступки рикошетом видоизменяют наш организм, нашу душу и наше поведение. Тем более это относится к актам и поступкам, прививаемым войной и революцией.

И война, и революция представляют могучие факторы изменения поведения. Они «отвивают» от людей одни формы актов и «прививают» новые, передевают человека в новый костюм поступков.

Являясь противоположностью мирной жизни, они прививают населению свойства и формы поведения, обратные первой... Мирная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения. Война и революция, напротив, требуют их, прививают эти рефлексy, благоприятствуют им всячески. Убийство, разрушение, обман, насилие, уничтожение врага они возводят в доблесть и заслугу: исполнителей их квалифицируют как великих воинов и бесстрашных революционеров, вместо наказания одаряют наградой, вместо порицания – славой. Мирная жизнь развивает продуктивную работу, творчество, личное право и свободу; война и революция требуют беспрекословного повиновения («повинуйся, а не рассуждай», «подчиняйся революционной дисциплине»), душат личную инициативу, личную свободу («дисциплина», «диктатура», «военные суды», «революционные трибуналы»), прививают и приучают к чисто разрушительным актам, отрывают и отучают от мирного труда. Мирная жизнь внедряет в население переживания благожелательности, любви к людям, уважения к их жизни, правам, достоянию и свободе. Война и революция выращивают и культивируют вражду, злобу, ненависть, посягательство на жизнь, свободу и достояние других лиц. Мирная жизнь способствует свободе мысли. Война и революция тормозят ее. «Где борьбу решает насилие – все равно, насилие ли пушек или грубое насилие нетерпимости, – там победа мудрых, положительная селекция по силе мозга и самая работа мысли затрудняется и делается невозможной».

Освободиться от этих влияний войны и революции никому не дано. Они неизбежны. Следствием их является «оголение» человека от всего костюма культурного поведения. С него спадает тонкая пленка подлинно человеческих форм поведения, которая представляет нарост над рефлексами и актами чисто животными. Война и революция разбивают ее. Объявляя – это особенно относится к революции – моральные, правовые, религиозные и другие ценности и нормы поведения «предрассудками», они тем самым: 1) уничтожают те тормоза в поведении, которые сдерживают необузданное проявление чисто биологических импульсов; 2) прямо укрепляют последние; 3) прямо прививают «антисоциальные», «злостные акты».

Вот почему всякая длительная и жестокая война и всякая кровавая революция деградируют людей в морально-правовом отношении.

К тому же они ведут и иначе: через *голод и лишения*, которыми они обычно сопровождаются. Создавая и усиливая нищету и голод, они тем самым усиливают в поведении этот стимул, толкающий голодных к нарушению множества норм морали и права в целях утоления первого. Словом, эти следствия войн и революций «биологизируют» поведение людей в квадрате. Целиком же взятые, война и революция представляют школу преступности, основные факторы криминализации людей. «Функция создает орган», акты зверства оскотинивают их исполнителей рикошетом.

Подробное доказательство этих положений дается мной в подготовляемой к печати работе «Социология революции» и в III-м томе «Системы социологии». Читая древние описания древних революций, видишь, как «история повторяется» и в этом отношении. Приведу для примера сокращенное описание Керкирской революции Фукидида: «Война делается учительницей насилия... Смерть предстала во всех видах... Отец убивал сына, людей отрывали от святынь и убивали возле них... Керкирцы убивали всех, кто казался врагом [демократии], некоторые (под этим предлогом, это всегда так бывает. – П.С.) были убиты из личной вражды, кредиторы – должниками. И обычное значение названий заменили личным именем. Безрассудная дерзость стала считаться мужеством, предусмотрительная медлительность – трусостью, рассудительность – обличем труса, внимательность ко всему – неспособностью к делу, безумная решительность – за свойство настоящего мужа, осторожное обдумывание – за предлог уклониться, кто вечно недоволен – тот заслуживает веры, кто ему возражает – тот человек подозрительный. Кто затеял коварный замысел и имел удачу, тот умный, а кто разгадал это – еще умнее, кто же сумел обойтись без того и другого – предатель и трус. Восхваляли того, кто умеет сделать дурное раньше другого... Родственное чувство стало менее прочной связью, чем партийное товарищество, требовавшее риска без оговорок. Верность скрепляли не божеским законом, а совместным преступлением. Отомстить за обиду считалось важнее, чем претерпеть ее. Клятвы не соблюдались... Большинство соглашается скорее, чтобы их называли ловкими плутами, чем честными простаками; последнего названия стыдятся, первому радуются... Таким образом, вследствие смут явилось извращение нравов» – и т. д. (Thucydides. III, 81–85)^{57*}. А вот отрывок из описания Ипувером современной ему Египетской революции за 2 000 лет до Р. Х.: «Правда выброшена, попраны предначертания богов, земля бедствует, повсюду плач, области и города в скорби... Встаем рано, а сердца не облегчаются от тяжести. Широка и тяжела моя скорбь. Приди, приди, мое сердце, и объясни мне происходящее на земле... Земля перевернута. Злобные обладают богатствами. Почтенные в горе, ничтожные в радости. Умались люди, повсюду предатели...» – и т. д. (Тураев. Древний Египет, с. 60–61).

Эта «биологизация» поведения людей и «переоценка ценностей» – обычное явление при всех кровавых революциях. Эллвуд прав, говоря, что в революци-

ях и в войнах «всегда есть тенденция возврата к чисто животной деятельности вследствие разрушения бывших привычек. Итогом может быть полное извращение социальной жизни в сторону варварства и дикости, ибо борьба, как одна из самых примитивных форм деятельности, стимулирует все низшие центры активности. Поэтому революционные периоды создают благоприятные условия для грубости и дикости в человеке, сдерживаемые с такой трудностью цивилизацией. Применение насилия начинает процесс одичания, разрушительный для высших ценностей», – и т. д. (*Ellwood. Introduction to Social Psychology, ch. VIII*).

Правда, и в войне, и в революции есть обратная сторона: жертвенности и «положения души за други своя», подвижничество и героизм, но... эти явления – достояние единиц, а не масс. Они редки, исключительны, тонут в море противоположных явлений и потому их роль ничтожна сравнительно с «биологизирующей» и «криминализирующей» ролью войны и революции. Затем «полагание» здесь сопровождается убийством, и это убийство аннулирует ценности самопожертвования.

Раз таково влияние последних вообще, не является исключением отсюда и последняя война вместе с революцией. Напротив, они ярко подтверждают правило.

В итоге войны и особенно революции Россия превратилась в «клоаку преступности». Население ее в сильной степени деградировало в моральном отношении. Особенно значительная деградация в молодом поколении. Таковы дальнейшие «завоевания» войны и революции. Фактов для подтверждения сказанного имеется, увы, в вполне достаточной мере.

Первой категорией подтверждений служат явления: террора, диких разнузданных разрушительных действий индивидов и масс, колоссальный подъем зверства, садизма и жестокости взаимных убийств и насилий. Из подобных явлений создается и состоит так называемая гражданская война. Не убийца – стал убийцей, гуманист – насильником и грабителем, добродушный обыватель – жестоким зверем.

В мирное время все эти явления не имели места и не могли его иметь. Простое убийство вызывало отвращение. Палач – омерзение. Психика и поведение людей органически отталкивались от таких деяний. Три с половиной года войны и три года революции, увы, «сняли» с людей пленку цивилизации, разбили ряд тормозов и «оголили» человека. Такая «школа» не прошла даром. Дрессировка сделала свое дело. В итоге ее не стало: ни недостатка в специалистах-палачах, ни в преступниках. Жизнь человека потеряла ценность. Моральное сознание отупело. Ничто больше не удерживало от преступлений. Рука поднималась на жизнь не только близких, но и своих. Преступления для значительной части населения стали «предрассудками». Нормы права и нравственности – «идеологией буржуазии». «Все позволено», лишь бы было удобно – вот принцип смердяковщины, который стал управлять поведением многих и многих.

Отсюда все указанные явления. Отсюда зверства гражданской войны, отсюда – террор ЧК, пытки, расстрелы, изнасилования, подлог, обман и т. д., которые залили кровью и ужасом Россию за эти годы.

Что все это, как не прямое подтверждение огромного морально-правового декаданса.

А вот и более конкретные данные, говорящие сухим языком цифр. В Петрограде в 1918 г. было по меньшей мере 327 тыс. (ровно 22% населения) воров, кравших в форме карточки общественное достояние, вырывавших последний кусок хлеба изо рта ближнего.

В Москве таковых было 1 100 000, т. е. 70% населения. Уровень моральных требований так опустился, что на такие факты смотрят «сквозь пальцы». С точки зрения морального сознания они составляют квалифицированную кражу.

Беру далее официальную статистику уголовного розыска г. Москвы, дающую непреувеличенную картину.

Если принять коэффициент каждой группы преступлений в 1914 г. за 100, то движение преступлений в 1918–1919 гг. в Москве выразится в таких цифрах:

Кражи	315
Вооруженный грабеж	28 500
Простой грабеж	800
Покушение на убийство	1 600
Убийство	1 060
Присвоение и растрата	170
Мошенничество	370

Не правда ли, веселенькие цифры?

Идем дальше. По данным Народного комиссариата путей сообщения, за 1920 г. зарегистрировано на железных дорогах 1 700 хищений багажа. Похищено 109 800 пудов груза, т. е. в месяц пропадало 100 тысячепудовых вагонов. Короче, по сравнению с довоенным состоянием хищения здесь увеличились в 150 раз! Недурные завоевания революции.

Детская преступность в Петрограде по сравнению с 1913 г. выросла в 7,4 раза.

Прибавьте к этому мошенничества с пайками, подделывание ордеров, незаконные получки, беспринципную спекуляцию, небывалое грандиозное взяточничество, достигшее фантастических размеров, кражи из продовольственных складов («У нас взятки на каждом шагу», – заявил Ленин в 1921 г.^{58*} Куклин, комиссар Петрокоммуны, утешал рабочих, жаловавшихся на утечку продуктов из Петрокоммуны, тем, что крадут не очень уж много, только... 20% всего. Недурное утешение!). Присоедините сюда сотни тысяч произвольных «национализаций», «реквизиций» агентами власти в свою пользу, тысячи и сотни тысяч «легальных» убийств и расстрелов для захвата бриллиантов и других ценностей, миллионы разнообразных злоупотреблений, от обыска до убийства, невероятно

возросшее число грабежей, налеты на квартиры, тысячи изнасилований, кражи из домов, с полей, огородов, массовый рост уголовного бандитизма и т. д., и т. д., и вы поймете, почему не является преувеличением квалификация России за эти годы как «клоаки преступности», почему можно и должно говорить о громадной криминализирующей роли войны и революции.

Катастрофический голод 1921–1922 гг. в голодных областях еще более повысил число преступлений по сравнению с 1920 г.

С началом голода – в Поволжье, на Дону, в восточных губерниях и т. д. – кражи и грабежи резко стали подниматься. Это видно хотя бы из следующих цифр:

Губернии	Число возбужденных в судах дел	
	в 1920 г.	в 1921 г.
Астраханская	10 800	11 520
Уфимская	13 000	18 000
Саратовская	20 000	27 000
Симбирская	30 500	31 200
Самарская	37 000	39 000

1922 г. в этих же губерниях дает еще большие цифры.

Рост здесь вызван голодом, но сам голод – следствие войны и революции, поэтому этот богатый урожай преступлений приходится считать «заслугой» последних.

Ту же деморализующую роль этих факторов можно легко проследить и в других областях поведения. Возьмем область половых отношений.

Революция, объявляя многое «предрассудком», т. е. разбивая ряд тормозов поведения, сдерживающих проявление примитивно-биологических импульсов, разбивает и те тормоза поведения, которые ограничивают свободу удовлетворения половых инстинктов. Отсюда рост половой вольности при всех революциях. Так, в Париже число внебрачных детей, еще в 1790 г. не превышавшее 23 000, в последующие годы революции достигло 63 000. В течение двадцати месяцев после закона о разводе (1792 г.) суды постановили 5 994 развода, а в VI г. число их превысило число браков. «13–14-летние дети вели себя так, что их слова и поступки прежде были бы скандальными и для 20-летнего человека...» «Узда половых инстинктов была ослаблена. Летом разыгрывались сцены человеческой животности и озорства». «Девки открыто занимались на бульварах своим ремеслом» и т. д. (*Tain. Les origines de la France contemporaine. 1885, III, 108, 499*)^{59*}.

То же повышение половой вольности и преступлений половых имело место и в революции 1848–1849 гг. (См.: *Oettingen. Moralstatistik. 1882, 240, 311*).

То же и у нас в годы революции 1905 г. (1906–1909 гг.) То же повторилось и теперь.

У нас он проявился с необычайной силой, захватив прежде всего молодое поколение, у которого моральные тормоза, естественно, слабее. Большая «заслуга»

в этом принадлежит прежде всего партии коммунистов, энергично принявшей бороться с «мещанско-буржуазным предрассудком». Отдельные ее члены, вплоть до занимавших очень высокие посты в Наркомате просвещения, взялись на эту борьбу «экспериментально», путем публичного развращения институток и гимназисток...

Позицию коммунистов характеризует хотя бы тот факт, что еще в данном году сам Ленин в ответ на мою статью усмотрел в этом великую заслугу коммунистов: «освобождение от буржуазного рабства». Да, освобождение, несомненно, но чего? Половых органов, а не людей. (См. статью Ленина в «Под знаменем марксизма», № 2–3, 1922^{60*}.)

В итоге этой «политики» и всей обстановки молодое поколение начало жить половой жизнью раньше, чем по физиологическим условиям это можно делать безнаказанно, вольность его приняла здесь огромные размеры, эксцессы приняли массовый характер, преступления и злоупотребления – также, а в связи с этим – и половые болезни... Особенно огромная была роль в этом деле Коммунистических союзов молодежи, под видом клубов устраивавших комнаты разврата чуть не в каждой школе. Большое значение имели и «детские колонии», «детские приюты», «детские дома», где вольно и невольно дети развращались.

(Мудрено ли поэтому, что дети двух обследованных колоний в Царском Селе оказались сплошь зараженными гонореей. Летом этого года один врач рассказал мне такой факт: к нему явился мальчик из колонии, зараженный триппером. По окончании визита он положил на стол миллион рублей. На вопрос врача, откуда он взял деньги, мальчик ответил спокойно: «У каждого из нас есть своя девочка, а у девочки есть любовник – комиссар». Эта бытовая сцена довольно верно рисует положение дела.)

Представление о положении дел дают хотя бы следующие цифры. Девочки, прошедшие через распределительный центр Петрограда, откуда они распределяются по колониям, школам и приютам, почти все оказались дефлорированными, а именно из девочек до 16 лет таковыми было 96,7%; из девочек до 9 лет – 8%!! Цифры комментария не требуют.

Я специально занимался обследованием состояния молодого поколения в 1919–1920 гг. в Петрограде и его окрестностях. Картина вскрылась весьма тяжелая во всех отношениях. Жившее в годы анархии, в атмосфере войны, убийств, насилия, обмана и спекуляций молодое поколение естественно впитало в себя целый ряд привычек нездорового характера, и наоборот – не усвоило многих форм поведения, необходимых для здорового общежития.

В деревне дело обстоит лучше, но также малоутешительно. Война и революция не только биологически ослабили молодежь, но развратили ее морально и социально.

Сходное, как мы видели, случилось и со взрослыми. Деградировав морально во многих отношениях, они, подобно молодому поколению, не избегли ослабле-

ния тормозов, сдерживавших половую вольность. Подтверждением сказанному служат цифры разводов и продолжительность браков, с одной стороны, сильное распадение семьи – с другой.

Процент разводов сильно повысился. В 1920 г. в Петрограде он достиг цифры 92,2 на 10 000 браков – коэффициент, необычный для Петрограда и превосходящий коэффициенты всех столиц Европы. (Соответственно цифры для Берлина равны 41,7, Стокгольма – 35,5, Брюсселя – 34,6, Парижа – 33,3, Бухареста – 28,7, Христиании – 24,9, Вены – 18,1.) Из каждых 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, из них 11% – менее месяца, 22% – менее двух месяцев, 26% – менее шести. Отсюда понятно, почему я называю современные браки в России «легальной формой нелегальных половых связей».

Множество семейных организмов распалось. Новые оказались хрупкими, непрочными и быстро исчезающими.

Словом, и в этой области мы видим обычные следствия войны и революции. Одним из результатов такой половой вольности является громадное распространение венерических болезней и сифилиса в населении России (около 5% новорожденных – наследственные сифилитики, около 30% населения заражены этой болезнью).

Рядом с этим количественным ростом преступности мы видим ее *качественный* рост: переход от некровавых и несадических форм преступности к *кровавым и зверским*. Наблюдая гражданскую войну, борьбу сторонников власти с ее противниками, мы видим с той и другой стороны невероятные акты жестокости и садизма, редко имеющие место в обычных войнах. Люди озверели и свои жертвы убивали не просто, а с изощренными пытками (см. коллекцию таких фактов в однобокой книжке М. Горького «О русском крестьянстве»)^{61*}; прежде чем убить пленника, его подвергали десятку пыток: обрезали уши, вырезали у женщин груди, отрубали пальцы, выкалывали глаза, вбивали под ногти гвозди, отрезали половые органы, иногда закапывали жертву в землю, привязывали ее к двум согнутым деревьям и медленно разрывали, защемляли половые органы и т. д., и т. д. На наших глазах воскресло средневековье! Оно воскресло в факте *коллективной ответственности*. За преступления одного убивали десятки и сотни лиц, не имеющих к нему никакого отношения. За покушения на Ленина, Урицкого и Володарского^{62*} были расстреляны тысячи людей, не имевших к ним никакого касательства. За одного «бандита» делалась ответственной вся его деревня и нередко сжигалась артиллерией целиком. За виновного члена семьи расстреливались последние. За выстрел в агента власти убивались десятки «заложников», сидевших в тюрьмах обширной России. Институт «заложничества» стал нормой, «бытовым явлением» нашей действительности... Поистине воскресли первобытные времена и нравы в XX столетии.

Рост кровавой преступности сказался и на характере уголовных преступлений. Как только перестали круглые сутки граждане дежурить у ворот домов –

такая повинность существовала в 1919–1920 гг., – сразу же начались в Петрограде, Москве и других городах массовые грабежи и убийства. В прошлую зиму ночью было опасно идти по улицам, не рискуя – в лучшем случае – быть раздетым. Кражи в квартирах резко поднялись. Причем – что важно – преступники не только грабили, но зверски убивали людей совершенно бесцельно, без пользы для целей грабежа.

Подобные факты, подтверждая рост кровавой преступности, лишний раз говорят о сильнейшей моральной деградации. Наконец, о том же говорят и многочисленные факты *людоедства* и даже убийства с целью пожирания убитого, имевшие место в этом году...

Голодовки бывали не раз в XIX в. в России, но людоедства не было, или оно носило совершенно единичный характер. Теперь мы дожили и до него. Причина его лежит не только в голоде, но в развинчивании всех моральных тормозов, вызванном войной и революцией.

С 1921 г., когда наметилось возвращение к нормальным условиям жизни, когда отпала гражданская война, появились и первые признаки морального оздоровления страны, стали оживать угасшие моральные рефлексy, а вместе с ними – и борьба за восстановление нравственности. В 1922 г. эта «реставрация» продолжалась и дала себя знать в ряде явлений: в уменьшающейся половой вольности, в попытках самого населения бороться активно с убийствами, кражами, грабежом, в растущей строгости моральной оценки взяточничества, спекуляции, обмана и т. д. Но это только начало... Нужны еще годы и годы, чтобы хоть сколько-нибудь залечить глубокие раны, нанесенные душе народа войной и революцией. А есть ряд явлений, которые могут быть исправлены только исчезновением молодого поколения, рожденного в грехе войны и революции!²

² Е.Д. Кускова^{63*} и Петрищев нашли эту характеристику преувеличенной и выступили с возражениями. Увы! в возражениях они не опровергли ни одного факта, ни одной цифры и не противопоставили ничего, кроме «протяженно-сложной словесности». Единственно, что фактически Е.Д. Кускова пыталась оспаривать, это процент сифилитиков. По ее мнению, процент их с 2 довоенного времени возрос до 8–10, а не до 30. К сожалению, требуя от меня «источников», она сама не указала иного источника, кроме неизвестного «компетентного специалиста». Удовлетворю ее требование «источников». Цифры 30% сифилитиков и 4% рождающихся сифилитиками взяты мной из «Петроградской Правды». Таковы же цифры, даваемые проф. Г., специалистом, занимавшимся изучением этого вопроса. Что они не преувеличивают зло, это следует из того, что на съезде венерологов в 1922 г. в Петрограде фигурировали такие цифры в отношении венерической заболеваемости населения Петрограда, как 90% всего населения. Далее, в заседании, состоявшем из профессоров военно-медицинской академии и медицинского института, где я читал доклад летом 1922 г., ни один из присутствовавших не нашел мои цифры преувеличенными. Даже в московской «Правде» в августе-сентябре этого года в статьях по этому вопросу один из писавших давал цифры более высокие, чем г. Кускова и ее неизвестный «специалист». Я уже не говорю, что в Петрограде на эту тему я имел разговоры не с одним, а с рядом специалистов. Наконец, если в Риме после войны половая заболеваемость поднялась в 3–4 раза, то неужели же в России, с гражданской войной и без медицинской помощи, она поднялась во столько же раз, а не более?

7. Народное просвещение и наука

Казалось бы, в чем в чем, а в этой области уж никак нельзя упрекнуть революцию и Советскую власть. Не было ли объявлено *urbi et orbi*^{65*}, что в области просвещения за эти годы сделаны чудеса, что безграмотность ликвидирована, что образование народа поднялось на громадный уровень, что власть во главе с просвещенным Луначарским (у нас его называют Лунапаркским и Лупанарским) обнаруживает исключительно заботливое отношение к ученым, покровительствует науке, искусству и интеллектуальному творчеству! Не посылались ли чуть ли не ежедневно по радио об этом ширококовачательные рекламы: «всем,

Сказанное, полагаю, показывает, что мои источники куда серьезнее, чем «компетентный специалист» моего оппонента.

Укажу заодно и другие источники цифр, приведенных в тексте этой главы. Цифры о преступлениях взяты из «Красной Москвы», кн. Василевского о голоде (он большевик), из разных номеров «Правды», «Известий», «Красной газеты» и других официальных источников, преуменьшающих, а не преувеличивающих их. Цифры о преступности детей – из № 1 журнала «Психиатрия и неврология» (1922 г.). Цифры о движении браков и разводов – из V вып. «Материалов по статистике Петрограда» (изд. «Губернского статистического бюро» Петрограда). Цифры о проценте дефлорированных – из источника Наркомата Просвещения, который я не назову по понятным причинам, но что они верны, это, например, может подтвердить М. Горький, которому эти цифры также известны. Картина состояния молодого поколения, лично мной изучавшегося в 1919–1921 гг., не только не преувеличена, но смягчена скорее. В докладе, прочитанном мною среди педагогов г. Петрограда, помогавших мне в собирании материала, эта картина не вызвала ни одного возражения. А они-то знают положение дел куда лучше, чем гг. Кускова и Петрищев. Последний сам в России в «Новостях» писал о браках 11–13-летних детей как о современном бытовом явлении. Почему он теперь забыл об этом? Может быть, потому, что и эти браки он квалифицировал как «здоровое и не внушающее опасений явление». Но... едва ли кто согласится с ним в этой оценке, кроме российских Кандидов^{64*}.

В виде возражений далее мои оппоненты противопоставляют мне отдельных лиц или отдельные школы, например «трех дочерей В.М. Чернова» и «Алферовскую гимназию». Не отрицаю, что такие лица и школы есть, но ведь я говорю не об индивидуальной, а об общей картине. Смешно поэтому противопоставлять общим лицам... «трех неиспортившихся дочерей В.М. Чернова».

Настаивая на этом повышении – и очень резко – морального разложения, я вместе с тем категорически протестую против нелепого толкования моих слов, приписанного мне г. Петрищевым, что будто бы, по моему мнению, в России не осталось ни семьи, ни брака и царит универсальный разврат. Предыдущие строки говорят о сильном моральном распаде. Насколько он силен, указывают цифры, но... только наивный или неграмотный читатель может истолковать их так, как истолковал г. Петрищев. За такую нелепость я не отвечаю и к ней не имею отношения. Я был бы рад, если бы мои оппоненты убедили меня в том, что я преувеличиваю деградацию. Но, увы, кроме «словесности» и «трех дочерей В.М. Чернова», они ничего не смогли противопоставить. Это багаж очень и очень... легкий. Не следует быть излишним пессимистом, но нехорошо быть и «блаженным россиянином», теперь еще готовым в кровавой революции и зверстве видеть... прекрасную Дульсинею Тобосскую. Что извинительно для Дон-Кихота и Кандида, то неизвинительно для публицистов, выступающих с опровержениями.

всем, всем». Не писали ли об этих чудесах десятки корреспондентов! В каждом доме – «клуб», в каждой избе – «читальня», в каждом городе – университет, в каждом селе – гимназия, в любом поселке – народный университет и по всей России – сотни тысяч «внешкольных», «дошкольных» и «подшкольных» образовательных учреждений, приютов, очагов, детских домов, садов и т. д., и т. д. – такова картина, которая нарисована была иностранцам. Казалось бы, дело так и обстоит. Не значит ли в «Статистическом ежегоднике» за 1918–1920 гг., что в России было 177 высших школ с 161 716 учащимися, 3 934 школы II ступени с 450 195 учащимися, школ I ступени с 59 73 988 учениками; сверх того 1 391 профессиональная школа с 93 186 учащимися, 72 школы для дефективных с 2 391 учащимися, 80 рабочих и народных университетов и факультетов с 20 483 слушателями, плюс 2 070 дошкольных учреждений с 104 588 воспитанниками, 2 936 детских домов с 141 890 детьми, 46 319 библиотек, читален и клубов, 28 291 школа для ликвидации безграмотности, 3 479 народных домов, 263 студии, 534 музея и выставки!

Какое богатство! Чуть не вся страна превращена в одну школу и университет. По-видимому, она только и делала, что училась, обеспеченная во всем, в том числе и в преподавательских силах!

Нужно ли говорить, что все это – фикция, одно бумажное изобретательство, невозможное дедуктивно для голодной страны и не соответствующее сути дела фактически.

В действительности за эти годы произошла не «ликвидация безграмотности», а «ликвидация грамотности», не расцвет школы, а ее разрушение, не прогресс науки, а ее декаданс, не культурно-образовательный подъем, а деградация.

Объяснимся.

В 1918–1919 гг. власть действительно в количественном отношении размахнулась. На бумаге было открыто много школ, клубов, университетов и т. д. Но только на бумаге. Фактически дело свелось к устройству под именем «университетов» ряда митингов с партийными ораторами, говорившими о «текущем моменте», разбавленными 2–3 преподавателями гимназий, обучавшими начаткам арифметики и грамоты. Сходный характер носили и другие просветительные учреждения. В большинстве случаев и этого не было, а просто ограничивалось дело открытием школы на бумаге или устройством «митинга» с «танцалькой» или спектаклем. Подлинная картина рисуется хотя бы из следующих официальных данных, относящихся к московским высшим школам, обеспеченным преподавательскими силами. В 1917 г. здесь в университете, технических, сельскохозяйственных и коммерческих высших учебных заведениях числилось 34 963 учащихся и кончило из них 2 379, в 1919 г. там же числилось 66 975 учащихся, вдвое больше, а кончило – 315, т. е. в 8 раз меньше...

Что это значит? Это значит, что 66 975 учащихся – фикция. И в Москве, и в Петрограде в 1918–1920 гг. аудитории высших школ были пусты. Обычная

норма слушателей у рядового профессора была 5–10 человек вместо 100–200 дореволюционного времени, большинство курсов не состоялось «за неимением слушателей».

Мудрено ли, что кончило из 66 000 315. В статистических же данных в это время мы читали о десятках тысяч студентов в университетах и других высших учебных заведениях. Читатели и удивлялись, почему их нет в аудиториях и не видно в здании школы!

Так же «блестяще» обстояло дело и во всех других школах. Сейчас эти фикции рассеялись. Почитайте официальные газеты (других у нас нет), и чуть ли не в каждом номере начинаете встречать отчаянные голоса о полном разрушении школы.

Фактически картина такова.

В начале этого года (1922) был составлен годовой бюджет государства. Он исчислен был в 1 800 000 000 зол. рублей. Из него на военное дело ассигновано было 1 200 000 000 руб. (мы не милитаристы), на все остальное – 600 000 000 руб., из коих на все дело просвещения отводилось... 24 000 000 руб. Из 3-миллиардного бюджета в 1913 г. на народное просвещение уходило около 400 000 000 настоящих золотых рублей, а из 1 800 000 000 бюджета теперь 24 000 000 и то мнимых золотых рублей. Эта цифра – и абсолютно, и относительно – рисует подлинное положение дела ясно... Ввиду колебания советских денег из годового бюджета ничего не вышло, но пропорция средств государства, тратимых на образование, осталась близкой к этой сумме.

Не будет удивительным поэтому, что в феврале этого года власть решила закрыть все высшие учебные заведения России, кроме пяти на всю страну. Только энергичное вмешательство профессуры помешало осуществить эту радикальную «ликвидацию высшей школы».

Поистине «догорели огни, облетели цветы»^{65a*}. Сейчас нет даже фикции для саморекламирования власти как великого просветителя России. «Возвышающий обман» кончился. Реальная же проза такова. Сам Луначарский в октябре 1922 г. признал, что число лиц, окончивших высшие школы, сократилось на 70%, средние – на 60%, низшие – на 70%.

Низшая школа на 70% не существует. Здания школ, не ремонтировавшиеся за эти годы, развалились. Нет освещения. Нет топлива. Нет ни бумаги, ни карандашей, ни мела, ни учебников, ни книг. Нет и учителей. Эти «мученики революции», не получавшие по 6–7 месяцев тех грошей, на которые прожить абсолютно нельзя, частью вымерли, часть поступила в батраки, часть стала нищими, значительный процент учительниц... проститутками, а часть счастливицев перешла на другие, более хлебные места. В ряде мест вдобавок крестьяне неохотно дают детей в школы, так как «там не учат Закону Божию». Вот подлинное положение

дел. Если бы вы, как я, прочли ряд конфиденциальных правительственных докладов, из них вы получили бы кошмарную картину. Власть блестяще провела «ликвидацию грамотности». Молодое поколение сельской России должно было бы вырасти совершенно безграмотным. Если это случилось не вполне, то не в силу заслуг власти, а в силу проснувшейся в народе тяге к знанию. Она заставляет крестьян своими силами помогать беде кто как может: в ряде мест они сами приглашают профессора, учителя в село, дают ему жилье, питание и детей для обучения, в других местах таким учителем делают священника, дьячка и просто грамотного односельчанина. Эти усилия населения мешают полной ликвидации грамотности. Не будь их, власть осуществила бы эту задачу блестяще. Сейчас, как известно, все почти низшие школы лишены субсидий от государства и переведены на «местные средства», т. е. власть, не стыдясь, лишила всю почти низшую школу всяких средств и предоставила дело населению. На военное дело у нее есть средства, есть средства на богатые оклады спецов, на подкуп лиц, газет, на пышное содержание своих дипломатических агентов и на финансирование «Интернационала номер 3», а на народное образование – нет! Больше того. Ряд школьных помещений сейчас ремонтируют для... открываемых винных лавок!

Поистине недурные ревнители народного просвещения! Через три года история сдула с них все фальшивые румяна и фиговые листки, и теперь они стоят оголенные...

Если молодая Россия будет не вполне безграмотной, то только благодаря своему населению. Пока же уровень грамотности на нашей родине значительно понизился. *Sic transit gloria mundi*^{66*}.

Средняя школа? Ее положение, пожалуй, еще печальнее. Над ней так много экспериментировали, что от этих экспериментов, помимо других причин, она не могла не развалиться. В самом деле, с 1918 г. каждое полугодие приносило новую радикальную реформу. Не успели еще очередную реформу реализовать, как из бесчисленных канцелярий Наркомпроса и Главпрофобра вылетела новая реформа, аннулировавшая предыдущую. И так все пять лет.

В итоге остатки педагогического персонала были сбиты с толку и не знали, что делать.

Далее, в силу тех же общих причин: отсутствия денег, ремонта, топлива, учебных пособий, преподавателей, как и учителей низших школ, обреченных на голод, частью вымерших, частью разбежавшихся, – средняя школа на те же 60–70% не существует. Как и в высшей школе, здесь сверх того было ничтожное количество учащихся. В условиях голода и нужды дети 10–15 лет не могли позволить себе роскошь учиться: приходилось добывать кусок хлеба продажей папирос, стоянием в очередях, добыванием топлива, поездками за провизией, спекуляцией, службой и т. д., и т. д., ибо родители не могли содержать детей; последним приходилось помогать семье.

Немало содействовала падению среднего образования и практическая бесполезность его в России за эти годы. «Зачем учиться, – ответил мне один из учеников, вышедший из школы, – когда вы, профессор, получаете паек и жалованье меньше, чем получаю я». (Он поступил в «Стройсвирь» и получал там действительно лучший паек и содержание.)

Мудрено ли, что в таких условиях те немногие, которые кончали школу II ступени, выходили довольно безграмотными. В алгебре дело не шло дальше квадратных уравнений, в истории знания сводились к истории Октябрьской революции и партии коммунистов, всеобщая и русская история выключены были из преподаваемых предметов. Когда такие окончившие поступали в высшую школу, то значительная часть из них попадала на «нолевой факультет» (т. е. для лиц, совершенно не подготовленных и скоро выбывавших из школы), для остальных приходилось образовывать подготовительные курсы. Не мог не понизиться в силу этого и общий уровень студентов. В 1921–1922 гг. большинство средних школ было закрыто. Остальные – за небольшим исключением – переведены на «местные средства», т. е. лишены государственной субсидии и возложены на плечи населения.

«Бесплатное обучение» отошло в область предания. За учение введена плата в 40–60 руб. золотом (сейчас – около 300–400 млн новых руб.), совершенно недоступная населению.

Дело несколько можно было бы улучшить открытием частных школ. Но это не разрешается. Власть поистине становится «собакой на сене», которая и сама не ест, и другим не дает.

Таковы итоги в этой области. И здесь полное банкротство. Шуму и рекламы было много, результаты те же, что и в других областях. Разрушители народного просвещения и школы – вот объективная характеристика власти и в этом отношении.

Перейдем к высшей школе. Когда-то аудитории университетов и других высших учебных заведений были полны, теперь они сильно пустуют. Вместо 177 высших учебных заведений, фиктивно существовавших в 1919–1920 гг., теперь число их пало до 24–27 на всю Россию, по всем отраслям. Закрылись не только все вновь открытые «университеты», но и часть существовавших раньше, например, Ярославский лицей, Стебутовский институт, Бестужевские курсы, II университет и т. д.

И в оставшихся учебных заведениях ученая и учебная жизнь не кипит, как раньше, а просто «агонизирует».

Это объясняется, во-первых, отсутствием средств. «Меценаты просвещения» не отпускают хотя бы необходимый минимум средств на высшее образование. Благодаря этому почти все высшие институты не отапливались в эти годы. Мы все читали лекции в нетопленных помещениях. Чтобы было теплее, выбирались

небольшие аудитории. Например, все здание Петроградского университета пустовало. Вся учебная и ученая жизнь сжалась и ютилась в общежитии студентов, где был ряд небольших аудиторий. Теплее – и для большинства лекций не тесно.

В силу того же обстоятельства здания не ремонтировались и сильно разрушены. Вдобавок в 1918–1920 гг. не было света. Лекции читались в темноте, лектор и слушатели не видели друг друга. Было счастьем, если иногда удавалось раздобыть огарок свечки. В 1921–1922 гг. свет был. Отсюда легко понять, что такой же недостаток был и во всем другом: в приборах, в бумаге, в реактивах и лабораторных принадлежностях; о газе забыли и думать. О животных для опытов (кроликах, морских свинках, собаках и т. д.) – тоже. Зато в человеческих трупах недостатка не было. Одному ученому ЧК даже предложила «для пользы науки» доставку трупов только что убитых. Первый, конечно, отказался. Не только у рядового ученого, но даже у таких мировых ученых, как академик И.П. Павлов, собаки умирали от голода, опыты приходилось делать при свете лучины и т. д. Словом, материально высшие школы разрушались и не могли нормально функционировать, не получая минимального минимума средств. Понятно, все это делало занятия весьма трудными и малопродуктивными. В 1921/22 учебном году в некоторых школах стало чуть-чуть лучше, появился, по крайней мере, свет. Для нас, русских ученых, и это слишком много.

Столь же печальным было положение профессуры и студентов. Самыми ужасными в этом отношении годами для профессуры были 1918–1920 гг. Получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием в три-четыре месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Комнаты не отапливались. Не было ни хлеба, ни тем более других «необходимых для существования» благ. Одни в итоге умирали, другие не в силах были вынести все это – и кончали с собой. Так покончили известные ученые: геолог Иностранцев, проф. Хвостов и еще кое-кто. Третью унес тиф. Кое-кого расстреляли. Моральная атмосфера была еще тяжелее материальной. Немного профессоров найдется, которые не были бы хоть раз арестованы, и еще меньше, у кого несколько раз не производились бы обыски, реквизиции, выселение из квартиры и т. д., и т. д. Прибавьте к этому многообразные «трудовые повинности»^{67*} в форме пилки дров, таскания тяжелых бревен с барж, колки льда, дежурства у ворот. Для многих ученых, особенно пожилых, все это было медленной смертной казнью. Так погибли академик Шахматов, академик Тураев и многие другие. В силу всех этих условий ученые и профессора стали вымирать с такой быстротой, что, например, заседания Совета университета превращались в перманентные «почитания памяти». На каждом заседании оглашались 5–6 имен отошедших в вечность. Раскройте VI и VII книги «Русского исторического журнала», и вы увидите, что они почти сплошь состоят из некрологов.

Такое положение дел заставило наконец власть смилостивиться. После долгих хлопот она согласилась дать «академический паек», вначале мало отличавшийся от красноармейского и потом уже несколько улучшенный.

С этого момента материальное положение профессуры улучшилось. В настоящее время этот паек состоит из 40 фунтов хлеба черного в месяц, 4 фунтов масла, 15 фунтов селедков (или иногда мяса), 12 фунтов крупы, 6 фунтов гороху или фасоли, 2,5 фунтов сахара, четверти фунта чая, 2 фунтов соли, раньше еще давали 1 фунт мыла и табак, теперь отменили. Когда такой паек выдавали регулярно (что, увы, часто не имело места), ученые чувствовали себя вполне довольными, особенно малосемейные; многосемейным приходилось хуже. (Увы! Сейчас, в декабре, оказывается, паек снова уменьшили. Сахар и чай выкинули совсем, а масло редуцировано до $\frac{2}{3}$.)

Этим пайком жило и живет до сих пор огромное большинство ученых. Денежный гонорар, получаемый за лекции, так ничтожен, что в счет не идет. Только с апреля 1922 г. власть сочла необходимым дать сверх пайка еще «денежное довольствие», колеблющееся сейчас от 125 до 25 млн рублей в месяц в зависимости от категории ученого.

Громадное облегчение с 1921–1922 гг. составила, далее, великодушная помощь ученых других стран, особенно Чехословакии (пользуюсь случаем выразить им и от себя, и от имени своих коллег глубокую благодарность), а также помощь АРА, Нансеновской миссии и Христианского союза молодежи^{68*}. Благодаря всему этому ученые РСФСР, по крайней мере столиц, сейчас имеют минимальный физиологический паек, необходимый для покрытия расходуемой энергии. Минимальный – не выше. (Сейчас и это под сомнением!) И сейчас «уровень жизни» русского ученого, кроме «спецов», не выше, а ниже «уровня жизни» западноевропейского пролетариата... Но прожитые годы не прошли бесследно. Они надорвали силы многих, поэтому вымирание продолжается и сейчас, хотя в более медленном темпе...

Что касается «моральной атмосферы», то она по-прежнему тяжела. Хотя террор и ослаб, но весьма относительно. Год тому назад еще по так называемому Таганцевскому делу^{69*} расстреляно более 30 ученых, в том числе такие величины, как лучший знаток русского государственного права проф. Н.И. Лазаревский и один из крупнейших поэтов России Н. Гумилев. Не прекращаются обыски и аресты. Теперь к этому присоединилась массовая высылка профессуры, сразу выбросившая за границу около 100 ученых и профессоров^{70*}. Власть «заботливо печется об ученых и науке»...

Еще более ужасным было и остается материальное положение студенчества. В 1918–1920 гг. число студентов было фактически ничтожным. В Петроградском университете за эти годы едва ли было более 300–400 фактически занимавшихся студентов, несмотря на то, что в 1919–1920 гг. в него были влиты Высшие жен-

ские курсы (Бестужевские) и Психоневрологический институт. Студенты ничего не получали и принуждены были добывать пропитание работой на стороне...

В 1920–1921 гг. положение немного улучшилось. Значительная часть студентов стала получать паек от 0,5 до 1 фунта хлеба в день плюс 1 фунт сахару, 5 фунтов селедков, 1 фунт соли, 5 фунтов крупы и 0,5 фунта масла на месяц. На это прожить трудно, но жили. Часть занималась заработками на стороне. В 1921–1922 гг. этот паек чуть-чуть был улучшен, но зато к концу 1921 г. был оставлен только для коммунистов плюс сочувствующих им. Остальная часть студентов была лишена его вовсе и зарабатывала пропитание – летом выгрузкой тяжестей в порту в Петрограде, службой и другой физической и умственной работой. Но не все могут ее найти, и поэтому положение большинства стало бы отчаянным, если бы на помощь не пришел Христианский союз молодежи – устройством бесплатных обедов они помогли и помогают значительно.

С этой осени положение студенчества становится еще более серьезным. Все, кроме коммунистов, не только перестают получать что-либо, но должны платить за право учения плату – около 500 млн рублей, – недоступную 97% студентов.

Таков итог «просвещенной» политики власти в этой области. Еще хуже моральные условия студентов-некоммунистов. Власть смотрела и смотрит на них, как на врагов. Аресты и обыски студентов идут пачками. Сейчас к ним присоединились высылки внутрь и вне России. Вдобавок и студенчество, и профессура отданы во власть «коммунистическим» ячейкам. Правда, те и другие героически борются с ними, но от этого не становится легче. В 1920–1921 гг. власть ввела «комиссаров» в высшие учебные заведения. Эти безусые мальчишки нагло отбирали печати от ректоров – мировых ученых, – вмешивались в их действия, отменяли их акты – словом, показывали свою власть. Наблюдая подобные сцены, когда такой безусый хулиган давал выговор старику – крупному ученому, – трудно было сдержаться, не протестовать и не испытывать смертельной боли... Но к протестам власть оставалась глухой, а чаще всего отвечала на них новыми арестами. И, однако, все эти меры насилия не сломили воли и силы духа и профессуры, и студенчества. Те и другие с героизмом отстаивали свое достоинство и права, науку и культуру. Отстаивали, платились за это и продолжают платиться.

Теперь пару слов о составе профессуры и студенчества. До 1920 г. власть была занята другими «фронтами». Отпадение гражданской войны позволило ей открыть борьбу с высшей школой и усиленно «реформировать» ее и по характеру наук, и по составу профессуры и студентов.

Уже с 1919 г. началась эпопея «реформы» и «обновления» высшей школы. Как и в средней, здесь каждое полугодие приносило новую реформу и усиливало развал. Было бы долго рассказывать обо всем этом. Основное задание в изменении преподавания сводилось к «коммунизации». В специальном декрете в 1920 г. было объявлено, что «свобода научной мысли» – предрассудок, что

все преподавание должно вестись в духе марксизма и коммунизма как последней и единственной истины. Профессора и студенчество ответили на это протестом. Тогда власть подошла к делу иначе. Введены были шпионы, обязанные следить за лекциями, а вслед за тем решено было выгнать особенно непокорных профессоров и студентов. Прошлой осенью ряд профессоров (в том числе и пишущий эти строки) были отстранены от преподавания и переведены в «исследователи», вместо них были назначены «красные профессора», т. е. безграмотные люди, не имеющие ни трудов, ни стажа, но верные коммунисты; уволены были выборные ректора и деканы, вместо них назначены были в качестве ректоров и членов президиума те же коммунисты, не имеющие никакого отношения – за немногими исключениями – к науке и академической жизни. Устроен был специальный Институт красной профессуры для фабрикации в шесть-восемь месяцев «красных профессоров». Но и этого оказалось мало. Тогда власть перешла к оптовой высылке из России и внутрь России негодных ей ученых. Этой осенью, как сказано, выслано больше 100 профессоров, в числе коих оказался и пишущий эти строки.

Сходное было проделано и со студенчеством. Уже в прошлом году, а особенно теперь, изданы были правила о приеме студентов. Согласно им в высшую школу могут поступать только лица, командированные «комячейками», «партией коммунистов», «партшколами», «рабфаками» и «красными профсоюзами», т. е. только коммунисты и сочувствующие им. Остальная молодежь может попасть только в том случае, если останутся незанятые вакансии и если внесена будет плата за учение в 500 млн руб. в год! Наиболее выдающиеся из студентов-некоммунистов исключены либо высланы – внутрь или вне России.

Как видно отсюда, власть весьма серьезно принялась за «чистку школы». Надо же ей с кем-либо воевать. Раз нет войны настоящей, приходится воевать со школой.

Именно сейчас достигла апогея эта борьба «на идеологическом фронте». Основной и единственной целью высшей школы признана подготовка правоверных коммунистов и последователей религии Маркса–Ленина–Зиновьева–Троцкого. Словом, разгром учинен полный, особенно гуманитарных факультетов. Следует думать, что он принесет «блестящие» плоды русскому просвещению и науке!

Такого разгрома история русской науки и мысли не знала. Эпоха Магницкого, одна из самых темных эпох в нашей истории, – идеал по сравнению с нашим временем. Она идеал и по сравнению с той безграничной опекой мысли, которая – особенно сейчас – проводится нашими «ревнителями свободы». Все чуть-чуть не согласное с догмой коммунизма преследуется. Газеты, журналы, книги допускаются только коммунистические или по вопросам, не имеющим отношения к социальным проблемам. (Из газет я узнал, что власть уничтожила и мою книгу «Голод как фактор», печатавшуюся в России^{71*}.)

Введены цензурные комитеты, хоронящие все инакомыслящее. Цензура времен Николая I – ничто по сравнению с современной. Чтобы дать представление о том, что она не разрешает, достаточно привести один-два примера. У одного беллетриста в рассказе, например, вычеркнули фразу: «Сестра милосердия стояла в непринужденной позе и курила папиросу». На вопрос, почему же вычеркнули фразу, цензор ответил: «Красная сестра милосердия не может стоять в непринужденной позе в порядке революционной дисциплины... Переделайте ее в белую сестру милосердия, тогда разрешу». Ныне высланному профессору Кизеветтеру запретили печатание абсолютно академической рецензии о последних работах проф. Платонова и Преснякова по русской истории. Причиной запрета было то, что автор «хвалит эти работы, а коммунист проф. Покровский ругал их, значит, хвалить нельзя».

Спасает положение дел только безграмотность цензоров, порой допускающих действительно вредное для коммунизма... Опека... опека... и опека... школы, печати, лекций, публичных лекций и дебатов... Рядом с этим подкуп лиц и писателей... «Наиболее непокорных из вас вышлем, остальных купим», – такова формула политики власти сейчас. И покупают, платят сейчас, например, по 400–600 млн за лист беллетристики, лишь бы писал в угодном для власти духе... Писатели «Божьей Милостью» на это не пойдут, псевдописатели идут: есть-то надо. Не будем кидать в них камни. Такова забота власти о науке, просвещении и духовном творчестве. Делается все, чтобы разгромить остатки сил и ценностей!

Но... велика сила жизни... Она ломает все препоны. Несмотря на все эти меры гасителей Духа, он живет, творит и собирается жить.

Тяжелы условия жизни студенчества, и все же оно каким-то чудом умудряется заниматься. Не так, как раньше, в довоенное время, но все же много, очень много для нашего времени. Жажда знания – настоящего – огромна, и она творит чудеса. Даже рабфаки и значительная часть коммунистов, попав в высшую школу, вкусив «от Духа Свята», быстро «линяют» и становятся серьезными работниками. И здесь власть предполагает, а судьба располагает.

Есть жажда знания, воля к знанию и энергия его получить, защищать и охранять, несмотря на все.

Больше того. В итоге бесцеремонного насаждения правительственной идеологии коммунизма результаты получаются обратные. Вместо интернационализма студенчество охвачено сейчас чувством национализма. Вместо коммунизма – идеологией индивидуализма, собственности и антикоммунизма. Вместо атеизма и материализма – идеализмом и религиозностью. Вместо сочувствия к власти – презрением к ней и ненавистью.

То же и среди ученых. Если в 1918–1919 гг. их работа замерла, то с 1921–1922 гг. она снова возобновилась. Для русских условий то, что делают русские ученые сейчас, очень много. Выходит, несмотря на рогатки цензуры, ряд тру-

дов, печатается ряд журналов, начали работать научные общества, устраиваются съезды, словом, научная работа не замерла... И не замрет... Не замерло и книгоиздательство. Вопреки всем препятствиям книги все же выходят, и среди них немало антикоммунистических. Если в них и не все сказано *expressis verbo*^{72*}, то читатель понимает теперь и намеки. И что удивительно! Книги стоят несколько миллионов экземпляров, но, раз книга дельная, а не набившие оскомину творения Маркса и гг. коммунистов, она раскупается нищей страной... Многие голодают телесно, чтобы не голодать духовно...

Дух страны жив, несмотря на его удушение властью. И если эта задача ей не удалась до сих пор, то тем более не удастся теперь. Больше того, чем сильнее она будет вгонять принудительно свою «догму» в голову населению, тем меньше будет иметь успеха. Даже и молодые коммунисты не оправдывают вполне ее надежд. Кто знает механику социальных процессов, тому это понятно...

Что касается, наконец, множества дошкольных и внешкольных учреждений, то о них много говорить не приходится. Они почти все перестали существовать. Нет больше ни «народных университетов», ни «клубов» (вместо них открыты в большом количестве игорные клубы), ни библиотек, составленных в свое время из конфискованных книг, ни детских колоний, детских очагов, приютов, садов и домов... «За отсутствием кредитов» почти все они закрыты, дети вышвырнуты на улицы, библиотеки либо расхищены, либо не функционируют, народные университеты умерли... История умеет смеяться, и временами очень ехидно... Впрочем, для «втирания очков» и «парада» перед наивными иностранцами кое-что специально с этой целью имеется... Кто будет изучать русскую жизнь из окон отеля, купе вагона и со слов любезных с иностранцами официальных «гидов», может написать очередную благоглупость на эту тему – одну из многих, которые нам пришлось читать там с горькой улыбкой...

Я не жалею о закрытии этих учреждений, особенно детских. Не жалею потому, что закрытие означает уничтожение фабрик, калечивших детей физически и духовно, подготовлявших из них больных, сифилитиков и преступников. Этого «добра» и так у нас много. Не беда, если его будет поменьше.

То же *mutatis mutandis*^{73*} могу я сказать и о других учреждениях, носивших громкие имена, совершенно не соответствовавшие их сущности...

Теперь вместо всего этого власть открывает кабаки. Это название более подходит к закрытым учреждениям. Оно правильнее характеризует и власть как «просветителя». «Кабатчики» и «физические и духовные отравители народа» – это звучит адекватно. А я всегда предпочитаю адекватность «нас возвышающему обману».

В заключение предлагаю г. Горькому, Барбюсу, Б. Шоу и многим другим *intellectaeles* проверить правильность сказанного, а проверив и найдя все верным, подумать и ответить себе, не играли ли они роль наивных дураков или

вредных идеалистов, распевая гимны «вождям коммунизма»? Не причинили ли они ряд объективных зол, исходя из высоких субъективных мотивов? Не ввели ли они в заблуждение многих и многих, веривших им, когда они гасителей духа возводили в ранг «освободителей человечества», антропоидов – в сверхчеловеки, проходимцев истории – в гениев, темных дельцов – в вождей нового мира?

Серьезно подумать об этом – долг каждого честного и уважающего себя писателя.

8. Религиозная жизнь страны

И здесь объективные результаты революции получились как раз обратные тем, которые она ставила в лице коммунистической власти. Вместо падения религиозности и «религиозных суеверий», в общем и целом произошел подъем их... Вместо смерти религии и церкви – их оживление и воскресение... Кто знает историю революций, тот не удивится этому результату. Не то ли же самое произошло хотя бы во время и после Английской революции XVII в., в течение и после Французской революции 1789 г.? Сходное происходило и раньше при революциях, кроме тех, которые кончались гибелью народа... Тогда подъема религиозности могло и не быть и часто не было.

Таков новый «парадокс» истории...

В самом деле, разве не странно, что огромная работа, направленная на уничтожение «религиозного мракобесия», громадные усилия, сделанные революцией в направлении разрушения церкви и насаждения «религии разума», дают как раз обратные результаты? Однако это так... И странным такое явление покажется только для тех псевдопросвещенных дилетантов, которые в религии видят одни суеверия, в церкви – институт, созданный для эксплуатации народа, а социальную роль религии сводят к «одурманиванию народа жрецами в интересах правящих классов»... Если же в религии видеть институт, появившийся органически с первых времен человечества и существующий до сих пор, если понять, что религия и церковь – аппараты, необходимые для всякого здорового общества, если учесть, что они – одни из многих средств «социального контроля», если роль религии рассматривать как роль могучей силы, создающей, укрепляющей и расширяющей человеческую солидарность, представляющей одну из основных связей, скрепляющих массу индивидов в одно целое, делающей возможным сохранение «коллективного единства народа», его лица, его истории и жизни, – а все это так и обстоит в действительности, работы Фюстеля де Куланжа, Кидда, Дюркгейма, Бугле, Элльвуда и других нам это показали ясно, – то будет вполне понятно, почему революция, не кончающаяся гибелью народа, влечет подъем религиозной жизни последнего.

Этот подъем (horribli dictum^{74}, гг. мнимые «ура-рационалисты») представляет один из важных символов оздоровления народа от кризиса. Он знаменует, что общество, дезорганизованное революцией, где все связи, скреплявшие его, порваны, единство разрушено, снова оживает, что оно снова объединяется и сплачивается из «рассыпаемой храмины» в живую единую целостность, что в нем снова воскресают подлинно гуманитарные формы поведения и взаимоотношений его членов и умирают звериные виды взаимоотношений, развязанные революцией... Словом, это означает, что человек для человека снова становится богом, а не волком, как при революции.*

Раз огромна разрушительно-биологическая и озверяющая роль революции, более сильно должно действовать и противоядие в виде религии, если народ не погибает от кризиса.

Отсюда – подъем религиозности при и после революций, не кончающихся гибелью общества.

Если этого «симптома выздоровления» нет, это один из верных признаков декаданса общества.

К счастью, он налицо в современной России. Вкратце положение дела здесь таково.

Всякому знакомому с религиозной жизнью России до революции известно, что православная церковь обладала очень многими дефектами. Синод был департаментом правительства, священники – в значительной мере чиновниками-бюрократами, приход – простой административной единицей, паства – массой, отданной в опеку духовных чиновников и бюрократически объединенной в приходы. Живой религиозной связи паствы друг с другом и с духовенством почти не было; живого духа было мало... Перед нами было «ведомство православного исповедания», а не действительная православная церковь.

Грянул гром революции. После Октябрьского переворота пришла сильнейшая атеистическая пропаганда, а вместе с ней – и отделение церкви от государства, и гонения на веру, церковь и духовенство... Не будь последних явлений, неизвестно, какое течение принял бы ход дел. Отделение и гонения решили вопрос... Церковь, приходы и духовенство лишены были всякой государственной субсидии. Тихое и сытное житье священников кончилось... Им пришлось бедствовать, пахать, косить, работать физически, словом, попасть в положение рядового крестьянина, если даже не худшее. Отныне перед паствой был уже не чиновник, не «жирный поп», а свой брат-труженик, с одной стороны, преследуемый мученик – с другой, духовный пастырь и советник – с третьей. Это быстро повело к замене прежней формально-бюрократической связи священника и паствы связью живой, действительно религиозной. С другой стороны, лишение церквей и приходов всяких государственных субсидий заставило самих прихожан «раскошелиться» и самим им заботиться о «благотеории храмов», о покры-

тии расходов и вообще о поддержании религиозной жизни и культа. Раньше все это было чужим делом, выполнялось помимо паствы... Теперь хозяином оказалась она сама... Такие расходы, заботы и труды волей-неволей связали членов прихода друг с другом, с духовенством и с церковью. Чужое дело стало своим. Приход из административной единицы стал живым религиозным единством. С третьей стороны – ужасы и бедствия были столь громадны, что «душа» нуждалась в сверхчеловеческом утешении, успокоении и облегчении... Где же его найти широкой массе, как не в церкви и религии! Наконец, сделали свое дело и религиозные преследования. Мученичество, как и кровь, как известно, скрепляет не только палачей, но и жертвы... Все это вызвало и не могло не вызвать оживление религиозной жизни в первые же годы революции. Неудачи же последней, ставшие понятными и массам в 1920–1922 гг., еще более усилили этот подъем.

В итоге, кроме части молодежи, главным образом городской и то уменьшающейся с каждым месяцем, это оживление охватило все классы населения, не исключая и пролетариата; сильнее женщин, чем мужчин, сильнее стариков и пожилых, чем молодежь. На глазах воскресала живая душа православной церкви.

Это проявилось в сотне симптомов. В то время как все и вся разваливалось, церкви ремонтировались. В то время как слушатели коммунистических митингов таяли, число молящихся в церкви, сильно упавшее в 1917–1918 и даже в 1919 гг., все более и более росло. Ряд церквей стали полны народом. Крестные ходы стали собирать по 40–50 тыс. населения, а в Петрограде и Москве – свыше сотни тысяч. Из 700 000 населения Петрограда летом 1921 г. в церковной процессии участвовало по меньшей мере 200–250 тыс. Накануне были коммунистические шествия 1 мая. Как они были жидки, безжизненны и ничтожны по сравнению с этой лавиной!! Контраст был весьма знаменательным.

Подъем религиозности охватил и почти все слои русской интеллигенции, в массе традиционно-атеистические или враждебные церкви. Часть – верхи – стали мистиками. Ряд профессоров – Лосский, Гревс, Карсавин и другие – церковными проповедниками. Другие, не впадши в мистицизм, поняли здоровую социальную роль религии и ее ценность. Третьи стали дорожить ею как средством сохранения социальной связи и исторического лица. Четвертые стали на ее сторону из жалости, из симпатии к мученичеству. Пятые – из ненависти к большевикам. Не представляет отсюда исключения и студенчество, традиционно атеистическое. Когда 5 февраля этого года мне пришлось говорить речь на акте университета перед 3–4-тысячной аудиторией студентов всех высших учебных заведений Петрограда, когда я в ряду других «контрреволюционных» задач молодого поколения говорил о необходимости религиозного отношения к жизни, о социальной роли религии, о глупости «ура-атеизма» и т. д., то и в этих частях речи, как и в других, овации аудитории прерывали меня через каждые две-три фразы^{75*}. За такую речь шесть лет назад жестоко бы освистали:

тогда она была психологически невозможной... Если бы, далее, вы побывали на религиозных диспутах этим летом, устраивавшихся коммунистами вкупе с «Живой церковью», вы видели бы битком набитые аудитории, собиравшие тысячи людей. Наблюдая же отношение аудитории к коммунистам и представителям «Живой церкви», вы недвусмысленно усмотрели бы в этом подъем религиозности и симпатии населения: коммунистам не давали говорить, несколько раз их стаскивали с кафедры, представителей «Живой церкви» прерывали возгласами: «изменники», «иуды», «за сколько сребреников продались коммунистам», «чекисты», «предатели», «ваши ряды и руки в крови», «вон», «долой» и т. д. И что характерно – такие возгласы шли как раз из рядов рабочих и простого народа...

В церковных аудиториях, где происходит обучение Закону Божию (исключенному из школы), нет недостатка в учениках. На исповеди начиная с 1920 г. ходит все большее и большее число не только некоммунистов, но и коммунистов (часто тайком от партии). Легализация браков путем венчания в церкви также растет... Словом, я мог бы привести сотни симптомов этого подъема... Только небольшая часть молодежи, выросшая в годы революции, в возрасте 13–17 лет ставшая «коммунистами», осталась в стороне от этого подъема. Она пока архитеистична. Молодое же поколение, более юное, проведшее детство в ужасах революции, напротив, вырастает весьма религиозным и приводит в отчаяние современную власть коммунистов и руководителей народного просвещения.

Оздоровело и духовенство. «Жирного попа-чиновника» больше нет. Перед вами или скромный труженик, в поте лица добывающий свой хлеб и выполняющий в меру своего разумения религиозные обряды, или, реже, труженик и живой подлинный религиозный руководитель народа, его веры и жизни, советник в делах совести, утешитель в горе, учитель нравственности и просветитель разума. И вдобавок – мученик.

История поставила трудный экзамен нашему духовенству. Оно его – в общем и целом – сдает удовлетворительно... Этот подъем охватил не только православную церковь, но и католиков, и евангельских христиан, и религиозных сектантов, обитающих в России. Особенно сильно это заметно на евангельских христианах...

События 1922 г.: ограбление церквей^{76*}, процессы против церковников, арест патриарха Тихона, расстрелы священников во главе с митрополитом Вениамином, насильственный захват церковного управления в виде создания «Живой церкви» и Высшего церковного управления – не только не ослабили, но усилили этот подъем. Все шаги власти разбить насилием и хитростью религию были грубой ошибкой с точки зрения ее интересов. Это теперь, по-видимому, начинает понимать и сама власть. Этим объясняется ее приказ прекратить дальнейшие судебные процессы против духовенства и прихожан.

Измышления власти о том, что духовенство и паства не хотели давать церковные ценности голодным, – сплошная ложь. Этот вопрос не возбуждал ника-

ких споров в церкви. Спор шел лишь о том, можно ли давать эти ценности правительству, не пойдут ли они на совсем иные цели. Верующие хотели реализовать их сами и сами раздать полученную пищу голодным. Соглашались они делать это и через АРА или другие организации, внушающие доверие. Дать же ценности в руки власти – не хотели, и вполне основательно. По ее практике знали, что по адресу голодных большая часть ценностей не дойдет, будет разворована, потрачена на Интернационал, на агитацию, подкуп агентов и т. д. События вполне подтвердили это недоверие. Голодным действительно достались крохи этих ценностей. Большая часть их исчезла неизвестно куда. Власть, конечно, не могла мириться с такой позицией. Церковные ценности прежде всего нужны были ей. Голодные были лишь благовидным предлогом. Золотого фонда осталось немного, деньги до зарезу нужны – и отсюда вся бешеная кампания власти, весь поток ее лжи, наветов, измышлений, которым в России никто не верил и не верит.

Началось насильственное изъятие. Верующие стали на защиту. Произошел ряд кровавых столкновений, прямых схваток, убийств... Пришлось власти мобилизовать своих преторианцев, насилием и оружием сломить сопротивление... Это было сделано. Для устрашения нужно было терроризировать и верующих, и духовенство. Начались массовые аресты, «судебные процессы» и расстрелы... Верующие и тут не остались пассивными. В первые дни процесса против Вениамина и других церковников в Петрограде огромная толпа собралась около Дворянского собрания, пением «Достойно есть» и «Кирие елейсон»^{77*} встречала подсудимых, расшиблен был лоб священника Введенского, «продавшегося коммунистам»... Но что могла сделать неорганизованная и невооруженная толпа с армией чекистов? Она была окружена последними, и 2 000 человек было арестовано... В следующие дни Михайловская площадь была оцеплена, и туда не пускали никого. Сходное происходило и в других городах России. Судебная комедия была проделана. Обвиняемые вели себя поистине героически: так, как вели себя лучшие религиозные мученики... Кровь была пролита... Но она еще сильнее связала верующих – вот объективный результат этих мер.

Рядом с ними власть предприняла и другие. Ей надо было захватить управление церковью. Этому мешал прежде всего патриарх Тихон. Он был арестован. Но ареста мало, нужно его отстранить. Тогда был пущен в ход отвратительный шантаж человеческой кровью: посланы были к нему несколько ренегатов-священников^{78*} с требованием, чтобы он отказался от своей власти: если он не откажется, 11 приговоренных к расстрелу московских священников будут казнены, если откажется – будут помилованы... Кошмары из «Бесов» Достоевского менее ужасны, чем этот ультиматум. Тихон не отказался... Он, лишенный свободы и возможности управлять, указал, что шантажисты могут овладеть патриаршей канцелярией и... только... Из этого была создана легенда об отказе патриарха Тихона, о передаче власти Высшему церковному управлению, самочинно создан-

ному из этих священников-шантажистов с прибавлением таких же «прохвостов». Из них-то и была попытка создать так называемую «Живую церковь» – орудие разложения православной церкви и превращения ее в «агитотдел» коммунистической пропаганды. Я знаю лично большинство главных деятелей этой «Живой церкви» и Высшего церковного управления. Кроме одного или двух лиц, все они морально низкие люди, беспринципные карьеристы, с рядом постыдных действий в прошлом, короче, типичные проходимцы. Одно или два лица из них лично – чистые люди, пользовавшиеся даже влиянием среди верующих, пошедшие в это дело по глупости и теперь потерявшие всякое уважение со стороны своих бывших почитателей...

Из всего этого, конечно, ничего не вышло. «Живая церковь» превратилась в предмет ненависти и насмешек. Высшее церковное управление во главе с Красницким – большим негодям – никто не хотел признавать. Тогда власть пошла дальше. Усилив гонения и террор, она объявила: духовенство и приходы, которые откажутся признавать власть Высшего церковного управления и будут бороться с «Живой церковью», лишаются зданий храмов и всех предметов культа, находящихся в них. «Они принадлежат государству (хорошее отделение церкви от государства!), и власть вольна их давать кому угодно!» Такая мера была пущена в ход за две недели до моей высылки из России. Что из нее получилось, я пока не знаю. Уверен, однако, что власть будет бессильна провести вполне эту меру, часть приходов может фиктивно признать Высшее церковное управление, часть предпочтет закрытие храмов, если только власть на это решится.

Объективно и здесь, кроме проигрыша, для власти ничего не получится. Чем сильнее будет преследование – тем интенсивнее будет подъем религиозности в православной церкви.

Что же касается «Живой церкви», то она, «не расцветши, отцвела». Главные ее деятели – священник Красницкий и епископ Антонин – успели уже перессориться друг с другом, ссора привела к официальному расколу и образованию рядом с «Живой церковью» – «Церковного возрождения», обе группы начали яростную борьбу друг с другом, в этой борьбе намечаются новые расколы среди ничтожной кучки всех этих «живых» карьеристов, словом, «Живая церковь» уже успела умереть, а «мертвая» православная церковь, несмотря и вопреки преследованиям, живет и оживает...

Сейчас лицо православной церкви сливается в одно целое с национальным лицом России. Власть и силы, действующие через нее, хотели и хотят стереть и уничтожить то и другое, затоптать их в грязь истории, утопить в серой мгле темного Интернационала, хотят Россию сделать проходным двором для единичных и массовых проходимцев, тараном, послушно пробивающим дом других народов, но... по-видимому, это не удалось... Сорвалось...

Мы тяжело изранены, но живем и поправляемся.

9. Изменение народной психики и идеологии

Пережитый трагический опыт не прошел даром. Слишком велики потери, огромны жертвы, ужасны лишения, чтобы они ничему не научили... «Нет худа без добра», хотя это «худо» и не покрывается «добром» в форме положительных результатов опыта... Масса народа кое-что поняла, кое-что усвоила. Ее поведение и психика теперь существенно отличаются от довоенного состояния. Это мы видели уже выше... Очертим кратко основные изменения в этой области...

Во-первых, выше было указано, что народ стал более безграмотным в школьном смысле, но... тяга к знанию и интуитивное понимание явлений, приобретенное на «своей шкуре», в школе жизни, тяжелым опытом, сильно возросли.

Это сказывается и в интенсивном желании – особенно среди крестьянства – усвоить новые, более совершенные технические приемы ведения хозяйства, земледелия и других практических дел... Старая рутина разбита. У выделившегося крестьянина-отрубника вы встречаете теперь книжки по ведению сельского хозяйства, «Справочник агронома» и т. д. На беседы дельного агронома стекается большая аудитория. В ряде мест крестьяне организуют (если власть не мешает, что, увы, обычно) краткосрочные курсы по той или иной отрасли сельского хозяйства. Нет недостатка в слушателях таких же курсов, устраиваемых такими же организациями и школами. Есть желание использовать машины в работе.

Усилилась тяга к грамоте. Я указал уже, что крестьяне сами, своими силами всячески стремятся сделать детей грамотными, грамотных посылают учиться дальше. Этот же факт подтверждается раскупкой книг. Книга в России сейчас стоит дорого, от 2–3 млн до 10–15 млн руб. том. Россия голодна: нет хлеба. И, однако, книги расходятся, если они действительно дельные книги. Обнищание компенсируется возросшей жаждой знания. Человек голодает физически, чтобы хоть сколько-нибудь утолить духовный голод, дать ответ себе на «проклятые вопросы», поставленные жизнью. Расходятся не только брошюры, но и толстые тома, не только по техническим, но и по социальным вопросам. Достаточно указать для примера, что толстый журнал «Экономист» (закрытый властью), книжка которого стоила ряд миллионов рублей, выпускавшийся в количестве 4 000 экземпляров, расходился начисто в течение одной-двух недель^{79*}. Другие издания расходились не так быстро, но все же расходились. Издательства хоть и с трудом, но ведут свое дело и существуют. Не расходятся только «коммунистические» издания, набившие всем оскомину и надоевшие до смерти. Их приходится рассылать за казенный счет или в принудительном порядке. Если и среди них исключения, но единичные.

На публичных лекциях и диспутах, исключая коммунистические, надоевшие до смерти и потому наполняемые курсантами и другими частями в «военном

порядке», аудитории не пустуют. Они посещаются. Их, конечно, мало, они идут только в больших городах, но и это симптом. Устрой их в деревнях, народу было бы полным-полно. Беда лишь в том, что нельзя и некому их там устраивать...

В учебных заведениях аудитория внимательна. Несмотря на ряд тяжелых условий, делающих занятия невозможными, молодежь все же каким-то чудом ухищряется учиться.

Словом, десятки и сотни симптомов говорят об этом росте импульса к знанию. Потенциально он столь значителен, что, не будь обнищания, не будь тысячи рогаток, ставимых властью на пути к знанию, не будь самой власти, служащей огромным препятствием к просвещению, в пять-шесть лет можно было бы сделать очень много: при умном руководстве и средствах можно было бы значительно наверстать потерянное и догнать народы, ушедшие далеко вперед... Но, увы!.. Этих условий нет, и потому приходится двигаться шагом.

В результате пережитых событий значительно расширился и умственный кругозор народных масс. Они стали интересоваться многим, что раньше их не интересовало. Они поняли, что «от жизни не уйдешь», что «в свою конуру не спрячешься», что многие явления «задевают» самым резким образом... «Революция», «социализм», «коммунизм», «государственное целое», «права человека», «судебные гарантии», «церковь и вера», «концессии и займы», «собственность», «устройство государства», «Генуя», «Гаага», «капитал» и т. д., и т. д., т. е. тысячи кардинальных вопросов политического и социального бытия касались и касаются массы самым прямым образом, решение их испытано и испытывается на своих «боках», польза или вред – также. Мудрено ли поэтому, что массы познакомились со всем, вольно или невольно не могли не интересоваться ими, не обсуждать и не думать над ними, не научиться многому. Естественно, что социально-политический их уровень поднялся... Теперь с крестьянином вы можете говорить о многом, иногда о довольно специальных вопросах (валюта, концессии и т. д.). Он вас понимает. Больше того, на опыте, своей шкурой испытав пользу или вред ряда решений, он во многих случаях даст вам в простых словах совершенно правильное решение и прогноз, часто более правильный, чем «книжные» мудрствования оторванного от реальности интеллигента.

(Горький в своей постыдной, нечестной книге вопреки себе подтверждает это. «Пользы нам от фокусов этих нет, а расход большой людьми и деньгами. Мне подковы надо, топор, гвоздей, а вы тут на улицах памятники ставите – баловство это. Ребятишек одеть не во что, а у вас везде флаги болтаются», – говорит у него мужик... Разве он не прав перед интеллигентом Горьким? Разве он не прав и в следующем: «Если бы революцию мы сами делали, давно бы на земле тихо стало и порядок был бы»... Да если бы было поменьше «вождей», т. е. антропоидов, оторванных от жизни, перед которыми так лебезит Горький, ужасы революции были бы действительно более скромными.

Кстати, Горький, оплевавший теперь русское крестьянство, делал это и раньше. Тем необъяснимее для меня и для других бывших на обеде в честь Уэллса была его реплика, прервавшая мою речь, пытавшуюся хоть немного открыть Уэллсу глаза на роль наших «вождей» революции и на их мерзость^{80*}. «Во имя уважения к русскому народу такие речи здесь неуместны», – прервал меня Горький. До сих пор не понимаю, что это значило. Очередное лицемерие просто или лицемерие для спасения репутации «вождей» и втирания очков Уэллсу? Был бы рад получить ответ от г. Горького.)

Словом, в этом отношении мужик вырос. Теперь его не проведешь, как раньше, «хорошими словами». Во многом он теперь отлично разбирается и многое понимает.

В связи с этим он вырос и в других отношениях, в частности в понимании зависимости своей судьбы от судьбы целого. Психология «моя хата с краю», «мы пензенские, и до нас не доберутся» теперь едва ли возможна. Невозможной поэтому становится и та безучастность к судьбе государства, общества и народа, которая резко выявлялась в недавнем прошлом... Раньше это вызывалось наличием «хозяина-начальства». Последнее само отстраняло население от активного участия в политико-социальных делах и обрекало его на пассивную роль. И население, привыкшее жить под опекой «попечительного начальства», предоставляло дело его усмотрению.

Теперь «хозяина» нет... Существующие «хозяева» за таких не считаются. Это просто налетчики, временно орудующие до прихода настоящей власти. Ждать от них порядка – пустое дело. Приходится самим заботиться об этом и думать крепко-накрепко «государеву думу»... Как избежать беду? Как снова наладить жизнь? Какой порядок навести? Какой строй учредить? Кого выбрать в государственные люди?

Словом, *сама историческая обстановка повелительно возбуждает самостоятельность населения, его инициативу, активность, сознание...*

С другой стороны, те же события научили сдерживать групповой и классовый эгоизм, беспардонную и бесшабашную активность. Горький опыт научил крестьянство (о других слоях не говорю, ибо они разрушены), что безграничное преследование узкоклассовых интересов в конце концов не только вредит целому, но и интересам этих классов, что на одной диктатуре пролетариата или крестьянства не выедешь, что не они только «соль земли», не одни они «трудящийся народ», но столь же полезную работу выполняют и другие классы, вплоть до «эксплуататоров-буржуев». Изменился и самый взгляд на последних. В значительной мере понято теперь, что «капиталист» не только и не столько «эксплуататор», сколько организатор хозяйства. Название «буржуй» в сильной мере потеряло свою одиозность. «Без буржуя не проживешь», – так формулируется народом эта мысль... Пропала или сильно ослабла и мистическая вера в по-

лезность бесшабашного творчества, производимого без знания руками рабочих и крестьян. «Семь раз отмеряй и однажды отрежь», «мало ли что он рабочий, да коли он ни черта не смыслит, какой толк из его работы», «надо делать с сознанием, надо иметь сноровку», «дело мастера боится» – так выражается эта мысль.

Резкие изменения произошли и в психике «интеллигенции». Я думаю, что история старой – типичной – русской интеллигенции кончилась. На место ее приходит новая, с новым психическим укладом. Она будет, и отчасти уже есть, более деловой и более знающей, чем старая интеллигенция. Она будет менее романтической и менее идеалистической, но более полезной объективно; при всем богатстве идеализма старой интеллигенции, при ее невежестве и романтизме, толку было не очень много. «Много было хороших слов, много героических поступков, но мало было объективно полезных дел. Большая часть энергии гнила зря, а нередко из героизма получался объективный вред». Новая интеллигенция рождается более прозаической. Не будет задаваться «несбыточными мечтами», реже в ней будут подвижничество и самопожертвование, но она будет лучшим «спецом» – раз, и свои специальные обязанности будет выполнять серьезнее – два. Изменилось ее положение и в третьем отношении. «Кающийся дворянин» давно исчез; в революции исчез и «буржуа», или обеспеченный представитель либеральной профессии, чувствовавший все же какую-то вину перед народом, какую-то неловкость за свою обеспеченность. Не стало больше обычного деления на «интеллигента», «обязанного перед народом», и опекаемого «меньшого брата», которого надо «просвещать», «учить», ставить на путь истины, который идеален сам по себе, но погибает в невежестве эксплуатации. Этот взгляд на «меньшого брата» сверху вниз, эта романтически-сентиментальная концепция сожжена революцией безвозвратно. Она теперь чужда и народу, и интеллигенции. Складывающиеся отношения менее сентиментальны, но более здоровы. «Никакой вины у меня перед тобой нет, ни в чем я не грешен и не в чем мне каяться. Я такой же, как ты. Ты делаешь одно дело, я – другое. Мы может друг другу быть полезными. Я обязан делать одно дело, ты – другое. Если каждый из нас будет делать свое дело по-настоящему – все отлично. Если нет – плохо и неизвинительно ни для тебя, ни для меня» – такова приблизительно эта новая платформа отношений в схематическом виде. Старый романтически-сентиментальный и в то же время аристократический по природе подход интеллигенции к народу и раньше был довольно нелеп. Теперь он психологически невозможен. Романтизм, сентиментализм и жертвенность сдуты революцией с психологии интеллигента. Не нужны они и народу. «Ты мне лясы-то не точи, а говори дело», – вот что скажет он любому врачу, инженеру, технику, если они свое дело не будут делать, а будут заниматься «высокой политикой». Такая картина выясняется уже и теперь. Молодежь идет главным образом в специальные учебные заведения и меньше – в общие, в гуманитарные. Она стремится быть прежде всего «практиком».

Далее, о каком «покаянии» и «ответственности перед народом» может идти речь у этой молодежи, выходящей главным образом из этого народа, знающей его быт, жизнь и нравы? Психология «виновных» и «кающихся» ей органически чужда.

Короче, *интеллигенция будет более «мещанской», более «прозаической», но более деловой и социально полезной.*

Я лично (*horribili dictu*^{81*} опять) всецело приветствую такой уклон. Приветствую потому, что западноевропейское «мещанство» считаю более культурным явлением, чем нашу «интеллигентность» Марков Волоховых, «трех сестер» Чехова, «героических натур» Тургенева, «лишних людей» нашей литературы, «вождей» и «сверхчеловеков» революции и «интеллигентность» многих и многих маниловых, ноздревых и чичиковых от культуры. Былой культ нашего «антимещанства» был в значительной мере проявлением нашей некультурности, безграмотности и псевдосознательности. Хорошо им было баловаться, нашим пресыщенным ницшеанцам, чайльд-гарольдам, студенческой богеме и всевозможным «эстетам» и *intellectueles*...

Нам не до того... Нам жить надо, и «с жиру беситься не приходится». Так же смотрю я и на «утилитарно-практический уклон» новой интеллигенции. Буду рад, если она «американизируется», приобретет практичность американцев и их «мещанство», с другой стороны, напротив, меньше будет заниматься стихокропательством, «выработкой миросозерцания» (масса интеллигентов всю жизнь этим занималась и умирала, так и не выработав «миросозерцания», а текущие дела делала скверно), пустым «философствованием», балетом, театром («ах, Художественный театр!»), музыкой («ах, Скрябин, божественно!»), выставками картин, футуризмом и тысячами «измов». Спецы по призванию будут это дело делать. Дилетанты же не станут зря тратить энергии. У нас нет хлеба, мы вымираем, а потому нам сейчас не до «пирожных». Конечно, «не о хлебе едином жив будет человек», но... не без хлеба. Будет хлеб, будет и остальное. Сытая «мещанская» Европа создала духовных ценностей не меньше, а больше нас. Не впадайте в самообман и смешную гордость... евразийцев!^{82*} Все это «парадоксы», но... русло жизни поворачивает именно к этим «парадоксам». И отлично...

Рядом с этими формальными изменениями произошли изменения идеологии и по существу. Главнейшие из них таковы.

Появилось сильнейшее чувство (и сознание) *национализма*. Таков реальный плод усиленной прививки «интернационализма». Ответом на тысячи попыток вытравить национальную культуру, национальное сознание, национальный лик, традиции и быт; ответом на усиленную пропаганду интернациональных идей; реакцией на бесчисленные оскорбления национального достоинства и ценностей, чинившиеся гг. «интернационалистами»; защитательной мерой против опасности гибели народа и государства и перехода из главных актеров истории на роль безликих статистов; ответом на засилие иностранцев и инородцев в ре-

волюционной русской жизни; ответом на эксплуатацию русского народа этими «интернациональными подонками всех стран» – вот чем является современный рост национального сознания.

Раз Россия и русский народ превращены были в проходной двор, где лицо наше топталось каблуками интернационалистов всех стран, раз Россию стали растаскивать по кускам, раздирать на части, взрывать изнутри, грабить отовсюду, раз среди «распинающих» оказались и враги, и вчерашние друзья, раз бывшие окраины стали смотреть на русский народ сверху вниз, раз все его покинули, все изменили, все обманули, раз теперь ей грозит участь колонии – все разгромлено, разорено и за все «битые горшки» должен платить тот же русский «Иванушка-дурачок», – раз Россия при благосклонном участии бывших союзников начинает продаваться «оптом и в розницу», превращается «из субъекта в объект», то должно было наступить одно из двух: или гибель, или резкая реакция защиты. Симптомом последней и служит рост глубоко подсознательного *национального чувства, охватившего все слои*.

Не удивляйтесь, если он в некоторой степени имеет зоологические формы. И это неизбежно. И даже целесообразно с точки зрения интересов выживания. Неизбежно потому, что слишком по-зверски обращались с русским народом «интернационалисты», слишком мало было высказано иностранцами и инородцами гуманизма и жалости и слишком много бесовского хищничества, шакализма и дипломатической хитрости, которая «мягко стелет, да жестко спат». Народ понял, что ему не на кого надеяться, кроме как на самого себя. Целесообразно потому, что с ним также обращаются «зоологически». Когда тигр и шакал вас рвут, глупо усовещевать их, надо бить... или погибнешь. То же и с целым народом. Разве он, вплоть до серого мужика, не понимает, что его рвут, одни бесцеремонно, другие «вежливенько», под аккомпанемент «хороших слов» и улыбок? Разве он не оценивает все эти соглашения с большевиками и всевозможные концессии и т. д. словами: «своих помещиков прогнали, теперь приходят другие», «за наш счет хотя греть руки и большевики, и иностранцы», «ну подождите же»?..

Не удивляйтесь же, если национализм сильно пронизан зоологизмом. Он понятен и... целесообразен, хотя, быть может, и очень некрасив.

Частичным проявлением этого зоологического национализма *служит острый антисемитизм, охвативший все слои русского народа, еще недавно бывшие евреефилами*. Им заражены почти все – от верхов интеллигенции до глухой деревни, от русских коммунистов (не удивляйтесь) до монархистов. «Протоколы сионских мудрецов»^{83*} читаются и в верхах, и в забытой деревне. Они одобряются, им верят, их хвалят. Здесь завязался один из самых тяжелых и трагических узлов русской истории, сулящий много хлопот и бедствий той и другой стороне. Причиной такого явления служит чрезвычайно выдающаяся роль, сыгран-

ная значительными массами евреев в углублении нашей революции и в расцвете нашего коммунизма. Не говоря уже о «вождях», огромное большинство которых (Зиновьев, Троцкий, Каменев, Стеклов, Свердлов, Радек, Красин, Урицкий, Володарский, Литвинов, Иоффе и т. д.) были евреями, большинство «командующих позиций» во всех комиссариатах было занято и занимается ими же. При большей изворотливости они, далее, менее пострадали экономически, чем русские. Значительная часть богатств перешла в их руки. Благодаря той же практической сноровке и помощи сородичей они менее голодали. Ряд самых одиозных функций в значительной мере выполнялся ими же. С наступлением нэпа они же – почти исключительно – оказались «капиталистами», «богачами», захватившими в свои руки фактически почти всю и государственную, и кооперативную, и частную промышленность и торговлю. Прибавьте к этому то, что население Петрограда, Москвы и других городов сейчас (благодаря отливу еврейства из местечек в центры) сильно семитизировано, что еврейство лучше питается, лучше одето, лучше живет, что русский на всех командующих позициях, во всех комиссариатах, кроме ГПУ (где сейчас мало евреев), видит евреев, что даже состав студентов высших школ преимущественно еврейский (в медицинских школах 60–70%, в других ниже: «процентная норма наоборот» – так говорят об этом в России), учтите все это – и рост антисемитизма будет понятен. Я не антисемит, но такое положение считаю ненормальным. Я никогда не защищал ограничения прав еврейства, но не могу признать правильным и ту фактическую привилегированность его, и ту фактическую эксплуатацию русского народа, которая выполняется сейчас значительными массами еврейства.

Я не стоял за «процентную норму», но нахожу ненормальным, чтобы при наличии специальных еврейских высших школ, содержимых за счет государства, в общих высших школах 60–70% учащихся были евреи.

Должен прибавить к этому, что поведение многих и многих евреев, даже не коммунистов, а просто дельцов, в смысле хищничества и шакализма было безобразным.

Я знаю, что глупо эту вину части еврейства переносить на весь еврейский народ. Я знаю жертвы евреев, погибших на посту защиты интересов России. Но народная массовая психика иначе рассуждает. Она видит тени и забывает светлые блики. Если же эти тени обширны и более часты, чем светлые полосы, тогда тем неизбежнее ее односторонность. Народу не легче от того, что есть антибольшевики-евреи – подлинные друзья России. «Раз они сами не могут справиться с ними, остается нам самим бороться как сумеем и как можем. Мы боремся и будем бороться – не на жизнь, а на смерть – с русскими большевиками и их подчиненными. Так же беспощадно будем бороться с евреями, коммунистами и их подручными! Пусть другие евреи за это не пеняют на нас!»

Такова приблизительно массовая психология, ее настроение, ее решение и ее «оправдание»...

Повторяю, здесь русская революция завязала один из самых трудных и трагических узлов, грозящий большими бедствиями. Нужно скорее с чистым сердцем и совестью той и другой стороне принять все меры, могущие его разрешить социологически, а не «зоологически». Вопреки мнению тех, кто думает, что ликвидация большевизма с этой точки зрения опасна, я отвечаю: *чем дольше будет держаться данный режим, тем антисемитизм будет глубже и шире, тем сильнее будет расти «зоология».*

Рядом с чертой национализма столь же резко выступает вторая черта современной массовой идеологии. Это – *глубокое отвращение ко всем идеологиям коммунизма и даже социализма.*

Благодаря крови, огню и полному разгрому России, к которым привели коммунизм и коммунисты, все подобные идеологии дискредитированы в корне и надолго.

Если раньше они легко прививались ко всему населению, кроме аристократии и буржуазии, если русская интеллигенция была – в массе – социалистически настроенной, то теперь дело обстоит наоборот. Теперь Россия «иммунитетна» к таким учениям. Слово «коммуния» стало одиозно ругательным. Сильно дискредитированы и все те рецепты, идеологии и течения, которые имели и имеют какую-либо связь с коммунизмом.

Идеология и настроение в современной России – в массе – резко *«индивидуально-собственнические»*. Институт частной собственности у нас не имел раньше «большого кредита», на него смотрели как на зло; в нем видели источник бедствий, апологетов его не было, фигура частного собственника не вызывала симпатий. Теперь наоборот. Этот институт оценен и даже переоценен; иначе расценивается собственник, иначе смотрят на капиталиста.

«В борьбе обрел народ право собственности»^{84*}, а не коммунизм... Появился и крепкий органически-почвенный жилистый собственник. Им является крестьянство, стихийно потянувшееся на хутора и отруба, им является и «новая буржуазия», вышедшая из рядов коммунистов, им является по поведению и психике половина современных коммунистов – крепких собственников *in spe, in futurum*^{85*}, им являются все категории «спецов» и «новой бюрократии», им является и большинство интеллигенции.

«Мелкобуржуазная стихия» (на языке власти) широким морем разлилась по «коммунистической» России, бушует и рвет последние остатки коммунистических построек. И не только их: она заодно поглотила и все бывшие предубеждения русского общества против собственности, и все его симпатии к социализму-коммунизму...

От коммунизма последних лет теперь уже нет ничего, кроме золы, копоти и тиранического правительства. Русский народ переварил стадию анархии, переварил коммунизм, остается переварить теперь только неограниченный деспотизм.

С коммунизмом и социализмом покончено... и надолго. Не только имя Ленина и наших коммунистов, но имена Маркса и других теоретиков социализма большинством русского народа долгие годы будет вспоминаться недобрым словом. (Недаром за последний год начинают выкидывать шутки с небольшим числом оставшихся памятников революции: в Одессе весь рот и бороду Маркса намазали пшенной кашей, которой питали почти год население, и написали: «Ешь сам».) Таковы шутки истории.

Вместе с указанными выше чертами все это говорит о резкой деформации психики русского народа.

Она изменилась. Но не в том направлении, в каком хотели гг. коммунисты.

Заключение

Таково вкратце современное состояние России и ее народов. Мы видим, что война и революция «славно поработали». Подводя итог доходам и расходам, приходится сказать, что первые совершенно не покрывают вторые. Опустошения громадны и частью непоправимы. Приобретения есть, но они невелики.

Не будь войны и революции, Россия теперь была бы неузнаваема. Начиная с 90-х гг. XIX в. мы развивались во всех отношениях – и в материальном, и в духовном – с такой быстротой, что наш темп развития опережал даже темп эволюции Германии. Росло экономическое благосостояние населения, сельское хозяйство, промышленность и торговля, финансы государства находились в блестящем состоянии, росла автономия, права и самостоятельность населения, могучим темпом развивалась кооперация, уходили в прошлое абсолютизм, деспотизм и остатки феодализма. Исчезала безграмотность, народное просвещение поднималось быстро, процветала наука, полной жизнью развивалось искусство, творчество духовных ценностей было громадным *in extenso*^{86*} и глубоким по интенсивности.

Не будь войны и революции, Россия в 1922 г. была бы процветающим духовно и материально государством.

Но пришли эти явления, и блестящее развитие было прервано. Не только остановлено, но отброшено назад на одно-два столетия.

Россия сегодняшнего дня и Россия 1922 г. без войны и революции... какой контраст! Целая пропасть между ними! Целые века!

Понадобятся десятилетия, чтобы залечить раны, стать Россией 1922 г. без войны и революции. Вот почему я не могу больше быть ни трубадуром, ни романтиком войны и кровавой революции. Вот почему я тихо и печально улыбаюсь, когда слышу славословия последним. Вот почему я скептически воспринимаю всякую – пассивную и рафинированную – радость и восторги перед революцией... Когда же я вижу многих и многих, искренно мечтающих о приходе революции, я говорю: «Жаль, что человечество плохо усвоило уроки истории. Эти дети играют огнем, который сожжет их же самих, и больше всего именно трудовые классы: они вызывают вихрь, который разнесет смерть, убийства, зверства, голод, болезни, опустошения по всей стране, вихрь, в результате которого больше всего пострадают именно народные массы». «Следствием его, – по верным словам Лебона, – будет... заключение общества в смирительную куртку... Разнузданная чернь, вооруженная, жаждущая мщения и разъяренная; пики, ножи и молотки; угрюмый притихший город; полиция у семейного очага; подозрительность ко всякому мнению; подслушанные речи... подмеченные слезы... неумолимые реквизиции... вынужденные займы... обесцененные бумаги... война на границе... Безжалостные проконсульства... Жестокосердые комитеты безопасности... – вот плоды социальной революции»^{87*}. И сверх того... смерть, смерть и смерть... Смерть во всех видах... смерть лучших... смерть и ужасы...

Не приемлю теперь я кровавой революции и войны и из-за их методов, ибо знаю, что метод голого и кровавого насилия по своей природе ничего, кроме разрушения и регресса, дать не может.

«Дух разрушительный вовсе не есть дух созидающий» – это теперь мы поняли.

Не приемлю я их и по этическим мотивам. Если бы даже война и революция давали положительные плоды, чего, увы, почти не бывает, эти плоды «не стоят чистой слезы одного ребенка!»^{88*} Жизнь людей здесь служит кирпичами, их кровь – цементом, их страдания – штукатуркой, ужасы и зверства – краской – таков революционный (и военный) метод постройки социальных зданий. Не одна жизнь и слезы взрослых, но десятки тысяч детей живыми кладутся в фундамент такого здания, безжалостно давятся, душатся, расстреливаются, мрут голодом, убиваются тифом, сифилисом, холерой, цингой и другими болезнями, дробятся их нежные кости, искажаются не только их тела, но и души... Это дорого... Слишком дорого...

Вот почему я отныне «почтительнейше возвращаю билет на вход в царство кровавой революции» (и контрреволюции).

Пусть не подумают, что эти строки говорят о том, что революция меня лично обидела, что я много, по-видимому, лично потерял в ней... Нет. Кроме жизни и иллюзий, мне терять было нечего. Я был беден – таковым остаюсь и те-

перь. Я сын рабочего и крестьянина^{89*}, стало быть, не мог потерять привилегий. Я не был ни «аристократом», ни «буржуем», ни чиновником, стало быть, и здесь я ничего не мог потерять... Жизнь моя – при мне еще. Честь моя и совесть – также. Единственная потеря – иллюзии. Были они и у меня... Одной из них было романтическое представление о революции и желание ее прихода... Теперь я видел ее. Пять лет был я в ее вихре, пять лет внимательно смотрел в ее лицо... Увидев его, я стал изучать лица бывших «глубоких» революций. И понял: это лицо зверя, а не сверхчеловека, Антихриста, а не Бога, вампира, а не освободителя...

Я знаю, что многие «взрослые дети», «чистые сердцем», из трудовых классов, не испытавшие революции, не поверят этому. Но в ответ расскажу один эпизод. В 1917 г., в октябре, мне пришлось выступить с речью в одном полку. Я убеждал солдат не идти за большевиками. Я рисовал им те гибельные результаты, которые принесет большевизм. Я делал это ради исполнения долга, но я знал, что сейчас они мне не верят и не поверят. Зная это, я кончил свою речь словами: «Я знаю, что вы мне не верите сейчас. Но прошу вас запомнить следующее: был человек, который вас предупреждал. Он исполнил свой долг. Запомните эти слова. Через год-два вы их вспомните. Вспомните и... тогда поверите. Но будет уже поздно...»

В 1919 г. я ехал на пароходе... Вдруг ко мне подходит один мужик, истощенный, грязный, оборванный... «А ведь я вас узнал, – тихо сказал он мне. – Помните, вы выступали в нашем полку... Много раз я вспоминал ваши слова. Дураки были мы, большие дураки... Оправдалось все, что вы говорили... Теперь взяли за ум... да поздно...» Поверили, весь русский народ поверил, да поздно...

Когда увидят подлинный лик кровавой революции эти «неверующие», поверят и они. Но я не хотел бы, чтобы они за эту веру заплатили ценой революции... «Да минет их чаша сия»^{90*}... Впрочем, увы, история не всегда идет так, как нужно... Она слепа... А Провидение, если оно есть, плохо бодрствует... Но «да минет их чаша сия».

Глубокую болезнь испытал и испытывает еще русский народ. Горькую чашу страданий выпил он до дна. Распял себя за свои и чужие преступления... Стал «Сыном Человеческим», принявшим на себя грехи мира... Теперь он искупил эти грехи. Теперь он чист... чище многих народов, согрешивших, но не пострадавших так. Чист... Готов и к смерти, и к новой жизни.

Много раз за эти годы я думал: не пробил ли смертный час нашей истории? Не бьет ли полночь исторического заката русского народа? Не перед смертью ли он омылся в страданиях?

Теперь вижу, что нет. Большой выздоравливает, кризис проходит, и впереди дорога жизни, а не смерти... Знаю, не розами покрыт грядущий путь. Он тернист, ждут на нем бездны новых страданий, унижений, оскорблений

и трудностей... Крутые кряжи, опасные перевалы и разбойничьи засады ожидают путника...

Но не будем падать духом. Возьмем с собой ценности Знания, готовность к Трудю и лишениям, напряженную волю к Добру и светлую Надежду... С ними не пропадем... С ними снова выберемся из мрачных пропастей крови и смерти на широкую и столбовую дорогу истории.

«Сие буди и буди»^{91*}.

1923

ЕЩЕ РАЗ О МОРАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ РОССИИ

(Ответ Е.Д. Кусковой)^{1*}

Е.Д. Кускова выступила с возражениями против моих положений, касающихся нравственного и умственного состояния России^{2*}. Отлично. Отвечаю.

Оставляю в стороне полемику. Истина очень мало выиграет от того, что Е.Д. Кускова будет усматривать «привкус легенд о большевизме» в моих статьях, а я «страсть опровергать всех и вся» – в статьях моего оппонента.

Факты и цифры можно опровергать только фактами и цифрами, а не «помаванием семя и овамо»^{3*}. Поэтому обратимся к рассмотрению тех фактических данных, которыми Е.Д. Кускова пытается опровергнуть или «поправить» мои положения.

Пункт первый. Сифилис. Прежде всего, она находит «безусловно неточными» цифры, касающиеся роста сифилиса и половых болезней за эти годы. «Во-первых, откуда он (т. е. я) взял их?» – придирчиво спрашивает она и даже требует опубликования имен и источников. Во-вторых, сославшись на «сообщение компетентного врача» (имени которого она, однако, не указывает, вопреки своему требованию) она утверждает, что % сифилитиков сейчас составляет 8–10% населения вместо 2% до революции, а не 30%, как указываю я. Отметим, прежде всего, что значит и Е.Д. Кускова не отрицает, что процент сифилитиков за последние годы у нас возрос в 4–5 раз.

А теперь я отвечу: откуда и почему я взял свои цифры и почему они недалеки от истины. Известно ли Е.Д. Кусковой, что на происходившем в 1920 г. в Петрограде съезде венерологов многие члены его считали процент венерических больных в населении Петрограда близким к 90? (Об этом, между прочим, помощником комиссара внутр[енних] дел г. Каплуном в частной беседе был информирован и находящийся в Берлине А. Белый.) Как видите, весьма компетентные лица давали цифры большие, чем я. Во-вторых, занимавшийся специально исследованием этого вопроса проф. Г. дал именно те цифры, которые привел я. В-третьих, эти же цифры были приведены в «Петр[оградской] Правде» (номера сейчас не помню, но примерно за март-май 1922 г.). Вот из этих-то источников я их и взял. В-четвертых, в конце августа и в сентябре 1922 г. на эту же тему шла полемика в моск[овской] «Правде», и даже одна из официальных спорящих сторон давала данные куда более высокие, чем цифры Е.Д. Кусковой и ее неиз-

вестного «компетентного врача». В-пятых, в июне 1922 г. я читал доклад на тему о состоянии населения России в обществе профессоров и доцентов Военно-медицинской академии, Медицинского инст[иту]та и Инст[иту]та медицинских знаний – и не раздалось ни одного возражения от этих специалистов против этих цифр. В-шестых, в России я говорил об этих явлениях не с одним, а, по крайней мере, с 10–15 специалистами. Вот равнодействующей этих данных и явились мои цифры, даваемые и п[ет]роградской «Правдой», и проф[ессором] Г., как цифры, наиболее близкие к истине.

Полагаю, после сказанного Е.Д. Кускова едва ли может столь категорически говорить о «безусловной неточности» моих данных, опираясь на... «одного компетентного специалиста».

Пункт второй. Рост половой вольности и разврата.

Е.Д. Кускова пытается оспаривать и этот факт. Но, увы! Здесь моим цифрам она не противопоставляет ничего, кроме наблюдений своих в «Лиге спасения детей», во главе которой стоят проф. Тарасевич, Диатроптов, Н.Н. Кишкин и др. Охотно верю, что в этой «Лиге» указанных явлений не было. Но... много ли в России колоний, детских садов и т. п., во главе которых стояли бы такие же лица? Разве моему оппоненту не известно, кто, как норма, стоял во главе 2 070 дошкольных учреждений, 2 936 детских домов и т. д.? Тарасевичи, Диатроптовы и Кишкины – единицы, и «Лига» как норма в счет идти не может.

Больше того, даже в Царском и в Павловске среди массы других колоний были две – для детей «привилегированных», вполне сносно поставленные. Зато остальные – из рук вон плохи. Я их лично в течение 3-х лет наблюдал и изучал. Итогом этого изучения плюс огромный материал, собранный мною через воспитателей, педагогов, «инструкторов Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения]» и материал Рабоче-Крестьян[ской] инспекции, а равно и официальные докладные записки, предназначенные для «внутреннего употребления» власти, но временами попадавшие ко мне в руки, – итогом всего этого и явились мои выводы. Цифры о проценте дефлорированных детей, приведенные мною, не выдуманы: они известны, напр[имер], А.М. Горькому–Пешкову. Биологическое, моральное и умственное состояние детей, лично мной изучавшееся, охарактеризовано в моей статье в «Воле России» гораздо мягче, чем хотя бы в моем докладе в России, читанном 1½ года тому назад в обществе педагогов, единогласно подтвердивших адекватность моих утверждений. (Резюме этого доклада, в частности, было передано мной и М. Горькому.) А уж в России, извините, педагоги сумели бы поправить, если бы я погрешил против истины или стал «творить легенду». Я не могу здесь приводить собранный мной материал, но категорически утверждаю, что в 1919–1921 гг. картина была куда ужаснее, чем говорят об этом мои статьи в «Воле России». Краткие цифры и данные, приведенные мной, я не выдумал, и мой оппонент не может их опровергнуть. Если ему нужны «источники»,

то я их укажу: цифры движения браков и разводов, рисующие рост этой половой вольности среди взрослых, взяты мной из «Материалов по статистике Петрограда», вып[уск] V. Процент дефлорированных детей-девочек взят из источника Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения], который я прямо не назову здесь по понятным причинам, но который известен М. Горькому, как ему известны и цифры. Будьте покойны, Екатерина Дмитриевна, я цифр не сочиняю! Вы, далее, сомневаетесь в том, действительно ли были факты развращения девушек представителями Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения] под предлогом борьбы с «половым предрассудком» и требуете назвать время, место и виновников. Наполовину удовлетворю Вас. Время – 1919–1920 гг. Место – бывш[ие] Екатерининский и Ксенинский инст[иту]ты в Петрограде. Авторы? Позвольте по имени не называть. Лично Вам я могу назвать и имена.

Больше того.

Эти факты не единичны. А в иной форме они были «бытовым явлением». Например, моему оппоненту должно быть известно, что за эти годы почти во всех школах II ступени были «ком-ячейки» или ячейки союза комм[унистической] молодежи. Им по приказу отводились отдельные комнаты. Там в ряду других дел творились и «навьи чары»^{4*}.

Я уж не говорю про всевозможные «танцульки», экскурсии комсомола с ночевками и т. д., и т. д., где всех этих «чар» было более чем достаточно. Говорю все это не только на основании моих личных наблюдений в Петрограде и его окрестностях, но на основании показаний педагогов, заведующих экскурсионными станциями и т. д.

О росте половой вольности взрослых говорят приведенные мной цифры, против которых сказать оппоненту нечего. Не только ему, но и «самому» Ленину против этого сказать нечего. В № 2–3 «Под знаменем марксизма» он в ответ на эти мои утверждения, высказанные еще в № 1 «Экономиста», ничего, кроме брани, не сумел сказать, ни одной цифры, ни одного факта не противопоставил^{5*}. А в России ему это сделать было бы куда легче, чем моему оппоненту здесь.

Но, настаивая на этом росте половой вольности, я *решительно протестую против той нелепости, которую мне оппоненты и особенно г. Петрищев приписывают*. Последний в № 37 «Дней» пишет: «Слышу и читаю – особенно у г. Питирима Сорокина: “В России водворился сплошной половой разврат. Семья разрушена. Брак исчез. Сменился беспорядочным сожителем”». Нигде подобных утверждений г. Петрищев вычитать и слышать от меня не мог. Да, рост половой вольности несомненен. Но от этого очень далеко до «сплошного полового разврата». Далек тем более, что я привожу и цифры, указывающие величину этого роста. Нельзя так искажать факты, г. Петрищев!

В той же статье он пытается показать, что «все обстоит благополучно». Но... мне вспоминается статья того же автора в «Новостях» за лето 1922 г., где сам

же Петрищев констатировал браки 12–14[-летних] детей как бытовое явление. Разве и это явление он находит «вполне благополучным»? Но... оставим оценки и констатируем, что даже сами возражатели подтверждают правильность моих положений.

Пункт третий. Рост детской преступности. Е.Д. Кускова склонна оспаривать и этот пункт. Но... мои цифры о том, что по офиц[иальным] данным детская преступность в Петрограде возросла в 7,4 раза, как она возросла и по всей России, она даже не пыталась опровергать. Чтобы опять она не подумала, что я выдумал эти цифры, укажу источники. Они таковы: *Аронович*: «Детская преступность» в журн[але] «Психиатрия и неврология», № 1, 1922; *Василевский* (почти большевик!): «Голодание». Подробный материал и источники указываются в моей печатающейся работе «Голод как фактор».

Я даю общие цифры, а мне в виде возражения Е.Д. Кускова противопоставляет некриминализовавшихся... трех девочек В.М. Чернова. Станный способ опровержения общих статистических данных.

Еще более странным возражением является апелляция к тому, что теперь «преступления, совершаемые детьми, – грубо материального свойства: украл, ранил, избил, нанес рану...». Что же, рост таких «материальных» актов не есть рост преступности? Или с точки зрения оппонента такие акты суть акты морально здоровые?

Третьим возражением против моего утверждения оппонент указывает... гимназию Алферовых. Весьма возможно, что там все обстояло благополучно. Но я ведь привожу общие цифровые данные, и если хотите их опровергать, то опровергайте также общими данными, а не... примерами знакомых, морально сохранившихся детей, гимназией Алферова... На единичные факты я могу привести десятки обратных единичных фактов. Не о них идет речь, а дело идет об общей средней линии движения детской преступности...

Пункт четвертый. Рост преступности взрослых. И здесь я свои суждения основываю на офиц[иальной] статистике преступности, которая уж никак не преувеличивает, а преуменьшает этот рост. Памятуй придирчивость Е.Д. Кусковой к «источникам», указываю их: 1) «Красная Москва»; 2) «П[етроградская] Правда», 5 янв[аря] 1922 г.; 3) м[осковская] «Правда», 22 окт[ября] 1921 г.; 4) «Изв[естия] ЦИК», 2 окт[ября] 1921 г.; 5) «Красн[ая] Газета», 15–16 апр[еля] 1921 г., «Маховик», 27 июля 1921 г., указ[анная] книга Василевского и др.

Противопоставил ли мой оппонент этим официальным цифрам, говорящим о громадном росте преступности, какие-нибудь цифры? Нет. Может ли он противопоставить их? Нет. К чему же сводятся его возражения? К словесности.

Обратимся к ней. В этой части (VII № «Воли России») вся аргументация Е.Д. Кусковой носит характер: «нельзя не признаться». Она и соглашается (разрушение войны «должно делать людей войны звероподобными»), и возражает.

Во-первых, она указывает, что война, напр[имер], не вызвала морального ухудшения ни во Франции, ни в Германии, ни в Англии. Откуда это следует? Из «общего мнения». Позвольте, уважаемый оппонент, ссылка на «общее мнение» пуста. Ни Вы, ни я его не знаем.

В качестве дальнейшего аргумента следует указание на то, что «рабочие массы (Германии) за время войны и революции стали менее религиозны»!

Если бы дело обстояло так в действительности (чего, конечно, Е.Д. Кускова не знает), это было бы симптомом не роста моральности, а ее разложения, ибо (*horribile dictu!*)^{6*} упадок религиозности обычно был симптомом морального разложения.

Третий аргумент – в Германии республика. Это уж совсем странная аргументация. Пока ни одному серьезному исследователю в голову не приходила мысль, что республиканский строй – гарантия морального расцвета, а монархический – синоним морального упадка. В Риме во II и I вв. до Р. Х. была республика, но это ничуть не мешало полному моральному разложению римского об[щест]ва в этот период. В РСФСР – тоже республика, но даже Е.Д. Кускова здесь не считает республику гарантией морально здорового состояния. Не стоит подробнее говорить об этих пустяках.

Четвертый аргумент – во время войны и революции было очень много героизма и самопожертвования. Разве сама война и гражданская война не есть «полагание души за други своя»? Разве они не школа альтруизма? – спрашивает меня Е.Д. Кускова.

Эту мысль высказывали многие, в частности Ж. де Местр, у нас – Достоевский... В ней есть здоровое зерно истины, но только зерно. Полагание души за други своя, конечно, вершина альтруизма и морали. Но какое? Не то, которое заставляет во имя одного друга убивать других людей. Не то, которое во имя одной жизни требует убийства другой. А такова именно война. Она в лучшем случае не просто «полагание», но «полагание + убийство».

Плюс «полагания» целиком уничтожается минусом «убийства». Когда же убийство становится длительным, как при длительной войне, оно вытесняет почти совершенно элемент «полагания» и превращает людей в профессиональных вояк. Вот почему с «полаганием души» надо обращаться осторожнее.

Все сказанное в особенности относится к гражданской войне. Был здесь у нас героизм? Был. А были десятки тысяч убийств жителей, изнасилования, грабеж, взяточничество, пытки, пьянство, дикая разнузданность, садизм и т. д., и т. д.? Были. Почему же «геройство» не помешало им быть? Почему «белое» дело превратилось в «грязное», а «красное» – в «омерзительно-кровавое»? Почему эти «герои» (отряды Мамонтова, Буденного и т. д.) после побед проявляли не столько самопожертвование, сколько нечто совершенно другое? Е.Д. Кускова смешала «альтруистический героизм» с другим «героизмом» – с отчаянной за-

щитой группой своих собственных интересов путем беспощадного и зверского истребления противника и всех, кто стоит на дороге... Это очень, очень различные вещи...

Если бы это было одно и то же, то совершенно непонятно, почему при всех кровавых революциях так много убийств, зверств, садизма и т. д. Станный альтруизм, вызвавший у нас 1½ миллиона убитых, пытки че-ки и контрразведки, красное и белое озверение.

Или Е.Д. Кускова думает, что все это пустяки, что раз массы людей убивают под аккомпанемент лозунгов «Интернационала» или «единой и неделимой», то убийство перестает быть убийством, а мерзость – мерзостью? Если так, то, право, очень дешево и легко можно оправдать любое преступление.

Будем конкретнее и спросим себя: было ли когда-нибудь в мирное время, чтобы в России за 2–3 года был миллион убийств, десятки тысяч изнасилований, тысячи пыток, стихийный расцвет бандитизма, сотни тысяч зверств, море обмана, спекуляции, хищничества и т. д.?

Конечно, нет. А раз так, то этим все сказано.

Сами эти *факты*, какими бы одеждами высоких слов они ни окружались и во имя чего бы ни совершались, говорят бесспорно об одичании человечества, вызываемом войной и кровавой революцией. Только с отпадением этих «независимых переменных» может произойти моральное оздоровление.

Наконец, в качестве окончательного аргумента Е.Д. Кускова набрасывается на наше прошлое, дореволюционное: на царя-идиота, на Протопоповых, Сквозник-Дмухановских, на мужика и т. д.?

«Кого же революция “криминализовала”? – патетически восклицает она. – Юродивые наверху, темные – внизу» – вот ее формула дореволюционной России. Сильно сказано, но... неосновательно. Я знаю, что в дореволюционной России было много недугов.

Но... под такой формулой я не подпишусь. Россия до 1914 г. при всех своих недостатках была во всех отношениях бесконечно лучшей, чем Россия периода войны и особенно революции.

Экономически она развивалась гигантскими шагами за конец XIX и начало XX в. (об этом Е.Д. может справиться у экономистов). Население росло. Материальный уровень народа быстро поднимался, образование народа шло также быстрым темпом. (См. статистику нар[одного] образ[ования].) Моральное состояние было вполне нормальным (см. угол[овную] статистику). Политически Россия была великой державой. Самодеятельность населения и его права росли, и объективно очень быстро.

Кооперация развивалась лихорадочно. Русская наука и искусство процветали. Все это бесспорно, и только фантазия Е.Д. Кусковой могла отождествить эту

великую страну и великий народ с «юродивыми наверху и темными внизу». Нет, тут было что терять, портить и «криминализовать».

Война и революция и сделали это блестяще. Они «славно поработали». Мало того, эти «юродивые наверху» в конечном счете были лучше или менее вредны, чем совершенные «революционные антропоиды» Кремля, старые чиновники – лучше современных комиссаров и т. д.

Мой оппонент пишет: «По Питириму Сорокину, воскреснуть нельзя». Извините, г. оппонент, этого я нигде не говорил и не писал. *Вот потому-то именно, что дореволюционная Россия не была тем, чем Вы ее описываете, что эта Россия и русский народ имели очень много здорового – биологически, экономически и психически, потому-то я и уверен, что, несмотря на все огромные раны, нанесенные революцией, войной и их спутниками – голодом, разрухой, болезнями и т. д., она воскреснет и уже воскресает. Это я вижу, это я знаю и в этом уверен.*

А вот если бы я думал так, как Вы думаете о старой России, если бы отождествил ее с «юродивыми – наверху и с темными – внизу», тогда поистине пришлось бы сказать: *lasciate ogni speranza*^{7*}. И для меня странно, что Вы этого не говорите. Ведь в конце концов даже и Вы не видите больших плюсов за годы революции. Ведь и Вы говорите: сифилис возрос, здоровье населения ослаблено, дети во многом испорчены большевиками, люди во многом озверели, развилось взяточничество, люди крали и крадут, «на фабриках и заводах – сплошное воровство» и т. д. Если дореволюционная Россия – гниль и если она еще ухудшилась за эти года, то кто же, как не Вы, подписывает ей смертный приговор, и чем же, как [не] нелогичностью, объяснить Ваш оптимистический вывод из этих посылок?

Я не приемлю Вашей розово-маниловской оценки войны и революции. Она неверна.

Она вредна и традиционно инертна.

Не приемлю я и Вашего заливания чернилами прошлой России.

И оно однобоко, и оно неверно.

На основные Ваши возражения я ответил.

Итог. Ни одной цифры, приведенной мною, Вы не могли и не можете опровергнуть. Кроме процента сифилитиков, Вы даже не пытались это сделать. Ваша аргументация типа «испорченности прислуг», гимназии Алферовых и... «безопасности хождения по улице» (извините, это неверно: как только граждане перестали дежурить у ворот круглые сутки и открыли парадные лестницы – ночью, после 9–10 час[ов] вечера, в прошлую зиму в Петрограде люди боялись выходить из квартир; процент раздеваний, краж, грабежей и убийств на улицах и в квартирах резко поднялся вверх, несмотря на беспощадные расстрелы бандитов; и на огородах, которые не караулились, кражи не только в 1918–1919, но и в 1920–1921 гг. имели место).

Такая аргументация в лучшем случае дает индивидуальные факты, не способные опровергнуть общие данные, в худшем – и они неверны.

Я очень бы хотел, чтобы я ошибался в своей невеселой оценке влияния последних лет. Но, увы! Ваши аргументы ничуть не заставили меня усомниться в правильности моих положений.

Взятые же в целом, они мне решительно не нравятся. В этом желании Вашем окропить войну и революции «розовой водицей», зализать их кровь, разрушение, ужасы я вижу какую-то боязнь взглянуть в лицо действительности без розовых очков. Я же эти «розовые иллюзии» считаю вредными.

Если мы хотим серьезно строить новую Россию, то нужно прежде всего точно отдать отчет о всей величине разрушений за эти годы. Иначе мы опять (подобно «бескровной революции») иллюзии будем громоздить на иллюзии и построим картонный домик, который до основания разлетится от первого ветра истории.

ТО, ЧТО ЧАСТО ЗАБЫВАЕТСЯ...

Люди, люди – это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, так как они не продаются и не покупаются, а только веками выдвываются, ну, а на века надо время.

*Достоевский**

§ 1

Много сейчас думают, говорят и спорят о способах возрождения России и русского народа. Сотни людей предлагают «патентованные», быстро и магически действующие рецепты. Их много, и один лучше другого. Самыми ходячими являются: «Учредительное Собрание», «Республика», «Монархия», «Диктатура», «Демократические формы правления», «Капитализм», «Социализм», «Патриарх и православная вера» и т. д. Каждый из предлагающих верит сам и уверяет других в чудодейственной силе своего рецепта. «Стоит ввести его и... возрождение России автоматически выскочит».

Признаюсь, за эти годы я стал большим скептиком. Не верю больше ни в какие чудодейственные лекарства и рецепты. Не хожу не только к обычным хиромантам и магнетизерам, но и к «хиромантам», «оккультистам» и «гипнотизерам» политическим. Знаю, что чудодейственных лекарств для русской болезни нет. Одними пилюлями этих рецептов ее не вылечишь. Вижу и другой грех этих «рецептов». Почти все они предлагают «наружные» лекарства. Хотят лечить болезнь «фасонами социального костюма». Такой «грех» обычен для всех наших политических партий. Все они обращали главное внимание на «фасон костюма» больного, а не на самый организм последнего. Сама личность, состояние ее организма, культивирование и лечение ее недостатков «изнутри» у нас всегда было на втором плане. Говоря иначе, мы заботились всегда о передовом фасаде нашего социального здания (форма правления и т. д.) и мало занимались его внутренним строением, и особенно – его жильцами. Не думали, что от жильцов зависит чистота и благоустройство жилища. Мало думаем об этом и сейчас. Поэтому-то я и считаю полезным обратить внимание на эту сторону дела. «Болезнь

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ

Сборник статей
по вопросам общественно-политическим
и экономическим

II - III

П Р А Г А

1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ“

Титульный лист сборника «Крестьянская Россия»

русского народа не столько внешняя, сколько внутренняя». Она связана с самим существом, с самой природой его членов. Раз мы хотим лечить ее, надо направить наше внимание и силы прежде всего сюда. «Фасоны костюма» русского общества значение имеют, но второстепенное и ограниченное. «Люди, люди – это самое главное». От них зависит, превратят ли они подаренный им судьбою дворец в «свинарник» или простую хижину – в чистое и благоустроенное жилище. Вот почему я полагаю необходимым концентрировать внимание на людях. Перед нами задача: *прочное возрождение России и русского народа, длительное увеличение его материального и духовного благосостояния. Спрашивается, что для этого нужно сделать*, – таково конкретное задание. Попробуем его решить, избегая всяких чудесных быстродействующих рецептов. Их нет в научной медицине, нет их и в социальной медицине.

Первое положение, которое следует запомнить, гласит: *устройство любого общества, совершенство его социальной жизни, духовное и материальное процветание и, наконец, его исторические судьбы зависят прежде всего от природы, свойств и поведения членов этого общества. Из дурного материала хорошего здания не построишь. Из идиотов и мерзавцев здорового общества не создашь.*

Второе положение. Природа, свойства и поведение как индивида, так и целого общества представляют следствие двух основных причин: а) наследственности и б) среды, в которой они родились, выросли и живут.

* *
*

Наши политики и социологи слишком мало внимания обращают на наследственные свойства. Они думали, что «среда» имеет решающую роль, что достаточно ее изменить, и даже не всю, а маленькую часть ее, напр[имер], политический режим или хозяйственные основы, чтобы тем самым изменились поведение и природа людей. Между тем данные биологии, особенно последних лет, и данные социологии заставляют держаться скорее обратного мнения. Они гласят: *в своих свойствах, в своей одаренности или неодаренности как человек, так и целый народ зависит прежде всего и больше всего от наследственно полученных качеств, а среда имеет лишь второстепенное значение.* Она играет роль фактора, облегчающего или тормозящего реализацию этих свойств. Если у человека или целого народа нет положительных наследственно полученных даров, никакая среда не может сделать их талантливыми или выдающимися по своим свойствам. Они неизбежно будут отставать от более одаренных наследственно лиц и групп, *находящихся в таких же условиях.* И обратно: в дурной, тормозящей среде наследственно одаренный Ньютон будет все же на десять голов выше, чем наследственно не одаренные люди. Отсюда понятно, почему «гениями и талантами» рождаются, а не делаются. Исследования Гальтона и его школы нам пока-

зали это. Понятно также, почему люди, напр[имер] многие члены аристократии, родившиеся и воспитывавшиеся в исключительно благоприятной обстановке, не могут подняться выше уровня посредственности: нет «наследственного пороха». И обратно, почему люди, родившиеся в самой тормозящей среде, напр[имер] Ломоносов, Карнеги, Линкольн и множество других «самородков», преодолевают «тормоза» и делаются великими. «Наследственность» их выводит. Наконец, сказанное объясняет и факт различной одаренности различных народов, и их историю. Если, по подсчетам того же Гальтона, один гений в английском населении приходится на 1 миллион людей, у древних греков он приходился на 4000 с небольшим, а у негров на много миллионов нет совсем гения, то причина этого различия лежит главным образом в различных наследственных свойствах этих народов, а не в среде. С этой точки зрения история любого народа есть следствие, прежде всего, того «наследственного фонда» качеств, которые он имел и которые в нем передаются из поколения в поколение. Если они не блестящи, не ищите блеска в истории данного народа. Если в истории выдающегося народа обнаруживаются резкие изменения, напр[имер] наступает декаданс, посмотрите, не произошло ли иссякание этого «биологического фонда», не случилась ли замена «хорошей крови» «дурной», носителей положительных расовых свойств — иными, второстепенными. История декаданса Греции, Рима, ряда государств ислама и т. д. дает подтверждение этому. И обратно, если происходит в истории народа неожиданный расцвет, посмотрите, не улучшился ли в силу каких-либо причин состав его «биологического» фонда. Проф. Starch, подводя итоги достижениям науки в этой области, дает такие индексы сравнительной роли наследственности и среды: в свойствах любого человека или группы наследственности принадлежит 60–90%, среде 40–10%. Если эти цифры несколько и преувеличены в пользу наследственности, то не очень много. 60% мы можем принять как величину, близкую к истине. От «наследственного фонда» зависят рост, сложение, сила, здоровье и целый ряд других антропо-соматических свойств народа, от него же зависят и его «духовные» качества: воля, темперамент, навыки, склонности и умственная одаренность.

Вот почему *вопрос о будущем русского народа есть прежде всего вопрос о качестве того «биологически-наследственного» фонда, которым он владел и владеет. Проблема его возрождения есть прежде всего проблема улучшения и обогащения этого «фонда».* Остановимся кратко на этом пункте.

* *
*

Оглядываясь на историю русского народа и его культуры, я должен признать «биологический фонд» наших предков вполне удовлетворительным. Об этом говорит, прежде всего, самый факт создания России, занимавшей $\frac{1}{6}$ [часть] земли.

Создать такое огромное государство, держать его части замиренными, поддерживать порядок, развивать культуру народ с бедным «биологическим фондом» не мог бы. Об том же говорит и история русской культуры, которую без ложной скромности мы имеем право считать весьма большой общечеловеческой ценностью. Об этом же говорят и имена наших великих поэтов, художников, композиторов, писателей, ученых, мыслителей, среди которых немало звезд «первой величины». Короче, мы не были обделенными «пасынками истории». Больше того, если учесть тот факт, что мы щедрее других народов тратили этот «биологический фонд» и все же до 1914 г. жили, развивались, и особенно быстро за конец XIX и начало XX в.¹, то можно было бы быть вполне спокойным за будущее русского народа.

Годы войны и годы революции, однако, положение резко ухудшили. Они нанесли колоссальный урон, прежде всего, этому «биологическому фонду» русского народа. Не разрушение нашего хозяйства, не количественная убыль населения (21 миллион), не расстройство духовной жизни и даже не общее «одичание и озверение» народа являются главным ущербом, причиненным нам войной и революцией (все это поправимо и возместимо), а указанное истощение нашего «биологического фонда» в форме убийства его лучших носителей.

Дело в следующем. Любая длительная и тяжелая война, в особенности же гражданская, всегда уносит с поля жизни «лучших» – биологически, психически и социально – людей; наиболее здоровых, наиболее трудоспособных; наиболее моральных, волевых, энергичных и наиболее одаренных умственно². Она – орудие отбора шиворот-навыворот. Процент гибели таких «лучших» в эпохи войн и революций всегда гораздо выше, чем процент гибели «рядовых» людей, и тем выше, чем длительнее и опустошительнее война, чем глубже и кровавее революция. Они пожирают, прежде всего, наиболее выдающихся людей, каковых не много среди населения. Если население России с 1914 по 1920 г. уменьшилось на 13,6%, то наиболее здоровые и трудоспособные слои от 16 до 50 лет потеряли 20%, а мужчины – 28%.

Если Азиатская Россия и население ее инородцев потеряло $\frac{1}{30}$ часть, то население Великороссии – создатель, центр и опора государства – потеряло $\frac{1}{7}$ часть. Если общая смертность населения в Петрограде и Москве поднялась в 3 раза по сравнению с нормальным временем, то смертность ученых поднялась в 6–6 $\frac{1}{2}$ раз. Если у нас лиц с университетским образованием приходилось едва ли не более 200–300 на 1 миллион населения, то погибло их не $200 \times 21 = 4\,200$, а в пять–шесть

¹ Именно за это время Россия как государство превратилась в подлинно великую державу, финансы были приведены в блестящее состояние, промышленность встала на ноги, образование народа прогрессировало, экономическое благосостояние народа – также. Падали постепенно правовые и др[угие] ограничения. Росла кооперация и т. д.

² См. доказательства этих положения в моей статье «Влияние войны на состав, свойства населения и обществ[енную] организацию» (Экономист. № 1, 1922).

раз больше. «Уникумов» же нации, выдающихся ученых, поэтов, мыслителей, мы потеряли в громадном масштабе (А.С. Лаппо-Данилевский, Шахматов, Тураев, Ковалевский, Овсянико-Куликовский, Блок, Л. Андреев, Туган-Барановский, Марков, Хвостов, Иностранцев, Е. Трубецкой и т. д., и т. д.). Словом, данные годы «обескровили» нас самым кардинальным образом в отношении наших «лучших» людей. Это было бы еще полбеда. Но беда в том, что, унеся преимущественно эти лучшие элементы, война и революция унесли в их лице «лучших производителей», носителей «лучших расовых свойств народа», его положительного «биологического фонда», «лучшие семена». Они погибли безвозвратно. Место их в качестве «производителей» займут «второсортные люди», «худшие семена, которые в общем могут дать и худшую жатву». Это – большая беда. Она была бедой всей нашей истории. Мы были и остаемся милитарным народом, постоянно воюющим и мотовски тратящим наших лучших людей. По данным Müllhalla, с 1828 по 1880 г. мы потеряли убитыми 664 000 человек – цифра, превосходящая все военные потери Европы за эти годы. В отдельные периоды, как, например при Петре и в наши годы, это безумное расходование нашего «биологического фонда» принимало поистине сумасшедший размах. Народ с бедным «биологическим фондом» при такой трате давно уже должен был бы сойти со сцены истории. И, однако, до сих пор мы держались, хотя и отставали от ряда других народов.

Объяснение этому, по-видимому, надо искать в богатстве нашего «биологического фонда». Но всему есть предел. Римляне и греки были еще богаче нас в отношении их «биологического фонда». Но безрассудное расходование «лучших» в течение их истории, особенно в период греко-персидских и пелопоннесской войн в Греции, карфагенских войн и гражданских междоусобиц в Риме, окончательно истощили их «лучшую кровь», произошла замена первосортного человеческого материала второсортными людьми и их потомками – и блестящая звезда этих народов стала закатываться. Чем быстрее шла замена, тем быстрее стал темп заката, закончившийся гибелью этих великих народов. Возьмите, далее, хотя бы историю целого ряда государств ислама. Свежий народ, столь блестяще выступивший на сцену истории, в течение двух-трех веков истощил себя непрерывными войнами и тем определил свою гибель.

* *
*

Эти факты, число которых можно было бы увеличить большим количеством других, вместе с данными биологии дают нам грозное предостережение. Если последние годы не истощили окончательно положительный «биологический фонд» русского народа, то *основное средство нашего возрождения должно состоять во всемирном сохранении и увеличении его путем содействия выживания*

нию и размножению «лучших» за счет «второсортного» человеческого материала. Это – *conditio sine qua non*^{2*} возрождения. Как решить эту задачу? Разными путями. Пути обычной «евгеники», способные дать кой-какие результаты у других народов, у нас при низкой культурности в ближайшее время едва ли будут иметь серьезное значение. Евгенические же меры, основываемые на голом полицейском принуждении, напр[имер] запрещений браков чахоточных, сифилитиков, душевнобольных, запрещение иметь им детей, принудительная кастрация биологически и психически дефективных лиц с этою же целью и т. д., – все это, помимо принципиальной неприемлемости таких мер, практически никогда не давало значительных положительных результатов, в русских же условиях оно ничего, кроме вопиющего безобразия, дать не может.

Что же остается делать? Прекратить дальнейшую массовую трату положительного нашего «биологического фонда», прекратить массовый военный отбор шиворот-навыворот, непрерывно шедший в нашей истории. Мир длительный, мир внешний и внутренний – вот одно из самых серьезных и сильнодействующих средств улучшения нашего населения и увеличения положительного «биологического фонда».

Длительный мир означает прекращение селекции шиворот-навыворот, сохранение «лучших» и их размножение, вытеснение ими с «передовых» постов общества «второсортных» людей, а их потомством – потомства последних, словом, мир ведет к сохранению и обогащению нашего «биологического фонда» – этой альфы и омеги прогресса и расцвета любого народа. Здесь мы должны учесть рядом с приведенными выше и прямые «опыты истории». Мы удивляемся быстрому развитию, внезапному пробуждению Японии. Приняв во внимание сказанное, мы перестанем удивляться. Триста лет тому назад она была разоренной, разрушенной междоусобицами страной, более несчастной, чем мы теперь. Такой с виду она оставалась долго, с тем различием, что в ней исчезли войны. 250 лет она не воевала (период «великого мира» в эпоху сёгуната Токугавы). 250 лет она «копила» лучшие элементы и усиливала свой «биологический фонд». Срок был большой. Мудрено ли, что и результаты такой «евгеники» оказались небывальными. В 20–30 лет эти «лучшие» из дикарей стали цивилизованными, в полстолетия из неведомой, дикой страны Япония выросла в великую мировую^{3*} державу, невероятно быстро развивающуюся во всех отношениях и теперь угрожающую нам на Востоке. Учтите, далее, быстрый рост Соед[иненных] Штатов Америки, на протяжении своей истории знавших лишь две серьезные войны и то не очень кровопролитные. Учтя это, вы поймете одну из причин их расцвета. Наконец, возьмите историю конца XIX и начала XX в. в России. Маленькая передышка мира, данная нам историей при Александре-Миротворце, и та сказалась у нас лихорадочным развитием России в этот период во всех отношениях: в экономическом, духовном и политическом. Если бы и теперь история

подарила нам 100–200 лет мирной жизни, за будущее русского народа можно быть покойным, каков бы ни был наш политический режим. Если же нас ждут новые кровавые войны во имя чего угодно, начиная с «единой и неделимой» и кончая «интернационалом», за это будущее можно очень и очень опасаться. Еще одно-два кровопускания, подобные пережитым, и... историю России можно считать конченой. Никакие «режимы», никакая «вера», никакие «реформы» ее не спасут в этих условиях....

Рядом с этой мерой мыслимы, конечно, вспомогательные меры, преследующие ту же цель улучшения нашего «биологического фонда»: ряд мер, рекомендуемых евгеникой, содействие размножению «лучших», привлечение их даже из других стран при условии их ассимиляции, «обрусения», умелое и не задевающее достоинства человека торможение размножения дефективных лиц и т. п., но это все будет иметь лишь второстепенное значение. Главное – «мир». Вот почему я голосовал бы за монархию (*horribile dictu*)^{4*}, если бы знал, что она даст этот «мир», и против архидемократической республики, если бы знал, что она ведет к войнам. Но этого я не знаю. Полагаю даже, что последняя вернее поведет к миру. Этим «парадоксом» подчеркиваю лишь ту мысль, что дело не в одних этих «костюмах», а в вещах иных, менее эффектных, но бесконечно более серьезных. Прежде всего – в накоплении и улучшении положительного наследственного биологического фонда русского народа. Будет он – остальное приложится. Не будет его – не спасет ничто.

§ 2

Сохранение и развитие положительного «биологического фонда» есть основное и необходимое условие возрождения любого народа, в частности России. Но, естественно, дело им не исчерпывается. Прирожденный Ньютон, родившийся и выросший в среде готтентотов, будет выдающимся готтентотом, но не будет мировым Ньютоном. Неблагоприятная среда в виде ее невежества и косности ее тирании может «заесть», «затормозить» развертывание прирожденных способностей, их реализацию. И обратно, соприкосновение японцев с европейской культурой позволило им воспользоваться ее достижениями, перенять и быстро превратить свои «потенциальные» силы в кинетические. Без этого благоприятного условия нужны были бы столетия, чтобы достигнуть ей современного состояния. Отсюда следует, что имеет значение и среда, но тогда, когда налицо уже есть «биологический фонд». *Третье положение, отсюда вытекающее, гласит: среда должна быть такова, чтобы она максимально благоприятствовала проявлению и развитию способностей и форм поведения каждого члена, полезных для целого, и максимально тормозила бы проявление и рост актов, социально вредных.*

Когда такой среды нет, множество блестящих способностей может погибнуть «зря». Они останутся «нереализованными». В других случаях они могут быть искаженными и проявятся в нелепой или социально вредной форме. В-третьих, при отсутствии в среде тормозов, задерживающих социально вредные акты, могут разрастись последние и сильно деградировать всю социальную жизнь.

В данной формулировке теорема слишком обща и неопределенна. Необходимо ее хотя бы частично конкретизировать. Попробуем это сделать...

Максимальное благоприятствование среды развертыванию наследственно полученных способностей означает: во-первых, *возможность полного развития индивидуальности каждого человека*, во-вторых, *социального использования каждой личности именно в той области, к которой она наиболее пригодна по своим наследственным свойствам*.

Первая задача сводится к тому, чтобы в среде отсутствовали тормоза, мешающие этому развитию, с другой – даны были стимулы, побуждающие индивида с первых лет его жизни к активному проявлению своей индивидуальности. Наличие тормозов будет душить, гасить, депрессировать силы и способности личности. Она не сможет тогда выявить все свои «десять талантов» и реализует только пять или один. Если это явление будет общим, то в проигрыше останется не только сама личность, но и все общество. Такими тормозами могут быть разные условия. Во-первых, экономические: нужда и голод. Они ведут к депрессированию физических и умственных способностей и сил человека. Во-вторых, общие условия социальной жизни, напр[имер] деспотизм общества или власти, преследующий развитие личности; общее невежество и косность среды, не только не снабжающей личность всеми теми средствами, которые необходимы для полного развития индивидуальности (знания, навыки, материальный минимум), но прямо подавляющие всякую личную инициативу, личный почин, личное творчество, связывающие человека по рукам и по ногам. Такое общество будет поистине обществом, убивающим и ограбляющим не только своих членов, но и себя самого. Примерами его могут служить все настоящие деспотические (не по политическим формам только, но по всей структуре социальной жизни) общества, одним из коих является РСФСР. Все не соответствующее официальным требованиям здесь давится, душится. Свободы проявления индивидуальности нет, людей – и особенно молодое поколение – пытаются штамповать по одному фасону, формировать по одному типу, отклонения от него не допускаются. В итоге 90% талантов не могут проявить себя. Они гибнут понапрасну, «отцветают, не расцветши». Лучший способ ограбления обществом самого себя трудно выдумать.

Вывод отсюда: *в каждом обществе, желающем процветать, должны быть удалены все тормоза, препятствующие полному развитию индивидуальности, кроме тех, которые тормозят проявление и развитие преступных и антисоци-*

альных поступков. Молодому поколению, вступающему в жизнь, должен быть предоставлен простор для выявления своих способностей и средства (материальные и духовные), снабжающие его орудиями для творчества и социально полезной деятельности.

Практически это сводится: 1) к минимальной опеке и вмешательству властей в жизнь населения; 2) к минимальной опеке старшими молодого поколения (кроме областей антисоциального поведения); 3) максимально возможному обеспечению населения, и особенно молодого поколения, знаниями, полезными навыками и материальными условиями (хлеб, пища, одежда, жилище), делающими для них возможным полное проявление своих способностей. Таковы «негативные» требования к среде.

* *
*

Не менее важное значение имеют и «положительные» требования к ней. Они сводятся к тому, чтобы *всей своей обстановкой она ежечасно и непрерывно стимулировала максимальное проявление воли, энергии, труда, знаний, способностей (кроме антисоциальных) каждой личности начиная с первых лет ее жизни.* Только тогда, когда человек с малых лет привык к самостоятельности, он будет самостоятельным, энергичным и инициативным в зрелости. Только тогда, когда большинство членов общества будет таким, в нем будет действительное самоуправление, действительная «свобода», действительная интенсивная духовная, политическая и экономическая жизнь. Вне таких условий – все это невозможно. Дайте обществу, состоящему из людей противоположного характера, лучшую конституцию, самые широкие свободы, простор его самодеятельности, и... из всего этого мало что получится. Первый ветер истории, первая кучка проходимцев вырвет из его рук эти свободы, сведет на «нет» конституцию, аннулирует автономию, и оно останется при старом «разбитом корыте».

*С этой точки зрения особо важное значение имеет та человеческая среда, которая окружает личность в первые годы ее жизни*³.

В эти первые годы закладываются основы будущей личности, формируются ее тип и характер. Кем? Средой, «соседями» и прежде всего семьей. Не семья ли является той первой фабрикой, куда поступает вновь родившийся для переработки? Не она ли первый скульптор, формирующий биологическую особь в будущего сообщественника? Не она ли проводит первые и неизгладимые черты на «чистой доске» наследственных способностей человека? Формирующая и определяющая роль ее гораздо важнее, чем всех других школ и общественных учреждений. В последние человек поступает уже в известной мере готовым,

³ См. на этот счет дельные положения у *Ch.H. Cooley*. Social organisation, гл. III–V.

сформированным, в семью – наоборот – мягким, как воск. В лоне последней он впервые дышит, чувствует и учится. Семья «прививает» ему первые формы поведения, навыков, привычек, знаний, убеждений, остающихся иногда на всю жизнь. *Ceteris paribus*^{5*}, какова эта мастерская формировки людей, таковым в значительной мере будет и ее товар – люди, выпускаемые на житейский базар. Плоха будет первая – неважными в общем будут и вторые.

Вот почему *вопрос об устройстве семьи для меня гораздо важнее, чем вопрос о формах правления*. При плохой организации первой и плохой наследственности невозможны ни совершенное устройство общества, ни здоровая общественная жизнь, ни совершенная политическая система. Если же при хорошей наследственности и семья будет организована надлежащим образом, будьте покойны, такие люди сумеют создать и хорошо устроенное общество. Учитывая это, я не могу не удивляться множеству русских людей, которые «весь корень зла» или «якорь спасения» видят только в политической системе. Многие из них горячо «борются за свободу», «занимаются высокой политикой» и в то же время имеют из рук вон плохую семью, где их же дети портятся, где сами же они готовят прескверных граждан и тем самым наносят гораздо больше вреда, чем приносят пользы своей «борьбой за свободу» и «высокой политикой». Оздоровление «семейного тыла» общества имеет гораздо большее значение, чем ему придают обычно.

Великий социолог Ле Пле и его школа поняли это и доказали нам. Исследуя типы семьи у разных народов и типы их социальной организации, они вскрыли связь первых со вторыми. С точки зрения воспитательного механизма можно выделить три основных типа семьи. Первый – семья *патриархальная*, воспитывающая молодые поколения для жизни в общине или в коммуне. Здесь весь уклад семейного воспитания таков, что он давит всякую индивидуальность, всякую инициативу личности, дрессирует ее жить, «как все», думать, веровать, мыслить и действовать по «обычаю», «как поступали отцы», приучает ее полагаться не на себя, не на свои знания, труд, энергию и волю, а на «общину», на «мир», на «коммуну». Заслуги личности – заслуги общины, преступления ее – вина общины. Жизнь индивида вся регламентирована, опекается на каждом шагу, все индивидуальное душится. Личный стимул подавляется. Из лона такой семьи выходят личности без воли, без инициативы, без самостоятельности, «серые», как все, привыкшие во всем вести себя по общей норме. Народы, имеющие такой тип семьи, – это отсталые, вялые, лениво-апатичные народы Востока, Азии и Вост[очной] Европы. При столкновении с народами, имеющими иной тип семьи, они побеждаются.

Второй тип семьи – это семья *ложно индивидуалистическая*. Устройство ее таково, что всем своим укладом она приучает молодые поколения полагаться в жизни не на себя и не на общину, а на государство. Она готовит будущих

«чиновников государства», которые должны занять одно из многочисленных мест, имеющих в распоряжении последнего. Сообразно с этим, все воспитание здесь ведется применительно к официальным программам. Задача его – выдержать официальный экзамен, получить диплом и... «тихо и плавно качаться» в качестве чиновника. В людях при такой системе не воспитывается ни инициатива, ни подчинение авторитету. Получаются люди неустойчивые, не подлинно инициативные, а бумажные формалисты, «чиновники». И общество, имеющее такой тип семьи, – общество неустойчивое. Оно будет неизбежно обществом «бюрократическим», с централизацией, с обширным объемом вмешательства власти, с разбухшим государственным аппаратом и с поглощением личности государством. Такой тип семьи существует в большинстве европейских государств, кроме англосаксонских и скандинавских стран.

Третий тип семьи – *семья индивидуалистическая*. Ее уклад таков, что с малых лет она приучает молодые поколения полагаться только на себя, свои знания, волю и энергию. Здесь обучают детей тому, что им действительно понадобится в жизни (а не тому, что требует «община» или «государство»). Развитию индивидуальности, личной инициативе дается простор. С детьми с самых ранних лет обращаются, как со взрослыми. Признают за ними права, но требуют и исполнения обязанностей. И дети знают, что в будущей своей жизни они могут рассчитывать только на себя. Из лона такой семьи выходят индивиды сильные, инициативные, энергичные. Народы, имеющие такой тип семьи, – победители других народов. В таком обществе на первом плане личность. Государственный аппарат не поглощает общества. Бюрократизм не царствует. Всем и вся управляет общественное мнение – мнение членов общества, а не чиновничество. Такой тип семьи дан в англосаксонских и скандинавских странах. Мудрено ли поэтому, что «если превосходство англосаксов не провозглашается открыто, то оно несомненно чувствуется всеми... На всем земном шаре мы видим гордо развевающийся английский флаг. Из Канады и Соединенных Штатов они повелевают Америкой, из Индии диктуют свою волю Азии, из Австралии господствуют над Океанией, наконец, вершат дела Европы и всего мира»⁴.

Один из основных источников такого превосходства – организация семьи индивидуалистического типа, выпускающей на житейский базар хорошо сформированных людей.

Семья русская по своему типу занимает среднюю линию между семьей патриархальной и ложно-индивидуалистической. Молодые поколения в ней воспитывались или как будущие чиновники государства, или как «общинники», члены «мира», обязанные во всем походить на него и считаться с ним. Индивидуальности и личной инициативе не давалось простора⁵.

⁴ Демолен. Аристократ[ическая] раса. СПб., 1906, с. 1–4, 58–59.

⁵ Подробнее об этом см.: Сорокин П. Система социологии, т. II, с. 115–116.

С Октябрьской революции если не в семье, то в государстве это подавление личности приняло безграничный характер. Всех захотели штамповать по одному образцу, индивидуализму была объявлена война, личному почину и интересу – также, самостоятельность поведения, слов, мысли и дел возведена в преступление, люди превращены в манекены, общество – в казарму. Все и вся было взято под «учет», опеку и регулировку централизованной власти. Результаты тут же сказались: полный распад всей хозяйственной жизни, разложение общества, упадок просвещения, нравов и всей духовной жизни – таков был результат коммунистического удушения личности.

Если мы хотим возродиться и стать здоровым народом, нам необходимо перестроить весь уклад семьи, как воспитателя молодых поколений, на индивидуалистический лад. Задача эта достигается не декретами и не политическим режимом, а самодеятельностью самих граждан. Для ее достижений нет внешних препятствий. Она лежит в пределах компетенции каждого «отца» и каждой «матери».

В таком же *индивидуалистическом направлении должна быть перекроена и вся социальная жизнь.* Каждый институт общества должен постоянно стимулировать личный почин, личную инициативу, энергию и волю индивида. Это относится и к школе, и к партиям⁶, и ко всем обществам, союзам, ассоциациям, органам управления и самоуправления. Здесь не место подробно перечислять все эти институты и анализировать их механизм. Все сказанное о семье с соответственными изменениями применимо и ко всем им. Тот же принцип должен лежать в основе всей социальной жизни. *Максимальный простор полному раскрытию личности, личному почину, личному интересу (кроме чисто антисоциальных наклонностей) во всех областях поведения – в экономической и духовной – таково основное условие возрождения.* Без него мы не получим настоящих людей, а без последних – не будем иметь и настоящего общества.

Всякие рогатки в форме опеки сверху, в форме вмешательства властей в поведение населения, в форме диктатур правых и левых, в форме гипертро-

⁶ См. подробнее мою «Систему социологии», т. II, с. 205–206. Вредные результаты современных хорошо организованных партий на Западе, с их программами в 3 000 метров, пытающимися дать ответ на все вопросы, были не раз уже указаны (Острогорский, Р. Михельс, Г. Моска, Брукс [Адамс] и др.). Они превратили личность в нуль, сковали и сковывают ее по рукам и ногам. «Во имя партийной дисциплины» требуют не критиковать, не смей свое суждение иметь, быть манекеном, подчиняющимся центру, голосовать за того, кого партия укажет, думать, как ей угодно, хвалить и порицать, что она установит, и т. д. И чем лучше партия организована, тем сильнее ее давление, тем резче «вместо воспитания свободы она приучает к рабству» и тем сильнее жизнь в партии превращается в школу рабского подчинения. В итоге массы дурнеют. Живой дух партий заменяется партийным формализмом. Идеал партии падает. Все это еще больше применимо к русским партиям. У нас этот партийный фетишизм был сильно развит. Ослабление его, рост индивидуальности и внутрипартийной свободы, разрыв с партией, если она начинает связывать вас, – все это я считал бы весьма желательным.

фического ограничения частной собственности, национализации и реквизиции – все это сейчас смертельно вредно. Когда на очереди стоит основная задача хозяйственного и духовного возрождения страны, всякое «ущемление» индивидуальности и личных стимулов «смерти подобно». Я знаю, что безграничный разлив стихий личного интереса имеет свои «тени». Но в моменты, подобные настоящим, лучше перегнуть палку в эту сторону, чем в обратную. Наш опыт и аналогичные опыты истории учат, что эпохи хозяйственного подъема народа были в то же время и периодами торжества индивидуального почина и интереса. И обратно, эпохи упадка были эпохами ущемления последних, уравнивания, передела и «обобществлений». Раз такова причинная связь, глупо ее не учитывать и безрассудно не делать из нее надлежащих выводов.

* *
*

Настаивая на максимально возможном удалении барьеров среды, стесняющих развитие личности и ее свойств, я в то же время указывал на *необходимость тормозов, препятствующих развитию преступных и явно антисоциальных тенденций*. Вред последних ясен сам собой. Правила «не убий», «не укради», «не лги», «не насильничай», «не мошенничай» и т. д., предъявляемые к поведению людей, не суть измышления досужего ума или требования во имя каких-то трансцендентных задач, а представляют правила, необходимые для всякого здорового общежития. Общество, состоящее из убийц и прожженных мошенников, при всех его талантах никогда не может быть процветающим и здоровым обществом. *Соблюдение по крайней мере минимума элементарных морально-правовых принципов есть такая же необходимость для экономического процветания общества (не говоря уже о духовном), как наличие хороших организаторов, предпринимателей и капитала.*

Всячески стимулируя развитие неантисоциальных сторон личности, среда должна тормозить наклонности преступные. Как это она может делать? Разными путями. И меньше всего полицейскими. Известное значение имеют и они. Но ограниченное. Они могут лишь бороться – и то в скромном масштабе – с последствиями болезни, а не с ее причинами. Сколько взяточников расстреливала и расстреливает Че-ка. И... никакого толку. Взятничество процветает.

Quid leges sine moribus?^{6*}

Требуются иные меры и иные пути. *Они состоят в том, чтобы с первых моментов появления на свет ребенка окружающая его среда в виде семьи, товарищей, школы и всего общества неуклонно прививала ему надлежащие формы поведения и неуклонно тормозила у него всякие антисоциальные поползновения.* Такая систематическая «дрессировка» – лучший и неизбежный учитель морали. Признавая за ребенком права, необходимо столь же строго требовать от него

и исполнения обязанностей. Если этого условия среды не будет, если в ней ребенок с первых лет жизни будет воспринимать уроки лжи, насилия, убийств, шакализма, не помогут никакие репрессии и никакое «попечительное начальство».

Quid leges sine moribus. Каковы будем мы сами, такими будут и молодые поколения. Если мы хотим их видеть морально-здоровыми, такими должны быть и мы сами. Без этого все разговоры – бесплодное дело. Наш коммунистический опыт – лучшее доказательство сказанного. Людей думали сотнями декретов перевоспитать в пять минут. В ход пущены были все средства воздействия: агитация, печать, похвалы, награды, насилие, расстрелы – словом, все, чем может располагать государство. Что же получилось? Результаты, обратные ожидаемым.

В этих целях громадное значение имеет ряд «бессознательно гениальных» институтов, имеющих в любом здоровом обществе, которые представляют весьма сложный и совершенный аппарат торможения злостных форм поведения. Среди них основное значение (*horribile dictu*) имеет *религия и церковь*. Можно быть не мистиком и признавать огромную положительную роль их в социальной жизни. Только для дилетанта-невежды этот институт – выдумка попов и средство для оправдания эксплуатации, только для них же сущность религии сводится к ее догматам и суевериям. Если бы дело обстояло так, то решительно непонятным было бы ни возникновение, ни столь долгое существование такого института: как абсолютно вредная вещь в силу естественного отбора, он давно уже должен был бы исчезнуть. И, однако, этого нет. Мало того. Мы видим, что страны передовые, напр[имер] Америка и Англия, не менее, а более религиозны, чем отсталые. Не буду здесь подробно доказывать, а просто укажу, что основная социальная роль религии была и есть роль сложного и весьма гибкого аппарата, тормозящего развитие антисоциальных поступков и стимулирующего поступки благожелательно-социальные. (Тезис этот убедительно обоснован такими социологами, как Фюстель де Куланж, Кидд, Дюркгейм, Бугле, Эллул и др.)⁷

Иначе – она была (и остается) фактором, созидающим и поддерживающим человеческую солидарность. Такая работа необходима для всякого общества. В этом «секрет» упорного существования религий с их «суевериями» до сих пор. Отсюда понятно, почему ослабление религии обычно является симптомом разложения данного общества, почему падение религиозности сопровождалось всегда подъемом преступности (как у нас в 1917–1920 гг.), почему подъем первой ведет к подъему «чистоты нравов» (как у нас сейчас наблюдается).

Только тогда, когда сама религия и ее представители вырождаются, когда она перестает играть эту роль, когда рядом с этим она становится душителем социального творчества во всех формах, роль ее становится отрицательной, и сама она вместе с ее представителями обречена на гибель и замену ее дру-

⁷ См. подробнее об этом мою «Систему соц[иологии]», т. II, с. 196–197, 431–432. См. также: *Ellwood G.A. Reconstruction of Religion; Spencer M. The social function of the Church. 1921.*

гой, пригодной для выполнения этой роли. Только в таких случаях борьба с ней необходима. Вне их – нужна максимальная осторожность в подрывании этого института. Вне их яркая борьба с церковью равносильна поведению крыловской свиньи, подрывающей дуб, желудями которого питается и живет общество. В наше время для России борьба с церковью, отделенной от государства, серьезно оздоровевшей, есть политика неумная и социально вредная. Для торможения разлившегося моря антисоциальных явлений одухотворенная религия нам сейчас так же нужна, как капиталы для возрождения нашего хозяйства.

* *
*

Таковы вкратце основные рецепты для торможения антисоциальных явлений. Вместе с предыдущими они указывают, как и в каком направлении среда должна влиять, чтобы формировать настоящих людей, способных создать настоящее общество. Эти штрихи при всей их краткости раскрывают картину более сложную и более трудную, требующую активных усилий со стороны любого члена общества и не ждущую «чуда» от власти, «форм правления» или «других фетишей». Но, если мы хотим жить, пора расстаться с этим оптимистическим фетишизмом. Он и так довел нас до... смертельной болезни.

Довольно...

Для процветания общества нужны не только наличность «биологического фонда» и полное развитие свойств и склонностей личности, но и соответствующее размещение этих лиц в сложной пирамиде общества. Нужно, *чтобы каждая личность могла попадать и попадала на такое место в обществе, которое соответствует ее способностям и склонностям*. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник»^{7*}. Бетховен, принужденный заниматься извозом, Ньютон в роли директора полиции, рядовой рабочий в роли Рембрандта, Бисмарк в роли поэта, акад[емик] Шахматов в роли переносчика бревен не только не принесут никакой пользы себе и обществу, но положительно дадут вред. Их способности погибнут «зря», а навязанное им несоответствующее дело будет исполняться плохо. Между тем при правильном распределении их, согласно их способностям, эффект будет резко иным. На месте, соответствующем его склонностям, каждый член общества даст максимум общественно полезной работы. «*Каждому по его способностям*», и особенно наследственным, – такова краткая формула этой мысли. Люди не равны и не одинаковы прежде всего по своим наследственным свойствам. Эти последние делают их пригодными для одних функций и непригодными для других. Этого различия не может сгладить никакая среда, никакое воспитание и обучение. Вот почему нет ничего нелепее, как часто высказываемая мысль, что потенциально все люди одинаково годны

для выполнения любых функций, нужно лишь дать им надлежащее воспитание. Сколько бы ни учили человека, наследственно немзыкального, музыке, теории композиции и т. д., из него не только Баха и Бетховена, но даже простого приличного композитора вы не получите. То же применимо и во всех подобных случаях. Общество, в котором не существует этого распределения лиц по формуле «каждому по его способностям», и особенно по способностям наследственным, будет неизбежно больным обществом.

Таланты его членов будут гибнуть бесполезно. Сплошь и рядом они будут проявляться в искаженном, социально вредном виде. «Прирожденные Наполеоны» станут отъявленными и гениальными мошенниками, «прирожденные властители» – заговорщиками и подпольными деятелями, великие изобретатели – неудачными и несчастными пьяницами, «рабы по природе» – бездарными правителями и т. д. Вся машина общества будет работать вяло, с перебоями, с трениями и конфликтами. Воцарятся бюрократизм, мертвечина и застой. Число несчастных и недовольных будет огромно, дух мятежа и бунтов будет царить. Кровавые судороги и конвульсии станут неизбежными.

Совсем иным будет общество, удовлетворяющее формуле «каждому по его (наследственным) способностям». Социально-полезная эффективность работы каждого члена здесь максимальна. Максимальным будет поэтому и общий прогресс общества. Все оно будет похоже на прекрасную машину, где все части хорошо пригнаны, нет трений и перебоев. Она будет работать превосходно. Члены его, попав на свои места, будут субъективно довольными. Для бунтов, мятежа, кровавых конвульсий здесь нет почвы. В таком обществе даже кровожадным склонностям человека можно найти социально-полезное применение⁸.

Из всего сказанного следует, что все теории равенства, поскольку они исходят из принципа равной пригодности всех людей для всех функций, в том числе и функций властвования, и поскольку отсюда выводят равное право всех на занятие любого места, в том числе и места властителей, представляют сплошную нелепость, ничего, кроме вреда, неспособную дать при попытках реализации.

Такого идеального общества мы пока не знаем в истории. Но разные общества, существовавшие и существующие, приближаются к нему в разной мере: в одних «каждому по его способностям» осуществлено в большей степени, в других – в меньшей.

Раз таково идеальное задание, то спрашивается: как его осуществить? Какими путями всего лучше узнать, кто к чему пригоден? И на основании каких критериев определять одних людей к выполнению таких-то функций, других – к выполнению таких-то, третьих – к выполнению иных?

Самым естественным и надежным путем был бы путь научного исследования способностей личности и на основании полученного биопсихического

⁸ См. подробности в моей «Системе социологии», т. II, с. 176–177, 225–226, 406–407.

паспорта путь соответственного размещения их в обществе. К этому методу, как мы знаем, передовые общества и начинают прибегать все в большей и большей мере.

Прикладная «психотехника», разными методами исследующая личность, уже вошла в жизнь, особенно в Америке. При найме кондукторов, механиков, рабочих и т. д. целый ряд частных и общественных предприятий подвергают кандидатов психотехническому исследованию и на основе полученных результатов принимают одних и бракуют других. В огромном масштабе этот путь был использован Соединенными Штатами Америки и в войну. Миллион с лишним людей был исследован, и на основании анализа определялись одни – в авиацию, другие – в артиллерию, третьи – в другие военные части. То же мы видим и при наборе работников в других профессиях.

Путь этот, в принципе, совершенно верный, кое-где и теперь уже он дает несомненные и полезные результаты. Обладая сейчас наука вполне надежными и точными методами «тестирования» личности и ее способностей, методами, гарантирующими от ошибок, вся проблема решалась бы очень просто. Не нужно было бы ни шумихи, ни агитации, ни всей сложной процедуры, связанной с выборами или назначением того или иного лица, вплоть до министра, президента, монарха, на то или иное место. Вместо всего этого достаточно было бы заглянуть в «личную карточку» данного человека: она бы показала, годен или не годен он для этой роли, она же дала бы указания, к какой специальности готовить данного ребенка, на какую профессию назначить такое-то лицо и т. д.

Но – увы! – наука еще не может претендовать на такую безгрешность. Методы «анализа личности» и ее способностей (Бинэ–Симона, Джеркса, Мюнстерберга и др.) еще очень примитивны, а для анализа сложных форм деятельности почти не выработаны. Сколько-нибудь серьезный ученый – специалист в этой области – не мог бы взять на себя ответственность за безгрешность анализа и вообще безапелляционно определять людей на основании такого «тестирования». Если же какой-нибудь невежда это делает, ничего, кроме огромного вреда, он не приносит. В силу этого приходится пока что прибегать к другим, косвенным определениям способностей человека. Указанный научный метод остается лишь в качестве подсобного.

Основным принципом для определения способностей становится принцип *фактически проявленных талантов человека в данной области деятельности*. Человек, показавший себя талантливым организатором предприятия, молодой юноша, написавший научную работу, рабочий, изобретший какую-нибудь машину, мальчик, написавший хорошую повесть, и т. д. одним фактом удачного выполнения ими своих работ дают надежное свидетельство их способностей в соответствующих областях деятельности. Это дает основание для определения

их на соответствующие места, если они сами этого желают⁹. То же с соответствующими изменениями применимо и к другим людям. Сложнее вопрос обстоит с детьми, которым в силу их детства труднее выявить их специфические склонности и таланты. Но и здесь внимательный родитель, педагог, исследователь при систематическом наблюдении их поведения может довольно точно уловить их специфические способности, а уловив, стимулировать их развертывание, развитие и выявление.

Таков вкратце доступный нам косвенный путь. Для полной и правильной утилизации его требуется ряд условий, два из которых я укажу здесь же.

Первое из них состоит в том, что *принцип формального наследования социальных функций родителя детьми как таковой, без его фактического подтверждения, не может быть признан целесообразным*. Хотя родитель, проявивший таланты в такой-то области, имеет шансы передать их детям (что часто и имеет место, вспомним семью Бернулли, Ротшильдов и т. д.), но не всегда. В силу неудачного «смещения крови» при браке, менделирования и т. д. мы видим и обратное: у гениального ученого, поэта, стратега, изобретателя сын часто бывает никуда негодной посредственностью, у прирожденного властителя – «холопом», у талантливого собирателя капиталов – мотом. Оставлять таких детей в той же роли, что и их родители, значит копить «болезнь» в общественном организме – болезнь, которая при большом количестве таких негодных для выполнения их функций «белых ворон» превращает здоровое общество в «чахоточное» и приводит его к кровавым кризисам и конвульсиям.

Высшие формы общественной деятельности начинают выполняться плохо, в низах копится достаточно много талантов, которые не могут занять предназначенные для них места, ибо они заняты неспособными потомками способных родителей. Вся общественная жизнь расстраивается. Копится недовольство, «пар мятежа», который рано или поздно и вырывается наружу в форме восстаний и революций.

Таковы основания, заставляющие отвергнуть принцип формального наследования социальных функций родителей детьми. *Никаких «закрытых» дверей, доступность всех функций способнейшим* – такова иная редакция той же мысли. Как технически ее осуществить, здесь не место касаться. Важно подчеркнуть общий принцип. Второе условие, необходимое для правильной реализации принципа «каждому по его способностям», это *большее или меньшее равенство исходных позиций для жизненного бега и состязания*. Выше было указано, что

⁹ Без [желания] или вопреки желанию авторитарное назначение абсолютно вредно. Поэтому величайшей бедой была бы система принудительного назначения и прикрепления людей к местам без их желания и опроса – сверху, из одного центра. Каждый из нас даже сам долгое время не знает, к чему он способен и в чем его призвание. Знать же миллионы людей и их призвание одному правительственному центру и определять деспотически их профессию сверху – не под силу даже архигениальному правительству.

«талантливыми» рождаются, что «порох хорошей наследственности» нередко вывозит их обладателей и помогает им преодолевать все препятствия. Но не всегда бывает так. Неблагоприятная среда, как я указал выше, может затормозить проявление талантов¹⁰. Ньютон, родившийся среди ашантиев^{8*}, был бы выдающимся ашантием, но без науки и среды английского общества не был бы гениальным ученым. Гениальный ребенок, родившийся без набитого кошелька у колыбели, среди нищеты и голода, далеко не всегда может пробиться. Часто он хиреет. Препятствия его убивают и обессиливают. Посредственный ребенок, оказавшийся в хороших условиях, может стать кинетически более «талантливым». Если же первый был бы поставлен в сколько-нибудь сносные условия, он на десять голов опередил бы второго, все его «десять талантов» были бы реализованы к пользе его самого и всего общества. Короче, если бы они начинали «жизненное состязание» «с одного старта», в сходных условиях, результат был бы иным. Это значит, для настоящего определения талантов все дети должны начинать «бег» с одного места, в равных условиях. Только при таких обстоятельствах можно правильно решить, кто способнейший, только в этом случае опередивший может сказать, что он опередил по праву, «отставший» принужден будет мириться с «отставанием», ибо он отстал тоже по праву. *Только такое равенство «исходных позиций» справедливо и целесообразно.* Все другие требования «равенства» либо утопичны, либо – чаще всего – несправедливы (ибо «лучших и способнейших» заставляют жертвовать в пользу «худших и неодаренных», равняя по низшему уровню) и сверх того – общественно вредны (ибо лучшие таланты заставляют зарывать в землю, пропадать зря, не реализоваться, отчего терпит и все общество).

Я знаю, что сейчас полное осуществление даже этого «равенства отправной позиции» недостижимо. По мере сил надо к нему, однако, стремиться. Минимум этого требования достигим и осуществим уже и теперь, а именно: право каждого ребенка на необходимый минимум материальной и умственной его экипировки, нужной ему для «жизненного бега» и для выявления своих талантов. Каждый ребенок должен и может быть поставлен в условия, удовлетворяющие элементарным требованиям санитарии и гигиены, обеспечивающие ему физиологическую сытость, одежду и здоровую среду, с одной стороны, с другой – снабжающие его минимумом знаний, навыков, опыта как «орудий» ждущего его «строительства жизни», как элементарной тренировки, необходимой для участия в жизненном состязании. На это может претендовать каждый ребенок. Это дать ему обязано и может любое общество. Чем разбазаривать сотни миллионов и даже миллиарды на войну, войско и многие другие непродуктивные и часто ненужные цели, будет гораздо целесообразнее десятки миллионов отпустить на это дело. Смею

¹⁰ Герцен прав, говоря: «Сколько зародышей мрет, гложет, не выдавши света, сколько способностей, готовностей вынут, потому что их не нужно».

уверить, что такое помещение общественного капитала наиболее выгодно даже с чисто экономической точки зрения, через одно-два поколения оно принесет такие проценты, которые окупят с избытком весь расход.

Большевики, объявив бесплатное обучение, бесплатные колонии и бесплатное питание для нуждающихся детей, поступали, в принципе, правильно. Но, как мы знаем, они провозглашали много хорошего, дела же их были диаметрально противоположными. Их бесплатное обучение вылилось в полное уничтожение школ, «ликвидация безграмотности» – в «ликвидацию грамотности», воспитание – в подготовку преступников, обучение – в натаскивание митинговых фраз без знания таблицы умножения, колонии – в рассадник телесно и душевно исковерканных детей, питание – в мор и т. д. Необходимо не мнимое, а настоящее выполнение этих требований. Техническую сторону дела я здесь оставляю в стороне, но замечу, что, какова бы ни была организация такого «минимума», он весь должен быть проникнут теми же принципами индивидуализации, всемерного стимулирования личного почина, интереса, самодеятельности и торможения антисоциальных склонностей. При наличии этих двух условий принцип «каждому по его способностям» может быть в известной мере реализован. А его реализация означает реализацию здорового общества, наиболее способного развиваться и быстро идти по пути прогресса при соблюдении порядка без революционных и иных судорог и конвульсий.

Итак: 1) *сохранение и усиление уцелевшего в России положительного биологического фонда*; 2) *создание общественной среды, обеспечивающей максимальное развитие способностей каждого, стимулирующей развертывание его индивидуальных склонностей и талантов и тормозящей его порочные свойства*; 3) *размещение населения в социальной пирамиде по его способностям* – таковы три связанных друг с другом условия, необходимые для прочного возрождения России. Когда налицо этот «фундамент», серьезное значение получают и все «надстройки». Без первого – эффекты вторых будут недолговечными и эфемерными. Из этих общих положений вытекает целый ряд конкретных выводов, части которых я кратко коснулся выше. «Врачи социальных болезней» слишком верят в спасительность внешних, чисто механических мер врачевания в виде замены одних декретов другими, одних общественных институтов – иными, одного «политического фасада» – другим. И они же слишком мало обращают внимания на личность, на население, на улучшение биологических и культурно-социальных свойств последнего. Нет сомнения, что и первые имеют значение, но преимущественно там, где дело идет о разрушении препятствий, мешающих развитию (например, коммунистической власти в России). В деле же творчества и созидания новых форм общества роль механических мер очень скромна и редко дает прочные результаты. Для хорошей игры великой и волнующей драмы, носящей название «История России», прежде всего, нужны «Божьею милостью» наслед-

ственные актеры. На их подбор, тренировку, на правильное распределение ролей, сообразно их талантам, – вот на что должно быть обращено главное внимание. Обстановка же, в которой они будут играть, хотя и имеет значение, но не такое, чтобы из-за нее забывать о первой задаче, что, к сожалению, часто у нас происходит. Без хороших актеров декорации и «фасады» не спасут... Выправить эту однобокость – такова была задача написанных строк.

РОССИЯ ПОСЛЕ НЭПА **(К 5-летию юбилею Октябрьской революции)**

§ 1

В пятилетний период, прошедший с начала революции, можно отметить три основные стадии. Первым этапом является стадия анархии – стихийного разрушения всех основ старого общества. В этом периоде доминировал «дух разрушающий над духом созидующим»^{1*}. Пали основы государственной организации, рушились правовые устои, институт собственности, центробежные силы разрывали единство государства и целостность общества (классовые, национальные и групповые сепаратизмы), историческая сцена занята была стихийными движениями бунтующего своеволия масс. Попытки организации нового порядка не имели успеха. Они тонули в общей анархии. Кристаллизация нового общества еще не выявилась.

На смену этой стадии пришла стадия деспотического коммунизма, или коммунистического деспотизма. Диктатура коммунистов, поддерживая анархию, с одной стороны, с другой – пытается ввести бунтующую стихию в определенное русло, придать ей определенные формы и создать на развалинах старого общества новый коммунистический строй. На общество надевается смирительная рубашка, его берут в «железо», «огнем и мечом» пытаются ограничить своеволие всех и каждого и заставляют стихию течь в определенных берегах. Так как гг. диктаторы пытались не только укротить своеволие, но и пытались насадить порядок, абсолютно противоречащий всем основным импульсам и инстинктам человека, так как в этом деле они обнаружили величайшее невежество, величайшую слепоту вместе с упорным фанатизмом и глубокой извращенностью, то «смирительная рубашка», надетая ими на Россию и русский народ, не столько успокоила возбуждение безумия, сколько задушила самый организм больного общества и привела его к полному развалу. Миллионы убитых, десятки миллионов искалеченных, развал всего народного хозяйства, разрушение духовной жизни, огромная криминализация России, голод, болезни и смерть, смерть и смерть – таковы были плоды «коммунизма». Конкретные результаты этой политики насаждения коммунизма известны. Они довольно точно описаны в ряде работ.

Повторять здесь сказанное в этих работах нет надобности. Интересующегося читателя отсылаю к этим трудам. В данной же статье я кратко коснусь лишь тех изменений, которые произошли в России со времени прекращения гражданской войны и введения НЭПа (новой экономической политики), т. е. примерно за 1921 и 1922 гг. НЭП – один из столбов, указывающих переход революции в третью стадию. Он означает ликвидацию коммунизма и переход к воссозданию России на «новых», т. е. старых капиталистических, началах. НЭП знаменует полное банкротство коммунизма и превращение коммунистической власти в простую неограниченную тиранию авантюристов истории. НЭП, наконец, служит симптомом, говорящим, что русский народ перевалил не только стадию анархии, но и стадию коммунизма^{2*}.

История поистине сыграла злую шутку с коммунистами. Она заставила их собственными руками вводить снова капитализм, так усердно разрушавшийся ими. И они увидели наконец, что коммунизм привел к полному развалу всей хозяйственной жизни, и им стало понятно, что коммунистическая система не в состоянии возродить хозяйство и что без капитализма нет спасения. Казалось бы, отсюда можно сделать только один вывод, гласящий: раз коммунисты принуждены вводить капитализм для возрождения хозяйства, разрушенного коммунизмом, то, очевидно, капиталистическая система есть система созидательная, обогащающая, а коммунистическая – разрушительная, разоряющая, что первая выше, совершеннее, чем вторая. Но... фанатикам законы логики не писаны. Введя НЭП, гг. коммунисты продолжали упираться и стали бормотать о «передышке». НЭП – «капитализм» – это передышка, она нужна для воссоздания хозяйства. «Когда оно будет восстановлено, мы снова перейдем к коммунизму», – так говорили они. Поистине архистранная логика и политика! На обычном языке она гласит: «Для восстановления хозяйства нужен капитализм, и мы его вводим. Когда хозяйство возродится, мы введением коммунизма снова разрушим его. По достижении полного развала для восстановления снова введем капитализм как передышку. По восстановлении снова заменим его коммунизмом, т. е. разрушением; потом опять будет капитализм, за ним – опять коммунизм» и т. д. – такова сказка про белого бычка, логически вытекающая из аргументации гг. коммунистов. Почему такой ход истории благодетелен и почему коммунизм как разрушительная система выше капитализма и должен быть непременно введен, как только хозяйство наладится, простому смертному не понять. Но... «коммунистические антропоиды» с их логикой примитивного человека это «понимают», проповедуют и, вводя под напором необходимости одной рукой НЭП, другой обуздывают его и сводят «на нет». В результате такого «упирательства» на месте погибшего коммунизма оказался введенным не настоящий капитализм, а хозяйственно-социальный строй, представляющий смесь всех отрицательных сторон капитализма (спекуляция, хищничество, шакализм, кон-

трасты голода и роскоши и т. п.), без его положительных организационно-производственных функций и всех отрицательных сторон деспотического коммунизма (тирания, опека, несправедливость, подавление стимулов к инициативе, труду и т. д.), без его положительных (уничтожение неравенства, эксплуатации и т. д.). Этому «монстру» было дано громкое название «государственного капитализма» – якобы высшей формы капиталистического режима. Между тем система «государственного капитализма» является самой древней и наихудшей формой капитализма, а не наилучшей и новейшей. Но наши «антропоиды» «учились понемногу чему-нибудь да как-нибудь», а потому какое им дело до фактов?

Мы могли бы спокойно предоставить им полную свободу проявлять свое коммунистическое невежество, если бы за него не приходилось платить миллионам людей своей жизнью. Этот факт меняет дело и заставляет всех и каждого напрягать усилия к скорейшей ликвидации установившегося после коммунизма строя, который воплощает в себе все недостатки капитализма без его достоинств и все минусы царизма без его плюсов.

Этот строй, существующий со времени НЭПа, несколько лучше коммунистического строя. Но он остается по-прежнему бесконечно худшим, чем строй частнокапиталистический.

Мудрено ли поэтому, что, дав некоторый простор индивидуальному почину и интересу, придушенным коммунизмом, он вызвал некоторое оживление в торговом и мелком производстве, сыграл роль свежего воздуха, вдыхаемого задыхающимся человеком. Но так как порция этого воздуха оказывается совершенно ничтожной, так как рядом с ним большую Россию по-прежнему угощают солидными дозами коммунистического яда, то о серьезном оздоровлении при таких условиях не может быть и речи впредь до введения подлинного капитализма со всеми его социально-правовыми и политическими предпосылками.

Сказанное подтверждает нижеследующий краткий обзор основных изменений в жизни России и русского народа за период НЭПа.

§ 2

Состояние и естественное движение населения. Картина «физиологического движения» населения с окончанием гражданской войны должна была бы резко измениться, приближаясь к нормам обычного времени; иными словами, должна была бы пасть смертность, резко повыситься брачность (всегда повышающаяся в годы, следующие за войной, когда она обычно падает) и подняться рождаемость. Но движение коэффициентов смертности, и особенно брачности и рождаемости, с 1917 г. у нас приняло несколько необычный характер. Брачность необычайно возросла, а рождаемость пала. Мудрено ли, что при таких ус-

ловиях приближение к норме за 1921–1922 гг. должно у нас означать, помимо падения смертности, падение брачности и рост рождаемости. Такие тенденции и обнаружались в РСФСР, где жизнь чуть-чуть приблизилась к норме – хотя бы за счет всей России, как например в столицах. Здесь за эти годы мы, действительно, видим такую тенденцию; например, в Петрограде¹ уже в 1920 г. смертность понизилась с 72,6 на 1 000 населения (в 1919 г.) до 50,6; в 1921 г. падение продолжалось, дойдя уже в первую половину 1921 г. до 27,8. Этот прогресс продолжается и в 1921–1922 гг., не достигнув, однако, норм довоенного времени (23,2 на 1 000 нас.). Точно так же обнаружилось и некоторое понижение брачности, поднявшейся за 1917 – до 1920 г. до небывалого коэффициента (27,7 на 1 000 нас.) в 1920 г. (вместо 6–7 на то же население). С первой половины 1921 г. наметилась тенденция к падению. За этот период коэффициент был равен 26,7. Падение шло и во вторую половину 1921 г. и 1922 г. Однако брачность по-прежнему далека от норм довоенного времени. Стала подниматься и рождаемость, необычайно павшая за годы революции (1917–1919), несмотря на необычайный подъем брачности (13,8 на 1 000 нас. в 1919 г. вместо 26,4 в 1913). В 1920 г. рождаемость оправилась, достигнув коэффициента в 21,8, а в первой половине 1921 г. она равнялась уже 96, т. е. превзошла не только нормы обычного времени, но и приблизилась к коэффициенту начала 60-х гг. Такой исключительный подъем рождаемости – обычное явление по окончании войн. Обнаружилось оно и у нас. Но подъем этот бывает всегда временным. То же видим и у нас. С 1922 г. этот коэффициент стал быстро падать, приближаясь к норме довоенного времени.

Сходный характер имело движение населения и в других местах России, где жизнь несколько стала приближаться к норме. Но, увы! Таких областей было немного. Петроград и Москва за эти годы кормились за счет всей России и были в исключительно благоприятных (по сравнению с другими городами и селами) условиях. В остальных местах было хуже. Гораздо хуже, чем в 1919–1920 гг.

В 1921–1922 гг. и в 1922–1923 гг. огромные области России были и будут постигнуты катастрофическим голодом. Это обстоятельство вместе с более худшим по сравнению со столицами положением ряда областей, не объявленных официально «голодными», дает здесь совершенно иную картину, а именно: необычайный рост смертности, побивший все рекорды (она достигла в ряде мест до 400 на 1 000), необычайное падение брачности, и рождаемости, короче – огромное вымирание.

Приведу типичные данные. Беру для примера Николаевский уезд той же губернии. Абсолютное число браков и рождений за последние годы здесь было следующим:

¹ Материалы по статистике Петрограда. 1922, вып. V, ст[атья] С.А. Новосельского. Для Москвы см. «Красную Москву», 1921, с. 64–66 и др.

Россия после НЭПа

Годы	Число браков	Число смертей	Число рождений	Избыток рождений + Избыток смертей –
1914	1 987	8 565	14 546	+ 5 981
1915	1 380	7 780	10 542	+ 2 762
1916	1 386	8 435	10 263	+ 1 828
1917	2 830	7 250	9 072	+ 1 822
1918	5 274	10 201	11 600	+ 1 399
1920	4 071	13 368	8 670	– 4 698
1921	3 049	8 190	6 213	– 1 977 ²

В 1921–1922 гг. картина такова:

Города	Родилось в 1921 г.	Умерло в 1921 г.	Избыток рождений + Избыток смертей –
Херсон и Алешки	2 254	4 241	– 1 987
Полтава	1 949	3 595	– 1 646
Лубны	492	1 684	– 1 192
Гадяч	262	235	+ 27
Зеньков	396	478	– 82
Кобеляки	362	281	+ 81
Константиноград	257	301	– 44
Лохвица	332	237	+ 95
Миргород	453	604	– 151
Ромны	510	613	– 103
Севастополь (март-июль 1922)	233	1 297	– 1 064
В городах Запорожской губ. во вторую полови- ну 1921 г.	2533	2 567	– 34
В Екатеринбурге за декабрь 1921 г.	208	615	– 407
В Туапсе за I пол. 1921 г.	131	1 172	– 1 024
Во всех городах губер- ний: Запорож., Екатерино- слав., Кремеяч., Пол- тавской и Подольской за I четв.	5 703	14 475	– 8 772 ³

Из этих данных видно, что в 1921 г. еще в губерниях, не постигнутых катастрофическим голодом, движение населения, в противоположность Москве и Петрограду, не только не улучшалось, а ухудшалось. Данные же за четверть 1922 г. губерний, кроме Екатеринославской и Херсонской, не признанных за голодающие, говорят об интенсивнейшем вымирании населения.

² Бюллетень Центрального Статистического Управления Украины. 1922, № 9, с. 29.

³ Ibid., № 9, с. 31, № 7, с. 29, № 11, с. 50; Красн. Черном. Флот. 12. IV.

Что же касается голодающих губерний в 1922 г., то положение дел в них рисуется следующими данными (официальными).

Население Татарской республики с 1920 г. в 1922 г. уменьшилось на 470 000, т. е. на $\frac{1}{5}$; в ряде уездов Башкирии к апрелю 1922 г. население (по сравнению с 1920 г.) убыло на $\frac{1}{3}$, в Уральской области вымерло 25%, в Керченском – около 33%, в Пугачевском у. Самарской губ. – 50%. Население Херсона уменьшилось на 60%. В Царицынской губернии в I половине 1922 г. на 1 000 населения родилось 27, умерло 94 (убыль в 67 на 1 000), в Екатеринославской губ. за апрель-май 1922 г. родилось 7 345, умерло – 14 000, в Николаевске Самарской губ. за август родилось 38, умерло 112 и т. д.⁴

«В Пугачевском у[езде], – пишет корреспондент И[звестий] ВЦИК, – рождаемости почти нет – голодные матери недонашивают или родят мертвыми, браков совершенно не заключается, жизнь остановилась». Другой корреспондент И[звестий] ВЦИК Рихтер пишет: «В Заволжье многие большие села 10–12 тысяч жителей превратились в маленькие хутора, многие совсем не существуют; в списках статист. бюро против них стоит черточка, а внизу примечание: “не существуют в силу разорения их на почве голода”».

Эти данные говорят, что движение населения Петрограда и Москвы нетипично. В большинстве областей России за 1921–1922 гг. вымирание не ослабело, а усилилось.

Вот почему в общем и целом для всей России едва ли 1921 и 1922 гг. внесли что-нибудь новое в явления вымирания населения РСФСР и советских республик, с 1914 до 1920 г. уменьшившегося на 19–20 млн. Как и в 1918–1920 гг., рождаемость за 1921–1922 гг. по всей России не покрывала смертности. Население России продолжает убывать. Немало этому содействует и санитарное состояние страны, за эти два года еще более ухудшившееся. По заявлению Наркомздрава Семашко от 28 октября 1922 г. за 1921–1922 гг. число больничных учреждений сократилось по сравнению с 1920 г. до 92%, число фельдшерских пунктов – до 86%, медицинская помощь на дому – до 62%, т. е. фактически мы имеем почти полную ликвидацию лечебного дела. С качественной стороны в оставшихся «оазисах» еще хуже. В лучших клиниках Петрограда температура зимой – минус два, самое лучшее – три-четыре градуса, часто нет кипятку, нет термометров, грязь, нет чистого постельного белья и т. д. Что же говорить об обычных больницах! Большинство их просто не существует.

В этом отношении «все обстоит по-прежнему, даже хуже». В связи с естественным движением населения заслуживает упоминания рост разводов. Со времени декрета 20 декабря 1917 г. кривая разводов стала резко подниматься. В 1920 г. число их достигло в Петрограде 92,2 на 10 000 существующих браков,

⁴ Известия ВЦИК, № 214, 5. IX.

или 2 развода на каждые 16 заключаемых браков, – цифра для Петрограда исключительно высокая. Причем из каждых 100 разведенных браков 51,1% имели продолжительность менее 1 года, 17,8% – от 1 до 2 лет, 8,2% – от 3 до 4, лишь 32,9% – продолжительность выше 4-х лет. Из 51,1% расторгнутых браков 11% имели продолжительность менее 1 месяца, 22% – менее двух, 26% – менее шести и лишь 43% – свыше шести месяцев⁵.

В провинции дело обстоит, пожалуй, еще хуже. За 1921 г. в Полтаве 1 развод приходился на 4,9 заключенных браков, в г. Николаеве – на 3,9, за первую четверть 1922 г. в городах губерний: Запорожской, Екатеринославской, Кременчугской, Подольской – 1 развод приходился на 3,8 заключаемых браков⁶.

Отсюда видно, что представляют собой «советские браки» и насколько революция разрушила семью и брак. Есть основания полагать, что этот процесс (как и при Французской революции) в ближайшие годы не остановится, а будет продолжаться.

Если в количественном отношении в движении населения мало нового, то в качественном отношении дело несколько изменилось. Иным стал контингент людей, уносимых в царство смерти. За годы войны и революции гибли преимущественно наиболее здоровые биологически, наиболее квалифицированные умственно и нравственно, наиболее сильные и выдающиеся по своим качествам элементы населения. Военный и революционный отбор всегда таков. Он убивает «лучших» и оставляет жить и плодиться «худших». Окончание войны, и особенно гражданской войны, значительно изменило дело в положительную сторону. Отбор, производимый голодом, в первую очередь убивает наиболее слабых биологически: детей, стариков, больных и т. д. – и плюс наименее энергичных, изворотливых, трудоспособных и т. п. В этом смысле он – с точки зрения будущих судеб народа – не столь ужасен, как отбор войны и революции. Это проявилось и у нас за 1921–1922 гг.

Но, увы! В условиях НЭПа и советского режима даже и эта «положительная» сторона голодного отбора (приговоренные к смерти часто расстрел считают «лучшим», чем пытки и медленное удушение, и в этом смысле говорят о «положительных сторонах»... расстрела; в таком же смысле приходится и мне говорить о «достоинствах голодного отбора»!) не могла выявиться сколько-нибудь достаточно. Расстрелы «лучших» шли (чего стоит один расстрел 10 000 кронштадтцев, 65 профессоров и интеллигентов по Таганцевскому делу^{3*} и т. д., и т. д.) и идут, лица, морально честные, и при НЭПе обречены на голод; власть массовым образом гноит лучших лиц в тюрьмах, обрекает на смерть в ссылках, высылают

⁵ Материалы по статистике Петрограда, вып. V, с. 27.

⁶ Бюллетень Центрального статистического управления Украины, № 7, с. 29; № 11, с. 50.

за границу – и тем ослабляет указанный «положительный» характер голодного отбора. Некоторое изменение в этом отношении все же имеет место. Его необходимо отметить. В общем и целом значительных изменений в положительную сторону в движении и состоянии населения на 1921–1922 гг. нет.

§ 3

Изменения в структуре общества. Здесь за прошлые два года произошли существенные изменения. Они двоякого рода. Часть изменений нова по сравнению с дореволюционной структурой русского общества, часть – нова только по сравнению с революционными годами и представляет реставрацию «царского периода».

Главнейшие изменения таковы:

А) В области классового строения русского общества.

Крупные землевладельцы не возродились еще, но наметилась возможность их появления в виде иностранных земельных концессионеров и в виде «арендаторов» «советских хозяйств». Зародыш имеется, но он еще не приобрел сколько-нибудь значительных размеров. Появилась и довольно сильно развилась новая буржуазия (НЭПманы) – зоологическая, спекулятивная, шакалиная, непродуцирующая, но «полнокровная», душой и телом преданная собственности. Она вышла главным образом из рядов коммунистов и их клиентов.

Пролетариат продолжает исчезать и деклассироваться. За эти годы мы имели «диктатуру пролетариата» без пролетариата. Исчезновение его продолжается по сей день.

Крестьянство относительно не уменьшалось, а даже несколько росло.

Интеллигенция частью продолжала вымирать, частью, в виде «спецов», вошла в состав нового чиновничества и новой бюрократии.

Родилась и оформилась «последняя», провела глубокую бездну между собой и «управляемыми», приобрела все черты старой бюрократии, без ее деловитости и сознания долга.

В) Процесс имущественной нивелировки со времени «НЭПа» приостановился и заменился процессом имущественной дифференциации как во всем населении, так и в крестьянстве. Общая бедность осталась, но одни еще сильнее обеднели, другие стали относительно богатеть. Имущественная пирамида восстановилась. Контраст бедности и богатства стал громадным. Вся «уравнительная работа» революции оказалась бесплодной.

С) То же приходится сказать и о других формах неравенства, в частности правового. За два года создались и оформились вновь «привилегированные»

(власть, коммунисты, «спецы», «сочувствующие», новая бюрократия, новая – иностранная и отечественная – буржуазия) и «обделенные». Контраст между ними стал бóльшим, чем раньше. Уравнительные потоги революции кончились безрезультатно.

Д) Изменился по своему социальному составу и характер обитателей «верхних и нижних» слоев общественной пирамиды. До НЭПа бывшие привилегированные («старая аристократия», буржуазия и высокое чиновничество) сбрасывались «с верхов» на «низы», а верхние, командующие позиции занимались главным образом выходцами из низших слоев: пролетариата, крестьянства и «разночинцев». Со времени НЭПа начался обратный процесс: «бывшие люди» снова стали карабкаться на «верхи», бывшие рабочие, забравшиеся туда, усиленно стали снова сползать вниз. В 1922 г. «верхи» армии (кроме нескольких декоративных мест) были заполнены старым генералитетом и командным составом; то же относится к «наркоматам», к правлению трестов и т. д. И здесь стали главенствовать «реставрационные» тенденции: люди снова стали размещаться по старым местам под новыми названиями. Исключения из этого правила есть, но невелики.

Е) Процесс заполнения командующих позиций и привилегированных слоев общества этнографически нерусскими элементами, в частности евреями, начавшийся со времени Октябрьской революции, продолжался и шел «crescendo». В 1922 г. огромное количество ответственных мест как в правительственных учреждениях, так и в промышленности и торговле – частной и государственной – было занято евреями. Равным образом шел «crescendo» и процесс их перемещения из местечек в города, особенно в столицы, население которых сильно изменилось, в частности семитизировалось. Революция, иными словами, изменила расово-этнографический состав «командующих классов».

Ф) Продолжались территориальные перемещения населения. Со времени НЭПа процесс бегства из голодных столиц в провинцию заменился противоположным – бегством из провинции в столицы, в силу чего в 1921–1922 гг. население столиц стало увеличиваться. Еще большие миграции вызвал голод: огромные массы народа бросились из голодных областей в менее голодные. Первые опустели. Население (Поволжья, Юго-Востока, Юга России и других голодных районов) сильно поредело. Значительная часть его погибла (от 8 до 12%).

Таковы главнейшие изменения в структуре населения за эти годы. В общем и целом они означают восстановление разрушенной революцией социальной пирамиды, возврат к старому, безрезультатность громких обещаний революции. Рядом с такой реставрацией наметились и новые явления, но они мало общего имеют с революционными заданиями и целями. Ни одно из положительных обещаний революции (равенство, уничтожение эксплуатации и т. д.) не было исполнено.

Изменения в экономической области. – Правда ли, что в Петрограде и Москве имеются великолепные магазины и все можно достать? – Правда. – И рестораны? – Умопомрачительные. – И на улицах шикарно одетая публика? – Есть и такие. – И международные вагоны со старым комфортом? – Ну, чуточку хуже, но ничего. – И великолепные отели, вроде Европейской гостиницы? – Да, имеются. – Значит, все по-старому? Значит, налаживается хозяйство? Не правда ли? Таковы вопросы, которые мне ставились, мои ответы на них и тот вывод, который из ответов делал легкомысленный вопрошатель. Еще чаще приходилось читать такие выводы и заверения в статьях иностранцев, побывавших теперь в России и изучавших ее из окон отеля, купе международного вагона и со слов любезного правительственного «гида». Не читали ли мы недавно горячие заверения г. Эррио в том, что в России хозяйство налаживается, власть оказалась хорошим организатором, обожаема народом^{4*} и т. д.?

Нет надобности говорить, что такие утверждения делаются или по глупости и наивности, или по подлости. Первое неизвинительно, второе возмутительно и преступно. Хотя с введением НЭПа кой-где хозяйственная деятельность немного и оживилась, но говорить о каком-либо серьезном ее улучшении, больше того – просто об улучшении – не приходится. Не приходится, основываясь на тех же официальных данных. Резкое изменение внешней картины Москвы и Петрограда – простая видимость, скрывающая подлинное положение дела. Единственно, что можно утверждать – и то только относительно областей, не постигнутых голодом, – это замедление темпа разрушения и развала в ряде отраслей народного хозяйства, главным образом сельского, и кое-какие симптомы улучшения в немногих областях. За 1922 г. нет еще общих данных. Но и то, что есть, определенно подтверждает это положение.

*Сельское хозяйство*⁷. Посевная площадь, сократившаяся к 1920 г. до 55–60% довоенной нормы, в 1921 г. сократилась еще на 18% по сравнению с 1920 г., в 1922 г. в силу голода и неурожая она уменьшилась еще на 12–16%. В итоге посевная площадь 1922 г. не превышает 40–45% довоенной нормы. Голод 1922–1923 гг. не дает оптимистических надежд на ее расширение и в текущем году.

Урожайность продолжала падать. Вместо сбора с десятины ржи 53,9 пуда (в 1909–1913 гг.), 62,3 пуда пшеницы, 50,7 пуда яровой пшеницы соответственные цифры за 1920 г. были: 33,7 пуда ржи, 32,7 пуда озимой пшеницы, 28,5 яровой. В 1921 г. в силу засухи и политики власти общая урожайность была еще меньше. В 1922 г. она несколько повысилась, но ничтожно. Мудрено ли поэ-

⁷ Экономист. 1922, № 2 и № 5; Кондратьев. Регулировка рынка за годы войны и революции. Изд. нар. ком. земл., 1922.

тому, что – вместо 7 009 331 600 пудов валового сбора всех зерновых хлебов и картофеля (в переводе на зерно) в 1909–1913 гг. (на территории современных советских республик) и 4 498 507 000 пудов чистого сбора – в 1920 г. было собрано только 2,1 миллиарда пудов. В 1921 г. еще меньше, в 1922 г. – около 1,8 миллиардов пудов. Россия, вывозившая раньше за границу около 650 млн пудов, теперь не имеет хлеба для своего прокормления, голодает, вымирает и дошла до людоедства.

Сходное видим и в области *животноводства*. К 1921 г. крупный рогатый скот сократился на 50% по сравнению с довоенной нормой, молодняк – на 60%, число свиней – на 60%, овец – на 70%, лошадей – на 77% (с 35–36 млн до 8 млн)⁸.

Славно поработала Октябрьская революция и здесь. Племенные рассадники уничтожены, производители – съедены. В 1921–1922 гг. крестьяне принялись усиленно разводить молодняк. Это дало некоторое увеличение его, но незначительное, и только в областях, не постигнутых голодом. В последних же весь живой инвентарь – от 80 до почти 90% его погиб и съеден. Сбор льна в 1921 г. пал с 2 миллионов пудов в 1920 г. до 1,5 миллионов пудов (вместо 31,9 миллионов пудов в 1913 г.)⁹.

Сбор хлопка дает ту же картину. Вместо 12 млн пудов – в 1916 г. – в 1919 г. было собрано 4,5 млн пудов, в 1920 – 3,2, в 1921 г. – около одного миллиона (по другим данным, только 700 тыс.). В 1922 г. официально предполагалось собрать 3 миллиона пудов, т. е. норму 1920 г., но вряд ли и она собрана¹⁰.

Свекло-сахарная промышленность в еще худшем положении. Принимая площадь посева и производства сахара в 1914–1915 гг. за 100, мы получаем:

	1914–1915 г.	1918–1919 г.	1919–1920 г.	1920–1921 г.
Посевная площадь	100	59,0	55,6	25,9
Производство сахара	100	19,3	4,6	5,3

В 1921–1922 гг. о «сладкой жизни» не приходилось думать.

Производство сельскохозяйственных машин, равнявшееся в 1914 г. 44,8 млн руб., в 1920 г. равнялось 2,8 млн руб., в 1921 г. – 3,1. Если здесь нет существенного улучшения, то нет, слава Богу, и дальнейшего ухудшения.

Сбор шерсти с 6 миллионов пудов довоенного времени пал до 700 тыс. в 1921 г. (до 3 миллионов пудов по другим источникам), сбор пеньки – с 20 мил-

⁸ Эти цифры я беру из «Экономиста», изд. в России, № 2 и 4 до 5. Как здесь, так и в других отраслях официальная статистика дает разные данные, не совпадающие друг с другом. Приходится выбирать из них более вероятные.

⁹ ВСНХ. К IX партийному съезду. Только для коммунистов. Промышленность и торговля. 1922, с. 73. См. также: Народное хозяйство России за 1921 г. Изд. «Экономическая жизнь». Берлин, 1922, с. 252. Цифр для 1922 г. еще нет, но едва ли можно говорить о каком-либо увеличении сбора и здесь.

¹⁰ В «Народном хозяйстве» для 1920 г. (Промышленность и торговля, с. 252) дается цифра сбора 1,5 млн пудов.

лионов пудов до 3 миллионов пудов, в 1922 г. не произошло значительных изменений.

В области *кожевенной промышленности* в 1916 г. было выработано 12 500 крупных кож, в 1919 г. – 2 612, в 1920 г. – 2 021, в 1921 г. за первую половину – 1 688 (см. *Промышленность и торговля*, 99 стр.).

Из этих цифр картина ясна, и комментарий не требуется.

Промышленность. Продукция всей промышленности, равнявшаяся в мирное время 4,5 миллиардам золотых руб., в 1921 г. не превосходила 450 миллионов золотых руб., т. е. составляла 10%.

Добыча угля с 1,8 миллиардов пудов в 1920 г. съехала до 450 млн пудов, в 1921 г. была близка к той же величине, в первую половину 1922 г. чуть поднялась (321 млн пудов за одно полугодие, а во второе снова пала). «Налаживается хозяйство». Причем самопотребление угля на коях, раньше не превышавшее 7–8%, теперь дошло до 48%, из остальной части значительная доля расхищалась на пути – в итоге – чистый остаток был еще меньше.

Добыча нефти с 525 миллионов пудов в 1920 г. спустилась до 230 миллионов пудов, в 1921 г. равна была 242 млн пудов, в 1922 г. предполагалось повысить ее до 300 миллионов пудов, но едва ли это осуществилось.

Выплавка чугуна с 249,4 миллионов пудов в 1914 г. в 1921 г. пала до 7,5 миллионов пудов, т. е. до 3%; первое полугодие 1922 г. дало повышение до 5,4 миллиона пудов, но второе опять понизило.

Добыча железной руды с 560 млн пудов сошла в 1921 г. до 13 млн пудов, в первое полугодие 1922 г. добыто около 11 млн пудов, за второе – добыча опять пала.

Добыча меди составляла 6% довоенной нормы.

В области *хлопчатобумажной промышленности* в 1921 г. работало только 12% веретен (довоенного времени) и то неполные часы. В 1922 г. здесь намечилось некоторое улучшение. По официальным данным, в первое полугодие 1921 г. было произведено 589 тыс. пудов пряжи и 119 миллионов аршин тканей, в первое полугодие 1922 г. соответственные цифры будут: 1 695 тыс. пудов пряжи и 232 миллиона аршин. Но эти цифры явно преувеличены.

Льняная промышленность сократилась на 75% и вернулась к норме 50–60 годов XIX в.

Химическая промышленность с 10% довоенной нормы в 1920 г. поднялась до 15–17% в 1922 г. Поднялось производство галош с 10 000 штук в 1920 г. до 500 000 шт. в 1921 г. и до 4 000 000 в 1922 г.

Но в этих цифрах есть тенденция преуменьшать производство 1920 г. и преувеличивать «прогресс» 1922 г. Другие официальные источники картину «прогресса» рисуют гораздо более скромно.

Добыча золота вместо 3 774 пуд. довоенного времени в 1920 г. дала 109 пуд., в 1921 г. – около 84 пудов.

Добыча платины со старой нормы в 299 пуд. в 1920 г. пала до 13 пуд. 25 фунт. (по другим данным – до 21 пуда), в 1921 г. до 12 пуд. 35 фунт.!

Транспорт тоже «налаживается». Из 19 000 паровозов довоенного времени в 1921 г. было 7 000. Причем значительная их часть была «безработной» за неимением грузов и топлива. Единому Богу да «верному служащему» Симменс-Шукерта Красину ведомо, зачем нужно было заказывать их за границей при наличии своих безработных паровозов.

Число вагонов с 437 000 сократилось до 195 000, причем только 20 000 из них было вполне исправными.

Процент больных паровозов и вагонов растет. Грузооборот пал до 15% старой нормы. Дороги почти не чинились, шпалы и рельсы не менялись. Словом, «налаживается».

Государственные финансы налаживаются умопомрачительно. До 1 января 1922 г. было выпущено бумажных денег до 7 триллионов рублей. К 1 мая 1922 г. их выпущено на 124 трлн рублей. К 1 ноября 1922 г. их выпущено 1 302 трлн. С 1 октября по 31 декабря 1922 г. предполагалось еще выпустить 1 888 трлн. Итого за год эмиссия грозит достигнуть до 3 квадриллионов руб.! Несмотря на «налогоманию», сменившую период «универсальной бесплатности» («бесплатности старой царской каторги», как ее охарактеризовал один рабочий на конференции), в 1921 г. было покрыто лишь 1,5% эмиссии, за первые 4 месяца 1922 г. поступило всех доходов на сумму 10,5 трлн рублей, выпущено же денег на 117 трлн. За эти последние 4 месяца к 1 октября поступило около 100 трлн, выпущено 1 000 с лишком трлн. Словом, государственный бюджет «стабилизирован». «Стабилизировался» и рубль. В начале сентября 1922 г. 10-рублевый золотой стоил около 25 млн советских руб., 26 октября того же года он стоил уже... 125 млн.

Несмотря, однако, на эти «астрономические» цифры эмиссий, в переводе на золото они очень скромные и колебались от 33 до 90 млн золотых руб. Таково все национальное денежное богатство России! Оно говорит яснее всего, до какой степени население обеднело. Денежная душевая норма теперь составляет 1–2% довоенной денежной душевой нормы.

Дополним картину характеристикой *торговли*. Под влиянием НЭПа внутренняя торговля несколько оживилась. В столицах действительно появилась масса всевозможных весьма приличных магазинов. Но... это только в столицах, и пышность магазинов – показная. На деле же «оживление» очень скромное.

За ноябрь-декабрь 1921 г. и январь 1922 г. было совершено торговых операций всеми государственными торговыми учреждениями России и Украины на

сумму... 55 203 890 зол. руб.! Вот вам «пышный расцвет» торговли всего государства. Причем большинство из этих операций совершено было одним «Главком» с другим, т. е. люди занимались перекаладыванием товара из одного государственного кармана в другой.

Внешняя торговля, в довоенное время делавшая ввоз из-за границы на 1 139 600 000 зол. руб., вывоз на 1 501 400 000 зол. руб., в 1921 г. дала ввоз на 248 500 000; в первой половине 1922 г. – на 279 200 000 руб.; вывоз в 1921 г. – на 20 200 000, в первой половине 1922 г. на 24 800 000 зол. руб. Цифры ясны. Не говоря уже об их величине, отметим, что там баланс был активным на сумму около 400 млн руб. Здесь он пассивен в 222 млн зол. руб., в 1921 г., и в 275 млн за второе полугодие 1922 г.

Некоторое оживление торговли есть, но ясно, что оно носит преимущественно спекулятивный характер и при данном режиме – при обеднении населения, при разгроме производства – не может принять сколько-нибудь серьезные размеры. По существу, кроме столиц, она представляет тот же нищенский примитивный «товарообмен», каким она была в 1918 до 20-го г.

Таково хозяйственное положение.

Прибавим к этому, что *крупная промышленность, остающаяся национализированной, не только не улучшилась, а продолжала (как это признал и Рыков) разваливаться и приносит все больший и больший дефицит.*

Несколько лучше обстоит дело с кустарной и денационализированной мелкой промышленностью. Но, конечно, в данных условиях и она не может развиваться. Вмешательство власти, придирки, непомерные налоги, отсутствие гарантий душат ее. Это видно хотя бы из статистики всех арендованных предприятий. Предназначено было к сдаче 12 507 промышленных заведений. Сдано в 1922 г. – 9 748. Недурные как будто цифры. Но, оказывается, 60% из них – мельницы, остальные 40% составляют мелкие (от 4 до 30 раб.) кирпичные, мыловаренные, кожевенные и химические предприятия. Причем взяты они в большинстве «на ходу», 20,7% взято бывшими хозяевами. Мотивами арендования служили и служат те же хищнически-спекулятивные мотивы: использовать остатки ценностей и оборудования, «снять жир» и... только. Ни о каком налаживании производства, связанном неизбежно с затратой капитала, речи быть не может. Идет то же использование последних остатков, с половины 1922 г. многие из арендаторов, «снявшие жир» или задавленные непомерными налогами, начали бить отбой... О возрождении же крупной промышленности, о капитализме производительном пока говорить не приходится. При данных условиях он невозможен.

Из всего сказанного сама собой вытекает картина экономического положения масс. Население стало нищим. За последние два года его положение, быть может, и не ухудшилось (кроме голодных областей, где оно «улучшилось до смерти»), но и не улучшилось.

Замена «продразверстки» «продналогом» не облегчила положение крестьянства, ибо во многих местах продналог оказался тяжелее разверстки; вдобавок продолжали существовать десятки натуральных повинностей (дровяная, сплавная, гужевая, топливная, дорожная и т. д.) плюс десяток новых денежных налогов, сыплющихся изобильно на голову крестьянина («подворная», «поголовная», на скотину вплоть до кошек и т. д., и т. д.).

Все это не дает крестьянину вздохнуть. Он задавлен, он вынужден голодать даже не в голодных губерниях. Про последние же и говорить нечего. Поистине, с мужика дерут не семь, а семьдесят семь шкур во славу и на пользу... Третьего Интернационала, пышных дипломатических миссий, тысяч «сменовеховцев»^{5*}, десятков тысяч агентов, на подкупы, на печать, на содержание самой власти и всего советского аппарата.

Материальное положение остатков рабочего класса видно из величины его заработка. До войны средний месячный заработок рабочего равнялся 21 р. 25 к., в 1920 г. заработок московского рабочего (более высокий, чем провинциального) составляет 2 р. 70 к., в 1921 г. – 4 р. 40 к., в 1922 г. за I четверть был равен 3 р. 58 к., за вторую четверть – 5 р. 63 к., за третью – 7 р. 53 к.^{6*} Вот цифры. Да не подумает читатель, как уверяют коммунисты, что за 1922 г. мы видим непрерывное улучшение положения рабочих. Во-первых, это цифры московские, в Донбассе, например, картина была обратной; во-вторых, рядом с ростом платы росли и налоги, исчезла и «бесплатность». Достаточно учесть одни эти обстоятельства, чтобы «улучшение» стало весьма проблематичным. Прибавьте к сказанному растущий «кризис» на почве «перепроизводства товаров» в России (выходит, и мы «не лыком шить»); ввиду колоссального обеднения населения оно действительно не в состоянии покупать то ничтожное количество товаров, которое производится), поведшее к закрытию предприятий, к появлению и росту (вместе с сокращением штатов) огромной армии безработных (в одном Петрограде по официальному исчислению было к 1 октября 6 500 безработных, фактически – больше, по всей России число безработных никак не меньше 1 000 000). Учтите абсолютно безвыходное положение последних, неизбежный рост их числа в дальнейшем, и тогда материальное положение масс будет ясным. Если же учесть голодные области, то придется сказать, что в общем и целом в 1921–1922 гг. общее положение их не только не улучшилось, а скорее ухудшилось.

К пятой своей годовщине Октябрьская революция воздвигла себе бессмертный, нерукотворный памятник в виде огромной горы трупов, исчисляемых миллионами, погибших и погубленных ею *ad majorem gloriam*^{7*} революции.

Но, увы! Эти жертвы еще не последние! Таковы экономические изменения за последние годы.

§ 5

Дегенерация коммунизма, дегенерация власти и политические группировки. Истекшие два года являются годами вырождения и ликвидации коммунизма. Эта дегенерация выражается не только в полном дискредитировании коммунизма как идеологии, но и в объективных фактах социальной жизни. Основным из них служит самое явление НЭПа. Его введение и признание означало и означает полное банкротство коммунизма.

НЭП был следствием антикоммунистического движения крестьянских масс, вынудивших власть капитулировать и сдать свои коммунистические позиции.

С 1920 г. ряд стихийных объективных процессов в жизни крестьянства свидетельствует о том же антикоммунистическом переломе, нашедшем свое признание и в ряде юридических актов власти. Основным из этих процессов был процесс стихийного движения крестьян на отруба и хутора. Этот процесс, начавшийся с 1906 г. и за десятилетие 1906–1916 гг. приведший к образованию 1 596 625 участковых хозяйств с площадью в 15 896 095 десятин (10,5% всех крестьянских хозяйств), был прерван революцией. В 1917–1918 гг. начался процесс разрушения хуторов, процесс «коммунизации» и «общинизации» деревни¹¹. Закон 19 февраля 1918 г., объявивший отмену частной собственности на землю, уничтожение нетрудовых форм землевладения, наемного труда и аренды, стремившийся уравнивать крестьянство и коммунизировать деревню путем введения «комитетов бедноты», совхозов, коммун, артелей, был юридическим симптомом этой тенденции. Власть всячески старалась провести эти меры. И это ей в первые годы как будто удавалось. Во многих местах от хуторов перешли к общине. Проявилась и нивелировка крестьянства, что видно из следующих цифр:

	% беспосевных	% хозяйств с посевн. площа- дью в 4 десят.	% от 4 до 8 десят.	% более 8 десят.
в 1916 г.	11,4	59,1	26,6	7,9
в 1919 г.	6,5	74,0	16,4	3,1

Появились и росли сельскохозяйственные коммуны, советские хозяйства и артели.

Сельскохозяйственных коммун было в 1918 г. – 950, в 1919 г. – 2 099, в 1920 г. – 1 732, в 1921 г. – 1 528.

Советских хозяйств в 1918 г. – 3 101, в 1919 г. – 3 500, в 1920 г. – 4 400, в 1921 г. – 4 300.

Артелей было в 1918 г. – 422, в 1919 г. – 1 935, в 1920 г. – 3 865, в 1921 г. – 10 015¹².

¹¹ Сборники «О земле», сб. I и II. Изд. нар. ком. зем., 1922.

¹² О земле, вып. I, с. 25. и сл.

В 1919 г. начался обратный процесс в форме стихийного движения на хутора и отруба, охватившего губернии: Вятскую, Вологодскую, Северодвинскую, Новгородскую, Череповецкую, Петроградскую, Псковскую, Тверскую, Смоленскую, Витебскую, Гомельскую, Брянскую, Орловскую, Калужскую, Московскую, Тульскую, Рязанскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Полтавскую, Харьковскую и отчасти Херсонскую, Донскую, Саратовскую, Самарскую, Ставропольскую и другие¹³.

Движение это было столь могучим, что власть принуждена была контролировать и легализовать его. Такой легализацией и являются законы 30 апреля и 28 мая 1920 г. Сохраняя коммунистическую фразеологию, они объявили, что в целях поднятия производительности сельского хозяйства «пользование землей должно быть устойчивым и бессрочным». Необходимо предоставить населению свободу выбора форм землепользования с тем, чтобы были ограничены переделы и обеспечено развитие производительных сил сельского хозяйства. Необходимо разрешить внутринадельную аренду и наемный труд. Как видно отсюда, эти декреты аннулировали закон 19 февраля 1918 г. и санкционировали фактически индивидуальную собственность на землю («устойчивое и бессрочное пользование»), и хутора («свобода форм землепользования»), и наемный труд, и аренду. Дальнейшее – и фактические процессы, и декреты, и особенно закон 22 мая 1922 г.^{8*} – представляет развитие этих тенденций, в настоящее время приведших в огромной части России к превращению бывшего общинника – в хуторянина-собственника, а коммунистическое законодательство – трансформировавших в повторение земельных законов Столыпина, от которых оно отличается лишь вводной вывеской («сохраняется государственная собственность на землю») – пустой и не играющей никакой роли.

Короче, коммунистическая революция привела в деревне к созданию класса мелких собственников-крестьян и к разливу «мелкобуржуазной стихии».

Таковы «тупики истории».

Этот же процесс виден и на движении числа коммун и советских хозяйств. Из приведенных цифр видно, что с 1920 г. число коммун уменьшается. С 1921 г. ту же тенденцию обнаруживают и советские хозяйства. Растут артели, причем огромное большинство их создано на бывших частновладельческих землях; но артели решительно ничего общего с коммунизмом и коллективным землепользованием не имеют. Чаще всего это те же хутора, группы лиц, поселившихся на бывших частных землях, ведущих совершенно индивидуальные хозяйства и для власти выкинувших вывеску «артели». То же применимо и к коммунам, а тем более к советским хозяйствам, с тем различием от артелей, что в первых было простое «снятие жира», а не серьезное ведение хозяйства (например, в советских хозяйствах использовались только 13,2% всей годной земли, остальная ле-

¹³ См. там же.

жала втуне). Теперь «жир снят», государство больше не дает субсидий, а потому с/х коммуны исчезают, совхозы превращались и превращаются в простые «арендуемые» отдельными лицами имения. Ни о какой «коммунизации» деревни больше говорить не приходится.

Наконец, процесс нивелировки крестьянства с введением НЭПа вновь заменился процессом дифференциации: «деревенская беднота» потеряла всякое значение, сильные элементы деревни вновь взяли власть в свои руки, захватили «Волисполкомы», стали расти и относительно богатств.

Не говоря уже о явлениях крестьянских восстаний, эти объективные факты говорят ясно о полной декоммунизации деревни, о потере коммунизмом всякой почвы среди крестьянства. Нужно ли говорить, что рядом с этим исчезли и коммунисты в деревне. Их теперь там нет, если есть, то лишь единицы, все более и более тающие и чувствующие себя очень скверно среди враждебной стихии. То же произошло и в городе, среди пролетариата: 4-летний опыт насаждения коммунизма, приведший к истреблению пролетариата, закрытию фабрик, к голоду, к болезням, нужде, вымиранию, к диктатуре над пролетариатом, к потере всяких прав и свободы, к усмирениям, к расстрелам рабочих, к их арестам и ссылкам, научил и пролетариат. Все его иллюзии рассеялись. Он понял воочию, что такое представляет «рабоче-крестьянская власть». Ни прав, ни власти, ни сытости.

Поэтому с 1920 г., особенно же с 1921 г., разрыв власти с рабочими стал полным и бесповоротным. Рабочее движение 1921 г. служит конкретным симптомом этого разрыва. Фактическое же уничтожение фабрично-заводских комитетов, учета и контроля рабочих, введение на фабриках режима опеки, худшего, чем у частного капиталиста, плюс полное банкротство коммунизма, разгром России, заигрывание власти с капиталистами, введение аренды промышленных предприятий, устранение рабочих из трестов, наконец, ликвидация «универсальной бесплатности»: бесплатных обедов, квартир, школ, трамваев, одежды и др. выдач – и замена ее «налогоманией» – все это служит объективным свидетельством ликвидации коммунизма в городах и в области промышленности – с одной стороны, с другой – все это оборвало те последние нити, которые еще поддерживали иллюзию, что данная власть есть рабочая власть, что она «своя» и что царство светлого и радостного труда наступает. Результатом этого разрыва был массовый уход рабочих из партии коммунистов. Совершенно неизвестно, почему последняя называется и теперь рабочей партией. С таким же правом ее можно было бы считать партией зулусов, не имеющих в ней. Непролетарский состав коммунистической партии в настоящее время и ее банкротство в глазах русских рабочих видно хотя бы из следующих цифр, опубликованных Всероссийским центральным правлением профсоюзов (т. е. теми же коммунистами). В октябре 1922 г. в союзе металлистов, насчитывающем 576 тыс. членов, коммунистов

было только 3 617, т. е. меньше одного процента (0,6%), в союзе текстильщиков, имеющем 280 000 членов, коммунистов было лишь полтора процента, в союзе деревообделочников (245 000 членов) коммунистов 2%, в союзе рабочих городских предприятий (163 тыс. чл.) коммунистов 2–2,5%; в остальных союзах один коммунист приходится на 500–600 человек. И число их все более и более падает. Если таков процент коммунистов среди рабочих, объединенных в профсоюзы, то легко понять отсюда: 1) насколько рабочие сочувствуют властвующей партии; 2) как велик процент коммунистов среди всего населения.

Словом, партия потеряла всякий кредит среди пролетариата: по составу и политике перестала быть рабочей, а тем более крестьянской партией, какой она в значительной мере была в 1918–1919 гг.; она переродилась в простую клику (по составу и политике) новых бюрократов и правящих – больших и малых – са-трапов. Итогом этого служит то, что коммунизм и власть потеряли всякую опору и в рабочем классе. Таким образом, все коммунистические начала исчезли из социальной жизни (кроме разве разваливающейся государственной промышленности, продолжающей морить рабочего голодом). Коммунизм был... умер, оставив после себя развалины, трупы, смрад и смерть. Его стадия пройдена. Начинается новая.

Естественно, что тот же процесс дегенерации испытала сама власть и партия коммунистов. Их положение теперь поистине трагическое. Раньше у них был определенный живой дух, пусть однобокий, пусть фанатический, пусть ошибочный, но он был. Были великие цели, была вера, были крылья иллюзии, поднимавшие от земли к идеалам, дававшие оправдание войне, убийствам, разгрому, преступлениям. Теперь все позиции коммунизма сданы. Никто из серьезных коммунистов уже не верит, что они создают новое общество. Слепые из слепцов увидели, что ничего, кроме ужаса и разгрома, из их попыток не получилось. Нет больше иллюзии. Нет фанатизма. Нет веры. Нет «живого духа». Нет «оправданий». Пришло горькое похмелье. Осталось только голое «цепляние за власть» во имя голого самосохранения, во имя «животишек» и «крупных окладов». Отсюда – внутренний развал и вырождение как власти, так и партии.

Оно привело, во-первых, к уходу почти половины членов из партии. Число их с 600 000 за полтора года упало до 420 000^{9*}. Во-вторых, в ряде случаев привело к самоубийствам. В-третьих, к потере всякого живого духа в партии и во власти, к росту цинизма, интриг, грызни, взяточничества, пьянства, разврата, к разнообразному «собираению капиталца» и т. д., т. е. к полной моральной и социальной деградации. Пусть аппарат власти и налажен, пусть партия организационно сильна, пусть формальная связь ее членов (объединяемых главным образом привилегиями и общей ненавистью к ним населения) существует, тем не менее, партия коммунистов сейчас является «живым трупом», который пока действует, но может распасться от малейшей причины.

Поистине история временами умеет мстить беспощадно. Судьба, постигшая коммунизм, власть и партию коммунистов, самая тяжелая из всех мыслимых. Если бы они года два тому назад были раздавлены – ореол геройства, спасения человечества, славы и мученичества навсегда остался бы за ними в истории. А теперь? Начать так пышно и кончить... полным банкротством, сожиганием того, чему поклонялись, заживо «сгнуть на корню», разложиться позорно, бесславно сдать все позиции, биологически цепляться за одну власть, за одни «животишки», потерять весь свой ореол и идеалы, во имя этого цеплянья громоздить одну тысячу трупов на другую, стать низким интриганом, мерзавцем, жуликом, простым Хлестаковым от революции и коммунизма, потерять всю любовь трудовых классов и быть ненавидимым со всех сторон и... главное, не дать ничего, кроме смерти и развала всей России, и лгать, лгать без конца, чередуя лганье с убийствами, – что может быть позорнее и бесславнее этого!

И этот позор – будьте уверены – останется в истории. История умеет временами шутить чрезвычайно остроумно. За пять лет «коммунистический двор» прогнил сильнее, чем «императорские дворы» за сотни лет своего существования. «Тайны» первого двора в тысячи раз скандальнее и позорнее вторых.

Короче – коммунизма больше нет в России. Коммунистическая партия и власть потеряли всякую опору в народе, 97–98% населения ненавидят их. Только часть НЭПманов из бывших коммунистов, часть «спецов» и новой бюрократии, наконец, наемные рептилии и 300 000 «отрядов особого назначения» – только эти группы связаны с ними. Но... до первой неудачи. Случись она – и «крысы побегут с корабля». Полный маразм царит и во внутренней жизни партии.

Значит ли это, что власть быстро падет? Это может быть, но не обязательно. Вероятнее, что она еще несколько лет просуществует, но при условии дальнейшей эволюции в сторону капитализма и правового строя. Иначе – она будет сброшена насильственно. Если эта эволюция будет – в конце ее власть ожидает то же падение, но более мягкое. Таковы основные изменения в этой области.

Что касается других политических партий, то все они потеряли сколько-нибудь серьезное значение. Место старых партийных делений занято сейчас новым: делением всего населения на партию коммунистов с прихлебателями и антикоммунистов, т. е. всего остального населения. Это деление отодвинуло на второй план все былые различия. Антикоммунисты созданы стихийно. Они не организованы. Современные условия – террор и сыск – делают сколько-нибудь широкую организацию трудной. Как только минимум надлежащих условий будет, – а он все-таки будет, – организация эта будет выполнена.

Основную роль здесь займет партия, выражающая интересы крестьянства.

§ 6

Духовная жизнь. Статья разрослась. Приходится быть максимально кратким.

Народное просвещение за эти два года решительно деградировало. Вместо «ликвидации безграмотности» получилась «ликвидация грамотности». Разрушена и низшая, и средняя, и высшая школа.

Это признала и сама власть. По заявлению Луначарского на 4-й сессии ЦИК^{10*}, за последние три года число лиц, получивших высшее образование, сократилось на 60%, среднее – на 50%, низшее – на 70%. Фактически дело обстоит еще хуже и с количественной, и особенно с качественной точки зрения. Теперь и власть начинает лить «крокодиловы слезы», но продолжает делать все, чтоб это разрушение довести до конца^{11*}.

Если молодое поколение растет не вполне безграмотным, то только благодаря самодеятельности населения, глубоко осознавшего необходимость знания и просвещения.

Моральное состояние населения продолжает быть чрезвычайно печальным. Морально-правовая деградация за 1921–1922 гг. продолжалась. Но в течение последнего года наметилась и здоровая реакция. Есть основания думать, что возрождение морально-правовое будет «crescendo»^{12*} продолжаться.

За эти годы вполне отчетливо выявился ряд психических изменений, только намечавшихся раньше.

Во-первых, несмотря на рост безграмотности, общее самосознание народа поднялось весьма сильно. В трагической школе жизненного опыта он «экспериментально» научился и понял многое. Существует огромная тяга к знанию техническому и общему. Круг духовных интересов резко расширился. Понимание множества явлений также возросло. На «опыте» народ изучил капитализм и коммунизм, формы государственного устройства, «хартию вольностей», финансы, промышленность, международные отношения и т. д., и т. д. Все это изучено «на своей шкуре». И понятно многое. Одними «хорошими словами» теперь не проведешь мужика. Он смотрит в «корень вещей». Осознана связь своей судьбы с судьбой целого. Психология «мы пензенские» теперь почти невозможна. Волей-неволей приходится народу самому теперь думать и «государеву думу», размышлять о делах государства, общества и т. д. Наряду с этими новыми чертами изменились массовая психология и идеология по существу. Основные черты этой деформации следующие:

1. Отрицательное отношение к коммунизму, социализму и ко всему, что с ними связано.
2. Положительное отношение к частной собственности, к собственнику, капиталисту и «буржую».

3. Серьезный подъем религиозности, привязанности к церкви, в частности к православной.

Произошло оздоровление духовенства и приходов. Преследование и расстрелы верующих и пастырей еще сильнее укрепили эти явления. Так называемая живая церковь и религиозное возрождение^{13*} – эти «красные попы» и рептилии власти, как и все другие сменовеховские рептилии, вызывают одно презрение.

4. Резкий рост национального чувства, и обратно – полное дискредитирование всякого интернационализма. Национальное чувство бьет сейчас из всех пор русской жизни. Эту огромную, глубоко органическую любовь к своей родине, народу, государству, к быту, к своим ценностям вы чувствуете в каждом разговоре, в публичном заседании, в театре, на концерте, в аудитории, в войске, в прибаутке, в мимолетном замечании – всюду: это стихия, захватившая даже часть коммунистов.

Она дает себя знать в ненависти к интернационализму, в недружелюбном отношении к хищникам-иностранцам, в горькой обиде против бывших союзников, покинувших Россию и помогающих ее разгрому, и, наконец, в огромном антисемитизме, разлившемся по всей России сверху донизу, охватившем все слои без исключения, вплоть до русских-коммунистов.

5. Глубокое сознание необходимости надеяться только на себя и рост веры в то, что возрождение России и русского народа наступит.

Таковы вкратце «завоевания Октябрьской революции» за пять лет ее существования. О, если бы не было ни этой революции, ни ее завоеваний!

<Рец. на кн.:>

**CH.A. ELLWOOD. THE RECONSTRUCTION
OF RELIGION**

New-York, Macmillan. 1922, XV+323.

**M. SPENCER. THE SOCIAL FUNCTION
OF THE CHURCH**

London, Student christ. movement. 1921, 256.

**В. РАУТЕНБУШ. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ
ИСУСА ХРИСТА**

Изд. УМСА, 232.

Р.Ю. ВИППЕР. СУДЬБА РЕЛИГИИ

Изд. Гржебина, 1921

«Величайшая и настоятельнейшая мировая задача нашего времени – религия. Конечно, я разумею религию настоящую и правильную. Религий разного сорта много, но настоящей религии не хватает», – эти слова G. Lowes Dickinson являются сейчас типичными для огромного числа представителей социальных наук. То же иными словами говорят Branford и Geddes, Frederick Harrison и Kidd, Patrick и Conklin и ряд других крупных социологов и мыслителей чисто «позитивного», а не мистического направления. Та же мысль о необходимости религии для выхода из тех социальных тупиков, в которых сейчас задыхается человечество, является лейтмотивом рецензируемой книги проф. Ch. A. Ellwood’a – крупнейшего и талантливейшего американского социолога.

Серьезное и внимательное изучение за последние десятилетия сущности религии и ее социальной роли показало, что «религия» не есть просто «суеверие», которым «попы и буржуи морочат головы народных масс, чтобы легче эксплуатировать их», как утверждают «ура-атеисты», а религия является социальным институтом, необходимым для любого здорового общества. Ее главная роль заключается (как особенно четко показали Фюстель де Куланж, Дюркгейм, Бугле, Кидд и др.) в создании и развитии человеческой солидарности, в при-

вивке членам общества социально здоровых форм поведения и в торможении актов социально вредных, узко хищных и звериных. В своей прекрасной книге Ch. Ellwood талантливо и основательно доказывает ту же мысль.

В первой главе он показывает, что сейчас человечество находится в периоде величайшей религиозной революции, вызванной, в частности, конфликтом современных религиозных верований с наукой и современными требованиями социальной жизни. Упадок догматической религиозности – факт; следствием его (и других причин) служит растущий распад социальной жизни, рост конфликтов, войн, борьбы и всевозможных социальных бедствий. Такими же были следствия упадка религиозности и в прошедшие времена.

Во второй главе автор очерчивает основную социальную роль религии и сущность последней. Эта глава особенно хороша. Частичным выводом из нее является положение: если упадок религиозности не заменится ее подъемом, человечество ждет ужасы, в сотни раз превосходящие ужасы последней войны и несущие гибельную смерть и другие бедствия.

Отсюда следует, что главнейшей задачей данного момента служит создание религии, которая была бы верховным руководителем поведения людей. Для этой цели необходимо согласование религии с наукой, с демократией и с требованиями современной социальной жизни. Нужны не мистицизм, не культ, не теологическая догма, ибо все это изменчиво и к сущности религии отношения не имеет, а глубокое, моральное синтетически-верховное мировоззрение, которое, опираясь на всю полноту человеческого опыта, могло бы руководить поведением людей, делало бы их максимально социальными и моральными.

В третьей главе он показывает, что такой религией служит религия Иисуса, очищенная от позднейших догматических наслоений христианства. Религия Иисуса не противоречит ни научным данным (напротив, они вполне подтверждают правильность его заповедей), ни демократии, ибо она архи-демократична, ни прогрессу, ибо за забвение заповедей Иисуса любое общество платится страданиями, либо гибелью. В дальнейших главах проф. Элвуд ярко вскрывает «полуязыческий характер современной цивилизации, не только не переросший, но далеко не достигший уровня религии Иисуса», талантливо отмечает симптомы начинающегося упадка нашей цивилизации (разложение семьи, материализм, рост войн, классовый борьбы, «нищестанства», упадок морали, эксплуатацию и т. д.) и заключает: «Если настоящая религиозность в смысле религии Иисуса не будет расти, в ближайших же войнах с их танками-кораблями человечество погубит себя и задохнется от злобы, борьбы, ненависти, страха, зависти и материализма, которые будут прогрессировать с дальнейшим упадком религиозности».

В последующем он дает абрис основных черт настоящей «социальной религии» (близкой к религии Л.Н. Толстого), очерчивает роль религии в семейной

жизни и значение последней, взаимные отношения религии и экономической жизни, религии и политики, религии и удовольствий и, наконец, социальную роль церкви.

Таково весьма краткое содержание книги проф. *Элвуда*. Написанная мастерски, с глубоким проникновением, с огромной эрудицией, с живым желанием указать человечеству опасности, его окружающие, и выходы из этих тупиков, полная блестящего анализа множества попутно затрагиваемых проблем, она в высшей степени ценна и теоретически, и практически. Было бы очень желательно ее издание на русском языке. Для русских она, пожалуй, нужна сейчас более, чем для американцев.

В том же потоке мыслей стоит и книга *М. Спенсера*. Ее содержание, однако, значительно уже, и в нем, в отличие от Элвуда, больше чувствуется проповедник, чем исследователь.

В первых главах он резко характеризует тени и язвы современной цивилизации, ее тупики и, в частности, недостатки современной церкви, ее уклонение от заповедей Иисуса, ее неактивность, оторванность от жизни и т. д. В дальнейших главах он анализирует причины упадка церкви и ее влияния, причины забвения ею и обществом заветов Иисуса (трактуемых им в духе, близком к Толстому) и указывает, чем должна быть современная христианская церковь, как она должна быть реформирована, чтобы стать великим моральным руководителем человечества, реальной силой, очищающей и оздоравливающей общественную жизнь, и почему, наконец, без такого оздоровления церкви и подъема морально-религиозного современные бедствия не могут быть ни изжиты, ни уменьшены.

Книга проф. *Раутенбуша* носит чисто проповеднический характер, разъясняющий принципы учения Христа. Как научное исследование она не интересна.

Иной совершенно характер носит книжка проф. *Виппера*. Она представляет попытку характеристики основных стадий развития религии. По теории автора, можно различать четыре основные стадии религиозной эволюции: 1) век магии (период безличной религии, где боги не отделены от мира); 2) период стройной религии – организованной (с богами, с кодексом предписаний и т. д.); 3) стадию религиозной эволюции, ведущей к низвержению предыдущей стройной религии и 4) стадию религиозной реставрации, всегда сменяющей революционный период. Эти две последние стадии всегда повторялись и постоянно повторяются в истории обществ. Попутно с характеристикой каждой стадии проф. Виппер резкими мазками очерчивает и соответствующее каждой стадии общество.

Во всей конструкции автора есть, с моей точки зрения, одна правильная мысль – это мысль о повторениях и чередовании стадий революционной и реставрационной. Такое чередование действительно дано. Оно много раз указывалось (Вико, Сен-Симон, Вебер и др.). Вся же классификация Виппера, взятая как

генетически-эволюционная схема, решительно неудачна и неверна (я лично все такие схемы, как и все «эволюционные законы», считаю совершенно неверными и логически невозможными). Во-первых, его понятие магии очень произвольно. В наиболее примитивных обществах, как показали Фразер, Дюркгейм, Huber и Mauss и др., «магия» существует рядом с «религией», отличаясь от нее тем, что одна индивидуальна, вторая социальна. В этой же стадии проф. Виппер смешал в одно и тотемизм как явление «безличной» религии, и «анимизм», и фетишизм, и т. д. Столь же произвольна и далека от действительности и вторая стадия в характеристике автора. Вдобавок обе эти стадии как-то не вяжутся с теорией «повторений», развиваемой проф. Виппером. Неужели же повторения могут быть в поздние времена и их не было в древности?

С моей точки зрения, работа очень бы выиграла, если бы автор посвятил свою работу проблеме «повторений» в религиозной области. Эта часть книжки гораздо ценнее, менее спорна и включает ряд ценных и интересных замечаний. Первая часть неудачна.

<Рец. на кн.:>

ФРАНЧЕСКО НИТТИ. ЕВРОПА БЕЗ МИРА

Изд-во «Волга». 1922 г. 234 стр.

Д. ДАЛИН. ПОСЛЕ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИИ

Изд-во «Грани». 1922 г. 287 стр.

После известной книги Кейнса книга Нитти является одной из самых талантливых и интересных работ, посвященных критике Версальского мира^{1*} и характеристике положения, создавшегося в итоге последнего. Быть может, назначение Нобелевской премии за такую работу и не вполне оправдывается, но, с другой стороны, оно говорит о значительной ценности рецензируемой книги.

«Европа без мира» – такова основная оценка автором Версальского трактата и его последствий. В итоге войны и мира Европа из кредитора стала должником, население ее деградировало, работоспособность пала, побежденным навязан мир, представляющий продолжение войны, они причислены к народам с низшей культурой, лишены армии в то время как победители вооружены до зубов. Европа «балканизирована», от этого ее экономическая деградация растет еще больше, условия победителей представляют отрицание 14 пунктов Вильсона^{2*} и их собственных лозунгов, растет и неизбежен разлад между самими победителями в созданных государствах, подобных Польше^{3*}, искусственно развивается милитаризм, моральный уровень Европы падает, победители, разрушая Германию, разрушают себя самих, и все это, вместе взятое, готовит новые, еще более ужасные войны – таковы основные критические пункты Ф. Нитти. В шести главах своей книги бывший премьер-министр Италии подробно доказывает каждое из этих обвинений, анализируя мирные договоры, историю их создания и заключения, положение победителей и побежденных, величину репараций и невозможность их уплаты и т. д. Попутно он, как лицо, близкое к делу, публикует интересные детали, диалоги и те основные принципы, согласно которым должны быть изменены мирные договоры и международные отношения.

Теперь нет надобности доказывать, что как Кейнс, так и Нитти во многом вполне правы. Исполнились многие опасности, о которых они предупреждали и предупреждают.

Но рядом с этим нельзя не указать и некоторой однобокости и частичных ошибочных суждений автора. Однобокость книги заключается в том, что современные недостатки и бедствия Европы он склонен относить исключительно за счет неудачного Версальского и последующих мирных трактатов. Едва ли, однако, не будет более правильным видеть основной источник «кризисов» наших лет в объективно безотрадном состоянии Европы, получившемся в итоге войны и революций. Оно таково и так полно «тупиками», «конфликтами» и «распадами», что делало и теперь еще делает невозможным какой-либо мирный трактат, удовлетворяющий все страны и исцеляющий все «болезни». Версальский договор и последующие лишь частично усилили эти «болезни», но не создали их. Будь на их месте договоры иные, согласные с рецептами Нитти, они, в свою очередь, вызвали бы новые «тупики», и если не были бы добавочным элементом разложения, то едва ли бы привели и к быстрому врачеванию ран, нанесенных войной и революциями. Эти раны не из тех, которые быстро исцеляются административными циркулярами и трактатами дипломатов. Только длительный мир может залечить их. В продолжение его все неудачные трактаты будут улучшены, попытки чего мы и видим уже сейчас. Такова главная однобокость книги.

Из деталей отмечу одну, для нас, русских, любопытную: «Без падения России, – пишет автор, – победа (союзников) была бы несчастьем для цивилизации и привела бы к русскому господству в Средиземном море... Величайшим счастьем Европы было то, что победа была достигнута без участия России» (29 стр.) Не правда-ли, объективно «верно», гуманно, лестно для нас? А таких «объективных», «гуманных» и «мудрых» суждений немало в книге Нитти. Это значит: «На всякого мудреца довольно простоты», и у многих гуманизм временами выливается... в нечто довольно странное...

Книга *Далина* любопытна во многих отношениях. Она разделяется на три части: «Россия», «Европа и революция», «Цели и задачи». В первой части автор вскрывает объективный смысл русской революции как революции буржуазной. Подводя итоги четырехлетней деятельности коммунистической власти, он говорит: 1) в области внешней и военной политики и в смысле защиты интересов России она «имела большие, подчас блестящие успехи»; 2) в области внутренней политики успехов мало; 3) в экономической – сплошная неудача (13 стр.). Причину таких итогов он видит в решающей роли крестьянства. Последующие параграфы этой части развивают эти положения и дают особенно детальное описание экономики большевизма.

В общем и целом картина, набрасываемая здесь автором, верна. Но ряд отдельных его положений более чем спорен.

Главным из них является тезис о «блестящих успехах» коммунизма в деле военном и в деле защиты национальных интересов России. Разве не бесспорный факт, что большевизм не одержал ни одной победы над армиями нерус-

ских стран, разве он победил войска даже таких маленьких стран, как Латвия и Эстония, не говоря уже о Японии и Польше? Раздел России, отторжение от нее окраин, громадные территории, уступленные Польше, громадные контрибуции, выплаченные Эстонии и Польше, принесение в жертву национальных интересов России всему и вся, вплоть до Кемаль-Паши, Афганистана и Персии, неудача коммунистической власти в Генуе, Гааге, Лозанне и т. д. – все это говорит бесспорно о полной неудаче большевизма и в этой области.

Анализируя создавшееся положение, Д. Далин трезво смотрит на него и, в отличие от многих своих товарищей социал-демократов, социалистов и просто демократов, не проявляет никакой «романтики» в прогнозах. По его мнению, коммунизм обречен и возврат к нему будет невозможным. Советы исчезнут. Крестьянство создаст новую твердую власть. Грядущий режим будет скромно-демократическим или близким к деспотизму. Установится ли республика или монархия – неизвестно. Если будут новые войны – будет новый абсолютизм.

Близка к действительности и его характеристика современных социальных слоев, измененных революцией. Крестьянина она превратила в настоящего деревенского буржуа, собственника и этим обрекла на гибель коммунизм, она создала новую хищную буржуазию, «обмещанила» в европейском смысле интеллигенцию, «обмещанила» рабочий класс и уничтожила дворянское сословие. И здесь характеристики г. Далина очень трезвы и адекватны.

Наиболее интересной и любопытной частью книги является вторая часть – «Европа и революция». В этой части социалистический ревизионизм автора идет весьма далеко, пожалуй, даже дальше ревизионизма социалистов «Зари» и «Современных Записок»^{4*}. По его мнению, теория социализма во главе с самим Марксом в лице Энгельса, Лассалья, Бебеля и Каутского в вопросах социальной революции и возможности социализма шла все время «от науки к утопии» (176 и сл.). Все они ошибались насчет скорой смерти капитализма. Он жив, живет и долго еще будет жить, ибо нет еще налицо... ни объективных, ни субъективных условий возможности социализма. Только тогда, когда фактически исподволь производство будет «обобществлено», что делается очень медленно и возможно лишь в некоторых областях производства, только тогда возможно будет говорить о социализме. Пока же лишь небольшой процент предприятий коллективизирован. Субъективные же условия возможности социализма сейчас ничтожны: против него значительная часть рабочих, все крестьянство, буржуазия, городские служащие и интеллигенция. Поэтому говорить о скором наступлении социализма наивно и нелепо. Но автор все же думает, что Европа идет к социализму, ибо «общественная собственность растет за счет частной собственности». Я думаю, что в этом пункте реализм изменил автору. Единственным доводом его в пользу этого положения служит факт роста процента рабочих Германии, занятых в общественных предприятиях, с 1,8% всех рабочих в 1895 г.

до 4% в 1907 г. Такое доказательство более чем спорно. Строить на нем тенденцию движения к социализму скороспешно. Почему? Потому что % лиц, занятых в общественно-государственных учреждениях, за годы войны возрос; теперь, с окончанием войны, он пал; С[еверо-] А[мериканские] С[оединенные] Штаты «национализировали» было железные дороги; теперь, в силу невыгодности национализации, им пришлось денационализировать их. И в прошлом объем экономической деятельности государства не раз расширялся до максимума, почти вытесняя всю частно-хозяйственную деятельность (Древний Египет, Китай XI в. по Р. Х., Рим III–V вв., Византия, Россия Петра I, Пруссия Фридриха II, Австрия Иосифа II, Франция Наполеона I, государство Инков, государство иезуитов, Персия при Кобаде, Чехия таборитов и т. д.) и сходству с РСФСР 1918–1920 гг. И что же? Разве мешало это расширение в дальнейшем замене его сужением в пользу «частной собственности»? Таких чередований в истории было более чем достаточно. Поэтому выводить из роста 1,8% общественных рабочих до 4%, неизбежную тенденцию – легкомысленно. Весь вопрос в том, дает ли фактически «обобщественное производство» плюсы в сравнении с «частным производством», более ли оно продуктивно, выгодно и является ли более творческим? Если так поставить вопрос, то придется ответить, что в огромном большинстве случаев перевес будет на стороне «частнокапиталистического хозяйства», а не на стороне «огосударственной экономической системы» с ее руководителем – «чиновником». Многочисленные опыты такого рода, бывшие в истории, говорят, что очень быстро такие общества нищали и гибли; если же и жили долго, то только путем военного грабежа других стран (Рим) или беспощадной эксплуатации низов кучкой «правителей».

Г-н Д. Далин пошел далеко в ревизионизме, но все же остановился на полдороге. *Ревизионизму должен быть подвергнут сам принцип практического социализма, целесообразность и большее совершенство самой конструкции «обобщественного, фактически огосударственного хозяйства».* Дает ли он, как общее правило, большую продуктивность производства, улучшение положения рабочих и т. д.?

Я склонен ответить на это отрицательно, за исключением некоторых отраслей производства.

В книге Д. Далина затрагивается немало и других важных проблем. И здесь, по сравнению со многими социалистами, он обнаруживает большую трезвость, глубокий ревизионизм, но... останавливается на полдороге.

В общем и целом книга интересна. В ней чувствуется серьезно думающий человек, освобождающийся от многих нелепостей марксизма, а не повторяющий избитые и проеденные догмы традиционно-социалистического «катехизиса».

ИДЕОЛОГИЯ АГРАРИЗМА

Интерес человечества к земле так же стар, как и само человечество. Поэтому и история человечества так проникнута вопросами отношения к земле, ее обработки и использования.

Земледелие в основе своей национально, потому что нацию как таковую создают земледельцы, работающие над землей, составляющей важнейший элемент понятия государства – *территорию*. Без территории негде было бы жить народу и он не смог бы организовать власть.

Но при всей своей глубокой национальности земледельческий класс чувствует связи, спаивающие земледельцев одной страны с земледельцами другой. Их связывает общность работы над землей, общность отношения к земле, общие вопросы владения землей. Это чувство присуще земледельцам исконно, но разбросанность земледельческого населения, трудность его организации не давали ему возможность выявить свои пожелания в такой степени, в таких размерах, как это гораздо раньше сделали другие классы.

Только в последнее время крупными шагами продвинулась организация земледельческого класса, вылившаяся в рамках отдельных государств в национальные земледельческие партии, отражающие и приводящие в исполнение требования земледельческого класса.

Земледельческие партии отдельных государств, естественно, чувствуют стремление к поддержанию связи в международном масштабе. Необходимость такой связи особенно чувствуется в государствах, где политическая земледельческая жизнь достигла высоких ступеней развития, как в Чехословакии, например, где возникла и осуществляется идея международного сближения земледельческих группировок и в первую очередь – земледельцев славянских земледельческих государств.

В Праге органом, служащим идее международного аграризма, является особая организация – Международное аграрное бюро, во главе которого стоит вождь чехословацкого земледельческого движения, премьер-министр А. Швегла и инженер Г. Фидлер (секретарь).

Первой задачей Международного аграрного бюро является объединение славянских земледельческих группировок для работы во имя идеи аграризма в международных масштабах.

П. А. СОРОКИНЪ

Идеологія аграризма

ПРАГА

1 9 2 4

При Бюро уже организованы отделы: русский, югославский, болгарский – и налажена связь с польскими земледельческими группами. Во главе русского отдела стоит И.В. Емельянов, являющийся в то же время председателем самой крупной за границей русской земледельческой группировки «Русский Земледелец».

В задачу Бюро входит взаимное осведомление земледельческих партий и группировок о новостях земледельческой жизни, о состоянии земледельцев в различных странах, политической работе земледельцев. С этой целью Международное аграрное бюро издает ежемесячно Особый бюллетень на всех славянских языках с параллельным французским текстом. Кроме того, Бюро поддерживает письменную связь с центрами земледельческого движения за границей.

В порядке развития работы Международное аграрное бюро выдвигает проект Международного аграрного научного института, земледельческой информационной службы и ряда других предприятий, содействующих связи между земледельческими организациями и укреплению идеи аграризма в земледельческой массе.

Русская секция Международного аграрного бюро ведет, кроме того, свою работу по разработке вопросов русского земледельческого движения и прочных основ его организации, так как до настоящего времени в России не существовало здоровой земледельческой организации, объединяющей большинство земледельческого населения и выражающей действительные стремления и желания земледельческого класса, то есть такой организации, которая являлась бы истинной представительницей русских земледельцев.

Идеология аграризма

1

Город и деревня! Это два мира, то враждебных, то солидарных, но всегда резко отличных друг от друга.

Начнем с различий *биологических*.

Коренные жители деревни и города далеко не все равноценны с биологической точки зрения. Как общее правило, *не город, а деревня является национальным резервуаром здоровья*. Несмотря на то, что в городах тратится гораздо больше средств на гигиенические, санитарные и медицинские мероприятия, чем в деревнях, ряд поколений, живших в городах, уступает по жизнеспособности коренным жителям деревни. Огромная плотность населения в городах, множество фабрик и заводов, работа и пребывание их жителей в закрытых помещениях, преобладание умственной работы над мускульной, исключительная сложность

городской жизни и т. д. – все это быстро «изнашивает» городского человека и на протяжении ряда поколений вырождает его биологически.

Какие факты подтверждают это предположение? Многие. Во-первых, обычное наблюдение каждого из нас. Человек физически сильный, «пышущий здоровьем, румяный» и т. д. ассоциируется у нас не с «горожанином», а с «деревенщиной». И наоборот: бледное, утомленное лицо, нервное, болезненное, отмеченное печатью туберкулеза и истощения, недоразвитостью и слабосильностью или, напротив, печатью нездорового ожирения и болезненной тучности, – не есть ли это лицо и фигура горожанина? Есть, конечно, исключения, подчас весьма значительные, но мы говорим об общей норме, а не об исключениях.

О том же говорит и *статистика профессиональной заболеваемости и смертности*. Профессия земледельцев занимает в этом отношении одно из лучших мест¹. Профессия индустриальных рабочих и ряда других городских профессий – одно из худших.

Вырождение города теперь скрадывается еще фактом громадного и постоянного «освежения» городского населения деревенским. Крупные города непрерывно «высасывают» из села наиболее здоровые, наиболее трудоспособные, наиболее энергичные элементы населения. Первые растут и живут главным образом за счет последних, а не за свой собственный. Без такого «высасывания» крупные города едва могли бы поддерживать свое биологическое равновесие. С другой стороны, *не будь этого отлива из деревень наиболее здоровых и трудоспособных элементов их населения, биологический «паспорт» последних был бы еще лучше*. Иллюстрирую сказанное несколькими данными.

Из всех лиц, ушедших на *отхожие* промыслы из Ярославской губернии в 1893 г., 72,2% ушло в столицы. В Москве, по переписи 1871 г., 43% населения состояло из пришлых крестьян, по переписи 1882 г., они составляли 49,2%. В Петербурге, по переписи 1869 г., крестьяне, т. е. пришлецы из деревень, составляли 33,9% всего населения, по переписи 1897 г. – 59%. Прирост населения Петербурга за 6 лет, равный 178 000, был вызван притоком 150 000 извне, из которых

¹ Вот один из многочисленных примеров.

На одно и то же количество лиц разных профессий в возрасте от 25 до 65 лет приходилось в Англии в 1900–1902 гг. число смертей в силу следующих болезней:

	у земледельцев	строит. рабочих	коммивояж.	мясников	врачей
Воспаление почек	14	39	41	46	44
Болезней печени	8	21	60	60	54
Болезней пищеварения	20	24	28	29	46
Диабета	6	7	15	20	24
Ревматизма	–	3	4	5	3
Итого:	48	94	148	160	171
Принимая показатель земледельцев, равный 100	100	196	308	333	356
Болезней нервной системы	54	94	125	133	132

85% составляли крестьяне, т. е. «деревенщина». Из этих примеров, являющихся типичными для огромного большинства стран, ясна указанная «высасывающая» роль городов, как ясно и то, что бурный рост их населения за XIX и XX столетия произошел не за счет размножения коренных горожан, а за счет населения сел и деревень, непрерывно приливающего в города, и тем интенсивнее, чем больше город.

Этот факт подтверждается и рядом других данных, которые, в свою очередь, характеризуют дальнейшее различие биологических процессов среди городского и сельского населения.

Во-первых, *рождаемость городов, как общее правило, значительно ниже рождаемости сельского населения.* В Германии, например, на 1 000 жителей в 1900 г. приходилось рождений: в городах – 34,8%, в селах – 39,5%. На 1 000 замужних женщин до 50 лет в 1898–1902 гг. в городах 240 рождений, в селах 287. То же и в других странах. То же и в России. Например, в пятилетие 1907–1911 гг. естественный прирост населения в селах равнялся 17,6 на 1 000 населения, в городах – 10,2. Этот факт снова говорит о том, что основным местом «производства людей» является деревня, а не город. При этом чем больше последний, тем рождаемость его ниже. При этом в городах % мертворожденных гораздо выше, чем в деревнях. Например, во Франции в города на новорождения приходилось в 1901–1904 гг. 53 мертворождения, в деревнях – лишь 39.

То же в значительной мере относится и к *брачности.* Она обычно в городах ниже, чем в деревнях. Например, в России в XIX в. брачность колебалась между 8 и 10 на 1 000 населения, в 1910 г. она равнялась 8,2, в 1911 г. – 8,7; в Москве в 1910 г. она равнялась лишь 5,8; в Петрограде в 1910 г. – 5,9, в 1911 г. – 6,3, вообще была ниже, чем в сельской России. Это же явление наблюдается и в других странах.

Все эти факты говорят о том, что *биологически город – «потребитель» населения, а не его «производитель».* Он «тратит» здоровье, а не копит его.

Учитывая целый ряд подобных данных, Аммон набросал целую картину и дал некоторые детали этой «биологической эксплуатации» деревни городом. По его мнению и подсчетам, население города на протяжении нескольких поколений вымерло бы, если бы не было этого притока «деревенщины». Приток – спасает. Он заполняет ту «пустоту», которая образуется непрерывным вымиранием «горожан», имеющих за собой несколько поколений предков, живших в городе. Место отмирающих заполняется все новыми и новыми пришельцами из деревень. В первом поколении они вливаются главным образом в низшие слои городского населения; дети их уже в значительной мере входят в средние и высшие слои города, занимая «пустующие места» вымерших «горожан»; внуки их поднимаются еще выше. Но по мере этого подъема потомки «деревенщины» урбанизируются, урбанизируясь, в свою очередь, слабнут, начинают сами вымирать, как и их предшественники, и оставляют «пустые» места, заполняемые новыми приливами деревенского населения, и т. д.

Таков «круговорот» явлений в жизни городского населения и роль деревни в поддержании его биологического баланса.

Из сказанного, полагаю, ясна биологическая роль деревни в судьбах любой страны, ее различие и преимущество перед городом в этом отношении.

Отсюда понятно *потенциальное преимущество «агрокультурных» стран, подобных России, перед сильно индустриализированными народами.*

Факт прекращения прилива деревенской крови может грозить «захирением» чересчур урбанизированному населению. Опасность вырождения деревенским странам грозит меньше.

При 86% сельского населения мы можем позволить себе роскошь урбанизироваться. Опасности, связанные с гиперурбанизацией, от нас лежат еще очень далеко. А потому потенциально «социальные организмы», подобные населению России, имеют больше шансов на выживание в будущем, чем в странах с чересчур развитой городской жизнью.

3

Среда, окружающая человека в деревне и в городе, совершенно разнородна. А потому не может не быть различным и поведение – акты, поступки и психические переживания – коренного горожанина и сельского жителя, в частности, земледельца.

Горожанин живет главным образом на «лоне культуры», земледелец – на «лоне природы». Первый находится в среде «искусственной», второй – «естественной». Железо, бетон и камни, пар и электричество, огромная скученность населения, магазины, кафе, газеты, телефон, фабрики, машины, беспрерывно движущийся поток трамваев, автомобилей и поездов, сумасшедшая толкотня и суэта на улицах – такова среда горожанина. Весь мир он воспринимает сквозь призму «культуры», сам он, так сказать, весь обернут газетами и «пеленками цивилизации» и только изредка подвергается прямому воздействию «природы». Не естественный ветер обдувает его, а струя вентиляционного воздуха, настоящее солнце ему заменяет электрическая люстра, почву – мостовая, реку – сжатый в железо и бетон, испачканный нефтью канал, лес и деревья – подстриженный, напудренно-выхолощенный сквер, чудеса и жизнь природы он видит лишь в «кино», жизнь животных – в зоологическом саду. Сам он весь «стилизован и окультурен», начиная со вставных зубов, пудры, корсета и кончая... нефтью, машинным маслом и копотью угля...

Совершенно противоположна среда деревни... Здесь слои «пеленок» культуры или цивилизации тоньше, только частично, в виде «заплат» они окутывают человека и отделяют его от «лона природы». И потому различен в корне

характер «реакций» селянина от горожанина, потому же различны содержание и темы их психической жизни. Отметим некоторые из этих отличий. Во-первых, безумная сложность и изменчивость городской среды *требует от горожанина быстроты и гибкости реакций, сложности и быстроты изменчивости его поведения...* «Не зевай» на улице, иначе будешь раздавлен толпой, автомобилем и трамваем. «Не зевай», стоя у машины, иначе останешься без пальца или головы. «Не зевай» всюду, иначе будешь прогнан со службы и останешься без куска хлеба. Ежеминутно и ежечасно тысячи раздражителей (газеты, телефон, почта, начальник, подчиненные, просители, электрические эффекты, витрины магазинов, непрерывная толпа на улице, шум, гам, крики, рекламы и т. д.) воздействуют здесь на индивида и требуют от него быстрых, гибких и сложнейших реакций – ответных, «приспособительных» актов. Иначе – смерть. Отсюда – исключительная быстрота, суетливость, рассчитанность («время – деньги», «все по часам») и гибкость поведения горожанина.

Совсем иной является обстановка деревенского жителя. Его строй и ритм жизни бесконечно проще. Он приспособлен лишь к медленному ритму природы (день – ночь, весна – лето – осень – зима), здесь тишина основательная, медленность и сильное упорство движений (волов и лошадей, пахоты, посева и т. д.); здесь «чересчур поспешишь – людей насмешишь», на улице не грозит опасность быть задавленным, газеты редки, книги также, нет огромной толчеи и давки; нужны лишь сила, упорство и основательность в выполнении ряда основных работ.

Отсюда понятно, почему поведение горожан несравнимо суетливее, быстрее и гибче, чем «степенные» движения «деревенского увальня».

В связи с этим стоит и другая черта различия. *Объем «опыта», умственного «кругозора» горожанина шире, чем «деревенщины». Но он несравненно менее устойчив и гораздо более поверхностен, дилетантичен, чем объем опыта последнего.* Горожанин «знает все»: его газеты ему сообщают о событиях всего земного шара, его кинематографы показывают ему тысячи перипетий человеческой жизни, его музеи и театры, выставки и магазины знакомят его с многообразнейшими чудесами и явлениями, из читаемых книг он узнает многое, наконец, из лекций и митингов, из разговоров и встреч он черпает самые разнообразные сведения.

Но вместе с тем все это он знает поверхностно, и потому огромная часть его опыта, его убеждений, его вкусов и оценок неустойчива, непостоянна и изменчива. Все эти сведения схвачены им *не в подлинном жизненном опыте, не в реагировании на самые эти раздражители, а косвенно, только с бледных теней этих подлинных раздражителей:* через посредство книг, кино, рассказов, театров, с чужих слов. Посему его «опыт» в огромной части – «псевдоопыт», его знания – «псевдознания».

Так как при таком «косвенном» знакомстве с явлениями возможны и даже неизбежны искажения последних (мало ли вздора пишется в книгах, газетах, по-

казывается в кино, говорится на митингах и т. д. – вздора, часто рисующего вещи совершенно неверно), но нередко эти дилетантские «знания» являются сугубой формой невежества, гораздо более вредного, чем простое незнание.

Резким примером его могут служить многие из интеллектуалов с их «книжными» псевдознаниями, с их отрешенностью от жизни, которые уверенно предлагают «спасительные» рецепты, фактически ведущие часто к гибели (русские большевики – пример). Мудрено ли поэтому, что при таком дилетантизме этот «псевдоопыт» неустойчив. Сегодня, согласно сообщению газеты, горожанин думает так, завтра (после прочтения «опровержения» или «критики») – иначе. Сегодня у него в фаворе одни, завтра – другие. «Сенсация» – одна душа города. «Мода» – другая. *Парадоксализм и экстравагантность* – третья. *Неуравновешенность* – четвертая. Это иные названия для этой неустойчивости и изменчивости содержания сознания горожанина. «Мода» присутствует здесь всюду. «Мода» на костюмы, на пьесы, на поэтов, на танцы, на стили, на идеологии, на верования, на вкусы. И даже не просто «мода», а «последний крик моды». Одна волна «моды» на все меняет другую, чтобы немедленно уступить место новой.

Совершенно иными являются «опыт» и содержание «сознания» селянина-земледельца. Мир его «опыта» сравнительно узок, «содержание сознания» ограничено. Он не знает о смене министерств в других странах, ни того, что там делается, ни «новых течений» в поэзии и искусстве, ни новых танцев, ни новых фасонов платья и т. д. Его умственный багаж ничуть не похож на «склад разнообразных и случайных вещей», каковыми наполнена голова горожанина. Но *зато то, что он знает, он знает прочно и основательно. Его опыт – прямой. И этот прямой опыт у него шире, чем прямой опыт у горожанина.* Первому приходится иметь дело не с книжным миром, а с «вещами», не с «теньями явлений», а с самими явлениями. С действительными животными, с действительными растениями, с действительной землей, с действительной сменой явлений в жизни природы. «Книжный», «опосредованный опыт» в его опыте, реальном, практическом, играет небольшую и всегда второстепенную роль. Он всему учится буквально «своим организмом», своими руками, ногами и телом, а не по «книжкам», не по «картинкам», не одними глазами. Благодаря всему этому он несравненно лучший натуралист, чем горожанин. Его познания в этой области часто таковы, что им может позавидовать специалист-ученый. В силу той же «непосредственности опыта» он у него оседает прочно, ибо он верен. Он не требует быстрых поправок и изменений. Поэтому он *не подвержен быстрым колебаниям и быстрым изменениям. Вот почему земледelec-селянин неизбежно консервативен*, не в специфически политическом смысле «реакционности», а в смысле большего постоянства его привычек, рефлексов, взглядов, вкусов, убеждений. Они меняются у него несравнимо медленнее, чем у горожанина. Вместо «моды» здесь царит «традиция», вместо «последней сенсации» – «заветы дедов и прадедов»,

следование тому, что было «испокон века», смотрение не вперед, а назад. «Сенсация» здесь не в почете. Крайность и крикливость – также. Спокойная уравновешенность и царство здравого рассудка, напротив, находят хорошую почву.

Отсюда понятно, как будет указано ниже, *почему город – особенно большой город – был всегда очагом новаторства, изменений, социальных волнений, проводником «моды», словом, бродильным ферментом в жизни всей страны.* Деревня, напротив, кроме исключительной комбинации условий, была и остается «оплотом порядка», консервативности, носителем и хранителем «национальных черт», «традиций», шире – *всей истории страны, пока она не урбанизирована.* Отделите от страны ее большие города, предоставьте их самим себе – и они очень быстро потеряют «национальное лицо», в погоне за «модой» быстро забудут нравы, традиции, веру, воззрения и быт своей страны, скоро «денационализируются» или «интернационализируются». Этому же содействует и интернациональный состав их населения, ибо город, в отличие от деревни, всегда является «смесью народов, лиц, племен, наречий, состояний». Деревня, напротив, была и остается той «цепью», которая связывает прошлое страны с будущим, сохраняет и передает из поколения в поколение «национальные черты и свойства, быт и уклад». Город – фактор интернационализирующий, деревня – фактор национализирующий – *par excellence*^{1*}.

В связи с той же исключительно сложной средой города стоит и дальнейшая черта различия города и деревни. *Город в «социальном организме» страны представляет центр необычайно напряженной нервной жизни, новаторского творчества и направления, центр расходования нервной, а значит, и всей жизненной энергии; деревня, напротив, была и остается центром созидания и накопления этой энергии, мотовски расходуемой городом.*

На нервную систему горожанина ежечасно падает такое огромное количество «раздражений», какое едва ли падает на нервную систему крестьянина в течение недели. На все эти «раздражения» нервная система, а с ней и весь организм горожанина должны реагировать. Они постоянно находятся в «перевозбужденном» состоянии. Непрерывно тратят жизненную и нервную энергию. Отсюда – *его творчество, его новаторство, его созидательная продуктивность в промышленности, науке, искусстве, политике и т. д.* Благодаря тому же обстоятельству сам горожанин максимально активен, смел, всегда в той или иной мере авантюрист – то хитрый, то ловкий, то жестокий. Он – изобретатель. Он – новатор. Он сгусток одних нервов. Из города идут волны новаторства.

Вместе с этим благодаря той же напряженности нервной жизни город *был и остается «нервной системой страны» и в смысле регулирующего и управляющего ею центра.* Связанный со страной тысячей телеграфно-телефонно-радиотелеграфных, железными дорогами и почтой, он в лице правительства, правлений трестов и банков, всевозможных комитетов разнообразных обществ, центра «обще-

ственного мнения» посылает в страну один приказ за другим, приводит в движение «рыхлое и неуклюжее» тело последней, удерживает его от одних движений и стимулирует к другим.

Но в этой же силе города кроется и его *слабость*. «Мотовское расходование» нервной энергии городом ведет неизбежно к краху, «нервному банкротству» города, если этот расход не пополняется «свежими нервами», приносимыми непрерывно приливающей «деревенщиной». Высостав нервы своих жителей, он делает их негодными. Отсюда ряд частных явлений в нервной жизни города:

1. *Процент нервных больных в городе обычно больше, чем в деревне.*
2. *Процент самоубийц – людей с плохой нервной системой – также.*
3. *Процент больных и «худосочных» среди коренных горожан – также.*
4. *Нет надобности говорить об исключительной нервности города.*

Из сказанного становятся понятными и такие явления в жизни города, как *большая распространенность в городе алкоголизма и разнообразных возбуждающих веществ*. Все это иногда незаметно, иногда очевидно, но верно ведет к «нервной прострации»... Спасает от этого город, и то не всегда, лишь непрерывный приток свежих нервов, впоенных и вскормленных деревней и ее жителями. *Деревня именно представляет тот центр, где создается и копится, но не расходуется нервная энергия...* Здесь последняя возвращается. Отсюда она берется городом.

Далее, город был и остается «бродильным началом» в жизни страны и очагом волнений и революционной лихорадки. Город – антипод порядка. Он всегда треплется лихорадкой волнений. И не может не трепаться. Почему? Для ясности дам несколько пояснений.

Возьмите огромный пласт городского населения – рабочих. Вдумайтесь серьезно в обстановку и среду их жизни. Работа в закрытых помещениях. Царство машин, стали и угля. Грохот и стук. Изо дня в день одна и та же работа, монотонная, механическая, не дающая ничего ни уму, ни сердцу. В такой обстановке человек не может быть доволен. Его инстинкты не находят здесь полного удовлетворения. Монотонность и механичность работы убийственны. Ни «инстинкт творчества и изобретений», ни «инстинкт разнообразия и перемены жизни», ни любовь к приключениям, ни любопытство, ни ряд других прирожденных склонностей, которые, собственно, вопреки рационалистам, и управляют жизнью и поведением людей, совершенно не могут найти удовлетворения...

Отсюда – неизбежное недовольство. Отсюда – непрерывные попытки найти выход. Отсюда – перманентная революционная лихорадка города. Положите спать человека на острия гвоздей – он, конечно, будет стараться изменить это положение, к которому он не приспособлен. В таком же положении находится рабочий класс в современной тюрьме из железа и камня, называемой городом. В этом основная

причина его революционности. Обычно указываемые причины: бедность, нищета, длинный рабочий день, контраст бедности и богатства – сами по себе имеют или второстепенное значение, или временами представляют собой лишь «символы» этого недовольства, пункты, к которым придираются, чтобы сорвать и излить его².

Пока эта неестественная среда остается или пока не будут к ней приспособлены импульсы человека, а это требует очень долгого времени, город был и останется *«очагом революционности», волнений и переворотов*. Неудивительно поэтому, что в жизни многих народов период революций и социальных бурь начинался именно с момента значительного «урбанизирования» их, приобретения политической власти городом и его населением и падения влияния деревни и крестьянства.

Деревня отлична от города и в этом отношении. Быть может, она живет беднее и скромнее города, уж наверно крестьянин работает не 8 часов в день, а больше и... однако, кроме случаев абсолютно невозможных условий жизни, вызвавших крестьянские «жакерии»^{2*} и бунты (буквального голода и т. д.), деревню не треплет «революционная лихорадка». *Она, раз нет этих экстраординарных условий, останется, как норма, «оплотом порядка»*. Это об нее разбивалось в конечном счете большинство революций. Это она надевала на них узду. Это она вводила их в берега... Так было. Так обстоит дело и теперь... (Венгрия, Бавария, Россия).

В связи с той же средой стоят и определенные дальнейшие – не только по форме, но и по содержанию – различия *в духовном облике города и деревни*.

а) С обстановкой современного города причинно связан *критицизм и скептицизм, дух сомнения и подрыва догм, верований и вообще всяких ценностей*.

Иная картина в деревне... Душа ее свежа. Она не переполнена скептицизмом. *Убеждения здесь прочны. Заветы святы... Верования живут долго... Догматизм и вера могучи*.

² Ибо за XIX и XX вв. до войны благосостояние рабочих поднялось, по исследованиям Bowly, Wood'a, Giffen'a, Levasser'a и др., вдвое–втрое, а революционная лихорадка их не исчезла. И обратно: уровень жизни крестьян был и остается во многом ниже, чем рабочих, и, однако, они «спокойны». Над любимой работой человек охотно работает не восемь, а 12–16 часов, и она ему не в тягость. Над нелюбимой трудно работать и три–четыре часа. С этой точки зрения, хорошо аргументированной Patrick'ом, я не могу не согласиться с ним, что, пока остается эта «неестественная» обстановка города или пока – в течение многих поколений – человечество не приспособится к ней, ни введение 8–6–4 час. рабочего дня, ни «социализация» фабрик, ни все меры, предлагаемые социалистами, синдикалистами, коммунистами и т. д., не способны прекратить эту революционную лихорадку городов со всеми ее спутниками: классовыми антагонизмами, гражданской войной и т. д. Болезнь лежит глубже, чем обычно думают. А предлагаемые рецепты ее лечения рассчитаны на таких людей, каковых на земле, и в особенности в городах, не существует. Все они не учитывают подсознательно-инстинктивную – главную и основную – сторону жизни человека.

Подлинный человек гораздо ближе к «человеку из подполья» Достоевского, чем к «шоколадным ангелочкам», рисуемых этими планами. Болезнь лежит не только в «общественной среде», но и в самом человеке, в мире его импульсов, рефлексов и инстинктов.

б) В связи с этим в морально-правовом отношении ряд *нравственных правил и норм в деревне несравненно прочнее, чем в городе*. Возьмите, например, половую жизнь. Чистота и прочность семьи и брака стоит в деревне гораздо выше, чем в городе³.

Уголовная статистика, далее, показывает, что *город является более криминальным, чем деревня, и в большинстве других преступлений, особенно имущественного характера*. В этом отношении город... серьезно болен.

в) То же различие среды, и в частности различие профессий, неизбежно накладывает свою печать и на характер мировоззрения города и деревни, в частности на мировоззрение рабочих и земледельцев. Профессия и профессиональная обстановка имеют громадное значение, изменяют и штампуют по своему образу и подобию всю физическую и психическую природу человека. Какова профессиональная среда городского рабочего? Камень, железо и бездушные машины. *Все здесь мертво, механично, материалистично*. В чем состоит его работа? Опять-таки в простой, материалистичной трансформации одной вещи в другую. Все здесь подчинено закону необходимости, все рассчитано, измерено, детерминировано. Не видно ни воли, ни души, ни свободы. Люди окружены мертвыми автоматами – и сами они автоматы. Такая «профессиональная среда» неизбежно делает *механистическим, материалистическим, атеистическим, детерминистическим мировоззрение рабочих*. Это мы и видим в действительности. *Механически-материалистическое и атеистически-детерминистическое мировоззрение – результат городской индустриализированной среды*. Оно функционально с ней связано. Вот почему не приходится удивляться тому, что с ростом городов растет материализм, атеизм и т. д. Совершенно иная профессиональная среда и работа крестьянина. *Он все время среди живой, а не мертвой природы*. Он имеет дело с живыми растениями, с живыми животными, с живым миром, который рождается и умирает, где есть какая-то «душа», радость и страдание, есть подобие «боли», есть свой разум и жизнь. Здесь все антимеханистично, все одухотворено. В окружающей природе есть своя «тайна» и своя мистика... *Такая среда и профессиональная работа неизбежно делают мировоззрение крестьянина антимеханистическим, антиматериалистическим^{3*}, индетерминистическим, религиозно-мистическим...* Оно, как общая норма, радикально отлично от мировоззрения городского рабочего, окрашено совершенно в другие цвета.

³ Например, в России за десятилетие 1884–1894 г. процент внебрачных рождений в городах был равен 10,89, в деревнях – 1,84. Наибольший процент их падал на Москву (30%), Петербург (26%), Киев (20,8%).

Сходство наблюдается и в других странах. С ростом урбанизации растет и число разводов. В Бельгии, например, в городах с населением свыше 100 000 процент их в 10 раз выше, чем в коммунах с населением менее 500. Число разводов с процессом урбанизации быстро растет во всех странах, кроме Японии, причем процент их гораздо выше в городах и в индустриальных центрах, по сравнению с деревней. Число абортных в таких центрах, как Париж, Нью-Йорк и т. д., насчитывается 100 000 ежегодно.

г) Наконец, из различия той же среды вытекает различие горожанина, особенно городского рабочего, и земледельца в их *отношении к собственности, к экономическому коллективизму и индивидуализму.*

Рабочий класс в городе имеет очень мало, а кругом его так много богатств. Кроме того, городской рабочий – не хозяин. Он лишь физический исполнитель труда. Ему чужды психология хозяина и заботы о производстве. Он видит и понимает лишь его собственную работу, он заинтересован лишь в распределении благ, в том, чтобы ему досталось больше, независимо от того, возможно это или нет, приведет ли это к ущербу или пользе для всего народного хозяйства. Это отсутствие собственности и хозяйской психологии *делает их склонными к социализму, к коммунизму и отрицанию частной собственности и к всеобщему экономическому равенству.* Не понимая всей сложности явлений, они думают, что достаточно будет все «поравнять» и «социализировать», чтобы наступило всеобщее довольство и материальное процветание.

Совсем иначе обстоит дело у земледельцев. Как общее правило, земледelec – собственник. Он сам хозяин, а не только работник. *Как собственник и хозяин, он имеет и хозяйскую психологию.* Он понимает, что важно не только распределение, но и производство. Он знает, что одним равенством и социализацией немногого добьешься. Кроме того, в земледельческой работе огромное значение имеет *личность и индивидуальность* хозяина. В городах все делают машины. Они сильно «уравнивают» работников. Иное дело в сельском хозяйстве. Урожай здесь в огромной мере зависит от забот, трудолюбия и внимательности хозяина.

Вот почему крестьянин является *собственником, хозяином, индивидуалистом.* Вот почему все опыты коммунизма обычно разбивались о скалу деревни. Эти черты резко отличают земледельческий класс от рабочего класса и сближают его с капиталистами и предпринимателями.

Но, с другой стороны, ряд черт отделяют крестьянина от последних. Крестьянин (земледelec) не только хозяин, но в то же время и работник. В отличие от капиталистов, он сам, своими силами ведет свое хозяйство, а не силами наемных рабочих. Он не эксплуатирует, подобно предпринимателю, никого. Эта черта сближает крестьянина с рабочими и отделяет от предпринимателей.

А все сказанное показывает, что *экономическое и социальное положение класса земледельцев отлично от положения всех других классов и не сливается ни с одним из них. Поэтому его интересы не совпадают целиком с интересами других классов и не могут быть вверены защите последних.*

Из предыдущего мы видели огромное значение земледельческого класса для всех стран. Для России же оно является исключительным и решающим. Без возрождения русского крестьянства невозможно возрождение России.

Раз это так и раз интересы крестьянства, или класса земледельцев, не могут быть вверены защите всякого другого класса, отсюда ясно, что *сам земледельче-*

ский класс должен защищать их. Для этого нужно соединение и организация земледельцев.

Без этого их интересы будут по-прежнему приноситься в жертву городу, как приносились и до сих пор. В городах миллионы рублей тратились и тратятся на школы, на музеи, на выставки, библиотеки, почту-телеграф, телефон, больницы, санитарии, гигиену, благоустройство домов, улиц, садов и т. д. В деревне все это в огромной степени отсутствовало и отсутствует. Деревня забывалась. Ей перепали лишь жалкие крохи с пиршественно богатого стола города. Интересы деревни и земледельцев плохо защищались другими партиями и городом. Они приносились в жертву.

Такое положение ненормально, несправедливо и вредно не только для самих земледельцев, но и для всей страны, особенно такой страны, как Россия.

Без благоустроенной и здоровой деревни не может быть благоустроенной и здоровой вся страна. Города в этом случае будут вымирать биологически.

Без экономически процветающего земледельческого класса не может экономически процветать вся страна.

Без свежих деревенских сил, без ее чистоты нравов, уравновешенности, консервативности и т. д. город и страна не могут долго развивать творческую энергию, будут обречены на деморализацию, революционную лихорадку, беспорядки, дикую борьбу и вырождение.

Вот почему силы и средства возрождения любой страны, а особенно России, должны быть брошены в первую очередь в деревню. Вот почему необходима политическая, экономическая и культурная организация земледельческого класса как такового. Без усилий самих земледельцев никто им не поможет. Без их организации они будут по-прежнему слабы. Без стремления к улучшению своего положения они обречены на бедность, темноту и прозябание.

Интересы земледельцев-крестьян и интересы России требуют неукоснительного соблюдения лозунгов: *«Земледельцы России, объединяйтесь!»*

Мало того. *Требуется объединение земледельцев не только в пределах одной страны, но и международное.*

Мы видим сейчас дикую борьбу городских рабочих и капиталистов, с одной стороны, и разных государств друг с другом – с другой. Рабочие пытаются осуществить «диктатуру пролетариата», капиталисты – «диктатуру капитала». Как показывает опыт России, Венгрии и Баварии, от той и другой диктатуры несладко приходилось земледельческому классу. Обе диктатуры «стригут» его. Борьба их друг с другом разрушительно влияет на крестьянское хозяйство. Она подрывает благосостояние всей страны. «Паны дерутся, а у земледельцев чубы трещат». Гибнет хозяйство страны, разрушается государство, уничтожаются культурные ценности; чем дальше длится борьба этих «Самсонов», тем сильнее и сильнее грозит одичание, вырождение и голод. Рядом с этим Европа до

сих пор не может успокоиться после войны. Международное положение столь напряженно, что опасность новых войн очень близка. Новые же войны будут еще разрушительней, чем война 1914–1918 гг., они приведут к окончательному закату Европейского экономического и духовного благосостояния. Такое положение дел, очевидно, не в интересах человечества; оно не в интересах и земледельческого класса. Прекратить же его может только организованное вмешательство последнего. Только земледельческий класс может повелительно сказать борющимся классам капиталистов и пролетариев: «Потише, довольно!» Такое активное соглашение земледельцев всех стран может ослабить опасность войн и столкновений.

Не претендуя на свою диктатуру (иначе он сделал бы ту же ошибку, что и другие страны), разумно учитывая общие интересы всей страны, подчиняя им, где надо, свои классовые интересы, объединенный класс земледельцев, и только он один, может положить конец внутренней и международной борьбе, грозящей величайшими бедствиями человечеству. Только авторитетный голос земледельческого класса может отрезвить зарвавшихся борцов и поставить вновь историю внутреннего и внешнего прогресса человечества на рельсы здорового, мирного и творческого развития. Отсюда необходимость, наряду с объединением земледельцев внутри одной страны, объединения их международного. Классы пролетариата и капитала выступают интернациональным фронтом. То же должен сделать и класс земледельцев.

Наряду с лозунгом: *«Земледельцы России, объединяйтесь!»* – должен быть другой лозунг: *«Земледельцы всех стран, в первую очередь славянских, объединяйтесь!»*

Такова задача времени. Ее выполнение начинает брать на себя ряд организаций. В ряду их на первом месте приходится ставить Международное аграрное бюро, организованное чешской земледельческой партией.

В добрый час!

НА РАСПУТЬЕ ТРЕХ ДОРОГ (Национальная проблема в грядущей России)

1. Три пути

В ряду важнейших проблем, поставленных на очередь историей России, одно из первых мест занимает национальный вопрос. Нет надобности доказывать важность, сложность и трудность его решения. Так много интересов связано с последним, эти интересы – ввиду разнородности и многочисленности народов России – столь разнообразны, временами даже противоположны, что едва ли мыслимо и возможно решение, которое абсолютно удовлетворяло бы все эти народности. Памятуя, однако, что «*de minimis non curat praetor*» («о мелочах претор не заботится»), что идеальных выходов в неидеальной земной обстановке нет, а могут быть только относительно лучшие и худшие, что проблема во весь свой рост стоит и больше молчать не позволяет, – памятуя все это, приходится вплотную браться за нее и намечать если не решение, то по крайней мере план такового. В данной статье мы рассмотрим лишь основные пути решения, временно откладывая детализацию и конкретизацию того пути, который нам представляется наиболее целесообразным и осуществимым в реальных условиях современности и ближайших годов.

Проектов решения национального вопроса на территории России существует много. Игнорируя полутоны и полутени, все эти проекты можно свести к трем основным типам.

1. Одни течения считают наиболее желательным и в то же время наиболее вероятным решение этой проблемы в смысле восстановления бывшей Российской империи (может быть, без некоторых ее частей, напр[имер] Польши и Финляндии^{1*}), централизованной, «единой и неделимой», не имеющей ничего общего с федерацией, в лучшем случае предоставляющей только некоторую культурную автономию отдельным немногим территориальным областям или языковым группам. Наиболее резко это решение было выдвинуто добровольческим движением и продолжает выдвигаться некоторыми «правыми» группами. Оно же практически проводится теперь советской властью.

2. Второе решение диаметрально противоположно очерченному. Основные его тезисы таковы: *распадение разнонациональной России, образование на ее месте ряда национальных суверенных государств, предоставление каждой «языковой» группе полного права на полное «самоопределение», признание желательности такого исхода и верование в его реальную возможность*. Иными словами, это решение признает желательным и возможным ликвидацию Российского государства; такая ликвидация, по его мнению, равносильна освобождению народов России от великой эксплуатации и рабства; это освобождение будет великим благом для всех или большинства народов России; оно будет благом и с точки зрения интересов человечества. Таков второй основной ответ на поставленный вопрос.

3. Третий ответ занимает промежуточное положение между этими двумя крайностями. Оставляя сейчас в стороне вариации и детали, укажем лишь его сущность. *Оно мыслит наилучшее разрешение национального вопроса – в превращении единой и неделимой Российской империи в федеративное государство, в Соединенные Штаты России*.

Таковы три основных плана для решения национального вопроса и вместе с ним одной из основных проблем государственного устройства народов, живущих на территории России в тех реальных условиях, которые существуют и будут существовать. Спрашивается, который из этих путей наиболее желателен с точки зрения интересов различных народностей России? И далее: по которому из них пойдет исторический процесс; иначе говоря, который из них наиболее вероятен и фактически возможен?

Попытаемся сжато рассмотреть указанные решения с этих двух точек зрения: 1) *максимальной целесообразности при существующих* (а не идеальных, т. е. несуществующих) *условиях* и 2) *исторической или фактической возможности*.

2. Путь централизованной «единой и неделимой» России

Как с точки зрения возможности, так и с точки зрения интересов различных национальностей России этот путь вовсе не так утопичен и не так отрицателен, как многие думают. Подойдем к делу, прежде всего, со стороны принципа возможности его реализации. Что говорит за то, что он осуществим? Какие симптомы показывают, что история в ближайшие годы может пойти по этому уклону «единой и неделимой»? Целый ряд *фактов* прошлого и настоящего. Во-первых, *фактический* ход истории за эти годы. Подчеркиваю: *фактический*, ибо объективные процессы истории довольно часто расходятся с теми «словесными оболочками», в одежде которых они выступают перед их участниками, с теми субъективными целями, во имя которых современники осуществляют их. Здесь

поистине прав сказавший: «Судьба желающего ведет, нежелающего влечет»^{2*}. Примеров такого расхождения субъективных целей и объективных процессов история нашей, как и всякой другой, революции дает сколько угодно.

Нечто подобное случилось и в области «национального самоопределения». Во имя его велась война, он был одним из первых и основных лозунгов русской революции. Мы теперь отлично знаем, во что вылилось фактически это «самоопределение народов» в Версальском трактате и в последующих международных договорах^{3*}. От них осталось здесь немного, если не считать лицемерных фраз; да и те повторяются реже и реже, ибо слишком уж действительность не вяжется с этими пышными лозунгами. (Вспомните решение судьбы Галиции и определение восточных границ Польши^{4*}.)

Не то же ли в значительной мере произошло и на территории России? В 1917 г. было прокламировано «национальное самоопределение», и вместе с ним начался центробежный процесс, приведший в 1917–1919 гг. к выделению из России ряда ее окраин и к распадению самой России на ряд отдельных государств. С 1919 г. начинается вытеснение центробежных сил центростремительно-унификационными. Где суверенная Грузия, Азербайджан, Кубань, Дон, Крым, Дальневосточная республика, Владивостокское государство, не говоря уже о множестве других – белых и полубелых, красных и полукрасных – политических тел? Их нет больше. Они снова влиты в единый организм, называвшийся недавно РСФСР, а теперь имеющий вывеску СССР^{5*}.

Плохо это или хорошо – это вопрос другой, но самый факт «унификации» бесспорен. В 1917–1918 гг. большевики провозгласили полную свободу самоопределения, в итоге которой образовалось множество республик и автономных областей в пределах РСФСР. Правительства этих республик и областей вначале действительно пользовались значительным объемом автономии и начали всерьез осуществлять ее на деле. Но чем далее, тем более и более объемы этой автономии сокращались, унификация и централизация росли, республики превращались в автономные области, последние – в простые губернии, и к 1921–1922 гг. от всех автономий и вольностей не осталось ничего. Всем и вся управляла Москва, вернее, пять человек политбюро РКП^{6*}. К осени 1922 г. этот процесс выявился и юридически: на месте различных РСФСР, УССР, Дальневосточной республики, Кавказской СС Республики и т. д. появилась единая СССР.

Мало и этого. Эти же годы показали, что в населении каждой из областей, пытавшихся отделиться, оказывались наряду со слоями, стремившимися к полной самостоятельности, слои – и справа, и слева, – определенно тяготевшие к единству России. Централизаторы-коммунисты и централизаторы белые находили среди такого населения (и Украины, и Грузии, и т. д.) своих адептов и прямых сторонников, определенно не желавших «самостоятельности» и помогавших активно объединению, под красным или белым стягом. Это значит,

каждая из таких «Ирландий» в своей среде имеет «Ольстеры»^{7*}. И, судя по тому, что чистые децентрализаторы оставались у власти всюду очень недолго и падали под давлением белых или красных объединителей, приходится думать, что в среде самих народов, проявивших тенденцию сепаратизма, из этих активных сил – центростремительной и центробежной – первая вовсе не так слаба относительно.

Кроме этих несомненных фактов, есть и ряд других – более спорных – симптомов, дополнительно подкрепляющих возможность осуществления данного пути в решении национальной проблемы. Едва ли будет большой ошибкой допущение, что, за исключением Финляндии и части Польши, тенденция выхода из России (а не из-под деспотизма старого режима или теперь тирании коммунистов) не была сколько-нибудь сильна в широких слоях народных масс разных национальностей. Такие тенденции существовали лишь в верхах интеллигенции, и то в сравнительно узких. С началом революции, вызвавшим не только в этой, но и во всех других областях рост центробежных сил, эта тенденция сепаратизма усилилась. Немало этому содействовали и большевики. Но... с 1920–1921 гг., по-видимому, кривая этого настроения стала падать. По крайней мере, в пределах России за эти годы не пришлось констатировать ни одного сколько-нибудь заметного движения, восстания, заговора с целью «национального самоопределения», с определенными «националистическими» лозунгами и т. п. Были восстания и движения как среди великороссов, так и невеликороссов, но с целью низвержения большевиков или белых, а не с лозунгами «национального суверенитета». Ряд наблюдений, далее, говорит о том, что среди самих «сепаратистов» в России за последние годы упал «шовинистический» дух; не так рьяно стали преследоваться русские книги, газеты, ученые и т. д.

В этом падении кривой сепаратизма сыграли роль многие причины. Во-первых, общая смена подъема революции ее падением. Подъем революции всегда вызывает разлив центробежных сил и ведет к разрыву социальных связей; закат революции всегда сопровождается усилением центростремительных тенденций и восстановлением разорванных революцией социальных скреп. Во-вторых, неудача национальных движений лишней раз показала народам России, что судьба их общая, как раньше все они страдали от недостатков старого режима, так и теперь все они страдают от «общей разрухи». Попытки выскочить из последней путем отделения кончились неудачей и показали, что это невозможно, что они часть единого организма, которая от последнего отделиться не может, которая страдает и будет болеть до тех пор, пока болен весь организм. В-третьих, сыграли свою роль и ошибки «национальных правительств»: массы, вопреки ожиданию, не получили от них обещанных благ.

К этим явлениям следует присоединить и *факт изменения национального настроения населения центра России – «Московии», или «Великороссии»*^{8*}. Едва

ли будет ошибкой утверждение, что из всех народов России национальное самосознание и национальный шовинизм у великороссов был наименее всего развит. За годы революции целый ряд фактов способствовал пробуждению этого национального настроения: усиленное насаждение «интернационализма», ежедневно оскорблявшее национальные чувства великороссов; эгоистически-хищническое и презрительное отношение к нам со стороны иностранцев – «союзных» и несоюзных; многочисленные обвинения великороссов сепаратистами в том, что именно они, «москвиты», были угнетателями других народов России; высокомерное третирование их со стороны народов, еще вчера составлявших часть России; наконец, узкий шовинизм, проявленный этими народами.

Было бы чудом, если бы под влиянием таких факторов не проснулось национальное чувство основного пласта населения России.

Новое состояние национального сознания великороссов дает серьезную почву для всяких «объединительно-неделимых» попыток сверху. Такая политика верхов может найти теперь активное сочувствие широких низов центральной России.

Все эти факты настоящего говорят о том, что «единая и неделимая» политика имеет почву в процессах текущих годов. *Помимо их, она имеет и глубокие исторические корни.* Об этих корнях говорит сам факт исторического собирания и объединения России. Раз были силы, действовавшие в таком направлении, очевидно, они в три-четыре года не исчезли. Они, как и многое другое, могли быть временно парализованы; но, подобно тому, как с исчезновением мути революции перед нами воскресают многие исторические черты старой России, временами чуть-чуть видоизмененные, а временами – и стереотипные, так и тут, с отпадением этой парализующей причины, старые «собирающие» силы должны снова выступить на сцену и выявить старые тенденции. Значение таких сил и такой «инерции истории» нельзя недооценивать.

О значении исторических корней говорят *примеры других великих революций.*

И английская революция XVII в., и французская 1789 г. (в первых своих стадиях) дают картину того же разлива центробежных сил, приведших в Англии к отделению от нее Ирландии и Шотландии, во Франции – к «федералистическому» движению и образованию ряда самостоятельных «государств» и областей^{9*}. Конец же революции и тут и там привел к полному – частью добровольному, частью насильственному – подавлению всех сепаратизмов. И Англия, и Франция из революции вышли гораздо более объединенными, по сравнению с их дореволюционным состоянием. Где гарантия, что то же не может случиться и у нас? Не служит ли первым проявлением этого процесса указанный выше факт роста «центростремительных сил» с 1920–1921 гг.?

По своему национальному (языковому) составу Россия, особенно теперь, после выделения Финляндии, польских частей, Литвы, Латвии и Эстонии^{10},*

довольно однородна. Огромное, подавляющее большинство ее населения говорит на великорусском языке. По статистике 1913 г., племенной состав населения России был таким: русские (великороссы, украинцы и белоруссы) – 65,5%, турко-татары – 10,6, поляки – 6,2, финны – 4,5, евреи – 3,9, литовцы – 2,4, германцы – 1,6, картвельцы – 1,1, горцы – 0,9, армяне – 0,9, монголы – 0,4, прочие – 2,0^{11*}. В Европейской России русские составляли 80,0%. Теперь «русских» не меньше 75% по всей России. Из них на долю великоруссов приходится не менее 50%^{12*}. Такой процент великоруссов при численной незначительности остальных народов (кроме украинского) делает состав России национально более однородным, чем состав большинства крупных и даже мелких государств.

Факт высокой национальной однородности имеет тем большее значение, что эти великорусские элементы вкраплены – и подчас значительно – во всех областях России. Они будут тянуть к единой России и явятся опорой объединительной политики даже в областях невеликорусских. С другой стороны, огромное большинство национальностей, или «языковых групп», России столь малочисленно и даже отстало культурно, что вряд ли можно серьезно говорить об их суверенном бытии и вряд ли они могут и даже желают оказать сопротивление «великодержавной» политике.

Самая сильная невеликорусская народность, украинцы, имеют слишком много культурных и бытовых сходств с Великороссией, достаточно долго жили вместе без каких бы то ни было серьезных осложнений (кроме разве эпохи Петра^{13}), чтобы быть «Ирландией» России. Как в применении к ним, так и вообще в применении к взаимоотношениям народностей России следует отметить, что сколько-нибудь серьезных трений между ними за последние века не было. Россия, кроме разве Финляндии и Польши, не имела в своем составе «Ирландии». Сепаратистские тенденции если и были, то не шли за пределы небольшого круга интеллигентов. Сомнительно, чтобы в народных массах они окрепли. Но, даже допустив последнее, следует иметь в виду, что любая народность, захотевшая играть роль русской «Ирландии», будет иметь с тылу и с боков свои «Ольстеры»; да и в своем составе будет иметь такие элементы, благодаря которым ее ждет судьба современной Ирландии с «гомрулем» (с полным самоуправлением) и... с непрерывной гражданской войной^{14*}. Для Украины сверх сказанного огромное, можно сказать – решающее, значение имеет факт образования самостоятельной Польши. Это новое обстоятельство ставит Украину, как и в XVI–XVII вв., «между двух огней». Польша толкнула Украину к Москве в XVII в.^{15*} Едва ли будет ошибкой сказать, что она же, помимо других факторов, будет толкать ее к России и теперь. Вдумчивому человеку это понять нетрудно. Происходящие на наших глазах события в Галиции – первые симптомы указанной роли Польши.*

Наконец, следует иметь в виду и «экономические условия», начиная с «экономической географии» и кончая прямыми экономическими интересами. Они

были в прошлом одним из главных факторов объединения. Они же явятся им и теперь. Выделение какой-либо области из территории России, особенно по строго национальному признаку, поведет к тому, что эта область будет экономически «задыхаться», а для экономической жизни и развития остальной России самостоятельность первой, с самостоятельной таможенной границей, будет огромным тормозом. «Экономика» будет вопиять против таких политических шлагбаумов. Не считаться с ней будет трудно.

Все эти обстоятельства и многие другие, часть которых указана будет ниже, делают такую политику далеко не утопической.

Так представляется дело с точки зрения *возможности*.

В нашем несовершенном мире такую политику нельзя признать абсолютно отрицательной и с точки зрения *желательности*.

Она имела и может иметь ряд заслуг. Объединив в одно государство население $\frac{1}{6}$ части земного шара, она была фактором замирения, уничтожения и уменьшения военной борьбы национальных групп в пределах этого государства. И вдобавок делала это дело довольно успешно, ибо крупной и острой внутрисоциальной борьбы между ее национальностями не было. Это факт немаловажный. Мы так привыкли ругать свою страну, что часто не видим ряда ее преимуществ по сравнению с «передовыми державами». Напр[имер], сколько обвинений сыпалось на Россию как на «тюрьму народов», на жестокости ее объединительной политики и т. д., объективно же для всякого, кто знаком с колониальной политикой Испании, Франции, Англии и др[угих] европейских держав, ясно, что политика России в этой области была несравненно гуманнее, мягче и бескровнее, чем политика этих культурных держав. Присоединив к себе ряд отсталых народов, она была *фактором культурным и просветительным*. Скажут на это: «А сколько было при этом жестокости эксплуатации?» Да, были эти явления, но в несравненно меньшем размере, чем, напр[имер], в аналогичной политике Англии или любого из культурных государств. Раз так обстоит дело с этими передовыми странами, то не с идеально-утопической, а с реально-возможной точки зрения такое возражение необоснованно.

Быстрое развитие (экономическое и духовное) всей России, а не только великороссии, особенно за последнее десятилетие перед войной, свидетельствует, что такая политика была совместима с прогрессом.

Больше того. *Такое объединение при всех своих недостатках в основном давало каждой из национальностей России возможность защищать свои интересы бесконечно успешнее, чем при условии суверенности каждой из этих групп*. Международный вес последних, отдельно взятых, был бы, за небольшими исключениями, ничтожен. Бороться успешно они не могли бы. Участь колоний, несравненно сильнее эксплуатируемых «культурными» и «передовыми» державами Запада, была бы неизбежной. Совсем иным был вес России. Она была

силой и как сила защищала не интересы Великороссии (странно даже писать эти слова), а интересы России, т. е. всей совокупности составлявших ее национальностей и областей. Тем большее значение эта роль приобрела теперь, при ослаблении всех народов России.

Нужно ли говорить, что громадный масштаб России позволял ей ставить и осуществлять в *чисто культурном отношении* такие задания, которые были бы не под силу каждой отдельной части.

Было немало и других положительных сторон этой политики. Тем большее значение приобретают они теперь в условиях, грозящих превратить все народы России в простых статистов истории, в объект эксплуатации для других внероссийских – национальных и интернациональных – групп...

Но при наличии всех этих достоинств все же нельзя признать такое решение национальной проблемы России лучшим из возможных. Оно имеет серьезные недостатки, и главное – недостатки, не вызываемые необходимостью, могущие быть устраненными, а потому не оправдываемые исторически.

Первый из этих недостатков – чрезвычайная вредность централизации по существу. Никакое правительство не может управлять всеми делами разноплеменного населения $\frac{1}{6}$ части земного шара. Такая претензия и такая попытка неизбежно влекут за собой ряд неотвратимых ошибок и неудачных решений. Знать все нужды и потребности каждой области или народа, иметь силы и время для регулировки множества местных дел и в то же время удачно вести общую политику всего государства – это не под силу какому бы то ни было правительству. Итогом ее будет плохое ведение общегосударственной политики и множество ошибок при решении областных и местных дел. Вот почему в России децентрализация необходима по существу.

Далее – централизаторская политика своими претензиями и ошибками, своим автократизмом и деспотизмом сама создавала и создает почву для недовольства и «сепаратизмов». Она неизбежно сама закладывает те бомбы, которые потом начинают разрываться и производят сотрясение всего здания. Во времена прочности и силы этого здания это не так опасно. Иначе обстоит дело теперь. Жизнь народов России настолько разрушена, что всякому правительству и каждому народу дел по воссозданию предстоит больше, чем имеется сил. В таких условиях тратить и без того недостающие силы на бесплодное «усмирение» и «успокоение» сепаратизмов, вызываемых той же централизацией, неэкономно и преступно.

В современных же условиях положение дел таково, что при проведении такой централизаторской политики все эти сепаратизмы возникнут, и возникнут в довольно серьезном масштабе. Если даже они не взорвут всего здания, то потребуют войн – во всяком случае огромной траты сил и средств для их подавления. Кому и какая от этого польза?

Можно допустить, что обострение национальных, как и других, сепаратизмов за годы революции и властвования большевиков – явление спорадическое. С падением кривой революции и ликвидацией большевизма эта острота смягчится. Но... не настолько, чтобы целиком исчезнуть. Дух времени таков, что современные национальности хотят жить у себя «дома» и не хотят быть какими-то изгоями в чужом, пусть даже хорошо устроенном, доме. Один факт неравноправия, простое ощущение, что они какой-то группой третируются как нечто второсортное, нуждающееся в опеке, – один этот факт порождает протест, а вслед за ним и тенденции сепаратизмов. Централизаторская политика неизбежно ведет к такому ощущению, через него – к сепаратизмам, а через все это – к бесполезной трате сил, с одной стороны, с другой – к непрочности всего здания...

Этих недостатков достаточно, чтобы не признать данного пути решения национальной проблемы удачным.

3. Путь ликвидации России и образование национальных суверенных государств

Расценивая практически возможность этого пути, сразу же приходится понимать его в ограничительном смысле. Если путь образования национальных государств из территориально-языковых групп возможен, то не для всех таких групп, живших и живущих на территории России. Говорить о возможности самостоятельного государства черемисов, мордвы, якут, бурят^{16*} и т. д. вряд ли приходится. Такие территориально-языковые группы (национальности) пока что обречены на роль элемента в каком-либо государстве, а не на роль самостоятельного государства.

Проблема последнего ставится лишь в применении к обширным по численности членам, или по высоте культуры, или, наконец, по крайнему положению национальностям России.

Насколько серьезны шансы такого хода истории?

По-видимому, ряд шансов есть. Первый из них – *международная политика некоторых великих и малых держав*, направленная на ослабление и расчленение России, требуемое интересами этих держав... Игнорировать ее значение не приходится. Роль не решающего, но вспомогательного фактора на этом пути она играла, играет и будет играть. Но, с другой стороны, этот фактор сильно ослабляется международной же политикой ряда других государств, для которых сильная Россия была нужна раньше, а теперь нужна еще более, чем прежде.

Второй шанс – *несомненное наличие таких «самостийных» тенденций, с одной стороны, попытки образования независимых государств – с другой, и выделение некоторых областей России в самостоятельные государства –*

с третьей. Значение этого шанса зависит, во-первых, от объема и интенсивности таких тенденций, во-вторых, от того, являются ли они органически-перманентными или только временными, вызванными революционной смутой и большевистской политикой. Дружная совместная жизнь в течение ряда веков, почти полное отсутствие – в сколько-нибудь серьезном масштабе – таких тенденций (кроме Финляндии и польской части) до революции (верхушки интеллигенции в счет не идут), неуспех даже во время большевиков ряда таких попыток, ликвидация за последние годы некоторых самостоятельных республик, удавшаяся сравнительно легко, сужение объема автономий и вольностей советских республик, чисто фиктивное существование суверенности некоторых из них плюс – даваемое прямым наблюдением – отсутствие сколько-нибудь серьезных тенденций такого рода в народных массах, значительно отличающихся в этом отношении от политиков, – все это говорит, по-видимому, о том, что эти тенденции полного отделения от России (но не от большевиков) не являются очень сильными и органически-перманентными. Они во всяком случае не так сильны, чтобы перевесить те минусы для населения, которые неизбежно возникнут при такой самостоятельности, рассчитанной не на время царствования большевиков, а на длительный исторический период.

Но если даже и предположить эти тенденции очень серьезными, имеются еще более серьезные препятствия к такому решению вопроса.

Прежде всего – *экономически-географические*. Тот, кто знаком с этой стороной дела, знает, что такой разрыв единого тела России означает разрыв не только политического организма, но и экономически неразрываемого района, против которого будет вопиять вся экономика как оставшейся России, так и выделившихся из нее государств. На ряд лет большевистского деспотизма, совершенно дезорганизовавшего экономическую жизнь страны, такой разрыв возможен. Но не на длительный период исторического бытия. Не нужно быть марксистом, чтобы считать это обстоятельство достаточно важным. Не доказывая здесь этого положения, мы позволим себе утверждать, что в силу этого фактора в случае политического разъединения один разорванный район будет вновь тянуть к другому и рано или поздно снесет политические рогатки.

Второе препятствие – *существование оставшейся России без морей и без ряда областей, без которых она будет задыхаться и может существовать лишь с очень большим трудом* (то же применимо и к выделившимся государствам). Пока такая Россия – пусть даже в объеме Московии – существует, пока она не исчезла и не дезорганизована окончательно, она не может допустить такого положения дел. Плохо это или хорошо – вопрос другой, но факт остается фактом, и его приходится констатировать. Не сверху, так снизу, не мирно, так насильственно, при каком угодно правительстве такой прорыв к морю, связывание в одно целое экономически тяготеющих друг к другу районов будет про-

изводиться. История XVI–XIX вв. тогда может повториться снова. Этого не будет лишь при полном задушении и анархизировании всей оставшейся России. Об этом как будто говорить рано, во-первых; во-вторых, это задушение, анархизирование неминуемо повлечет то же самое и для всех выделившихся государств. Утопающая Россия потянет на дно и последние.

Третье препятствие – *тот натиск и эксплуатация выделившихся народов со стороны иноземных государств, который ждет их неминуемо*. Натиск этот, как показывают даже наши годы, будет огромным. Использование будет серьезным. Опасность колонизации – весьма реальной. Население быстро почувствует это. Такой факт будет стихийно толкать его к «воссоединению». Последнее осуществится тем легче, что в главнейших случаях слишком много общего имеется в населении разорванных частей и слишком мало было острых трений между ними. Помимо и вопреки желанию политических верхов эта тяга будет и сдует, как и в прошлом истории, все тонкие и остроумные проекты и махинации последних.

Четвертое препятствие. *Каждое из таких государств будет окружено или будет иметь сбоку или с тылу остатки и части той же России*. С другой стороны, в его пределах имеются и будут иметься всегда элементы, тянущие к России. Есть и будут такие элементы в городах и деревнях, среди богачей и бедняков. Эти элементы в основных случаях весьма значительны. При наличии других «препятствий» этот факт может сыграть значительную роль. Молодым государственным организациям, и без того находящимся в трудном положении, они грозят «внутренней отравой», для них они будут теми же бомбами – и куда более опасными, – какими являлись эти национальности в пределах России.

И в итоге всех этих условий создадутся такие трудности для самостоятельного бытия, наступит такая жизнь и такие осложнения, потребуется такая бесплодная трата сил, что вновь образованным политическим телам это будет не под силу. В таком положении дел массы помимо и вопреки желанию политиков могут повторить клич XVII в. и вновь «потянуть» к Москве. В силу этих и указанных выше обстоятельств я считаю *этот путь решения национальной проблемы России – в качестве решения на длительный период времени – маловероятным, даже менее вероятным, чем первый путь*. Только при допущении безвозвратной гибели России, ее заката этот путь имеет шансы. Но ведь гибель России и гибель Великороссии (то и другое вещи весьма различные) будет и их гибелью. Ибо в итоге ее их ждет не судьба действительно суверенного бытия, а судьба колоний, в лучшем случае имеющих вывеску «самостоятельного государства». Мало ли таких самостоятельных государств в Индии? Самостоятелен теперь и Египет^{17*}. Гомруль получила и Ирландия. Есть еще много других самостоятельных государств. Только едва ли кто, кроме наивных людей, всерьез принимает эту самостоятельность, и едва ли в ее итоге население чувствует себя счастливее.

Так представляется дело с точки зрения *возможности*.

Как обстоит оно с точки зрения *желательности*? Плюсы или минусы оно сулит населению оставшейся России и этих выделившихся государств?

Некоторые плюсы несомненны.

Во-первых, плюсы в области *национальной культуры каждого из таких государств*. Политическая самостоятельность будет сильнее стимулировать создание и культивирование национальных ценностей в области языка, литературы, науки и т. д. Она даст удовлетворение национальному самолюбию. Она, вероятно, будет способствовать поднятию умственного уровня масс. Все это – плюсы с точки зрения интересов этих государств. Они не минусы и с точки зрения остальной России.

То же придется сказать и о степени благоустроенности всей социальной жизни. Если бы политическая самостоятельность не вела за собой ряда отрицательных последствий, способных аннулировать эти плюсы, то едва ли можно было бы сомневаться в том, что она повлекла бы за собой более внимательное и целесообразное решение всех местных проблем, большее сосредоточение сил и усилий на них, лучшее знание конкретных условий, а в силу всего этого – более удачную организацию всей социальной жизни. Это – плюсы с точки зрения интересов этих государств; они плюсы и с точки зрения остальной России.

Если бы налицо были только подобные плюсы и если бы они реально могли быть осуществлены, то, не колеблясь, можно было бы признать распадение России и всех великих держав на мелкие государства явлением желательным и безусловно положительным. Примеры Швейцарии, Чехии, Дании, Голландии, Швеции, Норвегии и Бельгии были бы лишним доводом^{18*}.

Но, увы, не всегда так бывает и не везде это возможно. В частности, в России обстановка такова: ее балканизация грозит свести на нет все эти плюсы, но сверх их обещает дать еще очень большие минусы. При распадении России все выделившиеся части, а вместе с ними и оставшуюся Россию ждет не судьба Швейцарии и Чехии, а балканизация или ирландизация их.

Первым и очень быстрым следствием такого распада будет война, и война длительная, упорная. Своего рода «ирландская перманентная борьба», конец которой придет лишь или с подавлением одним из борцов других или с обесцениением всех борющихся сторон. Выше уже была указана одна из причин этой войны. Раздробление единого, неразрывного экономического района, закрытие для центральной России морей (предоставление коридоров абсолютно не решает вопроса для таких махин), самый факт разрывания России на части и т. д. – все это вполне достаточная причина для начала войны со стороны последней – все равно, какое бы правительство, пусть даже архипацифистское, ни стояло бы во главе России. Не будет недостатка в таких серьезных основаниях для начала войны и со стороны вновь образованных государств, особенно мелких. Почему? Потому что мелкие народы – и в прошлом, и особенно теперь – показали

и показывают себя бесконечно более шовинистическими, империалистическими, нетерпимыми и немирными, чем большие народы и государства. Все выделившиеся из России народы, часто обвинявшие царское правительство в шовинизме и империализме, оказались несравненно более шовинистичными, чем первые. Их поведение было таково, что теперь даже царское правительство в ответ на упреки спокойно могло бы сказать: «Врачу, исцелися сам»^{19*}. При таких условиях думать, что будет мир между частями России, – это значит заниматься оптимистическим утопизмом¹.

¹ Приведем выдержки из статьи постороннего наблюдателя-американца, посвященной этой теме.

«Во внезапной агрессивности малых народов мы имеем явление одновременно и неожиданное, и весьма тревожное. Перед войной думали обычно, что только военный деспотизм больших европейских государств угрожает утопить человечество в крови. Малые народы, напротив, внушали меньше опасности в отношении к миру. Польша и Литва, боровшиеся за свою независимость, вызывали общую симпатию. Забывали, что... *малая национальность может быть охвачена более пылким империализмом, чем большая*. Для Китая потеря нескольких миль территории не имеет значения. Кроме нее у него остается еще очень много. Но для Литвы, с ее 4 500 000 населения, Мемель^{20*} – единственное солнце в небе. Он – единственный порт. Он стоит всяческого риска... Отсюда – военная авантюра».

Далее, «то, что мы видим в Европе, это не столько коммунизм, атакующий капитализм, сколько революционный патриотизм, задирающий своих соседей. Причем чем меньше страна, тем сильнее треплет ее эта лихорадка. Раньше европейская цивилизация была управляема шестью большими государствами, из которых каждое более или менее уважало другие. Теперь эта система исчезла. Не только Европа балканизировалась, но каждое из малых государств имеет возможность делать все, что заблагорассудится. История беспощадно учит, что такое положение редко было благоприятно сохранению мира. Всякий, кто читал Ветхий Завет, найдет здесь обильные доказательства войны между малыми народами. В Индии, где имеется до семисот автономных государств, война идет непрерывно. В Древней Греции республики редко жили в мире и согласии. В средневековой Италии, в этом калейдоскопе герцогств и республик, с их бесконечным и тщеславным соперничеством, войны были постоянными, и политика превратилась в жестокое искусство, описанное столь верно беспощадной логикой Маккиавели». Благодаря той же «балканизации» Европы «мы теперь видим в ней борьбу между национализмом и природой. Во многих местах границы государств перерезывают живые артерии европейского процветания. В данный момент в Восточной Европе нет ни одной страны, которая была бы довольна своими границами. В итоге каждая из них или боится нападения, или замышляет нападение».

Эта постоянная угроза войны ведет к громадной милитаризации, что, в свою очередь, увеличивает опасность войны. Соединенные Штаты Америки с населением более 100 000 000 довольствуются армией в 150 000 человек, что дает одного солдата на каждые 700 граждан. В Канаде один солдат приходится на 2 000 граждан. В Литве же с ее населением в 4 500 000 содержится армия в 50 000 солдат, иначе – один солдат на каждые 90 граждан, т. е. на голову в 8 раз больше, хотя Литва в 8 раз беднее С[еверо-] А[мериканских] С[оединенных] Штатов. Польша на 27 000 000 населения имеет 250 000 солдат, т. е. 1 солдат на 100 граждан. Румыния имеет минимум 230 000, т. е. 1 на 75 граждан, Югославия – 250 000, т. е. 1 на 40 граждан».

Автор заканчивает свою статью пожеланием федерирования или конфедерирования этих государств. В противном случае Европу и эти государства ждет печальная участь и вместо мира – убийственная и непрерывная война.

Если война и не будет перманентной, то боевое положение, непроизводительный расход на громадную армию при колоссальном обнищании, непрерывная таможенная экономическая и дипломатическая война, международные махинации в пользу того или иного «третьего веселящегося» и т. д. – все это будет неизбежным. Спрашивается, кто из народов России от этого выиграет? Кому принесут пользу такие схватки и громадная тяжесть милитаризма? Кто, кроме сумасшедших просто или «сумасшедших идеалистов» (есть и такая порода людей), воодушевленных наилучшими желаниями крыловского медведя, но подобно ему объективно угощающих камнем в лоб до смерти, может ждать отсюда полезных результатов, даже для своего народа?^{21*} Больше того, с точки зрения интересов и своего народа, и других народов России, и всего человечества такие «идеалисты» не ведают, что творят. Они, подобно большевикам, не учитывая реальных результатов своего «идеализма», объективно являются зачинщиками и подстрекателями войны, виновниками убийств и страданий не только других народов, но и своего собственного... Такая порода идеалистов, к сожалению, еще не перевелась. Пожелаем им серьезно, очень серьезно продумать их «идеалистический сепаратизм» и те результаты, к которым он может привести. Это нужно сделать, ибо всякий политик отвечает не только за свои субъективные цели, но и за те объективные результаты, к которым они приводят.

Могут ли в таких условиях реализоваться культурные плюсы политической самостоятельности, указанные выше? Конечно, нет. Война и борьба, острая и мягкая, открытая и тайная, будут поглощать львиную долю всех народных средств, сил и способностей. Университеты, будучи «духовными» по плоти, увы, для своего бытия требуют материальных средств. То же – и любое учреждение и вся организация страны. Вот почему при таких условиях более чем сомнительными становятся все те плюсы, которые я указал выше. Мало того... Вторым неизбежным результатом такой политики будет превращение если не всех, то большинства выделившихся государств в простую «сферу влияния» какой-либо иной великой державы со всеми неизбежными последствиями этого «мягкого» термина. Эти последствия, как известно, не таковы, чтобы благоприятствовали экономическому и духовному расцвету страны, вошедшей в «сферу влияния». При той громадной ослабленности всех народов России, которую мы видим сейчас, такой результат будет неизбежным. Достаточно сильные вместе, порознь взятые они будут бессильны перед империалистами Запада. Отдельные политики от такого положения дел могут выиграть, но страна, но народ, но его культура проиграют. Скажут на это: «А не все ли нам равно, кто нас эксплуатирует – свой или чужой? Пусть уж лучше англичане или немцы нас сосут, чем Московия или Великороссия». Во-пер-

вых, с объективной точки зрения обвинения «Московия» – детский или просто недобросовестный вздор. Где? Как? В какой форме эта эксплуатация происходила? Да, многим народам чинило много несправедливостей правительство России. Но правительство России не есть правительство Великороссии, кроме того, среди этих эксплуатируемых народов на первом месте было население Великороссию. Да, дворянство эксплуатировало и грабило Украину, Кавказ и т. д. Но оно не меньше, а больше грабило Великороссию. Да и по составу в этом дворянстве и правящих группах великороссов было едва ли не меньше, чем немецких баронов, кавказских князей, украинских казаков и т. д. Излишне приводить дальнейшее опровержение подобного вздора, но напомнить, что иностранная колонизация есть нечто серьезное, что она действительно сопряжена с жестокой эксплуатацией, следует.

Нужно ли указывать другие минусы? Нам не раз приходилось слышать мнение, что не только политика власти, но и сама русская культура (великорусская, как ее называли говорившие) тормозит и душит развитие национальной культуры не-великоруссов. Этот упрек казался и кажется нам столь же обоснованным, как обвинение Шекспира и Байрона в задушении талантов Пушкина и Лермонтова, находившихся под их влиянием. У кого есть талант – это относится и к индивидам, и к целым народам – тот от восприятия иной культуры не гаснет, а зажигается. У кого его нет – тот в обоих случаях не даст ничего. Боюсь, что полная изоляция от «русской культуры» едва ли бы была возможна фактически и едва ли дала бы ценные результаты для большинства выделившихся государств. Да и смешно было бы ее чураться. Во-первых, она кое-чего стоит. Во-вторых, едва ли есть великорусс, который мыслил бы под именем России – Великороссию, под русской культурой – великорусскую, в создании которой никто, кроме великоруссов, не принимал участия. Русская культура – не великорусская, а сплав усилий и творчества многих разнообразных народов, принимавших в ней участие. Чураться ее – значит чураться части самого себя. Вот почему от такого чурания – а при шовинизме вновь образованных государств оно бывает неизбежным – пострадает не великорусская, а их собственная, *русская* культура. Последняя стоит того, чтобы ее хранили и культивировали. Ущерб, наносимый ей при таком чурании, нельзя не считать большим минусом.

Можно было бы указать еще ряд других крупных минусов, но полагаю, что *достаточно этих соображений, чтобы этот путь признать не лучшим из возможных.* Эта оценка имеет тем большее значение, что есть путь, при котором все плюсы этого течения могут быть сохранены без его минусов. Это третье решение позволяет сохранить и реализовать плюсы обоих рассмотренных решений без минусов того и другого. Обратимся к нему.

4. Путь превращения Российской империи в федеративное государство

Из вышеизложенного ясны те недостатки и те фактические препятствия, которые связаны с осуществлением двух предыдущих путей. Множеством условий диктуется сохранение политического единства России. Оно нужно не только и, быть может, не столько в интересах «Московии», сколько в интересах других народов России и их общего достояния, не говоря уже о более широких интересах всей социальной жизни человечества. Со всех этих точек зрения распадение России и нежелательно, и едва ли возможно. Но централизация этой объединительной политики, ее автократизм^{22*}, ее стремление вмешиваться в жизнь частей России, ее неодинаковая расценка отдельных народов России – все это и нежелательно, и едва ли осуществимо. Это не значит, что в ближайший переходный период не будет подобных явлений (или обратных им явлений острых сепаратизмов), что все совершится гладко, без эксцессов и кровопролитий. Нет. Только утопист может быть таким оптимистом. Эксцессы переходного периода будут. Весь вопрос лишь в их объеме и длительности. Но рано или поздно они закончатся. Тогда, с момента вхождения истории России в органически нормальный период, ее дорога лежит на этом третьем пути, диктуемом и целесообразностью, и комбинацией фактических условий.

За ним плюсы обоих первых путей без их минусов. Путь федерации дает все преимущества объединенной, великой России, без минусов централизованно-деспотического объединения. Он же дает и все плюсы второго пути: децентрализацию, вершение всех своих дел народом и правительствами отдельных штатов, кроме дел общефедеративных, входящих в компетенцию центральной федеративной власти, свободу для социального и культурно-национального или областного развития, уничтожение обидного и ведущего к «сепаратизмам» чувства неравноправия и неравноценности. Рядом с этим оно освобождает центральную власть от множества дел и дает ей возможность полнее сосредоточиться на делах общефедеративных. Словом, всесторонние плюсы этого решения ясны, но – слышатся опасливые голоса со стороны ревнителей «единой и неделимой», – не поведет ли федеративность к слабости центральной власти, а тем самым и к слабости России? Для такого огромного государства, как Россия, нужна сильная центральная власть. Иначе – все расползется. Может ли ею быть власть федеративного государства? Полагаю, да. Примеры центральной власти С[еверо-] А[мериканских] Соединенных Штатов, Германской империи, бывшей империей федеративной, говорят ясно, что федерация совершенно не связана со слабостью центральной власти, как думают многие. Любая верховная власть любого нефедеративного государства может позавидовать действенности и активности этих федеративных центральных властей.

– Но, – раздаются голоса с противоположной стороны, – не будет ли такая федерация простой вывеской, под которой будет жить и действовать та же старая централизирующая власть, угнетающая ряд народов и проводящая политику той же «единой и неделимой»? Пример «федерации» большевиков не лишнее ли доказательство обоснованности таких опасений? Поэтому не благоразумнее ли с самого начала отказаться от этого пути, угрожающего такой опасностью, и встать определенно на путь отторжения и «самостийности»? Одни юридические нормы, если под ними и за ними не стоит соответственного реального соотношения сил, конечно, не гарантия. *Но... для защиты своей равноценности и равноправия в российской федерации любому народу сил нужно меньше, чем для защиты их на пути «самостийности».* Если у него нет сил для того, чтобы быть равным среди равных в федерации, то это значит, что тем более невозможна для него суверенность. Встать на этот путь при таких условиях – значит встать на путь если не национального самоубийства, то во всяком случае на путь потери тех прав, которыми в федерации при добром согласии можно было бы обладать и юридически, и фактически. Такой путь сулит некоторый успех лишь при наличии твердой уверенности в военном и всяком другом превосходстве своих сил над силами остальной России. Ибо, как указано выше, стать на этот путь – значит стать на путь жесточайшей войны, войны неминуемой и неотвратимой. В случае полной победы и сокрушения остальной России он даст суверенность, хотя бы и за счет разрушения остальных народов. Но только в этом случае. Да и здесь прочность этой суверенности едва ли будет долговечной. В случае же поражения он обещает деспотию над такой народностью, ибо на войне как на войне и взявший меч не должен и не может рассчитывать на... гуманность и справедливость врага. Заметим, кстати, что плохую услугу и своему народу, и России оказывают те ревнители «национальной суверенности», которые занимаются недобросовестным, неверным и чрезвычайно вредным «улюлюканием» по адресу «Московии» и отождествляемой с нею России. Было бы чудом, если бы со стороны своих противников они не вызвали обратного «улюлюкания» уже не только по их адресу, но и по адресу всего защищаемого ими народа. Поистине временами «сумасбродный идеалист опаснее врага». Не столько цари и президенты, сколько такие «ревнители» являются часто подлинными сеятелями шовинизма, милитаризма и... деспотизма. Я думаю, что едва ли какая-нибудь национальность России может иметь такую уверенность в победе, а потому... этот путь можно рекомендовать лишь... недругу.

Сторонники макиавеллизма могли бы даже сознательно пойти на этот путь с целью дать наглядный урок такой сепаратистской группе. Выделив ее в самостоятельное государство, окружив таможенной границей, создав ряд экономических и других препятствий, введя в нее значительные национальные меньшинства, возбудив антагонизм разных элементов такой «суверенной народности»,

подстрекая и поддерживая в ней гражданскую войну, словом, поступая по методу английской политики в отношении Ирландии, они могли бы превратить жизнь такого государства в ад, где население стало бы задыхаться, где силы его были бы быстро истощены во взаимной борьбе, где от «суверенности» очень скоро бы взвыли. Таким путем можно было бы без всякой войны отбить основательно всякий аппетит к сепаратизмам.

Мы – не сторонники макиавеллизма, потому считаем своим долгом заранее указать «близоруким» на те опасности, к которым они ведут своей политикой, создающей почву для расцвета таких политических приемов.

Caveant consules!^{23*}

Повторяем, если реальное соотношение сил таково, что оно недостаточно для поддержания своих претензий в федерации, то оно подавно будет недостаточно для осуществления своей «суверенности». Как видно отсюда, мы далеки от утопизма. Этот реализм и учет конкретных условий заставляет нас думать определенно и о целом ряде фактических черт этой федерации.

Не ставя задачей этой статьи конкретизацию этого федеративного устройства России, укажем лишь на две черты. Первая. В основных законах может стоять и, вероятно, будет стоять признание равноправности и равноценности различных национальностей России. Фактически этого равноправия, особенно в первое время, конечно, не будет. Роль, например, великорусских и украинских штатов в направлении общей политики государства, с одной стороны, и роль зырян или остяков^{24*} – с другой, будет, очевидно, неодинаковой, ибо... различен реальный удельный вес каждой из этих национальностей. Этого различия не уничтожишь одной юридической нормой равенства. Та же конкретная обстановка заставляет думать, что и компетенция центральной власти России в первое время будет широкой и сильно пропитанной элементами автократизма. Сильным привкусом деспотизма будет пропитана и деятельность национальных правительств отдельных штатов. Почему? Потому что способность самоуправления не падает с неба, не рождается сразу, а требует длительного исторического воспитания. У нас этого воспитания было мало, очень мало, а потому, если центральная власть и власти штатов будут слабы, будет, как в 1917 г., разлив центробежных сил и анархия. Вот почему, раз мы говорим об органическом периоде, т. е. допускаем отсутствие анархии, становится неизбежно и сильная центральная власть, и привкус автократизма в ее действиях. То же относится и к правительствам штатов. Это грустно. И все же лучше, чем другие реальные, а не идеально-утопические возможности. Здесь, как и в любой политической проблеме, речь идет не о выборе наилучшего идеального исхода, а о выборе наименьшего зла из многих других зол.

При всех своих недостатках такая федерация все же представляет наименьшее из многих других зол или наибольшее благо из возможных. Все же она силь-

но будет разниться от политики «единой и неделимой» старого режима, а тем паче – от «коммунистической федерации». Все же она избавляет население от бед, сопряженных с централизацией и неравноправием, и от еще больших катастроф, связанных с политикой разрыва России на отдельные государства. С ростом способности населения к самоуправлению, естественно, будет уменьшаться и элемент автократизма.

Вот почему наш выбор останавливается на этом, а не на других из рассмотренных путей. Спасение и процветание России как общего достояния всех ее народов – с одной стороны, интересы каждого из последних – с другой, и интересы всего человечества диктуют этот, а не иной выход...

<Рец. на кн.:>

**L. MACGARR. THE RURAL COMMUNITY
(СЕЛЬСКИЕ ОБЩЕСТВА)**

New-York. 1922. 239 стр.

**W. BURR. RURAL ORGANIZATION
(ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ)**

New-York. 1921. 250 стр.

«В конечном счете наша цивилизация покоится на здоровье, привлекательности и благоустроенности сельских округов, с одной стороны, и на их экономическом процветании – с другой», – эта мысль Рузвельта может служить мотто^{1*} того огромного движения – и в области мысли, и в области практики, – которое мы наблюдаем за последние годы в Америке. В связи с быстрой урбанизацией С[еверо-]А[мериканских] С[оединенных] Штатов здесь понята опасность дальнейшей урбанизации и громадная важность деревни и ее населения для благоденствия и процветания всей страны. Отсюда – усиленное изучение деревни американской научной мыслью, преподавание специальных дисциплин по «деревенской социологии», «сельскохозяйственной экономике», «сельской организации» и т. д., имеющих почти в каждой американской высшей и даже в средней школе; отсюда же – энергичная деятельность, направленная на улучшение условий деревенской жизни.

Книги M. Garr'a и W. Burr'a представляют типичные руководства для разного рода практических работников в области организации деревни и улучшения ее экономической и духовной жизни. Книга Burr'a об «Организации деревни» носит чисто практический характер; книга Garr'a о «Сельском обществе» содержит в себе и теоретические страницы.

Открывается книга последними главами, рисующими огромное значение деревни для благоденствия страны, в частности С[еверо-]А[мериканских] С[оединенных] Штатов, дающими сжатую характеристику основных различий города и деревни и описывающими специфические черты последней. Из этих глав мы узнаем и быструю урбанизацию С[еверо-] А[мериканских] С[оединенных] Шта-

тов (где сейчас городское население достигает 51,9% всего населения), и наблюдавшееся в прошлом игнорирование интересов американской деревни, и опасности гиперурбанизации, и постановку на очередь задачи интенсивного улучшения деревенской жизни, и то, что за последние годы сделано в этом отношении.

Следующие главы, описывая попутно фактическое положение дел в Американской Республике, имеют уже чисто практический характер.

Глава III посвящена методам изучения и наблюдения деревни, глава V – проблеме морально и умственно дефективных лиц в деревенском населении: их числу, видам, формам их содержания, исправления и воспитания. Здесь же указывается, чем и как может помочь в этом деле деревенский учитель. Глава VI и VII рисуют школьное дело в деревне, типы разных школ, низших, высших и специальных, имеющихся в деревенской Америке, постановку в них учебного и воспитательного дела, положение учителей, их подготовку, программы и т. д. Здесь же приводятся те реформы и улучшения, которые должны быть произведены. Гл. VIII посвящена описанию экономической организации американской деревни: превращению земледелия из «домашнего» в «рыночное», земельной аренде, сельскому кредиту и банкам, сельской кооперации, рынку, дорогам и путям сообщения. Глава IX трактует о «творческих социальных силах в деревне», о санитарной, медицинской и эстетической организации деревни, сельских народных университетах, деревенских библиотеках и газетах, деревенских клубах – мужских, детских и женских, – религиозной жизни деревни и организации церкви и т. д.

Как видно отсюда, книга дает дельное описание всех сторон деревенской жизни в Америке, с одной стороны, ряд общих знаний по «деревенской социологии» – с другой, и множество практических указаний всякому работнику в деревне – с третьей.

Довольно близка к книге Gagg'a по содержанию и книга Burg'a, с тем различием, что практическая сторона дела в ней доминирует еще сильнее.

Определив деревенскую общину как социальное единство, похожее на организм, Burg указывает, что, подобно последнему, община имеет определенные функции или формы деятельности, от надлежащего выполнения коих зависит ее благоденствие и процветание. Задача организатора деревенской общины и сводится, по Burg'у, к тому, чтобы надлежаще организовать основные органы и функции последней, удалить все препятствия, мешающие этой задаче, и ввести условия, ей благоприятствующие.

Конкретизируя эту задачу, автор указывает, что для достижения необходимо, прежде всего, образование в каждой деревенской общине «центров действия», подобных нашему «я» в организме, которые взяли бы на себя задачу «толкать, двигать и выполнять» надлежащие функции. В зависимости от характера по-

следних эти «центры действия», т. е. отдельные инициативные лидеры или группы, могут быть временными или постоянными, в деревенском или общегосударственном масштабе. Как примеры их он приводит и описывает «Farm Bureau», преследующие экономические интересы фермеров, «The Orange» как верховный центр союзов, преследующих социальное и духовное развитие фермеров, религиозные союзы и т. д.; рядом с этими широкими организациями он дает описание и чисто деревенских местных «центров действия».

Во второй части книги он дает классификацию функций деревни. Последние им делятся на две основные группы: на функции экономические и социальные. Первые, в свою очередь, он делит на функции: 1) фермерского производства; 2) продажи; 3) снабжения деревни необходимыми ей машинами и др. предметами; 4) финансирования и кредита; 5) транспортирования и организации средств и путей сообщения. Каждой из этих функций он посвящает обширную главу, описывая типические организации, их выполняющие, их виды и способы деятельности. Так, напр., в главе, посвященной описанию функций производства, читатель находит характеристику «Общества ветеринарного свидетельства коров» («Caw Testing Association»), «Кооперативного союза для борьбы с вредителями», «Общества содействия размножению хороших пород скота» и т. д., и т. д. Из этих параграфов читатель знакомится с организацией и деятельностью таких союзов и с теми выгодами, которые они дали и дают фермерам. Ту же детализацию находим мы при описании других экономических функций.

Третья часть книги посвящена описанию социальных функций деревни. Они распадаются на следующие: 1) на функцию воспитания деревни; 2) ее оздоровления; 3) ее отдыха и восстановления сил; 4) ее украшения; 5) устройства жилищ и увеличения в них комфорта. И здесь при описании каждой функции мы находим ту же детализацию и характеристику главнейших институтов, выполняющих эти функции; так, говоря о воспитании, автор дает описание типов деревенских школ для детей, для взрослых, народных университетов, специальных курсов, клубов для мальчиков и девочек, деревенских митингов и т. д. Говоря о функции «украшения» (Beautifikation), он знакомит нас с обычаями «дней украшения» деревни, «дней посадки деревьев», с «неделями чистки и крашения», со специальными кампаниями «разбивки садов и полей» и т. д. То же и в других отделах.

В итоге книга дает хорошее описание разных форм деятельности в организации американской деревни, знакомит с картиной жизни последней и снабжает читателя рядом ценных практических указаний.

Многие из них, как многое и из самой американской практики, весьма полезно и для нас, русских. Не только полезно, но и применимо. А потому все работники в области будущего возрождения России, и особенно русской деревни,

должны самым серьезным образом изучить то, что сделано и делается в деле организации деревни в Америке. Учитывая же, что возрождение России невозможно без возрождения русской деревни, наши все высшие и средние школы, учительские институты и семинарии теперь же должны ввести в число главных предметов своего преподавания специальные курсы «по организации деревни», по «деревенской социологии», по «сельскохозяйственной экономике». Если урбанизированная Америка сочла нужным это сделать, то тем необходимее это сделать нам.

НАСЕЛЕНИЕ, КЛАСС, ПАРТИЯ

В связи с грядущими судьбами России, в частности в связи с организацией новых политических партий и консолидацией социальных классов, вопросы о природе социального класса, его месте в ряду других общественных групп, его взаимоотношениях с политической партией должны были выплыть на поверхность русской общественной мысли как «вопросы дня», поставленные на очередь. Так и случилось. Повод к обсуждению их был дан появлением «Крестьянской России»^{1*}. Задания последней: всемерное содействие поднятию экономического и духовного уровня крестьянства России, возрождение последней – через возрождение этого класса, через его экономическую, культурную и политическую организацию – вызвали ряд откликов в русской печати. Часть этих откликов, напр[имер] статьи А.К. и А.В. Пешехонова в «Днях», свои возражения против позиции «Крестьянской России» поставили именно в плоскость обсуждения проблемы класса, политической партии и их взаимоотношений^{2*}.

Ввиду этих общих и частных причин небесполезно, хотя бы сжато, коснуться этих проблем и рассмотреть их объективно. Эту задачу и преследуют дальнейшие строки данной статьи.

1

Население любого государства не представляет чего-то однородного, а распадается на множество различных социальных групп, друг с другом не совпадающих и друг друга не покрывающих. Примерами таких групп могут служить: группы языковые, состоящие из лиц, говорящих на одном и том же языке (великороссы, украинцы, татары, башкиры, грузины и т. д.), группы профессиональные (земледельцы, плотники, рабочие-металлисты, печатники, инженеры, врачи и т. д.), группы имущественные (богатые и бедные), группы объемно-правовые («привилегированные» и «обделенные»), группы религиозные (православные, католики, магометане, буддисты и т. д.) и т. д. Таких групп очень много в современном обществе. Иными словами, линии социальной дифференциации последнего чрезвычайно сложны и запутанны.

Обратной стороной этого явления служит факт принадлежности каждого индивида не к одной, а множеству групп, друг с другом не совпадающих. Каждый из нас – вольно или невольно – является как бы «абонентом» множества разнородных – по объему и характеру – объединений. По подданству я принадлежу к Русскому государству, по религии – к православной церкви (новая группа, отличная от государственной, ибо не все русские граждане – православные и не все православные – русские подданные), по профессии – к новой группе, отличной от церкви и государства, по языку – к новой и т. д.

Этот факт сложной социальной дифференциации имеет огромное значение в деле солидарности членов общества друг с другом и в деле обусловления их поведения и взаимоотношений.

При равенстве прочих условий члены одной и той же группы более солидарны друг с другом, чем с членами иных резко отличных групп. Сходство лиц по вере или профессии, имущественному положению или языку влечет сходство их интересов в целом ряде отношений, скрепляет их в одно целое, накладывает определенную печать на их воззрения и убеждения, верования и вкусы, желания и стремления, короче, на все их поведение. Отсюда – их солидарность и ряд сходств в психике и поведении.

В ряду многочисленных групп, на которые распадается население государства, находятся и те группы, которые называются *социальным классом* и *политической партией*. Если социальное значение второй из этих групп не так велико, то социальный класс представлял и представляет исключительно важную, пожалуй, наиболее влиятельную социальную группу.

2

Что такое социальный класс? Определений его существует великое множество¹. Я не буду здесь приводить их. Наиболее правильным представляется мне следующее определение: социальным классом будет совокупность лиц, сходных между собой по профессии, имущественному положению и по объему прав, следовательно, имеющих тождественные или близкие профессиональные + имущественные + социально-правовые интересы.

К этим признакам класса следует прибавить дальнейшие, а именно: 1) класс – группа в известной мере открытая, вход и выход из него не воспрещен юридически; 2) к этим трем сходствам: по профессии, имущественному положению и объему прав – присоединяется и на них нарастает целый ряд сходств в области поведения, нравов, психики и идеологии, еще теснее скрепляющих членов одного и того же класса.

¹ См. мой II т. «Системы социологии», с. 283–306^{3*}.

В итоге этих сходств члены последнего становятся в массе отношений солидарными друг с другом, в массе отношений – сходными один с другим, наконец, в массе жизненных взаимоотношений – имеющими одни и те же желания, стремления и интересы, одних и тех же классовых противников, одну и ту же идеологию. Почему? Потому, что *профессия, имущественное положение и объем прав лица представляют условия, колоссальным образом определяющие поведение и интересы человека, его убеждения и взгляды, верования и вкусы*. Каждое из этих условий накладывает определенную печать на физическую и духовную природу человека, на все его поведение и мироощущение.

Профессия «штампует» человека по «своему образу и подобию». В своем исследовании «Влияние профессии на поведение людей»² я на основании чужих и своих исследований показал, что профессия деформирует физическое или соматическое строение организма, наши акты, наш внешний вид, наши поступки, наши интересы, нашу психику: процессы восприятия, память, представления, характер ассоциаций, наши убеждения, идеологию, наши вкусы и оценки, словом, все наше поведение.

От этого рикошетного влияния профессии, представляющего частный случай ламарковского положения «функция создает орган», не свободен никто^{4*}. Перефразируя марксовское положение, можно сказать: «Профессиональное бытие определяет наше сознание».

В силу этого вполне понятным становится факт сходства – в ряде физических и психических черт – лиц одной и той же профессии и факт различия лиц разных и далеких друг от друга профессий. В силу того же сходства профессий интересы однопрофессиональных лиц неизбежно будут сходными во многих отношениях. Сходными будут их желания и стремления. Иначе говоря, в той или иной мере они неизбежно будут солидарными. И обратно: лица разных и резко различных профессий во многом будут друг для друга жителями «разных планет», говорящими на разных языках.

Сказанное о влиянии профессии может быть сказано и об *имущественном положении лица*. Оно также сильнейшим образом детерминирует поведение человека, деформирует его духовную и физическую природу, прививает ему интересы, взгляды и образ жизни соответственно степени бедности и богатства. Исследования Шмоллера, Bauer'a, Descamps, D'Aeth'a и др.³ об образе жизни, манерах, вкусах, обстановке, одежде, привычках, умственном уровне лиц, принадлежащих к одному и тому же имущественному слою, показали поразительное сходство их во всех этих отношениях. Это сходство неизбежно порождает сходство интересов и солидарность в ряде отношений лиц, одинаково богатых или одинаково бедных. И обратно: неизбежно выплывают антагонизмы между

² Вопросы изучения и воспитания личности. СПб., 1921, № 3.

³ См. П. т. «Системы социологии», с. 161 и сл.^{5*}

резко различными имущественными слоями. Не сказано ли: «Сытый голодного (богатый бедного) не разумеет». И обратно.

Наконец, то же в известной мере может быть сказано и *об объемно-правовом положении индивида*. Возьмите самую разношерстную группу лиц, наделяйте ее какими-нибудь привилегиями или обделите ее в каких-нибудь правах, и... вы сделаете их солидарными в размере этих прав или правовых лишений. Вы свяжете их этой объемно-правовой связью в одно целое. Привилегированные будут цепляться за свои привилегии, обделенные – бороться за свое равноправие⁴. Отсюда – солидарность лиц одного социального ранга и вечная борьба, вечный антагонизм «привилегированных» и «обделенных», «аристократии» и «демоса», «патрициев» и «плебеев», «господ» и «рабов», «властвующих» и «подвластных».

Если каждое из этих порознь взятых условий оказывает столь сильное влияние на душу и тело, на поведение, интересы и солидарность человека, то легко понять всю огромность влияния всех этих трех условий – профессии, имущественного уровня и объема прав, – вместе взятых.

Индивиды, поставленные под сходное «давление этих трех атмосфер», неизбежно «сплавляются в единую гомогенную массу», внутренне солидарную, внутренне-сходную в массе психических и физических отношений. Имя этой массе – класс. Не агитация, не пропаганда сплачивают членов одного класса в подобие единого коллективного тела, а прежде всего эти три условия. Агитация и пропаганда лишь поясняют и отшлифовывают то, что носит название «классового сознания», существующего до них и без них, хотя и в более смутной форме.

Сказанное уясняет всю прочность массовых связей, их органический характер, их нерасторжимость вне и без изменения этих трех условий.

Нравится ли это или не нравится, но факт таков, и его приходится констатировать. Связи множества других групп – не классовых – гораздо легче разрываются, чем связи класса.

Учитывая это, плюс тот факт, что *социальные классы обычно представляют не маленькие группы в 100 или в 1 000 человек, а группы многочисленные, насчитывающие миллионы членов, легко понять огромный удельный вес классовой группировки в ряду других – не классовых – социальных группировок.*

Когда эти «социальные глыбы» начинают ворочаться и приходят в движение, поистине начинается настоящий ледоход всей социальной жизни. Ряд других социальных групп (но не все), взятых поодиночке, при столкновении с классовой группой разлетаются вдребезги, другие – дают трещины, третьи – получают повреждения.

Отсюда понятно, почему в социальной жизни класс часто выступает как некое единство даже тогда, когда нет нарочитой организованности. Тождество

⁴ См. факты во II т. «Системы социологии», с. 173 и сл.^{6*}

условий и положения ведет за собой сходство реакций членов одного класса на сходные явления. Этим объясняется стихийно-эпидемический характер классовых движений, проявляющийся в стихийных стачках и других выступлениях, совершающихся сплошь и рядом без специальных агитаторов или организаторов.

Если бы не было других групп, помимо классов, участниками которых члены класса являются (религиозные, государственные, языковые и др[угие] группы), то эта солидарность и сходство членов одного и того же класса были бы еще большими.

Это основное единство класса ничуть не исключает, конечно, дальнейших его подразделений и в связи с этим ряда внутриклассовых антагонизмов. Дело в том, что сходство – и по профессии, и по экономическому положению, и по объему прав – в пределах одного класса имеет градации. Есть слои, лучше обеспеченные, чем другие слои того же класса, наборщики по профессии поэтому гораздо ближе друг к другу, чем к рабочим-ткачам. Объем прав рабочих одной отрасли может быть большим, чем рабочих других отраслей промышленности. Эти относительные различия по тем же трем признакам делают понятным дальнейшее дробление класса на подклассы, на виды и более детальные группы, с одной стороны, с другой – объясняют существование внутриклассовых антагонизмов. Но в общем и целом наличие этих явлений не уничтожает существование класса как социального единства, ибо контраст по линиям профессии, имущества и объема прав между огромным большинством членов данного класса и другими классами является несравненно большим, чем между отдельными слоями одного и того же класса.

Иллюстрируем сказанное. Возьмем для примера социальную группу, называемую *пролетариатом*, в ее реальных, а не фиктивных проявлениях. Какими признаками она характеризуется? Во-первых, это группа лиц, близких или сходных по профессии. Ядро ее составляется из лиц, занятых главным образом физическим трудом на фабриках и заводах, продающих свою мускульную энергию и живущих заработной платой. Сбоку с этим ядром соприкасается слой «интеллигентного пролетариата», подобно первому продающего свой труд и частично с ним сходного в этом отношении.

Второй признак пролетариата – это сравнительная *экономическая бедность*. Заработок его относительно невелик. Значительной собственности и капиталов нет. Лица, хотя и сходные с ним по профессии, но получающие несравненно больший доход (напр[имер], инженер, директор предприятия и т. п.), по своему поведению и интересам уже отличны от настоящего пролетариата, они чаще солидаризируются с «буржуазией», а не с последним.

Третий признак пролетариата – *юридическая или фактическая обделенность в правах* (кроме стран с «диктатурой пролетариата», ведущей неизбежно к исчезновению и деклассированию его) *по сравнению с рядом привилегированных классов.*

Правда, на бумаге как будто уже давно признано равенство всех перед законом. Но и то не везде. Имуущественные цензы в скрытой и явной форме, необходимые для занятия ряда должностей, ряд фактических изъятий в правах пролетария, невозможность фактического пользования многими формальными правами и благами в силу бедности и т. д. – все это делает этот класс обделенным по сравнению с другими – богатыми и аристократическими – группами.

Лица, удовлетворяющие этим трем признакам, и составляют класс настоящего пролетариата. Отнимите от отдельного пролетария один из основных признаков этого класса (например, сделайте его из бедного богатым или из обделенного – диктатором, из рабочего – министром), и данный человек автоматически перестанет быть пролетарием.

Сообразно со сказанным выше о разных слоях и пределах одного и того же класса, и класс пролетариата распадется на ряд внутриклассовых групп и делений с неизбежными внутриклассовыми антагонизмами, не уничтожающими, однако, антагонизмов данного класса с другими классами, с одной стороны, и с внеклассовыми группами, например государством, церковью и т. д. – с другой.

Сказанное о пролетариате с соответственными изменениями применимо и к классу крестьян. Он состоит из совокупности лиц, *по профессии* принадлежащих к земледельцам, добывающим средства к жизни путем личной обработки своей земли, *по имущественному положению* – к слоям, относительно бедным (по сравнению с классами крупных землевладельцев и капиталистов), *по объему прав* – подобно пролетариату, обделенных в ряде отношений юридически и фактически.

Профессиональный признак резко отделяет крестьянство от пролетариата, имущественное положение и объем прав – от класса представителей финансового, промышленного и торгового капитала, с одной стороны, с другой – от класса крупных землевладельцев бывшей России. Как и любой класс, крестьянство по градации этих трех признаков распадалось на ряд подклассов и внутриклассовых групп (например, многоземельные и малоземельные, «кулаки», «средняки» и «деревенская беднота») с соответственными внутриклассовыми антагонизмами. Революция в первые годы уменьшила дифференциацию крестьянства во всех этих отношениях. Но с 1921 г. последняя стала снова расти, и нет сомнения, что в постреволюционной России мы встретимся с классом земледельцев-крестьян с значительной внутриклассовой дифференциацией и с значительными внутриклассовыми антагонизмами.

Перейдем теперь к *политической партии*.

Под последней следует разуметь совокупность лиц, объединенных в одну группу главным образом идеологической связью – сходством воззрений и задач в области основных проблем социальной и государственной жизни. Конечно,

как увидим, чаще под этой идеологической связью скрываются другие, более осязаемые связи и интересы, но не у всех партий и не всегда⁵.

Из этого определения вытекает, что класс и партия – группы существенно различные.

Каково же их взаимоотношение?

3

В соответственной литературе мы встречаем три основных решения этой проблемы.

Первое пытается если не формально, то по существу провести знак равенства между классом и партией, считая, что партия есть орган защиты интересов соответствующего класса. «Трем большим классам общества, – читаем мы, напр[имер], у Каутского, – соответствуют и три большие политические^{8*} партии, выступающие в политике современных государств: либералы, консерваторы и социалисты»⁶.

Второе течение пытается отрицать связь классового и партийного деления. Согласно ему, партийное и классовое деление ни в малой мере не соответствуют друг другу. «Я поистине изумлен, – говорит, например, Лагардель, – как могут люди, сохранившие чутье к экономическим реальностям, сблизать с классами конгломераты людей, принадлежащих к самым различным классам, сошедшихся со всех пунктов социального горизонта и объединенных единственно лишь идеологической связью, каковыми являются политические партии»⁷.

Третье течение занимает промежуточную позицию между этими крайними решениями. В отличие от первого, оно отрицает прямое и адекватное соответствие партий социальным классам, в отличие от второго, оно не отрицает начисто известного соответствия первых вторым.

Спрашивается, которое из этих решений является правильным?

Несомненно, третье. Доказать это очень нетрудно. Достаточно привести небольшое число фактов, чтобы картина реальных взаимоотношений класса и партии была ясной. Против первого решения говорят следующие факты. *Во-первых, в составе одной и той же партии имеются члены различных классов, и обратно, члены одного и того же класса входят в состав различных политических партий.*

Неоднократно исследованный классовый состав членов ряда политических партий, вплоть до наиболее однородных, в разных странах ясно говорит об

⁵ См. подробно во II т. моей «Системы социологии», с. 205–225, 435–437.^{7*}

⁶ Каутский. Очередные проблемы международного социализма. Рус. пер., с. 15.

⁷ Лагардель. La Confederation du Travail et le parti socialiste.

этом. Что в Англии в состав либералов и консерваторов, а в более новое время и в состав Labour Party входили и входят лица разных классов – это не подлежит сомнению⁹. То же имело и имеет место в партиях демократов и республиканцев в С[еверо-]А[мериканских] С[оединенных] Штатах⁸.

Даже в наиболее однородной социал-демократической партии Германии, как раньше, так и в недавнее время и теперь, членами состояли и состоят лица разных классов. В 1903 г. в состав ее членов и лиц, голосовавших за нее, входило не менее 500 000 человек, не принадлежащих к рабочему классу. И обратно: не менее 1/3 пролетариата входило в состав буржуазных партий⁹. То же было и в 1913–1914 г. Из 5 391 тысяч рабочих, объединенных в союзы (не говоря уже о 10 миллионах не входивших в них), только 2 573 тысячи входили в партии социал-демократов, из остальных 626 тыс. – в партию центра, 355 тыс. – в партию консерваторов и национал-либералов, 107 тыс. – в партию прогрессистов, 7 тыс. – в объединение анархо-синдикалистов, остальные – в разные мелкие партии¹⁰.

То же и в других странах. По подсчетам Р. Михельса, только одиннадцатая часть мирового пролетариата входит в социалистические и синдикальные объединения¹¹. И обратно: тот же Михельс показывал, что в состав социалистических партий входит немало богачей, капиталистов и лиц, не принадлежащих к рабочему классу¹². Больше того, основателями, теоретиками и лидерами «рабочих» партий (Сен-Симон, Фурье, Оуэн, Л. Блан, Маркс, Энгельс, Лассаль, Жорес и др., в России – Бакунин, Герцен, Кропоткин, Михайловский, Лавров, Плеханов, в наше время лидеры: Мартов, Дан, Ленин, Троцкий, Красин, Чернов, Керенский, Гоц, Зензинов и др.) были и останутся лица, никогда на фабрике не работавшие, за сохой не ходившие, вышедшие из других – сплошь и рядом «буржуазно-аристократических» – классов и групп.

Даже в РКП, по ее официальной статистике, только 81,5% членов были в прошлом рабочими и крестьянами^{10*}.

То же в еще большей степени может быть сказано о других партиях и классах. Далее, как правильно указывал еще М.И. Туган-Барановский, *тот же факт свидетельствуется и быстротой партийных перегруппировок*. Обычно в один-два-три года победы партий резко меняются. Сегодня победили «либералы», через год, смотришь, они оказались разбитыми. Сегодня граждане валом валят в такую-то партию, сотнями тысяч голосуют за нее, записываются в ее члены; завтра с такой же стихийностью выходят из нее и переходят к другой партии.

⁸ См. об этом: *Ostrogorski. La démocratie et les partis politiques. 1912.*

⁹ См.: *Blank. Die Sociale Zusammensetzung* и т. д. в *Arch. f. Sozialwissenschaft. 1905*, кн. III.

¹⁰ *Лурье. Состав пролетариата. СПб., 1918, с. 10.*

¹¹ См.: *R. Michels. Les partis politiques*, p. 186–188 и др.

¹² *Его же. La crisi psychologia del socialismo // Rivista ital. di sociologia, 1910.*

Иногда такие явления происходят в несколько месяцев. Необычайный рост партии соц[иалистов]-революционеров весной 1917 г., ее победа на выборах в органы самоуправления летом 1917 г. и огромная потеря голосов и членов к концу 1917 г.; успех левых социалистов и коммунистов в Италии 1920–21 гг. и внезапная потеря голосов и членов, отбитых фашистами в 1922 г. – примеры сказанного.

Очевидно, классовое строение общества не может так быстро меняться. Этот факт снова говорит об отсутствии прямой и тесной связи между классами и партией.

Наконец, *о том же говорит и различие профессионально-классового движения и профессионально-классовых организаций от организаций партийных.* Первые строились и в значительной мере шли под флагом беспартийным. Это относится и к английским тред-юнионам, и к немецким и к американским профессиональным объединениям, и к Всеобщей Конфедерации Труда во Франции^{11*}.

Все сказанное делает совершенно бесспорным неверность критикуемого первого решения. Прямого и непосредственного соответствия между классом и партией нет.

Значит ли это, что верно второе решение, отрицающее всякое соответствие класса и партии и признающее внеклассовый и всеклассовый состав партии?

Нет, не верно, по крайней мере, в применении к основным, а не чисто эфемерным партиям. Почему? Потому что, несмотря на разноклассный состав партий, в каждой из них основной пласт членов вербуетея из того класса, интересы которого всего сильнее защищаются данной партией. Несмотря на все партийные махинации, партии рабовладельцев трудно нанебовать в состав своих членов большое количество рабов. И обратно: партии, ставящей своей задачей уничтожение привилегий капиталистов или земледельцев, трудно вовлечь в свои ряды огромное число представителей этих классов. Это мы видим и на приведенных выше примерах. Хотя не вся масса организованных рабочих в Германии входит в состав социал-демократической партии, все же сюда входит основной пласт их. Хотя сюда же примыкают многие члены буржуазных классов, но не большинство, а меньшинство. Большинство их принадлежит к другим – «буржуазным» – партиям, где они и образуют основной пласт их членов. То же может быть сказано и о других партиях, вплоть до крестьянских. Крестьяне отдают и могут отдавать свои голоса в пользу различных партий, но раз образовалась партия или партии, наилучше защищающие интересы крестьянства и защищающие их объективно умело, а не фиктивно и не на словах только, то, конечно, крестьянство отдавало и отдает большинство своих голосов этой или этим, а не другим партиям. Это мы видим в наше время в ряде стран.

Вот почему второе решение, столь энергично заявленное Лагарделем, неверно.

Истина, как указано выше, лежит посередине между этими крайними ответами.

Отсюда же вытекает и *ложность взглядов, пытающихся доказать возможность существования единой или общенародной, или внеклассовой партии*. Такая партия была бы возможна, если бы... не было классовой (да и не только классовой) дифференциации общества. Если же последняя существует, если все вышесказанное о громадном деформирующем влиянии класса на душу и тело, на поведение и интересы членов класса, на взаимную солидарность лиц одного класса, на антагонизм – невольный и неизбежный – членов разных классов (увы! – неопровержимый и несомненный факт), то отсюда понятна вся невозможность реального существования таких «общенародных» или «бесклассовых» партий. Создание и существование их столь же возможно, как возможна «квадратура круга». Партии, так себя именующие, представляют или штаб без армии, или взаимно-парализующих друг друга индивидов, ничем не объединенных, кроме вывески, и фактически идущих «кто в лес, кто по дрова, кто из лесу», или – что чаще бывает – классовую партию, сознательно или бессознательно маскирующую свою классовость «общенародной» вывеской. Только в редкие исторические моменты, когда грозит ряду классов общий враг или огромная опасность (например, во время войны), возможно объединение разных классов на общей задаче, но оно не представляет создания «общенародной» партии, а простое временное ограничение интересов ее участников, вызванное исключительными условиями. Проходят эти условия – классовые антагонизмы вновь вспыхивают еще с большей силой, и временное самообуздание классов исчезнет. Это печально, но это – факт.

4

Сказанным, однако, вопрос еще не разрешается. Раз некоторое соответствие между классом и партией есть, то спрашивается: от каких условий зависит большая или меньшая степень этого соответствия? Почему нельзя было бы думать о создании абсолютно адекватной данному классу партии? Что мешает этому? И, наконец, следует ли расценивать создание такой партии (если оно возможно) как социальный плюс или как социальный минус?

Причины, определяющие степень соответствия партии классу, многочисленны и лежат, помимо характера партии, как в природе самого данного класса, так и в природе всей социально-морфологической структуры населения. *Чем сильнее дифференциация на разные слои внутри данного класса и внутриклассовый антагонизм разных групп последнего, тем труднее создание единой, адекватной данному классу партии*. Удовлетворяя одни слои (напр[имер], «кулаков» или

рабочую аристократию), она не будет адекватной интересам других слоев того же класса. Результатом этого явится или создание наряду с первой новых партий того же класса, призванных защищать интересы неудовлетворенных слоев, или ... отрыв последних от единой существующей партии, переход и передача голосов партиям других классов, наилучше обеспечивающих интересы этих слоев. Это объясняет, почему нередко для защиты интересов одного и того же класса существуют не одна, а две или три разные партии, вербующие основную массу своих членов из одного и того же класса. Это мы видим как в отношении «рабочих» партий, так и «буржуазных», как в отношении «рабочего» класса, так и «буржуазного». Возьмите современную коллекцию основных партий Франции, начиная с коммунистов и кончая роялистами, партии Германии, Италии, Чехословакии и других стран – везде мы видим не одну, а две или три «рабочие» партии, две или три «капиталистические», две или три «землевладельческие» партии, выступающие под разными именами. Такое дробление партий одного и того же класса неизбежно, раз дифференциация внутри последнего класса сильна и значительна.

То же условие объясняет в известной степени, почему члены данного класса оказываются членами партий иного класса: «буржуй» – социал-демократом, «рабочий» – членом католической партии, многоземельный крестьянин – членом «партии октябристов»^{12*}.

Такая аномалия означает, прежде всего, что интересы таких «перебежчиков» неадекватны политике и программе соответствующей партии их класса. Вот почему при наличии класса со значительной внутриклассовой дифференциацией создание *единой* адекватной классовой партии, которая собирала бы *все или почти все голоса данного класса*, невозможно.

Вторым основным условием, определяющим степень адекватности класса и партии, является *сложность и глубина общей* (а не только классовой) *социальной дифференциации*.

Чем больше число разнородных групп, на которые распадается данное население (религиозных, языковых, профессиональных, имущественных, объемно-правовых, территориальных, идеологических и т. д.), *и чем грань между ними легче проходима, иначе – чем легче совершается и интенсивнее происходит циркуляция индивидов из группы в группу, из слоя в слой, тем труднее создание единой, адекватной классовой партии.*

Мы видели, что обратной стороной социальной дифференциации служит факт принадлежности индивида к ряду различных, друг друга не покрывающих и друг с другом не совпадающих групп. Чем сложнее дифференциация, тем к большему числу разнородных групп оказывается принадлежащим индивид. Каждая из них берет «частичку его души» и его интересов и тем самым мешает одной партийной группе целиком забрать его «душу» и «тело», сделать его полной своей добычей. С другой стороны, подвижность и проницаемость со-

циальных барьеров, иными словами – интенсивное перемещение индивида из группы в группу, из слоя в слой, мешает каждой из групп «штамповать» его исключительно по своему образцу и подобию, накладывать на него печать «одногрупповой идиосинкразии»^{13*}, своих узкогрупповых, эгоистических интересов. Если бы индивид оказался на всю жизнь прикованным к данной группе, это неизбежно случилось бы, как это имеет место в касте. Когда же индивид сегодня рабочий-печатник, завтра – рудокоп, послезавтра – коммерсант, а позже – писатель или предприниматель, когда он сегодня живет в Колумбии, завтра переехал в Сан-Франциско, а послезавтра поселился в Техасе, когда и профессия, и экономическое положение, и объем прав, и место жительства, и религия, и вкусы его часто меняются, тогда он неизбежно становится «многогранным», свободным от печати «единой, узкогрупповой идиосинкразии», тем самым переменчивым в своих политических симпатиях и антипатиях, а потому не «по гроб жизни» преданным той или иной партии.

Сказанное объясняет, почему в таких странах, как, напр[имер], С[еверо-]А[мериканские] С[оединенные] Штаты, мы находим гораздо менее выраженным классовый характер основных политических партий, чем в странах отсталых. Вопреки распространенному мнению, особенно с легкой руки марксистской догмы, в таких странах гораздо меньше шансов на классовый характер партий, чем в странах отсталых, с менее сложной социальной дифференциацией и с меньшей интенсивностью социальной циркуляции. В России или в Болгарии адекватные классовые партии легче могут иметь место, чем в странах, подобных Соединенным Штатам Америки.

Но и в первых странах, помимо указанных выше причин, есть ряд других обстоятельств, мешающих прочному созданию единой адекватной классовой партии. Во-первых, и здесь социальная дифференциация ушла настолько далеко, что ни одна партия не может взять на себя обслуживание *всех* потребностей данного класса, начиная с эстетических, религиозных, языковых и кончая экономическими. Создание такой «партии-касты» или «партии-средневекового цеха» сейчас невозможно. Ряд «частичек души и тела» членов класса захвачены другими внепартийными группами, разными для разных членов данного класса, ибо их религия, язык, вкусы, уровень развития неодинаковы; последние оказывают свое давление на партийные тяготения индивидов и в силу своего различия вызывают большее или меньшее распыление их по партиям. Примером такого партийного распыления членов одного и того же класса под влиянием различия внепартийных, в частности религиозных, групп может служить партийное и даже профессиональное распыление рабочего класса Германии или Бельгии. Мы видим, как католики-рабочие отдают голоса не социал-демократии, а партии центра и образуют особые конфессиональные рабочие союзы. Такую роль может сыграть момент языковой (национальный) или расовой. Достаточно четко

это мы видели в Австрии, видим сейчас в Чехии и в других странах; роль расовых групп великолепно рисуется положением дел в С[еверо-]А[мериканских] С[оединенных] Штатах (негры-рабочие часто более солидарны с неграми-предпринимателями, чем с белыми рабочими. То же может быть сказано и о последних, не допускающих негров-рабочих в свои тред-юнионы и т. д.).

Во-вторых, когда такая относительно монополюльно-классовая партия создается, она неизбежно «зарывается». Увлекаясь преследованием исключительно классовых интересов, она в случае победы начинает душить не только другие классы, но и массу внеклассовых и внепартийных групп; не только аннулирует их привилегии, но и жизненные интересы, необходимые не только для существования этих групп, но и всего населения, вплоть до самого властвующего класса. Итогом является рост расстройств всей социальной жизни, рост общественного недовольства в широких массах населения, вплоть до слоев самого «властвующего класса», падение кредита монополюльной партии и социальный кризис, разрешающийся мирным или кровавым низвержением такой «зарвавшейся» партии.

Из сказанного вытекает вся утопичность и в то же время вся ретроградность не только таких «монополюльно-классовых» партий, но и многих модных теперь планов реконструкции общества, выдаваемых за «последнее слово» *quasi*-демократической и революционной мысли. Под ними я разумею ряд проектов, довольно разнородных по форме и пропагандируемых лицами и группами, часто принадлежащими к самым полярным социальным кругам, но, несмотря на это разнообразие проектов, тождественных в своей сущности. «Гильдейский социализм» – одно название этих проектов, «назад к средневековым цехам и гильдиям» – другое, «универсальный синдикализм» – третье^{14*}. Теоретики гильдейского социализма, ряд демократов и социалистов, революционные синдикалисты типа Сореля и Лагарделя, Гриффюэльса и Лабриолы, «реакционеры» Бердяев и Франк, юрист Л. Дюги, российские апологеты крепостничества – такова пестрая смесь лиц и групп, казалось бы, самых противоположных и враждебных и вместе с тем в данном отношении весьма сходных по существу. Отбрасывая шумиху слов и всякие несущественные детали в их репертуаре, мы получаем у всех у них один и тот же рецепт лечения общественных зол и реконструкции общества: *нужно заменить современное пестрое и сложное социальное разделение общества одним основным: профессионально-классовой дифференциацией и объединениями.*

Место современной многолинейной дифференциации человечества по государствам, религиям, национальностям, расе, партиям и т. д. должно быть занято одним основным делением населения на профессионально-классовые гильдии или цехи, синдикаты или объединения. Пусть каждый такой синдикат или гильдия, например железнодорожников, будет для его членов «универсальным

государством», которое удовлетворяло бы все потребности последних. Делало бы ненужными все другие группы, владело бы своими членами от рождения до смерти монопольно и безраздельно¹³. Тогда, уверяют нас наиболее пылкие апологеты этих планов, на земле будет «тишь, да гладь, да Божья благодать».

Такова в схематизированном и логизированном виде сущность этих спасительных планов¹⁴. Как видно отсюда – эта сущность недалеко от рассмотренных «монопольно-массовых партий».

Поистине, надо довольно серьезное «смятение умов», чтобы такие рецепты могли получить серьезную популярность и кадры многочисленных адептов. «Отче мой! прости им, не ведают бо, что творят!»^{15*} – хочется сказать при виде многих демократов и социалистов, распинающихся за такие проекты.

Реализация их означала бы не возврат даже к средним векам, а не больше не меньше как... восстановление настоящего кастового строя.

К касте индивид прикован навсегда, к грядущему синдикату или гильдии – тоже.

Каста целиком поглощает личность и становится ее монопольным обладателем. Тем же должен быть и синдикат.

Каста регулирует почти все его [человека] поведение. То же будет делать и универсальная гильдия.

Каждый из синдикатов, подобно касте, будет штамповать индивида по своему образу и подобию, фабриковать «узколобых» и однобоких синдикальных манекенов. «Синдикальная идиосинкразия» и «узкогрупповой эгоистический моноидеизм»^{16*} достигнут небывалых размеров. Члены разных синдикатов будут жителями разных планет. В итоге вместо «равенства, братства и свободы» получится такой «рай», такое неравенство, такой разгул гильдейско-синдикального эгоизма и междусиндикальной борьбы, что современная общественная организация будет поистине недостижимым идеалом по сравнению с этим кастово-синдикальным казематом.

На месте крепостника я бы первый подписался и стал пропагандировать такие проекты. Но на месте многих освободителей я бы благоразумно воздержался от славословия таких планов.

Они настолько «радикальны», что в случае их реализации они сразу отбросили бы человечество на много-много веков назад.

Но «страшен сон, да милостив Бог». К нашему счастью, в такой радикальной форме все эти проекты абсолютно утопичны. Они еще более нереализуемы, чем «монопольные классовые партии». И в силу тех же оснований, что и последние.

¹³ «Синдикат должен стать целостным и синтетическим органом, охватывающим всю личность рабочего как гражданина, как экономического человека, как индивидуума, имеющего собственную личность», – вот, в формулировке Лабриолы, чем должен быть синдикат.

¹⁴ См. ряд теорий в книге *П.И. Новгородцева* «Об общественном идеале». См. мой т. II «Системы», с. 182–198, 235–241, 497–514.

Частичная же реализация некоторых черт синдикализма, как и реализация относительно-классовых партий – явление совсем иного рода. С точки зрения их осуществимости – и относительный или релятивистический синдикализм, и относительно классовые партии – вполне возможны. Абсолютный же синдикализм или абсолютно-классовая партия – чистая утопия.

С точки зрения желательности реализация первых при достаточной осторожности, моральности и умелости в ряде стран может быть не только не вредной, но, напротив, может быть хорошим коррективом многих явлений современного строя и сослужит социально-полезную службу не только данному классу, но и всему населению.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ЭМИГР[АНТСКОЙ] РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

В данной статье я хочу поделиться несколькими «еретическими» замечаниями, касающимися воспитания и образования русской учащейся молодежи за границей.

За рубежом находится несколько тысяч одних русских студентов. Открыт и функционирует ряд высших учебных заведений. Нет сомнения, что огромная часть этой молодежи вернется в Россию. При обнищании нашей родины культурными силами она составит внушительный отряд интеллигентных работников по воссозданию разрушенной страны.

Спрашивается: все ли обстоит в порядке в смысле подготовки этой молодежи для грядущей великой работы? Вполне ли целесообразно устроены существующие учебные заведения? Получает ли молодежь в них то, что ей нужно сейчас и что понадобится в будущем? Достаточно ли здоровые навыки и правильные привычки укореняются в самой молодежи в эмиграции?

Ответ на эти вопросы зависит от тех заданий, которые ставятся. Для меня руководящими началами здесь служат два принципа: *1) максимальная пригодность и полезность этой молодежи в будущей созидательной работе в России; 2) экономическая и социально здоровая возможность ее существования здесь в продолжение годов изгнания.*

Подойдем к делу сначала с точки зрения второго принципа. Долго ли придется всем нам пребывать за границей – сказать трудно. Но следует в таких случаях исходить из худшего. Допустим, что придется жить здесь еще 2–3–4 года. Этот срок, во-первых, нужно пережить и просуществовать экономически, во-вторых, он же является периодом подготовки к будущему «жизненному экзамену» в России.

Все ли обстоит благополучно в этом отношении? Не совсем, с моей точки зрения. Я видел и вижу студентов, несколько беззаботно относящихся к этому вопросу. Беззаботно в том смысле, что они не проявляют достаточной энергии решить этот вопрос «органически», т. е. стать на «собственные ноги», а не костыли государственной поддержки или дарового вспомоществования. Я ничуть

не забывая всей трудности положения, часто делающей невозможным «органическое» добывание средств существования. Но вместе с тем я часто не вижу той максимальной энергии, которая здесь должна быть проявлена. Государственная или общественная помощь не вечна. В один прекрасный или скверный день она может неожиданно оборваться. Что тогда будут делать, напр[имер], те тысячи студентов-юристов, филологов, и философов, которые сейчас живут «подпорой»? Что они будут делать, окончив курс и не имея возможности вернуться в Россию? Смогут они путем применения своих знаний добыть хлеб насущный? Конечно, нет. Имеют они какое-нибудь ремесло или технику, которая бы позволила им, оставаясь юристами и психологами, получить заработок? Сплошь и рядом нет. Раз так, то легко себе представить всю трудность положения таких лиц. А их немало.

Вот почему *первый дефект, который я усматриваю в подготовке значительной части нашего студенчества, – это отсутствие их «ремесленной или технической» выучки в области какой-либо практической работы, способной дать заработок.*

Забыта старая истина: «*primum vivere, deinde filosofare*»^{1*}. Мало того. Стремление жить «подпорой» не очень полезно и во многих других отношениях. Во-первых, оно делает человека недостаточно активным и изобретательным – а России сейчас нужны именно такие лица. Во-вторых, оно препятствует культивированию духа независимости и самостоятельности – а России сейчас нужны именно самостоятельные и независимые личности, могущие «сметь свое суждение иметь»^{2*} безотносительно к тому, что скажет та или иная, «левая» или «правая» «княгиня Марья Алексеевна». В-третьих, оно приучает и в будущей России ориентироваться опять на государственную или иную «подпору». А в таких лицах наша родина всего менее нуждается. Бедность государства не позволит в будущем содержать ни многочисленный штат чиновников, ни стипендиатов, ни пансионеров, ни давать многочисленные синекуры^{3*}. «Настоящий человек» должен строить план своего существования в России не на «подпоре» или «жалованье», а на экономическом базисе, независимом от средств государственной казны. Последним может быть: мастерская или фабрика, земледелие или ремесло, частная практика или комиссионерство – словом, та или иная социально нужная и фактически возможная экономическая и технически-ремесленная практика. Пора поставить крест на «интеллигентах-белоручках». Пришла новая эра «интеллигенции» – интеллигенции американского типа, не смущающейся мускульной работы, умеющей ее делать и в то же время не забывающей и о «запросах духа». Купечество не помешало Э. Тейлору или Ч. Ли быть крупными учеными, рудокопная работа не убила писательский талант М. Твена, физический труд простого рабочего или предпринимательская деятельность не превратили Карнеги или Форда в «толстозадых буржуев», бесполезных для общества.

Одним из недостатков старой русской интеллигенции была ее «книжность» и, как это ни странно, ее «аристократическое белоручничество». Поговорить, повздыхать и поплакать о «меньшем брате» – рабочем или крестьянине – она любила, любила и петь гимны народу, а сама норовила «осесть» в канцеляриях, устроиться в той или иной форме в «роли чиновника», на той или иной «подпоре». Открыть мастерскую или поступить на фабрику, вести коммерческое предприятие или хозяйничать на земле считалось – на деле – последним, деградирующим и маложелательным выходом. При всем словесном чурании и презрении к «чиновникам» наша старая интеллигенция, взятая в массе, была «чиновнической» *par excellence*^{4*}. Университеты и гимназии кончали с одной мыслью – стать большим или малым – человеком «двадцатого числа». Учились тому, что требуется «по программе», хотя бы $\frac{9}{10}$ из этих знаний совсем не нужны были для жизни, и не учились тому, что действительно было необходимо для успешного «жизненного блага».

Условия теперь круто изменились. Только небольшой процент интеллигентов сумеет стать «чиновниками» в будущей России. Для остальных – «местов не будет». История ставит ультиматум: «либо найду внегосударственные и внеподпорные источники средств существования, либо... клади зубы на полку»...

И с этой точки зрения выучка той или иной практической коммерческой, предпринимательской работе, ремеслу, искусству и т. д. абсолютно необходима. Огромная важность этого условия ясно дает себя знать и теперь. Я знаю ряд лиц, кончивших курсы шоферов. Они уехали во Францию и теперь живут «на своих ногах», и живут лучше, чем при «подпоре». Я знаю существенную разницу в зароботке и в условиях жизни ряда лиц, устроившихся в Америке. «Ремесленники» живут значительно лучше, чем квалифицированные люди без «ремесла». Экономическая независимость и лучший заработок позволяют первым иметь более здоровое настроение и облегчают удовлетворение запросов духа. Я уж не говорю о громадном педагогическом влиянии такой самостоятельности и независимости.

Отсюда практический вывод: *студенчество должно всеми силами стремиться к экономической самостоятельности, лучшим средством для чего является та или иная техническая, ремесленная и т. д. выучка; руководящие органы и лица, ведающие образованием студентов, должны облегчить эту задачу устройством специальных школ, или курсов, или мастерских, в которых учащиеся могли бы изучить эти практические формы деятельности, столь нужные им теперь и существенно необходимые в будущем.*

Перейдем теперь к другой стороне дела: к характеру и постановке образования эмигрантского студенчества.

И здесь, с моей точки зрения, есть дефекты. Беру для примера Педагогический институт или юридический факультет в Праге^{5*}. Что они научно стоят на

высоте, что преподавание многих дисциплин в них поставлено блестяще, что в нормальных условиях для нормальной России из них выходили бы социально ценные и нужные работники, я в этом ничуть не сомневаюсь.

Но беда в том, что... Россия-то находится в ненормальных условиях и будет находиться еще ряд лет. Вот это-то обстоятельство и заставляет меня ставить вопросы такого рода.

Найдут ли в России все эти отличные юристы и педагоги работу по их специальности? Смогут ли сотни лиц найти практическое применение многим их знаниям? Понадобится ли для многих и многих отличное знание теорий «от Платона и до наших дней»? Дай Бог, чтобы так было. Но «верую, Господи, помоги моему неверию»^{6*}. Опасаюсь, что половина пройденных курсов не понадобится. Боюсь, что только часть юристов будут адвокатами, судьями или прокурорами. То же применимо и к многим педагогам.

С другой стороны, смущает меня и следующий факт. Россия *по преимуществу* страна земледельческая, особенно сейчас. Возрождение России без возрождения крестьянства немыслимо. Культурные силы должны быть брошены в громадном количестве в деревню. Есть ли они? Получают ли «гуманитаристы» какую-нибудь подготовку для экономической, культурной, организационной и др. работы в деревне? Почти в любой (а не только в специальной) американской высшей школе, да и в ряде средних, существует ряд соответствующих курсов: по организации хозяйства и деревни, по сельскохозяйственной экономике, по деревенской социологии, по подготовке «деревенских лидеров», по организации культурной работы в деревне и т. д. Несмотря на то, что сельское население Соединенных Штатов Америки не превышает 50% всего населения, практические американцы отлично поняли громадную важность таких дисциплин и такой подготовки. У нас, несмотря на то, что сельское население составляет сейчас около 90%, как будто этого понимания еще нет. Мы считаем необходимым, чтобы студент хорошо знал теории Фомы Аквината или Гегеля, Гербарта или Пухты, Платона или Плотина, чтобы он без запинки говорил: *hanc ego rem ex jure quiritium meam esse ajo*^{7*}, чтобы он был способен перечислить основные международные трактаты, умел изложить теории Штаммлера и Риккерта, Бергсона и М. Шелера, Фихте и Шеллинга, имел представление о «формальном методе критики», и... в то же время мы не считаем необходимым снабдить его хотя бы какой-нибудь подготовкой для работы среди 90% населения России. Этим я не хочу сказать, что Ф. Аквинат или Бергсон не нужны, а хочу сказать, что, когда для обеда не хватает хлеба, неразумно на последнюю копейку покупать кусочек пирожного.

Для меня ясно, как день, что ни латинские формулы римского права, ни Бергсон и Фихте, ни Плотин и «формальный метод», ни триада Гегеля и прекрасные стихи Ахматовой сейчас для 90% русского населения не нужны. Что с ними делать в деревне? До них ли сейчас русскому народу?

То же, что ему нужно, огромная часть «гуманитаристов» дать не может. Она сама не имеет никакой подготовки в этом смысле.

В старой России такое положение дел еще было терпимо. Хотя и там 90% студентов, сдав все эти премудрости, через полгода благополучно забывали о них и редко принуждены были вспоминать их в течение своей жизни. В современной России они будут совершенно «мертвым капиталом».

Условия столь круто изменились, что если мы хотим жить и возрождаться, если знания мы получаем для их применения в жизни, то должны строить подготовку юного поколения применительно к существующей обстановке, а не к бывшей или просто несуществующей. С этой точки зрения из прошлого следует взять все то, что в нем было ценное (в отличие от идиотских «новаторов» большевизма) и что нужно для данной обстановки, и следует отбросить все то, что сейчас является «деликатесом» или «мертвым капиталом». Вместо него следует ввести то, что дозарезу сейчас нужно, без чего не спасут ни Платон, ни Соловьев, ни «формальный метод», ни *manumissio testamento*^{8*}, а именно: вместе с воспитанием энергии, активности, цепкости и сильной воли те знания и те дисциплины, которые дают возможность быть действительно полезным работником в реальной обстановке России.

Истинный здоровый консерватизм состоит не в мертвом стоянии на одной точке при радикально изменившихся условиях, а в соответственном изменении и приспособлении к ним социальных институтов, в том числе и воспитательно-образовательной системы.

С этой точки зрения менее «теоретический» (вернее – менее словесный) и более практический уклон школы, о котором так блестяще писал в свое время великий Менделеев, – школа, снабжающая учащихся тем, что им действительно нужно будет в жизни, не забывающая о реальных нуждах России и умеющая жертвовать словесным «пирожным» в пользу не имеющегося в достатке «хлеба», – настоящая задача времени. Хотелось бы, чтобы она из «чаемого и ожидаемого» стала реальностью. Хотелось бы, чтобы идеалы автора «Познания России» хоть теперь, наконец, были усвоены и осуществлены.

НЕОТВРАТИМАЯ ЛАВА

Советские газеты ежедневно возвещают об укреплении советской власти. Советские дипломаты и агенты гоголем ходят за границей. Иностранные правительства и коммерсанты чаще и чаще посещают Москву.

Как будто и впрямь дело обстоит так...

И, однако, никогда советская власть не была столь слаба, как теперь. Больше того, день ото дня ее власть слабеет.

В чем дело? В том, что кажущаяся сила и укрепление советской власти чисто мнимое. Это укрепление армии, поспешно отступающей от врага, безостановочно уступающей ему позицию за позицией. Чем дальше она отступает – тем больше враг укрепляется. Рано или поздно придет момент, когда отступить будет некуда и придется капитулировать.

Отступающая армия – это коммунисты, советская власть и международный сброд, рвущий Россию. Наступающий враг – это русский народ. В 1917 г. население России было побеждено первыми. Его взяли в огонь и железо. Сковали по рукам и ногам. Нельзя было ни вздохнуть, ни охнуть... Коммунисты праздновали победу, начали проводить свою программу, клялись разрушить весь старый мир и строить «наш, новый мир». Что же было дальше? До 1920 г. как будто они побеждали. Но с 1920 г. началось «великое отступление». Спасая себя, советская власть и ее прихлебатели начали сдавать позицию за позицией.

Начав с замены разверстки продналогом, к 1922 г. они сдали весь свой коммунизм. От него фактически ничего не осталось. То, что говорится и делается в 1923 г., – полная противоположность тому, что говорилось и делалось в 1918–1920 гг. Отступив так круто, армия коммунистической своры выиграла время и отсрочила свою политическую капитуляцию. Помог ей немало и голод, обессиливший русский народ на время.

Но жизнь идет своим чередом. Нормальная жизнь исподволь восстанавливается. Старые колеи снова прочищаются. Силы великого нашего народа начинают возрождаться. Медленно, но неотвратимо этот «враг» «прет». «Прет» отовсюду, из каждой щели жизни: из лавки и церкви, из школы и мастерской, из поля и армии – со всех сторон. Советская власть продолжает маневрировать и отсту-

пать... но враг ее наваливается как лава, ближе и ближе подходит и теперь начинает требовать сдачи последней основной позиции – политической.

За ней отступать некуда. За ней – или смерть, или капитуляция. Власть это понимает. Маневрируя, она «зубом и ногтем», зверством и обманом, подкупом и предательством пытается удержаться на этой линии.

Многим наивным кажется, что она тут прочно окопалась, кажется, что она даже усиливается. Но так может казаться только слепым, не видящим медленности движения лавы и не слышащим подземной работы.

Год-два, даже три власть еще может пробалансировать на этой линии, но судьба ее решена. И чем быстрее пойдет возрождение России, чем меньше будет голода и болезней, войны и битв, тем скорее позиция – последняя позиция советской власти и международных бродяг – будет завоевана. Ни подвалы Чека, ни тюремные решетки, «ни волчий зуб, ни лисий хвост»^{1*} советских авантюристов не остановят наступления. Каждый шаг возрождения Русского Народа приближает гибель существующего строя и его защитников.

Посему пусть трубят коммунисты о своем укреплении, пусть их агенты разгуливают и прокучивают богатства русского народа. Зрячих они не обманут. Невидимо и незримо жизнь делает свое... Великий русский народ скрутил уже на три четверти этих «победителей», не беспокойтесь, он скрутит их и на последнюю четверть – нужно только терпение и небольшое время.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А.С. Изгоев

ВЛАСТЬ И ЛИЧНОСТЬ

«Я видел и вижу, – пишет Питирим Сорокин (№ 13 “Вестника литературы”), – один из коренных недочетов нашей интеллигенции в том, что она придавала слишком исключительное значение государственной власти вообще. Это проявлялось ею и тогда, когда она все зло видела в ней»^{1*}.

Не так давно бывшие политические единомышленники Питирима Сорокина клеймили реакционерами всех, кто осмеливался высказать подобные мысли. «Русская мысль», как известно, ставила одной из своих задач борьбу с гипертрофией политики, которая буквально заслоняла в глазах русской интеллигенции всю жизнь. Все явления нашей жизни: наука, искусство, литература, формы общения людей между собой – все получали оценку в зависимости от того или иного, прямого или косвенного отношения их к государственной власти.

Это превращало нашу интеллигенцию в «антиправительство» и лишало той силы и значения, которое она должна была бы иметь в стране. В России были только «правительство» и «антиправительство», но вовсе не было создаваемого и формулируемого интеллигенцией общественного мнения. Между тем без такого «общественного мнения» невозможно нормальное течение общественной жизни, эволюционное разрешение столь частых столкновений многочисленных социальных групп, борющихся за свои интересы. Замороженные «классовой» терминологией, мы склонны действительно думать, что в Западной Европе «общественное мнение» есть сила буржуазная. Тогда как даже там, где буржуазия на самом деле могущественна и боеспособна, даже там «общественное мнение» ею не покрывается и не исчерпывается. Простой факт, что в Англии, Франции, Италии и Германии бывают массовые рабочие стачки, которым «общественное мнение» сочувствует, и такие, которым оно не сочувствует, служит лучшим подтверждением этой мысли. Для создания «общественного мнения» интеллигенция должна быть независимой от власти, а не играть роль ее тени, ложащейся с правой или с левой стороны. Возлагать на власть «все надежды» или видеть в ней «все зло» – ведь это, в сущности, одно и то же. Видеть во власти «все зло» – это и значит наивно мечтать, что, когда господствующая власть будет свергнута и у власти очутятся ее недавние противники, они осуществят «все надежды». Мы доказывали эту истину в первые годы XX в.^{2*} Нужен был трагический огромный опыт последних лет,

чтобы она проложила себе дорогу в ряды нашей левой интеллигенции. Да много ли и теперь Питиримов Сорокиных, познавших истину? Не продолжает ли большинство и по сию пору коснеть в заблуждении, что стоит только посадить у власти приятных им людей – и Россия процветет?

Сомнения мои не ограничиваются этим. Сам Питирим Сорокин – усвоил ли он, действительно, простую истину о роли государственной власти в жизни страны или из одной ошибки готов впасть в другую?

Точке зрения русской интеллигенции, при которой «политика» играла такую исключительную роль, Питирим Сорокин противопоставляет «англо-саксонскую» позицию. «Это, – поясняет он, – позиция самостоятельности независимо от власти, позиция самоуправления, не связывающая свою работу исключительно с государственной бюрократией ни в научной, ни в просветительной, ни в экономической, ни в какой бы то ни было области общественной работы».

Да простит меня наш уважаемый социолог, но мне кажется, что эта фраза лишена реального содержания. Теперь признано уже азбучной истиной, что «самоуправление» не что иное, как форма государственного управления, при которой назначение должностных лиц происходит путем выборов, а контроль организован известным образом. Точно так же мне совершенно непонятно, как можно вести «независимо от власти» работу, напр., в экономической области, когда власть в любую минуту при помощи декретов, налогов, тарифов может перевернуть вверх дном все мои расчеты? Тут у меня неизбежно возникнут те или другие отношения к власти, отношения борьбы, или сотрудничества, или обхода.

Нет, необходимая независимость от власти лежит не тут. Интеллигенция должна быть независима от власти в духовном и моральном отношении. При старом режиме основной порок нашей интеллигенции заключался в том, что высшим критерием всех своих оценок она брала отношение к власти. Хорошо то, что вредит власти и подкапывает ее, дурно то, что помогает ей и укрепляет ее. Вот это-то принижение своей духовной личности, замена безусловных, абсолютных, религиозных критериев критериями временными, преходящими и привело интеллигенцию к разгрому, банкротству и духовному бессилию. Возродиться, почерпнуть новые духовные силы интеллигенция сможет только из источников духовных. Не от того или иного отношения к власти, а от силы духа интеллигенции зависит будущая ее роль в русской жизни.

Питирим Сорокин говорит об «англо-саксонской позиции». По этому поводу позволю себе указать ему на глубокие слова С.Н. Булгакова в его замечательной статье «Героизм и подвижничество»: «Новая личность европейского человека родилась в реформации (и это происхождение наложило на нее свой отпечаток); политическая свобода, свобода совести, права человека и граждани-

на были провозглашены также реформацией (в Англии); новейшими исследованиями выясняется также значение протестантизма, особенно в реформатстве, кальвинизме и пуританизме, и для хозяйственного развития, при выработке индивидуальностей, пригодных стать руководителями развивавшегося народного хозяйства. В протестантизме же развивалась преимущественно и новейшая наука»^{3*}.

Вот где ключ к «англо-саксонской позиции»...

(Вестник литературы. 1922, № 1 (37), январь, с. 3)

Н.А. Гредескул

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ^{4*}

21(8) февраля, в день 103-й годовщины Петроградского университета, я пошел на собрание, посвященное этой годовщине и устроенное от имени академической части студенчества. Невольно тянуло к священным именам «Университета» и «студенчества» и вместе с тем хотелось посмотреть, что представляет собою, что показывает в нашу переходную эпоху этот «барометр» общественной жизни. «Показание» оказалось настолько характерным, что хочется о нем рассказать.

Огромный зал филармонии (б. Дворянское собрание) весь переполнен студенческой массой, вероятно, 2½–3 тысячи человек. В настроении собравшихся нет общего, определенного тона, нет напряженного ожидания, скорее сдержанность и любопытство. Как будто это даже не «собрание», а просто «публика».

Собрание открывается лидером академического студенчества, который приглашает председательствовать на нем ректора университета, проф. Шимкевича^{5*}. Профессор Шимкевич принимает приглашение и вместе с тем открывает серию предусмотренных программой речей. Речь ректора посвящена изложению бедствий университета, сопровождаемому ядовитыми и умными замечаниями. В уме проф. Шимкевича много желчи, а в его желчи много ума, но это всем давным-давно известно и особого восторга не вызывает. Приличествующие случаю – полужидкие аплодисменты.

Затем выступает студентка, делающая исторический обзор студенческого движения. Обзор гладко составлен и гладко произнесен. В конце ставится вопрос: сыграло ли уже студенчество до конца свою политическую роль в России или эта роль еще не кончена? Ответ гласит: пока нет «свободного» университета в «свободной» стране, роль студенчества не доиграна и должна иметь продолжение. Аплодисменты – опять полужидкие, подъема настроения нет.

Выступает проф. Сорокин... Все чувствуют, что это главный номер. Аудитория сосредоточивается, внимание усиливается. Полная тишина.

Проф. Сорокин сам заметно волнуется, голос чуточку охрип, нет привычной уверенности жеста и слов.

Но, видно, и речь, и намерения заранее заготовлены, и проф. Сорокин сразу же поднимает себя на высоту «вещателя» и «пророка». Россия, – говорит он, – в результате «великой» войны и «великой» революции, лежит перед нами в развалинах, она представляет собою огромное кладбище. Задача восстановить ее

как великую Россию падает на вас, обращается он к слушателям. Сможете ли и сумеете ли вы сделать это?

Надежд на это мало, – продолжает профессор Сорокин, – ибо мы, ваши предшественники, «отцы», – перед историческими задачами оказались несостоятельными, показали себя банкротами. Но приходить в отчаяние нельзя, надо все же действовать. И проф. Сорокин предлагает присутствующим выслушать, как он смотрит на дело: что надо иметь в виду и как надо действовать, чтобы спасти Россию.

Первое – это опираться на науку – не на «красную» и не на «черную», а «чистую», «чистейшую», «самую чистую». Ее одной держаться, и в нее одну верить (у слушателей, если не у всех, то у сведущих, смутно проносится воспоминание о «Системе социологии» проф. Сорокина, которая, как колчан стрелами, наполнена политическими колочками и намеками).

Второе – это иметь нравственную силу, попросту иметь «совесть» и следовать ее велениям.

Но и этого мало: в интересах энергии действия надо, – говорит проф. Сорокин, – проникнуться «религиозным» отношением к жизни. Надо в этом отношении избрать себе образцами Нила Сорского, Сергия Радонежского, Толстого, Достоевского.

Слушатели начинают испытывать явное смущение. Такого оборота от проф. Сорокина никто не ожидал. Все хорошо знают, что ни Нилу Сорскому, ни Сергию Радонежскому он свечей не ставит. Наоборот, он ведомый позитивист, заядлый «объективист». Не признает ни «мыслей», ни «чувств», а одни «условные рефлексy».

Дальше проф. Сорокин настаивает на «индивидуализме», на «уважении» к человеческой личности, на ее «неприкосновенности», на том, чтобы никто никогда не тронул и волоса на чужой голове: чтобы не было ни «войн», ни «революций».

Опять и это до последней степени смущает слушателей. Ведь проф. Сорокин до того, как он официально предался «чистой» науке, был партийным человеком, социалистом-революционером правого толка, ратовал за войну до победы. Теперь социалист проповедует индивидуализм, а революционер – отвращает от войны и революции. Аплодисменты, но неуверенные, смущенные.

Проф. Сорокин чувствует, что что-то выходит не так, но отступления уже нет, надо идти вперед. Он подчеркивает свои возражения против насилия, он настаивает на том, что насилие ни к чему, кроме кладбища, не приводит. Нынешнюю эпоху, – говорит он, – сравнивают с эпохой Петра. Да, сходство есть: эпоха Петра тоже превратила Россию в кладбище.

Дело оборачивается совсем плохо. Мой сосед роняет замечание: что же, возвращаться в допетровскую Русь? И какое это «кладбище» после Петра?

Но проф. Сорокину уже нет возврата. Он защищает «национальное лицо», он высказывается против «Интернационала». В качестве последнего аргумента он призывает к «восстановлению» семьи.

Однако чувство реальности его все-таки не совсем покидает. Конец своей речи он формулирует так: «Позвольте мне закончить мою “несуразную” речь теми же словами, которыми заключил свою речь проф. Шимкевич: “сим победиши”».

«Несуразную» речь... Да, метко сказано. Речь была именно «несуразная», и это чувствовали все, особенно друзья проф. Сорокина, те, кто выдвигал его на роль «глашатая» и «пророка».

После проф. Сорокина, в целях «беспристрастия», был выпущен студент-коммунист, который не захотел своей речью портить «академического» тона собрания, а затем прослушана была еще яркая речь более юного, чем проф. Сорокин, представителя «академизма», после чего последовало заключительное слово ректора университета и собрание было объявлено закрытым.

Что же показал «барометр»?

Во-первых, очень умеренную температуру «академического» собрания. Не было и в помине энтузиазма, пафоса якобы переживаемого страдания, силы провозглашаемого на словах протеста. Не было ничего этого ни в студенческой массе, ни в речах руководителей. Повторяю, студенческая масса скорее переживала любопытство к тому, как сыграют свою роль руководители. Этому настроению лучше всего отвечал проф. Шимкевич со своими очередными ядовитостями. Тут была хорошая умственная гимнастика, удачные упражнения в остроумии. Во всяком случае, проф. Шимкевич ничего не портил.

Но, во-вторых, «барометр» показал жестокую «реакционность», правда, не самого собрания, но, несомненно, его руководителей. Реакционность оказалась «показанной» даже больше, чем этого хотели руководители. Вина или заслуга в этом всецело принадлежит проф. Сорокину. Проф. Сорокин еще не достиг доктората академической «мудрости»; его язык еще не на привязи; его «рефлексы» еще недостаточно «условны». Он попросту «бухает» так, что его друзья морщатся. В сущности, с точки зрения руководителей собрания, проф. Сорокин их скомпрометировал, «провалил» им то дело, которое они считали отлично налаженным. Но это уже их внутренние счеты, а факт тот, что «реакционная» подкладка академизма выведена наружу в такой мере, в какой ее могло бы показать только соответствующее будущее.

Словом, полная «реакционность» так называемого академизма и очень «прохладное» отношение к нему со стороны студенчества. Профессура еще «вся в прошлом», а студенчество, даже современное, уже на «полпути» к будущему. Оно, как масса, еще не делает решительных шагов, пожалуй, оно даже еще

не двигается, остается на месте, но оно на этом интервале между прошлым и будущим «размышляет», размышляет без всякого рабства по отношению к прошлому.

Хочется сделать и выводы, осмыслить показания «барометра». «Идеологически» спор между прошлым и будущим в России, а может быть, и во всем мире, уже решен. Идеологически прошлое может только произносить «жалкие» слова. Если бы оно хотело, в лице своих лучших представителей, держаться того, что есть у него лучшего, то оно должно было бы только посылать упреки своим приверженцам, как это сделал недавно свящ. Введенский в своем обращении к тем, кто называет себя христианами. Мир, в его прошлой постройке, только говорил, но не осуществлял ни заветов о «нуждающихся и обремененных», ни заповеди о том, что «кто не работает, тот не должен есть». Все это должно сделать будущее. И нынешняя, советская, рабоче-крестьянская Россия есть попытка к этому.

Что можно возразить против нее?

Идеологически – ничего. Идеологически можно только защищать ее – с точки зрения подлинного христианства, с точки зрения социализма, с точки зрения разума и науки.

Возражать против нее можно только так, как возражал некогда Рябушинский: от «костлявой руки голода». Без нас-де, дураки, не проживете. К нам же и вернетесь.

И на этом построены теперь все надежды произносящих «жалкие» слова. Что в этом есть все, что угодно, кроме «благородства», это прямо сказал и всем своим образом действий доказывает Нансен. Вот настоящий «академист», вот настоящий «ученый». Вместе со всеми «благородными» людьми Европы и Америки он помогает советской России преодолеть «костлявую руку голода».

А ведь только это и надо теперь советской России. Надо преодолеть «экономику». Когда она это сделает, когда будет хлеб, топливо, когда не над чем будет ядовитничать проф. Шимкевичу, тогда придется убрать прочь и выступления проф. Сорокина, хотя бы у него к тому времени и выросли зубы мудрости.

«Идеология» уже сломана или, лучше сказать, разоблачена в своих противоречиях. И молодые умы, масса студенчества это чувствует. На очереди теперь «экономика». Надо перестроить на новых началах хозяйственную жизнь. Приверженцы «идеалов» должны этому помогать, а не противодействовать. Все, что есть честного, благородного, интеллигентного, должно помогать советской России, как это делает Нансен; помогать – сперва преодолеть голод, а потом и построить общественное хозяйство.

Задача нелегка, но вовсе не неосуществима. Тут и проф. Сорокин невзначай обмолвился хорошим словом. Он сравнил нашу эпоху с эпохой Петра. Сравнение правильное. Проф. Сорокин пугает только кладбищем. Но ведь это от его усер-

дия, не по разуму. После Петра и всех его методов было не кладбище, а наступила «европеизация» России. То же самое будет и после нашей эпохи: не кладбище, а еще более великое дело: «социализация», и не одной России, а всего мира. Кто не будет трудиться, тот не будет есть. Не станет больше «обремененных» на земле.

Вы возражаете, вы думаете, что раньше нас задушит «костлявая рука голода»? Так покажите же «благородство», разжимайте эту руку из всех ваших сил. Авьось нам это удастся. Авьось эта рука так и не задушит советской России. Нансен это делает, и он не теряет надежды на успех. А если это не удастся, он знает и виновных: это те, кто не хотели помогать; кто, имея хлеб, протягивали камень; кто хочет вернуть Россию к прошлому, если не мечом, так голодом.

Молодежь чутка. Руководители зовут ее назад. Но она уже сомневается в прошлом. Она испытующе смотрит на настоящее. Она прислушивается к будущему.

(Красная газета. 1922, № 46 (1198), 26 февраля, с. 2–3)

Б. Аратов

УТРЕННИКИ

Книга I под ред. Д. А. Лутохина при участии: Ю.И. Айхенвальда, Б.А. Анибала, А.А. Ахматовой, К.Н. Боженко, И.В. Белоусова, В.В. Вересаева, В.Е. Ветринского-Чешихина, С.Я. Гессена, А.С. Изгоева, Ф.Ф. Зелинского, А.Ф. Кони, М.С. Королицкого, Вл. Лидина, Д.А. Лутохина, В.С. Нечаевой, К.С. Павлова, С.Д. Протопопова, Вл. А. Пяста, А.Н. Рожновского, А.С. Свентицкого, А.А. Селиванова, П.А. Сорокина, С.М. Тхоржевского, О.Д. Форш, Н. Чарова, Г. Шенгели и др. Петербург, 1922, изд. М.С. Кауфман, 135 стр.

Это не сборник, а почти что журнал. В нем есть и стихи, и рассказы, и воспоминания, и заметки историко-литературные, и отклики общественно-политические. На 136 страницах его убористой печати уместилось 38 авторов и 27 произведений. Тесно, пестро, отрывочно. Но есть единство направления. Чувствуется определенный «тон», несмотря на все различия между отдельными авторами.

В «Утренниках» мало литературной молодежи. Большинство имен – старые, хорошо знакомые. Объединились те, кто хочет продолжать литературные традиции. «Утренники» враждебно относятся к тому, что один из его участников – Ф. Зелинский – называет «литературным бедламом», а другой – Г. Шенгели – словесным развратом. Так характеризуют они те из современных литературных кружков и групп, которые пытаются создать себе известность путем скандала, шумихи и необычной позы. Очевидно, «Утренники», восставая против увлечения футуризмом и имажинизмом, пытаются защитить реалистическое направление нашей литературы. К нему принадлежат и все рассказы сборника. На них отпечаток двойственности: это уже не прежний реализм, это еще не новое искусство. Иной раз это анекдот – таков рассказ К. Боженко о писаре охранного отделения, превратившегося в совбура. Иной раз – изображение советского быта – в сильно драматизированной манере – с попыткой дать историю и трагедию женской души передачей фактов и сжатым диалогом (Лутохин). Приближается к манере Вс. Иванова и Замятина история о матросе, расстрелянном за спекуляцию («Лес рубят, щепки летят»).

Во всех рассказах – современность, быт революции, жестокий лик трудной и тяжелой жизни нынешней. Чувствуется какой-то уклон – сказал бы, в сторону того неореализма, который вырос у Замятина и «Серапионовых братьев» в целый стиль. Но уклон робкий. Стремление, а не достижение.

Очень интересны материалы из прошлого русской литературы, собранные в «Утренниках». Здесь и любопытные воспоминания Вересаева об Андрееве, ценная заметка Нечаевой «Из архива Боратынского», заметка Кони о Достоевском.

Пожалуй – самое злободневное в сборнике – две статьи Сорокина^{6*}. Обе на одну и ту же тему: призыв «делать свое дело» независимо от политики, смен власти и т. д. Отправляющимся в жизненный путь Сорокин советует взять с собой в дорогу знание, точную науку, любовь и волю к производительному труду, религиозное отношение к жизни и моральные богатства. Примером русской молодежи должны служить Нил Сорский и Сергей Радонежский.

Статьи Сорокина весьма типичны для настроений некоторой части русской общественности, стремящейся к «внутреннему деланию».

В общем – «Утренники» производят хорошее, бодрящее впечатление. В них чувствуется большая работа и биение живой русской мысли.

(Новости литературы. Берлин, 1922, № 1, август, с. 57–58)

В.И. Ленин

О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА

Об общих задачах журнала «Под Знаменем Марксизма» тов. Троцкий в № 1–2 сказал уже все существенное, и сказал прекрасно. Мне хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, ближе определяющих содержание и программу той работы, которая провозглашена редакцией журнала во вступительном заявлении к № 1–2.

В этом заявлении говорится, что не все объединившиеся вокруг журнала «Под Знаменем Марксизма» – коммунисты, но все последовательные материалисты. Я думаю, что этот союз коммунистов с некоммунистами является безусловно необходимым и правильно определяет задачи журнала. Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров. Напротив, для успеха всякой серьезной революционной работы необходимо понять и суметь претворить в жизнь, что революционеры способны сыграть роль лишь как авангард действительно жизнеспособного и передового класса. Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу. Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи.

Это относится и к той работе защиты материализма и марксизма, за которую взялся журнал «Под Знаменем Марксизма». У главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция. Не говоря уже о Г.В. Плеханове, достаточно назвать Чернышевского, от которого современные народники (народные социалисты, эсеры и т. п.) отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности.

Во всяком случае, у нас в России есть еще – и довольно долго, несомненно, будут – материалисты из лагеря некоммунистов, и наш безусловный долг привлекать к совместной работе всех сторонников последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и с философскими предрассудками так называемого «образованного общества». Дицген-отец, которого не надо смешивать с его столь же претенциозным, сколь неудачным литерато-

ром-сынком, выразил правильно, метко и ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и пользующиеся среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как «дипломированных лакеев поповщины».

Наши российские интеллигенты, любящие считать себя передовыми, как, впрочем, и их собратья во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дицгена. Но не любят они этого потому, что правда колет им глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем общеэкономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правильность резкой характеристики Дицгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная хотя бы с тех, которые были связаны с открытием радия, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна, – чтобы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений.

Из указанного видно, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими» публицистами.

Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма. У нас есть ведомства или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло, крайне неудовлетворительно, испытывая, видимо, на себе гнет общих условий нашего истинно русского (хотя и советского) бюрократизма. Чрезвычайно существенно поэтому, чтобы в дополнение к работе соответствующих государственных учреждений, в исправление ее и в оживление ее, журнал, посвящающий себя задаче – стать органом воинствующего материализма, вел неутомимую атеистическую пропаганду и борьбу. Надо внимательно следить за всей соответствующей литературой на всех языках, переводя или, по крайней мере, реферируя все сколько-нибудь ценное в этой области.

Энгельс давно советовал руководителям современного пролетариата переводить для массового распространения в народе боевую атеистическую литературу конца XVIII в. К стыду нашему, мы до сих пор этого не сделали (одно из многочисленных доказательств того, что завоевать власть в революционную эпоху гораздо легче, чем суметь правильно эту властью пользоваться). Иногда

оправдывают эту нашу вялость, бездеятельность и неумелость всяческими «выс-превными» соображениями: например, дескать, старая атеистическая литература XVIII в. устарела, ненаучна, наивна и т. п. Нет ничего хуже подобных, якобы ученых, софизмов, прикрывающих либо педантство, либо полное непонимание марксизма. Конечно, и ненаучного, и наивного найдется не мало в атеистических произведениях революционеров XVIII в. Но никто не мешает издателям этих сочинений сократить их и снабдить короткими послесловиями с указанием на прогресс научной критики религий, проделанный человечеством с конца XVIII в., с указанием на соответствующие новейшие сочинения и т. д. Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.

Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII в. сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают. Все сколько-нибудь крупные произведения Маркса и Энгельса у нас переведены. Опасаться, что старый атеизм и старый материализм останутся у нас не дополненными теми исправлениями, которые внесли Маркс и Энгельс, нет решительно никаких оснований. Самое важное – чаще всего именно это забывают наши якобы марксистские, а на самом деле уродующие марксизм коммунисты – это суметь заинтересовать совсем еще не развитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий.

С другой стороны, взгляните на представителей современной научной критики религий. Почти всегда эти представители образованной буржуазии «дополняют» свое же собственное опровержение религиозных предрассудков такими рассуждениями, которые сразу разоблачают их как идейных рабов буржуазии, как «дипломированных лакеев поповщины».

Два примера. Проф. Р.Ю. Виппер издал в 1918 г. книжечку «Возникновение христианства» (изд. «Фарос», Москва). Пересказывая главные результаты современной науки, автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви как политической организации, не только обходит

эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической, и материалистической. Это – прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии.

Известный немецкий ученый, Артур Дреус, опровергая в своей книге «Миф о Христе» религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было, в конце книги высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную, способную противостоять «ежедневно все более и более усиливающемуся натуралистическому потоку» (стр. 238 4-го немецкого издания, 1910 г.). Это – реакционер прямой, сознательный, открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками.

Это не значит, чтобы не надо было переводить Дреуса. Это значит, что коммунисты и все последовательные материалисты должны, осуществляя в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии, неуклонно разоблачать ее, когда она впадает в реакционность. Это значит, что чураться союза с представителями буржуазии XVIII в., т. е. той эпохи, когда она была революционной, значило бы изменять марксизму и материализму, ибо «союз» с Дреусами в той или иной форме, в той или иной степени для нас обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами.

Журнал «Под Знаменем Марксизма», который хочет быть органом воинствующего материализма, должен уделять много места атеистической пропаганде, обзору соответствующей литературы и исправлению громадных недочетов нашей государственной работы в этой области. Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды.

Чрезвычайно важны все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Северной Америки, в которых меньше проявляется официальная, казенная, государственная связь религии и капитала. Но зато нам яснее становится, что так называемая «современная демократия» (перед которой так неразумно разбивают свой лоб меньшевики, эсеры и отчасти анархисты и т. п.) представляет из себя не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно проповедовать, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.

Хотелось бы надеяться, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, даст нашей читающей публике обзоры атеистической литературы с характеристикой, для какого круга читателей и в каком отношении

могли бы быть подходящими те или иные произведения, и с указанием того, что появилось у нас (появившимся надо считать только сносные переводы, а их не так много) и что должно быть еще издано.

Кроме союза с последовательными материалистами, которые не принадлежат к партии коммунистов, не менее, если не более важен для той работы, которую воинствующий материализм должен проделать, союз с представителями современного естествознания, которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедовать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма.

Помещенная в 1–2 номере журнала «Под Знаменем Марксизма» статья А. Тимирязева о теории относительности Эйнштейна позволяет надеяться, что журналу удастся осуществить и этот второй союз. Надо обратить на него побольше внимания. Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, рождаются сплошь да рядом реакционные философские школы и школки, направления и направленьица. Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей – это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом. Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить, что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX в.

И для того чтобы не относиться к подобному явлению бессознательно, мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т. е. должен быть диалектическим материалистом. Чтобы достигнуть этой цели, сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т. е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале», и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), – т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую

часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застои и гниение во многих передовых государствах Европы, – каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм. Конечно, работа такого изучения, такого истолкования и такой пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна, и, несомненно, первые опыты в этом отношении будут связаны с ошибками. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики».

Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды.

Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае.

В заключение приведу пример, не относящийся к области философии, но во всяком случае относящийся к области общественных вопросов, которым также хочет уделить внимание журнал «Под Знаменем Марксизма».

Это один из примеров того, как современная якобы наука на самом деле служит проводником грубейших и гнуснейших реакционных взглядов.

Недавно мне прислали журнал «Экономист» № 1 (1922 г.), издаваемый XI отделом «Русского технического общества». Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является, не знаю насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.

Некий г. П.А. Сорокин помещает в этом журнале обширные якобы «социологические» исследования «О влиянии войны»^{7*}. Ученая статья пестрит учеными ссылками на «социологические» труды автора и его многочисленных заграничных учителей и сотоварищей. Вот какова его ученость:

На странице 83-й читаю:

«На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 развода – цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, 11% – менее одного месяца, 22% – менее двух месяцев, 41% – менее 3–6 месяцев и лишь 26% – свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак – форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям “клубники” “законно” удовлетворять свои аппетиты» («Экономист» № 1, стр. 83-я).

Нет сомнения, что и этот господин, и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины».

Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия, даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках, проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине и по отношению к внебрачным детям.

Это не мешает, конечно, меньшевикам, эсерам и части анархистов и всем соответствующим партиям на Западе продолжать кричать о демократии и о ее нарушении большевиками. На самом деле, именно большевистская революция является единственной последовательно демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей. А это вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы большей половины населения в любой стране. Только большевистская революция впервые, несмотря на громадное число предшествовавших ей и называющих себя демократическими буржуазных революций, провела решительную борьбу в указанном отношении, как против реакционности и крепостничества, так и против обычного лицемерия правящих и имущих классов.

Если г. Сорокину 92 развода на 10 000 браков кажется цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии. Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число

фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше. Россия в этом отношении отличается от других стран только тем, что ее законы не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия.

Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных «образованных» крепостников. Вероятно, немалая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место.

Научится, была бы охота учиться.

12. III. 1922.

(Под Знаменем Марксизма. 1922, № 3, март)

«ЭКОНОМИСТ», № 4–5
«Вестник IX отдела Русского Технического Общества»
Москва, 1922

С большим любопытством и волнением просматриваешь страницы этого журнала. Отблески оскорбленной общественной совести, уничтоженной человеческой личности, рвущейся наружу из большевистских тюрем задавленной научной мысли – робко, осторожно и крадучись сверкают со страниц «Экономиста».

Такие статьи, как ныне изгнанного из советской России П. Сорокина «Голод и идеология общества»^{8*}; «Россия и международный рынок» – Рафаловича; «О путях оздоровления денежной системы» – Шапошникова – образцы иронии, притаившейся в умах и совести всех русских людей, переживших советский быт и наблюдавших всю глубину экономической разрухи.

Особенно замечательна в этом отношении статья П. Сорокина, навлекшая на него [гнев] самого Ленина, который, обозвав Сорокина «апологетом буржуазной морали и предрассудков», полемизировал с Сорокиным в «Правде».

Голод, – говорит Сорокин, – создает такую депрессию душевных и интеллектуальных переживаний, *которые неудержимо влекут коммунистический строй России к его антитезе*, т. е. к новой буржуазии. «Нэп» как бы оправдывает анализ Сорокина.

Шапошников трактует бесконечную тему о советских финансах. Как спасти советский рубль? Девальвацией или сокращением эмиссии? Автор приходит к заключению, что мысль о девальвации надо оставить, ибо золотых запасов нет. Автор, конечно, не договаривает того, что при режиме Дзержинского никто не поверит и в «золотую валюту».

Проф. Пл. Крылов в статье «Северный Кавказ в хозяйственном отношении» рисует полную разруху этой богатейшей области России.

Под «именем гражданской войны» автор характеризует ужасный хозяйственный развал Кавказа при большевизме.

Жуткую картину голода и вымирающей Башкирии дает Л. Василевский в очерке «По следам голода». Некоторые страницы этого очерка останутся классическими по силе трагизма. Автор, врач по профессии, дает картины людоедства, ставшего бытовым явлением, и кончает свой очерк такими словами, полными тоски: «Так мучительно, зловеще и чудовищно живет голодающий край. Выдержит ли он эти терзания? Не превратится ли он в пустыню?»

В «Экономисте» прекрасный библиографический отдел: большинство реферируемых изданий на иностранных языках, т. к. русские издания в большинстве приостановились.

К сожалению всех друзей русской научной мысли, сумевшей и во тьме большевизма лить свои лучи в русскую мглу, издание «Экономиста» по предписанию ГПУ приостановлено за контрреволюционное направление.

(Русский экономист. Берлин, 1922, № 3–4, декабрь, с. 34–35)

В.Е. Татаринов]^{9*}

ДОКЛАД ПРОФ. СОРОКИНА

На общем собрании Союза Русских журналистов и литераторов, состоявшемся под председательством В.И. Немировича-Данченко, только что приехавший в Берлин проф. П.А. Сорокин прочел блестящий доклад о положении в Советской России.

После краткой вступительной речи В.И. Немировича-Данченко, охарактеризовавшего научные заслуги и личность докладчика, слово было предоставлено проф. П.А. Сорокину.

Население России по сравнению с довоенным временем понесло громадные потери в количественном отношении. В 1914 г. население равнялось 160–176 миллионам, а в 1920 г. оно составляло лишь 120 миллионов. В пределах самой советской республики, не считая отпавших территорий, убыль равняется 21 миллиону.

Деградация произошла и в качественном отношении, т. к. погибли элементы, наилучшие по своим биологическим и интеллектуальным качествам. Остался второсортный человеческий материал, произведен, таким образом, «отбор шиворот-навыворот». А история падения крупных государственных образований учит, что такой отбор является одним из важнейших факторов гибели.

Далее надо учесть влияние наследственности на будущие судьбы России, т. к. плохое поколение даст и плохое потомство.

Докладчик приводит ряд цифр, иллюстрирующих понижение роста у детей, особенно воспитывающихся в колониях «соц. обеспечения», понижение веса новорожденных, понижение их жизнеспособности и повышение процента мертворожденных.

Ослабленное население легче поддается болезням. Туберкулез уносит теперь больше жертв, чем тиф. 30% населения заражены венерическими болезнями, 5% новорожденных рождаются больными сифилисом. Наконец, надо учесть и огромный рост нервных заболеваний.

Итак, самым важным объективным следствием революции следует считать потрясающую деградацию населения России во всех отношениях. С этим грозным результатом придется еще долго считаться.

Как и всякая другая революция, русская революция не принесла никаких ожидаемых благ, но основательно перетасовала все социальное строение обще-

ства. Этой перетасовкой все и ограничилось, потому что социальное неравенство теперь несравненно больше, чем было при царском режиме, больше, чем в любой капиталистической стране. Одним предоставлено право жизни и смерти над всеми остальными, другие не имеют никаких прав, и их большинство. Одни обладают огромными капиталами, другие умирают от голода.

В начале революции все социальные верхи были сброшены вниз, теперь начался мало-помалу обратный процесс. Рабочие, занимавшие всякие ответственные посты, возвращаются в первобытное состояние, уступая место «спецам» – деятелям старого режима и старой буржуазии. В госполитуправлении и комиссариате внутренних дел много крупных фамилий с титулами. Старые охранники и жандармы, вплоть до генерала Комисарова, снова заняли свои места. Реставрация некоторых деталей поразительна.

В общем современный режим можно охарактеризовать так: все отрицательные стороны царизма и капитализма без их положительных качеств.

Переходя к характеристике хозяйственного положения, докладчик заявляет, что никогда в истории России не было такого «мотовского поколения», растратившего 70% всех накопленных богатств. Наш золотой запас составляет всего 15% прежнего, продукция сельского хозяйства – 25%, продукция рабочих – 20%, транспорт понизился до 15%. Покупательная способность населения с 30–40 руб. на душу упала до 3 р. 40 коп. На 1 мая 1923 г. было выпущено 124 триллиона бумажных рублей, что равняется однако всего 60 миллионам золотых рублей. Теперь в обращении свыше 200 триллионов.

Колоссальные налоги, которые в любой стране Европы вызвали бы рабочую революцию, ничего не дают. В 1921 г. поступило налогов 250 миллиардов, а денежных знаков за тот же период выпущено 16 триллионов. На хлебном займе власть проиграла. «Стабилизированный» рубль за три дня упал вдвое.

С введением новой экономической политики деревня стала оживать, т. к. появился стимул к труду. Докладчик отмечает невероятный рост индивидуализма и появление мелкой деревенской буржуазии – владельцев хуторов. В общем, революция полностью выполнила аграрную программу Столыпина.

Оживает и мелкая промышленность, зато крупная национализованная продолжает приносить огромные убытки.

С введением нэпа нарождается новая буржуазия, в значительной части состоящая из людей, проповедовавших разрушение капитализма. Буржуазия эта – зоологическая, занимающаяся спекуляцией и мошенничеством. Но ее плюс заключается в полносочности. Никакими «идеями» ее не пробьешь. Принцип собственности бьет изо всех пор русской жизни, особенно с верхов ее.

Нэп принес и новые кризисы – перепроизводство товаров, так как покупательная способность населения ничтожна, и безработицу. В одном Петрограде на 700 тысяч жителей несколько сот тысяч безработных, выброшенных на улицу.

Огромная деградация произошла и в морально-правовом отношении. Если в 1914 г. коэффициент преступности в Москве принять за 100, то в 1920 г. он по некоторым видам, как, например, вооруженный грабеж, увеличился до 28 500! 70% населения Москвы имело лишние хлебные карточки, т. е. обкрадывало государство. Административный произвол, взяточничество и бандитизм вообще нельзя учесть никакими цифрами. Ужасную картину представляет и половая распущенность населения. Правда, против нее начинается реакция, особенно среди женщин.

На народное образование из бюджета 1922 г., равнявшегося 1 800 миллионам золотых рублей, было отпущено всего 24 миллиона (1 200 миллионов – на «оборону»). Вся школа, от высшей до низшей, разгромлена. 50% старых школ закрыта. Крестьяне не желают отдавать детей в школу, «где не учат Закону Божьему».

Проф. Сорокин рисует потрясающую картину состояния высшей школы, рагрома как профессуры, так и студенчества. Между тем интерес к знанию огромен среди всех слоев населения, но он душится хозяевами страны, требующими, чтобы все мыслили коммунистически.

Рост религиозных настроений особенно увеличился с началом гонений на церковь. Отделение церкви от государства оздоровило духовенство, сблизило его с паствой. Расстрелы священников только укрепили этот процесс.

Наряду с этим растет национализм, индивидуализм и ненависть к коммунизму.

Проф. Сорокин не верит в «персональный уход большевиков». Население истощено и дезорганизовано, а в руках власти – послушная красная армия и великолепный сыскной аппарат. Но если в России будет мир и сытость, то власти придется уступить. Сам докладчик рассчитывает «вернуться годика через четыре». Он передает свой разговор с видным коммунистом, который спросил: «Неужели вы думаете, что наш дикий народ годится для демократического устройства?» Проф. Сорокин выразил удивление по поводу такой квалификации народа со стороны представителя рабоче-крестьянской власти и сказал, что, по его мнению, надо опять начать с режима, который был приблизительно в царствование Александра III. Его собеседник ответил: «Мы к этому и идем».

Докладчик выразил уверенность, что будущее должно принадлежать той партии, которая наиболее полно отразит интересы крестьянина – кулака и середняка.

В заключение проф. Сорокин сказал, что он оптимистически смотрит на будущее. Тот народ, который сумел справиться с анархией, справляется и с коммунизмом, не погибнет, и России еще суждено пережить великие исторические судьбы.

Доклад имел шумный успех среди переполнившей зал публики. В прениях приняли участие г-да Кохманский, Ольденбург, Кулишер и Ефимовский.

(Руль. 1922, № 563, 5 октября, четверг, с. 3)

[ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ ГАЗЕТЫ «НАКАНУНЕ»]

Берлин, 4 октября 1922 г.

В одни и те же дни в Берлине встретились видные представители эмиграции внешней и эмиграции внутренней, невольно перешедшей за границу.

Съезд русских юристов, заседавший три дня, собрал «цвет» российской адвокатуры и знатоков права.

Можно было ожидать, что Съезд внесет нечто свое, новое в понимание современной России; пусть враждебное, пусть самую жестокую критическую оценку дал бы он существующему в России правовому строю – нет. Съезд именитых юристов ограничился очередными жалобами и клеветами в «Подорожной книге станции Берлин на то, что долго не подают лошадей на Москву».

Банкротство мысли, полное истощение творческих и критических сил не удалось прикрыть суррогатами бранчливого раздражения и повторения старых, навязших в зубах сплетен и старушечьих пересудов о Русской Революции.

Так же мало удалось Съезду сделать и в родной ему области «служения эмиграции». Дальше создания еще одного, кажется тридцать девятого, мертворожденного комитета да двух робких слезниц на имя Лиги Наций о бесправном положении русских в Китае и о сохранении нынешнего бесправного положения русских в Константинополе дело не пошло. О том, что здесь, близко, под руками, в Европе, делают с русскими бесчисленные «попечители о судьбах эмиграции», даже и упомянуто не было. И это все.

И не случайно, что Съезд самых, казалось бы, «общественных» людей – адвокатов и юристов – производил впечатление собрания теней минувшего; так было во все революции, и так будет со всеми, кто ищет места, «где бы только спрятаться от жизни».

В тот же вечер, когда Съезд русских юристов меланхолически заканчивал свои дела, выступил в Берлине только что прибывший из России Питирим Сорокин.

Сорокин – «внутренний эмигрант». В 1918 г. он заявил, что, не зная, куда идти, он покидает политическую деятельность и возвращается исключительно к научной работе.

И только ныне, нарушив положенный им тогда на себя обет воздержания, Сорокин поведал о своих современных политических настроениях. Не взглядах, а именно настроениях, о чем-то весьма туманном и расплывчатом.

Подход у Сорокина «научный» – всякая революция декаданс, русская революция тоже декаданс и поэтому поведет к полному вырождению России.

В революции нет ничего нового, все старое. Но старое без присущих старому достоинств.

Усмотрел Сорокин достоинства и у царизма, и у капитализма, но ни одного не усмотрел в революции.

За это его судить нельзя, ведь правильное зрение требуется только от машинистов и творцов, а остальные и с дальтонизмом могут делать свое повседневное обывательское дело.

Таким обывательским и предстал Сорокин перед европеизированной аудиторией, давно уже переросшей те методы и взгляды, которыми пытался поразить ее докладчик.

В речах Нольде и некоторых других говоривших на Съезде юристов было все же много больше понимания и признания революции, чем у Питирима Сорокина.

Опять же – не его вина, он не видал, не читал последние годы ничего кроме того, что было «под рукой», понял, что кругозор его этим сужен.

Он, собственно, Бикерман^{10*} номер два, только Бикерман – просто так обыватель, Сорокин – обыватель с претензией на научность.

Россия, как неопалимая купина, горит в огне Революции и не сгорает, в ней, видимо, для всех куются новые силы, новые деятели, не возрождается старая, а создается новая жизнь, глубоко отличная от старой, – это признали и поняли даже самые заядлые эмигранты – представители старого мира, дорожащие им и готовые за него бороться.

Борясь за свое, они дают, между прочим, и некоторые опорные точки развитию и укреплению новой государственности России.

Пытаясь проводить свое, они вынуждены в гораздо большей степени усваивать новое, применяться к нему и волей-неволей вносить нечто в создание новых условий деятельности. Таковы, например, многие «практические» деятели современной России. Но бескрылая, беспочвенная эмигрантщина, эти «ни теплые, ни холодные люди» сентиментальные трубадуры – они давно уже сказали все, что могли сказать, выдавили все мысли, какие могли выдать, и теперь как эмигранты «внешние», так и «внутренние» вполне «самоопределились» и обречены на полное исчезновение с политической арены.

(Накануне. 1922, № 151, 5 октября, четверг, с. 1)

Б. Шенфельд (Россон)^{11*}

ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ «СОЦИОЛОГИЯ»

Состоявшийся вчера по инициативе берлинского союза журналистов доклад Питирима Сорокина собрал полный зал преимущественно эмигрантской публики. Докладу предшествовала хвалебная речь по адресу Сорокина, произнесенная В.И. Немировичем-Данченко. Докладчик, это нужно сказать прямо, не оправдал ожиданий тех, кто думал услышать объективную характеристику происшедшего в России сдвига, ибо Сорокин вместо картины преподнес публике холст, замазанный черной краской.

Сорокин считается ученым-социологом. Социологический подход к вопросу о происшедших и происходящих в России глубоких социально-политических изменениях был, однако, только обещан, но не был дан. Нельзя же в самом деле считать серьезным социологическим анализом ссылок <sic> на то, что все революции в истории человечества были предтечами декаданса, что революции, как и войны, являются уничтожением лучших и сохранением худших элементов человечества или, как говорил докладчик, «селекцией шиворот-навыворот»; что революции играют роль огородников, срывающих лучшие овощи и оставляющих сорные травы; что в результате революций вместо синей птицы в руках искавшего ее человечества всегда оказываласьдохлая ворона; что суть революций сводится, в конце концов, только к механическому перемещению различных классов из одних этажей социальной пирамиды в другие и т. д. Между тем основной предпосылкой «социологической» части доклада были именно эти тезисы.

Удивительно ли, если в результате Россия после революции представляется докладчику (бывшему, как говорят, еще недавно народным социалистом) сочетанием «всех отрицательных сторон царизма без его положительных со всеми отрицательными сторонами капитализма без его положительных». Если простому обывательскому сознанию можно простить неспособность разглядеть за летящими в воздухе щепками кроющегося из срубленного леса нового здания, то такое отсутствие исторической перспективы является свидетельством убожества мысли ученого, какими бы высокими титулами его имя ни было украшено.

Фактическая сторона доклада пестрила цифрами, характеризующими всем известное, а не скрываемое советской властью тяжелое экономическое и культурное положение России. Мы не станем приводить этих цифр, ибо не только в эмигрантской прессе, но и в советской приводились неоднократно и приводятся до сих пор цифры не менее мрачные. Однако едва ли хоть один добросовестный

наблюдатель русской жизни согласится с тем, что Россия во время революции была только фабрикой преступников и дегенератов или что гражданский брак сам по себе вызвал «половую вольность», в результате которой 30% населения России именно после революции заражены сифилисом, и что 5% всех новорожденных также являются сифилитиками. Будущее рисуется ему, докладчику, в связи с нэпом как превращение коммунистической партии в серию банковских домов из бывших разрушителей капитализма. Г-н Сорокин что-то невнятно пробормотал о внутренних силах, о росте народного сознания в России, но тут же поспешил заверить, что советский строй стягивает все эти ростки железным обручем и душит народный ум и народную волю. Тем не менее советская власть будет, по мнению господина Сорокина, существовать, и существовать очень долго. Как совместить эти «антиномии»?

Хозяином России в ближайшем будущем г-ну Сорокину представляется крестьянство из кулаков и середняков без социалистов. Если советская власть не пойдет вслед за экономическими уступками и на политические, то она будет снесена. Но, по-видимому, возможность политических уступок со стороны советской власти представляется Сорокину невысказанной.

В конечном итоге доклад Сорокина напоминает брюзжание Бикерманов и мог произвести впечатление только на эмигрантщину, которая, утопая в болоте отчужденности от России, хватается за соломинку иллюзий. Но соломинка никогда еще не спасала утопающих...

(Накануне. 1922, № 151, 5 октября, четверг, с. 4)

ПО ГАЗЕТНЫМ СТОЛБЦАМ

В пражской газете «Венков»^{12*} неунывающий профессор Питирим Сорокин занялся прославлением чешской политики по адресу России.

Не без сентиментальных настроений г-н профессор пишет:

«Только в несчастье познается подлинный друг. Многие из бывших “друзей” России не приняли, мягко выражаясь, никакого участия в ее судьбе, а, напротив, стремятся хищнически побольше сорвать с России и стремятся к развалу России, прикрывая свою деятельность красивыми словами. Мало [кто] из “союзников” выдержал испытания, из них в первую очередь Чехословакия и Соед[иненные] Штаты. Эти оба государства думают не только о своих интересах, но и искренно стремятся помочь другу в беде и проявили неоспоримое доказательство своей волей освободить русский народ от несчастий».

Речь идет, по-видимому, о той «воле», которая выразилась в деятельности чехословацких легионов. Ну, на сей счет существуют разные взгляды...

Но г-н Сорокин уверяет, что вся Россия признает эту «деятельность» благотворной и, увлекшись, продолжает:

«Попав волею судьбы в Прагу, я убедился, что такой взгляд населения России на Чехию глубоко справедлив. Я ежедневно вижу горячее желание чехословацкого народа помочь больному брату. В особенно[сти] рад потому, что эта бескорыстная помощь руководится здравым и правильным планом».

Конечно, чехи много делают для поддержки русских эмигрантов. Но ученому-социологу следовало бы обратить внимание на более серьезные черты чешской политики. На обязательства Масарика и Бенеша, например, данные Румынии и Польше...

Если эти обязательства считать проявлением дружбы к России, то простите... мы тогда молчим.

Интересно, что скажет государственный смысл «Дней» об этих политических упражнениях своего единомышленника.

(Накануне. 1922, № 189, 18 ноября, суббота, с. 2)

Б. Дюшен^{13*}

ИЗГНАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

Остракизм применялся в древнем мире. «Старый мир» также прибегал к изгнанию «нежелательных элементов», но пользовался этим орудием осторожно, предпочитая гласности изгнания за границу пустынные тундры Севера, откуда три года скачи – все равно никуда не доскачешь, или молчаливые тюремные стены и не менее молчаливых тюремщиков.

Но то, что ныне происходит в России, принадлежит к разряду истинно исключительных и новых социальных явлений.

Десятки людей, среди которых немалое число обладает крупными именами в искусстве, литературе, науке и философии, подвергнуты остракизму и выброшены бурными валами Российской революции в среду почти двухмиллионной эмиграции, сложившейся самоходом, самоуходом, бегством.

В отличие от старых эмигрантов, новые совсем не хотели уходить и покинули отечество лишь вынужденные к тому суровой рукой государственной власти.

Явление, развертывающееся перед нами, настолько значительно само по себе, что, как ни трудна и болезненна попытка в нем разобраться, она должна быть сделана.

Тем более, что со стороны самих эмигрантов и изгнанников в этом отношении не сделано никакой попытки, а ведь «передовую» часть эмигрантщины чем-чем, а скромностью попрекнуть нельзя. По самому пустому поводу она готова пролить океаны своей идеологии, разболтать все свои немудреные секреты, перемывать публично и свое, а заодно и чужое грязное белье.

А тут – из ряда вон выходящий случай, да что случай, почти обычай, выпирать за границу «представителей» русской интеллигенции – и ничего, даже нет обычных воплей, биения себя в перси, раздиранья одежд и призывания громов и молний на «варварскую безумную власть красных насильников».

Это второе обстоятельство, внезапная немота заинтересованных лиц, также нуждается во внимательном анализе.

Прежде всего попытаемся установить объективные факты. Из «страны ужасов», из царства «Хамов», из «вымирающих городов», где все задушено (читателю предоставляется право вставить здесь все известные ему виды свобод, личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, званий, чинов, титулов, орденов и т. д.), от «буржук» в холодных квартирах, от голода и суровой борьбы за кусок насущного хлеба изгнанники перемещаются в культурную Европу, где «цивилизация» и «просвещенность», «демократия», а стихия революции пребы-

вают за прочными решетками, лишь изредка и издали напоминая о своем существовании звуками потрясаемых оков.

Не правда ли, что это почти исполнение мечтаний, столько раз высказанных за последние годы, – «хоть бы они нас выпустили». При этом неукоснительно добавлялось, что, мол, открой только «они» двери, и все сразу скопом убегут, и опустеет Россия. Однако вот уже больше года, как двери фактически если и не открыты, то очень сильно приоткрыты, и уйти совсем немудрено. Однако массового оттока что-то совсем не наблюдается, скорее обратное – десятки тысяч беженцев движутся в Россию, и лишь сотни и единицы, по большей части спекулянтов и вдруг нажившихся нэпманов, припадают к вожделенным плитам всесветных курфюрстендамов^{14*}.

Гораздо важнее понять, почему советская власть нашла себя вынужденной заметную часть старой русской интеллигенции отправить за границу, снабдив их на счет пролетарской казны «прогонными», в буквальном смысле слова, деньгами.

В самой России этот вопрос страстно дебатировался и дебатруется. Противники высылки нашлись, прежде всего, в коммунистических кругах. Как, говорят они, «пустить щуку в море», выпустить за границу целую армию талантливых агитаторов, настроенных непримиримо к советизму и революции, дать им возможность организовать и организовать «общественное мнение», газеты и т. д. – да ведь это неслыханно, нелепо, недопустимо.

На первый взгляд в этих рассуждениях найдешь немало резонов, да и недолгая практика как будто их подтверждает. Первоочередные изгнанники (и здесь уже установилась своя иерархия) немедля от единичных выступлений перешли к организованной кусковизации эмигрантщины, откупили эсеровский «Голос России», провозгласили необходимость объединения эмигрантских сил ради достижения власти в России и послушно начали идти по торной дорожке, протоптанной уже их предшественниками, старательно, хотя и непроизвольно выделявая те же фигуры эмигрантской кадрили.

Шаг вперед, шаг назад, реверанс Милюкову, реверанс Гессену и в виде вспомогательной фигуры легонькие авансы ... блюстителям. Танец, конечно, совершенно безобидный и такой же безрезультатный, как толчение воды в ступе: никакого выхода из замкнутого круга эмигрантского болотца в нем не намечается.

Некоторые круги склонны этот танц-парад переоценивать и придавать ему известное значение. Само собою понятно, что при этом оппозиция против высылки, оппозиция для возможных будущих изгнанников весьма угрожающая, усиливается.

Изгнание – тяжкая кара. Как ни заманчиво пожить в свободных Европах, однако ведь каждому понятно, что жизнь на чужбине тоже не радость. Сегодня у изгнанников еще есть кое-какие крохи, сегодня им еще устраивают торжественные встречи на вокзалах, пышные банкеты, матерые эмигранты заывают

в свои кружки, неведомые «добрые дяди» отпускают кое-какие гроши, то ли в долларах, то ли в чешских кронах, – а завтра что?

А завтра «старые» и «новые» перегрызутся, на то они и русские интеллигенты, рука дающего оскудеет, а взаимопомощь и самопомощь эмигрантской интеллигенции всем хорошо известны: сотни бедняков, и не каких-нибудь, живут по общежитиям, лагерям, трущобам и набивают папиросы...

Изгнание – кара тяжелая. Но раз зашла речь о каре, должна быть выяснена и вина. За что такое гонение? В чем преступление всех этих людей, столь разнообразных по общественному положению и лишь изгнанием объединенных в своеобразный «профессиональный союз» с президиумом и всем прочим?

Не будем искать ответа у изгнанников: они себя виновными ни в чем не признают. Послушать их, так они были едва ли не самыми лояльными гражданами росефесерии, скромными тружениками на ниве народной, а потерпели «за правду».

Что же говорит о преступлениях высылаемых сама советская власть? Ведь и то правда, что никто не должен оправдываться, доколе к нему не предъявлено определенного обвинения.

Материалы, которыми мы располагаем по этому вопросу, скудны: речь Зиновьева, речь Троцкого, в которых больше психологических, чем фактических справок и которые, конечно, не суть обвинительные акты в полном смысле слова.

Несколько статей в советских газетах, также имеющих главным образом агитационный характер, – вот почти все, переданное гласности.

Возможно, и даже несомненно, что в недрах ГПУ собраны какие-нибудь материалы большего актуального характера, но о них нам ничего не известно, и судить о них, видимо, придется только будущим историкам. Резюмируя известные данные, получим приблизительную формулировку поводов и причин, на основании которых предпринята массовая высылка интеллигентов. Суть их в основных чертах заключается в следующем:

«Некоторые интеллигентские круги не хотели и не могли принять Октябрьскую революцию со всеми из нее вытекающими социальными последствиями. В эпоху военного коммунизма они удалились в своеобразную “внутреннюю эмиграцию” и по мере сил саботировали развитие революционного процесса. Изменение режима с переходом к новой экономической политике вызвало возрастание влияния мелкой буржуазной стихии, дало возможность активного проявления враждебным революции политическим тенденциям. Эти тенденции нашли свое отражение в целом ряде интеллигентских организаций и изданий политического, научного, экономического и чисто художественного характера.

Диктатура пролетариата, производя отступление из области утопического в область необходимости, оказалась вынужденной плотнее сомкнуть и укрепить линию политических завоеваний революции.

При этом она натолкнулась на противодействие организовавшихся интеллигентских групп, переоценивших свое значение и возможности. Эти группы самим фактом своего существования стояли на пути государственной власти, оказывая ей пассивное сопротивление, образуя оппозицию ради оппозиции, морально препятствуя осуществлению ряда мероприятий текущей внутренней политики.

Не являясь открыто заговорщицкими или явно преступными, эти группы, по словам Троцкого, могли таковыми стать при первом намеке на возможность политических изменений и потому, не будучи социально значительными или опасными, могли вызвать со стороны советской власти необходимость террористических репрессий. Признавая применение к этим кругам террора нежелательным, советская власть в виде предупредительной, профилактической меры решила устранить из республики «нежелательные элементы».

Только и всего? Да, только и всего. Это не обвинительный материал, и в нем не названо ни одного «преступления». Конечно, у революции свои законы, суровые и чуждые обычным нормам, но все же аргументация политическими предчувствиями как будто недостаточна. Добряк Троцкий в роли попечительного дядюшки, высылающего за границу баловника племянника, чтобы не наказывать его за возможные в будущем шалости, – это что-то совершенно новое и несовместимое с суровым обликом красного главноверха.

Тут должно быть что-то иное. Но что?

Перед этим вопросом долго бы стояли мы, зарубежные друзья революции и советской России, в горестном раздумье.

Ведь психологические возможности и тонкости, может быть, понятны там, в России, но здесь до поры до времени они остаются пустым звуком.

Здесь нужны факты и дела, точные формулировки, отсутствие которых в таком большом и важном вопросе ранит сердце и связывает руки.

Ведь каждый ложный шаг и акт суровости революции требует здесь, за границей, вдали от грохота революционного строительства, холодных и точных объяснений, с точки зрения их действительной целесообразности и действительной неизбежности. Ведь прокурора, формулировавшего обвинение против интеллигентов, не было, [как не было и] обвинения, построенного не на «гуманных чувствах» Троцкого или неосязаемых предчувствиях сентиментального ГПУ.

Но если не нашлось прокурора в России, то он нашелся, и даже два, за границей, в среде самих высланных.

Первый из них – коллективный – именуется газетой «Дни» и возглавляется властолюбивой госпожой Кусковой.

Второй – интеллигентская одиночка, но очень типичная – господин Питирим Сорокин.

Газета «Дни» – орган ответственной группы изгнанников, она говорит от их лица, выражает их мысли. Гессен утверждает даже, что изгнанники не толь-

ко персоны, а представители *всей* русской интеллигенции. Оставим это утверждение на его совести и не будем лишним раз подставлять под удары людей, не уполномочивавших г. Гессена говорить за них: пример такой медвежьей услуги мы видели уже на «помощи», оказанной Гессеном и «рулевыми» компомголу Кусковой и Прокоповича.

Газета «Дни» желает стать боевым органом эмиграции, а эмиграция против этого не протестует. «Дни» призывают к объединению сил, к пробуждению «воли к власти», к борьбе с Советской Россией. Они выступают совершенно открыто, отнюдь не скрывая своих намерений какими-нибудь лохмотьями идеологии. «Дни» стали в боевую позицию немедленно со дня их возникновения, когда их редакторы еще не успели сносить башмаков, так недавно ступавших по питерским и московским панелям. *Дух «Дней» зародился не здесь, он в совершенно готовом виде вывезен из России.* Из уважения верим, что и там он был таким же, не хамелеонничал и проявлял себя в меру возможностей.

«Потенциальные возможности», и притом большой концентрации, значит, были.

У советской власти, значит, были реальные поводы с ними бороться, ибо какая же власть, кроме жаждущей самоубийства, может допустить, чтобы против нее велась подобная ниспровергательная работа. Никакая демократия, никакая свобода печати не может выдержать подобного испытания.

Г. Питирим Сорокин, хотя он и ближайший сотрудник «Дней», должен быть и учен особо, он настолько своеобразен, что имеет на это право.

Да, помилуйте, ведь это самый что ни на есть лояльный гражданин! Ведь это он в самом начале революции громогласно из-за тюремной решетки отрясал с себя всякую прикосновенность к политике и заявлял о желании, углубившись в область науки, политики впредь не касаться, – потому что он перестал в ней что бы то ни было понимать. Этот первый раскаявшийся интеллигент произвел немалый шум на советской улице, посеял немалый соблазн, был разрекламирован как пример тогда еще легко, по новизне дела, восторгавшейся советской прессой.

Почти четыре года держал раскаивающийся и ничего в политике не понимающий Сорокин добровольно принятый обет молчания.

И вот он за границей, и его прорвало. Оказывается, он все же понимает в политике достаточно, чтобы поучать других. Кажется, сейчас во всей Европе нет человека говорливее и развязнее Питирима Сорокина.

Что же говорит о России раскаявшийся Питирим Сорокин?

Послушать его, так Россия просто помойная яма, смрадное место, гноище на лице земли. Сам маэстро политической ругани и клеветы, Владимир Бурцев, может поучиться ругательскому пафосу у Сорокина. Если «Дни» и Кускова пока что намечают пути политического ниспровержения советизма, то Сорокину это-

го мало. Он считает необходимым начисто смахнуть всю революцию со всеми ее последствиями и с истреблением под корень всей русской молодежи на два поколения вперед. По его словам, Россия будет гноющем до тех пор, пока, как ихтиозавры, не вымрут все увидавшие впервые свет до окончательной сорокинской чистки поганого места.

Дальше идти некуда. Лояльный гражданин перед нами в натуральную величину. И с такой психологией можно жить в России? И людей с такой психологией можно терпеть в России?

Разумеется, нет.

Нет, пусть они идут куда угодно, делают что хотят, но не отравляют своей безумной ненавистью молодую Россию. Ведь она уже изжила пору ненависти и разрушений и всеми мускулами растущего организма тянется к творчеству и труду. Таких интеллигентов, как представленные за границей, ей не надо, тем больше, что в России своих верных, трудящихся самоотверженно интеллигентов осталось достаточно. Не только свету, что в Кусковых и Сорокиных.

Выступления и деятельность представителей изгнанничества являются длящейся обвинительной прокурорской речью против них самих же. Она является лучшим доказательством принципиальной правильности мероприятий, предпринятых советской властью против них, хотя бы и на основании «предчувствий». Потребовалось только несколько дней, чтобы эти предчувствия подтвердились действиями и фактами.

Однако самый способ осуществления изгнания не может не вызвать возражений. Ведь мы убеждены в том, что русская интеллигенция в массе вовсе не состоит из Сорокиных. Что в широкий невод ГПУ попадает немало случайных элементов, действительно чуждых отмеченным тенденциям. Что разумнее было бы предоставить дело «отбора» естественному ходу вещей.

Как устраивались «недели дезертиров», в течение которых всем добровольно вернувшимся гарантировалось прощение, так же можно бы объявить недели для «дезертиров от революции», в течение которых предоставить всем желающим беспрепятственно и при условиях благоприятствования удалиться восвояси. А затем уже, как с невернувшихся дезертиров взыскивали полной мерой, так и с оставшихся для враждебной работы можно взыскать полной мерой, и никто не будет вправе обижаться.

Вот тогда-то и обнаружится все тщедушие интеллигентской контрреволюции. «Изойдет» никак не больше пары сотен душ – мертвых душ, ненужных России в ее новых трудах.

А заграничная деятельность изгнанников – тоже на пользу советской власти. Парадокс? Нет, не парадокс, а самая живая правда.

На первых порах кое-кто и соблазнится их шумихой, но, присутствуя при явлениях неизбежного развала эмигрантщины, видя ее бессилие, все здоровое

от нее отшатнется. Такова ведь судьба всех эмиграций, непреложная, как закон природы. Призрак интеллигентской контрреволюции заманчив лишь издали и пока он не воплощен и овеян романтической тайной. Пусть «повоюет» на просторе, и всем станет видно, что знамена ее взяты напрокат от бутафора, личина размалевана под маску благородного негодования, мечи – картонные.

Старики в эмигрантщине, старожилы контрреволюции, имеют право сказать новичкам: и погромче вас были витии, да ничего не сделали.

(Накануне. 1922, № 195, 26 ноября, воскресенье, с. 2–3)

Мих. Осоргин

НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

На этом же самом месте в «Днях» (№ 20) была напечатана статья Питирима Сорокина «Современная интеллигенция»^{15*}. На меня – вероятно, и на многих других – впечатление она произвела самое безотрадное. Если и верить, что такова «новая интеллигенция», как схематически ее рисует петербургский наблюдатель, тогда надеяться больше не на что; тогда Россия из болота не вылезет, а и вылезет на время, опять туда же шлепнется.

По Питириму Сорокину выходит так. Была интеллигенция атеистической – стала мистической, была интернационалистична – стала ультра-националистичной с придатком антисемитизма и ксенофобии, была склонной к социализму – теперь молится на капитализм и собственность. Революцию она «считает несчастьем, завоевания революции – ужасом», старый режим переоценивает столь же, сколь недооценивала раньше, хотя «большинство – республиканцы».

Речь идет о *новой* интеллигенции, т. е. о той, которая выходит из рядов крестьян и рабочих, которой «не перед кем каяться» и которая предпочитает «тьму низких истин» – «нас возвышающему обману». Сделалась она – по Сорокину – полной противоположностью своей предшественнице, сожгла все, чему та поклонялась, и поклонилась решительно всему, что та сжигала.

Уже по одному тому, что характер новой *интеллигенции*, о которой знать мы можем еще очень мало, нарисован так схематично и просто (вместо позитива взят негатив), невольно сомневаешься в его точности и правильности. Почему она, только сейчас народившись, еще никаких сложных испытаний не перенесла и разочарований не пережив, несет в себе все типичные черты реакции духа? Не вышло ли ошибки? Не принял ли петербургский наблюдатель за *новую* интеллигенцию – известные отслоения «образованной части общества», «аристократов мысли», утомленных пережитыми разочарованиями и затрепанных порывами революционных бурь? И не этот ли использованный мятый пар, вообще носивший имя «интеллигенция» лишь по недоразумению, предполагает пессимистический наблюдатель пустить в машину будущего под видом новой силы?

Оставим вопрос о том, подлинно ли вся старая интеллигенция умерла, или известная часть ее, войдя в общее понятие «народ», продолжает активную в его среде работу, малым отличаясь идейно от позднейших поколений. Будем говорить только об одной этой, новорожденной интеллигенции.

Новая интеллигенция действительно выходит из народа, и черты, ее характеризующие, естественно совпадают с общенародной идеологией. А если так, то

рано говорить о реакции на былые чисто интеллигентские верования, которых масса народная вообще не имела.

Атеизмом русский народ не отличался, религиозностью – да, суеверием – в еще большей степени. Трудно думать, чтобы революция или «большевистская пропаганда» привила народу атеизм, отрицающий всякое чувство религиозности. Но и революция, и специфическая пропаганда сильны в разрушении, и *суеверию*, темным проявлениям мистицизма, удар нанесен тяжелый и решительный. Новая народная интеллигенция с Богом, а ее христианская часть – с Христом могла не порвать, но пням она не молится и дождя от молебнов вряд ли будет ждать.

Противопологать интернационализм подъему национальных чувств вообще нельзя, т. к. прямым антиподом первому является шовинизм, узкий национализм. О подъеме чувства нации в русском народе, следовательно, и в новой интеллигенции свидетельствуют многие и многое. Вероятно, впервые за всю свою историю русский народ так ясно осознает себя единым национальным целым; война и революция привили ему это сознание, намечающееся будущее – усугубит его. В своем несчастье Россия обособлена, изолирована, в своем распылении она стремится к новой тесной спайке мелких национальностей в единую, большую, российскую нацию. Но вместе с тем впервые же русский народ с такой ясностью понял, что изоляция нации, какую бы огромную территорию она ни занимала, есть источник тяжелых страданий, что интересы народов, их трудовых слоев имеют общность неразрывную и будущее принадлежит не в себе замкнувшимся нациям, а международным союзам. И новая интеллигенция узнала это не из «интернационалистической» проповеди большевиков, которые на практике насаждали охотнее всего как раз местный национализм (татарский, башкирский, черемисский и пр.), а из тяжелого опыта международной войны, интервенций, блокад, тяжелейшего опыта изоляции в год голодный, когда просвет дала только помощь далекой демократической Америки, кормившей и кормящей русских детей и взрослых. Вот где источник стремления, может быть еще туманного, к будущему «Интернационалу», не боевому и крикливому «Третьему», а к мирному трудовому союзу народов, вне которого ни одна нация жить не сможет. Может быть, это и утопия, но утопия прекрасная; и ею начинает жить «деловая и практическая» новая народная русская интеллигенция.

Вопрос об антисемитизме лучше оставить; он очень сложен. Пришлось бы сначала выяснить, был ли когда-нибудь русской деревне свойственен антисемитизм или он всегда был уделом городских, мещанских и отчасти образованных слоев. В антисемитизме обвиняли интеллигенцию и раньше, всегда забывая условиться, что нужно разуметь прежде всего под самим словом «интеллигенция»,

можно ли под это понятие подводить всякого занимающегося свободной профессией и внешне принадлежащего к так называемому образованному обществу. В ту же ошибку и по тем же причинам можно впасть и сейчас.

Еще сложнее психологически стоит вопрос об отношении народа к частной собственности. Но, конечно, не может быть сомнения в том, что понятие о *священной*, неприкосновенной и неограниченной частной собственности рухнуло раз и навсегда.

И не в одной России, но в России – резче и выразительнее, чем где-нибудь. Все наблюдавшие современную русскую деревню рисуют нам двоякий психологический процесс в отношении крестьянства к принципу частной собственности. С одной стороны, чисто хозяйственное требование права на полное, правовое обладание землей, право покупки, отчуждения, залога, передачи по наследству своего трудового участка. В этом праве крестьянин видит «якорь спасения» от той посторонней воли, которая теперь в любой момент может пустить по ветру его многолетний труд и лишить его продукта этого труда. Но параллельно с этим неизменно наблюдается и другое: страх перед возвратом помещичьей собственности, «священной и неприкосновенной». Недавно («Дни», № 28) А.Б. Петрищев писал: «В России каждый мужик, если вы сумеете заговорить с ним по душам, скажет: то-то кабы опаски не было, что помещичья сила назад вернется... Тогда бы можно, конечно, и священную собственность принять, и без нахального порядка впредь обойтись; а пока... лучше уж “плыть к одному берегу с голодранцами”, пуская, при необходимости, и против них “свои средства”»^{16*}. Вот эта-та «опаска» и объясняет весьма важную поправку, вносимую в понятие «частной собственности». Кому-то это право может принадлежать, а кому-то не может. Работающему на землю – может, а не работающему – нет. Но и землеробу может принадлежать в тех пределах, в каких это право не грозит превратить его в помещика старого типа, т. е. в пределах трудовой потребности и трудовой мощи. И поскольку новая интеллигенция выходит из трудовых слоев крестьянства, она не может ввести в свою идеологию признание института частной собственности иначе, чем с этой поправкой, в корне подрывающей чистоту былого «священного» принципа.

Остается оценка самого «явления революции». «Революция – несчастье», «завоевания революции – ужас». Возможно, конечно, что эти слова, под которые подводятся и которыми прикрываются все творимые бесчинства и насилия, не только потеряли свой прежний престиж, но и звучат одиозно. Но слова, а не смысл происшедшего переворота и не его материальное содержание. Недаром сам наблюдатель замечает, что «тоски по монархии не наблюдается»; не будет он отрицать, что не наблюдается и тоски по помещику, хотя и усматривает в чем-то тоску по капиталисту. А ведь это все же «завоевание револю-

ции!»! Верно, конечно, что «новую интеллигенцию», как и ни одного мыслящего человека, кроме власть имущих и близ власти кормящихся, не может радовать ни новый режим политический, ни нынешнее положение экономическое. Правда, что при сопоставлении даже старый режим может им казаться лучшим. Но, чтобы в *новой* интеллигенции нашлись не единицы, а хотя бы заметные группы мечтающих о ликвидации «ужаса революционных завоеваний» и о возврате старого режима, это нельзя просто *заявлять*, это потрудитесь подтвердить хоть чем-нибудь, если не примером, то хотя бы более точным изложением хода собственных мыслей! Это – слишком важно, это – все! И бросать с легкостью такие слова, даже и сопровождая их оговорками («тоски по монархии не наблюдается»), невозможно. Новая интеллигенция уже настолько выросла, что *новый* режим она успела оценить в совершенстве. Но, отрицая его, грезит она не о старом, а о *новейшем*, который со *старым* ничего общего иметь не будет. Не знает его, а грезит, – как грезила когда-то «старая», воображавшая, что знает. Но пути к нему она найдет более близкие и верные, т. к. обладает и старым, и своим молодым опытом.

Да! Питирим Сорокин прав. «Полоса беспросветного отчаянья прошла. Появилась вера в себя, в народ и в будущее России... Готовятся к будущей работе... Будут работать до упаду, до истощения, – раз это нужно для России, раз это продуктивно...» Нет! Он не прав, говоря: то, что делают теперь, не считают за «дело». – «Дурака валяем, кто во что горазд». И сейчас работают, как могут, тратя больше сил на преодоление препятствий к работе, чем на то, что техники называют «полезной работой».

В этом последнем – огромное, резкое отличие интеллигенции новой, сильной, от обломков старой, даже и не вполне растратившей прежнюю идеологию. Не ждут наступления «новых условий» и «легальных возможностей», а работают над собой и над другими сейчас, «в поте, в пыли, в дыму, в пламени», в отчаянных политических условиях, в ужасающей экономической обстановке. Кто? Учителя, учительницы, маленькие агрономы, фабричные врачи, самоотверженные собиратели местных музеев, библиотек, писатели-самоучки, изобретатели, кооператоры, новоиспеченные студенты, руководители рабочих кружков, народных домов и читален, иные – под коммунистической личиной, другие – с открытым лицом, голодные, оборванные, уже познавшие все прелести доносов, кутузков, научившиеся всякими «своими средствами» обходить камни преткновения, ловушки, засады, естественные препятствия. И имя им – легион, имя им всегда было легион, только нынешний легион побольше. Они – муравьи, работа каждого маленькая, простым глазом их не всегда заметишь. Нужен тот микроскоп, который называется настоящей, а не словесной только *верой в русский народ*.

И эта вера, которой и знание не повредит, не должна позволять нам одним штемпелем клеймить и отбросы реакции, и продукты революции, и тех, кто временно ли, навсегда ли ушли в отставку, и тех, кто только-только начал приоткрывать свое лицо, новое, молодое, не изрытое морщинами *чьих-то*, а не *их* разочарований.

(Дни. Берлин, 1922, № 32, 6 декабря, с. 2–3)

Г. Аронсон^{17*}

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Сколько горьких упреков звучало по адресу социал-демократии – в «узости» и «черствости», в «односторонности» и в «свойственном марксистам схематизме», – когда наша печать пыталась развенчивать неземные «надклассовые» позиции интеллигенции. Какое всеобщее возмущение вызывало это в либеральных и радикальных органах печати, где находила себе прибежище эта самая интеллигенция!

Стоит вспомнить период похмелья, наступившего после революции 1905-го года, – эпоху столыпинской реакции, когда царское правительство еще не закончило своей кровавой тризны над побежденной революцией, а карательные экспедиции, военно-полевые суды и виселицы продолжали свое плодотворное дело. Уже тогда значительные кадры русской интеллигенции оказались «на высоте положения». Среди многих групп интеллигенции было принято изображать революцию, как «бунт», а русский народ – как дикого зверя, выпущенного из клетки. По всей линии был проведен разрыв с революционной традицией интеллигенции. Проповедь малых дел и пользы лужения умывальников легко сменила идеи подвига. Реализм диктовал не погоню за «синей птицей» социализма, а поиски доходного места в капиталистическом предприятии. Со столбцов некогда либеральных и радикальных газет полилась проповедь патриотизма, «национальных отталкиваний», вплоть до антисемитизма.

Крупные слои интеллигенции, вчерашние попутчики, постепенно самоопределяясь в классовом смысле, скоро обнаружили свое истинное «лицо».

И вот наступили годы катастроф – годы войны и революции. Но запасы трезвости и реализма оказались достаточны у русской интеллигенции, и большинство русских «образованных людей» к началу революции 1917-го года оказались вне левого фланга русской общественности, вне революционных и социалистических партий. Уже в эту весеннюю пору революции наметилась линия направления широких кругов интеллигенции: напуганные призраком народных движений, они шарахнулись в сторону – подальше от революции – и во имя «порядка» сгрудились вокруг имущих классов страны. Что уж говорить о дальнейшем! Большевицкий «октябрь» мог только форсировать процесс классового самоопределения интеллигенции. Голод, холод, эпидемии, чека и коммунистические эксперименты во всех областях жизни с неумолимой логикой толкали прочь от революции и рождали жажду «порядка во что бы то ни стало». А специфические мытарства и страдания, которые большевики обрушили на русских интел-

лигентов в изобилии, должны были вытравить из сердца широких масс русской интеллигенции последние остатки общественных идеалов. Так закономерно намечалось грядущее самоопределение интеллигенции.

Ведь в России 1918–1921 гг. не оставалось никакого места ни романтике, ни сентиментализму, и надо было обладать большим запасом мужества и душевной стойкости, какими не располагали очень многие русские интеллигенты, чтобы через эти «голые годы» пронести нетронутыми сочувствие к трудящимся и верность идеалам свободы и братства! И нет ничего удивительного в том, что, пройдя через горнило испытаний, старый русский интеллигент окончательно переродился. Новый тип интеллигента испытан железом и кровью; на нем – закал революции. Это – не лишний человек, не размагниченная личность, не кающийся интеллигент, не чеховский нытик. Нет! Его лицо с каждым днем все выпуклей и рельефней очерчивается. Его характер сложился в грозном дыханье войны и революции. И когда миновала мертвая полоса все нивелировавшего военного коммунизма, когда был вырван «нэп» у советской власти, в России начала складываться новая практика русского интеллигента, а за рубежом стала отливаться его новая идеология.

Картина самоопределения значительных кругов русской интеллигенции, которую мы наблюдаем за рубежом, представляет значительный интерес. Идет процесс массового поправения. Отдельные интеллигенты в своих политических скитаньях докатились до идей реставрации монархии, до апологии Врангеля и еврейских погромов (и среди них есть не только гг. Шульгины, что было бы понятно, но и гг. Бикерманы); другие, не заходя так далеко, напуганные революцией и большевиками, специализируются на социалистоедстве и восхваляют прелести грядущего капиталистического строя. С неким радостным иступлением сжигая все, чему когда-нибудь поклонялись, все свое красноречие и писательский дар они отдают на дело борьбы с революцией и социализмом перед лицом широких кругов интеллигенции.

Их писания, несомненно, соответствуют определенной объективной потребности. Объективные тенденции этой потребности с редкой яркостью проступают в статьях Питирима Сорокина^{18*} и С. Маслова, напечатанных недавно в берлинской газете «Дни» (№ 20 и 51).

П. Сорокин – бывший правый эсер, в свое время в советской России прижатый большевиками к стене, отрекшийся от всякой «политики» и посвятивший себя чисто культурной работе, а сейчас высланный за границу и здесь возобновивший политическую деятельность. В сущности, он совершенно прав в своих наблюдениях. Новый интеллигент стал более прозаичен, более деловой. И его идеология резко изменилась: П. Сорокин говорит о подъеме национализма, о положительной оценке капиталиста и собственника, о разочаровании в революции и о возрождении симпатий к старому режиму. Но г. Сорокин не удовлетворивал-

ся одной передачей своих наблюдений. Он не может, да и не хочет скрыть своих собственных чувств и влечений. Ему, вчерашнему эсеру, *нравится* этот тип нового интеллигента. Вы находите, что этот тип реакционный, мещанский, пошлый, лишенный самоотверженности? Нет, – успокоительно заверяет Сорокин, – новый интеллигент – только более консервативный, реалистический, деловой, более опытный и уравновешенный. Это – положительный идеал нашего социолога. Сорокина не смущает даже, что «частичным проявлением национализма служит антисемитизм, охвативший и интеллигенцию, профессию и студенчество». Его, «поумневшего» социалиста, конечно, не смущает потеря социалистической идеологией обаяния в глазах интеллигенции. И, констатируя, что в представлениях интеллигенции «завоевания революции» считаются «ужасом», П. Сорокин благожелательно отмечает поворот симпатий в сторону старого режима, чьи «положительные стороны», мол, прежде «недооценивались». Так, на живом примере П. Сорокина мы видим «национальное лицо» и «деловые черты» того нового интеллигента, который ждет не дождется своего «хозяина», на потребу которого уже фабрикуется националистическая и реалистическая идеология.

С. Маслов, другой новый интеллигент из эсеров, один из новейших апостолов идеи создания крестьянской собственнической партии, в высшей степени отчетливо сформулировал свой новый символ веры. Оставаясь не в пример Сорокину на почве демократии, О. Маслов все внимание свое посвящает задаче размежевания с социализмом. «Мы – трудовики, но своеобразные», – заявляет он. А «своеобразие» это заключается в том, чтобы понятием труд охватить и труд... предпринимателя. «Мы стоим на классовой точке зрения», – говорит он, – но только для того, чтобы отстаивать «солидарные действия классов». Снисходя «до интереса к общечеловеческому прогрессу», С. Маслов твердо заявляет: «Мы – националисты. Интернационализм ... нам чужд». Отказываясь «подчинять жизнь сегодняшнего дня... социализму», Маслов провозглашает: «Мы – реалисты». И, чуждый «чувству святости» революции, он постулирует теорию эволюции как единственный путь спасения. И с восхищением – столь редким в наши дни – С. Маслов оглядывается на нового собственника, на капиталиста, на опору своей программы, на такие черты его, как национализм и реализм, на черты, подмеченные П. Сорокиным у нового интеллигента и, следовательно, общие у него с новым собственником. И так, – национализм и реализм – вот знамя самоопределяющейся интеллигенции! И вот он, новый русский интеллигент, на побегушках у нового собственника в возрожденной буржуазной России, сочиняющий апологию всем прелестям буржуазного строя, провозглашающий осанну капитализму и вырабатывающий для него подходящую идеологию: национализма и реализма, а, если нужно, религии и монархии...

Поучительны и далеко не безразличны с точки зрения завтрашнего дня русского рабочего движения отмеченные нами процессы самоопределения интел-

лигенции, процессы, характерные для периода революционного отлива и далеко ушедшие вперед после глубокого и драматического большевистского опыта. И надо прямо сказать, что чем дальше развиваются события, чем рельефнее происходит процесс политического поправления интеллигенции, тем меньше шансов остается для рабочего класса иметь среди своих попутчиков в борьбе за демократическую республику широкие круги русской интеллигенции. Как и все элементы политически слабого буржуазного общества в России, новая реалистическая и националистическая интеллигенция может легко, наряду с пореволюционным собственником деревни и города, стать одной из опорных сил бонапартистского режима, устраняющего от влияния и решающей роли в стране трудящиеся классы. Ведь «сдвиг» интеллигенции в стан пореволюционного собственника неизбежно вытекает из той идеологии, которую поставляют ей гг. Сорокины и Масловы; и если, распрощавшись с последними остатками своих демократических верований, широкие круги интеллигенции последуют призывам стать под знамя национализма и реализма, несомненно, делу борьбы за политическую свободу в России будет нанесен весьма чувствительный удар. В проповеди политической беспринципности, в восторженном преклонении перед священным институтом частной собственности, в пренебрежении к нуждам и запросам трудящихся масс, ищущих социальной справедливости, и заключается опасность грядущего бонапартизма.

И для того, чтобы сделать более выпуклым значение нового сдвига в настроениях интеллигенции, будет небесплодным подчеркнуть, что отмеченным процессам классового самоопределения интеллигенции соответствуют параллельные процессы кристаллизации тех интеллигентских кругов, которые кровно связаны с коммунистической партией и обслуживают аппарат советской власти. Националистическим и реалистическим группам интеллигенции, которым мы посвятили свое внимание, протягивает братскую руку бонапартистская интеллигенция, вскормленная в недрах большевизма, в лице спецов, «красных директоров» и других разновидностей нэпманов в коммунистической одежде. И в этих рядах пользуется весьма широким кредитом проповедь борьбы с социалистической и демократической идеологией и со стремлениями трудящихся масс; и в этой среде уже сейчас находят свое признание лозунги торжествующего бонапартизма, которыми характеризовал Маркс эпоху 18 брюмера: «собственность и порядок»...

(Социалистический вестник. 1923, № 5–6 (51–52), 16 марта, с. 3–5)

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В только что вышедшем № 5–6 «Социалистического вестника», в котором, кстати сказать, имеется богатая информация из России, помещена на тему о «самоопределении интеллигенции» статья Г. Аронсона. В связи с выступлениями в заграничной прессе П. Сорокина и С. Маслова в этой статье говорится о «процессе массового поправения интеллигенции».

«Чем дальше развиваются события, тем рельефнее происходит процесс политического поправения интеллигенции, тем меньше шансов остается для рабочего иметь среди своих попутчиков в борьбе за демократическую республику широкие круги русской интеллигенции. Как и все элементы политически слабого буржуазного общества в России, новая реалистическая и националистическая интеллигенция может легко, наряду с пореволюционным собственником деревни и города, стать одной из опорных сил бонапартистского режима, устраняющего от влияния и решающей роли в стране трудящиеся классы. И если, распрощавшись с последними остатками своих демократических верований, широкие круги интеллигенции последуют призывам стать под знамя национализма и реализма, несомненно делу борьбы за политическую свободу в России будет нанесен весьма чувствительный удар. Отмеченным процессам классового самоопределения интеллигенции соответствуют параллельные процессы кристаллизации тех интеллигентских кругов, которые связаны с коммунистической партией и обслуживают аппарат советской власти. Националистическим и реалистическим группам интеллигенции, которым мы посвятили свое внимание, протягивает братскую руку бонапартистская интеллигенция, вскормленная в недрах большевизма, в лице спецов, “красных директоров” и других разновидностей нэпманов в коммунистической одежде. И в этих рядах пользуется весьма широким кредитом проповедь борьбы с социалистической и демократической идеологией и со стремлениями трудящихся масс; и в этой среде уже сейчас находят свое признание лозунги торжествующего бонапартизма».

Против всего этого можно было бы и не возражать: часть интеллигенции бросилась направо, отказавшись от демократических верований, часть – к коммунистам-большевикам. И те и другие идут походом против социалистов. Но Г. Аронсон забыл, что имеется еще и... социалистическая интеллигенция. Чтобы далеко не ходить, скажем, что между прочим и в рядах российской социал-демократической рабочей партии нам известны представители российской интеллигенции, которые далеко не безразлично относятся к «нуждам и запросам трудящихся масс, ищущих социальной справедливости».

Напрасно об этой части российской интеллигенции забыл Г. Аронсон – без нее представление о российской интеллигенции является очень неполным.

(Дни. Берлин, 1923, № 117, 18 марта, с. 2)

ТРАГЕДИЯ И ВАМПУКА^{19*}

Берлин, 13 ноября

Ниже, в обзоре печати, воспроизводятся выдержки из статьи высланного в числе прочих из России эсера П. Сорокина, напечатанной в «Воле России». Автор рисует картину столь мрачную, столь беспросветную, что поистине страшно остановиться перед нею, и еще страшнее сознавать, что доля ответственности за все случившееся лежит на каждом из нас. Кто не помнит, в самом деле, как накануне большевистского переворота, нагло и открыто ими подготовляемого, Керенский самоуверенно утверждал, что у него все предусмотрено и готово для отражения натиска, а «вожди» до хрипоты в каком-то самозабвении спорили, какую формулу перехода к очередным делам принять, и так и не удосужились найти ее.

Одновременно с упомянутой статьей в «Днях», оспаривающих блюстителство демократии, помещено письмо из Петербурга, в котором через край бьет безнадежное отчаяние. «Из сил выбивайтесь, но живите пока за границей. Мы, тутошние, как-то чудом держимся... Общее настроение такое: так жить совершенно невозможно... Нет, друг мой, никак не вывернемся: чтобы ноги совсем не протянуть, придется отучиться дышать передышками... А в общем глупо и странно это “русское тление” – до ужаса».

При таком положении нашей несчастной родины и при таких там настроениях перспективы рисуются самые мрачные, нас жадно подстерегают трагические неожиданности, очевидно, что каждый лишний день господства большевиков значительно обостряет нависшие угрозы. Если и сейчас г. Сорокин утверждает, что во многих отношениях положение непоправимо и что ничего не остается, как ждать, пока нынешнее молодое поколение вымрет, то что же будет завтра, если эти условия жизни будут продолжать существовать.

Казалось бы, поэтому, бесспорным, что перед лицом такой картины нужно все забыть, как Гамлету перед тенью отца своего, нужно все стереть из памяти и проникнуться всем одной мыслью, загораться одним стремлением. Посмотрите же, чем в это время занимаются блюстители демократии. Какой-то Зритель, скрывший не только имя свое, но и место своего пребывания, пишет открытое письмо «вождям». «Последние новости» печатают это письмо и затем в отпрепарированном кавычками виде повторяют его в передовой статье, чтобы при помощи ее свести счеты с «Днями», с которыми они никак не могут договориться насчет того, что лучше – программа или объединение. Вот это, говоря грибоедовскими словами, есть вещь, а прочее все гиль. Г. Зритель, напр., приглашает

вождей поспешить, потому что, по его мнению, царству большевиков приходит конец. А «Последние новости» не то чтобы были не согласны с этим, а просто считают это несущественным. Это все, по мнению блюстителей демократии, «элементы случайные и несущественные, с которыми можно не соглашаться, но против которых не стоит спорить». Не стоит спорить! Слышите ли вы, пишущие такие отчаянные письма из Петербурга? Вы уверяете, что нельзя больше дышать передышками, нужно хоть раз вздохнуть полной грудью. Но вы не приняли во внимание, что блюстители демократии, несмотря на то, что они ни легких своих не щадили, ни чернил и бумаги, все еще не договорились. Даже самый вопрос о том, что такое демократия, так и остается нерешенным. Мартов декретирует, что вне социализма нет демократии, Милюков возвещает, что демократом тот может быть признан, кто от него личное удостоверение получит, а от «Дней» «Последние новости» точного определения никак получить не могут, несмотря на ценное подкрепление, полученное от таинственного Зрителя. Придется вам там, в России, подождать, хоть вы и уверяете, что жить совершенно невозможно.

Мы отлично сознаем, что этот тон иронии совершенно неуместен перед лицом той страшной трагедии, которая разворачивается в статье г. Сорокина и в цитированном письме из Петербурга. Но когда от них переходишь к этим литературным состязаниям блюстителей демократии, то, право же, трудно победить навязчивую мысль, что это несерьезно, что «вожди» просто забавляются и изображают политическую Вампуку.

(Руль. 1922, № 597, 14/1 ноября, вторник, с. 1)

Е. Кускова

А ЧТО ВНУТРИ?

I

Глубоко взволновали русскую эмиграцию доклады Пит. Сорокина. Корреспондент газеты «За Свободу»^{20*} пишет, что в Праге эти речи произвели ошеломляющее, паническое впечатление.

Да, есть от чего впасть в панику... Там, внутри, не раз охватывало нас за это время паническое состояние. И вовсе не личные ужасы придавливали больше всего. А вот это сознание, что в огне разложения горит что-то основное, сгорает *душа народа*, искажается уродливой гримасой лик человеческий, – это сознание было мучительно, оно придавливало, принижало дух.

Первые годы некогда было всматриваться в глубину процесса. Во-первых, была по нервам гражданская война и ее эпизоды, во-вторых, тогда было очень немного прозорливых людей, которые считали бы поход большевиков на Россию длительным. Большинство думало иначе: тяжело, страшно, но непрочно, преходяще. Разве может такая уродливость истории быть длительной?

Оказалась очень длительной... Большинству, миллионам русских людей, не могущих исчезнуть, бежать, скрыться, пришлось *приспособляться*, пришлось ради сохранения жизни и возможности существования сломить себя, откинуть в сторону свои симпатии, привычки, потребности и подчиниться неумолимому, неизбежному.

Лишь немногие люди, единицы, какими-то судьбами сумели оградить свою независимость. Остальные – подверглись не только внешней, но и внутренней трансформации.

Многие люди стали неузнаваемы.

Если прибавить к этому, что этот процесс трансформации задевал не отдельные кусочки психологического и бытового уклада, что он был всесторонним, всеобъемлющим, то произведенные им глубокие перемены станут очевидными.

Совсем, однако, другой вопрос, можно ли уже теперь, сейчас суммировать, делать выводы о «нравственном и умственном состоянии современной России», как это делает Пит. Сорокин. Думаю, что в такой категорической форме, в какой решается это делать он, такие обобщения преждевременны. Покойный П.А. Кропоткин писал: «Занимаюсь этикой, уверен, что усилия отдельного человека сейчас ничего не значат. Встряска масс – огромна, индивидуальное масс – еще не выявилось»¹. Совершенно верно. Встряска масс – колоссальна.

¹ Цитирую по памяти.

Но еще нет ничего кристаллизовавшегося, того *индивидуального*, что дает определенность личности, группе, партии, классу.

А без этого индивидуального, всего того *особенного*, что отложится в переживаниях масс как результат революции и что можно уже будет принимать как данное, как слагаемое, трудно делать широкие обобщения. Видя только оболочку, нельзя говорить о том, что там, внутри. А сейчас именно «оболочка» играет в Совдепии совершенно особенную роль: с одной стороны, она служит щитом, прикрытием и в этом своем качестве принимает цвет защитный, а не тот, который соответствовал бы внутреннему содержанию; с другой – эту оболочку трудно сорвать, раскусить – нет орудий и средств для ее раскрытия: ни свободной печати, ни обучения, ни какого бы то ни было выявления свободных стремлений и чувств. О многом приходится догадываться, а во всякой догадке есть так много субъективного! Поэтому сейчас для эмиграции – не говорю уже для России – особенно большое значение имеет точное установление фактов, описание, добросовестное и беспристрастное, нетенденциозное, того, что есть, и затем – крайне осторожное отношение к выводам, обобщениям; необходима постоянная проверка и фактов, и обобщений, собирание самых разнообразных свидетельских показаний и новая проверка их. Может быть, при таком осторожном обращении с больной Россией меньше будет паники, придавленности, больше вдумчивости и больше веры в то, что за страшной оболочкой не все сгнило, что под ней еще сохранилось здоровое ядро, могущее на иной почве пустить здоровые ростки.

А ведь эта вера нам так необходима! Можно ли без нее жить, работать, к чему-то стремиться?

Мне думается, что именно с этой точки зрения «оставления надежды» доклады Пит. Сорокина и то, что напечатано в IV и V книжках «Воли России»^{21*}, несколько неосторожны и уж во всяком случае допускают поправки и возражения. Есть также в его докладах и та специфическая тенденциозность, которая так свойственна многим по отношению к Советской России.

Как свидетельница, могу сказать, что эта тенденциозность живущих в России оскорбляет, возмущает. «У нас и так моря горести, зачем же еще приукрашивать, преувеличивать?»

Такие речи после чтения заграничной информации можно услышать нередко.

Помню, как-то приехал из-за границы П.И. Бирюков. Его выслали тогда из Швейцарии. «За что?» – спрашиваем. «За то, – говорит он, – что я резко протестовал на митинге против одного докладчика. Понимаете, он рассказывал, что большевики, борясь с религиозными заблуждениями, в одном из монастырей зарезали архимандрита-настоятеля, изрубили его, сделали котлеты и заставили монахов их съесть».

Я и кричал: «Неправда, неправда, этого не было! Не было!» А когда я вышел с митинга, многие из русских не подавали мне руки как защитнику большевиков».

Я не знаю, за что выслали из Швейцарии Бирюкова. Но совершенно уверена, что из архимандрита большевики котлет не делали и монахов ими не кормили.

В другой раз член английской делегации д-р Гест, посетивший общественную организацию, Лигу Спасения Детей, спросил меня: «А правда ли, что в большевистских детских приютах... родится очень много детей?» Сначала мы, члены правления Лиги, даже не поняли, – каких детей? У кого? – переспрашиваем. «В Англии, – отвечает д-р Гест, – одна русская читала доклад о России. В нем она говорила, что все дети в приютах сплошь заражены сифилисом и что у них (у детей!!) благодаря тому, что в приютах содержатся мальчики и девочки вместе, родится преждевременно много детей». Мы спросили д-ра Геста, г-жу Сноуден и г-жу Банфильд, как фамилия этой докладчицы, но никто из них ее не помнил. Мы постарались им объяснить, как обстоит дело на самом деле.

Вот мне кажется, что привкус этих легенд о большевизме есть и в докладах Пит. Сорокина.

Перейдем, однако, к фактам.

II

Начнем с непоправимого. «Одним из результатов половой вольности, – пишет Пит. Сорокин, – является громадное распространение венерических болезней и сифилиса в населении России (5% новорожденных – наследственные сифилитики, 30% население заражены этой болезнью)».

Если 20–30% населения вымрет от голода и гражданской войны, а из оставшихся 30–35% будет заражено сифилисом, то... возможно ли возрождение этой сгнившей страны?

Обращаюсь к одному в высшей степени компетентному врачу, только что приехавшему из России, с вопросом: точны ли цифры Пит. Сорокина?

Неточны, безусловно. Во-первых, откуда он их взял? Ссылки нет. А вот что говорит врач: «По долгу моей службы я должен был собрать цифры заболеваний сифилисом и потому обращался к сифилидологам с просьбой дать сведения о распространенности этой болезни. Они решительно отказались признать какую бы то ни было цифру точной, никто такой статистики не ведет и вести не может. Но на глаз, по записям в амбулаториях, по собственным приемам они устанавливают цифру распространения этой болезни в 8–10%, не более. До войны заболеваемость равнялась 2%. Локализация в отдельных местах может быть очень велика.

Всем памятны описания В.Г. Короленко отдельных уездов Нижегородской губернии, в которых целые деревни поголовно были заражены сифилисом.

Но общая распространенность равнялась 2%. И на Западе, и у нас война, солдатчина, нарушение семейной жизни должны были сильно повысить процент, так всегда бывало после крупных войн. Но то, что можно сейчас установить, не превышает 8–10%».

Таково сообщение компетентного врача.

Итак, есть цифра в 30% и цифра в 8–10%.

Разница настолько велика, что, несомненно, требуется серьезная проверка цифры Пит. Сорокина и показаний врача.

Странная вещь! Приходится остро относиться к «проценту». Кто раньше обращал внимание – 2, или 3, или 1½? Теперь всякий понимает, что как раз в этих-то процентах и лежит наша погибель или спасение. Судите сами – 30% зараженной сифилисом нации! Как же не бросаться за проверкой?

Теперь о разврате молодежи. Пит. Сорокин приводит, напр[имер], такие ужасающие примеры, как две обследованные в Царском Селе детские колонии, питомицы которых были все сплошь заражены гонореей. Девочки в 86% – дефлорированы, живут с комиссарами и т. д., и т. д. Затем уже просто недопустимое сообщение: «Отдельные члены коммунистической партии вплоть до лиц, занимавших очень высокие посты в Нар. Ком. Просвещения, взялись за борьбу с половыми предрассудками “экспериментально”, путем публичного развращения институток и гимназисток».

Во-первых, я даже не понимаю, что это значит – публичное развращение... Просто не понимаю.

Во-вторых, такое сообщение требует названия имен сих лиц, занимающих высокие посты. Безымянно как будто бы – невозможно... Слишком тяжкое обвинение, и имена должны быть, безусловно, названы. Кто такие? Когда? Где?

Коммунисты слишком гнусно, без совести и чести клеветают на нас, так называемых контрреволюционеров.

Никто из нас не может следовать этой тактике по отношению к ним.

Наоборот: сугубая правда и сугубая осторожность должна проникать все наши сообщения.

Теперь по существу. Мне 2½ года пришлось работать в «Лиге Спасения Детей». У Лиги было свыше 18 колоний, 11 детских садов, санатории, детские клубы и огороды. Детей мы брали всякого возраста и *безусловно с улицы*.

Во главе нашего учреждения стояли видные врачи, покойный Дорф, проф. Тарасевич, проф. Диатроптов, Н.М. Кишкин. Дети постоянно свидетельствовались всесторонне. Были золотушные, малокровные, рахитики.

Но совершенно не было сифилитиков и зараженных гонореей.

По делам Лиги нам приходилось связываться с колониями и приютами большевистскими. «Родившихся детей от детей» мы там не наблюдали.

Были вещи, для нас абсолютно неприемлемые, вроде *введенного в систему* шпионажа детей за воспитателями, запрещения молитв. Были и другие вещи, вроде грязи, распушенности, иногда голода, воровства и пр. Но тут же нам пришлось установить факт: нельзя говорить просто о большевистских учреждениях. Надо говорить о таком-то конкретно. Ибо все зависит от персонала, его подбора, его добросовестности. Мне лично приходилось видеть детские дома, превосходно поставленные, руководимые такими опытными московскими педагогами, как М.Х. Свенцицкая, или приют для дефективных детей д-ра Кащенко и многие другие. В общем – большинство домов поставлено плохо, с подхалимским, необразованным, жадным и вороватым персоналом. Но едва ли две обследованные колонии Царского Села могут служить образцом для умозаключений обо всех остальных. Во всяком случае следует отличать при этой характеристике вещи, *сознательно привносимые большевиками* в это дело, и вещи случайные, зависящие от хаоса и неустроенности жизни вообще, а следовательно, такие, которые могут быть при всяком режиме.

Принципы, привносимые большевиками в дело воспитания, – отвратительны.

Вот уже указанный выше прием – приучение детей всех возрастов к шпионажу, к подслеживанию, к доночеству и даже лжи. На одном собрании педагогов один из коммунистов заявил: мы должны приучить детей говорить *всю* правду своим и *лгать* врагам. Я лично была на этом собрании и отлично помню, какое возмущение вызвала эта формулировка даже среди коммунистов-педагогов.

Запрещение религиозных обрядностей также приучает детей ко лжи. Мне опять-таки лично приходилось видеть, как дети большевистской колонии прятали крестики в башмаки, чтобы не заметили воспитательницы, которые при поступлении обязаны дать подписку не допускать обрядностей и вести антирелигиозную пропаганду. Кроме того, посещающие колонии родители нередко шепчут благословения, крестят его, и маленькая душа трепещет, бьется в противоречии – а где же правда? Тут или в семье?

Есть и еще дикие вещи. Так, напр[имер], при распределении детей из сборных пунктов в разряд «дефективных» записывались дети, проявившие склонность к... торговле! На наш вопрос, обращенный к исследователю-врачу, что же это за «дефект», последовал классический ответ: «Так ведь это – атавизм; теперь ведь здоровыми мы считаем лишь коммунистические навыки и чувства». Это было в 20-м году.

Как-то теперь, при нэпе, эти склонности мальчишек к продаже на Арбатской площади спичек – толкают их в разряд «дефективных» или нет?

Но суть-то в том, что такой маленький атавист-продавец действительно попадал в дефективный приют и часто заражался там теми пороками, которых у него не было и в помине.

Приводя эти примеры и факты, я не решилась бы сделать из них какого бы то ни было общего вывода. Во всяком случае, мои наблюдения, очень широкие благодаря моему положению в Лиге Спасения Детей, не дали бы мне права сделать обобщение, которое делает Пит. Сорокин: «Война и революция не только ослабили молодежь, но и развратили ее морально и социально».

И вот почему.

Конечно, недоедание, часто даже голод, холод, болезни, отсутствие здоровой школы – все это губительно действует и на физику, и на дух. Есть много воришек, мошенников, ругательников, развратников. Какой процент – не берусь определить, да и никто его не определит. Есть и еще одно следствие – материализм, практицизм, отсутствие идеальных стремлений в жизни. Один из наблюдателей-психиатров, д-р Сегал, сделал следующее наблюдение над детскими народными судами: почти все преступления, совершенные детьми и юношами за эти годы, грубо материального свойства: украл, ранил в драке из-за дележа «добычи», «прибыли», избил за обман в торговле, нанес рану за «обвес» и т. д. Д-р Сегал не наблюдал ни одного случая ссоры или драки из-за ревности, любви, т. е. чувств, более или менее идеалистических.

А раньше, до войны, по его же наблюдениям, эти юношеские преступления на почве ревности и любви были нередки. Теперь же к этим вещам относятся просто, спокойно: разлюбил? изменил? Другую, другого найду...

Чем объясняется такой материализм?

Проф. Сорокин, вероятно, согласится со мной, что дети в России несут сейчас огромную работу по поддержанию жизни своей и семьи. С юных лет они совершают громадную работу. Я знала семью из двух дочерей 3 и 6 лет и матери служащей. Детей невозможно было устроить в учреждении детском – все переполнено. И вот картина: мать уходит с утра на службу. Шестилетняя стережет квартиру и трехлетнюю сестренку. Затем в час дня она запирает на замок крошку и идет в бесплатную детскую столовую. Там обедает сама и берет обед для сестренки; заботливо несет, кормит... Если хорошая погода – ведет в столовую ее, запирая квартиру. Вечером помогает матери растопить печь, чистить картошку и пр. Худенькие ручки и печальные, недетские глаза.

Эту картину не всегда можно было без слез видеть. Но что получается? Не только материализм.

В Лиге Спасения такие же крошки или немного больше прятали сахар, кусочек хлебца, чтобы отдать на свидании... маме или другой сестренке!

Разве это не высоконравственные моменты! Я уже не говорю о массовой работе, колоссальной работе 15–16-летних юношей и девушек, которые нередко держат на своих плечах целый дом. И какие это юноши... Сильные, выносливые, сметливые. Это те, которые выживут среди вьюги и мороза... Это – плоды своеобразного естественного отбора. Отбора для труда, а не для разврата.

Нам в Лигу пришлось взять из Чрезвычайной Комиссии трех девочек В.М. Чернова; одну – 10 лет, истощенную голодом, угрозами «расстрелять мать, если не скажет, где отец», болезненную. И двух других, 16 и 17 лет. Их мы приспособили в Лиге для труднейшей работы с малыми детьми. Что это были за работницы! Ответственные, старательные, так тонко разбирающиеся в психологии подведомственных им крошек. И таких у нас перебивало немало. Вспоминаю их лица...

Эти глаза, старающиеся вникнуть в происходящие безумные события, понять и связать факты...

Я уже не говорю о таких прекрасных учреждениях, как школа-гимназия и колония покойных Алферовых. Там дети даже жизнерадостны. Они учатся, ведут обширные физические работы, поют, играют, связаны крепкой солидарностью. Никакой распушенности, а тем более разврата. Пришпоренные семьи больше, чем раньше, вмешиваются в дело, больше следят за детьми и за школой.

Вот эта необходимость труда, отсутствие мамок и нянек, необходимость обо всем подумать самим и даже позаботиться о других – это так компенсирует окружающие мерзкие влияния, так закаляет и укрепляет личность и так стирает эту проклятую русскую лень, никчемность и разгильдяйство, что всему этому можно только сочувствовать и ждать нового отнюдь не в порочном смысле. А материализм при этих условиях разве не понятен?

Мне пришлось ознакомиться на деле Комитета Помощи Голодающим с большой детской организацией бойскаутов. Что это были за дети! Что за слуги и помощники Комитета! Приходится только удивляться, как среди миазм и болот могут расти столь прекрасные цветки, с такой чуткой детской душой, направленной к тому, чтобы непременно, непременно сделать «шесть или восемь хороших дел в день...». И делали, и старались.

Вспоминаю. Нет, ничего этого не было при самодержавии. Нет, не было. В этом огне что-то плавится, что-то крепнет, уже осязаемое, видимое, невыдуманное.

Того обобщения, которое пытается сделать проф. Сорокин, сделать нельзя. Больное и здоровое сейчас перемешано. Результат – еще без подсчета. Слишком рано. Обращено внимание пока только на порчу, не все видят процессы самоздоровления организма, без лекарств, без посторонней помощи. Быть может, самое прочное и самое совершенное...

Есть еще немало замечаний по поводу доклада и статей Пит. Сорокина. Но о них – в следующий раз. Как все-таки хорошо, что приехали из России долго там жившие, много и тяжело работавшие, много думавшие люди!

Несут они кусочки России, хорошие и дурные, несут, стараясь показать их другим, не видевшим. Пусть только показывают больше, больше, полнее и разнообразнее. Авось из этих кусочков мы сложим ее, Россию, родину нашу, сложим все вместе и будем знать, что делать дальше.

III

«Не убийца – стал убийцей, гуманист – насильником и грабителем, добродушный обыватель – жестоким зверем». «Клоака преступности» – вот во что превратилась Россия за время войны и революции. Таково заключение Пит. Сорокина о нравственном состоянии современной России. Воцарился принцип смердяковщины – ежели удобно, нужно, то и позволено. «Громадная криминализирующая роль войны и революции» – налицо.

Массовое убийство, да еще оправданное «законами войны», несомненно, должно ожесточать людей. Если около меня падают сотни, тысячи людей во имя какой-то отвлеченной, неведомой мне цели, почему не убить мне одного, двух, четырех для моих собственных целей? Нужно иметь очень прочные представления об индивидуальной этике, чтобы не поддаться этому естественному ходу мыслей.

Так оно и есть в действительности. Добить раненого, взять его вещи, столкнуть с дороги мертвеца, предварительно обобрав его, – разве на войне это преступление?

Живой о живом, а смерть моя придет, – товарищ так же поступит. Все – ничье, и жизнь не стоит ни копейки. Самая цель, *идеал* войны – разрушение всех ценностей вплоть до живой силы противника. Уже одно это «идеальное» должно делать людей войны существами звероподобными. Ведь недаром же немцы при крупных наступлениях напивались допьяна, почти до потери сознания: современный культурный человек в здравом уме и твердой памяти уже с трудом переносит кровавые способы разрешения спорных вопросов.

Еще страшнее – гражданская война в периоды революции. Если на войне действуют неумолимый приказ, невозможность не совершать убийств из-за угрозы для собственной жизни, то во время революции разнуздывается страсть, ненависть, всплывают на поверхность старые обиды, разгорается мстительность, ничем не сдерживаемая, никакими рамками не стиснутая. Как убийство и разрушение на войне, так и «криминал», нарушение вчерашних прав в гражданской войне *становятся сутью движения, его содержанием*. Недаром же пацифисты считают глубоко безнравственной войну, а мудрые государственные деятели употребляют столько усилий для предотвращения революции. Войны и революции ведь сами по себе лишь *показатели* глубоких болезней, разъедающих народы и государства прежде, чем всплывут на поверхность эти явления.

Доклады и статьи Пит. Сорокина потому производят ошеломляющее впечатление, что он вырывает революцию из развертывающейся цепи событий, рассматривает ее без связи с предшествующим периодом и без раскрытия противоположных явлений, развивающихся в той же самой обстановке и в тот же промежуток времени. Такой способ рассмотрения явлений ведет

к обобщениям, спорность которых может быть вскрыта даже легким прикосновением.

На это утверждение Пит. Сорокин дает уже ответ в своей статье; эти противоположные явления (жертвенность, «полагание души за други своя», подвижничество и героизм) «настолько редки и исключительны», что роль их по сравнению с «биологизирующей» и криминализирующей ролью войны и революции ничтожна.

Это утверждение не выдерживает ни малейшей критики.

Во-первых, оно не может быть обобщено.

Влияние войны и революции совершенно различно в зависимости прежде всего от культуры народа, от воспринимающей и преломляющей эти явления среды.

Общее мнение: Франция после (и во время) войны до такой степени поднялась в моральном смысле, дух смерти, витавший над страной, так глубоко пронизал души, что прежней легкомысленной, несколько фривольной страны сейчас не узнать. «Regions devastées»^{22*} поглощают все внимание среднего француза. Он работает как вол, чтобы заделать «дыры», «пропасти», образовавшиеся после войны. Кто не был давно в Париже, тот его сейчас не узнает: все население – в усиленной работе; знаменитые ночные бульвары сильно ослабили свои оргии, глубокий траур до сих пор обращает на себя внимание. Что же касается «подвижничества и героизма», то страна, потерявшая весь цвет мужского населения, с неслыханным героизмом защищавшая свои Вердены и Марны, – об этом героизме не нам, людям тыла и пера, говорить... Хороша «коррупция» или «криминализация», когда сотни тысяч и миллионы людей отдавали свою жизнь за то, чтобы отстоять родину. А что делал в это время тыл? Не говоря уже о чудовищной работе военных заводов, организаций, обществ, что делали женщины? Сколько любви, человеческой заботливости проявляли они к совершенно неизвестным людям. «Институт родственников», этот поток писем и посылок к солдатам, не к сыновьям и братьям, а просто к чужим солдатам, – как он спаял нацию! Как сделал близкими далеких...

А вот страна-соседка, враг – Германия.

Да, во время войны развилось взяточничество. Да, есть много спекулянтов, негодяев, не только не полагавших душу за други своя, но пивших кровь нации ради своих личных и низменных целей. Но много ли их или мало? Кто сравнивал с мирным временем? Разве их было мало накануне войны и не они ли являлись ее таинственными вдохновителями?

А вот и Германская революция. Знала Германию раньше войны, наблюдаю сейчас. И опять то же впечатление какой-то особой душевной напряженности. Не говоря уже о том, что у ослабленного войной народа хватило сил не допустить развития кровавой гражданской войны, укрепить республику, хватает

и сейчас сил мужественно бороться с разрухой, с монархическими тенденциями, – а с этим может успешно бороться только повышенное и развившееся сознание народа. Между прочим, любопытный штрих, опять-таки общее впечатление: рабочие массы за время войны и революции стали менее религиозны. Спрашиваю одну работницу: правда ли это? «О, безусловно правда!»

«Почему же?» – «Вот у меня убито три брата. У мужа – два. Бедность у нас сейчас – страшная, до войны жили много лучше. Такие же несчастья кругом. Если бы был на небе Бог, разве он мог бы допустить, чтобы все мы, *не сделавшие никому зла*, а постоянно работавшие на других, так страдали? Небо не знает справедливости, и мы не хотим знать неба... Приходится надеяться только на себя!»

И нужно было видеть, как это говорилось. Это говорил человек, глубоко переживший какую-то мировую «несправедливость», человек, *преображенный* войной и революцией, готовый к какой-то новой жизни. Средняя мещанская немецкая семья – не та, что до войны. И вовсе не в сторону «криминализации» изменение. Совсем наоборот: глубокая преступность, несправедливость, кровавый облик войны поразил воображение народа, углубил поиски «смысла жизни». Не подлежит никакому сомнению, что увлечение немцев коммунистическими тенденциями и грандиозным «русским замыслом» было в первые годы – 18–19 – его расцвета в России не только результатом субсидии для «Rote Fahne»^{23*}, а и продуктом искренних и серьезных народных исканий.

То же явление мы видим в Америке, в Англии. И только дальнейшее развертывание «русского опыта» отрезвило искателей правды и направило усилия в другую сторону.

Все эти явления показывают, что в более или менее культурных странах война и революция не только не произвели никакой «криминализации», но, наоборот, подняли народ на более высокую ступень сознательной жизни.

Поразительная сплоченность английской рабочей партии, ее твердое решение неуклонно идти к «мирному парламентскому преобразованию общества», к укреплению международного мира, прекращению вообще всякой возможности войны – все эти тенденции (и не на словах, а на деле!) указывают на шаг вперед общественного движения и уж никоим образом не на «криминализацию» народа.

IV

Не то мы видим в России. Россия разбита, народ разъеден вшами, преступлениями, болезнями, разрухой. Накануне окончательной смерти или перед воскресением?

По Питириму Сорокину, воскреснуть нельзя.

Если все «криминализованы», то кто же будет лечить пороки? Если сгнили корни, как дальше будет расти растение?

Заглянем немного назад. Все было благочестиво, честно, девочки не жили с комиссарами, а государственный аппарат был не так жесток и блудлив, как настоящий. Из-за чего же, однако, вспыхнула революция? Вот та смердяковщина, на которую указывает Сорокин, это разве не продукт «мирного» времени?

Во время русского мира не душила нас эта смердяковщина?

Есть сборник «Из глубины», а в нем блестящая статья Ник. Бердяева^{24*}. К сожалению, у меня нет книги под руками. Но идею помню. Бердяев, наблюдая «рожи революции», поражен их сходством с персонажами мирного времени. Правда, все эти Сквозник-Дмухановские, все эти администраторы города Глупова немного или даже совсем распоясались, действуют без стеснения с теми же героями щедринских и гоголевских времен.

Разве это «высокий интернационал», а не наше национальное, антикультурное, почти азиатское естество? При чем тут «война и революция»? Только при том, что во время всяких широких народных движений происходит *раскрытие скрытого*.

По Пит. Сорокину, выходит так: было хорошо, стало плохо. На самом же деле было так плохо, так плохо и *непереносимо*, что потребовалась кровавая революция, чтобы это *непереносимое* устранить...

Девочки живут с комиссарами. А перед этим дамы высоченного «общества» открыто жили с Распутиным, а по письмам покойной царицы и не разберешь даже, кто с кем жил и вообще, что в этом смысле происходило. На глазах у народа, ибо высокий престол всегда был центром внимания «низов». Солдаты открыто говорили: если наш мужик Гришка там... (а дальше – красочный язык), то нам и «бог велел».

Спуститесь ниже. Сумасшедший дом вместо кабинета министров, Протопопов, гораздо лучше копировавший петуха, чем понимавший что-нибудь в том деле, которое он делал, а под всеми ними – тот прогнивший бюрократический аппарат, на котором уже не могла стоять Россия. Что это был за строй, сколько теперь написано о нем воспоминаний! Как полно вскрыта его гнилая сердцевина... Как блестяще описывал все это умный Витте. Вот диктатор, вахмистр и погромщик по убеждению покойный Трепов, для которого, по словам Витте, «нет никакой сложности явлений: “бунтуют – бей их; рассуждают, вольнодумствуют – значит надо приструнить”. Ибо “все это выдумки интеллигентов, жидов и франкмасонов...” С легким сердцем Трепов относился только к погромам “жидов”; а разве он один так относился к сей кровавой политической забаве? А Плеве разве был против того, чтобы в Кишиневе, Гомеле и вообще хорошо проучили жидов? А графы Игнатьевы разве не питали тех же чувств? А разве вся черносотенная организация, так наз[ываемый] союз русских людей, не проповедует

открыто избиение “жидов”, а ведь государь призывал нас всех стать под знамена этой партии бешеных юродивых»². Эта партия бешеных юродивых была «вторым правительством». Что же из этого вышло? «Петербургский режим создал массу людей, – продолжает Витте, – которые занимаются тем, что травят друг друга ложью и клеветой, ища для себя от этого личной выгоды». Воровство? И этого хоть отбавляй. Ворovali все кто только мог. Говорят, теперь комиссары наживают состояния. А как кричал «караул!» председатель Думской военной комиссии?

А.И. Гучков по обязанности наблюдал за тем, что делается на казенных заводах, заказах и пр. Вот генерал-лейтенант Линевиц, получивший за взятие Пекина Георгия, но... уехавший из Пекина с 10 сундуками различных ценных вещей. Не только он, но и другие русские военные чины вывезли из китайских дворцов и жилищ ценные вещи для себя³. Правда, теперь действуют умнее: не просто вывозят из дворцов, из сейфов и квартир «буржуев» вещи, но называют это «национализацией» и узаконяют декретами. Суть одна: не очень уважали «собственность» русские сановники и подготовили себе еще более даровитых преемников... Где хотите, но только не в старой России можно было говорить о честности или о геройской жизни для других. Несомненно, были герои, жившие по-другому, для других и не для своей выгоды. Но это были единицы. «Мирное время» не только не содействовало развитию и укреплению гражданских чувств и добродетелей, но, наоборот, все более и более укрепляло «партию бешеных юродивых».

Но, может быть, лучше было в народе?

А знаменитая чеховская «гайка»? Мне нужно – я и возьму. А если поезд сойдет с рельсов, – так ведь мне-то – нужно!

И опять – психология эта жила и цвела не во время войны и не во время революции, – нет, в мирное время, в самое мирное время...

Так кого же революция «криминализовала»? Юродивые наверху, темные – внизу, а посерединке, как точки во тьме, – немногие одинокие подвижники, борцы, которым оставалось лишь мечтать – а когда весь этот гной, отравлявший русский организм, вскрыется?

Он и вскрылся. Вскрылся страшно, дико, потек и растекся всюду – в каждой норе, в каждой клетке, в каждом атоме – старый застоявшийся гной. Откуда же в самом деле взялись все эти люди, для которых никакой закон не писан и никакая моральная норма не обязательна? Разве пять лет столь большой исторический возраст для целого народа, достаточный срок, чтобы всех криминализовать и развратить?

Нет, несомненно, тут дефект построения.

² *Bumme С.Ю.* Воспоминания, т. 1, с. 316.

³ *Ibid.*, с. 167.

V

Возьмем несколько примеров.

«В Петрограде в 1918 г., – пишет автор, – было по меньшей мере 327 000 воров (22% населения), кравших в форме лишней карточки общественное достояние, вырывавших последний кусок изо рта ближнего».

Разберем, много ли тут «криминализации».

До войны и революции невозможно было найти *честную* прислугу. Кухарки, горничные, благодаря нищенскому жалованью, ввели в обычай «безгрешные доходы» – попросту утайку настоящей цены или веса. Это был до того плотно вошедший в обиход обычай (или необходимость?), что все смотрели на это «сквозь пальцы». Слава богу, что все в доме цело, а утаит 20 копеек с базара – разве это воровство? В 1918 г. все эти кухарки и горничные пристроились к кухням и столовым общественного питания. Туда же попали и многие их прежние хозяйки. В прошлом – одни смотрели «сквозь пальцы», другие воровали.

Теперь и те и другие стали воровать – своя рука владыка, контроля – никакого, *заработать другим путем лишний фунт хлеба – невозможно*. Ну и было разливанное море...

Это гадко, омерзительно. А что же, накануне было лучше? Эта вот хозяйка заботилась о прислуге, старалась обеспечить ее, поднять ее личность и достоинство на такую высоту, чтобы той невозможно было воровать? Ничего подобного! Институт русских хозяек и прислуг был самым отвратительным и некультурным институтом, в котором зрели будущие «деятели революции»... Чего их было «криминализировать», когда они спокон веков были в моральном смысле криминальны. Русский дом, в котором было бы человеческое отношение к прислуге, был редким домом.

А теперь множество этих прислуг оказалось... у власти и у пирога общественного питания – можно было есть до отвала.

Карточки...

1918 г. был годом всеобъемлющего коммунизма. По карточкам мы получали такую норму, от которой неизбежно должны были отправиться на тот свет. Не 22% населения, а все 100% начали совершать *мошенничества*, т. е. находить обходы идиотских декретов. Декретчики-то, наверное, были сыты, а все население в безумном ужасе думало только об одном: где и как достать кусок хлеба. Когда за покупку пяти фунтов муки люди месяцами сидели в чрезвычайке, когда на вокзалах были сражения с продотрядами, отнимавшими фунт масла или каравай хлеба, – в таком сумасшедшем доме о морали говорить не приходится. Это – зоология? Да, зоология. Сверху – коммунистическая тупость, непонимание самых элементарных вещей, а снизу – зоология, самоспасение, ибо разумными, незоологическими средствами спастись было нельзя. Криминализировалось ли

население? Конечно, в таком гадостном строе наступала потеря человеческого лица. Но зато росло и жгучее отвращение как к этому строю, так и к поступкам, им вызываемым. Это отвращение дало результат: началась всесторонняя борьба за раскрепощение от благ коммунистического «питания», борьба против разврата коммунизма. Что касается кражи карточек, то кража эта совершалась путем приписки «мертвых душ». «Отнять» же карточку, т. е. «вырвать кусок у другого», было попросту невозможно, ибо каждый эту карточку считал единственной собственностью, допустимой при коммунизме, и ни при каких обстоятельствах украсть ее не дал бы.

Характерно. Когда московский совет при выселениях издал приказ: отпустить выселяемых из квартиры «буржуев» лишь с ограниченным количеством мебели, платья и белья, многие «буржуи» *крали* свои вещи, выносили раньше, чем покидали квартиры. Как назовет Сорокин это деяние? Кражу своих собственных вещей? Я кражей называю распоряжение московского совета, деяния же выселяемых считаю законным правом своеобразной самозащиты.

Еще характернее то, что многие и многие рабочие *отказывались* наотрез и брать чужие вещи, и переселяться в чужие квартиры. И сейчас вы найдете многих честнейших тружеников в подвалах, это в то время, когда они могли бы «насесть», «получить», «выселить» – и все на законнейшем основании. Часто приходится слышать: «От чужого – добра не будет»...; «Чужим – не разживешься»; «Грешно»; «Совесть замучит, – лучше уж в подвале, да у себя». Такие реплики вы услышите очень часто. На заводах и фабриках – сплошное воровство. Но тут опять, как и при «общественном питании»: проживите на заработную плату в 3–5 или 7 золотых рублей в месяц – с семьей! Поневоле трубу от паровоза переделаете на зажигалку, чтобы только жить... Дайте этому рабочему кусок хлеба, и всю «криминализацию» как рукой снимет. Ибо отвращение и к этой форме «добавочной» заработной платы растет неудержимо. «Нахально живем». «Нечестно живем». «Стыдно глаза показать». «В церковь перестал ходить – на лики смотреть не могу». «Детям внушаю: не смей воровать, запорю». Эти моральные сентенции вы слышите теперь в России всюду.

Когда в Киеве, Харькове, Ростове и других южных городах коммунисты отдавали распоряжение: три дня вход в буржуазные квартиры свободен, берите налог с буржуазии, выбирайте, что вам нравится, – как немного негодяев откликнулось на этот призыв! Помню, как волновался от этого приказа покойный П.А. Кропоткин. «Знаете, – говорил он мне, – если бы такое *распоряжение* отдано было в Лондоне, то, как ни культурны англичане, и там нашлось бы достаточное число люмпенов, которые его осуществили бы». Это – истинная правда. Не только в России, но и в культурной Англии нашлось бы достаточно люмпенов, которые с восторгом исполнили бы распоряжение просвещенного коммунизма. Но громадное большинство населения относилось ко всему этому с величайшим

отвращением, не участвовало в этом, так же как не участвовало когда-то в еврейских погромах – по распоряжению Плеве. Дурной строй всегда криминально действует на моральное естество населения, существует ли он в «мирное» время или в дни войн и революций.

У нас был дурным строй царизма; в сто раз более дурной – строй коммунизма.

Но и из того, и из другого прямо выпирают здоровые протесты, всевозможные способы борьбы с этим развратным влиянием строя.

Население еще недостаточно культурно, чтобы таких строев не допустить. Но уже достаточно культурно, чтобы ими не заразиться. Пит. Сорокин приводит цифры преступлений – грабежи, убийства, мошенничество.

А меня, да и не только меня, всегда поражала ничтожность этих случаев. Революция уничтожила защитный полицейский аппарат. Новый еще не вырос, не развился.

А между тем – люди живут, как и прежде, без особого риска. Идешь, бывало, ночью по висячему мосту через реку Вологду. Кругом – тьма. Ни души. Встречается какой-нибудь оборванец. Ну что бы хватить и в прорубь? Никто не найдет, концы в воду? А между тем – общее мнение: в той же Вологде вовсе не совершалось никаких убийств на улицах, а грабежи опять-таки были гораздо в большей степени «легальные», по распоряжению, чем по призыванию, по «криминальности натуры». С огромным ценным багажом каждую ночь едут обозы от Вологды до Тотьмы (270 в[ерст]) и до других городов. Никто их не грабит, а через 30 верст они всюду имеют теплое пристанище и пищу у вологодских крестьян. Ну почему в степи не приколошить? Вологжане подтвердят, что таких случаев почти не было.

Вот огороды. В 1918–1919 гг. почти невозможно было ничего посеять. Вырастет – растащат дети, не побрезгуют взрослые, – труд пропал даром, ни картошки, ни огурцов.

В конце 1919–1920 (а теперь и подавно!) борьба самого населения с любителями чужого добра уже привела к результатам: огороды – среди города, овощи целы, никто не тронет.

Лига Спасения Детей устроила в 1919 г. ряд огородов в Москве. В них работали дети. Они сами сделали на деревянных досках надпись: «Здесь трудились дети. Мы надеемся, что никто не тронет плодов их труда». Эта надпись оказалась священной для «криминального» населения Москвы. Дети не только собрали все свои плоды, но и получили первую премию на выставке Наркомзема. Восторгам не было конца. А затем уже последовало «криминальное» закрытие Лиги, но не со стороны населения, а со стороны власти.

Можно было бы привести бесчисленное множество примеров борьбы самого населения за «честность и правду», но всякий живший в России сам знает

эту линию в противоположность «криминальной» – она всюду, во всех слоях населения достаточно отчетлива.

Что же касается «геройства», положения живота за «друзи своя», то в этом смысле остается только выразить удивление перед утверждением Питирима Сорокина. Ледяные походы, эпизоды борьбы крошечной кучки добровольцев с огромными массами красной армии, все эти «эвакуации», жизнь армии в чужих странах в тягчайших условиях, это нежелание «сдаться», эта готовность отстоять «свою идею», погибнуть, достигая ее, – разве вся эта недавняя история не известна Сорокину и разве она не дала своих героев? С другой стороны – Красная Армия. Сколько ее полегло в борьбе с Колчаком, еще так недавно на Перекопе. Шли – за идею, «не допустить господ»... Здесь не место вдаваться в оценку самих идей, за которые отдавали жизнь люди. Здесь необходимо только установить истину: в истории мало найдется примеров такой стойкости и такого геройства, которые были проявлены с обеих сторон в русской гражданской войне.

Революция накалила дух и из расплывчатых, сентиментальных «русских граждан» и послушных рабов царя сделала два крепких стана, со своей правдой в каждом, со своими героями, со своей идеологией и с готовностью отдать за нее жизнь...

Что больше и значительнее в смысле влияния на дух народа: почти невинное, и уж во всяком случае неизбежное воровство карточки, ибо в коммуне все обречены на смерть, или эта пятилетняя борьба, результат которой еще никому не известен? Думаю, что «криминализация» при воровстве карточки весьма поверхностна. Закал же духа в борьбе столь силен, что именно он окажет решающее влияние на будущее «нравственное естество» русского народа.

У нас много преторианцев, много подлых, подкупных, вороватых людей – ровно столько, сколько их подготовило к революции сгнившее самодержавие. Не знаю, можно ли вычислить процент таких же подлецов, созданных уже позже, самой революцией. Но что всякая революция есть *способ очищения* народного организма от наполняющего его отжившим строем гноя, это не подлежит ни малейшему сомнению.

Скажут – дурной и нерасчетливый способ.

Верно. Совершенно верно. Потому-то и нужно своевременное заложение дренажей, по которым вытекает гной без потрясения организма. Мы этих дренажей в виде упражнения народной воли, парламентов, просвещения народа и пр. вовремя не построили, не создали. Получили революцию.

Гной старого отравляет весь организм.

Организм может, конечно, разложиться, умереть. Но не от революции и ее «криминализации», а от великого опоздания, от того, что слишком долго терпели старое, от того, что отравились ядовитыми газами предшествующего строя раньше, чем выбросились на свежий воздух.

А теперь, в 1922 г., «криминализованное» население из кожи лезет, чтобы создать себе возможность «честного труда». Это население в массе своей неизмеримо культурнее власти. Оно и сейчас находит «свои средства», чтобы избавиться от диких декретов, от извращающего его быт законодательства, от глупого чиновника, мешающего ему – еще хуже, чем встарь, – честно работать и свободно жить.

И все меньше и меньше становится круг «помощников» власти, ремней, через которые она проводит свои декреты, и все больше и больше спайки на иных принципах, на иной морали.

К счастью – это не самоутешение. Это – факт, старательно отмечаемый всеми беспристрастными наблюдениями. Революция не только не криминализовала население, но она создала огромные кадры людей, переживших страшный опыт не зоологически, *не нутром, а сознанием*.

Результат этого и скажется в весьма недалеком будущем: за ворованные карточки и за глупейшие декреты заплатим *преображенной в духе своем* новой Россией, которая уже стоит у порога...

(Воля России. 1922, № 6/34, 1 декабря, с. 28–36; № 7/35, 15 декабря, с. 31–42)

О НАРОДНОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ

Слышу и читаю – особенно у г. Питирима Сорокина:

– В России водворился сплошной половой разврат... Семья разрушена. Брак фактически исчез. Сменился беспорядочным сожителем...

Слышу, читаю... Люди говорят и пишут то в качестве очевидцев, то на основании данных, выдаваемых за фактические и статистические. Факты эти не новы. И статистика взята из советских газет, также достаточно известных. Лично я всего лишь три недели тому назад был в России. Но ничего такого, о чем слышу и читаю, не замечал: и семьи в России существуют, и брак не исчез, и не сменился он беспорядочным сожителем, и кричать о сплошном разврате не вижу достаточных оснований.

Говорят:

– Помилуйте, а большевистский декрет о гражданском браке и разводе?

Я не склонен защищать юридическую конструкцию этого декрета. Но совершенно не понимаю, что ужасного находят в его основных принципиальных положениях. Необязательность церковного венчания? Но ведь этот принцип принят, узаконен чуть ли не во всех культурных – «буржуазных» – странах. Свободный от церковных канонов, но регулируемый государственной властью развод? Но и это принято и узаконено в самых приличных европейских домах.

Да если бы декрет и в самом деле был ужасен, если бы большевики в этом вопросе не отступили, не восприняли буржуазно-либеральный порядок, а захотели бы узаконить утопические мечты о характере половых отношений в «царстве коммунизма», то все-таки влияние декретированных глупостей имеет свои пределы. Грош цена была бы народу, если бы под влиянием тех или иных шальных декретоделателей он вдруг взял и развратился сверху донизу и от укорененного веками семейного быта перешел к беспорядочному общению полов.

В чем же дело? Прекратились венчания в церквях? Нет, не прекратились. Не только простые смертные, но и сами коммунисты после своего брака в советском нотариате венчаются у батюшек в церквях. Партийные верхи ведут борьбу с такими «изменниками коммунистической программы», их исключают из партии. Но изменники все-таки есть – коммунисты венчаются крадучись, принимая сложные меры, чтоб не проведал «комитет». Почему? Потому, что условия быта гораздо сильнее декретов и партийных дисциплин.

Должен оговориться: лично я отнюдь не сторонник церковных браков; и если бы обряд церковного венчания исчез, я видел бы в этом, наперекор г. Со-

рокину, не минус, а плюс. Но венчание в церквях отнюдь не исчезло. Наоборот, к нему частенько обращаются и те, кто в его силу не верит и кто при других политических условиях не стал бы беспокоить батюшку-священника. Сейчас многие идут венчаться в церковь не столько по вере, сколько из оппозиции правительственным тенденциям.

Говорят:

– Браки заключаются на два дня: сегодня повенчались – завтра разводятся. Бывает. Кстати сказать, и при самодержавии бывало. И при узаконенной свободе развода такого рода случаи протекают теперь не так болезненно, как прежде. Но вот что сложилось вновь: раньше соседи в такие дела не вмешивались, теперь вмешиваются. По крайней мере, в деревнях бывает так: виновного в злоупотреблении свободой развода судят при участии родителей и нередко подвергают довольно-таки внушительному наказанию. И характерно: если злоупотребляет правом развода жена – деревня не касается. А если муж – то соседи не молчат и в порядке реального соотношения сил защищают законные, по бытовым понятиям, права слабой стороны. Не скажу, что это явление стало повсеместным. Но оно возникло. И подлежит учету как симптом, что быт в деревнях становится более упругим и более активным.

В городах сложнее. Здесь одно время, в 19-ый и отчасти 20-ый годы, действительно в сытых кругах комиссаров и «мешочников» возникло, было, нечто вроде «свободного общения». Но, во-первых, повторяю: среди сытых. Подавляющему большинству городского населения было не до того: оно голодало. Во-вторых, «коммунистическое решение половой проблемы» мелькнуло, как мода. И сменилось другой модой. И даже комиссары, наиболее склонные к такому решению, довольно быстро увлеклись этой другой модой: заменив гимнастерки визитками, косоворотки – манишками, [они] и свой интимный быт стали устраивать по буржуазному образцу. Жена есть жена, муж есть муж. Надо жить прилично, а не так, как проповедует в своих книжках г-жа Коллонтай^{26*}. Это не исключает, конечно, флирта, адюльтера, случайных и систематических грешков. Но и грешить комиссары и комиссарши стараются по-буржуазному, как принято в Европе... И сейчас комиссары, можно сказать, наиболее увлечены модой строить интимный быт по буржуазным моделям. Они делают это неуклюже, заставляя невольно вспомнить комических «мещан во дворянстве». Но суть не в формах, а в тенденции.

Почему «коммунистическая мода» сменилась «буржуазной», выяснять не стану. Это трудно сделать в газетной заметке. Но в конечном итоге поворот к старине обусловлен, разумеется, все той же упругостью быта, хотя в городах она проявлялась сложнее и тоньше, чем в деревнях.

Что дальше? Проституция? Но разве эта язва – новость? И где ее нет? Не надо подслащивать трагическую действительность нынешнего дня. Но не следу-

ет окрашивать в розовые цвета и прошлое. Цифр нет. Но лично мое глазомерное впечатление таково: сейчас даже в таком центре, как Петербург, уличная проституция не только менее заметна, чем в предвоенные времена, но [и] не столь назойлива. И еще черта: прежде главным поставщиком продажных тел была деревня, теперь относительно гораздо большее место заняли городские слои.

Повторяю, не надо подслащивать. Население России, по сравнению с недавним прошлым, перемешано, как горох при пересыпке из одного закрома в другой. Резко нарушена естественная пропорция полов: мало мужчин. Миллионы подростков слишком рано начали самостоятельную жизнь – и самостоятельно пошли по влечению переходного возраста. Политические раслоения прошли по многим семьям: мужья оказались, да и продолжают оказываться, по одну сторону баррикад, жены – по другую; отцы и дети встречались иногда вооруженными, как враги... Все это и многое иное создавало благодарную почву для пропаганды à la Коллонтай, без сомнения, разрушало семьи, привело к жестоким потрясениям и грустным, часто даже мерзким деталям общей картины. Игнорировать эти детали нельзя. Но совсем нехорошо на основании только деталей характеризовать нравственность целого народа. Это значит не понимать главных пружин быта, основных его устоев: ошибка, которую характеризует старая пословица:

– Из-за деревьев люди не видят леса.

(Дни. 1922, № 37, 12 декабря)

В.В. Сухомлин^{27*}

СТАРАЯ И НОВАЯ РОССИЯ (По поводу ответа П. Сорокина)

Напечатав статью проф. Сорокина о «Нравственном и умственном состоянии России»^{28*}, редакция «Воли России» оговорилась, что она не разделяет ни обобщений, ни выводов автора. Мы несколько не закрываем глаз на те разрушения, которые война и *ее детище* – *большевистское извращение революции* – произвели не только в материальной, но и в нравственной и умственной жизни русского народа. Это для нас тем легче, что мы *предвидели* и экономическую разруху, и моральное разложение и предупреждали против них как тех, кто идеализировал в свое время войну, видя в ней «школу альтруизма», «стальную ванну, закаляющую дух народа», и т. д., так и тех, кто в развале фронта, в солдатском бунте, в стихийном «грабеже» деклассированных мещанских и полупролетарских толп увидел торжество социалистической революции, начало новой исторической эры – освобожденного труда.

В большевистских массах 1917 г. господствовал дух казармы и траншеи, *царской* казармы и *царской* траншеи, а не синдикатов, профессиональных союзов, кооперативов, в которых воспитывается современный европейский рабочий. Большевизм был во всех смыслах продуктом войны, у нее заимствовал свои методы; из деклассированных ею масс почерпал свой человеческий материал.

Уже в ноябре 1917 г. ясно было, к каким последствиям во всех областях жизни приведет систематическое разнуздывание стихий злобы, мстительности и стяжательства, которым занялись «вожди мировой революции».

Но и тогда, в разгар событий, в момент острой борьбы и сопротивления всех не потерявших голову социалистов безумному ленинскому «эксперименту» было ясно, что дело не только в сумасшедших теориях Ленина и в идеях «3-го Интернационала», и даже не в одной войне. Было ясно, что совершается неизбежность, то, что тщетно пытались предотвратить революционеры 17-го года, а именно – кровавая и жестокая, слепая, осложненная всеми отравками войны расплата за трехвековой гнет, за все исторические грехи и преступления самодержавия. Происходит запоздавший на столетие взрыв стихийной сословной ненависти российского «третьего сословия» – к аристократии, к барам, к белой кости.

Если первая – мартовская – революция была сравнительно бескровной (как и революция 1905 г.), то именно потому, что руководили ею *социалисты*, что во

главе народного движения встала социалистическая интеллигенция и немногочисленные, но сознательные, прошедшие социалистическую школу, кадры городского пролетариата (а в деревне воспитанные социалистами же крестьяне), пытавшиеся направить это движение по демократическому руслу, ограничить его задачи объективно (экономически) осуществимыми, борясь с иллюзиями и утопизмом, устранить из него все элементы мстительности, вражды к лицам, озлобление против физических представителей старого строя. Эта политика социалистических партий вытекала как из глубоко гуманной сущности воодушевляющей их идеи, так и из понимания ими законов экономической жизни.

Однако в основе своей движение, захватившее широкие солдатские, рабочие и крестьянские массы в 1917 г. отнюдь не было социалистическим. В нем глухо бродили и стремились прорваться наружу все инстинкты и все страсти порабощенного, униженного, бесправного, жалкого, затаившего вековую злобу народа. Прибавьте к этому свежие воспоминания о жестокой, кровавой расправе с мирным по существу крестьянским движением 1902, 1905, 1906 гг., с бескровной революцией 1905 г. Многие теперь забывают (и проф. Сорокин тоже) об этих расправах. Между тем, помнится, такой человек, как Лев Толстой, уже тогда предвидел, во что отольются дворянству усмирения и карательные экспедиции...

Социалистам не удалось дисциплинировать эту стихию крестьянской антифеодальной революции, и на ее гребни были вынесены к власти демагоги уравнительного лже-коммунизма, ныне официально уже открывшие эпоху хищнического «первоначального накопления». Можно, не опасаясь парадокса, утверждать, что первый, «мартовский», период революции, несмотря на ограничение ее «буржуазными» задачами, был более проникнут гуманным и научным духом современного социализма, чем большевистский ее период, когда под флагом «диктатуры пролетариата» бушевала индивидуалистическая, собственническая, «мелкобуржуазная» стихия. И подобно другим буржуазным революциям, октябрьский период русской революции ознаменовался жестокостями, казнями, террором.

Закрывать глаза на жестокость, безобразия, часто бессмысленные зверства периода большевизма и гражданской войны и на разлагающее влияние их на население, пытаться «кропить революцию розовой водицей, замазывать ее кровь, разрушения и ужасы», конечно, нелепо, и проф. Сорокин был бы вправе возмущаться теми, кто этим делом стал бы заниматься. Мы увидим далее, прав ли он, возмущаясь статьями Е.Д. Кусковой и Петрищева. Но мы должны, прежде всего, указать их ученому оппоненту, что не менее неразумно... «кропить розовой водицей» самодержавие и старый сословно-бюрократический строй.

Между тем, что пишет в своем ответе проф. Сорокин о «России до 1914-го года»^{29*}?

«Экономически она развивалась гигантскими шагами за конец XIX и начало XX в., население росло. Материальный уровень народа *быстро* (sic!) поднимался. Образование народа шло также *быстрым* темпом (см. статистику народ[ого] образ[ования]). Моральное состояние было *вполне* нормальным (см. уголовную статистику). Политически Россия была великой державой. Самодеятельность населения и его права – росли, и *объективно очень быстро*».

Все это кажется теперь проф. Сорокину «бесспорным». Однако почему же в таком случае в «России до 1914-го года» случались так часто политические убийства, почему в ней ежегодно заселяли северные окраины десятками тысяч политических преступников, почему в ней вспыхивали, постепенно обостряясь, аграрные бунты, почему в ней случались голодовки?

Или все это было плодом рук «злонамеренных подпольных сообществ», сознательно стремившихся понизить «материальный уровень» народа и отравить его «нормальное» моральное состояние, как об этом писалось в официальных изданиях самодержавной России?

И каким образом в этой так «быстро» (проф. Сорокин особенно подчеркивает быстроту темпа) и так успешно во всех отношениях развивавшейся стране могла вспыхнуть одна революция в 1905 г. и другая в 1917? Проф. Сорокин признает, что у старого режима были «недостатки». О них он ничего не говорит, но они, по-видимому, с избытком покрываются теми блестящими достоинствами, которые выше перечислены и которые, если признать, что они действительно существовали, поставили бы Россию наравне с любым из европейских государств: ведь каждое из них тоже имеет свои «недостатки».

Но достаточно, думается мне, развернуть любой из отчетов о заседаниях четырех Государственных Дум для того, чтобы в речах самых умеренных представителей оппозиции найти картину, полностью опровергающую эту «розово-малиновскую оценку» самодержавия. А здесь достаточно будет напомнить проф. Сорокину об одном. В России и до 1914 г. поролы крестьян *на законном основании*, а после отмены телесного наказания и до 1917 г. продолжали пороть незаконно. Как отражалось это, по его мнению, на «моральном состоянии» народа?

Россия была «великой державой», наука и искусство процветали, и по улицам ходить было безопасно, воров (по статистике) было меньше. Все это так, и для «образованной публики» это может быть убедительно. Но пусть попробует читатель войти на минуту в шкуру дореволюционного человека из «податного сословия», которого били по зубам, ставили на колени и секли розгами люди «с ясными пуговицами». Пусть представит себе «моральное состояние» деревни, описанной Иваном Вольновым или Буниным, офицерства, описанного Куприным или Замятиным, солдат и матросов под началом этого офицерства. Мало кто из «образованной публики» отдает себе отчет в глубине той горечи, которая ежедневно, ежечасно отравляла сердца бесправных, забытых, темных людей

в дореволюционной России. Проф. Сорокину кажется теперь, что «права населения» при самодержавии росли объективно очень быстро. Утверждать это можно или в пылу далеко не объективной полемики, или же при взгляде на русский народ как на низшую нацию, для которой и отмена (фиктивная) телесного наказания в 1904 г. и третьеиюньское законодательство – признаки достаточно «быстрого» правового развития.

Мы указывали уже в примечании к первой статье проф. Сорокина, что ошибочно видеть в революции все пороки и в «мирном времени» – все добродетели, что в революциях обычно раскрываются все скрытые язвы якобы «мирных» обществ и что, наконец, сами революции не сваливаются с неба, а являются неизбежным продуктом противоречий, накопившихся в «мирное время».

По существу, ту же мысль развивала Е.Д. Кускова во второй своей статье, и на ее совершенно правильное утверждение, что революция вскрыла страшный гнойник, отравивший русский организм, проф. Сорокин, верный своей теории о добродетели и пороках, может ответить лишь замазыванием розовой краской монархии, союза Русского Народа, объединенного дворянства и Распутина. Этим, собственно говоря, он произнес приговор и собственной теории революции, и своим возражениям на возражения Кусковой и Петрищева. Субъективное настроение, психологическая реакция против ужасов стихийной революции и планомерного безумия большевиков уведут его слишком далеко в сторону от объективного анализа общественных явлений, хотя ему лично и кажется, что его выводы основаны на научных данных. Проф. Сорокин очень недоволен тем, что Е.Д. Кускова и Петрищев на его «общие данные», «общие статистические данные», «общую среднюю линию» детской преступности и т. д. отвечают ссылками на личные наблюдения и «единичные факты».

Посмотрим, насколько он прав. Прежде всего, никаких общих статистических данных, кроме статистики уголовных преступлений («Воля России», № 4, стр. 28 и 29) и разводов (стр. 31), он не приводит. Он приводит собранные различными путями наблюдения разных лиц (а не научно-статистические обследования) о порядках в «детских домах», о распространении в них венерических болезней, о детском разврате. И делает выводы: «война и революция не только биологически ослабили *молодежь*, но и развратили ее морально и социально»; «*молодое поколение* начало жить половой жизнью раньше, чем по физиологическим условиям это можно делать безнаказанно»; «эксцессы приняли *массовый характер*»; «есть ряд явлений, которые могут быть исправлены только *исчезновением молодого поколения, рожденного в грехах войны и революции*».

Я не сомневаюсь в том, что и детская преступность выросла за последние годы не только в Петрограде, относительно которого проф. Сорокин приводит официальные данные, но отсюда еще далеко до вывода, что все русское «молодое поколение», выросшее во время революции, развращено и что оздоровление

России невозможно прежде, чем это поколение не вымрет. Ведь не все же русские дети прошли за это время через 2 936 детских домов и через регистрацию малолетних преступников. Да и относительно этих 2 936 домов проф. Сорокин не приводит никаких научно проверенных статистических данных, а лишь ссылается на «огромный материал», собранный им через воспитателей и педагогов. Для нас не важно, что данные эти «известны А.М. Горькому-Пешкову». Важно то, что это наблюдения и впечатления отдельных лиц, имеющие такое же значение и такой же интерес, как наблюдения и впечатления других лиц, например, тех, с которыми приходилось иметь дело Кусковой и Петрищеву. Ибо, как бы ни была «громадна» работа по сбору материалов, совершенная проф. Сорокиным, охватить все русское молодое поколение ему, конечно, не удалось и значения «общих статистических данных» его сведения не имеют.

Это относится в равной мере к его утверждению, что 30 проц[ентов] населения России больны сифилисом. Ибо разве мнение «многих членов» венерологического съезда, беседы г. Каплуна с А. Белым, отсутствие возражений на доклад, даже статьи «Правды» – разве все это – статистика? Все это – очень интересные, очень ценные данные, но отнюдь не достаточное основание для научных выводов о более чем стомиллионном населении России.

В чем существо спора между Кусковой и Петрищевым – публицистами и наблюдателями общественной жизни – и П. Сорокиным, профессором социологии?

В том, что последний на основании своих личных наблюдений, газетных статей и сведений, собранных через знакомых, подкрепленных цифрами о разводах и уголовных преступлениях, высказывает весьма решительные и «окончательные» суждения о моральной деградации русского народа и о вреде революции вообще. Мы привели некоторые из этих суждений. Вот другие: «Я называю современные браки в России легальной формой нелегальных половых связей»; «Россия стала клоакой преступности».

Совершенно естественно, что эти категорические утверждения вызвали со стороны других живших в России в те же годы людей поправки и возражения. Ни Кускова, ни Петрищев не отрицают морального разложения, роста преступности. Они лишь указывают, ссылаясь на свои наблюдения, что не все «молодое поколение» развращено, что не все дети – «малолетние преступники», что неправильно утверждать, будто брак превратился в «легальную форму нелегальных связей», что вообще проф. Сорокин делает слишком поспешные выводы. При этом они отнюдь не следуют примеру проф. Сорокина и не делают общих выводов вроде того, что большевистский период поднял нравственное состояние молодежи, укрепил брак, сократил преступность и т. д. Они говорят лишь, что положение гораздо сложнее, чем кажется социологу Сорокину, начиная с того, что в грехе войны и революции повинно «мирное самодержавие».

Они указывают на ряд симптомов морального здоровья значительной части русского народа и его молодого поколения, морального здоровья, сохранившегося, несмотря на разлагающее влияние большевизма. Никакого желания «окропить розовой водицей» революцию в их статьях не видно. Е.Д. Кускова говорит: «Нельзя делать обобщений», «больное и здоровое сейчас перемешано»; «Результат еще без подсчета. Слишком рано. Обращено внимание пока только на порчу, но не все видят процессы самооздоровления организма».

Проф. Сорокин моральное здоровье видит лишь в прошлом. Только потому, что в дореволюционной России русский народ был «биологически и психически» здоров, проф. Сорокин верит, что он «воскреснет». Как произойдет это чудо – не совсем ясно. Может быть, после того, как исчезнет «рожденное в грехе» поколение. Ясно лишь, что в революции проф. Сорокин видит один грех, один разврат, одно разложение. Революция *убила* душу русского народа, разрушила его моральное здоровье. Одна надежда – на *воскресение*. Мы тоже верим в возрождение России. И в прошлом мы не видим одну только черную краску, ибо в прошлом были не только «царь-идиот», «объединенное дворянство» и Распутин. В прошлом был русский народ, тот самый, который теперь переживает – и переживет – революцию. Правда, его «бунт» принимал и в прошлом, и в настоящем очень часто уродливые формы, но – «как аукнется, так и откликнется». Народ был темен, но просыпался к сознательной жизни, бесправен, но начинал требовать себе «правов», угнетен, но начинал бороться.

И во время революции он не только развратничал, воровал и грабил, но и боролся и думал. «Процессы самооздоровления» происходили и происходят в нем, и не о чудесном воскресении старого может идти речь, а о преодолении болезненных процессов здоровыми, подлинно революционными. И в результате этого преодоления русский народ не станет снова таким, думается нам, каким он был при самодержавии, а *иным*, обновленным, с психологией свободных людей, полноправных граждан, обладающих и чувством родины, и «государственности», и сознанием своего человеческого достоинства, и чувством связи с другими народами и другими странами. И это будет положительным завоеванием революции.

Между тем проф. Сорокин, противореча сам себе, отмечает в среде той же так беспощадно осужденной им молодежи (даже коммунистической, см. стр. 30 «В[оли] Р[оссии]» № 5) явления, которые ему кажутся весьма положительными: рост идеологии национализма, индивидуализма, собственности, религиозности. Он называет даже эти явления «результатом» большевизма. Почему же Кускова не имеет права указывать на десятки и сотни других юношей и девушек-тружеников (а вовсе не на одних дочерей Чернова), «выживающих среди выюги и мороза», идейных, выносливых, энергичных?

Почему его так раздражают эти приводимые ею примеры?

Проф. Сорокин спрашивает: случилось ли когда-либо в «мирное время», чтобы в течение двух лет было столько же миллионов убийств, изнасилований, грабежей и т. д., сколько за время революции (и войны, конечно). И отвечает – конечно, не было. О чем же в таком случае спорить?

Эта очень «конкретная» постановка вопроса кажется нам весьма мало научной. В ответ на нее мы могли бы спросить проф. Сорокина – подсчитал ли он количество детских душ, исковерканных и развращенных (в половом отношении тоже) старой казенной школой, вспомнит ли он о колоссальной детской смертности в деревнях старой России, о длительном «мирном» выматывании жил у иваново-воскресенских ткачей или у донецких шахтеров, о количестве выпоротых по закону и без закона мужиков, а кстати и об изнасилованных во время «усмирений», о количестве взяточников и о миллионах, исчезавших в карманах титулованных воров?

Все эти явления и многие другие, вместе взятые, вызвали кровавую революцию. Она – их неизбежное следствие и неизбежный, к несчастью, этап для перехода к таким политическим и общественным условиям, когда явления эти сделаются невозможными, невысказанными, абсурдными. И нас приглашают сравнивать и сопоставлять цифры. Как будто отрицательны, вредны, свидетельствуют о «моральном падении» только те социальные явления, которые предусмотрены уголовным кодексом и могут быть занесены в рубрику официальных «преступлений». Как будто важен видимый, осязательный, драматический способ вычеркивания людей из жизни («убийство», «зарезали», «повесили»), а не самое это вычеркивание, хотя бы оно являлось результатом медленного, бескровного, длительного (не в два года) давления уродливой общественно-политической организации, калечащей, душащей и отравляющей народный организм.

Конечно, в короткий сравнительный революционный период погибло и исковеркано столько народу, сколько не могло погибнуть в соответствующий «мирный период», дети росли в условиях ненормальных, и многие из них попали под власть дурных влияний и примеров. И ответственность за это, тяжелая моральная и политическая ответственность, лежит, пожалуй, в равной мере на самодержавии и его антиподе большевизме. Мартовская революция показала путь, на котором можно было избежать излишних потрясений и ненужных жертв. Преступление большевиков и заключается в том, что они толкнули массы на путь кровавый и хаотический, обманув их несбыточными иллюзиями. Но иллюзии не могли изменить внутреннего смысла революции. И судить ее надо будет по ее последним результатам. Эти результаты пока лишь намечаются. Каждый вправе искать в сложном переплете общественных явлений те, которые останутся и лягут в основу нового. Каждый вправе расценивать эти явления как положительные или отрицательные.

Сорокин уверен, что современная Россия – клоака преступности, что молодое поколение развращено, но что, несмотря на это, в нем растет национализм и индивидуализм, чувство собственности, религиозность. Он, может быть, просто не замечает противоречия. Другим эти «совпадения» могут казаться вполне нормальными для эпохи буржуазной революции. Третьи могут замечать иные, не замеченные Сорокиным явления, дающие право надеяться на менее хищно-собственническую, менее эгоистическую, менее грубую (может быть, и не столь «националистическую» и «религиозную») послереволюционную Россию.

Вообще проф. Сорокин в своем «ответе» весьма далек от тона научной объективности и к своим оппонентам столь же строг, как и несправедлив. Он «решительно протестует», например, против Петрищева. Но, по совести, такая ли уже большая разница между словами «брак исчез и сменился беспорядочным сожительством» и формулой «брак стал легальной формой нелегальных связей»? Проф. Сорокин не говорил о «сплошном разврате». Это верно. Но он везде говорил о «массовых явлениях», об «огромных размерах половой вольности и делал на этом основании выводы относительно «молодого поколения», «молодежи» вообще без всяких оговорок.

Очень хорошо, что цитированная передача его мысли Петрищевым заставила проф. Сорокина дать ей ограничительное толкование.

Еще два замечания.

Е.Д. Кускова для иллюстрации той мысли, что нельзя все валить на войну и революцию, привела примеры Франции, Англии и Германии. Все три вели войну, а в Германии, кроме того, была и революция. Однако ничего подобного российскому одичанию нравов в них не наблюдается. Имеются даже признаки некоторого духовного роста переживших трагические годы народов. Не буду останавливаться на этой теме. Она сложна и интересна. Конечно, прав и проф. Сорокин, предполагая *a priori*, что и в этих странах война вызвала известные «моральные ухудшения». Они уже отмечены, к тому же, в европейской литературе. Но верно и то, что в морально здоровых и крепких слоях населения война заставила еще более напряженно работать мысль, верно, что народные массы всюду теперь сознательнее, сплоченнее и организованнее, чем до войны.

Для П. Сорокина, по-видимому, эти последние явления интереса не представляют. Для него даже тот факт, что «в Германии – республика», никакого значения не имеет. Помилуйте: «Ни одному серьезному исследователю не приходило в голову»... И в доказательство он ссылается на Рим во II и I вв. до Р. Х. и на советскую «республику». Это называется «серьезным» возражением. О том, что германская *монархия* вызвала мировую войну, проф. Сорокин как-то странно забывает в 1922 г.; что республиканские учреждения, демократия и рабочий класс в современной Германии являются гарантией против новых военных авантюр, которыми бредят монархисты, этого он не замечает, предпочитая об-

ращаться к истории Древнего Рима и делать вид, будто и советский строй – республика.

Что касается другого его замечания о значении упадка религиозности, отхода народных масс от церкви, роста светской культуры, то это, конечно, вопрос личных убеждений. Проф. Сорокин вправе считать, если ему угодно, светскую школу французской республики очагом морального разложения, а иезуитские колледжи – рассадниками нравственности, социалистические профсоюзы считать орудиями дьявола и предпочитать им католические железные синдикаты. Это его дело, и спор здесь невозможен.

Но все это: и «легкое» отношение к республике, и подчеркивание морализирующей роли религии, и восхищение «национализмом, индивидуализмом и собственностью», и кропление розовой водицей самодержавия, и туманная теория «воскресения» – все это отдельные, может быть, еще не осознанные элементы того настроения, которое всегда охватывало после революций известную часть интеллигенции и которое называется – реакцией.

Наука тут не при чем. Да и можно ли в разгар событий, в современных русских условиях изучения общественных явлений, при данных в советском строе способах информации строить социологические теоремы с такой уверенностью в собственной непогрешимости?

(Воля России. 1923, № 1, с. 40–48)

А. Яблон[овский]^{30*}

Проф. Сорокин, Прага. Современное состояние России

Это очень интересная, очень ценная и очень смелая книга.

Для г-на Сорокина не существует ни революционных иллюзий, ни социалистических фетишей. Он любит истину больше, чем программу, и счастье России ставит выше, чем благоденствие партий.

С этой точки зрения г. Сорокин – несомненный еретик, и недаром на демократическом собрании газеты «Дни» его уже анафемствовали и г-н Петрищев, и г-жа Кускова.

Мы не можем сказать с точностью, отлучен ли г. Сорокин от демократической церкви вообще, но, кажется, от церкви г-жи Кусковой он сам себя отлучил.

И это свидетельствует о его искренности, ибо как человек, не признающий ни социалистического священства, ни демократического первородства, он по чистой совести не мог бы поклоняться ни богам г-жи Кусковой, ни идолам г-на Петрищева.

Достоинство г. Сорокина в том и состоит, что он идет своей дорогой. Идет напролом и умеет до конца договаривать свою правду. Как социолог и научный исследователь, он смело подходит к статуе Революции и беспощадно срывает с нее все золотые иллюзии.

Он говорит:

«Величайшими эпохами реакции в истории любого народа являются эпохи глубоких революций, а величайшими реакционерами – величайшие диктаторствующие революционеры». Шаг за шагом, как лепестки с ядовитого цветка, он обрывает и все так называемые «завоевания революции».

Он говорит:

«Ни один лозунг, выставленный на знамени революции, не был исполнен. «Интернационал» превратился «в клику авантюристов, расхищающих остатки золотого фонда России, в беспринципных антропоидов, сеющих ненависть, вражду и новые бедствия».

Ни для кого не тайна, что русское общество целых сто лет жило под властью революционных иллюзий. Наша наука подкрашивала революцию, как любимую куклу, а наша литература стояла перед революцией на коленях.

В каждом русском сердце слово «Революция» писалось с большой буквы, и все мы обманывали себя, как дети.

Все звериное в революции мы покрывали поэтическими туманами.

Всю кровь революции мы засыпали песком.

А все наглое, грубое, злое и дурацкое мы затушевывали партийным глубокомыслием и социалистическим прекраснотушением.

Вся образованная Россия забыла старую истину, которая говорит:

«Революцию начинают философы, “углубляют” палачи, и пользуются ею прохвосты».

И вот с этой точки зрения книга г-на Сорокина представляет особенный и выдающийся интерес. Как сучья с гнилого дерева, он рубит топором все революционные иллюзии и под его пером поэтический лик революции превращается в звериную морду.

Г-н Сорокин хорошо знает современную, советскую Россию. Он только что уехал оттуда. И пишет он сжато, коротко и сильно, хотя публицист в нем явно преобладает над ученым-социологом.

Но картину жизни он дает все-таки полную, яркую и верную до беспощадности.

Власть, народ, финансы, красная армия, хозяйство, правосудие, школа, церковь, мораль и право – все нашло отражение в этой книге, написанной кровью сердца.

О негодяйской власти нынешних хозяев России автор говорит:

«Разрушали традиции, просвещение, церковь, религию, поэзию, интеллигенцию, культурные силы, семью – словом, сделали все, чтобы вытравить из истории лик России и русского народа».

Но как ни безотраднa эта картина всеобщего русского развала, а г. Сорокин все-таки не впадает ни в пессимизм, ни в отчаяние.

Он смотрит вперед бодро:

«Много раз за эти годы, – говорит он, – я думал: не пробил ли смертный час нашей истории? Не бьет ли полночь исторического заката русского народа? Не перед смертью ли он омылся в страданиях?»

Теперь вижу, что нет. Большой выздоравливает, кризис проходит, и впереди дорога жизни, а не смерти... Знаю, не розами покрыт грядущий путь. Он тернист, ждут на нем бездны новых страданий, унижений, оскорблений и трудностей... Крутые кряжи, опасные перевалы и разбойничьи засады ожидают путника.

Но не будем падать духом...»

(Русский экономист. Берлин, 1923, № 7–8, январь, с. 49–50)

Б.П. Кадомцев

**Питирим Сорокин.
Современное состояние России. Изд. Вл. Винничука. Прага, 1923**

Небольшую книгу автора, высланного советской властью из России, должен прочитать каждый русский, желающий понять, что произошло там, за чертою большевистских рогаток и цензуры. Книга г. Сорокина – не столько научное произведение, сколько чрезвычайно красноречивый человеческий документ всего того, что пришлось видеть, слышать и пережить ученому-социологу в современной России. Автор имел широкое поле для наблюдений и обширный материал для размышлений и исследования; в этом смысле именно он стоит головою выше огромного большинства приезжающих или бегущих из России, которые, обыкновенно, дают лишь весьма поверхностную и крайне субъективную оценку современного положения нашего отечества.

Трудно читать эту книгу без глубокого волнения, которое вызывается в читателе не только мастерски начертанными картинами полного разгрома страны, «распятия России», но также тем приподнятым нервным настроением, в каком автор, очевидно, находился, когда он писал свой труд.

«Проникнемся психологией самого аккуратного бухгалтера и попытаемся с его сухостью и точностью подвести итоги», – говорит автор и дает такой баланс «доходов и расходов» русской революции.

Население на территории советских республик убыло на 21 миллион человек или на 13,6 процента всего населения. Из этой цифры на войну приходится лишь не более 2,5 миллионов, остальное – цена «бескровной» революции.

При этом погибла лучшая часть населения, как в физическом, так и в моральном отношениях. Погибли преимущественно мужчины, здоровые и трудоспособные, представители наиболее культурных классов и национальностей России. Вместо разрушения социальной пирамиды неравенства, каковую задачу поставили себе большевики, революция привела к тому, что «контраст нищеты и роскоши в современной России больше, чем в любой буржуазной стране». Вместо царства свободы «тюрьмы были переполнены, как никогда, и не столько “буржуями”, сколько крестьянами и рабочими». Вместо разрушения капитализма были разрушены средства производства и обмена, вместо частно-капиталистической эксплуатации, умеряемой вмешательством государства, появилась ничем не сдерживаемая государственно-капиталистическая эксплуатация. Вместо «мира» революция дала междоусобную войну, вместо хлеба – голод, вымирание и людоедство, вместо коммунизма – полное дискредитирование всего социализ-

ма, вместо диктатуры пролетариата – уничтожение пролетариата и установление небывалой тирании над трудящимися. «Таков сжатый бухгалтерский подсчет новых завоеваний великой революции», – восклицает автор.

Чрезвычайно интересны мысли автора (стр. 42–50) относительно влияния войны и голода на происхождение и укрепление советской власти. Все заключения автора на эту тему мне кажутся справедливыми.

По мнению автора, только война или какая-нибудь мировая катавасия могут спасти советскую власть от гибели. И та же мысль, но другими словами: мир и сытость населения – самые беспощадные враги большевизма. Над этим утверждением автора нужно было бы подумать всем тем русским деятелям, которые когда-то видели и, может быть, еще продолжают видеть в экономической блокаде России самое сильное оружие в борьбе с большевиками.

Наряду с отмеченными отрицательными «завоеваниями» революции, автор указывает на то, что революционеры никогда не завоевывали, но что послужит основными камнями при строительстве будущей России, это – исчезновение старых партийных водоразделов, проснувшееся национальное чувство, подъем религиозности и, наконец, утверждение мелкой частной собственности на землю.

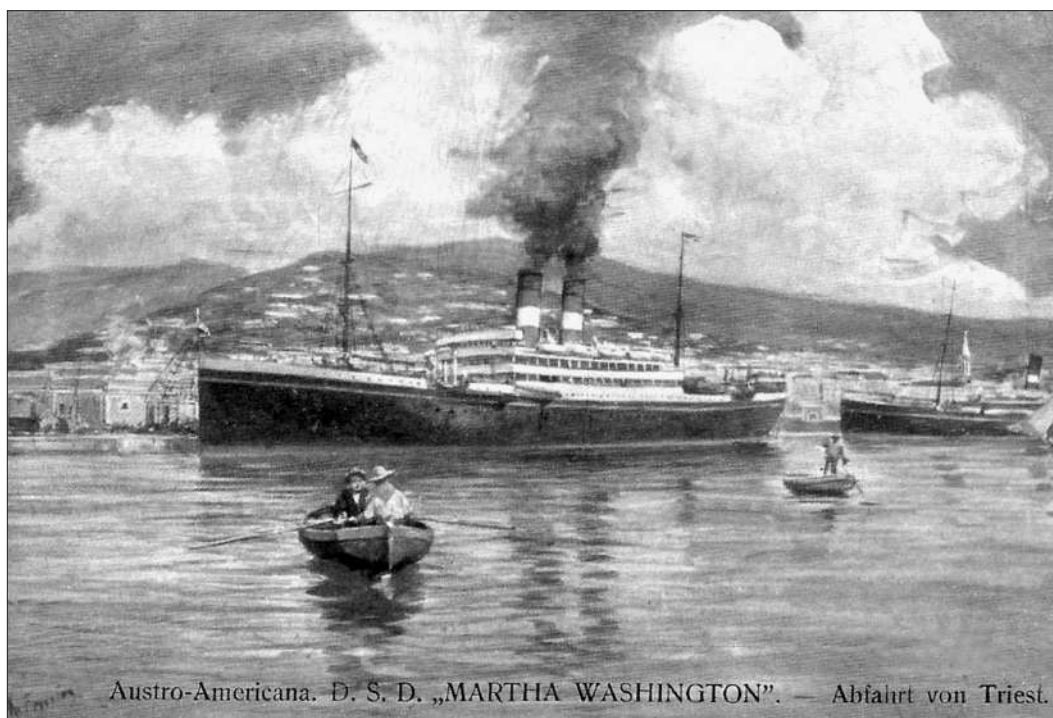
По свидетельству автора, вся Россия делится сейчас на две партии: на коммунистов и на их врагов (т. е. 97 процентов всего населения, стр. 47). «Подсознательное национальное чувство охватило все слои населения» (стр. 99). В качестве внешнего выражения религиозного подъема в народе автор приводит пример, как летом в 1921 г. из 700 000 населения Петрограда в церковной процессии участвовало «по меньшей мере» 200–250 тысяч человек. Наконец, по свидетельству автора, «в России возникла и сейчас бушует небывалая собственническая стихия» (стр. 29). «По всем областям России идет стихийное выделение крестьян на отруба и хутора» (там же). Одним словом, создается крепкий мелкий собственник, а «общинная» психология отлетает от крестьян, как мертвые пожелтевшие листья.

Я не буду останавливаться здесь на описании нравственной и умственной деградации современной России и лишь скажу, что все многочисленные факты, приводимые автором в подтверждение этой характеристики положения России, производят крайне тяжелое и безотрадное впечатление.

Я закончу эту рецензию тем, чем ее начал: горячей рекомендацией каждому русскому человеку прочитать книгу и поглубже продумать ее. В смысле цельности и яркости изложения, обилия фактов и цифр вряд ли можно указать что-либо равное этой книге в литературе о современном положении России.

Лондон, 11 марта 1923 г.

(Русская мысль. Прага–Берлин, 1923, кн. I–II, с. 366–368)

Austro-Americana. D. S. D. „MARTHA WASHINGTON”. — Abfahrt von Triest.

Пароход «Марта Вашингтон», на котором в октябре 1923 г.
Питирим Сорокин отплыл из Триеста в Нью-Йорк

КОММЕНТАРИИ

В этот том собрания сочинений П.А. Сорокина вошли работы 1919–1923 гг., за исключением литературно-художественных опусов и ряда статей, разыскать которые не удалось. К числу последних относятся: «Техника научной работы» (Пг., 1919), «Социальная аналитика и социальная механика» (Пг., 1919), автореферат «Социология как объективная наука» (Пг., 1922), «Основы идеологии грядущей России» (Прага, 1923), «Достоевский как социолог» (Летопись Дома литераторов. 1921, № 1). Последнюю из перечисленных статей разыскать не удалось, поскольку в указанном издании такой статьи нет.

Материалы, составившие настоящий том, публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, исправлены явные ошибки и опечатки; написание имен собственных дано согласно сложившейся на сегодняшний день традиции. Вся текстологическая правка носит чисто внешний характер. Случаи вынужденного вторжения в текст оговариваются в комментариях.

Курсы для преподавания социологии

Впервые: Социобиблиографический вестник. 1919, № 4–6, с. 10–13.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П. Сорокин.*

^{1*} Школа второй ступени – средняя общеобразовательная школа в СССР в составе 6–9-х классов в 1918–1934 гг. — 31

^{2*} *Психоневрологический институт* был основан в 1907 г. В.М. Бехтеревым как исследовательское и высшее учебное заведение. Первые два года студенты обучались на основном факультете, где они получали философское образование для понимания взаимных связей и зависимости между отдельными научными дисциплинами, а затем продолжали образование на педагогическом, юридическом, медицинском (с 1911 г.), а с 1915 г. – и на зооветеринарном факультетах и химико-фармацевтическом отделении. В 1908 г. на первый курс был принят 421 слушатель, в том числе 313 женщин. Второй прием состоялся в сентябре того же 1908 г., когда было принято еще 479 человек. К 1915 г. число студентов достигло 7 тысяч. В 1918 г. университет получил статус Второго Петроградского Университета.

Курсы П.Ф. Лесгафта (курсы при Санкт-Петербургской биологической лаборатории, ныне – Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта) были основаны в 1893 г. на пожертвованные Лесгафту деньги. На курсах любой желающий мог бесплатно заниматься всеми существующими естественными науками. В помещении лаборатории с 1896 г. размещались курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, которые составляли часть вольной высшей школы социальных, биологических и педагогических наук и популярных курсов.

Народный университет имени Л.И. Лутугина открылся вскоре после смерти ученого еще во время Первой мировой войны и находился на Васильевском острове (14-я линия, д. 39). На Выборгской стороне рядом с металлическим заводом в помещении ремесленного

училища было открыто отделение университета, предназначенное специально для рабочих. Сорокин преподавал там вместе со своим другом Александром Гизетти. Подробнее см.: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 115. — 32

^{3*} Неизвестная земля (*лат.*); здесь: нечто неисследованное. — 32

^{4*} Имеется в виду брошюра «Программы по социологии», изданная в Петрограде в 1919 г. — 32

^{5*} Социологическое общество имени М.М. Ковалевского было организовано в Петрограде в 1916 г. Оно объединяло видных представителей как общественных наук, так и смежных с ними дисциплин – биологии, физиологии. Председателем был избран академик А. Лаппо-Данилевский, членами бюро – П. Сорокин и К. Тахтарев, индивидуальными членами стали Л. Петражицкий, М. Туган-Барановский, П. Милюков, Н. Кареев, И. Павлов, В. Бехтерев и др., всего более 70 человек. Согласно уставу общество имело задачей разработку вопросов социологии, научную их пропаганду, знакомство с социологией других стран, в том числе участие в международных конгрессах. Но фактически после нескольких чисто организационных собраний, на которых был заслушан ряд докладов (самым значительным из которых был доклад Сорокина о современной буржуазной социологии), оно перестало функционировать из-за неблагоприятных обстоятельств военного и революционного времени, смертей, болезней и отъездов многих ее членов. — 32

Программа преподавания социологии

Впервые: *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992, с. 531–535; опубликована А.Ю. Согомоновым по авторской корректуре, хранящейся в ГАРФ, ф. 602, оп. 1, л. 1.

Печатается по первой публикации.

^{1*} О тебе басня рассказывает; о тебе речь идет (*лат.*). — 37

Краткая докладная записка о необходимости учреждения социально-этнографического отделения при отделе родиноведения

Впервые: Социологические исследования. 1991, № 10, с. 129–130 (по рукописи, хранящейся в ГАРФ, ф. 602, оп. 1, д. 29, л. 1–1об.).

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин.*

Указан адрес автора докладной записки: Петроград, Васильевский остров, 8-я линия, д. 31, кв. 5, тел. 500–35.

^{1*} Северная коммуна (Союз коммун Северной области) – областное объединение Советов, существовавшее в РСФСР с мая 1918 по февраль 1919 г., возникшее после переезда центральных, партийных и советских органов из Петрограда в Москву. В состав Север-

ной коммуны вошли территории Петроградской, Псковской, Олонецкой (часть Карелии и некоторые области Петроградской и Вологодской губерний), Вологодской и Архангельской губерний. Руководящим органом Северной коммуны был ЦИК, который образовал Совет комиссаров под председательством Г.Е. Зиновьева. В числе комиссаров находились М.С. Урицкий, А.Л. Шенкман, П.А. Залуцкий, Н.Н. Крестинский, Е.П. Первухин, З.И. Лилина (жена Г.Е. Зиновьева), В. Володарский, А.Д. Беклешев, Я.А. Анвельт, Б.П. Позерн, С.Н. Равич и др. До июля 1918 г. в Совет комиссаров входили левые эсеры П.П. Прошьян и Н.М. Корнилов. С осени 1918 г. в руководстве Союза коммун Северной области усилились сепаратистские настроения, подогревавшиеся личными амбициями Г.Е. Зиновьева, обострились конфликты с центральными советскими и партийными органами. В декабре 1918 г. начался распад Союза: о выходе из него заявило руководство Вологодской губернии. В конце концов 24 февраля 1919 г. III съезд Советов Северной области принял решение об упразднении Северной коммуны. — 39

Докладная записка о необходимости организации летних курсов для преподавателей социологии

ГАРФ (бывший ЦГАОР), ф. 602, оп. 1, д. 30, л. 1–4.

[Социологические исследования. 1991, № 10, с. 125–129]

Под заглавием «Курсы для преподавания социологии» «Докладная записка...» с незначительными изменениями была опубликована в «Социобиблиографическом вестнике» (1919, № 4–6, с. 10–13).

^{1*} См. прим. 1* на с. 707. — 41

^{2*} В «Социобиблиографическом вестнике»: «в течение минувшего (1918–19) года». — 41

^{3*} В «Социобиблиографическом вестнике» примечание: в 1915 г. американская социология праздновала свой пятидесятилетний юбилей. — 42

^{4*} В «Социобиблиографическом вестнике» примечание: См.: The American journal of Sociology. 1911, May и 1912, March, где даны результаты анкеты к программе американских социологов. Часть этих программ опубликована Социологическим институтом в брошюре «Программы по социологии». СПб., 1919. — 42

^{5*} См. прим. 2* на с. 707–708. — 42

^{6*} См. прим. 3* на с. 708. — 42

^{7*} См. прим. 5* на с. 708. — 42

^{8*} В «Социобиблиографическом вестнике» вместо слов «негативную картину» – «печальную картину». — 43

^{9*} На этом заканчивается текст статьи «Курсы для преподавания социологии». После подписи автора следует текст:

«Записка, представленная автором этой статьи в Комиссариат Просвещения, привела к организации этим последним летних курсов по социологии для преподавателей.

Кроме того, курсы лекций по социологии были организованы и Социологическим институтом и читались осенью 1919 г.». — 43

^{10*} Институт социологии Сольве был создан в 1898 г. усилиями социально ориентированного предпринимателя Эрнеста Сольве. Возглавил институт социолог Э. Ваксвейлер. В 1922 г. институт был объединен со Свободным университетом Брюсселя. Дипломы по социологии начали выдаваться только в конце 1960-х гг., а до того времени выдавался диплом по «общественным наукам». — 46

<Рец. на кн.:> *V. Pareto. Trattato di sociologia generale*

Впервые: Социобиблиографический вестник. 1919, № 4–6, с. 29.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} Слова из пьесы У. Шекспира «Генрих IV» (ч. 2, действ. 4, явл. 4). — 48

<Рец. на кн.:> *В.М. Бехтерев. Общие основания рефлексологии*

Впервые: Социобиблиографический вестник. 1919, № 4–6, с. 29–30.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин.*

<Рец. на кн.:> *П. Кропоткин. Взаимная помощь как фактор эволюции*

Впервые: Социобиблиографический вестник. 1919, № 4–6, с. 30.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П. Сорокин.*

^{1*} Работа П.А. Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции» впервые была опубликована в 1902 г. — 50

**<Рец. на кн.:> *К. Каутский. Национальные проблемы;*
*М.Я. Лазерсон. К международной постановке еврейского вопроса***

Впервые: Социобиблиографический вестник. 1919, № 4–6, с. 30–31.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П. Сорокин.*

**<Рец. на кн.:> К.М. Тахтарев. Общество и государство
и закон борьбы классов**

Впервые: Социобиблиографический вестник. 1919, № 4–6, с. 31.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *П. Сорокин.*

<Рец. на кн.:> Я.М. Магазинер. Лекции по государственному праву

Впервые: Социобиблиографический вестник. 1919, № 4–6, с. 31.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *П. Сорокин.*

<Рец. на кн.:> И.В. Гессен. Искания общественного идеала

Впервые: Социобиблиографический вестник. 1919, № 4–6, с. 31–32.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *П. Сорокин.*

Свободный человек

Впервые: Колокол. Однодневная газета памяти А.И. Герцена. Под ред. М.К. Лемке. Пг.:
Издание Музея Революции, 21 января 1920, с. 3.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} Герцен А.И. Сочинения в 9-ти тт. М., 1955, т. 2, с. 387. — 57

^{2*} Пусть погибнет мир, лишь бы свершилась справедливость (*лат.*). — 59

^{3*} Герцен А.И. Сочинения в 9-ти тт. М., 1955, т. 2, с. 388. — 59

^{4*} Не совсем точная цитата из стихотворения Э. Верхарна «Кузнец» в переводе В.Я. Брюсова. У Верхарна-Брюсова: «Все то же вновь и вновь, доньне и от века». — 59

^{5*} Герцен А.И. Сочинения в 9-ти тт. М., 1956, т. 3, с. 240. — 59

^{6*} Девиз (*итал.*). — 59

^{7*} Благо народа (*лат.*). — 59

^{8*} Герцен А.И. Сочинения в 9-ти тт. М., 1956, т. 3, с. 273. — 59

^{9*} Там же, с. 352–353 (цитируется неточно и с пропусками). — 60

^{10*} Там же, с. 355. — 60

Еще об Андрее Белом

Впервые: Вестник литературы. 1920, № 8 (20), август, с. 6–7.

Печатается по первой публикации.

Подпись: П. Сорокин.

^{1*} Имеется в виду брошюра: На перевале. III. Кризис культуры. Пб., 1920. Это третья часть «трилогии» (первая часть – «Кризис жизни», 1918; вторая – «Кризис мысли», 1918). См.: *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., Республика, 1994, с. 260–296). — 61

<Рец. на кн.:> *З.И. Лилина. От коммунистической семьи к коммунистическому обществу*

Опубликована в сб. «Социологос» (М., 1991, вып. 1, с. 465–467) по автографу, хранящемуся в РГАЛИ, ф. 1624, оп. 4, ед.хр. 10, лл. 2–3.

На л. 2 рукописи сверху написана карандашом фамилия «Максимов» (вероятно, редактор, готовивший рецензию к печати). Помимо содержания, рецензия представляет интерес еще и как один из первых документов советской цензуры. Все места, выделенные в ней курсивом, зачеркнуты редактором, в угловые скобки заключены сделанные им смысловые вставки. Зачеркивания эти в большинстве своем явно цензурного характера. В таком изуродованном виде рецензия была опубликована в журнале «Вестник литературы», 1920, № 8 (20), август, с. 8–9.

На л. 1 того же архивного дела имеется машинописная справка: «*Лилина* Злата Ионовна, литературный критик. Род. в 1882 г. в Друе, Виленской губернии. В 1902 г. окончила Митавскую гимназию и с этого года стала работать в социал-демократических кружках. Лилина была широко известна как видная партийная работница, член ряда партсъездов (в партию вступила в 1902 г. и после II съезда примкнула к большевикам). Долгое время (1902–3 и 1908–17) жила в эмиграции. В годы революции была членом Ленинградского Совета 10-ти созывов. Последние годы работала в Наркомпросе, в Москве. Лилина составила хрестоматию памяти Ленина “Великий Вождь”, редактировала книгу Г. Белых и Л. Пантелеева “Республика Шкид” и т. д. Ей принадлежит также книга “Детская художественная литература после Октябрьской революции” (изд. “Культура”. Киев, 1929 г.). Скончалась 28 мая 1929 г. в Ленинграде в клинике рентгенологического института от рака легких. Похоронена Лилина на Коммунистической площадке Александрово-Невской Лавры в Ленинграде – 30 мая».

В этой справке *забыт* только такой «малозначительный факт»: З.И. Лилина – жена всемогущего в 20-х гг. главы Северной коммуны Г.Е. Зиновьева, объявившего Сорокина «врагом Советской власти № 1».

^{1*} Выражения из стихотворения А.С. Пушкина «Герой» (1830):

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

(*Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1981, т. 2, с. 192). — 64

<Рец. на кн.:> Введение в науку

Впервые: Вестник литературы. 1920, № 9 (21), с. 11.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *Н. Ч-в.*

<Рец. на кн.:> Л.П. Карсавин. Предмет истории

Впервые: Вестник литературы. 1920, № 10, с. 6.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *П. Сорокин.*

^{1*} Разумное основание, смысл (*фр.*). — 66

<Рец. на кн.:> Н. Лосский. Основные вопросы гносеологии

Впервые: Вестник литературы. 1920, № 12 (24), с. 11.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *Н. Чаадаев.*

П.Л. Лавров как социолог

Впервые: Вперед! Сборник статей, посвященных памяти Петра Лавровича Лаврова. Пг., 1920, с. 19–23.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} Непременное условие (*лат.*), букв.: «условие, без которого нет». — 71

^{2*} Разграничение понятий «правда-справедливость» и «правда-истина» принадлежит Н.К. Михайловскому. «Всякий раз, – писал он, – как приходит мне в голову слово “правда”, я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски правда-истина и правда-справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Правда – в этом огромном смысле слова – *всегда составляла цель моих исканий*» (*Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1896, т. I, с. V.*) — 72

^{3*} С полной ясностью; совершенно четко (*лат.*). — 73

^{4*} Созонт Иванович Потугин – персонаж романа И.С. Тургенева «Дым». Смысл выражения «потугинская “цивилизация”» раскрывается в следующем диалоге:

«Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, – цивилизации, – да, да, это слово еще лучше, – и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет. Это слово: ци... ви... ли... зация (Потугин отчетливо, с ударением произнес каждый слог) – и понятно, и чисто, и свято, а другие все, народность там, что ли, слава, кровью пахнут... бог с ними!

– Ну, а Россию, Созонт Иваныч, свою родину, вы любите?

Потугин провел рукой по лицу.

– Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу».

(Тургенев И.С. Собрание сочинений в 6-ти тт. М., 1968, т. 3, с. 32). — 74

^{5*} П.Л. Лавров посвятил роману И.С. Тургенева «Дым» статью «Цивилизация и дикие племена» (Отечественные записки. 1869, №№ 5, 9; без подписи). Полагая, что Россия уже вступила в «период цивилизации» и что, следовательно, когда Потугин призывал служить цивилизации, он произносил только «громкие слова», не вникая в их смысл, Лавров напоминал о том, что «взамен людей, произносящих “громкие слова”, русскому обществу нужно побольше людей, которые бы смело <...> посвящали свою жизнь и мысль на критику настоящего, на борьбу со всем гнилым, на развитие более строгой истины, на осуществление более полной справедливости» (Отечественные записки. 1869, № 9, с. 127–128). — 74

Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп

Впервые: Вопросы изучения и воспитания личности. 1921, № 3, с. 397–424.

Печатается по первой публикации.

Подпись: П. Сорокин.

^{1*} Имеется в виду так наз. гипотеза Джеймса–Ланге, суть которой американский психолог выразил так: «Обычно выражаются следующим образом: мы потеряли состояние, огорчены и плачем; мы повстречались с медведем, испугались и обращаемся в бегство; мы оскорблены врагом, приведены в ярость и наносим ему удар. Согласно защищаемой мною гипотезе порядок событий должен быть несколько иным, а именно: первое душевное состояние не сменяется немедленно вторым. Между ними должны находиться телесные проявления. И потому наиболее рационально выражаться так: мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьем другого; боимся, потому что дрожим; а не говорить: мы плачем, бьем, дрожим, потому что опечалены, приведены в ярость, испуганы» (Джеймс У. Психология. М., 1991, с. 275). — 78

^{2*} При прочих равных условиях (лат.). — 79

^{3*} У любого животного, которое достигло предела своего развития и которое чаще и больше всего использует какой-нибудь один орган, этот орган постепенно усиливается, развивается, увеличивается и приобретает значимость в зависимости от степени использования. Наоборот, постоянное неиспользование такого органа понемногу ослабляет и ухудшает его, постепенно обессиливает его и ведет к его исчезновению (фр.). — 81

^{4*} С известными оговорками (лат.). — 87

^{5*} С точки зрения (*лат.*). — 89

^{6*} Это высказывание Прудона содержится в его трактате 1840 г. «Что такое собственность?» См.: *Прудон П.Ж.* Что такое собственность? М., 1998. — 89

^{7*} Облик, образ, положение (*лат.*). — 91

^{8*} Коллегия ремесленников, кондитеров (*лат.*). — 94

^{9*} См. прим. 2* на с. 714. — 96

Программа и методы исследования профессиональных групп, профессионального отбора и профессиональной деформации

Впервые: Вопросы изучения и воспитания личности. 1921, № 3, с. 420–424.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П. Сорокин.*

«Смена вех» как социальный симптом

Впервые: Вестник литературы. 1921, № 12 (36), с. 1–3.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П. Сорокин.*

Критически отозвался на эту статью Сорокина старый «веховец» А.С. Изгоев, опубликовавший в «Вестнике литературы» (1922, № 1, с. 3) статью «Власть и личность» (см. «Приложения», с. 625–627).

^{1*} Имеется в виду сб. «Смена вех», изданный в Праге в 1921 г. Авторы сборника (проф. Н. Устрялов, Ю. Ключников, С. Лукьянов и др.), поверив, что НЭП означает «перерождение» большевизма, призвали русскую интеллигенцию к сотрудничеству с советской властью. — 103

^{2*} Выражение «идти в Каноссу» означает для побежденного униженно просить о пощаде. Каносса – замок в Сев. Италии, где в январе 1077 г. произошла встреча римского папы Григория VII с отлученным от церкви и низложенным германским императором Генрихом IV, который три дня в одежде кающегося грешника простоял у стен Каноссы, добиваясь приема папы. — 103

Голод и убеждения (идеология) человека

Впервые: Артельное дело. 1921, № 9–16, с. 11–16.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Проф. Питирим Сорокин.*

^{1*} Иак. 2, 17: Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. — 114

Заветы Достоевского

Впервые: Артельное дело. 1921, № 17–20, с. 4–7.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Проф. Питирим Сорокин.*

^{1*} *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1982, т. 11, с. 376 (Братья Карамазовы, ч. 2, кн. VI: III. Из бесед и поучений старца Зосимы, ж) О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным). — 117

^{2*} Там же, с. 376–377. — 117

^{3*} Там же, с. 379 [з) Можно ли быть судиею себе подобных? О вере до конца]. — 117

^{4*} *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1983, т. 25, с. 61 (Дневник писателя за 1877 год, февраль, гл. 2, IV: Русское решение вопроса). Цитируется неточно. — 118

^{5*} Там же, с. 62. — 118

^{6*} Там же. — 118

^{7*} Там же. — 118

^{8*} Там же, с. 63. — 118

^{9*} *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1982, т. 11, с. 372–373 (Братья Карамазовы, ч. 2, кн. VI: III. Из бесед и поучений старца Зосимы, е) Нечто о господах и слугах и о том, возможно ли господам и слугам стать взаимно по духу братьями). — 118

^{10*} *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1983, т. 25, с. 61 (Дневник писателя за 1877 год, февраль, гл. 2, IV: Русское решение вопроса). Цитируется неточно. — 118

^{11*} Там же. Цитируется неточно. — 118

^{12*} *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1984, т. 26, с. 165 (Дневник писателя за 1880 год, август, гл. 3, III: Две половинки). Цитируется неточно. — 119

^{13*} Контаминация цитат из «Братьев Карамазовых» и «Дневника писателя»: *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1982, т. 11, с. 372 (Братья Карамазовы, ч. 2, кн. VI: III. Из бесед и поучений старца Зосимы, е) Нечто о господах и слугах и о том, возможно ли господам и слугам стать взаимно по духу братьями); *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1984, т. 26, с. 152 (Дневник писателя за 1880 год, август, гл. 3, I: Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном А. Градовским. С обращением к г-ну Градовскому). — 119

^{14*} См.: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1983, т. 25, с. 5–9 (Дневник писателя за 1877 год, январь, гл. 1, I: Три идеи). — 119

^{15*} *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1983, т. 25, с. 59–60 (Дневник писателя за 1877 год, февраль, гл. 2, III: Злоба дня в Европе). Цитируется неточно. — 119

^{16*} Там же, с. 60–61. — 120

^{17*} Там же, с. 60; *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1982, т. 11, с. 370, 372 (Братья Карамазовы, ч. 2, кн. VI: III. Из бесед и поучений старца Зосимы, д), е)). — 120

^{18*} *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1984, т. 26, с. 167 (Дневник писателя за 1880 год, август, гл. 3, III: Две половинки). — 121

^{19*} Там же. — 121

^{20*} Там же, с. 167–168. — 121

^{21*} Там же, с. 139, 133 (Дневник писателя за 1880 год, август, гл. 1: Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине, гл. 2: Пушкин). — 121

^{22*} Там же, с. 158 (Дневник писателя за 1880 год, август, гл. 3, II: Алеко и держиморда. Страдания Алеко по крепостному праву. Анекдоты). — 122

Основные проблемы социологии П.Л. Лаврова

Впервые: П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пг.: Колос, 1922, с. 249–291.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.А. Сорокин.*

Этот сборник, хотя он и издан в 1922 г., готовился, конечно, задолго до выхода в свет, о чем свидетельствует и тот факт, что одного из его авторов (П.А. Кропоткина) в 1922 г. уже не было в живых (умер 8 февраля 1921 г.).

Считаем не лишним познакомить читателя с содержанием всего сборника, и поныне не утратившего интереса и актуальности:

Радлов Э.Л. Лавров в русской философии (с. 1–28);

Мокиевский П.В. Лавров как философ (с. 29–73);

Шпет Г.Г. Антропологизм Лаврова в свете истории философии (с. 73–138);

Кареев Н.И. Лавров как социолог (с. 193–248);

Сорокин П.А. Основные проблемы социологии Лаврова (с. 249–291);

Гизетти А.А. Лавров как «историк мысли» (с. 292–354);

Штейнберг А.З. Начало и конец истории в учении Лаврова (с. 355–372);

Васильев А.В. Лавров – историк и философ математики (с. 373–384);

Гизетти А.А. Лавров и Вл. Соловьев (с. 385–403);

Брюлова-Шаскольская Н.В. Лавров и Михайловский (с. 404–419);

Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого (с. 420–435);

Кропоткин П.А. Воспоминания о Лаврове (с. 436–439);

Овсяннико-Куликовский Д.Н. Лавров (Из неизданных посмертных воспоминаний) (с. 440–451);

Серебряков Э.А. Лавров (Из личных воспоминаний) (с. 452–472);

Кантор Р.М. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий (с. 473–512);

Шрейдер Д.И. Последние минуты Лаврова (с. 513–514).

^{1*} Буря и натиск (*нем.*) – литературное движение в Германии 70-х гг. XVIII в., получившее название по одноименной драме Ф.М. Клингера; в переносном смысле – период общественной или личной жизни, характеризующийся смелыми порывами мысли, неудовлетворенностью настоящим и стремлением порвать со старыми устоями жизни. — 144

^{2*} Сорокин имеет в виду две статьи Б.Д. Камкова «Историко-философские воззрения Лаврова» (Заветы. 1913, № 6–7), которые в 1917 г. были изданы отдельной брошюрой. — 150

^{3*} Sollen (*нем.*) – здесь: долженствование. — 152

^{4*} Платон мне друг, но истина дороже (*лат.*). — 160

<Рец. на кн.:> Б. Соколов. Наука в Советской России

Впервые: Летопись Дома литераторов. 1922, № 3 (7), 1 февраля, с. 9.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.С.*

<Рец. на кн.:> Б. Яковенко. Философия большевизма

Впервые: Летопись Дома литераторов. 1922, № 7, 1 февраля, с. 9.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} Бог из машины (*лат.*). — 166

^{2*} *Табориты* – леворадикальное крыло гуситов, объединявшее крестьян, городское плебейство и ремесленников; название происходит от имени укрепленного лагеря Табора в южной Чехии на р. Лужице, основанного ок. 1420 г. Табориты отрицали обрядность, многие догматы и всю организацию католической церкви, стремились восстановить порядки раннехристианской («коммунистической») церкви, отвергали почитание святых, требовали отмены постов, заупокойных молитв, индульгенций, уничтожения икон, реликвий, мощей, церковных облачений, вводили богослужение на родном языке. Табориты составили основное ядро армии, созданной под руководством Яна Жижки; последние их отряды были окружены и уничтожены в крепости Сион 6 сентября 1437 г. — 166

^{3*} 2 Фес. 3, 10: Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь. — 166

Ответ профессора Питирима Александровича Сорокина на анкету по вопросу о национализации частных издательств и отдаче всего издательского дела в государственное издательство

«Ответ на анкету...» сохранился в архиве директора издательства «Колос» Ф.И. Витязева-Седенко (РГАЛИ, ф. 106, оп. 1, д. 157, лл. 34–36) вместе с ответами на ту же анкету И.П. Павлова и Э.Л. Радлова, датированными 9 февраля 1921 г.

Впервые этот материал был опубликован С.А. Батюто (Неизвестные автографы И.П. Павлова, Э.Л. Радлова, П.А. Сорокина // Русская литература. 1990, № 3, с. 165–167), а затем Ю. Дойковым (Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 268–270).

Здесь печатается по тексту публикации Ю. Дойкова.

^{1*} *Arrobatio* (лат.) – букв.: «признание», «утверждение»; понятие католического канонического права, подразумевающее одобрение определенных действий или установлений. — 168

^{2*} «Азбука коммунизма» – написанная в октябре 1919 г. Н.И. Бухариным в соавторстве с Е.А. Преображенским брошюра, задуманная авторами как «первоначальный учебник коммунистической грамоты». В последующие годы выдержала более двадцати изданий. — 169

^{3*} Неточная цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (действие 1, явл. 7; слова Чацкого). У Грибоедова вместо «тому» – «ему». — 169

Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию

Впервые: Экономист. 1922, № 1, с. 77–107.

Печатается по первой публикации.

Подпись: П.А. Сорокин.

Статья Сорокина вызвала резкую критику со стороны В.И. Ленина (его статью «О значении воинствующего материализма» см. в «Приложениях», с. 635–642). Журнал «Экономист» стал одной из причин высылки интеллигенции из Советской России в 1922 г. (см. прим. 79* на с. 755).

О журнале «Экономист» см. статьи: *Черных А.И.* Между теорией и доктриной: экономика перед судом политики // «Экономист»: Избранное. М., 2008, с. 7–52; *Чубутский П.* Предпосылки реальной экономической политики // Там же, с. 57–70.

^{1*} Теламон – город в Тиррении у устья реки Омброны, в окрестностях которого в 225 г. до н. э. римляне нанесли жестокое поражение кельтам. Кроме 40 тысяч убитых, не меньше 10 тысяч кельтов было взято в плен. См.: *Поллибий.* Всеобщая история. СПб., 1994, т. I, с. 227–229 (II, 27–31). — 171

^{2*} «За те неполные десять лет, – пишет Плутарх, – в течение которых он вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста племен, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен» (*Плутарх.* Цезарь, 15). — 171

^{3*} Республиканский календарь был введен декретом Конвента от 5 октября 1793 г.; новая эра начиналась с 22 сентября 1792 г. (дня провозглашения республики); для месяцев были установлены названия, которые учитывали времена года: осенние (вандемьер, брюмер, фример), зимние (нивоз, пловиз, вантоз), весенние (жерминаль, флореаль, прериаль), летние

(мессидор, термидор, фрюктидор); таким образом, жерминаль (от лат. *germen* – «росток», «побег») – седьмой месяц французского республиканского календаря, соответствующий периоду 21/22 марта – 19/20 апреля, *III год* – с сентября 1794 по сентябрь 1795 г. Республиканский календарь действовал по 1 января 1806 г. — 176

^{4*} Преступлений против нравственности (*фр.*) — 176

^{5*} Это, насколько мне известно, единственное упоминание П.А. Сорокина о четвертом томе «Системы социологии» как о «готовящемся к печати». — 183

^{6*} Евангельское выражение, смысл которого понятен из контекста: «В них [у крытых ходов в купальню “Овечьи ворота” в Иерусалиме] лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды» (Ин. 5, 3). — 184

^{7*} Покорных щадить и усмирять горделивых (*лат.*) – слова из «Энеиды» Вергилия (VI, 53). — 185

^{8*} *Якобинцы* – в период Великой французской революции члены Якобинского клуба, сторонники полного политического равенства, наиболее радикальные деятели революции; *вандейцы* – участники роялистского контрреволюционного мятежа на западе Франции (в департаменте Вандея) в 1793–1795 гг.; поводом к восстанию послужил декрет Конвента от 24 февраля 1793 г. о призыве в армию 300 тысяч человек; *жирондисты* – политическая партия периода Великой французской революции, получившая свое название по департаменту Жиронда, откуда происходили многие деятели партии. Будучи представителями республиканской торгово-промышленной и земледельческой буржуазии, жирондисты находились у власти с 1792 г. до 31 мая – 2 июня 1793 г., когда они были свергнуты в результате народного восстания. — 188

^{9*} Здесь: представители элиты, лучшие представители (*фр.*) — 188

^{10*} Из Испании в 1492 г. были изгнаны все евреи (за исключением перешедших в христианство), имущество их было конфисковано; в 1609–1610 гг. были изгнаны мориски (мусульманское население Испании); в течение трех дней под страхом смертной казни они должны были сесть на суда и отправиться в Берберию, имея при себе только то, что могли унести на руках; всего изгнанию подверглось около 500 тысяч человек, не считая многочисленных жертв инквизиции и лиц, убитых во время проведения самой процедуры изгнания. Франция не столько изгоняла гугенотов, сколько их уничтожала. По Нантскому эдикту 1598 г., подписанному королем Генрихом IV и положившему конец религиозным войнам, гугеноты получили свободу вероисповедания и богослужения в городах (кроме Парижа), им предоставлялось право занимать судебные-административные и военные должности, созывать свои политические конференции и синоды. Кроме того, они получили 100 крепостей с гарнизонами, право иметь свою армию и др. привилегии (большая часть которых осталась на бумаге). В 1621–1629 гг. снова вспыхнула война между католиками и гугенотами, а в 1685 г. Людовик XIV окончательно отменил Нантский эдикт, что привело к массовой эмиграции гугенотов из страны. — 189

^{11*} Рассеются племена, жаждущие войны (*лат.*). В русском Синодальном переводе: «Рассыпь народы, желающие браней» (Пс. 67, 31). — 191

^{12*} Мф. 7, 17. О следующей затем цитате из Достоевского см. прим. 1* на с. 758 к статье «То, что часто забывается». — 193

^{13*} Оставьте всякую надежду (*итал.*) – надпись на вратах Ада в «Божественной комедии» Данте (Ад, III, 9). — 194

^{14*} *Илоты* – местные жители Лаконии и Мессении, покоренные спартанцами и превращенные ими в государственных рабов. «Пьяными илотами» П.А. Сорокин назвал большевиков в своей статье «Победителям», опубликованной в газете «Воля народа» на третий день после октябрьского переворота 1917 г.: «*Вы – пьяные илоты*. В трагические минуты революции что вы делаете? Добравшись до складов Зимнего дворца, вы, как стая жадных псов, набрасываетесь на вина, напиваетесь и безумствуете в пьяном кошмаре» (Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 311). — 196

^{15*} *Комитет общественного спасения* – руководящий орган якобинской диктатуры, учрежденный 6 апреля 1793 г.; ему поручалось следить за деятельностью министерств и при чрезвычайных обстоятельствах принимать меры обороны против внутренних и внешних врагов; фактическим руководителем Комитета был сначала Ж.Ж. Дантон, затем – М. Робеспьер. После термидорианского переворота Комитет потерял свое значение, а с введением «Конституции III года» (26 октября 1795 г.) прекратил свое существование. — 198

^{16*} *Принципат* (от лат. *princeps* – «первый», «глава») – форма правления в Древнем Риме в период ранней империи (27 до н. э. – 193 н. э.), фактически монархия, при которой сохранялись некоторые республиканские учреждения, а император именовался принцепсом (первым в списке сенаторов). Подробнее см.: Машкин Н.А. Принципат Августа. М.-Л., 1949. — 199

^{17*} *Habeas Corpus Act* (Хабеас корпус акт) – закон, принятый английским парламентом в 1679 г., один из основных конституционных актов Великобритании. Согласно этому закону по заявлению арестованного, в котором он под присягой перечисляет основания неправомерности своего ареста, судья обязан в установленные сроки издать приказ о его доставке в суд для проверки заявления. Заявление рассматривается судьей единолично в присутствии арестованного; судья вправе освободить его (безоговорочно или под залог) или же направить обратно в тюрьму, установив, что он арестован правомерно. Действие *Habeas Corpus Act*'а может быть приостановлено парламентом при чрезвычайных обстоятельствах (во время войны, при внутренних беспорядках и т. п.). Название закона происходит от начальной строки приказа судьи о доставке арестованного: *Habeas Corpus ad subjiciendum*... — 199

^{18*} Парафраз цитаты из «Всемирной истории» Ж.Б. Боссюэ: «Человек волнуется, а Всевышний руководит им». Эту цитату неоднократно приводит в своих сочинениях М.М. Ковалевский. См., например: Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910, т. I, с. 10. — 200

Голодание и психические переживания

Впервые: Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, вып. 1, с. 4–21. Печатается по первой публикации.
Подпись: Проф. Пит. Сорокин.

Статья представляет собой сокращенный вариант четвертого параграфа первой главы книги «Голод как фактор».

^{1*} *Кинестетические* (от греч. *kineo* – «привожу в движение» и *aisthetikos* – «относящийся к чувственному восприятию») *ощущения* – совокупность процессов, обеспечивающих возникновение ощущений о положении различных частей тела животного и человека и его перемещениях. — 203

^{2*} Тупая подавленность; тупая боль; боль; ноющая боль; тупая, гнетущая подавленность; что-то вроде боли (англ.). — 204

^{3*} Об этом эпизоде П.А. Сорокин подробно рассказывает в 8-й главе автобиографической книги «Дальняя дорога» (М., 1992, с. 111–114) и очерке «На лоне природы», написанном в 1923 г. — 209

^{4*} Слабоумие (*лат.*). — 210

^{5*} Т. е. упорно возобновляющиеся, навязчивые (от *лат.* *perseveratio* – «настойчивость», «упорство»). — 211

^{6*} *Атараксия* (от *греч.* *ataraksia* – «невозмутимость», «отсутствие волнений») – в философии Эпикура идеальное состояние, к которому должен стремиться человек; достигается избавлением от страха перед богами, смертью и загробным миром, ограничением потребностей, самоустранением от общественных и государственных дел. — 212

^{7*} *Факиризм* (от *араб.* *факир* – «бедняк») – в данном случае означает не фокусничество, притязание на святость («ловкость рук»), в каком значении это слово обычно понимается в Европе, а учение и практику мусульманских странствующих дервишей. — 215

^{8*} Слова Иисуса Христа, сказанные им искусителю в ответ на предложение обратить камни в хлеб: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 4). — 215

^{9*} Собственник бумажной и обойной фабрики Ревельон (сам бывший рабочий) прославился фразой: «Для рабочего достаточно черного хлеба и чечевицы, белый хлеб – не для него». 27 апреля 1789 г. народ, раздраженный его словами, стал носить по улице его чучело, чтобы судить его и сжечь. 28 апреля толпа явилась к фабрике Ревельона и заставила его рабочих бросить работу; затем она взяла штурмом его дом и разграбила его. Это событие стало непосредственным предвестием начала Французской революции. Подробнее см.: *Кроноткин П.А.* Великая французская революция. 1789–1793. М., 1979, с. 40–41. — 216

^{10*} «Город солнца» – название коммунистической утопии Т. Кампанеллы (1602). — 217

^{11*} *Пляска святого Витта* – нервное заболевание (судороги, напоминающие движения танца), которое в Средние века принимало характер эпидемии; название связано с преданием о том, что больные излечивались у часовни св. Витта в Цаберне (Эльзас). — 217

^{12*} *Ça ira* (*фр.*) – Это придет! Это будет! – припев популярной песни времен Французской революции; *карманьола* (от названия итальянского города в Пьемонте) – французская революционная народная песня-пляска, впервые прозвучавшая в Париже после взятия дворца Тюильри (10 августа 1793 г.). — 217

^{13*} Глава о влиянии голода на идеологию в книге «Голод как фактор» отсутствует; по-видимому, она была изъята по цензурным соображениям. Этот пробел частично восполняют статья «Голод и идеология общества» и глава XV книги П.А. Сорокина «Man and Society in Calamity», написанной спустя 20 лет после «Голода как фактора» в США; глава называется «Динамика идеологий в периоды бедствий». — 220

Война и милитаризация общества

Впервые: Артельное дело. 1921, № 9–16, с. 11–16.

Печатается по первой публикации.

Подпись: Проф. Пит. Сорокин.

^{1*} Точнее сказать, В.И. Ленин ввел термин «военный коммунизм», который, по его словам, был «временной мерой», вынужденной «войной и разрухой» (см.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 43, с. 220). — 221

^{2*} *Ашантии* (правильно: ашанти) – один из основных банту-язычных народов, населяющих республику Гана, расположенную на берегу Гвинейского залива (Западная Африка). — 226

^{3*} *Инка*, или правильнее «Верховный Инка» – верховный правитель государства инков, образованного в 1438 г. и представлявшего собой рабовладельческую деспотию. Считалось, что вся земля в государстве принадлежит Верховному Инке. — 227

^{4*} «*Прямое действие*» (action directe) – программное требование французских анархо-синдикалистов, сформулированное одним из видных теоретиков этого движения Г. Лагарделем. «Прямое действие предполагает деятельное вмешательство отважного меньшинства... Образуется избранная группа, которая в силу своего качества увлекает массу и направляет ее на путь битвы» (цит. по: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1991, с. 473–474). — 232

Влияние голода на социально-экономическую организацию общества

Впервые: Экономист. 1922, № 2, с. 23–53.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.А. Сорокин.*

Статья представляет собой сокращенный вариант десятой главы книги «Голод как фактор».

^{1*} С известными оговорками (*лат.*). — 236

^{2*} *Тропизмы* – определенные движения организмов, происходящие под влиянием различных раздражителей. Тропизмы называются положительными, если движение направлено в сторону раздражителя, и отрицательными, если оно направлено от раздражителя. В зависимости от раздражителя различают несколько видов тропизмов: хемотропизмы, под влиянием химических веществ, гелиотропизмы – под влиянием света, геотропизм – под влиянием силы тяжести, электротропизм и т. д.; *таксисы* – двигательные реакции свободно передвигающихся микроорганизмов и простейших растений. Различают фототаксисы, термотаксисы, гальванотаксисы, хемотаксисы и т. п. — 236

^{3*} См. выше, прим. 4*. — 237

^{4*} *Колоны* (от *лат.* colonus – «земледелец») – в Римской империи мелкие арендаторы; в средневековой Западной Европе одна из категорий феодально-зависимых крестьян. — 237

^{5*} *Преторианцы* – в Древнем Риме привилегированные войска, предназначенные для личной охраны императора. — 238

^{6*} Букв.: централизованно (принудительно) управляемое хозяйство (*нем.*). — 238

^{7*} *Штапельное право* – то же, что и складское право (от *нем.* stapeln – «складывать в стопки», «укладывать в штабеля»). — 241

- ^{8*} *Медимн* – древнегреческая мера сыпучих тел равная 52,5 литра. — 242
- ^{9*} *Ситофилаксы* – должностные лица в Афинах, надзиравшие за хлебным рынком; сначала их было пятеро, затем коллегия ситофилаксов увеличилась до двадцати человек. — 242
- ^{10*} *Вторая Пуническая война* (218–201 гг. до н. э.) между Римом и Карфагеном («пунийцами») закончилась победой римлян при Заме. — 243
- ^{11*} *Эдилы* – члены городского магистрата, в обязанность которых входил надзор за строительством, состоянием улиц, храмов и рынков, а также раздача хлеба, проведение общественных игр и охрана государственной казны. — 243
- ^{12*} Согласно аграрному закону Тиберия Гракха римляне не должны были владеть землей площадью более 500 югеров; для этого необходимо было изъять излишки земли у крупных латифундистов и поделить их между бедными и безземельными гражданами; фрументарный (от лат. *frumentarius* – «относящийся к хлебу») закон Гая Гракха предусматривал снижение цен на зерно и продажу хлеба беднякам (по их личной заявке) за половину цены. См.: Моммзен Т. История Рима. СПб., 1994, т. II, с. 81.
- Модий* – в древнем Риме мера сыпучих тел (8,74 л); *асс* – денежная единица; в период республики асс представлял собой сначала бронзовую, а затем медную монету, лицевую сторону которой украшало, как правило, изображение бога Януса; в конце III в. до н. э. вес монеты составлял 27,3 г, во времена поздней республики – 13,64 г, затем по указу Августа – 11 г. — 243
- ^{13*} Цереальные эдилы (лат.), в обязанности которых входило проведение общественных игр в цирке и хлебные раздачи; должность была введена Юлием Цезарем в 44 г. до н. э. — 243
- ^{14*} Попечитель годового сбора (лат). — 243
- ^{15*} Префект, осуществляющий надзор за снабжением хлебом (лат.). — 243
- ^{16*} *Публиканы* – откупщики римских государственных доходов, во времена поздней республики превратившиеся в финансовую аристократию. — 243
- ^{17*} По преимуществу (фр.). — 248
- ^{18*} Поводом для такого высказывания послужило следующее обстоятельство. В 1801 г. Гегель защитил диссертацию на тему «Об обращении планет», в которой доказывал, что между Марсом и Юпитером бессмысленно искать небесные тела; между тем почти в то же самое время итальянский астроном Д. Пиацици открыл между ними Цереру. Противники Гегеля много острили по этому поводу, указывая ему на то, что его теория не согласуется с фактами, на что он якобы и ответил: «Тем хуже для фактов». — 250
- ^{19*} *Ситония* – древнегреческое учреждение, в ведении которого находилась закупка хлеба на общественный счет и его раздача; должность «ситона» была выборной. — 251
- ^{20*} *Вторая Мессенская война* – восстание спартанских илотов в середине VII в. до н. э.; восставшие под руководством Аристомена вступили в союз с Аргосом и Аркадией и, несмотря на военное превосходство спартанцев, нанесли им ряд поражений. Только после взятия мессенской крепости Хира восстание было подавлено. — 251
- ^{21*} *Триумвиры* – члены триумвиратов (официальное название – «коллегия трех для упорядочения республиканского строя»), в состав которых входили: Марк Красс, Гней Помпей и Юлий Цезарь (первый триумвират, заключенный в середине 60 гг. до н. э.); Марк Антоний, Марк Эмилий Лепид и Октавиан Август (второй триумвират, заключенный в ноябре 43 г. до н. э.). — 252

^{22*} Уравнивание имущества (*лат.*). — 253

^{23*} Повелитель законам не подчиняется. Что угодно повелителю, то имеет силу закона (*лат.*). — 253

^{24*} Члены корпораций и коллегий, в которые объединялись отдельные профессиональные группы, имеющие статус юридического лица. — 253

^{25*} Зарплата и паек из казны (*лат.*). — 255

^{26*} За пределы империи нашей не должны продаваться никакие продукты питания (*лат.*). — 256

^{27*} *Бенефиций* (от *лат. beneficium* – «благоденствие») – в Западной Европе в эпоху средневековья условное срочное пожалование (преимущественно земельное) за выполнение военной или административной службы. — 256

^{28*} *Континентальная блокада* – система экономических и политических мероприятий, проводившихся в 1806–1814 г. наполеоновской Францией по отношению к Великобритании; была объявлена 21 ноября 1806 г. декретом Наполеона, согласно которому всем подвластным Франции странам и ее союзникам запрещалось вести торговые, почтовые и прочие сношения с Британскими островами. — 256

^{29*} *Прево* (*фр. prévôt*, от *лат. praepositus* – «начальник») – должностное лицо в средневековой Франции, с XI в. прево – королевские чиновники, обладавшие судебной, фискальной и военной властью в пределах административно-судебных округов; в XVIII в. должность прево была ликвидирована. В средневековом Париже (в XIII–XVIII вв.) и Лионе (в конце XVI–XVIII вв.) существовала выборная должность «купеческого прево», который являлся главой муниципалитета. — 257

^{30*} Благие пожелания (*лат.*). — 258

^{31*} Жребий был брошен (*лат.*) – парафраз известной фразы Юлия Цезаря «*alea jacta est*» (жребий брошен), произнесенной им в 44 г. до н. э. при переходе через Рубикон. — 265

Начало великой ревизии

Впервые: Вестник литературы. 1922, № 2–3, с. 1–3.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.А. Сорокин*.

^{1*} Переоценка всех ценностей – выражение и название одной из книг Ф. Ницше. В русском переводе она вышла под не вполне точным названием «Переоценка всего ценного» (см.: *Ницше Ф. Собрание сочинений*. М.: Издание книгопродавца В.К. Ключкина, б/г, т. V). — 267

^{2*} *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Erster Band. Gestalt und Wirklichkeit*. München, 1920 – в рус. переводе: *Закат Европы*. — 267

^{3*} *Сменовеховцы* – сторонники идейно-политического и общественного движения, возникшего в начале 1920-х гг. в среде русской зарубежной либерально настроенной интеллигенции. Движение получило свое название от сборника «Смена вех», вышедшего

в Праге в 1921 г., авторами которого были Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Чахотин и Ю.Н. Потехин. В Париже с октября 1921 по март 1922 г. выходил журнал «Смена веков», а в Берлине издавалась газета «Накануне». Сменовековцы призывали интеллигенцию к пересмотру ее позиций по отношению к советской власти, отказу от вооруженной борьбы с нею и сотрудничеству во имя благополучия Отечества. Сборник «Смена веков» дважды переиздавался в Советской России, а газета «Накануне» распространялась внутри страны без препятствий. Некоторые лидеры движения вернулись на родину и заняли ответственные государственные посты (в 30-х гг. большинство из них были арестованы и расстреляны). — 269

<Рец. на кн.:> *акад. П.П. Лазарев. Физико-химические основы нервной деятельности*

Впервые: Вестник литературы. Пг., 1922, № 2–3 (38–39), февраль-март, с. 24.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} *Бихевиоризм* (от *англ.* behavior – «поведение») – ведущее направление в американской психологии конца XIX – начала XX в., считающее, что поведение человека и животных сводится к ответам (реакциям) на воздействия (стимулы) внешней среды. Родоначальники бихевиоризма – Э. Торндайк и Дж. Уотсон; значительное влияние на бихевиористов оказали труды В.М. Бехтерева и И.П. Павлова. — 273

<Рец. на кн.:> *Н. Бухарин. Теория исторического материализма*

Впервые: Экономист. 1922, № 3, с. 143–148.
Печатается по первой публикации.
Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} Противоречие в определении (*лат.*); логическая ошибка типа «круглый квадрат». — 276

^{2*} Закон Грехэма (Gresham's Law) гласит, что плохие деньги вытесняют хорошие. Например, если в обращении находятся золотые монеты и правительство, желая сэкономить, сокращает золотое содержание новых монет, старые монеты будут уходить из обращения, поскольку никто не захочет обменивать хорошие (старые) деньги на плохие (новые). Вместо этого хорошие старые монеты будут переплавлять в золото и продавать, как продается золото. Формулирование этого закона приписывается английскому экономисту Томасу Грехэму (1519–1579). — 277

^{3*} См. прим. 18* на с. 724. — 277

^{4*} Абсурд, бессмыслица (*лат.*). — 277

^{5*} Имеется в виду «закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий». «Согласно моей основной доктрине, – писал О. Конт, – все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти последовательно через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями – теологическая, метафизическая и научная...» (*Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. СПб., 1910, с. 10*). — 279

^{6*} Перводвигатель (*лат.*). — 280

^{7*} Страшно сказать (*лат.*). — 282

<Рец. на кн.:> С.Л. Франк. Очерк методологии общественных наук

Впервые: Экономист. 1922, № 23, с. 149–150.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин*.

^{1*} Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ангел» (1831):

И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

(*Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1986, т. 1, с. 263*). — 285

**<Рец. на кн.:> Ch. Richet. La Sélection Humaine;
D. Starch. Educational Psychology**

Впервые: Экономист. Пг., 1922, №3, с. 150–151.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин*.

^{1*} «Евгеническое» движение возникло в Европе в конце XIX – начале XX в. под влиянием учения Ч. Дарвина и трудов Ф. Гальтона, предложившего сам термин «евгеника» (от *греч. eugenēs* – «хорошего рода», «породистый»). Хотя знаний о наследственности человека было явно недостаточно, во многих странах начала активно проводиться социальная политика евгенической направленности. В Германии вместо термина «евгеника» поначалу применялся термин «расовая гигиена». — 287

Отправляясь в дорогу

Впервые: Утренники. Кн. 1, б/м, б/г [1922], с. 10–13.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин*.

В этой же книге «Утренников» сразу после статьи Сорокина опубликовано стихотворение А. Ахматовой, которое по-своему, но все же глубоко созвучно мыслям Сорокина:

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.
И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.

1921.

Статья Сорокина (и сборник «Утренники» в целом) вызвала многочисленные отзывы в печати. На сегодня выявлены следующие:

1. Годовщина Петроградского университета // Красная газета. 1922, № 42 (1194), 22 февраля, с. 3 (Сорокин не упоминается).

2*. *Гредескул Н.А.* Прошлое и будущее (по поводу университетского дня) // Там же, № 46 (1198), 26 февраля, с. 2–3.

3. *Даниил П.* // Книга и революция. 1922, № 6 (18), с. 64.

4*. *Аратов Б.* // Новости литературы. Берлин, 1922, № 1, август, с. 57–58.

(Рецензии, отмеченные звездочкой, см. в «Приложениях».)

^{1*} Помни о смерти (*лат.*). — 289

^{2*} Цитата из книги Т. Карлейля «Sartor resartus. Жизнь и мысли герр Тейфельсдрека» (М., 1902; перевод Н. Горбунова): «Истина! – восклицал я. – Пусть Небеса сокрушат меня за последование ей: я не допущу Лжи, хотя бы весь небесный Рай Магомета был ценой Отступничества» (кн. 2, гл. VII: Вечное нет; указ. изд., с. 182).

Однако Сорокин приводит эту цитату в переводе В. Яковенко по изданию: *Яковенко В.И.* Томас Карлейль. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1891, с. 17. — 291

^{3*} См. прим. 3* к рец. на кн. Б.В. Яковенко на с. 718. — 291

^{4*} Человек человеку бог (а не волк) (*лат.*). В рецензии на «Утренники» Даниил П. отметил: «Выделяется своеобразно мужественная статья П. Сорокина с подчеркиванием карлейлевского афоризма “homo homini deus est”» (Книга и революция. 1922, № 6/18, с. 64). На самом деле афоризм принадлежит Л. Фейербаху. — 291

^{5*} Цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (Эпизод. Гриша Доброклонов). — 292

^{6*} В «Житии императора Константина» Евсевия рассказывается о том, что Константин накануне сражения с Максенцием в 312 г. видел на небе крест с греческой надписью: «Этим победишь!» Это видение побудило его объявить христианство государственной религией Рима. — 293

Об «англо-саксонской позиции»

Впервые: Утренники, кн. 1, б/м, б/г [1922], с. 15–18.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} Начальные строки книги В.В. Розанова «Когда начальство ушло...»: «...прекрасно, прекрасно, я не спорю, что начальство необходимо, как дымовая труба в доме и самые “нужные” в ней места и комнаты... не спорю...» (Розанов В.В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... М., 1997, с. 7). — 294

^{2*} Напрасны законы, где нет нравственности (*лат.*) – цитата из Горация (Оды 3, 24, 35). — 295

^{3*} Socius – букв: товарищ, спутник, сообщник, союзник (*лат.*). Здесь – индивид как член общества. — 295

^{4*} Грубая сила (*лат.*). — 297

Голод и идеология общества

Впервые: Экономист. 1922, № 4–5, с. 3–32.

Печатается по первой публикации.

Подпись: П.А. Сорокин.

Рецензия на этот номер «Экономиста», содержащая в том числе и оценку статьи Сорокина, была опубликована в берлинском журнале «Русский экономист» (1922, № 3–4, декабрь), когда он был уже выслан из советской России. Текст этой рецензии см. в «Приложениях», с. 643–644.

^{1*} См. прим. 6* на с. 715. — 299

^{2*} *Илоты* – местные жители Лаконии и Мессении, покоренные спартамцами и превращенные ими в государственных рабов. — 303

^{3*} Уравнение состояний, равный раздел денег (*лат.*). — 303

^{4*} Объявление богатых вне закона (*лат.*). — 303

^{5*} См.: Саллюстий Крисп Г. Сочинения. М., 1981, с. 21 («О заговоре Катилины»). 37, 3–4). — 303

^{6*} Свод канонического права (*лат.*), изданный в 1582 г. во время понтификата папы Григория VII. — 304

^{7*} Общее владение всем, одна свобода для всех (*лат.*). — 304

^{8*} Приобретение – церкви (*лат.*). — 304

^{9*} Имущество бедняков (*лат.*). — 304

^{10*} *Патарии* (*итал.* – букв. «тряпичники») – презрительное прозвище сторонников миланского монаха Ариальда (XI в.), возглавившего движение против «симонии» (см. ниже, прим. 34*); *катары* (от *греч.* kataros – «чистый») – последователи широко распространившейся из южной Италии с конца XII в. ереси, в начале XIII в. проникшей в Англию и северную Германию, вплоть до Пруссии и сомкнувшейся с еретическими движениями северной Италии. По своему мировоззрению катары были дуалистами: все зло в мире они объявляли порожде-

нием дьявола, считая таковым порождением и официальную церковь; катары создали свою церковную организацию, поощряли добровольный уход из жизни. — 305

^{11*} *Арнольдисты* – сторонники Арнольда Брешианского (ок. 1100–1155), итальянского борца против католической церкви и папства, который выступил с программой, ставшей впоследствии основой учения Реформации; схваченный людьми императора Фридриха Барбароссы Арнольд Брешианский был выдан папе и казнен; тело его сожгли, а пепел сбросили в Тибр; *вальденсы* (или «лионские бедняки») – приверженцы религиозной ереси, возникшей в XII в. среди плебейских масс южнофранцузских городов и затем распространившейся среди сельского населения южной Швейцарии, позднее в Германии и Чехии; по преданию, название ереси происходит от имени лионского купца Пьера Вальда, который в 1176 г. создал общину «совершенных», давших обет не владеть никакой собственностью, не иметь семьи и не думать о завтрашнем дне; они отказывались подчиняться духовным и светским властям, требуя их ликвидации; учение вальденсов было осуждено в 1215 г. IV Латеранским собором, в XV в. папа Сикст VI предпринял против них крестовый поход, в 1545 г. французские войска учинили над ними массовую резню в Дофинэ; массовые избиения вальденсов имели место в 1655 и 1685 гг.; *гумилиаты* (букв.: «смирненные») – первоначально члены союза ломбардских аристократов, вернувшихся на родину после немецкого плена в начале XI в. (по другим источникам – в первой или второй половине XII в.); позднее от них отделился тесный кружок лиц, обрекших себя на безбрачие и монашеский образ жизни и вскоре примкнувших к вальденсам; *апостольские братья* (апостолики) – приверженцы крестьянско-плебейской ереси в северной Италии, которая была основана ок. 1260 г. Сегарелли, а с 1300 г. возглавлялась Дольчино; апостольские братья проповедовали бедный образ жизни, отказ от имущества, ссылаясь на учение апостолов и резко критикуя католическое духовенство; сыграли очень большую роль в крестьянском восстании Дольчино (1304–1307); *беггарды* – члены возникшей в конце XII в. в Нидерландах религиозной секты, жившие вместе в общем доме и ведущие благочестивую жизнь; сначала это были исключительно женские общины, в начале XIII в. возникли подобные же общества мужчин; так как члены этих общин начали бродить по разным странам, то в их среду проникли ереси, что вызвало их преследования со стороны пап. — 305

^{12*} Всем нашим имуществом владеем совместно со всеми людьми (*лат.*). — 305

^{13*} *Лолларды* (от *средненидерл.* lollaert – «бормочущий [молитвы]») – участники крестьянско-плебейского движения XIV в. в Англии, отвергавшие привилегии церкви и требовавшие секуляризации ее имущества; сыграли большую роль в идеологической подготовке восстания Уота Тайлера в 1381 г., а впоследствии и подготовке английской Реформации; *диггеры* (*англ.* diggers – «копатели») – представители крайне левого крыла революционной демократии в Английской революции XVII в., которые устами своего идеолога Дж. Уинстэнли провозгласили идеал «свободной республики», не знающей эксплуатации человека человеком; *«люди пятой монархии»* (квинтомонархисты) – сторонники протестантского течения, возникшего в Англии в XVII в., которые веровали в близкое второе пришествие и тысячелетнее царство Иисуса Христа («пятое царство»). — 306

^{14*} *Табориты* – леворадикальное крыло гуситов, объединявшее крестьян, городское плебейство и ремесленников; название происходит от имени укрепленного лагеря Табора в южной Чехии на р. Лужице, основанного ок. 1420 г. Табориты отрицали обрядность, многие догматы и всю организацию католической церкви, стремились восстановить порядки раннехристианской («коммунистической») церкви, отвергали почитание святых, требовали отмены постов, заупокойных молитв, индульгенций, уничтожения икон, реликвий, мощей, церковных облачений, вводили богослужение на родном языке. Табориты составили основное

ядро армии, созданной под руководством Яна Жижки; последние их отряды были окружены и уничтожены в крепости Сион 6 сентября 1437 г. — 306

^{15*} *Богемские братья* – чешская религиозная секта, возникшая после поражения таборитов в середине XV в.; богемские братья отрицали государство, сословное деление общества, проповедовали имущественное равенство в духе раннехристианских представлений, стремясь вместе с тем проводить принцип непротивления злу насилием; после утраты Чехией независимости в 1620 г. секта была разгромлена, разрозненные ее последователи смогли собраться лишь через столетие, в Гернгуте (Саксония) они основали новую секту («гернгутеров»); *Мюльхаузен* – город в Германии, в округе Эрфурт; во время Крестьянской войны 1524–1526 гг. был центром революционного движения в Тюрингии и главным центром деятельности Томаса Мюнцера, социально-политическая программа которого, близкая к анабаптистской, предусматривала «общность имущества», которую он и пытался ввести в Мюльхаузене, поселившись здесь в конце февраля или начале марта 1525 г.; 15 мая 1525 г. отряд Мюнцера потерпел поражение в битве у Франкенхаузена от объединенных войск князей; Т. Мюнцер был взят в плен и после мучительных пыток казнен. — 306

^{16*} Все – общее (*лат.*). — 306

^{17*} *Мюнстерская коммуна* (1534–1535) – революционная власть анабаптистов в г. Мюнстер (Германия, земля Северный Рейн – Вестфалия). Была установлена в результате вооруженной борьбы граждан Мюнстера и пришлых анабаптистов против сеньора города князя-епископа Франца Вальдека. 23 февраля 1534 г. анабаптисты получили большинство голосов в магистрате – все, кто отказался принять сторону и веру анабаптистов, были изгнаны из города. Власть фактически сосредоточилась в руках «главного пророка» Яна Матиса, а после его гибели (5 апреля 1534 г.) – Иоанна Лейденского, который в апреле-мае 1534 г. распустил магистрат, заменив его советом «12 старейшин». В дальнейшем в связи с осложнением военной обстановки (город был осажден войсками епископа) и внутренними конфликтами была введена личная диктатура Иоанна Лейденского, провозглашенного царем «Нового Сиона» (Мюнстера) и будущим владыкой мира. Анабаптистские власти провели в Мюнстере ряд преобразований, носивших «уравнительно-коммунистический» характер: отмену денег, введение всеобщей трудовой повинности, моногамная семья была заменена полигамной, нарушения общественного порядка карались вплоть до смертной казни и т. п. 25 июня 1535 г. Мюнстер был взят войсками епископа; деятели коммуны, в том числе Иоанн Лейденский, были преданы жестоким пыткам и казнены. — 306

^{18*} *Эгалитаризм* (от *фр.* *égalité* – «равенство») – социально-философское учение, проповедующее всеобщую уравнительность как принцип организации общественной жизни. — 306

^{19*} *Бабувизм* – система взглядов Г. Бабефа (1760–1797), руководителя движения «во имя равенства» во времена Директории; весной 1796 г. Бабеф возглавил «Тайную повстанческую директорию», целью которой была организация народного восстания, установление революционной диктатуры и построение коммунистического общества. В результате предательства одного из участников движения заговор был раскрыт, руководители движения арестованы, Бабеф по приговору суда в Вандоме был казнен. — 307

^{20*} *Маммонизм* – поклонение богатству; *мамона* (маммона) – арамейское слово, означающее «богатство»; в Новом Завете – обозначение осуждаемой демонической власти собственности (Лк. 16, 9, 11, 13; Мф. 6, 24). — 309

^{21*} *Николаиты* – христианская секта в Богемии, основанная в 1417 г. крестьянином Николаем из местечка Власеник; николаиты считали, что церковь утратила свой нормальный вид и что кроме Библии существует другое божественное откровение, которое получает-

ся непосредственно отдельными членами секты; в 1676 г. они издали свое «Исповедание веры», которое, однако, не сохранилось; *адамиты* (или «пикардисты») – общее название сект, которые под предлогом святости и возвращения к невинности первобытных людей предавались грубому распутству; впервые секта появилась в Италии и Германии в 1418 г., затем в конце XVIII в. возродилась в Австро-Венгрии, в 1848 г. и в конце XIX в. секта объявилась в США в штате Нью-Йорк; члены секты объявили себя сторонниками свободной любви, устроили свою жизнь на коммунистических началах, предполагающих общность имущества и жен, полное отречение от собственности и семьи; о *беггардах* и *вальденсах* см. выше, прим. 11*. — 313

^{22*} *Альменда* (нем. Allmende – «то, что принадлежит всем») – у германских народов в раннее Средневековье земельные угодья, находящиеся в общем пользовании членов общины. — 313

^{23*} *Броунисты* (впоследствии *барровисты*) – члены религиозной секты в Англии и Голландии, основанной в 1581 г. Робертом Броуном (1549–1630), а после его смерти в тюрьме возглавленной Генри Барроу, которые стремились к отмене всех внешних форм религии; сторонники их учения, реформированного в Англии И. Робинсом (ум. 1625), стали называться «индепендентами»; *квакеры* (от англ. quakers – «трясущиеся») – члены религиозной христианской общины протестантского толка, основанной в середине XVII в., отвергающие институт священников и церковные таинства; о диггерах и «людях пятой монархии» см. выше, прим. 13*. — 314

^{24*} *Чартизм* – рабочее движение в Великобритании в 30–50-х гг. XIX в., проходившее под лозунгом борьбы за проведение «Народной хартии» (People's Charter – откуда название движения), в которой содержались требования всеобщего избирательного права, тайного голосования и др. Наиболее широкий размах движение приобрело в 1847–1848 гг. в связи с экономическим кризисом, волнениями в Ирландии и революционными событиями на континенте; после 1848 г. чартистское движение пошло на спад, а в конце 1850-х гг. окончательно сошло с исторической арены. — 314

^{25*} Букв.: позволяйте делать [кто что хочет] (*фр.*) – употребляется в значении невмешательства правительства в ход развития событий (главным образом экономических), т. е. предоставления полной свободы. Выражение «laissez-faire, laissez-passer» (позволяйте делать кто что хочет, позволяйте идти кто куда хочет) принадлежит французскому экономисту Гурно (1712–1759), употребившему его впервые в 1758 г. на ассамблее физиократов. — 314

^{26*} *Физиократы* (от греч. physis – «природа» и krates – «сила», «власть», «господство») – представители одного из направлений классической буржуазной политэкономии, возникшего во Франции в середине XVIII в. Основатель направления – Ф. Кенэ, видные представители – А.Р. Тюрго, В. Мирабо, П. Дюпон де Немур и др. Единственно производительный труд, по учению физиократов, – земледельческий; деньги сами по себе «бесплодны», единственная их функция – служить средством обращения. — 315

^{27*} См. выше, прим. 19*. — 316

^{28*} «*Die Rote Fahne*» («Красное знамя») – немецкая ежедневная газета, центральный орган Компартии Германии, издававшаяся в 1918–1939 гг., «*Avanti!*» («Вперед!») – ежедневная газета, центральный орган Итальянской объединенной социалистической партии, издающаяся с 1896 г.; «*L'Humanité*» («Юманите» – «Человечество») – французская ежедневная газета, основанная в 1904 г. Ж. Жоресом, с декабря 1920 г. – орган Французской компартии; «*Daily Herald*» – ежедневная газета Лейбористской партии Великобритании, издававшаяся в Лондоне с 1912 по 1964 г. — 318

^{29*} *1-й Интернационал* (Международное товарищество рабочих) был основан К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1864 г. и официально распущен решением Филадельфийской конференции 1876 г.; *2-й Интернационал* был основан в 1889 г. как международное объединение рабочих партий; фактически перестал существовать в 1914 г.; *2½ Интернационал* («двухсполовинный») – Международное рабочее объединение социалистических партий, существовавшее в 1921–1923 гг. и объединявшее центристские социалистические партии и группы Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Польши, Румынии, США, Франции, Швейцарии, а также русских меньшевиков и эсеров. — 318

^{30*} В Галле 12–17 октября 1920 г. состоялся чрезвычайный съезд Независимой социал-демократической партии Германии, в Туре 25–30 декабря того же года проходил съезд Французской социалистической партии. Участники обоих съездов большинством голосов высказались за вступление своих партий в Коминтерн. — 318

^{31*} *Коммунистическая партия Великобритании* была основана на учредительном съезде в Лондоне 31 июля – 1 августа 1920 г.; *Labour Party* (Лейбористская партия) – Рабочая партия Великобритании, возникшая в 1900 г. под названием Комитет рабочего представительства; с 1906 г. носит нынешнее название; в 1918 г. провозгласила своей конечной целью построение социализма, трактуя его сугубо реформистски. — 318

^{32*} Имущество бедняков (*лат.*). — 322

^{33*} Неизгладимый, вечный (*лат.*). — 322

^{34*} *Симония* (от имени Симона-вохва, который просил апостолов продать ему дар распоряжаться «святым духом») – распространенная в Средние века в Западной Европе покупка-продажа церковных должностей или духовного сана, практиковавшаяся папством, королями, крупными феодалами. — 323

^{35*} Все одинаково принадлежит всем (*лат.*). — 323

^{36*} См. выше, прим. 21*. — 324

^{37*} *Санкюлоты* (от *фр.* *sans* – «без» и *culotte* – «короткие штаны») – так первоначально именовали представителей городской бедноты аристократы и буржуа, носившие короткие штаны с шелковыми чулками; в годы якобинской диктатуры термин «санкюлот» становится самоназванием патриота и революционера. — 325

^{38*} *Шекеры* – религиозная секта, близкая к квакерам и возникшая в Англии в 1716 г., в 1774 г. руководительница секты Анна Ли и восемь ее приверженцев переселились в США (штат Нью-Йорк); проповедуют безбрачие, общность имущества и неустанный труд всех членов общины; обычно сектой руководят женщины, считающиеся преемниками первой пророчицы; *гармониты* – члены секты, основанной Георгом Раппом (1757–1847), который в 1803 г. переселился из Вюртемберга в Северную Америку и недалеко от Питтсбурга основал местечко «Harmony», среди обитателей которого царил полное равенство, общность имущества и безбрачие; в 1823 г. Г. Рапп продал «Harmony» Роберту Оуэну. — 326

^{39*} Парафраз цитаты из стихотворения Михалевича – персонажа романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»:

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок, душою я стал;
И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

(Тургенев И.С. Собрание сочинений в 6-ти тт. М., 1968, т. 2, с. 75). — 326

^{40*} *Шейдемановцы* – сторонники Филиппа Шейдемана (1865–1939), деятеля правого крыла германской социал-демократии, который в феврале-июне 1919 г. возглавлял первое правительство Веймарской республики. — 326

^{41*} Заключительные строки стихотворения А.К. Толстого «По гребле неровной и тряской...» (1840-е гг.). — 327

^{42*} Индекс, показатель (*англ.*). — 327

^{43*} См. прим. 4* к статье «Война и милитаризация общества» на с. 723. — 327

^{44*} Уровень жизни (*англ.*). — 327

^{45*} Ссылка на «параграф» (вероятно, случайно пропущенная П.А. Сорокиным и редакторами «Экономиста») свидетельствует о том, что данная статья является фрагментом главы книги «Голод как фактор», снятой цензурой. — 328

<Рец. на кн.:> *E.A. Ross. The Principles of Sociology*

Впервые: Экономист. 1922, № 4–5, с. 256–258.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.А. Сорокин.*

^{1*} Имеется в виду книга: *Ross E. Russia in Upheaval.* New-York, 1918. — 331

<Рец. на кн.:> *Ed.C. Hayes. Sociology and Ethics*

Впервые: Экономист. 1922, № 4–5, с. 258–259.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.А. Сорокин.*

<Рец. на кн.:> *Н.А. Васильев. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры*

Впервые: Экономист. 1922, № 4–5, с. 259.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.А. Сорокин.*

^{1*} В «Экономисте» – «философско-социалистической», что, по-видимому, является опечаткой. — 334

^{2*} Бог из машины (*лат.*) – драматический прием, применявшийся иногда в античной трагедии: запутанная интрига получала неожиданное разрешение во вмешательстве бога, который посредством механического приспособления появлялся среди действующих лиц, раскрывал неизвестные им обстоятельства, предсказывал будущее или приводил пьесу к счастливой

развязке. В современной литературе выражение употребляется для указания на неожиданное разрешение трудной ситуации, которое не вытекает из естественного хода событий, а является чем-то искусственным, вызванным вмешательством извне. — 335

^{3*} По своей инициативе (*лат.*) — 335

<Рец. на кн.:> *E. C. Hayes. Introduction to the study of sociology*

Впервые: Экономист. 1922, № 4–5, с. 260–261.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.А. Сорокин.*

^{1*} Сущность (*лат.*). — 337

**Тезисы к публичному научному диспуту по поводу «Системы социологии»
(т. I и II) П.А. Сорокина**

Впервые: Пг.: Колос, 1922. — 4 с.

Печатается по первой публикации.

Диспут проф. П.А. Сорокина

Впервые: Экономист. 1922, № 4–5, с. 277–280.

Печатается по первой публикации.

Без подписи.

^{1*} Общее мнение ученых (*лат.*). — 344

^{2*} Основание разделения (*лат.*). — 345

**Об основных условиях возможности возрождения
нашего народного хозяйства**

Впервые: Социологические исследования. 1994, № 2, с. 3–15.

Опубликована Ю.В. Дойковым по рукописи, хранящейся в ИРЛИ, в фонде главного редактора журнала «Артельное дело» В.С. Миролобова. По мнению публикатора, статья была написана незадолго до высылки П.А. Сорокина из Советской России и не допущена к печати по цензурным соображениям.

Печатается по первой публикации.

^{1*} См. прим. 1* к рец. «Л.П. Карсавин. Предмет истории» на с. 713. — 351

^{2*} См. прим. 4* на с. 714. — 356

^{3*} Или-или (лат.). — 365

^{4*} См. прим. 1* к статье «П.Л. Лавров как социолог» на с. 713. — 365

Состояние психологии в Америке за последние годы (1914–1918)

Впервые: Вопросы изучения и воспитания личности. 1922, № 4–5, с. 593–598.

Печатается по первой публикации.

Подпись: Проф. П. Сорокин.

В тексте журнала после статьи на с. 598–599 помещено «Примечание редакции», автором которого, возможно, является В.М. Бехтерев:

Читатели, знакомые с русской рефлексологической литературой, найдут, что в вышеуказанной установке взглядов американские ученые идут в полном согласии с представителями русской рефлексологической школы. Приведем только следующие выдержки из нашего сочинения «Общие основания рефлексологии»: «Именно опыт устанавливает причинные соотношения между данным *поведением* и его результатами и, следовательно, между поведением, дающим полезные для себя и для других результаты, и между другим поведением, дающим вообще результаты, в том или ином отношении вредные. Этим и определяется поведение такого характера *в будущем*, которое рефлексология рассматривает как основанное на опыте установление определенного комплекса рефлексов, долженствующего сопровождаться наилучшими в том или ином отношении последствиями. Сюда относятся руководящие символы религиозного, морального, художественного, политического и национального характера.

Как возникают руководящие комплексы символов, так же точно возникают и руководящие области действия, т. е. *цели*, сообразно которым направляются личные рефлексы. Нет вообще *ни одной цели*, которая в конце концов не была бы результатом *прошлого* своего или чужого опыта, давшего возможность установить определенный образ действия, ведущий, как показал такой же *опыт*, к определенному результату т. е. к *данной цели*» (с. 58).

«Выяснение соотношения внешних проявлений личности с внешними же влияниями, текущими и прошлыми, достигается путем внимательно и строго объективного наблюдения всех *действий, поступков, речи и других проявлений личности*. Результаты этого объективного наблюдения *всех вообще внешних проявлений личности*, собственно, и должны лежать в основе характеристики человеческой личности, а не те данные, которые черпаются из субъективного анализа. Проще выражаясь, наиболее верной характеристикой человека должны быть его *действия, поступки, его речь, жесты, мимика* и пр. в соотношении с теми или иными внешними условиями» (с. 72).

«Скрытые субъективные переживания, представляющие собою невысказанные мысли, недоступные также и посредственному самообладанию, с объективной точки зрения должны быть рассматриваемы как процессы торможения или как *временные задержки* соотносительной деятельности, которые проявляются, как известно, слабыми внешними эффектами (так наз. *внутренняя речь*, мимика, изменение дыхания, сердечно-сосудистые реакции и т. п.) и которые рано или поздно, освободившись от торможения, перейдут в объективный мир в форме ли пересказа или в форме действий и др. реакций: таким образом в течение известного времени достигнется желаемая полнота объективного изучения личности» (с. 16).

Само собой разумеется, что рефлексология, получившая развитие в России, трактует также о *прирожденных и наследственных рефлексах*, с одной стороны, и о *приобретенных* или *воспитанных* рефлексах – с другой (см. также с. 40 и 41), и о *проторении* (там же, с. 23) путей, и о многом другом, что относится к выяснению механизма, с помощью которого осуществляются сочетательные рефлексы.

Между прочим, в одной из американских работ упоминается, что предложенный мною метод воспитания сочетательных рефлексов у человека путем электрического раздражения руки, совмещаемого со звуком, со светом или другим каким-либо сочетаемым раздражением, будто бы усовершенствован в Америке тем, что раздражение электрическим током путем особо сконструированного прибора производится не в ладонь руки, а в пальцы, но в Америке, очевидно, осталось неизвестным, что уже много лет как у нас в лаборатории при воспитании сочетательных рефлексов на руке, стали применять на специально приспособленном аппарате раздражение электрическим током именно в пальцы руки одновременно со слуховым или каким-либо иным сочетаемым раздражением (Щелованов).

Мы со своей стороны полагаем, что, смотря по цели и случаю, применимы все употребляемые у вас донныне способы воспитания сочетательных рефлексов у человека на звук, свет и другие раздражения с помощью совмещения этих раздражений с действием тока в подошву ноги, в ладонь и в пальцы руки. У нас воспитывались даже сочетательные рефлексы путем совмещения звукового раздражения (электрический звонок) с вызыванием сухожильного рефлекса ударом молоточка по коленному сухожилию, причем после нескольких повторений такого сочетания происходило движение голени вперед при одном лишь звуке электрического звонка, без механического удара по сухожилию (д-р Шевалев).

<Рец. на кн.:> А.А. Жижиленко. Преступность и ее факторы

Впервые: Утренники. Пг., 1922, кн. 2., с. 171.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин*.

**<Рец. на кн.:> Е.В. Тарле. Печать при Наполеоне.
По неизданным материалам**

Впервые: Утренники. Пг., 1922, кн. 2., с. 171–172.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин*.

О псевдореволюционерах, приемлющих революцию

Впервые: Утренники. 1922, кн. II, с. 187-189.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Н. Чаадаев*.

^{1*} Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы» (1830):

Сколько их! Куда их гонят!
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

(Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1981, т. 2, с. 180). — 373

^{2*} В эссе К. Павлова «Россия» (Утренники. 1922, кн. I, с. 3–9) речь идет о различном отношении интеллигенции к революции, о жестокости революции и последовавших за ней событий. — 373

^{3*} Цитата из заключительных строк поэмы А.А. Блока «Двенадцать»:

В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос.

(Блок А.А. Сочинения в 2-х тт. М., 1955, т. 1, с. 534). — 374

^{4*} Отчетливыми словами, совершенно четко (*лат.*). — 374

^{5*} На самом деле это выражение не из басни И.А. Крылова, а из басни И.И. Дмитриева «Муха»:

Бык с плугом на покой тащился по трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» – от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? – мы пахали!»

(Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986, с. 126–127). — 376

«Верую, Господи! Помоги моему неверию!»

Печатается по тексту корректуры, сохранившейся в домашнем архиве П.А. Сорокина вместе с корректурой отсутствующих в России глав книги «Голод как фактор» и предоставленной в наше распоряжение С.П. Сорокиным. Однако сомнение в том, что эта статья является частью книги, было уже у Е.П. Сорокиной, которая не включила ее в текст своего перевода «Голода как фактора». На корректуре имеется надпись, сделанная ее рукой:

«Эта часть представляет из себя скорее фельетон или публицистику. Очень трогательное выражение чувств в то время.

По моему мнению, она не принадлежит к монографии о голоде. Хотя Питирим относил эту форму как часть книги.

Елена Сорокина».

На самом деле это статья, предназначавшаяся для второй книги альманаха «Утренники» (1922), вышедшего под редакцией Д.А. Лутохина. В первой книге альманаха была напечатана речь П.А. Сорокина «Отправляясь в дорогу», которую он произнес 21 февраля 1921 г.

на торжественном собрании, посвященном 103-й годовщине Петербургского университета. Речь Сорокина (как и альманах в целом) подверглась жесткой критике в советской печати. Вторая статья П.А. Сорокина не была допущена к печати за «пессимистическое отношение к будущему России». Рукопись статьи сохранилась в ГАРФ (Ф. 636. Оп. 1, Д. 2) и была опубликована Ю.В. Дойковым в журнале «Отечественные архивы» (1992, № 2, с.47–53).

В качестве названия статьи использовано выражение из Евангелия от Марка (9, 24): «Иисус сказал ему [отцу отрока, одержимого духом немым]: если сколько-нибудь можешь верить, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию».

^{1*} Слова отца Паисия из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», которые неоднократно приводит П.А. Сорокин в своих сочинениях российского периода творчества (с одним и тем же искажением: у Достоевского – «Сие и буди, буди!»). См.: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. СПб., 1895, т. 12, с. 75, 79. — 377

^{2*} *Дальневосточная республика* – независимое государство в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (первоначально со столицей Верхнеудинск), существовавшее в 1920–1922 гг. 15 ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР принял декрет, по которому вся территория ДВР вошла как составная часть в РСФСР. — 377

^{3*} Имеется в виду статья «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию». — 377

^{4*} См. прим. 58* на с. 752. — 381

^{5*} Статья И. Степанова, указанная Сорокиным, не обнаружена. — 382

^{6*} Кандиду (букв.: «простодушному»), герою одноименной философской повести Вольтера, внушил эту максиму философ Панглос, в лице которого Вольтер пародирует философские взгляды Лейбница. — 383

^{7*} Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» (песнь третья). См.: *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1981, т. 3, с. 36. — 383

^{8*} Заключительные строки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума» (1838). См.: *Лермонтов М.Ю.* Сочинения в 4-х тт. М., 1988, т. 1, с. 169. — 384

^{9*} См. прим. 19* на с. 747–748. — 384

^{10*} *Феллахи* – в арабских странах сельское оседлое население (в отличие от бедуинов-кочевников), занятое земледелием. — 385

^{11*} Втор. 28; 16–30, 53, 66–67 (цитируется с неточностями). — 386

^{12*} Цитата из стихотворения А.В. Кольцова «Что ты спишь, мужичок...» (*Кольцов А.В.* Сочинения. М., 1966, с. 185). — 386

^{13*} Имеется в виду брошюра М. Горького «О русском крестьянстве», которая вышла в Берлине в 1922 г. в издательстве И.П. Ладъжникова. Собрав целую «коллекцию» фактов зверской жестокости времен гражданской войны, Горький объяснял их особой жестокостью русского национального характера. П.А. Сорокин назвал в своей книге «Современное состояние России» брошюру М. Горького «однобокой». См. наст. изд., с. 470. — 386

Нравственное и умственное состояние современной России

Впервые: Воля России. Прага, 1922, кн. IV, № 4 (32), 1 ноября, с. 25–33; № 5 (33), 15 ноября, с. 21–32.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Проф. П. Сорокин; Проф. Питурич Сорокин.*

В пятом номере «Воли России» после статьи Сорокина помещена заметка «От редакции» (с. 32–33), подписанная инициалами В.С. (по-видимому, В.В. Сухомлинов), следующего содержания:

Печатаю в № 4 и № 5 интересную статью П.А. Сорокина, редакция «Воли России» отнюдь не разделяет, конечно, всех выводов и обобщений автора.

Тема, затронутая им, велика и нуждается в подробном и всестороннем обсуждении. Мы с интересом ждем появления в свет обещанной П.А. Сорокиным работы «Социология революции» для того, чтобы высказаться по существу, со всей откровенностью и серьезностью, которых заслуживает вопрос о роли революций в истории человеческих обществ.

Пока ограничимся краткими замечаниями, на которые нас вызывает парадоксально-заостренная форма суждений проф. Сорокина о революциях, войнах и «мирном времени» в первой части его статьи, напечатанной № 4 «Воли России» и посвященной «морально-правовым изменениям», происшедшим в результате российской революции.

«Мирная жизнь», по его мнению, как общее правило, «внедряет в население переживания благожелательства, любви к людям, уважения к их жизни, правам, достоинству и свободе. Война и революция вырабатывают и культивируют вражду, злобу, ненависть, посягательства на жизнь, права, свободу и достоинства других лиц».

Отсюда вытекает в конечном итоге не высказываемое автором, но подсказываемое всем ходом его рассуждения, «неприятие революции». <...>

Статья вызвала бурную полемику на страницах русской эмигрантской печати. Перечислим важнейшие отклики:

1*. Трагедия и Вампука [Редакционная передовица] // Руль. 1922, № 597, вторник, 14/1 ноября, с. 1.

2*. *Кускова Е.Д.* А что внутри? // Воля России. 1922, кн. VI, № 6 (34), 1 декабря, с. 28–36; кн. VII, № 7(35), 15 декабря, с. 31–42.

3*. *Петрищев А.* О народной нравственности // Дни. 1922, № 37, 12 декабря, с. 1–2.

4. *Петрищев А.* Еще о нравственности и революции // Дни. 1922, № 45, 21 декабря, четверг, с. 1–2.

5*. *Сухомлин В.* Старая и новая Россия (По поводу ответа П. Сорокина) // Воля России. 1923, № 1, 15 января, с. 40–98.

6. *Брешковская К.* Непримируемое (К спору Сорокин – Петрищев) // Дни. 1923, № 80, 3 февраля, с. 1.

В этой статье «бабушки русской революции», подводящей своеобразный итог развернувшейся полемики, имена Сорокина и Петрищева даже не упомянуты, хотя из ее контекста видно, что Брешковская находится скорее на стороне Сорокина. Вот несколько выдержек из нее:

«<...> должны понять, наконец, слепые, что самый ужас происходящего доказывает только одно: *безмерность мучений народа-гиганта века минувшего, века терпевшего.* Но и теперь, – когда сила необузданного гнева обрушилась на него самого, когда он страдает смертельно от собственного размаха, – и теперь народ все-таки говорит: “много терпели – еще потерпим, лишь бы *прошлое* не вернулось”».

Хорошо же было это прошлое!

Не так, конечно, думают те, которые еще вчера были в верхнем гнетущем пласте народа. “Прошлое” им кажется раем земным по сравнению с тем будущим, за которое народ сейчас распинает себя на кресте. Не свобода, не равенство нужны им, а возврат если не к форме, то во всяком случае к *существованию* старого...

Неудивительно, что две столь противоположные психологии “низов” и “верхов” вызывают различное отношение к одним и тем же историческим явлениям. Народ, не зная истории, чуть-чуть понимает, что решительная борьба за право не пройдет бесследно, что расширит она дорогу к свободе, несмотря на все ошибки, несмотря на все преступления новых насильников...

Отсюда две несовместимые перспективы жизни, между которыми примирения быть не может».

(Статьи, отмеченные звездочкой, см. в «Приложениях» к наст. тому.)

^{1*} См. прим. 56* на с. 752. — 389

^{2*} Ин. 15, 13: Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. — 391

^{3*} См. прим. 58* на с. 752. — 392

^{4*} Христиания – прежнее (до 1924 г.) название Осло. — 395

^{5*} См. прим. 24* на с. 748. — 396

^{6*} От «луна-парк» и «лупанарий».

Луна-парк – разновидность парка развлечений, несколько аттракционов, собранных в одном месте; получил свое название от корабля, участвовавшего в аттракционе «Полет на Луну»; в России первый луна-парк был открыт в мае 1912 г. в Петербурге.

Лупанарий – публичный дом в Древнем Риме; название произошло от латинского слова «волчица» (*lupa*), как в Риме называли проститутку. — 396

^{7*} Неточная цитата из стихотворения С. Надсона «Умерла моя муза!..» (1885):

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокие дни:
Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна!..

Или строка из романа Л. Дризо на слова неизвестного автора. — 398

^{8*} См. прим. 1* на с. 711. — 398

^{9*} Стросвирь – управление по шлюзованию р. Свири и устройству на ней гидроэлектростанций, созданное в 1918 г. — 400

^{10*} В тексте первой публикации опечатка: полевой факультет. — 400

^{11*} *Ярославский лицей* – в 1803–1833 гг. – Ярославское Демидовское училище высших наук, основано по указу Александра I на средства и по предложению П.Г. Демидова. Это было первое высшее учебное заведение в Ярославле и по статусу занимало «первую ступень непосредственно после центральных университетов, в Империи существующих». В 1829 г. на Плацпарадной площади в Ярославле на средства жителей города и других добровольных жертвователей был установлен 12-метровый памятник Демидову («Демидовский столп»). Указом Николая I в 1834 г. училище было преобразовано в Демидовский лицей, который

по уставу находился в ведении Московского университета. В 1868 г. лицей был преобразован в юридический лицей. В начале XX в. лицей ежегодно заканчивало около 100 человек, пятая часть из них как кандидаты права. После Февральской революции с памятника Демидову убрали двуглавого орла (как символ самодержавия). Главное здание лицея сгорело в июле 1918 г. во время подавления Ярославского восстания и было окончательно разобрано в 1929 г., в 1931 г. был демонтирован Демидовский столп. Декретом Совнаркома от 21 января 1919 г. Демидовский юридический лицей был преобразован в Ярославский государственный университет, который в 1924 г. был закрыт в связи с реорганизацией системы образования, вызванной финансовыми трудностями в стране. Открытый повторно в 1970 г. Ярославский государственный университет считается преемником университета начала века и Демидовского вуза. В 1995 г. ему было присвоено имя П.Г. Демидова, а в 2005 г. на прежнем месте был воссоздан Демидовский столп.

Стебутовские курсы – основанные в 1904 г. в Санкт-Петербурге ученым-агрономом И.А. Стебутом Высшие женские сельскохозяйственные курсы, оставшиеся в истории как Стебутовские курсы. В 1917 г. курсы были преобразованы в Стебутовский институт сельского хозяйства и лесоводства. В 1922 г. к Стебутовскому институту были присоединены Петербургские высшие сельскохозяйственные курсы и вечерние агрономические курсы – таким образом сложился Петроградский сельскохозяйственный институт в г. Детское Село (бывшее Царское Село).

Бестужевские курсы (Высшие женские курсы в С.-Петербурге) (1878–1918) – одно из первых женских высших учебных заведений в России; свое неофициальное название курсы получили от фамилии учредителя и первого директора, профессора К.Н. Бестужева-Рюмина. В 1918 г. Бестужевские курсы были преобразованы в Третий Петроградский университет, включенный в сентябре 1919 г. в состав Петроградского государственного университета.

II-й университет – бывший Психоневрологический институт (см. прим. 2* на с. 707). — 400

^{12*} См. прим. 68* на с. 753. — 402

^{13*} См. прим. 69* на с. 753–754. — 402

^{14*} См. прим. 3* на с. 713. — 406

^{15*} См. прим. 4* на с. 714. — 406

Состояние русской социологии за 1918–1922 гг.

Новая русская книга. Берлин, 1922, № 10, с. 7–10.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Пит. Сорокин.*

^{1*} «Голод как фактор» – последняя книга П.А. Сорокина, подготовленная им к печати в Советской России. Книга должна была выйти в свет в 1922 г., но после высылки ученого из страны отпечатанные листы по решению цензуры были уничтожены, а остальной набор рассыпан. Лишь сравнительно недавно книга была полностью восстановлена и наконец-то издана в России. См.: *Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь.* М., 2003. — 409

^{2*} Сорокин умалчивает о своем участии в «Научном обществе марксистов». Его заявление с просьбой о приеме в общество опубликовано в журнале «Социологические исследования», 1987, № 5. — 411

Современная интеллигенция

Впервые: Дни (Берлин). 1922, № 20, 21 ноября, с. 2–3.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Пит. Сорокин.*

В газетной публикации текст статьи сопровождался следующей заметкой: «Помещая интересную статью Сорокина, редакция учитывает субъективизм автора, сказавшийся в оценке им “эволюции интеллигенции”, и надеется ознакомить читателей со взглядами других наблюдателей российской современности. *Ред.*»

«Другие наблюдатели» не замедлили высказаться (все эти статьи – см. в «Приложениях»):
Осоргин М. Новая интеллигенция // Дни. 1922, № 32, 6 декабря, с. 2–3.

Аронсон Г. Самоопределение интеллигенции // Социалистический вестник. 1923, № 5–6 (51–52), 16 марта, с. 3–5.

[*Без подписи*]. Самоопределение интеллигенции // Дни. 1923, № 117, 18 марта, воскресенье, с. 2.

^{1*} См. прим. 1* к рец. «*З.И. Лилина. От коммунистической семьи к коммунистическому обществу*» на с. 712. — 413

^{2*} *Союз русского народа* – массовая черносотенная организация, созданная в России в октябре 1905 г. Основателями ее были А.И. Дубровин (председатель Главного совета), В.М. Пуришкевич, В.А. Грингмут и др. В городах, поселках и деревнях были многочисленные отделы СРН (в 1905–1907 гг. – до 900 отделов). Наиболее крупные из них были в Москве, Одессе, Киеве, Почаевской лавре, Новгороде, Саратове, Астрахани. Главный печатный орган – газета «Русское знамя». СРН был распущен после Февральской революции 1917 г.; Временным правительством была создана Следственная комиссия для разбора его деятельности (см.: *Черновский А.А.* Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 1917. М.–Л., 1929). — 414

^{3*} «*Синяя Птица*» – название пьесы М. Метерлинка (1905) и олицетворение романтического идеала. Поскольку облик сказочной Синей птицы странно совпал с горлицей, принадлежавшей главному герою пьесы Тильтилю и, следовательно, нечто похожее всегда находилось в его хижине, то получается, по Метерлинку, что ценностью обладают только сами поиски, сам поход за Птицей, само желание идеала. — 415

Странные опровержения

Впервые: Руль. Берлин, 1922, № 633, 29 декабря, с. 5.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} Имеется в виду статья А. Петрищева «О народной нравственности», напечатанная в газете «Дни» в № 37 (а не 31, как указано Сорокиным). См. наст. издание, с. 690–692. — 417

^{2*} В указанной статье А. Петрищев, в частности, писал: «Нельзя на основании деталей характеризовать нравственность целого народа» (Цит. по: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин в Праге (1922–1923). Архангельск, 2009, с. 23). — 417

^{3*} Под статьями здесь имеется в виду статья «Нравственное и умственное состояние современной России», печатавшаяся в двух номерах «Воли России» (см. наст. издание, с. 389–407). О докладе, сделанном в Берлине в начале октября 1922 г., см. статью В.Е. Татарнинова «Доклад проф. Сорокина» (наст. изд., с. 645–648), а также две статьи из газеты «Накануне» от 5 октября 1922 г. (см. с. 649–650 и 651–652).

Это самый первый доклад Сорокина, сделанный им после высылки из Советской России. Объявление о нем было помещено в берлинской газете «Руль» (1922, №561, 3 октября, с. 6):

«Доклад П.А. Сорокина. Во вторник, 3-го октября в Ложенгауз, Клейштштрассе 10, состоится устраиваемый союзом журналистов и литераторов в Германии доклад высланного из сов. России профессора Питирима Сорокина на тему “Современное положение России и ее ближайшие перспективы”. После доклада состоится обмен мнениями. Начало в 8 час. вечера. На доклад будут допущены и гости – по рекомендации членов союза».

Напомним, что со дня высылки Сорокина из России (23 сентября 1922 г.) прошло всего десять дней.

Непонятно, правда, зачем нужно было помещать этот анонс в следующем номере той же газеты (т. е. на другой день после того, как доклад уже состоялся), но в нем есть небольшое добавление, проливающее свет на финансовую сторону дела. После упоминания о том, что на доклад будут допущены и гости, следует: «На покрытие расходов по снятию помещения и пр. будет взиматься с членов союза по 20 мар., с гостей – по 50 мар.» (Руль. 1922, № 562, 4 октября, с. 3). — 417

^{4*} Ответ был напечатан; см. наст. изд., с. 503–510. — 418

^{5*} Имеется в виду статья М. Осоргина «Новая интеллигенция» (см. наст. издание, с. 661–665). — 418

^{6*} Цитата из статьи А. Петрищева «На божественном фронте» (Дни. 1922, № 43, 19 декабря, с. 1) — 418

^{7*} См. прим. 64* на с. 753. — 418

Современное состояние России

Книга издана в Праге книгоиздательством «Хутор» в 1922 г. (на обложке – 1923 г.). В России впервые опубликована журналом «Новый мир», 1992, №№ 4–5; затем в сборнике: *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 418–491.

Критические отзывы на книгу:

1*. *Яблоновский А.* // Русский Экономист. Берлин, 1923, № 7–8, январь, с. 49–50.

2. *Брешко-Брешковская Е.К.* Непримируемое (К спору Сорокин – Петрищев) // Дни. 1923, № 80, 3 февраля, с. 1.

3*. *Кадомцев Б.П.* // Русская мысль. Прага-Берлин, 1923, кн. I–II, с. 366–368.

(Рецензии, отмеченные звездочкой, см. в «Приложениях»).

4. *С.* // За Свободу! Варшава. 1923, № 16 (757), 21 января, с. 2–3.

(Статьи, отмеченные звездочкой, см. в «Приложениях» к настоящему тому.)

^{1*} Цитата из стихотворения А. Блока «Рожденные в года глухие...» (8 сентября 1914):

Испепеляющие годы!
 Безумья ль в вас, надежды ль весть?
 От дней войны, от дней свободы –
 Кровавый отсвет в лицах есть.

(Блок А.А. Сочинения в 2-х тт. М., 1955, т. 1, с. 441). — 419

^{2*} О «значении количества населения для судеб государства и общества» Ф. Ратцель, в частности, писал: «В густом населении заключается не только прочность и порука энергичного развития, но и непосредственный стимул культуры. Чем ближе люди соприкасаются между собою, тем ближе они принимают участие друг в друге, тем менее погибает культурных приобретений, тем выше поднимается соревнование в проявлении сил. Умножение и укрепление численности народа находится в самой тесной связи с развитием культуры; редкое население в обширной области связано с низкой культурой; в старых и новых культурных центрах мы видим плотно скученные народные массы» (Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1900, т. 1, с. 11).

С. Бугле – автор книги «Les idées égalitaires» (Paris, 1908), в которой он пытался установить соотношение между демографическими и идеологическими феноменами.

А. Кост в своей книге «L'expérience des peuples» (Paris, 1900) доказывал, что «поступательное движение народонаселения является основной причиной изменений в формах производства» (цит. по: Ковалевский М. Социология. СПб., 1910, т. 1, с. 100). См. также сборник «Народонаселение» (М., 1897), составленный из статей виднейших демографов и социологов своего времени. — 421

^{3*} Т. е. за период с августа 1914 г. (вступление России в мировую войну) до ноября 1920 г. (разгром Красной Армией врангелевских войск в Крыму). Советская историография считает датой окончания гражданской войны весну 1922 г. Сорокин тем не менее считал, что «в 1920 г. война кончилась» (См.: «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию»; наст. изд., с. 200). — 421

^{4*} Данные В.М. Михайловского опубликованы в «Трудах Центрального Статистического управления» (М., 1921, т. 1, вып. 3, с. 4). Вообще данные Михайловского не внушали доверия Сорокину, т. к. он не сообщал источников, на которых основаны его «цифры». С большим доверием Сорокин относился к расчетам другого статистика, С.А. Новосельского, основанным на итогах работы специальной научно-статистической комиссии. — 421

^{5*} Расчеты Сорокина основаны на методике, разработанной Н.А. Умовым в статье «Физические науки и служение человечеству» (Природа. 1913, февраль, с. 149–160). — 424

^{6*} Явление, которое Сорокин называет «отрицательной селекцией», давно известно и не вызывает сомнений. Поэтически эту же мысль выразил Г. Гейне в стихотворении «Валькирии» из цикла «Романсеро»:

Гей, несчастные, поверьте,
 Не спасет броня от смерти;
 Пал герой, глаза смежив,
 Лучший мертв, а худший жив.
 Флаги, арки. Стол накрытый.
 Завтра явится со свитой
 Тот, кто лучших одолел
 И на всех ярмо надел.

(Гейне Г. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1971, с. 205).

Фактически то же самое – применительно к революции – пишет М. Волошин:

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.

(*Волошин М.* «Средоточье всех путей...» М., 1989, с. 212). — 426

^{7*} *Subjectes et debellare superbos* (лат.) – слова из «Энеиды» Вергилия (VI, 853). Ср. перевод С. Ошерова:

Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных! — 426

^{8*} Френсис Гальтон, английский психолог и антрополог, двоюродный брат Ч. Дарвина, под влиянием которого разработал основные положения дифференциальной психологии, объясняющей индивидуальные различия между людьми преимущественно наследственными факторами. На русский язык частично переведена его книга «Наследственность таланта» (СПб., 1875). В другой своей статье Сорокин ссылается на текст оригинала: *Galton F. Hereditary Genius. 1892, p. 30* (см.: наст. изд., с. 187). — 426

^{9*} Трагические судьбы античных героев, перечисленных Сорокиным, рассказаны Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях» (за исключением Сократа, о котором см. «Апологию Сократа» и «Федон» Платона; Ферамен – в современной русской транскрипции Терамен). — 427

^{10*} См. прим. 8* на с. 720. — 427

^{11*} О высылке из страны в 1922 г. большой группы интеллигенции написано обстоятельное исследование М. Геллера «Первое предостережение» – удар хлыстом (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вестник РХД. 1978, № 127. См. также: *Хоружий С.* Философский пароход: Как это было // Литературная газета. 1990, № 19, 9 мая, с. 6; № 23, 6 июня, с. 6; *Колодный Л.* Изгнание философов // Московский комсомолец. 1990, 12 и 13 июня; *Сапов В.В.* Высылка 1922 года: попытка осмысления // Социологические исследования, 1990, № 3 (там же – воспоминания двух «участников» высылки: Б. Харитона и М. Осоргина); Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005. Об обстоятельствах собственной высылки Сорокин подробно рассказывает в автобиографии «Дальняя дорога». М., 1992, с. 140–145. Материалы из архива КГБ о высылке Сорокина см.: Социологические исследования. 1991, № 10, с. 122–124. Ниже приводится документ, который дает некоторое представление о «технологии высылки».

«СПИСОК АНТИСОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ Г. ПЕТРОГРАДА

Июль 1922 г.

1. СОРОКИН ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ – ар[естован], высылается.
2. ИЗГОЕВ (ЛАНДЕ) АЛЕКСАНДР СОЛОМОНОВИЧ – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
3. ЗУБАШЕВ Е.Л. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
4. БРУЦКУС БОРИС ДАВИДОВИЧ – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
5. КАГАН А.С. – ар[естован], высылается, отпущен на свободу для ликвидации дел.
6. ЛУТОХИН Д.А. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.

7. ПУМПЯНСКИЙ Л.М. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
8. ФРОМЕТ – не разыскан.
9. ЗАМЯТИН Е[ВГЕНИЙ] ИВАНОВИЧ – арестован, высылка отсрочена впредь до особого распоряжения – постановление Комиссии т. Дзержинского от 31/8 с. г.
10. ПЕТРИЩЕВ А.Б. – ар[естован], высылается.
11. БУЛГАКОВ С[ЕРГЕЙ] НИКОЛАЕВИЧ – не разыскан.
12. ВОЛКОВЫССКИЙ Н.М. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
13. ХАРИТОН БОРИС – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
14. ЧААДАЕВ – не разыскан.
15. КАРСАВИН ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ – арестован, подлежит высылке, на свободе для ликвидации дел.
16. ЛОССКИЙ НИКОЛАЙ ОНУФРИЕВИЧ – ар[естован], высылается.
17. ГУТКИН А.Я. – ар[естован], высылается, на свободе для ликвидации дел.
18. КАНЦЕЛЬ ЕФИМ СЕМЕНОВИЧ – высылка приостановлена впредь до получения от тов. Циперовича ручательства и обоснования такового. Постановление Комиссии 31/8 1922 г.
19. ЗБАРСКИЙ ДАВИД СОЛОМОНОВИЧ – не разыскан.
20. САДЫКОВА Ю.Н. – ар[естована], подлежит высылке, на свободе.
21. БРОНШТЕЙН ИСАЙ ВСЕЕВИЧ – ар[естован], высылается, на свободе.
22. ПАВЛОВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ – не разыскан.
23. КАРГЕНС НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ – ар[естован], подлежит высылке, на свободе.
24. СОЛОВЕЙЧИК ЭМАНУИЛ БОРИСОВИЧ – не разыскан».

(История России. 1917–1940. Хрестоматия. Сост. В.А. Мазур и др., под ред. М.Е. Гловацкого. Екатеринбург, 1993)

Этот документ, составленный в Петроградской ЧК, интересен, помимо всего прочего, тем, что П.А. Сорокин присутствует в нем в двух своих ипостасях – под своей настоящей фамилией и под псевдонимом Чаадаев. Неудивительно, что чекистам не удалось его разыскать. — 427

^{12*} См.: Galton F. Hereditary Genius. 1892, p. 329–330. — 428

^{13*} Сорокин имеет в виду книгу: Starch D. Educational Psychology. 1920, на которую он написал рецензию, опубликованную в журнале «Экономист», 1922, № 3 (см. наст. издание, с. 286–287) — 428

^{14*} См. прим. 4* на с. 714. — 428

^{15*} См. прим. 1* на с. 742. — 430

^{16*} См.: Осипов В.П. О душевных заболеваниях в Петрограде // Известия здравоохранения Петроградской трудовой коммуны. 1919, № 7–12; Горовой-Шалтан В.А. К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. 1922, № 2 и его же статью в газете «Врачебное дело» от 1 февраля 1921 г. — 431

^{17*} Перефразированные слова Иисуса Христа: «Да минует Меня чаша сия» (Мф. 26, 39). — 431

^{18*} Равенство, братство, свобода (*фр.*). — 432

^{19*} Версальский договор, которым закончилась Первая мировая война, был подписан 28 июня в Версале (Франция). Согласно этому договору Германия лишалась части своих тер-

риторий, всех африканских колоний, передавала большую часть своего флота державам-победительницам, сокращала численность вооруженных сил до 100 тыс. человек и обязывалась выплатить огромные репарации. — 432

^{20*} См. прим. 1* на с. 712. — 432

^{21*} См. прим. 23* на с. 725. — 433

^{22*} Status quo ante (*лат.*) – прежнее состояние. — 434

^{23*} Протоиерей Владимир Красницкий и обер-прокурор Синода В.Н. Львов – деятели так называемого обновленческого движения. — 434

^{24*} Urbi et orbi (*лат.*) – букв.: Городу (т. е. Риму) и Миру; в переносном смысле: на весь мир. — 436

^{25*} Втор. 28, 53. Жуткие факты людоедства во время голода 1921–1922 гг. Сорокин приводит в своей книге «Голод как фактор», с. 155. См. также: *Сорокин П.* Дальняя дорога. М., 1992, с. 138–140.

В своих описаниях голода Сорокин нисколько не сгущает краски. В доказательство приведу лишь одну заметку (не самую страшную), опубликованную в «Красной газете» 11 мая 1922 г. (№ 103, с. 3). Заметка озаглавлена «На голоде»:

«Голод начинает чувствоваться от Вятки.

На ст[анции] Екатеринбург куча детей, вернее, тени их, изнеможенные матери и такие же отцы валялись на своем жалком скарбе, с потухшими глазами.

Каждый день с вокзала выносятся трупы.

От Екатеринбурга начинает появляться лебедовый хлеб. Сам город не похож на голодающую местность.

У Челябинска картина становится кошмарнее. Проезжая через некоторое время эти же станции, в I и II классах вы уже не встречаете голодных, так как их не пускают, чтобы не портили аппетита нэповцам.

В Челябинске из беседы с заведующим губздравотделом выяснилось, что у них имеются врачебно-питательные пункты в довольно большом количестве.

Так, например, в Верхнеуральском уезде – 25, а в Троицком – 13.

Я с отрядом выехал в г. Троицк для обследования существующих пунктов и организации новых.

По дороге в город встретились двое ребятишек, везших на саночках труп матери, а также подводы с наваленными трупами. Здесь же, на улице, происходит ловля собак, которых едят. На базарах продается лебеда, мох и др. в пищу. Врачебно-питательный пункт представляет из себя кошмарную картину. Какая-то плохая ночлежка. Лестницы и палаты полны человеческими испражнениями, на нарах лежат человекоподобные существа, с опухшими ногами, со впалыми глазами, некоторые из них с пролежнями, в которых кишат паразиты, с гангрененой пальцев, психически больные, а рядом с этими лежат по несколько дней неубранные трупы.

Рядом с палатой находится мертвецкая, где в момент обследования находились десять совершенно разложившихся трупов.

$\frac{1}{4}$ ф[унта] хлеба и какой-то жидкости, называемой супом, кипятком не существует. Больные, которые еще могут ходить, ловят собак и кошек и едят.

Людоедство с каждым днем прогрессирует и прогрессирует, так, например, двое гимназистов съели своего товарища. На вопрос, зачем они это сделали, они ответили:

– Мы не в состоянии были больше ловить собак и кошек, и когда он пришел, то мы его убили и сварили.

В настоящий момент приехали АРА и международный рабочий комитет и развертывают свою деятельность по улучшению питания детей, а взрослое население по-прежнему остается обреченным на гибель, и этому некогда столь богатейшему краю предстоит полное вымирание.

Нужны не врачебно-питательные отряды, так как их работа сводится к нулю за отсутствием хлеба, а только деньги, деньги. На них существующие столовые сумеют накормить, а больницы расширят свой коечный аппарат.

Отряды же слишком дорого стоят и мало дают.

Голодающие молят о спасении. Неужели эти стоны не доходят до вас?

Мой долг, как работающего среди кошмара голода и людоедства, кричать о помощи.

Врач *И. Шлеймович*. *Гор. Троицк*. Март 1922 г.». — 437

^{26*} Те, Deus, laudamus! Ave, Revolutio, morituri te salutant! (*лат.*) – Тебя, Господь, хвалим! Радуйся, Революция, идущие на смерть приветствуют тебя! Последняя фраза – слегка измененное приветствие римских гладиаторов перед началом состязания: «Радуйся, Цезарь...» — 437

^{27*} В данный период Политбюро из пяти человек существовало в двух составах: в марте 1919 г. по итогам VIII съезда были избраны: В.И. Ленин (Ульянов), Л.Б. Каменев (Розенфельд), Л.Д. Троцкий (Бронштейн), И.В. Сталин (Джугашвили), Н.Н. Крестинский; 22 марта 1921 г. – Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин, Г.Е. Зиновьев (Е.-Г.А. Апфельбаум). См.: *Шануро Л.* Коммунистическая партия Советского Союза. L.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990, с. 882. — 437

^{28*} В книге «Старый порядок и революция» (русский перевод 1918 г.), на которую ссылается Сорокин, А. де Токвиль утверждал, что ликвидация феодализма во Франции была возможна и без революции. — 437

^{29*} П.А. Сорокин здесь не совсем точен. В журнале «Экономист» в 1922 г. он опубликовал следующие статьи: «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию» (№ 1), «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества» (№ 2), «Голод и идеология общества» (№ 4–5). Этой же проблематике посвящены и его статьи в «Артельном деле»: «Голод и убеждения (идеология) человека» (1921, № 9–16), «Война и милитаризация общества» (1922, № 1–4). — 438

^{30*} В 1921 г. В.И. Ленин сделал несколько докладов о продналоге: на X съезде РКП(б), на X Всероссийской конференции РКП(б), на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губ. Кроме того, им была опубликована брошюра «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)». Все эти доклады и брошюру см. в т. 43 Полн. собр. соч. В.И. Ленина. — 438

^{31*} *Преторианцы* – в Древнем Риме привилегированные войска, предназначенные для личной охраны императора. Сорокин называет преторианцами «чоновцев» (см. прим. 32*). — 442

^{32*} Точнее: Части особого назначения (ЧОН) – военно-партийные отряды, созданные по постановлению ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. для оказания помощи органам Советской власти в борьбе с контрреволюцией. В их функцию входили и карательные операции. В 1921 г. в ЧОН числилось кадрового состава 39 673 человека и переменного 327 372 человека, что в сумме дает число весьма близкое к названному Сорокиным. Подробнее см. статью И. Найды «Части особого назначения» (Военно-исторический журнал. 1969, № 4). — 443

^{33*} Речь идет, разумеется, об издании книги «Социология революции» на русском языке. — 445

^{34*} Не совсем точная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Дума» (1838). У Лермонтова: «Насмешкой горькою...». — 446

^{35*} Выражение из статьи М.А. Бакунина «Реакция в Германии»: «Дух разрушающий есть вместе с тем и дух созидающий» (*Бакунин М.А. Сочинения и письма*. М., 1987, с. 226). — 450

^{36*} Эта работа П.А. Сорокина не была опубликована. — 451

^{37*} Отношение Сорокина к личности и реформам Петра I («революционера на престоле», по определению А.С. Пушкина) было резко отрицательным. Показательны в этом отношении его статья в журнале «Экономист» (1922, № 1) и речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 г. — 451

^{38*} *Этатизм* (от *фр.* état – «государство») – политическая доктрина, согласно которой государство рассматривается как высший результат и цель общественного развития. «Государство – все, личность гражданина – ничто» – такова формула «предельного» этатизма. Сущность этатизма в той его форме, в какой он сложился в России после революции, очень хорошо выразил академик И.П. Павлов: «Мы живем под господством жесткого принципа: государство, власть – все... личность обывателя – ничто. Жизнь, свобода, достоинство, убеждения, верования, привычки, возможность учиться, средства к жизни, пища, жилище, одежда – все это в руках государства. А у обывателя только беспрекословное повиновение» (цит. по: Звезда. 1989, № 10, с. 116). — 452

^{39*} Согласно правилам, опубликованным в России 25 октября 1915 г., органам власти предоставлялось право выявлять продовольственные запасы на местах, вести их учет, осматривать торговые книги, документы, рынки и склады, вплоть до права реквизиций и секвестра. Именно эту дату П.А. Сорокин считает «днем рождения» принудительного этатизма в России. См.: *Сорокин П.А. Голод как фактор. Сыктывкар*, 2014, с. 388. — 452

^{40*} См. прим. 3* на с. 745. — 453

^{41*} *Кронштадтское восстание* (28 февраля – 18 марта 1921 г.) проходило под лозунгом «Вся власть Советам, а не партиям!» (или «Советы – без коммунистов!»). Вместе с «антоновщиной» (крестьянским восстанием в Тамбовской губернии) Кронштадтское восстание послужило наиболее серьезной причиной, вынудившей большевиков ввести НЭП. Подробнее см.: *Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа*. М., 1973; *Семанов С.Н.* 18 марта 1921 г. М., 1977; *Шишкина И.* Кронштадтский мятеж 1921 года: «неизвестная революция»? // Звезда. 1988, № 6. — 454

^{42*} Парафраз цитаты из стихотворения Михалевича, персонажа романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»:

Новым чувствам всем сердцем отдался,
Как ребенок, душою я стал:
И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

(*Тургенев И.С. Собрание сочинений в 6-ти тт.* М., 1968, т. 2, с. 75, 85). — 454

^{43*} Следовательно, чтобы «сказанное» не случилось, нужно, чтобы «сытость» не росла и шла война (или хотя бы сохранялась угроза войны). Трудно отделаться от мысли, что в утверждении Сорокина, прочитанном наоборот, заключена вся политическая и экономическая программа деятельности Сталина и его эпигонов. — 454

^{44*} См. прим. 24* на с. 748. — 456

^{45*} Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938), основатель и первый президент Турецкой республики, в 1920 г. установил дипломатические отношения с Советской Россией, между двумя странами был заключен договор «о дружбе и братстве». С Афганистаном в 1921 г. был подписан договор о дружбе, по которому РСФСР предоставила Афганистану право свободного и беспошлинного транзита грузов через свою территорию. В ноябре 1920 г. в Армении при содействии частей Красной Армии, расположенных в Азербайджане, было свергнуто правительство дашнаков и установлена Советская власть. В Болгарии в 1920–1923 гг. сохранялось неустойчивое внутривластное положение, чем хотели воспользоваться российские коммунисты для установления советской власти в Болгарии. Эти стремления, однако, не увенчались успехом: летом 1923 г. в Болгарии произошел фашистский переворот. — 456

^{46*} См. прим. 3* на с. 725–726. — 456

^{47*} Ошибка (или описка) П.А. Сорокина: статья Б. Дюшена «Изгнание интеллигентов», из которой приведена цитата, была опубликована в № 195, а не 175 газеты «Накануне» (см. наст. изд., с. 654–660). Вообще этот орган «сменовеховства» относился к Сорокину резко отрицательно (как, впрочем, и он к «сменовеховству»), о чем свидетельствуют четыре статьи из газеты «Накануне», помещенные в Приложениях к наст. изданию (с. 649–660). См. также: Накануне. 1922, № 182, 10 ноября, с. 2 (Русские за рубежом. В Праге); Накануне. 1922, № 187, 16 ноября, с. 1 (Передовая статья). — 456

^{48*} Вот вкратце события 1918 г. – самого бурного года в жизни Сорокина: после ареста 2 января он провел 57 дней в Петропавловской крепости вместе с бывшими министрами Временного правительства. После освобождения он прибыл в Москву, где, в частности, встретился со скрывавшимся там А.Ф. Керенским. В конце мая Сорокин, как член Учредительного собрания и Союза возрождения России, отправился с антибольшевистской миссией в Великий Устюг, Вологду и Архангельск. Миссия Сорокина, однако, не увенчалась успехом, и он вынужден был два месяца скрываться в северо-двинских лесах. Здесь, вдали от цивилизации, он много размышлял о революции, о политике и самом себе и избавился от многих «соблазнительных иллюзий». Именно тогда, вероятно, им и было написано его «отречение». После этого, не желая подвергать риску скрывающихся его людей, Сорокин добровольно сдался властям. В тюрьме великоустюжской ЧК, ожидая расстрела, он пробыл до середины декабря 1918 г. 12 декабря его вызвали на допрос и ознакомили со статьей Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». По личному распоряжению Ленина Сорокин был доставлен в тюрьму Московской ЧК и здесь освобожден. Своим «чудесным» избавлением от смерти Сорокин обязан отчасти и случайным обстоятельствам. В великоустюжской тюрьме его узнал один большевистский комиссар, бывший его студент. Он отправился в Москву и сообщил Пятакову и Карахану, бывшим университетским друзьям Сорокина, о вынесенном ему приговоре. Те немедленно отправились к В.И. Ленину и, ознакомив его, видимо, с «отречением» Сорокина, добились освобождения своего товарища. В Москве Сорокин пришел на квартиру к своему лучшему другу Н.Д. Кондратьеву, который нашел его постаревшим на двадцать лет. На этом политическая деятельность Сорокина закончилась. Через несколько дней после освобождения он вернулся в Петроград и приступил к чтению лекций в университете. — 456

^{49*} Сорокин имеет в виду статью В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», опубликованную в «Правде» 21 ноября 1918 г. (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 188–197), и выступление Ленина на вечере, устроенном в его честь, в котором он вкратце пересказал содержание указанной выше статьи в той ее части, что непосредственно касалась Сорокина (Правда, 22 ноября 1918, с. 3). 28 ноября 1918 г. в «Правде» была опубликована статья Л. Сосновского «Питирим Сорокин и Евгений Трупп (Из настроений народнической

интеллигенции)», в которой автор выдвигал следующую версию «отречения» Сорокина: «На Сорокина, по-видимому, отрезвляюще подействовало поведение “союзников” в Архангельске, где англичане без всяких церемоний сбросили эсеров и меньшевиков, посадив на их место черносотенных генералов-монархистов. Всякий честный, не продавшийся англичанам человек должен был на месте Сорокина придти к мысли, что союзники нисколько не лучше Вильгельма “освобождают” русский народ и что политика партии, построенная всецело на союзниках, ведет к закабалению народа все теми же империалистами, только под другой маркой». — 457

^{50*} См. статью П.А. Сорокина «“Смена вех” как социальный симптом» (наст. изд., с. 103–108). — 457

^{51*} Статья П.А. Сорокина, напечатанная в журнале «Экономист» (1922, № 1), – «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формацию». Резкая ее критика содержится в статье В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма» (Под знаменем марксизма. 1922, № 3; см. наст. изд., с. 635–642).

С марксистских позиций с критикой в адрес Сорокина выступили М.В. Серебряков в книге «Зомбарт и социология» (Л., 1928), И. Боричевский (Книга и революция. 1921, № 4), В.И. Невский (Красная новь. 1921, № 2; Под знаменем марксизма. 1922, № 7–8), М. Рейснер (Печать и революция. 1921, кн. 21). Подробнее о марксистской критике П.А. Сорокина см. в статье С.С. Бормотова «Борьба советских ученых-марксистов против социологических идей П. Сорокина в первые послеоктябрьские годы (1917–1922)» (Философские науки. 1971, № 3). — 457

^{52*} Что позволено Юпитеру, не позволено быку (*лат.*). — 457

^{53*} На Генуэзской и Гаагской конференциях 1922 г. (10 апреля – 19 мая и 15 июня – 19 июля соответственно) представители советских делегаций, возглавляемых в Генуе Г.В. Чичериным, в Гааге – М.М. Литвиновым, пытались установить дипломатические отношения Советской России с рядом западных государств. Отношения были установлены только с Германией (что на много лет предопределило «прогерманскую» ориентацию внешней политики Советского Союза). Остальные попытки не увенчались успехом. — 459

^{54*} Процесс по делу правых эсеров проходил в июле-августе 1922 г., в том же году прошли два церковных процесса: петроградский (9 июня – 5 июля) и московский (26 апреля – 7 мая). Подробнее о них см. в 9-й главе 1-й части «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, а также «Дело митрополита Вениамина (Петроград, 1922)». М., 1991. — 461

^{55*} См. прим. 1* на с. 739. — 463

^{56*} *Карлейль Т. Sartor Resartus*. М., 1902, с. 41. — 463

^{57*} Ср. современный перевод Г.А. Стратановского: *Фукидид*. История. Л., 1981, с. 146–149. — 465

^{58*} В докладе на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. В.И. Ленин сказал: «У политически просвещенного народа взятки не будут, а у нас они на каждом шагу» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 44, с. 172). — 467

^{59*} В книге И. Тэна «Происхождение современной Франции» (русский перевод: 1907, т. 1–7) резко осуждается якобинская диктатура и по существу вся Великая французская революция. — 468

^{60*} См. выше, прим. 51*. — 469

^{61*} Имеется в виду брошюра М. Горького «О русском крестьянстве», которая вышла в Берлине в 1922 г. в издательстве И.П. Ладыжникова. Ее критике посвящена статья П.А. Сорокина «О псевдореволюционерах, приемлющих революцию». — 470

^{62*} Имеется в виду покушение (Ф. Каплан) на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. на заводе Михельсона. В тот же день в Петрограде был убит эсером председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. В. Володарский был убит эсером в Петрограде 20 июня 1918 г. О числе расстрелянных заложников см.: *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990, с. 24–45. Сам С.П. Мельгунов ссылается на Лациса, по словам которого, за вторую половину 1918 г. было расстреляно 4,5 тыс. человек. — 470

^{63*} Имеется в виду статья Е.Д. Кусковой «А что внутри» (см. «Приложения», с. 673–689). — 471

^{64*} *Кандид* – наивный и простодушный персонаж одноименной «философской повести» Вольтера, который принимает на веру слова философа Панглоса о том, что «все происходит к лучшему в этом лучшем из возможных миров». — 472

^{65*} См. прим. 24* на с. 748. — 472

^{65a*} См. прим. 7* на с. 741. — 474

^{66*} Так проходит земная слава (*лат.*). — 475

^{67*} Е.Ю. Рапп рассказывает, что, когда Н.А. Бердяев был вызван вместе с ней на принудительные работы, он «был болен, у него была высокая температура. В 5 ч. утра нам нужно было встать и идти на перекличку. Было 35 гр. мороза. В холодном, темном помещении с низким потолком, едва освещенном керосиновыми лампами, собралась толпа “буржуев”. Каждого вызывали, выкрикивая номера. Плохо одетые люди, дрожащие от холода, измученные лица, позвякивание ружей, злые окрики командующего... Все напоминало одну из сцен дантовского ада. После переклички нас выстроили в колонны и, окруженных солдатами, как каторжан, погнали за несколько верст, за город, колоть лед и очищать от снега железнодорожный путь. Когда мы дотащились до вокзала, мужчин отделили от женщин. Мужчины должны были колоть лед тяжелыми ломami, женщины – нагружать этими глыбами вагоны. Около каждого вагона поставили двух женщин. Вместе со мной работала молоденькая девушка. Я никогда не забуду ее лица. В коротенькой кофточке и легких ботинках, посиневшими, дрожащими руками она подымала ледяные глыбы, из глаз ее текли слезы. В сумерки мы закончили погрузку. Я подошла к Н.А. Измученный, бледный, он едва держался на ногах. Целый день мы ничего не ели. По окончании работы нам выдали по кусочку черного хлеба» (*Бердяев Н.А.* Самопознание. Париж, 1949, с. 252–253). Таким образом, Сорокин совершенно прав, считая такого рода работу «медленной смертной казнью». Нет ничего удивительного поэтому, что «безвременную кончину» проф. И.А. Покровского «врачи приписали усиленной носке дров» (*Вестник литературы.* 1920, № 4–6 (16–17), с. 24). — 477

^{68*} АРА (Американская администрация помощи), Нансеновский комитет и Христианский союз молодых людей – организации, оказавшие Советской России огромную помощь во время голода 1921–1922 гг. Этим организациям Сорокин посвятил свою книгу «Голод как фактор». — 478

^{69*} Имеется в виду дело так называемой Петроградской боевой организации, которую возглавлял проф. В.Н. Таганцев. В «профессорскую группу» этой организации входили ректор Петроградского университета проф. Н.И. Лазаревский, кн. Д.И. Шаховской, царский министр юстиции С.С. Манухин, проф. М.М. Тихвинский и другие. Н.С. Гумилев входил в состав «офицерской группы». Дело это, по-видимому, было сфабриковано следователем

Петроградской ЧК Я. Аграновым («Агранычем») – впоследствии близким «другом» Маяковского). По этому делу к В.И. Ленину поступали многочисленные заявления и ходатайства в защиту многих участников «заговора». На ходатайство в защиту проф. М.М. Тихвинского Ленин наложил бессмертную резолюцию: «Химия и контрреволюция не исключают друг друга» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. 53, с. 169). По делу ПБО было арестовано свыше 200 человек. Многие из них, в том числе Таганцев, Лазаревский и Гумилев, были расстреляны. — 478

^{70*} См. прим. 11* на с. 746–747. — 478

^{71*} См. прим. 1* на с. 742. — 480

^{72*} Решительно, прямо (*лат.*). — 482

^{73*} См. прим. 4* на с. 714. — 482

^{74*} См. прим. 7* на с. 727. — 484

^{75*} Имеется в виду речь Сорокина на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петроградского университета 21 февраля 1922 г., напечатанная в первой книге альманаха «Утренники» (1922) под названием «Отправляясь в дорогу». См. наст. изд., с. 289–293. — 485

^{76*} Под «ограблением церквей» П.А. Сорокин имеет в виду насильственное изъятие церковных ценностей под предлогом необходимости помощи голодающим. Насильственное изъятие происходило по личному указанию В.И. Ленина и осуществлялось (как и было задумано с самого начала) с величайшей жестокостью. Письмо Ленина по поводу предстоящего изъятия церковных ценностей, адресованное членам Политбюро, опубликовано – после многолетнего заговора молчания – в России почти одновременно в еженедельнике «Собеседник» (1990, № 16), журналах «Наш современник» (1990, № 4) и «Известия ЦК КПСС» (1990, № 4). О московском и петроградском церковных процессах см. примеч. 54*. См. также статью прот. Льва Лебедева «Церковь на Голгофе» (Советская литература. 1990, № 1, с. 80).

Официальная информация об изъятии церковных ценностей появлялась в газетах после начала «кампаний» почти каждый день. 19 мая 1922 г. «Красная газета», например, поместила заметку «Изъятие ценностей в Исаакиевском соборе», в которой писалось следующее: «Вчера происходило изъятие ценностей из Исаакиевского собора. Между прочим взяты гробница из-под плащаницы, много подсвечников и ризы с икон. Изъятые ценности на двух грузовых автомобилях доставлены непосредственно в губфинотдел, где производится точная опись и взвешивание их».

Как часто бывает в истории, трагическое соседствует с фарсом. Здесь же читаем забавную статейку под названием «Очередная провокация»:

«В последние дни усиленно распространяются нелепые слухи о вскрытии гробниц в Петропавловском соборе, причем якобы оказалось, что Петр Первый лежит как живой.

Распространители этих провокационных слухов связывают вскрытие гробниц с изъятием ценностей – их будто бы искали и в гробницах, будто с Екатерины Второй сняли жемчужный браслет, а у Петра Первого хотели снять кольцо с руки, но тут произошло “чудо”: “Петр Первый сжал руку и показал кулак”.

Чтобы положить конец этой злостной клевете, являющейся, очевидно, делом тех, кто организует “протесты” против изъятия церковных ценностей и личность которых достаточно выяснили судебные процессы последнего времени, комендатура Петропавловской крепости заявляет, что ничего подобного в действительности не было».

Вопреки грозному заявлению, хочется верить, что – было. — 486

^{77*} Спаси, Господи (*греч.*) – начало молитвы. — 487

^{78*} Имена этих священников – А.И. Введенский, В. Красницкий, Калиновский, Белков и псаломщик Стадник. Первый их визит в Донской монастырь к находившемуся в то время под следствием патриарху Тихону состоялся 12 мая 1922 г. и не дал никаких результатов. 18 мая они вторично посетили патриарха Тихона, который на этот раз согласился передать церковные дела митрополиту Агафангелу, которого он назначил своим преемником. Вместо этой передачи означенные выше священники организовали собрание Живой Церкви, на котором приняли решение о созыве поместного собора. — 487

^{79*} Журнал «Экономист» – орган промышленно-экономического отдела Русского технического общества – выходил с конца 1921 до июня 1922 г. (издание прекратилось на 5-м номере). Журнал по неосторожности главного редактора Д.А. Лутохина привлек внимание В.И. Ленина. В письме к Дзержинскому от 19 мая 1922 г. Ленин писал по поводу журнала «Экономист»: «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все – законнейшие кандидаты на высылку за границу» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. 54, с. 265–266). Если не видеть воочию тот «список сотрудников» журнала, на который Ленин советует Дзержинскому обратить внимание, то может сложиться впечатление, что Ильич имеет в виду какую-нибудь незначительную кучку «белогвардейцев», насчитывающую пять-шесть, максимум десять-двенадцать человек. Это заблуждение: список лиц, привлеченных к участию в «Экономисте», насчитывает 53 (пятьдесят три!) человека. Вот он полностью: Н.А. Бердяев, А.Д. Брейтерман, Б.Д. Бруцкус, А.И. Буковицкий, С.Н. Булгаков, Я.М. Букшпан, А.Н. Вентцель, Б.Б. Веселовский, П.П. Гензель, В.Э. Ден, В.Я. Железнов, К.Я. Загорский, А.К. Зайцев, С.И. Зверев, Е.Л. Зубашев, А.С. Изгоев, Я.А. Канторович, Л.Б. Кафенгауз, И.А. Кириллов, В.И. Ковалевский, Н.Д. Кондратьев, Н.А. Крюков, И.М. Кулишер, С.М. Левин, В.В. Леонтьев, Я.Б. Лившиц, Л.Н. Лимошенко, Д.А. Лутохин, А.А. Мануйлов, Л.Н. Маррес, Н.В. Монахов, И.Х. Озеров, К.А. Пажитнов, П.А. Пальчинский, С.А. Первущин, М.Я. Пергамент, А.С. Посников, А.Н. Потресов, Д.Д. Протопопов, Л.М. Пумпянский, Н.Г. Петухов, А.Л. Рафалович, М.Н. Соболев, С.И. Солнцев, П.А. Сорокин, Е.В. Тарле, В.Н. Твердохлебов, М.П. Федотов, А.Н. Фролов, Г.Ф. Чиркин, Н.Н. Шапошников, В.М. Штейн и др. — 489

^{80*} Имеется в виду обед, устроенный в честь Г. Уэллса в ноябре 1920 г. Евг. Замятин в своем очерке «Уэллс» дает краткое описание обеда и приводит список лиц, принимавших в нем участие: «Петербургские писатели и журналисты принимали Уэллса в Доме Искусств. Наскоро организованный обед превратился в торжественное чествование английского гостя с целым рядом речей. Говорили по-русски: А.В. Амфитеатров, В.Д. Боцяновский, А.С. Грин, М. Горький, И. Пунин, П. Сорокин, К.И. Чуковский, В.Б. Шкловский; по-английски: Ю.П. Данзас, Евг. Замятин, С.Ф. Ольденбург, В.А. Чудовский; речи говоривших по-русски – переводились Уэллсу» (*Вестник литературы.* 1920, № 11(23), с. 16). — 491

^{81*} См. прим. 7* на с. 727. — 493

^{82*} *Евразийцы* – Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский и П.П. Сувчинский, издавшие в Софии в 1921 г. сб. статей «Исход к Востоку», в котором доказывалось, что Россия как Евразия – это особый этнографический мир. Подробнее см.: *Хоружий С.С.* Россия, Евразия и отец Георгий Флоровский // *Начала.* М., 1991, № 3. — 493

^{83*} «Протоколы сионских мудрецов» были впервые изданы в России С. Нилусом в 1905 г. и затем неоднократно переиздавались (до революции). В «Протоколах» якобы излагается программа завоевания мира евреями. В настоящее время большинство исследователей признают текст «Протоколов» фальшивкой. Подробнее см.: *Кон Н.* Благословение на геноцид. М., 1991. Одним из первых разоблачителей фальшивок был близкий друг Сорокина Ю. Де-

левский, который в 1923 г. в Берлине издал книгу «Протоколы сионских мудрецов. История одного подлога». Весьма вероятно, что Сорокин был осведомлен об этой работе.

Из последних переизданий «Протоколов» укажем репринт книги: *Нилус С.* Грядущий антихрист и царство дьявола на земле. Сергиев Посад, 1911, а также: *Нилус С.* Великое в малом. Ново-Николаевск, 1993. — 494

^{84*} Перефразированный девиз партии эсеров: «В борьбе обрешь ты право свое». — 496

^{85*} В зародыше, в будущем (*лат.*). — 496

^{86*} Здесь: по охвату (*лат.*). — 497

^{87*} П.А. Сорокин приводит цитаты из заключительной главы книги Г. Лебона «Психология социализма» (СПб., 1908), один из параграфов которой имеет название: «Что обещает успех социализма тем народам, среди которых он восторжествует». Цитаты, подобранные Сорокиным, дают вполне ясное представление о том, что именно обещает успех социализма означенным народам. Исчерпав все логические аргументы против социализма, Лебон тем не менее с сожалением вынужден признать, что одной только логикой победить социализм нельзя. И поэтому, продолжает он, «нужно, чтобы хотя бы одна страна испытала его на себе в наизидание всему миру. Это будет одна из тех экспериментальных школ, которые в настоящее время одни только могут отрезвить народы, зараженные болезненным бредом о счастье, по милости лживых внушений жрецов новой веры.

...Если это произойдет в Европе, то все заставляет предполагать, что жертвою его будет бедная (!), наполовину разоренная (!!) страна, как, например... (?!!) Италия» (Указ. соч., с. 371). Ошибка Лебона, указавшего «не ту страну», связана с тем обстоятельством, что ко времени написания им «Психологии социализма» тенденция «затягивания» социализма все дальше на восток еще не совсем обозначилась. И, пожалуй, никто в то время не мог предвидеть, что социализм, легким зефиром пропорхав над породившей его Европой, безжалостным бореem обрушится на Восток, и чем дальше на восток, тем безжалостнее будет этот бой, достигнув на сегодняшний день максимума жестокости в несчастной Кампучии. За этим малым исключением во всем остальном мудрый провидец Лебон оказался прав. И совсем не зря он в течение долгих десятилетий числился в советских словарях и энциклопедиях как «эклектик» и «реакционер». — 498

^{88*} Перефразированные слова Ивана Карамазова из романа Ф.М. Достоевского, восходящие в свою очередь к высказыванию В.Г. Белинского. — 498

^{89*} О родителях и о происхождении П.А. Сорокина см. статью А.В. Липского в 1-м томе «Системы социологии» (М., 1993). Отец Сорокина «Александр Прокопьев Сорокин» согласно записи в метрической книге турьинской Воскресенской церкви имел «звание» мещанина (Социологические исследования. 1990, № 2, с. 120).

Здесь же Сорокин использует формулу, зафиксированную в его официальной биографии как кандидата в члены Учредительного собрания. В Вологде в 1917 г. была издана брошюра «К выборам в Учредительное собрание по Вологодской губернии», где на последней, 22-й странице напечатана краткая биография Сорокина (написанная, вероятнее всего, им самим):

«Родился в 1889 году. Отец – ремесленник, мать – крестьянка. Детство провел в зырянах, работая с отцом и выполняя крестьянскую работу. С 11 лет остался круглым сиротой и с тех пор жил своим трудом, много голодал.

Сам научился грамоте. Кончил сельскую школу в с. Палевицах. Потом учился в Гамской второклассной школе. По окончании ее поступил в Хреновскую церковно-учит[ельскую] школу. По зимам учился, а летом занимался крестьянской работой, помогая своей тетке, крестьянке А. Римских, в д. Римье, Яренского у[езда]. В партию соц[иалистов]-револ[юцио-

неров] вступил в 1905 г. В 1906 г. был арестован, просидел полгода в тюрьме в г. Кинешме и выслан оттуда после освобождения. Четыре месяца после освобождения работал в качестве пропагандиста в Поволжье. В 1907 г. “зайцем” проехал в Петроград. Благодаря содействию К.Ф. Жакова поступил на Черняевские курсы. В 1909 г. сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости и поступил в психо-неврол[огический] институт. В 1909 г. перешел в университет. В 1914 г. его кончил и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1917 г. сдал магистерские экзамены и получил звание приват-доцента Петроградского университета.

За все это время Сорокин не покидал революционной работы и среди студенчества, среди рабочих и среди крестьян. В 1911 г. принужден был во избежание ареста, бежать из Петрограда сначала в Подолию, потом за границу. В 1913 г. был арестован снова. За все это время Сорокиным был издан ряд научных работ, из которых многие, в частности книга “Преступление и кара, подвиг и награда”, обратила на себя внимание как русской, так и европейской науки.

При выборах кандидатов в Учредительное собрание от крестьян Сорокин был выдвинут кандидатом на крестьянских съездах Усть-Сысольского и Яренского уездов. Сверх того, кандидатура Сорокина была выдвинута и партией социалистов-революционеров.

В настоящее время П.А. Сорокин состоит прив[ат]-доцент[ом] Петроградского университета, Психоневрологического института и Народного университета имени Лутугина, членом бюро исполнительного комитета всероссийского совета крестьянских депутатов, редактором газеты соц[иалистов]-рев[олюционеров] “Воля народа”, членом особого совещания по выработке закона об учред[ительном] собрании и секретарем министра-председателя А.Ф. Керенского». — 499

^{90*} См. прим. 17* на с. 747. — 499

^{91*} См. прим. 1* на с. 739. — 500

Еще раз о моральном состоянии России

Впервые: Воля России. Прага, 1923, № 1, с. 32–39.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин*.

Написана в ответ на статью Е.Д. Кусковой «А что внутри?». В том же номере «Воли России», сразу же после ответа П.А. Сорокина, была опубликована статья В.В. Сухомлина «Старая и новая Россия». Обе статьи – Е.Д. Кусковой и В.В. Сухомлина – см. в «Приложениях».

^{1*} В журнальной публикации имеется примечание от редакции: «Проф. Сорокин обратился к нам с просьбой напечатать в “В[оле] Р[оссии]” его ответ Е.Д. Кусковой. Предоставляя место возражениям проф. Сорокина, редакция “В[оли] Р[оссии]” подчеркивает, что она не согласна со многими из выводов автора». — 503

^{2*} Имеется в виду статья П.А. Сорокина «Нравственное и умственное состояние России», напечатанная в «Воле России» (наст. изд., с. 389–407). — 503

^{3*} Букв.: киваниями туда и сюда (*церк.-слав.*); здесь: разными косвенными намеками. — 503

^{4*} «Навьи (т. е. покойницкие, колдовские, смертные) чары» – первоначальное название романа Ф. Сологуба «Творимая легенда» (1907–1913). Современная Сологубу критика почти единодушно пришла к выводу, что фигурирующие в романе «тихие дети» – это дети, развращенные главным его героем Триродовым; сам писатель считал, что «нет ни малейшего повода так думать». См.: *Сологуб Ф.* Творимая легенда. М., 1991, т. II, с. 275–276. — 505

^{5*} См. прим. 51* на с. 752. — 505

^{6*} См. прим. 7* на с. 727. — 507

^{7*} См. прим. 13* на с. 720. — 509

То, что часто забывается

Впервые: Крестьянская Россия. Прага, 1922, сб. II–III, с. 14–31.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Проф. Питирим Сорокин.*

^{1*} Не вполне точная цитата из «Дневника писателя» (1873). У Ф.М. Достоевского: «Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделяются; ну, а на века надо время» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Л., 1980, т. 21, с. 93). — 511

^{2*} См. прим. 1* к статье «П.Л. Лавров как социолог» на с. 713. — 517

^{3*} В оригинале: *мирную*. Исправлено по смыслу и в соответствии с правилами дореволюционной орфографии (слово «мирная», в смысле «миролюбивая», должно было писаться через «и», а не через «і»; «мировая», напротив, через «і», а не через «и»). — 517

^{4*} См. прим. 7* на с. 727. — 518

^{5*} См. прим. 2* на с. 714. — 521

^{6*} Цитата из Горация (Оды. III, 24, 35–36): «Какая польза в напрасных законах [там, где нет нравственности?»] (*лат.*). — 524

^{7*} Цитата из басни И.А. Крылова «Щука и кот» (*Крылов И.А.* Сочинения в 2-х тт. М., 1969, т. 1, с. 45). — 526

^{8*} См. прим. 2* к статье «Война и милитаризация общества» на с. 723. — 530

Россия после НЭПа

Впервые: Крестьянская Россия. Прага, 1923, сб. II–III, с. 140–159.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирим Сорокин.*

^{1*} См. прим. 35* на с. 750. — 533

^{2*} Такая оценка НЭПа, возможно, сложилась у Сорокина не без влияния его последнего разговора с Г.Л. Пятаковым:

«Я спросил у него: “Пятаков, скажи мне, ты действительно веришь, что вы строите коммунистическое общество?”

– Нет, конечно, – признался он откровенно.

– Ты согласен, что ваш эксперимент провалился и вы строите всего лишь примитивное буржуазное общество? Тогда почему же вы высылаете нас?

– Ты не принимаешь во внимание, – ответил он, – что в России происходят два процесса. Один – это восстановление буржуазного общества; другой – это процесс приспособления к этому Советской власти. Первый процесс идет быстрее, чем второй. Это создает угрозу нашему существованию. Наша задача – замедлить развитие первого процесса, а ты и остальные, кого мы высылаем, ускоряете его. Вот почему вас высылают. Возможно, года через два-три мы пригласим вас назад.

– Спасибо, – ответил я. – Я надеюсь вернуться в свою страну без вашего приглашения» (Sorokin P.A. A Long Journey. New Haven, Conn., 1963, p. 196). — 534

^{3*} См. прим. 69* на с. 753–754. — 539

^{4*} Французский министр Э. Эррио в 1922 г. посетил Советскую Россию и в том же году выпустил книгу «Новая Россия». — 542

^{5*} О «сменовеховцах» см. статью П.А. Сорокина «”Смена вех” как социальный симптом» (наст. изд., с. 103–108). — 547

^{6*} Сравнительно со средними заработками рабочих разных специальностей на июль 1914 г., которые приводит Джон Рид (*Рид Д.* Восставшая Мексика. 10 дней, которые потрясли мир. Америка. М., 1968, с. 509), средний месячный заработок, указанный Сорокиным, приходится признать заниженным даже для рабочих низшей квалификации. — 547

^{7*} К вящей славе (*лат.*) Сорокин перефразирует знаменитый девиз ордена иезуитов: «К вящей славе Господней». — 547

^{8*} Имеется в виду декрет от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», который гласил:

«В целях установления точных взаимоотношений государственных органов с объединениями и частными лицами, которые принимают участие в развитии производительных сил страны, а также взаимоотношений частных лиц и их объединений между собой, и в целях предоставления вытекающих отсюда правовых гарантий, необходимых для осуществления имущественных прав граждан РСФСР и иностранцев, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

I) Предоставить всем гражданам, неограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, право на территории РСФСР и союзных и договорных с нею Советских Республик организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законами РСФСР профессиями и промыслами, с соблюдением всех постановлений, регулирующих промышленную и торговую деятельность и охраняющих применение труда.

II) Предоставить всем гражданам, неограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, нижеследующие имущественные права и защиту их судами.

А. Вещные права

1. Право собственности на немуниципализированные местными советами до издания настоящего Постановления строения в городских и сельских местностях, с правом отчуждения таких строений и с передачей покупщику арендного права на земельный участок, занятый отчужденными строениями.

Примечание. Право передачи аренды не распространяется на усадебные участки в сельских местностях.

2. Устанавливаемое по договорам с местными органами власти, коим вверено распоряжение землей, право застройки земельных участков в городских и сельских местностях на установленный особым законом срок, но не свыше 49 лет, с предоставлением на тот же срок указанных в предыдущем пункте прав на строения.

3. Право собственности на движимое имущество, заключающееся в фабрично-заводских, торговых и промышленных предприятиях, могущих находиться в частном обладании, всякого рода орудиях и средствах производства, в продуктах сельскохозяйственного производства и промышленности, товарах, не изъятых из частного оборота специальными узаконениями, в денежных капиталах, в предметах домашнего обихода и хозяйства и в предметах личного потребления.

Примечание. Реквизицию имущества, указанного в пунктах 1, 2 и 3 настоящего декрета, с вознаграждением с отчуждаемого имущества в месячный срок по средним рыночным ценам, а также безвозмездную конфискацию его допускать лишь в случаях, устанавливаемых законом.

4. Право залога и заклада имуществ, указанных в п. п. 1, 2 и 3 настоящего Постановления.

5. Право на изобретение, авторское право, право на товарные знаки, промышленные модели и рисунки в пределах, устанавливаемых особыми законами.

6. Право наследования по завещанию и по закону супругами и прямыми нисходящими потомками в пределах общей стоимости наследства 10 000 золотых рублей.

Примечание. Исключение из этого допускается лишь в случаях, предусмотренных особым законом.

Б. Обязательственные права

7. Право заключения всякого рода не запрещенных законом договоров, в том числе договоров имущественного найма, купли-продажи, мены, займа, ссуды, подряда, поручительства, страхования, товарищества (простого, полного, на вере, акционерного), векселя, всякого рода банковских кредитных сделок, каковые договоры получают законную силу и пользуются судебной защитой с соблюдением общих положений, указанных в нижеследующих статьях:

а) Всякого рода не запрещенные законом договоры, заключенные:

1) правительственными органами и лицами в пределах предоставленного им законом права; 2) дееспособными гражданами и 3) признаваемыми законом юридическими лицами в пределах, указанных их уставами, – считаются обязательными для заключивших договор сторон и дают им право на судебную защиту вытекающих из договора требований.

Примечание. Содержащееся в договоре соглашение, предусматривающее отказ стороны от права обращения к суду, недействительно.

б) Недействителен договор, совершенный: 1) недееспособным лицом или 2) с целью, противной закону или в обход закона, или 3) договор о передаче прав на вещи, изъятые из оборота, или 4) без соблюдения форм и порядка, установленных законом под страхом недействительности договора, или 5) направленный к явному ущербу для государства.

в) В нижеследующих случаях суд может признать, по требованию одной из сторон, договор недействительным полностью или в части: 1) если сторона вступила в договор под влиянием обмана, угроз, насилия или вследствие злостного соглашения ее представителя с контр-агентом; 2) если сторона вступила в договор вследствие заблуждения, имеющего существенное значение.

В тех случаях, когда одна из сторон воспользовалась крайней нуждой другой стороны в целях чрезмерной ее эксплуатации по договору, суд, по требованию потерпевшей стороны или соответственных органов власти, может либо признать договор недействительным, либо прекратить его действие на будущее время.

III) Вещные и обязательственные права, указанные в ст. ст. 1–7, предоставляются также и признаваемым законом юридическим лицам, как-то: рабочим и кооперативным организациям, всякого рода товариществам и зарегистрированным обществам, государственным учреждениям и предприятиям и их объединениям, в пределах, указанных их уставами или соответственными положениями.

Примечание 1. Иностранные акционерные общества, товарищества и проч. приобретают право юридического лица в РСФСР лишь после надлежащего разрешения уполномоченных на то Советом Народных Комиссаров органов.

Примечание 2. Иностранные юридические лица, не имеющие разрешения на производство операций в РСФСР, пользуются правом на судебную защиту в РСФСР по претензиям, возникающим вне пределов РСФСР и относящимся к ответчикам, пребывающим в ее пределах, не иначе, как на началах взаимности.

IV) Споры о праве гражданском разрешаются в судебном порядке.

V) Настоящее Постановление не имеет обратной силы и не дает права бывшим собственникам, имущество которых экспроприировано на основании революционного права до издания настоящего Постановления, требовать возвращения имущества.

VI) На основе настоящего Постановления Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет поручает Президиуму Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совету Народных Комиссаров выработать соответствующие законы и внести на следующую очередную сессию Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета проект кодекса гражданских законов РСФСР». — 549

^{9*} Это объясняется результатами чистки, проведенной в партии в 1921 г. после введения нэпа. «Ленин советовал основательно очистить партию от “мазуриков”...» (Краткий курс истории ВКП(б), с. 247). «Мазуриков» оказалось около 170 тыс. человек, или 25% всего состава партии. — 551

^{10*} 4-я сессии ЦИК состоялась в октябре 1922 г. В это же время А.В. Луначарский начал публикацию в «Известиях» цикла статей «О народном образовании» (Известия. 1922, 22 октября, с. 3; 24 октября, с. 4; 26 октября, с. 3; 28 октября, с. 3; 5 ноября, с. 2; 19 ноября, с. 2; 28 ноября, с. 2; 1923, 10 января, с. 10). — 553

^{11*} О состоянии школьного образования в Советской России того времени можно судить по статье «Итоги трудов г. Луначарского», напечатанной в 1922 г. в газете «Дни» (1922, № 30, с. 3) и почти целиком составленной из материалов советской печати:

«Правда» пишет:

Экономическое положение народного учителя ужасающее. С переходом к новой экономической политике размер жалования народного учителя, как правило, уменьшился. Аккуратность в получении его также не возросла. К прежним затруднениям прибавилось новое: старый хозяин – Наркомпрос – стал заменяться десятком новых хозяев. Об этом говорят все сообщения с мест:

«Рыбинск. Полная нищета школьных работников. В 1922 году дважды выдавался аванс, в общей сложности, около 3 000 000 рублей на каждого работника».

«Пермь. Ввиду тяжелого материального положения, квалифицированные работники бегут».

«Псков. Жалование школьным работникам: муки 20 фунт., гороха 20 фунт., сахара – 1 фунт, мяса – 7 фунт., 7 700 000 руб. деньгами».

«Тверь. Положение школьных работников безнадежно отчаянное. Как живут работники в деревнях, Губсоцвосу неизвестно, а что известно – лучше не писать».

«Ново-Николаевск. Работники просвещения принуждены искать заработка на стороне, работают по совместительству».

«Алтай. Выходом для 50 проц. учителей является самовольное оставление школ, бегство в местности, где сытно».

«Омск. Жалование многие не получают по 3–4 мес.».

«Башикирия. Остаются работать те, кому некуда деться».

«Кубань. Школьные работники не получают жалования и пайка 8–10 месяцев».

Культурный уровень народного учителя соответствует его экономическому положению.

«Омск. Много учителей, даже не окончивших начальной школы».

«Кубань. При отсутствии квалифицированных школьных работников, школа не может быть рассадником просвещения» (и т. д. и т. п.).

Даже в Москве, сосредоточивавшей исстари лучшие учительские силы, из 1 821 педагогов, подвергшихся экспертизе, оказалось вполне годными только 1 282...

Число этих примеров можно не увеличивать, т. к. вполне очевидно, что культурный уровень народного учителя, в особенности сельского учителя, бывший и до революции чрезвычайно низким, за время революции, при отсутствия газеты, нового учебника, при отчаянной борьбе за существование, не мог повыситься.

Это называется приближением к «коммунистическому раю»? — 553

^{12*} Crescendo (*итал.*) – букв.: «увеличиваясь», «нарастая»; постепенное увеличение силы звучания. — 553

^{13*} «Живая церковь» – одно из направлений так называемого обновленческого движения внутри православной церкви, начавшегося в 1922 г. Во главе «живой церкви» и созданного ею Высшего церковного управления стояли протоиерей Александр Введенский и В. Красин, священники А. Боярский, Евг. Белков, псаломщик Стадник и др. На поместном соборе 1923 г., организованном «живоцерковниками», были утверждены «реформы» церковной жизни, предусматривавшие закрытие монастырей и ликвидацию святых мощей. Хотя многие священнослужители поддержали обновленческий раскол, массы народа сохранили верность «тихоновской» церкви. — 554

**<Рец. на кн.:> Ch.A. Ellwood. The reconstruction of religion;
M. Spencer. The social function of the church;
B. Раутенбуш. Социальные принципы Иисуса Христа;
P.Ю. Bunner. Судьба религии**

Впервые: Крестьянская Россия. 1923, сб. II–III, с. 245–247.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Н. Чаадаев.*

**<Рец. на кн.:> Нитти Ф. Европа без мира;
Д. Далин. После войн и революции**

Крестьянская Россия. Прага, 1923, сб. II–III, с. 247–250.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *П.С.*

^{1*} См. прим. 19* на с. 747–748. — 559

^{2*} Четырнадцать пунктов Вильсона – проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном в январе 1918 г.; включал сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (получившего название Лига Наций). — 559

^{3*} 13 пункт: Должно быть создано независимое Польское государство, которое должно включать в себя все территории с неоспоримо польским населением, которому должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю, а политическая и экономическая независимость которого, равно как и территориальная целостность, должны быть гарантированы международным договором. — 559

^{4*} «Заря» – социал-демократический двухнедельный журнал, издававшийся в Берлине в 1922–1925 гг. под ред. С. Ивановича (С.О. Португейса); вышло 34 номера.

«Современные записки» – литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже в 1920–1940 гг. (всего вышло 70 номеров). Руководство журналом осуществляли Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский и В.В. Руднев. — 561

Идеология аграризма

Впервые: Прага: Хутор, 1924. 35 с.

В основу брошюры легла статья П.А. Сорокина «Город и деревня (Био-социологическая характеристика)» (Крестьянская Россия. 1923, сб. IV, с. 3–23). Поэтому текст брошюры помещен здесь среди сочинений, написанных в 1923 г. (а не в 1924, когда автор находился уже в США).

^{1*} По преимуществу, в особенности (*фр.*). — 571

^{2*} *Жакерия* (от Jacques Bonhomme – «Жак-Простак» – презрительного прозвища, данного крестьянину дворянами) – антифеодальное восстание крестьян во Франции в 1358 г. Следует отметить, что П.А. Сорокин употребляет это слово как синоим крестьянского восстания вообще, поэтому у него можно встретить упоминания об английской, немецкой и даже японской «жакерии». — 573

^{3*} В оригинале: антимиристическим; здесь исправлено по смыслу. — 574

На распутье трех дорог

Впервые: Крестьянская Россия. Прага, 1923, сб. IV, с. 68–85.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Баратынский*.

Баратынский – псевдоним Сорокина, происхождение которого установить несложно: это девичья фамилия его жены – Елены Петровны.

^{1*} Финляндия стала независимой 6 декабря 1917 г., а Польша – 6 августа 1918 г. — 578

^{2*} Изречение греческого философа-стоика Клеанфа (III в. до н.э.), переведенное на латинский язык Сенекой («Письма», CVII). — 580

^{3*} См. прим. 19* на с. 747–748. — 580

^{4*} *Галиция* – историческое название западно-украинских (Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская области) и польских земель (Жешувское и Краковское воеводства). — 580

^{5*} В *Грузии* в ноябре 1917 г. пришли к власти меньшевики, в 1918 г. в нее вошли английские, немецкие и турецкие войска, в 1921 г. власть захватили большевики. В том же году была образована Грузинская Советская Социалистическая Республика, которая с 12 марта 1922 г. вместе с Азербайджаном и Арменией вошла в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. В качестве республики в составе СССР Грузия была провозглашена в 1936 г. В *Азербайджане* в ноябре 1917 г. была установлена власть большевиков, с лета 1918 г. началась англо-турецкая интервенция. Большевицкая власть была восстановлена в 1920 г. Дальнейшая судьба Азербайджана аналогична грузинской. На *Дону* в марте 1917 г. было образовано Донское «войсковое правительство», ликвидированное в январе 1918 г, после чего Донская область вошла в состав СССР. *Дальневосточная республика* существовала на территории Забайкальской, Амурской и Приморской областей в 1920–1922 гг. Она была своеобразным буфером между большевицкой Россией и Японией. После разгрома английских и японских интервентов вошла в состав СССР. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (*РСФСР*) была образована сразу после захвата большевиками власти в стране 25 октября (по новому стилю – 7 ноября) 1917 г. Союз Советских Социалистических Республик (СССР) был провозглашен 30 декабря 1922 г. в составе: РСФСР, ЗСФСР, Украинской и Белорусской ССР. Другие республики вошли позднее. — 580

^{6*} См. прим. 27* на с. 749. — 580

^{7*} *Ольстер* – историческая область на севере Ирландии. В XII в. был подчинен английской короне и с тех пор был и остается очагом весьма сильных сепаратистских настроений, то гаснущих, то снова вспыхивающих с новой силой, подогреваемых к тому же религиозными разногласиями: если официальная религия Англии – протестантизм (точнее – англиканская церковь), то официальная религия Ирландии – католицизм. В Северной Ирландии их интересы сталкиваются. Ольстер стал почти нарицательным именем сепаратизма. — 581

^{8*} *Московия* – название Русского государства в иностранных источниках XVI–XVII вв. *Великороссия* – официальное название Европейской части Российской империи в XIX – начале XX вв. — 581

^{9*} Во время Английской революции, воспользовавшись политической нестабильностью в стране, провозгласили свое отделение от Англии Ирландия и Шотландия: первая – в 1641 г., вторая – в 1643 г. — 582

^{10*} Литва получила независимость в 1919 г., Латвия – в 1920 г., Эстония – в 1919 г.; о Финляндии и Польше см. выше, прим. 1*. — 582

^{11*} См.: Статистический ежегодник России. 1913. СПб., 1914, с. 65. *Турко-татары* – крымские татары (месхетинцы); *картвельцы* (точнее – картвелы) – самоназвание грузин. — 583

^{12*} Статистический ежегодник России. 1913, с. 64. — 583

^{13*} Сорокин намекает на измену Петру I Мазепы, гетмана Левобережной Украины. Со времен Переяславской рады 1654 г. она на правах автономии входила в состав России (Правобережная же Украина до 1793 г. входила в состав Речи Посполитой). Став гетманом в 1687 г., к 1708 г. Мазепа вошел к Петру в полное доверие, несмотря на регулярно поступавшие с Украины на него жалобы. Именно ему Петр поручил защиту Украины от шведов. Однако тот изменил ему и перешел на сторону шведского короля Карла XII в обмен на присоединение Украины к Польше и титул князя для себя. При этом украинских казаков он призывал бороться за образование самостоятельного украинского государства. После того, как Мазепа в октябре 1708 г. окончательно перешел на сторону шведов, казаки по настоянию Петра избрали нового гетмана – И. Скоропадского. Кроме того, Сорокин имеет здесь в виду и Булавинское восстание 1707 – начала 1709 г., охватившее не только Дон и Среднее Поволжье, но и Левобережную Украину. — 583

^{14*} *Гомруль* (Home Rule, букв.: «самоуправление») – программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи, выдвинутая ирландской буржуазией в 1870-е гг. Долгое время она наталкивалась на сопротивление Лондона. Хотя в 1914 г. английский парламент все же принял закон о гомруле, его реализация, однако, была отложена до окончания Первой мировой войны. Лишь после освободительной войны 1919–1921 гг. Ирландия стала независимой, но Северная Ирландия (Ольстер) осталась под властью Великобритании. — 583

^{15*} До восстания Богдана Хмельницкого в 1648 г. Левобережная Украина находилась под властью Польши. В 1648 г. на Украине началась народная война против поляков, которую возглавил Хмельницкий. С небольшими перерывами и переменным успехом для обеих сторон она продолжалась до 1652 г. Но Хмельницкий понимал, что Украине нужен сильный союзник в борьбе с Речью Посполитой. Еще в 1649 г. он начал соответствующие переговоры с Россией. Несколько лет поколебавшись (страну сотрясали народные бунты; кроме того, Польша могла пригодиться как союзник в борьбе с турками), в конце концов правительство Алексея Михайловича все же дало свое согласие, и на Переяславской раде в 1654 г. Левобережная Украина официально вошла в состав России. — 583

^{16*} *Черемисы* – до 1918 г. название марийцев, народа, населяющего южные области Урала. Ныне большинство проживает в Марийской Республике (Марий Эл), входящей в состав Российской Федерации. — 586

^{17*} Египет был полностью захвачен Великобританией в 1882 г. после подавления освободительного движения 1879–1882 гг. В 1914 г. Великобритания установила над ним протекторат. Под давлением нового освободительного движения в 1919–1921 гг. протекторат был упразднен. Но английские войска по-прежнему оставались в стране. Они были выведены

лишь в 1956 г. – после революции 1952 г. Тогда же был национализирован Суэцкий канал. В июне 1953 г. Египет был провозглашен республикой. — 588

^{18*} *Швейцария* в X–XI вв. находилась в составе Священной Римской Империи – государства, основанного в 962 г. германским королем Оттоном I после завоевания Северной и Средней Италии. Независимость получила в 1499 г. Чехия со второй половины XII в. входила в состав Священной Римской Империи, потом Австро-Венгрии. Независимой стала с распадом последней в 1918 г. В отличие от них, *Дания* не теряла политическую независимость практически никогда. Напротив, в XI–XVII в. она включала в себя почти всю северную Европу (Англию, Норвегию, Швецию, Финляндию, Исландию). Впоследствии, однако, она постепенно уменьшилась в размерах до тех, которые имеют место на сегодняшний день. *Голландия* до XVI в. принадлежала Габсбургам (династии, правившей Испанией и Австрией). В результате последовавшей в 1566–1609 гг. Нидерландской революции страна обрела независимость. В 1810–1813 гг. входила в состав Франции. После краха империи Наполеона Голландия окончательно стала независимой. *Швеция* в 1397–1523 гг. входила в состав Дании. До и после этого была независимой. В 1809 г. потеряла принадлежавшую ей с XIV в. Финляндию (она отошла к России). В 1397–1814 гг. *Норвегия* входила в состав Дании, в 1814–1905 гг. – в состав Швеции. После этого стала независимой. *Бельгия* до XVI в., как и Голландия, принадлежала Габсбургам. По итогам войны за Испанское наследство отошла в 1714 г. к Австрии. В 1815–1830 гг. входила в состав Нидерландов. После этого стала независимой. — 589

^{19*} Лк. 4, 23. — 590

^{20*} *Мемель* – название литовского порта на Балтийском море Клайпеда до 1923 г. — 590

^{21*} Сорокин имеет в виду басню И.А. Крылова (1768–1844) «Пустынник и Медведь», в которой Медведь, увидев на лбу своего друга Пустынника муху, прихлопнул ее булыжником, оказав ему тем самым «медвежью услугу». — 591

^{22*} *Автократизм* (от греч. autos – «сам» и kratos – «власть») – форма правления с неограниченной и бесконтрольной властью одного лица (деспотии Древнего Востока, Рим, Византия и т. п.). — 593

^{23*} Пусть консулы будут бдительны! (*лат.*). Сокращенный вариант выражения Caveant (или Videant) consules, ne quid res publica detrimenti capiat – Пусть консулы смотрят, чтобы республика не понесла какого-либо ущерба. Оно представляло собой древнеримскую формулу сенатского постановления, означавшую введение чрезвычайного положения с предоставлением консулам диктаторских полномочий. — 595

^{24*} *Зыряне* – сокращенное название одной из ветвей народа коми – коми-зырян (вторая ветвь – коми-пермяки). Зырянином по своему происхождению был сам Сорокин. Сейчас зыряне (современное название – коми) населяют Республику Коми (коми-пермяки – Коми-Пермяцкий автономный округ). *Остяки* – устаревшее название хантов, народа, населяющего ныне Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. — 595

**<Рец. на кн.:> C. Mac Garr. The rural Community;
W. Burr. Rural Organization**

Впервые: Крестьянская Россия. Прага, 1923, сб. IV, с. 198–200.

Печатается по первой публикации.

Подпись: П. С.

^{1*} См. прим. 6* на с. 711. — 597

Население, класс, партия

Впервые: Крестьянская Россия. Прага, 1923, сб. VI, с. 86–99.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питириим Сорокин*.

^{1*} «Крестьянская Россия» – эмигрантская партия правозероветского толка (1921–1927 гг.). Была образована в Праге с целью организации русского крестьянства для борьбы за его политические и экономические интересы. Выпускала несколько различных изданий, в том числе и одноименный сборник (Прага, 1922–1924), в котором в период своего нахождения в Праге (1922–1923) сотрудничал и Сорокин. — 601

^{2*} См.: *Маслов С.* Восходящая сила // Крестьянская Россия. Прага: Крестьянская Россия, 1922, сб. I, с. 6–38; *Пешехонов А.* Недоумение и сомнение // Дни. Берлин, 1922, № 36, 10 декабря, воскресенье, с. 2–3; *Маслов С.* Крестьянская Россия и А.В. Пешехонов // Дни. Берлин, 1922, № 51, 30 декабря, суббота, с. 2–4; *Пешехонов А.* Немного о «лице», а больше о «деле» (Ответ С. Маслову) // Там же, 1923, № 59, 10 января, среда, с. 2–3 (подп.: Рига); А.К. [А. Ф. Керенский] // Дни. 1922 [не найдена]. — 601

^{3*} Имеется в виду § 5 «Что такое социальный класс» главы 3 «Учение о кумулятивных социальных группах». — 602

^{4*} Ср. так называемый первый закон Ламарка: «У всякого животного, не достигшего предела своего развития, более частое и более длительное употребление какого-нибудь органа укрепляет мало-помалу этот орган, развивает и увеличивает и придает ему силу, соразмерную длительности употребления, между тем как постоянное неупотребление того или иного органа постепенно ослабляет его, приводит к упадку, непрерывно уменьшает его способности и, наконец, вызывает его исчезновение». (*Ж.-Б. Ламарк*. Избранные сочинения в двух томах. М.-Л., 1955, т. 1, с. 341. — 603

^{5*} Имеется в виду раздел «Группировка по степени богатства и бедности» параграфа 3 «Характеристика важнейших элементарных групп» главы «Учение об элементарных социальных группах». — 603

^{6*} Имеется в виду раздел «Группировка по объему прав и обязанностей (по социально-правовому неравенству)» параграфа 3 «Характеристика важнейших элементарных групп» главы «Учение об элементарных социальных группах». — 604

^{7*} Имеются в виду разделы: «Партийная группировка» параграфа 3 «Характеристика важнейших элементарных групп» главы «Учение об элементарных социальных группах»; «Партийные перегруппировки» параграфа «Социальные перегруппировки в области элементарного социального расслоения населения». — 607

^{8*} В источнике, на который ссылается Сорокин, слово «политические» отсутствует. — 607

^{9*} *Labour Party* – Лейбористская партия Великобритании (Рабочая партия Великобритании) – одна из двух ведущих партий страны. Фактически заменила в XX в. партию либералов (вигов). Основана в 1900 г. (до 1906 г. называлась Комитет рабочего представительства – Labour Representation Committee). — 608

^{10*} Ср.: «Согласно данным “Статистики Труда” (№ 1–4), полученным на основе обработки 3 559 анкетных листов – членов коммунистической партии в Петрограде за 1918 г., из 3 559

членов рабочие и крестьяне составляли 81,5%, служащие – 18,1%, партийные профессионалы – 0,4%» (Петроградская Правда. 1919, № 286). По данным 1920 г., рабочих и крестьян было 82,2, служащих и интеллигентных профессий – 17,8 (Петроградская Правда. 1920, № 65)» (Система социологии, т. 2, с. 262.). Здесь Сорокин ссылается на следующие источники: *Струмилин С.* Состав партии коммунистов в г. Петрограде в конце 1918 года // Статистика труда. 1919, № 1–4, с. 14–16; *Васильевский Вл.* О составе партии коммунистов в Петрограде // Петроградская правда. 1919, № 286, 14 декабря, с. 4; *Васильевский Вс.* Наличный состав Петроградской организации РКП в январе 1920 года // Там же, 1920, № 65, 24 марта, с. 2. — 608

^{11*} *Тред-юнионы* (англ. trade-unions; trade – «профессия», «ремесло» и union – «объединение») – союзы рабочих в Англии и других англоязычных странах. Объединяют рабочих в основном не по производственному признаку, а по профессиям. *Всеобщая Конфедерация Труда* (Confédération Générale du Travail) – крупнейшая федерация профсоюзов Франции. Основана в 1895 г. и существует до сих пор. С 1906 г. и до Второй мировой войны контролировалась анархо-синдикалистами. — 609

^{12*} *«Партия октябристов»* (официальное название – «Союз 17 октября») – в дореволюционной России партия, образовавшаяся вскоре после оглашения положившего начало Государственной Думе манифеста 17 октября 1905 г. и защищавшая интересы умеренных земско-дворянских и торгово-промышленных кругов. Идеологом партии октябристов был А.И. Гучков. — 611

^{13*} Идиосинкразия (от греч. *idios* – «своеобразный» и *synkrisis* – «смешение») – повышенная чувствительность к определенным веществам или воздействиям. Здесь – в переносном смысле: постоянная ориентация на программу только одной партии. — 612

^{14*} *«Гильдейский социализм»* (гильдеизм) – реформистское течение среди английских социал-демократов в 1-й четверти XX в., накануне Первой мировой войны. Авторы концепции «гильдейского социализма» (Дж. Коул, Дж. Гобсон, У. Меллор) выдвигали идею о переходе к социализму путем передачи национализированных предприятий в управление «национальным гильдиям» – объединениям трудящихся той или иной отрасли производства, ядро которых должны были составить уже существующие тред-юнионы. С целью реализации своей программы «гильдеисты» основали в 1914 г. Национальную гильдейскую лигу. Однако их утопические планы не получили распространения среди широких рабочих масс; претворить их в жизнь (главным образом в строительном деле) «гильдеистам» также не удалось. В итоге в 1920-е гг. «гильдейский социализм» сошел с политической арены. *Цехи* (нем. *Zeche*) – объединения городских ремесленников (одной или родственной специальностей) для защиты от посягательств феодалов и обеспечения членам цехов монополии на производство и сбыт ремесленных изделий. Наибольшее развитие получили в Западной Европе в XIII–XIV вв. *Гильдии* (нем. *Gilde* – корпорация) – в Западной Европе в широком смысле – различные объединения (религиозной, политической взаимопомощи), особенно в период раннего средневековья; в узком смысле – союзы купцов, главным образом в XII–XV вв. В России гильдии существовали в XVIII–XIX вв. как сословные объединения купцов. *«Универсальный синдикализм»* (революционный синдикализм, анархо-синдикализм) – радикальное направление в синдикализме – течение в рабочем движении, отвергающее политическую борьбу, предпочитая ей борьбу исключительно экономическую и считающее высшей формой организации рабочего класса профсоюзы (по-французски – синдикаты, отсюда – синдикализм). «Универсальный синдикализм» доходил в этих вопросах до крайней точки, отрицая политическую борьбу вообще. Главными идеологами «универсального синдикализма» были Ж. Сорель, А. Лабриола, Ю. Лагардель. — 613

^{15*} Лк. 23, 34. — 614

^{16*} *Моноидеизм* (от греч. *mónos* – «один», «единственный» и *idea* – «понятие», «представление») – поглощенность какой-либо одной навязчивой идеей, «зацикливание» на ней. — 614

К вопросу о подготовке эмигрантской русской молодежи

Впервые: Студенческие годы. Прага, 1923, № 5(9), сентябрь, с. 20–22.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Питирум Сорокин*.

^{1*} *Primum vivere deinde filosofare* (лат.) – прежде жить, а уж затем философствовать. — 617

^{2*} «Сметь свое суждение иметь» – цитата из пьесы «Горе от ума» А.С. Грибоедова (реплика Молчалина):

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

(Грибоедов А.С. *Горе от ума*. М., 1955, с. 79).

«Что скажет ... «княгиня Марья Алексеевна» – цитата оттуда же (заключительная реплика Фамусова):

Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексеевна!

(Там же, с. 141). — 617

^{3*} *Пансионер* (от фр. *Pensionnaire*) – учащийся, получающий полное содержание в пансионе – соответствующем частном или казенном воспитательном заведении. *Синекура* (от лат. *sine cura* – «без заботы») – в средневековой Европе церковная должность, приносящая солидный доход, но не связанная с какими-либо обязанностями или хотя бы с необходимостью находиться на месте служения. Здесь в переносном смысле: любая хорошо оплачиваемая должность, не требующая никакого труда. — 617

^{4*} См. прим. 1* к статье «Идеология аграризма» на с. 763. — 618

^{5*} Называются одни из самых известных высших учебных заведений для русской эмиграции. Финансировались чешским правительством. Устав и программа их были аналогичны дореволюционным русским университетам, и преподавали в них бывшие профессора этих университетов. *Педагогический институт* – Русский педагогический институт им. Яна Амоса Коменского (1923–1926), возглавлявшийся С.А. Острогорским. В него принимались главным образом лица с высшим образованием. Было два выпуска. Всего дипломы получили 100 человек. *Юридический факультет в Праге* – Русский юридический факультет в Праге (1922–1928). До 1924 г. возглавлялся знаменитым русским юристом П.И. Новгородцевым, после его смерти – Д.Д. Гриммом, Е.В. Спекторским и, наконец, А.А. Воейковым. На Юридическом факультете преподавали такие знаменитые ученые, как С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, П.Б. Струве, Н.С. Тимашев и др. 7 июля 1922 г. протекторат над факультетом принял не менее знаменитый Карлов университет в Праге. Дипломы получило в общей сложности 384 человека. Сведений об участии в этих заведениях Сорокина не обнаружено. Подробнее об их функционировании см.: Русские в Праге. Прага, 1928, с. 83–90. — 618

^{6*} Мр. 9, 24. — 619

^{7*} Я утверждаю, что эта вещь принадлежит мне по праву квиритов (*лат.*) — одна из формул римского права. — 619

^{8*} *Manumissio testamenta* (*лат.*) — одна из древнеримских форм освобождения рабов и соответствующий этой форме акт, возвещавший освобождение. — 620

Неотвратимая лава

Впервые: Хутор (Chutor). Прага, 1923, № 26–27, с. 4–5.

Печатается по первой публикации.

Подпись: *Проф. П.А. Сорокин*

^{1*} Т. е. ни сила, ни хитрость. Ср. у Н.А. Некрасова (Кому на Руси жить хорошо, 4. Несчастные):

Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

(*Некрасов Н.А.* Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1979, т. 3, с. 63). — 622

Приложения

^{1*} См. наст. изд., с. 107. — 625

^{2*} Имеется в виду сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», изданный в 1909 г., одним из участников которого был А.С. Изгоев. — 626

^{3*} Цитата из «веховской» статьи С.Н. Булгакова. См.: Манифесты русского идеализма. М., 2009, с. 480. — 627

^{4*} Критический отзыв на речь П.А. Сорокина «Отправляясь в дорогу» (см. наст. изд., с. 289–293). — 628

^{5*} Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — зоолог, академик Российской АН (1920), пропагандист и теоретик эволюционного учения. В 1919–1922 гг. ректор Петроградского университета — 628

^{6*} Имеются в виду статьи «Отправляясь в дорогу» и «Об “англо-саксонской позиции”» (см. наст. изд., с. 289–293, 294–297). — 634

^{7*} См. наст. изд., с. 170–200. — 641

^{8*} См. наст. изд., с. 298–328. — 643

^{9*} Владимир Евгеньевич Татарин (1892–1961) – поэт и журналист, участник Белого движения, с ноября 1920 г. в эмиграции в Константинополе, затем в Берлине, участник литературно-художественного объединения «Веретено» (1922), сотрудник редакции газеты «Руль», в начале 1930-х гг. переселился в Париж, после Второй мировой войны был близок к движению советских патриотов, с 1945 г. сотрудник редакции газеты «Русские новости». Умер в Париже. — 645

^{10*} Иосиф Менассиевич Бикерман (1867–1942) – историк, писатель и публицист, отец крупного американского историка-антиковеда И.И. Бикермана и химика Я.О. Бикермана. После Октябрьской революции эмигрировал в Берлин и выступал с резкой критикой Советской власти; умер в Париже. — 650

^{11*} Шенфельд Борис Михайлович – журналист, бывший редактор «Крымского вестника», в эмиграции сотрудник газеты «Накануне» и еженедельника «Еврейская трибуна», писавший под псевдонимом Б. Россов — 651

^{12*} «Венков» (Venkov – «Деревня») – газета чешской аграрной партии, издававшаяся в 1906–1938 гг., вокруг которой группировались так называемые рураллисты, изображавшие деревню как хранительницу патриархальных начал; полное название: «Venkov, deník českého a moravskoslezského venkova» (Деревня, еженедельник для сельских жителей Чешской и Моравско-Силезской области). Из какой статьи П.А. Сорокина приведены цитаты, установить, к сожалению, не удалось. Возможно, что в газете чешских аграриев были опубликованы и другие его статьи. — 653

^{13*} Борис Вячеславович Дюшен (1886–1949) – по образованию инженер-технолог, журналист, профессор. Член РСДРП с 1903 г., меньшевик. Фронтовой офицер, губернский комиссар Временного правительства, депутат Учредительного собрания. Участник борьбы за власть в Ярославле в конце 1917 г., пытался организовать сопротивление большевикам, 17 ноября 1917 г. был арестован, но освобожден по ходатайству А.М. Коллонтай. Во время Ярославского восстания 1918 г. Дюшен был восстановлен в должности комиссара Временного правительства и принял в восстании активное участие. За участие в восстании он был заочно приговорен к смертной казни, большевики назначили за голову Дюшена солидную сумму. Но ему чудом удалось спастись. С 1919 г. в эмиграции в Эстонии, затем в Берлине. В издательстве «Знание» выпустил ряд научно-популярных книг. Впоследствии известный сменовеховец, член редколлегии газеты «Накануне», сотрудничал с ОГПУ, в 1926 г. вернулся в СССР, работал в Москве заведующим отделом заочного обучения в Профобре, консультировал сотрудников НКВД. В 1935 г. за контрреволюционную деятельность был арестован и заключен в ИТЛ на пять лет, но досрочно освобожден в 1940 г. и принят на работу в НКВД. Был главным инженером Спецлаборатории НКВД–МГБ СССР в звании инженера-полковника. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Яркую характеристику Б.В. Дюшена дает Роман Гуль (Я унес с Россию: Апология эмиграции. М., 2001, т. 1, ч. 3). — 654

^{14*} Курфюрстендам (прав.: Курфюрстендамм) – знаменитый бульвар Берлина, синоним «золотых двадцатых» годов Германии (1924–1929); именно на Курфюрстендамме в 1931 г. произошел первый еврейский погром, устроенный нацистами. В настоящее время – улица эксклюзивных магазинов. — 655

^{15*} См. наст. издание, с. 413–416. — 661

^{16*} Цитата из статьи А.Б. Петрищева «Болезнь особого рода» (Накануне. 1922, № 28, 1 декабря, с. 1). — 663

^{17*} Григорий Яковлевич Аронсон (1877–1968) – публицист и общественный деятель, меньшевик, в 1922 г. получил разрешение на выезд из Советской России, жил сначала в Берлине, потом во Франции, с 1940 г. – в США. — 666

^{18*} См. наст. издание, с. 413–416. — 667

^{19*} Вампука – выражение, обозначающее трафаретные, шаблонные, исключительно банальные и нелепые ходы в оперных постановках, а также сами оперы, написанные по подобным шаблонам. Происходит от названия пародийной оперы «Вампука, невеста африканская» (1909), либретто к которой написал князь М.Н. Волконский, музыку – В.Г. Эренберг. Источник слова – известный анекдот начал XX в. о том, как воспитанницы Смольного института, приветствуя принца Ольденбургского, спели ему на мотив из Мейербера: «Вам пук, вам пук, вам пук цветов подносим...» – и одна дама приняла это словосочетание за имя. — 671

^{20*} «За Свободу!» – русская политическая, литературная и общественная газета, издававшаяся в Варшаве в 1921–1931 гг. при участии Б.В. Савинкова, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова. — 673

^{21*} См. наст. издание, с. 389–407. — 674

^{22*} Разоренные районы (*фр.*). — 681

^{23*} «Красное знамя» – немецкая ежедневная газета, центральный орган компартии Германии, издававшаяся в 1918–1939 гг. — 682

^{24*} Сборник «Из глубины» (1918) был уничтожен большевистским правительством и увидел свет лишь в 1967 г. в Париже. Один его экземпляр удалось вывезти Н.А. Бердяеву, от которого Е.Д. Кускова, вероятно всего, и узнала о существовании сборника. Статья Н.А. Бердяева – «Духи русской революции». См.: Манифесты русского идеализма. М., 2009, с. 665–705. — 683

^{25*} Афанасий Борисович Петрищев (1872 – после 1949) – русский писатель и публицист, член редакции журнала «Русское богатство», в эмиграции с 1922 г., сотрудник газеты «Дни», журнала «Русские записки». — 690

^{26*} Имеется в виду статья А.М. Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)», опубликованная в 1923 г. в журнале «Молодая гвардия». – 691

^{27*} Сухомлин Василий Васильевич (1885–1963) – русский журналист и политический деятель (эсер); в 1918–1954 гг. в эмиграции, один из редакторов журнала «Воля России», в 1954 г. вернулся в Советскую Россию. — 693

^{28*} См. наст. изд., с. 389–407. — 693

^{29*} См. наст. изд., с. 508. — 694

^{30*} Александр Александрович Яблоновский (1870–1934) – русский писатель и фельетонист, с 1920 г. в эмиграции, писал в газетах «Руль» (Берлин), «Возрождение» (Париж), «Сегодня» (Рига) — 702

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А

А.Г. [Заметка] // Летопись Дома Литераторов. Пг., 1921, № 3 — 294

А.К. – см. Керенский А.Ф.

Абрамовский (Abramowski) Эдвард (1868–1918), польский философ, социолог и психолог; профессор Варшавского университета, автор монографии «Этика и революция» (1899) — 334

Август (Augustus) Гай Юлий Цезарь Октавиан (69 до н. э. – 14 н. э.), римский император (с 27 до н. э.), основатель принципата – формы правления, при которой сохранялись республиканские институты — 243, 244, 252

Августин Аврелий (354–430), христианский теолог и философ, представитель христианской патристики — 61, 305

Авеста, священная книга зороастризма — 249

Аврелиан (Aurelianus; 214 или 215–273), римский император с 270 г. — 244

Агис IV, спартанский царь, правивший в 244–241 гг. до н. э.; начал проведение земельных реформ, предусматривавших возврат к установлениям Ликурга, но эти его планы были сорваны царем Леонидом II — 252, 303

Адам (*библ.*), первый человек, созданный Богом и вместе с Евой изгнанный из Рая — 113

Адамс (Adams) Брукс (1848–1927), американский историк и критик капитализма — 335, 523

Александр III Миротворец (1845–1894), российский император с 1881 г. — 193, 517

Алексеев Сергей Алексеевич (1871–1945), русский философ, сын А.А. Козлова, известен под псевдонимом Аскольдов — 65
– Гносеология. Пг., 1919 — 65

Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 г. — 210, 262, 355

Алкивиад (ок. 450–404 до н. э.), афинский стратег в период Пелопоннесской войны — 188, 427

Алферовы Александр Данилович (1862–1919) и его жена Александра Самсоновна (1868–1919), педагоги и деятели народного образования; в 1896 г. основали частную гимназию для девочек в Москве, которая в 1919 г. была преобразована в 75-ю школу (сейчас в этом здании расположен Хамовнический суд); 15 сентября 1919 г. супруги Алферовы были расстреляны по делу «Национального центра» — 472, 506, 509

Альба (Alba) Фернандо Альварес де Толедо, герцог (1507–1582), испанский полководец и государственный деятель, проявивший себя жестоким правителем в Нидерландах — 443

- Амвросий Медиоланский** (Ambrosius Mediolanensis; ок. 340–397), католический святой, епископ Милана, один из отцов церкви, проповедник и богослов, автор церковных гимнов — 304
- Аммон** (Ammon) Отто (1842–1916), немецкий социолог, представитель социал-дарвинизма — 35, 73, 80, 82, 95, 409, 567
 – Die natürliche Auslese beim Menschen [Естественный отбор у людей]. Jena, 1893 — 80, 82
 – Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen [Общественный порядок и его естественные основы]. Jena, 1895 — 80, 82
- Ананий** и его жена **Сапфира**, члены раннехристианской общины, утаившие часть денег от продажи своего имущества; будучи уличены в этом апостолом Петром, оба умерли от великого страха (Деян. 5, 1–2) — 304
- Андреев** Леонид Николаевич (1871–1919), русский писатель — 427, 516
- Анрио** (Henriot), французский фабрикант (владелец селитроварни в парижском предместье Сент-Антуан), дом которого был разгромлен рабочими 27 апреля 1789 г. — 216
- Антихрист** (*библ.*), противник Христа, который явится накануне «конца мира» и будет Им побежден — 217
- Антоний Великий** (ок. 250–356), христианский святой, основатель отшельнического монашества — 210
- Антоний** Марк (Marcus Antonius; ок. 83–30 до н. э.), римский политический деятель и полководец — 188, 427
- Антонин** (в миру Александр Андреевич Грановский; 1865–1927), епископ Владикавказский и Моздокский; в обновленчестве митрополит Московский (1922–1923); один из лидеров обновленческого движения, глава союза «Церковное возрождение» — 488
- Анучин** Дмитрий Николаевич (1843–1923), русский антрополог, географ, этнограф и археолог, один из основоположников антропологии в России — 192
 – О географическом распределении роста мужского населения России. СПб., 1889 — 192
- Анфантен** (Enfantin) Бартеlemi Проспер (1796–1864), французский социалист-утопист, ученик и последователь Сен-Симона — 316
- Ариадна**, дочь критского царя Миноса, которая помогла Тесею выбраться из лабиринта (с помощью «клубка Ариадны») — 123
- Ариман** (Ангра-Майнью), в зороастризме олицетворение зла, злой бог, находящийся в непрерывной борьбе с добрым богом Ахурамаздой (Ормуздом) — 61
- Аристотель** (384–322 до н. э.), древнегреческий философ — 52, 242, 302
- Арнольд Брешианский** (Arnaldo da Brescia; кон. XI/нач. XII в. – 1155), итальянский политический деятель, борец против католической церкви — 312
- Арну** (Arnould) Шарль Огюст (1833–1895), французский журналист, последователь П.Ж. Прудона, участник Парижской коммуны 1871 г. — 316

- Аронович** Гедалий Давидович (1894–1966), врач, профессор-невропатолог — 209, 211, 216, 411, 506
 – О голодной детской дефективности // Медицинский журнал Вятского Ученого совета при Губздравотделе. 1921, ч. II, № 2 — 209, 211, 216
 – Детская преступность // Психиатрия и неврология. 1922, № 1 — 506
- Арсеньев** Константин Константинович (1837–1919), русский публицист, юрист, один из руководителей партии демократических реформ, почетный академик Петербургской академии наук — 427
- Артельное Дело.** 1922, № 1–4 (21–28) — 233
- Ассурназирабал**, Ашшурнасирпал I, ассирийский царь (ок. 1050–1032 до н. э.) — 67, 171
- Афанасьев** Георгий Емельянович (1848–1925), русский историк и журналист, с 1879 г. директор Одесского общества взаимного кредита, министр иностранных дел в правительстве гетмана Скоропадского, умер в эмиграции в Белграде — 257, 258
 – Исторические и экономические статьи. Издание почитателей и друзей. Киев, 1908, т. I, 1909; т. II — 258
 – Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892 — 257, 258
- Ахматова** Анна Андреевна (1889–1966), русская поэтесса, переводчица и литературовед — 619

Б

- Бабёф** (Babeuf) Франсуа Ноэль (Гракх) (1760–1797), французский философ-утопист — 300, 316
- Бабкин** Борис Петрович (1877–1950), русский физиолог, автор трудов по физиологии пищеварения, с 1922 г. в эмиграции — 467
- Базар** (Bazar) Сент-Аман (1791–1832), французский утопический социалист, один из «верховных отцов» сенсимонизма — 162
 – Doctrine de Saint-Simon. Exposition [Изложение учения Сен-Симона]. Paris, 1830 — 162
- Байрон** (Byron) Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт — 592
- Бакунин** Михаил Александрович (1814–1876), русский революционер, философ и публицист, теоретик анархизма — 60, 608
- Барани** (Barany) Роберт (1876–1936), австрийский физиолог и специалист по ортохирургии, лауреат Нобелевской премии (1914); разработал методы изучения вестибулярного аппарата («метод, или тест, Барани») — 100
- Барбюс** (Barbusse) Анри (1873–1935), французский писатель, журналист и общественный деятель — 407, 482
- Барклай** (Barclay) Роберт (1648–1690), шотландский квакер, религиозный и политический деятель — 314
 – The inner Life of the religious societies of the Commonwealth [Внутренняя жизнь религиозных обществ в Английской республике]. London, 1876 — 314

- Бастиа** (Bastiat) Фредерик (1801–1850), французский либеральный экономист, сторонник свободной торговли и свободы предпринимательства — 149
- Бах** (Bach) Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор и органист — 527
- Бахофен** (Bachofen) Иоганн Якоб (1815–1887), швейцарский историк, положивший начало изучению истории семьи — 64
- Бebelь** (Bebel) Август (1840–1913), деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии, друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса — 90, 304, 561
– Женщина и социализм. Одесса, 1905 — 90
- Безобразов** Павел Владимирович (1859–1918), русский историк-византист, публицист и переводчик — 246, 255
– Очерки византийской культуры. СПб., 1919 — 246, 255
- Бёк** (Böckh) Август (1785–1867), немецкий филолог и историк Древней Греции — 242, 252
– Die Staatshaushaltung der Athener [Государственное хозяйство афинян]. Berlin, 1851, Bd. I — 242, 252
- Белелюбский** Николай Аполлонович (1859–1922), русский инженер и ученый в области строительной механики и мостостроения — 427
- Беллерс** (Bellers) Джон (1654–1725), английский экономист, подчеркивавший значение труда в создании богатства; автор ряда утопических проектов социальных реформ — 314
- Белох** (Beloch) Карл Юлиус (1854–1929), немецкий историк античности, сторонник теории цикличности — 171
- Белый** Андрей (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева; 1880–1934), поэт и писатель, теоретик символизма — 61, 373, 503
– Кризис культуры. М., 1918 — 61
- Бельский** Павел Григорьевич, бывший директор Рукавишниковского приюта для детей с трудным детством, профессор-психолог, организатор первой в СССР комиссии по делам несовершеннолетних, по инициативе которого были открыты специальные заведения для трудновоспитуемых детей — 411
- Бёме** (Bohme) Якоб (1575–1624), немецкий философ-мистик — 61
- Бентли** (Bently) Артур (1879–1957), американский социолог и психолог, родоначальник теории «заинтересованных групп», автор работы «Процесс осуществления правительственной власти: изучение общественных давлений» (1908) — 49, 279
- Бергсон** (Bergson) Анри (1859–1941), французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни — 619
- Бердяев** Николай Александрович (1874–1948), русский религиозный философ — 269, 613
- Бёрк** (Burke) Эдмунд (1729–1797), английский философ и политический деятель — 78
- Бернард** (Bernard) Лютер Ли (1881–1951), американский социолог и социальный психолог, профессор в ряде университетов США, в 1932 г. президент Американского социологического общества — 368
– The transition to an objective standard of social control [Переход к объективному критерию социального контроля]. Chicago, 1911 — 368

- Берндт** (Berndt) Отто, немецкий статистик, автор книги «Die Zahl im Kriege. Statistische Daten aus der neueren Kriegsgeschichte» [Потери на войне. Статистические данные о войнах нового времени]. Wien, 1897 — 171
- Бернулли** (Bernoulli), семья швейцарских ученых, родоначальник которой Якоб Бернулли (ум. 1583) был выходцем из Голландии; наиболее известны: Якоб Бернулли (1654–1705), математик, проф. Базельского университета; его младший брат Иоганн Бернулли (1667–1748), математик, деятельный сотрудник Лейбница в разработке дифференциального и интегрального исчисления, почетный член Петербургской академии наук; сын Иоганна Даниил Бернулли (1700–1782), математик, механик и физиолог, в 1725–1733 гг. работавший в Петербургской академии наук — 527
- Бернштейн** (Bernstein) Эдуард (1850–1932), немецкий социал-демократ, идеолог ревизионизма — 306, 314
 – Коммунистические и демократо-социалистические течения в Английской революции XVII в. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II — 306, 314
- Берт** (Berth) Эдуард (1874–1939), французский писатель, теоретик анархо-синдикализма — 73
- Бетховен** (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор — 526, 527
- Бехтерев** Владимир Михайлович (1857–1927), русский психиатр и психолог, с 1903 г. директор организованного им Психоневрологического института (где учился П.А. Сорокин), с 1918 г. возглавлял Институт по изучению мозга — 49, 100, 297, 367, 408, 410
 – Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 — 49
 – Коллективная рефлексология. Пг., 1921 — 408
- Библия** — 191, 249, 437
 – Ветхий Завет — 590
 – Книга Бытия (Быт.) — 191, 249, 437
 – Евангелие — 300, 384
 – Евангелие от Матфея (Мф.) — 303
 – Евангелие от Марка (Мр.) — 303
 – Евангелие от Луки (Лк.) — 303
 – Деяния апостолов (Деян.) — 303, 304
 – Первое послание ап. Павла к Коринфянам (1 Кор.) — 305
- Биншток** Вениамин Исаакович (1865–?), петербургский врач и публицист — 219
 – Душевнобольные в петроградских больницах в 1917–1919 гг. // Материалы по статистике Петрограда. 1921, вып. 5 — 219
- Бинэ** (Binet) Альфред (1857–1911), французский психолог — 370, 528
- Биоллэ** (Biollay) Леон (1830–1920), французский экономист — 257
 – Études économique sur le XVIII siècle [Очерк экономики XVIII века]. Paris, 1885 — 257
- Бирон** Эрнст Иоганн (1690–1772), граф, фаворит императрицы Анны Иоанновны — 261
- Бисмарк** (Bismarck) Отто (1815–1898), немецкий государственный деятель, в 1871–1890 гг. рейхсканцлер Германской империи — 526
- Блан** (Blanc) Луи (1811–1882), французский утопический социалист, историк и журналист, деятель революции 1848 г. — 316, 608

- Бланк** (Blank) Рувим Маркович (Рубен Моисеевич) (1866–1954), русский экономист, публицист и общественный деятель, социал-демократ, народный социалист, в 1899–1905, 1918–1954 гг. в эмиграции — 608
 – Die soziale Zusammensetzung der sozialdemokratischen Wählerschaft Deutschlands [Социальный состав социал-демократических избирателей Германии] // Archiv für Sozialwissenschaft. Tübingen, 1905, Bd. XX, S. 507–550 — 608
- Блок** Александр Александрович (1880–1921), русский поэт — 189, 427, 516
- Бобрищев-Пушкин** Александр Владимирович (1875–1937), адвокат, общественный деятель, член партии октябристов; после революции эмигрировал в Сербию, затем в Германию, где стал одним из участников «сменовеховства»; в 1923 г. вернулся в Советскую Россию; в 1934 г. его сын Борис был арестован и расстрелян по обвинению в подготовке убийства С.М. Кирова и шпионаже; сам А.В. был арестован в 1935 г. и приговорен к 10 годам лишения свободы, в 1937 г. приговорен «тройкой» УНКВД Ленинградской области к расстрелу — 103
- Богданов** (наст. фамилия Малиновский) Александр Александрович (1873–1928), деятель российского революционного движения, врач, философ, экономист — 412
 – Краткий курс экономической науки [у Сорокина ошибочно: Основы экономической науки]. М., 1906 — 412
- Боголепов** Михаил Иванович (1879–1945), русский экономист — 359, 360
 – Европа после войны. Пг., 1921 — 359, 360
- Болдуин** (Baldwin) Джеймс Марк (1861–1934), американский психолог, социолог, историк — 73, 155
 – Духовное развитие детского индивида и человеческого рода. М., 1911–1913, т. 1–2 — 155
 – Духовное развитие с социологической и этической точки зрения. М., 1913 — 155
- Боринг** (Boring) Эдвин Гарриг (1886–1968), американский психолог, историк психологии, профессор Гарвардского университета — 202, 204, 210, 215
 – Processes referred to alimentary and Urinary Tracts [Процессы, происходящие в пищеварительном и мочеполовом трактах] // The Psychological Review. 1915, № 4 — 202, 204, 210, 215
- Борис Годунов** (ок. 1552–1605), русский царь с 1598 г. — 260
- Боричевский** Иван Адамович (1886–1941), русский историк философии — 411
- Бородин** Александр Порфирьевич (1833–1887), русский композитор, ученый-химик и медик, участник «Могучей кучки» — 414
- Боссюэ**, Боссюэт (Bossuet) Жак Бенинь (1627–1704), французский писатель, церковный деятель, епископ — 158, 200, 234
- Боули** (Bowley) Артур Лайон (1869–1957), английский экономист и статистик — 248, 573
 – Wages in the United Kingdom in the nineteenth Century [Заработная плата в Великобритании в XIX в.]. New York, 1900 — 248
- Бозр** (Bauer) Артур (1850–1935), французский философ, педагог и социолог — 90, 603
 – Les classes sociales. Analyse de la vie sociale. [Общественные классы: анализ социальной жизни]. Paris, 1902 — 90
- Брейзиг** (Breysig) Курт (1866–1940), немецкий историк, социолог, философ — 334

- Бренфорд** (Branford) Виктор (1863–1930), английский социолог, основатель Социологического общества — 555
- Бриан** (Briand) Аристид (1862–1932), премьер-министр Франции и министр иностранных дел — 326
- Брока** (Broca) Поль (1824–1880), французский анатом и антрополог — 192
- Брусилов** Алексей Алексеевич (1853–1926), русский генерал (с 1916 г.), в Первую мировую войну командующий Юго-Западным фронтом, с 1920 г. председатель Особого совещания при Главкоме Красной армии, затем служил в центральном аппарате Красной армии — 434
- Брут** Марк Юний (85–42 до н. э.), древнеримский сенатор, наиболее известный из убийц Юлия Цезаря — 105
- Брэстед** (Breasted) Джеймс Генри (1865–1935), американский египтолог — 241
– История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915, т. 1 — 241
- Брюллова-Шаскольская** Надежда Владимировна (1889–1937), деятель партии эсеров, этнограф, востоковед, литератор; репрессирована — 411
- Брюн** (Brunhes) Жан (1869–1930), французский географ, профессор Коллеж де Франс, один из первых теоретиков французской школы «географии человека» — 155
- Бугле** (Bougle) Селестен (1870–1940), французский социолог, представитель школы Э. Дюркгейма — 96, 272, 421, 483, 525, 555
- Буденный** Семен Михайлович (1883–1973), советский военачальник, в годы гражданской войны командующий 1-й Конной армией — 507
- Бузольт** (Busolt) Георг (1850–1920), немецкий историк античности — 252
– Griechische Geschichte [Греческая история]. Gotha, 1904, Bd. III — 252
- Буковецкий** Антоний Иосифович (1881–1972), русский экономист, специалист в области теории финансов — 410
- Букшпан** Яков Маркович (1887–1939), публицист и экономист; профессор, один из авторов сборника «Освальд Шпенгер и Закат Европы», заведующий кафедрой экономики промышленности Академии пищевой промышленности им. И.В. Сталина; в 1938 г. был арестован органами НКВД и по приговору Верховного суда от 13 апреля 1939 г. на следующий день расстрелян — 269
- Бургуин** (Bourguin) Морис Мари Виктор (1856–1910), французский экономист — 248, 307
– Les systèmes socialistes et l'évolution économique [Социалистические системы и экономическая эволюция]. Paris, 1906 — 248
- Буржуа** (Bourgeois) Леон Виктор Огюст (1851–1925), французский политический деятель — 73, 147, 148
– Солидарность. М., 1899 — 147
- Бухарин** Николай Иванович (1888–1938), советский политический деятель, экономист и социолог — 235, 275–283, 409, 412, 444
– Теория исторического материализма (Популярный учебник марксистской социологии). М., 1922 — 275–283, 409
– Алфавит коммунизма: Популярное объяснение программы РКП(б). М., 1920 (в соавторстве с Е.А. Преображенским) — 169, 235

- Бэрр**, Бёрр (Burr) Уолтер (1877–?), американский социолог, профессор Сельскохозяйственного колледжа в Канзасе — 597, 598
– Rural Organization [Организация деревни]. New-York, 1921 — 597
- Бэтсон** (Bateson) Уильям (1861–1926), английский биолог, один из основателей генетики, автор термина «генетика» — 286
- Бюллетень международного статистического Института**, т. XIX, вып. 1 — 82
- Бюллетень Центрального Статистического Управления Украины**. 1922, № 7, № 9, № 11 — 537, 539
- Бюхер** (Bücher) Карл (1847–1930), немецкий экономист и статистик, представитель «новой исторической школы» в политэкономии — 240, 244, 245
– Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907, т. II — 240, 244, 245
- Бюше** (Buches) Филипп (1796–1865), французский политический деятель и историк, один из идеологов христианского социализма — 316

В

- Вагнер** Владимир Александрович (1849–1934), русский биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России — 132
– Биологические основания сравнительной психологии. 1910–1913, т. 1–2 — 132
- Вагнер** (Wagner) Рихард (1813–1883), немецкий композитор, писатель и театральный деятель — 61
- Ваккаро** (Vassago) Микеланджело (1854–1937), итальянский социолог и юрист — 171, 194
– Les Bases sociologiques du Droit et de l'Etat [Социологические основы права и государства]. Paris, 1898 — 171, 194
- Ваксвейлер** (Waxweiler) Эмиль (1867–1916), бельгийский социолог и публицист — 46, 49, 73
- Валлес** (Valles) Жюль (1832–1885), французский писатель, участник Парижской коммуны — 316
– Инсургент. Пг., 1921 — 316
- Вальдман** Виктор Александрович (1892–1970), терапевт, профессор Ленинградского государственного педиатрического института — 211, 214
– К вопросу о клинике голодания // Юбилейный сборник в честь XXV-летия научно-врачебной деятельности (1894–1919) проф. И.И. Грекова. Пг., 1921 — 211, 214
- Вальтцинг**, Вальсинг (Waltzing) Жан Пьер (1857–1929), бельгийский историк — 229, 230, 243–245, 253–255, 439
– Étude historique sur le corporations professionnelles chez les Romains [Исторические очерки о профессиональных корпорациях у римлян] // Memoires couronnés Бельг. Корол. Академии. Louvain, 1896, t. II — 230, 243, 244, 253–255, 439
- Ван ань-Ши** (1021–1086), китайский государственный деятель-реформатор, ученый и писатель, в 1070–1076 гг. первый министр; пытался провести ряд демократических реформ, которые в результате противодействия крупных землевладельцев и ростовщиков в 1085 г. были отменены — 438

- Вандервельде (Vandervelde)** Эмиль (1866–1938), бельгийский социалист, реформист — 326
- Ванпеус (Varräus)** Иоганн Эдуард (1812–1879), немецкий географ и статистик — 177
- Василевский П.В.** — 410
- Василевский** Лев Маркович (1876–1936), военный врач, поэт, литературный критик; во время гражданской войны был тяжело контужен и почти совершенно лишился слуха; отойдя от литературной работы, занимался пропагандой санитарно-гигиенических знаний; на тему голода им написаны следующие сочинения (из числа тех, с которыми был или мог быть знаком П.А. Сорокин): Книга о голоде. Популярный медико-санитарный очерк. Пг., 1922 (в соавторстве с Л.А. Василевской); Жуткая летопись голода. Уфа, 1922; По следам голода (Письмо из Уфы) // Экономист. 1922, № 4–5 — 472, 506
- Василий Великий** (ок. 330–379), греческий церковный деятель, мыслитель и писатель, один из трех главных святителей Православной церкви — 311, 323
- Василий Шуйский** — см. Шуйский В.И.
- Васильев** Николай Александрович (1880–1940), философ, этик, психолог, историк, поэт и переводчик — 334, 335, 409
– Вопрос о падении Римской империи и античной литературы в историографической литературе и в связи с теорией истощения народов и человечества. Казань, 1921 — 334, 335, 409
- Введенский** Александр Иванович (1889–1946), с 1921 г. протоиерей, с 1924 г. митрополит, один из основателей и лидеров «Живой церкви», проповедовавший «коммунистическое христианство» — 487
- Вебб, Уэбб (Webb)** Сидней (1859–1947) и Беатриса (урожд. Поттер; 1858–1943), супруги с 1892 г., английские экономисты и общественные деятели, идеологи тред-юнионизма и так называемого фабианского социализма — 307, 314
– Теория и практика английского тред-юнионизма. СПб., 1900–1901, т. 1–2 — 307, 314
- Вебер (Weber)** Альфред (1868–1958), немецкий социолог и экономист, брат М. Вебера — 163
– Rythme du Progrès [Ритм прогресса; частичный перевод: Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. 3]. Paris, 1913 — 163
- Вебер (Weber)** Макс (1864–1920), немецкий социолог, философ и историк, основоположник «понимающей социологии» — 73, 303, 557
– Agrarverhältnisse im Altertum [Аграрные отношения в древности] // Handwörterbuch für Staatswissenschaften. 1909, Bd. 3 — 303
- Вебер (Weber)** Эрнст Генрих (1795–1878), немецкий психофизиолог и анатом, разработавший ряд методик и приборов для опытного изучения органов чувств (в частности, «циркуль Вебера» для определения порога кожной чувствительности) — 100
- Веблен (Veblen)** Торстейн (1857–1929), американский экономист и социолог — 89, 302
– The Theory of the Leisure Class [перевод: Теория праздного класса. М., 1984]. New York, 1899 — 89, 302
– Industrial and Pecuniary Employments [Занятость в промышленности и финансовой сфере] // Publication of American Economic Association. 1901, February — 302
- Веды**, древнейшие памятники индийской литературы — 249

- Вейсс** (Weiss) Альберт Пол (1879–1931), американский психолог-бихевиорист, автор работ по теоретической и экспериментальной психологии — 78, 279, 367, 368
 – Relation between functional and behavior psychology [Соотношение между структуральной и бихевиористской психологией] // Psychological Review. 1917, № 4 — 78
- Вениамин** (в миру: Казанский В.П.; 1874–1922), митрополит Петроградский и Гдовский; за сопротивление, оказанное советским властям при насильственном изъятии церковных ценностей (после того как согласие на добровольное пожертвование было уже дано), привлечен к суду и расстрелян в ночь с 12 на 13 августа — 486, 487
- Верховенский** Петр Степанович, персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы»; главный «бес», руководитель тайной организации, сын Степана Трофимовича Верховенского — 121
- Вестермарк** (Westermarck) Эдвард (1862–1939), финский социолог и этнограф — 171, 332
 – The origin and development of the moral ideas [Происхождение и развитие нравственных идей]. London, 1908, vol. I — 171
- Вестник изучения и воспитания личности** – см. Вопросы изучения и воспитания личности
- Вестник литературы.** 1921, № 8 — 218, 294
- Вивиани** (Viviani) Рене (1871–1925), французский государственный деятель, премьер-министр Франции — 326
- Вико** (Vico) Джамбатиста (1668–1774), итальянский философ, основоположник философии истории Нового времени — 141, 162, 334, 341, 557
- Виллерме** (Villermé) Луи-Ренэ (1782–1863), французский врач и статистик — 192
- Вильгельм II** (Wilhelm) Гогенцоллерн (1859–1941), германский император и прусский король (1888–1918) — 198
- Вильсон** (Wilson) Вудро (1856–1924), американский политический и государственный деятель, президент США от демократической партии в 1913–1921 гг. — 559
- Виндельбанд** (Windelband) Вильгельм (1848–1915), немецкий философ, глава Баденской школы неокантианства — 150
 – Прелюдии. СПб., 1904 — 150
- Виппер** Роберт Юрьевич (1859–1954), русский историк — 253, 410, 555, 557
 – Судьба религии. Берлин-Пб.-М., 1921 — 555
 – Очерки истории Римской империи. М., 1908 — 253
- Витт Святой**, римский мученик, убитый в 303 г., по церковному преданию, св. Витт был мальчиком семи (или двенадцати лет), сыном римского сенатора-язычника, принявшим христианство под влиянием своего наставника, после чего он отправился в Рим, где изгнал бесов из императора Диоклетиана; но когда Витт отказался молиться римским богам, его арестовали и бросили ко львам, которые его не тронули, тогда Витта бросили в котел с кипящим маслом; в XVI веке в Германии существовало поверье, что можно обрести здоровье, танцуя перед статуей святого Витта в день его именин, впоследствии эти пляски стали путать с хореей (нервным заболеванием, характеризующимся беспорядочными, отрывистыми, нерегулярными движениями, часто напоминающими танец), которое называли «пляской Святого Витта» — 217

- Водовозов** Василий Васильевич (1864–1933), русский публицист, юрист и экономист, автор статей по социально-экономической и политической истории — 410
- Володарский** (наст. фамилия Гольдштейн) Моисей Маркович (1891–1918), революционный деятель, в 1905 г. вступил в Бунд, в 1917 г. примкнул к большевикам, после Октябрьской революции член ВЦИК, убит 20 июня эсером — 395, 470, 495
- Волохов** Марк, главный герой романа И.А. Гончарова «Обрыв» (1869) — 493
- Вольтер** (Voltaire) (псевдоним Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778), французский писатель, мыслитель и публицист — 158, 315
- Воля России**, № VII — 506
- Вопросы изучения и воспитания личности.** СПб., 1921, № 3 — 411 (ошибочно: Вестник...), 603
- Врангель** Петр Николаевич (1878–1928), барон, участник белогвардейского движения, с апреля 1920 г. главнокомандующий Русской армией в Крыму — 105
- ВСНХ. К IX партийному съезду.** Только для коммунистов. Промышленность и торговля. 1922 — 543
- Вуд** (Wood) Джордж Генри (1874–1945), английский экономист и статистик — 248, 573
 – Real Wages and the Standard of Comfort since 1850 [Реальная заработная плата и уровень жизни с 1850 г.] // Journal of the Royal Statistical Society. 1909, March — 248
 – Some Statistics related to Working Class Progress since 1860 [Некоторые статистические данные об улучшении жизни рабочего класса с 1860 г.] // Journal of the Royal Statistical Society. 1899 — 248
- Вуд Л.** (по-видимому, ошибка П.А. Сорокина; см. Уорд Л.) — 410
- Вудс** (Woods) Фредерик Адамс (1873–1939), американский биолог, евгеник и историк, автор термина «историометрия» — 85
 – Mental and moral Heredity in Royalty [Умственная и нравственная наследственность в королевской семье]. New York, 1906 — 85
- Вульфius** Александр Германович (1880–1941), российский и советский историк (прибалтийский немец), в 1930-х гг. репрессирован — 65
 – Западная Европа в Новое время. Пг., 1920 — 65

Г

- Галилей** (Galilei) Галилео (1564–1642), итальянский физик, механик, астроном, поэт и филолог — 168
- Гальтон** (Galton) Фрэнсис (1822–1911), английский психолог и антрополог — 85, 169, 187, 191, 283, 286, 428, 513
 – Hereditary Genius [Наследственная гениальность]. London, 1892 — 85, 187, 191
- Гамсун** (Hamsun; наст. фам. Педерсен) Кнут (1859–1952), норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии — 204, 210, 213–215
 – Голод (Полное собрание сочинений. СПб., 1910, т. II) — 204, 210, 213–215

- Ганнибал** (247–181 до н. э.), карфагенский полководец — 171
- Гарнак** (Harnack) Адольф (1851–1930), немецкий протестантский теолог, историк религии и церкви — 304
– Сущность христианства. СПб., 1907 — 304
- Гаррисон** (Harrison) Фредерик (1831–1922), английский юрист, профессор международного права, представитель контовского позитивизма в Англии — 555
- Гегель** (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ — 250, 277, 334, 619
- Геддес** (Geddes) Патрик (1854–1932), шотландский биолог, социолог и градостроитель, один из пионеров сексологии — 555
- Гендерсон** (Henderson) Артур (1863–1935), английский политический деятель — 326
- Генрих VIII** Тюдор (1491–1547), английский король, прославившийся прямым участием в английской реформации и необычным для христианина числом браков (имел шесть жен, с двумя из которых он развелся, а двух казнил по обвинению в измене) — 168
- Гербарт** (Herbart) Иоганн Фридрих (1776–1841), немецкий философ, психолог и педагог, противник немецкого классического идеализма послекантовского периода — 619
- Гердер** (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий философ-просветитель — 334
- Гернет** Михаил Николаевич (1874–1953), русский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права — 90
– Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914 — 90
- Гертвиг**, Хертвиг (Hertwig) Оскар (1849–1922), немецкий биолог, эмбриолог и цитолог — 286
- Герц** (Hertz) Генрих Рудольф (1857–1894), немецкий физик, один из основателей электродинамики — 187
- Герцен** Александр Иванович (1812–1870), русский писатель, мыслитель и общественный деятель — 57, 59, 60, 530, 608
– Концы и начала — 57
– С того берега — 57, 69
- Гессен** Сергей Иосифович (1887–1950), русский философ и публицист — 54
– Искания общественного идеала. Пг., 1918 — 54
- Гете** (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт, философ и мыслитель — 61
- Гиббон** (Gibbon) Эдуард (1737–1794), английский историк — 334
- Гиддингс** (Giddings) Франклин Генри (1855–1931), американский социолог, президент Американского социологического общества (1908) — 73, 82, 160, 410
– The elements of sociology [Элементы социологии]. New York, 1912 — 82
- Гизелер** (Gieseler) Иоганн Карл (1793–1854), немецкий церковный историк — 305
– Lehrbuch der Kirchengeschichte [Учебник по истории церкви]. Bonn, 1844, Bd. I — 305
- Гизетти** Александр Алексеевич (1888–1938), литературный критик, публицист, социолог; репрессирован — 410–411
- Гини** — см. Джини К.

- Гиппарх**, сын древнегреческого тирана Писистрата, младший брат Гиппия, убитый в 514 г. до н. э. Гармодием и Аристоклитом — 188, 427
- Гиппий** (565/560 – 490 до н. э.), сын афинского тирана Писистрата, ставший после смерти отца правителем Афин и продолживший его дело — 188, 427
- Гиро** (Guiraud) Поль (1850–1907), французский историк — 302
– La Propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine [Земельная собственность в Греции до римского завоевания]. Paris, 1893 — 302
- Гиффен**, Джиффен (Giffen) Роберт (1837–1910), английский экономист, специалист по финансам и налогообложению — 248, 573
– The Progress of the Working Classes [Развитие трудящихся классов] // Essay in Finance. Second series. London, 1890 — 248
- Глазунов** Сергей Федорович (1898–1942), историк, экономист, доцент Ленинградского государственного университета, входил в состав Бюро социологов России под председательством П.А. Сорокина, отец художника И.С. Глазунова — 411
- Гобгауз**, Хобхаус (Hobhous) Леонард (1864–1929), английский философ и социолог — 332
- Гобино** (Gobineau) Жозеф Артур (1816–1882), французский дипломат и ориенталист, посол в Тегеране, Афинах, Рио-де-Жанейро, автор «Опыта о неравенстве человеческих рас» и других сочинений — 73, 335, 409
- Гольбах** (Holbach) Поль Анри (1723–1789), французский философ-материалист и атеист, деятельный сотрудник «Энциклопедии» — 315
- Гордий**, фригийский царь; согласно древне-греческой легенде, тот, кто развяжет запутанный им узел, которым он привязал ярмо к дышлу телеги, получит господство над миром; по преданию. Александр Македонский в 334 году до н. э. в ответ на предложение распутать узел разрубил его мечом (отсюда выражение: «разрубить Гордиев узел» – значит принять быстрое и смелое решение запутанного и сложного вопроса) — 232
- Горовой-Шалтан** Владимир Антонович (1896–1951), врач из клиники душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии — 195, 219, 380, 431
– К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях // Врачебное дело, 1 февраля 1921 — 195, 219
- Горький** Максим (псевдоним Алексея Максимовича Пешкова; 1868–1936), русский советский писатель — 374, 375, 386, 407, 470, 472, 482, 490, 491, 504, 505
– Русская жестокость — 374
– О русском крестьянстве. Берлин, 1922 — 470
- Гох**, Гуч (Gooch) Джордж Пибоди (1873–1968), английский историк — 306, 314
– The history of English democratic ideas in seventeenth century [История демократических идей в Англии XVII в.]. Cambridge, 1898 — 306
– Левеллерское движение (приложение к книге: Монтегю Ф. История английской революции. М., 1920) — 314
- Гоц** Абрам Рафаилович (1882–1940), участник революционного движения в России, активный член боевой организации партии эсеров — 608
- Гракхи**, братья: 1) Тиберий (Tiberius Gracchus) (162–133 до н. э.), римский народный трибун до 133; 2) Гай Семпроний (Gaius Gracchus) (153–121 до н. э.), римский народный трибун в 123 и 122 гг. до н. э.; погибли в борьбе с сенатской знатью Рима за осуществление своих демократических аграрных реформ — 188, 243, 252, 303, 310, 427

- Гревс Иван Михайлович** (1868–1941), русский историк — 334, 343, 348, 485
- Грегор**, францисканский монах, племянник утраквистского епископа Рокицаны, основатель религиозной общины, состоящей из остатков таборитов и более строгих чашников (калистинцев), которые в 1467 г. совершенно отреклись от католической церкви и с тех пор жили в пустынях и пещерах (отсюда данное им в насмешку прозвище «пещерники») — 325
- Гредескул Николай Андреевич** (1865–1941), юрист и публицист, член ЦК партии кадетов, после революции преподавал в вузах Ленинграда — 348, 410, 411
- Греков Иван Иванович** (1867–1934), русский хирург, профессор, главный врач Обуховской больницы — 211
- Грэхэм**, прав.: Грэм (Graham) Томас (1805–1869), шотландский химик, установивший закон об относительной скорости истечения разных газов через пористую поверхность или искусственную мембрану при одинаковых условиях, известный как закон эффузии, закон Грэма или (неправ.) закон Грэхема — 277
- Григорий I Великий** (ок. 540–604), папа римский с 590 г., уделявший большое внимание организации хозяйства на папских землях — 323
- Гриффюэльс** (Griffuelhes) Виктор (1874–1922), один из основателей французского анархо-синдикализма, ученик Ж. Сореля — 613
- Гротьян** (Grotjahn) Альфред (1869–1931), немецкий врач, один из основоположников социальной гигиены — 307
– Über Wandlungen in der Volksernährung [Об изменениях в питании народа] // Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen, herausgegeben von G. Schmoller. 1902, Bd. XX, Heft 2 — 307
- Гуго** (Hugo; наст. фамилия Линдеман: Lindemann) Карл (1867–1950), немецкий политический деятель, социал-демократ — 257, 326
– Социализм во Франции в XVII–XVIII вв. // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. II — 257
– Религиозные и коммунистические общины в Северной Америке // Там же — 326
- Гумилев Николай Степанович** (1886–1921), русский поэт, расстрелянный по «Таганцевскому делу» — 402, 478
- Гумплович** (Gumplowicz) Людвиг (1838–1909), польско-австрийский социолог и правовед, профессор университета в Граце, представитель социального дарвинизма — 33, 35, 43, 73, 412

Д

- Далин** (наст. фамилия Левин) Давид Юльевич (1889–1962), общественно-политический деятель, социолог, публицист, историк революционного движения, мемуарист; меньшевик, доктор политической экономии; в 1910–1917 гг. жил за границей, в марте 1917 г. вернулся, в 1921 г. был выслан — 559–562
– После войны и революции. Берлин, 1922 — 559

- Дамокл**, фаворит сиракузского тирана Дионисия Старшего (конец V в. до н. э.), которому тот предложил занять его престол на один день; повесив над головой Дамокла меч без ножен на конском волосе, Дионисий тем самым показал ему, что тиран всегда живет на волосок от гибели — 360
- Дан** Федор Ильич (настоящая фамилия — Гурвич; 1871–1947), российский революционер и политический деятель, один из лидеров и теоретиков меньшевизма — 608
- Данте** (Dante) Алигьери (1265–1321), итальянский поэт, философ, политический деятель — 270, 272
- Дантон** (Danton) Жорж Жак (1759–1794), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев — 188, 427
- Дарвин** (Darwin) Леонард (1850–1943), четвертый сын Ч. Дарвина, военный инженер, политический деятель, экономист и евгеник, Президент Королевского Геологического общества (1908) — 186, 187
 – On the statistical enquiries needed after the war in connection with eugenics [О необходимости проведения статистических исследований после войны в связи с евгеникой] // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, March — 186, 187
- Дарвин** (Darwin) Чарльз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель, основатель эволюционного учения — 69, 77
 – О выражении ощущений у человека и животных (1872) — 77
- Де-Брукер**, Брукер (Brouckere) Луи де (1870–1951), бельгийский политический деятель, социал-демократ — 326
- Декамп** (Descamps) Поль (1872–1946), французский социолог и историк — 92, 603
 – La Hiérarchie des classes en Angleterre [Классовая иерархия в Англии] // La Science Sociale. 1911, fasc. 26 — 92
- Демолен** (Demolins) Эдмон (1852–1907), французский историк и социолог, представитель школы Ф. Ле Пле — 72, 82, 522
 – [Les grandes routes des peuples.] Comment la route crée le type social [Основные пути народов. Как создается социальный тип]. Paris, 1901–1903, т. I–II — 82
 – Les français d’aujourd’hui. Les types sociaux du midi et du centre [Французы сегодня. Социальные типы на юге и в центре]. Paris, 1898 — 82
 – Аристократическая раса. СПб., 1906 — 522
- Демоор**, Демор (Demoor; De Moor) Жан (1867–1941), бельгийский врач и педагог, специалист в области умственной отсталости у детей — 80
 – La plasticité organique du muscle [Органическая пластичность мышцы] // Travaux de l’Institut de physiologie [Inst. Solvay]; 1902, t. V, fasc. 3 — 80
- Дени** (Denis) Эрнест (1849–1921), французский историк, автор работ по чешской истории — 231, 306, 313, 325
 – Huss et la guerre des Hussites [Ян Гус и гуситская война]. Paris, 1878 — 231, 306, 313
- [Дёринг]** Döring. Великая война и естественное движение населения // Вестник статистики. 1920, № 5–8 — 172, 175, 177–181, 184
- Де-Роберти** (Де Роберти де Кастро де ла Серда) Евгений Валентинович (1843–1915), русско-французский социолог, философ-позитивист, земский деятель — 332

- Джемс** (James) Уильям (1842–1910), американский философ и психолог, один из основателей прагматизма — 78
 – Психология. СПб., 1916 — 78
 – What is emotion [Что такое эмоция] // Mind. 1884, № 9 — 78
- Дженнингс** (Jennings) Герберт Спенсер (1867–1947), американский биолог — 77
 – The behavior of lower Organisms [Поведение простейших организмов]. New York, 1906 — 77
- Джеркс**, Иеркс (Yerkes) Роберт (1876–1956), американский психолог — 49, 528
- Джефсон** (Jephson) Генри Лоренцо (1844–1914), английский ученый и политик, занимавшийся политической историей Великобритании и историей развития демократических институтов; член Прогрессивной партии (1901–1910) — 314
 – Платформа, ее возникновение и развитие. СПб., 1901, т. I–II — 314
- Джини**, Гини (Gini) Коррадо (1884–1965), итальянский демограф и социолог, профессор политэкономии в Падуе — 335, 409
- Джордан** (Jordan) Давид Старр (1851–1931), американский ихтиолог, зоолог и пацифист, президент Индианского и Стэнфордского университетов — 191, 194
 – La moisson humaine. Essai sur la decadance des races [Человеческая жатва. Эссе об упадке рас] // Revue internationale de sociologie. 1911 — 191, 194
- Диатроптов** Петр Николаевич (1859/1860–1934), советский гигиенист и микробиолог, заслуженный деятель науки РСФСР (1928), один из руководителей «Лиги спасения детей» — 504
- Дигби** (Digby) Уильям (1849–1904), английский журналист, писатель и политический деятель — 217
 – The famine campaign in Southern India [Борьба с голодом в Южной Индии]. London, 1878, vol. I–II — 217
- Дикинсон** (Dickinson) Голсуорти Лауэс (1862–1932), английский политолог и философ, пацифист, один из инициаторов создания «Лиги наций» — 555
- Диль** (Diehl) Шарль (1859–1944), французский историк, автор трудов по истории Византии — 439
- Динзе** Владимир Федорович (1886–1938), русский журналист, редактор, писатель-популяризатор — 410
- Диодор Сицилийский** (ок. 90–21 до н. э.), древнегреческий историк, автор сочинения «Историческая библиотека» — 228
- Диоклегиан** Гай Аврелий Валерий (245–316), римский император с 284 по 305 гг., установивший административное и территориальное разделение власти («тетрархию») — 198, 255
- Дионисий** (Псевдо-Дионисий) Ареопагит, христианский мыслитель V – нач. VI в., представитель поздней патристики — 61
- Дни**. Берлин, 1922, № 37, 12 декабря — 505
- Добшютц** (Dobschütz) Эрнст фон (1870–1934), немецкий протестантский теолог — 303–305, 323
 – Древнейшие христианские общины // Раннее христианство. СПб., издательство Брокгауз-Ефрон, с. 355–356 — 303–305

- Греческий мир и христианство // Там же — 323
- Греческий мир и христианство // Христианство в освещении протестантских теологов. СПб., 1914 — 304
- Долабелла** Публий Корнелий (ок. 69–43 до н. э.), древнеримский политический деятель, зять Цицерона; будучи народным трибуном, неудачно пытался провести закон о кассации долгов — 303, 310
- Дольчино** (Dolcino), вождь крестьянско-плебейского восстания 1304–1307 гг. в северо-западной Италии, направленного против феодальных повинностей и церковной власти — 312
- Дон-Кихот**, главный герой одноименного романа М. Сервантеса (1605–1615) — 472
- Достоевский** Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель и мыслитель — 60, 117–122, 194, 293, 487, 507, 511, 573
- Преступление и наказание (1866) — 120
 - Идиот (1868) — 117
 - Бесы (1871–1872) — 120, 122, 487
 - Братья Карамазовы (1879–1880) — 117, 120
 - Дневник писателя (1873–1881) — 117, 118
- Друз**, Марк Ливий Друз (ок. 124–91 до н. э.), римский политический деятель, народный трибун, автор ряда демократических реформ; убит политическими противниками — 310, 427
- Друмманн** (Drumann) Карл Вильгельм Август (1786–1861), немецкий историк и археолог — 253, 321
- Die Arbeiter und Communisten in Griecheland und Rom [Рабочие и коммунисты в Греции и Риме]. Königsberg, 1850 — 321
- Дульсинья Тобосская**, персонаж романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605–1615) — 472
- Д’Эт** (D’Aeth) Фредерик Джордж (1875–1940), английский социолог, экономист и общественный деятель — 92, 603
- Present Tendencies of class differentiation [Современные тенденции классовой дифференциации] // The Sociological Review. 1910, vol. III, № 4 — 92
- Дюбрейль** (Dubreuilh) Луи (1862–1924), французский журналист, публицист, историк и политический деятель, автор опубликованной в 1906 г. книги «Коммуна 1871 года» (рус. перевод: Пг., 1920) — 316
- Дюгем** (Duhem) Пьер (1861–1916), французский физик-теоретик, философ и историк естествознания — 240
- Физическая теория. Ее цель и строение. СПб., 1910 — 240
- Дюги** (Duguit) Леон (1859–1928), французский социолог и теоретик права — 147, 613
- Конституционное право. М., 1908 — 147
- Дюпон де Немур** (Dupont de Nemours) Пьер Самюэль (1739–1817), французский политический деятель и экономист-физиократ — 258
- Дюркгейм** (Durkheim) Эмиль (1858–1917), французский социолог, основатель французской социологической школы — 49, 73, 147, 157, 272, 332, 483, 525, 555, 558

Дюрюи (Duruy) Виктор (1811–1894), французский историк и политический деятель — 253, 255, 334, 439

– Histoire des Romains [История Римлян]. Paris, 1885, t. VI — 253

Дюшен Борис Вячеславович (1886–1949), участник революционного движения в России, по образованию инженер-технолог, с 1903 г. меньшевик; депутат Учредительного собрания, комиссар Временного правительства в Ярославской губернии; за участие в Ярославском восстании заочно приговорен к смертной казни, с 1919 г. жил в Эстонии, затем в Берлине, сменовеходец, член редколлегии газеты «Накануне», в 1926 г. вернулся в СССР — 456, 457

– [Изгнание интеллигентов] // Накануне. 1922, № 195 (у Сорокина ошибочно: № 175), 26 ноября — 456

Е

Екатерина II Алексеевна (1729–1796), российская императрица с 1762 г. — 193, 259, 260

Екклесиаст, автор книги Ветхого Завета, о жизни которого ничего не известно (поэтому ее авторство приписывают иногда царю Соломону); в книге изображается человек, наслаждающийся жизнью, который в конце концов спрашивает о смысле своего бытия — 141, 341

Елизавета Петровна (1709–1761), российская императрица с 1741 г., дочь Петра I и Екатерины I — 193

Емельянов Иван Васильевич (1880–1945), земский деятель, ученый агроном, профессор; в 1920 г. эмигрировал в Чехословакию, с 1921 г. Председатель пражского Земледельческого комитета помощи голодающим в России; с 1927 г. жил в США, где преподавал агрономию и экономику в одном из американских университетов — 565

Ермолов Алексей Сергеевич (1846–1917), государственный деятель России, ученый-аграрник, в 1892–1905 гг. возглавлял Министерство государственных имуществ — 259–261, 318

– Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909, ч. I — 259–261, 318

Есенин Сергей Александрович (1895–1925), русский поэт — 373

Ж

Жебровский Эдуард Адам (1872–), врач, доктор медицины, специалист по лечению туберкулеза — 367

Железнов Владимир Яковлевич (1869–1933), русский экономист, автор «Очерков политической экономии» (1902), выдержавших 8 изданий (8-е изд. – 1919 г.) — 412

Жид (Gide) Шарль (1847–1932), французский экономист и социолог, разработавший программу развития потребительской кооперации — 173, 307, 311, 314

– La reconstitution de la population française [Восстановление французского населения] // Revue de la Sociologie. 1916 — 173

– История экономических учений. М., 1914 — 311, 314

Жижиленко Александр Александрович (1873–193?), русский правовед, специалист в области уголовного права, профессор Петербургского университета — 371

– Преступность и ее факторы. СПб., 1922 — 371

Жорес (Jaurès) Жан (1859–1914), французский историк, видный деятель международного социалистического движения — 608

Журнал для хозяек, двухнедельный журнал, издававшийся в Москве с 1912 г. — 91

З

Заря, по-видимому, «Наша заря» — ежемесячный общественно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1910–1914 гг., легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов — 561

Зеек (Seeck) Отто (1850–1921), немецкий историк античности, профессор, умер в Риге — 191, 253, 255, 334, 335, 409
– Geschichte des Unterganges der antiken Welt [История гибели античного мира]. Stuttgart, 1895, Bd. I — 191, 253

Зеленый (Seliony) Георгий Петрович (1878–1951), русский биолог, ученик И.П. Павлова, доктор медицины — 49, 367, 410, 411

Зельгейм Владимир Николаевич (1873–1924), деятель кооперативного движения, с 1900 г. жил в Москве, один из основателей Центросоюза, член Московского союза потребительских обществ, сотрудник Министерства земледелия и продовольствия во Временном правительстве (1917), в 1919 г. уехал за границу — 367

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953), российский политический деятель, эсер, после Февральской революции 1917 г. член ЦК ПСР, член исполкома Петроградского совета; с 1919 г. за границей, умер в Нью-Йорке — 608

Зиммель (Simmel) Георг (1858–1918), немецкий социолог, культуролог и философ — 67, 73
– Hauptprobleme der Philosophie [Основные проблемы философии]. Leipzig, 1910 — 67

Зиновьев (наст. фамилия Апфельбаум) Григорий Евсеевич (1883–1937), советский государственный и партийный деятель — 404, 441, 444, 455, 480, 495

Золла (Zolla) Даниэль (1859–1927), французский экономист, профессор, специалист по экономике сельского хозяйства — 258, 259, 265
– La crise de subsistances sous la Revolutions [Продовольственный кризис во время революций] // Revue des deux mondes. 1 декабря 1915 г. — 258, 259, 265

Зомбарт (Sombart) Вернер (1863–1941) немецкий экономист, социолог и историк — 307
– Sozialismus und Sozialer Bewegung [рус. перевод: Социализм и социальное движение в XIX столетии. СПб., 1902]. Jena, 1905 — 307

Зосима, один из главных идеологических героев романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», старец — 117, 293

И

Иаков (*библ.*), младший из двух сыновей-близнецов Исаака и Ребеки, купивший у своего брата Исава право первородства за чечевичную похлебку — 111

- Ибсен** (Ibsen) Генрик (1828–1906), норвежский драматург — 61
- Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный** (1530–1584), великий князь с 1533 г., первый русский царь с 1547 г. — 168
- Иван Калита** (ок. 1283–1340 или 1341), князь Московский с 1325 г., Великий князь Владимирский (1331–1340), князь Новгородский (1328–1337) — 67
- Иванов** Конон (XVIII в.), подьячий [канцелярский служащий в приказах и местных государственных учреждениях Русского государства XVI–XVII вв., помощник дьяка] — 263
- Иекк** (Jaekh) Густав (1866–1907), немецкий социал-демократ, журналист и историк, автор книги «Интернационал» (СПб., 1906) — 307
- Иеринг** (Ihering) Рудольф (1819–1892), немецкий юрист, основатель социологической школы в юриспруденции — 147
– Цель в праве. СПб., 1881, т. 1 — 147
- Изамбер** (Isambert) Гюстав (1841–1902), французский политический деятель, публицист — 302, 307, 316
– Les idées socialiste en France de 1815 à 1848 [Социалистические идеи во Франции в период с 1815 по 1848 г.]. Paris, 1905 — 302, 307, 316
- Известия ВЦИК**. 1922, № 214 — 538
- Известия ЦИК**, 2 октября 1921 г. — 506
- Изгоев** Александр (Арон) Соломонович (наст. фамилия Ланде; 1872–1935), публицист, журналист, член ЦК партии кадетов — 294, 296
– Власть и личность // Вестник литературы. 1922, № 1 — 294
- Иисус Христос** — 118, 119, 121, 217, 300, 323, 556, 557
- Иностранцев** Александр Александрович (1843–1919), русский геолог — 189, 401, 427, 477, 516
- Иоанн Златоуст** (Хризостом) (ок. 350–407), христианский писатель, один из Отцов Церкви, патриарх Константинопольский — 304, 323
- Иоанн Лейденский** (Jan van Leiden), Ян Бокельзон (ок. 1509–1536), вождь немецких анабаптистов, глава Мюнстерской коммуны, находившийся под влиянием идей Т. Мюнцера — 199, 231, 306, 313, 325
- Иосиф** (*библ.*), одиннадцатый сын патриарха Иакова, проданный братьями в рабство в Египет — 251
- Иосиф II** (Joseph) (1741–1790), император священной Римской империи (1765–1790) и в габсбургских наследственных землях (1765–1780), соправитель своей матери Марии Терезии, затем правил единолично; провел реформы наиболее устаревших феодальных институтов — 198, 199, 231, 355, 356, 451, 562
- Иоффе** Адольф Абрамович (1883–1927), советский государственный и партийный деятель, в 1922 г. член советской делегации на Генуэзской конференции, затем посол в Китае, а с 1924 г. в Австрии; в 1925–1927 гг. один из лидеров троцкистской оппозиции; покончил жизнь самоубийством — 495
- Ипувер** (Ipuwer), предполагаемый автор древнеегипетского трактата «Речения Ипувера», сохранившегося в копии времени Нового царства (примерно XIV–XIII вв. до н. э.) — 391, 465

К

- Кабэ**, Кабе (Cabet) Этьен (1788–1856), французский публицист, выдвинувший идею коммунистического переустройства общества — 316
- Казер** (Kaser) Курт (1870–1931), немецкий историк, профессор в Граце — 231, 313
 – Politische und soziale Bewegungen im deutschen Burgertum zu Beginn des 16. Jahrhunderts [Политические и социальные движения в немецких городах в начале XVI века]. Stuttgart, 1899 — 231, 313
- Калита** — см. Иван Калита
- Каменев** (наст. фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), советский государственный и партийный деятель, один из видных соратников В.И. Ленина, в 1919–1926 гг. член Политбюро — 495
- Камков** Борис Давидович (настоящая фамилия Кац; 1885–1938), экономист, сотрудник эсеровского журнала «Заветы» (1913–1914), один из создателей и лидеров партии левых эсеров; репрессирован — 150
- Кандид**, главный герой одноименной философской повести Вольтера (1758) — 383, 472
- Кант** (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии — 61
- Каплун** Борис Гитманович (1894–1937), советский инженер и хозяйственный работник, в 1918–1922 гг. член коллегии отдела управления Петросовета, затем работал в Петроградском совнархозе; в ноябре 1921 г. за карьеризм и злоупотребление служебным положением решением Петроградской проверочной комиссии был исключен из партии, в 1930-х гг. репрессирован — 503
- Карамзев** Иван Федорович, литературный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», средний сын Федора Павловича Карамазова, брат Дмитрия и Алеши — 122
- Кареев** Николай Иванович (1850–1931), русский историк, публицист и социолог-позитивист, один из основателей научной социологии в России — 259, 315, 346, 347, 408, 410
 – История Западной Европы в новое время. СПб., 1913, т. III — 315
 – История Западной Европы в новое время. СПб., 1894, т. IV — 259
 – Общие основы социологии. Пг., 1919 — 408
- Карл Великий** (Charlemagne; лат. Carolus Magnus) (742–814), король франков из династии Каролингов с 768 г., император с 800 г.; выдающийся законодатель, полководец и просветитель, значительно расширивший территорию Франкского государства — 255
- Карлейль** (Carlyle) Томас (1795–1881), английский писатель, историк и философ-идеалист — 195, 271–272, 291, 389
 – Sartor Resartus. M., 1902 — 195
- Карлсон** (Carlson) Антон Джулиус (1875–1956), американский психолог шведского происхождения — 202
 – Contributions to the Physiology of the Stomach [Заметка о физиологии желудка] // American Journal of Physiology. 1913, № 31 — 202

- Карнеги** (Carnegie) Эндью (1835–1919), американский сталепромышленник; в начале своей карьеры был простым телеграфистом, затем стал одним из самых крупных миллионеров США, основал ряд фондов: фонд Карнеги по усовершенствованию преподавания (1906), фонд Карнеги по борьбе за мир (1910), Институт Карнеги в Вашингтоне (1902), потратив при этом на благотворительность в общей сложности 350 млн долларов — 514, 617
- Каролинги** (Carolingi), королевская и императорская династия во Французском государстве, получившая название по имени Карла Великого; в 751 г. сменила Меровингов, прекратив свое существование в X в. — 311
- Карсавин** Лев Платонович (1882–1952), русский религиозный философ и историк — 65–67, 305, 312, 323, 324, 409, 485
- Введение в историю. Пг., 1920 — 65, 409
 - Культура средних веков. Пг., 1918 — 323, 324
 - Очерки религиозной жизни в Италии в XII–XIII вв. СПб., 1912 — 306, 312
 - Предмет истории (Теория истории). Пг., 1920 — 66
- Кассий**, Гай Кассий Лонгин, консул Римской республики 73 г. до н. э., в совместное с Марком Теренцием Варроном Лукуллом консульство был принят «закон Теренция-Кассия» (lex Terentia Cassa), регламентировавший государственную закупку хлеба в Сицилии и продажу его римлянам по льготным ценам — 244
- Катилина** Луций Сергий (108–62 до н. э.), римский претор в 68 г.; в 66–63 гг. пытался захватить власть, привлекая недовольных обещанием кассации долгов; заговор был раскрыт Цицероном — 188, 300, 303, 310, 427
- Каутский** (Kautsky) Карл (1854–1938), немецкий социал-демократ, один из лидеров и теоретиков II Интернационала — 51, 231, 304–306, 310–313, 324, 325, 561, 607
- Национальные проблемы. Пг., 1918 — 51
 - От Платона до анабаптистов // Предшественники новейшего социализма. СПб., 1907, т. I — 231, 304–306, 310–313, 324, 325
 - Очередные проблемы международного социализма. М.-Пг., 1918 — 607
- Кейнс** (Keynes) Джон Мейнард (1883–1946), английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории, автор популярной после Первой мировой войны книги «Экономические последствия Версальского мирного договора» (1919; рус. перевод: М., 1922) — 559
- Кемаль-паша**, Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938), основатель и первый президент (1923–1938) Турецкой республики, в 1919 г. возглавил национально-освободительное движение в Анатолии, которое впоследствии получило название «Кемалистской революции» — 561
- Кеннон** (Cannon) Уолтер Брэдфорд (1871–1945), американский психолог, невропатолог, профессор Гарвардской медицинской школы, член Американского психологического общества — 202, 215
- An Explanation of Hunger [Объяснение голода] (в соавторстве с М.Ф. Уэшберном // American Journal of Physiology. 1912, № 26 — 202, 215
- Керенский** Александр Федорович (1881–1970), русский политический и государственный деятель, глава Временного правительства, с 1918 г. эмигрант, в 1922–1932 гг. редактировал газету «Дни» (в которой печатался под инициалами А.К.), с 1940 г. жил в США — 601, 608

- Кеткар** (Ketkar) Шридхар Венкатеш (1884–1937), индийский социолог, историк, писатель и журналист; писал на маратхи — 96
- Кидд** (Kidd) Бенджамин (1858–1916), английский социолог, социал-дарвинист — 272, 483, 525, 555
- Кизеветгер** Александр Александрович (1866–1933), историк, деятель кадетской партии, профессор Московского университета, депутат 2-й Государственной Думы, в 1922 г. выслан за границу — 404, 481
- Килон**, афинский аристократ, который в 632 до н. э. безуспешно пытался установить тиранию в Афинах — 303
- Кириллов** Алексей Нилович, центральный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы» (1870–1872), реальным прототипом которого отчасти послужил петрашевец К.И. Тимковский (1814–1881) — 122
- Киселев** Павел Дмитриевич (1788–1872), граф, русский государственный деятель, с 1835 г. постоянный член всех секретных комитетов по крестьянскому делу — 261
- Кистяковский** Богдан Александрович (1868–1920), русский философ, социолог и правовед — 427
- Кишкин** Николай Михайлович (1864–1930), русский политический деятель, член ЦК партии кадетов, министр государственного призрения в правительстве А.Ф. Керенского, в 1921 г. один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим, арестован за антисоветскую деятельность, освобожден по амнистии; с 1923 г. работал в Наркомздраве РСФСР — 504
- Клайнс** (Clynes) Джон Роберт (1869–1949), английский политический деятель, один из лидеров лейбористской партии — 265
 – Food Control in War and Peace [Контроль за продовольствием во время войны и мира] // The Economic Journal. 1920, June — 265
- Клеман** (Clément) Жан Пьер (1809–1870), французский экономист-историк — 257
 – La police sous Louis XIV [Охрана общественного порядка при Людовике XIV]. 1866 — 257
- Клемансо** (Clemenceau) Жорж (1841–1929), премьер-министр Франции в 1906–1909, 1917–1920 гг. — 326
- Клеомен III** (ум. 219 до н. э.), спартанский царь в 235–222 гг. до н. э., реформатор конституционно-правовой системы Спарты и ее армии; в войне с Аратом и Антигоном Дозоном, бежал в Египет и там покончил с собой — 252, 303
- Клеон** (ок. 470–422 до н. э.), афинский политический деятель, предводитель партии радикальных демократов («демагог»), в период Пелопоннесской войны стратег; погиб в битве при Амфиполе — 188, 427
- Климент** Александрийский Тит Флавий (ок. 150 – ок. 215), христианский теолог, писатель, один из видных представителей раннехристианской апологетики — 304, 311
- Клодий** (Clodius) Публий (ок. 93–52 до н.э.), римский народный трибун; провел законы о бесплатной раздаче хлеба плебсу, об ограничении власти цензоров — 244

- Клочков** Михаил Васильевич (1877–1952), русский историк, профессор высших женских курсов — 193, 264
 – Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб., 1911 — 193, 264
- Ключевский** Василий Осипович (1841–1911), русский историк, профессор Московского университета — 262, 264, 336
 – Курс русской истории. М., 1918, т. III, т. IV — 262, 264, 336
- Кобад** (Кабадес, Кавад, Гобад), персидский царь из династии Сасанидов, сын Фируза, преемник Палаша, царствовал в 488–531 гг. — 562
- Ковалевский** Максим Максимович (1851–1916), русский историк, социолог и правовед — 32, 33, 35, 43, 245–247, 256, 257, 306, 311, 313, 314, 323, 332, 410, 421, 516
 – Какими мерами итальянские республики боролись с голодом и нуждой // Помощь голодающим. М., 1892 — 246, 247
 – От прямого народоправства к представительному. М., 1906, т. I–II — 306, 313, 314, 323
 – Общественный строй Англии в конце Средних веков. М., 1880 — 311
 – Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892, №№ 1–3 — 306
 – Экономический рост Европы. М., 1898, т. I, 1900, т. II, 1903, т. III — 245, 256
- Коген** (Cohen) Герман (1842–1918), немецкий философ, глава Марбургской школы неокантианства — 61
- Кодерлье** (Cauderlier) Эмиль (1847–1889), бельгийский экономист — 173
 – Les lois de la population en France [Законы народонаселения во Франции]. Paris, 1902 — 173
- Колчак** Александр Васильевич (1873–1920), адмирал (с 1917 г.), один из главных руководителей белого движения в Сибири во время гражданской войны — 103, 105, 106
- Колобакин** Михаил Васильевич, в 1653–1656 гг. воевода Вереи — 263
- Комиссаров** Михаил Степанович (1870 – после 1927), генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, с 1906 г. – помощник начальника Петербургского отделения, в 1909–1916 гг. – начальник Енисейского, Пермского, Саратовского, Вятского, Варшавского жандармских управлений; прославился неразборчивостью средств с целью продвижения по службе; после 1917 г., по некоторым сведениям, агент ВЧК-ОГПУ в среде российской эмиграции — 434
- Коммунистический Интернационал**, журнал; орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, издававшийся в 1919–1943 гг., сначала в Петрограде и Москве, а затем в Москве (1919: №№ 1–8, 1920: №№ 9–16; 1921: №№ 17–19, 1922: №№ 20–24) — 318
- Кондорсе** (Condorcet) Мари Жан Антуан Никола (1743–1794), французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, сотрудник «Энциклопедии» — 188, 427
- Кондратьев** Николай Дмитриевич (1892–1938), русский экономист, автор теории «длинных волн» — 266, 542
 – Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922 — 266, 542

- Конклин** (Conklin) Эдмунд Смит (1884–1942), американский психолог и социолог — 555
- Константин I Великий** (ок. 285–337), римский император (с 306 г.), легализовавший христианство — 322
- Конт** (Comte) Огюст (1798–1857), французский философ и социолог, основоположник позитивизма — 45, 158, 162, 163
– Cours de philosophie positive [Курс позитивной философии]. Paris, 1840, vol. IV — 162
- Кориолан** Гней Марций (V в. до н. э.), по древней римской легенде, патриций, изменивший своему народу — 427
- Корнелиус** (Cornelius) Карл Адольф (1819–1903), немецкий историк — 313
– Geschichte des münsterischen Aufruhrs [История восстания Мюнстерской коммуны]. 1860, Bd. II — 313
- Корнилов** Константин Николаевич (1879–1957), русский психолог, противник рефлексологии В.М. Бехтерева и американского бихевиоризма — 410
– Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («реактология»). М., 1921 — 410
- Кост** (Coste) Адольф (1842–1901), французский социолог-позитивист, президент Парижского статистического общества — 35, 49, 421
- Красин** Леонид Борисович (1870–1926), советский государственный и партийный деятель — 441, 455, 495, 545, 608
- Красная Газета**, выходила с января 1918 по февраль 1939 г., в марте 1939 г. была объединена с газетой «Ленинградская правда» — 356
15–16 апреля 1921 — 506
31 января 1922 — 219
- Красная Москва**. 1917–1920 гг. М., 1920 — 176, 178, 179, 184, 472, 506, 536
- Красницкий** Владимир Дмитриевич (1880–1936), один из деятелей церковно-обновленческого движения, основатель и бессменный руководитель «Живой церкви», тесно связанный с ОГПУ — 434, 488
- Красный Черноморский Флот**, газета, издававшаяся (под таким названием) в Мариуполе с ноября 1920 г. по июль 1922 г. — 537
- Крестьянская Россия**, сборники статей «по вопросам общественно-политическим и экономическим», издававшиеся в Праге в 1922–1924 гг. (всего вышло 9 номеров в 6 книгах) — 601
- Крижанич** (Križanić) Юрий (1618–1683), хорватский писатель, сторонник идеи «славянского единства», главную роль в осуществлении которой отводил Русскому государству — 264
- Криницкий** Марк (псевдоним Михаила Владимировича Самыгина; 1874–1952), русский писатель и литературный деятель — 219
- Критий** (460–403 до н. э.), древнегреческий политический деятель, возглавивший правление Тридцати тиранов; дядя Платона, поэт, философ круга софистов и Сократа; был убит в сражении с афинскими демократами — 188, 427

- Кромвель** (Cromwell) Оливер (1599–1658), вожь английской буржуазной революции XVIII в., с 1653 г. лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии — 198
- Кропоткин** Петр Алексеевич (1842–1921), русский революционер, теоретик анархизма, ученый-географ — 50, 60, 73, 147, 154, 259, 409, 608
 – Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1919 — 50, 147, 154
 – Этика. Пб.-М., 1922, т. 1 — 409
 – Великая французская революция. М., 1919 — 259
- Кругликов П.И.**, психолог, в начале 1920-х гг. член «Ассоциации для изучения общественных наук при высших учебных заведениях г. Казани», в эти же годы был сотрудником Психофизиологического отдела Казанского Института научной организации труда; в дальнейшем перебрался в Москву, где, возможно, преподавал в Институте народного хозяйства им. Плеханова и в ВСЕККЗО (Всесоюзном комбинате кооперативного и заочного обучения), по меньшей мере, до 1939 г. — 412
 – В поисках живого человека. Очерк 1. Современная психология и ее сближение с науками о культуре. Казань, 1921 — 412
- Крылов** Иван Андреевич (1768–1844), русский баснописец, писатель и драматург — 278, 526
- Куклин** Григорий Александрович, комиссар Петрокоммуны — 381, 392
- Кули** (Cooley) Чарлз Хортон (1864–1929), американский социолог, профессор Мичиганского университета, экс-президент Американского социологического общества — 520
 – Social Organization [Социальная организация]. New York, 1909 — 520
- Кулишер** Иосиф Михайлович (1878–1934), русский экономист и историк народного хозяйства — 245, 311
 – Лекции по истории экономического быта. Пг., 1918 — 245, 311
- Кун** (Kuhn) Эмиль (1807–1880), немецкий историк — 245
 – Die städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reichs bis auf die Zeiten Justinians [Муниципальное и гражданское устройство Римской империи до эпохи Юстиниана]. Leipzig, 1864, Bd. I — 245
- Куразов** Николай Федорович, историк и краевед — 410
- Кури** Борис Григорьевич (1885–1938), русско-украинский историк, востоковед и педагог; репрессирован — 259, 262, 264
 – Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родэса. М., 1915 — 259, 262, 264
- Куршман** (Curschmann) Фриц (1874–1946), немецкий историк — 217, 245, 256
 – Hungersnöte in Mittelalter [Массовый голод в Средние века]. Leipzig, 1900, Bd. II — 217, 245, 256
- Кускова** Екатерина Дмитриевна (1869–1958), автор знаменитого «Кредо» (1899), в 1921 г. вместе со своим мужем С.Н. Прокоповичем возглавляла Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол), в 1922 г. выслана за границу, проживала сначала в Праге, потом в Женеве — 417, 418, 471, 472, 503, 504, 506–508
- Кювье** (Cuvier) Жорж (1769–1832), французский естествоиспытатель, натуралист, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии — 169

Л

- Лабриола** (Labriola) Антонио (1843–1904), итальянский философ, публицист, теоретик и пропагандист марксизма — 73, 613, 614
- Лавров** Петр Лаврович (1823–1900), русский философ и социолог, теоретик революционно-народничества — 60, 69, 71–74, 125–148, 150–164, 316, 608
- Важнейшие моменты в истории мысли. М., 1903 (под псевдонимом А. Доленга) — 71, 127, 129, 130, 133, 135–137, 139, 142–144, 152, 155, 156, 161
 - Государственный элемент в будущем обществе. Лондон, 1876–1879 — 136
 - Дарвинизм в ботанике и истории // Отечественные записки. 1877, № 4 — 144
 - Задачи понимания истории. СПб., 1903 (под псевдонимом С.С. Арнольди) — 127, 135, 138, 141–145, 153, 155, 163
 - Исторические письма. СПб., 1870 (под псевдонимом Миртов) — 127, 130, 139, 144, 145, 148, 152
 - Кому принадлежит будущее. М., 1905 (под псевдонимом С.С. Арнольди) — 127, 129, 130, 152
 - Опыт истории мысли нового времени. Женева, 1894 — 71, 72
 - Опыт истории мысли. СПб., 1875, т. 1 (автор на обложке не указан) — 127, 132, 135–137
 - Собрание сочинений. Пг., 1918, вып. 2, 3, 7, 8, 22 — 71, 127, 128, 130–133, 135–139, 143–145, 148, 153, 155, 156
 - Формула прогресса Михайловского // Отечественные записки. 1870, № 2 — 145
- Лавуазье** (Lavoisier) Антуан Лоран (1743–1794), французский химик, казненный по приговору революционного трибунала — 188, 427
- Лагардель** (Lagardelle) Юбер (1875–1914), французский экономист и общественный деятель, синдикалист; один из основателей Социалистической партии Франции, предтеча фашизма, министр труда в правительстве Виши — 73, 607, 609, 613
- La Confederation du Travail et le parti socialiste [Конфедерация труда и социалистическая партия] // Le Mouvement socialiste. Paris, 1908, № 189–190 — 607
- Лазарев** Петр Петрович (1878–1942), российский и советский физик, биофизик и географ, академик (с 1917 г.) — 273, 274
- Физико-химические основы нервной деятельности. М., 1922 — 273
- Лазаревский** Николай Иванович (1868–1921), русский правовед, ректор Петроградского университета, расстрелянный в 1921 г. по «Таганцевскому делу» — 402, 478
- Лазерсон** Максим Яковлевич (1880–1952), русский социолог, правовед и политический деятель, с 1925 г. невозвращенец — 51, 410
- К международной постановке еврейского вопроса. Пг., 1917 — 51
- Ламарк** Жан Батист (1744–1829), французский натуралист и мыслитель — 81, 169, 603
- Philosophie Zoologique [Философия зоологии] (1809) — 81, 169
- Ланге** Николай Николаевич (1858–1921), русский психолог, профессор философии Одесского университета (с 1888 г.), где организовал одну из первых в России экспериментальных психологических лабораторий — 78
- Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896 — 78

- Лангерок** (Langerock) Губерт (1869–?), американский социолог — 89
 – Professionalism: a study in professional deformation [Профессионализм: изучение профессиональной деформации] // American journal of sociology. 1915, vol. XXI — 89
- Ланьо** (Lagneau) Жюль (1851–1894), французский философ, автор статьи «Последствия войн» (Les consequences des Guerres // Seances et Travaux de l'Academie des Sciences Morales et Politiques. 1892) — 171
- Лаппо-Данилевский** Александр Сергеевич (1863–1919), русский историк, член Петербургской академии наук (с 1899 г.) — 516
- Лапуж** (Lapouge) Жорж Ваше (1854–1936), французский социолог, последователь теории социального дарвинизма и один из идеологов расизма; представитель расово-антропологической школы — 73, 80, 95, 190, 191, 194, 287, 335, 409
 – Les sélections sociales [Социальный отбор]. Paris, 1896 — 191
- Лапшин** Иван Иванович (1870–1952), русский философ, ученик и последователь А.В. Введенского; в 1922 г. выслан из Советской России, после чего поселился в Чехословакии, где и остался до конца жизни — 347, 348
- Ларин Б.** Веселая арифметика (Красная газета. 1921, 22 января) — 360, 362
- Ларин Ю.** (псевдоним Михаила Зальмановича Лурье) (1882–1932), деятель революционного движения в России, экономист и литератор; в августе 1917 г. примкнул к большевикам; после победы большевиков работал в комитетах и комиссиях ВСНХ — 90, 608
 – Состав пролетариата (Из области социальной физиологии). Пг., 1918 — 90, 608
- Ласк** (Lask) Эмиль (1875–1915), немецкий философ, профессор Гейдельбергского университета — 61
- Лассаль** (Lassalle) Фердинанд (1825–1864), немецкий философ и социалист, деятель немецкого рабочего движения — 561, 608
- Лёб** (Loeb) Жак (1859–1924), американский биолог немецкого происхождения, профессор Чикагского (с 1892 г.) и Калифорнийского (с 1902 г.) университетов; один из основоположников физико-химической биологии, создатель теории тропизмов — 49
- Лебедев** Павел Павлович (1872–1933), русский и советский военный деятель, участник Первой мировой войны, генерал-майор, начальник штаба 3-й армии; в 1918 г. добровольно вступил в Красную армию, участвовал в разработке и проведении операций по разгрому войск Колчака, Деникина и Юденича — 434
- Лебон** (Le Bon) Гюстав (1841–1931), французский социолог, социальный психолог и публицист; представитель психологического направления в социологии, выдвинул один из первых вариантов теории «массового общества» — 141, 277, 307
- Левассер** (Levasseur) Пьер Эмиль (1828–1911), французский экономист и историк — 171, 173, 248, 259, 307, 314, 316, 573
 – Histoire des classes ouvrières [История трудящихся классов]. 1904, vol. I–II — 248, 259, 307, 314, 316
 – La population française [Французское население]. Paris, 1891 — 173

- Леви** (Lévy) Поль Эмиль (1869–?), французский психолог — 78
 – L'education rationnelle de la volonte, son emploi therapeutique [рус. перевод: Рациональное воспитание воли: Практическое руководство к духовному самолечению и самовоспитанию. СПб., 1912]. Paris, 1898 — 78
- Леви-Брюль** (Lévy-Bruhl) Люсьен (1857–1939), французский философ и психолог-позитивист, близкий к социологической школе Э. Дюркгейма; создатель теории первобытного «дологического» мышления — 332
- Ленин** Владимир Ильич (1870–1924), организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель и глава Советского государства — 105, 221, 233, 381, 392, 394, 395, 404, 438, 441, 455, 457, 467, 469, 470, 480, 497, 505, 608
 – [О значении воинствующего материализма] // Под знаменем марксизма, № 2–3, 1922 — 394, 469, 505
- Ленц** Александр Карлович (1882–1952), невропатолог и психиатр, профессор и заведующий кафедрами психиатрии в Белорусском государственном университете, 3-м государственном Ленинградском медицинском институте, Военно-морской медицинской академии, ученик И.П. Павлова и В.М. Бехтерева — 411
- Леонид**, царь Спарты, правивший в 491–480 гг. до н. э., летом 480 г. защищал с шестью тысячами воинов (в том числе и личной гвардией из 300 спартанцев) Фермопильский проход при наступлении персидских войск и погиб в бою — 185
- Ле Пле** (Le Play) Фредерик (1806–1882), французский социолог и экономист — 194, 272, 296, 521
 – Основная конституция человеческого рода. М., 1897 — 194
- Лермонтов** Михаил Юрьевич (1814–1841), русский поэт и писатель — 592
- Леру** (Leroux) Пьер (1797–1871), французский философ, один из основателей христианского социализма (ввел само слово «социализм»), последователь А. Сен-Симона — 316
- Лесгафт** Петр Францевич (1837–1909), русский педагог, анатом и врач — 32, 42
- Лесков** Николай Семенович (1831–1895), русский писатель — 216
 – Собрание сочинений. СПб., 1909, т. XXXIII: «Юдоль» — 216
- Лешков** Василий Николаевич (1810–1881), русский историк славянофильского направления, профессор Московского университета — 259–261
 – Русский народ и государство. М., 1858 — 259–261
- Лешли** (Lashley) Карл Спенсер (1890–1958), американский психолог и физиолог, специалист в области поведенческой психологии и нейропсихологии — 49
- Ли** (Lee) Генри Чарлз (1825–1909), американский историк, автор трудов по истории папства и католической церкви — 305, 306, 311, 323, 617
 – История инквизиции. СПб., 1911, т. I–V — 305, 306, 311, 323
- Ливий Друз**, Марк Ливий Друз, древнеримский политический деятель, народный трибун 91 г. до н. э., предложивший ряд демократических реформ (увеличение хлебных дотаций для городского простонародья, раздача всех еще не розданных государственных земель); был обвинен противниками в государственной измене и убит наемным убийцей — 188

- Лилина-Зиновьева** (Лилина) Злата Ионовна (1882–1929), участница революционного движения в России, после II съезда РСДРП примкнула к большевикам, член Ленинградского Совета десяти созывов, автор и редактор-составитель нескольких книг, жена Г.Е. Зиновьева — 63, 412
 – От коммунистической семьи к коммунистическому обществу. Пг., 1920 — 63
- Линкольн** (Lincoln) Авраам (1809–1865), американский политический и государственный деятель, в 1860–1864 и 1864–1865 гг. президент США — 514
- Липперт** (Lippert) Юлиус (1839–1909), австрийский историк и этнограф эволюционного направления, автор работ по истории семьи, культуры, религии — 33, 43, 412
- Липутин** Сергей Васильевич, персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы», губернский чиновник, слывший либералом и «фурьеристом»; распространитель всевозможных сплетен и слухов — 121
- Лиссагаре** (Lissagaray) Проспер Оливье (1838–1901), французский журналист; издавал в дни Парижской коммуны 1871 г. революционные газеты — 316
- Литвинов** Максим Максимович (настоящие имя и фамилия — Макс Валлах; (1876–1951), советский государственный и партийный деятель, в 1918 г. дипломатический представитель РСФСР в Великобритании, с 1921 г. заместитель наркома иностранных дел — 495
- Личкус** Лазарь Григорьевич (1858–1926), русский врач-акушер, директор Мариинского роддома в Петербурге, с 1923 г. профессор Ленинградского медицинского института — 380, 430
- Ллойд Джордж** (Lloyd George) Давид (1863–1945), английский политический деятель и дипломат — 198, 357
- Лойола** (Loyola) Игнатий (1491?–1556), основатель ордена иезуитов — 78, 215
 – Духовные упражнения — 215
- Ломброзо** (Lombroso) Чезаре (1835–1909), итальянский судебный психиатр и антрополог, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве — 87
- Ломоносов** Михаил Васильевич (1711–1765), русский ученый-естествоиспытатель, один из основоположников физической химии, поэт, историк, первый русский ученый мирового значения — 514
- Лосский** Николай Онуфриевич (1870–1965), русский философ, основатель интуитивизма и представитель персонализма в России — 68, 485
 – Основные вопросы гносеологии. Пг., 1919 — 68
- Лотси** (Lotsy) Ян Паулус (1867–1931), голландский ботаник, автор метафизической теории «эволюции при постоянстве видов» — 286
- Лукин-Антонов**, Лукин Николай Михайлович (псевдоним: Н. Антонов; 1885–1940), русский историк — 316
- Лукоморье**, еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и сатирический журнал, издававшийся в С.-Петербурге с 1914 по 1916 г. — 91
- Луначарский** Анатолий Васильевич (1875–1933), советский государственный деятель, писатель и критик, в 1917–1929 гг. нарком просвещения — 396, 441, 472, 474, 553
- Лурье** — см. Ларин М.З.

- Лутугин** Леонид Иванович (1864–1915), русский геолог («отец угольной геологии») и общественный деятель; после его смерти был открыт Народный университет его имени (в котором П.А. Сорокин был приват-доцентом) — 32, 42
- Лучиани** (Luciani) Луиджи (1840–1919), итальянский физиолог, автор трудов, посвященных физиологии сердца, дыхания, влиянию длительного голодания на организм и физиологии центральной нервной системы — 203, 207
– Das Hungern [Голод]. Hamburg-Leipzig, 1890 — 203, 207
- Львов** Владимир Николаевич (1872–1950), политический и государственный деятель, октябрист, член Государственной Думы III и IV созывов, в 1917 г. обер-прокурор Святейшего Синода; в 1920 г. эмигрировал, но вскоре примкнул к «сменовеховцам» и в 1922 г. вернулся в Советскую Россию; в 1929 г. был арестован, умер в тюремной больнице — 434
- Лэд** (Ladd) Джордж Трамбалл (1842–1921), американский философ, богослов и психолог — 147
– Philosophy of conduct [Философия поведения]. London, 1902 — 147
- Люблинский** Павел Исаевич (1883–1938), русский криминалист, профессор Петербургского, а затем Ленинградского университета — 410
- Людовик XIV** (1638–1715), французский король с 1643 г., время царствования которого ознаменовано расцветом королевского абсолютизма — 199, 355
- Людовик XV** (1710–1774), французский король с 1715 г. — 355
- Людовик XVI** (1754–1793), французский король в 1774–1792 гг., свергнутый с престола в ходе Великой французской революции и казненный по приговору Конвента — 277, 355
- Лямшин**, персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы», почтовый чиновник, один из участников убийства Шатова — 121

М

- Мабли** (Mably) Габриэль Бонно, аббат де (1709–1785), французский философ и историк — 314
- Магазинер** Яков Миронович (1882–1951), русский юрист, правовед, профессор Петроградского университета — 53, 410
– Лекции по государственному праву. Пг., 1919 — 53
- Магницкий** Михаил Леонтьевич (1778–1844), государственный деятель, с 1819 г. служил в Министерстве духовных дел и просвещения; проводя ревизию Казанского университета, предложил его закрыть и «торжественно разрушить» здание университета; уволен в отставку в 1826 г. за растрату казенных денег — 168, 404, 480
- Мазарелла**, Маццарелла (Mazzarella) Джузеппе (1868–1958), итальянский этнолог и правовед, специалист в области сравнительного права — 96
- Майзель** Герц Самойлович (1887 – после 1947), еврейский писатель, переводчик, участник революционного движения, в 1917 г. примкнул к большевикам, активно участвовал в гражданской войне, сражался на фронтах против белых, работал на фронте борьбы с бандитизмом в органах ВЧК — 411

- Майр** (Maug) Георг (1841–1925), немецкий статистик и государственный деятель — 82, 173
– Статистика и обществоведение. СПб., 1901, т. I–III — 82, 173
- Макаревич** (Makarewicz) Юлиуш (1872–1955), польский философ, правовед и общественный деятель, профессор ряда польских университетов — 147
– Einführung in die Philosophie des Strafrechts [Введение в философию уголовного права]. Stuttgart, 1906 — 147
- Мак-Гарр** (MacGarr) Кэтрин Луэллин (ум. 1929), американский социолог и экономист, профессор сельской социологии в Линкольн-колледже, в последний год жизни преподавательница экономики и социологии в Техасском женском колледже — 597, 598
– The rural Community [Сельские общества]. New-York 1922 — 597
- Мак-Даугалл** (McDougall) Уильям (1871–1938), англо-американский психолог и социальный психолог, представитель инстинктивизма в социологии — 49, 369
– Psychology: a study of behavior [Психология: изучение поведения]. London, 1912 — 369
- Макиавелли** (Machiavelli) Никколо (1469–1527), итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик — 159, 590
– Князь (Государь; Il Principe) — 159
- Макферлен** (Macfarlane) Джон Мюрхед (1855–1943), шотландский ботаник — 286
- Мальтус** (Malthus) Томас Роберт (1766–1834), английский экономист, священник, автор «Опыта о законе народонаселения» (1798) — 25, 282
- Мамонтов** (наст. фамилия – Мамантов) Константин Константинович (1869–1920), белоказачий военачальник, генерал-лейтенант, во время Гражданской войны командовал 4-м Донским конным корпусом в армиях генерала Краснова и генерала Деникина; в ноябре 1919 г. его корпус был разбит конным корпусом С.М. Буденного; за поражение 2 декабря 1919 г. был отстранен Деникиным от командования; умер от тифа — 507
- Манлий** Марк (Marcus Manlius Capitolinus), древнеримский полководец, спасший Капитолий от галлов (392 г. до н. э.) и получивший прозвище «Капитолийский»; в 384 г. выступил в защиту плебеев от долгового рабства, был обвинен патрициями в стремлении к тирании и казнен — 188, 427
- Марат** (Marat) Жан Поль (1743–1793), деятель Великой французской революции, ученый и публицист, один из вождей якобинцев — 188
- Марий** Гай (Gaius Marius; ок. 157–86 до н. э.), римский полководец и политический деятель — 252
- Марков** Андрей Андреевич (1856–1922), русский математик, специалист по теории чисел, теории вероятностей и математическому анализу, ординарный академик Петербургской академии наук (с 1896 г.) — 427, 516
- Маркс** (Marx) Карл (1818–1883), немецкий философ и экономист, деятель германского и международного рабочего движения — 52, 89, 130, 158, 168, 277, 300, 317, 404, 406, 415, 444, 480, 482, 497, 561, 603, 608
- Мартов Л.** (псевдоним Цедербаума Юлия Осиповича; 1873–1923), социал-демократ, лидер меньшевизма — 608

- Марш** (Marsh) Ховард, американский психолог — 203–207, 209, 211, 213, 370
 – Individual and Sex. Differences Brought out by Fasting [Индивидуальные и половые различия, выявляющиеся при голодании] // Psychological Review. 1916, November — 204, 209, 213
- Маслов**, сборщик налогов («продкомиссар»), XVIII в. — 262
- Маслов** Петр Павлович (1876–1946), русский социолог и экономист — 359
 – Мировая социальная проблема. Чита, 1921 — 359
- Масперо** (Maspero) Гастон Камиль Шарль (1846–1916), французский египтолог — 240
 – Исторические чтения. СПб., 1905 — 240
- Материалы по статистике Петрограда.** Пг., 1921, вып. III — 176, 184
- Материалы по статистике Петрограда.** Пг., 1921, вып. V — 176, 178, 179, 185, 472, 505, 536, 529
- Маттеуцци**, Маттеуччи (Matteuzzi) Аугусто, итальянский социолог, автор книги «Факторы эволюции народов» (Les facteurs de l'évolution des peuples. Paris, 1900) — 72
- Мах** (Mach) Эрнст (1838–1916), австрийский физик и философ, оказавший значительное влияние на становление и развитие философии неопозитивизма — 278
- Маховик**, газета петроградских профсоюзов:
 27 июля 1921 г. [статья «В местах неурожая»] — 506
- Маяковский** Владимир Владимирович (1893–1930), русский советский поэт — 373
- Мейер** (Meyer) Макс (1873–1967), германо-американский психолог и музыкальный теоретик — 78, 279, 368, 369
 – Fundamental Laws of Human Behavior [Основные законы человеческого поведения]. Boston, 1911 — 78, 368
- Меланхтон** (Melanchthon, Melanhton) Филипп (1497–1560), немецкий гуманист и сподвижник М. Лютера — 306
- Менделеев** Дмитрий Иванович (1834–1907), русский химик, педагог и общественный деятель — 620
 – К познанию России. СПб., 1906 — 620
- Менжинский** Вячеслав Рудольфович (1874–1934), советский государственный и партийный деятель, после Октябрьской революции первый нарком финансов, с 1926 г. председатель ОГПУ — 441
- Мериваль**, Меривейл (Merivale) Герман (1806–1874), английский экономист и государственный деятель, либерал, автор работ о принципах колонизации — 334
- Меринг** (Mehring) Франц (1846–1919), немецкий публицист, издатель и комментатор наследия Маркса и Энгельса, биограф Маркса — 307
 – Geschichte der deutschen Sozialdemokratie [рус. перевод: История германской социал-демократии. СПб., 1906, т. I–II]. (1897–1898) — 307
- Местр** (Maistre) Жозеф Мари де (1753–1821), французский публицист, политический деятель и философ, в 1802–1817 гг. посланник сардинского короля в Петербурге, где написаны его основные сочинения — 158, 507

- Метальников** Сергей Иванович (1870–1946), русский биолог; в 1920 г. из Крыма эмигрировал во Францию, где и оставался до конца жизни — 77
 – Рефлексы как творческий акт // Известия Императорской Академии Наук. 1915, № 16 — 77
- Миккельсен** (Mikkelsen) Эйнар (1880–1971), датский полярный исследователь — 204, 205, 208, 210
 – По следам жертв ледяной пустыни. Пг., 1914 — 204, 205, 208, 210
- Милюков** Павел Николаевич (1859–1943), русский историк и социолог, публицист и политический деятель — 193, 264
 – Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905 — 193, 264
- Мирабо** (Mirabeau) Оноре Габриэль Рикети (1749–1791), граф, деятель Великой французской революции, избранный в Генеральные штаты от третьего сословия — 315
- Михайловский** Василий Григорьевич (1871–1926), статистик и демограф; в 1920-х гг. возглавлял работу по демографической статистике в СССР — 172, 180, 189, 421
- Михайловский** Николай Константинович (1842–1904), русский публицист, социолог, литературный критик, один из идеологов народничества — 60, 608
- Михельс** (Michels) Роберт (1876–1936), немецкий историк, экономист и социолог, в 1926 г. принявший итальянское гражданство — 523, 608
 – Les partis politiques [Политические партии]. Paris, 1914 — 608
 – La crisi psicologica del socialismo [Психологический кризис социализма] // Rivista italiana di sociologia. 1910, t. XIV — 608
- Мишель** (Michell) Анри (1857–1904), французский философ — 315
 – Идея государства. М., 1909 — 315
- Мольер** (Moliere; псевдоним Жана Батиста Поклена; 1622–1673), французский драматург — 371
- Моммзен** (Mommsen) Теодор (1817–1903), немецкий правовед и историк, специалист по истории Древнего Рима и римского права — 171, 253
- Монтескье** (Montesquieu) Шарль де (1689–1755), французский философ и социолог, впервые выдвинувший принцип разделения властей — 315, 334
- Мопассан** (Maupassant) Ги де (1850–1893), французский писатель — 208
 – Полное собрание сочинений. СПб., 1909, т. XXI: «Бродяга» — 208
- Морган** (Morgan) Джон Пирпонт (1837–1913), американский предприниматель, банкир и финансист, который доминировал в сфере корпоративных финансов и консолидации промышленности в США в конце XIX – начале XX в. — 434
- Морган** (Morgan) Канви Ллойд (1852–1936), английский биолог, психолог и философ, представитель школы «эмерджентной эволюции» — 286
- Морелли** (Morelly), французский утопический коммунист XVIII в., достоверных биографических данных о котором не сохранилось; автор поэмы «Базилиадос» и трактата «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов» — 315
- Морселли** (Morselli) Энрико Агостино (1852–1929), итальянский психолог, антрополог, философ и социолог — 283

- Мосгейм** (Mosheim) Иоганн Лоренц (1694–1755), немецкий лютеранский богослов — 306
– Ketzergeschichte [История ересей]. 1748, Bd. I — 306
- Моска** (Mosca) Гаэтано (1858–1941), итальянский юрист, социолог и историк — 523
- Московская правда**, 22 октября 1921 — 506
- Мосс** (Mauss) Марсель (1872–1950), французский этнограф и социолог, племянник и ученик Э. Дюркгейма — 558
- Моссо** (Mosso) Анджело (1846–1910), итальянский физиолог, изобрел ряд приборов, в частности эргограф (описывает кривую утомления мышц человеческого предплечья и измеряет производимую этими мускулами работу) и миотонометр (измеряющий явления утомления) — 101
- Мужоль** (Mougeolle) Поль, французский историк и социолог, представитель географической школы, автор книги «Статика цивилизаций» (Statique des Civilisations. Paris, 1883) — 72
- Мусоргский** Модест Петрович (1839–1881), русский композитор, участник «Могучей кучки» — 414
- Муций Сцевола** (Scaevola — левша) Гай, римский герой (VI в. до н. э.), который, по преданию, сжег на огне правую руку в доказательство своего бесстрашия — 188, 427
- Мышкин** Лев Николаевич, князь, главный герой романа Ф.М. Достоевского «Идиот» — 117
- Мюльгалль** (Mulhall) Майкл Джордж (1836–1900), английский статистик — 171, 186, 248, 516
– The dictionary of statistics [Словарь статистики]. London, 1903 — 171, 186, 248
- Мюнстерберг** (Münsterberg) Гуго (1863–1916), американский психолог и философ немецкого происхождения, один из основоположников прикладной психологии, названной им психотехникой, а также автор первых работ по определению профессиональной пригодности; в 1892 г. по приглашению У. Джемса переехал в США, где стал профессором и директором психологической лаборатории Гарвардского университета — 85, 90, 528
– Американцы. Пб., 1916, т. II — 90
– Психология и экономическая жизнь. М., 1914 (Psychotechnics, Psychology and Industrial Efficiency. London, 1913) — 95
- Мюнстерберг** (Münsterberg) Эмиль (1855–1911), немецкий экономист, занимавшийся проблемой бедности в Германской империи — 322
– Geschichte der öffentlichen Armenpflege [История общественной благотворительности] (в соавторстве с Г. Ульхорном) // Handwörterbuch der Staatswissenschaft. 1909, Bd. II — 322
- Мюнцер** (Munzer) Томас (ок. 1490–1525), немецкий революционер, один из главных вождей Крестьянской войны в Германии (1524–1526) — 199, 231, 306, 313

Н

- Набис** (Nabis), тиран Спарты с 207 по 192 г. до н. э., продолживший реформу, начатую Агисом IV и Клеоменом III; дал право гражданства периэкам и илотам; был побежден коалицией, организованной Римом, и в 192 г. убит этолийцами, после чего Спарта вступила в Ахейский союз, окончательно утратив самостоятельность — 242, 303

- Накануне**, газета, центральный печатный орган «сменовеховцев»; выходила в Берлине с марта 1922 по 15 июня 1924 г. (всего вышел 651 номер) и была единственной эмигрантской газетой, разрешенной к ввозу в Советскую Россию — 456, 457, 460
- Нансен** (Nansen) Фритъоф (1861–1930), норвежский исследователь Арктики, комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, один из организаторов помощи голодающим Поволжья — 205, 234
- Наполеон I** Бонапарт (1769–1821), французский полководец и государственный деятель, император (1804–1814) — 190, 192, 198, 199, 231, 259, 277, 315, 316, 326, 355, 356, 372, 374, 425, 429, 451, 527, 562
- Народное хозяйство России за 1921 год**. Берлин, 1922 — 543
- Наторп** Пауль (1854–1924), немецкий философ-неокантианец, последователь Г. Когена, представитель Марбургской школы неокантианства — 150
– Социальная педагогика. СПб., 1911 — 150
- Неккер** (Necker) Жан (1732–1804), французский финансист и государственный деятель, в 1777–1781, 1788–1790 гг. министр финансов — 258
- Немилов** Антон Витальевич (1879–1942), русский гистолог, профессор — 81
- Немирович-Данченко** Василий Иванович (1848–1936), русский писатель и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко; с 1921 г. в эмиграции — 218
– Письмо Вас. И. Немировича-Данченко в редакцию газеты «Вестник литературы» // Вестник литературы. 1921, № 8 — 218
- Нерон** (Nero) Клавдий Цезарь Август Германик (37–68), римский император с 54 г. из династии Юлиев-Клавдиев — 373, 374, 379
- Низе** (Niese) Бенедиктус (1849–1910), немецкий филолог, профессор в Марбурге и Бреславле — 252
– Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten [История греческих и македонских государств]. Gotha, 1899, 2 Teil, Teil 3 (1903) — 252
- Николаи** (Nicolai) Георг Фридрих (1874–1964), немецкий врач и социолог, доктор медицины, пацифист — 194, 195
– Die Biologie des Krieges [Биология войны]. Zürich, 1919 — 194, 195
- Николай I** (1796–1855), российский император с 1825 г. — 405, 481
- Николай II** (1869–1918), последний российский император в 1894–1917 гг. — 105, 193, 198
- Николай Кузанский** (Nicolaus Cusanus; 1401–1464), средневековый философ, теолог, ученый, церковно-политический деятель, кардинал — 270
- Нил Сорский** (1433–1508), русский церковный деятель, идеолог «нестяжательства», осужденного на соборах Русской православной церкви в 1503 и 1531 гг. — 293
- Нитти** (Nitti) Франческо Саверио (1868–1953), итальянский политик и государственный деятель, премьер-министр Италии в 1919–1920 гг., профессор Неополитанского университета — 559, 560
– Европа без мира. Берлин, 1922 — 559
- Ницше** (Nietzsche) Фридрих (1844–1900), немецкий философ, филолог и поэт — 61, 62, 141, 334

- Ничефоро** (Niceforo) Альфредо (1876–1960), итальянский социолог, криминалист и статистик — 80, 335
 – *Antropologie der Nichtbesitzenden Klassen* [Антропология неимущих классов]. Leipzig, 1910 — 80
- Новгородцев** Павел Иванович (1866–1924), русский философ, правовед и социолог, глава школы «возрожденного естественного права» в России — 54, 317, 614
 – Об общественном идеале. М., 1917 — 54, 317, 614
- Новиков** (Novikov) Яков Александрович (Jacques) (1849–1912), русско-французский социолог и публицист; фабрикант, владелец крупнейшего в России второй половины XIX в. канатного завода — 147, 194
 – *L'échange, phénomène fondamental de l'association humaine* [Обмен — основное явление человеческой ассоциации] // *Revue internationale de sociologie*. 1911, № 11 — 147
 – *Les luttes entre sociétés humaines et leur phases successives* [Борьба между человеческими сообществами и их последовательные фазы]. Paris, 1904 — 194
- Новомбергский** Николай Яковлевич (1879–1941), историк, сибирский общественный и политический деятель, профессор юридического факультета Томского университета, в правительстве А.В. Колчака возглавлял отдел печати и вероисповеданий — 262
 – Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия. Продовольственное строение. Материалы. Томск, 1914 — 262, 263
- Новосадский** Николай Иванович (1859–1941), русский филолог-эллинист, специалист по греческой эпиграфике и папирологии — 242, 251
 – Борьба с повышением цен в древней Греции // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. 1917, февраль — 242, 251
- Новосельский** Сергей Александрович (1872–1953), русский демограф и статистик — 82, 172, 173, 176, 178, 179, 185, 526
 – Естественное движение населения в Петрограде в 1920 г. // Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921, вып. V — 176, 178, 179, 185, 526
 – Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны. М., 1923 — 173
 – Война и естественное движение населения // *Общественный врач*. 1915, № 1 — 173
 – Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916 — 82
- Новости**, газета 1922 — 418, 472, 505
- Носке** (Noske) Густав (1868–1946), германский правый социал-демократ — 327
- Ньютон** (Newton) Исаак (1643–1727), английский физик и математик, создавший теоретические основы классической механики и астрономии — 160, 277, 513, 518, 526, 530

О

- О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства.** М.: Изд-во Наркомзема, 1922, вып. 1 и 2 — 548, 549
- Овсянко-Куликовский** Дмитрий Николаевич (1853–1920), русский литературовед и языковед, один из первых в России исследователей санскрита, ведийской мифологии и философии — 427, 516

- Огонек**, литературно-художественный журнал, еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», выходил в Петербурге в 1899–1918 гг.; с 1902 г. «Огонек» стал самостоятельным, самым дешевым и очень популярным журналом с тиражом в 120 тысяч экземпляров, опережала его в этом только еженедельная «Нива» — 91
- Ольденбург-Янушау** (Oldenburg-Januschau) Элард фон (1855–1937), немецкий юнкер, консервативный политический деятель — 265
– Quo usque Tandem [Доколе же?] // Tageblatt, 1 октября 1916 — 265
- Онкен** (Oncken) Август (1844–1911), немецкий экономист — 311, 322, 323
– История политической экономии. СПб., 1908 — 311, 322, 323
- Оранский** Сергей Александрович (1895–1939), советский философ и социолог, в прошлом меньшевик, один из учредителей Научного общества марксистов (при Петроградском университете), автор книги «Основные вопросы марксистской социологии» (1929), которую он отождествлял с историческим материализмом — 411
- Оргон** (Orgon), действующее лицо комедии Ж.Б. Мольера «Тартюф», дворянин, в парижском доме которого происходит действие комедии, сын госпожи Пернель — 148
- Осборн** (Osborn) Генри Фэрфилд (1857–1935), американский биолог — 286
- Освальд Шпенглер и закат Европы.** М., 1922 — 269
- Осипов** Виктор Петрович (1871–1947), русский психиатр — 195, 219, 380, 431
– О душевных заболеваниях и душевной заболеваемости в Петрограде // Известия Комиссариата Здравоохранения Петроградской Трудовой Коммуны. 1919, № 7–12 — 195, 219
- Осоргин** Михаил Андреевич (1878–1942), писатель, журналист, эссеист; в 1922 г. выслан из Советской России, жил в Париже. В эмиграции стал одним из деятельных и активных масонов — 418
- Острогорский** (Ostrogorski) Михаил Яковлевич (1854–1919), русский юрист, историк и политолог — 523, 608
– La démocratie et les partis politiques. Paris, 1912 (рус. перевод: Демократия и политические партии. М., 1997) — 608
- Отле** (Otlet) Поль (1868–1944), бельгийский писатель, предприниматель, мыслитель, юрист и борец за мир; один из основателей теории информатики — 182, 194
– Les problèmes internationaux et la guerre [Международные проблемы и война]. Genève-Paris, 1916 — 182, 194
- Оуэн** (Owen) Роберт (1771–1858), английский социалист-утопист, фабрикант и социальный реформатор — 314, 608

П

Павел, апостол — 304, 305

Павел I (1754–1801), российский император с 1796 г., убит в Михайловском замке заговорщиками — 193

- Павлов Иван Петрович** (1849–1936), русский физиолог, академик (с 1907 г.), создатель учения о высшей нервной деятельности — 49, 208, 273, 279, 367, 401, 411, 477
– Лекции о работе главных пищеварительных желез. СПб., 1897 — 208
- Павлов К.**, публицист, сотрудник альманаха «Утренники» — 373
– Россия // Утренники. Пг., 1922, кн. 1 — 373
- Палацкий** (Palacky) Франтишек (1798–1876), чешский историк и философ — 231, 313, 325
– Geschichte von Böhmen [История Богемии]. Prag, 1851, Bd. II–III — 231, 313
- Палладин Владимир Иванович** (1859–1922), русский ботаник и биохимик, академик Петербургской академии наук — 427
- Парето** (Pareto) Вильфредо (1848–1923), итальянский социолог и политэконом — 48, 67, 73, 148, 153, 163, 164, 278, 280, 320, 329
– Trattato di Sociologia generale [Трактат по общей социологии]. Firenze, 1916, vol. I–II — 67, 153, 163, 164, 280, 320
- Паркер** (Parker) Эдуард Харпер (1849–1926), английский синолог — 171
– A Note on some Statistics regarding China [Заметка о некоторых статистических данных, касающихся Китая] // Journal of the Royal Statistical Society. 1899 — 171
- Пармели** (Parmelee) Морис (1882–1969), американский социолог, экономист и криминолог — 73, 132
– The science of human behaviour [Наука о человеческом поведении]. New York, 1913 — 132
- Парфенов Н.Ф.**, ученик и сотрудник И.П. Павлова, автор статьи «Специальный случай работы слюнных желез у собаки» (Труды Общества русских врачей в СПб. 1906, т. 73) — 367
- Паскаль** (Pascal) Блез (1623–1662), французский философ, физик и математик — 78, 160
- Патрик** (Patrick) Джордж Томас Уайт (1857–1949), американский философ и психолог — 555, 573
- Первушин И.В.**, сотрудник факультета общественных наук в Казанском университете, который был открыт в 1919 г. и просуществовал до 1922 г.; в 1923 г. эмигрировал из Советской России — 409, 412
– Наука и социология. Казань, 1921 [у Сорокина ошибочно: Очерки социологии] — 409, 412
- Пери** (Perry) Ральф Бартон (1876–1957), американский философ, ученик У. Джеймса, один из основателей американского неореализма — 279
- Перикл** (ок. 495–429 до н. э.), крупнейший афинский государственный деятель, время правления которого было самой блистательной эпохой в истории Афин — 67, 242
- Перовский Лев Алексеевич** (1792–1856), граф, в 1841–1852 гг. министр внутренних дел России, в 1852–1856 гг. министр уделов — 261
- Петр I Великий** (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. — 168, 193, 198–200, 259, 260, 262, 264, 291, 292, 355, 356, 451, 516, 562
- Петр**, дьякон в Белгороде (XVIII в.) — 263

- Петражицкий** Лев Иосифович (1867–1931), польско-русский социолог и правовед — 201, 202, 207, 209, 336
 – Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907 — 201, 202, 207, 209
 – Теория права и государства в связи с историей нравственности. СПб., 1907 — 336
- Петрищев** Афанасий Борисович (1872–1951), русский писатель и публицист, член редакции журнала «Русское богатство», с 1922 г. в эмиграции — 417, 418, 471, 472, 505, 506
- Петроградская Правда**, 5 января 1922 — 506
- Петрушевский** Дмитрий Моисеевич (1863–1942), русский историк — 244, 255, 334
 – Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917 — 244, 255
- Пешехонов** Алексей Васильевич (1867–1933), русский экономист, журналист, политический деятель, министр продовольствия Временного правительства (1917); в 1922 г. выслан из Советской России — 601
- Пёльман** (Röhlmann) Роберт (1852–1914), немецкий историк античности, автор трудов по экономической истории и социальной борьбе в Греции и Риме — 228, 241, 242, 251, 253, 255, 303–305, 309, 311, 320–322
 – История античного коммунизма и социализма (частичный перевод под названием «Ранний христианский коммунизм». Казань, 1920) — 228, 303, 304
 – История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910 — 241, 242, 251–253, 309, 310, 321, 322
 – Ранний христианский коммунизм. М., 1916 — 304, 305, 311
- Пири** (Peary) Роберт Эдвин (1867–1920), американский полярный путешественник — 205
 – По большому льду к северу. СПб, 1906 — 205
- Пирсон** (Pearson) Карл (1857–1936), английский математик, биолог и философ, один из основоположников биометрики — 85, 271, 278, 283
 – On the inheritance of mental and moral characters in man, and its comparison with the inheritance of the physical characters [Наследование человеком умственных и нравственных свойств сравнительно с наследованием свойств физических] // Biometrika. 1904, vol. III — 85
 – National Life from the Standpoint of Science [Национальная жизнь с точки зрения науки]. London, 1901 — 85
- Планк** (Plank) Готлиб Якоб (1751–1833), немецкий протестантский богослов и историк церкви, прадед Макса Планка — 311
 – Geschichte der christlich-kirchlichen Gesellschaftsverfassung [История церковного устава христианской общины]. Hannover, 1803, Bd. I — 311
- Платон** (427–347 до н.э.), древнегреческий философ — 61, 160, 229, 254, 284, 285, 309, 321, 619, 620
- Платонов** Сергей Федорович (1860–1933), русский историк, академик АН СССР (1920–1931), после революции 1917 г. подвергся критике со стороны историков-марксистов, умер в Самаре — 260, 262, 264, 405, 481
 – Московский голод 1601–1603 гг. // Артельное дело. 1921, № 9–16 — 260
 – Лекции по русской истории. Пг., 1917 — 262, 264
- Плеханов** Георгий Валентинович (1856–1918), русский философ и публицист, первый теоретик и пропагандист марксизма в России — 276, 408, 608

- Плотин** (204/205–270), греческий философ-неоплатоник — 619
- Плутарх** (ок. 45 – ок. 127), древнегреческий писатель, историк и философ-моралист — 171
- Под знаменем марксизма**, советский философский и общественно-экономический журнал, выходивший в Москве в 1922–1944 гг. — 457
- Покровский** Иосиф Алексеевич (1868–1920), русский юрист, профессор римского и гражданского права — 427
- Покровский** Михаил Николаевич (1868–1932), советский историк-марксист, общественный и политический деятель, «глава марксистской исторической школы в СССР», академик АН СССР (с 1929 г.) — 405, 481
- Полиевктов** Михаил Александрович (1872–1942), русский историк и археограф — 410
- Поликрат**, тиран острова Самос (537–522 до н. э.), которого персидский сатрап Оретес заманил в Сарды и распял на кресте — 188, 427
- Помпей** Гней (106–48 до н. э.), римский полководец и политический деятель — 188, 427
- Попельский** Л.Б., адъютант, ученик и сотрудник И.П. Павлова — 367
- Пост** (Post) Альберт Герман (1839–1895), немецкий антрополог и историк, исследователь первобытной культуры; специалист по сравнительному правоведению — 332
- Потугин**, персонаж романа И.С. Тургенева «Дым», западник, «преданный» Европе и цивилизации — 74
- Правда**, 12 февраля 1922 — 328
22 октября 1922 — 506
- Преображенский** Евгений Алексеевич (1886–1937), большевик с 1903 г., в 1918 г. левый коммунист, с 1923 г. активный деятель троцкистской оппозиции, в 1927 г. исключенный из партии, в 1929 г. восстановлен, но затем снова исключен и репрессирован — 235
- Пресняков** Александр Евгеньевич (1870–1929), историк, член-корреспондент АН СССР — 405, 481
- Пробуждение**, двухнедельный художественно-литературный и научный журнал, выходивший в С.-Петербурге в 1906–1917 гг. — 91
- Программы по социологии**. СПб., 1919 — 32, 410
- Протоколы сионских мудрецов**, сфальсифицированный сборник текстов о вымышленном всемирном заговоре евреев, впервые опубликованный в 1905 г. Сергеем Нилусом в его книге «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле» — 494
- Протопопов** Александр Дмитриевич (1866–1917), русский государственный деятель, член партии октябристов, с сентября 1916 г. министр внутренних дел, одно из наиболее доверенных лиц императора Николая II, расстрелян по приговору ВЧК — 508
- Прудон** (Proudhon) Пьер Жозеф (1809–1865), французский философ и экономист, теоретик анархизма — 59, 149, 182, 316
– La guerre et la paix [рус. перевод: Война и мир. М., 1864, т. 1–2]. Paris, 1861, vol. 1–2 — 182
- Псевдо-Исидор** (Pseudo Isidore), средневековый мыслитель IX в., писавший, в частности, по проблемам бедности — 322

Психиатрия и неврология. 1922, № 1 — 472, 506

Пуанкаре (Poincare) Жюль Анри (1854–1912), французский математик и философ, создатель философской доктрины, которая впоследствии получила название «конвенционализма» — 153

– Наука и нравственность // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1910, сб. 5 — 153

Пуже (Pouget) Эмиль (1860–1932), французский писатель, теоретик анархо-синдикализма — 73

Пухта (Puchta) Георг Фридрих (1798–1846), немецкий юрист, представитель исторической школы права — 619

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт и писатель — 592

Пэйо (Payot) Жюль (1859–1939), французский педагог и публицист — 78

– L'éducation de la volonté [Воспитание воли]. Paris, 1907 — 78

Р

Рабле (Rabelais) Франсуа (ок. 1494–1553), французский писатель, автор сатирического романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» — 168

Радек (наст. фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939), деятель российского и международного рабочего движения, публицист — 455, 495

Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928), русский философ, филолог и переводчик — 65
– Введение в философию. Пг., 1919 — 65

Ракитин, персонаж романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», семинарист-карьерист — 121

Рандель Жак – главный герой рассказа Ги де Мопассана «Бродяга» — 208

Рассел (Russell) Бертран (1872–1970), английский философ, социолог, математик и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1950) — 368

Растрелли (Rastrelli) Бартоломео Франческо (Варфоломей Варфоломеевич) (1700–1771), граф, русский архитектор итальянского происхождения, академик архитектуры Императорской Академии художеств (1771) — 356

Ратцель (Ratzel) Фридрих (1844–1904), немецкий географ, этнограф и социолог — 72, 155, 421

Ратценгофер (Ratzenhofer) Густав (1842–1904), австрийский социолог и философ, представитель социал-дарвинизма — 160

Ратцингер (Ratzinger) Георг (1844–1899), немецкий политический деятель и публицист — 311, 322

– Geschichte der kirchlichen Armenpflege [История церковной благотворительности]. Freiburg, 1884 — 311, 322

- Раутенбуш** (Rauschenbusch) Уолтер (1861–1918), американский протестантский теолог, лидер социального евангелизма — 555, 557
– Социальные принципы Иисуса Христа. New York: Изд. УМСА [б/г] — 555
- Ревельон**, французский фабрикант, дом которого в Париже был разрушен восставшими рабочими накануне Великой французской революции — 216
- Реймер** (Reumer) Йозеф Людвиг (1879–1955), австрийский пангерманист, автор труда «Пангерманская Германия» (1905) — 73
- Рейснер** Михаил Андреевич (1868–1928), русский социолог, историк и правовед, профессор Томского и Петроградского университетов и Психоневрологического института; после 1917 г. примкнул к большевикам, был одним из учредителей Комакадемии — 283
- Реклю** (Reclus) Элизе (1830–1905), французский географ, социолог, политический деятель, теоретик анархизма — 155
- Рембрандт** Харменс ван Рейн (Rembrandt Harmensz van Rijn) (1606–1669), голландский живописец, рисовальщик и офортист — 526
- Ренан** (Renan) Жозеф Эрнест (1826–1892), французский писатель, историк религии, филолог-востоковед — 334
- Ренодель** (Renaudel) Пьер (1871–1935), один из правых руководителей французской Социалистической партии, директор газеты «Юманите» — 326
- Риккерт** (Rickert) Генрих (1863–1936), немецкий философ, один из основателей Баденской школы неокантианства — 150, 619
– Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911 — 150
– Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1911 — 150
- Римский-Корсаков** Николай Андреевич (1844–1908), русский композитор, педагог, дирижер, общественный деятель, музыкальный писатель; член музыкально-творческого сообщества «Могучая кучка» — 414
– Град Китеж, Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии (1907) — 414
– Царь Салтан, Сказка о царе Салтане (1900) — 414
- Рисли** (Risley) Герберт (1851–1911), английский антрополог — 95
- Рихтер** Зинаида Владимировна (1890–1967), журналистка и писательница, автор многочисленных путевых очерков, с 1918 г. специальный и военный корреспондент «Известий», во время голода в Поволжье (1920–1921) работала специальным корреспондентом «Известий» — 538
- Рише** (Richet) Шарль Робер (1850–1935), французский физиолог, профессор физиологии Парижского университета, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1913) — 286–288
– La Sélection humaine [Селекция человека]. Paris, 1919 — 286, 287
- Ришелье** (Richelieu) Арман Жан дю Плесси (1585–1642), французский государственный деятель, кардинал — 199
- Робеспьер** (Robespierre) Максимилиан (1758–1794), деятель Великой французской революции, один из лидеров якобинцев — 159, 188, 326

- Родэс**, Родес (Rodes; Rhodes) Иоганн де (начало XVII в. — 1655), торговый комиссар Швеции в России (с 1647 г.), автор сочинений о России XVII в., в том числе «Подробных донесений о происходящей в России коммерции» (октябрь 1653) — 262
- Рожков** Николай Александрович (1868–1927), русский историк — 64, 410
– Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Пг.-М., 1918, т. I — 64
- Розанов** Василий Васильевич (1856–1919), русский писатель, публицист и философ — 294
- Розенбах** Павел Яковлевич (1858–?), русский профессор медицины, специалист по нервным и душевным заболеваниям — 209, 214
– О влиянии голодания на нервные центры. СПб., 1883 — 209, 214
- Розенблатт** (Rosenblatt) Франк Фердинанд (1882–1927), американский историк, автор работ по истории чартизма — 314
- Роллан** (Rolland) Ромен (1866–1944), французский писатель и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии (1915), одобрительно относившийся к Октябрьской революции 1917 года — 407
- Романов** — см. Николай II
- Романович-Славатинский** Александр Васильевич (1832–1910), правовед, профессор Университета Св. Владимира в Киеве — 259–261
– Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. Киев, 1892 — 259–261
- Росс** (Ross) Эдвард Олсворт (1866–1951), американский социолог и социальный психолог — 160, 329–331, 410
– Social Control. A Survey of the foundations of order [Социальный контроль. Исследование основ общественного порядка]. New York, 1904 — 329
– Foundations of Sociology [Основания социологии]. New York – London, 1905 — 329, 331
– Social Psychology: An Outline and Source Book [Социальная психология: очерк и хрестоматия]. New York, 1908 — 329
– Russian in Upheaval [Россия на перевале]. New York, 1918) — 331
– The Principles of Sociology [Принципы социологии]. New York, 1920 — 329–331
- Ростовцев** (Rostowzew) Михаил Иванович (1870–1952), русский историк античности и археолог, в 1918 г. эмигрировал из Советской России, с 1920 г. жил в США, где и умер; один из ближайших друзей П.А. Сорокина в американский период его жизни — 189, 191, 243, 244, 253, 255, 322, 439
– Фрументарии и фрументарные законы // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, т. 72, с. 826–830 — 243
– Римские свинцовые тессеры. СПб., 1903 — 244
– Рождение Римской империи. Пг., 1918 — 189, 191, 253, 322
– Studien zur Geschichte des römischen Kolonates [Очерк истории римского колоната]. Berlin-Leipzig, 1910 — 255
- Ротшильды** (Rothschild), династия финансовых магнатов, начало которой положил банкир Майер Амшель Ротшильд из Франкфурта-на-Майне, обогатившийся в XVIII в. на военных поставках и финансовых спекуляциях; в первой половине XIX в. пять его сыно-

вей возглавили банки, находившиеся в Париже, Лондоне, Вене, Франкфурте-на-Майне и Неаполе; впоследствии венский, франкфуртский и неаполитанский банки Ротшильдов прекратили свое существование, а парижский и лондонский банки стали вести финансовые дела самостоятельно; современная международная финансовая империя Ротшильдов подразделяется на английскую и французскую ветви — 529

Рошер (Roscher) Вильгельм Георг (1817–1894), немецкий экономист, основоположник исторической школы политэкономии — 251, 297

– О хлебной торговле и мерах против дороговизны. Казань, 1857 — 251

Рузвельт (Roosevelt) Теодор (1858–1919), американский политик, 26-й президент США (1901–1909), представитель Республиканской партии, лауреат Нобелевской премии мира (1906) — 597

Рулл (Rullus) П. Сервилий, римский народный трибун, современник Цицерона — 303

Русский исторический журнал, издавался в Петрограде в 1917–1922 гг., с 1918 г. издание Академии наук, вышло 8 книг (кн. VI – в 1920 г., VII – в 1921 г.) — 401, 477

Руссо (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский писатель, философ, публицист, композитор — 64, 158, 164, 300, 315

Руф, Марк Целий Руф (Rufus; 82–48 до н. э.), римский политический деятель — 310

Рыков Алексей Иванович (1881–1938), советский государственный и партийный деятель, председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР (1918–1921) и ВСНХ СССР (1923–1924), в 1937 г. арестован по делу «Правотроцкистского антисоветского блока» и по приговору суда расстрелян — 546

С

Савич Владимир Васильевич (1874–1936), русский физиолог и фармаколог, профессор, в 1898 г. окончил Военно-медицинскую академию и остался работать в лаборатории И.П. Павлова, в 1904–1905 гг. участник Русско-японской войны; после революции возглавлял кафедры различных ленинградских медицинских институтов — 411

Саллюстий Крисп (Sallust) Гай (86 – ок. 35 до н. э.), римский историк, участник гражданской войны 49–45 гг. на стороне Юлия Цезаря, затем проконсул в римской провинции Новая Африка — 303

Салтыков-Щедрин (наст. фамилия: Салтыков) Михаил Евграфович (1826–1889), русский писатель-сатирик и журналист — 640

Сальвиан Марсельский (390–484), христианский писатель и проповедник в Галлии, автор труда «О власти Господа» (De gubernatione Dei) и других сочинений — 230

Сальвиоли (Salvioli) Г. (Джузеппе) (1857–1928), итальянский историк и политический деятель, автор книги «Капитализм в античном мире» (Харьков–Екатеринослав, 1922) — 439

Самба (Sembat) Марсель (1862–1922), французский политический деятель — 326

Самсон (*библ.*), ветхозаветный герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами, описанными в Книге Судей (гл. 13–16) — 576

- Сатирикон**, ежемесячный сатирический журнал, издававшийся в С.-Петербурге в 1908–1913 гг. — 91
- Сатурнин**, римский политический деятель I в. до н. э., стремившийся провести новые аграрные законы — 303
- Свердлов** Яков Михайлович (1885–1919), советский партийный и государственный деятель, с ноября 1918 г. председатель ВЦИК — 495
- Святловский** Владимир Владимирович (1869–1927), русский историк и экономист, с ноября 1905 г. член Центрального бюро Петербургских профсоюзов, редактор его журнала «Профессиональный союз» — 411
- Север** Александр (Alexandrus Severus) Марк Аврелий (208–235), римский император с 222 г. из династии Северов; убит в результате солдатского заговора — 244
- Сегарелли** (Segarelli) Герардо (ум. 1300), основатель секты апостоликов в Италии, выступавший с проповедью равенства и обличениями католического духовенства в алчности; сожжен на костре по распоряжению папы Бонифация VIII — 312
- Семашко** Николай Александрович (1874–1949), советский партийный и государственный деятель, один из организаторов советского здравоохранения, в 1918–1930 гг. первый нарком здравоохранения РСФСР — 538
- Семпл** (Semple) Элен Черчилль (1863–1932), американский географ, автор ряда работ по антропологии и энвайронментализму (учению об окружающей среде) — 155
- Сенар** (Senart) Эмиль (1847–1928), французский индолог — 96
- Сен-Симон** (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский мыслитель, социолог, социалист-утопист — 162, 557, 608
– Du système industriel [Об индустриальной системе]. Paris, 1821 — 162
– Catechisme des industrial [Катехизис промышленников]. Paris, 1823–1824 — 162
- Сергий Радонежский** (1314/1321–1392), русский религиозный подвижник, основатель и игумен Троице-Сергиевой лавры — 293
- Серджи** (Sergi) Джузеппе (1841–1936), итальянский антрополог, основатель итальянской антропологической школы — 283
- Серебряков** Михаил Васильевич (1879–1959), советский философ и общественный деятель, профессор (с 1921), основатель и руководитель Научного общества марксистов — 411
- Сеченов** Иван Михайлович (1829–1905), русский физиолог — 273
- Симменс-Шуккерт** (Siemens-Schuckertwerke), немецкая компания, занимавшаяся авиастроением, автомобилестроением, производством электротехнического оборудования и бытовой техники; названа по именам своих основателей Эрнста Вернера Сименса (1816–1892) и Зигмунда Шуккерта (1846–1895); до революции 1917 г. Siemens-Schuckertwerke имела завод в Петербурге (ныне – производственное объединение «Электросила») — 545
- Симон** (Simon) Теодор (1873–1961), французский психолог, руководитель Педагогической лаборатории в Париже, в 1930-х гг. заведовал колонией для умственно отсталых,

- в 1905 г. совместно с А. Бине разработал первую «шкалу умственного развития Бине–Симона» – 528
- Скабаланович** Николай Афанасьевич (1848–1918), русский историк-византист — 245
– Византийское государство и церковь. СПб., 1884 — 245
- Сквозник-Дмухановский** Антон Антонович, персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», городничий — 508
- Скотт** (Scott) Роберт Фолкон (1868–1912), английский исследователь Антарктиды, 18 января 1912 г. вместе с четырьмя спутниками достигший Южного полюса (на 33 дня позже Р. Амундсена) и погибший на обратном пути — 205
- Скрябин** Александр Николаевич (1871/1872–1915), русский композитор и пианист — 493
- Слащев** Яков Александрович (1885–1929), генерал, во время Первой мировой войны командир лейб-гвардии Московского полка, во время гражданской войны в Добровольческой армии командовал бригадой и дивизией, в 1920 г. эвакуировался в Турцию, в 1921 г. с разрешения советского правительства вернулся в Россию, был амнистирован, преподавал тактику на курсах комсостава «Выстрел», оставил воспоминания — 434
- Слоссон** (Slosson) Престон Уильям (1892–1984), американский историк, профессор Бристольского университета, автор статьи «The Decline of the Chartist Movement» [Закат чартистского движения] (Columbia University Studies. New York, 1916, vol. LXXIII, № 9) — 314
- Смена вех.** Прага, 1921, сборник публицистических статей философско-политологического содержания, написанных видными представителями либерального направления в общественной мысли русской эмиграции (Н. Устрялов, С. Чахотин, А. Бобрищев-Пушкин, Ю. Ключников, С. Лукьянов, Ю. Потехин) — 105–107
- Снарский А.Т.**, ближайший ученик И.П. Павлова, порвавшего с ним отношения из-за научных разногласий, автор книги «Беседы о душевных болезнях и об уходе за душевнобольными» (СПб., 1908) — 367
- Современные Записки**, литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже в 1920–1940 гг. (всего вышло 70 номеров) — 561
- Соколов** Борис Федорович (1889–1979), политический деятель, писатель и журналист, эсер, по профессии врач-бактериолог, с 1920 г. жил в Чехословакии — 165
– Наука в Советской России. Берлин, 1921 — 165
- Сократ** (ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ — 188, 427
- Солнцев** Сергей Иванович (1872–1936), русский экономист, до революции занимавшийся исследованием бюджетов рабочих и проблемами заработной платы; с 1929 г. входил в Совет по изучению производительных сил — 248, 283
– Заработная плата как проблема распределения. СПб., 1911 — 248
- Соловьев** Сергей Михайлович (1820–1879), русский историк — 620
- Сольве** (Solvay) Эрнест (1838–1922), бельгийский химик-технолог и промышленник, общественный деятель, филантроп, основатель Института социологии Сольве (1894) — 46

Сорель (Sorel) Жорж (1847–1922), французский социальный философ, теоретик анархо-синдикализма — 73, 613

Сорокин Питирим Александрович — 410, 411, 509

- Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Экономист. 1922, № 1 — 238, 241, 355, 438, 451, 515
- Влияние голода на социально-экономическую организацию общества // Экономист. 1922, № 2 — 300, 310, 355, 438, 451
- Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп // Вопросы изучения и воспитания личности (у Сорокина ошибочно: Вестник). 1921, № 3 — 195, 401
- Война и милитаризация общества // Артельное дело, 1922, № 1–4 — 233, 355, 451
- Голод и убеждения (идеология) человека // Артельное дело. 1921, № 9–16 — 213
- Голод как фактор (Влияние питания на поведение людей, обществ, жизнь и социальную организацию) — 109, 197, 212, 236, 266, 298, 343, 409, 430, 438, 451, 480, 506
- Категория «должного» и ее применение к изучению общественных явлений // Юридический вестник. 1917, кн. XVII, № 1 — 153, 333
- Коммунистическое общество, его основные черты, его опыты в прошлом, причины и следствия (нереализованный замысел) — 451
- Нормативная ли наука этика и может ли она ею быть // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1913, вып. 4 — 333
- [Нравственное и умственное состояние современной России] // Воля России. 1922, кн. IV, № 4, № 5 — 417, 504
- Об огосударствленном обществе, его сущности, причинах и следствиях (нереализованный замысел) — 355
- Общедоступный учебник социологии. Ярославль, 1920 — 161, 343, 408
- Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914 — 153, 171, 333, 343
- Рец. на книгу Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии» // Экономист. 1922, № 3 — 409
- Система социологии — 37, 343, 408, 457
- Система социологии. Пг., 1920, т. I — 78, 127, 154, 159, 160, 195, 274
- Система социологии. Пг., 1920, т. II — 90, 92–96, 154, 156, 198, 280, 283, 307, 308, 319, 320, 326, 522, 523, 525, 527, 602–604, 607, 614
- Система социологии, т. III (нереализованный замысел) — 93, 274, 465
- Система социологии, т. IV (нереализованный замысел) — 93, 183
- «Смена веж» как социальный симптом // Вестник литературы. 1921, № 12 (36) — 294
- Состояние американской психологии за последние годы // Вестник воспитания и изучения личности. 1921, № 4 — 154
- Социология революции — 418, 465
- Структура современной догматики уголовного права // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1917, вып. 1–5 — 153
- Элементарный учебник общей теории права. Ярославль, 1920 — 343

Сотонин Константин Иванович (1893 – ок. 1944), российский и советский философ и психолог, специалист по научной организации труда — 412

- Темпераменты. Проблемы и гипотезы. Казань, 1921 — 412

Спартак (? – 71 до н. э.), вождь крупнейшего восстания рабов 73/74–71 до н. э. в Италии, уроженец Фракии — 188, 303, 310, 427

- Спенсер** (Spenser) Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма — 61, 69, 147, 222, 226, 227, 238, 326, 350, 355, 439, 442
 – Основания социологии. СПб., 1898, т. I–II — 197, 222, 238, 326, 350, 355, 439
 – Основания социологии. СПб., 1877, т. 2 — 147, 227
- Спенсер** (Spencer) Малькольм (1877–1950), английский церковный деятель и писатель — 525, 555, 557
 – The social function of the church [Социальная функция церкви]. London, 1921 — 525, 555
- Справочник агронома.** Под редакцией проф. И.И. Пересвет-Солтана. М., 1920 — 489
- Ставрогин** Николай Всеволодович, центральный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Бесы» — 121
- Старч** (Starch) Дэниел (1883–1979), американский психолог и педагог — 286, 379, 428, 514
 – Educational Psychology [Педагогическая психология]. New York, 1920 — 286
- Статистический ежегодник России.** 1918–1920. Вып. 1. М., 1921; вып. 2. М., 1922 — 473
- Статистический ежегодник России.** 1916. М., 1918 — 180
- Стеклов** (наст. фамилия Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1942), участник революционного движения в России, советский государственный деятель, историк и публицист, в 1917–1925 гг. редактор газеты «Известия ВЦИК» — 495
- Степанов И.,** Скворцов-Степанов Иван Иванович (настоящая фамилия – Скворцов, литературный псевдоним – И. Степанов; 1870–1928), советский государственный и партийный деятель, историк, экономист, в 1917 г. первый народный комиссар финансов РСФСР, в 1918–1924 гг. сотрудник газеты «Правда» — 382
 – [Статья] // Правда, № 84 (у Сорокина – Московская правда) — 382
- Степун** Федор Августович (1884–1965), русский философ, культуролог, писатель и публицист, в 1922 г. выслан из Советской России — 269
- Стетсон** (Stetson) Шарлотта (1860–1935), американская писательница, экономист, одна из первых теоретиков американского феминизма — 90
 – Women and Economics. A Study of the Economic Relation between Men and Women as a Factor in Social Evolution. Boston, 1899 [рус. перевод: Женщина и экономическое отношение: Исследование экономических отношений между мужчинами и женщинами как фактора социальной эволюции. СПб., 1902] — 90
- Столыпин** Петр Аркадьевич (1862–1911), русский государственный деятель, министр внутренних дел, председатель Совета министров (с 1906 г.), руководитель разработанной им аграрной реформы — 441, 549
- Струве** Петр Бернгардович (1870–1944), русский экономист, философ, общественный деятель — 457
- Сукки,** участник научного эксперимента, голодавший под наблюдением Л. Лучиани — 203
- Сулла** Луций Корнелий (138–78 до н. э.), римский государственный деятель, с 53 г. диктатор Рима — 252
- Сытин** Иван Дмитриевич (1851–1934), русский издатель-просветитель — 169

Т

- Таганцев** Владимир Николаевич (1890–1921), русский географ, сын Н.С. Таганцева, расстрелянный (вместе с женой Н.Ф. Таганцевой) по постановлению Президиума Петроградской ЧК (по так называемому Таганцевскому делу, по которому вместе с убитыми при задержании было казнено 96 человек) — 402, 478, 539
- Таганцев** Николай Степанович (1843–1923), русский юрист и государственный деятель, специалист в области криминологии — 336
– Курс уголовного права. СПб., 1902, т. 1–2 — 336
- Тарасевич** Лев Александрович (1868–1927), русский микробиолог, один из организаторов борьбы с эпидемиями в годы Гражданской войны — 207, 504
– О голодании. Киев, 1907 — 207
- Тард** (Tarde) Габриэль (1843–1904), французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии — 35, 149
– Законы подражания. СПб., 1892 — 149
- Тарле** Евгений Викторович (1875–1955), русский историк — 216, 258, 372
– Печать при Наполеоне. По неизданным материалам. Пг., 1922 — 372
– Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб., 1909, ч. I–II — 216, 258
- Тартюф**, герой комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик» (1664–1669), чье имя стало нарицательным именем ханжи и лицемерного святоши — 148, 375
- Тахтарев** Константин Михайлович (1871–1925), историк первобытной культуры и социолог — 52, 280, 345, 346, 408, 410
– Социология как наука о закономерностях общественной жизни. Пг., 1918 — 408
– Общество и государство и закон борьбы классов. Пг.: Книга, 1918 — 52
- Твен** (Twain) Марк (настоящее имя Сэмюэл Клеменс; 1835–1910), американский писатель, журналист и общественный деятель — 83, 86, 617
– Жизнь на Миссисипи (1883) — 83, 86
- Тейлор** (Taylor) Фридерик Уинслоу (1856–1915), американский инженер, основоположник научной организации труда и менеджмента, получившей название «тейлоризма» — 85
- Тейлор**, Тайлор (Tylor) Эдуард Бернетт (1832–1917), английский этнограф, исследователь первобытной культуры, наряду с Г. Спенсером и др. создатель эволюционной школы в истории культуры и этнографии — 617
- Теренций**, Марк Теренций Варрон Лукулл (ум. после 56 до н. э.), консул Римской республики 73 г. до н. э., в совместное с Гаем Кассием Лонгином консульство был принят «закон Теренция–Кассия» (lex Terentia Cassa), регламентировавший государственную закупку хлеба в Сицилии и продажу его римлянам по льготным ценам — 244
- Тертуллиан** (Tertullian) Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 – после 220), раннехристианский мыслитель и писатель, выразитель бескомпромиссного отрицания старой языческой цивилизации, государственности и культуры — 303, 311
– Apologeticum [Апологетика] — 303

- Тихон** (в миру Василий Иванович Белавин) (1865–1925), патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.), активный борец против Советской власти, предавший ее анафеме, в мае 1922 г. привлечен к суду и заключен под домашний арест в Донском монастыре — 486, 487
- Токвиль** (Tocqueville) Алексис де (1805–1859), французский социолог, историк и политический деятель — 257, 258, 315, 437
 – *L’ancien régime et la revolution* [рус. перевод: Старый порядок и революция. М., 1997]. Paris, 1877 — 257, 258, 315
- Токугава** (Tokugawa), третья династия (1603–1867) сёгунов, военно-феодалных правителей Японии, свергнутая в результате революции 1867–1868 гг.; в результате власть формально перешла к императору, фактически — правительству буржуазно-помещичьего блока (Мэйдзи — «просвещенное правление»; по традиции каждое царствование в Японии избирает свой девиз) — 517
- Толстой** Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель и мыслитель — 60, 293, 318, 556, 557
- Тома** (Thomas) Альбер (1878–1932), французский государственный деятель — 326
- Томас** (Thomas) Уильям Айзек (1863–1947), американский социолог и социальный психолог — 90
 – *Sex and Society. Studies in the Social Psychology of Sex* [Секс и общество. Исследования по социальной психологии секса]. Chicago-London, 1907 — 90
- Томпсон** (Thompson) Уильям (ок. 1785–1833), ирландский социолог и экономист, социалист-утопист, последователь Р. Оуэна — 314
- Торндайк** (Thorndike) Эдуард Ли (1874–1949), американский психолог, работавший главным образом в области сравнительной психологии и проблем обучения — 85, 369
 – *Educational Psychology. Vol. 1: The Original Nature of Man* [Образовательная психология. Т. 1: Изначальная природа человека]. New York, 1913 — 369
 – *An Introduction to the Theory of mental and social measurements* [Введение в теорию ментальных и социальных измерений]. New York, 1904 — 85
- Траян** Марк Ульпий (53–117), римский император (с 98 г.) из династии Антонинов — 244, 255
- Трилиссер** Меер Абрамович (1883–1940), советский государственный деятель, один из руководителей ВЧК–ОГПУ–НКВД; в 1938 г. в ходе «большой чистки» снят со всех должностей, исключен из партии, арестован и расстрелян на полигоне «Коммунарка» — 328
 – [Статья] // *Петроградская правда*. 18 февраля 1921 — 328
- Троцкий** (наст. фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), советский государственный и партийный деятель, один из вождей Октябрьской революции 1917 г., в 1929 г. выслан из СССР, убит агентом НКВД — 105, 404, 439, 441, 455, 480, 495, 608
- Трубецкой** Евгений Николаевич (1863–1920), князь, русский религиозный философ, правовед и общественный деятель — 427, 516
- Труды Центрального Статистического Управления.** М., 1921, т. I, вып. 2, 3 — 172, 178–181, 184, 186, 189

- Туган-Барановский** Михаил Иванович (1865–1919), русский экономист, историк, представитель «легального марксизма», в 1917–1918 гг. министр финансов Центральной Рады — 314, 427, 516, 608
 – Периодические промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. 3-е изд. СПб., 1914 — 314
- Тураев** Борис Александрович (1868–1920), русский историк, основоположник отечественной школы истории и филологии Древнего Востока — 189, 391, 401, 427, 465, 477, 516
 – Древний Египет. Пг., 1922 — 391
- Тургенев** Иван Сергеевич (1818–1883), русский писатель —
- Тхоржевский** Сергей Иванович (1893–1942), русский историк и социолог, профессор, член партии кадетов, в 1920–1921 гг. читал курс социологии в Институте истории искусств в Москве, с 1922 г. преподавал в институтах Петрограда-Ленинграда, позднее в средних школах; в феврале 1931 г. приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, освобожден досрочно в 1933 г., в сентябре 1940 г. вернулся в Ленинград, скончался от голода во время блокады — 348, 410
- Тэн** (Tain) Ипполит (1828–1893), французский философ и историк, один из основоположников социологии искусства — 177, 189, 259, 292, 315, 316, 326, 393, 457, 468
 – Происхождение современной Франции. СПб., 1907, т. I — 315
 – Les origines de la France contemporaine [Происхождение современной Франции]. Paris, 1885–1893, vol. I–IV — 177, 189, 259, 315, 316, 326, 393, 468
- Тьерри** (Thierry) Амедей Симон Доменик (1797–1873), французский историк, брат О. Тьерри — 334
- Тюрго** (Turgot) Анри Робер Жак (1727–1781), французский государственный деятель, философ-просветитель и экономист, сотрудник «Энциклопедии» — 258, 315

У

- Уилкинсон** (Wilkinson) Джон Фром (1850–?), английский священник, президент Общества «Объединенных сестер», член манчестерского Клуба чудаков (Manchester Unity of Oddfellows) — 314
 – The Friendly society Movement [Движение «общества братства»]. London, 1891 — 314
- Уложение** (Уложение царя Алексея Михайловича), свод законов, утвержденный земским Собором 1649 года — 264
- Умов** Николай Алексеевич (1846–1915), русский физик и мыслитель — 182
 – Физические науки в служении человечеству // Природа. 1913, № 2 — 182
- Уолсингем** (Walsingham) Томас (ум. в 1422), английский хронист и историк — 324
 – Historia Anglica [Английская история]. London, 1863, vol. II — 324
- Уорд** (Ward) Лестер Франк (1841–1913), американский социолог, палеонтолог, один из основателей палеоботаники, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества — 160, 410 (по-видимому, ошибочно: Л. Вул)

- Уотсон** (Watson) Джон Бродес (1878–1958), американский психолог, основоположник бихевиоризма — 78, 279, 368, 369
 – Behavior: An Introduction to Comparative Psychology [Поведение: введение в сравнительную психологию]. New York, 1914 — 78, 368
- Урицкий** Моисей Соломонович (1873–1918), советский партийный и государственный деятель, с марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК, 30 августа убит эсером — 395, 470, 495
- Утренники**, альманах, издававшийся в Петрограде в 1922 г. (вышло 2 книги) — 373, 457
- Уэбб** (Webb, Augustus Duncan) Огастес Дункан (1880–1953), американский статистик, автор «Нового словаря статистики» (The new dictionary of statistics; a complement to the fourth edition of Mulhall's «Dictionary of statistics». London – New York, 1911) — 248
- Уэллс** (Wells) Герберт Джордж (1866–1946), английский писатель, в 1920 г. посетивший Советскую Россию — 491
- Уэшберн** (Washburn) Маргарет Флой (1871–1939), американский психолог, автор работ по поведению животных и моторной теории — 202, 215

Ф

- Фальбек** (Fahlbeck) Понтус Эрланд (1850–1923), шведский политолог, социолог, статистик и историк права — 191, 335, 409
 – La décadance et la chute des peuples [Деградация и упадок народов] // Bulletin de l'Institut International de statistique. 1905, vol. XV, livre 2 — 191
- Фарадей** (Faraday) Майкл (1791–1867), английский физик и химик, основоположник учения об электромагнитном поле — 187
- Фарфаровский** Сергей Васильевич (1878–1938), русский историк, социолог и этнограф; репрессирован — 409
 – Социология. Курс-справочник для второй ступени трудовой школы рабочих университетов и самообразования. Казань, 1920 (в соавторстве с М.В. Кочергиным) — 409
- Ферамен**, Терамен (ок. 451–403 до н. э.), афинский политический деятель, глава умеренной олигархии, совершившей в 411 г. до н. э. антидемократический переворот и захватившей в 404 г. власть; один из Тридцати тиранов — 188, 427
- Ферворн** (Verworn) Макс (1863–1921), немецкий физиолог и биолог, создатель целлюлярной физиологии нервной системы; автор ряда работ по физиологическим основам памяти, поведения и характера — 286
- Ферреро** (Ferrero) Гульельмо (1871–1942), итальянский историк и публицист, профессор университетов в Турине и Флоренции, в 1922 г. министр в кабинете Б. Муссолини, с 1930 г. эмигрант-антифашист, профессор в Женеве; автор ряда работ по истории Древнего Рима — 245, 253
 – Величие и падение Рима. М., 1915–1916, т. I–III — 245, 253

- Фидлер Г.**, секретарь Международного аграрного бюро — 563
- Филарет** (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867), крупнейший русский православный богослов XIX в., митрополит Московский и Коломенский, ректор Санкт-Петербургской духовной академии, автор «Пространного Православного катехизиса» (1823) — 169
- Фихте** (Fichte) Иоганн-Готтлиб (1762–1814), немецкий философ, один из представителей немецкой классической философии, основоположник «абсолютного идеализма» — 619
- Фишер** (Fischer) Куно (1824–1907), немецкий историк философии, последователь Гегеля — 306
- Флобер** (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель — 210
– Полное собрание сочинений. СПб., 1913, т. 3: «Искушение святого Антония» — 210
- Фогель** (Vogel) Якоб Леонард (1694–1781), немецкий историк — 311
– *Alterthümer der ersten und ältesten Christen* [Древности первоначальных и античных христиан]. Hamburg, 1780 — 311
- Фойницкий Иван Яковлевич** (1847–1913), проф. Петербургского университета, специалист в области уголовного права, уголовного процесса и тюремоведения — 264
– Моменты законодательства о печати // Сборник государственных знаний. СПб., 1875 — 264
- Фома Аквинский**, Аквинат (1225/1226–1274), монах-доминиканец, философ и богослов, систематизатор ортодоксальной схоластики — 152–159, 619
– Сумма теологии — 158
- Форд** (Ford) Генри (1863–1947), американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей, изобретатель, миллиардер и филантроп (и одновременно антисемит, симпатизирующий Гитлеру) — 617
- Фразер**, Фрейзер (Frazer) Джеймс Джордж (1854–1941), английский этнолог и историк религии — 558
- Франк Семен Людвигович** (1877–1950), русский религиозный философ и психолог — 269, 284, 285, 409, 613
– Очерк методологии общественных наук. М., 1922 — 284, 285, 409
- Франклин** (Franklin) Бенджамин (1706–1790), американский просветитель, государственный деятель, ученый — 190, 225, 427
- Франкотт** (Francotte) Анри (1856–1918), бельгийский историк — 242
– *Mélanges du droit publique grecque: Le pain à bon marché et le pain gratuit dans les cités grecques* [Сборник греческого публичного права: Дешевый и бесплатный хлеб в греческих городах]. Lüttich–Paris, 1910 — 242
- Франциск Ассизский** (1181 или 1182–1226), итальянский проповедник и религиозный писатель, основатель ордена францисканцев, католический святой — 270
- Франциск I** (1494–1547), французский король с 1515 г. из династии Валуа — 257
- Фридендер** (Friedländer) Людвиг (1824–1909), немецкий историк и филолог — 243, 244
– Картины из бытовой истории Рима. СПб., 1914 — 243, 244

- Фридрих II Великий** (1712–1786), прусский король с 1740 г., крупный военный деятель и полководец, проводивший ряд внутренних реформ в духе просвещенного абсолютизма — 198, 199, 231, 355, 356, 451, 562
- Фролов Юрий Петрович** (1892–1967), русский физиолог, ученик и сотрудник И.П. Павлова — 411
- Фуассак (Foissac) Пьер** (1801–1886), французский врач и статистик — 192
- Фукидид** (460–396 до н. э.), древнегреческий историк, автор «Истории», в которой события Пелопоннесской войны, в которой сам Фукидид как стратег принимал участие, доведены до 411 г. до н. э. — 390, 465
- Фурье (Fourier) Шарль** (1772–1837), французский социальный мыслитель, утопический социалист — 316, 608
- Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Нома Дени** (1830–1889), французский историк — 228, 242, 252, 255, 272, 334, 483, 525, 555
– La cité antique [Древний город]. Paris, 1905 — 228, 242, 252

Х

- Хаммурапи (Hammurabi)**, царь Вавилонии в 1792–1750 гг. до н. э., с именем которого связано ее возвышение; в конце его царствования был создан свод законов, известный под названием «Законы Хаммурапи» — 249
- Хвостов Вениамин Михайлович** (1868–1920), русский правовед и социолог — 189, 401, 408, 412, 427, 477, 516
– Социология. Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе. М., 1917 — 408
– Основы социологии. Учение о закономерности общественных процессов [у Соркина: Элементарный очерк социологии]. М., 1920 — 408
- Хейс, Хайес (Hayes) Эдвард Кэри** (1868–1928), американский социолог, профессор университета Иллинойса — 161, 329, 331–333, 336–338, 410
– Sociology and Ethics. The facts of social life as the source of solutions for the theoretical and practical problems of ethics [Социология и этика. Факты социальной жизни как источник разрешения теоретических и практических проблем этики]. New-York, 1921 — 332, 333
– Introduction to the study of sociology [Введение в изучение социологии]. New York – London, 1921 — 336–338
– The classification of social phenomena [Классификация социальных феноменов] // American Journal of Sociology. 1911, vol. XVII, №№ 1–3 — 161
- Хельчицкий (Chelčický) Петр** (ок. 1390 – ок. 1460), идеолог умеренных таборитов в гуситском революционном движении в Чехии — 306
- Хиршфельд (Hirschfeld) Отто** (1843–1922), немецкий историк, археолог и эпиграфист, специалист по древней истории — 242–245, 439
– Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, von Augustus bis auf Diocletian [Императорские государственные чиновники со времен Августа до Диоклетиана]. Berlin, 1905 — 242–244

- Хлестаков** Иван Александрович, главный герой комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» — 552
- Хокси** (Hoxie) Роберт Франклин (1868–1916), американский экономист, противник тейлоризма — 89, 90
– Class conflict in America [Классовый конфликт в Америке] // American journal of Sociology. 1907, vol. 13 — 90
- Холли** [у Сорокина, по-видимому, ошибочно: Холлер] (Holley) Чарлз Элмер (р. 1887), американский психолог и педагог — 286
- Христос** — см. Иисус Христос
- Хэней** (Hannay) Джеймс Оуэн (1865–1950), ирландский священник и писатель — 303, 305, 311, 323
– Экономические учения древности и средневековья // *Жид Ш.* Истории экономических учений. Пг., 1918 — 311, 323
– The Spirit and Origin of Christian monasticism [Дух и происхождение христианского монашества]. London, 1903 — 303, 305, 323

Ц

- Цезарь** (Catsar) Гай Юлий (102/100–44 до н. э.), римский диктатор, полководец, писатель — 105, 188, 198, 243, 244, 252, 427
- Целий**, Марк Целий Руф (до 84–48 до н. э.), римский оратор и народный трибун, погибший при неудачной попытке переворота — 303
- Циглер** (Ziegler) Теобальд (1846–1918), немецкий писатель, профессор философии в Страсбургском университете — 286, 287
- Цинна**, Луций Корнелий Цинна (?–84 до н. э.), римский военачальник и политический деятель, четырежды консул (87–84 гг.) — 303, 310
- Цитович** (Tsitivich) Иван Сергеевич (1876–1955), ученый-физиолог и фармаколог, ученик И.П. Павлова — 257, 367
– О голодах в Западной Европе // Голода в России и Западной Европе. Киев, 1892 — 257
- Цицерон** (Cicero) Марк Туллий (106–43 до н. э.), римский оратор и политический деятель — 303, 310

Ч

- Чаадаев** Петр Яковлевич (1794–1856), русский религиозный философ — 370
- Чайковский** Петр Ильич (1840–1893), русский композитор — 414
– 1812 год (1880) — 414
– Славянский марш (1876) — 414

- Чернов** Виктор Михайлович (1873–1953), русский философ и общественно-политический деятель, теоретик и лидер партии эсеров, в мае-августе 1917 г. министр земледелия Временного правительства, с 1920 г. в эмиграции — 472, 506, 608
- Чехов** Антон Павлович (1860–1904), русский писатель — 83, 210, 493
– Сирена (1887) — 210
- Чингисхан** (Тэмуджин, Темучин; ок. 1155–1227), основатель и великий хан Монгольской империи (1206), полководец и завоеватель — 198
- Чичерин** Георгий Васильевич (1872–1936), советский государственный деятель, дипломат, племянник философа Б.Н. Чичерина, с 1918 по 1930 г. нарком иностранных дел РСФСР (с 1923 г. – СССР) — 441
- Чичиков** Павел Иванович, герой поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» — 85, 169

Ш

- Шагинян** Мариетта Сергеевна (1888–1982), русская советская писательница, в 1919 г. организовала первую прядильно-ткацкую школу на Дону — 374
– Как я была инструктором ткацкого дела // Советская Армения. М.–Пг., 1923 — 374
- Шалльмейер**, Шальмайер (Schallmayer) Вильгельм (1857–1919), немецкий врач, автор трудов по гигиене и евгенике — 286
- Шанц** (Schanz) Георг фон (1853–1931), немецкий экономист, профессор в Эрлангене и Вюрцбурге — 256, 257
– Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters [Английская торговая политика в конце Средних веков]. Leipzig, 1881 — 256
- Шахматов** Александр Александрович (1864–1920), русский филолог, академик, исследователь русского, индоевропейских и ряда других языков, умер после операции, осложненной дизентерией — 189, 401, 427, 477, 516, 526
- Швегла** (Švehla) Антонин (1873–1933), чешский государственный деятель, один из лидеров аграрной партии, в 1922–1929 гг. председатель («премьер-министр») чехословацкого правительства — 563
- Шейдеманн** (Scheidemann) Филипп (1865–1939), немецкий политик, социал-демократ, провозгласивший Германию республикой 9 ноября 1918 г., первый премьер-министр (канцлер) Веймарской республики — 327
- Шекспир** (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт — 118
- Шелер** (Scheler) Макс (1874–1926), немецкий философ и социолог, один из основоположников аксиологии, социологии познания и философской антропологии как самостоятельных дисциплин — 619
- Шеллинг** (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854), немецкий философ, представитель немецкой классической философии — 619

- Шенланк** (Schoenlank) Бруно (1859–1901), немецкий журналист, социал-демократ —
– Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren, altnürnbergische Studie [Социальная борьба в течение трехсот лет, исследование по истории древнего Нюрнберга]. Leipzig, 1894 — 313
- Шенье** (Chénier) Андре Мари (1762–1794), французский поэт, казненный во время Великой французской революции — 188, 427
- Шерлок-Холмс**, Шерлок Холмс (Sherlock Holmes), литературный персонаж, созданный А. Конан Дойлом, лондонский частный сыщик — 83
- Шехерезада**, главная рассказчица в сборнике арабских сказок «Тысяча и одна ночь», жена царя Шахрияра; иногда отождествляется с совокупностью рассказанных ею сказок — 345
- Шигалев**, один из персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бесы», брат Арины Прохоровны Виргинской; главный идеолог «бесов», который, «выходя из безграничной свободы, заключает безграничным деспотизмом» — 121
- Шиллер** (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк — 334
- Шмоллер** (Schmoller) Густав (1838–1917), немецкий экономист, историк, государственный и общественный деятель, ведущий представитель так называемой новой (молодой) исторической школы в политэкономии — 90, 92, 248, 351, 603
– Was verstehen wir unter dem Mittelstande [Что мы понимаем под средним классом]. 1897 — 92
– Grundriss der Volkswirtschaftslehre [Очерк политэкономии]. 1901, Bd. I, 1904, Bd. II — 90
– Die Einkommensverteilung alter und neuer Zeit [Распределение дохода в древнее и новое время] // Bulletin de l'Institut International Statistique, vol. IX, I, № 17 — 351
- Шоу** (Shaw) Джордж Бернард (1856–1950), английский драматург, откликнувшийся на Октябрьскую революцию гротесковым фарсом «Анна-Искра, большевистская императрица» (1918), в которой высказался за применение методов насилия в целях преобразования общества — 407, 482
- Шпенглер** (Spengler) Освальд (1880–1936), немецкий философ, представитель философии жизни, автор книги «Закат Европы» (Der Untergang des Abendlandes; 1918–1922), имевшей в свое время сенсационный успех — 267, 269, 270
- Штаммлер** Рудольф (1856–1938), немецкий теоретик права, неокантианец, близкий к немецкому катедер-социализму — 619
- Штейнберг** Лев (Хаим-Лейб) Яковлевич (1861–1927), российский и советский этнограф, профессор Петроградского университета (1918) — 410
- Штейнмец** (Steinmetz) Рудольф (1862–1940), голландский историк права, этнолог и социолог, профессор антропологии и социологии в Утрехте и Амстердаме — 73, 171, 181
– Philosophie des Krieges [Философия войны]. Leipzig, 1907 — 171, 181
- Шуйский** Василий Васильевич (1552–1612), русский царь с 1606 по 1610 г. — 260, 261

- Эйлер** (Euler) Леонард (1707–1783), великий швейцарский математик и механик, половину жизни проведший в России, умер в С.-Петербурге — 160
- Эйнштейн** (Einstein) Альберт (1877–1955), физик-теоретик, один из основателей современной физики — 277
- Экклезиаст** – см. Екклесиаст
- Экономист.** Пг., 1922, № 2, № 5 — 542, 543
- Элвуд** (Ellwood) Чарлз (1873–1946), американский социолог, профессор университета в Миссури, 14-й президент Американского социологического общества (1924) — 391, 465, 466, 483, 525, 555, 556, 557
- The reconstruction of religion [Реконструкция религии]. New York, Macmillan. 1922 — 525, 555
 - Prolegomena [у Сорокина – Introduction] to Social Psychology [Введение в социальную психологию] // American Journal of Sociology. 1899, № 4 — 391, 466
- Эльмира**, действующее лицо комедии Мольера «Тартюф», жена Оргона — 148
- Эмбер** (Imbert) Арман (1850–1922), физик, медик и психолог, профессор психологии в Марселе — 81
- Mode de fonctionnement économique de l'organisme [Экономный режим работы организма]. Paris, 1902 — 81
- Энгель** Евгений (Генрих) Александрович (1887 – дата смерти точно не установлена: 1932 или 1942), русский социолог, после октября 1917 г. профессор Петроградского университета, а затем и Петроградского сельскохозяйственного института, автор первого учебника социологии для средней школы — 176, 409, 411
- Социология. Краткий курс средней школы. Пг., 1919 — 409
- Энгель** (Engel) Эрнст (1821–1896), немецкий экономист, статистик; известен главным образом изучением структуры бюджетов пролетарских семей — 248
- Die Lebenskosten belgischer Arbeiterfamilien [Стоимость жизни бельгийских рабочих семей] // Bulletin de l'Institut International de Statistique. 1895–1896, t. IX — 248
- Энгельс** (Engels) Фридрих (1820–1895), немецкий философ, историк, публицист, соратник К. Маркса — 168, 277, 415, 561, 608
- Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1895) — 277, 278
- Эпаминонд** (ок. 420–362 до н. э.), полководец и политический деятель Древней Греции — 188, 427
- Эрман** (Erman) Адольф (1854–1937), немецкий египтолог — 241
- Aegypten und Aegyptische Leben im Altertum [Египет и жизнь египтян в древности]. Tübingen, 1885 — 241
- Эррио** (Herriot) Эдуар (1872–1957), французский государственный и политический деятель, писатель, историк и публицист — 542

- Эспинас** (Espinas) Виктор Альфред (1844–1922), французский философ и социолог, сторонник эволюционной теории — 147
– Социальная жизнь животных. СПб., 1898 — 147
- Эттинген** (Oettingen) Александр (1827–1900), немецкий статистик — 177, 393, 468
– Die Moralstatistik [Моральная статистика]. 1882 — 177, 393, 468
- Эфиальт** (ок. 500–461 до н. э.), политический деятель Древних Афин — 188, 427
- Эшли** (Ashly) Уильям Джеймс (1860–1927), английский историк и экономист — 245, 257, 304, 323
– Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897 — 245, 304, 323

Ю

- Юбер** (Huber) Анри (1872–1927), французский социолог, ученик и последователь Э. Дюркгейма — 558
- Юлихер** (Jülicher) Адольф (1857–1938), немецкий протестантский теолог и библеист либерального направления — 304
– Религия Иисуса и начало христианства до Никейского собора // Общая история европейской культуры. СПб., 1910, т. V — 304

Я

- Яковенко** Борис Валентинович (1884–1949), русский философ, публицист, историк и критик русской религиозной философии — 166, 167
– Философия большевизма. Берлин, 1921 — 166
- Яновский** П.Ю., член Русского социологического общества — 411
- Янсен** (Janssen) Иоганн (1829–1891), немецкий историк, католический священник во Франкфурте-на-Майне — 305
– Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters [История немецкого народа с конца средневековья]. Freiburg im Breisgau, 1876, Bd. I — 305
- Яропкин**, стольник (XVII в.) — 263

А

American Journal of Psychology — 366

The American journal of Sociology. 1911, May и 1912, March — 32

Animal Behaviour — 49

Annuaire international de statistique. 1916 — 184

Araskhanianz Awetis. Die französische Getreidehandelspolitik bis zum Jahre 1789 [Французская хлеботорговая политика до 1789 года] // Staats- und Sozialwissenschaftlich Forschungen. 1882, Bd. 4, Heft 3 — 257

Archives of Psychology — 366

Avanti! — 318

В

Barclay – см. Барклай Р.

Bauer A. – см. Бозр А.

The Behavior Monographs — 366

Benthly Mad. Введение в науку о человеческом поведении — 368, 369

Bernard – см. Бернад Л.Л.

Berndt – см. Берндт О.

Biollay – см. Биоллэ Л.

Blank – см. Бланк Р.М.

Boag Harald. Human Capital and the Cost of the War [Человеческий капитал и цена войны] // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, January — 182

Boring E.G. – см. Боринг Э.Г.

Bourguin M. – см. Бургуин М.М.В.

Bowley A. – см. Боули А.Л.

Branford – см. Бренфорд В.

Bruhnes – см. Брюн Ж.

Burke – см. Бёрк Э.

Burr W. – см. Бэрр У.

Busolt G. – см. Бузольт Г.

C

- Cannon W.B.** – см. Кеннон У.Б.
Carlson A.J. – см. Карлсон А.Д.
Cauderlier E. – см. Кодерлье Э.
Clément P. – см. Клеман Ж.П.
Clynes – см. Клайнс Дж.Р.
Conklin – см. Конклин Э.С.
Corpus Juris Canonici — 304
Curschmann F. – см. Куршман Ф.

D

- Daily Herald** — 318
Darvin L. – см. Дарвин Л.
De Moor – см. Демоор Ж.
Denis E. – см. Дени Э.
Dickinson G. Lowes – см. Дикинсон Г.Л.
Diehl – см. Диль Ш.

E

- Early H.S.** Phases of Food Control [Стадии продовольственного контроля] // *Edinburgh Review*, January 1918 — 265

F

- Francotte** – см. Франкотт А.

G

- Geddes** – см. Геддес П.
Gieseler – см. Гизелер И.К.
Giraud P. – см. Гиро П.
Gooch G.P. – см. Гох Дж.П.

Н

Harrison F. – см. Гаррисон Ф.

Hayes Ed. C. – см. Хейс Э.К.

Hilton. Merchant Shipping and State Control [Морская торговля и государственный контроль]
// Edinburch Review. April 1918 — 265

Hirschfeld O. – см. Хиршфельд О.

Hoxie – см. Хокси Р.Ф.

L'Humanité — 318

И

Imbert – см. Эмбер А.

Isambert G. – см. Изамбер Г.

Ж

Jordan D.S. – см. Джордан Д.С.

Journal of Abnormal Psych. — 366

Journal of Animal Behavior — 366

Journal of Educational Psychology — 366

Journal of Experimental Psychology — 366

Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods — 366

Journal of Race Development — 366

Journal of Religions Psychology — 366

К

Kenagy H.C. бихевиорист, автор статьи «The Theory of Social Forces» // Psychol. Rev., 1917,
24 — 279, 369

Ketkar – см. Кеткар Ш.В.

Kuhn E. – см. Кун Э.

L

- Ladd** – см. Лэдд Дж.Т.
Lagneau – см. Ланьо Ж.
Langerock – см. Лангерок Г.
Levy P. – см. Леви П.Э.

M

- MacGarr C.** – см. Мак Гарр К.Л.
Makarewicz – см. Макаревич Ю.
Marsh H.D. – см. Марш Х.
Mauss – см. Мосс М.
Mazzarella – см. Мазарелла Дж.
Mehring F. – см. Меринг Ф.
Meyer – см. Мейер М.
Morselli – см. Морселли Э.А.
Mosheim J. – см. Мосгейм И.Л.
Mulhall M.G. – см. Мюльгалль М.Дж.
Münsterberg E. – см. Мюнстерберг Э.

N

- Nicolai G.F.** – см. Николаи Г.Ф.
Niese B. – см. Низе Б.
Nixon S.W. War and national vital statistics with special reference to the Franco-Prussian war [Война и статистика населения на примере Франко-прусской войны] // Journal of the Royal Statistical Society. 1916, July — 173, 185

O

- Otlet P.** – см. Отле П.

P

- Parker E.H.** – см. Паркер Э.Х.
Patrick – см. Патрик Дж.Т.У.
Payot – см. Пэйо Ж.
Pedagogical Seminary — 366
Perry – см. Пери Р.Б.
Plank – см. Планк Г.Я.
Psychoanalytic Review — 366
Psychological Bulletin — 366
Psychological Index — 366
Psychological Monographs — 366
The Psychological Review. 1914–1918 — 366, 368

R

- Ratzinger** – см. Ратцингер Г.
Risley – см. Рисли Г.
Rosenblatt – см. Розенблатт Ф.Ф.
Die Rote Fahne — 318
Russel – см. Рассел Б.

S

- Senart** – см. Сенар Э.
Sergi – см. Серджи Дж.
Schanz – см. Шанц Г.
Schoenlack – см. Шенланк Б.
Slosson – см. Слоссон П.У.
Spencer M. – см. Спенсер М.
Starch D. – см. Старч Д.
The Statesman's Year Book. 1919–1921 — 172, 175, 177
Stetson – см. Стетсон Ш.

T

Thomas – см. Томас У.А.

Thorndik – см. Торндайк Э.Л.

V

Vanlaer M. La fin d'un peuple: le depopulation de l'Italia au temps d'Auguste [Конец одного народа: депопуляция Италии во времена Августа]. Paris, 1895 — 253

Vogel – см. Фогель Я.Л.

W

Walsingham – см. Уолсингем Т.

Waltzing – см. Вальтцинг Ж.П.

Washburn – Уэшберн М.Ф.

Watson – см. Уотсон Дж.Б.

Webb – см. Уэбб О.Д.

Wilkinson – см. Уилкинсон Д.Ф.

Wolfe A.B. Economic Conditions and the Birth-Rate after the War [Экономические условия и уровень рождаемости после войны] // The Journal of Political Economy. 1917, № 25, June — 173

Wood – см. Вуд Дж.Г.

Woods – см. Вудс Ф.А.

Z

Zolla – см. Золла Д.

Составитель В.В. Сапов

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сапов. Питирим Сорокин на распутье трех дорог	7
--	---

1919

Курсы для преподавания социологии	31
Программа преподавания социологи	34
Краткая докладная записка о необходимости учреждения социально-этнографического отделения при отделе родоноведения	39
Докладная записка о необходимости организации летних курсов для преподавателей социологии	41
§ 1. Почему необходимы летние курсы для преподавателей социологии.....	41
§ 2. Программа курсов	44
<Рец. на кн.:> <i>V. Pareto. Trattato di sociologia generale</i>	48
<Рец. на кн.:> <i>В.М. Бехтерев. Общие основания рефлексологии</i>	49
<Рец. на кн.:> <i>П. Кропоткин. Взаимная помощь как фактор эволюции</i>	50
<Рец. на кн.:> <i>К. Каутский. Национальные проблемы;</i> <i>М.Я. Лазерсон. К международной постановке еврейского вопроса</i>	51
<Рец. на кн.:> <i>К.М. Тахтарев. Общество и государство и закон борьбы классов</i>	52
<Рец. на кн.:> <i>Я.М. Магазинер. Лекции по государственному праву</i>	53
<Рец. на кн.:> <i>И.В. Гессен. Искания общественного идеала</i>	54

1920

Свободный человек.....	57
Еще об Андрее Белом	61
<Рец. на кн.:> <i>З.И. Лилина. От коммунистической семьи к коммунистическому обществу</i> . 63	
<Рец. на кн.:> Введение в науку	65
<Рец. на кн.:> <i>Л.П. Карсавин. Предмет истории (Теория истории)</i>	66
<Рец. на кн.:> <i>Н. Лосский. Основные вопросы гносеологии</i>	68
П.Л. Лавров как социолог	69

1921

Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп	77
Программа и методы исследования профессиональных групп, профессионального отбора и профессиональной деформации.....	98

Содержание

«Смена вех» как социальный симптом	103
Голод и убеждения (идеология) человека	109
Заветы Достоевского	117

1922

Россия

Основные проблемы социологии П.Л. Лаврова	125
§ 1. Понятие социологии П.Л. Лаврова. Ее задачи и методы	125
§ 2. Теория факторов П.Л. Лаврова	136
§ 3. Критические замечания	146
<Рец. на кн.:> <i>Б. Соколов</i> . Наука [в] Советской России	165
<Рец. на кн.:> <i>Б. Яковенко</i> . Философия большевизма	166
Ответ профессора Питирима Александровича Сорокина на анкету по вопросу о национализации частных издательств и отдаче всего издательского дела в государственное издательство	168
Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию	170
1. Влияние войны на состав населения	170
2. Влияние войны на свойства населения	194
3. Влияние войны на общественную организацию	196
Голод и психические переживания	201
1. Деформации в области общего самоощущения и чувственно-эмоциональных переживаний	201
2. Деформация в области познавательных процессов	205
3. Деформация в области желаний и волевых устремлений	212
4. Деформация в области всей совокупности душевной жизни личности	212
Война и милитаризация общества	221
Влияние голода на социально-экономическую организацию общества	234
Начало великой ревизии	267
<Рец. на кн.:> <i>П.П. Лазарев</i> . Физико-химические основы нервной деятельности	273
<Рец. на кн.:> <i>Н. Бухарин</i> . Теория исторического материализма	275
<Рец. на кн.:> <i>С.Л. Франк</i> . Очерк методологии общественных наук	284
<Рец. на кн.:> <i>Ch. Richet</i> . La sélection humaine; <i>D. Starch</i> . Educational psychology	286
Отправляясь в дорогу (Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета, 21 февраля 1922 г.)	289
Об «англо-саксонской позиции»	294
Голод и идеология общества	298
<Рец. на кн.:> <i>E.A. Ross</i> . The Principles of Sociology	329
<Рец. на кн.:> <i>Ed.C. Hayes</i> . Sociology and Ethics	332
<Рец. на кн.:> <i>Н.А. Васильев</i> . Вопрос о падении Западной Римской Империи и античной культуры в связи с теорией истощения народов и человечества	334
<Рец. на кн.:> <i>E.C. Hayes</i> . Introduction to the study of sociology	336

Содержание

Тезисы к публичному научному диспуту по поводу «Системы социологии» (т. I и II) П.А. Сорокина	339
I. Общие тезисы	339
II. Тезисы социальной аналитики	340
III. Тезисы из «Социальной механики»	341
Диспут проф. П.А. Сорокина	343
Об основных условиях возможности возрождения нашего народного хозяйства	349
Состояние психологии в Америке за последние годы (1914–1918)	366
<Рец. на кн.:> А.А. Жижиленко. Преступность и ее факторы	371
<Рец. на кн.:> Е.В. Тарле. Печать при Наполеоне. По неизданным материалам	372
О псевдореволюционерах, приемлющих революцию	373
«Верую, Господи! Помоги моему неверию!»	377

1922

Эмиграция

Нравственное и умственное состояние современной России	389
1. Морально-правовые изменения	389
2. Народное просвещение и наука	396
Состояние русской социологии за 1918–1922 гг.	408
Современная интеллигенция	413
Странные опровержения	417
Современное состояние России	419
1. Изменения в численности и составе населения	419
2. Изменения в структуре социального агрегата	431
3. Изменения в экономической области	445
4. Положение власти	451
5. Политическая жизнь и партийные группировки	458
6. Морально-правовые изменения	463
7. Народное просвещение и наука	472
8. Религиозная жизнь страны	483
9. Изменение народной психики и идеологии	489
Заключение	497

1923

Еще раз о моральном состоянии России (ответ Е.Д. Кусковой)	503
То, что часто забывается	511
Россия после НЭПа (К 5-летию юбилею Октябрьской революции)	533
<Рец. на кн.:> Ch.A. Ellwood. The reconstruction of religion; M. Spencer. The social function of the church; B. Раутенбуш. Социальные принципы Иисуса Христа; P.Ю. Вунпер. Судьба религии	555

Содержание

<Рец. на кн.:> <i>Ф. Нитти</i> . Европа без мира; <i>Д. Далин</i> . После войн и революций	559
Идеология аграризма	563
На распутье трех дорог (Национальная проблема в грядущей России)	578
1. Три пути	578
2. Путь централизованной «единой и неделимой» России	579
3. Путь ликвидации России и образование национальных суверенных государств	586
4. Путь превращения Российской империи в федеративное государство	593
<Рец. на кн.:> <i>L. MacGarr</i> . The rural community; <i>W. Burr</i> . Rural Organization	597
Население, класс, партия	601
К вопросу о подготовке эмигрантской русской молодежи	616
Неотвратимая лава	621

Приложения

<i>А.С. Изгоев</i> . Власть и личность	625
<i>Н.А. Гредескул</i> . Прошлое и будущее	628
<i>Б. Аратов</i> . Утренники. Книга I	633
<i>В.И. Ленин</i> . О значении воинствующего материализма	635
Рец. на журнал «Экономист», № 4–5	643
<i>В.Е. Татаринов</i> . Доклад проф. Сорокина	645
[Передовая статья газеты «Накануне»]	649
<i>Б. Шенфельд (Россов)</i> . Обывательская «социология»	651
По газетным столбцам	653
<i>Б. Дюшен</i> . Изгнание интеллигентов	654
<i>М. Осоргин</i> . Новая интеллигенция	661
<i>Г. Аронсон</i> . Самоопределение интеллигенции	666
Самоопределение интеллигенции	670
Трагедия и Вампука	671
<i>Е. Кускова</i> . А что внутри?	673
<i>А. Петрищев</i> . О народной нравственности	690
<i>В.В. Сухомлин</i> . Старая и новая Россия (По поводу ответа П. Сорокина)	693
<i>А. Яблоновский</i> . Проф. Сорокин, Прага. Современное состояние России	702
<i>Б.П. Кадомцев</i> . Питирим Сорокин. Современное состояние России	704
Комментарии	707
Указатель имен и цитируемой литературы	773

ПЛАН-ПРОСПЕКТ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ П.А. СОРОКИНА

- ***Том 1.** Ранние сочинения (1910–1914)
- ***Том 2.** Преступление и кара, подвиг и награда (1914)
- Том 3.** Статьи и рецензии (1915–1918)
- ***Том 4.** Сочинения (1919–1923)
- Том 5.** Система социологии (1920)
- ***Том 6.** Популярные очерки общей теории права,
социологии и социальной педагогики и политики (1919–1923)
- ***Том 7.** Голод как фактор (1922)
- ***Том 8.** Прачечная человеческих душ:
Художественные произведения (1907–1923)
- ***Том 9.** Листки из русского дневника. Социология революции (1924)
- Том 10.** Социальная мобильность (1927)
- Том 11.** Современные социологические теории (1928)
- Том 10.** Принципы сельской и городской социологии (1929)
- Том 11–13.** Хрестоматия по сельской социологии (1930–1932)
- Том 14–17.** Социальная и культурная динамика (1937–1941)
- Том 18.** Бюджет времени человеческого поведения (1939)
Социальная причинность, пространство, время (1943)
- ***Том 19.** Кризис нашего времени (1941)
Россия и Соединенные Штаты (1944)
- ***Том 20.** Человек и общество в условиях бедствий (1942)
- Том 21.** Общество, культура и личность (1947)
- Том 22.** Восстановление человечества (1948). SOS: Смысл нашего
кризиса (1951). Американская сексуальная революция (1956)
- Том 23.** Социальные философии в век кризиса (1950).
Причуды и недостатки современной социологии (1956)
- Том 24.** Пути и могущество любви (1954)
- Том 25.** Власть и нравственность (1959)
Основные тенденции нашего времени (1964)
- Том 26.** Дальняя дорога (1963). Автобиографические статьи и материалы
- Том 27.** Социологические теории современности (1966)
- Том 28–29.** Статьи и рецензии (1923–1968)
- Том 30.** Письма и переписка

Тома, отмеченные звездочкой, вышли в свет

Научное издание

Сорокин Питирим Александрович

СОЧИНЕНИЯ
1919–1923